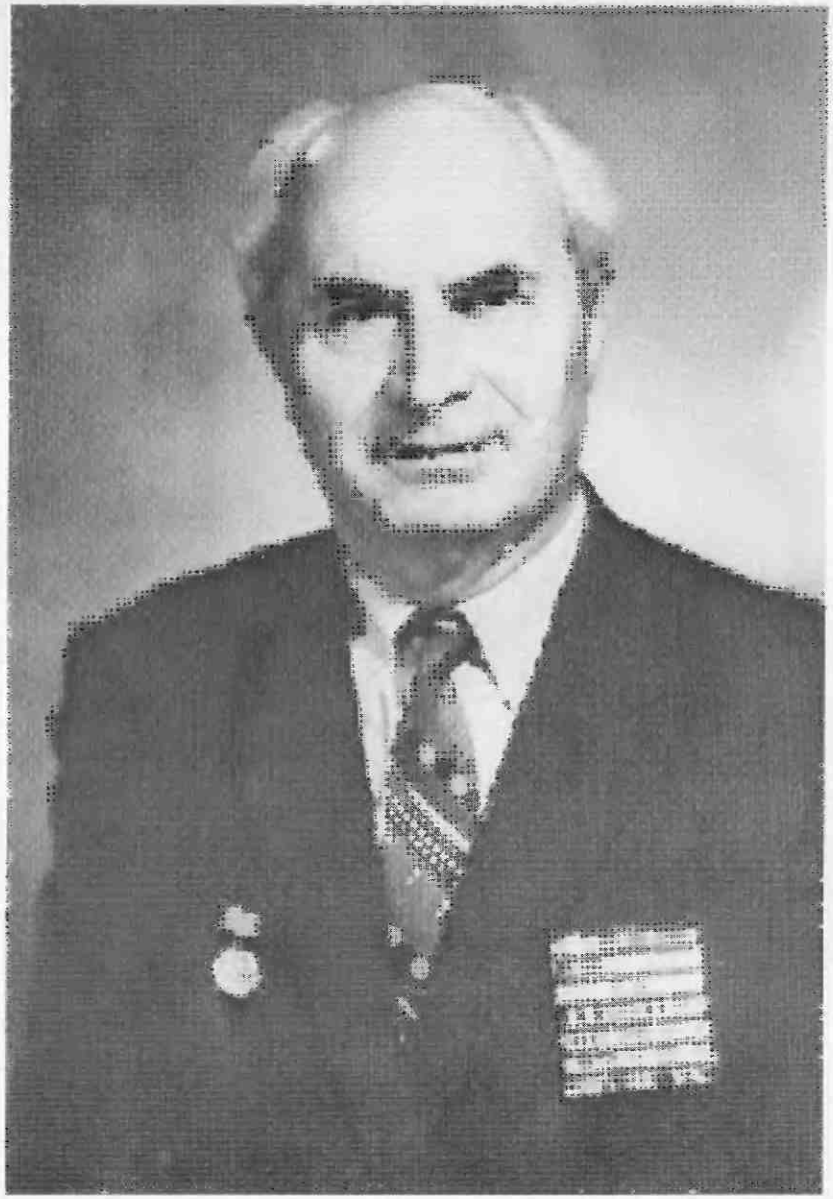
М.И.Семиряга

Коллаборационизм

природа, типология и проявления в годы второй мировой войны

Академия военных наук

М.И.Семиряга

Коллаборационизм

Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны

Москва
РОССПЭН
2000

ББК 63.3(0) 62
С 30

Федеральная программа
книгоиздания России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-01-16014

С 30

Семиряга М.И.

Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 863 с.

Известный российский военный историк доктор исторических наук, профессор, академик Академии военных наук М.И.Семиряга подсчитал, что число тех граждан, которые в оккупационных странах Европы сотрудничали с врагом, было примерно таким же, как и участников движения Сопротивления, сражавшихся с этим же врагом. Почему так случилось? Каковы истоки этого необычного явления, вошедшего в историю минувшей войны под одиозным названием «коллаборационизм», в каких формах и методах оно проявлялось, какими особенностями в разных странах оно характеризовалось, как оно тормозило развертывание борьбы против фашизма, какое участие принимали коллаборационисты в становлении и функционировании немецко-фашистского оккупационного режима, как народы освобожденной Европы наказали их? На эти и другие вопросы автор, опираясь на многочисленные архивные документы, дает исчерпывающие ответы. Труд снабжен многими оригинальными иллюстрациями и фотокопиями документов, карт и схем. Он рассчитан как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

ISBN 5-8243-0070-4

© М.И.Семиряга, 2000.
© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

ЖЕРТВАМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ПОСВЯЩАЮ

Введение

Один мудрец как-то сказал, что в каждом веке бывает свое Средневековье. Таким периодом в нашем XX в. стала Вторая мировая война, во время которой проявились худшие черты Средневековья. Она буквально сравнима со Средневековьем потому, что, во-первых, разразилась как раз в середине века и, во-вторых, принесла человечеству такие жертвы и разрушения материальных ценностей, которые не только сравнимы с многочисленными войнами средних веков Западной Европы, но и многократно превзошли их по многим параметрам. В частности, Вторая мировая война в морально-политическом плане обнаружила такие стороны общественного бытия, которые трудно было себе представить в нормальное для человечества мирное время. Среди них наименее изученной и поныне остается проблема коллаборационизма — его исторических истоков, типологии и его места в политической истории практически всех участвовавших в минувшей войне стран антигитлеровской коалиции.

В годы Первой мировой войны этот термин стал приобретать элементы политического звучания и уже употреблялся как-то отдельно от термина «сотрудничество», обозначая только предательство и измену некоторой части граждан.

В последующие годы понятие «коллаборационизм» стало активно политизироваться и идеологизироваться. В годы Второй мировой войны оно отделилось от понятия «сотрудничество» и приобрело самостоятельное значение, став синонимом осознанного предательства и измены, тогда как «сотрудничество» стало обозначать лишь вынужденные и неизбежные в условиях оккупации контакты и связи между местным населением и оккупантами.

История войн подтверждает, что никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной или вообще не может нормально функционировать. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев и во многих других помощниках из местных органов власти и населения.

Комплекс взаимоотношений между ними и составляет сущность коллаборационизма. В реальной ситуации Второй мировой войны коллаборационизм проявлялся в весьма широком диапазоне — от бытового до военно-политического сотрудничества, имевших между собой весьма существенное различие. Вынужденное сотрудничество

на бытовом уровне не причиняло вреда коренным интересам родины, а иногда даже смягчало тяготы оккупации. Но коллаборационизм также мог быть осознанным актом со стороны отдельных граждан, государственных и общественных деятелей и социальных групп, которые служили интересам противника.

Предпринимая предлагаемое научное исследование, автор исходил из убеждения в том, что широкое ознакомление мировой общественности и общественности отдельных стран, особенно в прошлом оккупированных Германией, с историческими корнями, формами и видами коллаборационизма как сотрудничества с фашизмом будет содействовать углубленному разоблачению фашистского террора в минувшей войне и осуждению его в современных политических условиях. Великий французский просветитель и патриот Монтескье сказал как-то: «Хорошо быть правдивым во всем, даже в том, что касается родины. Каждый гражданин обязан если нужно умереть за свою родину, но никого нельзя обязать лгать во имя родины».

Понятие «коллаборационизм» именно в таком негативном плане стало употребляться после события, происшедшего после капитуляции Франции в 1940 г. на встрече Гитлера и главы французского государства Ф.Петена в Монтруа. На ней стороны провозгласили коллаборационизм в качестве политического принципа в своих взаимоотношениях. Поскольку стороны находились в неравном положении, то в понятие «коллаборационизм» они привнесли для побежденной Франции сугубо политический смысл абсолютной военно-политической и экономической капитуляции перед гитлеровской Германией. Но понятие «сотрудничество» наряду с капитуляцией по-прежнему существовало и применялось для обозначения бытовых и неполитизированных отношений между французскими гражданами и немецко-фашистскими оккупантами.

Дискуссия о правомочности применения термина «коллаборационизм» в тех или иных ситуациях и в отношении тех или иных граждан воюющей страны (что и на сегодняшний день является весьма актуальным) в годы Второй мировой войны продолжается и поныне. Ведь после окончания войны прошло всего 55 лет, многие ее современники и участники еще живы, в том числе и те, кто воевал на другой стороне баррикад, т.е. был коллаборационистом и «предателем» своей родины, или просто поддерживал бытовые или деловые контакты с оккупантами, не нанося ущерба родине.

Поэтому задача историков состоит в том, чтобы расставить все на свои места: подлинные коллаборационалисты должны быть наказаны, а те тысячи и миллионы граждан, которые вынуждены были ради выживания сотрудничать с оккупантами на бытовом уровне, — ограждены от позорных ярлыков «предателей».

Коллаборационизм — это особая система взглядов и их практическое воплощение в интересах гитлеровской Германии, в ущерб своей родине. Чаще всего его носителями — коллаборационистами — могут являться граждане только страны-противника, ведущей справедливую войну, в данном случае страны антигитлеров-

ской коалиции. По своей типологии коллаборационизм представляет собой многообразный и частично противоречивый феномен. При исследовании самым сложным представляется выявление причин и истоков, его вызвавших.

Во всех войнах, которые вело человечество на протяжении своей истории, обнаруживается значительный диапазон таких причин — от карьеристского характера со стороны отдельных граждан до военно-политического сотрудничества на уровне правительств, как это бывало в случаях с правительствами стран — сателлитов гитлеровской Германии.

Коллаборационизм в обыденном сознании ассоциируется обычно с таким одиозным понятием, как «предательство», и представляется антиподом патриотизма. Чаще всего бывает именно так, но не всегда и не везде. Невозможно считать коллаборационистами тех граждан стран-агрессоров с существующим в них реакционным политическим режимом, которые сотрудничали с жертвами агрессии. Поскольку такое сотрудничество соответствовало коренным интересам народа страны-агрессора и содействовало победе жертвы агрессии, то оно представляется одной из форм патриотизма, но никак не коллаборационизмом в худшем смысле этого понятия. Ярким примером подобной ситуации стало сотрудничество незначительной части антифашистов — граждан Германии и ее сателлитов со странами антигитлеровской коалиции, особенно в области разведывательной деятельности.

Особое место во взаимоотношениях между противниками как в мирное время, так и особенно в период войны, занимает шпионаж, т.е. нелегальная деятельность, направленная на приобретение таких секретных данных о противнике, использование которых может нанести ему серьезный ущерб. В подобном случае коллаборационистами можно назвать только граждан страны-агрессора, сотрудничавших с разведорганами страны — жертвы агрессии, но никак не разведчиков — граждан этой страны, выполняющих свой обычный служебный долг.

Коллаборационизм — понятие сугубо политизированное, и его невозможно употреблять, не становясь на позиции той или иной воюющей стороны. В данном исследовании при анализе коллаборационизма в годы Второй мировой войны автор однозначно становится на сторону тех прогрессивных антифашистских сил, которые с оружием в руках сражались против фашизма, а не тех, кто под предлогом псевдопатриотизма становился на сторону противника. При характеристике коллаборационистов для автора нет дилеммы, были ли они патриотами или предателями. Граждане стран антигитлеровской коалиции, перешедшие на сторону врага и с оружием в руках воевавшие на стороне Германии против своих стран, не могут рассматриваться как патриоты.

Несколько иное звучание приобретает эта проблема, если мы попытаемся исследовать социально-политические и национальные истоки коллаборационизма, а также причины личного характера,

приведшие отдельных граждан к измене своей родине. В подобных случаях невозможно обойтись без упоминания о некоторых политических и социально-экономических процессах, имевших место в странах Европы еще в 20-е и особенно 30-е годы и повлиявших на распространение коллаборационизма с Германией. Это особенно касается весьма сложного и противоречивого развития Советского Союза в упомянутые годы, содержавшего причины перехода в стан противника некоторой части советских людей.

Английский автор Д.Каров, утверждая, что почти все население Советского Союза ненавидело советскую систему, Сталина и партию и что оно было «вынуждено драться в одном строю вместе со своим грабителем» против немцев, не прав. Обстановка в СССР в то время была гораздо сложнее и противоречивее, чем это представляется Карову.

Десять миллионов солдат и офицеров вооруженных сил и миллионы гражданских лиц из стран антигитлеровской коалиции, попав в годы Второй мировой войны во вражеский плен или в другую чрезвычайную ситуацию, каких бывало великое множество в любой войне, оказались на перепутье. Как вести себя дальше: дожидаться любого исхода войны, лишь бы только спасти свою жизнь, или, рискуя ею, продолжать сопротивление противнику с твердой верой в победу правого дела, или же нарушить присягу и пойти в услужение врагу, т.е. стать коллаборационистом.

Многие из военнопленных этой категории, а также участники Сопротивления и иностранные рабочие в невероятно трудных условиях лагерной жизни все-таки продолжали наносить врагу возможный ущерб, оказывали ему активное или пассивное сопротивление. Это означало, что их борьба в плену и на фашистской каторге была составной частью общенародного антифашистского движения Сопротивления. Тем самым они спасали честь и достоинство своих армий, стран и народов и содействовали победе над врагом.

По-иному вела себя в подобной экстремальной ситуации та, в некоторых странах довольно многочисленная, категория граждан, солдат и офицеров, которая разуверилась в возможности победить сильного противника и предпочла перейти к активному сотрудничеству с ним против интересов своей родины.

Если о двух первых категориях граждан и военнослужащих в Советском Союзе написано немало научных исследований и мемуаров, то перед теми, кто по своей воле или из-за превратностей военной судьбы стал под чужие знамена, была создана плотная стена умолчания. Это особенно касалось военнослужащих Советской Армии, которые в духе требований Дисциплинарного устава должны были плену предпочесть смерть. Вот почему Сталин заявил, что в Германии нет советских военнопленных, есть только предатели. Тяжелой была судьба и гражданских лиц, солдат и офицеров других стран антигитлеровской коалиции.

Первую серьезную попытку рассказать о судьбах этих жертв войны и фашизма предприняли исследователи Германии и некоторых других стран Западной Европы. С середины 1940 г. в связи с поражением Франции наряду с понятием «коллаборационисты» применительно к странам Северной Европы часто применялось и понятие «квислинговцы». В Советском Союзе и в ряде других стран чаще используются слова «предатель», «изменник Родины», считающиеся синонимами слова «коллаборационист». При такой дефиниции неизбежно возникает сомнение: действительно ли она охватывает всю гамму факторов, передающих сущность этого понятия?

Видимо, все же не любое сотрудничество с врагом можно квалифицировать как коллаборационизм. Если бы это было так, то коллаборационистами могли бы считаться все народы оккупированных стран, в том числе и 80 млн советских людей. Ведь они, находясь под властью оккупантов, не могли не взаимодействовать или даже не сотрудничать с ними в каких-либо формах. Хотя бы ради собственного выживания. В ходе оккупации некоторых стран Западной Европы имелись случаи, когда государственные деятели соглашались сформировать национальные правительства только при условии, если они будут правительствами «профессионалов» с задачей представлять интересы населения перед оккупационными властями.

Более обоснованно выглядит определение коллаборационизма как осознанного и добровольного сотрудничества с врагом в его интересах и во вред своей родине или союзных с ней стран. Но подобное определение также еще не охватывает всех разновидностей этого феномена. Поскольку коллаборационизм является осознанным и добровольным сотрудничеством с противником в ущерб своей родине, то, естественно, было бы безнравственно каким-либо образом его оправдывать. Этот вывод полностью применим и к тем советским гражданам, которые сотрудничали с немецко-фашистскими властями в годы Великой Отечественной войны, пусть даже под знаменем борьбы против сталинского режима. Их коллаборационизм в данном случае ослаблял усилия советского народа и в конечном счете всех свободолюбивых народов в борьбе против злейшего врага человечества — германского фашизма. Одновременно коллаборационизм объективно, т.е., возможно, помимо воли самих коллаборационистов, способствовал осуществлению явно реакционных и преступных целей гитлеровского блока.

Считая коллаборационизм в конечном счете предательством, вместе с тем неправомерно рассматривать его только как неизбежное зло, имевшее место в любой войне, включая и Великую Отечественную, бороться с которым тогда было якобы бесполезно. Для того чтобы страна, преследующая в данной войне справедливые цели, была способна до минимума свести количество своих граждан, эвентуальных коллаборационистов, надо прежде всего уяснить характер той социально-политической почвы, на которой произрастали измена родине и предательство.

Опыт войн свидетельствует о том, что коллаборационизм коренится в характере социально-политических условий, господству-

ющих в данной стране, а для солдат — и в той психологической среде, которая возникала во время боя и оказывала шоковое воздействие на воина. Ликвидировать коллаборационизм или, по крайней мере, свести его к минимуму можно лишь при условии, если воин будет считать общественный строй в своей стране справедливым, а его защиту рассматривать как свой первостепенный долг. Это первое условие для устранения коллаборационизма целиком зависит от господствующих политических сил в данной стране. Гораздо сложнее изменить вызывающую коллаборационизм психологическую среду на фронте, которая создается обеими противоборствующими сторонами, преследующими в данной войне, разумеется, прямо противоположные цели. Во всех случаях самой мощной преградой коллаборационизму являются подлинный патриотизм и убежденность воина в том, что он сражается за правое дело.

Одно из благоприятных условий для проявления коллаборационизма представляет собой плен. Однако сам факт пленения воина, вопреки утверждению Сталина, не может рассматриваться автоматически как измена родине. Тот факт, что во Второй мировой войне он приобрел довольно большие размеры, вызывает потребность серьезного изучения этого феномена, и начинать надо с анализа его глубинных корней. Эти корни бывали разными в зависимости от характера и формы самого коллаборационизма.

Коллаборационизм во всех войнах проявлялся на бытовом уровне или имел более серьезный — административный, экономический или военно-политический — характер. Если пренебречь бытовым коллаборационизмом (в виде, например, участия на танцах, вечеринках или в кино совместно с солдатами противника), то административный коллаборационизм проявлялся в деятельности местных органов власти, созданных оккупантами. Но однако известно, что на оккупированных территориях разных стран, в том числе и СССР, нередко крестьянам удавалось выбирать, где это было возможно, старостами или полицаями наиболее честных односельчан, которые могли бы умело защищать их интересы перед оккупационными властями.

Сложнее складывалась ситуация с коллаборационизмом в экономической сфере. Можно ли назвать коллаборационистами тех владельцев частных мелких предприятий, которые обслуживали нужды населения? Видимо, нет. Поэтому приказ Сталина уничтожать при отступлении все материальные ценности, отданный в первые дни войны и игнорировавший жизненные интересы покинутого населения, был неуместен и невыполним. Он не учитывал, что под оккупацией оставались миллионы брошенных на произвол судьбы советских граждан, которые нуждались хотя бы в элементарных условиях своего существования.

Наконец, имел место и военно-политический коллаборационизм, который наиболее полно соответствовал своей дефиниции как осознанного и добровольного сотрудничества с врагом в ущерб родине. К этому типу коллаборационизма можно отнести шпионаж, диверсии и службу в вооруженных силах противника. Хотя и в данном случае следует учитывать обстоятельства и мотивы подобных поступков.

Что же касается понятий «предатель», «изменник родины» и «коллаборационист», то грань между ними весьма подвижна, тонка и трудно уловима. Но она все же существует. Не все действия из вышеупомянутых видов коллаборационизма можно квалифицировать как измену родине. Разве только за исключением последнего типа, т.е. военно-политического коллаборационизма. Важно при этом иметь в виду еще и то, что существует различие между субъективными намерениями того или иного гражданина, которые, по его мнению, оправдывают его сотрудничество с врагом (например неприятие существующего в его стране политического строя), и объективными последствиями его действий, которые означают, по существу, измену родине. Это особенно важно в критические моменты для страны, например в период войн.

Что такое «коллаборационизм». Что пишут историки об оккупации и коллаборационизме?

Свыше пяти десятилетий прошло со времени завершения Второй мировой войны. За это время они много сделали, чтобы исследовать вопрос о том, как свободолюбивые народы победили врага. Однако человечество, особенно молодое поколение, еще явно недостаточно знает, какого опасного врага в лице германского фашизма и сотрудничавших с ним национальных предателей мы победили.

Характерные черты, особенности и методы осуществления оккупационной политики гитлеровской Германией в годы Второй мировой войны, включая и коллаборационизм, привлекали внимание исследователей различных специальностей (историков, юристов, экономистов, демографов) с первых послевоенных лет. Изучение этих проблем продолжается и поныне. Однако оно пока ограничивается рамками отдельных стран при отсутствии обобщенных работ по всем оккупированным странам Европы.

В годы Второй мировой войны из-за отсутствия точных фактических данных каких-либо крупных монографических трудов по данной проблеме не издавалось. В Советском Союзе в журналах и газетах публиковались лишь официальные заявления советского правительства, а также статьи, в которых разоблачались немецко-фашистский оккупационный режим и террор гитлеровцев в отношении народов захваченных ими стран. Эмигрантские правительства Польши, Чехословакии, Югославии и других оккупированных стран периодически публиковали официальные заявления, в которых содержались сведения о массовом терроре гитлеровцев и местных коллаборационистов в этих странах.

В первые послевоенные годы в связи с подготовкой и осуществлением мирного урегулирования в Европе интерес к территориаль-

ным и национальным проблемам резко усилился и приобрел актуальное прикладное значение. Первым исследованием такого рода можно назвать книгу «Переселения народов Европы в 1939—1945 гг.» американского историка И.Шехтмана. В это же время стали появляться и первые работы в освобожденных странах Европы. В них широко использовались архивные материалы и сведения очевидцев. Так, в 1946 г. в Праге была опубликована книга Э.Соботы об оккупационном режиме в Чехии «Что такое был протекторат».

Ход Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками, затем публикация его материалов и открывшийся, хотя еще и ограниченный, доступ к трофейным документам различных учреждений и ведомств Германии в 50-е годы позволили исследователям более основательно изучить различные аспекты гитлеровской оккупационной системы в Европе и ее составную часть — коллаборационизм.

Сложный и противоречивый путь в изучении коллаборационизма за послевоенные годы прошла историография Советского Союза. На эту проблему, по существу, было наложено табу как якобы не существовавшую вообще, ибо подобное утверждение противоречило партийной концепции о «морально-политическом единстве совстского народа». Ряд изданных личных мемуаров не могли внести вклад в научное освещение этой проблемы.

Обстановка существенно изменилась в последнее десятилетие. Открытые архивные материалы свидетельствовали о сложности обстановки в оккупированных районах Советского Союза, особенно на Украине, в Белоруссии, республиках Балтии и автономных республиках Северного Кавказа. В периодической печати появлялись интересные статьи, были защищены диссертации по некоторым частным вопросам оккупационного режима. Предпринимались скромные попытки увязать причины случаев предательства с тоталитарным сталинским режимом, существовавшим в стране в 20—30-е годы. Однако обобщающих работ, к сожалению, до сих пор не появилось, хотя по численности граждан, в различных формах сотрудничавших с оккупантами, Совстский Союз стоит на первом месте среди других подвергшихся оккупации стран Европы.

Важным знамением усиливающегося внимания историков к проблеме коллаборационизма стали международные конференции, посвященные этой проблеме. Так, за последнее десятилетие прошли специальные конференции в Берлине и в Брешии (Италия), на которых автору была предоставлена возможность изложить свое видение специфики коллаборационизма на территориях оккупированных стран, в том числе и Советского Союза.

Прекращение «холодной войны» и значительное оздоровление международной обстановки, открытость и постепенная ликвидация партийной монополии на историческую правду позволяют надеяться, что и проблема коллаборационизма займет свое место в историографии Второй мировой войны.

В последующие годы был опубликован ряд исследований о проявлениях коллаборационизма в отдельных в прошлом оккупированных странах Европы — Франции, Норвегии, Югославии, Нидерландах и др.

При оценке исследований коллаборационизма в 60-е годы необходимо обратить внимание на два следующих обстоятельства: во-первых, со своими воспоминаниями чаще стали выступать бывшие сотрудники оккупационных органов, которые приводили интересные факты и рассказывали о своей реакции на поведение национальных коллаборационистов. В этой связи следует упомянуть воспоминания В.Беста, К.Бройера, О.Абеца, М. фон Аифзеса, О.Бройтигама, Е.Дюрксена, Д.Герре, Р.Хейгендорфа, Э.Кестринга и многих других.

Во-вторых, германский историк В.Брокдорф в 1968 г. первым выступил с монографическим трудом «Коллаборационизм или Сопротивление». Он пришел к выводу, что в Западной Европе активными коллаборационистами были преимущественно представители интеллигенции и промышленных кругов. С помощью такой внешней силы, как немецко-фашистская оккупация, большинство из них стремилось включить свои страны в провозглашенный Гитлером так называемый «новый порядок», в котором они займут «достойное место». Коллаборационистами были криминальные элементы, авантюристы и карьеристы, но они все же составляли меньшинство. В Югославии коллаборационизм был распространен среди жителей тех национальных регионов, которые выступали за ликвидацию своего многонационального государства. В Советском Союзе и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы коллаборационизм также выражался в своих специфических формах.

Автор предпринял попытку показать масштабы и особенности проявления коллаборационизма в разных странах. Однако он обратил особое внимание на показ послевоенных судеб наиболее известных лидеров коллаборационистских групп. В книге Брокдорфа впервые в исторической литературе были опубликованы обобщенные данные о судебных процессах над коллаборационистами в разных странах[1].

В советской историографии наиболее полно освещена проблема о характере и особенностях немецко-фашистского режима, установленного на временно оккупированной территории Советского Союза. Внимание этому вопросу уделялось прежде всего в таких фундаментальных многотомных изданиях, как «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945» и «История второй мировой войны 1939—1945». Центральные издательства Советского Союза опубликовали несколько сборников документов, разоблачающих преступления немецко-фашистских захватчиков и местных предателей на оккупированной территории СССР. Такие же сборники вышли и во всех союзных республиках и областях, территории которых подверглись вражеской оккупации. Серьезный вклад в разработку проблемы оккупационного режима и борьбы со-

ветских людей против него внесли своими трудами такие крупные советские специалисты, как А.Ф.Юденков, М.М.Загорулько, В.И.Клоков, М.В.Коваль, А.И.Залесский, Л.А.Безыменский и др. Интересные работы об оккупационном режиме в ряде зарубежных стран опубликовали А.Ф.Носкова, Т.Ю.Григорьянц, С.И.Дробязко, Г.Кирьякидис, А.И.Недорезов, П.М.Полян, И.И.Поп, В.Т.Фомин, Е.М.Самотейкин, А.М.Носков, Ю.В.Кудрина, В.С.Парсаданова, В.В.Марьина, Г.С.Филатов, Г.М.Славин и др.[2]

Крупным событием в современной российской историографии стал выход в свет глубокого исследовательского труда «Тоталитаризм в Европе XX века», разработанного коллективом авторов под руководством Я.С.Драбкина и Н.П.Комоловой[3]. Определенное место в нем занимают и сюжеты, имеющие прямое отношение к коллаборационизму в годы Второй мировой войны. Сотрудничество немецко-фашистских оккупантов с местными коллаборационистами в годы войны не могло оставаться без внимания и со стороны историков в разных странах в первые послевоенные годы. Однако в изданных в это время трудах речь шла преимущественно о террористическом режиме оккупантов и лишь с упоминанием о деятельности коллаборационистов.

Проблема коллаборационизма как самостоятельная проблема для исследования была впервые всесторонне проанализирована на международной конференции, состоявшейся в Тутцинге (ФРГ) в мае 1956 г. С основным докладом выступил патриарх нидерландской историографии новейшего времени профессор П. де Йонг. В следующем году ее материалы были опубликованы в Мюнхене. Разумеется, почти полное отсутствие архивных документов в распоряжении историков негативно сказалось на глубине освещения проблемы коллаборационизма. На конференции отсутствовали советские ученые по той причине, что им нечего было сказать о коллаборационизме на оккупированных территориях своей родины.

Достоин внимания и вышедший недавно сборник статей молодых историков Российского государственного гуманитарного университета. Они предприняли серьезную попытку исследовать истоки коллаборационизма на оккупированной территории Советского Союза.

Вот какую вполне обоснованную оценку причин и последствий коллаборационизма в республиках Северного Кавказа, более массового и вооруженного, чем в других регионах оккупированной территории СССР, дает российский исследователь А.Б.Кузнецова: «Впервые в истории целые народы были наказаны как государственные преступники, а государство выступило как судья и палач одновременно. Эта акция была обусловлена стечением ряда сложнейших причин и длительным, не всегда благополучным развитием отношений Российского, а потом советского государства с народами Северного Кавказа. Бандитизм, имевший корни в далеком прошлом, только усиливался безграмотной и в большинстве случаев силовой политикой государства в этом регионе. Особенно это про-

являлось в условиях войны, в которой решалась судьба не только советского государства, но и каждого живущего в этом государстве народа»[4].

Недостаток, граничащий с научной недобросовестностью и даже пороком, некоторых российских и зарубежных авторов, работающих над проблемой взаимоотношений местного населения с оккупантами, состоит в том, что они справедливо жестко развенчивают предательство некоторых граждан и даже целых малых народов Советского Союза в годы войны и оккупации. Но они игнорируют, забывают или не в состоянии увязывать следствие, т.е. случаи предательства, с вызвавшими его глубинными, уходящими вглубь десятилетий и даже веков причинами или, по-иному говоря, его историческими корнями. Таким путем невольно создается поверхностная и примитивная картина, на основании которой эти граждане, целые народы рассматриваются как предатели.

Следует, однако, четко определиться в том, что наличие объективной логической связи между истоками и следствием тех или иных исторических явлений, в данном случае и коллаборационизма с оккупантами, не может служить основанием для их оправдания. Весь ход войны подтверждает, что миллионы советских граждан, ставших в 30-е годы жертвами сталинских репрессий, не пошли в услужение врагу, а мужественно с ним сражались и внесли достойный вклад в общую победу. Истоки коллаборационизма необходимо знать не для его оправдания, а для предотвращения его в любом виде в будущем.

Разумеется, это не относится к тем случаям коллаборационизма, которые были вызваны политическим честолюбием, реакционными взглядами на существующую действительность (в частности фашистскими), стремлением к самообогащению и некоторыми другими причинами, число которых достигает миллиона, ибо каждый случай сотрудничества с врагом имеет кроме общих и свои специфические причины.

Отмечая исторические истоки коллаборационизма, невозможно ограничиваться только предвоенными годами, когда действительно в ряде стран, особенно в Советском Союзе, существовали такие политические условия, которые благоприятствовали его произрастанию. Но еще более благоприятные условия для проявления этого феномена сложились в ходе войны и оккупации, когда оккупационные власти, что естественно, активно вдохновляли и поддерживали его.

Крупным резервом для коллаборационизма стали сотни тысяч и миллионы солдат и офицеров армий оккупированных стран, оказавшихся во вражеском плену, и огромная масса рабочей силы, вывезенная в Германию или прибывшая туда добровольно.

Работы о проявлениях сотрудничества с оккупантами были изданы в Бельгии, Нидерландах и Норвегии. В странах Центральной и Восточной Европы, бывших в годы войны сателлитами Германии, а после войны изменивших свой общественный и государственный

строй, часть историков игнорировала значение предвоенного развития своих стран, направленного на установление сотрудничества их правительств с Германией на государственном уровне. Они односторонне увязывали эту проблему лишь с кознями национального и международного империализма. В последнее десятилетие в этих странах в связи с коренными преобразованиями появились работы, в которых на научном уровне анализируется проблема коллаборационизма. Это особенно отмечается в историографии Югославии, Польши и Чехословакии.

Большая заслуга в научном изучении особенностей немецко-фашистского оккупационного режима принадлежит ученым Польши. По их инициативе и при активном участии за последние годы в Польше был проведен ряд научных симпозиумов, посвященных исследованию насильственных переселений, фашистскому террору в отношении детей и другим проблемам. Польские историки систематически издают сборники документов об оккупации Польши. На поприще исследования проблемы немецко-фашистского оккупационного режима весьма плодотворно работали и работают такие известные польские историки, как Ч.Мадайчик, Ч.Пилиховский, Ч.Лучак, Я.Собчак, А.Б.Чесняк, К.М.Поспешальский, Ш.Датнер, Э.Серванский, М.Цыганский, В.Ястжебовский, Л.Герцог, А.Эйзенбах и др.

Достойное место в исследованиях фашистского оккупационного режима занимали труды историков ГДР. Особо большой вклад они внесли в разоблачение преступных связей германских монополий с нацистской верхушкой в деле использования рабочей силы и богатств оккупированных стран. Внимание широких кругов читателей привлекли хорошо документированные книги Н.Мюллера об оккупационных функциях вермахта на советской территории, В.Шумана, Г.Кюнриха, К.Дробиша, Е.Зеебера, Ю.Кучинского, Рут и Макса Зейдевиц и др.

Заслуживает быть отмеченной научно-практическая конференция специалистов ряда стран Европы, состоявшаяся в июле 1999 г. в Веймаре (Германия). Она была посвящена проблеме использования германскими монополиями в годы Второй мировой войны труда миллионов иностранных невольников, а также проблеме денежного возмещения за этот труд.

Ряд ценных монографий, посвященных немецко-фашистскому оккупационному режиму в своей стране, создали чехословацкие историки и прежде всего В.Крал, Ч.Аморт, М.Виетор и некоторые другие. В 1963 г. в Карловых Варах состоялся 3-й Международный конгресс по истории европейского движения Сопротивления, участники которого большое внимание уделили и вопросам оккупационного режима. Для разоблачения преступного характера немецко-фашистского оккупационного режима в Югославии много сделали такие видные историки, как Ф.Чулинович, И.Марянович, В.Дедиер, И.Морача, М.Колич, Р.Брчич, Э.Вражалич и др.

Немецко-фашистская оккупационная политика в годы минувшей войны привлекает к себе внимание и исследователей других держав. На книжном рынке некоторых из них в первые послевоенные годы появлялись и такие «исследования», авторы которых стремились доказать, будто народы могли бы жить в мире и согласии с оккупантами, если бы не движение Сопротивления, которое нарушало эту «гармонию» интересов. Для работ некоторых авторов, посвященных концлагерям, характерно стремление преуменьшить чинимые в них зверства, найти в лагерной жизни черты, смягчающие ее жестокость, и даже отрицать наличие газовых камер, которые, мол, «были и сейчас еще остаются великой тайной второй мировой войны». «Были ли они на самом деле?» — вопрошает один из таких авторов. Некоторые из них признают, что оккупационный режим, в частности, на советской территории действительно был жестоким и Гитлер допускал ошибку, рассматривая русских, украинцев и другие национальности как низшую расу, что, мол, его оккупационная политика была негибкой, в силу чего он не смог завоевать «симпатии» порабощенных народов.

Неонацисты, как и их предшественники в 30-е годы, продолжают отрицать право существования самостоятельной австрийской нации и выступают за поглощение ее немцами. «Только дураки и ренегаты, — утверждает «Национ-Европа», — могут произвести гомункулус австрийской нации». Они стремятся оправдать и Мюнхенское соглашение тем, будто оно «устранило анексионистскую несправедливость 1919 г.», клеветнически называя Чехословакию «не правовым, а антиправовым государством, в котором было больше нечехов, чем чехов...»

Не только французскому народу, но теперь и всему миру известно, какой характер имели оккупационный режим гитлеровцев и деятельность коллаборационистов во Франции. Тем не менее некоторые авторы пытаются представить коллаборационизм как «спасение Франции от угрозы коммунизма». Так, в частности, пишет Ф.Гримм, в прошлом один из чиновников немецко-фашистской оккупационной администрации во Франции. На фоне своей объемистой книги «Коллаборационизм или Сопротивление» известному немецкому историку Брокдорфу при желании нетрудно было бы дать четкое определение коллаборационизма и прийти к выводу о том, какую роковую роль сыграл он в судьбах стран. Тем не менее на этот вопрос ныне покойный автор не стремился дать ясный ответ. Во-первых, как явствует из самого названия книги, он затруднялся четко выразить свое отношение к коллаборационизму, и, во-вторых, ему было «трудно» ответить, как он сам писал, являлись ли коллаборационистами только лица, сотрудничавшие с немецко-фашистскими оккупантами, или также те, кто помогал союзникам.

Чтобы как-то ослабить впечатление от разоблачений человеконенавистнического характера гитлеровского фашизма и установленного им режима оккупации в странах Европы, некоторые историки

при поддержке правительственных кругов решили перейти в «контрнаступление». С 1953 по 1963 гг. они опубликовали 12 томов «документации» о выселениях немцев из стран Центральной и Юго-Восточной Европы. А с 1962 по 1974 гг. созданная по решению правительства ФРГ специальная комиссия по истории немецких военнопленных издала 22 тома «материалов и документов» о положении почти 10 млн немецких солдат и офицеров, находившихся в годы Второй мировой войны в плену в 20 странах антигитлеровской коалиции. Авторы этих публикаций провели большую исследовательскую работу, но они весьма глухо признают, что виновником страданий миллионов немцев, оказавшихся выселенными из родных мест или находившихся в плену, является немецкий фашизм, но зато в полный голос расписывают пережитые ими как реальные, так и надуманные беды и несчастья.

Большое место в германской историографии в первые послевоенные годы занимала проблема так называемого «окончательного решения» еврейского вопроса, в котором активную роль играли и местные коллаборационисты. Интерес к нему особенно усилился после сенсационного судебного процесса над Эйхманом, состоявшегося в Иерусалиме в 1961 г. Большинство авторов робко осуждало крайности нацистов в обращении с евреями, но в подобных действиях обвинялись или сами жертвы, или только служащие гестапо и СС.

Если одна часть германских историков все же признавала террористический характер установленного нацистами в Европе оккупационного режима, то другая, правда, незначительная часть, — вообще отрицала наличие у нацистов каких-либо преступных планов и намерений. Так, один из руководителей национально-демократической партии ФРГ Валенди в первые послевоенные годы безапелляционно утверждал: «Клевета, будто Гитлер хотел напасть на Англию и Францию... Столь же безответственно приписывать ему в целях пропаганды, а затем кричать на весь мир, что Гитлер в соответствии со своей программой хотел завоевать чехов, поляков, датчан, румын, норвежцев, венгров, 30 млн славян или уничтожить евреев, завоевать Украину или весь мир».

Довольно пеструю картину в исследовании оккупационного режима и коллаборационизма представляет собой французская историография. За послевоенные годы она обогатилась многими ценными документальными сборниками, отражающими структуру и характер немецко-фашистского оккупационного режима во Франции. Среди них особую ценность представляют протоколы немецкой Висбаденской комиссии. С разоблачением жестокостей захватчиков и преступного коллаборационизма французских фашистов и правительства Виши выступал ныне покойный видный историк А.Мишель и др. Наряду с этим происходит заметная активизация сил, пытающихся реабилитировать режим Виши и лично маршала Петена, а сотрудничество с врагом представить как благо для французского народа в той обстановке.

Заслуживают внимания некоторые труды, изданные в Италии и посвященные исследованию коллаборационистского режима «Республики Сало» и гитлеровской оккупации Северной и Центральной Италии.

Англо-американская историография характеризуется богатой и разнообразной источниковедческой базой, поскольку в США длительное время хранились трофейные документы различных государственных органов гитлеровской Германии. Среди трудов американских авторов обращает на себя особое внимание глубокое исследование германского оккупационного режима в России, которое предпринял А.Даллин.

По истечении нескольких десятилетий после Второй мировой войны всему миру стало ясно, какие несправедливые, захватнические цели преследовали Гитлер и вскормившие его германские монополии при содействии национальных предателей. И тем не менее в некоторых трудах авторов США Гитлер по-прежнему изображается «миротворцем», стремившимся лишь освободить немцев, проживавших в соседних странах. «Главная программа Гитлера после возвращения Саара и ремилитаризации Рейнской области, — утверждал американский историк Д.Хогган, — состояла в освобождении немцев в Австрии, помощи немцам в Чехословакии и упрочении отношений со своими главными соседями, а именно с Францией, Италией, Польшей».

Таким образом, литература, посвященная анализу немецко-фашистского оккупационного режима и коллаборационизму в различных странах Европы, достаточно обширна. Но нет ни одной монографии, которая давала бы систематический и сравнительный анализ оккупационной политики в целом во всех странах европейского континента. Известное исключение может составить ряд многотомных монографических исследований германских историков — У.Герберта, Г.Р.Юбершера, В.Ветте, Л.Грухмана, Г.Глазера, М.Брошата, Р.Герцога и др.[5] Но они, во-первых, охватывали лишь отдельные регионы и страны Европы, а не весь континент и, во-вторых, посвящены преимущественно структуре оккупационной администрации и в меньшей степени ее деятельности и сущности оккупационного режима в целом.

По этой важной и актуальной проблеме, к сожалению, нет ни одного обобщающего исследования как за рубежом, так и в России. Между тем для научного освещения оккупационной политики гитлеровской Германии и проблемы коллаборационизма в многочисленных российских и зарубежных архивах имеется солидная документальная база, подчас не тронутая рукой исследователя.

Богатый материал по этой проблематике содержится в немецких трофейных фондах Национального архива США. Так, в документах фонда Восточного министерства А.Розенберга и подведомственных ему имперских комиссаров Украины и Остланда содержатся данные о национальном составе населения временно оккупирован-

ных территорий Советского Союза и освещается гитлеровская политика в отношении той или иной национальности.

В фондах ведомства Гиммлера как рейхсфюрера СС хранится множество донесений от агентов СА в различных странах о наличии противоречий между национальностями и путях их использования в интересах Германии. Имеется также документация о формировании национальных легионов СС во Франции, Бельгии, Норвегии, Югославии и в других странах, об «окончательном решении» еврейской проблемы и т.д.

Особый интерес представляют документы Гиммлера как рейхскомиссара по поддержанию немецкой нации. В них содержатся сведения о переселениях немцев и других национальностей, о защите «расовой чистоты» немецкого народа, о колонизаторских планах гитлеровцев на территориях СССР, Польши, Чехословакии и других стран, о ходе проведения германизации завоеванных земель и др.

В фондах Германского института по изучению зарубежных стран (г. Штуттгарт) и отдела иностранных организаций фашистской партии имеются весьма подробные статистические сведения о расселении немцев в других странах, о деятельности их организаций и обществ, содержатся предложения нацистских руководителей, как их использовать в качестве «пятой колонны». Здесь же находятся различные секретные инструкции и «научные» труды, в которых обосновываются «права» Германии на те или иные земли сопредельных государств, приводятся рекомендации для административного деления оккупированных территорий.

Материалы Министерства пропаганды содержат интересные сведения о коварной политике гитлеровцев, направленной на разъединение народов, натравливание их друга на друга. Среди документов имеются инструкции о конкретном содержании и методах идеологической работы среди различных национальностей оккупированных стран, вербовки местных коллаборационистов в различные легионы.

Разрозненные сведения по проблеме коллаборационизма встречаются и в фондах других фашистских ведомств. Ценный материал для освещения национальной политики гитлеровской Германии представляют собой документы, собранные и оглашенные на Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками. Копии большинства из них хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Они свидетельствуют о том, что фашистские правители в своей системе «нового порядка» в мире придавали серьезное значение осуществлению такой национальной политики, в основе которой лежал бы принцип «разделяй и властвуй».

В ходе боевых действий, особенно после освобождения стран Центральной и Юго-Восточной Европы, советские военные органы собрали большой материал о гитлеровском оккупационном режиме, о деятельности созданных оккупантами различных националистических организаций и об использовании местных немцев в интересах Германии. В настоящее время он хранится в Центральном архиве Министерства обороны (г. Подольск) и в фондах Центрального музея Вооруженных Сил. Донесения советских партизан о проводимых гитлеровцами мероприятиях на оккупированных территориях имеются в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Огромные пласты документов по коллаборационизму находятся в Государственном военном архиве РФ (ГВА РФ), где хранятся трофейные документы.

Интересные материалы о национальной политике гитлеровцев на временно оккупированной территории Советского Союза имеются также в государственных архивах Украины, Молдовы, Белоруссии, стран Балтии, в ряде областных архивов России.

Изучив часть многочисленных документов некоторых из названных архивов, а также опубликованную литературу, автор предпринимает попытку в обобщенном виде раскрыть сущность нацистской оккупационной политики, содержание и методы осуществления гитлеровской Германией сотрудничества с местными предателями в Европе в годы Второй мировой войны.

Предлагаемым трудом автор хотел бы внести и свой посильный вклад в это благородное дело. Его концепция включает в себя основные положения, на которые автор опирался при изложении конкретного фактического материала, заимствованного из архивов и различных публикаций, появившихся практически во всех странах Европы.

Предприняв исследование о корнях, типологии и последствиях коллаборационизма в годы минувшей войны, автор руководствовался прежде всего принципом историзма — рассмотрение коллаборационизм не в абстрактном виде, а в связи с конкретными историческими обстоятельствами, породившими его и влиявшими на его эволюцию. Автор также придерживался принципа системности. В данном конкретном случае в основе его системы лежал не страновой, а проблемный принцип, который позволяет применить сопоставительный анализ событий в различных странах. Наконец, автор не мог игнорировать и такой важный принцип любого научного исследования, как альтернативность. Коллаборационизм мог бы и не проявиться в той или иной стране, если бы не существовало соответствующего стечения обстоятельств, которые ему содействовали.

Концепция автора по проблеме коллаборационизма состоит из следующих основных положений.

— По дефиниции. Коллаборационизм — это разновидность фашизма и практика сотрудничества национальных предателей с гитлеровскими оккупационными властями в ущерб своему народу и родине.

— По истокам. Они содержались в тех исключительно трудных и сложных экономических, политических и национальных условиях, порожденных Первой мировой войной и Версальским мирным

договором, а также тоталитарным строем в ряде стран в 20—30-е годы. Одним из истоков коллаборационизма являлись также личные морально-политические качества представителей некоторой части общества оккупированных стран.

— По типологии. Коллаборационализм содержал в себе обширный диапазон своего проявления от бытового уровня до прогитлеровской государственной политики правящих кругов некоторых европейских стран.

— По историческому месту и последствиям. Коллаборационизм в странах Европы, охвативший не только отдельных лиц, но и целые социальные слои и правительства, нанес немалый ущерб борьбе демократических сил против фашизма, продлил на некоторое время войну и содействовал увеличению в ней человеческих жертв.

Обоснованию этой концепции и посвящена предлагаемая монография.

Примечания

[1] Brockdorff W. Kollaboration oder Widerstand: Die Zusammenarbeit mit den Deutschen in den besetzten Ländern während des Zweiten Weltkrieges und deren schrekliche Folgen. München, 1968.

[2] См.: Борисов Ю.В. Новейшая история Франции. 1917—1964. М., 1966; Киссельгоф И.С. История Франции в годы второй мировой войны. М., 1975; Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М., 1973; Кан А.С. Внешняя политика Скандинавских стран в годы второй мировой войны. М., 1967; Полтавский М.А. Дипломатия империализма и малые страны Европы (1938—1945 гг.). М., 1973; Кудрина Ю.В. Дания в годы второй мировой войны. М., 1975; Самотейкин Е.М. Растоптанный нейтралитет. Как и почему Норвегия стала жертвой фашистской агрессии. М., 1971; Носков А.М. Норвегия во второй мировой войне. 1940—1945. М., 1973; Ратиани Г.М. Конец Третьей республики во Франции. М., 1964; Колосков И.А., Цырульников Н.Г. Народ Франции в борьбе против фашизма. М., 1960; Смирнов В.П. Франция во время второй мировой войны. М., 1961; История фашизма в Западной Европе. М., 1978; Фомин В.Т. Фашистская Германия во второй мировой войне. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1978.

[3] Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. Рук. авт. коллектива: Я.С.Драбкин, Н.П.Комолова. М., 1996.

[4] Великая Отечественная война в оценке молодых. М., 1997.

[5] Dallin A. German Rule in Russia 1941—1945. A Study of Occupation Policies. London, 1981. См.: Herdeg W. Grundzüge der deutschen Besatzungsverwaltung in den west und nordeuropeischen Ländern während des Zweiten Weltkrieges. Tübingen, 1953; Jäckel E. Frankreich in Hitlers Europa: Die deutsche Frankreichpolitik in Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1966; Böhme H. Enstehung und Grundlagen des Waffenstielstandes von 1940. Stuttgart, 1966; Umbreit H. Der Militärbefehlshaber in Frankreich 1940—1944. Boppard a. Rh 1970; Schräder J. Italiens Kriegsaustritt. 1943. Die deutschen Gegenmaßnahmen im italienischen Raum. Göttingen, 1969; Wagner W. Belgien in deutschen Politik während des Zweiten Weltkrieges. Boppard a. Rh., 1974; Grimm Fr. Frankreich-Berichte 1934 bis 1944. Bodman — Bodensee, 1972; Documents reunis par Philippe Héraclés: La Loi nazie en France. Paris, 1974; Michel H. La guerre de l'ombre: La Résistance en Europe. Paris, 1970; Boterf H. La Bretagne dans la guerre. Paris, 1969; Vartier J. Histoires secrétes de l'occupation en zone interdite: Dés Ardennes au Jura (1940—1944). Paris, 1972; Mammarella G. L'Italia dopo il fascismo. 1943—1968. Bologna, 1972; Colin A. Le gouvernement de Vichy 1940—1942: Institutions et politique. Paris, 1972; Wendt Fr. Danmarks historie. Kobenhavn, 1966, Bd. 14; Collotti R. L'ammistrazione tedesca dell'Italia occupata 1943—1945: Studio e documenti. Milano, 1963; Riste O. and Nökleby B. Norway 1940—1945. The resistance movement. Oslo, 1970; Norges krig 1940—1945. Oslo, 1950, Bd. 2; Koch-Kent H. 10 Mai 1940 en Luxemburg. Luxemburg, 1971; L'emplei de la main d'oeuvre belge sous l'occupation 1940. Bruxelles, 1970; Norges Kommunistiske Partis historie. Oslo, 1963; Historie du Parti communiste français (manuel). Paris, 1964; Le Parti communiste français dans la Résistance. Paris, 1967; Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. Пер. с итал. М., 1953; Коммунисты в борьбе за независимость Австрии. Сб. статей. Пер. с нем. М., 1956.

Глава первая

НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Народы Европы между фашизмом и антифашизмом

Возникновение и развитие коллаборационизма с фашистской Германией в годы Второй мировой войны, как и всякое другое общественное движение, имело свои идеологические и политические истоки и предпосылки, уходящие в предвоенные годы и непосредственно связанные с возникновением фашистской диктатуры. Именно фашизм создал в середине 30-х годов предгрозовую атмосферу в Европе.

Агрессивные государства — Германия, Италия и Япония — при попустительстве правящих кругов других западных держав, развязав ряд локальных войн и военных конфликтов, вели дело к раздуванию пожара мировой войны.

«Великий Карфаген, — писал известный немецкий драматург Б.Брехт, — вел три войны. Он был еще могуч после первой, еще обитаем после второй, после третьей его невозможно было найти».

История прусского милитаризма и германского фашизма была весьма схожей с судьбой воинственного Карфагена. Развитие Германии привело к тому, что из всех индустриальных стран Европы ее история оказалась самой кровавой и самой насыщенной насилием. Действительно, за последние 80 лет своего существования Пруссия, затем кайзеровская и гитлеровская Германия вели пять захватнических войн. В последней из них германский фашизм потерпел сокрушительный разгром. Но прежде чем произошло справедливое возмездие за развязанную фашизмом разбойничью войну, этот ударный отряд мирового империализма пролил море человеческой крови и разрушил огромные материальные и духовные богатства. Немецкий фашизм и милитаризм вырыли пропасть между германским народом и другими народами мира — жертвами гитлеровской агрессии.

Потерпев поражение в Первой мировой войне, Германия, как в свое время по другому поводу выражался ее канцлер Б.Бюлов, далеко «не положила флейту» и не вышла из «европейского концерта». В стране поднимали голову реваншистские круги, которые не признавали новых границ Германии и ближайшую задачу германской внешней политики видели в том, чтобы добиться их исправления. Пользуясь тем, что Версальский договор сильно задел национальные чувства немецкого народа и вызвал желание освободиться от его тягот, реваншистская реакция использовала эти чувства, как подтвердили последующие события, против самого же немецкого народа. Так, ставший после смерти Ф.Эберта в феврале 1926 г. президентом Германии фельдмаршал П.Гинденбург в своей программной речи в рейхстаге потребовал возвращения Данцига, Польского коридора и территории в Верхней Силезии.

Немалую моральную поддержку немецким реваншистам оказывали и некоторые творцы версальской системы, которые уже заранее оправдывали ее возможную ревизию со стороны Германии. Так, один из них Д.Ллойд-Джордж в меморандуме от 25 марта 1919 г. писал: «Я не могу представить себе более значительной причины для возникновения будущей войны, как то, что немецкий народ, без сомнения, являющийся самой энергичной и самой могучей расой мира, окружен кольцом мелких государств, большая часть которых еще не сформировала стабильного правительства и в которых имеются значительные массы немцев, требующих объединения со своим отечеством».

После Версаля прошло уже шесть лет, но территориальные споры в Европе не утихали. В октябре 1925 г. были приняты Локарнские соглашения, которые гарантировали неприкосновенность границ между Германией и Францией, Германией и Бельгией. Но в подобной гарантии было отказано Польше и Чехословакии в случае агрессии со стороны Германии. Нетрудно было понять, что руководители Антанты указывали тем самым желаемое им направление для германской агрессии.

Если веймарская Германия, не оправившаяся еще от войны и обремененная Версальским диктатом, лишь робко выступала за свое место под солнцем, то пришедшая к власти в 1933 г. гитлеровская партия требование мирового господства поставила в центр своей политики. Она выступала не только за общую ревизию Версальского договора, но и за захват других территорий в Европе и на других континентах, на которые нацистские заговорщики предъявляли претензии как на необходимое для «германской расы жизненное пространство». Для того чтобы укрепить позиции национал-социализма среди немецкого народа, по-прежнему недовольного версальскими ограничениями, выполнение своей программы завоевания мирового господства германские фашисты в интересах взлелеявших их монополий начали с восстановления довоенных границ рейха.

Соперничество между империалистическими державами обострялось и было доведено до такой степени, что решить его, как они считали, можно было только военным путем, вооруженным насилием. Но это вовсе не означало, что никакой другой альтернативы не существовало, что война становилась роковой неизбежнос-

тью. Такой альтернативой войне был мир, именно за него выступало международное антифашистское и антивоенное движение.

Потребность создания единого международного фронта против фашизма, реакции и империалистической войны вызывалась дальнейшим обострением всех противоречий империализма в 30-е годы, что наиболее зловеще выразилось в захвате власти гитлеровской партией в Германии и активизацией фашистских сил в ряде других стран. Поскольку фашизм стал силой интернациональной, то и борьба против него неизбежно приобретала международный характер.

Инициатором сплочения демократических сил всех стран в единый международный антифашистский и антивоенный фронт стал Коммунистический Интернационал, который пользовался поддержкой других левых сил. Середина 30-х годов характеризовалась мощными антифашистскими выступлениями во Франции, приведшими в 1934 г. к заключению соглашения о единстве действий между двумя крупными рабочими партиями — коммунистической и социалистической.

Победила демократическая революция в Испании, что встревожило реакционные силы, которые в июле 1936 г. во главе с генералом Ф.Франко предприняли военный мятеж с целью свержения законного правительства страны. В Испании вспыхнула гражданская война. Мятежным войскам активно помогали Германия и Италия. Но одновременно во всем мире развернулась кампания солидарности с героическим испанским народом, первым развернувшим вооруженную борьбу с фашизмом.

Борьба испанского народа против франкистских мятежников и итало-германской интервенции стала национально-революционной войной в защиту завоеваний испанской революции. Она вышла за национальные рамки, ибо велась не только против внутренних контрреволюционных сил, но и против международной реакции и ее ударного отряда — фашизма. Заслуга испанского народа состоит в том, что он, на протяжении трех десятилетий сдерживая наступление фашизма, создал преграду на пути развязывания Второй мировой войны.

«Фашизм еще до войны пустил корни во Франции, — писал журнал "Мировое хозяйство и мировая политика". — Некоторые крайне правые реакционные партии и организации: "Боевые кресты", "Аксион франсэз", кагуляры и др. уже тогда были заражены пораженчеством и проникли фашизмом»[1]. Была выработана «теория» неизбежной фашизации Франции. Как и во всех других странах, гитлеровцы и здесь создали сильную «пятую колонну» из продажных элементов. Опираясь на эти круги и на сохранившийся со времени Первой мировой войны престиж Петена, режим Виши в течение некоторого времени успешно служил гитлеровским целям.

Активную борьбу против фашизма и войны в 30-е годы вели народные массы Италии. В стране происходили десятки антифашистских выступлений, организовывались демонстрации, распространялись листовки. Итальянские коммунисты действовали нелегально. Основатель и руководитель ИКП Антонио Грамши находился в тюрьме. Большую работу вели коммунисты, эмигрировавшие за границу. В Париже они издавали политическую литературу и переправляли ее на родину. В 1934 г. компартии удалось заключить пакт о единстве действий с социалистами и установить сотрудничество с демократическим движением «Джустиция э либерта», в которое входили буржуазные и мелкобуржуазные круги итальянской эмиграции во Франции.

Компартия Италии несколько усилила антивоенную борьбу осенью 1935 г., когда Муссолини совершил агрессию против Эфиопии. Зная Муссолини как дуче и как верного союзника Гитлера в годы Второй мировой войны, трудно себе представить иного Муссолини-социалиста, противника войны, главного редактора органа Итальянской социалистической партии газеты «Аванти!». В период Первой мировой войны он бросил гневное обвинение в адрес ее виновников: «Итальянский пролетариат, восстань! - писал он. - Пробил час твердых решений и величайшей ответственности. На карту поставлены твоя кровь, твой хлеб, твое будущее». И далее: «Пролетариат поставляет сырье — пушечное мясо, с помощью которого державы творят историю... Война — это максимальная эксплуатация пролетарского класса. После пота — кровь, после эксплуатации труда — смерть на поле брани!»

По инициативе коммунистов и социалистов в Брюсселе состоялся конгресс итальянцев-антифашистов, призвавший итальянский народ к протесту против преступной войны. В ряде крупных промышленных центров страны прошли антивоенные демонстрации. Однако позже П.Тольятти отмечал, что ИКП не удалось развернуть массовое движение против агрессии в Эфиопии. Кроме фашистского террора и преследований, которым подвергались коммунисты, причиной тому стали абстрактные дискуссии о характере будущей власти после свержения режима Муссолини вместо организации конкретных антифашистских акций.

В середине 30-х годов резко обострилось противоборство антифашистского народного движения и фашизма в малых странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Так, в Австрии в ответ на провокации фашистской организации хеймверовцев в феврале 1934 г. с оружием в руках выступили рабочие-шуцбундовцы г. Линца. Вскоре ожесточенные бои развернулись в Вене и некоторых других городах. Но силы были неравные. Через неделю боев вооруженная борьба шуцбундовцев была прекращена. Февральские бои 1934 г. вошли в историю австрийского рабочего движения как одна из самых ярких ее страниц.

В Австрии наступила полоса реакции. Правительство Дольфуса установило открытую фашистскую диктатуру, что значительно ослабило страну перед лицом готовившейся против нее гитлеровской

агрессии, так называемого аншлюса, состоявшегося в марте 1938 г. В трудных условиях подполья коммунисты Австрии продолжали борьбу. Вместе с революционными социалистами они восстановили военную организацию «Шуцбунд», в 1935 г. возник единый фронт компартии и Партии революционных социалистов. Были восстановлены нелегальные революционные профсоюзы. Коммунисты решительно разоблачили аншлюс как агрессивную акцию германского фашизма.

Но успехи деятельности демократических сил были незначительными. В рабочем движении по-прежнему царил раскол. Эмигрировавшие за границу руководители социал-демократической партии отказывались от революционной борьбы, критиковали коммунистов за «излишнюю революционность», срывали образование единого рабочего фронта. Такая политика впоследствии стала одной из причин слабости движения Сопротивления австрийского народа против гитлеровских захватчиков и создала благоприятные условия для активизации сторонников коллаборационизма с Германией.

Трудный период переживали в эти годы и трудящиеся Польши. Страна испытывала экономические трудности. Оставались нерешенными многие социальные проблемы. Росла безработица. Обострялся национальный вопрос. Во внешнеполитической области усиливалась угроза целостности и самому существованию Польши со стороны гитлеровской Германии.

В такой обстановке польские коммунисты добились единства действий с социалистами. Но их соответствующие предложения отвергались лидерами Польской социалистической партии (ППС), Крестьянской партией (Стронництво людове) и других организаций. Тем не менее с 1936 г. антифашистское движение различных слоев населения, и прежде всего рабочего класса, активизировалось. По стране прокатилась волна забастовок. Многочисленные антифашистские демонстрации прошли в день 1 Мая. Национально-освободительная борьба охватила население Западной Украины и Западной Белоруссии. Многие польские антифашисты сражались в рядах интернациональных бригад в Испании.

Польские власти жестоко преследовали действовавших в подполье коммунистов. Католическая церковь активно вела антикоммунистическую пропаганду. Роль «пятой колонны» в Польше играло немецкое нацменьшинство. Все это препятствовало созданию Народного фронта и развертыванию антифашистского движения. Кроме того, как впоследствии выяснилось, по ложному обвинению Исполком Коминтерна летом 1938 г. распустил Коммунистическую партию Польши. Но уже через полгода в Париже по инициативе Исполкома Коминтерна была организована группа польских коммунистов, в основном из бывших бойцов интернациональной бригады, сражавшейся в Испании, с целью подготовить восстановление партии. Еще через несколько месяцев, в мае 1939 г., Исполком Коминтерна принял соответствующее постановление, но из-за начавшейся войны реализовать его не удалось. В такой сложной обстановке демократические силы Польши встретили новое испытание — агрессию гитлеровской Германии.

Продолжала обостряться классовая борьба в Чехословакии, где трудящиеся выступали как против чехословацкой буржуазии и помещиков в защиту своих социальных прав, так и против гитлеровской агентуры в лице судетско-немецких фашистов, выступавших за отторжение Судетской области от Чехословакии и присоединение ее к Германии. Активизировали свою подрывную деятельность словацкие сепаратисты. В области внешней политики правительство Чехословакии, опасаясь агрессии со стороны Германии, пошло в мае 1935 г. на подписание Договора о взаимной помощи с Советским Союзом. Эта акция способствовала усилению внешнеполитических позиций Чехословакии и укреплению антифашистских сил внутри страны. Договор мог бы стать могучим оружием в отстаивании независимости Чехословакии. Но правители страны в критические для нее дни сентября 1938 г. не воспользовались им.

Действовавшая легально коммунистическая партия была влиятельной силой в стране. Она активно поддерживала стачечную борьбу трудящихся, выработала конкретную программу улучшения положения трудового крестьянства, решения национального вопроса. Одну из своих важнейших задач компартия видела в том, чтобы образовать Народный фронт. Однако правые лидеры социал-демократии в конце 1935 г. отвергли соответствующее предложение коммунистов.

Коммунисты Чехословакии вели активную борьбу против фашизма. На своем VII съезде в апреле 1936 г. КПЧ заявила о необходимости урегулировать национальный вопрос, которым Германия и ее агентура внутри страны пользовались как предлогом для отмены буржуазно-демократических свобод, расчленения и ликвидации независимой Чехословакии.

Проблема защиты суверенитета страны стала особенно актуальной после аншлюса Австрии. Так, в мае 1938 г., когда над Чехословакией нависла реальная угроза гитлеровской агрессии, секретариат ИККИ в ответ на меморандум К.Готвальда о положении в Чехословакии и задачах КПЧ, присланный в Исполком Коминтерна, принял специальное постановление по «чешскому вопросу». В нем предлагалось, чтобы КПЧ вовлекла в «Фронт защиты независимости республики» не только чешские и словацкие народные массы, но и немцев, венгров, украинцев и поляков, т.е. «это, следовательно, должен быть не фронт чехословаков против остальных народов республики, а фронт *всех* народов республики для защиты независимости и свободы *всех* ее народов от гитлеровского фашизма».

В эти тревожные дни демократы выступили с планом укрепления обороны страны, консолидации всех национальных сил и разоблачения фашизма. Но правительство Э.Бенеша все более склоня-

лось к поискам соглашения с Германией. В итоге наступили дни Мюнхена, а затем в марте 1939 г. произошла гитлеровская оккупация всей Чехословакии.

Следует особо отметить, что мюнхенский сговор нанес серьезные политический и психологический урон не только чехословацким антифашистам, но и в целом борьбе народов Европы против фашизма и войны. Он задержал создание широкого фронта борцов против фашизма и воспрепятствовал усилиям народов не допустить второй мировой войны, затормозил борьбу против национальных предателей, сторонников сближения с Германией.

Резкое обострение классовых противоречий наблюдалось в Болгарии, где в ноябре 1935 г. царь Борис ввел открытую монархо-фашистскую диктатуру. Общий курс всех последующих правительств состоял в борьбе против демократии, за превращение страны в сателлита гитлеровской Германии. В сложившейся обстановке Болгарская коммунистическая партия видела свою задачу в создании широкого Народного антифашистского фронта. С этой целью необходимо было освободиться от левосектантских элементов, проводивших авантюристическую тактику «непосредственного установления советской власти». Новое руководство БКП во главе с Г.Димитровым добилось единства действий профсоюзных и молодежных организаций в таких классовых битвах, как борьба табачников Пловдива, текстильщиков Габрово и Сливена, шахтеров Перника и др. Эта борьба рабочих свела закон о запрещении стачек на нет.

Активизацией рабочего движения были встревожены фашистские партии и организации, пользовавшиеся покровительством монархии. В области внутренней политики они старались ослабить компартию и изолировать ее от народных масс, а в области внешней политики ориентировались на гитлеровскую Германию. В канун Второй мировой войны обстановка в Болгарии накалялась. Демократические силы осудили перевооружение болгарской армии, предпринятое царем Борисом, разоблачали правительство, которое поддержало агрессию Германии против Чехословакии и открыто провозглашало свои претензии к соседним странам. Массовые демонстрации и стачки, прошедшие весной 1939 г., свидетельствовали о нарастании влияния демократических сил в стране, которого монархо-фашистское правительство не могло игнорировать.

Исключительной сложностью и противоречивостью в 30-е годы характеризовалась ситуация в Югославии, что было связано с историческими особенностями в формировании ее государственности, многонациональным составом и религиозной принадлежностью ее населения. Важно было и то обстоятельство, что на ее территории только Королевство Сербия и Черногория было независимым государством. Остальные входили в состав Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Естественно, что в Первой мировой войне их граждане воевали в рядах разных военных коалиций. В 1915 г. сербы сражались против вторгшихся на их родину немецких и австро-венгерских войск, в составе которых были хорваты и словенцы. Все это не могло не повлиять на их не очень дружественные взаимоотношения даже тогда, когда они стали гражданами единого Королевства сербов, хорватов и словенцев. Кроме них на территории в 260 тыс. кв. км население этого королевства составляло 12 млн представителей разных национальностей.

Все эти обстоятельства у некоторых народов, особенно у хорватов, вызвали потребность образовать свое сепаратное государство. Руководитель Хорватской крестьянской партии Степан Радич за попытку примирить оба народа в июне 1928 г. поплатился жизнью — на заседании скупщины он был убит сербским фанатиком.

Обстановка в Югославии во второй половине 30-х годов характеризовалась тем, что после убийства в октябре 1934 г. короля Александра, сторонника французской ориентации, в стране был установлен монархо-фашистский режим. Против него выступали коммунисты. Как показали выборы 1935 г., новым режимом были недовольны некоторые буржуазные и крестьянские партии, а также отдельные профсоюзы.

Для ведения более эффективной борьбы против фашизма коммунисты осенью 1935 г. предложили создать антифашистский Народный фронт и с этой целью организовали демонстрации в нескольких крупных городах страны. Компартия выступила в защиту независимости Австрии, Чехословакии, она поддержала добровольцев, отправившихся на защиту Испанской Республики. Несмотря на усилия коммунистов, из-за сопротивления правых социалистов и оппозиционных буржуазных партий Народный фронт создать не удалось. Но коммунисты не прекратили своих усилий по объединению всех антифашистов. Кроме того компартия настойчиво требовала демократического решения острого для Югославии национального вопроса, которым весьма активно спекулировали фашистские элементы и сепаратисты. Это особенно касалось деятельности хорватских усташей.

Значительный ущерб партии нанесла продолжавшаяся до конца 1937 г. внутрипартийная фракционная борьба. Новое руководство партии во главе с И.Броз Тито проводило линию VII конгресса Коминтерна на создание широкого Народного фронта. Ему удалось выработать совместную платформу борьбы против фашизма и реакции с левыми течениями некоторых буржуазных партий, особенно с группой И.Рибара из демократической партии, представителями Хорватской крестьянской партии и др.

Между тем над Югославией нависли тревожные тучи. Внешние силы в лице Германии и Италии и внутренние — в лице националистических профашистских элементов в Хорватии и в других бановинах Югославии объединялись для расчленения страны и ликвидации ее независимости.

Как сербские, так и хорватские националисты искали поддержку в других странах. В этом особенно преуспели хорватские усташи во главе с их лидером Анте Павеличем, получавшие поддержку

и по существу бывшие агентами спецслужб Германии и Италии. Так было положено начало тому сотрудничеству (термин «коллаборационализм» еще не имел тогда широкого распространения), которое расцвело между германским фашизмом и хорватскими усташами во Второй мировой войне.

Осенью 1940 г. общая обстановка на Балканах резко осложнилась. После оккупации Албании итальянские войска предприняли агрессию против Греции. Реальная угроза нависла и над Югославией, которой Гитлер предложил присоединиться к странам. С этой целью 25 марта 1941 г. в Вене было заключено соответствующее соглашение. Но два дня спустя группа офицеров во главе с генералом авиации Д.Симовичем совершила путч с целью расторжения соглашения с Германией. В ответ на этот акт 6 апреля 1941 г. Германия объявила Югославии войну, и германская авиация предприняла налет на Белград, а наземные войска вторглись на югославскую территорию.

Для Павелича и усташей наступил звездный час, а для югославских народов — долгие годы чужеземной оккупации, расчленения страны и жестокого террора, в которых югославские коллаборационисты приняли самое активное участие.

Продолжалась фашизация Румынии. Укреплялась фашистская организация — «Железная гвардия». В конце 1934 г. правительство распустило все антифашистские организации, были предприняты аресты коммунистов. Румыния постепенно сближалась с Германией, превращаясь в ее сателлита, что не соответствовало интересам не только широких народных масс, но и некоторых буржуазных кругов.

Залог успеха борьбы против фашизма находившаяся в подполье Компартия Румынии видела в сплочении всех антифашистских сил. С этой целью в 1935 г. она заключила соглашение с демократической организацией — Фронт земледельцев и в следующем году создала Демократический фронт. Позже в этот фронт вошли некоторые организации социал-демократической партии, что свидетельствовало об укреплении антифашистских сил.

Однако обстановку в стране в корне изменило событие, происшедшее 10 февраля 1938 г. В этот день король Кароль, поддержанный военщиной, отменил конституцию 1923 г. и установил самодержавный режим. Новая конституция аннулировала элементарные демократические свободы, были распущены все политические партии, профсоюзы, закрыты оппозиционные газеты. Обстановкой воспользовались «железногвардейцы», чтобы захватить власть, но потерпели неудачу. В области внешней политики королевская диктатура вела политику сближения с гитлеровской Германией. Впоследствии она стала роковой для судьбы страны и румынского народа.

Обстановка в Венгрии во второй половине 30-х годов характеризовалась тем, что политическое господство в стране принадлежало фашистским элементам армии и буржуазии во главе с регентом — адмиралом М.Хорти. Частая смена правительств в эти годы

ничего не изменила в принципиальной внутренней и внешней политике венгерской буржуазии. Экономика страны все больше подчинялась интересам германских монополий. Усилилась деятельность фашистских организаций, таких, как «Скрещенные стрелы», и других, а также организаций местных немцев. Активизировалась социальная и реваншистская демагогия, продолжались гонения на компартию.

Все эти меры создавали серьезные трудности в освободительной антифашистской борьбе трудящихся. Но она продолжалась. В 1934—1936 гг. прокатилась волна стачек среди рабочих мелких предприятий, текстильных фабрик, металлургических заводов и строителей. Развернулись акции солидарности с республиканской Испанией.

Таким образом, создавались условия для единства действий в первую очередь рабочих партий. Но соответствующие усилия не привели к успеху, т.к. правые лидеры социал-демократической партии саботировали образование единого рабочего и антифашистского Народного фронта. В канун тяжелых испытаний, непосредственно перед Второй мировой войной, раскол рабочего и демократического движения привел к резкому ослаблению антифашистских сил и облегчил реакции превратить Венгрию в одного из самых верных сателлитов Германии.

В сложной ситуации 30-х годов активную внутреннюю и внешнюю политику по-прежнему вел Советский Союз. Однако международное положение Советского Союза за эти годы существенно изменилось. Если прежде основная опасность для него, как считал Сталин, исходила от англо-французской группировки империалистических держав, то теперь его наиболее опасным противником стал блок фашистских государств. Не следует забывать и того, что не только в Германии и Италии, но и в ряде других стран при поддержке Гитлера и Муссолини шел активный процесс фашизации, поддержки местных сепаратистов и коллаборационистов, ликвидации буржуазно-демократических свобод. Так, в 1936 г. из 26 стран Европы только в десяти эти свободы еще сохранились, к тому же в значительно урезанном виде. Это еще в большей степени нагнетало международную обстановку, создавая тем самым опасный предвоенный кризис.

Советское правительство по-прежнему считало, что в создавшихся условиях важнейшая задача всех свободолюбивых народов — это коллективными усилиями предотвратить надвигавшуюся мировую войну. Важно подчеркнуть, что Советский Союз готов был к коллективному отпору агрессора независимо от того, где готовится эта агрессия и в какой мере она угрожает интересам СССР. Так, в ноябре 1937 г. советское правительство заявило: «Мы при всех подходящих случаях, и даже тогда, когда интересы Советского Союза совершенно не были затронуты, подчеркивали нашу готовность участвовать наравне с другими великими, а также малыми

державами в коллективном отпоре агрессору. Но коллектива для отпора пока нет».

С этой политической линией были солидарны и многие деятели социалистических и социал-демократических партий. Об этом свидетельствует призыв одного из лидеров австрийской социал-демократии О.Бауэра к сотрудничеству с Советским Союзом в его борьбе за мир. Бауэр писал, что, «чем дольше сохранится мир, тем сильнее станет Советский Союз... Тем могучее станет эта держава, победа которой в случае войны вызовет социальную революцию в Европе и Азии».

Опыт солидарности антифашистских и антивоенных действий, накопленный в 30-х годах, показал, что необходима организация всемирного фронта мира, а также необходимо сформулировать конкретные задачи перед национальными отрядами рабочего класса в борьбе против военной опасности. Без этих предпосылок антивоенное движение будет раздроблено и лишено четких перспектив. Важно подчеркнуть, что борьба против фашизма, за сохранение мира в 30-е годы не была чисто оборонительной и ограниченной в постановке задач. Она преследовала вместе с тем и цель добиться широкого единства рабочего класса и других слоев трудящихся в этой борьбе.

Опыт антивоенного движения 30-х годов настоятельно подтвердил важность для участвующих в нем сил четко определить главного и наиболее опасного в данное время противника, против которого и следует обрушить всю мощь ударов международного рабочего класса, всех трудящихся.

Накопленный в 30-е годы опыт свидетельствует о том, что эффективность антивоенной борьбы становится намного выше, если движение народов сочетается и опирается на возможность государств, руководители которых готовы к такому сотрудничеству. К сожалению, руководители многих стран не проявили тогда подобной готовности.

Таким образом, уже во второй половине 30-х годов человечество, по крайней мере народы Европы, располагало значительным потенциалом мира и антифашистских сил. Но в тех конкретных условиях при сложившемся соотношении сил на мировой арене и в каждой отдельно взятой стране этот потенциал оказался недостаточным, чтобы предотвратить войну. Однако усилия противников фашизма и понесенные жертвы не пропали даром. Демократические силы мира и прежде всего Европы накопили определенный опыт борьбы против фашизма и милитаризма в решении национального вопроса. В последующие годы, когда мировая бойня охватила всю Европу и многие страны других континентов, этот опыт нашел широкое применение в народном движении Сопротивления.

Особенно ценными были уроки, полученные в ходе освободительной вооруженной борьбы эфиопского, испанского и китайского народов против немецко-фашистских, итальянских и японских захватчиков. Эти уроки способствовали развитию антифашистского и антивоенного движений, помогли всем прогрессивным силам полнее подготовиться к еще более тяжким испытаниям. На полях сражений против фашизма в этих странах закалились и приобрели богатый политический и военный опыт многие будущие организаторы народного движения Сопротивления, развернувшегося в годы Второй мировой войны.

Можно без преувеличения констатировать, что без такого опыта Сопротивление не приобрело бы такого размаха, целеустремленности и эффективности, каким оно стало в годы последней мировой войны.

Между тем со стороны Германии надвигалась опасная для народов Европы предвоенная гроза. Если веймарская Германия, не оправившаяся еще от войны и обремененная Версальским диктатом, лишь робко выступала за свое место под солнцем, то пришедшие к власти в 1933 г. гитлеровцы поставили в центр своей политики требование мирового господства. Они не только выступали за ревизию Версальского договора, но и за захват других территорий на континенте Европы и на других континентах, на которые нацистские заговорщики предъявляли претензии за счет соседних и других стран, как на необходимое для «германской расы» «жизненное пространство»[2]. Подобную программу Гитлер публично изложил в «Майн кампф» — книге, опубликованной еще в 1924 г., следующим образом: «Мы начинаем там, где Германия кончила 600 лет назад. Мы кладем конец извечному движению германцев на юг и запад Европы и обращаем свой взгляд к землям на востоке... Мы переходим к политике будущего — к политике территориального завоевания»[3].

Для того чтобы укрепить позиции национал-социализма среди немецкого народа, по-прежнему недовольного версальскими ограничениями, Гитлер начал выполнение своей программы завоевания мирового господства с восстановления довоенных границ рейха. На повестку дня фашизм поставил проблему Саара. Лицемерно провозглашая свое желание «навсегда уничтожить вражду между Германией и Францией», Гитлер на всех перекрестках повторял, что, «если бы Саарская область была возвращена Германии, исчез бы всякий повод для исправления границ». Что же касается Эльзаса и Лотарингии, то, дабы успокоить Францию, Гитлер однажды заявил, что судьбу этой области он считает окончательно решенной в пользу Франции.

В первые месяцы существования фашистской диктатуры в Германии активно обсуждалась идея аншлюса Австрии. Но против нее решительно выступил Муссолини, который еще несколько лет назад заявил, что воспрепятствовать воссоединению Австрии и Германии — первейшая внешнеполитическая проблема Италии. 25 июля 1934 г. Муссолини даже отдал приказ об отправке четырех

дивизий на Бреннер и на границу Каринтии, на что возмущенный Гитлер ответил: «Дуче! Я Вам никогда этого не забуду!»

Потерпев неудачу в австрийском вопросе, Гитлер решил усилить нажим на западные державы по поводу Саара. В ноябре 1934 г. ему удалось добиться согласия Франции на проведение плебисцита в Саарской области, который должен был решить, останется ли Саар под контролем Лиги Наций, будет ли он присоединен к Франции или к Германии. Гитлеровская агентура в Сааре развернула активную подготовку к плебисциту, намеченному на 13 января 1935 г. Широкую пропаганду за присоединение области к Германии вела фашистская организация «Немецкий фронт». Наводнившие Саар гестаповцы организовали террор против активных противников Германии и запугивали колеблющихся. В самой Франции эмиссар внешнеполитического бюро Риббентропа Отто Абец также вел соответствующую подготовку. На руку Гитлера играли и заявления политических деятелей Франции и Англии об их незаинтересованности в Сааре.

Непосредственный очевидец этого плебисцита советский писатель Илья Эренбург рассказывал впоследствии, что «свободное волеизъявление» жителей Саара было похоже на трагический фарс. В теории все было безукоризненно: свобода слова, печати, английские патрули, которые должны были гарантировать эти свободы. Но на деле фашисты срывали собрания коммунистов, они нападали на киоски, в которых продавались газеты, выступавшие за присоединение Саара к Франции. Фактический хозяин Саара, крупный немецкий промышленник Герман Рехлинг лишал пособий тех безработных, которые не записались в «Немецкий фронт»[4].

В результате, как и следовало ожидать, из 539 тыс. человек голосовавших 477 тыс. высказались за присоединение к Германии и лишь 2 тыс. голосовали за присоединение к Франции. Свыше 46 тыс. человек подали голос за сохранение существующего положения. Лига Наций поспешила подтвердить итоги плебисцита, и с 1 марта 1935 г. Саарская область вошла в состав Германии. Примерно тогда же состоялся плебисцит в бельгийском городе Эйпене. Здесь, рассказывает И.Эренбург, наблюдалась такая же картина, что и в Сааре. Никаких виз для приезжающих из Германии немцев бельгийские власти не требовали. Поэтому многие нацисты приезжали сюда на трамвае из Дортмунда и Дюссельдорфа. Выходившая в городе немецкая газета «Opener Zeitung» писала, что скоро немцы освободят Эйпен, а бельгийская полиция активно преследовала немецких коммунистов и ревностно передавала их в руки гестапо[5].

7 марта 1936 г., в день, когда Германия начала ремилитаризацию левобережья Рейна, Гитлер заявил: «Ныне, когда Германия окончательно обрела равноправие и восстановила полный суверенитет над всей территорией империи, правительство империи считает, что основная причина его выхода из Лиги Наций устранена. Поэтому оно готово вернуться в Лигу Наций».

Это были первые крупные успехи Гитлера в его усилиях ревизии территориальных статей Версальского договора. Причем они были обеспечены мирным путем, что еще больше вдохновило Гитлера. Гитлеровская печать установила даже очередность «возвращения» Германии отобранных у нее территорий: за Сааром последует Эльзас — Лотарингия, затем Данцигский коридор, Мемельская область и Чехословакия. «Völkischer Beobachter» потребовала, чтобы подобный плебисцит был проведен и в Мемельской области, которую газета назвала «Восточным Сааром».

Свое «миролюбие» Гитлер хотел подтвердить пышным проведением в Берлине XI Олимпийских игр в 1936 г. И это ему удалось. Впоследствии почти пять тысяч городов мира присудили ему звание своего почетного гражданина. Соответствующие документы хранились в его личном архиве в Бергхофе. К 1939 г. 1133 улицы и площади во всем мире были названы его именем. Но кроме пропагандистских целей Гитлер не забыл и чисто коммерческие: затратив 77 млн марок на строительство Олимпийского стадиона, Германия заработала на проведении Игр 500 млн марок.

Начался отход к состоянию, существовавшему до Версаля. После присоединения Саара и аншлюса Австрии наступила очередь Мемельской области. По требованию из Берлина правительство Литвы 22 марта 1939 г. вынуждено было согласиться на передачу Мемеля (Клайпеды) Германии. Вечером того же дня в город вступили части вермахта. На следующий день сюда прибыли Г.Гиммлер, К.Далюге, генерал Э.Мильх, В.Франк и гаулейтер Восточной Пруссии Э.Кох, а вскоре в сопровождении большой свиты — и сам Гитлер. Здесь же он подписал указ о включении города и района Клайпеды в состав рейха. Важным событием, которое обострило предвоенный политический кризис в Европе, были итальянская агрессия в Албании в апреле 1939 г. и провозглашенное Муссолини включение этой страны в состав Италии.

Так, из-за агрессивных устремлений германского и итальянского фашизма со второй половины 30-х годов начался второй после Версаля этап территориального перекраивания Европы. Вскоре наступит новая мировая война, и боевая колесница вермахта разрушит не только границы, установленные в Версале, но и те национальные и государственные границы, которые устойчиво существовали в Европе многие столетия.

Обострение проблемы национальных меньшинств

Крупным резервом для формирования коллаборационистских сил, выступавших в демократических странах в пользу нацистской Германии, являлись не только социальные процессы, вызывавшие недовольство части населения и рассчитывавшие на поддержку внешних сил. Таким резервом были и существовавшие в ряде европейских стран острые межнациональные противоречия, включая и

неравноправное положение нацменьшинств. Поэтому в поисках корней коллаборационизма невозможно обойтись без освещения национального вопроса, существовавшего в Европе в 30-е годы.

В результате великодержавной политики лидеров господствующей нации, а также демагогии, провокаций подрывной деятельности со стороны гитлеровской Германии и фашистской Италии в Европе к середине 30-х годов образовалось несколько очагов национальных противоречий, в которых борьба угнетенных национальностей за свои права приобрела особо обостренный характер.

На Балканах один из таких очагов представляла Югославия. Характерным для этой страны являлось то, что она не только в целом, но и каждая из ее составных частей отличались чрезвычайной национальной пестротой.

В основе национальной политики сербских лидеров лежала ложная концепция о том, будто существует триединый народ сербов, хорватов и словенцев, или единая «сербско-хорватско-словенская нация». Между тем в действительности же все они составляли самостоятельные нации со своими экономическими связями, особенностями языка и культурными традициями. Даже такие близкие между собой нации, как сербы и хорваты, говорящие на одном языке, и те имеют ряд различий. Между ними тогда были весьма слабы экономические связи, т.к. сербы на протяжении нескольких столетий находились под турецким игом, а хорваты — в составе империи Габсбургов. В ходе освободительной борьбы сербам удалось добиться ликвидации крупного турецкого землевладения, тогда как в Хорватии австрийское и хорватское крупное землевладение сохранилось вплоть до земельных преобразований после провозглашения независимого государства Югославия. Кроме того, сербы исповедуют православие и пользуются славянским шрифтом, а хорваты — католики и пользуются латинским алфавитом.

Находясь в составе Австро-Венгрии, Хорватия имела хотя и ограниченную, но культурную автономию, и хорватские националисты считали это своим большим завоеванием. Но с образованием Югославии сербский элемент стал давить на хорватов, что вызывало их естественное недовольство. Демократическое крыло хорватского освободительного движения требовало широкой автономии в рамках единой Югославии. Националистическое направление, особенно террористическая организация усташей во главе с А.Павеличем, выступало за расчленение Югославии и создание «великой Хорватии от Триеста до Тимока».

Доминирующей идеей коллаборационизма многонациональной Югославии было стремление разрушить это федеральное государство и предоставить каждой его республике национальную независимость.

Сотрудничество хорватов с Австрией, Германией и Италией против молодого югославского государства началось еще в 1919 г. В нем активное участие принимал молодой студент А.Павелич. Тогда же он вступил в националистическую организацию «Молодая Хорватия», которая выступала за независимость Хорватии с присоединением к ней Боснии и Далмации. Став в 1927 г. депутатом от Загреба, он выдвинул требование предоставить Хорватии автономию.

В последующие годы взаимоотношения между Хорватией и Сербией постоянно обострялись и привели к перестрелке между их депутатами в югославском парламенте. Для подготовки восстания студенты-хорваты создали боевую организацию «Хорватский Домобран». Ее руководителем стал Евгений Кватерник — сын известного в то время вождя хорватских националистов полковника Славко Кватерника и внук Евгения Кватерника, расстрелянного в 1871 г., руководителя вооруженного восстания в Хорватии. За автономию Хорватии выступала тогда и влиятельная Хорватская крестьянская партия во главе с Владко Мачеком.

Сепаратистское движение в Хорватии и обструктивистская деятельность хорватских депутатов в парламенте вынудили короля Александра 6 января 1929 г. совершить государственный переворот и всю полноту власти взять в свои руки. Реакция хорватских политических деятелей на эту акцию короля была решительной. Павелич провозгласил создание новой террористической партии «Усташа. Хорватская революционная организация» (УХРО) с целью освобождения Хорватии путем вооруженного восстания. Были установлены связи с фашистскими организациями Венгрии и Болгарии. В совместной декларации в апреле 1929 г. они заявили о необходимости свержения белградского режима, после чего сербский суд приговорил Павелича за государственную измену к смертной казни.

Бежавший в Италию Павелич был принят Муссолини, который проявил особый интерес к судьбе Хорватии. Павеличу и его семье в Болонье был предоставлен дом, ставший и штаб-квартирой усташского движения. На территории Италии при поддержке итальянских спецслужб создавались лагеря для подготовки террористов, направлявшихся затем в Югославию для совершения террористических актов.

Павелич пытался привлечь к сотрудничеству и многих хорватских эмигрантов, проживавших в Германии и Австрии, для чего неоднократно посещал эти страны. Вскоре в Берлине он создал второй центр своего движения, здесь же издавалась и его газета.

В апреле 1930 г. в Австрии была созвана конференция югославских эмигрантов – сторонников Павелича. В ней принял участие и руководитель болгарской фашистской партии М.Михайлов. На конференции было решено, что в борьбе за освобождение Хорватии недостаточно использовать лишь публицистические средства. Привлечь внимание мировой общественности необходимо и совершением актов саботажа на территории Югославии.

Летом 1932 г. Павелич с группой молодых усташей нелегально прибыл в Югославию и в горах предпринял вооруженное выступление, вскоре жестоко подавленное. Несколько сот усташей было

арестовано. Выступление стало поводом для волны новых репрессий сербской полиции на территории Хорватии и, как следствие, к бегству за границу многих молодых хорватов.

В следующем году в одном из усташских лагерей в Венгрии готовилось покушение на короля Александра I, посетившего Загреб. Но оно было предотвращено, а некоторые руководители и многие усташи арестованы. Покушение на короля и сопровождавшего его в Марселе французского министра иностранных дел Барту состоялось 9 октября 1934 г. В этом преступлении французские власти обвинили усташей и лично Павелича, заочно приговорив его к смертной казни.

Власти Италии и Германии вынуждены были отреагировать на возмущенное мировое общественное мнение и на требование Франции. В Италии Павелич оказался в тюрьме, а лагеря усташей и их газеты в Италии и Германии были временно закрыты.

Между тем в самой Хорватии борьба за независимость на основе коллаборационизма с соседними странами продолжалась, и Белград вынужден был пойти на уступки. В конце августа 1939 г. югославское правительство согласилось расширить территорию Хорватии путем включения в нее далматинского побережья, нескольких округов Боснии и Сырмии и образовать Хорватскую бановину, которой была предоставлена широкая автономия. Сторонников Павелича это решение не удовлетворило, и они по-прежнему выступали за независимость. Но другая часть менее радикальных участников усташского движения во главе с Славко Говедичем, не согласная с Павеличем, под покровительством спецслужб Германии создала свою Хорватскую национал-социалистическую партию труда. «Рожденная на Корфу, в Лондоне и Париже, версальская Югославия превратилась в самую типичную в Европе страну национального угнетения. Хорваты, словенцы и черногорцы оказались в положении подчиненных народов, неравноправных граждан Югославии, – писал И.Броз Тито. — Македонцы, албанцы и другие оказались порабощенными и подвергались истреблению. Мусульмане, немецкое и венгерское меньшинства являлись разменной монетой или орудием в борьбе против хорватов и других народов Югославии»[6].

Накануне Второй мировой войны югославское правительство предприняло попытку как-то ослабить напряженность в отношениях между Хорватией и Белградом. 26 августа 1939 г. был подписан протокол об автономии Хорватии, бан которой был ответственен только перед королем Югославии и хорватским Собором. Лидер Хорватской крестьянской партии Владимир Мачек был назначен заместителем премьер-министра Югославии. Однако эти меры не могли решить и не решили весьма сложной хорватской проблемы, что и подтвердили трагические события, которые произошли весной 1941 г.

Большую помощь компартии Югославии в 30-е годы оказал Коминтерн. Он указал югославским коммунистам, что при разработке политики по национальному вопросу лозунг самоопределения наций нельзя понимать как стремление партии видеть Югославию

раздробленной. Наоборот, компартия должна активно выступать за федеративную демократическую республику с внутренней автономией для всех угнетенных национальностей[7].

Что же касается других национальностей Югославия (черногорцев, албанцев, македонцев и т.д.), то они пользовались еще более ограниченными правами, чем хорваты и словенцы. Их школы и газеты закрывались. Преимущество для поступления на государственную службу имели только сербы. Белград задерживал экономическое развитие несербских областей Югославии. Такая великосербская политика вызывала, естественно, ответную реакцию угнетенных национальностей, чем пользовались недруги Югославии и в первую очередь Италия и Германия.

На почве справедливой борьбы трудящихся Югославии за национальное равноправие паразитировали различные националистические элементы, выступавшие за раскол страны и ее ликвидацию как единого целого. К их числу принадлежали и различные организации местных немцев. Немецкая колония в Югославии была тогда довольно многочисленной. Немцы жили в основном в Словении, Банате, Воеводине, Сербии и Хорватии. Несмотря на ряд привилегий, которых они добились у правительства Югославии, югославские немцы были весьма неспокойным элементом, требовавшим признания своих особых отношений с Германией.

Национальный вопрос оставался напряженным и в Греции. Греческое правительство проводило политику дискриминации в отношении албанцев, турок, болгар и македонцев. В Македонии и Западной Фракии были закрыты школы с преподаванием на славянских языках. Греческие власти стремились отменить славянский алфавит, для чего они провели его «реформирование».

Угнетение нацменьшинств в Румынии, Венгрии и Австрии

После Первой мировой войны многонациональным государством стала Румыния. После развала Австро-Венгрии румынская армия поспешила оккупировать Буковину и Трансильванию. В австрийской Буковине до войны проживало около 800 тыс. человек, из них более 40% (330 тыс.) составляли украинцы, а румыны, жившие на юге области, насчитывали 253 тыс. (около 32%). Немцев было до 176 тыс. (22%), но среди них больше половины составляли евреи, которые считали себя немцами.

Важное политическое и экономическое значение для Румынии имело присоединение к ней Трансильвании, или Семиградья (румыны называют эту область Ардял). Наиболее крупной национальностью Трансильвании были румыны (около 3 млн человек). Здесь также жили около 1,5 млн венгров, среди них 50 тыс. человек принадлежали венгерской народности секуйев или секлеров. Кроме Трансильвании венгры компактными массами жили в Банате, Кришане и Марамурешe.

Значительную часть населения Трансильвании (до 750 тыс.) составляли немцы, или, как их здесь не совсем точно называли, «трансильванские саксы». Гитлеровская агентура вела среди трансильванских немцев, особенно после 1933 г., активную подрывную работу. Выступая на XIII пленуме Исполкома Коминтерна в декабре 1933 г., представитель компартии Румынии Л.Патрашкану отмечал: «За последние годы в Семиградье очень быстро выросло немецкое национал-социалистическое движение, которое поддерживает весьма оживленную связь с Буковиной и Южной Бессарабией... Так как это национал-социалистическое движение руководится непосредственно из Германии, то нет ничего удивительного, что Фабрициус, вождь национал-социалистов в Семиградье, во всем подражает Гитлеру и повсюду выступает от его имени»[8].

Если учесть наличие нерумынских национальностей в присоединенных областях южной части Марамуреша, всего Баната, части Кришаны, а также Добруджи и Бессарабии, то, по официальным данным 1922 г., в Румынии 30% населения составляли нацменьшинства. Фактически же их было не менее 42%, ибо румынская официальная статистика бессарабских молдаван и буковинских украинцев считала румынами, а некоторые мелкие национальные меньшинства одним росчерком пера вообще не считались существующими.

Самыми крупными национальностями в Румынии стали молдаване, украинцы и русские (3 млн), венгры (около 1,5 млн), немцы в Трансильвании, Банате и Буковине (около 800 тыс.), болгары (600 тыс.), проживавшие в основном в южной Добрудже, в придунайских районах Валахии и в Банате, а также около миллиона евреев, турок и татар (300 тыс.).

Национальные меньшинства Румынии были лишены каких-либо политических прав. Власти нарушали свои обязательства, взятые по Парижскому договору об охране прав национальных меньшинств, подписанному странами Антанты и Румынией в декабре 1919 г. Румынская реакция в Трансильвании последовательно проводила в жизнь политику одного из своих лидеров — И.Братиану, который еще в 1920 г. заявил иностранным журналистам: «Приезжайте сюда через 10 лет, и вы не увидите ни одного венгра».

Классовые и национальные противоречия в Бессарабии привели в 1924 г. к знаменитому Татарбунарскому восстанию украинских и молдавских крестьян. В Румынию приезжал А.Барбюс, который затем в своей книге разоблачил зверства, чинимые румынскими боярами над бессарабским населением. «Со всей силой убежденности заявляю, — писал он, — что рисуемая мною картина "белого" террора никоим образом не может "дискредитировать" народы этих стран. Я не раз выражал свое восхищение, уважение и дружбу румынскому и болгарскому народам, как и народам других стран, где мне пришлось побывать»[9].

К 1930 г. нацменьшинства Румынии вынуждены были подать в Лигу Наций 48 петиций, в которых отмечались различные притеснения, чинимые румынским правительством. Новые ограничения

нацменьшинствам принесла фашистская конституция, принятая в марте 1938 г. Вся страна была разделена на 10 провинций, причем разделялись территории, на которых компактно проживали национальные меньшинства. Особым репрессиям подвергалось еврейское население Румынии, которое к 1940 г. насчитывало около 1 млн человек[10].

Не матерью, а мачехой считали свою родину многие национальные меньшинства Венгрии. Венгерские господствующие классы, которые сами лишь во второй половине XIX в. завоевали национальную независимость, жестоко преследовали тех, кто хотел таких же прав. Даже после 1868 г., когда был принят закон о «Равенстве и равноправии национальностей», единственной нацией в стране признавалась венгерская. Именно тогда венгерские националисты выдвинули лозунг: «Или Венгрия станет венгерской, или исчезнет вовсе». Более доходчиво этот лозунг комментировал венгерский публицист Геза Костельский: «Или мы ассимилируем другие национальности, или погибнем (третьего не дано)».

Власти предприняли массовую мадьяризацию невенгерских национальностей. Был принят специальный закон о переименовании названий общин и других мест. С конца XIX в. началась кампания по переименованию фамилий, для чего в Будапеште было создано специальное общество. С 1918 г. эта кампания стала еще более интенсивней, и к 1934 г. было изменено уже 100 тыс. фамилий. Местные власти многих населенных пунктов запрещали жить в них тем, кто не носит венгерской фамилии. Один из исследователей проблемы нацменьшинств в Венгрии справедливо отмечал, что «из всех ассимиляторских мер венгерского правительства мадьяризации фамилий была самой бессмысленной и бесчувственной»[11].

Мононациональным государством не стала и Австрия. Особенно многочисленным национальным меньшинством в ее новых границах были славянские народы (около 200 тыс. человек) и итальянцы. В частности, в Словенской Каринтии, которая отошла к Австрии, проживало перед Второй мировой войной до 120 тыс. словенцев. Правительство Австрии не выполнило обязательств по Сен-Жерменскому договору и осуществляло здесь насильственную германизацию. Еще в худшем положении оказались те 70 тыс. хорватов, которые жили в Австрии, особенно в Бургенланде, изолированно от остального славянского мира. Здесь, в восточной части Австрии, власти запрещали хорватам употребление родного языка, создание культурных организаций. Их политическое положение ухудшалось еще и тем, что после разделения Австрии и Венгрии 4/5 хорватов оказались под властью австрийцев, остальные были переданы Венгрии. Угроза полной денационализации хорватов стала реальной после аншлюса Австрии к Германии. Законом от 15 октября 1938 г. австрийский Бургенланд был разделен между гау Нидердонау и Штирией. Таким образом, хорватское население было искусственно расчленено на три части[12].

Великодержавная политика правящих кругов Польши

Другим серьезным очагом национальной борьбы в Европе была Польша. В первый период зарождения польского государства нацменьшинства составляли в нем до 1/3 его населения. В последующие годы доля непольских национальностей значительно возросла. Так, в начале 30-х годов из 31 млн населения Польши украинцы составляли свыше 6 млн, белорусы — до 2,5 млн, евреи — до 3 млн, немцы — 1,5 млн, литовцы — 100 тыс. человек и т.д. Всего же национальные меньшинства в стране к этому времени достигали более 13 млн человек. К 1939 г. национальный состав Польши существенно не изменился. Из 35-миллионного населения страны украинцы составляли 6,5 млн (18,6%), евреи — 3,4 млн (9,7%), белорусы — 2,5 млн (7,1%), немцы — 1 млн (2,9%) и прочие — 0,6 млн человек (1,7%). Таким образом, к началу Второй мировой войны нацменьшинства Польши насчитывали 14 млн человек, или 40% населения.

Еще более разительную картину по своему национальному составу представляли отдельные польские воеводства, особенно на востоке страны. В семи восточных воеводствах (Львовском, Станиславском, Тернопольском, Волынском, Полесском, Новогрудском и Виленском), занимавших около половины территории Польши, поляки составляли только половину населения, а в некоторых воеводствах — и того меньше[13].

Характерным для расселения нацменьшинств в Польше было то, что, кроме евреев, все они занимали компактные территории: украинцы — на юго-востоке, белорусы — на востоке, литовцы — на северо-востоке и немцы — в Силезии и в Данцигском коридоре. Особо жесткую великодержавную политику проводил режим так называемой санации, установленный в Польше в результате военного переворота во главе с Пилсудским в 1926 г. Это было разновидностью диктатуры крупного капитала и помещиков, диктатуры, все более проявлявшей фашистские тенденции[14].

В системе сложных и запутанных межнациональных отношений в Польше особую остроту в 30-е годы приобрели украинский и немецкий вопросы. Как известно, в статье 7 Рижского договора Польша по настоянию РСФСР, УССР и БССР обязалась гарантировать свободное развитие русского, украинского и белорусского национальных меньшинств. Однако польские правители постоянно нарушали этот договор и различным способом дискриминировали украинцев и белорусов. Так, при проведении аграрной реформы украинцам предоставлялись худшие условия. Вдоль всей восточной границы Польши были созданы польские военные поселения так называемых осадников, которым предоставлялась лучшая земля. Пилсудчики закрывали украинские и белорусские школы и культурно-просветительные учреждения, преследовался украинский и белорусский языки. Польские националисты называли украинцев не иначе как «русины», а Западную Украину (и в частности, Галицию) называли Малой Польшей.

В 20-е годы Лига Наций вынуждена была неоднократно разбирать жалобы нацменьшинств Польши. В ответ на притеснения польской реакции активизировалось националистическое движение среди украинцев. Украинские крестьяне с оружием в руках выступали в защиту своих национальных прав. В 1930 г. польское правительство предприняло кампанию по «умиротворению» украинцев, так называемую «пацификацию», которая вызвала протест во многих странах мира. В 30-е годы борьба украинского населения Польши временами то затухала, то вспыхивала с новой силой[15].

Наряду со здоровыми тенденциями в украинском освободительном движении усиливалось и националистическое крыло. Украинские националисты, выступая против всего польского, мешали сплочению с польскими трудящимися для борьбы против общего врага — капиталистов и помещиков. Однако острые разногласия между польскими и украинскими националистами, в частности петлюровцами, не мешали им помогать друг другу и блокироваться в борьбе против Советского Союза и демократических сил Польши.

Немало забот польскому правительству доставляло автономистское движение немецкого национального меньшинства. Немцы в Польше располагали своими политическими партиями и многочисленными обществами взаимопомощи, насчитывавшими почти 200 тыс. человек и имевшими энергичных и настойчивых лидеров. Им также открыто покровительствовал Берлин. Поэтому в межвоенные годы немецкому нацменьшинству в Польше удалось добиться таких льгот и привилегий, о которых украинцы, белорусы или евреи и мечтать не смели.

Однако немцы требовали большего, а иногда и просто невозможного — быть «государством в государстве». Для удовлетворения своих требований при поддержке гитлеровцев они пускали в ход угрозы и шантаж. Чтобы усыпить бдительность поляков, Германия 5 ноября 1937 г. заключила с Польшей соглашение о национальных меньшинствах в обеих странах. Тем не менее накануне вторжения немецко-фашистской армии на территорию Польши летом 1939 г. немецкая «пятая колонна» предприняла многочисленные террористические акты против поляков.

С 1935 г. по 1938 г. польские власти разоблачили 300 случаев шпионажа немцев — граждан Польши в пользу Германии, а с марта до конца августа 1939 г. гитлеровские диверсанты, преимущественно из местных немцев, произвели 200 провокационных диверсий[16].

Национальные противоречия в Чехословакии

Серьезный очаг национальных противоречий в Центральной Европе находился и в спорном пограничном районе между Германией и Чехословакией — в так называемой Судетской области.

Придя к власти в 1918 г., чешская буржуазия вскоре забыла о своих обещаниях предоставить равноправие всем национальностям страны. Правда, в отличие от ряда других стран в буржуазной Чехословакии к национальным меньшинствам не применялись террор и грубое насилие. В этом отношении их положение было относительно сносным. Однако чешские буржуазные лидеры недвусмысленно давали понять, что они намерены настойчиво проводить великодержавную политику. Вот что, например, заявил один из видных политических деятелей домюнхенской Чехословакии, руководитель чешских национал-демократов К.Крамарж: «Чешское государство, которое мы себе завоевали, должно остаться чешским. Мы имеем право устраивать свои дела так, как будто другие национальности у нас совершенно не существуют. Мы ни с кем не должны договариваться и заключать компромиссы. Немцы и без того имеют два государства, где они могут национально развиваться, сколько им угодно: Германию и немецкую Австрию»[17].

Чтобы оправдать проводимую политику ассимиляции словацкого народа, чешские правящие круги изобрели концепцию единой «чехословацкой нации», которая ни в теоретическом, ни в практическом отношении не выдерживает критики. Чехи и словаки по всем признакам составляют самостоятельные нации, хотя и весьма близкие по языку, территориям и своим историческим судьбам. Несмотря на натянутые отношения между чехами и словаками в буржуазной Чехословакии, они все же не были столь опасны для независимости и целостности молодого Чехословацкого государства. Иногда чешская буржуазия шла на некоторые уступки, предоставляя словакам известную отдушину в виде отдельных элементов автономии, и напряженность несколько спадала. То же относится и к украинскому населению Чехословакии.

Гораздо более серьезной и опасной была проблема немецкого национального меньшинства, потому что в отличие от других нацменьшинств, требовавших лишь автономии в рамках чехословацкого государства, реакционные лидеры судетских немцев не скрывали своих намерений присоединить часть территории Чехословакии к Германии. Так, еще в 1929 г. депутат чехословацкого парламента от судетских немцев доктор Эсер заявил: «Немцы Чехословакии — это не нацменьшинство на территории, которая оккупирована чехами. Они являются частью территории, населенной германским народом по ту сторону государственной границы»[18].

По данным официальной переписи 1921 г., в Чехословакии жило 3124 тыс. немцев, что составляло 23% населения страны. Если же взять Моравию, то здесь численность немцев составляла более 27% местного населения, а в Богемии она была еще выше — около 37%. На северо-западе страны, в так называемой Судетской области, во многих районах немцы составляли большинство населения[19].

Так же как и в Польше, чехословацкие немцы были хорошо организованы, настойчиво отстаивали свои законные (и незаконные)

интересы, активно участвовали в политической жизни. Еще в 1895 г. они создали в Чехии свою политическую партию — Deutsche Volkspartei, выступавшую за раздел Чехии на две части, из которых одну они требовали присоединить к Германии[20]. Немецкие националисты в Чехии решительно выступили против провозглашения Чехословацкой Республики в 1918 г. Они поддержали реакционную теорию Наумана о «срединной Европе». В 1919 г. чешские немцы распространяли листовки со следующим требованием: «Это карликовое создание исчезнет так же, как и возникло... Немецкий народ господ, жди! Мы своего добьемся!» В Германии и Австрии был создан ряд немецких ирредентистских боевых организаций, выступавших за ликвидацию Чехословакии. Немецкая буржуазия занимала весьма влиятельные позиции в экономике Чехословакии и в этом смысле была опасным соперником и конкурентом чешской буржуазии. Однако это не мешало им идти друг другу на уступки, если шла речь об отстаивании своих классовых интересов.

Очаги национальных противоречий в Западной Европе

В Западной Европе в 30-е годы обострились национальные противоречия в пограничных районах Германии и ряда ее западных соседей, в частности с Францией в вопросе об Эльзасе и Лотарингии, с Бельгией — об Эйпене и Мальмеди, а также с Италией — о Южном Тироле.

Длительное время шли острые споры между Германией и Францией из-за исторических французских областей — Эльзаса и Лотарингии. В течение ряда веков население этих областей по своему этническому составу было смешанным, но большинство говорило на одном из германских диалектов. После Французской буржуазной революции 1789 г. эльзасцы и лотарингцы тяготели к Франции и по национальному самосознанию являлись обычными французами. После поражения Франции во время Франко-прусской войны по Франкфуртскому мирному договору 1871 г. Восточная Лотарингия и Эльзас перешли к победившей в этой войне Германии и составили имперскую землю Эльзас—Лотарингию. Но в 1918 г. она была снова возвращена Франции.

Не подлежит сомнению, что Германия претендовала на эти французские территории прежде всего из экономических соображений. По той же причине была неуступчивой и Франция. Ведь после Первой мировой войны в Лотарингии выплавлялось около 40% французского чугуна и не меньше стали. Эльзас полностью обеспечивал калийными солями сельское хозяйство Франции, и еще оставались резервы для экспорта.

Но споры Германии и Франции из-за Эльзаса—Лотарингии усугублялись весьма сложным национальным составом этих областей. По данным французской переписи 1926 г., из 1779 тыс. человек всего населения Эльзаса—Лотарингии родным языком призна-

ли немецкий 1108 тыс. человек, т.е. 66,4%. Немецкие же источники утверждают, будто в этих областях проживало 1634 тыс. немцев, т.е. почти 3/4 всего населения. Если даже учесть, что обе стороны подходили к переписи тенденциозно, то все равно картина национального состава Эльзаса – Лотарингии представляется непростой.

Пользуясь поддержкой значительной части немецкого населения, местные немецкие националисты создали свою организацию «Heimatbund». Поначалу она выступала за равноправие немецкого языка, допущение немцев к государственной службе и за культурную автономию немцев Эльзаса – Лотарингии. Но с приходом к власти гитлеровцев в Германии «Heimatbund» превратилась в такую же агентурную организацию Берлина, каких существовало немало и в других странах, где проживало немецкое нацменьшинство.

В начале 30-х годов Геббельс предоставил более 300 млн марок в распоряжение немецких агентов во Франции, для того чтобы они служили делу национал-социализма. Судя по такому быстрому разгрому Франции в 1940 г., фашистская агентура во Франции служила Гитлеру неплохо.

«Я введу войска в Париж еще в мирное время. Они будут носить французскую форму, они будут маршировать средь бела дня по улицам, и никому не придет в голову их остановить... В течение нескольких минут Франция, Польша, Австрия будут лишены своих руководителей... Я давно установил связь с людьми, которые сформируют новое правительство, угодное мне», – так заявил Гитлер в узком кругу своих единомышленников за несколько лет до начала Второй мировой войны. Это утверждение не было бахвальством. Действительно, предатели, изменники и капитулянты, возглавлявшие государственную власть и вооруженные силы названных Гитлером стран, помогли нацистам захватить эти страны. Многие из них были в прямом смысле агентами германской разведки и продолжительное время действовали по ее заданиям[21].

Но, пожалуй, ни в одной европейской стране германская разведка не запустила свои щупальцы так глубоко, как во Франции, утверждает советский исследователь В.Минаев: «Осенью 1939 года французская газета "Тан" опубликовала коротенькую заметку о том, что наступление, предпринятое французской армией в сентябре в долине реки Мозель, было сорвано по той причине, что тяжелая артиллерия, находившаяся где-то в Центральной Франции, своевременно не была доставлена на фронт. Оказалось, что десятки платформ с батареями тяжелой артиллерии простояли на запасных железнодорожных путях в Орлеане, Бурже и Берзоне.

Этот район входил в пятый военный округ, которым командовал генерал Мишлен, совладелец крупнейшей во Франции фирмы по производству автомобильных шин. В свое время он был активным участником заговора французских "кагуляров". Но французское командование без колебаний доверило ему руководство одним из важнейших военных округов Франции. Этот акт саботажа был

не единственной заслугой Мишлена перед немцами. В его округе находилось большое депо танкового резерва, где были сосредоточены танки нового образца, выпускавшиеся заводами в опытном порядке. Своей быстроходностью, маневренностью и главное – толщиной брони они значительно превосходили германские тяжелые танки, с помощью которых немцы прервали французскую линию обороны. Но и эти танки тоже не попали на фронт. Когда же в начале июня немцы заняли Орлеан, они немедленно использовали их против отступавшей французской армии. Информация о местонахождении и качествах этих танков была у них исчерпывающая»[22].

В ответ на подрывную деятельность «Heimatbund» французские власти не только подвергали репрессиям эту организацию, но и нарушали самые элементарные права немецкого нацменьшинства на свое культурное развитие. Так, закон не допускал существование школ, где преподавание велось бы не на французском языке. В результате чистки, осуществленной верховым комиссаром Эльзаса А.Мильераном, с государственной службы были уволены многие немцы и на их место на льготных условиях из других департаментов Франции приглашались французские чиновники. Верховная власть также постепенно переходила в руки французов.

В мае 1928 г. в г. Кольмаре состоялся нашумевший процесс над немецкими автономистами, что еще больше подогрело националистические страсти с обеих сторон. В 30-х годах немецкие экстремисты при поддержке гитлеровцев открыто выдвигали требование присоединения Эльзаса – Лотарингии к Германии. Кампания эта усиливалась вплоть до начала Второй мировой войны.

В соседней Бельгии также было неспокойно из-за нараставших претензий Германии на ранее принадлежавшие ей районы Эйпен и Мальмеди, которые в соответствии с итогами плебисцита от 24 июля 1920 г. отошли к Бельгии. Ей же были переданы так называемые нейтральная и прусская части Моренэ. Немецкие исследователи при этом утверждали, что из 65 тыс. жителей Эйпена и Мальмеди подавляющее большинство составляли немцы и лишь 9 тыс. – валлоны. Немецкая ирредента здесь также получила широкую поддержку от гитлеровской Германии. Ее эмиссары устраивали провокации и подготавливали общественное мнение Эйпена и Мальмеди к необходимости присоединения этих районов к рейху.

Перед лицом постоянных угроз со стороны Германии бельгийское общество ослаблялось также то затухавшими, то снова вспыхивавшими трениями между двумя бельгийскими национальными группами: фламандцами в северной части страны и валлонами, проживавшими на юге Бельгии. По подсчетам 1920 г., из 7406 тыс. человек всего населения Бельгии (без Эйпена и Мальмеди) родным языком признавали французский 3269 тыс. (44,1%), фламандский – 3791 тыс. (51,2%), немецкий – 41 тыс. (0,6%) и другие языки – 305 тыс. (4,1%) человек. Еще с середины XIX в. фламандцы боролись за возрождение родного языка, культуры и за

равноправие с валлонами. Сторонники этого движения - flamingganten (фламинганты) — состояли в основном из интеллигенции, позже к ним присоединилась и часть рядовых трудящихся.

«Пользуясь поддержкой католической церкви, которая находила во фламандских массах противовес светским течениям, развивавшимся в Валлонии, фламандское движение со временем стало пренебрегать экономическими и социальными целями, вступило на путь узкого и реакционного национализма. Эта тенденция тайно поощрялась унитарной буржуазией, а рабочее движение, опасаясь впасть в национализм, не решалось поддержать требования фламандской общины, чтобы придать им подлинно классовый характер», — так считал бельгийский исследователь Ж.Терфе[23].

В период Первой мировой войны, когда Бельгия была занята немецкими войсками, оккупанты активно поддержали коллаборационистов-«фламингантов». Из них вербовались чиновники администрации, которая верно служила интересам Германии. После освобождения бельгийское правительство предприняло кампанию преследования фламандских националистов. Одновременно оно пошло на некоторые уступки. Фламандский язык наряду с французским был признан государственным языком Бельгии. Как Франция, так и Валлония имели свои административные органы. Однако это не устраивало реакционные круги менее организованного фламандского населения. Подстрекаемые агентами гитлеровской Германии, они неоднократно устраивали провокации против валлонов и проповедывали идею о расовом «родстве» фламандцев с немцами в отличие от валлонов, близких по языку к французам.

В 1933 г. фламандские фашисты-коллаборационисты, воодушевленные победой Гитлера в Германии, провозгласили: «Четыре с половиной миллиона фламандцев являются лишь слабым форпостом германизма. Если им придется вести вековую борьбу с латинством без союзников, без вооруженной борьбы товарищей по расе, они не смогут удержаться... В настоящее время восстановление Фландрии возможно лишь с помощью Германии... Фландрия — один из важнейших участков на фронте борьбы между латинством и германством и от судьбы этого участка зависит и судьба Рейна»[24].

В 30-е годы активизировалась подрывная деятельность не только фламандских националистов, но и валлонских фашистов-коллаборационистов, так называемых «рексистов». Фламандцы претендовали на национальную гегемонию в Бельгии, а для этого они грозили отделением от Бельгии («Los van Belgie!»). Как реакция на эту угрозу валлонские коллаборационисты также выдвинули требование отделения валлонских провинций.

В Бельгии, как и в других многонациональных странах Европы, истоком коллаборационизма стала нерешенность национального вопроса. В этой стране еще со времен революционных событий XVIII в. обострились взаимоотношения между валлонами, тяготевшими территориально и в хозяйственно-политическом плане к Франции, и фламандцами, близко связанными с Германией. По

примеру немецких нацистов лидер фламанско-националистических депутатов И.Северен в Бельгии в 1931 г. создал Союз национал-солидаристов — сокращенно ДИНАСО. Как и немецкие штурмовые отряды, сторонники ДИНАСО носили униформу, но прямых контактов с немцами у них не отмечалось. Контакты стали тесными лишь с 1933 г., но претензии германских нацистов на верховенство не вызывали одобрения Северена вплоть до начала немецкой оккупации.

После убийства в начале войны французскими солдатами лидера ДИНАСО, его сторонники объединились в Фламандский национальный фронт (ФНФ) во главе с депутатом парламента Ст. де Клерком. После его смерти ФНФ все теснее сближался с немецкими нацистами.

В Валлонии на базе местных католиков действовало такое же пронацистское движение рексистов во главе с Л.Дегреллем. В 1935 г. Дегреллю удалось с блеском провести свою избирательную кампанию в парламент и получить своему движению 21 мандат, но через два года на дополнительных выборах оно потерпело поражение.

Отмечая названные выше группы, которые составили социальную и национальную базу коллаборационизма в Бельгии, необходимо отметить и наличие в стране немецкой общины, населявшей небольшие приграничные с Германией районы Эйпен и Мальмеди, отошедшие к Бельгии еще после Первой мировой войны.

Бельгийские коллаборационисты активно подпитывались из Рима и Берлина. Так, лично Дегрелль получал ежемесячно по 37 тыс. бельгийских лир, т.е. в переводе — около 37 тыс. немецких марок, из Рима, и по 13 тыс. марок от немецкого посла в Брюсселе. Де Клерк также получал на финансирование своей газеты от внешнеполитического отдела нацистской партии ежемесячно по 800 марок. Определенные взносы получали сторонники де Клерка и от отдела пропаганды ОКВ.

Говоря об источниках зарождения фашизма и в последующем коллаборационизма в Италии, уместно вспомнить о событиях Первой мировой войны. В ходе нее союзники по Антанте в секретном соглашении от 26 апреля 1915 г. в качестве вознаграждения за вступление Италии в войну на стороне Антанты обещали передать ей австрийские районы — Южный Тироль, Истрию и большую часть Далмации. Обещание союзников было выполнено, но позднее на Парижской мирной конференции в 1919 г. итальянская делегация потребовала передать Италии еще г. Фиуме (Риека). Президент США В.Вильсон высказал возражение, ибо это противоречило его принципам политики США. Позиция США вызвала в Италии бурю негодования, выдвигались требования «восстановить справедливость силой». В такой атмосфере один из известных итальянских писателей Габриэле д'Аннунцио во главе вооруженного отряда в сентябре 1919 г. вступил в Фиуме, а союзники без боя оставили его. Его поддержал один из лидеров партии итальянских фашистов — популярный социалист Бенито Муссолини. В 1922 г. большой

отряд чернорубашечников во главе с Муссолини вступил в Рим. Вскоре, став премьер-министром, он стал именоваться «дуче Италии». В стране была установлена его личная диктатура, что вызвало протесты со стороны левых сил. Однако консолидация фашистского режима продолжалась. Первой захватнической внешнеполитической акцией Италии была оккупация Ливии, а в 1935 г. — Абиссинии.

В это время происходило сближение с Германией. А с 1936 г., когда начался мятеж генерала Франко в Испании, Италия и Германия выступили ему на помощь уже в качестве союзников. В последующие предвоенные годы Италия во главе с Муссолини становится верным и тогда еще равноправным союзником Гитлера. До коллаборационизма потребовались некоторое время и тяжкие поражения итальянских войск на фронтах, что в конечном счете привело к высадке англо-американских войск на территорию Италии, свержению режима Муссолини в июле 1943 г. и немецкой оккупации северной части страны.

Немецкий исследователь южнотирольской проблемы Пауль Герре в книге, опубликованной в Мюнхене в 1927 г., пришел к выводу: «Самым лучшим решением южнотирольской проблемы было бы устранение фашизма, который несет за нее ответственность»[25]. Он прав лишь частично, ибо, говоря о фашизме, конечно, имел в виду только его итальянскую разновидность. В одинаковой мере, если не в большей, за эту проблему несет ответственность и германский фашизм, в частности та его агентура в Южном Тироле, которая мешала ее демократическому решению.

Наряду с приведенными выше наиболее сложными узлами межнациональных противоречий в Европе 20—30-х годов существовало немало других. Так, в Румынии оставались нерешенными проблемы Бессарабии, украинцев Северной Буковины, венгров в Трансильвании, болгар в Добрудже и другие. Нормальным отношениям между Югославией и Болгарией, а также между Болгарией и Грецией мешал македонский вопрос. Росло опасное для целостности Чехословацкого государства движение венгерских ирредентистов в Словакии, выступавших с требованием «миндент восса» («все обратно»). Гитлеровцы в 30-е годы все чаще и настойчивее угрожали любой ценой решить вопросы о Шлезвиг-Гольштейне на границе с Данией и о Мемеле (Клайпеде) в Литве.

Все эти очаги национальных противоречий являлись важной составной частью того предвоенного политического кризиса, который охватил Европу во второй половине 30-х годов и содействовал зарождению и активизации коллаборационистов.

Взаимные переселения

Межвоенный период в Европе, особенно в 20-е годы, как это обычно бывает после войн, характеризовался весьма интенсивными миграционными процессами. Еще в годы войны происходила эва-

куация, а позже и реэвакуация населения в зонах боевых действий в Польше, Прибалтике, Румынии, на Балканах, во Франции и Бельгии. После заключения перемирия на родину возвращались миллионы военнопленных воевавших стран. В период экономической разрухи также миллионы граждан, особенно из Польши, Прибалтики, Галиции и Закарпатья, вынуждены были эмигрировать за океан в поисках работы. Значительное перемещение населения происходило в связи с возникновением новых государств в Европе. Однако самым важным проявлением этого процесса были добровольные, а чаще насильственные, переселения целых народов или этнических групп по расовым и национальным соображениям. Это было первое «великое переселение народов» XX в., в результате которого заметно изменился национальный состав многих стран Европы, а стало быть, возникли и новые очаги национальных противоречий, в недрах которых и зарождался коллаборационизм.

Массовое переселение нацменьшинств явилось самым жестоким и бесчеловечным способом решения национального вопроса. В войнах прошлого к нему прибегали неоднократно, не задумываясь над теоретическим обоснованием такой меры. Было заключено соглашение о переселении в течение шести лет 150 тыс. югославских турок. Таким образом, с 1923 г. по 1933 г. из разных стран в Турцию было переселено 628305 человек и за последние пять лет перед войной еще дополнительно 782 тыс. человек[26]. Однако по официальным турецким данным, за межвоенные годы в Турцию было переселено более 900 тыс. человек.

Несколько сот тысяч бессарабцев и украинцев эмигрировали в другие страны после Хотинского в 1919 г. и Татарбунарского в 1924 г. восстаний, спасаясь от репрессий румынских властей.

Добровольные и насильственные взаимные переселения нацменьшинств происходили и в Италии, Югославии, Венгрии, Франции и других странах. Серьезную проблему тогда составляли беженцы, покидавшие свою родину по политическим и национальным соображениям. Среди них было до 180 тыс. итальянцев, 200 тыс. испанских и португальских беженцев, много хорватов, словенцев и македонцев. На попечении комиссии Лиги Наций по делам беженцев с 1933 г. находилось до 80 тыс. политических эмигрантов из Германии, а к началу Второй мировой войны это число увеличилось до 400 тыс., среди которых 360 тыс. составляли евреи[27].

Переселения немцев

Однако когда идет речь о массовых переселениях национальных меньшинств в странах зарубежной Европы, то имеется прежде всего в виду немецкое население, проживавшее в различных странах Европы и особенно на тех территориях, которые были отторгнуты от Германии по решению Версальской мирной конференции.

Так, в первые послевоенные годы из районов Познани и Поморья было выселено до 800 тыс. немцев. Массовое выселение ав-

стрийцев из Южного Тироля было осуществлено правительством Муссолини в Италии. Десятки тысяч немцев и, вообще, все, заподозренные в симпатиях к Германии, были изгнаны французскими властями из Эльзаса — Лотарингии. Многие немцы выезжали добровольно из областей, присоединенных к другим странам. Все эти меры в 20-е годы предпринимались правительствами соответствующих стран, как правило, в одностороннем порядке, без согласия Германии, которую они полностью игнорировали.

Всего же на основе межгосударственных соглашений после Первой мировой войны, в основном, в 20-е годы было переселено более 2 млн человек[28].

После призыва Гитлера, содержавшегося в его речи в рейхстаге 6 октября 1939 г., немецкие органы, имея некоторый опыт организации переселения, развернули интенсивную подготовку к переселению немцев из Прибалтийских республик. Немцы-колонисты, которые в силу своего экономического положения составляли привилегированный слой и всегда вели себя высокомерно в отношении других народов, не пользовались симпатией литовцев, латышей и эстонцев. В Прибалтике их, пожалуй, больше боялись, нежели уважали. Вот почему правительства этих стран, заинтересованные в скорейшем выселении немцев, не заставили долго ждать с их принципиальным согласием. Таким образом, в течение 1939—1941 гг. из Прибалтийских республик в Германию было переселено более 110 тыс. этнических немцев.

Сразу же после поражения Польши Германия предложила Советскому Союзу разрешить переселение этнических немцев из тех районов Польши, которые отошли к Советскому Союзу, а именно — западных областей Украины (так называемые Галиция и Волынь) и Белоруссии (район Белостока, или, как его называли немцы, район Нарева). Речь шла о переселении примерно 135 тыс. человек.

Советская сторона 28 сентября 1939 г. согласилась с этим предложением при условии, что будет произведен добровольный взаимный обмен населением. После соответствующих переговоров 3 ноября 1939 г. в Москве представители СССР и Германии подписали Соглашение о переселении населения немецкого происхождения из зоны интересов СССР и украинского и белорусского населения — из зоны интересов Германии бывшего польского государства. Было решено, что переселение должно быть завершено к 1 марта 1940 г. Для контроля над ходом переселения и его организацией создавалась смешанная советско-немецкая комиссия. Местом пребывания главного уполномоченного Германии Гофмейера стал г. Луцк, а главного советского уполномоченного — г. Хелм.

Немцы стремились завершить переселение в спешном порядке. Когда к лету 1940 г. произошло воссоединение с Советским Союзом Бессарабии и Северной Буковины, где проживало более 130 тыс. этнических немцев, германское правительство обратилось в Москву с просьбой разрешить этим немцам выехать в Германию. Переговоры по этому вопросу происходили в Москве с 26 июля и завершились 5 сентября 1940 г. Первый транспорт переселенцев из

Бессарабии убыл 23 сентября 1940 г., последний — 14 ноября того же года. За это время было вывезено 88472 человека.

К концу 1940 г. переселение всех этнических немцев с территорий, присоединенных к Советскому Союзу в 1939—1940 гг. на основании соответствующих соглашений между СССР и Германией, было завершено. За этот период было переселено: из Эстонской ССР и Латвийской ССР — 18055 человек[29], Литовской ССР — 50 тыс., западных областей УССР — 119994, западных областей БССР — 8053, из Бессарабии — 93500 и из Северной Буковины — 44300 человек. Всего — 333902 человека.

В Румынии издавна проживала одна из самых сильных в Европе групп немецких колонистов. По румынским данным, в конце 1939 г. их было 782246 человек. Правда, в 1940 г. в связи с изменением границ Румынии эта численность несколько уменьшилась.

В целом из Южной Буковины выехало 52129, из Северной Добруджи — 15440 и из других районов Румынии — 10091 человек. Таким образом, в 1940 г. из Румынии выехало более 77 тыс. этнических немцев[30].

Так в течение 1939-го — в первой половине 1941 г. было завершено переселение 485 тыс. этнических немцев из Италии, Прибалтийских республик, западных и юго-западных областей Советского Союза и Румынии. Это переселение основывалось на межгосударственных соглашениях и было осуществлено в основном добровольно. Но одновременно и особенно позднее Гитлер предпринял массовое переселение немцев из таких оккупированных стран, как Польша, Чехословакия, Югославия, Франция и другие. Эти переселения базировались не на международном, а на оккупационном праве и, разумеется, без учета интересов народа и страны, где они проводились.

Всего же с 1938 г., включая первые годы Второй мировой войны, из различных стран Европы было переселено в Германию и аннексированные ею территории Польши, Чехословакии, Франции и Австрии 1200 тыс. немцев.

Таким образом, даже беглый обзор межнациональных отношений в межвоенный период дает основание утверждать, что Европа подошла ко Второй мировой войне далеко не такой «благоустроенной» в национальном отношении, как это обещали творцы Версальской системы. По-прежнему существовало немало горячих мест, очагов национальной борьбы и спорных проблем. Агрессивные империалистические силы западной Европы и особенно гитлеровцы Германии ловко использовали их в своих интересах. Гиперболизируя нерешенные и искусственно создавая новые проблемы, они стремились расколоть и ослабить народы Европы, чтобы подавлять их порознь.

В такой не только социально-политической, но и национально-политической обстановке зрели условия возникновения и усиления коллаборационистских сил в период между двумя мировыми войнами. Уже тогда эти силы делали все возможное для ослабления де-

мократических политических режимов в своих странах в пользу гитлеровской Германии в преддверии глобального военного столкновения между фашизмом и демократией в 1939—1945 гг.

Экспансионистские планы Гитлера в Европе

Фашизм — самая человеконенавистническая идеология и самый жестокий режим политического бесправия, террора, насилия и лагерей смерти — был одним из наиболее реакционных политических и социальных явлений XX в. Свою классическую форму фашистская идеология и политика обрели в фашизме германского толка — в так называемом нацизме. Одной из составных частей идеологии фашизма является расизм, т.е. утверждение об исключительности своей расы или народа, их превосходстве над другими расами или народами и о праве более «сильной» расы не только господствовать над «слабыми» расами, но и физически ликвидировать их. Нацистские идеологи ловко использовали в своих интересах известного немецкого географа Ф.Ратцеля — автора теории «жизненного пространства» для германского народа, — считавшего, что сильные и высококультурные народы, создающие крупные государства, должны господствовать над малыми народами, расширяя свое жизненное пространство за их счет.

Оружие расизма и шовинизма немецкие фашисты особенно широко использовали после того, как в 1933 г. они захватили власть и расистская теория стала официальной идеологией гитлеровской Германии. С тех пор она приобрела важное социальное значение, ибо, в широких масштабах воспитывая немцев в духе превосходства над другими народами, она вместе с тем оправдывала любые агрессивные действия гитлеровцев против этих народов.

Пришедшая к власти в Германии в 1933 г. гитлеровская партия приступила к непосредственной реализации далеко идущих внешне-политических планов по установлению Германией мирового господства. Эти планы были продолжением экспансионистского курса германского империализма со второй половины XIX в. Однако, вскрывая социальную сущность фашизма, они никогда не представляли его как проявление национального характера итальянского, немецкого и других народов. Более того, они разоблачали антинаучные взгляды, в частности упоминавшегося выше постоянного заместителя министра иностранных дел Англии лорда Ванситтарта и других, утверждавших, будто нацизм явился неизбежным логическим итогом всей истории германского народа, начиная с древнейших времен, и будто весь немецкий народ в силу своей психологии повинен в возникновении и преступлениях фашизма. Мы и сейчас не можем согласиться с известным английским историком Э.Тейлором, который утверждал, будто немцы — это жестокая, хитрая, воинственная и порочная нация, а Гитлер — типичный немец, только самой низкой пробы.

Как актуально тогда звучали слова, сказанные Б.Шоу в прологе к «Цезарю и Клеопатре», о том, что «даже в Оксфорде могут говорить чушь об иностранцах, когда мы воюем с ними».

В каком же взаимоотношении находятся понятия «фашизм» и «коллаборационизм»? В самом прямом, ибо коллаборационизм, как и любая другая реакционная идеология и практика, выступавшая в годы войны на стороне агрессора и приносившая вред стране — жертве агрессии, являлся разновидностью фашизма. В жестокой борьбе демократических стран и народов в минувшей войне коллаборационизм сыграл крайне негативную роль. В отдельных странах он стал одной из главных причин их капитуляции перед нацистской Германией (например Франции, Югославии и некоторых других). Поэтому за все те виды преступлений, которые определил нюрнбергский суд, понесли наказание не только гитлеровские главари, но и национальные предатели-коллаборационисты. Вот почему борьба против прислужников фашизма — коллаборационистов — была по своему характеру такой же антифашистской и справедливой, как и другие виды освободительей борьбы (идеологической, экономической, дипломатической и др.).

Как известно, сразу же после провозглашения независимой Австрийской Республики в 1918 г. немецкие националисты выдвинули требование аншлюса, т.е. присоединения Австрии к Германии. Им вторили и австрийские пангерманцы. Пропаганда аншлюса значительно активизировалась в связи с распространением в обеих странах национал-социализма. Главными аргументами сторонников аншлюса были якобы политическая и экономическая «нежизнеспособность» малой Австрии, а также отрицание существования австрийской нации вообще.

С захватом власти в Германии не проходило ни одного года, чтобы Гитлер снова и снова не возвращался к австрийской теме. Принципиальная разница состояла лишь в том, что его ранние пропагандистские выступления служили теперь идеологической основой государственной политики. А это уже было куда опаснее для австрийского народа, чем его прежняя пропагандистская демагогия.

Серьезность обстановки усугублялась и тем, что идею о «едином германском государстве» разделяли и влиятельные круги австрийской буржуазии. Канцлер К.Шушниг, выступая 29 мая 1935 г. в бундестаге, заявил: «Австрия никогда не давала и не даст в будущем, пока мы существуем, поводов для сомнений в том, что она сознает себя германским государством». Даже в своей последней речи по радио в марте 1938 г. он заявил, что не хочет оказывать сопротивления, т.к. не желает проливать «немецкую кровь». Однако круги, группировавшиеся вокруг Христианско-социальной партии Австрии, не хотели безоговорочного подчинения Германии, а мечтали о восстановлении былого величия Австрии в какой-либо форме. При этом они рассчитывали на поддержку фашистской Германии.

В отличие от этой группы австрийские нацисты выступали за ликвидацию австрийского государства и его присоединение к Германии на правах обычной германской провинции. Они особенно активно действовали в австрийской области Штирия, где находились многие крупные предприятия, зависимые от германского капитала.

Новым решающим шагом на пути капитуляции австрийского правительства перед Берлином стала встреча Шушнига с Гитлером в Берхтесгадене в середине февраля 1938 г. На эту встречу были приглашены и несколько высших чинов вермахта, чтобы тем самым произвести на австрийского канцлера соответствующее впечатление о серьезности намерений Гитлера в отношении судьбы Австрии. Вопреки мнению высшего командования сухопутных войск, опасавшегося, что любая вооруженная акция в отношении Австрии может вызвать конфликт с Италией или Чехословакией, 10 марта 1938 г. Гитлер распорядился осуществить вооруженное вступление частей вермахта в Австрию. В результате переговоров был принят секретный документ, который лишал Австрию ряда важных элементов ее государственного суверенитета. Нацисты стали руководителями нескольких решающих министерств. Была амнистирована новая большая группа национал-социалистов. Фашистская партия получила право легальной деятельности в составе Отечественного фронта. Ободренные поддержкой Берлина, австрийские нацисты продолжали атаки на правительство и добились многих новых успехов.

При подготовке Гитлером плана захвата Австрии оправдался и его расчет на пассивность западных держав, которые упорно отвергали предложения Советского Союза о создании в Европе системы коллективной безопасности, попустительствовали агрессору и даже предпринимали попытки прямого сговора с фашистскими государствами.

Экспансионистские планы гитлеровской Германии в отношении Чехословакии заключались в ликвидации этой страны, в выселении из нее части чехов и в германизации остальной части чешского народа. Германские монополии и военщину привлекали богатые экономические районы Чехословакии и ее выгодное географическое положение.

Для подготовки агрессии против Чехословакии гитлеровцы широко использовали свою «пятую колонну» в лице судетских фашистов, выступавших за расчленение республики и присоединение Судетской области к Германии. Вдохновленные победой фашизма в Германии, судетские фашисты стали более активно консолидировать свои силы. Осенью 1933 г. на политической арене ирредентистского движения судетских немцев появился тогда еще мало кому известный учитель из г. Аш К.Генлейн. Созданная им партия называлась Судетско-немецкий отечественный фронт, который через два года в апреле 1935 г. был переименован в Судетско-немецкую партию.

Предвидя уступчивость правительства Чехословакии, через неделю Гитлер расширил свои требования. Теперь он предлагал занять и те области, в которых немцы составляли меньшинство, одновременно потребовав, чтобы Чехословакия уступила часть своей территории в пользу Венгрии и Польши. Это означало, что внутренняя чехословацкая проблема была искусственно превращена в международную и борьба за якобы «национальную автономию» судетских немцев была лишь ширмой для откровенно аннексионистских планов гитлеровской Германии в отношении Чехословакии.

Между тем, следуя советам из Лондона и Парижа, а также президента США Ф.Рузвельта, чехословацкое правительство соглашалось идти на новые уступки и тем самым продолжало ослаблять свои позиции. За неделю до Мюнхена президент Э.Бенеш вопреки положениям конституции страны, по существу, выразил готовность удовлетворить требования не только Германии, но и Польши и передать ей всю Тешинскую область. Это означало, что Мюнхенская конференция, состоявшаяся 29 — 30 сентября 1938 г., лишь оформила ранее уже достигнутый сговор.

30 сентября правительство Чехословакии позорно капитулировало. Оно без сопротивления приняло мюнхенский диктат, эвакуировало свои войска из Судетской области и 1 октября 1938 г. открыло границу для вступления вермахта.

Если аншлюс Австрии содействовал экономическому и политическому проникновению Германии на юго-восток Европы, то мюнхенская сделка открыла перед германским монополистическим капиталом уже широкую дорогу для экспансии в Венгрию, Румынию, Болгарию и другие страны. В Мюнхене был сделан новый шаг к мировой войне. Приняв мюнхенский диктат, правящий класс чехословацкого государства во всей наготе обнаружил свою неспособность защитить национальную самостоятельность и демократические права народа. Чехословацкая буржуазия предпочла интересам трудящихся страны свои корыстные цели.

После Мюнхена, а также после оккупации всех чешских земель и провозглашения коллаборационистского так называемого «протектората» в марте 1939 г. гитлеровцы продолжали разработку планов решения «чешской проблемы». Среди многих вариантов ее решения в высших кругах гитлеровской Германии наибольшее число сторонников нашло предложение о том, что самым приемлемым способом полной германизации чехов являются физическая ликвидация одной их части и насильственная германизация — другой.

В гитлеровских планах расчленения и ликвидации Чехословацкого государства важное место занимала подрывная деятельность и словацких сепаратистов, стремившихся к отделению Словакии от чешских земель. Предложение о предоставлении Словакии призрачной независимости стало официальной точкой зрения гитлеровской Германии в словацком вопросе. Создавая Словацкое государство, Гитлер преследовал еще одну цель: осуществить «балканиза-

цию» Центральной Европы, что облегчило бы установление гегемонии Германии в этом районе. Теперь в Берлине были заняты поисками наиболее приемлемых способов осуществления этой идеи. Существовало два пути: путь прямой военной оккупации и путь опоры на внутренние коллаборационистские сепаратистские силы в Словакии. Поскольку словацкие националистические круги добровольно согласились принять «защиту» Германии, то путь военной оккупации сам собой отпал.

Самой влиятельной националистической партией Словакии была Словацкая людацкая партия во главе с А.Глинкой, а позднее И.Тисо. Это была политическая организация наиболее консервативной коллаборационистской части словацкой буржуазии, поддерживавшейся католическими клерикалами.

Решение в Жилине, естественно, было с одобрением встречено в Берлине. 8 октября на меморандум Риббентропа о дальнейшем решении «словацкого вопроса» Гитлер ответил, что в данной ситуации жилинское соглашение является для Германии наиболее приемлемым. Однако в Берлине не забывали и о своей неизменной цели на ближайшее будущее, а именно, о создании «независимой» Словакии под эгидой Германии. Так, в беседах с видными людацкими лидерами И.Тисо и Ф.Дурчанским в октябре – ноябре 1938 г. Геринг напоминал о необходимости установления «полной самостоятельности» Словакии. Под давлением из Берлина и Братиславы центральное чехословацкое правительство генерала Я.Сыровы 22 ноября 1938 г. согласилось на предоставление Словакии статуса автономии.

Так из-за агрессивных устремлений германского фашизма в центре Европы возник новый опасный очаг международной напряженности. Германия, разработав план военного вторжения в Чехословакию (план «Грюн»), готовила удобный плацдарм для новых военных авантюр против соседних стран, в частности против Польши.

Одновременно гитлеровская Германия создала опасную кризисную ситуацию и на северо-востоке, в районе Клайпеды, с тем чтобы окружить Польшу не только с юга, но и с севера.

Германская империалистическая буржуазия никогда, как в годы успехов, так и в годы поражений, не отказывалась от политики «Дранг нах Остен». Так было и после Версаля. Однако если одни ее круги, не располагая тогда военной силой, стремились к «мирному» завоеванию восточных рынков путем различных договоров, то другие, интересы которых выражала зарождавшаяся в начале 20-х годов фашистская партия Гитлера, высказывали свои реваншистские и расистские планы более откровенно и нагло.

Германский фашизм с первых же дней зарождения ставил своей целью не только уничтожение общественного и государственного строя Советского Союза, ликвидацию Польского государства и других стран Восточной Европы, но и физическую ликвидацию

славянских народов. Это доказано в ходе Нюрнбергского процесса и в прогрессивной историографии достаточно убедительно.

Особые виды нацисты имели в отношении Польши, не завоевав которую, невозможно было и ставить цель покорения Советского Союза. Кроме того, они планировали ликвидацию поляков и польского государства из расистских соображений. В 1927 г. Розенберг писал, что ликвидация польского государства является конечной целью Германии, а поляки, чехи и другие «неполноценные» в расовом и политическом отношениях народы должны быть выселены дальше на восток.

Генеральной линией политики гитлеровской Германии в отношении польского народа было его физическое истребление как «неполноценной расы». Эта линия проводилась немецко-фашистскими оккупантами последовательно и беспощадно. Гитлеровцы отказались от «рыцарского» понимания слова «германизация» и трактовали его по-своему. Вот что говорилось по этому вопросу в книге «Майн кампф»: «Польская политика в смысле германизации Востока, проведения которой требовали столь многие, к сожалению, почти всегда основывалась на одном и том же неправильном заключении... Однако не может быть разрешено создание национальных политических групп. Генерал-губернатор создает для польского народа жизненные условия, едва достаточные для его существования... Любые тенденции, направленные на улучшение жизненного уровня в Польше, должны подавляться...»

Перед тем как вторгнуться в Польшу, германские власти с помощью своей «пятой колонны» подготовили там достаточную как материальную, так и психологическую базу. Особенно активно действовали нацисты в Поморье и в Данциге. Например, данцигские нацисты закрепляли за собой одну позицию за другой, и к апрелю 1939 г. они уже чувствовали себя так прочно, что решением городского сената присвоили Гитлеру звание почетного гражданина города. С 23 августа 1939 г. послушный нацистам данцигский сенат издал декрет, по которому гаулейтер А.Форстер был назначен бургомистром свободного города Данцига, хотя в статуте свободного города такого поста не существовало.

В подготовке войны против Польши большую помощь германской разведке оказал один из виднейших представителей польской фашистской правящей клики – полковник Бек, занимавший пост министра иностранных дел.

«В германском плане нападения на Польшу в первые же дни войны, – писал советский исследователь В.Минаев, – предусматривалось полное и быстрое уничтожение всей польской разведывательной системы. Выполнение этого мероприятия германская разведка возложила на капитана Фабиана, руководившего одним из засекреченных разведывательных бюро. Фабиан сформировал три особые оперативные моторизованные группы под командованием офицеров разведки – лейтенантов Булана, Шнейдера и Енша. Для действий каждой из этих групп был отведен определенный

участок польской территории. Их задача состояла в том, чтобы, как только начнется война, парализовать все польские разведывательные центры, места нахождения которых германской разведке были заранее точно известны. Более того, когда польское командование ввиду невозможности эвакуировать архив второго (разведывательного) отдела генерального штаба решило его уничтожить и с этой целью вывезло его в один из фортов под Варшавой, это также стало сразу же известно германской разведке.

Оперативная группа нагрянула на этот форт в тот самый момент, когда польские офицеры готовились приступить к уничтожению архива. Захваченные немцами документы немедленно подверглись быстрому изучению. Таким образом, германской разведке удалось раскрыть всю польскую зарубежную разведывательную сеть, насчитывавшую около 4 тыс. агентов. Все польские агенты, за исключением действовавших против Германии, были тотчас же перевербованы и переключены на работу в пользу гитлеровцев».

После завершения военных действий в Польше Гитлер решил расчленить ее, причем одну ее часть аннексировать, а другую — превратить в «польский резерват» под названием «генерал-губернаторство».

Анализируя планы Гитлера в отношении польского государства, Франк в мае 1940 г. отмечал, что уже в конце ноября 1939 г. Гитлер принял решение использовать генерал-губернаторство в интересах Германии и никогда не возвращать его полякам. Оно должно быть под немецким управлением, но не в виде протектората или чего-то подобного, а в виде такого государственного образования, которое непосредственно управлялось бы немцами и в котором абсолютная власть принадлежала бы только немцам. Далее Гитлер сказал, что, прежде чем приступить к освоению генерал-губернаторства, необходимо провести германизацию Варталанда, Западной Пруссии, Верхней Силезии и польских земель, присоединенных к Восточной Пруссии. Причем не должно иметь значения, когда наступит полная германизация этих польских территорий — через 50 или 100 лет.

Свои специфические особенности имели планы германского фашизма в странах Западной Европы, в частности во Франции.

Лично Гитлер всегда с исключительной антипатией относился к этой стране и ее народу. Еще 27 марта 1924 г. во время судебного процесса в Мюнхене он как подсудимый в своем последнем слове говорил, что, не являясь принципиальным противником Германии, Англия хочет лишь быть первой в Европе. Иное дело Франция, которая является «постоянным врагом Германии. Если Англия нуждается в балканизации Европы, то Франция — в балканизациии Германии, чтобы установить в Европе свою гегемонию». В книге «Моя борьба» Гитлер еще раз настойчиво утверждал, что «смертельным врагом немецкого народа есть и остается Франция». Империалистические противоречия между Германией и Францией он

называл «вечным конфликтом», который разрешится лишь военной победой Германии над Францией.

Угрожая Франции ужасными карами, Гитлер задолго до войны говорил, что Версальский мир будет выглядеть «детской игрой по сравнению с условиями, которые мы навяжем ей». Но, как явствует из других заявлений Гитлера, желание германских монополий низвести Францию до второстепенной державы было не самоцелью, а средством обеспечить себе свободу рук на Востоке. Политика Германии на Востоке, отмечал Гитлер, может быть успешной только при условии, если будет уничтожена Франция.

О намерениях германского фашизма в отношении французского народа Гитлер откровенно говорил Г.Раушнингу: «После войны французы жаловались, что немцев на 20 миллионов больше, чем нужно. Мы соглашаемся с этим заявлением. Мы приветствуем регулирование численности населения. Но нашим друзьям придется нас извинить, если мы каким-либо другим образом разрешим вопрос об этих 20 миллионах». Французов Гитлер называл «неграми», которые, мол, несут биологическую опасность для других народов Европы. Это «африканское мулатское государство» на европейской почве, говорил о Франции Гитлер. Идеолог расизма Розенберг также считал, что в «ходе борьбы против соседей французская нация потеряла много крови, в результате чего произошло изменение характера французов». Правда, отмечал Розенберг, «некотоая сила еще сохранилась в Северной Франции, в частности, в Нормандии, которую по праву можно назвать "маленькой Германией"».

Таковы были взгляды Гитлера и его партии в отношении Франции до захвата власти в 1933 г. Готовясь к мировому господству и прежде всего к «Дранг нах Остен», гитлеровская клика открыто не ставила его в зависимость от уничтожения Франции и из тактических соображений не предъявляла к ней территориальных притязаний.

Мюнхенское соглашение, под которым стоит подпись и французского премьер-министра Даладье, поставило безопасность Франции в критическое положение. Последовавшие вскоре события быстро рассеяли удушливое облако лжи, которым стремилась окружить народы Европы фашистская пропаганда, разрушили иллюзии у тех, кто еще верил в честные намерения Гитлера, и возвестили банкротство политики мюнхенцев. Поэтому правительства Франции и Англии 2—3 сентября 1939 г. вынуждены были объявить Германии войну.

Последней попыткой Гитлера ввести в заблуждение французский народ и таким образом попытаться нейтрализовать Францию в начавшейся войне явилась его речь в рейхстаге 6 октября 1939 г. В ней было заявлено, что Германия якобы не имеет никаких претензий к Франции. Что же касается проблемы Эльзаса—Лотарингии, то это вообще не является проблемой, говорил тогда Гитлер. Однако в последующие дни Германия продолжала готовиться решить французскую проблему только военным путем. В октябре

1939 г. Гитлер на совещаниях высшего командного состава вермахта уже ставил вопрос о том, чтобы значительно уменьшить территорию Франции. В 1939 г. и в первой половине 1940 г. немецким историкам было поручено «исследовать» проблемы Вестфальского мира 1648 г., «завещания Ришелье» и вообще политику Франции за последние 400 лет, с тем чтобы «доказать, что Франция всегда стремилась установить свою восточную границу по Рейну и ликвидировать единство Германии».

В общих чертах «новый порядок» в Европе и место в нем Франции в его государственной и территориальной части Гитлер мыслил себе следующим образом. Руководящим фактором в Европе станет Великогерманская империя в границах Священной Римской империи, существовавшей до Вестфальского мира 1648 г. Эта Европа будет населена только немцами. На востоке составными частями Германии станут протекторат Богемия и Моравия и генерал-губернаторство Польша. Вокруг Германии будет создан ряд так называемых «буферных государств», таких, как Норвегия, Дания, Нидерланды и Бельгия, территории которых не будут включены в состав Великогерманской империи. Эти страны будут пользоваться ограниченным суверенитетом, причем предполагалось из бельгийской Фландрии и французских департаментов Нор и Па-де-Кале создать отдельное Фламандское государство. Из валлонской Бельгии и другой части северо-восточной Франции будет создана Великая Бургундия, которая служила бы «буфером» между Германией и остальной Францией.

Что же касается самой Франции, то ей готовилась судьба «второ- или третьестепенной державы Европы», или, как указывалось в инструктивном докладе для немецкой прессы в 1940 г., что-то вроде «расширенной Швейцарии», удовлетворяющей прихоти туристов и законодательниц женских мод. Париж впредь не должен быть «центром цивилизации — таковым станет Берлин». «Все, что будет служить возрождению Франции в экономическом, политическом или в военном отношении, должно быть Германией предотвращено». Тогда же Гитлер самоуверенно заявил, что судьба французского народа предопределена на тысячу лет: Франция будет превращена в немецкую колонию, а французы станут рабами немецкой «высшей расы».

Несколько иной характер имели планы гитлеровской Германии в отношении Нидерландов, Люксембурга и Бельгии. Исторические судьбы народов этих трех небольших как по территории, так и по численности населения стран, расположенных на северо-западе Европы, часто переплетались. Много общего они имеют в культуре, языке и обычаях, хотя фризы, голландцы, фламандцы и люксембуржцы относятся к германской ветви, а валлоны в Бельгии — к романской ветви индоевропейской семьи языков.

В начале XX в. Нидерланды и Бельгия были довольно крупными колониальными державами, их владения по территории и населению в десятки раз превышали метрополии. Тем не менее на европейском

континенте они являлись объектом особых интересов их более сильных империалистических соседей — Германии и Франции.

Сразу же после капитуляции Варшавы 27 сентября 1939 г. Гитлер отдал приказ подготовить операцию по разгрому Франции с расчетом, чтобы главный удар нанести через Нидерланды, Люксембург и Бельгию, нарушив объявленный ими нейтралитет. Более конкретно об этом отмечалось в директиве Гитлера за № 6 от 9 октября 1939 г. Месяц спустя ОКВ разработало так называемую «директиву о Голландии», в которой оккупация этой страны обосновывалась необходимостью обезопасить Рурскую область. Через несколько дней в директиве ОКВ № 8 подчеркивалось, чтобы по возможности мирным путем занять Нидерланды до линии Греббе — Маас, включая и Западно-фризские острова без острова Тексель.

Одновременно с оперативными планами нападения на Нидерланды, Люксембург и Бельгию в Берлине разрабатывались и мероприятия по учреждению в них органов военной администрации.

В Нидерландах, как вполне правильно отмечает американский журналист Армстронг, деятельность фашистской «пятой колонны» принесла гораздо больше вреда, чем даже действия германской авиации. Количество германских агентов в такой маленькой стране, как Нидерланды, исчислялось тысячами. В общей сложности там действовало, включая местную нацистскую организацию, до 80 тыс. изменников и предателей. Агенты германской разведки вывели из строя всю систему водной обороны Нидерландов, а это лишило голландское командование возможности затопить Среднеголландскую низменность и создать преграду на пути наступавших германских дивизий. Германские агенты совершили диверсионные акты на водопроводе, газовом заводе и электростанции в Амстердаме, нарушили систему сигнализации, что облегчило налеты фашистской авиации.

Германская разведка располагала также всеми данными о системе бельгийской обороны по линии реки Маас. Через завербованного ею лейтенанта Домбрс, офицера картографического института бельгийского генерального штаба, ей стали известны секретные данные о подземных сооружениях этой линии. От других агентов были получены важные данные о бельгийской авиации и другие сведения о системе обороны Бельгии.

Планируя агрессию против Нидерландов, германское верховное командование, конечно же, знало о наличии в этой стране своей «пятой колонны» в лице Национально-социалистического движения (НСД), основанного еще в декабре 1931 г. инженером А.А.Муссертом. Приход к власти Гитлера в Германии оказал определенное влияние на оживление деятельности профашистских коллаборационистских сил в стране. НСД по германскому образцу создало охранные отряды (милицию), члены которых использовали фашистское приветствие, проходили боевую подготовку, участвовали в устраиваемых Муссертом парадах и демонстрациях.

В течение нескольких лет Муссерту удалось завербовать в свою организацию свыше 100 тыс. сторонников. На состоявшихся в Нидерландах выборах в 1935 г. местные фашисты получили около 300 тыс. голосов, что составляло 8% всех избирателей.

Что же касается идеологических взглядов обеих фашистских партий, то у них имелись определенные различия. Так, высшей ценностью Муссерт рассматривал христианство. Один из идеологов движения, профессор, доктор Генехтен, еще в 1918 г. приговоренный бельгийским судом к смерти за сотрудничество с немцами, но позже оправданный и бежавший в Нидерланды, был решительным сторонником приема в движение евреев.

Голландское правительство, опасаясь дальнейшей активизации сторонников Муссерта, вынуждено было принять против них ряд репрессивных мер: членам охранных отрядов было запрещено носить униформу, государственные чиновники не могли быть членами НСД. Эти решения властей были поддержаны и католической церковью, но большинство голландцев не осознавало опасности, которая грозила их стране из-за коллаборационистской деятельности Муссерта.

Однако накануне Второй мировой войны фронт сторонников коллаборационизма в стране несколько расширился. Возникла новая партия — Национал-социалистическая нидерландская рабочая партия (НСНРП) во главе с Р. ван Гаппардом. В отличие от движения Муссерта она выступала за присоединение Нидерландов к Германии. С началом немецкой оккупации страны партия вынуждена была войти в состав движения Муссерта и растворилась в ней.

Одной из коллаборационистских организаий в Нидерландах был также Национал-социалистический союз голландцев с Германией. Его основателем стал Ю.Гердтманн — немец по происхождению, в 1924 г. получивший гражданство Нидерландов, а в 1933 г. снова вернувшийся в Германию. Членами Союза являлись голландцы, рожденные в Германии, и члены движения Муссерта, работавшие там. Гердтманн установил прямую связь с германской разведкой, выполняя ее задания по вербовке молодых голландцев в дивизию «Бранденбург». Накануне вторжения вермахта в Нидерланды они были готовы в случае необходимости предотвратить взрывы голландскими властями стратегически важных мостов.

Среди других политических деятелей Нидерландов радикальным коллаборационистом с Германией был член НСД, депутат парламента ван Тоннинген, который по поручению Муссерта поддерживал постоянный контакт с Гиммлером. Через иностранную организацию НСДРП он постоянно получал из Германии финансовую помощь. Об этой связи голландские спецслужбы были осведомлены, и когда 19 апреля 1940 г. командующий армией генерал Винкельман объявил о введении в стране чрезвычайного положения, то среди 21 арестованного оказался и ван Тоннинген. Но Муссерт оставался на свободе — свидетельство того, что он лично не предоставлял противнику каких-либо секретных документов.

С 10 мая в стране распространялись всевозможные слухи о деятельности «пятой колонны», из-за чего местными властями были арестованы еще десятки членов НСД, из которых 70 человек были убиты на месте. Были также задержаны немецкие эмигранты-антифашисты. Всего в эти дни, по некоторым данным, только в одном Амстердаме полицией было интернировано и выслано вглубь страны и во Францию около 30 тыс. человек.

Однако до начала планирования активных действий на Западе верховное командование вермахта не имело конкретного плана военного вторжения в Данию и Норвегию. Лишь зимой 1939—1940 гг. Гитлер стал более пристально интересоваться Скандинавией в качестве стратегического плацдарма для блокады и изоляции как Великобритании, так и Советского Союза. Он подчеркивал и политическое значение этого плацдарма для борьбы Германии за господство в Европе. В Берлине рассчитывали на молниеносный успех своей акции в Скандинавии, потому что имели достоверные сведения о том, что влиятельные буржуазные круги Дании и Норвегии выступали с коллаборационистских позиций за более тесное политическое и экономическое сотрудничество с Германией. Так, датские политические деятели исходили, как они утверждали, из «экономических и географических реальностей» и не желали давать повода для недовольства со стороны своего агрессивного южного соседа. В Норвегии усилилось влияние профашистских организаций, которые усматривали в германском национал-социализме действенную силу в борьбе против коммунизма. Особенно активную деятельность развернул лидер партии норвежских фашистов «Национальное единение» В.Квислинг, который был тайно связан с различными правительственными органами гитлеровской Германии. Как свидетельствуют документы, во время своих поездок в Берлин Квислинг неоднократно призывал к вторжению вермахта в Норвегию. В противном случае, утверждал этот норвежский нацист, она будет захвачена Англией. Во время очередной беседы 18 декабря 1939 г. с Квислингом Гитлер пообещал ему финансовую помощь и заверил, что в случае государственного переворота в Норвегии ему будет оказана и военная помощь.

Нюрнбергскому трибуналу был представлен «Краткий доклад о работе иностранного бюро нацистской партии с 1933 до 1943 гг.». В приложении к этому документу, озаглавленному «Политическая подготовка военной оккупации Норвегии в военные годы 1939—1940», сказано следующее: «...Как было ранее упомянуто, из всех политических группировок в Скандинавии только руководимая в Норвегии бывшим военным министром и майором в запасе Видкундом Квислингом заслужила серьезного политического внимания. Это была боевая политическая группа, одержимая идеей великогерманской общности».

Особого рассмотрения заслуживают экономические и политические планы германского империализма на Балканах. Прежде всего, Балканские страны представляли для Германии огромный

рынок сбыта ее промышленных товаров и важный источник разнообразных сырьевых ресурсов. Поэтому в 30-е годы торговые отношения между ними были весьма интенсивными и намного превышали уровень торговли Балканских стран с Англией и Францией. Так, в 1938 г. доля этих стран составляла 14,2% всего германского импорта и столько же экспорта. Например, в 1938 г. Болгария 63,4% всего своего экспорта вывозила в Германию и 57,8% импортировала из нее, Греция — соответственно 43,1% и 31,9%, Румыния — 35,8% и Югославия — 49,9% и 50,1%.

Гитлеровская агентура в Югославии, по указаниям из Берлина, весьма внимательно следила за внутриполитической обстановкой в стране. Так, в одном из донесений от 25 ноября 1939 г. с удовлетворением сообщалось, что соглашение между Белградом и хорватскими националистами о предоставлении Хорватии автономии не выполняется. Вслед за требованиями хорватов реакционные лидеры мусульман также потребовали создать в Боснии и Герцеговине самостоятельную бановину (область). Далее сообщалось, что сербы и хорваты обвиняют друг друга в притеснениях их соплеменников. Если хорваты и словенцы обвиняли сербов в проведении великодержавной политики в отношении других национальностей, то сербские националисты в свою очередь обвиняли хорватов.

Как перед Первой мировой войной, когда правящие круги Австро-Венгрии, Италии, Турции и других соседей югославских народов грубо вмешивались в их дела, так и в 30-е годы, особенно накануне Второй мировой войны, в Берлине и Риме шли на самые различные ухищрения, чтобы поддерживать напряженное состояние в Югославии. Гитлеровские агенты и пропагандисты, с одной стороны, открыто или тайно поддерживали усташеское движение, подстрекая хорватов не идти ни на какие уступки, т.к., мол, их требования справедливы. С другой же стороны, гитлеровцы хвалили «государственную мудрость» сербских правителей в Белграде и подстрекали их проводить по отношению к другим национальностям политику твердой руки. Особый расчет в Берлине строили на подрывную антиюгославскую деятельность проживавших в Югославии этнических немцев. Кроме того, в течение 1940 г. в страну было заслано 15 тыс. немецких так называемых туристов, среди которых было немало шпионов, изучавших и фотографировавших различные военные объекты.

В течение некоторого времени Югославии удавалось держаться в стороне от начавшейся в сентябре 1939 г. Второй мировой войны. Однако было очевидным, что такое состояние долго не сохранится. На ее западных границах шли бои между итальянскими и греческими войсками. В результате аншлюса Австрии возникла общая германо-югославская граница, что еще больше усилило угрозу агрессии Германии против Югославии. На востоке и северо-востоке Болгария, Румыния и Венгрия все активнее включались в зону германского влияния.

Накануне и в начале Второй мировой войны Гитлер неоднократно делал публичные заявления, в которых обещал уважать территориальную целостность Югославии.

Подчинив всю Западную Европу, гитлеровская Германия перед нападением на Советский Союз сочла необходимым обеспечить себе и балканский тыл. Тем более что в войне с Грецией Италия терпела позорные поражения. Гитлер потребовал от югославского правительства Д.Цветковича — В.Мачека присоединиться к Тройственному пакту. 25 марта 1941 г. в Вене втайне от народа югославское правительство присоединилось к Тройственному пакту. Гитлеровцы радовались в надежде, что еще одна страна на Балканах находится в их кармане. Однако эта радость была преждевременной. Под влиянием народных масс высшие офицеры и стоявшие за ними буржуазные круги, ориентировавшиеся на Англию, 27 марта совершили государственный переворот. Королем Югославии был провозглашен 17-летний Петр II, а главой правительства стал главнокомандующий военно-воздушными силами Югославии генерал Д.Симович.

События 27 марта означали знаменательный поворот в политической жизни страны и серьезно встревожили гитлеровскую Германию и Италию. Вокруг Югославии срочно концентрировались войска, активизировалась деятельность югославских предателей. Независимость страны висела на волоске. В такой обстановке патриотические силы Югославии свой единственный выход видели в установлении дружественных отношений с Советским Союзом. Под давлением народа правительство Симовича 5 апреля 1941 г. заключило с СССР Договор о дружбе и ненападении. Однако это была слишком запоздалая мера правительства Симовича, которое долго колебалось, пыталось по-своему приспособиться к новой обстановке, лавировало между западными державами и Германией.

Гитлеровская Германия завершала последние приготовления к вторжению в Югославию и другие Балканские страны.

Внимание крупных империалистических держав привлекала и Албания, которую они рассматривали как важный стратегический плацдарм для проникновения в другие страны Балканского полуострова. Весной 1939 г. Муссолини говорил: «Албания — это балканская Чехословакия. Кто владеет Чехословакией, тот владеет бассейном Дуная. Кто имеет в своем распоряжении Албанию, тот владеет Балканами».

Важным объектом захватнических происков германского империализма была и Греция. Правда, в 30-е годы сильные позиции в этой стране занимала Англия. Именно при ее непосредственной поддержке в 1935 г. в Греции был ликвидирован республиканский строй и восстановлена монархия. В следующем году реакционный генерал И.Метаксас совершил военный переворот и, получив от короля Георга II неограниченные полномочия, установил, по существу, фашистскую диктатуру. В области внешней политики правительство Метаксаса стало сближаться с гитлеровской Германией. В

Греции активно действовала немецкая «пятая колонна». Нацисты заняли господствующее положение во внешней торговле Греции, вооруженных силах, в органах массовой информации.

Свои виды на Грецию имел и итальянский диктатор Муссолини, которого не устраивало, что между Грецией и Германией существовал договор о дружбе.

Доморощенные коллаборационисты сыграли крайне негативную роль и в судьбе Норвегии. Если попытаться определить в принципиальном плане, абстрагируясь от деталей, то следует признать, что мотивы и сущность норвежского коллаборационизма исходили из идеи общности судьбы Норвегии и Германии. Народы этих стран, как и Дании, Швеции, Нидерландов, принадлежат к германской семье языков. Они были близки в культурном отношении, до войны поддерживали активные экономические связи.

Все эти особенности способствовали росту коллаборационизма у известной части населения Норвегии, чему в первые годы оккупации содействовала активная пропаганда со стороны Германии и лидера коллаборационизма в Норвегии А.В.Квислинга и его организации «Национал Замлинг», которая при финансовой поддержке немцев в начале войны насчитывала 50 тыс. членов. Подобную идею поддерживали в своей практической деятельности и германские оккупационные власти. Из тактического принципа «кнута и пряника», лежавшего в основе немецкой оккупационной политики, в Норвегии приоритет отдавался «прянику». В первые годы оккупации это оказывало свое действие на настроение норвежцев.

Исторический опыт подтверждает, что в 30-е годы, особенно накануне войны, во многих странах отмечались ростки будущего коллаборационизма с Германией. Их размеры, конечно, были неодинаковы. Что же касается Норвегии, то ее представители, особенно Квислинг, установили особо тесные связи с немцами, действуя в ущерб своей родине.

Через несколько месяцев после прихода к власти Гитлера Квислинг посетил Берлин и вел переговоры с руководителем иностранного отдела НСДРП А.Розенбергом о «сотрудничестве обоих народов». В действительности же речь шла о финансовой поддержке организации «Национал Замлинг» со стороны НСДРП.

В июне 1939 г. он вторично посетил Берлин и в переговорах с Розенбергом и Герингом предупредил их о возможном вторжении в Норвегию британских войск в случае войны. Чтобы его сторонники могли совместно с вермахтом противостоять вторжению, Квислинг предложил предоставить ему 6 млн рейхсмарок для реорганизации «Национал Замлинг» в боевую организацию. Вскоре внешнеполитический отдел НСДРП пригласил на курсы 25 руководящих деятелей Квислинга. Сам он получил 100 тыс. рейхсмарок наличными и домой возвращался в сопровождении сотрудника отдела Розенберга Шейдта, который получил задание изучить политическую обстановку в Норвегии. Постоянным представителем Квислинга в

Берлине стал А.В.Хагелин. Была установлена тесная связь Квислинга с германским военным атташе в Осло Шрейбером.

В начале войны на встрече с Розенбергом Хагелин предоставил подробные данные о запланированном союзниками вторжении в Норвегию и о возможных актах сторонников Квислинга по оказанию помощи реакционным силам со стороны Германии. Таким образом, сотрудничество между квислинговцами и немцами укреплялось не только политически, но и в военном отношении.

На встрече с командующим военно-морским флотом Германии адмиралом Э.Редером 11 декабря 1939 г. Квислинг и Хагелин изложили свой план превентивного вступления в Норвегию германского экспедиционного корпуса, в тот же день Редер доложил об этом плане Гитлеру, который проявил к нему интерес.

Месяц спустя, в январе 1940 г. Квислинг получил из Берлина крупную сумму в фунтах стерлингов, после чего началось формирование норвежских штурмовых отрядов для захвата власти в стране еще до прибытия германских войск.

Выкристаллизовался дерзкий план овладеть норвежскими портами на морском пути. С этой целью был создан особый штаб и началась подготовка норвежской кампании. Трудность состояла в том, что до Нарвика расстояние составляет более 2000 км. Гитлера также беспокоило значительное превосходство в этом регионе английского флота.

Со своей стороны Гитлер готовил норвежскую кампанию также втайне от Квислинга. С этой целью будущий командующий немецкими войсками вторжения в Норвегию генерал Н.фон Фалькенхорст в конце февраля 1940 г. прибыл инкогнито в Осло с секретной миссией выяснить ситуацию в стране. 4 апреля 1940 г. на встрече с начальником отдела военной разведки в Копенгагене полковником Пикенброком Квислинг, не зная о пребывании в Осло генерала Фалькенхорста, обсуждал конкретные вопросы высадки немцев. В это же время сотрудники Квислинга передали германскому командованию важные оперативные карты, а также планы городов и укреплений на норвежском побережье, особенно в районе Ослофиорда, сведения о состоянии военных аэродромов, численности войск и их боевой готовности. С началом вторжения германских войск в Норвегию Квислинг и его сторонники оказывали им широкую и всестороннюю помощь, что привело к быстрому захвату страны.

Роль коллаборационистов в Норвегии накануне войны играли не только Квислинг и его сторонники. Независимую шпионскую деятельность осуществлял, например, известный норвежский националист Г.Г.Аалл. Он снабжал ценными материалами одного из руководителей германской военной разведки генерала Э.Лахузена, участвовал в разработке плана охраны важных участков железной дороги, медных и железных рудников. С этой целью из дивизии «Бранденбург» в Норвегию была направлена специальная команда. Аалл поддерживал постоянную связь с начальником германской

военной разведки в Норвегии Б.Беннеке, который служил под прикрытием торгового атташе в Осло.

Ценной информацией об обстановке в Норвегии снабжал германские власти председатель иностранной организации НСДРП в Норвегии К.Шпанаус, в распоряжении которого находилось около 120 человек из 4 тыс. проживавших в стране немецких граждан (без эмигрантов). Совместно с сотрудниками Квислинга он создал секретный штаб, из которого поддерживал радиосвязь с немецкими военными кораблями, следовавшими с десантом вдоль норвежских берегов. В ходе высадки немецких войск Шпанаус обеспечивал их проводниками и переводчиками.

Активную роль в пораженин Норвегии играл ближайший сподвижник Квислинга Н.Ларсен. При поддержке всемирно известного писателя и путешественника Кнута Гамсуна он вел активную работу по вербовке богатых промышленников и коммерсантов в «Национал Замлинг». Оба критиковали американский образ жизни, английских плутократов и советских большевиков. Все они готовили то роковое для норвежцев событие, которое произошло ранним утром 9 апреля 1940 г., внезапное вторжение вермахта в Норвегию. Так впервые за 129 лет вражеский солдат вступил на норвежскую землю.

«В свете всех доступных доказательств нельзя признать, — отмечалось в приговоре Нюрнбергского трибунала, — что вторжение в Данию и Норвегию являлось в каком-либо отношении оборонительным актом, и, по мнению трибунала, оно, несомненно, представляет собой агрессивную войну».

План «Барбаросса». Генеральный план «Ост» для Советского Союза. Мечты и реальность

В планах германского империализма по завоеванию мирового господства особое место занимал Советский Союз. Дело в том, что борьба Германии в Западной Европе являлась схваткой хищников в рамках капиталистической системы и поэтому Гитлер не собирался в захваченных странах менять основы их общественного и государственного строя. Принципиально иной характер имели планы фашизма в отношении Советского Союза. Основной его замысел состоял прежде всего в ликвидации социалистического общественного и государственного строя, а также в расчленении СССР, в физическом уничтожении миллионов русских, украинцев и других народов СССР, в осуществлении немецкой колонизации восточных земель вплоть до Урала.

В дневнике от 14 ноября 1939 г. Геббельс записал следующее: «У фюрера. Он вновь констатирует катастрофическое состояние русской армии. Ее едва ли можно использовать для боевых действий... Хорошенького же союзничка мы себе выискали!»[31]

29 декабря 1939 г. Геббельс записал в дневнике: «Вопрос о России весьма интересует фюрера. Сталин — типичный русский азиатского типа. Большевизм уничтожил в России западноевропейский руководящий слой. Он один был в состоянии сделать этот гигантский колосс способным действовать... Мы можем радоваться, что у Москвы руки заняты. Распространения большевизма на Западную Европу мы сумеем не допустить...»[32]

22 января 1940 г.: «Московская пресса оказывает нам великолепную помощь в борьбе против Лондона. По всей видимости, русские находятся в отчаянном положении...»[33]

В беседе с М.Борманом 15 апреля 1945 г. свое намерение в отношении СССР в 1941 г. Гитлер обосновал следующим образом: «Нам не оставалось никакого иного выбора, как устранить из европейского силового поля фактор России... Нашим единственным шансом победить Россию было упредить ее нападение, ибо оборонительная война против Советского Союза являлась для нас не подлежащей обсуждению. Мы никоим образом не имеем права предоставить Красной Армии территориального преимущества, дать ей воспользоваться нашими автострадами для натиска красных танков, нашими железными дорогами — для переброски ее войск и техники... Уже с этого момента я знал, что Сталин рано или поздно отпадет от нас и перейдет в лагерь союзников. Должен ли я был выжидать и дальше, чтобы получше вооружиться?.. Мы дорого заплатили бы за отсрочку нашего нападения на неопределенное время»[34].

Кейтель, который еще в 1932 г. был на военных маневрах в СССР, в 1945 г. писал, что Гитлер недооценивал военные возможности России. «Русское танкостроение настолько опередило наше, что мы так никогда и не смогли наверстать это отставание»[35].

Правители гитлеровской Германии, хотя планировали блицкриг против Советского Союза, но сознавали, что это будет не прогулка в Москву, а серьезная борьба двух противоположных мировоззрений. В разговоре с Геббельсом накануне вторжения вермахта в Советский Союз Гитлер с тревогой говорил: «Я, конечно, точно не знаю, как будут развиваться события в течение первых недель этой войны, потому что мы впервые встречаемся с народным режимом. Как он себя будет вести, я не знаю. Ведь до сих пор мы разбивали гнилье, расхлябанные демократические и многонациональные государства».

Комментируя это признание, Геббельс на одном из совещаний в Министерстве пропаганды 1 июля 1941 г. отметил, что «русские — это молодой народ... О них нельзя говорить как об усталом, декадентном, пресыщенном народе, живущем исключительно для собственного развлечения... а как о народе, который своеобразно преследует определенные цели. Если русские борются упорно и ожесточенно, то это не следует приписывать тому обстоятельству, что их заставляют бороться агенты НКВД, якобы расстреливающие их в

случае отступления, а, наоборот, они убеждены в том: "Мы теперь защищаем свою родину..."»

Мысль о новом «Дранг нах Остен» высказывалась Гитлером, Розенбергом и другими идеологами фашизма в 20—30-е годы неоднократно. Речь шла о том, чтобы в широких масштабах осуществить политику восточной колонизации, вытекавшую из геополитической концепции о немецком народе как «народе без пространства». При этом игнорировался тот факт, что Восточная Европа, включая и европейскую часть СССР, и так достаточно заселена.

Для планирования каких-либо акций против вероятного противника, как известно, нужно хорошо его изучить. Это правило усвоили и гитлеровцы. Поэтому они весьма тщательно и всесторонне изучали обстановку в Советском Союзе. Никогда прежде в Германии не существовало столько различных учреждений, которые занимались бы Советским Союзом, как в 30-е годы. Особое значение придавалось анализу межнациональных отношений в СССР и национальной политики советского правительства на Украине, в Закавказье, а после 1940 г. — в Прибалтике.

В эти годы в Германии выходило немало материалов в целом о Советском Союзе и отдельных его республиках. После заключения советско-германского договора от 23 августа 1939 г. их поток увеличился. Разумеется, в этих книгах уже отсутствовали прямые антисоветские выпады.

30 марта 1941 г. в новой имперской канцелярии в Берлине состоялся первый сбор высших руководителей трех видов вооруженных сил для восточного фронта. В своем выступлении на нем Гитлер охарактеризовал предстоящую войну против Советского Союза как борьбу, в которой будет решаться вопрос — быть или не быть Германии. Он потребовал отказа от общепринятых правил ведения войны, от чего сам большевизм якобы давно избавился. По его словам, это вытекает из позиции СССР в отношении Прибалтики, Финляндии и Бессарабии, а также из факта непризнания Советским Союзом Гаагской конвенции и Женевского соглашения о военнопленных. Гитлер категорически потребовал не считать советских комиссаров солдатами и рассматривать их не как военнопленных, а как самые опаснейшие элементы физического сопротивления и потому немедленно расстреливать их. Гитлер запретил перевозить советских военнопленных на территорию Германии и использовать их как рабочую силу, т.к. это опасно с точки зрения их политического влияния на германский рабочий класс и из-за угрозы саботажа. Но осенью 1941 г. этот приказ был отменен.

Фельдмаршал Кейтель признавал, что на Нюрнбергском процессе эти указания Гитлера послужили тяжелейшим обвинением «в особенности еще и потому, что были изданы за шесть недель до начала войны и, таким образом, еще отнюдь не были обоснованы или оправданы событиями самой этой войны»[36].

Несмотря на наличие нормальных дипломатических отношений с Советским Союзом, германские власти всячески поощряли деятельность различных эмигрантских белогвардейских союзов и организаций, которые рассматривались не только как один из источников информации (хотя и весьма сомнительный), но главным образом как резерв кадров для использования в будущем управлении оккупированными землями Советского Союза. За подписью Гиммлера 7 декабря 1939 г. была принята совершенно секретная директива о создании особого отдела, который опрашивал бы всех немцев — переселенцев с Волыни о положении в Советском Союзе. «Для будущего это очень важно», — отмечалось в директиве.

Еще в начале февраля 1940 г., т.е. задолго до официального указания Гитлера о подготовке войны против Советского Союза, отдел Востока внешнеполитического ведомства Розенберга предложил германскому верховному командованию свои услуги. В специальном письме начальника этого отдела было указано, что германское командование может получать подробную информацию о политическом положении в Советском Союзе, межнациональных отношениях в СССР, деятельности эмигрантских организаций, формировании антисоветских легионов во Франции и Финляндии и т.д. Отдел готов также изготовить карты о немецких поселениях в СССР, о народах Советского Союза, их этнических границах и др. В апреле 1941 г. подробная справка была составлена по Прибалтийским советским республикам, причем большое внимание уделялось характеристике национальных отношений в этих республиках. К справке были приложены детальные планы всех городов Прибалтики.

В 1939 г. внешнеполитическое ведомство НСДРП представило Гитлеру и германскому верховному командованию подробную совершенно секретную «Справку об Армяно-грузинском союзе». В документе отмечалось, что Союз был создан три года назад с целью объединения кавказских народов для борьбы против советской власти с помощью Германии.

Для раскола народов Советского Союза гитлеровцы широко использовали и те белогвардейские круги, которые после Октября 1917 г. бежали в разные страны. Особенно многочисленная их колония оказалась на территории Польши, чем и воспользовались пилсудчики, чтобы затем передать их в распоряжение германской разведки.

В выступлении перед главнокомандующими родов войск вермахта 30 марта 1941 г. Гитлер весьма уважительно отозвался о советских танках. Особенно хороши тяжелые танки, говорил он, но основная их масса устарела. «По количеству танков Россия — самая сильная страна в мире». Авиация количественно весьма велика, но много и устаревших самолетов.

Затем Гитлер дал характеристику большевизму как «социальной преступности». «Коммунизм — это чудовищная опасность для будущего. Мы должны отказаться от точки зрения солдатского товарищества с ним. Коммунист не был нашим камерадом раньше, не будет он им и впредь. Речь идет о борьбе на уничтожение». «Борь-

ба против России: уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Новые государства должны быть государствами социалистическими, но без собственной интеллигенции»[37].

Из речи Гитлера в рейхстаге 11 декабря 1941 г. следовало, что на 1 декабря того года число взятых в плен советских солдат составило 3806865 человек, количество уничтоженных или захваченных танков — 21391, орудий — 32541 и самолетов — 17332. За этот же период было сбито 2192 британских самолета, потоплено германскими военно-морскими силами военных кораблей 4170611 и самолетами — 2346180 регистровых брутто-тонн[38].

В одной из застольных бесед 2 августа 1941 г. Гитлер подчеркивал, что «мы не должны больше отпускать германцев в Америку. Норвежцев, шведов, датчан, нидерландцев мы должны направить в восточные области. Мы стоим перед крупной задачей будущего: проводить планомерную расовую политику. Мы должны это делать уже по одной причине, что надобно положить конец разврату, все более распространяющемуся у нас. Швейцарцев же мы можем использовать только в качестве хозяев гостиниц и ресторанов. Мы не хотим осваивать болота. Мы возьмем самую лучшую землю и самую лучшую почву»[39].

«При заселении нами русского пространства "имперский крестьянин" будет жить в исключительно красивых поселениях. Германские органы и учреждения должны располагаться в чудесных зданиях, а губернаторы — во дворцах. Вокруг административных учреждений следует строить все, что необходимо для поддержания жизни. А вокруг города на расстоянии 30—40 километров заложить кольцо прекрасных деревень, связанных между собой наилучшими дорогами. Из всего этого возникнет другой мир, в котором мы дадим русским жить так, как они того пожелают. Но только при одном условии: над ними господствуем мы»[40].

22 февраля 1942 г. «Если мы дадим какой-либо захваченной стране право создать свои вооруженные силы или свою авиацию — с нашим господством будет покончено. Путь самоуправления ведет к самостоятельности! При помощи демократических институтов завоеванного силой не удержать».

25 марта 1942 г. «Как цены, так и зарплату в оккупированных восточных областях следует удерживать соответствующим образом. Прибыли, получаемые от разницы цен между восточными и имперскими областями, должны течь исключительно в рейх...»

31 марта 1942 г. «Болгарская церковь отчетливо тяготеет к Москве. Болгарское население и сегодня, то есть во времена советской системы, по своей основной позиции все еще панславистское».

В одной из бесед 11 апреля 1942 г. Гитлер высказал убеждение в том, что «для осуществления господства нашего рейха над покоренными нами народами Востока высшим принципом должно быть: как можно шире отвечать их стремлению к индивидуальной свободе, избегать их какой-либо государственной организации, и тем

самым держать представителей этих народностей на как можно более низком уровне культуры».

Далее он сказал: «Самое большее, на что мы можем пойти в отношении их административной организации, это общинное управление, да и оно — лишь в той мере, в какой требуется для сохранения рабочей силы, то есть для обеспечения ежедневных потребностей отдельного индивида.

Образование деревенских общин надо тоже осуществлять так, чтобы между соседними общинами не могло возникнуть никакой общности».

В оккупированные восточные области «не должен прийти ни один учитель, не следует вводить для завоеванных народов никакого обязательного школьного обучения. Знания русских, украинцев, киргизов и т.д., их умение читать и писать нам только во вред. Ведь это позволило бы более способным среди них умам выработать определенное знание истории, а тем самым прийти к некоторым политическим идеям, острие которых постоянно направлялось бы против нас... Поэтому никому и в голову не должно прийти сообщать покоренным народам по радио какие-либо сведения об их предшествующей истории; нет, по радио надо передать только музыку и опять же музыку! Ведь веселая музыка стимулирует радость труда. А если сами люди могут много танцевать, то это даже по нашему опыту времен системы (Веймарской республики. — *М.С.*) приветствуется поголовно всеми».

«Единственное, что должно быть организовано в оккупированных русских областях, так это транспорт: транспортное освоение этой страны — одно из важнейших предварительных условий господства над ней и ее хозяйственного использования».

«Что касается гигиены и санитарии, то тут у нас нет никакой заинтересованности в том, чтобы как-то просвещать их нашими знаниями и тем самым давать им совершенно нежелательную для нас базу для чудовищного роста народонаселения. Поэтому я запрещаю проводить в этих областях санитарные акции нашего типа, не нужны и никакие обязательные прививки. Немецкие врачи должны обслуживать только немцев в немецких поселениях».

«Величайшим безумием в отношении оккупированных восточных областей было бы дать порабощенным народам оружие. История учит: все господствующие народы погибали, как только они позволяли порабощенным народам иметь оружие»[41].

Основная идея антисоветской войны в плане «Барбаросса» формулировалась так: «Находящиеся в западной части России войсковые массы русской армии должны быть уничтожены в смелых операциях с глубоким продвижением танковых частей. Следует воспрепятствовать отступлению советских боеспособных частей в просторы русской территории... Конечной целью операции является отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск — Волга».

В зимние месяцы 1941 г. на основе общей директивы разрабатывались планы по видам вооруженных сил и группам армий и уточнялись мероприятия по управлению в будущем оккупированными советскими территориями.

При анализе международной обстановки накануне вторжения вермахта в Советский Союз неизбежно возникает вопрос: как же гитлеровский генеральный штаб, зная, что германских генералов во все времена всегда беспокоила опасность войны на два фронта, мог решиться пренебречь советами и О.Бисмарка, и А.Шлиффена, и Э.Людендорфа, и других германских стратегов? Да и сам Гитлер в книге «Майн кампф» также выдвинул положение, гласившее, что война на два фронта, против Востока и Запада одновременно, была бы катастрофой.

Представляется, что решающим фактором было то, что Советский Союз являлся самым серьезным препятствием на пути фашистской Германии к завоеванию мирового господства. Как свидетельствует бывший офицер генерального штаба сухопутных войск Г.Грейнер, 29 июля 1940 г. один из сотрудников штаба спросил генерала А.Иодля, не откладывается ли в связи с этим вторжение в Англию, на что тот ответил, что с «падением России можно будет сделать Англию более податливой к миру». По утверждению других приближенных Гитлера, он неоднократно высказывал убеждение в том, что с разгромом Англии Россия будет продолжать борьбу, но с капитуляцией России Англия незамедлительно запросит мира.

Характерно, что свои антисоветские планы и намерения гитлеровские главари хранили в строжайшей тайне. В записи упоминавшегося совещания от 16 июля 1941 г. по этому вопросу содержатся следующие указания Гитлера: «Важно, чтобы наши цели не стали известны всему миру; в этом нет никакой необходимости; главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы ненужными декларациями воздвигать препятствия на нашем пути, такие заявления несуместны, ибо мы можем сделать все, что в нашей власти, а того, что находится вне нашей власти, мы все равно не сделаем. Мотивировка наших шагов перед лицом всего мира должна определяться тактическими соображениями. Мы должны действовать таким же образом, как в случаях с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. Там мы не обмолвились ни словом о наших намерениях; так же мы будем поступать и впредь...»

Таким образом, наличие планов, директив и приказов, подписанных еще до начала боевых действий, свидетельствует о том, что, во-первых, гитлеровская верхушка заранее соединила воедино военно-стратегическое планирование с планированием преступлений; во-вторых, их практическое осуществление не было результатом каких-то эксцессов со стороны отдельных недисциплинированных военнослужащих вермахта, а являлось реализацией заблаговременно намеченных планов, и в-третьих, поскольку в планировании этих преступлений участвовал весь механизм государственной

власти Германии, то Нюрнбергский процесс вполне обоснованно определил их как заговор.

Итак, программа германской политики на Востоке была разработана. Ее реализация началась одновременно на широком фронте.

Внешнеполитические и идеологические ведомства Германии весьма детально изучали деятельность украинской эмиграции во всех странах, особенно в сопредельной с Советским Союзом Польше. С приходом к власти в 1933 г. фашисты особый интерес проявили к деятельности Организации украинских националистов (ОУН) во главе с Е.Коновальцем.

Одновременно гитлеровцы не отказывались от услуг другой антисоветской организации, которую возглавлял бывший адъютант царя Николая II, личный друг бывшего германского императора Вильгельма II и бывший гетман Украины П.Скоропадский, проживавший под Берлином и с 1928 г. являвшийся государственным пенсионером Германии. Как известно, этот монархист считал Украину частью царской России и решительно выступал против какой-либо ее самостоятельности. В некоторых кругах Берлина эта идея находила поддержку, хотя большинство гитлеровских главарей выступало за расчленение Советского Союза.

В 1935 г. в Германии был создан Тюрко-татарский институт, а также организация белогвардейских туркестанских эмигрантов во главе с М.Чокаевым. Документы свидетельствуют, что Чокаев еще в 1933 г. установил непосредственный контакт с германской, а с 1935 г. и с японской разведками.

После включения Прибалтийских республик в состав СССР некоторые литовские и латышские эмигранты оказались в Германии, где вскоре стали служить в гитлеровской разведке. Так, в Берлине была создана боевая организация «Фронт литовских активистов» во главе с бывшим послом буржуазной Литвы в Германии полковником Шкирпой, который имел обширные связи в гитлеровских кругах.

Анализируя планы Германии в отношении Советского Союза в канун войны, необходимо прежде всего упомянуть наиболее зловещий из них – план «Барбаросса». Как записал в своем служебном дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Ф.Гальдер, Гитлер сформулировал политическую цель войны против Советского Союза следующим образом: «Цель: уничтожение жизненных сил России... Позже Украина, Белоруссия, Прибалтийские страны должны быть присоединены к нам».

В декабре 1940 г., когда разработка основных положений плана «Барбаросса» была завершена, главнокомандующий сухопутными войсками генерал В.Браухич доложил Гитлеру, что целью кампании должно быть достижение линии Волги. Затем путем отдельных рейдов разрушить советскую промышленность, расположенную восточнее этой линии. Он далее предлагал на захваченной советской территории образовать ряд государств-сателлитов — Украину, Белоруссию, Латвию, Литву, одновременно несколько расши-

рить территории генерал-губернаторства, Румынии и Финляндии. Для несения постоянной оперативной службы на Востоке Браухич считал достаточным держать здесь около 60 дивизий.

Наконец, 18 декабря 1940 г. Гитлером была подписана директива № 21 (план «Барбаросса»), и началась разработка вытекавших из нее частных военных, политических и экономических задач. Военные органы тесно сотрудничали с внешнеполитическим ведомством НСДРП, возглавлявшимся А.Розенбергом. С этой целью оба учреждения обменялись офицерами связи, а Розенберг послал своих представителей в штабы всех трех групп армий, предназначенных для вторжения. Между Розенбергом, с одной стороны, и генералами А.Иодлем и В.Варлимонтом от верховного командования (ОКВ) — с другой, происходили постоянные консультации.

Активное участие в обсуждении политических проблем предстоящей антисоветской войны принимало и Министерство иностранных дел во главе с И.Риббентропом. Для этой цели при МИД 5 мая 1941 г. был создан специальный Комитет по делам России. Перед ним, в частности, была поставлена задача разработать «историческое обоснование расчленения всего восточноевропейского пространства» и показать его «историческую, политическую и национально-этнографическую необходимость для будущего».

Перед специализированными экономическими органами (Экономический штаб «Ост», Рабочий штаб «Россия», Экономический штаб «Ольденбург» и другие) в соответствующих документах, особенно в так называемой «Зеленой папке» Геринга, ставилась задача не только хозяйственной эксплуатации оккупированных советских территорий, но и содействовать сокращению численности местного населения, его политическому и национальному расколу. Так, в разделе «Зеленой папки», озаглавленном «Отношение к населению по территориальным признакам», Геринг рекомендовал, в частности, что в Прибалтийских республиках «германским органам наиболее целесообразно опираться на оставшихся немцев, а также на литовцев, латышей и эстонцев. Противоречия между этими национальными группами и оставшимися русскими следует использовать в интересах Германии». Далее он предлагал использовать и «возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами». «В Белоруссии будет, вероятно, нелегко в ближайшее время найти руководящий состав, который лояльно работал бы на нас», — продолжал Геринг и клеветнически заявлял, будто и «белорусы в интеллектуальном отношении далеко отстают от живущих там великороссов, евреев и поляков...» Рекомендации о разжигании противоречий он дал и в отношении народов Закавказья.

В зимние и весенние месяцы 1941 г. на основе общей директивы разрабатывались планы по видам вооруженных сил и группам армий, а также уточнялись мероприятия по управлению в будущем оккупированными советскими территориями. Секретной директивой Гитлера от 17 июля 1941 г. Бюро по разработке проблем восточноевропейского пространства было преобразовано в Имперское

министерство оккупированных восточных областей, или, как его сокращенно называли, — Восточное министерство, во главе с Розенбергом. Для управления оккупированными областями было принято решение создать рейхскомиссариаты, генеральные округа во главе с генеральными комиссарами и районные комиссариаты. Сперва предусматривалось иметь пять рейхскомиссариатов — Остланд, Украина, Кавказ, Россия и Туркестан. Литва, Эстония и Белоруссия составляли рейхскомиссариат Остланд во главе с Г.Лозе. В рейхскомиссариат Россия во главе с З.Каше предполагалось включить Московскую, Ленинградскую, Тульскую, Горьковскую, Кировскую и Свердловскую области, а также Татарскую и Башкирскую Автономные Советские Республики. Рейхскомиссариат Кавказ под руководством А.Шикеданца должны были составить Грузинская и Азербайджанская ССР, Ставропольский край, вся Кубань, Кабардино-Балкария и все районы, прилегавшие к Тереку.

В Берлине шел дальнейший интенсивный подбор кадров будущих правителей оккупированных восточных областей. Предстояло назначить кроме рейхскомиссаров 24 генеральных комиссара, 80 главных комиссаров и свыше 900 районных комиссаров.

Было бы ошибочным считать, что перекраивание советской территории служило лишь временным целям управления оккупированными областями. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что создаваемые комиссариаты должны были в будущем стать базой для государственного расчленения Советского Союза на мелкие образования, которые стали бы колониями Германии. Создание комиссариатов, как видно, осуществлялось произвольно, без учета национальных или экономических факторов. Главное соображение состояло в том, чтобы искусственно разъединить народы Советского Союза и не допустить их последующего сплочения, которое угрожало бы господству Германии на Востоке. Так, в общей инструкции для всех рейхскомиссаров в оккупированных восточных областях от 8 мая 1941 г. Розенберг предлагал между белорусами и русскими создать полосу, которую заселить поляками. Расчет строился на установление враждебных отношений между этими тремя народами. Далее в инструкции подчеркивалось, что каждому рейхскомиссариату следовало иметь свой круг задач. Так, нужно добиваться, чтобы Белоруссия и Прибалтика путем германизации превратились в германский протекторат и объединились с Германией. Украина мыслилась как «самостоятельное» государство, но находящееся в союзе с Германией. Кавказ должен был быть объединен с северокавказскими областями в единое федеративное государство с немецким уполномоченным во главе. Что касается России, то в далеком будущем она смогла бы рассчитывать на известную «самостоятельность». Срок реализации этого плана устанавливался 20 лет.

24 сентября 1941 г., во время очередного обсуждения обстановки на Востоке, Гитлеру мерещились границы рейха на Урале, он мечтал о переселении в Россию 10 млн немцев и миллионов шве-

дов, норвежцев, датчан и других, как он называл, «арийских» народов Западной и Северной Европы.

Большое значение в Берлине придавали и разрушению национальной структуры народов Советского Союза, ограблению музеев, библиотек, картинных галерей и т.д. С этой целью весной 1941 г. при ведомстве Розенберга было создано Центральное бюро по захвату культурных ценностей на оккупированных восточных территориях во главе с Г.Утикалом. Вскоре такие же бюро были созданы при штабах отдельных армий вермахта. Генерал-квартирмейстер ОКХ в директиве от 5 апреля 1941 г. предложил всем войскам оказывать уполномоченным Розенберга всяческую помощь. Для ограбления архивов и библиотек Советского Союза были также предназначены Особая команда фон Кюнзберга при МИД, имевшая своих представителей при трех группах армий, и Центральный военный архив в Потсдаме, который также имел свои оперативные команды при штабах групп армий.

Особая роль для осуществления политики геноцида на советской территории отводилась карательным органам Г.Гиммлера. В инструкции ОКВ об управлении намеченной к оккупации территорией СССР от 13 марта 1941 г., являвшейся приложением к плану «Барбаросса», говорилось, в частности: «На театре военных действий рейхсфюрер СС получает от фюрера специальные задачи по подготовке политического управления, которые вытекают из окончательной и решительной борьбы двух противоположных политических систем». Через несколько дней, в конце марта, представители Главного управления имперской безопасности и ОКВ обсуждали конкретные меры сотрудничества в предстоящей кампании.

28 апреля 1941 г. Браухич подписал соответствующий приказ «Об использовании полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск». В приказе предусматривалось создание в войсках оперативных команд и групп СД, предназначенных для проведения массовых казней, прежде всего еврейского населения, политработников Красной Армии, партийного и советского актива. Всем командирам вермахта вменялось в обязанность содействовать деятельности этих карательных органов. Первые оперативные группы и команды были сформированы уже в мае 1941 г. Созданные четыре оперативные группы по 500—800 человек каждая проходили предварительную подготовку в г. Претше (Саксония), затем они были разделены на несколько оперативных и специальных команд и отправлены на фронт. Для осуществления карательных функций на советской территории предназначались также органы СС, СД и полевой полиции. В распоряжении созданного «высшего руководителя СС и полиции» по охране тыла сухопутных войск выделялись специальные полицейские дивизии и полки.

Хотя главная роль в будущей оккупационной политике на территории СССР отводилась террору и насилию, однако гитлеровцы определенное значение придавали и ведению пропагандистской кампании для идеологического разоружения и разложения совет-

ского народа. Эта задача возлагалась прежде всего на Министерство пропаганды Геббельса и, в частности, на его «восточный отдел». Ему подчинялся так называемый «штаб Винета», который вел пропагандистскую работу на оккупированных территориях СССР. Этот штаб тесно сотрудничал с отделом военной пропаганды ОКВ, а также отделами пропаганды ведомств Розенберга и Риббентропа. Все они совместно разработали общие принципы ведения подрывной идеологической работы, которые в начале июня 1941 г. были отражены в подписанной генералом Иодлем «Директиве о ведении пропаганды в операции "Барбаросса"».

В связи с готовившемся нападением на Советский Союз ведомство Геббельса в мае 1941 г. развернуло огромную подготовительную деятельность для пропагандистских диверсий среди населения на советской территории. 25 мая 1941 г. Геббельс записал в своем дневнике, что намечается использовать 13 рот пропаганды. На каждом направлении предстоящего наступления из роты пропаганды выделялся отряд для ведения пропагандистской работы среди местного населения. Министерство пропаганды организовало также, как выразился Геббельс, «великолепную дезинформацию» путем распространения за границей различных «уток»[42].

«В Москве, — отметил в дневнике 29 мая 1941 г. Геббельс, — ломают себе голову над разгадкой. Кажется, Сталин начинает медленно смекать. А, впрочем, он все еще уставился на нас, как кролик на удава...»[43]

Созданные роты пропаганды получили соответствующие директивы, в которых содержались следующие принципы пропагандистской работы среди советского населения: никакого антисоциализма, никакого возврата к царизму, не утверждать открыто о необходимости разгрома русской империи, потому что тем самым, как утверждал Геббельс, «мы наткнемся на армию, которая является великорусской, против Сталина и стоящих за ним евреев; земля — крестьянам, но временно сохранить коллективные хозяйства, чтобы, по крайней мере, спасти урожай; резкое обличение большевизма, клеймить его несостоятельность во всех областях жизни». Далее Геббельс подчеркнул, что он дрожит от возбуждения и никак не может дождаться того момента, когда разразится буря[44].

В своем дневнике Геббельс выразил удовлетворение тем, что «русские, кажется, все еще ничего не подозревают. Во всяком случае, они сосредоточивают свои войска именно так, как мы только и можем пожелать: концентрированно, а это — легкая добыча в виде военнопленных»[45].

«Пример Наполеона, — бахвалится Геббельс, — не повторится... Русские сосредоточили свои войска точно на границе, для нас это — наилучшее из всего, что могло произойти... Фюрер рассчитывает, что вся эта акция потребует примерно четырех месяцев, я же считаю, что меньше. Большевизм развалится, как карточный домик... Москва хочет остаться вне войны до тех пор, пока Европа

не устанет и не истечет кровью. Вот тогда Сталин захотел бы действовать. Но мы перечеркнем этот расчет».

Далее Геббельс утверждает, что «наша акция подготовлена так, как только вообще могут подготовить ее люди. У нас наготове такие резервы, что неудача начисто исключена. Географически эта акция не ограничена никакими границами. Будем сражаться до тех пор, пока больше не останется никакой русской военной силы. Япония — в союзе с нами... Англия охотно сохранила бы Россию как надежду на будущее... Однако Россия напала бы на нас, если бы мы стали слабыми, и тогда мы имели бы войну на два фронта, которую мы не допускаем этой превентивной акцией. Только тогда мы гарантируем свой тыл»[46].

Геббельс оценивает боеспособность Красной Армии следующим образом: «Боевую силу русских я оцениваю очень низко, но еще ниже ее оценивает фюрер. Если когда-либо какая-либо акция была и является обеспеченной, то именно эта. Мы должны напасть на Россию и для того, чтобы высвободить наших солдат. Неразбитая Россия заставляет нас постоянно держать 150 дивизий, солдаты которых нужны нам для военной экономики, чтобы осуществить нашу программу производства оружия, строительства подводных лодок и самолетов, и тогда США больше уже ничего не смогут замышлять против нас».

Вопреки тому, как раньше Геббельс критиковал церковь как врага национал-социализма, за несколько дней до нападения на Советский Союз он предложил обратиться к епископату обоих вероисповеданий — евангелического и католического — «с просьбой благословить эту войну как войну богоугодную».

Относительно судьбы России после победы над ней, утверждал Геббельс, в ней «не будет восстановлен царизм, а, вопреки еврейскому социализму, будет осуществлен подлинный социализм».

Геббельс признает, что эта акция мало похожа на справедливую и моральную. Но, «когда мы победим, кто спросит нас о методе! У нас все равно на совести столько, что мы должны победить, ибо иначе весь наш народ — а мы — во главе его, будем стерты с лица земли со всем, что нам дорого»[47].

Следующая запись Геббельса в дневнике от 16 июня 1941 г. свидетельствует, что как он, так и сам фюрер высказывали сомнение, как германский народ воспримет эту войну. Ведь «народ полагает, что мы с Россией заодно. Будет ли он храбр, когда мы призовем его к войне против нее?» Но Геббельс высказывает мнение, что, когда немецкие солдаты «непосредственно познакомятся с отечеством рабочих и крестьян.., все они вернутся дикими антибольшевиками».

Но когда 22 июня 1941 г. наступил «день Х», тональность записей Геббельса несколько изменилась, почувствовались нотки озабоченности. Министр пропаганды рейха признавал, что нельзя торопиться с подчеркиванием многонационального состава Советского Союза и напоминать о его огромных пространствах, ибо публикации крупномасштабных карт России «могут только напугать наш народ»[48].

«Русские обороняются храбро, — признает Геббельс. — Никаких отступательных маневров... Они теряют бесчисленное множество танков и самолетов». Неделю спустя после агрессии Геббельс снова напоминает, что на южном участке восточного фронта отмечается весьма упорное сопротивление русских. «Враг обороняется отчаянно и под хорошим командованием. Обстановка не то чтобы угрожающая, но забот полон рот... Только на центральном участке русские медленно отходят. Это отнюдь не в духе наших намерений...»

Несмотря на неудачи русских в центре и на северном участке и на их огромные потери в людях и технике, они все еще «защищаются отважно, командование их действует в оперативном отношении лучше, чем в первые дни»[49].

Геббельс отмечает и вклад его пропагандистского ведомства в борьбу с большевизмом. Так, пропагандистскую работу ведут три тайных радиопередатчика. Каждый из них осуществляет свое указанное направление пропаганды. Например, первый радиопередатчик вещает якобы от имени троцкистов, второй поддерживает сепаратистские устремления нерусских национальностей России, и передачи третьего радиопередатчика посвящены националистически-русской тематике. Геббельс признает, что в пропагандистской работе на восточном фронте используются методы и кадры, зарекомендовавшие себя в войне на Западе.

Как известно, в этой работе активное участие принимали не только старые партайгеноссен, но и ренегаты, покинувшие компартию Германии. Среди них был, в частности, и Эрнст Торглер — в прошлом председатель фракции КПГ в рейхстаге. В 1933 г. он был участником Лейпцигского процесса по поводу поджога рейхстага. После оправдания Имперским судом он стал ренегатом и активно сотрудничал с ведомством Геббельса, в том числе участвовал в передачах тайных радиопередатчиков. В ходе войны на Западе он сотрудничал и с коллаборационистами из стран Европы.

По данным Геббельса, в течение нескольких предвоенных дней в Берлине строго секретно было отпечатано около 50 млн листовок, и в первые же дни войны они были сброшены на позиции советских войск с помощью авиации.

Уже через десять дней с начала боевых действий Геббельс с тревогой признает, что на востоке идут «очень упорные и ожесточенные бои. Ни о какой прогулке по России не может быть и речи! Красный режим привел народ в движении», — таково было примечательное признание шефа германской пропаганды[50].

Лишь немногие исследователи, изучающие Вторую мировую войну, за последние 50 лет обращали серьезное внимание на такой одиозный документ, порожденный нацистской идеологией и политикой, каким является Генеральный план «Ост». Это Л.Безыменский, Ч.Мадайчик, А.Даллин, А.Носкова и некоторые другие.

Большинство же историков, видимо, считало его всего-навсего планом, разработанным второстепенными инстанциями и даже, возможно, без прямого ведома Гитлера. К тому же, оккупировав восточноевропейское пространство и продержавшись на нем всего от нескольких месяцев до трех лет, нацисты просто не успели бы его реализовать.

Подобное объяснение выглядит убедительно, но это вовсе не значит, что упомянутый план не заслуживает должного внимания, т.к. он дает нам возможность наглядно представить ужасную судьбу десятков миллионов жителей разных национальностей обширного Восточноевропейского региона, если бы этот план был там реализован. Думаю, что на этом фоне еще величественнее становится значение победы свободолюбивых народов над нацистской тиранией.

Непосредственно перед агрессией в Берлине были разработаны и другие документы, касавшиеся политики в отношении оккупированных территорий Советского Союза, в частности приказ главнокомандующего сухопутных войск о формировании военно-оккупационных органов (3 апреля 1941 г.), его же приказ об образовании айнзатцкоманд и айнзатцгрупп и полиции безопасности (28 апреля 1941 г.), решение военно-экономического штаба «Восток» об использовании советского экономического потенциала (2 мая 1941 г.), указ Гитлера о репрессивных мерах против местного населения (13 мая 1941 г.), указания начальника ОКВ о поведении немецких войск в Советском Союзе (19 мая 1941 г.), печально знаменитый «приказ о комиссарах» (6 июня 1941 г.) и др.

Все эти документы, касавшиеся относительно частных вопросов политики Германии на оккупированных территориях СССР и действовавшие только в период военных действий, являлись как-бы прелюдией к синтезированному документу, в котором комплексно и на стратегическую перспективу определялись меры, относившиеся к судьбе миллионов жителей Восточной Европы. Речь идет о Генеральном плане «Ост».

План предусматривал также немецкую колонизацию «свободных» территорий, которая должна осуществляться тремя волнами: немедленным переселением 840 тыс. немцев, затем переселением 1,1 млн человек и в ходе третьей волны через 20—30 лет — еще 2,6 млн немцев. Предполагалось также переселить на восток тысячи норвежцев, шведов, датчан и голландцев.

Для управления оставшимися неохваченными колонизацией русскими территориями один из основных авторов Генерального плана «Ост» Э.Ветцель предлагал использовать людей, «которые в какой-то степени воспитывались в европейском духе и усвоили по меньшей мере основные понятия европейской культуры. Этими данными в значительной мере располагают эстонцы, латыши и литовцы». Надо сказать, что господин Ветцель довольно низко оценивает «европейские качества» этих народов Балтии.

Далее Ветцель предложил для обеспечения рабочей силой промышленные районы Кузнецка, Новосибирска и Караганды переселить валлонских инженеров, чешских техников, венгерских предпринимателей и коммерсантов. В отношении выселения в Сибирь 65% западных украинцев и 75% белорусов автор замечаний не имел. По-иному он смотрел на судьбу России и русского народа. Он считал недостаточным расчленить «Московитию», нужно прежде всего раздробить русских как нацию, разобщить русский народ. Только в таком случае, утверждал Ветцель, будет устранена опасность со стороны России, но для этого потребуется несколько поколений.

С этой целью он предложил расчленить «территорию, населенную русскими, на различные политические районы с собственными органами управления, чтобы обеспечить в каждом из них обособленное национальное развитие». «Русскому из горьковского генерального комиссариата должно быть привито чувство, что он чем-то отличается от русского из тульского генерального комиссариата. Нет сомнения, что такое административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей окажется одним из средств борьбы с усилением русского народа». Были также предусмотрены уничтожение русской интеллигенции и искусственное сокращение рождаемости.

Судя по отзыву Ветцеля, в Генеральном плане «Ост» четко проводилась мысль о том, что реализация разработанных мер на Востоке возможна только при одном непременном условии — тотальном уничтожении Советского Союза как государства.

Тревожные годы в Советском Союзе

Исключительную сложность для анализа причин и истоков коллаборационализма в Советском Союзе представляет собой обстановка в стране, сложившаяся после победы Октябрьской революции и особенно в 20—30-е годы. Поэт определил ее так: «Бывали хуже времена, но не было подлей».

Наряду с немалыми успехами в экономическом возрождении страны, достигнутыми в результате героического труда народа во всех республиках, нельзя не напомнить и о том, что вся жизнь в стране после Октября 1917 г. была заполнена и социальными и национальными конфликтами. Они вспыхивали в различных регионах России и в национальных республиках Советского Союза. По существу, они имели характер продолжавшейся гражданской войны, когда многие слои населения были недовольны теми или иными мерами советской власти. Об этом свидетельствуют, в частности, Кронштадтский мятеж, антоновщина, движение басмачей в Средней Азии, освободительная борьба народов Кавказа, махновщина и петлюровщина на Украине и др.

На заре советской власти в 1920 г. знаменитый писатель-демократ В.Короленко написал члену советского правительства А.В.Луначарскому протест против беззакония, чинившегося властями применительно к народу. Он, в частности, отмечал: «Вы победили добровольцев, Деникина, победили Юденича, Колчака, поляков, вероятно, победите и Врангеля. Возможно, что вооруженное вмешательство Антанты тоже окончилось бы вашей победой: оно пробудило бы в народе дух патриотизма, который напрасно старались убить во имя интернационализма, забывая, что идея Отечества до сих пор является наибольшим достижением на пути человечества к единству, которое, наверное, будет достигнуто только объединением отечеств». Как это актуально звучало и в применении ко времени, наступившему в СССР после победы над фашизмом.

Лишь в начале 30-х годов установилось временное и относительное примирение. Люди проявляли героизм на «великих стройках социализма», их ублажали интересными комедийными фильмами, в Москве регулярно происходили дни культуры союзных республик, призванные показать победу национальной политики советской власти. Но мы-то хорошо знали, что это была кладбищенская тишина, ибо по ночам продолжались аресты, массовые казни в лагерях, голод 1933 г., уничтожение казачества и др.

В сентябре 1918 г. Советом народных комиссаров был принят декрет, подписанный Курским, Петровским и Бонч-Бруевичем, о введении в стране «красного террора». Кроме указаний о необходимости применять массовые расстрелы, в нем говорилось и о следующем: «Обезопасить советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях». Так впервые в Европе появились концлагеря, а сам термин стал одним из терминов XX в., которому предстояло международное будущее, писал позднее А.Солженицын.

На заседании Президиума ВЦИК, состоявшемся 12 мая 1919 г., была принята инструкция о концентрационных лагерях принудительных работ. Были установлены довольно жесткие условия содержания узников. Так, лагерь должен был окупаться трудом самих заключенных, была разрешена замена физического труда умственным, за двухкратную попытку побега ревтрибунал мог осудить виновного вплоть до высшей меры наказания, узники содержатся в концлагере на все время гражданской войны, нетрудоспособные, лица женского пола и несовершеннолетние содержались в особых лагерях.

В том же году еще один наш знаменитый соотечественник, П.Кропоткин, проживавший в г. Дмитрове, написал Ленину такие строки: «Неужели никто не объяснил, что такое заложник? Заложник посажен в тюрьму не как наказанный за какое-нибудь преступление. Его держат, чтобы угрожать его смертью своим противникам. Даже короли и папы отказались от таких варварских способов самозащиты, как заложничество. Как же могут проповедники

новой жизни и строители новой общественности прибегать к такому оружию для защиты от врагов?»

В первые же годы советской власти широко практиковалось использование ядов в операциях спецслужб. По свидетельству одного из руководителей НКВД генерала П.Судоплатова, для этой цели при Председателе Совнаркома В.И.Ленине в 1921 г. была создана токсикологическая лаборатория, именовавшаяся тогда «Специальный кабинет». Первым его начальником в 30-х годах был профессор Казаков, расстрелянный в 1938 г. по процессу Бухарина. Одновременно работы по тематике лаборатории проводились и в Институте биохимии под руководством профессора Майрановского. Оба эти учреждения объединились и были переданы в распоряжение НКВД. После окончания войны работа лаборатории продолжалась и в 80-е годы[51].

Одним из важных социальных источников, длительное время в 20—30-е годы питавших и пополнявших ряды коллаборационистов в период будущей войны, являлись жертвы массовых сталинских депортаций миллионов советских граждан. Начало им было положено выселением из родных мест в Сибирь и в северные регионы страны так называемых «кулаков», т.е. крестьян, которые отказывались добровольно вступать в колхозы, навязываемые Сталиным и его партией советскому крестьянству. Обобщенные данные о масштабах этого преступления содержатся в следующей справке 4-го спецотдела МВД СССР, опубликованной в 1991 г. 1 февраля 1931 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О предоставлении краевым (областным) исполкомам и правительствам автономных республик права выселения кулаков из пределов районов сплошной коллективизации сельского хозяйства». Для практической реализации этого постановления состоятельные кулаки были разделены на три категории: контрреволюционный актив, наиболее богатые и остальные. К началу 1933 г., когда выселение кулачества в основном было закончено, в местах поселения находилось 1317 тыс. кулаков.

Из крестьян-фронтовиков в период Великой Отечественной войны, добровольно сдавшихся противнику, наиболее значительную группу составляли именно бывшие кулаки, в свое время в наибольшей степени пострадавшие от репрессий советской власти. Протоколы допросов, составленные немецкими офицерами, подтверждают, что пленные советские военнослужащие часто утверждали, что они были так называемыми «кулаками» и при советской власти подвергались репрессиям. Видимо, это были попытки снискать снисхождение у немцев.

Одним из преступлений Сталина и его окружения были осуществление насильственной коллективизации и последовавший затем страшный голод. В эти годы, по неполным данным, погибло больше человеческих жизней, чем потеряли все воевавшие страны в годы Первой мировой войны. Такова была «жатва скорби», как назвал этот геноцид известный английский историк Р.Конквест.

Шли годы. После гибели тысяч депортированных по пути в Сибирь, смерти тысяч других от голода и холода, оставшиеся в живых энергичные «кулаки» сумели адаптироваться к новым условиям. В декабре 1938 г. правительство приняло постановление, разрешавшее бывшим кулакам при их «примерном поведении» выдавать паспорта и предоставить право выезжать к прежним местам проживания. Часть депортированных этим постановлением воспользовалась, и можно не сомневаться в том, что многие из них оставались потенциальными врагами той власти, которая исковеркала их жизни. К началу войны на так называемых «спецпоселениях» оставалось 930220 бывших кулаков.

Основными районами проживания депортированных все эти годы были Казахстан, Красноярский край, Западная Сибирь, Пермская, Кемеровская и Вологодская области и Карело-Финская АССР.

Таким образом, утверждения некоторых авторов о том, что кулаки направлялись якобы только в северные районы Сибири, где их судьбой стала безысходная нужда, не соответствуют действительности. Часть из них не затаила в душе злобы на советскую власть и на фронте честно выполняла свой патриотический долг. Так, из Красноярского края на фронт было мобилизовано 8 тыс. бывших кулаков, из них около 700 стали офицерами. А В.И.Давыдов стал майором, штурмовал рейхстаг, и ему было присвоено звание Героя Советского Союза. После окончания войны для всех фронтовиков и награжденных орденами и медалями ограниченное право выезда было отменено, и большинство из них вернулось в родные места. Это касалось 15 тыс. семей. Остальные 10 тыс. человек получили право выезда в 1947 г., но не все пожелали воспользоваться этим правом.

По состоянию на 1 октября 1945 г. на спецпоселении оставалась половина от выселенных к началу 1933 г., т.е. 606800 человек. Не исключено, что часть из них хорошо обустроилась на новом месте жительства и не имела намерения возвращаться обратно. Но можно предположить, что большинству советская власть по-прежнему не доверяла, и в этом отношении им не помогли ни великая Победа над врагом, ни проводившиеся после войны амнистии. Даже год спустя после смерти Сталина на спецпоселении находилось более 17 тыс. бывших кулаков. Наконец, в августе 1954 г. постановлением советского правительства все ограничения по спецпоселению были сняты.

Особую категорию советских граждан, часть которых согласилась с предложением немцев о совместной борьбе против большевизма, составляли кубанские, донские и терские казаки, проживавшие на Северном Кавказе. С советской властью многие из них имели свои счеты еще со времен гражданской войны.

Жестокая борьба советской власти с казачеством, которая вошла в историю как расказачивание, началась сразу же после Октябрьской революции и продолжалась в ходе всей гражданской войны. Вот что рассказал на страницах «Комсомольской правды»

казак писатель И.М.Кандауров о том, как формировалась политика советской власти в отношении казаков. Итак, в январе 1919 г. Я.Свердлов подписал секретную директиву Оргбюро ЦК РКП(б) «О беспощадном терроре по отношению ко всем казакам», с которой и начались массовые репрессии на Дону. Вот ее текст: «Последние события на различных фронтах и в казачьих районах, наши продвижения в глубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы в указанных районах. Необходимо, учитывая опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления.

Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применить все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем сельскохозяйственным продуктам.

Провести полное разоружение, расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания».

«Осталось немного свидетельств того, как проводился террор против казаков, — пишет Кандауров. — Однако еще больше кануло в Лету без следа. Тень ужаса нависла над Доном. О содержании директив казачеству не было известно. Репрессии в станицах начались неожиданно. Скорый суд вершили ревкомы, состоявшие из людей пришлых. В станицы входили вооруженные отряды. Выволакивали мужиков и баб. Вели на расстрел на виду у всего люда. Были станицы, где в несколько дней расстреляны сотни человек. Увозили заложников на подводах. Куда, зачем, за что? Стон и крик неслись над куренями. Одна трагедия повлекла за собой другую. Казаки взялись за оружие. На Верхнем Дону вспыхнул мятеж. От одной станицы к другой скакали конные отряды. В самое короткое время на стороне мятежников оказалось 30 тысяч штыков».

Кандауров далее рассказал, что в годы гражданской войны существовало Донское бюро РКП(б), которое хорошо знало жизнь казаков и могло выступить в их защиту. Но руководители Донбюро не только не вступились за казаков, но и принимали решения, усиливавшие террор. Прочтем еще один документ. Это директива Донбюро: «Во всех станицах, хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся

каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, и отправить их как заложников в районный революционный трибунал.

При опубликовании решения о сдаче оружия объявить, что в случае обнаружения по истечении указанного срока у кого-либо оружия будет расстрелян не только владелец оружия но и несколько заложников.

Составить по станицам под ответственность ревкомов списки всех бежавших казаков, то же относится и к кулакам, всякого без исключения арестовывать и направлять в районные трибуналы, где должна быть применена высшая мера наказания».

В то время никакой необходимости объявлять войну казачеству на Дону не было. Обратим внимание, что в директиве Свердлова туманно говорится о «разложении среди казачьих войск». На самом деле это означало, что некоторые казачьи сотни и полки переходили на сторону советской власти.

Конечно, историю гражданской войны на Дону не напишешь одной краской. Известно, что тысячи казаков-добровольцев вступали в конные армии Буденного и Мирошова. Однако немало служило и у Деникина. Одни уходили добровольно, другие — по мобилизации. Белые офицеры добирались до самых отдаленных хуторов и действовали не только путем агитации, но и силой оружия. Все это так. Но именно в конце 1918-го — начале 1919 г. среди казаков чувствовалась усталость от братоубийственной войны. К тому же и листовки обещали мир и прощение тем, кто служил в белой армии.

Недаром произошло следующее событие: в декабре 1918 г. белоказаки открыли под Богучаром фронт перед Красной Армией и стали сниматься с места. По дорогам потянулись обозы, таяли на глазах казачьи полки. Казаки спешили к своим куреням, чтобы заняться хлебопашеством. Возможно, не было более удобного момента в годы гражданской войны, чтобы на донскую землю пришел мир. Но вышло по-иному. Карательные документы могли принимать люди, далекие от жизни казаков; не способные понять трагедию, которая уже прошла на Дону, через многие семьи».

В 20—30-е годы трагедия казаков продолжалась: были вооруженные выступления и был террор. В советский период было репрессировано около 2 млн казаков, из них 1,1 млн уничтожено физически. К началу Великой Отечественной войны еще оставались в живых свидетели и участники тех страшных событий. Многие из них летом 1942 г., когда к Дону приближались немецкие войска, оказались на перепутье — часть из них взялась за оружие, рассчитывая, что немецкие оккупанты окажут им поддержку в борьбе против советской власти. В конце 1941 г. немецкие оккупанты стали формировать казачьи воинские части.

В стране и в партии был установлен такой «порядок», при котором партийные органы также выполняли карательные функции НКВД в отношении своих членов. Даже в известной тюрьме «Матросская тишина» имелся специальный блок ЦК партии. Его узниками занимался Комитет партийного контроля, расследовавший дела членов ЦК и офицеров госбезопасности. Начальник тюрьмы предупреждал узников о серьезных последствиях, если они не признают свою вину перед партией. «В 1938 году атмосфера, — рассказывают современники, — была буквально пронизана страхом, в ней чувствовалось что-то зловещее».

Немалый контингент будущих коллаборационистов с германскими спецслужбами в 30-е годы составляли российские эмигранты, покинувшие родину добровольно или насильно в 20—30-е годы.

Если обозленные на советскую власть кулаки составляли в довоенные годы лишь потенциальных коллаборационистов, часть из которых реализовала свои намерения перейти на службу врагу, оказавшись на оккупированной территории, то ситуация, в которой находились эмигранты, была гораздо сложнее.

Прежде всего следует указать на большое разнообразие российских эмигрантов по признаку их социального положения. Среди них были солдаты врангелевских и других белогвардейских сил, насильно вывезенные за границу в ходе гражданской войны, политические и государственные деятели и рядовые чиновники, покинувшие родину сразу же после Октябрьского переворота, предприниматели и коммерсанты, писатели, журналисты, другие деятели культуры и науки, выехавшие за пределы России легально и нелегально в ходе гражданской войны и особенно в первые послевоенные годы. Небольшую группу составляли те, кто по разным причинам эмигрировал еще до революции и являлся гражданином страны проживания.

При анализе проблемы о поведении эмигрантов важно учитывать, что подавляющее их большинство потеряло советское гражданство и приняло гражданство страны их пребывания. Поэтому нет юридических оснований называть их предателями и изменниками родины, даже если они действительно сотрудничали с германскими властями как до, так и в ходе войны.

Существовала особая категория коллаборационистов — жителей западных областей Украины и Белоруссии, а также стран Балтии, которые вообще не признавали советское гражданство. Так, лидер украинских националистов С.Бандера имел польское подданство, но вел вместе со своими сообщниками вооруженную борьбу на территории Советского Союза.

Необходимо учитывать и то, что часть эмигрантов при содействии правительств Германии и других стран действительно вела антисоветскую деятельность, рассчитывая на свержение советской власти на родине. Но с нападением Германии на Советский Союз и особенно в условиях тотального террора против советского народа и планов Гитлера физически уничтожить весь русский народ взгляды этой категории претерпели существенные изменения. Не будучи сторонниками советского общественного и государственного строя и осуждая сталинизм, они объективно оказались в лагере российских патриотов и внесли свой вклад в победу над фашизмом.

В книге «Россия и Германия» Уолтер Лакер в главе «Гитлер» доказывает, что «сама идея антибольшевизма, ставшая центральным тезисом нацистской идеологии и пропаганды и отождествлявшая большевизм с мировым еврейством, внушена была Гитлеру русскими эмигрантами, жившими одной надеждой, что придет день, когда и Россия сможет похвалиться своим гитлеровским движением». Целые состояния, вывезенные из России, тратились обитателями «русского Кобленца» на поддержку правого экстремизма в Германии. Все это, по мнению Лакера, дает основание говорить о «русских источниках не только национального коллаборационизма, но и национал-социализма».

«Марков 2-й, знаменитый своими погромными речами, — пишет А.Янов, — депутат русской Думы и один из апостолов возродившейся "русской идеи", закончил свои дни консультантом гестапо по русским делам».

Еще одним источником пополнения коллаборационистов из числа советских граждан стала акция, проведенная органами НКВД во всех приграничных республиках страны по периметру от Балтийского до Черного морей за несколько дней до вторжения войск вермахта на территорию СССР.

Органы госбезопасности и НКВД республик разработали следующую инструкцию по организации арестов и высылки:

— начинать операцию незадолго до рассвета;

— в квартире сделать обыск на оружие и контрреволюционную литературу, иностранную валюту и объяснить цель обыска;

— все имущество конфисковать и передать местным органам власти;

— разрешать высылаемым брать вещи не свыше 100 кг на каждого члена семьи;

— бытовые ценности не изымать;

— выселяемые могут назвать доверенное лицо для реализации имущества сроком до 10 дней;

— больных временно оставить;

— обыск производить в отсутствие понятых;

— оружие у сотрудников должно быть в полной боевой готовности;

- сотрудникам во время операции действовать решительно.

О планах и результатах информировать первого секретаря ЦК КП(б) республики.

Важно также отметить, что операция в Прибалтийских республиках, как и в других, проходила по инициативе и под контролем партийных органов от ЦК ВКП(б) до руководителей партийных организаций в этих республиках. Так, исходное постановление по этому вопросу было принято ЦК ВКП(б) и СНК СССР 14 мая 1941 г. Выносились соответствующие решения ЦК, в которых утверждались состав оперативных штабов, мероприятия и содействие со стороны всех партийных органов. О задуманной операции были проинформированы командования военных округов, армий и Балтийского флота. Руководители операции жаловались, что в ряде

населенных пунктов, насчитывавших до 2 тыс. жителей, нет сотрудников НКВД и НКГБ и поэтому «контингент выявлен не полностью». Была выражена просьба, чтобы операцию, запланированную на 12 июня 1941 г., перенесли на более поздний день, т.к. в этот день в Литве отмечается большой религиозный праздник «Божьего тела». Операция была проведена 13—14 июня.

Окончательные итоги этой террористической акции были представлены в документе тогдашнего наркома госбезопасности СССР В.Меркулова Сталину, Молотову и Берии 17 июня 1941 г., названном «Окончательные итоги операции по аресту и выселению антисоветского уголовного и социально-опасного элемента из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР». В нем было отмечено, что среди арестованных и выселенных находились активные члены контрреволюционных националистических организаций, бывшие охранники, жандармы, полицейские, бывшие крупные помещики, фабриканты и чиновники, бывшие офицеры польской, латвийской, литовской, эстонской и белой армий, члены семей, участников контрреволюционных организаций, осужденных к ВМН, беженцы из бывшей Польши, отказавшиеся принять советское гражданство[52].

Наряду с массовыми репрессиями, предпринятыми против разных социальных слоев в Прибалтийских республиках, террор был направлен и против полиции и военнослужащих национальных армий, которые в качестве отдельных корпусов вошли в состав Красной Армии. Здесь также происходила серьезная чистка. Так, в донесении наркому ГБ СССР Меркулову начальник одного из управлений докладывал, что для очистки 22, 24 и 29-го территориальных стрелковых корпусов от антисоветских элементов намечено провести арест 1067 человек, но в действительности было арестовано 908 человек.

В отличие от массовых «изъятий» среди гражданского населения во время арестов офицеров не обошлось без серьезных инцидентов. Так, в 24-м корпусе, который дислоцировался в Латвии, бывший офицер 183-й стрелковой дивизии капитан Арвид Генрихович Луня убил капитана С.И.Гровенко — командира отдельного батальона. В той же дивизии при попытке к бегству были убиты помощник начальника штаба полка капитан М.Линмеер и капитан П.Фрейманис. В момент обезоруживания некоторые офицеры оказали сопротивление. В эстонском уезде Вирма при аресте за попытку побега был убит бывший консталь полиции Х.Кярусар.

По донесению наркома госбезопасности СССР Меркулова Сталину, Молотову и Берии, к 16 июня 1941 г. операция по ликвидации антисоветских элементов в Прибалтийских республиках была в основном закончена. Ее итоги таковы: изъято в Литве 6519 семей, или 15306 человек, в Латвии — 4386 семей, или 14176 человек, и в Эстонии — 3211 семей, или 8883 человека. Кроме того, в территориальных корпусах изъято 908 военнослужащих. Всего изъято 14116 семей (39567 человек), из них арестовано 13305 человек и определено для выселения 26262 человека.

Окончательные итоги операции в западных областях Белоруссии представлены В.Меркуловым 21 июня 1941 г. в следующей таблице:

Области	Арестовано	Выслано	Всего репрессировано
Белостоцкая	500	11405	11905
Брестская	300	3039	3339
Барановичская	475	2723	3199
Пинская	363	2299	2662
Вилейская	420	2887	3307
Всего:	2059	22353	24412

Среди репрессированных были руководители и активные участники польских, белорусских, украинских, русских и еврейских контрреволюционных организаций, чиновники бывшего польского государства, члены семей приговоренных к ВМН, члены семей, бежавших за границу. В операции при попытке к бегству было убито 2 и ранен 1 человек. Арестованные заключены в тюрьмы западных областей, а высселяемые погружены в эшелоны и направлены к местам поселения на востоке страны.

Нетрудно себе представить судьбу арестованных и помещенных в тюрьмы западных областей Белоруссии, если на следующий день началось внезапное нападение германских войск и в начале июля уже был взят Минск. Можно не сомневаться, что все они были расстреляны органами госбезопасности при их отступлении, как это произошло в Прибалтике и в западных областях Украины.

По ходу операции в западных областях Украины ее руководитель — зам. наркома госбезопасности И.Серов 22 мая 1941 г. из Львова передал следующую информацию:

Области	Подлежало изъятию		Изъято и погружено в эшелоны	
	семей	членов семей	семей	членов семей
Тарнопольская	850	2975	794	2726
Волынская	481	1783	518	2079
Львовская	575	2325	553	2216
Станиславская	452	1471	487	1533
Ровенская	270	991	253	918
Дрогобычская	406	1683	382	1562
Черновицкая	76	248	70	229
Итого:	3110	11476	3057	11263

Наконец, уполномоченный ЦК ВКП(б) по Молдавской ССР Гоглидзе 31 мая 1941 г. из Кишинева доносил следующее: руководители буржуазных организаций из Бессарабии бежали в Румынию. Но оставшиеся активизировали свою деятельность. Так, наиболее законспирированная из них — «Железная гвардия» имела свои спецгруппы, ею была установлена связь с центром в Румынии. Контрреволюционная Национал-христианская партия (глава А.К.Куза) сплачивает группы, собирает оружие. Национал-либеральная и национал-царанистская партия (учтено около 1 тыс. членов) предпринимает попытку нелегальной деятельности.

В связи с этим Наркомату ГБ Молдавии было дано указание произвести аресты контрреволюционных элементов. Далее автор просит ЦК ВКП(б) разрешить НКГБ Молдавии выселить в другие области СССР вместе с семьями 5 тыс. человек. Такое разрешение, разумеется, было дано, и в ночь с 12 на 13 июня 1941 г. началась операция по изъятию 32429 человек, из них 6250 — подлежали аресту и 26173 – выселению. По реально было изъято 24345 человек, из них арестовано — 4247 человек.

После прекращения войны в тех же регионах Советского Союза прокатилась новая волна репрессий. Так, 10 мая 1949 г. министр госбезопасности генерал Мордовец сообщал: «Согласно правительственному решению из пределов Молдавской ССР надлежит выселить 11281 семью кулаков, крупных торговцев, б. помещиков, немецко-румынских пособников, лиц, сотрудничавших с немецко-румынскими разведывательными и полицейскими органами, участников профашистских партий и организаций, белогвардейцев и участников нелегальных сект. В том числе выселению подлежит 8 тыс. семей кулаков, торговцев и б. помещиков. Общее число высселяемых — 40 тыс. чел. На 9 мая с.г. по Молдавской ССР установлено 13972 семьи из указанного контингента, из них кулаков — 8122 семьи и пособников – 2752 семьи».

В массовом порядке проходили казни во многих городах страны. В Москве их было так много, будто по городу прошла чума. Ведь в 1937 г. здесь иногда за один день расстреливали до 2 тыс. человек. В здании на Никольской улице, где заседала военная коллегия Верховного суда (ныне здесь находится горвоенкомат), судебное заседание длилось обычно 10—15 минут, сразу же после него осужденных расстреливали.

По этому поводу бывший узник сталинизма, сидевший в лагерях ГУЛАГа 17 лет, Л.Э.Разгон пишет: «Посчитайте, сколько нужно было людей для того, чтобы провести через лагеря 15—20 миллионов? Сколько надо было людей, чтобы арестовывать, допрашивать, расстреливать, этапировать? Вероятно, почти столько же, сколько сидело. И недаром я всегда цитирую слова Анны Андреевны Ахматовой, которая сказала, когда стали выходить люди из лагерей: "Ну вот, теперь Россия разделится на две части: те, которые сажали, и те, которые сидели"»[53].

С 28 октября 1934 г. в стране даже по меркам «советского права» функционировало абсолютно неправовое учреждение, созданное на основании постановления политбюро ЦК ВКП(б) — Особое совещание при НКВД. Оно имело обширные права распоряжаться свободой и даже жизнью любого гражданина. Предоставленные Особому совещанию при НКВД права были еще более расширены решением политбюро партии от 8 апреля 1937 г.: общественно опасные лица могли быть высланы в отдаленные районы СССР до 5 лет с последующим запрещением проживать в столицах и других крупных городах или заключены до 5 лет в исправительно-трудовые лагеря и тюрьмы.

В состав Особого совещания входили: заместитель наркома внутренних дел, уполномоченный НКВД по республике, начальник главного управления рабоче-крестьянской милиции и нарком НКВД союзной республики, где возникло дело. В заседаниях для формы должен был участвовать даже прокурор СССР или его заместитель, и, более того, они имели право даже опротестовывать решения Особого совещания, что на практике бывало довольно редко.

В стране царил юридический беспредел на государственном уровне, при котором ценность человеческой жизни была низведена до нуля. Практика репрессий советских властей против членов семей, которым не предъявлялись обвинения по конкретным преступлениям, являлась бесспорно примером заложничества, широко применявшегося гитлеровцами, против которого в годы войны выступало само советское правительство. Кроме того, по определению Нюрнбергского процесса, заложничество квалифицировалось как вид преступления против человечности.

Постановление ЦК ВКП(б) об Особом совещании стало, пожалуй, последним документом, который был направлен на дальнейшее усиление террора партии против своего народа. С осени 1938 г. тактика была несколько изменена. С поста наркома НКВД был снят Н.И.Ежов, и его ожидала такая же участь, какую он сам готовил и осуществлял в отношении миллионов его жертв. На его место был назначен другой ставленник Сталина — Берия, который временно несколько смягчил ситуацию в действиях органов НКВД.

11 ноября 1938 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее решение: «Строжайше приказывается: 1. Приостановить с 16 ноября сего года впредь до распоряжения рассмотрение всех дел на Тройках, в военных трибуналах и в военной коллегии Верховного суда СССР, направленных на их рассмотрение в порядке особых приказов или в ином, упрощенном порядке. Проследить за точным и немедленным выполнением».

За ним последовало принятие нескольких других партийных решений, призванных всю ответственность за прежние преступления свалить на одного Ежова и несколько разрядить обстановку. Эту цель преследовало, в частности, постановление СНК СССР и ЦК

ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В духе этого постановления Берия 26 ноября 1938 г. подписал соответствующий приказ. Он гласил, что в последнее время в работе органов НКВД и прокуратуры вскрыты серьезные недостатки и извращения, а также указаны пути для дальнейшего окончательного разгрома врагов народа. Такими путями были: немедленное прекращение производства массовых операций по арестам и выселениям без дифференцированного подхода к преступнику или выселяемому; аресты должны производиться в строго индивидуальном порядке с обоснованием необходимости ареста; аресты предварительно согласовывать с прокурором (начальником городского или районного отдела НКВД); предварительно представлять в республиканский орган НКВД мотивированное постановление и получать соответствующие санкции; все дела должны проходить через прокуратуру на рассмотрение суда в соответствии с законом о подсудности; дела на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР представлять в особых случаях и максимально их сократить; практику продления наказания в ссылке и лагерях отменить. На следующий день аналогичный приказ был издан и прокурором СССР[54].

Подобные «либеральные» решения Сталин и Берия могли себе позволить, потому что к осени 1938 г. были казнены или изолированы в далекие сибирские лагеря и тюрьмы миллионы советских граждан. Повсюду царил тотальный страх, все молчали или славословили «вождя» и его «железного наркома». Цель была достигнута. Но не следует, однако, предполагать, что кампания массового террора на этом прекратилась. Она продолжалась, но в более изощренном виде, а с началом Второй мировой войны даже вышла на прежний уровень.

Генеральный прокурор СССР М.Панкратьев направил в июне 1939 г. Сталину и Молотову письмо следующего содержания: «Закон от 7 апреля 1935 г. о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних предусматривал уголовную ответственность подростков в возрасте от 12 лет лишь за определенные преступления: кражу, насилие, телесное повреждение, увечья, убийство или покушение на убийство. Но он не предусматривает ответственности за контрреволюционные преступления, ибо имеются случаи со стороны 12 до 16-летних расклеивания антисоветских листовок и высказываний, стрельбы в портреты вождей, террористических высказываний по адресу их, поджогов имущества колхозов и совхозов как месть за арест родителей.

Эти преступления совершаются явно умышленно и сознательно. Считаю невозможным оставлять такие действия ненаказанными и их следовало бы рассматривать на Особом совещании при НКВД СССР и помещать несовершеннолетних преступников в трудовые колонии сроком до 5 лет.

Прошу санкционировать».

Испрашиваемая санкция, разумеется, была получена.

В специальном письме на имя Сталина и Молотова от 23 июня 1939 г. тот же Панкратьев подчеркивал, что в настоящее время дела о контрреволюционных преступлениях в судах, как правило, проходят без участия в деле сторон обвинения и защиты. Поэтому обвиняемые отказываются от своих показаний, данных на следствии, поскольку их показания были даны в силу применения к ним незаконных методов. Проверка этих показаний занимает у суда много времени, жалуется генпрокурор и продолжает: «Считаю, что пока не будут рассмотрены дела 1937–38 гг., признать правильной практику судов о недопущении защиты по этой категории дел, пока наркомат юстиции не проверил состав коллегии защитников».

Важной составной частью репрессивной сталинской системы, которая причинила огромный ущерб обороноспособности страны и стала причиной эвентуального коллаборационализма, было уничтожение значительного числа кадров высших военачальников и политработников Красной Армии.

История ареста многих высших руководителей Красной Армии летом 1937 г., рассказанная П.Судоплатовым, такова: «В мае 1937 года была арестована группа Тухачевского из восьми человек, составлявших цвет советского военного командования, их обвинили в государственной измене, шпионаже и тайном военном заговоре с целью свержения правительства. Прошло всего две недели, и по приговору закрытого военного суда все они были расстреляны. Так начались массовые репрессии в армии, в результате которых пострадали тридцать пять тысяч командиров»[55].

Активное участие в этой преступной кампании принял сам руководитель военного ведомства Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов. С его санкции в 30-е годы и особенно с 1937 г. были расстреляны из 5 маршалов — трое, из 16 командармов I и II рангов — 15, из 67 комкоров — 60, из 199 комдивов — 136, из 4 флагманов флота — все, из 6 флагманов I ранга — все, из флагманов II ранга — 9. Погибли также все 17 армейских комиссаров I и II рангов, а также 25 из 29 корпусных комиссаров.

Многие видные военные деятели в 1937 – 1939 гг. на основании сфальсифицированного материала были обвинены в участии в так называемом «военно-фашистском заговоре». За это Ворошилов также несет прямую ответственность. Всего за 1936–1940 гг. было репрессировано свыше 40 тыс. военных деятелей, часть из которых была расстреляна[56].

Потеря квалифицированных военных кадров, многие из которых имели боевой опыт, приобретенный в Первой мировой и гражданской войнах и в послевоенных конфликтах, крайне негативно сказалась на морально-политическом и боевом состоянии Красной Армии накануне Великой Отечественной войны. Потребовались срочные чрезвычайные меры и ненужные потери в боях на Халхин-Голе и в Финской войне, чтобы в какой-то мере вновь подготовить молодые кадры.

Некоторые старшие офицеры и генералы в первые недели Великой Отечественной войны были освобождены из лагерей и направлены на фронт, с тем чтобы своей кровью смыть пятно «предательства», хотя таковыми и не были. Часть из них, потеряв веру в справедливость, переходила на сторону противника и становилась реальными предателями. К числу таких офицеров и генералов относятся те, кто составил ближайшее окружение генерала Власова в его Российской освободительной армии.

Именно в эти годы по предложению Л.М.Кагановича были созданы так называемые «тройки». С начала 30-х годов произошли упрощение судопроизводства и одновременно ужесточение применяемых при этом мер наказания внесудебными органами.

Размах арестов был столь велик, что в специальном директивном письме ЦК ВКП(б) и СНК СССР (май 1933 г.) за подписью Сталина и Молотова содержалось указание о недопущении пребывания в местах предварительного заключения свыше 400 тыс. человек. Были установлены разнарядки на количество арестов и число высылаемых лиц. Таким образом, «социалистическое планирование» было распространено не только на все сферы экономики и общественной жизни, но и на количество арестованных «рабов» в зависимости от потребности народного хозяйства и «великих строек коммунизма» севернее Полярного круга.

После завершения раскулачивания аресты преимущественно по политическим мотивам в последующие годы в прежних масштабах продолжались. Об этом говорят следующие данные. В 1934 г. было арестовано 68415 человек, в 1935 г. — 104716 и в 1936 г. — 85530 человек. Всего, таким образом, за эти два последних года было арестовано 190246 человек, из них расстреляно — 2347 человек.

В последующие два года масштабы арестов и расстрелов достигли пика и составили: в 1937 г. арестовано 779056 человек и в 1938 г. – 593336 человек, всего — 1372392 человека, из которых более половины были расстреляны. Подавляющее большинство из них подверглось расстрелам по решениям внесудебных органов. В последующие годы до начала Великой Отечественной войны число арестов сократилось, но все же составляло десятки тысяч: 1939 г. — 33924 и в 1940 г. — 87109 человек. Всего же за эти два года было арестовано 121033 человека, из них расстреляно — 4464 человека. В связи с присоединением к Советскому Союзу ряда стран и территорий на юго-западе, западе и северо-западе количество арестованных увеличилось.

В августе 1940 г. был убит Л.Троцкий. Вот как описывает генерал П.Судоплатов разговор со Сталиным, в ходе которого он получил задание, «используя все возможности НКВД», ликвидировать Троцкого: «Возникла пауза. Разговор продолжил Сталин: "В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена..." Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, слов-

но отдавая приказ, проговорил: "Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну"»[57].

Военное лихолетье не остановило репрессий и депортаций, они с прежней интенсивностью и размахом продолжались до последних дней жизни диктатора и в послевоенное время. Об этом свидетельствуют следующие данные: в годы войны 1941—1945 гг. было арестовано 690843 человека. Может ли такое число «врагов народа» свидетельствовать о «морально-политическом единстве советского народа», которое и обеспечило нашу победу над врагом?

За период с 1946-го по 1952 г. было арестовано 385720 человек, оказавшихся последними жертвами сталинской диктатуры. Таковы данные о репрессиях в Советском Союзе, которые определила специальная комиссия, созданная Президиумом ЦК КПСС от 19 января 1962 г.[58]

«Сознательно или бессознательно, — писал один из бывших руководителей службы безопасности СССР, — но мы позволили втянуть себя в работу колоссального механизма репрессий, и каждый из нас обязан покаяться за страдания невинных. Масштабы этих репрессий ужасают меня. Давая сегодня (речь идет о мемуарах автора, изданных в 1994 г. — *М.С.*) историческую оценку тому времени, времени массовых репрессий, — они затронули армию, крестьянство и служащих, — я думаю, их можно уподобить расправам, проводившимся в царствование Ивана Грозного и Петра Первого. Недаром Сталина называют Иваном Грозным XX века. Трагично, что наша страна имеет столь жестокие традиции»[59].

Отдельные исследователи, в этом особенно усердствуют нынешние защитники сталинизма, называющие себя патриотами, упрекают некоторых демократически настроенных историков в том, что они пустили в научный оборот чрезвычайно преувеличенные данные о количестве арестованных и расстрелянных в 20—50-е годы — от 30 до 50 млн человек. Эти преувеличенные данные действительно не подтверждаются фактами. Но можно ли на этом основании даже в малейшей степени сомневаться в наличии массового террора, существовавшего в стране с 1917 по 1953 г.? Чтобы охарактеризовать сталинский режим как неправовой и террористический, не обязательно приводить надуманные данные, исчисляемые десятками миллионов жертв сталинизма. Для этого достаточно сослаться «всего» на один закон 1935 г. относительно меры наказания для детей в возрасте 12—16 лет. Судебная практика в мире не знала таких примеров, чтобы детей направлять в трудовые колонии сроком до 5 лет за то, что они «стреляли в портреты вождей».

В лагере украинских националистов

Коллаборационизм с немецко-фашистскими оккупантами не мог обойти и не обошел стороной Украину и часть ее народа. Его корнями являлись те сложные и весьма противоречивые отношения, которые исторически складывались между Украиной и Россией, а с 1917 г. определили место этой республики в составе Советского Союза.

В 30-е годы, особенно после присоединения Западной Украины к Советскому Союзу, украинские националисты, проживавшие в эмиграции в разных странах, вели активную антисоветскую борьбу, в ходе которой тесно сотрудничали с германскими спецслужбами, поскольку в те годы их интересы совпадали. При этом лидерам украинского освободительного движения было хорошо известно, что Германия никогда не содействовала освободительному движению на Украине, более того, она выступала в роли ее поработителя.

Взаимоотношения между ними в корне изменились в связи с присоединением Западной Украины к Советскому Союзу в сентябре 1939 г. и особенно в начале Великой Отечественной войны, когда вооруженные отряды украинских националистов и войска вермахта в первые месяцы войны совместно выступили против Красной Армии. Неизбежно возникает вопрос об исторических корнях подобного сотрудничества украинских националистов с германскими захватчиками и враждебности к Советскому Союзу и русскому народу. К сожалению, такие корни имели место в нашей истории.

Во взаимоотношениях братских русского и украинского народов на протяжении веков было немало хороших деяний. Они часто совместно защищали свою свободу и независимость, помогали друг другу в хозяйственной деятельности, развивали культуру и образование.

Но вместе с тем в исторической памяти украинского народа сохранились и ужасные времена, когда российские самодержцы в нарушение духа согласованных прежде договоренностей грубо вмешивались во внутренние дела украинского народа, подавляли его культуру и национальную государственность и в конечном счете силой ликвидировали гордость украинского народа — Запорожскую Сечь, которую некоторые российские авторы, к сожалению, и ныне называют «бандой разбойников».

На протяжении почти двухсот лет существовала не Украина, а Малороссия. А ведь на этой земле проживало несколько миллионов именно украинцев. Демократические деятели России и других стран понимали нелепость подобной ситуации и решительно выступали за предоставление Украине тех прав, которые были у нее насильно отобраны. С начала XX в. с такими же требованиями выступали и большевики. Провозглашенное ими право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства Ленин в первую очередь распространил на Украину.

Заметим, что этот в своей основе демократический принцип не ограничивался никакими условиями. Октябрьский переворот 1917 г. еще раз подтвердил этот принцип, что вызвало у украинского народа надежду на свое скорое реальное освобождение. Поэтому он во главе со своими национальными политическими партиями и их лидерами не только поддержал Октябрьский переворот, но и предпринял первые практические шаги по созданию своего национального государства. 7 ноября 1917 г. была провозглашена Украинская Народная Республика (УНР), которая приступила к осуществлению важных демократических реформ.

Как же повела себя большевистская партия, которая к тому времени уже стала правящей в России? Она была готова признать провозглашенное ею право наций на самоопределение только при условии, если на Украине будет установлена советская форма правления.

Усилиями прибывших на украинскую землю войск Красной Армии, руководимых великорусскими шовинистами, при поддержке небольшой части украинских трудящихся, национально-освободительная революция была подавлена. В истории украинского народа наступил новый этап — советский. В рамках первого 20-летия существования он характеризовался важными экономическими успехами (Украина стала промышленно развитой республикой), по сравнению с прошлыми временами сделали бесспорный шаг вперед в своем развитии наука, культура, литература, искусство.

Но наряду с этими достижениями украинский народ, как и народы других республик СССР, испытал на себе и все ужасы сталинской диктатуры. В 1929—1933 гг., в годы насильственной коллективизации, массового раскулачивания, катастрофического голода и обезлюдивания когда-то богатых украинских сел, Сталин объявил украинскому народу настоящую истребительную войну, носившую характер геноцида. Развернулось невиданное даже при царизме гонение на украинскую церковь, культуру и ее представителей, подавлялся родной язык, проявление малейших симпатий к национальному самосознанию украинцев квалифицировалось как надуманный «буржуазный национализм» со всеми вытекающими отсюда карательными последствиями. Подспудный рост недовольства широких слоев населения сталинским режимом не только подавлялся насилием, но и глушился шумными кампаниями, которые призваны были демонстрировать мнимое торжество «ленинско-сталинской национальной политики».

Исторические факты подтверждают, что Украине суждено было стать своеобразным и одним из первых политических «полигонов», где отрабатывались приемы сталинской политики и экономики. Началось все это еще в годы гражданской войны, затем обострилось в 20—30-е годы. Многим украинским политическим, государственным деятелям и деятелям культуры приклеивалось клеймо «националистов», и затем, как правило, следовала физическая расправа.

В 1930 г. был арестован Ю.В.Кондратюк, энциклопедист во многих областях науки и техники. Орджоникидзе помог освободить его. Были репрессированы и погибли в 30-х годах академик УССР геолог П.И.Свитальский, генетик И.И.Агол, философ С.Ю.Семкивский. Власти выдвинули обвинения против В.И.Вернадского и О.О.Богомольца. Не избежал ареста старый и больной М.С.Грушевский. П.Л.Капица в 1937 г. спас Л.Д.Ландау. Отправлен на Соловки и там расстрелян М.И.Яровский. Распущены литературные организации и арестованы М.Хвилевой, М.Яловой, Остап Вишня. За период 1934—1938 гг. арестовано свыше половины членов и кандидатов в члены Союза писателей, им были предъявлены обвинения в национализме.

Сильно пострадал тогда и кадровый корпус компартии Украины. С 1933-го по 1938 г. количественный состав республиканской парторганизации сократился с 266281 человека почти вдвое. Серьезную трагедию пережила компартия Западной Украины, которая была обвинена в «перманентном национализме» и по постановлению Исполкома Коминтерна в 1933 г. распущена.

С 1939-го по 1941 г. сильно обострилась обстановка на Западной Украине. По некоторым данным, в результате советского террора на Западной Украине в эти годы была расстреляна 51 тыс. мирных граждан, подверглись депортации 1 млн 400 тыс. человек, а в годы войны и по 1951 г. было дополнительно депортировано 700 тыс. человек. Только в борьбе против советских войск в 1944—1945 гг. убито 72 тыс. бойцов УПА.

Накануне войны в советских тюрьмах на Западной Украине находились десятки тысяч человек, из них только в течение 22 июня, когда происходила эвакуация советских властей, было расстреляно 50 тыс. Был убит отец Бандеры, а две сестры высланы в Сибирь. В 1942 г. немцы расстреляли двух братьев Бандеры.

После поражения УНР Директория вместе с армией атамана С.Петлюры была эвакуирована в Польшу. С ней эмигрировало 40 тыс. человек, в том числе 65 депутатов, 14 министров, 1680 чиновников, 3530 офицеров, 11500 рядовых, а также многие члены их семей[60].

С первых лет польского господства на Западной Украине украинские националисты вели против него энергичную борьбу путем саботажа, террора и пропаганды под лозунгом создания независимой и соборной Украины. В 1929 г. в Вене состоялось объединение нескольких националистических организаций в единую военно-политическую Организацию украинских националистов (ОУН) во главе с полковником бывшей петлюровской армии Е.Коновальцем. Вскоре возникла и радикальная молодежная группа, которую возглавил С.Бандера. В 1933 г. он уже возглавил краевое руководство ОУН на Западной Украине (в Галиции), где в это время развернулась борьба украинского населения против карательной кампании («пацификации»), проводившейся польскими властями. Эта борьба еще больше обострилась после того, как в 1934 г. произошло орга-

низованное С.Бандерой убийство министра внутренних дел Польши Б.Перацкого, который был инициатором создания в стране концлагерей и сторонником решительных мер против украинских националистов. Исполнители этого террористического акта вместе с Бандерой оказались за решеткой[61].

Контакты руководства ОУН, установленные со спецслужбами Германии в конце 20-х годов, еще больше расширились, когда в НСДАП отдел по восточноевропейским делам возглавил А.Розенберг. С 1932 г. два видных деятеля украинских националистов являлись представителями ОУН в Берлине. Активную роль в ОУН играл Союз украинских офицеров в Германии, состоявших ранее в армии Западно-Украинской Народной Республики. Некоторые из них служили в рейхсвере и вербовали в него молодых украинцев. Разумеется, все это держалось в глубокой тайне.

Одновременно с ОУН гитлеровские власти поддерживали связи и со сторонниками бывшего гетмана Украины П.Скоропадского. В беседах с ними Г.Геринг убеждал бывшего гетмана в том, что Германия якобы заинтересована в возрождении украинского государства. Более осторожным в этом вопросе был сам Гитлер. Но с 1935 г. немцы потеряли интерес к группе Скоропадского как бесперспективной для проведения их восточной политики. Ставка окончательно была сделана на ОУН. Руководитель германского абвера адмирал В.Канарис предложил шире использовать оуновцев в интересах германской разведки. В ходе личной встречи с Коновальцем в 1937 г. он предложил ему быть готовым для осуществления диверсионных актов в странах Центральной и Восточной Европы.

Среди немецких трофейных документов, хранящихся в Москве в Государственном военном архиве (ГВА РФ), находится интересная справка, свидетельствующая о том, как украинские эмигранты в 30-х годах оценивали украинско-германские отношения и как они для своих целей рассчитывали на поддержку Германии. Это письмо известного тогда украинского деятеля В.Косаренко-Косаревича, адресованное Розенбергу и шефу канцелярии статсекретарю О.Мейсснеру в 1937 г. Автор письма напоминает о тесных связях украинцев и немцев еще со времен Киевской Руси. Хвалит генерала Э.Гофмана за то, что в 1918 г. тот содействовал созданию 300-тысячной украинской армии, но ругает генерала Э.Людендорфа, выступавшего за неделимую Россию, ибо Германии это было выгоднее, чем множество отдельных независимых государств. Присланный на Украину фельдмаршал Эйхорн совершенно не знал местной обстановки. Он имел привычку в среде своих сотрудников уже после третьего стакана водки восклицать: «Россия — это я понимаю, но Украина — это я не понимаю». Косаренко-Косаревич далее утверждал, что руководство рейха не несет ответственности за политику Э.Людендорфа на Украине, украинский народ хочет знать, на какую германскую концепцию он может рассчитывать в настоящее время[62].

Руководители украинского освободительного движения в борьбе против мощной государственной машины Польши искали союзников, пусть даже временных. От сотрудничества с Советским Союзом, который всегда сочувствовал освободительной борьбе украинцев в Польше, они отказывались по принципиальным соображениям. Правительство соседней Чехословакии, хотя и оказывало поддержку, но также было ненадежным союзником, т.к. само владело Закарпатской Украиной, население которой выступало за создание соборной Украины. Другие европейские страны также не проявляли особого интереса к украинской проблеме. Единственным, хотя и неестественным, союзником оставалась Германия, к тому же имевшая свои счеты с Польшей в связи с границами и положением немецкого нацменьшинства в этой стране. Вот почему находившиеся в Берлине украинские националистические организации пользовались поддержкой гитлеровских спецслужб. Это была первоначальная форма коллаборационизма украинских националистов с Германией, и каждая из сторон стремилась использовать ее в своих интересах.

Определенные временные коррективы в осуществление политической линии Гитлера по украинской проблеме внесли советско-германские договоренности в августе—сентябре 1939 г. В секретном приложении к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. предусматривалась передача Восточной Галиции в сферу интересов Советского Союза. Красная Армия должна была занять эту территорию в первой половине сентября 1939 г. по возможности скорее после начала боевых действий. Ввиду того, что советское выступление задерживалось, а войска вермахта уже штурмовали Варшаву, Риббентроп 12 сентября 1939 г. обсуждал возможность спровоцировать вооруженное восстание украинцев в Восточной Галиции и затем оккупировать ее. Но через несколько дней сюда вошли части Красной Армии.

Руководители ОУН высказывали недовольство тем, что по соглашению от сентября 1939 г. Галиция передавалась Советскому Союзу. Но немцы их успокаивали тем, что обстановка может измениться в пользу украинцев. Прямые контакты немецких спецслужб с оуновцами были временно ограничены.

Ситуацию на Западной Украине после заключения советско-германского пакта от 23 августа 1939 г. генерал П.Судоплатов, который в НКВД курировал западноукраинскую проблематику, оценивает следующим образом: «Пакт Молотова—Риббентропа имел для нас еще одно последствие — присоединение Западной Украины. После оккупации Польши немецкими войсками наша армия заняла Галицию и Восточную Польшу. Галиция всегда была оплотом украинского националистического движения, которому оказывали поддержку такие лидеры, как Гитлер и Канарис в Германии, Бенеш в Чехословакии и федеральный канцлер Австрии Энгельберт Дольфус. Столица Галиции Львов сделалась центром, куда стекались беженцы из Польши, спасавшиеся от немецких оккупа-

ционных войск. Польская разведка и контрразведка переправили во Львов всех своих наиболее важных заключенных — тех, кого подозревали в двойной игре во время немецко-польской конфронтации 30-х годов. О том, что творилось в Галиции, я узнал лишь в октябре 1939 года, когда Красная Армия заняла Львов. Первый секретарь компартии Украины Хрущев и его нарком внутренних дел Серов выехали туда, чтобы проводить на месте кампанию советизации Западной Украины... Огромным влиянием пользовалась украинская униатская церковь, местное население оказывало поддержку Организации украинских националистов, возглавлявшейся людьми Бандеры. По нашим данным, ОУН действовала весьма активно и располагала значительными силами. Кроме того, она обладала богатым опытом подпольной деятельности, которого, увы, не было у серовской "команды". Служба контрразведки украинских националистов сумела довольно быстро выследить некоторые явочные квартиры НКВД во Львове»[63].

Советско-германские договоренности в августе — сентябре 1939 г. нанесли сильный удар по планам украинских националистов создать независимую республику Карпатской Украины. Эти планы еще в 1938 г. энергично поддерживались Англией и Францией. Но их реализации помешал тогдашний президент Чехословакии Э.Бенеш, согласившийся передать Советскому Союзу Карпатскую Украину, в которую входила и часть территории Чехословакии.

Как пишет генерал П.Судоплатов, «Серов и Хрущев игнорировали предупреждения Журавлева (начальника немецкого направления нашей разведки. — *М.С.*), считавшего, что по отношению к местным украинским лидерам и деятелям культуры следует проявлять максимум терпения. Многие из них были достаточно широко известны в Праге, Вене и Берлине. Так, Серов арестовал Кост-Левицкого, являвшегося одно время главой бывшей независимой Украинской Народной Республики... К тому времени ему было уже за восемьдесят, и арест этого старого человека сильно повредил нашему престижу в глазах украинской интеллигенции».

П.Судоплатов вспоминает, что после ареста Кост-Левицкого в 1939 г. он направил Берии, затем и Молотову докладную записку с предложением предоставить Галиции специальный статус, освободить Кост-Левицкого и вернуть его с максимальным комфортом во Львов, поставив, однако, перед ним одно условие: направить в Москву представительную делегацию для переговоров о специальном статусе для Галиции в рамках УССР. Молотов с этим предложением согласился.

Из руководителей НКВД наибольший опыт борьбы с украинскими националистами имел П.Судоплатов. Этот опыт ему подсказывал, что в борьбе следует применять не столько прямое и грубое насилие, сколько лавирование и хитрость. Поэтому в своих воспоминаниях он резко критикует Хрущева, который в борьбе с украинскими националистами делал ставку преимущественно на террор. Так, летом 1946 г. по предложению Хрущева решением ЦК партии

был тайно ликвидирован один из руководителей украинских националистов Шумский. Яд, изготовленный начальником токсикологической лаборатории Майрановским, сделал свое черное дело.

По сведениям МГБ, проживая в ссылке в Саратове, Шумский установил контакт с деятелями культуры в Киеве, украинскими эмигрантскими кругами и намеревался с их помощью войти в формируемое тогда временное правительство — Украинскую головную вызвольную раду, нелестно отзывался о Сталине. Еще в начале 30-х годов в ходе внутрипартийной борьбы он подвергался репрессиям.

Накануне нападения на Советский Союз в рамках плана «Барбаросса» немецкие спецслужбы позаботились о том, чтобы Бандера посетил лагеря для польских военнопленных, где находились и западные украинцы, с целью их вербовки для борьбы совместно с немцами. Но эта акция особого успеха не имела, ибо многие украинцы не понимали, почему они должны помогать немцам воевать против советских войск, которые освободили их родину от польского ига.

Присоединение Западной Украины, Северной Буковины и Бессарабии в 1939—1940 гг. к Советскому Союзу привело к объединению практически всех украинцев в соборном государстве. За его пределами оставалась тогда только Закарпатская Украина, которая присоединилась к СССР в 1945 г.

Казалось, мечта украинских националистов о соборности их родины сбылась, и этому историческому событию можно было бы только радоваться. Но радости не было, потому что установленный в этих областях советский строй был враждебен целям ОУН и, как она считала, всему украинскому народу тоже. Поэтому борьба за подлинно национальную соборную Украину продолжалась. С этой целью из Восточной Галиции в оккупированную немцами западную ее часть эмигрировало (порой при помощи абвера) около 20 тыс. активистов разных украинских военно-политических группировок — от гетманцев до бандеровцев. И все они рассчитывали на дальнейшее сотрудничество с немцами в борьбе против Советского Союза. Их центром стал Краков.

Если обе украинские националистические группировки расходились в определении своего друга и покровителя, то они были едины в том, что их общим врагом является Советский Союз. Ради успешной борьбы против него во второй половине 1940—1941 гг. согласился сотрудничать с гитлеровским абвером даже Бандера, передав в распоряжение немцев свой отряд, обученный террору и диверсиям.

В Берлине считали ОУН единственным официальным политическим представительством украинской эмиграции в Германии, и каждый, считавший себя украинцем, должен был зарегистрироваться именно в этой организации. Что касается созданного в мае 1940 г. в Кракове Украинского центрального комитета, то он не имел политического характера и занимался в основном культурно-общественными и благотворительными вопросами.

С сентября 1939 г. по июнь 1941 г. деятельность ОУН проходила в двух частях разъединенной Галиции, где существовали совершенно разные условия. Руководство ОУН, находившееся на оккупированной немцами территории, поддерживало контакты с германскими спецслужбами с целью совместных действий на случай войны против Советского Союза.

В апреле 1941 г. в Кракове состоялся очередной II Большой конгресс ОУН, который в преддверии важных событий выработал принципы строительства украинского суверенного соборного государства. Они предусматривали, в частности, равенство всех украинцев в правах и обязанностях, равноправие всех трудящихся и создание свободных профсоюзов; украинский народ провозглашался собственником всех богатств на своей родине. Земля Украины должна принадлежать украинским крестьянам; фабрики, орудия производства — украинским рабочим; украинский хлеб — всему украинскому народу. Конгресс постановил создать собственные вооруженные силы, считать идеологии фашизма и «московского большевизма» чуждыми украинской духовности. Было также решено, что целью борьбы ОУН является благо украинского народа и освобождение «порабощенных Москвой» народов Восточной Европы и Азии. Достижение этой цели должно осуществиться посредством украинской революции совместно с другими народами СССР.

Нетрудно заметить, что этот документ, ориентировавшийся только на украинцев и представлявший, как утверждали националисты, только их интересы, хотя на Украине проживало немало других национальностей, являлся шагом назад в сравнении с предыдущими политическими заявлениями руководства ОУН.

В ответ на согласие ОУН о сотрудничестве генерал-губернатор Польши Г.Франк предоставил украинскому населению кое-какие привилегии и накануне торжества по случаю дня рождения Гитлера в апреле 1940 г. принял с поздравлением делегацию украинцев во главе с профессором Вл.Кубиевичем — председателем Украинского центрального комитета в Кракове и активным сторонником Мельника. Уделялось больше внимания созданной ранее украинской полиции, которая насчитывала 1 тыс. человек, была создана украинская организация труда, открыты школы с преподаванием на украинском языке, издавались три украинские газеты.

Не только германский абвер, но и рейхсминистр Розенберг, ставший накануне советско-германской войны руководителем Ведомства по проблемам восточноевропейского пространства, обращали особое внимание на сотрудничество с украинскими националистами, но только для решения тактических задач. Что касается стратегических, здесь их взгляды существенно расходились.

План Розенберга состоял в превращении Украины в германский протекторат, и в связи с этим усиление влияния украинского национализма в дальнейшем помешало бы намерениям Германии. Разумеется, это не устраивало руководителей ОУН. Тем не менее они изъявили готовность активно участвовать в агрессии против СССР.

На ряде совещаний между представителями германских властей (профессор К.Кох, Т.Оберлендер, профессор Г.Геруллис) и ОУН-Р (агент абвера Р.Ярый), состоявшихся в первой половине 1941 г., было условлено, что в созданные абвером диверсионные группы будут включены и оуновцы. Позднее они стали ядром двух украинских легионов «Ролланд» и «Нахтигаль» под командованием соответственно Е.Побигущия и Р.Шухевича (Тараса Чупрынки). Из тактических соображений в эти легионы были включены и сторонники Мельника, которым Розенберг доверял больше. Тем более что за неделю до агрессии против СССР Мельник, преследуя собственные цели, в письме германским властям обещал лояльно сотрудничать в борьбе против СССР. Аналогичное письмо было направлено в Берлин и руководством ОУН-Р, но в нем оговаривалось, что сотрудничество должно осуществляться «при условии уважения политических прав и интересов украинцев».

Среди других групп украинских националистов можно назвать разведывательно-диверсионную группу «Полесская Сечь», созданную в начале 1941 г. волынским украинцем Боровцом (псевдоним «Тарас Бульба»). Группа тесно сотрудничала с легионом «Ролланд».

Существовал также ряд других, так называемых «независимых» групп, выполнявших задание штаба Розенберга. Была достигнута договоренность о том, чтобы названные боевые группы действовали только на территории Западной Украины. Для диверсионной работы в восточных областях украинские националисты должны были привлекаться в немецких айнзацгруппах.

Вот что рассказал по поводу использования этих групп в своих мемуарах В.Шелленберг: «В районе сосредоточения на территории генерал-губернаторства возникали все новые и новые трудности, еще более усилившиеся в результате разногласий с ведомством Канариса. Военная разведка и контрразведка (абвер) с успехом использовали главарей украинского меньшинства Мельника и Бандеру. Между тем Мюллер упрямо считал, что они преследовали только свои собственные политические цели и потому их поддержка может привести лишь к беспокойству поляков».

Таковы были крупные украинские организации, сотрудничавшие с немцами еще накануне антисоветской войны.

В период с сентября 1939 г. партийные и советские власти установили на Западной Украине жестокий режим преследований националистов не только за их политическую, но и культурную деятельность, причем подвергались аресту даже молодые инициаторы и участники безвинных культурных мероприятий. Именно Хрущев устроил вакханалию репрессий на Украине, став с января 1938 г. секретарем республиканской парторганизации. На свое новое место Хрущев принес солидный «опыт» борьбы с «врагами народа», приобретенный в 1936–1937 гг. в Москве и Московской области. За эти годы с санкциями первого секретаря МК и МГК здесь было репрессировано 55741 человек.

На новом месте, на Украине только за первый год его руководства было арестовано 106119 человек. В следующем, 1930 г. первый секретарь санкционировал арест около 12 тыс. человек и в 1940 г. — около 50 тыс. человек. Всего же за три года было арестовано на Украине 167505 человек.

Были репрессированы многие руководящие работники партийных, советских, хозяйственных органов и в их числе заместители председателя Совнаркома Украины, наркомы, заместители наркомов, секретари обкомов партии. Все они были осуждены к высшей мере наказания или длительным срокам заключения. По спискам, направленным НКВД СССР в политбюро партии, только за 1938 г. было дано согласие на репрессии 2140 человек из числа республиканского партийного и советского актива.

Чтобы представить себе атмосферу, царившую на Западной Украине накануне фашистской агрессии против Советского Союза, достаточно ознакомиться с некоторыми документами Верховного суда СССР, особенно с перепиской партийных и судебных органов в Москве с руководством ЦК КП(б)У в Киеве по поводу судебных приговоров арестованным националистам.

На протяжении 1940 г. и первой половины 1941 г. была арестована и осуждена к высшей мере наказания большая группа действовавших в подполье активных националистов.

Председатель Верховного суда СССР И.Голяков 9 июня 1941 г. информировал заместителя председателя Совнаркома СССР А.Вышинского, что «количество дел с ВМН, поступающих в Верховный суд СССР, непрерывно растет. За 1939 г. поступило 551 дело, за 1940 г. — 1110 дел, а за пять месяцев 1941 г. — 1096 дел. У нас ограниченный круг работников, которые к тому же не знают украинского языка. По делам антисоветских организаций на территории УССР, как правило, групповых, Верховный суд заменял расстрел только для второстепенных или рядовых членов ОУН. В 1941 г. мы заменили расстрел по 20—25 делам... На основании Ваших указаний все дела 1941 г. в отношении участников ОУН, которым расстрел был заменен тюремным заключением, срочно истребованы для опротестования расстрела перед пленумом Верховного суда СССР»[64].

Эти, как и предыдущие решения Верховного суда о замене расстрела на тюремное заключение, вызвали крайнее недовольство ЦК партии Украины и его руководителя — Н.С.Хрущева, который дважды жаловался по этому вопросу Сталину. В своем последнем письме от 11 июня 1941 г. Хрущев писал: «В дополнение к посланной Вам шифровке сообщаю новые факты либерального подхода Верховного суда СССР при определении меры наказания оуновцам и другим участникам контрреволюционных организаций в западных областях Украины».

Справка с жалобой Хрущева была немедленно представлена Вышинскому, который в свою очередь препроводил ее 14 июня

1941 г. Голякову для принятия мер с последующим срочным уведомлением о результатах.

В июньские дни 1941 г. война стояла у порога, но создается впечатление, что партийные и судебные органы Советского Союза не имели тогда других забот, кроме как побыстрее расправиться с украинскими националистами. Председатель судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР Камерон 17 июня 1941 г. докладывал Вышинскому, что по ряду приговоров заготовлены протесты, которые будут вынесены на пленум Верховного суда по получении из судов затребованных дел. Что же касается дела Львовской окружной экзекутивы ОУН, то по нему из 58 человек были осуждены к расстрелу 40. Среди них оказались осужденными и юннаты, и связные, и другие, в отношении которых вопрос о замене 20 осужденным расстрела на лишение свободы был согласован с председателем Верховного суда Голяковым и с прокурором СССР В.Бочковым.

Все последующие дни вплоть до 3 июля 1941 г., т.е. когда уже шла война, Вышинский регулярно получал донесения о судьбе арестованных членов ОУН и в свою очередь информировал об этом Сталина.

26 июня 1941 г., когда бои уже шли на окраинах Львова, Вышинский доложил Сталину, что приговоры 14 участникам ОУН были приведены в исполнение. А 14 июля 1941 г., когда Львов уже находился в руках вермахта и националистов, Вышинский писал Хрущеву следующее: «Сообщаю, что пленум Верховного суда СССР отменил все перечисленные в Вашей записке определения Верховного суда СССР о замене высшей меры наказания на лишение свободы участникам контрреволюционных организаций, вскрытых в западных областях УССР (ОУН и другие). Приговоры областных судов о применении высшей меры наказания были оставлены в силе в отношении 75 оуновцев и участников других контрреволюционных организаций»[65].

В эти последние предвоенные дни волна репрессий прокатилась не только по Западной Украине, но и, как отмечалось выше, по всем районам вдоль западной границы СССР от Черного до Балтийского моря. В мае 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР было принято соответствующее постановление. Эти меры были согласованы с руководителями компартий Прибалтийских республик, Белоруссии, Украины и Молдавии. В соответствии с этим документом в мае 1941 г. на территории западных областей Украины советские органы провели операцию под кодовым названием — «ОУН». Уже на второй день операции, 21 мая 1941 г., руководство НКГБ Украины представило в Москву оперативную сводку, в которой сообщалось, что на 20 мая было арестовано 1713 оуновцев, из нелегалов — 192, изъято станковых пулеметов — 2, ручных пулеметов — 13, карабинов и винтовок — 153, револьверов — 115 и другое оружие.

В сводке о репрессированных по шести областям Западной Украины приводились следующие данные: арестовано и депортировано 4424 семьи в составе 14316 человек. Из них нелегалов депортировано 1886 семей в составе 6825 человек. 23 мая 1941 г. нарком ГБ Меркулов доложил Сталину и Молотову, что операция «ОУН» завершена. Сообщалось также, что в ряде случаев было оказано вооруженное сопротивление, в ходе которого было убито 7 и ранено 5 нелегалов[66].

В других донесениях в Москву сообщалось, что некоторые члены ОУН возвращаются с повинной. По согласованию с Хрущевым три семьи возвращены с пути. Даны указания тройкам НКВД — НКГБ семьи нелегалов-бедняков возвращать, если они не проводили террористических актов и были рядовыми членами ОУН, тщательно допрашивать у них о других нелегалах, чтобы арестовывать тех из них, кто участвовал в бандитских налетах.

Всего, по некоторым данным, лишь в 1939—1940 гг. без суда и следствия было выселено в восточные районы СССР 1400 тыс. жителей Западной Украины и Западной Белоруссии, а в 1941—1951 гг. еще до 700 тыс. человек, что составило более 10% населения. Особенно жестоко действовали войска НКВД (МГБ) накануне и в первые дни и недели Великой Отечественной войны. Освободительное движение на Украине в годы Второй мировой войны состояло из течений, неравнозначных по масштабам, политическому характеру и результатам борьбы. Первое течение определялось борьбой украинцев в рядах регулярной Красной Армии и партизан под руководством компартии Советского Союза. Второе выражалось в борьбе созданной в октябре 1942 г. Украинской повстанческой армии (УПА) под политическим руководством ОУН, возглавлявшейся Бандерой. Первое течение советская историография считала единственной формой борьбы против врага, и поэтому оно изучено достаточно хорошо. Что же касается второго, то оно или игнорировалось, или бойцов УПА называли «изменниками», которые, мол, всю войну сотрудничали с фашистами. Такие случаи имели место, но когда и при каких обстоятельствах, об этом важно знать, чтобы объективно оценить вклад всего украинского народа в борьбу против фашистских оккупантов. Действительно, десятки тысяч украинцев, как и граждан других оккупированных стран, в годы войны и оккупации пошли в услужение врагу. Они были бургомистрами, старостами, служили в полиции, карательных частях, были охранниками в концлагерях и лагерях для военнопленных и т.д. На всей оккупированной территории Советского Союза осенью 1941 г. находилось 29230 немецких полицаев порядка, тогда как полицейских из местного населения было набрано 60421 человек, т.е. вдвое больше. Примерно такое же соотношение наблюдалось и на территории Украины[67].

Исходя из целей, которые преследовало движение, возглавлявшееся Бандерой, и методов их достижения, его историю можно разделить на несколько периодов.

Первый период хронологически охватывал межвоенные годы и продолжался до сентября 1939 г. Рассматривая Польшу и Советский Союз главными врагами украинского народа, руководители ОУН установили довольно тесное сотрудничество со спецслужбами Германии, с тем чтобы воспользоваться их помощью для восстановления украинской государственности. Это означает, что между ними был установлен коллаборационизм.

Второй период обозначился развалом польского государства в сентябре 1939 г. на основе советско-германских договоренностей, присоединением входивших в состав Польши украинских земель к Советскому Союзу и установлением на этих территориях сталинского тоталитарного режима, активизацией против него деятельности ОУН и углублением коллаборационизма с Германией в период непосредственной подготовки к агрессии против Советского Союза.

Третий период (июль — осень 1941 г.) характеризовался непосредственным военно-политическим сотрудничеством воинских частей ОУН с вермахтом на оккупированной территории Западной Украины, провалом попыток ОУН без согласия немцев сформировать украинское правительство, арестом Бандеры и его соратников.

Последовавшая затем кампания жестоких репрессий со стороны германских властей привела руководителей ОУН к осознанию того, что не только Сталин, но и Гитлер не желают предоставления Украине независимости, что привело первых к выводу о наличии двух врагов — Германии и Советского Союза, — против которых придется бороться украинским националистам. Вооруженные отряды ОУН на территории Западной Украины предприняли в этот период первые босвые акции против немецких оккупантов.

Наиболее сложным, жестоким и продолжительным стал четвертый период, охвативший отрезок времени от начала 1942 г. до лета 1944 г., когда на Западной Украине стали действовать советские партизанские формирования, а сотрудничество УПА с немцами осуществлялось в тактическом звене. Вскоре в этот регион вступили войска Красной Армии и впервые вошли в боевое соприкосновение с созданной к тому времени Украинской повстанческой армией.

Важной особенностью пятого периода (приход Красной Армии и окончание Второй мировой войны) было то, что ОУН и УПА вынуждены были сражаться в глубоком тылу Красной Армии, практически в полной изоляции от других стран и в условиях, когда в западноукраинские области возвращались органы советской власти, функционировали милиция и внутренние войска НКВД, которые также включались в борьбу против УПА.

Наконец шестой, последний период был ограничен окончанием Второй мировой войны в Европе и прекращением борьбы со стороны УПА в 1952 г. Он характеризовался тем, что бандеровское движение на Западе Украины стало, по существу, участником гражданской войны в СССР.

В то тревожное утро 22 июня 1941 г. перед миллионами как сторонников, так и противников советской власти на Украине встал вопрос: с кем же быть? Станет ли германское вооруженное вторжение той счастливой звездой, которая осветит Украине путь к свободе, и станет ли режим Гитлера лучше сталинского? Однозначного ответа на этот гнетущий вопрос не было у многих из тех, кто с любопытством и одновременно с озабоченностью наблюдал за проходившими мимо колоннами немецких солдат, которые спешили на восток.

Для многих на Украине было ясно, что эта вражеская оккупация ни к чему хорошему не приведет и что нужно спасать родину, даже если она не мать, а постылая мачеха. Другая же часть (и немалая) заняла позицию выжидания — как же поведут себя новые (которые по счету!) завоеватели Украины. Значительная часть украинцев, как, впрочем, и других народов Советского Союза, в первые дни и недели войны отказывалась верить, что потомки Гете, Шиллера, Баха, Бетховена и других великих немецких гуманистов могут стать насильниками и убийцами. Ведь на благородных идеях этих великих немцев немецкий народ воспитывался на протяжении почти двух веков. Так неужели Гитлеру за девять лет удалось свести это воспитание на нет? Последующие события развивались весьма стремительно. Как первая ласточка еще не делает весны, так и передовые части вермахта еще не определяли характера нового оккупационного режима. Это стало известно несколько позднее, когда вслед за волной танков, мотоциклов и бронемашин с запада катилась новая тревожная волна слухов, которые очень быстро подтвердились, о совершаемых немецкими отрядами безопасности при участии солдат вермахта и местных коллаборационистов массовых расстрелах евреев и комиссаров, коммунистов и комсомольцев, партийных и советских активистов, о голодной смерти в лагерях тысяч и тысяч советских военнопленных.

В годы войны каждый пятый житель Украины сражался в рядах Красной Армии. Многие ушли в эти дни в леса, чтобы с оружием с руках сопротивляться чужеземному захватчику. Организаторами партизанского движения выступили коммунисты и комсомольцы. Но части местного населения казалось, что все это ее не касается, ведь немцы расправляются именно с теми, кто угнетал и украинский народ. Тем более что из лагерей уже в первые недели войны немцы стали возвращать домой военнопленных украинской национальности. Хуже, чем было при большевиках, цивилизованные немцы не допустят — так рассуждали многие, очень многие прежде всего в районах Западной Украины. Но при продвижении немцев на восток, к Днепру, массовое сознание постепенно освобождалось от подобных иллюзий. И все-таки надежда на «освободительную миссию» немцев на Украине полностью не исчезла. Более того, она идейно сплачивала противников советской власти и большевиков и становилась той почвой, на которой произросла политика и практика коллаборационизма.

В начале боевых действий солдаты украинского легиона «Нахтигаль» и вермахта вступили во Львов одновременно. Здесь 30 июня 1941 г., как утверждают официальные историки ОУН, было провозглашено возрождение украинской государственности. Во Львове были сформированы коалиционный Украинский народный комитет (УНК) во главе с Р.Петривом и Краевое правительство во главе с Я.Стецко. Состоялась встреча представителей руководства ОУН с львовским митрополитом графом А.Шептицким, одобрившим намерение ОУН создать свое правительство и провозгласить независимость Украины.

Конечно, оккупанты контролировали подготовительные меры сторонников Бандеры по провозглашению своего правительства, что компрометировало ОУН перед лицом истории как акт коллаборационизма.

В начале июля 1941 г. во Львове были арестованы все руководители ОУН, имевшие отношение к созданию правительства и провозглашению его программы, а именно С.Бандера, Я.Стецко, Р.Ильницкий, Д.Ярцив, Л.Ребет и Я.Стахив. Руководителем ОУН-Р стал Н.Лебедь, действовавший с тех пор в подполье. Были также арестованы активисты краковского Украинского народного комитета. 15 человек были расстреляны. Был также казнен командир бандеровского батальона, следовавшего с войсками вермахта на Киев, Н.Лемик. Зато отряду другого лидера ОУН-М, А.Мельника, который осудил «авантюру» Бандеры во Львове и продолжал выступать за тесное сотрудничество с гитлеровцами, было разрешено первым вступить в столицу Украины.

Репрессивные меры гитлеровцев против ОУН-Р, руководимой С.Бандерой, возымели эффект, обратный желаемому: число сторонников этой организации стало быстро расти и резко обострились ее отношения с немецкими властями.

Жестокие меры, предпринятые гитлеровскими оккупантами в отношении оуновцев и им сочувствовавших, а также неопределенность намерений Гитлера в отношении украинской государственности привели к углублению взаимного недоверия между ОУН и германскими властями, а затем и к отказу этой организации от сотрудничества с немцами. Участились вооруженные стычки между отрядами ОУН и германскими силами безопасности.

В справке СД, составленной в декабре 1941 г., отмечалось, что на Украине не существует антинемецких организаций более опасных, чем ОУН. Поэтому предлагалось главное внимание обратить именно на эту бандеровскую организацию.

Командование оперативной группы «Ц», действовавшей в полосе группы армий «Юг», относительно партизанского движения на Украине в декабре 1941 г. тоже пришло к следующему выводу: «Кроме бандитских групп УПА на Украине нет организаций Сопротивления, которые представляли бы для нас серьезную опасность. Поэтому мы активизировали борьбу с бандеровцами, которые появились даже в Крыму. Руководящие круги бандеровцев не

верят в победу Германии над Советским Союзом и Англией. Но если немцы не победят Советский Союз, то они не смогут воевать против Англии и тогда можно будет провозгласить независимую Украину и не будет опасности вмешательства в ее дела, как со стороны Германии, так и со стороны Советской России».

В начале 1942 г. легион «Нахтигаль» под командованием сотника Р.Шухевича, который дислоцировался на Волыни, начал подпольную антигерманскую деятельность. А с осени 1942 г., создаваемые в разных районах Западной Украины отряды УПА сражались только против немцев. Позднее с развитием советского партизанского движения их борьба продолжалась на два фронта, в ходе которой бандеровцы сотрудничали как с немцами против советских партизан, так и иногда с партизанами — против фашистских карателей.

Говоря об истоках и специфике коллаборационизма на Украине и в некоторых других республиках СССР, нельзя игнорировать того факта, что немаловажную роль здесь играл национальный фактор. Нет оснований утверждать, что на всей территории Украины социальная база коллаборационизма была широкой. Верно лишь то, что на службе у оккупантов в качестве полицейских, старост, бургомистров, руководителей промышленных и торговых предприятий, местных административных органов находились представители разных национальностей и социальных слоев, но в большинстве своем это была интеллигенция.

По некоторые данным, число украинцев, добровольно выехавших на работу в Германию и вступивших в восточные батальоны, составило свыше 350 тыс. Украинцы-военнопленные в немецких лагерях пользовались некоторыми привилегиями. Их назначали в лагерную администрацию и охрану. С июля 1941 г. немецкое командование стало отпускать украинцев из плена домой. В целом украинский коллаборационизм выражался в следующих формах:

— политическое сотрудничество украинских националистических лидеров на территории Польши еще до агрессии Германии против Советского Союза;

— военные формирования, созданные ОУН при покровительстве немцев;

— украинская или смешанная украинско-немецкая вспомогательная полиция под немецким управлением и имевшая широкие полномочия по поддержанию местной безопасности. Украинская казарменная полиция, принимавшая участие в еврейских погромах, в транспортировке евреев в лагеря и в их охране;

— тысячи украинцев добровольно выезжали на работу в Германию, особенно в 1942 г.

В некоторых трудах, посвященных немецкой оккупации в Советском Союзе, отмечаются разногласия между Розенбергом и рейхскомиссаром Украины Э.Кохом относительно политики Германии на Украине. Указывается, в частности, что Розенберг выступал за либеральное отношение к местному населению, тогда как Кох

утверждал, что славянами нужно управлять только с помощью нагайки.

Украинская проблема действительно стала яблоком раздора между представителями тех кругов гитлеровской верхушки, которые имели прямое отношение к формированию германской политики в отношении Украины. Архивные материалы о совещаниях у Розенберга, о его жалобах Гитлеру на Коха и о жалобах Коха на Розенберга действительно подтверждают наличие подобных разногласий. Но они имели лишь тактический характер и не распространялись на стратегию, т.е. на конечные цели германской политики на Востоке. В свое оправдание Розенберг докладывал фюреру, что он также выступает против воссоздания русского государства и за то, чтобы народу Украины не сообщать о его будущей судьбе. Розенберг был инициатором того, чтобы часть территории Украины передать Румынии, а Галицию присоединить к генерал-губернаторству, с тем чтобы после победы претензии украинцев на эти территории использовать в интересах Германии.

В конце июня 1943 г. министр Розенберг дал указание своим представителям на оккупированных советских территориях улучшать положение местных рабочих, ибо оно «сильно влияет на поведение всего населения на Востоке, а также на их отношение к труду, на их сотрудничество с немцами, на партизанское движение, на продовольственные поставки и в конечном счете на степень сопротивляемости Красной Армии». Кох рассматривал украинцев как колониальный народ, с которым и следует обращаться соответственно. В письме к Гитлеру, критикуя Розенберга, он писал: «Если кто надеется заслужить хорошим обращением благодарность у славян, то из этого следует, что он приобретал свой политический опыт не в рядах НСДАП и в практической деятельности на Востоке, а в каком-то интеллигентском клубе. Хорошее обращение славянин воспринимает как слабость того, кто его применяет».

Кох выступил решительно против проведения земельной реформы, против выборов и против формирования украинской администрации, «ибо это означало бы, что мы в Германии ликвидировали старую систему, а на Востоке у покоренных нами народов мы предлагаем ее принять. Но это значит не что иное, как признание того, что наша система является авторитарной». Выслушав обоих, Гитлер встал на сторону Коха. В Берлине всячески скрывали свои планы в отношении судьбы славянских народов. Так, начальник внешней разведки ведомства Гиммлера, штандартенфюрер СС В.Шелленберг 18 ноября 1942 г. инструктировал своих сотрудников, что русским нельзя обещать образование их национального государства. Нужно говорить, что после победы фюрер справедливо решит все эти вопросы. Казакам можно сказать, что они, при условии верной службы фюреру, могут заслужить восстановление своих прежних привилегий.

О масштабе пропагандистской деятельности оккупационных властей среди местного населения советских республик свидетель-

ствует число газет, разрешенных к изданию. Так, издавалось всего 130 наименований, из них на первом месте стоит Украина (60 газет). Затем следуют 21 — латвийская, 16 — русских, 14 — эстонских, 11 — литовских, 6 — белорусских, по одной на польском и татарском языках.

Генеральный комиссар Крыма Фрауэнфельд представил в Берлин 10 февраля 1944 г. меморандум, в котором отмечал, что в ряде стран таких, как Польша, Франция, Бельгия, Голландия, Дания и Норвегия, население к немцам было настроено враждебно. Но были и такие страны, в которых «население приветствовало немецкие войска как своих освободителей и позитивно относилось к нашим методам управления. Так было у некоторых народов на Балканах и в Прибалтике, но особенно хорошо было на Украине». «Этот народ, продолжал автор, по численности стоит на втором месте в Европе, и он принимал нас с радостью как освободителей от ненавистного большевистского ига». Но, вынужден был признать генеральный комиссар Крыма, «в итоге плохого обхождения с этим народом в течение первого года оккупации те, кто приветствовал нас, превратились в партизан, действовавших в лесах и болотах, что существенно ухудшило наше положение на Востоке».

Фрауэнфельд не преминул похвастаться тем невероятным утверждением, будто его хорошее отношение к местному населению стало причиной того, что среди крымчан не было ни одного случая саботажа или террористического акта против немцев. В заключение он рекомендовал, чтобы «при победоносном завершении войны (это в феврале 1944 г.!), когда потерянная территория снова будет возвращена, мы должны коренным образом изменить наше отношение к населению, изменить экономическую политику и методы нашего управления в интересах Германии».

Руководство ОУН и командование УПА в борьбе против Советского Союза призывало объединить все антисоветские силы за рубежом — российских и украинских эмигрантов, восточных рабочих и бойцов восточных добровольческих легионов из бывших военнопленных — для совместной борьбы против «немецкого и московского империализма».

Один из таких призывов содержался в листовке УПА от сентября 1943 г., обращенной к туркменскому легиону. В листовке говорилось: «За независимое Украинское государство! Свободу народам! Свободу человеку!

Братья туркмены!

Украинский народ призывает вас к борьбе против немецкого и московского империализма. Вы, сыновья героического народа, сражавшегося на берегах Аму-Дарьи за свободу.

В XIX веке Москва завоевала вашу землю. Были разрушены ваши памятники культуры, чужестранцы принесли вам сифилис, туберкулез и другие болезни. При советской власти вы были рабами. Вы вступили в вермахт, чтобы сражаться против московитов, но немцы используют вашу кровь для своих империалистических

целей. Оставляйте немецких поработителей и с оружием в руках переходите в УПА».

24 января 1944 г., когда советские войска уже действовали в пределах Украины, командующий немецкими карательными войсками на Востоке обергруппенфюрер СС фон дем Бах обратился к украинцам с воззванием. Он обещал всем украинцам, которые сражаются за свою родину, семью, церковь и имущество, что вермахт окажет им всяческое содействие и поддержку. «Необходимо предпринять все, чтобы тяжелый меч немецкого солдата не поразил и невиновных, ибо ему будет трудно отличить настоящего украинского патриота от большевистского бандита. Мне как ответственному военному руководителю, — писал далее фон дем Бах, — известно, что многие украинцы в этот час готовы сражаться совместно с нами против общего врага». И он выразил готовность немецкого командования поддержать их». В приказе командующего УПА на Западной Украине Д.Дмитрива по случаю первой годовщины образования украинского правительства 30 июня 1942 г. утверждалось, что «украинцы сражались, сражаются и будут сражаться не за новую Европу, а за собственную свободу».

В военном архиве г. Кобленца (ФРГ) хранится исключительно ценный документ, в котором в концентрированном виде сформулирован взгляд немецко-фашистских властей на цели Германии по украинскому вопросу, показаны формы и методы сотрудничества с украинскими националистами, проанализированы структура и тактика действий УПА. Речь идет о справке об ОУН—УПА, составленной 17 ноября 1944 г., т.е. тогда, когда войска вермахта были изгнаны не только с Западной Украины, но из части Польской Галиции. Автор справки неизвестен, но можно предположить, что он хорошо знаком с взаимоотношениями между немецкими властями и руководителями ОУН—УПА.

В документе излагается следующая трактовка этих проблем. УПА выступает за образование самостоятельного украинского государства против «оккупантов» украинской земли. Главными противниками и историческими врагами украинского народа были Советский Союз, т.е. Россия и Польша. ОУН—УПА убеждены, что украинский вопрос станет международным и он должен быть решен в ходе Второй мировой войны в борьбе с Советским Союзом под руководством Германии или под руководством западных держав.

С приходом Красной Армии на территорию Западной Украины ОУН потребовала не оставлять родину, продолжать борьбу против насильственной эвакуации. Украинские националисты не рассчитывают на победу Германии и поддерживают английскую концепцию, направленную на ослабление обоих противников (СССР и Германии). В итоге произойдет усиление собственных войск при внешней поддержке и таким образом будет достигнута сравнительно легкая победа. Вермахт вынужден будет поддерживать действия УПА. Украинцы не разделяют взгляд, будто своей борьбой с Советским Союзом Германия содействует украинскому народу. Командование

УПА ставит задачу замедлить темпы наступления советских войск на запад и таким образом выиграть время для формирования своей армии. Слабым звеном УПА является недостаток вооружения и боеприпасов и обученных бойцов.

В рамках выполнения этих задач с весны 1944 г. УПА проявила инициативу в установлении контактов с вермахтом на тактическом уровне. Одновременно был издан приказ сотрудничать с немецкими подразделениями и прекратить нападения на них с целью завладения оружием.

Политическая цель ОУН базируется на двух принципах. Антинемецкий — это было странное противостояние, ибо между немцами и украинцами имеется много общих интересов, поэтому не в украинских интересах было ослаблять усилия вермахта в борьбе против Красной Армии. ОУН все же считает, что восточная политика Германии направлена против Украины. Антипольский принцип базировался на лозунге мести за польскую политику в отношении украинцев, которая проводилась еще в 1918—1939 гг. ОУН—УПА развернули против поляков настоящую войну на уничтожение с целью физической ликвидации поляков, которые считались тлетворным элементом Советов и которые натравливали немцев против украинцев. Антисоветский принцип, выражавшийся в борьбе против Красной Армии, стал ныне главным и ключевым в деятельности ОУН—УПА. Эта борьба имеет не наступательный, а оборонительный характер, в ходе которой применяются все формы «малой войны». Советские органы вынуждены в ней использовать довольно крупные силы.

После ухода немецких войск с Украины политические трудности на пути военного сотрудничества с ними перестали существовать для УПА, и с августа 1944 г. это сотрудничество начало действовать. Но по вопросу о его формах и методах между некоторыми руководителями УПА и ОУН существовали разногласия. ОУН как политический орган из чисто политических соображений выступала против любого сотрудничества с немцами. С поляками традиционно бескомпромиссная борьба продолжается. Также не прекращаются и попытки связаться с другими антисоветскими организациями (белорусскими, кавказскими, туркестанскими и др.) на базе совместной борьбы против Советского Союза, хотя различия в интересах разных регионов СССР всегда создавали трудности.

Основной принцип УПА состоит в бескомпромиссной вооруженной борьбе против Советского Союза и Красной Армии с целью создания основы для существования украинцев как народа. В середине 1944 г. структура УПА была такова: существовали группы «Запад», «Север» и «Восток». Они дислоцировались соответственно в Галиции, на Волыни и на территории Советской Украины (в границах 1939 г.). Структура и обучение строятся по немецкому образцу. По численности регулярные войска (обученное ядро) состоят из 80—100 тыс. человек. По украинским данным, эта численность доходит до 400 тыс. — 2 млн человек. Действия УПА определяются политической инструкцией ОУН. В прежней ситуации УПА сражалась против немцев, но в настоящее время снова обострились противоречия с Польшей и продолжается борьба с Советским Союзом, в ходе которой используются советские методы, т.е. действия мелкими группами. УПА является серьезной проблемой для советских властей, особенно если учесть, что она еще не использовала свою мощь в полную силу.

УПА—ОУН осуждают немецкую восточную (украинскую) политику. Они считают, что материальная и духовная силы народа не должны служить чужим, т.е. немецким интересам, а только национальным интересам украинского народа. Разумеется, с некоторыми оценками автора приведенной справки, представляющего только одну сторону проблемы, можно не соглашаться, но знать приведенную в ней фактуру и некоторые выводы весьма полезно, особенно для продолжающейся и поныне дискуссии о характере сотрудничества между украинскими националистами и немецко-фашистскими оккупантами в определенные периоды Второй мировой войны.

Весной 1944 г. на территорию Западной Украины вступила Красная Армия. С тех пор она стала главным и единственным противником УПА. Борьба против советской власти приобрела здесь массовый характер, стала подлинным народным движением. Противоборствующие стороны втянули в эту жестокую бойню сотни тысяч граждан, в том числе стариков, женщин и детей.

Некоторые современные авторы не считают вооруженную борьбу бандеровцев народным движением, а его участников называют «буржуазными националистами» и бандитами, которые применяли жестокие методы борьбы. При этом утверждается, что они якобы намеревались восстановить капиталистический строй на Украине, рассматривали украинскую нацию превыше всех других наций. Но чтобы определить политическое лицо какой-либо партии или движения, достаточно для начала ознакомиться с ее программными документами.

Возьмем программную резолюцию учредительного конгресса ОУН, состоявшегося в 1929 г. В ней, в частности, было сказано: основой административного устройства Украинского государства является местное самоуправление; экономическая жизнь государства основана на сотрудничестве государства, кооперации различных видов и частного сектора при национализации помещичьих земель без выкупа, как было уже осуществлено в Советской Украине. Государство поддерживает середняка; крестьянское хозяйство строится на праве частной собственности на землю при государственном ограничении ее купли-продажи; леса без выкупа передаются государству или органам самоуправления. Государство поддерживает индустриализацию страны; государственными станут только те предприятия, которые обеспечивают оборону и вообще существование страны. Остальные предприятия являются частной собственностью граждан или ассоциаций и действуют на основе свободной конкуренции и частной инициативы. Социальные конфликты раз-

решаются государственным арбитражем; профсоюзы имеют право представительства в органах государственной власти; работодателям и наемным рабочим предоставляется право заключать между собой коллективные и личные договора; вводится 8-часовой рабочий день с перспективой его сокращения; вводится единая система соцобеспечения; народное образование — государственное, обязательное, бесплатное, единая школа служит гармоничному развитию человека.

Религия — это личное дело гражданина, провозглашаются полная свобода верований, отделение церкви от государства и сотрудничество с различными конфессиями; армия и флот строятся по принципу всеобщей воинской повинности, национальная вооруженная сила является единой, регулярной и надклассовой, ее составной частью являются казачьи территориальные формирования; отказ от ориентации внешней политики на одного из исторических врагов Украины, за союз за всеми народами, которые являются врагами наших врагов. В таком же духе с учетом некоторых уточнений формулировок составлялись программные документы ОУН и в последующие годы, вплоть до 1950 г. Спрашивается, что же буржуазного содержится в этих документах?

Что же касается стереотипного обвинения в буржуазном национализме, то эти программные документы его также опровергают. В приведенном выше документе по этому вопросу говорится: «Украинский национализм — это духовное и политическое движение, родившееся из внутренней природы украинской нации в ходе борьбы за принципы и цели ее творческого бытия». Далее отмечается «приоритет нации над всеми другими видами человеческого сообщества. Она располагает внутренней формой, возникшей на базе общего естественного положения, общей исторической судьбы и желания самовыражения в полной мере». Подчеркивается, что условием, которое может наилучшим образом обеспечить ее длительное активное участие в мировой среде, является политическая организация в лице суверенного государства. Конкретно для украинской нации речь идет о создании Украинского самостоятельного соборного (т.е. объединенного) государства. И в данной концепции не просматривается ничего такого, что бы вызывало ее неприятие.

Один из тезисов по национальному вопросу, принятому на Великом конгрессе украинских националистов в 1917 г., гласит: «Мы отвергаем понятие и термин "украинский буржуазный национализм", ибо он — плод русских великодержавных шовинистов для оправдания морального террора против украинских патриотов и борьбы с украинским освободительным движением». И далее: «Политике угнетения наций и людей украинской национальности противопоставляется принцип равноправия суверенных национальных государств, народовластие и международная солидарность. Борьбу за независимое Украинское государство украинский национализм осуществляет под лозунгом "Украина — это общее богатсово всех ее граждан" и призывает к этой борьбе все национальные меньшинства, проживающие на Украине». Далее в принятом воззвании к украинскому народу говорилось: «Нет народов худших или лучших. Есть только такие, которые уже достигли высокого уровня развития, и такие, которые стремятся к нему. Мы спрашиваем: чем язык Шевченко хуже языка Ленина?»

Как следует из приведенных выше программных документов, национальная политики ОУН не содержит ничего недемократичного. Правда, история политических и общественных движений дает нам примеры того, как провозглашенные принципы часто не соответствовали реальным действиям и особенно применявшимся методам политической борьбы. Случаи сотрудничества руководства ОУН с гитлеровцами и террористические методы их борьбы, как отмечалось выше, действительно имели место. Руководство ОУН, а тем более тысячи рядовых членов этой организации не принимали ни гитлеровской, ни сталинской диктатуры. В отмеченные выше годы ОУН стремилась совместно с одной диктатурой, т.е. гитлеровской, ликвидировать на Украине диктатуру сталинскую, воспользовавшись этим для достижения своих целей. Трудно определить, имели ли эти действия действительно стратегический характер. Видимо, это все-таки был тактический ход ОУН. В одном из заявлений 1946 г. командование вооруженных сил ОУН отмечало, что украинское освободительное движение никогда не ориентировалось на гитлеровскую Германию и что акт 30 июня 1941 года имел антигерманскую направленность. В связи с активизацией босвой деятельности УПА против немцев гитлеровская пропаганда утверждала, будто украинское освободительное движение представляет собой замаскированное Москвой коммунистическое движение. Советская пропаганда, наоборот, обвиняла бойцов УПА в сговоре с гитлеровцами.

Руководство ОУН и УПА недвусмысленно осудило тех украинцев, которые действительно тесно сотрудничали с гитлеровскими оккупантами (сторонников А.Мельника, солдат дивизии «Галичина», действовавших в составе вермахта, а также некоторые автономные отряды и группу Т.Бульбы-Боровца на Волыни). Оно также осуждало власовцев, которые выступали против независимой Украины. «Но к русскому народу мы относимся позитивно и подружески, — говорилось в этом документе, — но при условии признания наших прав и воли к независимости в наших этнографических границах». В заявлении далее утверждалось, что «никогда и нигде украинские повстанцы не принимали участия в антиеврейских акциях. В нашей многочисленной подпольной печати нет слов, направленных против евреев. В УПА боролись евреи, прежде всего в качестве врачей».

В воззвании к украинскому народу по поводу капитуляции Германии весной 1945 г. руководство УПА утверждало, что украинское освободительное движение было направлено как против сталинского режима в СССР, так и против гитлеровской «новой Европы». Это движение выступает за образование Украинского госу-

дарства без помещиков и капиталистов, без большевистских комиссаров, энкаведэшников и партийных паразитов, за ликвидацию большевистских колхозов и немецких общественных хозяйств, за передачу всей земли крестьянам без выкупа, за свободу печати, мысли, веры и мировоззрения, против официальных догм и доктрин. УПА борется за равенство всех граждан Украины и за равноправие всех национальных меньшинств, за их собственную по форме и содержанию национальную культуру.

Из сказанного следует, что при всем том положительном, что содержится в программных заявлениях ОУН, даже кратковременное ее сотрудничество с исконным врагом украинского народа — гитлеровцами — оправдать все же невозможно. Но попытаться понять мотивацию бандеровцев важно и необходимо.

С 1944 г. по 1947 г. советское командование и правительство Украины шесть раз обращались к бойцам УПА сложить оружие, обещая продлевать сроки амнистии. Однако результаты были мизерными. В 1945 г. в отдаленных и горных районах Карпат УПА контролировала сельскохозяйственные работы. В феврале 1946 г. значительное число избирателей Западной Украины бойкотировало выборы, хотя в печати утверждалось, что население единодушно проголосовало «за кандидатов блока коммунистов и беспартийных».

Против Красной Армии и войск НКВД на Украине действовали две силы — УПА и ряд самостоятельных отрядов, которые через Польшу проникали вплоть до Восточной Пруссии, в Чехословакию, на Закарпатскую Украину и на востоке — до Днепра. Так, на польской территории, прилегавшей к Украине, согласно данным польских источников, осенью 1944 г. действовало до 6 тыс. бойцов УПА, а на Западной Украине – 20 тыс. человек. Они должны были рассчитывать только на свои силы, и о коллаборационизме с кем-либо не могло быть и речи.

Случаев бесчеловечной расправы над теми гражданами и даже слоями населения, которые поддерживали советскую власть, не говоря уже о сражавшихся против них и взятых в плен солдат и офицеров Красной Армии и особенно из внутренних войск НКВД (МВД), было действительно немало, и они вызывают решительное осуждение. По официальным данным, от террора ОУН и в борьбе против нее погибло не менее 60 тыс. советских граждан. Среди них было 30 секретарей райкомов партии, 32 председателя и заместителей председателей райисполкомов, 37 секретарей обкомов и райкомов комсомола, сотни депутатов областных, районных и местных советов, 50 православных священников, а также свыше 30 тыс. других активистов. В боях с УПА погибло также 25 тыс. военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

В многочисленных боях с регулярными войсками Красной Армии и партизанами украинские националисты иногда наносили им довольно серьезные потери. Так, 29 февраля 1944 г. на Волыни отряд УПА под командованием Енея по пути следования командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Н.Ф.Ватутина в

войска устроил засаду. В бою генерал был смертельно ранен и 15 апреля 1944 г. в киевском военном госпитале умер.

Большие потери понесла и УПА. Только в трех областях Западной Украины (Львовской, Иванов-Франковской (б. Станиславской) и Тернопольской), по некоторым партийным данным, за время с августа 1944 г. по 1950 г. было убито, пленено и задержано более 250 тыс. бандеровцев. Если учесть, что за каждым из них стояла семья, состоявшая минимум из трех человек, которая в той или иной степени также содействовала вооруженной борьбе, то нетрудно представить себе ее массовость.

Наиболее результативным, хотя и чудовищным методом, как признавал один из бойцов УПА, применявшимся советскими властями для подавления деятельности ОУН, были не столько потери и лишения, особенно в зимнее время, сколько массовая депортация в Сибирь членов семей бойцов УПА или переселение их в другие районы, не охваченные боевыми действиями. Всего за 1946—1950 гг. жертвами этих бесчеловечных акций стали 300 тыс. человек.

В первые послевоенные годы, особенно в 1947 г., в соответствии с договоренностью были предприняты широкомасштабные меры советских, польских и чехословацких войск по ликвидации отрядов УПА.

На территории польской части Галиции во время одной из инспекционных поездок в районе боевых действий 28 марта 1947 г. погиб вице-министр обороны Польши генерал К.Сверчевский. Командовал этой акцией отряда УПА майор Хрин.

23 октября 1949 г. от руки подпольного террориста ОУН погиб писатель Я.Галан. Вдохновители и организаторы этого акта обвинили Галана не только в его «промосковской» писательской деятельности, но и в предательстве дела украинского народа.

В июне 1950 г. погиб командующий УПА генерал-хорунжий Тарас Чупрынка (Роман Шухевич). Тогда же Украинский главный освободительный совет избрал его преемником полковника В.Ковалля. Чтобы устранить возможность возобновления вооруженной борьбы украинских националистов, эмигрировавших в другие страны, советское правительство применило государственный террор против их руководителей. Так, в Германии в 1957 г. советскими агентами были убиты один из лидеров ОУН Лев Ребет, а в 1959 г. — С.Бандера.

Самое большое количество сторонников Бандеры, которых советское правительство объявило изменниками родины, хотя многие из них, в том числе и сам Бандера, не были гражданами СССР, было сосредоточено после войны в Западной Германии, особенно в американской оккупационной зоне. В те годы советские оккупационные власти неоднократно обращались к военным администрациям западных держав выдать Советскому Союзу военных преступников, совершивших преступления на его территории.

Автору не известно, какова была реакция англо-американских властей, но можно лишь предположить, что они под разными предлогами задерживали или вовсе не выдавали преступников советскому правосудию. Это предположение можно подтвердить историей с поисками Бандеры в американской зоне Германии, которая безуспешно продолжалась с 1946 г. до 1959 г.

Разумеется, следует разоблачать тех бывших оуновцев, кто в настоящее время под видом критики сталинизма пытается оправдывать свои прошлые злодеяния. Но необходимо осуждать и тех работников НКВД и других советских и партийных органов, которые под предлогом защиты советской власти также совершали не менее страшные злодеяния, чем и оуновцы. Дикий террор, который развернули немецкие эсесовцы и вояки «Нахтигаля» в течение недели после захвата Львова в ночь с 29 на 30 июня 1941 г. и в последующие дни, сравним с преступлениями, совершенными органами НКВД ранее, за неделю до вступления в город гитлеровских войск. Некоторые нынешние авторы, критикуя повышенный интерес к Западной Украине и к национально-освободительной борьбе украинского народа в 30 – 50-е годы, ставят вопрос, стоит ли реанимировать бандеровщину. На него можно ответить так: чтобы не произошло реанимации бандеровщины, нужно сделать все, чтобы предотвратить реанимацию бериевщины.

Итак, взаимоотношения между Советским Союзом, Германией и украинским национализмом в 30 – 40-е годы имели сложный характер. Политика украинских националистов, преимущественно эмигрантов, характеризовалась тогда их прямым политическим сотрудничеством с германскими спецслужбами в борьбе против Советского Союза как их главного врага.

Непродолжительное время после начала войны против СССР эти отношения еще более осложнились. Сотрудничество украинских националистов с германскими оккупационными властями приобретало и военный характер. Вскоре однако их разъединило обоюдное недоверие, и поэтому ОУН – УПА кроме антисоветского фронта открыли еще один фронт — антигерманский.

После разгрома гитлеровской Германии на территории Западной Украины националисты развязали гражданскую войну, имевшую специфический характер. Она велась жестокими и беспощадными методами. В этой войне каждая из сторон, какими бы мотивами она ни руководствовалась, допускала преступления против человечности. Чтобы предотвратить подобные рецидивы уже давно необходимы были национальное примирение и согласие.

Примечания

1 Мировое хозяйство и мировая политика. 1943. Апрель. С. 45.
2 Нюрнбергский процесс. Сборник документов. Т. 1. М., 1952. С. 35.
3 История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 578.
4 Эренбург Илья. Люди, годы, жизнь. Кн. 3 и 4. М., 1963. С. 450.

5 Там же. С. 455.
6 Тито И.Броз. Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 583.
7 Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 448.
8 XIII Пленум ИККИ. Стенографический отчет. М., 1934. С. 227.
9 Барбюс Анри. Палачи. Правда о белом терроре в Румынии и Болгарии. Куйбышев, 1942. С. 3—4.
10 Балканские страны. М., 1946. С. 193.
11 Pâchişu Z. Was heisst ungarische Nationalität? Wie man Ungarn werden konnte. Bucharest, 1941. S. 8—13.
12 Меморандум правительства Федеративной Народной Республики Югославии о Словенской Каринтии, словенских пограничных районах Штирии и бургенландских хорватах. Белград, 194 . С. 6, 8. Приложение № 6.
13 Кон Феликс. Национальный вопрос в Польше. М.—Л., 1927. С. 18—19.
14 Ksztattowanie sie podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945. W-wa, 1958. Str. 151.
15 Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. М., 1993. С. 289.
16 Sobczak J. Hitlerowskie przesiedlenia ludnosci niemieckiej w dobie II wojny swatowej. Poznań, 1966. Str. 22.
17 Александров Б.А. (С.Новоплянт). Положение национальных меньшинств в послевоенной Европе. М., 1933. С. 60.
18 Schechtman J.B. European Population Transfers 1939—1945. N.Y., 1946. P. 10.
19 Эйде И. Очаги национальной борьбы в Европе. М., 1937. С. 41.
20 Šnejdárek A. Revanşiste proti Československu. Praha, 1963. Str. 35.
21 Звезда. 1955. № 5. С. 126.
22 Там же. С. 127.
23 Терфе Жан. Национальный вопрос в Бельгии и его классовое содержание // Проблемы мира и социализма. 1970. № 7. С. 19.
24 Левин И.Д. Война и национальный вопрос в Европе. Ташкент. 1943. С. 46.
25 Herre P. Südtirole Frage. München, 1927. S. 416.
26 Schechtman J.B. Op.cit. P. 488, 494.
27 Fings P. Das internationale Flüchtlingsproblem 1919—1950. Fr. a/M., 1951. S. 38—39.
28 Wander H. Die Bedeutung des Auswanderung für die lösung europäischer Flüchtlings und Bevülkerungsprobleme. Kiel, 1951. S. 12.
29 Без учета переселенцев из буржуазных прибалтийских республик, выехавших в Германию в 1939 г.
30 Звезда. 1955. № 5. С. 125.
31 Тайны истории. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 177.
32 Там же. С. 178.
33 Там же. С. 180.
34 Тайны истории. Вильгельм Кейтель. Размышления перед казнью. М., 1998. С. 219—220.
35 Там же. С. 224.
36 Там же. С. 236—237.
37 Тайны истории. Откровения и признания. С. 119.

[38] Там же. С. 120.
[39] Там же. С. 124.
[40] Там же. С. 125—126.
[41] Там же. С. 128—140.
[42] Там же. С. 273.
[43] Там же. С. 274.
[44] Там же. С. 275.
[45] Там же. С. 276.
[46] Там же. С. 278.
[47] Там же. С. 279.
[48] Там же. С. 287.
[49] Там же. С. 289.
[50] Там же. С. 290.
[51] Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 333.
[52] Центральный архив ФСБ РФ.
[53] Известия. 1 апреля 1998 г.
[54] Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Д. 89. Пер. 73. Д. 18. Л. 1—4.
[55] Судоплатов П. Указ. соч. С. 101.
[56] Источник. Документы русской истории. М., 1995. № 1. С. 116—126.
[57] Судоплатов П. Указ. соч. С. 77.
[58] Источник. Документы русской истории. С. 126—127.
[59] Судоплатов П. Указ. соч. С. 63—64.
[60] Историко-филологический вестник Украинского института. Т. 1. М., 1997. С. 226.
[61] Історія українського війська. Київ, 1991. С. 14.
[62] ГВА РФ. Ф. 519. Оп. 3. Д. 11б. Л. 3—15.
[63] Судоплатов П. Указ. соч. С. 120.
[64] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 81а. Д. 346. Л. 40.
[65] Там же. Л. 21—40.
[66] Центральный архив ФСБ РФ.
[67] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Band 4. Berlin, 1983. S. 1060—1061.

Глава вторая

РОЛЬ МЕСТНЫХ НАЦИОНАЛИСТОВ В ПОДДЕРЖКЕ ГЕРМАНСКОЙ АГРЕССИИ И РАСЧЛЕНЕНИИ ОККУПИРОВАННЫХ СТРАН

Начало Второй мировой войны

С сентября 1939 г. специфические условия начавшейся Второй мировой войны характеризовались следующими особенностями.

Во-первых, наличием советско-германского договора от 23 августа 1939 г. и других договоренностей между СССР и Германией, которые существенно сковывали возможности Советского Союза по оказанию помощи жертвам фашистской оккупации.

Во-вторых, агрессия гитлеровской Германии против национальной независимости не только соседей, к которым она имела территориальные «претензии», но и против других стран, никогда не имевших с Германией никаких спорных проблем, лишний раз показала народам настоящее лицо гитлеризма. Захватническая позиция Германии еще раз убедила народы в необходимости сплочения своих сил в борьбе против опасного и коварного врага.

В-третьих, гитлеровская оккупация и расчленение 11 стран Европы создали исключительные трудности для выражения солидарности и оказания помощи друг другу. Обстановка в этом смысле особенно ухудшилась с середины 1940 г., после поражения Франции.

В-четвертых, в связи с исключительным разнообразием условий, в которых приходилось действовать компартиям в разных странах, была значительно затруднена дсятельностью Исполкома Коминтерна, находившегося в Москве.

В дни, когда многие страны под ударами фашистских полчищ исчезали с карты мира, народы верили, что еще не все потеряно, что последнее слово принадлежит Советскому Союзу. Несмотря на трудности, вызванные сталинским террором, Советский Союз стремился оправдать это доверие народов, что особенно ярко проявилось в области его внешнеполитической поддержки жертв фашизма, особенно с 1940 г., когда советско-германские отношения начали ухудшаться.

Чтобы не дать германскому фашизму вовлечь болгарский народ в свою орбиту, в начале 1940 г. по инициативе советского правительства между Болгарией и СССР были подписаны Договор о торговле и мореплавании и Соглашение о товарообороте и платежах на 1940 г. Благодаря этому взаимовыгодному Соглашению в 1941 г. советско-болгарский товарооборот превысил 320 млн левов[1]. Тогда же советское правительство поддержало справедливые требования Болгарии о возвращении ей Южной Добруджи, переданной по Нейскому мирному договору 1919 г. Румынии.

Имея целью уберечь болгарский народ от гитлеровской агрессии и укрепить свои позиции на Балканах, в ноябре 1940 г. советское правительство предложило Болгарии заключить пакт о дружбе и взаимной помощи (так называемая «акция Соболева»). Но правящие круги Болгарии отвергли это предложение и привязали страну к Тройственному пакту Гитлера. Более того, болгарское правительство в марте 1941 г. дало согласие на вступление в страну немецко-фашистских войск, готовившихся к агрессии против Югославии и Греции.

С началом агрессии Германии против Советского Союза в сложной обстановке оказалась Болгария. Она не объявила войну СССР, но Германии она помогала, как могла. О противоречивости в отношениях между СССР и Болгарией может свидетельствовать история с болгарским послом Стаменовым. Он состоял на учете НКВД в качестве агента еще с 1934 г., когда работал секретарем болгарского посольства в Риме.

Прошли годы, и в период войны Стаменов стал послом в Москве. Молотов и Берия 25 июля 1941 г. решили использовать его для осуществления одной политической диверсии: проинформировать его о якобы циркулировавших в дипломатических кругах слухах о возможном мирном завершении советско-германской войны на основе взаимных территориальных уступок. Расчет строился на том, что болгарский посол без подсказки советских разведчиков по собственной инициативе доведет эту информацию до царя Бориса.

Как показали последующие события, ничего подобного Стаменов в Софию не передал, и, как свитедельствует участник встречи со Стаменовым П.Судоплатов, зондаж закончился безрезультатно.

Советский Союз поддержал югославское правительство Симовича, которое в марте 1941 г. отказалось ратифицировать протокол о присоединении страны к Тройственному пакту.

Чтобы выиграть время и оттянуть срок нападения Германии на Советский Союз, Сталин решил втянуть Гитлера в балканскую авантюру. Весной 1941 г. было решено принять меры в отношении Югославии, от коих Сталин отказался в 1938 г.

В марте 1941 г. было поручено военной разведке и НКВД активно поддержать заговор военных руководителей Югославии против прогерманского правительства страны. С этой целью заместитель начальника ГРУ Красной Армии генерал Мильштейн и представитель НКВД Алахвердов были направлены в Белград. Одновременно в Москве с помощью сотрудников НКВД был завербован югославский посол Гаврилович.

Переворот прошел удачно, и новое правительство Югославии 5 марта 1941 г. подписало с СССР пакт о взаимопомощи. Но Гитлер также среагировал весьма оперативно. 6 апреля 1941 г. войска вермахта вторглись в Югославию и заставили ее капитулировать. В Москве молчаливо проглотили эту горькую пилюлю. Как в Москве, так и в Берлине были удивлены оперативностью друг друга.

Стремясь воздействовать на национальное самосознание венгерского народа, советское правительство в марте 1941 г. торжественно передало Венгрии 56 знамен венгерской армии, которые были взяты войсками царя Николая I при подавлении национально-освободительного движения венгров в 1848–1849 гг. и хранились в советских музеях[2].

Благодаря Советскому Союзу от гитлеровской оккупации была спасена нейтральная Швеция. В связи с оккупацией Балканских стран создалась угроза безопасности и Турции. Поэтому в начале марта 1941 г. советское правительство заявило, что если Турция подвергнется нападению, то Советский Союз будет придерживаться заключенного между обеими странами пакта о нейтралитете[3]. После поражения на р. Халхин-Гол Япония заявила о желании улучшить отношения с Советским Союзом. В конце 1939 г. было подписано советско-японское соглашение об уплате японской стороной последнего взноса за КВЖД. Были также урегулированы рыболовный вопрос и вопрос о прохождении границы между МНР и Маньчжоу-Го в районе р. Халкин-Гол. Наконец, важное политическое значение для укрепления безопасности дальневосточных рубежей СССР и нормализации обстановки в этом районе имел советско-японский пакт о нейтралитете, подписанный в Москве 13 апреля 1941 г.[4]

Наряду с этими внешнеполитическими акциями, направленными на морально-политическую поддержку народов в их борьбе за свободу и независимость, Советский Союз предпринимал меры для укрепления связей непосредственно с народами других стран. В таких международных организациях, как Коминтерн, Профинтерн, МОПР, Коммунистический Интернационал молодежи и других, советские представители продолжали линию на сплочение трудящихся всех стран в борьбе против агрессоров.

В годы войны (до июня 1943 г.) в Советском Союзе работал Исполком Коминтерна. Представители ВКП(б) принимали активное участие во всех его мероприятиях, направленных на сплочение всех антифашистских сил. Преодолевая трудности, связанные со сталинизмом, Коминтерн особенно со второй половины 1940 г. помог ряду компартий выработать конкретные меры по созданию

антифашистских Народных фронтов и формулированию их программ.

ВКП(б) и советское правительство продолжали оказывать всевозможную помощь демократическим партиям и организациям зарубежных стран. Так, после гитлеровской оккупации Чехословакии в октябре 1938 г. в Москву прибыла большая группа руководителей КПЧ во главе с К.Готвальдом, образовавшая здесь заграничное бюро партии[5]. В Советском Союзе многие годы работали руководители французской компартии — М.Торез и итальянской компартии — П.Тольятти. В 1940 г. при содействии советского правительства были освобождены из тюрем и выехали в СССР многие руководящие деятели компартий Румынии, Венгрии, Финляндии и других стран. На территории СССР оказались тысячи польских коммунистов.

При поддержке советских властей заграничные бюро некоторых компартий осуществляли радиовещание на свои страны, поддерживали постоянные контакты с нелегальными партийными органами на родине, посылали в свои страны специальных курьеров, агитационные материалы и др. После оккупации Чехословакии и Польши многие беженцы из этих стран оказались на территории Советского Союза. Сюда же прибыла и чехословацкая воинская часть под командованием подполковника Л.Свободы[6].

Что же касается прямой как морально-политической, так и особенно военной советской помощи развертывавшемуся движению Сопротивления в оккупированных странах Европы, то в 1939—1941 гг. она была крайне ограничена. Лишь китайский народ продолжал получать всестороннюю политическую, экономическую и военную помощь Советского Союза.

Наряду с теми положительными шагами по оказанию помощи жертвам фашизма, которые были предприняты партией и советским правительством в 1939—1941 гг., ими же были допущены серьезные просчеты и ошибки, которые существенно уменьшали эффективность этой помощи.

Крайне негативную роль в этом отношении сыграл советско-германский договор о ненападении. Под его влиянием среди коммунистов стран фашистского блока, особенно в Германии, пропагандировался тезис о том, будто с победой Англии и Франции трудящимся побежденных стран грозит двойной гнет — социальный и национальный. Отсюда вытекал призыв к народам Англии и Франции бороться не столько против фашизма, сколько против «своей» буржуазии как главного врага.

Когда еще в 1935 г. лидер социалистов Л.Блюм сказал: «Рабочие Франции поднимутся на сопротивление гитлеровской агрессии», лидер ФКП М.Торез, по утверждению Черчилля, ответил: «Мы не допустим, чтобы трудящиеся были втянуты в так называемую "войну в защиту демократии от фашизма"».

Просчеты Сталина относительно намерений нацистов, воплощавшиеся в директивах Исполкома Коминтерна, дезориентировали международное коммунистическое движение, антифашистскую борьбу компартий, подставили многих из них под удар реакции.

В первый период войны продолжались массовые репрессии против проживавших в Советском Союзе иностранных антифашистов-эмигрантов. Более того, некоторые их группы, особенно немецкие и австрийские, передавались в руки гестапо.

По указанию Сталина и Берии были подвергнуты депортации многие десятки тысяч поляков из Западной Украины и Западной Белоруссии, что негативно сказалось на активизации борьбы польского народа против фашистских захватчиков.

Под влиянием советско-германского договора еще больше обострились разногласия между коммунистами и социал-демократией. Последняя оценивалась негативно и предвзято. Ее по-прежнему чернили как «пособницу реакционный сил», причем до 23 августа — как пособницу фашизма, а после договора — англо-французского империализма.

В директиве секретариата Исполкома Коминтерна, направленной в первой половине сентября 1939 г. всем компартиям и, в частности, компартии Чехословакии, прямо предлагалось «везде перейти в решительное наступление на предательскую политику социал-демократии». Журнал «Коммунистический Интернационал» продолжал обвинять руководящих деятелей II Интернационала в том, что они, характеризуя войну против Германии как антифашистскую, тем самым обманывают народные массы и оказывают помощь буржуазии.

Насаждение подобной ошибочной концепции Сталина относительно социал-демократии объективно усугубляло раскол рабочего движения в Европе и способствовало укреплению в ряде стран влияния крайне правых сил. Притягательная сила идей социализма заметно ослабла. Многие друзья Советского Союза оказались в растерянности и отказывались считать его своим защитником и освободителем. Затормозился процесс зарождения движения Сопротивления.

Антифашистам и особенно коммунистам трудно было понять доклад Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г., в котором он осудил такую цель войны Англии и Франции против Германии, как «уничтожение гитлеризма», ибо, по его словам, "идеология гитлеризма" имеет такое же право на существование, как и любая другая идеология», и что, мол, ее «нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной»[7].

Все эти и многие другие политические просчеты и преступления Сталина и его окружения нанесли огромный ущерб международной солидарности в борьбе против фашизма. Однако народы не потеряли надежды на то, что наступит время, когда Советский Союз всей своей мощью будет включен в борьбу против общего

врага и внесет решающий вклад в его разгром. В июне 1941 г. это время наступило.

Не на высоте положения в начале войны оказался и Рабочий социалистический Интернационал (РСИ), который накануне войны представлял собой значительную силу. Весной 1939 г. в него входили 21 легальная (всего 4,3 млн человек) и 14 нелегальных социал-демократических партий. 26 августа 1939 г. специальная комиссия РСИ в особом воззвании осудила советско-германский пакт о ненападении и призвала все партии порвать всякие отношения с коммунистами. Но сам РСИ на своем последнем заседании в феврале 1940 г. не принял на этот счет никакого решения. 3 апреля того же года РСИ официально прекратил свою деятельность.

Сталин навязал руководству Коминтерна свою сугубо субъективистскую и ничем не обоснованную концепцию социально-политического характера Второй мировой войны как войны с обеих воевавших сторон якобы империалистической, захватнической, несправедливой, ставя тем самым на одну доску фашизм и буржуазную демократию. Он прямо требовал от ИККИ снять лозунг единого Народного фронта, который в условиях начавшейся «второй империалистической войны» якобы означал скатывание на позиции буржуазии.

Исходя из своей фальшивой концепции об империалистическом характере начавшейся войны со стороны Англии и Франции, Сталин требовал призвать рабочий класс всех воевавших стран выступить за прекращение войны, что фактически означало не что иное, как капитуляцию Англии и Франции перед Германией, т.е. призыв ко второму Мюнхену. Позже, 28 сентября 1939 г., вместе с гитлеровским правительством Германии советское руководство выступило с таким призывом к Англии и Франции уже на государственном уровне.

Сталинскую установку о характере войны и задачах коммунистического движения руководство Коминтерна вынуждено было реализовать в принятых 9 сентября 1939 г. директивах, направленных ряду компартий и, в частности, компартии Чехословакии. Позднее, в ноябре 1939 г., эту установку Г.Димитров пытался обосновать в статье «Война и рабочий класс», опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал». Однако он должен был предварительно согласовать ее со Сталиным, Молотовым и Ждановым и принять их замечания.

Последствия этого шага имели катастрофическое значение не только для самого Коминтерна, но и для идеи единого антифашистского фронта, которая была подменена возрожденной из конца 20-х начала 30-х годов сектантской идеей единого народного фронта снизу. Тем более когда в пропаганде делался больше акцент не на борьбу против фашизма, а против буржуазной демократии и особой опасности англо-французского империализма.

Дискредитировав Коминтерн в такой степени, в какой он в то время мог, Сталин в апреле 1941 г. высказался за его роспуск, справедливо обосновывая эту идею необходимостью предоставления компартиям большей самостоятельности в условиях Второй мировой войны. Если бы тогда эта идея была реализована, мировое общественное мнение не без основания расценило бы ее как очередную капитуляцию Сталина перед Гитлером. Диктатор это, видимо, понимал и не настаивал на своем предложении. Вскоре началась Великая Отечественная война советского народа, которая вынудила Сталина вернуться к решениям VII конгресса Коминтерна о единстве действий левых сил, и вопрос о роспуске Коминтерна в подобных условиях перестал на некоторое время быть актуальным.

В первый период войны Коммунистический Интернационал не проявил должной активности и оперативности для развития антифашистской борьбы и участия в ней коммунистов. Исполком Коминтерна под влиянием и по настоянию Сталина допускал ряд крупных ошибок в оценке фашизма, роли социал-демократии и других прогрессивных сил в антифашистской борьбе, принял необоснованное решение о роспуске компартии Польши, не только не воспрепятствовал, но и стал орудием в руках Сталина для репрессий против ряда видных деятелей международного коммунистического движения.

По мере роста коммунистического движения, укрепления его национальных партий и в силу отмеченных выше причин становилось очевидным, что эта форма связи между ними постепенно изживала себя. К тому же такая всемирная организация, как Коминтерн, не могла оперативно руководить всем коммунистическим движением и в силу сложившихся в годы войны международных условий. Более того, она становилась помехой в мобилизации этих сил на разгром гитлеризма. В июле 1943 г. он был распущен.

В основе национально-освободительной борьбы в оккупированных странах лежала объективная тенденция к единству всех антифашистских сил, независимо от их классовой принадлежности и идейно-политической ориентации. При этом патриоты-антифашисты исходили из предпосылки, что борьба против гитлеризма может быть доведена до победного конца лишь при условии объединения усилий всех классов и слоев населения, выступавших за восстановление национальной независимости. Проанализировав эти новые явления в своих странах и расстановку политических сил в мире, компартии выдвинули концепцию национального фронта как политического союза всех патриотических национальных сил — рабочего класса, крестьянства, средних слоев, части буржуазии — в борьбе против фашизма. Платформой для такого единства являлась совместная борьба за изгнание оккупантов и восстановление национальной и государственной независимости. При этом решающим условием сотрудничества всех антифашистских сил было прежде всего единство действий рабочего класса и его политических ком-

мунистических и социал-демократических (социалистических) партий.

В годы Второй мировой войны в социал-демократическом движении сохранилось три течения: правое, центристское и левое. Однако их соотношение существенно изменилось. Если до 1933 г. доминировало право крыло, опиравшееся на социал-демократические партии Германии, Великобритании, Скандинавских стран и стран Центральной и Юго-Восточной Европы, то с приходом к власти фашизма в Германии и последующей оккупацией стран этой части Европы несколько укрепились центристские силы, оплотом которых были социалистические партии Франции и Австрии.

Когда страны Европы подверглись немецко-фашистской оккупации, многие социал-демократы активно выступили против фашистского террора, репрессий, концлагерей, за солидарность с эмигрантами из Германии и оккупированных ею стран, боролись против проникновения в рабочее движение фашистской идеологии или, как говорил О.Бауэр, «фашизации мозгов»[8].

После нападения Германии на СССР международное социал-демократическое движение в целом поддерживало освободительную борьбу советского народа. Как заявил один из теоретиков социал-демократии Ю.Брауталь, борьбу СССР против фашистских государств социал-демократы считали «полем битвы за собственное освобождение»[9]. Участие в войне Советского Союза они рассматривали как один из решающих факторов антифашистской борьбы. Подобную позицию занимали лейбористская партия, большинство социал-демократических лидеров в эмиграции, в том числе и так называемый Малый Интернационал в Стокгольме.

Победы антигитлеровской коалиции в войне содействовали дифференциации позиций в некоторых социал-демократических партиях, активизации их участия в антифашистской борьбе. Социал-демократы в Сопротивлении стали применять не только пропагандистские, но и такие насильственные меры, как вооруженная партизанская борьба, саботаж, диверсии и т.п. Аналогичная тенденция усилилась и в христианских профсоюзах и левохристианских организациях. В некоторых странах социал-демократы и трудящиеся-христиане создавали свои подпольные боевые группы. В подпольную борьбу вовлекались крестьяне, патриотически настроенная часть интеллигенции.

Сотрудничество коммунистов и социал-демократов в движении Сопротивления в тех странах, где оно было организовано, благотворно сказалось на общей деятельности этих рабочих партий, значительно повысило политический вес рабочего класса в общественной жизни, усилило эффективность его борьбы в защиту интересов трудящихся. Особую активность в борьбе с фашизмом проявляли рядовые социал-демократы, которые быстрее и глубже, чем их руководители, осознали необходимость бескомпромиссной борьбы с ним. Оценивая участие французских социалистов в Сопротивлении, американский историк Е.Годфрей отмечал: «Самую важную роль в нем играли тысячи разбросанных по всей Франции рядовых членов партии, которые... были лучше подготовлены, чем их центральное руководство, для принятия решений в соответствии с их политической идеологией».

Капитуляция Франции вызвала острую самокритику в рядах социалистов. Но партия отказывалась признать свою долю ответственности за продолжавшееся ослабление демократии во Франции. Ведь даже 10 июля 1940 г. 90 социалистов — депутатов Национального собрания в Виши проголосовали за передачу всех конституционных полномочий маршалу Петену и тем самым за ликвидацию парламентской демократии. Только 36 депутатов-социалистов выступили против этого шага. В годы оккупации многие социалисты в индивидуальном порядке примкнули к движению де Голля и сражались в Сопротивлении. Но соцпартия в целом оказалась неготовой к нелегальной деятельности и не сыграла значительной роли в Сопротивлении. Она, в частности, не создавала в начале оккупации собственных групп Сопротивления, участвуя в объединенных отрядах. Только в середине 1942 г. соцпартия установила контакт с де Голлем и признала его как единственного возможного главу правительства после освобождения Франции.

Несколько по-иному сложилась обстановка в оккупированной Бельгии, где председатель Бельгийской рабочей партии А. де Ман объявил о самороспуске партии и с целью сотрудничества с оккупантами создал так называемый Союз работников умственного и физического труда. Путь де Мана к коллаборационизму с оккупантами был вполне закономерен. Еще в конце 20-х годов он выступил с концепцией «неосоциализма», отрицавшей классовую борьбу и проповедовавшей классовое сотрудничество рабочих с капиталистами. Сторонниками «неосоциализма» во Франции стали М.Деа, А.Марке, Б.Монтаньон, в период оккупации также активно сотрудничавшие с врагом.

В движении Сопротивления участвовали и социалисты Австрии. Некоторые из них выступали за революцию в масштабе всей Германской империи и в этом смысле не осуждали аншлюс. Другая же часть социал-демократов совместно с коммунистами боролась за новую демократическую Австрию. Социалисты, которым удалось эмигрировать за границу, вели антифашистскую и пропагандистскую деятельность.

Мирная агрессия

В международном праве «агрессия» определяется как прямое или косвенное применение вооруженной силы одним государством против территориальной целостности или политической независимости другого. Государство совершает агрессивный акт, если оно

первым, по своей инициативе и с умыслом нападает на другое государство.

Это определение агрессии, предложенное Советским Союзом, легло в основу соответствующих Лондонских конвенций 1933 г. Но еще задолго до принятия этих конвенций, в 1924 г. Лига Наций приняла Женевский протокол о мирном разрешении международных споров. В преамбуле документа агрессивная война провозглашалась международным преступлением.

Эти документы были подписаны многими странами, в том числе и Германией. Несмотря на взятые на себя обязательства, гитлеровское правительство в грубой форме нарушило их. Первой жертвой гитлеровской агрессии стала Австрия.

Особенность агрессивной ации Германии против Австрийской Республики состоит в том, что она была осуществлена без объявления войны и без военных действий, хотя и с применением вооруженной силы. Признавая, что такие действия гитлеровской Германии в отношении Австрии не изменили их агрессивного характера, Международный военный трибунал в своем решении указал, что Австрия была оккупирована согласно общему плану агрессии. Ее оккупация, следовательно, представляет собой преступление, подлежащее юрисдикции трибунала.

Как же протекали события в роковые для Австрии мартовские дни 1938 г., которые привели к ее аншлюсу?

Пятница 11 марта стала последним днем независимой Австрии. На следующий день в 8 часов утра передовые части 8-й армии генерала Ф.Бока в полной парадной форме перешли границу. Танки 2-й танковой дивизии генерала Г.Гудериана, украшенные цветами, продвигались в сторону Линца. Напутствуя Гудериана, начальник оперативного руководства верховного командования сухопутных войск генерал А.Иодль говорил: «Поставьте впереди оркестр, а водители обязательно должны надеть очки, потому что цветы, которые им будут бросать, могут поранить им глаза». Так с легкой руки Иодля родилась легенда о «войне, которая сопровождалась цветами встречавших австрийцев (Blumenkrieg)».

Одновременно верховное командование вермахта позаботилось и о том, чтобы успокоить итальянцев. Для этой цели на Бреннерский перевал был срочно послан со своей 98-й горнострелковой бригадой ее командир, подполковник Ф.Шернер, будущий фельдмаршал. По прибытии на перевал он приветствовал итальянских офицеров и заверил их в добрых намерениях вермахта. Такое предупреждение было весьма кстати, т.к. Муссолини был серьезно встревожен событиями в соседней Австрии. Многие годы дуче вынашивал идею объединить Хорватию, Венгрию и Австрию в особый союз и противопоставить эту «объединенную Европу» гитлеровской Германии. Муссолини в те годы не стеснялся называть гитлеризм «диким варварством германцев», тогда как итальянский фашизм, по его определению, являлся «новым вариантом римско-латинской цивилизации».

Между тем в Вену прибывали все новые подкрепления для австрийских нацистов. Прилетели Г.Гиммлер, начальник его штаба группенфюрер СС К.Вольф, начальник главного управления имперской безопасности Р.Гейдрих вместе со своим помощником В.Шелленбергом, начальник германской полиции порядка К.Далюге. Здесь уже находился О.Скорцени, которому было поручено арестовать президента Австрии В.Миклоса, и другие нацисты. В городе начались поголовные аресты противников аншлюса и еврейские погромы.

Несколько часов спустя после вторжения вермахта в Австрию Геббельс собрал в Берлине иностранных корреспондентов и зачитал им обращение фюрера к немецкому народу. Гитлер обвинял австрийское правительство в «грубом насилии над немецкими соотечественниками в Австрии» и заявил, что в Германию эмигрировало свыше 40 тыс. человек. «Я решил оказать помощь миллионам немцев в Австрии. С сегодняшнего утра солдаты вермахта перешли границу Австрии... Я сам как фюрер и канцлер германского народа счастлив тем, что как свободный немецкий гражданин вступлю в страну, которая является моей родиной».

Действительно, вслед за войсками в Австрию прибыл Гитлер. Он посетил свой родной город Браунау и к середине дня 12 марта прибыл в Линц. Здесь его встречали Гиммлер, Зейсс-Инкварт, Глейзе-Хорстенау, Кеплер и другие видные нацистские чины. На состоявшемся митинге Гиммлер произнес фразу, ставшую затем крылатой в фашистской пропаганде: «Так есть и будет всегда: один фюрер, один народ, одна империя!»

Как рассказывал Кейтель, войска в каждой деревне встречали восторженные толпы народа. Гитлер посетил Линц, затем 13 марта вместе с войсками прибыл в Вену. Огромная масса австрийцев встречала войска и вопила: «Мы хотим видеть нашего фюрера!» На митинге, который состоялся на Бургплаце, Гитлер закончил свою речь словами: «Возвещаю немецкому народу о возвращении моей австрийской родины в Великогерманский рейх!» Затем состоялся парад германских и австрийский войск»[10].

Хотя выступавший на митинге Гитлер ничего не упомянул об аншлюсе, а только о плебисците, но необходимые распоряжения о присоединении Австрии к Германии уже были отданы. Министр внутренних дел рейха В.Фрик срочно вызвал начальника отдела администрации и законодательства В.Штуккарта и предложил ему разработать проект закона, который должен подписать австрийский президент о воссоединении Австрии с Германией. 13 марта В.Штуккарт и советник Министерства иностранных дел К.Клодиус уже были у Гитлера в Линце. Обсуждение проекта продолжалось несколько часов, т.к. Гитлер внимательно следил за международной реакцией на австрийские события и соответственно корректировал текст закона. За позицию западных держав он был спокоен, т.к. они не проявили никакой озабоченности судьбой Австрии. Италия, которая раньше весьма ревниво следила за претензиями Гит-

лера в Центральной Европе, также смолчала. Г.Чиано записал в своем дневнике, что Гитлер из Линца прислал Муссолини благодарственную телеграмму следующего содержания: «Муссолини, я Вам этого никогда не забуду. Гитлер». Честолюбивый дуче бросил ее в сторону и сказал стоявшему рядом Чиано: «Проклятый немец!» И сразу же продиктовал фюреру многозначительный ответ: «Я Вам тоже. Муссолини».

В ходе обсуждения проекта закона возникла идея об установлении личной унии обеих стран, но Гитлер отверг ее и принял идею аншлюса. Штуккарт и Клодиус с этим документом полетели в Вену. Без какого-либо обсуждения и без записи в протоколе он был одобрен правительством австрийского коллаборациониста А.Зейсс-Инкварта и немедленно представлен на утверждение президенту Миклосу. Тот отказался подписать его, объявил о своей отставке и о передаче функций президента канцлеру Зейсс-Инкварту.

Капитулянтское решение президента развязало руки нацистам-коллаборационистам и за подписями Зейсс-Инкварта, Глейзе-Хорстенау и других членов кабинета был немедленно принят «Федеральный конституционный закон о воссоединении Австрии с Германским рейхом». Он провозгласил Австрию немецкой землей. Далее указывалось, что в воскресенье, 10 апреля 1938 г. состоится плебисцит об аншлюсе с участием мужчин и женщин, достигших 20 лет, и что судьбу Австрии решит большинство голосов. Закон вступил в силу со дня его опубликования.

Австрийские нацисты торжествовали победу. Зейсс-Инкварта поздравляли и высшие чины католической церкви Австрии во главе с кардиналом Т.Инницером, урожденным судетским немцем, который, по характеристике германского военного атташе в Вене, «мыслит как националистически настроенный немец». Выразил свою «искреннюю радость по поводу свершившегося поворота» и евангелический верховный церковный совет в Австрии. Ректор Венского университета профессор В.Шнеет доложил новому канцлеру, что университет как «передовой отряд немецкой культуры предоставляется в его распоряжение». Вечером того же воскресного дня 13 марта в Линц прилетел Зейсс-Инкварт и официально вручил Гитлеру текст закона об аншлюсе. В тот же день аналогичный закон был принят и в Берлине.

На этом история Австрийской Республики как суверенного государства на долгие годы была прервана. Австрия, имевшая тогда территорию 83800 кв. км и население 6760 тыс. человек, в нарушение статей Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров и других международных документов на семь лет стала частью гитлеровской Германии. С понедельника 14 марта для австрийского народа началась новая полоса его национального развития — полоса унижения и гитлеровского господства.

Ни одна западная держава не предприняла никаких эффективных мер, чтобы предотвратить это преступление, а когда оно стало фактом — осудить его. Лишь один Советский Союз, ясно представляя себе большую опасность для дела мира в Европе, которую нес с собой захват Австрии, решительно разоблачил эту акцию гитлеровской Германии как ничем не прикрытую агрессию. «Захват Австрии, — отмечалось в письме НКИД в ЦК ВКП(б) от 14 марта 1938 г., — представляется величайшим событием после мировой войны, чреватым величайшими опасностями и не в последнюю очередь для нашего Союза».

В заявлении представителям печати, опубликованном несколько дней спустя, народный комиссар иностранных дел М.Литвинов подчеркнул, что «на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских». В заявлении было далее отмечено, что Советский Союз согласен «участвовать в коллективных действиях... с целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой войны».

Западные державы отвергли это предложение и тем самым поощрили Гитлера на новые авантюры.

Чехословакия — жертва Мюнхена

Сложившимся в Центральной Европе благоприятным для Германии обстоятельством Гитлер воспользовался незамедлительно, чтобы ликвидировать независимость и оккупировать другую соседнюю с Германией страну — Чехословакию. Причем методы были применены прежние.

Как вспоминал Кейтель, уже 20 апреля 1938 г. Гитлер приказал ему приступить к предварительной разработке плана военных действий на случай конфликта с Чехословакией. Он обосновал свое решение двумя следующими соображениями. Во-первых, помочь проживавшим в Чехии немцам, которых «чешское государство жестоко угнетало». И во-вторых, необходимостью улучшить стратегическое положение Германии в случае предстоящего мощного столкновения на востоке, причем не столько с Польшей, сколько с большевизмом. Гитлер выразил убеждение, что именно здесь Чехия станет трамплином для действий Красной Армии и советской авиации и что враг очень скоро может оказаться в районе Дрездена и в центре Германии.

Через месяц требуемая директива была подготовлена, а Кейтель сопроводил ее от имени фюрера преамбулой: «Я не намерен в обозримый период времени нападать на Чехословакию...»

Позднее операция получила кодовое наименование «Грюн»[11].

30 сентября 1938 г. правительство Чехословакии без сопротивления приняло мюнхенский диктат и эвакуировало свои войска из Судетской области. Ранним утром 1 октября немецко-фашистские дивизии устремились через границу, чтобы занять подаренные Германии в Мюнхене приграничные земли Чехословакии. Они торопи-

лись закрепить успех, который дипломатическим путем достиг Гитлер. Точно в установленные сроки германские войска к 7 октября заняли все четыре зоны, а затем и пятую зону, предусмотренные в Мюнхене.

В Мюнхене был сделан новый шаг к мировой войне. «Мюнхенское соглашение было циничным предательством Чехословакии со стороны Англии и Франции, для которых она явилась только разменной монетой в большой империалистической игре при заключении сделки с Гитлером».

В Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР, подписанном 6 мая 1970 г., отмечалось, что мюнхенское соглашение «было достигнуто под угрозой агрессивной войны и применения силы против Чехословакии, представляло собой составную часть преступного заговора гитлеровской Германии против мира и грубое нарушение основных норм международного права и что поэтому оно является с самого начала недействительным со всеми вытекающими из этого последствиями».

Долю ответственности за Мюнхен несут и правящие круги Чехословакии, которые обнаружили неспособность защитить национальную самостоятельность и демократические права народа. Чехословацкая буржуазия предпочла интересам трудящихся страны свои классовые корыстные цели.

Единственной страной в мире, правительство которой решительно осудило мюнхенский диктат и выступило в защиту национальных интересов чехословацкого народа, был Советский Союз. Многочисленные документы неоспоримо подтверждают, что советское правительство в течение семи месяцев, предшествовавших Мюнхену, двадцать раз по различным каналам выражало готовность выполнить союзнический долг по договору с Чехословакией и помочь ей своими вооруженными силами. Для этого в боевую готовность были приведены танковый корпус, 30 стрелковых, 10 кавалерийских дивизий и другие войска. Советское правительство оказало Чехословакии серьезную дипломатическую помощь тем, что выдвинуло предложение о немедленном созыве международной конференции для предотвращения новой мировой войны. Наконец, Советский Союз постоянно высказывал свою моральную поддержку чехословацкому народу.

На всем протяжении подготовки и осуществления мюнхенского предательства как в самой Чехословакии, так и во многих других странах мира, демократические силы развернули кампанию в защиту независимости чехословацкого народа. В авангарде этих сил шли коммунистические партии. В день принятия Мюнхенского соглашения компартии Франции, Англии, Германии и Чехословакии выпустили совместное заявление, в котором заклеймили капитулянтскую политику правящих кругов Франции, Англии и Чехословакии и призвали народы выступить в защиту Чехословакии.

Активную борьбу по разоблачению фашизма усилила компартия Германии. Сразу же после сентябрьского кризиса 1938 г. ЦК

КПГ принял решение созвать очередную партийную конференцию. Она состоялась 30 января — 1 февраля 1939 г. и вошла в историю под названием «Бернская конференция». Историческое значение конференции состоит в том, что она органически увязала борьбу по разоблачению фашистской агрессии против других народов с борьбой по спасению самого немецкого народа и наметила пути объединения всех противников Гитлера.

Захват и аннексия Судетской области были лишь первым шагом Гитлера на пути к ликвидации Чехословацкой Республики. Несмотря на то, что творцы Мюнхенского соглашения гарантировали целостность оставшейся части Чехословакии, верховное командование вермахта в нарушение этого соглашения дало указание войскам быть готовыми для выполнения задачи по «окончательной ликвидации остальной части Чехии».

В феврале 1939 г. фюрер вызвал Браухича и в присутствии Кейтеля заявил о невыносимых условиях, в которых живет немецкое меньшинство в Чехии. Он сказал, что готов к военной интервенции, которая, по его словам, станет «освободительной акцией». Она не потребует применения вооруженных сил, выходящих за рамки уже отданных осенью 1938 г. приказов.

12 марта 1939 г. последовал предварительный приказ по армии и авиации быть готовыми к предположительному вступлению 15 марта 1939 г. в 6.00 в Чехию, однако не приближаться ранее этого срока к границе на расстояние менее 10 км.

14 марта президент Чехии Э.Гаха попросил Гитлера принять его. Он прибыл в 22 часа во дворец Бельвю и через два часа его и министра иностранных дел Хвалковского принял Гитлер. Присутствовал чешский посланник в Берлине Мастинье. Начался спор между двумя государственными деятелями о положении этнических немцев в Чехии. Тогда же Кейтель сообщил, что войска лейб-штандарта СС без боя заняли Витковицы. Гитлер отказал в просьбе Гахи задержать вступление в Чехию. Геринг предупредил, что люфтваффе на рассвете появятся над Прагой и от Гахи зависит, упадут ли бомбы на Прагу или нет. По телефону Гаха сообщил в Прагу не сопротивляться и не открывать огня.

Гитлер приказал Кейтелю в 3 часа 15 марта отдать приказ на вступление, но не вести огня. Вскоре было подписано соответствующее соглашение между Гитлером и Гахой.

Около полудня 16 марта Гитлер в Градчанах принял чешское правительство во главе с Гахой, чтобы оно вручило ему заявление о преданности рейху. Гитлер находился в другом флигеле президентского дворца в Праге. Вечером Гитлер убыл в Вену и остановился в отеле «Империал». Здесь Гитлер назначил фон Нейрата протектором Богемии и Моравии. Здесь же Гитлер встретился с прибывшей делегацией Словацкого государства во главе с президентом Тисо и поручил Риббентропу подписать с Тисо «Статут охранной зоны» шириной примерно 20 — 25 км по обе стороны р. Ваг.

Тисо возражал, но его военный министр старый Тука, который боготворил Гитлера, настоял уступить решению Гитлера.

Когда 20 апреля 1939 г. по случаю дня рождения Гитлера в Берлине состоялся грандиозный военный парад, на него был приглашен президент Гаха в сопровождении протектора Нейрата в качестве высшего государственного гостя Гитлера. Ему были оказаны все почести как главе государства[12]. Свершилось то, что логически должно было свершиться, ибо нетрудно было предвидеть, что Гитлер, разделив Чехословакию на несколько частей и укрепив тем свое влияние, конечно, не оставит в покое наиболее крупную из этих частей — Чехию и совершит на нее новое разбойничье нападение.

После вступления вермахта в Прагу реакция Великобритании, правительство которой несет прямую ответственность за трагедию Чехословакии, последовала незамедлительно. Премьер Чемберлен произнес свою знаменитую речь, в которой упрекнул Гитлера, что тот его «подвел», не сдержав данного в Мюнхене обязательства, и провозгласил конец «политики умиротворения». 29 апреля 1939 г. в Англии была введена всеобщая воинская обязанность. Однако эти запоздалые меры уже не могли изменить тревожную обстановку, охватившую Европу.

Если свою политику территориальных захватов 1938 г., в том числе и насильственное присоединение приграничных чешских областей, Гитлер пытался объяснить своему народу и мировой общественности «правом народов на самоопределение, попранным Версалем», то неприкрытая агрессия против Чехословакии в марте 1939 г. обнажила его подлинные намерения. В день вступления гитлеровских войск в Прагу ЦК компартии Чехословакии обратился к трудящимся страны с воззванием, в котором отметил, что чешский народ лишен своей независимости и его родина оккупирована войсками Третьей империи. Компартия разоблачала внутренние реационные силы, твердившие будто «капитуляция является единственным путем спасения народа». Коммунисты предупреждали, что капитуляция Чехословакии приведет чехов к гибели, ко второй Белой Горе, и призывали весь народ к единству и сопротивлению агрессору.

Сентябрьская катастрофа в Польше

Так, из-за политики попустительства и так называемого «умиротворения» гитлеровской Германии со стороны правящих кругов Англии, Франции и США до сентября 1939 г. ей удавалось добиваться своих целей мирным путем без применения вооруженных сил. Лишь в отношении Польши агрессия Германии натолкнулась не только на сопротивление польского народа, но и на определенное изменение политики Англии и Франции.

Уже в апреле 1939 г. Гитлер неоднократно высказывался относительно польской проблемы, которая «требовала категорически своего разрешения», ибо Восточная Пруссия оказалась отделена. Эту задачу должен был решить Гитлер, а не его преемник.

В мае 1939 г. появилась директива Гитлера о подготовке операции «Вайс» для нанесения «контрудара по неустойчивой Польше» не позднее сентября 1939 г.

22 августа 1939 г., когда войска уже были готовы вторгнуться в Польшу, Гитлер на совещании в Бергхофе (в Оберзальцберге) обратился к генералам с речью. В записи адмирала Г.Беме Гитлер сообщил, что он наметил заключить с Советским Союзом пакт о ненападении и тем самым изолировать Польшу. Это решение произвело на генералов огромное впечатление, свидетельствует Кейтель. Тогда же военный министр Т.Бломберг по телефону поздравил Риббентропа, который знал о хорошем отношении генерала к России. Риббентроп ответил ему длинным письмом, смысл которого был таков: «Ну вот, теперь ваши желания исполнились».

24 августа 1939 г. уже имелся временной график о степени боевой готовности войск на каждый день плоть до даты нападения — «дня Х». 23 августа Гитлер приказал считать «днем Х» 26 августа 1939 г., т.е. когда шел уже второй день после разрешения на передвижение войск к польской границе. Но 26 августа Гитлер получил телеграмму из посольства в Лондоне, что пакт о взаимопомощи с Польшей подписан прошлой ночью. Узнав о позиции Италии, не желавшей вмешиваться в польские дела, Англия сразу же ратифицировала этот пакт.

Вскоре «день Х» был перенесен на 31 августа, т.е. отодвинут на 5 дней. 29 августа Гитлер зачитал свои следующие требования к Польше:

— возвращение Данцига рейху;

— передача под германский суверенитет части польского коридора через Восточную Пруссию для прокладки железной дороги;

— передача Германии 75% населенных этническими немцами областей бывшей Германской империи;

— проведение на территории польского коридора под международным контролем народного голосования о возвращении в рейх.

30 августа Даладье направил письмо Гитлеру как старому фронтовику с призывом ни в коем случаем не доводить дело до войны. Письмо свидетельствовало, что Франция не хочет воевать из-за коридора, считал Гитлер.

30 августа «день Х» был еще раз отложен на 24 часа и назначен на 1 сентября, ибо Гитлер ждал представителя правительства Польши. О дальнейшем переносе не могло быть и речи.

В беседе с Кейтелем 17 октября 1939 г. о Польше Гитлер заявил, что Польша должна остаться самостоятельной. Администрация должна быть там тоже польской и управляться поляками, но нельзя допустить создания новой интеллигенции и руководящего

слоя и что как старая, так и новая территории рейха должны быть очищены от «евреев, поляков и прочего сброда»[13].

Польша смогла выставить 1 млн человек, 39 дивизий, 16 бригад, из них 11 бронемоторизованных, 870 танков и танкеток, 4300 орудий и минометов, 4407 боевых самолетов. Вся эта техника, исключая потерянную в ходе боев, была захвачена немцами в качестве трофеев, небольшая устаревшая ее часть была использована[14].

5 сентября 1939 г. немецко-фашистские войска заняли Польский коридор, на севере форсировали р. Нарев, а на юге вышли к Лодзи. Была оккупирована Силезия, окружен Краков. 6 сентября польское правительство покинуло столицу, а через два дня у ворот Варшавы появились немецкие танки. К середине сентября польская армия как организованная сила перестала существовать. В районе Варшавы была окружена крупная группировка польских войск, которая продолжала бои с противником. Разрозненные польские части сопротивлялись и в других районах страны.

16 сентября президент И.Мосьцицкий и правительство выехали на польско-румынскую границу, а на следующий день к ним присоединился главнокомандующий польской армией Э.Рыдз-Смиглы. В результате упорства польских воинов и населения Варшава сопротивлялась по 27 сентября 1939 г., после чего ее гарнизон капитулировал. Так польское буржуазно-помещичье государство, не выдержав испытания, рухнуло.

После поражения Польши объявленное 1—3 сентября 1939 г. состояние войны между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой, продолжалось, но активных военных действий на суше не велось.

Чтобы успокоить мировое общественное мнение и притупить бдительность народов Европы, Риббентроп в речи, которую он произнес в Данциге 24 октября 1939 г., заявил: «Процесс консолидации германского рейха в Европе закончен. Несправедливость Версаля устранена... Границы рейха сейчас на севере, востоке, юге и на западе окончены. В настоящее время, как заявил фюрер в своей последней речи в рейхстаге, Германия не имеет никаких требований к Франции и Англии, за исключением возвращения бывших немецких колоний... Бессмысленность Версаля устранена, и в Европе установлены устойчивые отношения».

Таковы были слова Гитлера и его министра иностранных дел. В действительности же Германия решила максимально использовать время для подготовки новых авантюр.

Дания и Норвегия — очередные жертвы агрессии

В 4 часа 20 минут по местному времени 9 апреля 1940 г. на квартиру министра иностранных дел Дании П.Мунка явился германский посол С.Ренте-Финк и заявил, что для предотвращения высадки английского десанта Германия вводит свои войска в

Данию. Во врученном тут же германском меморандуме гарантировались территориальная целостность и политическая независимость Дании, а для «обеспечения датского нейтралитета» на ее территории на время войны размещались немецкие войска.

Датские солдаты по своей инициативе в течение часа оказывали сопротивление агрессору, в ходе которого они потеряли 13 человек убитыми и 23 — ранеными. Потери немцев при оккупации Дании составили: убитых — 2 и раненых — 10. Однако в 6 часов утра по приказу датского правительства бои были прекращены. В обращении к народу король Кристиан X и глава правительства социал-демократ Г.Стаунинг извещали, что «датское правительство, заявив протест, решило урегулировать положение страны с учетом происшедшей оккупации». Далее обращение призывало не оказывать немцам сопротивления и повиноваться законным властям. Это было коллаборационистское решение. Несколько часов спустя с аналогичным призывом к датчанам обратился и командующий войсками вермахта в Дании генерал Л.Каупиш. Он, в частности, подчеркнул, что между обеими странами заключено соглашение об условиях немецкой оккупации.

Немецко-фашистские войска вторглись в Данию, несмотря на то, что с ней, как и с другими сопредельными странами, Германия имела несколько договоров и соглашений, которые гарантировали ее территориальную целостность. Так, 2 июня 1926 г. между Германией и Данией был подписан договор об арбитраже и мирном урегулировании. 31 мая 1939 г. Риббентроп подписал с Данией договор о ненападении. Затем фашистские главари делали неоднократные заявления о верности этим договоренностям.

В истории датского народа начался новый период — пятилетний период сперва скрытой, или «гуманной», а затем и открытой немецко-фашистской оккупации. Но, как справедливо заметил западно-германский историк К.Центнер, «для народа с национальным сознанием была невыносима любая, в том числе и "гуманная оккупация"».

Утром того же дня, 9 апреля 1940 г. диктор норвежского радио передал населению страны следующее чрезвычайное сообщение: «Норвегия минувшей ночью подверглась нападению немецких военных кораблей. Кристиансен, Ставангер, Берген, Тронхейм и Нарвик заняты немцами. Они проникли также в Осло-фиорд. Король, правительство и стортинг покинули Осло и направились на север».

Так Норвегия, которая с 1814 г., т.е. в течение 126 лет, придерживалась политики нейтралитета, была втянута во Вторую мировую войну и стала очередной жертвой Гитлера. В меморандуме, который тогда же был вручен норвежскому министру иностранных дел Х.Куту послом Германии в Осло К.Бройером, утверждалось, что вступление вермахта в Норвегию без формального объявления ей войны является превентивной мерой против якобы планируемой высадки здесь англо-французских войск. Далее в документе гово-

рилось: «Германские войска поэтому высаживаются на норвежскую землю не как враги... В духе добрососедских отношений, которые всегда существовали между Германией и Норвегией, имперское правительство заявляет королевскому норвежскому правительству, что оно не имеет никакого намерения нарушать своими мероприятиями территориальную целостность и политическую независимость королевства Норвегии ни теперь, ни в будущем».

Гитлеровская агрессия застала Норвегию, ее народ, правительство и вооруженные силы врасплох. Среди высшего командования норвежской армии царило пораженческое настроение. Поэтому организованное и активное сопротивление на суше норвежцы оказали лишь 12 апреля. Между тем в эти дни гитлеровское командование наращивало свои силы. Если в высадке на норвежскую землю в первые дни приняли участие германские войска численностью 8850 человек, то к концу первой недели их стало 10500 человек. К концу апреля им удалось отрезать южную часть Норвегии от центральной и северной. Здесь сопротивлялись норвежские, а также высадившиеся англо-французские и польские части, которые, однако, вскоре эвакуировались. В конце мая союзники овладели Нарвиком, но через несколько дней вынуждены были его сдать. 7 июня 1940 г. престарелый норвежский король Хокон VII и члены правительства во главе с Ю.Нюгорсволом выехали в Англию.

10 июня боевые действия в Норвегии, которые продолжались 62 дня, полностью прекратились. Потери сторон в ходе войны в Норвегии были таковы: немцы потеряли 5297 человек, из них убитыми — 1317 человек (большинство погибло на потопленных транспортных судах); норвежцы потеряли убитыми и ранеными 1335 человек.

Страны Бенилюкса капитулировали

Создав необходимый плацдарм на западе и обезопасив свой северный фланг в Скандинавии, германское верховное командование решило осуществить главную операцию на Западе — против Франции. Для этого необходимо было пренебречь нейтралитетом Люксембурга, Нидерландов и Бельгии. И Гитлер пошел на это очередное нарушение международного права.

На рассвете 10 мая 1940 г. по сигналу «Данциг», полученному накануне вечером, войска вермахта без официального объявления войны начали вторжение, которое как для правительств Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, так и для населения этих нейтральных стран не было неожиданным. О готовящейся акции с тревогой сообщали из Берлина их послы и военные атташе.

Германские люфтваффе подвергли бомбардировке Гаагу, Роттердам и другие города Нидерландов. Одновременно в районы важных стратегических объектов были выброшены воздушные десанты. С целью обмана мирового общественного мнения и дезинформации населения своих жертв Берлин опубликовал «меморандум», в котором указывалось, что «германские войска вступили на территорию Бельгии и Нидерландов не как враги бельгийского и нидерландского народов». Далее лицемерно заверялось, что Германия не намерена нарушать суверенитет этих стран и сохранит в них династии в случае, если их правительства не окажут вермахту сопротивления.

Активную помощь немецко-фашистским оккупантам в первые же минуты войны оказали проживавшие в Германии и местные нидерландские национал-социалисты во главе с А.Муссертом. Переодетые в форму нидерландской армии коллаборационисты захватили важнейшие мосты через канал Маас на юге страны. На третий день войны, видя безнадежность положения, королева Нидерландов Вильгельмина покинула страну и на британском крейсере отбыла в Англию.

Главнокомандующий голландской армией генерал Х.Г.Винкельман, взявший от имени королевы на себя всю полноту государственной власти, решил капитулировать и 15 мая 1940 г. в присутствии командующего 18-й немецкой армией генерала Г.Кюхлера подписал соответствующий документ о перемирии. На этом пятидневная война, которая стоила голландскому народу 2890 солдат убитыми и 6889 — ранеными, а также 2500 убитыми из гражданского населения, закончилась. Территория Нидерландов, на которую со времени наполеоновских войск в начале XIX в. не ступала нога противника, была оккупирована немецко-фашистскими войсками.

Одновременно немецко-фашистские войска вторглись на территорию независимого и нейтрального государства Великого герцогства Люксембург.

Агрессия Германии против этой маленькой соседней страны, имевшей площадь в 2500 кв. км и насчитывавшей всего 300 тыс. жителей, также ни для кого не была неожиданной. В условиях «странной войны» правительство Люксембурга усыпляло бдительность народа, наивно рассчитывая на уважение своего нейтралитета со стороны Германии. Между тем к весне 1940 г. фашистская «пятая колонна» в Люксембурге завершала последние приготовления к встрече своих германских «освободителей». В пачках лежали заранее заготовленные специальные денежные знаки, чтобы ими могли расплачиваться в Люксембурге войска вермахта. Были также отпечатаны тысячи соответствующих почтовых открыток. Дало свои плоды и то, что в предыдущие годы Люксембург под видом туристов посещали сотни германских ученых: географов, историков, любителей памятников старины и искусства. Поэтому германское верховное командование знало обстановку в Люксембурге до мельчайших деталей.

Как только германские части пересекли границу Люксембурга ранним утром 10 мая 1940 г., Великая герцогиня Шарлотта и правительство Дюпонга немедленно эвакуировали во Францию, а затем — в Англию. В тот же день, когда гитлеровцы еще не успели

занять всю страну, передовые французские части, расположенные на линии Мажино на южной границе Люксембурга, опередили их и вступили в важный промышленный район Люксембурга. Вскоре, однако, они вынуждены были отойти, в результате чего с ними ушли 50 тыс. жителей этого района, а остальные 50 тыс. были переселены немцами вглубь Люксембурга. Таким образом, уже в первые часы войны ее огненное дыхание почувствовала почти половина населения Люксембурга.

Бельгия, как и Нидерланды и Люксембург, в начавшейся Второй мировой войне придерживалась политики нейтралитета, объявленной королем Леопольдом III еще 14 октября 1936 г. Но она не предотвратила гитлеровской агрессии утром 10 мая 1940 г. Тогда же по соответствующей просьбе бельгийского правительства на территорию Бельгии вступили английские и французские войска. Однако объединенные силы этих стран совместно с 600-тысячной бельгийской армией не смогли остановить наступавшие войска вермахта. В бельгийском правительстве, возглавляемом клерикалом Г.Пьерло, и в армии преобладали пораженческие настроения, хотя народ требовал развертывания общенациональной войны против агрессора. Вечером 17 мая 1940 г. пал Брюссель, а 28 мая 1940 г., когда еще не все возможности для сопротивления врагу были исчерпаны, король Леопольд III как верховный главнокомандующий вооруженными силами приказал начальнику генштаба войти в контакт с немецким командованием и запросить у него условия перемирия. В тот же день бельгийское правительство эвакуировало во Францию, а затем в Англию.

После подписания условий капитуляции бельгийской армии король Леопольд III не последовал примеру короля Норвегии, королевы Нидерландов и Великой герцогини Люксембурга, покинувших свои страны, а остался в Бельгии, объявив себя военнопленным.

Капитуляция Франции

Продвигаясь по территории Нидерландов, Бельгии и Люксембурга, германские войска стремительно приближались к границе Франции. 12 мая их главные силы вышли на линию р. Маас. Вскоре они перешли бельгийско-французскую границу и 21 мая достигли побережья Ла-Манша между р. Соммой и г. Булонью. К 9 июня они подошли к р. Сена. На следующий день, когда исход кампании был уже предрешен, войну Франции объявила Италия. В таких условиях пришедшее к власти 16 июня капитулянтское правительство Ф.Петена приняло решение: «Лучше стать нацистской провинцией, чем британским доминионом».

В 8 часов утра 14 июня гитлеровские войска без боя парадным маршем вступили в Париж, объявленный французским правительством «открытым городом».

«В середине мая германские армии пройдя Бельгию, вступили на французскую землю», так начиналась статья М.Реуша «Последние дни Третьей республики», опубликованная в журнале «Коммунистический Интернационал». «Линия "Мажино", эта гордость французского империализма, опираясь на которую французский генеральный штаб построил весь свой военный план, даже не была затронута германским наступлением. Германская армия сосредоточила свой удар на оборонительной линии вдоль франко-бельгийской границы, которая начала воздвигаться лишь за несколько лет до войны и которая так и не была закончена. Были построены только бетонные гнезда, удаленные друг от друга на один-два километра со слабыми гарнизонами и недостаточным вооружением»[15].

Анализируя военную ситуацию перед тем, как союзная армия была разрезана надвое, агентство «Гавас» в своем сообщении, помещенном в газете «Тан» 14 ноября 1940 г., указывало: «125 германским дивизиям, сконцентрированным на западном фронте, противостояли 100 союзных дивизий (90 французских и 10 английских), в том числе одна треть мало пригодных для войны, а некоторые дивизии, совершенно не приспособленные к маневрированию, ибо французская армия насчитывала 13 "статических" дивизий в укрепленной зоне и 16 дивизий старого класса. Это превосходство противника могло казаться незначительным. Но на деле настоящая диспропорция сил заключалась в вооружении обеих армий. В составе германских войск насчитывались 10 бронетанковых дивизий с 500 танками каждая. Франция же имела 3 легких механизированных дивизии по 150 танков, созданных лишь несколько недель назад. В целом у Германии было 7500 танков, против 2000 французских танков. Кроме того германская армия располагала значительным количеством современных противотанковых зенитных орудий, грузовых автомобилей, мотоциклов и т.д.» Так описывает «Тан» соотношение сил еще в период до поражения армии в Бельгии и в Северной Франции. После падения Дюнкерка положение ухудшилось: отпала вся английская армия, во Франции остались всего две английские дивизии. Французская армия потеряла несколько своих лучших дивизий, взятых большей частью в плен. Еще хуже обстояло дело с французской авиацией. В неутешительном для Франции свете изображает состояние французской авиации известный французский журналист Андре Моруа, который воспроизвел в своих статьях разговор с генералом Жиро, заявившим ему: «Нам много не хватает. В первую очередь самолетов! Вы знаете, сколько имею я, командующий армией, в своем распоряжении самолетов? Всего восемь штук. Правда, мы имеем Royal Air Force (английскую авиацию), она замечательна, но когда надо, чтобы для меня был произведен разведывательный полет, то я должен обратиться к генералу Жоржу, который обращается к генералу Гамелену, последний направляет заказ к маршалу Баррат, который в свою очередь передает его вице-маршалу Блюнт для принятия

окончательного распоряжения о полете. К тому времени этот полет часто уже не имеет ценности».

А каково было поведение значительной части французских офицерских кадров в эти бурные дни? Среди офицерства было немало сынков французского «высшего света», сынков буржуазии или многочисленных старинных дворянских родов. Французский журналист Андре Симон в своей книге «Я обвиняю» прямо вменяет в вину генералу Гамелену то, что он покровительствовал тем офицерам, которые являлись членами черносотенной «Организации боевых крестов».

Один из друзей генерала Гамелена, бежавший после капитуляции в США, заявил редактору издававшегося в США журнала «Лидовы дзенник» следующее: «В руки германской армии попало более 2 тыс. новых танков. Почему? Главным образом потому, что организация бронетанковых частей годами сознательно саботировалась. У Гамелена был план организации 18 новых бронетанквых дивизий. Для этого ему нужны были 100 тысяч специалистов, т.е. рабочих тяжелой промышленности: монтеров, механиков и т.д. Но огромное большинство этих квалифицированных рабочих принадлежало к профессиональным союзам, находившимся под коммунистическим руководством. Даладье в качестве военного министра и премьер-министра вследствие своего страха и ненависти к рабочему классу провалил этот план организации бронетанковых частей. Свой отрицательный ответ на предложение генерального штаба он мотивировал тем, что эти войска нельзя будет использовать в случае внутренних беспорядков».

Французские правящие круги привели вооруженные силы Франции к крайне печальному состоянию. Остаткам французской армии нанесла смертельный удар речь по радио маршала Петена 17 июня, в которой он сообщил, что начал переговоры о перемирии, и одновременно призывал французских солдат «мужественно сражаться и дальше пока переговоры о перемирии не будут закончены». Это обращение Петена довершило дезорганизацию всей французской армии и сломило дух тех, кто готов был сражаться за французскую землю, но не хотел бессцельно приносить себя в жертву после принятого наверху решения о капитуляции.

Первым военным премьером был Э.Даладье. Это был ловкий комедиант в публичных выступлениях перед народными массами и прожженный интриган в закулисной политической жизни Франции. Вторым по счету после начала войны премьером был Поль Рейно, до последнего момента извергавший воинственные речи, но в руководстве государственными делами проявлявший такую же слабость и расхлябанность, которой отличалось и предыдущее правительство Франции. Новое правительство ослаблялось распрями личного характера между Рейно и Даладье. А.Моруа, останавливаясь на взаимоотношениях внутри французского правительства во время войны, писал: «В 1939 г. Эдуард Даладье и Поль Рейно ни на один момент не переставали оспаривать друг у друга политическую власть. Взаимная неприязнь и раздражение выросли в ненависть, к тому же их отношения были отравлены из-за женщин». Дело зашло так далеко, что один английский генерал, которому часто приходилось иметь дело с французским правительством, заявил: «Они так заняты взаимной внутренней борьбой, что у них не остается времени на ведение войны».

Французская газета «Сет жур» подробно описывала, как работало и чем занималось в эти дни французское правительство. Она нарисовала картину поистине убогой беспомощности. 9 июня происходило заседание правительства в Париже. Рейно доложил о военных приготовлениях Италии и заявил, что все попытки Франции достигнуть соглашения с Италией остались безрезультатными. Это сообщение было принято к сведению без особенных дискуссий. Зато горячие споры возникли по другому пункту порядка дня: как и когда французское правительство должно покинуть Париж. Рейно предлагал произвести постепенную эвакуацию министерств, но отдельные министры воспротивились осуществлению такого плана, т.к. усмотрели в нем коварную интригу с целью подразделить министров на «более мужественных» и «менее мужественных». Поэтому без всякого учета целесообразности и военной необходимости было решено, что правительство одновременно и в полном составе покинет Париж.

11 июня состоялось заседание Совета министров, на этот раз уже в Канже. На этом заседании часть министров совершенно открыто выступала за капитуляцию. Заседание не вынесло никакого определенного решения. 13 июня состоялось второе заседание Совета министров в Канже. Оно вылилось в ожесточенный спор по вопросу «война или капитуляция», причем за истекшие два дня настроение среди министров в пользу капитуляции явно и значительно усилилось. Заседание закончилось компромиссным предложением Фроссара: запросить Черчилля и Рузвельта, насколько быстро и эффективно могут они оказать Франции помощь в войне.

15 июня заседание Совета министров состоялось в Бордо. Атмосфера заседания была еще более напряженной. Петен сразу внес предложение о том, чтобы начать переговоры о перемирии. Кое-кто предложил, чтобы правительство удалилось в Перпиньян и приготовилось к отъезду в колонии. После ожесточенных споров, доходивших и до личных оскорблений, было снова принято компромиссное предложение Фроссара: запросить сперва Германию об условиях перемирия, а там видно будет, что делать дальше.

Следующее заседание Совета министров состоялось в Бордо 16 июня: Петен пригрозил немедленной отставкой, если будет принято решение об эвакуации правительства за пределы Франции. Правительство должно-де остаться в стране, для того чтобы «вместе с народом нести его несчастье». Снова дошло до бурных сцен, но наконец Рейно утихомирил Петена заявлением, что будут

вестись переговоры с Черчиллем... А там видно будет, что дальше делать.

На вечернем заседании Совета министров 16 июня обсуждалось предложение английского правительства о слиянии Франции и Англии в единую империю. Однако большинство министров было против этого плана: дескать, уже поздно, а потом кто их знает, этих англичан, какие у них задние мысли. Выступивший Мандель резко заявил: «Все эти дискуссии слишком затянулись. Становится все более ясным, что среди нас имеются министры — сторонники войны и министры — сторонники капитуляции». В ответ раздались негодующие возгласы. Снова произошла бурная сцена. Большинство министров выступило против Манделя и высказалось открыто за капитуляцию. Затем выступил Рейно с заявлением о своей отставке. Отставка Рейно была принята, и заседание закрылось. 17 июня Бодуэн начал переговоры о перемирии.

Эта сокращенная протокольная запись заседаний Совета министров, приведенная газетой «Сет жур», лучше всего показывает тот политический уровень, на каком стояли французские правящие круги в роковые для Франции дни. «Двести семейств» и их правительство нашли лишь один выход: капитулировать!

После 17 июня дело быстро приближалось к концу. Рядом с Петеном на передний план французской политики выступил «новый человек» — Пьер Лаваль. Лаваль давно уже подготовлял условия для поражения Франции. Народный фронт, который Лаваль ненавидел, на некоторое время отстранил его от власти. Теперь, когда французский народ связан по рукам и ногам, Лаваль почувствовал, что снова настал его час.

В середине июня 1940 г. французский народ пережил одну из величайших в своей истории национальных трагедий и унижений. Французская армия развалилась, и бронированные полчища вермахта двигались туда, куда им заблагорассудится, не встречая никакого сопротивления. На каждом шагу завоеванной французской земли гитлеровцы давали французам понять, что их страна больше никогда не поднимется до уровня великой державы и ей уготована судьба германского колониального владения.

В эти дни ни французское правительство, ни тем более французский народ не могли знать, что самые унизительные акции, которые предпримут правители Германии в отношении Франции, еще впереди.

Ситуацию во Франции, сложившуюся в первые дни после капитуляции, известный французский историк А.Мишель описал следующим образом: «Прекращение боев, сохранение половины территории Франции и всей колониальной империи были с облегчением и единодушием восприняты общественными кругами, убежденными, что перемирие даст возможность избежать худшего зла и что в крушении, отчет о котором они себе отдавали, окончательно пошли ко дну Третья республика и ее лидеры, политические партии и их деятели»[16].

Курс вермахта на Югославию и Грецию

После побед на западе руководство гитлеровской Германии приступило к тщательной и всесторонней подготовке решения своей задачи — войне против Советского Союза. Но события на Балканах, где итальянские войска терпели поражения и на территории Греции находился английский экспедиционный корпус, и особенно свержение 25 марта 1941 г. профашистского правительства Д.Цветковича — В.Мачека в Югославии вынудили Гитлера отсрочить запланированное на май нападение на Советский Союз и вторгнуться в Югославию и Грецию.

6 апреля 1941 г. немецко-фашистская авиация совершила варварский налет на Белград. Одновременно войска 12-й армии фельдмаршала В.Листа вторглись в южные районы Югославии с территории Болгарии. На севере страны боевые действия велись с 10 апреля против итальянских и венгерских войск. Началась справедливая война народов этой страны за свою свободу и независимость. Силы однако были неравными, и через одиннадцать дней организованное сопротивление 600-тысячной югославской армии прекратилось. Немцы взяли в плен 344162 солдата и офицера деморализованной армии королевской Югославии. После подписания 18 апреля акта о перемирии в югославскую Македонию вступила болгарская армия. 15 апреля правительство эвакуировалось в Грецию, а затем в Египет. Через некоторое время югославское эмигрантское правительство оказалось в Лондоне.

В ходе кратковременных боевых действий югославская армия, состоявшая в значительной мере не только из сербов, но и хорватов и словенцев, оказалась совершенно не способной к сопротивлению. Словенские и особенно хорватские солдаты сдавались противнику не только по одиночке, но и целыми подразделениями. Местная полиция заблаговременно встречала немцев и итальянцев как своих «освободителей». Еще до подхода оккупантов эти полицейские начали гражданскую войну и депортацию сербов. Государственная измена словенцев и хорватов приобрела массовый характер. Так начался военный коллаборационизм в Югославии.

В докладе, который был доставлен Коминтерну в мае 1941 г., руководитель КПЮ И.Броз Тито о причинах военного разгрома королевской Югославии писал следующее: «Причины быстрого поражения Югославии кроются не только в том, что правительства последних лет проводили преступную внешнюю и внутреннюю политику, что они не считались с требованиями народа; эти причины заключаются в гегемонистском господстве великосербской буржуазии, в ее двадцатилетней политике национального и социального порабощения и угнетения»[17].

Оккупация территории Югославии войсками Германии, Италии, Венгрии и Болгарии означала временное прекращение существования единого югославского государства, означала новую веху в жизни югославских народов. Для них вновь наступили времена не-

навистного чужеземного ига, от которого они освободились всего лишь несколько десятилетий тому назад. Захватив страну, оккупанты стали «осваивать» ее. В этом им усердно помогали местные предатели и представители «пятой колонны». Они разжигали национальную вражду между народами Югославии, препятствовали развертыванию освободительной борьбы против оккупантов. Югославское правительство выехало за рубеж и пребывало там в течение нескольких лет.

Вероломным нападением на Югославию гитлеровская Германия грубо нарушила положение 3-й Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. и Парижский пакт от 27 августа 1928 г., а также многочисленные заверения самих фашистских лидеров в том, что они будут уважать суверенитет и территориальную целостность Югославии.

Одновременно немецко-фашистские войска вторглись и на территорию Греции, осуществив операцию «Марита». 21 апреля греческие профашистские генералы подписали акт о капитуляции греческих войск, которые мужественно сражались против чужеземных захватчиков. 28 апреля 1941 г. немецко-фашистские войска вступили в Афины. Король Георг II и правительство Греции выехали в Каир, где было создано эмигрантское правительство.

Так, к лету 1941 г. гитлеровская Германия непосредственно захватила Австрию, Чехословакию, Польшу, Данию, Норвегию, Люксембург, Нидерланды, Бельгию, Францию, Югославию и Грецию — всего 11 стран. Их территория составляла около 2 млн кв. км и население — 190 млн человек. Кроме того, союзниками Германии по агрессивному блоку в Европе были Италия, Венгрия, Финляндия, Румыния и Болгария — всего 5 стран. Единственной из воевавших стран Западной Европы, которая осталась неоккупированной, была Великобритания. Немецкие войска высадились лишь на принадлежащие ей Нормандские острова (Олдерни, Гернси, Джерси и некоторые другие), расположенные в проливе Ла-Манш у побережья Франции.

Расчленение и аннексия

Первой мерой немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях было их расчленение, насильственное изменение государственных границ, аннексия ряда экономически развитых областей и районов. Все эти меры осуществлялись произвольно и только в политических, военно-стратегических и экономических интересах самой Германии при содействии местных коллаборационистов.

Государства и их границы в Европе складывались, как известно, на протяжении многих веков исторического развития этого континента. Империалистические создатели Версальской системы лицемерно заверяли, что якобы справедливым установлением границ они предотвратили повторение военных столкновений, межгосударственных и межнациональных споров. В действительности же, заглушив одни, они создали новые очаги напряженности между государствами на почве взаимных, прежде всего территориальных, притязаний. Главный порок Версальской системы в этом отношении состоял именно в том, что при установлении послевоенных границ допускались отклонения от национального принципа и за основу брались экономические и военно-стратегические соображения.

К середине 20-х годов процесс «землеустройства» Европы закончился, и сложилась та система государственных границ, которая существовала в течение 10 лет, т.е. до 1935 г.

В потерпевшей поражение в войне Германии поднимали голову реваншистские круги, которые не признавали новых границ и ближайшую свою задачу видели в том, чтобы добиваться их исправления. Германский реваншизм спекулировал на Версальском диктате, легшем тяжким бременем на плечи немецких трудящихся. Но это вовсе не значит, что национал-социализм, как толковал историк Барник, происходит от Версаля.

Специфическая обстановка сложилась в Австрии сразу же после ее оккупации немецко-фашистскими войсками. Уже сам аншлюс означал, что Австрия рассматривалась в качестве составной части третьего рейха. Не ожидая итогов плебисцита, назначенного на 13 марта 1938 г., Гитлер уже считал Австрию провинцией рейха. Так, с 13 марта 1939 г. по апрель 1940 г. выходил «Сборник законов и распоряжений для земли Австрия». Все имперские законы фактически были немедленно распространены и на австрийцев. Все австрийские государственные органы, во главе которых стояли местные нацисты, подчинялись соответствующим немецким министерствам, а все международные обязательства Австрии передавались Министерству иностранных дел Германии.

После плебисцита, в ходе которого в обстановке террора и шумной пропагандистской кампании большинство австрийцев высказалось за аншлюс, Гитлер еще более решительно устранял все, что оставалось от суверенитета бывшей Австрийской Республики. Слово «Австрия» постепенно исчезло из нацистского лексикона, и его заменяло слово «Остмарк».

31 мая 1938 г. был издан указ о ликвидации прежнего административного деления Австрии на девять земель и о разделении территории Остмарка на 7 имперских округов (гау): Вена, Каринтия, Нижний Дунай, Верхний Дунай, Зальцбург, Штирия и Тироль с особым округом Форальберг. Эта мера была закреплена имперским законом от 1 октября 1938 г. В нарушение исторически сложившихся границ восточные районы Тироля были включены в состав Каринтии, а западные объединены с Форальбергом. Бургенланд как земля был ликвидирован. Южные его районы присоединены к Штирии, а северные районы вместе с Нижней Австрией были названы Нижним Дунаем. Два района из Штирии и Нижней Австрии передавались Верхней Австрии, которая впредь именовалась Верхний Дунай. Вена, территория которой была расширена с 278 кв. км

до 1218 кв. км за счет прилегающих к ней 97 общин, с 1 октября 1938 г. стала именоваться Имперским округом Большая Вена.

Дальнейшее перекраивание границ в Австрии произошло после гитлеровской оккупации Чехословакии. 25 марта 1939 г. ряд районов Южной Чехии был включен в округ Верхний Дунай и ряд сел — в Баварию, а несколько чешских районов вошли в округ Нижний Дунай. Обосновывая подобное административное деление Австрии, Зейсс-Инкварт в лекции в немецкой Административной академии в июне 1939 г. заявил, что, мол, все это сделано для удобства управления.

Указом Гитлера от 14 апреля 1939 г. вся территория Германии не только в партийном, но и в государственно-административном отношении была поделена на округа. Произошли некоторые дальнейшие изменения и в границах австрийских округов. Чтобы окончательно вытравить из сознания австрийского народа его принадлежность к Австрии, распоряжением начальника имперской канцелярии от 8 апреля 1942 г. термин «Австрия» официально заменялся словами «Альпийские и Дунайские имперские округа».

Очередной раздел Польши

Однако наиболее характерной в политике Гитлера по расчленению оккупированных стран была, конечно, не Австрия, а Польша. Ее территория была расчленена на две основные части — аннексированную и генерал-губернаторство.

В конце сентября 1939 г. при обсуждении вопроса о том, какие же польские области аннексировать, Гитлер высказал мысль, что следовало бы восстановить Пруссию в границах до 1914 г. Но, как известно, аппетит приходит во время еды, и аннексия польских территорий вышла далеко за границы Пруссии. Еще 28 сентября из ведения Г.Франка как генерал-губернатора оккупированных польских областей была изъята восточная часть Верхней Силезии и подчинена имперскому наместнику и гаулейтеру Силезии. 5 октября было ликвидировано военное управление в Поморье, и его хозяином стал имперский комиссар и гаулейтер А.Форстер. Фактическое присоединение к Германии этих областей, а также Великой Польши и Мазурии было оформлено декретом Гитлера от 8 октября 1939 г.

Для определения границы между «присоединенными к Германии восточными землями» в Министерстве внутренних дел была создана специальная комиссия, которая представила соответствующий проект, утвержденный министром внутренних дел Германии В.Фриком 20 октября 1939 г. Но после посещения Гиммлером и Геббельсом генерал-губернатора Франка в начале ноября г. Лодзи было решено присоединить к Германии и этот крупный промышленный центр.

Таким образом, к середине ноября 1939 г. к Германии были присоединены польские воеводства Поморское, Познаньское, Верхне-Силезское, большая часть Лодзинского, западная часть Варшавского и Краковского, Мазурия, округ Сувалки, некоторые округа Келецкого воеводства и весь Домбровский бассейн. Их территория составила 91974 кв. км, т.е. $^1/_4$ всей территории Польши, на которой до войны проживало 9500 тыс. человек, что вдвое превышало территорию и население, которые были отняты у Германии и присоединены к Польше в 1918 – 1922 гг.

Кроме того, Германия захватила Вольный город Данциг, а по соответствующему соглашению со Словакией от 21 ноября 1939 г. передала ей районы Чадца и Яворина, а также небольшие участки в Татрах общей площадью до 600 кв. км и с населением 45 тыс. человек. Тем самым государственные границы Германии в сравнении с 1914 г. были передвинуты на восток на 150 – 200 км.

По немецким данным, на присоединенных к Германии польских территориях вместе с ранее принадлежащими ей имперскими территориями проживало следующее население (май 1939 г.):

Провинции и округа	Население в тыс. всего	Из них немецких граждан	Данциг	Присоединенные после сентября 1939 г.
Округ Данциг — Западная Пруссия				
Район Бромберг (Быдгощ)	594	—	—	594
Район Данциг (Гданьск)	1022	114	391	517
Район Мариенвердер (Квидзын)	672	188	—	484
Округ Варталанд				
Район Гогензальца	1163	—	—	1163
Район Лицманштадт (Лодзь)	2242	—	—	2242
Район Познань	1290	—	—	1290
Провинция Верхняя Силезия				
Район Оппельн (Ополе)	1374	1048	—	326
Район Легниц	—	—	—	—
Район Катовице	2966	534	—	2432
Район Вроцлав	—	—	—	—
Провинция Восточная Пруссия				
Район Гумбинен	851	714	—	117
Район Алленштейн (Ольштын)	593	568	—	25
Район Цихенау (Цеханув)	854	568	—	854

Административная структура аннексированной части Польши была весьма пестрой и запутанной. Северные районы Польши (Мазурия, Сувалки и Августов) общей площадью в 16155 кв. км с населением около 1 млн человек были присоединены к Восточной Пруссии. Здесь был создан новый Цихенауский район (по переписи 1931 г., он насчитывал 843 тыс. жителей). Район Сувалки (125 тыс. жителей) включен в район Гумбинен, остальная польская территория с 26 тыс. жителей была присоединена к Ольштынскому району. В связи с этой аннексией каждый четвертый житель Восточной Пруссии был поляк. В Поморье был образован новый округ, который стал именоваться Данциг — Западная Пруссия, имевший площадь 26055 кв. км с населением 2179 тыс. человек, из них почти 1,5 млн проживало на оккупированных польских землях, 408 тыс. — в г. Гданьске и только 277 тыс. — на территории собственно Германии. Главным городом округа стал Гданьск.

В декабре 1939 г. бывший имперский округ Позен был переименован в имперский округ Варталанд. Территория округа тогда составляла 46 тыс. кв. км с населением 4,6 млн человек, из них немцев — всего 340 тыс., т.е. около 10%. К марту 1944 г. здесь уже насчитывался 1 млн человек. В него вошли три района — Вроцлавский, Калишский и Познаньский. В состав этого округа были также включены территории бывших Познаньского, часть Лодзинского, Поморского и Варшавского воеводств.

Наконец, округ Силезия был образован из Верхней Силезии, включая Силезский бассейн, западной части Краковского воеводства и Заользия, занятого Польшей в 1938 г. после расчленения Чехословакии. Силезия имела территорию 47591 кв. км с населением 7360 тыс. человек, из них польские земли составляли $^1/_4$ — по территории и свыше $^1/_3$ — по населению. Из четырех районов два (Катовицкий и Опольский) были оккупированными польскими землями.

В своих первоначальных границах крупнейший промышленный округ Силезия существовал лишь несколько более года. По просьбе гаулейтера И.Вагнера в начале 1941 г. он был разукрупнен на два округа — Верхнюю Силезию и Нижнюю Силезию. Такая административная структура аннексированных Германией польских земель оставалась в общем неизменной на протяжении всей войны. Но Гитлер не хотел устанавливать окончательной границы, оставляя решение этого вопроса на послевоенное время как козырь на мирных переговорах с западными державами.

Остальная часть Польши, кроме аннексированной Германией, присоединенной к Словакии и отошедшей в сентябре 1939 г. к Советскому Союзу, составляла генерал-губернаторство оккупированных польских областей. Территория генерал-губернаторства в первый период составляла около 100 тыс. кв. км, т.е. $^1/_6$ часть Польши, что равнялось территории Голландии, Бельгии и Швейцарии вместе взятых. Население составляло 12 млн человек. Генерал-губернаторство делилось на четыре дистрикта: Варшавский, Люблинский, Краковский и Радомский, включавшие в себя 56 сельских и 7 городских уездов. Территория и население отдельных дистриктов генерал-губернаторства на 1 июня 1940 г., по данным немецкого журнала «Хозяйство и статистика», составляли:

Дистрикты	Территория в кв. км	Население
Краков	26003	3363010
Люблин	26560	2328062
Радом	24431	2881806
Варшава	16877	3234540
Всего:	98871	12107418

С началом советско-германской войны и продвижением немецких войск по Советской Украине Гитлер решил присоединить к генерал-губернаторству четыре области в южной части Западной Украины, так называемую Галицию.

В директиве Франка от 1 августа 1941 г. было сказано, что на основании распоряжений Гитлера от 17 и 22 июля 1941 г. гражданское управление Галицией переходит к администрации генерал-губернаторства. Официальным языком в Галиции вводится немецкий, но разрешается употребление украинского и польского. Губернатором дистрикта Галиция 1 августа 1941 г. был назначен бывший радомский губернатор К.Лаш, начальником СС и полиции — группенфюрер СС Ф.Кацман. Несколько позднее, в сентябре 1941 г. Гитлер решил присоединить Белостокскую область к Восточной Пруссии в качестве самостоятельного Белостокского дистрикта.

В марте 1943 г. после разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, когда по всей Германии и оккупированным ею странам были объявлены «тотальная мобилизация» и режим максимальной экономии во всем, в генерал-губернаторстве был также разработан проект некоторого упрощения оккупационных органов. Предполагалось, что вместо пяти будет создано три дистрикта, причем Галиция и Краков составят один дистрикт с центром во Львове, а территория ликвидированного Варшавского дистрикта будет распределена между Радомом и Люблином. Город Варшаву предполагалось подчинить непосредственно правительству генерал-губернаторства[18].

Гиммлер во время своего посещения Кракова в мае 1944 г. для успокоения правителей генерал-губернаторства заверил их, что если вермахту удастся снова занять Волынь, Подолию и другие советские территории, то он предложит фюреру включить их в генерал-губернаторство. Однако эти мечты остались лишь мечтами, ибо несколько месяцев спустя советские войска вышли на Вислу, а в январе 1945 г. гитлеровскому генерал-губернаторству вообще пришел конец.

Принципиальная структура органов управления генерал-губернаторства после их создания 25 октября 1939 г. на протяжении всех лет оккупации не претерпела существенных изменений. Генерал-губернатор обладал всей полнотой законодательной и исполнительной власти и подчинялся непосредственно Гитлеру. Высшим органом исполнительной власти вначале было управление генерал-губернатора, а с 1 декабря 1940 г. — так называемое «правительство» генерал-губернаторства. Его главой все годы был И.Бюллер, который в феврале 1940 г. получил и титул статс-секретаря. С мая того же года, после назначения заместителя Франка Зейсс-Инкварта имперским комиссаром в Нидерланды, Бюллер стал и заместителем генерал-губернатора.

Правительство состояло из 12 управлений, переименованных в марте 1941 г. в главные управления, а также из ряда специализированных учреждений (эмиссионного банка, контрольной комиссии и т.д.). Руководителям главных управлений был присвоен титул «президентов». Главные управления в свою очередь делились на отделы и секторы. При правительстве генерал-губернаторства существовал не подчиненный ему институт уполномоченных, представлявших интересы различных высших инстанций Германии — имперского начальника СС и полиции, начальника полиции охраны порядка, начальника полиции безопасности и т.д. Кроме того, в Кракове находились представители Министерства иностранных дел Германии, заместителя фюрера, центрального руководства гитлерюгенда, германского Красного Креста и начальника имперской канцелярии.

Основными отделами управления генерал-губернаторства были отделы права, планирования, экономики, кадров, внутренних дел, сельского хозяйства, образования, науки и здравоохранения. Особое положение в генерал-губернаторстве занимал фюрер партийной организации. Вначале им был сам Франк, но позже по его просьбе он был освобожден от этой должности, и руководителем партийной организации НСДАП генерал-губернаторства стал А.Шталь. Второй инстанцией административной структуры генерал-губернаторства были четыре дистрикта — Краков, Варшава, Люблин и Радом. Во главе каждого стоял начальник, действовавший от имени генерал-губернатора. Третьей инстанцией были 56 уездов во главе с уездными начальниками.

В составе оккупационной администрации в Польше собрался «цвет» немецкого преступного мира. В интервью, данном газете «Вестдойчер беобахтер» 11 февраля 1940 г., генерал-губернатор Г.Франк заявил, что его не интересует прошлое того чиновника, который прибыл на службу в генерал-губернаторство.

В Германии было принято, что если немец совершает преступление, не влекущее за собой длительного тюремного заключения, то в его паспорте или в трудовой книжке ставится штамп: «Пригоден для службы только в Польше».

В мае 1940 г. Франк уже более определенно формулирует мысль о задачах оккупационных органов по германизации Польши в два этапа: сперва германизации будут подвержены аннексированные земли, а затем и генерал-губернаторство. С июля 1940 г. после новых успехов вермахта в Западной Европе в гитлеровской пропаганде все чаще говорилось о генерал-губернаторстве как об «окраине германского рейха». С этого же времени и в последующие годы происходила некоторая реорганизация структуры управления в генерал-губернаторстве. На совещании с Франком 8 июля 1940 г. Гитлер отметил, что он решил уточнить название генерал-губернаторства и назвать его «германское генерал-губернаторство "Польша"» или просто «генерал-губернаторство». Причем он предупредил, что речь идет не просто о формальном изменении названия: «Новое название должно стать свидетельством того факта, что генерал-губернаторство есть и всегда будет важной составной частью империи»[19]. В тот же день было решено изменить название «генерал-губернаторство для оккупированных польских областей», оставив только «генерал-губернаторство». Это было предпринято для того, чтобы даже в названии исчезло какое-либо упоминание о Польше. На основании указа Гитлера Франк 31 июля 1940 г. издал соответствующую директиву.

В связи с образованием правительства генерал-губернаторства прежние начальники стали губернаторами соответствующих дистриктов. При каждом губернаторе дистрикта существовало управление, во главе которого стоял начальник, одновременно являвшийся заместителем губернатора. Дистрикты в свою очередь делились на повяты — сельские и городские во главе с повятовыми начальниками. Городами, не являвшимися центрами повятов, управляли городские комиссары.

Следует иметь в виду, что границы этих повятов не совпадали с предвоенными. Губернаторов дистриктов и повятовых начальников назначал лично Франк и только из имперских немцев, но в повятах начальниками могли быть и местные немцы. В селах и городах оставались также польские бургомистры и войты, назначаемые губернатором дистрикта или генерал-губернатором. Однако и здесь оккупационные власти старались назначать местного немца. На особом положении были Варшава и Краков. В этих городах соответствующие губернаторы для контроля за деятельностью польских городских властей назначали специальных уполномоченных.

Завершив реорганизацию административных органов, Франк с удовлетворением заявил, что с середины 1940 г. Польшу нельзя, мол, считать оккупированной страной, потому что генерал-губернаторство уже является составной частью Великогерманской империи. В статье главы так называемого правительства генерал-губернаторства Бюллера, опубликованной в «Кракауэр цайтунг» 5 июля 1941 г., появился новый термин «Германское генерал-губернаторство».

Несмотря на то, что с 25 октября 1939 г., как уже упоминалось, вся гражданская власть была изъята из ведения командования вермахта и передана генерал-губернатору, все же германские вооруженные силы на территории Польши составляли важный элемент оккупационного режима. Многочисленные факты подтверждают, что войска вермахта участвовали не только в крупных, но и во многих других карательных операциях против польских патриотов. Поэтому вопреки утверждениям некоторых современных авторов, пытающихся отрицать участие вермахта в осуществлении оккупационной политики, он все же, наряду с другими карательными органами, несет полную ответственность за зверства и бесчинства в отношении польского народа.

Тактика польских коллаборационистов, проживавших в западных областях Украины, в частности на Волыни и Подолии, Главным управлением государственной безопасности Германии характеризовалась следующим образом.

В одном из документов утверждалось, что население обеих областей в 1942 г. составляло около 4630 тыс. человек, из них поляков проживало около 465 тыс. и евреев - 326 тыс. С помощью немцев поляки стремятся захватить здесь ключевые позиции, с тем чтобы после поражения Германии создать «великую Польшу». С этой целью они действуют по следующим направлениям:

— сотрудничая в немецких органах, добиваться их доверия и влиять на них в интересах польского населения;

— каждый поляк стремится устроить другого поляка там, где ему самому удалось это сделать;

— настраивать немецкие оккупационные органы на украинцев и белорусов, а тех, в свою очередь, — против немцев.

Поляки на Волыни поставляют главный контингент служащих для немецкой администрации из местного населения. Особо опасную роль они играют в роли переводчиков, ибо часто неправильно и неадекватно переводят.

Значительным влиянием на Волыни пользуется католическая церковь, которая является носителем шовинистической политики поляков. Почти все сельские католические священники являются духовными руководителями польского Сопротивления[20].

В последующий период войны Гитлер был так уверен в победе, что в сентябре 1942 г. распорядился создать на территории генерал-губернаторства обычный военный округ, какие существовали в собственно Германии. Это лишний раз свидетельствовало о том, что генерал-губернаторство он рассматривал как неотъемлемую часть рейха. Кроме нескольких оберфельдкомендатур командующий этим военным округом генерала Хенике располагал также двумя резервными дивизиями и рядом других воинских частей. Во второй половине 1944 г. в связи со вступлением советских войск на территорию Польши генерал-губернаторство было объявлено тыловыми районами групп армий «Центр» и «Северная Украина» (с августа 1944 г. — «А»).

После неслыханных поражений вермахта в 1943 г. под Сталинградом и Курском, а также неудач в Северной Африке и высадки англо-американских союзников в Италии гитлеровская клика потеряла былую самоуверенность. Она вынуждена была признавать, что одна лишь Германия не в состоянии противостоять Советскому Союзу и его союзникам. Поэтому была предпринята шумная пропагандистская кампания, имевшая целью запугать народы Европы угрозой большевизма, призывая их к «крестовому походу» против него.

Чтобы привлечь к этому походу и польский народ, гитлеровцы вынуждены были, не отказываясь от своих стратегических целей, в отношении Польши несколько изменить тактику. На этом перед Гитлером особенно настаивал Франк, ибо на месте ему было виднее. Однако Гитлер, Борман и Гиммлер неохотно шли на уступки.

Через несколько дней после поражения гитлеровцев под Сталинградом Геббельс 15 февраля 1943 г. издал директиву, в которой предлагал несколько изменить методы обращения с народами, живущими за пределами Германии. На заседании правительства генерал-губернаторства 20 апреля 1943 г. также раздавались голоса о необходимости менее жесткого отношения к полякам. В мае 1943 г. Франк беседовал лично с Гитлером, который, однако, отверг соответствующее предложение генерал-губернатора. Тем не менее к работе в различных административных органах стали чаще привлекаться поляки и украинцы. Конечно, гитлеровским оккупантам невозможно было управлять многомиллионной страной без участия в какой-либо мере представителей самого польского населения. Так, еще с февраля 1940 г. в генерал-губернаторстве существовал польский Главный опекунский совет, призванный быть связывающим звеном между оккупационными органами и польским населением. В повятах совет имел местные комитеты, которые, однако, никакими правами не пользвались[21].

К апрелю 1941 г. в различных административных органах работало 40 тыс. польских чиновников, полицейских — 11 тыс., на железной дороге — 10 тыс. человек и т.д. Всего же в генерал-губернаторстве было занято около 130 тыс. польских чиновников и служащих[22]. Оккупационные власти даже рискнули выдать некоторым полякам и украинцам оружие. По данным начальника полиции порядка генерал-губернаторства генерала Бекера, к концу ноября 1942 г. помимо почти 12 тыс. немецких здесь было 12 тыс. польских и до 1800 украинских полицейских. В отрядах особой службы также находилось около 3 тыс. поляков и украинцев. В отрядах полиции безопасности, по данным ее начальника оберфюрера СС Шейнегарта, кроме 2 тыс. немцев состояло и около 3 тыс. поляков[23].

Как-то Франк похвалялся, что немногочисленным немецким господам приходится во враждебном генерал-губернаторстве весьма трудно. Ведь порядок на территории повята в 4 тыс. кв. км поддерживают только 40—45 немецких жандармов. Поэтому, говорил

Франк, власти вынуждены прибегнуть к созданию польской и украинской полиции. По этому вопросу Франк весной 1943 г. обратился со специальным письмом к начальнику имперской канцелярии Г.Г.Ламмерсу. Затем 7 мая 1943 г. он снова имел продолжительную беседу с Гитлером. Генерал-губернатор предлагал воспользоваться разрывом дипломатических отношений между Советским Союзом и польским эмигрантским правительством, чтобы привлечь польский народ к борьбе против СССР. Он заклинал, что подобного благоприятного случая, возможно, более и не представится. Однако Гитлер был непреклонен.

О каком же разрыве дипломатических отношений между Советским Союзом и польским эмигрантским правительством шла речь?

Дело в том, что в ходе советской военной акции против Польши, предпринятой по согласованию с Германией 17 сентября 1939 г., было взято в плен или интернировано более 230 тыс. солдат и офицеров. Подавляющее большинство офицеров было из числа интеллигенции, учителей, врачей, служащих, пограничной охраны. Мобилизованные в начале войны в основном в районах Восточной Польши, они фактически не успели принять участия в боевых действиях.

К марту 1940 г. в советских лагерях их оказалось, как явствует из доклада Берии Сталину, 14736 человек. Кроме них в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии содержалось 8 тыс. узников разных национальностей и 10685 поляков. Наиболее крупные лагеря для военнопленных польских офицеров находились в Козельске, Осташково и Старобельске.

Весной 1940 г. в среде польской общественности прошли слухи о том, что эти лагеря закрыты, а их узники вывезены в неизвестном направлении. Три года спустя на оккупированной территории Смоленщины в Катынском лесу немцы с помощью местных жителей обнаружили массовые захоронения. Созданная ими комиссия экспертов после вскрытия могил опубликовала заключение. Из него следовало, что в апреле — мае 1940 г. несколько тысяч польских офицеров, привезенных преимущественно из Козельского лагеря, были расстреляны органами НКВД.

Заключение комиссии содержало столь убедительные доказательства виновности советских властей, что в Польше и во многих других странах обеих воевавших коалиций оно вызвало сильное волнение. Советское правительство категорически отрицало свою причастность к этому преступлению, обвинив во всем немецкие оккупационные власти. Более того, оно обвинило также польское эмигрантское правительство, находившееся в Лондоне, в преднамеренной провокации. В послевоенные годы, особенно после смерти Сталина, партия и сменявшие друг друга правители Советского Союза разоблачали многие преступления сталинизма. В лучшем случае они обвиняли в этих преступлениях одного Берию. Но тема Катыни в СССР находилась под постоянным и довольно жестким табу, хотя в Польше и в других странах она широко дискутировалась. Польское правительство категорически требовало от Москвы дать определенное разъяснение по этому вопросу.

Лишь в 1989—1990 гг. советские историки и публицисты — Н.С.Лебедева, Ю.Н.Зоря, А.С.Парсаданова, В.К.Абаринов, А.С.Прокопенко, М.И.Семиряга, И.С.Яжборовская и др. — при поддержке некоторых работников КГБ и военной прокуратуры ознакомили советскую и мировую общественность с подлинной, к сожалению, пока еще не полностью раскрытой историей катынского дела.

Обнаруженные в последнее время в архивах НКВД и КГБ документы подтвердили версию о виновности советских властей в катынской трагедии. Но в ходе расследования часто возникало сомнение, посмел бы Берия самостоятельно решить судьбу свыше 20 тыс. польских офицеров без ведома Сталина и других высших партийных руководителей. Мы также не могли объяснить, зачем бериевским палачам понадобилось физически уничтожать безоружных польских офицеров, которые к тому времени не представляли для СССР никакой опасности.

Чтобы ответить на эти вопросы, нам не хватало документов ЦК партии, которые, как ныне известно, хранились в специальном архиве и в специальной папке за семью печатями. Не имея тогда опубликованных документов, нам трудно было даже представить себе мотивацию этого преступного решения. Катынское дело нанесло серьезный ущерб отношениям между народами Польши и Советского Союза.

Обосновывая свою новую тактику применительно к полякам, Франк в декабре 1943 г. объяснил, что, пока продолжается война, немцам выгоднее не морить поляков голодом, а заставить их работать. Из этих же соображений не следует предпринимать их массовые выселения[24].

Не от хорошей жизни Франк в своем выступлении перед представителями печати от 8 февраля 1944 г. счел нужным в самом благоприятном свете представить культурную жизнь в генерал-губернаторстве. Он, например, упомянул, что в 13500 народных школах занято 33 тыс. учителей, что в его «империи» действует 207 профессиональных, 134 церковных и 154 торговых школы и германские власти даже предполагают создать музей Шопена, чего даже панская Польша не сделала за 20 лет. Далее гитлеровский генерал-губернатор сообщил об издании 9 ежедневных газет тиражом в 700 тыс. экземпляров, 34 журналов общим тиражом около 1500 тыс. экземпляров и т.д. Все эти данные действительно выглядели внушительно, но Франк не упомянул главного: они преимущественно относились не столько к польскому, сколько к немецкому населению генерал-губернаторства.

Признавая, однако, необходимость некоторого изменения своего отношения к польскому населению, гитлеровцы не собирались делать ему серьезных уступок. Они считали свою либеральную политику временным явлением и опасались, как выразился в июне 1943 г. губернатор Варшавского дистрикта Фишер, что «поляки

воспримут ее как нашу слабость»[25]. Подлинную цель некоторой «либерализации» жизни в генерал-губернаторстве раскрыл сам Франк в интервью представителями немецкой печати в октябре 1943 г. Он сказал тогда: «Общее изменение системы в отношении поляков мы вводили не в их, а в наших собственных интересах»[26].

Еще 24 октября 1943 г. по случаю 4-летия существования генерал-губернаторства на торжества во дворец Вавель Франк впервые пригласил представителей Центрального украинского комитета и польского Главного опекунского совета, дав этим жестом понять, что он желает примирения с поляками и украинцами. Главное управление имперской безопасности в директиве от 20 сентября 1943 г. за подписью О.Олендорфа специально сочло необходимым напомнить всем немецким органам о том, чтобы в отношениях к полякам, проживающим как в присоединенных областях и в генерал-губернаторстве, так и находящимся в качестве рабочей силы в Германии, придерживаться дифференцированного подхода.

С середины 1943 г. гитлеровцы предприняли среди поляков антисоветскую кампанию под кодовым наименованием «Берта». В основе этой кампании лежал тезис, что якобы «главным врагом поляков является не Германия, а Советский Союз». Принимая у себя в июле 1943 г. представителей польского Главного опекунского совета, Франк заверил их, что немецкая политика в отношении поляков будет изменена к лучшему и что он хотел бы разговаривать с ними как «европеец с европейцами»[27]. Наблюдавший всю эту кампанию «примирения» польский журналист А.Ландау так описал ее в своей изданной после войны «Хронике войны и оккупации»: «Сегодня в Варшаве вызвало сенсацию разбрасывание с самолетов... немецких листовок. В листовке под названием "Поговорим искренне" говорилось об угрозе как для Польши, так и для Европы со стороны большевиков... горячо опровергались слухи о намерении гитлеровцев уничтожить какой-либо народ (а значит и польский)...»[28]

Многие другие факты свидетельствовали о том, что с 1943 г. под влиянием событий на восточном фронте Франк действительно несколько изменил свою тактику в генерал-губернаторстве. Если в 1941—1942 гг. оккупанты повсеместно отбирали землю у тех поляков, кто не выполнял хлебных «контингентов», то с 1943 г. и особенно в 1944 г. они мирились с невыполнением их даже до 70%. Если в 1941 г. оккупанты закрывали все польские учебные заведения, то с 1943 г. они взяли на бюджет генерал-губернаторства зарплату сельских учителей, но все прочие расходы на просвещение по-прежнему возлагались на само население. Если в 1941 г. оккупанты вовсе не интересовались культурной жизнью польского населения, то после поражения в Курской битве вдруг решили издавать для него несколько газет и журналов[29].

В конце 1943 г. — начале 1944 г. оккупационные власти вновь усилили среди поляков антисоветскую пропаганду. Они рассчитывали не только изменить свою тактику в отношении поляков, но и

привлечь их к активной борьбе против Советского Союза. Для этого в рамках акции «Берта» предполагалось в пропагандистских целях использовать видных политических и государственных деятелей довоенной Польши. Эта акция должна была привести к образованию «Антибольшевистской лиги», которая сотрудничала бы с оккупантами в борьбе против Советского Союза и коммунизма[30].

Германские власти считали, что позитивный отзвук среди польского населения должно иметь предполагавшееся открытие польских театров. Для ведения пропаганды среди проживавших в Польше украинцев в Кенигсберге был создан специальный радиопередатчик. В ходе этой кампании в начале 1944 г. общее управление правительства генерал-губернаторства издало 12 млн брошюр и около 20 млн листовок[31]. Выступая на одном из совещаний в июне 1944 г. начальник этого управления В.Оленбуш предложил, чтобы вместо унизительного знака «Р», который носили польские рабочие в Германии, установить новый отличительный знак. Он далее указал на нелогичность того положения, при котором служащие в вермахте, так называемые «вспомогательные добровольцы», считавшиеся с расовой точки зрения «недочеловеками», пользовались многими такими привилегиями, которых не имели поляки[32].

Предложения Оленбуша были приняты во внимание, и некоторое изменение отношения к полякам из-за тактических соображений в начале 1944 г. было распространено и на польских рабочих в Германии. Так, например, 10 марта 1944 г. Гиммлер подписал директиву, в которой отмечал, что в рейхе наблюдаются случаи, когда «определенные плакаты или объявления составляются одновременно как для евреев и цыган, так и для поляков. Это противоречит принципу дифференцированного подхода к этим национальным группам как в настоящее время, так и в будущем. Что касается евреев и цыган, то они изолируются и им запрещается заниматься какой-либо общественной деятельностью. Применительно к полякам из политических соображений необходимо придерживаться определенных уступок». Однако на этом же документе лично Гиммлер дописал: «Обращаю внимание, что настоящее указание не отменяет всех предыдущих директив по этому вопросу».

6 февраля 1944 г. Франк записал в своем дневнике, что во время недавней встречи с Гитлером обсуждался вопрос о более активном привлечении поляков к войне против Советского Союза, в частности в виде создания польских легионов. Однако Гитлер запретил впредь составлять подобные планы, ибо он не хочет иметь новой пилсудчиковской армии наподобие созданной в Первой мировой войне немцами и австрийцами, но которая вскоре воевала против них же. Пусть лучше поляки работают, заявил фюрер[33].

Неизбежность нового тактического подхода к польской проблеме в кругах генерал-губернатора стала снова дискутироваться в середине 1944 г., когда на польскую землю вступили советские войска. В такой тревожной для него обстановке Франк написал пространное письмо начальнику главного управления имперской без-

опасности Э.Кальтенбруннеру. Генерал-губернатор призывал его в интересах Германии хотя бы формально признать польский народ «членом европейской семьи народов» и пообещать ему какую-либо форму самоуправления, разумеется, под немецким контролем. В ответном письме Кальтенбруннер поучал Франка быть «принципиальным» и не поддаваться паническим настроениям.

В сентябре 1944 г., когда шли ожесточенные бои с варшавскими повстанцами, Франк снова обсуждал вопрос о некоторых уступках полякам. Так, предполагалось, чтобы войтов наделить не формальными, а действительными административными функциями, планировалось также, чтобы каждый повят мог выделить по одному войту в качестве представителя Польского национального комитета при старостах. Этот «главный войт» повята мог бы наблюдать за польским судопроизводством, сбором налогов и деятельностью сельской администрации. При обсуждении этих вопросов генерал-губернатор как-то заявил, что «если бы эта администрация сдала свой экзамен, то фюрер после победоносного завершения войны наверняка предоставил бы полякам автономию». Участвовавший в таком обсуждении представитель Министерства иностранных дел в генерал-губернаторстве Г.Шумбург заметил, что реализация подобной тактики показала бы за границей, что немцы — это не «тоталитарные захватчики, а организаторы такой административной системы, в рамках которой установлено справедливое обращение с побежденным народом».

Некоторое время спустя правительство генерал-губернаторства внесло в Берлин официальное предложение об участии польских представителей в управлении генерал-губернаторством. В частности, предлагалось в качестве совещательного органа при правительстве генерал-губернаторства учредить назначаемый польский совет в составе 30 человек, в дистриктах — дистриктные советы по 12 – 20 человек, в селах — сельские советы по 4 – 60 человек и в городах — городские советы по 8 – 24 человека.

В новом ответном письме Кальтенбруннер, выражая мнение и других руководителей рейха, сообщал, что привлечение поляков к управлению нежелательно по следующим причинам: во-первых, в тысячелетней борьбе между немецким и польским народами ответственность за войны всегда ложилась на поляков. Они также виновны в уничтожении десятков тысяч местных немцев в сентябре 1939 г.; во-вторых, смешение поляков и немцев недопустимо, т.к. большая часть польского народа является биологически низшей расой; в-третьих, следует учитывать тот факт, что часть Польши включена в состав рейха, и, в-четвертых, война скоро закончится, и эта проблема сама собой отпадет.

В результате длительных обсуждений было решено все же пойти на некоторые уступки полякам. В сентябре 1944 г. Франк разрешил деятельность польских судов — местных, окружных и апелляционных, но в состав верховного суда поляки по-прежнему не допускались. Под контролем немецких комиссаров разрешалась

деятельность коллегии польских адвокатов. С конца 1944 г. несколько расширилось издание газет на польском языке. В ответ на провозглашение в Люблине Польского комитета национального освобождения Франк выдвинул идею создания Польского национального комитета, но известные довоенные польские политические деятели, с которыми велись соответствующие переговоры, отказывались от сотрудничества с немцами.

Пока шла дискуссия в верхах обстановка в генерал-губернаторстве все больше накалялась, и оккупанты вынуждены были принимать соответствующие меры. Если раньше им было безразлично, эффективна ли среди польского населения немецкая пропаганда, то теперь они были прямо заинтересованы в направленности и расширении этой пропаганды пусть даже на польском языке. Для поляков были шире раскрыты двери кинотеатров, где, конечно, демонстрировались фильмы только немецкого производства. В генерал-губернаторстве действовало тогда 25 немецких кинотеатров, 61 польский, 4 украинских и 190 смешанных.

Со вступлением советских войск на территорию Польши оккупационные власти охватила растерянность. Франк 18 августа 1944 г. панически доносил в Берлин, что авторитет его администрации полностью упал, и предложил ликвидировать генерал-губернаторство. Он не в состоянии был владеть обстановкой. На это же неоднократно жаловался в своих письмах в августе 1944 г. Борману, Гиммлеру и Геббельсу и гаулейтер соседнего Варталанда А.Грейзер. Так, в письме от 16 августа он подчеркивал, что однажды Франк на пресс-конференции заявил, что в генерал-губернаторстве все спокойно и что якобы польское население позитивно относится к мероприятиям оккупационных властей. «Это было сказано, — продолжал Грейзер, — в то время, когда не только партизанская война перекинулась с Востока в генерал-губернаторство, но и значительно активизировались убийства, грабежи и нападения в самом генерал-губернаторстве. Более того, отдельные банды убивают и грабят в восточных районах моей гау». Далее Грейзер обвинял немецких чиновников генерал-губернаторства в коррупции, в беспомощности, в паническом бегстве немецкого населения в Германию и в других грехах.

Польские антифашисты активно разоблачали «либерализацию» оккупационного режима как коварную тактику гитлеровцев. Население Польши восторженно встречало Советскую Армию, Народное Войско Польское и всемерно помогало им. Специфическая особенность раздела территории Польши в 1939 г. и управления ею состояла в том, что в этой преступной акции принял участие вместе с Германией и Советский Союз. Как известно, 23 августа 1939 г. Молотов и Риббентроп подписали договор о ненападении между СССР и Германией, а 28 сентября 1939 г. — соглашение о разделе Польши. Этими документами и была решена судьба этой страны. К Советскому Союзу отошли территории западных областей Украины и Белоруссии. После окончания войны граница между восстанов-

ленной Польшей и Советским Союзом была несколько откорректирована в пользу Польши.

Длительное время яблоком раздора между Германией и Литвой была Клайпеда, или так называемая Мемельская область, на которую постоянно претендовали немецкие реваншисты. Территория этой области составляла 2657 кв. км. На ней в 1925 г. проживало 142483 человека, из них половина считала родным языком немецкий, другая половина — литовский. 22 марта 1939 г. войска вермахта вторглись в Клайпеду, и гаранты статуса этого города — Англия и Франция — не протестовали. Литовское правительство, не имея поддержки со стороны западных держав, согласилось с этим агрессивным актом Гитлера.

Раздел Чехословакии

Чехословакия была разделена на пять частей. Северные районы аннексированных Чешских земель, примыкавших непосредственно к Германии, именовались «Судетенландом». Основой для его административного деления и управления стал указ Гитлера от 1 октября 1938 г. «Об управлении Судето-немецкой областью». Территория Судетской области была включена в состав Германии в качестве имперского округа и разделена на 3 административных округа с 5 городами и 52 сельскими районами, которые соответствовали 40 партийным районам. Остальные приграничные чешские районы были присоединены к соответствующим округам в Австрии и к Силезии на территории Польши.

В целом к началу 1939 г. Германия присоединила приграничные чешские области площадью более 28 тыс. кв. км, т.е. 20% территории Чехословакии, с населением около 4 млн человек, или 26% населения страны, из них около 1 млн человек составляли чехи и словаки.

На большей части Чешских земель был создан так называемый «протекторат Богемия и Моравия». Его территория составляла 49 тыс. кв. км с населением 6800 тыс. человек.

В момент Мюнхенского сговора территориальные претензии к Чехословакии предъявили и правящие круги Польши. 30 сентября 1938 г. Чехословакия вынуждена была согласиться передать Польше районы чешского Тешина и Заользя (Фриштата) общей площадью 800 кв. км и населением 200 тыс. человек.

С поражением Польши была автоматически снята с повестки дня и тешинская проблема. В начале октября 1939 г., когда встал вопрос о судьбе Тешинского района, правительство протектората при поддержке протектора К. фон Нейрата предъявило на него свои претензии. Однако Гитлер по рекомендации МИД и Гиммлера решил по-иному. В соответствии с германо-словацким договором от 21 ноября 1939 г. часть территории, захваченной Польшей, была снова возвращена Словакии.

Чтобы и дальше обострять отношения между польским и словацким народами, Гитлер так расщедрился за чужой счет, что предложил Тисо занять даже польский город Закопане, но в данном случае Тисо проявил редкое благоразумие и отказался от этой подачки, после чего район Заользя сперва был включен в состав генерал-губернаторства, а позже присоединен непосредственно к Германии. Жители этого района, которые именовались «шлензаками», автоматически объявлялись германскими подданными и поэтому с 1940 г. мобилизовывались в вермахт. Тем не менее в годы войны Гитлер так и не принял «окончательного решения» о судьбе района Заользя. И в этом случае он оставался верен своей тактике: чтобы властвовать над народами, нужно их разделять. В мае 1945 г. после освобождения Заользе было снова возвращено Чехословакии.

Для решения венгерских территориальных претензий к Чехословакии 2 ноября 1938 г. в Вене был устроен так называемый «арбитраж» Риббентропа и Чиано. «Арбитры» не посчитались с мнением чехословацкой стороны, хотя формально и заслушали представителей делегаций как Венгрии, так и Чехословакии. Все было предрешено заранее.

Вечером Риббентропом было зачитано следующее решение вопроса: передать Венгрии чехословацкую территорию в 12051 кв. км с населением в 1060 тыс. человек, т.е. больше, на что соглашалась Чехословакия, но несколько меньше требуемого Венгрией. Из них 10528 кв. км составляли территорию Словакии, остальная территория принадлежала Закарпатской Украине. Словацкие города Братислава и Нитра и карпато-украинский город Севлюш остались за Чехословакией. К Венгрии же отошли города и районы Нове Замки, Рожнява, Левице, Лученец, Римавска Собота, Кошице, Ужгород, Мукачево и Берегово, т.е. районы, которые во времена австро-венгерской монархии составляли так называемую Верхнюю Венгрию.

Решение венского арбитража явилось грубым нарушением этнического принципа, торжественно провозглашенного самими арбитрами еще в Мюнхене, а затем подтвержденного ими же в Вене. Подлинная причина согласия Гитлера передать Восточную Словакию со 600 тыс. словаков Венгрии объясняется не этническими, а политическими соображениями: он надеялся, что ему удастся теснее связать хортистскую Венгрию с осуществлением германских планов проникновения в страны Центральной и Юго-Восточной Европы.

3 ноября 1938 г. началось занятие хортистскими войсками территорий Восточной Словакии и южной части Закарпатской Украины. Оно сопровождалось выселением с занимаемых земель от 50 тыс. до 100 тыс. словаков и чехов. Вместе с тем на территории Словакии оставалось 67 — 80 тыс. венгров.

В это время Хорти усилил военные и дипломатические приготовления и для занятия всей Закарпатской Украины. Соответствующие меры были разработаны 6 ноября на заседании правительства с участием регента. На следующий день с целью заручиться поддержкой Гитлера ему было направлено письмо, в котором сооб-

щалось о готовности Венгрии «немедленно реализовать данные ей в Мюнхене обещания» относительно Закарпатской Украины. В последующие дни хортисты на различных уровнях пытались убедить представителей Гитлера в необходимости такого шага.

Однако в то время Германия все же помешала хортистской Венгрии проглотить всю область. Этот важный антисоветский плацдарм гитлеровцы решили сохранить для себя, но пока временно наряду с Чешскими землями и Словакией большая часть Закарпатской Украины по-прежнему оставалась в составе Чехословакии.

Лишь 14 марта 1939 г. с согласия Гитлера через три часа после провозглашения «независимого» Словацкого государства хортистские войска вступили в остальную часть Закарпатской Украины. Официальная версия причин этого нового агрессивного акта гласила, что хортистские войска вступили в эту область по просьбе украинского населения и его руководителей, чтобы предотвратить анархию и обеспечить «самоопределение». Кроме того, к 23 марта хортисты захватили небольшую территорию Восточной Словакии (1697 кв. км с населением в 70 тыс. человек). Их дальнейшее продвижение внутрь Словакии за так называемую «линию Бенеша 1920 г.» было приостановлено немцами, которые именно в этот день 23 марта объявили до того считавшийся секретным германо-словацкий «Охранный договор». Венгерские захваты в Словакии были оформлены в Будапеште протоколом словацко-венгерской пограничной комиссии от 4 апреля 1939 г.

Таким образом, в результате двух агрессивных актов в октябре 1938 г. и марте 1939 г. хортистская Венгрия при покровительстве Гитлера оккупировала всю Закарпатскую Украину площадью в 11094 кв. км с населением 550 тыс. человек и Восточную Словакию. На словацкой территории, захваченной хортистами в 1938 и 1939 гг., по переписи 1930 г., проживало 901963 человек, из них чехословацких (словацких) граждан было 874054 и иностранцев — 27909 человек.

В конечном счете после территориальных отторжений в пользу Венгрии провозглашенное 14 марта 1939 г. «независимое Словацкое государство» сохранило за собой территорию в 38 тыс. кв. км с населением 2600 тыс. человек.

В целом в результате Мюнхенского соглашения, венского арбитража от ноября 1938 г. и последующих отторжений Чехословакия потеряла:

Отошло	Население		Территория	
	численность	в %	в кв. км	в %
к Германии	3800 тыс.	26	28200	20
к Польше	227 тыс.	1,5	805	0,6
к Венгрии	972 тыс.	6,6	около 12000	8,4
Всего	5 млн	34	41000	29

Раздел Югославии

В течение некоторого времени после начала Второй мировой войны Югославии удавалось держаться в стороне. Однако было очевидным, что такое состояние долго не сохранится. На ее западных границах шли бои между итальянскими и греческими войсками. Из-за аншлюса Австрии была образована общая германо-югославская граница, что еще больше усилило угрозу агрессии Германии против Югославии. На востоке и северо-востоке Болгария, Румыния и Венгрия все активнее включались в зону германского влияния. На их территории концентрировались немецко-фашистские войска.

Внутри Югославии поощряемые Германией, Италией и Болгарией активизировались сепаратисты, выступавшие за ликвидацию югославского государства как единого целого и за создание «независимых» Хорватии, Македонии, Словении и т.д. Подняли голову и многочисленные немецкие колонисты, которые при поддержке Германии требовали для себя особых привилегий, недопустимых в любом суверенном государстве.

Подчинив себе всю Западную Европу, гитлеровская Германия перед нападением на Советский Союз сочла необходимым обеспечить себе и балканский тыл. Тем более что в войне с Грецией Италия терпела позорные поражения.

В Берлине и Риме решили, что самым радикальным средством держать в повиновении югославские народы является территориальный раздел страны, используя для этого сепаратистские устремления отдельных югославских политических группировок. Так, еще до полной оккупации Югославии Гитлер и Муссолини решили Хорватию объявить «независимым» государством, а остальные области разделить между победителями. Германия аннексировала северную Словению и взяла под свой непосредственный контроль Сербию. Италии были выделены южная часть Словении, Черногория, часть Хорватского Приморья и ряд других территорий. К хортистской Венгрии отошли районы Бачка, Баранья, Междумурье и Прекомурье, а к Болгарии — Македония.

Что же касается судьбы Хорватии, где коллаборационистские и сепаратистские тенденции были особенно сильны, то еще 27 марта 1941 г. на одном из военных совещаний Гитлер предложил дать хорватам заверение в поддержке их сепаратизма, с тем чтобы «обострить политическую обстановку в Югославии» и облегчить ее завоевание. Хорти было предложено взять Хорватию как территорию бывшей Австро-Венгерской империи под свое покровительство, что, кстати, обеспечит Венгрии и выход к морю. Однако в Будапеште предпочли отказаться от этого заманчивого предложения. Этой же цели — внести разлад в единство югославского народа в момент немецкого вторжения — служило и обращение Гитлера по радио 6 апреля 1941 г. к немецкому народу.

Используя преимущество в военной мощи, Германия в течение нескольких дней заняла всю Югославию. 17 апреля 1941 г. полномочные представители югославского верховного командования в штабе 2-й немецкой армии в Белграде подписали акт о безоговорочной капитуляции. Тогда они еще не знали, что уже 3 апреля Кейтель разослал войскам директиву «Предварительные указания о разделе Югославии», в основу которой были положены указания Гитлера, изложенные выше. 18 апреля акт о капитуляции Югославии вступил в силу, а на следующий день границу Югославии перешли болгарские войска, занявшие территорию Македонии на западе до линии Пирот—Вране—Скопле, а на юге — до р. Вардар. В свою зону оккупации Междумурья несколько позднее вступили венгерские войска.

Для вывоза культурных ценностей из Югославии еще 6 апреля 1941 г. был создан оперативный штаб Розенберга во главе с оберштурмбанфюрером СА Г.Бергером, который до этого работал в аппарате самого Розенберга.

Два месяца спустя Бергер доносил из Загреба, что здесь 12 — 15 апреля им было сформировано самостоятельное бюро, а через несколько дней такое же бюро было создано и в Белграде. В соответствии с указаниями Розенберга сам Бергер с оперативными командами продвигался непосредственно за наступавшими войсками. Бергер специально доносил, что сразу же был установлен контакт с местными этническими немцами, которые во многом ему помогли. В донесении сообщается, что уже через несколько часов после занятия Белграда особая команда провела обыск в здании еврейского раввината, реквизировала здесь все ценные документы, однако главный раввин Югославии Исаак Алкалей успел бежать.

Еще накануне капитуляции Югославии Риббентроп пригласил Чиано в Вену для обсуждения вопроса о разделе Югославии. Он предварительно сообщил министру иностранных дел Италии о том, что Гитлер решил присоединить к Германии Северную Словению (без Любляны), а также области Штирию и Крайну, куда уже были назначены соответствующие гражданские комиссары. В отношении южной Словении и побережья Германия претензий не имеет, на что Муссолини немедленно предложил, чтобы Далмация находилась в итальянской сфере влияния. Он высказался за то, чтобы расширить территорию Албании, решить судьбу Черногории, установить границы Хорватии и определить, какую часть Югославии должны оккупировать Венгрия и Болгария.

Все последующие дни после Венской встречи 21 - 22 апреля оккупанты при активной поддержке югославских сепаратистов делили истерзанную Югославию. Германия уже успела аннексировать часть территории бывшей словенской Дунайской бановины общей площадью 11040 кв. км и населением 800 тыс. человек. Она была разделена на три административные единицы: район Межицы (площадью 360 кв. км и с население 20 тыс. человек) отошел к Каринтии; районы Крайна, Камник и некоторые другие (площадью

3480 кв. км и с насслением 180 тыс. человек) были присоединены к Крайнской области и наконец Словенская Штирия с городами Лютомар, Птуй, Марибор и др. (площадью 7200 кв. км и населением 600 тыс. человек) отошли к Нижней Штирии.

По немецко-хорватскому договору от 13 мая 1941 г. поглавник Анте Павелич, провозгласивший 10 апреля 1941 г. Независимое хорватское государство (Nezavisna Drzava Hrvatska – NDH), признал эту границу, хотя она и проходила всего в 20 км от Загреба. Югославский банат сперва был обещан Венгрии. Но через некоторое время, чтобы несколько смягчить недовольство Румынии, которой принадлежала другая часть баната, было решено оккупировать его немецкими войсками. Так, до конца оккупации югославская часть баната находилась в рамках военной администрации Сербии под особым немецким управлением, в котором активно участвовали и местные немцы.

При дележе Югославии выявились серьезные разногласия между Германией и Италией. Вопреки планам Гитлера Муссолини пожелал, чтобы не только Далмация, но и все Адриатическое побережье между Фиуме и Каттаро имели статус итальянского губернаторства. Существовали разногласия и в отношении влияния на Хорватию и о судьбе Боснии. Все это дало повод Чиано жаловаться на то, что немцы не так уж «незаинтересованы» в балканских делях, как об этом в свое время говорил Риббентроп.

В конечном счете зоны государственных интересов Германии и Италии в Югославии были определены 24 апреля 1941 г. специальной военной демаркационной линией, которая на севере начиналась у Самобора в Нижней Штирии, затем шла западнее Петриньа, Баня Лука, Яйце, Травника, в Боснии южнее Сараево и Рудо к северной границе Черногории. Немцам удалось добиться того, что важнейшие стратегические дороги и железнодорожные узлы (Загреб, Баня Лука, Сараево и др.) находились в немецкой зоне. Италия получила все Далматинское побережье и большинство островов общей площадью около 5400 кв. км с населением 380 тыс. человек.

7 июня 1941 г. с согласия Берлина Павелич договорился с местными оккупационными властями об установлении границы Хорватии с Сербией, а 27 октября был подписан хорватско-итальянский договор о границе с Черногорией. Само Независимое хорватское государство насчитывало 6 млн жителей и состояло из Хорватии и Словении, включая Сырмию, всю Боснию до Дрины и Герцеговины с частью Далматинского побережья общей площадью в 102 тыс. кв. км, т.е. $^{2}/_{5}$ территории довоенной Югославии.

Территория Хорватии, оккупированная немцами и итальянцами, Римским соглашением от 18 мая 1941 г. была разделена на три зоны: в первую входила Далмация с островами и Хорватским Приморьем — вся она была аннексирована Италией; вторая — простиралась от первой на север и также была оккупирована 2-й итальянской армией; третья зона была объявлена «демилитаризованной», где временно находились как итальянские, так и немецкие войска[34].

Однако несколько дней спустя итальянский официоз «Коррпере делла Сера» опубликовал сенсационную новость. Оказалось, что раздел Югославии и образование независимой Хорватии были предопределены еще в январе 1940 г., когда Павелич гостил в доме Чиано в Риме[35].

Районы Истрии с Трнестом, Юлийская Крайна, Река, Задра, Фиуме и несколько островов в Адриатическом море (кроме Нага, Брача и Хвара) 20 мая 1941 г. были также присоединены к Италии. Черногория была оккупирована, и ее губернатор подчинялся итальянской короне. Области Косово и Метохия и несколько пограничных сел Черногории были присоединены к Албании, провозглашенной «Великой Албанией» и находившейся с 3 июня 1941 г. в «личной и реальной унии» с Италией. Город Дубровник оставался в составе НХГ, а округ Каттаро получил особый статус.

В Словении южнее р. Сава Италия аннексировала территорию в 4550 кв. км с населением 336 тыс. человек, на которой декретом короля от 3 мая 1941 г. была образована «Люблянская провинция» с правом некоторой автономии. Югославские районы Прекумье от р. Мура, а также Баранья и Бачка, аннексированные Венгрией, составляли площадь в 1 тыс. кв. км и с населением 100 тыс. человек. Этот акт был одобрен венгерским парламентом 16 декабря 1941 г.

По соглашению от 21 апреля 1941 г. Македонию аннексировала Болгария. К ней же отошли сербские районы Вранъский и Пиротинский и небольшие территории северо-восточнее Заечара. В связи с переброской немецких войск на советско-германский фронт Гитлер 15 января 1942 г. передал болгарскому оккупационному корпусу часть юго-восточной Сербии с границей на западе, исключая Вичитрн, Кралево и Крагуевац, а 7 января 1943 г. по той же причине болгарская оккупационная зона расширилась до границы Независимого хорватского государства. Наконец, 31 июля 1943 г. болгары получили еще одну дополнительную оккупационную зону в Вардарской Македонии. Оккупированные Вардарская Македония и Поморавье были административно разделены на две области – Скопленскую и Битальскую, а районы Пирота, Царибрада, Бабужицы и Босилеграда, считавшиеся «освобожденными от югославского ига», присоединены к Софийской области Болгарии[36]. Усиление влияния болгарских монархо-фашистов под покровительством Берлина в Македонии и их продвижение к Албании вызвали неудовольствие итальянцев. Они имели свои виды на западные пограничные районы Вардарской Македонии, где кроме македонцев проживали албанцы и турки. Спор, в частности, разгорелся о том, кому должны принадлежать города Тетово, Гостивар, Кичево, Дебар и Струга. В результате итальянцам удалось присоединить их к Албании.

После агрессивных актов против своих соседей по состоянию на ноябрь 1942 г. Болгария значительно увеличила свою территорию и численность населения, о чем свидетельствует следующая таблица.

	Территория тыс. кв. км	Население тыс. чел.
Старая Болгария	103,1	6385
Южная Добруджа	7,7	320
Македония	27,0	1143
Фракия	14,2	590
Всего «Великая Болгария»	152,0	8425

В мае 1941 г. Народное собрание Болгарии приняло закон о гражданстве, в соответствии с которым все македонцы были объявлены болгарскими гражданами, а Македония – составной частью Царства Болгария. Закон Народного собрания Болгарии от 30 марта 1942 г. установил государственное устройство Македонии. На нее распространялась финансовая, валютная и кредитная системы Болгарии. Закон о защите государства, принятый в Болгарии 26 января 1941 г., также распространялся и на Македонию. В соответствии с решением болгарского правительства 9 октября 1942 г. к Македонии была присоединена принадлежавшая Греции Эгейская (Беломорская) область. Все эти меры болгарского царского правительства означали, что эти территории были аннексированы Болгарией, что являлось грубым нарушением международного права. Это была благодарность царю Борису, с которым, по признанию Кейтеля, еще в 1940 г. установились весьма дружественные отношения. Он был почитателем Гитлера и гордился своей службой в германской армии во время Первой мировой войны.

Что касается Сербии, то 21 апреля 1941 г. она была формально объявлена Независимым государством Сербия, но фактически управлялась немцами. Ее территория составляла 57430 кв. км с населением около 5 млн, из них Банат занимал территорию 9300 кв. км с населением 635 тыс. человек. Границы ее со всех сторон были сильно урезаны.

Так к осени 1941 г. оккупанты завершили перекройку границ и раздел Югославии на отдельные зависимые и полузависимые государства. До лета 1943 г. они более не подвергались каким-либо существенным изменениям.

Новую обстановку на Балканах создал в июле 1943 г. выход Италии из войны, в результате чего итальянские оккупационные войска вернулись в Италию, а некоторая их часть перешла на сторону югославских партизан для совместной борьбы против немцев. В создавшейся обстановке на Балканах Гитлер принял срочные меры. Его войска немедленно заняли Люблянскую провинцию, Фиуме, а также Удине, Грец, Триест и Истрию, а в конце сентября 1943 г. объявили эту территорию «Оперативной зоной Адриатического побережья», передав ее немецкому гражданскому управлению.

Сразу же после перехода Италии на сторону союзников Павелич 9 сентября и 28 сентября 1943 г. объявил, что соглашение о границах с Италией от 18 мая 1941 г. недействительно. Немецкие войска оккупировали всю бывшую итальянскую зону в Югославии, а также Албанию, которая формально была объявлена «дружественной» страной и не считалась оккупированной. Часть Преспанской околии (в западной Вардарской Македонии), где раньше находились итальянцы, заняли болгарские войска. Они пытались продвинуться еще дальше и занять округ Кичево, но партизаны воспрепятствовали им в этом.

Раздел и оккупация Югославии
(по данным МИД Германии на 21 мая 1941 г.)

Области	Площадь в кв. км	Население
ЮГОСЛАВИЯ	247542	Около 15920 тыс. человек
Независимое Хорватское государство	98572	Около 6300 тыс. человек, из них хорватов — 3300 тыс., сербов — 1925 тыс., мусульман — 700 тыс., немцев — 150 тыс., венгров — 75 тыс., словаков — 65 тыс., евреев — около 40 тыс., словенцев — 30 тыс., итальянцев — 5 тыс.
Часть Словении, аннексированная Германией	9620	Около 775 тыс. человек
Провинция Любляна, аннексированная Италией	5242	380 тыс. человек
Адриатическое побережье и острова, оккупированные Италией	5381	380 тыс. человек, из них: хорватов — 280 тыс., сербов — 90 тыс., итальянцев — 5 тыс.
Черногория, Косово и Метохия и Западная Македония, оккупированные Италией (Албанией)	28000	1230 тыс. человек албанцев, черногорцев и македонцев
Сербия, оккупированная Германией	51100	3810 тыс. человек, из них: румын — около 175 тыс.
Банат в составе недичевской Сербии, оккупированной Германией	9776	640 тыс. человек, из них: сербов — 295 тыс., немцев — 120 тыс., венгров — 95 тыс., румын — 70 тыс., словаков — 18 тыс., хорватов — 14 тыс., евреев — 4 тыс.

Бачка, Баранья, Междумурье и Прекомурье, оккупированные Венгрией	11601	1145 тыс. человек, из них: венгров — 301 тыс., сербов — 243 тыс., хорватов — 220 тыс., немцев — 197 тыс., словенцев — 80 тыс., словаков — 40 тыс., русинов — 15 тыс., евреев — около 15 тыс.
Македония и часть Сербии, оккупированные Болгарией	28250	1260 тыс. человек

Такова была общая картина раздела Югославии[37].

Агрессия против Греции

В захваченной еще до Второй мировой войны, но непорабощенной Албании итальянцы создали удобный плацдарм для расширения агрессии против других соседних балканских стран. В условиях побед вермахта в Западной Европе и Скандинавии, а также настойчивого проникновения гитлеровцев в Румынию и Болгарию Муссолини осенью 1940 г. решил, что наступило время Италии более энергично опередить Германию и установить свое господство на Балканах. Правящие круги в Риме рассчитывали при этом, что их немецкие союзники, будучи заняты установлением «нового порядка» в оккупированных странах Западной Европы, не смогут воспрепятствовать расширению военных акций Италии в этом регионе. Солдаты дислоцированных в Албании итальянских войск пели песни о том, что скоро они будут маршировать по Греции и завоюют все Эгейское море[38].

Поддерживая постоянные консультации с Гитлером о своих намерениях в отношении Греции, Муссолини тем не менее не проинформировал его о том, что отдал приказ 9-й армии (9 дивизий) 28 октября 1940 г. вторгнуться на территорию этой малой страны, население которой к этому времени насчитывало 7 млн человек. Так началась итало-греческая война. Несмотря на численное превосходство, 100-тысячная итальянская армия не смогла нанести поражения 35 тыс. греков[39]. Лишь на протяжении почти месяца удалось итальянцам продержаться на захваченной территории Греции. Во второй половине ноября греческая армия, как уже упоминалось выше, не только отбросила захватчиков, но и перенесла военные действия в Албанию, угрожая важнейшим коммуникациям итальянских войск.

Сепаратные авантюристические действия Муссолини вызвали гнев у Гитлера, который предполагал к балканской кампании подготовиться более основательно и провести ее не в тяжелых зимних условиях, а весной будущего года. Эти вопросы обсуждались во время встречи Муссолини с Гитлером, состоявшейся 18 января

1941 г.в Зальцбурге. В середине февраля 1941 г. во время беседы с Чиано Гитлер сказал, что в Румынии уже находится около 20 немецких дивизий, а к концу месяца ожидается прибытие еще 10 или 15 дивизий. Далее он заверил итальянского министра в том, что в течение марта «балканский вопрос будет разрешен полностью»[40].

Гитлеровцы радовались неудачам своих итальянских союзников по разбою. Начальник генштаба сухопутных войск Германии генерал Ф.Гальдер записал в своем дневнике от 3 марта 1941 г.: «Никакого давления на дуче в связи с наступлением итальянцев в Албании фюрер пока оказывать не будет. Пусть итальянцы обожгут себе нос»[41].

В дни, когда итальянские войска вели бесплодные бои в Греции, где к этому времени находился и 30-тысячный экспедиционный корпус английских войск, Гитлер решил активно вмешаться в балканские дела. Поэтому в беседе с начальником генерального штаба генералом У.Кавальеро Муссолини в середине марта 1940 г. потребовал скорее предпринять наступление против греков, ибо в начале апреля в Грецию вступят германские войска, что крайне невыгодно для «престижа» Италии[42].

6 апреля 1941 г. фашистская Германия, используя плацдарм в Болгарии, также напала на Грецию. В тот же день Гитлер в обычной для него демагогической манере заявил, что Германия «не имеет причин для ссоры с греческим народом и у нее нет территориальных претензий к Греции»[43]. Через три дня немецкие танки уже были в Салониках. 9 апреля войска, оборонявшие Эгейскую Македонию и Западную Фракцию, по приказу командования капитулировали. В генеральном штабе и военном министерстве Греции царили паника и пораженческие настроения, в результате которых 15 апреля был подписан приказ о демобилизации армии, хотя на фронте еще шли бои и греческие солдаты оказывали захватчикам упорное сопротивление.

18 апреля 1941 г., когда положение Греции стало безнадежным, после бурного заседания военного совета премьер-министр греческого правительства А.Коризис покончил жизнь самоубийством[44]. На его место король назначил либерала Эм.Цудероса. Через два дня в селении Водонаси генерал Г.Чолакоглу подписал протокол о капитуляции Эпирской армии, а позже протокол о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил Греции. В Риме были недовольны этим документом, т.к. он игнорировал Италию, хотя к этому времени на греческой земле еще не было ни одного итальянского солдата. Тем не менее Гитлер уступил, и 23 апреля в Салониках в штабе 12-й немецкой армии фельдмаршала В.Листа Чолакоглу подписал новый «окончательный» протокол о капитуляции[45].

27 апреля 1941 г. моторизованные части вермахта вступили в Афины и водрузили знамя со свастикой над Акрополем. Это означало, что к концу апреля вся континентальная Греция практически оказалась в руках гитлеровских захватчиков. Последнюю греческую территорию – остров Крит немцы захватили лишь 1 июня

1941 г. Всего в войне против Греции было взято в плен 223 тыс. греческих солдат и офицеров[46].

Так закончилась продолжавшаяся более семи месяцев военная кампания Италии, а с начала апреля 1941 г. — Германии, против Греции. В ходе борьбы против объединенных сил фашистских агрессоров греки продемонстрировали мужество и самоотверженность, заставив даже Гитлера в мае 1941 г. признать: «Греки — храбрейшие из наших противников»[47].

Муссолини был весьма удручен итогами войны в Греции, где победителем оказался не он, а Гитлер. 5 мая 1941 г. один из агентов управления имперской безопасности докладывал в Берлин, что «господин Муссолини страшно недоволен, что Греция не исчезла с карты Европы так, как он этого хотел бы».

Оккупацией Греции гитлеровская Германия завершила целую полосу территориальных захватов в Центральной, Западной и Юго-Восточной Европе. С весны 1938 г. по лето 1941 г. Гитлер подчинил своему влиянию 15 стран общей площадью около 2 млн кв. км с населением 190 млн человек[48].

За годы чужеземной оккупации греческий народ понес тяжелые потери. Фашистские оккупанты и местные квислинговцы казнили 50 тыс. человек, умерло от голода зимой 1941/42 гг. не менее 260 тыс. греков, а еще 60 тыс. погибло в концлагерях. Это значит, что почти 6% населения страны, насчитывавшего всего 7 млн человек, стали жертвой террора оккупантов в годы Второй мировой войны[49].

Таким образом, оккупировав две малые страны Балканского полуострова — Албанию и Грецию, — германские и итальянские власти ввели на их территориях жестокий режим насилия, глумления над личностью и грабежа народного добра. Что же касается форм этого режима, то оккупанты сочли более выгодным допустить в Албании и Греции марионеточные правительства, которые пользовались призрачной независимостью. Греческая олигархия и другие местные коллаборационисты, имея прямые личные выгоды от чужеземной оккупации, верно служили своим новым хозяевам: сперва итальянским фашистам, а затем и гитлеровцам.

Как и в других Балканских странах, в Албании и Греции оккупанты широко применяли тактику взаимного натравливания различных национальностей друг на друга. С этой целью они перекраивали устоявшиеся государственные границы, совершали насильственные переселения и массовый геноцид в отношении некоторых национальностей.

Патриотические и демократические силы Албании и Греции выступили за активную борьбу против итальянских и немецко-фашистских захватчиков в защиту национальной независимости и свободы. Они внесли достойный вклад в освобождение своих стран.

К другим районам Балканского полуострова, где в годы Второй мировой войны произошли территориальные изменения, можно отнести Трансильванию. Экспансионистские круги Венгрии, вооду-

шевленные великодержавной шовинистической идеей собирания земель св. Иштвана, были недовольны Версальским решением о присоединении Трансильвании к Румынии. Используя недовольство местных венгров националистической политикой Бухареста в Трансильвании, венгерское правительство в 1940 г. снова потребовало решить трансильванскую проблему в свою пользу и обратилось за посредничеством к Германии и Италии. На январь 1940 г. эта область занимала территорию 102787 кв. км, на которой проживало 5913423 человека, из них более 58% (3449675 человек) составляли румыны и 24% (1430793 человека) — венгры.

30 августа 1940 г. в Вене состоялся так называемый второй венский арбитраж. «Арбитры» решили передать Северную Трансильванию Венгрии общей площадью в 43492 кв. км и с населением 2400 тыс. человек, из которых около половины составляли румыны.

В середине 1940 г. произошли изменения государственной границы между Румынией и Болгарией в Добрудже. По соглашению между этими странами 7 сентября 1940 г. в г. Крайова Южная Добруджа площадью в 7600 кв. км и с населением в 378 тыс. человек возвращалась Болгарии. Справедливое требование Болгарии было поддержано тогда советским правительством.

Оккупанты делят Францию

Свои особенности имел раздел немецко-фашистскими оккупантами побежденной Франции. Это было связано с тем, что на первом этапе Гитлер не счел необходимым оккупировать всю территорию Франции.

10 июня 1940 г., когда катастрофа Франции все явственнее приближалась и французская армия, захлестываемая потоком гражданских беженцев, отступала на юг, по германскому радио выступал Геббельс. В своей обычной хвастливой манере, рассчитанной на деморализацию противника, он заявил, что войска вермахта займут Париж не позднее 15 июня. Он ошибся на один день.

К этому времени в Париже, насчитывавшем накануне войны около 4800 тыс. жителей, оставалось не более 900 тыс. человек. Остальные 4 млн парижан вместе с 7 млн беженцев из северо-восточных департаментов, Арденн и Эльзаса, влились в огромную людскую лавину, спасавшуюся от наступавшего врага. Очевидец первой, майской волны бегства на юг, будущий премьер-министр Франции П.Мендес-Франс, который тогда находился возле г.Руана, что в 250 км от линии фронта, рассказывал: «В первые дни мы видели, как проносятся роскошные и быстрые американские машины с шоферами в форменной одежде. В них сидели элегантные дамы, положив руку на саквояж с драгоценностями, господа, разглядывающие дорожные указатели или изучающие автомобильные карты. Они не останавливались здесь. У них было достаточно денег и продовольствия. Затем начали появляться не столь блестящие и новые машины, за рулем сидели мелкие буржуа, и в

машине обычно были их семьи. Они уже нуждались в нашей помощи. Прошел еще день или два и поползла самая невероятная рухлядь — автомобили старых времен, вытащенные из пыли неизвестно каких сараев и пущенные в ход в силу отсутствия других средств для бегства. Они постоянно портились. Все чаще попадались машины, брошенные из-за отсутствия горючего на дороге или валяющиеся в канаве. Их владельцы продолжали путь пешком до ближайшего города, а затем в поезде, на велосипеде или на попутной машине. Потом появились велосипедисты, беззаботные на первый взгляд, в большинстве молодежь, и казалось, будто они участвуют в какой-то громадной и трагической воскресной прогулке. Также появились пешеходы, идущие иногда целыми семьями. Он — с узлом за плечами, она — толкая тачку или детскую коляску. Некоторые из них шагали десятки и десятки километров без заметных следов усталости, останавливаясь лишь на ночлег в поле — это была весна. Другие, у которых позади уже несколько дней пути, — удрученные, подавленные, ноги в крови, оставившие сначала свой скудный багаж, затем бросившие все и прилегшие на дорожном откосе под деревом, разбитые, измученные, отчаявшиеся. Последними двигались медленным шагом лошади, тянувшие тяжелые телеги крестьян Севера, нагруженные больными, детьми, стариками, сельскохозяйственными орудиями, мебелью. Все, что можно было погрузить, все, что можно было оторвать от земли, чтобы не оставить в руках врага, было увезено. Около телег иногда гнали скот - коров, лошадей»[50].

В середине июля 1940 г. Гитлер принял решение запретить возвращение в оккупированную зону большинству из этих беженцев, в основном эльзасцев, и они вынуждены были оставаться по ту сторону «зеленой линии». После прекращения военных действий во Франции в ставке Гитлера, как рассказывает очевидец подполковник Г.Беме, царило блаженное состояние. Все были уверены в том, что и Англия вскоре запросит мира. Поэтому Гитлер приказал провести даже частичную демобилизацию войск. На конец июля 1940 г. предполагалось устроить здесь парад. Однако ОКХ заявило, что невозможно будет обеспечить прикрытие города от английской авиации, и 20 июля парад был отменен, а выделенные для него воинские части расформированы. Затем Гитлер вместе с двумя своими однополчанами совершил многодневную поездку по местам боев в годы Первой мировой войны, в том числе посетил и Верден.

Вечером 19 июля 1940 г. с особой помпезностью открылось заседание рейхстага. На него был приглашен весь высший командный состав вермахта от командиров корпусов включительно. Здесь было объявлено о присвоении звания генерал-фельдмаршалов В.Браухичу, В.Кейтелю, Г.Рундштедту, В.Рейхенау, Ф.Боку, В.Леебу, В.Листу, Г.Клюге, Д.Вицлебену, Э.Мильху, Х.Шперле и А.Кессельрингу. Герингу было присвоено звание рейхсмаршала. Гитлер объявил благодарность вермахту за успешную кампанию во Франции. Вскоре в Берлин был доставлен исторический вагон из

Компьена. Правда, в конце войны во время воздушного налета вагон был разрушен, и тот вагон, который стоит в Компьене в настоящее время, является копией подлинного вагона. Городские власти Берлина организовали торжественную встречу Гитлеру, вернувшемуся из Парижа, а через некоторое время с неописуемым восторгом жители германской столицы встречали берлинскую дивизию, сражавшуюся на Западе, которая прошла по городу в полном боевом снаряжении. Вермахт «смыл позор 1918 года» и в Берлине торжествовали победу.

Но где же должна проходить граница между Германией и Францией? Этот вопрос было поручено решить статс-секретарю Министерства внутренних дел Штуккарту, которому Гитлер дал следующие инструктивные указания: немецко-французская «средневековая граница» должна проходить от побережья Фландрии через Аргонны до плато Лангро. Как рассказал на Нюрнбергском процессе в октябре 1945 г. бывший министерский советник Г.Глобке, в течение июня 1940 г. на основе этого указания Гитлера был выработан соответствующий доклад с 17 картами и 7 статистическими таблицами. В докладе Штуккарта будущую границу между Францией и Германией рекомендовалось установить не по языковому, а по «историческому» принципу, и она должна была проходить от устья Соммы, восточнее Парижского бассейна и Шампани до Аргон, затем идти на юг через Бургундию до Женевского озера. Этот совершенно секретный документ был отпечатан в нескольких экземплярах и был доведен до весьма узкого круга руководящих деятелей в Берлине.

В ходе разработки доклада Штуккарта 17 июня 1940 г. стало известно о том, что маршал Петен запросил у Гитлера перемирия, признав тем самым факт поражения Франции. Это обстоятельство заставило Гитлера ускорить выработку условий перемирия, в том числе и по линии территориальных требований. На следующий день он отдал приказ войскам «захватить как можно быстрее старые немецкие имперские области до линии Верден, Тюль, Бельфор, а также порты Шербур и Брест и центр производства вооружений Крезо»[51].

К этому времени был уже готов первый вариант проекта условий перемирия, разработанный подполковником Г.Беме из штаба ОКВ и предусматривавший оккупацию всей территории Франции. Но Кейтель и Иодль утвердили однако вариант, включавший оккупацию лишь северной Франции и Атлантического побережья. Генерал Иодль начертал линию перемирия, проходившую от Бельфора на востоке до Бордо на испанской границе. Было оговорено, что окончательные территориальные требования будут сформулированы в мирном договоре, поэтому не ставился вопрос ни о Эльзасе–Лотарингии, ни о французских колониях.

23 августа 1940 г. была подписана директива о том, что распоряжения немецких властей во Франции распространяются и на Нормандские острова, принадлежащие Великобритании.

Требования Италии к Франции

В эти дни важные события назревали на юге Франции на итало-французской границе. Еще 15 июня Муссолини отдал приказ войскам перейти 18 июня границу Франции. Он опасался, что события на севере развиваются так быстро, что территориальные требования Италии к Франции не смогут быть реализованы.

Для согласования своих действий Гитлер и Муссолини встретились в Мюнхене. На этой встрече Муссолини предложил, чтобы итальянские войска оккупировали французскую территорию от границы до р. Рона с мостами у Лиона, Валенса и Авиньона, а также Корсику, военно-морские базы в Алжире, Мерс-эль-Кебире у Орана, Касабланку и все французские Сомали. Гитлер возражал против чрезмерных требований Италии и согласился лишь на оккупацию района Ниццы до р. Вар и небольших участков в Альпах. Муссолини выступил за то, чтобы присоединение района Ниццы было предусмотрено в будущем мирном договоре, мотивируя свое требование тем, что эта территория в 1860 г. была отторгнута Францией от Сардинского двора. Что же касается присоединения Савойи – родины итальянской королевской династии, то вопрос не поднимался по той причине, что этот район лежит по другую сторону Альп и в национальном отношении имеет чисто французский характер.

Спор относительно претензий Италии на ее исключительное влияние в Южной Франции стал одним из проявлений немецко-итальянского соперничества по французским делам. По этому вопросу начальник генерального штаба ОКХ генерал Ф.Гальдер 10 августа 1940 г. записал в своем дневнике следующее: «Контроль на границах. Италия претендует на исключительный контроль с ее стороны в Средиземноморском районе. Мы этого не хотим»[52].

Хотя ко времени совещания в Мюнхене итало-французскую границу из-за сопротивления французов смогли перейти только итальянские патрули, все же было решено выделить Италии оккупированную зону в Южной Франции. К началу переговоров о перемирии в Компьене 22 июня 1940 г. итальянцы в течение двух дней непрерывно, но безуспешно атаковали французские позиции между Малым Св. Бернгардом и Средиземным морем. С большими потерями им удалось занять на побережье лишь местечко Ментон. 21 июня Чиано записал в своем дневнике: «Муссолини очень раздражен тем, что наши войска не продвинулись вперед ни на шаг. Сегодня у нас опять не было удачи, мы остановлены на границе первыми французскими укреплениями»[53].

Неудачи итальянцев в Альпах грозили Муссолини несбыточностью его мечты: сесть за стол переговоров победителем. Он дошел до того, что умышленно затягивал утверждение уже согласованного текста перемирия, дабы дать возможность итальянским войскам генерала Гамбара вступить в Ниццу. Но получилось наоборот: в районе Ментона французы перешли в контрнаступление. Муссоли-

ш вынужден был умерить свои страсти и согласиться с второстепенной ролью Италии в решении французской проблемы. Для успокоения самого себя и своих приближенных он говорил: «Народ, который был порабощен в течение шестнадцати веков, не мог за несколько лет стать народом-победителем»[54]. Утром 22 июня он писал Гитлеру, что готов довольствоваться минимумом, т.е. небольшой приграничной полосой французской территории.

Когда встал вопрос о форме переговоров о перемирии между Германией и Италией, с одной стороны, и Францией — с другой, то дуче поспешил заявить, что он предпочитает, чтобы переговоры были трехсторонними и велись в одном месте и в одно время. Однако Гитлер не хотел делить плоды победы со своим незадачливым союзником и решил, что итало-французское перемирие состоится только после подписания германо-французского перемирия и в другом месте. Тем самым фюрер низвел итало-французское соглашение до уровня приложения к документу, который будет подписан в Компьене.

Вагон в Компьенском лесу

Французская делегация в составе посланника Л.Ноэля, адмирала ле Люка, генерала Паризо и генерала Бержере во главе с генералом Ш.Хунцигером вернулась наконец в Бордо, где в это время находилось правительство Петена, довольная тем, что ей удалось предотвратить оккупацию всей территории Франции. Более того, чтобы как-то ослабить тяжелое впечатление у французов от происшедшего в Компьенском лесу, фашистская пропаганда широко распространяла известие о том, что, мол, победители — немцы — вынуждены были кое в чем уступить побежденным французам. Имелось в виду оставление занятых ими двух французских городов — Шатонеф и Сент-Аман.

Но ни правительство, ни тем более французский народ тогда еще не могли знать, что самые унизительные акции, которые предпримут немцы в отношении Франции, еще впереди. Попирая национальное достоинство побежденной Франции, Гитлер стал кроить ее оккупированную часть по своему усмотрению. Прежде всего немцы постарались сделать все, чтобы унизить Францию самим актом подписания перемирия. Именно с этой целью Гитлер по предложению Геббельса местом подписания перемирия избрал маленький железнодорожный разъезд Ретонд и небольшую лесную поляну в Компьенском лесу с тем вагоном, в котором маршал Ф.Фош продиктовал условия перемирия Германии 11 ноября 1918 г. Вскоре после окончания Первой мировой войны этот вагон был помещен в дом-музей на краю поляны, и его на протяжении двадцати лет посещали миллионы туристов. Сразу же после взятия Парижа оккупанты, готовясь к церемонии подписания соглашения о перемирии, разломали домик и поставили вагон на то место, где он стоял в 1918 г.

До последней минуты французская делегация не знала, что ее повезут в Компьен. Когда вечером 21 июня генерал Хунцигер получил наконец разрешение связаться со своим правительством, которое пребывало тогда еще в Бордо, он сказал военному министру генералу Вейгану: Как вы думаете, где я нахожусь? Я в вагоне. — Mon poevre ami! (Мой бедный друг)» — услышал он в ответ.

Очевидцы рассказывают, что к месту переговоров прибыл сам Гитлер в сопровождении других высших чинов Германии. Он остановился перед гранитной мемориальной плитой, на которой были высечены слова: «Здесь 11 ноября 1918 г. была побеждена преступная гордость германской империи... поверженной свободными людьми, которых она пыталась поработить». Присутствовавший при этом журналист У.Ширер писал в своем дневнике: «Все они были заняты чтением, стоя в безмолвии под лучами июньского солнца. Я следил за выражением лица Гитлера... Оно вспыхнуло от гнева, злости, ненависти, мести, триумфа... Он пошел по монументу, изображая крайнюю степень презрения. Когда он обернулся назад, на его лице было не только презрение, но и злость, злость, которую можно было почти чувствовать. Она была вызвана тем, что он не мог стереть одним ударом своего высокого прусского сапога страшную, вызывающую надпись. Пройдя мимо строя почетного караула, Гитлер и его свита вошли в вагон. Здесь фюрер расположился в том же кресле, в котором 22 года назад сидел французский маршал Фош. Через несколько минут в вагон ввели французскую делегацию и генерал Кейтель начал чтение соглашения об условиях перемирия»[55].

При чтении преамбулы соглашения присутствовали Гитлер, Геринг, Риббентроп, Гесс, Кейтель, Браухич, Редер и Иодль. Затем через 12 минут, когда французам был вручен текст соглашения, Гитлер и его свита покинули вагон и последующие переговоры вел и Кейтель и Иодль. Обсуждение статей соглашения шло довольно остро. Немцы неоднократно угрожали разрывом переговоров и отказывались приостановить продвижение войск на юг, пока французская делегация немедленно не подпишет продиктованные ей условия перемирия. Кейтель запрещал Хунцигеру связываться с Бордо. Дело шло к разрыву переговоров. В такой обстановке в 19 часов 30 минут 22 июня Кейтель предъявил французской делегации ультиматум, и французское правительство предложило Хунцигеру подписать соглашение, что и произошло в тот же день.

В подписанном вечером 22 июня немецко-французском Соглашении о перемирии, состоявшем из 24 статей, отмечалось, в частности, что $^3/_5$ территории Франции будут оккупированы. Так, в ст. 2 Соглашения говорилось, что «в целях обеспечения интересов германской империи, французская государственная территория севернее и западнее линии, помеченной на прилагаемой карте, оккупируется немецкими войсками». На карте эта линия начиналась на франко-швейцарской границе в районе Женевы и затем проходила

по линии Доль, Паре-ле-Моньяль, Бурже, восточнее Тур, параллельно дороги Тур-Ангулем — Либурн, затем через Монде-Мариан и Ортез к испанской границе. В этой же статье подчеркивалось, что, «если подлежащие оккупации районы еще не находятся в руках германской армии, занятие их осуществляется немедленно по заключении настоящего договора».

Переговоры относительно демаркационной линии продолжались и после подписания Соглашения о перемирии и были длительными и упорными. Даже в декабре 1940 г. генерал Гальдер отмечал, что они «внезапно зашли в тупик, так как французы связывают этот вопрос с вопросом о северо-восточной линии»[56].

Однако Гитлер игнорировал эти требования французов и, более того, с 4 октября 1940 г. запретил французскому населению переход демаркационной линии[57]. Деление побежденной страны на две части, из которых одна остается по «доброй» воле Гитлера неоккупированной (хотя для такой оккупации он имел все возможности, и никто не мог ему помешать), было новшеством в практике оккупационной политики Германии.

Почему же Гитлер не оккупировал всю Францию с самого начала? На этот вопрос он сам ответил в беседе с Муссолини: создание нового французского правительства на французской земле, но под немецким контролем и заключение с ним перемирия нужно было для того, чтобы предотвратить его эвакуацию в колонии, что было бы чревато продолжением войны против Германии и переходом мощного французского флота на сторону Великобритании.

Ст. 3 Соглашения требовала от французского правительства, чтобы оно всеми средствами оказывало содействие оккупационным властям. Ему также было предоставлено право избрать себе резиденцию на неоккупированной территории или перенести ее в Париж. После подписания перемирия вопрос о переезде французского правительства в Париж возникал неоднократно. Предполагалось, что он состоится в конце сентября или в октябре. Однако Гитлер тянул время, выжидая результатов предстоящих переговоров между Риббентропом и Лавалем. ОКХ внесло предложение разрешить французскому правительству разместиться не в Париже, а в Версале. В конечном счете Гитлер не дал своего согласия, да и Петен не настаивал на этом, опасаясь, что в Париже у него будут слишком связаны руки. Выдвигая предложение о переезде в Париж, вишистское правительство вместе с тем попросило создать в Париже и Версале особую зону с французским гарнизоном, а также запретить движение немецкого транспорта по ряду улиц и шоссе, что было для немцев, конечно, неприемлемым.

Далее из духа Соглашения следовало, что Франция рассматривается как единое целое и власть французского правительства распространяется на всю страну. Соглашение разрешало возвращение населения на оккупированную территорию (ст. 16). Оно обязывало передать Германии всех немецких военнопленных и заключенных гражданских лиц, в том числе и тех, кто сужден за поступки, совершенные в пользу Германии, а также всех немцев по именному требованию германских властей (ст. 19). Наконец Соглашение предусматривало создание комиссии по перемирию, но не смешанной, а чисто немецкой, в резиденцию которой французское правительство командирует специальную делегацию (ст. 22)[58].

Сразу же после подписания Соглашения о перемирии в Компьене французская делегация вылетела в Италию, и в течение последующих двух дней под Римом происходили итало-французские переговоры, завершившиеся 24 июня подписанием соответствующего соглашения. Оно предусматривало итальянскую оккупацию узкой приграничной полосы французской территории общей площадью в 832 кв. км с населением 28500 человек, включая единственный оккупированный итальянцами г. Ментон. Предусматривалось также создание демилитаризованной зоны шириной в 50 км, проходившей западнее оккупационной полосы до г. Канны на юге, затем шедшей на север, исключая Гренобль, Шамбери и Аннеси, до южной оконечности Женевского озера.

В 1 час 35 минут ночи 25 июня официально прекращались военные действия между Францией, с одной стороны, и Германией — с другой. Перемирие между ними вступило в силу.

Перемирие с Италией

Затем Франции предстояла еще одна унизительная процедура. Утром 23 июня ее делегация прилетела в Рим. Здесь на вилле вдовы бывшего итальянского посла в Париже Манзони, что в 20 км севернее итальянской столицы, вечером открылись переговоры с Италией. В состав итальянской делегации входили граф Чиано, маршал П.Бадольо, генерал М.Роата, адмирал Каванари и генерал Приколо.

Переговоры проходили менее напряженно, т.к. итяльянцы не имели оснований считать себя победителями. Наоборот, французы с явным презрением относились к своим партнерам по переговорам, которые, воспользовавшись тяжелым положением Франции, набросились на свою «латинскую сестру», чтобы урвать себе кусок ее территории. В качестве иллюстрации небезынтересно привести следующий эпизод. Некоторое время спустя на заседании смешанной итало-французской контрольной комиссии по нефти в Марселе возник спор, на каком языке писать протокол. Итальянский председатель предложил: «Конечно, на языке победителя!» Он, естественно, имел в виду писать протокол на итальянском языке. Тогда руководитель французской делегации обратился к своей секретарше со словами: «D'accord! Mademoiselle, ecrivez en allemand (Согласен, мадмуазель, пишите по-немецки)»[59].

Если немцев французы боялись, но с уважением относились к тому, что в вермахте существовала строгая дисциплина, порядок и солдаты имели хорошую выправку, то итальянцев они просто пре-

зирали. «Когда итальянцы вступили в южную зону, французов поразил их неряшливый, потрепанный вид. Если в чем французское население и было солидарно с правительством, так это в отказе признания «победы» итальянцев и в презрении к «победителям». Один наблюдательный информатор писал в Виши, что «корсиканцы готовы обращаться к кому угодно, лишь бы не стать итальянскими подданными и что оккупанты пользуются успехом только у девиц легкого поведения».

Демаркационная линия

После формального подписания соответствующих соглашений о перемирии с Германией и Италией были созданы комиссии по перемирию. Немецкая комиссия во главе с генералом К.Г. фон Штюльпнагелем начала свою работу в немецком городе Висбадене 29 июня, а итальянская находилась в Турине.

В оккупированной части Франции, как и в других странах, Гитлер не считался ни с нормами международного права, ни с элементарными правами народа побежденной страны. Еще 18 мая 1940 г. его декрстом были присоединены к Германии бельгийские районы Эйпен, Мальмеди и Морене. С первых дней оккупации было фактически аннексировано Великое герцогство Люксембург. Оно стало частью округа Кобленц-Трир во главе с гаулейтером Г.Симоном. Впоследствии из них был образован новый округ — Мозельгау. В отношении Эльзаса и Лотарингии Гитлер пока не раскрывал своих карт, но постепенно дело также шло к их присоединению к соседним немецким областям — Саар-Пфальц, где гаулейтером был И.Бюркель, и Баден во главе с гаулейтером Р.Вагнером. От Франции, вопреки Соглашению о перемирии, были отторгнуты два северных департамента — Нор и Па-де-Кале. Еще 9 июня 1940 г. эти департаменты были подчинены в административном отношении командующему немецкими войсками в Северной Франции, но в конце месяца в связи с намерением Гитлера включить их в планируемое «Фламандское государство» они были переподчинены командующему немецкими войсками в Бельгии и Северной Франции генералу А.Ф. фон Фалькенхаузену.

Чтобы полностью отделить департаменты Нор и Па-де-Кале не только от неоккупированной, но и от остальной оккупированной Франции, Гитлер установил так называемую «черную линию», переход которой беженцам был запрещен. Однако 10 августа 1940 г. по предложению ОКХ она была перенесена в Бургундию. Департаменты Нор и Па-де-Кале имели для Германии кроме стратегического и серьезное экономическое значение. По площади они занимали 1,2 млн кв. км и имели население 3,2 млн человек, т.е. 2,3% территории и 7,6% населения всей Франции. Накануне войны в этих департаментах добывалось около 30 млн т угля, здесь находились высокоразвитая металлургическая и машиностроительная промышленность, а также интенсивное сельское хозяйство.

Началась перекройка и остальной части оккупированной Франции. 23 июня по указанию Гитлера была проведена «северо-восточная линия», или «линия Гитлера», через которую возвращение французских беженцев также запрещалось. Линия начиналась у устья Соммы, далее шла по каналу до Айсна, затем поворачивала на юг до Лангрс и потом соединялась с демаркационной линией, заканчиваясь у Женевского озера. Исторически эта линия совпадала с границей бывшей Священной римской империи. 250 тыс. жителей этих областей, эвакуированных в неоккупированную Францию, и 400 тыс. человек, эвакуированных в оккупированную зону, не имели права возвращаться в родные места. Все их имущество передавалось немецким колонистам.

Если вспомнить, что эта линия в основном совпадала с линией, выработанной в докладе Штуккарта в качестве государственной границы Германии на западе, нетрудно догадаться, что она была не только запретной для беженцев, но имела более важное назначение на будущее. О предложениях Штуккарта относительно дальнейшего начертания границы между Францией и Германией упомянул 8 сентября 1940 г. в своем дневнике генерала Гальдер[60].

В связи с беспокойством, охватившим французскую общественность, в декабре 1941 г. немцы ликвидировали эту линию, и единственной границей между оккупированной и неоккупированной частями Франции стала тысячекилометровая («зеленая») демаркационная линия. По указанию оккупантов на демаркационной линии была установлена пропускная система. Французам, живущим по обе стороны этой линии, нельзя было даже вести переписку. Лишь несколько месяцев спустя для переписки французов оккупационные власти изготовили открытки со стандартным отпечатанным текстом, в который разрешалось вставить одно слово: здоров или болен. Несмотря на некоторое ослабление режима на демаркационной линии, вплоть до ноября 1942 г. она охранялась войсками вермахта весьма тщательно. По расчетам ОКХ, для этого потребовалось бы 15 дивизий, тогда как для «черной линии» на северо-востоке Франции — 7 дивизий, Парижа — 3 дивизии и в Бельгии — 3 дивизии. Итого — 28 дивизий.

Относительно судьбы исторической французской провинции Бретань в кругах Гитлера не было единства. Министерство пропаганды Геббельса, например, поддерживало точку зрения об отделении Бретани от Франции, однако поскольку война с Англией продолжалась, Гитлер решил вопрос о Бретани не поднимать. В 1941 г. из военно-стратегических соображений оккупанты создали прибрежную пятнадцатикилометровую полосу между Дюнкерком и Гендеем. Позже такая же полоса была создана на Средиземноморском побережье. Все французское население из этих районов было выселено, и установлен специальный пропускной режим.

Вопрос о территориальных притязаниях Германии был слишком щекотливым и мог помешать планам Гитлера в условиях продолжающейся войны против Великобритании. Поэтому в Берлине решили его публично не обсуждать, но за кулисами шла лихорадочная работа по дальнейшему расчленению Франции.

Планы оккупантов относительно Франции, изложенные на секретных пресс-конференциях в Министерстве пропаганды 12 и 15 июля 1940 г., были следующими. Геббельс тогда заявил, что кроме Эльзаса и Лотарингии к Германии будут присоединены часть Бургундии с плато у Лангре и г. Дижон и, возможно, будет создана область «Reichsgau Burgund». Примерно тогда же Гиммлер предложил создать в Бургундии специальное государство СС, которое имело бы особую автономию и находилось бы под его личным руководством. Как говорил Гиммлер, Бургундию нужно превратить в образцовое государство как в расовом, так и в мировоззренческом отношениях, т.е. в своеобразный нордический интернат. Порты Дюнкерк, Булонь и другие предполагалось превратить в немецкие военно-морские базы, но не исключалось, что и они будут присоединены к Германии. Геббельс при этом предупредил журналистов, что, несмотря на аннексию указанных территорий, где проживают немцы, все же Германия останется по-прежнему чисто немецкой. Это означало, что французы будут выселены на юг Франции. На очередной пресс-конференции 5 августа 1940 г. в Министерстве пропаганды было заявлено, что Германия претендует еще и на всю Шампань с г. Реймс и на значительную часть северо-французской промышленной области с портом в Па-де-Кале[61].

Относительно территориальных проблем генерал Гальдер записал в своем дневнике 30 сентября 1940 г. следующее: «Территориальные претензии Германии к Франции еще ни в коей мере не определены; по-видимому, речь будет идти об Эльзасе—Лотарингии и о части Бургундии. Вопрос о северных департаментах, видимо, еще не решен. Однако намереваются настолько внедрить в сознание французов факт существования северо-восточной линии, что они будут очень довольны, если им удастся унести оттуда свои ноги. Кроме того, Германия требует Азорские и Канарские острова, Дакар (в случае необходимости – в обмен) и небезызвестную полосу от западного до восточного побережья Африки»[62].

Разгорелись в эти дни аппетиты на французскую территорию и в правящих кругах Рима. На очередной встрече Гитлера и Муссолини 12 октября 1940 г. на Бреннерском перевале выявилось, что Италия предполагает аннексировать 8 тыс. кв. км французской территории, в том числе 1 тыс. кв. км в районе Ниццы. В начале переговоров Муссолини выдвинул весьма обширные территориальные требования к Франции: передать Италии Савойю, Тунис, Корсику и Сирию. Но позже речь пошла лишь о Тунисе. Он также был непрочь захватить Алжир и Марокко, но Гитлер решительно воспротивился этим планам. Муссолини боялся возрождения сильной Франции. Он часто говорил Гитлеру, что ее население не

должно превышать 34—35 млн человек. Из этих соображений он не шел ни на какое сближение с правительством Виши, ограничиваясь лишь официальными связями через комиссию по перемирию. Итальянские представители использовали любой повод, чтобы унизить французов. Французы отвечали итальянцам тем же, начиная с того, что вообще не признавали их победителями, ибо, как заявил Петен в обращении к народу, «когда Италия стала участвовать в кампании, то война, в сущности, к этому времени уже закончилась».

В свою очередь Гитлер заявил тогда, что к Германии будут присоединены Эльзас—Лотарингия, железнодорожный бассейн Брие и пограничный коридор южнее Бельфора. Что же касается Северной Франции, то ее судьба будет зависеть от отношений Германии с Бельгией и Голландией. «Совещание на Бреннере привело к возникновению большого количества неясностей в министерствах иностранных дел обеих стран», — так оценивал итоги Бреннерской встречи в своем дневнике 18 ноября 1940 г. генерал Гальдер[63].

В целом же территорию Франции до ноября 1942 г. оккупанты разделили на пять зон: 1. Северная зона с департаментами Нор и Па-де-Кале, подчинявшаяся командующему войсками вермахта со штабом в Брюсселе. 2. Департаменты Нижний Рейн, Верхний Рейн и Мозель, составлявшие исторические провинции Эльзас и Лотарингию, были присоединены непосредственно к Германии. 3. Оккупированная зона, подчинявшаяся начальнику военной администрации в Париже. 4. Неоккупированная зона, находившаяся под властью правительства Виши. 5. Итальянская зона в Юго-Восточной Франции.

Во Франции до войны было 49 департаментов, включая и Корсику, из них 32 — находились в свободной зоне страны, 13 — были официально под немецкой оккупацией и 4 департамента были оккупированы итальянцами. В свободной зоне проживало 14 млн человек и в северной, оккупированной, — 26 млн человек.

Такая судьба ожидала Францию в случае победы гитлеровской Германии во Второй мировой войне.

Несмотря на неоднократные заявления Гитлера в 30-е годы о том, что колонии Германию не интересует, ибо она не сможет своим флотом обеспечить с ними нормальные коммуникации, тем не менее после поражения Франции он все больше внимание уделял судьбе французских колоний. Особую активность в этих вопросах проявлял глава баварского правительства, в прошлом известный колониальный деятель Германии генерал Риттер фон Эпп. По партийной линии был создан специальный колониально-политический отдел, изучавший возможность возвращения Германии ее прежних колоний и их использования. Предполагалось, что в будущем отдел явится основой для формирования имперского министерства колоний. С сентября 1939 г. деятельность колониально-политического отдела активизировалась. Перед ним была поставлена задача не только заниматься бывшими немецкими колониями, но и

дать рекомендации по перекройке всей Африки с целью создания «крупного африкано-европейского пространства».

По мере завоевания европейских стран все большее внимание Гитлера привлекала проблема французского Мадагаскара, возникшая впервые непосредственно после поражения самой Франции. 3 июля 1940 г. руководитель одного из отделов МИД Г.Лютер в специальном докладе «Еврейский вопрос в мирном договоре» предлагал обязать Францию предоставить остров для переселения туда всех европейских евреев и создания там специального резервата. Однако в последующие годы в связи с изменением военной обстановки вопрос о Мадагаскаре отпал сам собой. Что же касается бывших колониальных владений самой Германии, то в июне 1940 г. Гитлер распорядился приступить к разработке структуры управления ими. Все имперские министерства обязаны были создать специальные группы по вопросам колоний и поддерживать соответствующие мероприятия будущего министра по делам колоний генерала Эппа. Особый штаб для формирования колониальных войск был создан и при ОКХ, о чем писал Гальдер 5 и 20 июля 1940 г.

Между тем события во Франции развертывались следующим образом. Оккупировав значительную часть территории Франции, Гитлер обеспечил себе контроль над всем ее Атлантическим побережьем, чтобы предотвратить возможную высадку англичан и максимально использовать национальные богатства страны для усиления своего военно-экономического потенциала. А богатства эти были немалые. На оккупированной части Франции до войны проживало 65% населения страны, выплавлялось 97% чугуна и 94% стали, добывалось 79% угля, 100% железной руды, собиралось 75% пшеницы и т.д.[64]

Вторжение в неоккупированную Францию

Южная часть Франции находилась в ведении правительства Петена, переехавшего в курортный городок Виши. В первые недели после завершения французской кампании Гитлер нарочито вообще не интересовался делами этого правительства и даже не назначил к нему офицера связи. Но его беспокоило то обстоятельство, что под властью правительства Виши находились богатые и стратегически важные французские владения в Северной Африке. В Берлине опасались, что эти владения попадут в руки англичан и станут затем плацдармом для их вторжения на европейский континент. Еще в декабре 1940 г. в узком кругу Гитлер отмечал, что если в Северной Африке что-либо случится, то германские войска должны будут оккупировать всю Францию.

Во время кризиса, наступившего для вермахта под Москвой в декабре 1941 г., Гитлер снова выразил эту свою озабоченность словами: «Если в Африке произойдут изменения, мы должны осуще-

ствить "план Аттила", т.е. занять всю Францию». Лишь 29 мая 1942 г. Гитлер принял принципиальное решение об оккупации всей Франции, но его осуществление было отложено до 11 ноября 1942 г., когда в Северную Африку высадились англо-американские войска.

Хотя характер немецкого управления в Южной Франции отличался от Северной Франции и формально германские войска находились здесь не с целью оккупации, а для ведения боевых действий, однако прежняя демаркационная линия потеряла свое былое значение. Теперь же в изменившейся обстановке в нарушение соответствующих статей Соглашения о перемирии немцы не рассматривали более Францию как единое политическое и экономическое целое.

Итальянские войска вышли на линию от Бандоля до Роны выше Авиньона, но сам Авиньон и Экс были заняты немцами. Затем от Авиньона линия шла до Вьенна, поворачивала к Нантюа и Бельгарду. Это означало, что итальянские войска в середине ноября 1942 г. оккупировали семь департаментов полностью и четыре — частично.

На совещании, которое состоялось 22 декабря 1942 г., Гитлер принял решение называть разграничительную линию между немецкой и итальянской оккупационными зонами «тактической границей с Италией» и распорядился весьма тщательно ее охранять. Вместе с тем сохранялась и демаркационная линия, через которую попрежнему переход французам с юга на север был запрещен[65].

Коренной перелом, достигнутый в первой половине 1943 г. советскими вооруженными силами на восточном фронте, оказал серьезное влияние и на обстановку на Западе. Кризис охватил, в частности, Италию, которая искала случая, чтобы выйти из войны. Предвидя такое развитие событий, в ставке Гитлера в мае 1943 г. началась разработка плана вторжения в Италию и занятия ее зон оккупации в Южной Франции и на Балканах. В конце августа 1943 г. стало известно, что итальянские войска покидают Южную Францию, и она, как и остров Корсика, сразу же была занята немцами.

В связи с капитуляцией Италии в сентябре 1943 г. правительство Виши заявило, что фактически Италия не является более воюющей стороной и поэтому «соглашение о франко-итальянском перемирии, заключенное в июне 1940 г., стало бесспредметным и в силу этого недействительным». Петен отозвал из Турина свою делегацию, находившуюся при итальянской комиссии по перемирию. Через некоторое время в оккупированные итальянцами департаменты Южной Франции вернулись французские чиновники и жандармы. Префект Ниццы снова назначил в г. Ментону французского мэра и водрузил над зданием мэрии французский национальный флаг. Лиры были изъяты из обращения.

Деятельность комиссий по перемирию

Созданная в соответствии со статьей 22 Соглашения о перемирии немецкая комиссия по перемирию, подчинявшаяся непосредственно ОКВ, призвана была контролировать ход выполнения условий Соглашений французской стороной и разрешать вопросы, которые могут возникнуть в ходе периода перемирия. При немецкой комиссии была делегирована группа французских представителей, именовавшаяся на жаргоне 1918—1919 гг. «Wako». Состав комиссии, формы и методы ее деятельности и даже выбор места ее пребывания призваны были подчеркнуть превосходство немцев и унизить национальное достоинство Франции. Так, например, местом работы комиссии была избрана не французская территория, в частности не Париж и даже не Берлин, а рейнский город Висбаден. Хотя немцы объясняли этот факт наличием здесь соответствующих гостиниц, однако было ясно, почему их выбор пал именно на Висбаден, если вспомнить, что в течение почти 12 лет, с 1918 г. по 1930 г., он находился под французской оккупацией.

Имея в виду прежде всего политический характер деятельности комиссии, во главе ее был поставлен бывший командир 2-го армейского корпуса генерал Г. фон Штюльпнагель, считавшийся одним из образованнейших офицеров вермахта. Его начальником штаба и фактически правой рукой стал бывший офицер ОКХ подполковник Г.Беме — один из авторов текста Соглашения о перемирии с Францией. В марте 1943 г. его сменил подполковник Квейс. Начальником отдела внешних сношений и фактическим представителем Риббентропа был полковник Генке, перед войной служивший в германском посольстве в Москве. Французскую делегацию в комиссии возглавлял бывший командующий армией генерал Хунцигер, прибывший в Висбаден 28 июня 1940 г. Затем его сменил генерал Дуаэн, и наконец, с марта 1943 г. Дуаэна сменил генерал Барре. Начальником штаба был полковник Лакель. Всего с обслуживающим персоналом в состав французской делегации входило 66 человек, из них 37 военнослужащих[66].

Кроме того, в Виши действовал комитет по перемирию под председательством самого Петена, который в первый период после перемирия заседал почти ежедневно. Затем вместо комитета было создано управление по делам перемирия, поддерживавшее контакты между комиссией и правительством. Во главе его последовательно стояли генералы Кетц, Бурже и наконец адмирал Буррань.

Отель Роз, где размещалась французская делегация, был взят под тщательное наблюдение немцев. Французским офицерам запрещалось отлучаться из гостиницы без особого разрешения, их телефонные разговоры прослушивались гестапо. Несмотря на то, что офицеры обеих сторон встречались ежедневно, однако немцам было запрещено подавать руку их французским коллегам. Длительную переписку между Берлином и Висбаденом вызвало скромное пожелание французов подавать им к обеду вино, как это было принято во французской армии. В Берлине возражали, поскольку это, мол, будет унижать немецких офицеров, не получавших вина. Все же просьба французов была удовлетворена.

Первое заседание комиссии состоялось 30 июня 1940 г. Вся деятельность комиссии и французской делегации проходила в сложной обстановке. Гитлеровские оккупанты во Франции проводили грубую, ничем не прикрытую политику физического истребления французского народа, ограбления его национального достояния, аннексии отдельных областей Франции. Поэтому французская делегация вынуждена была неоднократно протестовать против подобного нарушения Соглашения о перемирии. Вначале генерал Штюльпнагель пытался как-то оправдывать действия немецких оккупационных властей, затем по указанию Гитлера вообще пропускал французские протесты мимо ушей. Было также запрещено публиковать эти протесты в печати.

Особенно часто на заседаниях комиссии обсуждалась обстановка в Эльзасе—Лотарингии, которые фактически были немцами аннексированы. Французская сторона ставила неоднократно вопрос и о депортациях французских граждан, однако добиться от немцев каких-либо положительных результатов было невозможно. Поэтому многотомная документация Висбаденской комиссии, опубликованная после войны, пестрит протестами французских представителей и контрпротестами немцев.

Положение для французов не улучшилось, когда генерал Хунцигер в октябре 1940 г. был отозван и назначен вместо генерала Вейгана военным министром правительства Виши, а его место занял генерал Дуаэн, возглавивший военную часть французской делегации. Во главе экономической ее части, действовавшей независимо от военной, стал губернатор де Буазанже. В феврале 1942 г. произошли изменения и в немецкой комиссии. Ее председатель генерал Г. фон Штюльпнагель был назначен начальником германской военной администрации во Франции, сменив на этом посту своего двоюродного брата генерала О. фон Штюльпнагеля. Новым председателем немецкой комиссии стал генерал Фогль.

В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки, особенно на советско-германском фронте, немцы предъявляли Франции все большие и большие требования в рамках ведения так называемой «тотальной войны». Деятельность Висбаденской комиссии стала чисто формальной, ибо ею никто в Берлине не интересовался. Затем она вообще потеряла всякий смысл, когда территория Франции была освобождена союзными войсками. Осенью 1944 г. комиссия была переведена в Баварию, а французская делегация переехала в Судетскую область Чехии.

Характер деятельности итальянской комиссии, находившейся в Турине, был тот же, что и немецкой комиссии в Висбадене. Разница состояла лишь в том, что если французские представители в Висбадене немцев боялись, то в Турине они итальянцев презирали. Итальянская комиссия под председательством армейского генерала Пинтора, бывшего командующего 1-й итальянской армией в Альпах, начала свою работу 28 июня 1940 г. Начальником штаба комиссии до конца 1942 г. был бригадный генерал граф Гелих. В связи с тем, что оккупированная итальянцами зона была невелика, отдельной военной администрации там не существовало. Функции управления этой территорией осуществляла сама комиссия с соответствующими подкомиссиями. Французскую делегацию в Турине возглавлял адмирал Дюпло. Кроме того, для взаимной информации в Висбадене и Турине находились соответственно итальянский и немецкий офицеры связи. Судьба комиссии в Турине была решена в связи с капитуляцией Италии и оккупацией немецкими войсками всей территории Франции.

Расчленение оккупированной территории СССР

Ход войны и оккупация части территории Советского Союза имеют свои особенности, отличные от обстановки в других странах, подвергшихся гитлеровской агрессии. Более того, имелись различия даже в республиках самого Советского Союза. Например на Украине.

Двадцатилетнее правление большевиков на Украине не вызывало в украинском народе особых к ним симпатий. Слишком многими трупами был усеял их кровавый путь. Но в то тревожное утро 22 июня 1941 г. перед миллионами как сторонников, так и противников советской власти на Украине встал вопрос: с кем же быть? Станет ли германское вооруженное вторжение той счастливой звездой, которая осветит Украине путь к свободе, и станет ли режим Гитлера лучше сталинского? Однозначного ответа на этот гнетущий вопрос не было у многих из тех, кто с любопытством и одновременно с озабоченностью наблюдал за проходившими мимо колоннами немецких солдат, спешивших на восток.

Для многих на Украине и в других республиках было ясно, что эта вражеская оккупация ни к чему хорошему не приведет и что нужно спасать родину, даже если она не мать, а опостылая мачеха. Другая же часть (и немалая) заняла позицию выжидания — как же поведут себя новые (какие по счету!) завоеватели Украины. Значительная часть украинцев, как, впрочем, и других народов Советского Союза, в первые дни и недели войны отказывалась верить, что потомки Гете, Шиллера, Баха, Бетховена и других великих немецких гуманистов могут стать насильниками и убийцами. Ведь на благородных идеях этих великих немцев немецкий народ

воспитывался на протяжении двух веков. Так неужели Гитлеру всего за 9 лет удалось свести это воспитание на нет!

Как первая ласточка еще не делает весны, так и передовые части германской бронеармады еще не определяли характера нового оккупационного режима. Это стало известно несколько позднее, когда вслед за волной танков, мотоциклов и бронемашин с запада покатилась новая тревожная волна слухов о совершаемых немецкими отрядами безопасности при участии солдат вермахта и местных коллаборационистов массовых расстрелах евреев и комиссаров, коммунистов и комсомольцев, партийных и советских активистов, о голодной смерти в лагерях тысяч и тысяч советских военнопленных.

Немало украинских патриотов ушло в эти дни в леса, чтобы с оружием в руках сопротивляться чужеземному захватчику. Организаторами партизанского движения выступили коммунисты и комсомольцы.

В первые месяцы войны до осени 1941 г. гитлеровским войскам удалось захватить большую территорию Советского Союза. Они стояли у стен блокированного Ленинграда, в нескольких десятках километров от Москвы. На юге враг рвался к Харькову, Донбассу, в Севастополь. Он занял часть Карелии, Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, почти всю Украину, Крым и некоторые области Российской Федерации. В целом вражеские войска к концу 1941 г. продвинулись на восток на 850—1200 км.

Однако в ходе битвы за Москву и общего контрнаступления зимой 1941/42 гг. советские войска нанесли врагу сокрушительные поражения. Они освободили свыше 11 тыс. населенных пунктов, в том числе областные города Калинин и Калугу, а также свыше 60 других городов. От захватчиков были полностью очищены Московская и Тульская области, частично Ленинградская, Калининская, Смоленская, Орловская, Курская, Харьковская и Донецкая, Керченский полуостров.

Таким образом, оккупированная советская территория была сокращена. Обрели свободу миллионы советских граждан. Одновременно советские партизаны очищали от врага обширные районы и создавали так называемые «партизанские края» в Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской областях, в ряде районов Белоруссии и на других территориях. В этих краях не существовало немецко-фашистских оккупационных органов.

Потерпев поражение под Москвой и на некоторых других участках восточного фронта, Гитлер не отказался от своей главной политической цели — уничтожить Советский Союз и поработить его народы. Весной 1942 г. немецко-фашистское командование на юге советско-германского фронта развернуло новое наступление, которое продолжалось до осени. В ходе его вражеским войскам удалось продвинуться еще на 500—650 км. Они прорвались к Главному Кавказскому хребту и к Волге у Сталинграда. В целом же оккупированная к ноябрю 1942 г. советская территория составляла

1795 тыс. кв. км и охватывала 50 областей. До войны на ней проживало около 80 млн человек, или 41,9% населения СССР, и выпускалась 1/3 всей валовой продукции промышленности. Посевные площади этих районов составляли 47% всех посевных площадей страны.

Это был максимальный размер территории СССР, которую врагу удалось оккупировать к осени 1942 г. за весь период войны. Затем в ходе борьбы советских вооруженных сил за достижение коренного перелома в войне и в последующих сражениях она значительно сократилась. Так, лишь в результате победоносного наступления зимой 1942/43 гг. советские войска отбросили противника на запад на некоторых участках до 600—700 км и освободили территорию в 494 тыс. кв. км.

В целом же с ноября 1942 г. по декабрь 1943 г. было освобождено 46,2% советской территории, захваченной врагом в 1941 и 1942 гг., где до войны проживало более 41 млн человек. В общей сложности за два года (с декабря 1941 г. по декабрь 1943 г.) было освобождено 53% территории СССР, на которой до войны проживало почти 46 млн человек.

Во второй половине 1944 г. в результате новых мощных наступательных операций советских вооруженных сил советская земля была полностью очищена от врага. Советские войска начали освободительную миссию в зарубежных странах.

В Советском Союзе оккупанты применяли большой диапазон форм и способов расчленения захваченной территории. Прежде всего следует напомнить, что вслед за Германией с 22 по 26 июня 1941 г. войну Советскому Союзу объявили еще четыре страны — Венгрия, Румыния, Италия, Финляндия и марионеточные правительства Словакии и Хорватии. Однако войска только Германии, Румынии и Финляндии имели свои самостоятельные полосы, на которых и была создана впоследствии гражданская оккупационная администрация. Войска Италии, Венгрии и Словакии, а также ряд так называемых «добровольческих легионов» других зависимых от Германии стран действовали в полосах и в составе групп армий вермахта и самостоятельных оккупационных зон не имели.

На этой территории, как и в других оккупированных странах, гитлеровская Германия установила так называемый «новый порядок». Это был жестокий режим военной оккупации, которого еще не знала история войн. В политическом отношении он означал кровавый террор и произвол, ликвидацию местных органов государственной власти, устранение элементарных демократических прав; в экономическом — безудержное ограбление и разорение хозяйства страны и собственности ее граждан; в национальном — геноцид, национальную дискриминацию, разрушение национальной культуры и языка, ликвидацию местной интеллигенции; в идеологическом — попытку любыми средствами духовно растлить и обезоружить советских людей.

Германский историк Н.Мюллер обоснованно делит немецко-фашистскую оккупацию на захваченных территориях СССР на три этапа. В первый, продолжавшийся до зимы 1941/42 гг., формировались зоны военного управления и гражданского управления. В первую входила зона от линии фронта до тыловых границ групп армий и достигала в глубину до 200—300 км. Власть в ней осуществлялась соответствующим командующим. Ответственным за состояние зоны на всем восточном фронте был генерал-квартирмейстер главного командования сухопутных войск (ОКХ).

Вся остальная оккупированная территория входила во вторую зону, находившуюся в ведении гражданских оккупационных властей, которые подчинялись имперскому Министерству по делам оккупированных восточных областей (Восточному министерству) во главе с А.Розенбергом. Эта зона подразделялась на рейхскомиссариаты, те в свою очередь делились на генеральные округа, главные округа и районы[67].

Границы этих зон менялись в зависимости от изменения линии фронта. Так, к осени 1942 г., т.е. ко времени максимальных территориальных захватов вермахта на востоке, в зоне военного управления проживало до 30 млн человек и в зоне гражданского управления и на аннексированных территориях — примерно 50 млн человек[68].

Уже в первые месяцы оккупации из запланированных гитлеровцами пяти были созданы два рейхскомиссариата — Украина и Остланд. В первый входила большая часть территории УССР, за исключением нескольких областей Западной Украины, присоединенных к польскому генерал-губернаторству, территории западнее Южного Буга и прифронтовой полосы. В состав того же рейхскомиссариата была включена и южная часть территории Белоруссии. По состоянию на 1 января 1943 г. этот рейхскомиссариат (по немецким данным) занимал территорию почти 340 тыс. кв. км, на которой проживало более 16 млн человек[69].

Рейхскомиссариат Остланд включал в себя Литву, Латвию и Эстонию, большую часть Белоруссии, а также части Ленинградской и Псковской областей. Его территория составляла (по немецким данным) 232 тыс. кв. км с населением более 8 млн человек[70]. Белостокская и северная часть Брестской области площадью в 31 тыс. кв. км и населением около 1,5 млн человек не входили ни в один из рейхскомиссариатов. Они получили самостоятельный статус управления и не были аннексированы Германией путем присоединения к Восточной Пруссии. Здесь была введена гражданская администрация во главе с гаулейтером Э.Кохом[71].

Большая часть оккупированных областей России находилась в ведении военного командования, но она также была разбита на генеральные округа в ожидании, пока фронт продвинется далее на восток. Так, в состав генерального округа Тула предполагалось включить полностью Тульскую область, северную часть Орловской и восточную часть Смоленской областей. Их территория составляла

около 79 тыс. кв. км с населением 3400 тыс. человек (по немецким данным)[72].

Значительную советскую территорию официально аннексировала королевская Румыния. Еще в августе 1941 г. в ее состав были включены Черновицкая и Измаильская области. Южные районы Винницкой и районы Одесской и Николаевской областей (площадью 50 тыс. кв. км с населением 2,2 млн человек) румынские оккупанты назвали «Транснистрией» и ее также фактически аннексировали[73].

К Финляндии были присоединены территории Карельского перешейка и Восточной Карелии, на которых оккупационную власть осуществляло финское Военное управление Восточной Карелии[74].

Местному населению строго запрещалось переходить «границы» оккупационных зон не только разных оккупирующих стран, но и «границы» между рейхскомиссариатами. В одном из объявлений оккупационных властей строго предупреждалось, что «пограничная охрана имеет приказ беспощадно стрелять в каждого, кто сделает попытку перейти границу»[75].

По мере продвижения вермахта на восток создавались оккупационные органы, которым военные власти передавали свои полномочия. Здесь ликвидировались существовавшие советские порядки и учреждения, осуществлялись грабеж экономический и культурных ценностей, террор против советских людей.

С провалом блицкрига, который был предопределен победой советских войск под Москвой, начался второй этап оккупации, продолжавшийся до лета 1943 г. Он характеризовался максимальным использованием материальных и людских ресурсов оккупированной территории в интересах Германии, массовым угоном советских людей на работы в Германию, продолжением и усилением террора.

Массовое изгнание немецко-фашистских оккупантов с советской земли, начавшееся после победы под Сталинградом и особенно под Курском, определило специфику третьего этапа оккупационной политики на еще неосвобожденных территориях. Она состояла в том, что оккупационные власти в больших масштабах осуществляли тактику «выжженной земли», активизировали угон совстских людей на фашистскую каторгу, усиливали террор против населения, осуществляя при этом по-прежнему политику «кнута и пряника».

В связи с продвижением немецко-фашистских войск на восток летом 1942 г. территория, перешедшая под управление гражданской администрации, была расширена. Директивой Коха от 29 августа 1942 г. с 1 сентября в его ведение перешли генеральные округа Киев (Киевская область на Левобережье и Полтавская область), Днепропетровск (Левобережье Днепропетровской области и часть Запорожской области, не вошедшая в генеральный округ Крым) и Крым (частично Таврия) в составе Николаевской и частично Запорожской областей.

Территория и население рейхскомиссарита Украины по состоянию на 1 января 1943 г. представлены в следующей таблице (по немецким данным).

Генеральные округа	Число районов	Территория в кв. км	Население
Волыно-Подольский	25	80507	4211916
Житомирский	52	64800	2916890
Киевский		71790	4455927
Николаевский	13	46880	1920253
Днепропетровский	20	52397	2743041
Крымский (частично Таврия)	5	22900	661981
Всего	115	339304	16310008

Эти данные свидетельствуют о том, что в годы войны $^3/_4$ довоенной территории УССР, составлявшей 533,3 тыс. кв. км, находились в ведении рейхскомиссара Украины.

Рейхскомиссариат Остланд включал в себя Литву, Латвию, Эстонию, часть Белоруссии и часть Ленинградской и Псковской областей и был разбит на генеральные комиссариаты Литву, Латвию, Эстонию и Белоруссию. Рейхскомиссаром Остланда стал гаулейтер и оберпрезидент Шлезвиг-Гольштейна группенфюрер СА Г.Лозе с резиденцией в Риге. В сентябре 1944 г. его заменил Э.Кох, который к тому времени потерял свои «владения» на Украине.

Территория и население рейхскомиссариата Остланд представлены в следующей таблица (по немецким данным).

Генеральные округа	Число районов	Территория в тыс. кв. км	Население
Латвия	6	65,8	1900000
Эстония	7	47,5	1100000
Литва	6	59,7	2800000
Часть Белоруссии	2	59,0	2500000
Всего	21	232,0	8200000

Посетив в сентябре 1941 г. Таллин, Гиммлер распорядился, чтобы в генеральный округ Эстонию вошла и так называемая Ингерманландия, т.е. часть Ленинградской и Псковской областей в треугольнике между г. Островом, оз. Ильмень и Копорским заливом.

Директивой Гитлера от 29 ноября 1941 г. вся территория Эстонии с 24 часов 5 декабря формально была изъята из ведения тыло-

вого района группы армий «Север» и передана под гражданское управление рейхскомиссара Остланда. Фактически же здесь существовало двоевластие: генерального комиссара К.Лицмана с резиденцией в Таллине и начальника тыла группы армий «Север» генерала Ф.Рокка со штабом в г. Выру (летом 1943 г. его сменил генерал Г.Бот).

Генеральный округ Эстония предполагалось создать в составе семи районов: Таллинского, Тартусского, Пярнуского, Нарвского, Аренсбургского (Куресааре, Кингисепп), Псковского и Новгородского. Город Таллин должен был подчиняться непосредственно генеральному комиссару. Но находившиеся в зоне боевых действий Новгородский и Псковский районы фактически так и не были организованы, а назначенная в них оккупационная администрация находилась в Нарве и Печере. Через некоторое время она была вообще расформирована.

К генеральному округу Белоруссия по состоянию на 10 августа 1941 г. отошла территория в 68 тыс. кв. км, а с присоединением части Калининской и Смоленской областей и Орши общей площадью около 50500 кв. км его территория составляла почти 210500 кв. км с населением 9 млн человек. В генеральный округ входило 5 главных округов: Барановичи, Минск, Могилев, Витебск и Смоленск. Они в свою очередь делились на 38 сельских и 5 самостоятельных городских районов, являвшихся одновременно центрами главных округов.

Округ Белосток в составе Белостокской и северной части Брестской области площадью в 31110 кв. км с населением около 1,5 млн человек директивой Гитлера от 1 августа 1941 г. получил самостоятельный статус немецкого управления. В административном отношении он не был формально включен в состав Восточной Пруссии, но фактически это было аннексией. К тому же начальником гражданской администрации являлся гаулейтер Восточной Пруссии Э.Кох. 15 августа 1941 г. Гитлер издал директиву о временном управлении округом Белосток, а месяц спустя определил его границы: территория севернее и юго-восточнее Гродно была изъята из рейхскомиссариата Остланд и присоединена к Белостоку. В административном отношении он был разделен на город и район Белосток и на районы Бельск, Граево, Августов, Гродно, Ломжа, Соколка и Волковыск.

Газета «Дас рейх» 10 января 1943 г. опубликовала карту, на которой округ Белосток показан такой же серой краской, как и вся Германия. Граница между Белостоком и остальной Германией на карте вообще не была отражена. Кох объяснял это тем, что он как рейхскомиссар Украины хотел иметь прямую связь со своей «родиной — Восточной Пруссией», а также иметь сплошную территорию для удобства управления.

Южная часть Белоруссии, как уже упоминалось, была присоединена к рейхскомиссариату Украина. Витебская, Могилевская, основная часть Гомельской, северная часть Полесской и восточная

часть Минской областей в связи с близостью фронта находились в ведении военного командования.

Всего в генеральном округе Белоруссии проживало, как видно из таблицы, 2,5 млн человек, т.е. менее 1/3 всего населения БССР (до войны население республики составляло 9200 тыс. человек).

Оккупированные области РСФСР находились в ведении военного командования, но они также были разбиты на соответствующие округа, и их будущие правители лишь ждали, пока фронт продвинется далее на восток. Так, например, в состав генерального округа Тула по состоянию на конец ноября 1941 г. входили полностью Тульская область, северная часть Орловской и восточная часть Смоленской областей.

Оккупированная финнами территория Карело-Финской ССР составляла 44440 кв. км. На ней оккупационную власть осуществляло финское Военное управление Восточной Карелии. До оккупации в Карело-Финской республике проживало 700 тыс. человек, но после прихода финских оккупантов в республике оставалось 50 тыс. человек, из них в столице Петрозаводске — около 28 тыс. человек.

Партизанское командование в начале 1942 г. информировало Центр, что в Карелии трудно развернуть разведывательно-агентурную работу, потому что в республике много предателей, работающих на врага. В ходе боевых действий почти все населенные пункты, особенно на севере страны, были уничтожены. Оккупированная территория была разделена на три округа. Старосты населенных пунктов, как правило, прибывали из Финляндии.

В декабре 1941 г. финские оккупационные власти провели сплошную паспортизацию: вместо советских паспортов выдавались временные удостоверения. Русским выдавали удостоверения красного цвета, а для карело-финнов — бледно-голубые. Комендантский час для русских в Петрозаводске начинался с 18 часов, а для карело-финнов — с 21 часа[76].

Зуд на создание новых рейхскомиссариатов и реорганизацию уже имевшихся особенно проявился у оккупантов с лета 1942 г., когда войска вермахта рвались к Волге, захватили Дон и Кубань, достигли Главного Кавказского хребта.

В этой связи весьма любопытно сохранившееся в архивах письмо Розенберга фюреру от 29 июля 1942 г. В деловой манере человека, которому кажется, будто в его кармане находится уже вся Россия, глава Восточного министерства рассуждал о том, что впредь рейхскомиссариаты не должны быть крупными. Остланду, например, он отводил территорию в 550 тыс. кв. км, но зато его восточная граница должна простираться до Волхова и Валдайских высот. Украине Розенберг предоставлял территорию в 1 млн кв. км, но ее северная граница проведена, мол, не по-хозяйски. И он рекомендовал расширить ее на север с таким расчетом, чтобы железнодорожная линия, соединявшая Саратов с генерал-губернаторством через Брянск, целиком проходила по территории этого рейхс-

комиссариата. Было бы неплохо, рассуждал далее Розенберг, чтобы между Украиной и Кавказом вплоть до р. Урал создать самостоятельный рейхскомиссариат и включить в него Ростовскую, Воронежскую, Саратовскую и Сталинградскую области и Республику немцев Поволжья. Для такого решения, по мнению Розенберга, имеется две причины: во-первых, Украина будет ограничена лишь своими национальными границами, и, во-вторых, эту территорию в 550 тыс. кв. км будут заселять донские казаки, калмыки, остатки немецких колонистов и «часть степных народов».

Судя по письму, у Розенберга были не только идеи создания новых административных единиц, но и готовые кадры как для замещения должностей рейхскомиссаров, так и генеральных комиссаров. Так, министр спешил доложить Гитлеру, что весьма приемлемой кандидатурой для генерального комиссара Ростова мог бы стать заместитель гаулейтера Зикмейер, для Сталинграда — обергруппенфюрер СА Бенке, для Воронежа — заместитель гаулейтера Симон, для Саратова — группенфюрер СС Шпоренберг, а для Калмыкии — бригадефюрер СС Иост. Осталась лишь Республика немцев Поволжья, но, учитывая особенность этой территории, над кандидатурой ее генерального комиссара Розенберг должен еще подумать.

На уже упоминавшемся совещании в ставке 16 июля 1941 г. Гитлер рассуждал, что следовало бы присоединить к Германии в форме «военных колоний» весь Крым, часть Поволжья и район Баку.

В оккупационных органах, подчиненных Восточному министерству, была занята большая армия чиновников. Так, в органах одного лишь генерального комиссариата Литвы работало около 300 сотрудников-немцев. При подборе сотрудников Восточного министерства и подчиненных ему органов к ним предъявлялись особые требования. Указом Гитлера от 16 января 1942 г. все они входили в специальный корпус чиновников, имевший свой устав.

Таковы некоторые особенности расчленения оккупированной территории Советского Союза, которые рассматривались Гитлером как важное средство раскола единства советского народа и ослабления его борьбы за свободу и независимость своей родины.

Созданием искусственных границ немецко-фашистские оккупанты преследовали далеко идущую политическую и социальную цель — ликвидировать территориальную целостность западной части Советского Союза. Расчленение советской территории рассматривалось гитлеровскими захватчиками и как важное средство парализовать борьбу советских людей за свободу и независимость своей родины. Оно не было временной мерой, предназначенной для удобства управления в условиях войны, а долговременной программой, рассчитанной на то, чтобы увековечить господство захватчиков на Востоке.

В соответствии с данными партизанских командиров вырисовывалась картина, как вели себя оккупанты после вступления в тот или иной населенный пункт. Прежде всего они назначали бургомистра или старосту, объявляли правила поведения жителей. Бургомистр и староста отвечали за безопасность, создавалась полиция по поддержанию порядка. Полицейские носили нарукавные белые повязки. За любую акцию партизан отвечали все жители. Всем пригрозили, что будет расстреляно вдвое больше, чем пострадало немцев. За повреждение дорог и мостов расстреливалось не менее трех жителей. За предоставление убежища посторонним виновные подвергались смертной казни через повешение.

Основными документами жителей являлись перерегистрированный паспорт с немецкой отметкой для жителей городов и паспорт и справка от старосты — для жителей деревень. Для закупки продуктов в близлежащих деревнях выдавались специальные пропуска. Военнопленным комендант лагеря выдавал специальные пропуска с указанием маршрута следования.

Оккупационная администрация в Греции

Принципиальное соглашение о разделе Греции на оккупационные зоны было достигнуто 21 — 22 апреля 1941 г. во время встречи Риббентропа и Чиано в Вене. Германия предложила, чтобы оккупационную службу на большей части территории Греции несли итальянские войска. В итальянскую зону входили Эпир, Амвракийский залив, Фессалия, Центральная Греция (кроме побережья Саронического залива и Аттики), Пелопоннес, Эвбея и Киклада (за исключением островов Милос, Икария и Самос). Немецкая военная администрация, в соответствии с указом Гитлера от 17 мая 1941, управляла лишь наиболее важными стратегическими районами страны. На севере под ее управлением находились Салоники до р. Струмы, районы Пелла, Халкидика, гора Афон и часть районов Флорина и Козане, а также острова Хиос, Скурос и др. На юге они захватили Афины, порт Пирей, острова в Афинском заливе и район Кефизию северо-восточнее Афин. В руках немцев находились также острова Милос, Кыфера, Антикыфера и большая часть Крита. Небольшую часть восточного Крита занимали итальянцы[77].

Штаб 12-й армии фельдмаршала В.Листа располагался в Афинах. В последующие месяцы второй половины 1941 г. и в 1942 г. территория, находившаяся под управлением германской администрации, была несколько расширена. Тем не менее Греция формально считалась сферой влияния Италии, а Ионические острова были официально аннексированы итальянцами.

Зная, что в аннексии части территории Греции были заинтересованы и монархо-фашистские правители Болгарии, Муссолини еще в середине октября 1940 г. предложил царю Борису принять совместную с Италией военную акцию против Греции. Однако

тогда болгарские правящие круги сочли несвоевременным принимать это предложение. Лишь в апреле 1941 г., когда Германия совершила нападение на Грецию, они заняли часть греческой территории — Западную Фракию и Эгейскую Македонию. Во время встречи с Чиано 18 декабря 1942 г. Гитлер прямо сказал, что для Германии полезно, когда из-за стремления Болгарии занять всю Фракию между нею и Турцией будут существовать разногласия[78].

Фашистская агрессия против двух балканских стран и особенно против Греции была осуществлена с территории Болгарии. На турецкой границе были сосредоточены болгарские войска, чтобы прикрыть фланг и тыл вермахта от возможных военных мер Турции. Таким образом, фашистское правительство Болгарии стало соучастником гитлеровского разбойничьего похода против свободы балканских народов. Это было непосредственным результатом присоединения Болгарии к Тройственному пакту. Узкую полосу района Эвроса с г. Дидимотихоном между турецкой границей и болгарской оккупационной зоной немцы заняли сами, создав здесь так называемую «полосу безопасности».

В целом в оккупации Греции приняли участие германские, итальянские и болгарские войска общей численностью 300 тыс. человек[79].

Германо-итальянские оккупанты не сочли в данный момент целесообразным принять непосредственно на себя управление всей Грецией. Как и в некоторых других оккупированных ими странах, в Греции с благословения местной олигархии было создано квислинговское правительство во главе с генералом Г.Чолакоглу. Характерно, что почти весь государственный аппарат старой монархо-фашистской диктатуры перешел на службу к оккупантам. Чолакоглу был объявлен также главой государства. Средние и низшие звенья государственного управления остались те же, что и до оккупации. Греция делилась на 10 областей. В начальный период оккупации Македония, Эпир, Фракия и Крит управлялись генерал-губернатором, имевшим при себе трех советников. Префектов назначало правительство, никаких совещательных органов в префектурах не существовало, хотя в них проживало в среднем по 160 тыс. человек. Греческое самоуправление было резко ограничено оккупационными властями. Местная полиция полностью находилась под контролем немецкого начальника СС и полиции безопасности[80].

Вместе с тем директивой Гитлера от 28 апреля 1941 г. учреждался «имперский уполномоченный для Греции» с местопребыванием в Афинах, который одновременно являлся послом Германии при греческом правительстве. Им был назначен Г.Альтенбург. На него возлагалась обязанность, как отмечалось в директиве, «до установления нормальных дипломатических отношений с Грецией представлять политические, экономические и культурные интересы рейха в Греции при новом греческом правительстве». В его обязанности также входило поддерживать контакты с итальянскими оккупационными властями в Греции. Здесь же в Афинах расположились гитлеровские органы гестапо, СД, полиции, различные экономические и другие представители.

Такие же функции в Афинах выполняли по приказу Муссолини итальянский уполномоченный в Греции и посол при греческом правительстве П.Киджи с огромным аппаратом различных советников и чиновников, представлявших интересы важнейших министерств и ведомств фашистской Италии. Сразу же после капитуляции Греции итальянцы наводнили свою оккупационную зону кроме регулярных войск и многочисленными карательными органами. Влиятельное место среди этих органов занимала политическая и военная полиция.

В Салониках располагался штаб командующего на Юго-Востоке, которому подчинялись немецкие войска в Сербии, в районе Салоник, на Эгейских островах, а также в Южной Греции. Однако с конца 1942 г. в соответствии с директивой Гитлера структура германского командования на Балканах была несколько изменена.

Таким образом, в Греции был установлен своеобразный германо-итальянский кондоминимум с двумя командующими войсками, двумя военными администрациями, двумя политическими и экономическими уполномоченными и другими представителями Германии и Италии.

В Греции, как и в других странах, где сталкивались интересы Германии и Италии, отчетливо проявлялось соперничество этих двух агрессивных держав, от которого страдал прежде всего греческий народ. Это соперничество имело самые разнообразные формы и серьезно отражалось на характере оккупационного режима в Греции. Например, итальянские власти в своей зоне оккупации отобрали у местного населения все радиоприемники, хотя немцы в своей зоне этого пока не делали. Причем итальянцы объясняли свою меру тем, что, мол, греки радиопередачи из Италии все равно не слушают, а другие радиопередачи, в том числе и немецкие, им слушать нечего. Как подтверждают жалобы соответствующих немецких органов в Афинах, запрет итальянцев серьезно задел интересы Германии, во-первых, тем, что он мешал немцам пропаганде на греческое население и, во-вторых, ограничивал производственные возможности греческой радиопромышленности, которая после оккупации перешла в руки немецкой фирмы «Телефункен». Германские оккупационные власти демонстративно разрешили офицерам распущенной греческой армии носить личное оружие. Итальянские власти немедленно поступили наоборот: всем греческим офицерам они приказали сдать свое личное оружие.

Многочисленные донесения агентов гестапо за 1942 г. также подтверждают, что отношения между германскими и итальянскими властями в Греции продолжали ухудшаться. Имели место даже вооруженные стычки между военнослужащими обеих стран. Итальянские власти открыто призывали греческих политических деятелей сопротивляться мероприятиям немцев и прекратить с ними какие-либо связи. Так, в мае 1942 г. итальянский посол в Афинах при-

гласил к себе лидера Национал-социалистического союза Греции и предложил ему прекратить сотрудничество с германскими органами. Тот же посол предложил лидеру националистической организации «Эде» Беносу поехать на некоторое время в Рим для ознакомления с идеологией итальянского фашизма. Когда же Бенос ответил, что в Рим он поедет лишь после того, как в Берлине ознакомится с идеологией германского национал-социализма, посол не разрешил ему издавать газету. Имелись также факты, когда итальянские оккупационные органы мешали отправке продуктов из Греции в Германию, чинили препятствия всем тем греческим организациям, которые выступали за сотрудничество с Германией. Все это вынуждало немецкие власти применять определенные контрмеры. Например, германское посольство в Афинах внесло в Берлин предложение, чтобы до тех пор, пока итальянцы в Греции будут вести антигерманскую политику, воспрепятствовать их претензиям на французские территории Корсику, Тунис, Ниццу и др.

Обострились также разногласия между итальянскими и болгарскими властями. Например, итальянский консул в Западной Фракии с августа 1942 г. стал весьма энергично вербовать местных греческих жителей для переселения на албанскую территорию, где они станут, как им обещали, итальянскими гражданами со всеми вытекающими отсюда привилегиями. Подобная деятельность итальянцев вызывала недовольство болгарских властей во Фракии. Если итальянские власти разрешили главе греческого правительства Чолакоглу выступать в печати с требованием возвращения Фракии и за создание великой Греции, то немецкий уполномоченный и посол Германии в Афинах Альтенбург запретил это.

В августе 1942 г. в Афинах стали распространяться слухи о том, будто в Грецию скоро прибудет сам Муссолини, чтобы обсудить здесь с правительством Чолакоглу условия сепаратного мира без участия Германии. Утверждали, что итальянцы выдвинули следующие условия мира с Грецией:

Греция должна передать Италии Ионические острова и район Теспротия в Западном Эпире;

— Сербия передаст Греции пограничную железнодорожную станцию Гевгелию и г. Битоль;

— Болгария возвратит Греции оккупированные ею районы греческой Македонии и Западной Фракии, но получит коридор к Эгейскому морю через порт Александропулис;

— Греция мобилизует и предоставит державам оси 10 дивизий.

Разногласия существовали не только между немцами и итальянцами, но и между различными итальянскими инстанциями в Греции.

Положение в Греции, как и в других оккупированных итальянцами странах, существенно изменилось с середины 1943 г. после свержения Муссолини и капитуляции Италии. Угроза гитлеровского командования разоружить итальянцев в Греции вынудила их пойти на переговоры с ЭЛАС для совместных действий против немцев. 10 тыс. итальянских солдат действительно перешли на сторону греческих партизан и сражались совместно с ними против общего врага вплоть до освобождения страны. В это время вся Греция, за исключением Западной Фракии и Эгейской Македонии, была оккупирована немецкими войсками.

Чтобы более активно привлечь греческих национальных предателей на службу Германии, гитлеровские власти 2 октября 1943 г. решили формально несколько расширить права нового квислинговского правительства И.Раллиса и передали ему власть в бывшей итальянской оккупационной зоне. Но для большего контроля над деятельностью этого правительства в Афины был назначен специальный уполномоченный Германии Г.Пойбахер. К сентябрю 1944 г. здесь находилась 180-тысячная немецко-фашистская армия[81]. Болгарская оккупационная зона была расширена до р. Вардар и Салоник[82].

На сторону греческих партизан стали переходить не только итальянцы, но и солдаты германских оккупационных войск в Греции, особенно из «штрафного батальона № 999», состоявшего в основном из политически «неблагонадежных» солдат. Среди них был и В.Ильмер, который вместе с группой других немецких антифашистов перешел в ЭЛАС на Пелопоннесе. С января 1944 г. Ильмер стал работать в главном штабе ЭЛАС[83].

С осени 1943 г. немецко-фашистские оккупанты предприняли новую волну террора и репрессий, чтобы все же подавить сопротивление греков. Совместно с греческими коллаборационистами они осуществили ряд карательных операций против партизан и политических акций, с тем чтобы воспрепятствовать греческому народу сплотиться с целью изгнания врага. В начале апреля 1944 г. фашисты казнили 150 человек в предместье Ламии, 64 — в Ларисе, 50 — в Коринфе. 1 мая были расстреляны 200 коммунистов из тюрем Акронафплии и Анафи. Массовые казни в различных городах продолжались и в последующие месяцы 1944 г. Активную помощь гитлеровцам в терроре против греков оказывали формирования так называемых «национальных охранников». Последнюю на территории Греции карательную операцию гитлеровцы провели в августе 1944 г.

В борьбе против общего врага тесно сотрудничали греческие и болгарские антифашисты. Компартия Болгарии разоблачала стремление властей создать привилегированное положение для болгарского населения Фракии и тем самым противопоставить его греческому населению. Она призывала трудящихся болгар и греков к единству действий против фашизма. Позиция БКП была выражена, в частности, в воззвании ЦК партии в связи с восстанием в Драме осенью 1941 г. В этом документе партия осудила действия болгарских властей, их практику насильственного выселения греков и призвала к защите прав коренного населения Фракии — болгар и греков[84].

Победа советских войск под Яссами и Кишиневом и вызванная ею активизация освободительного движения в Югославии, Греции и в других Балканских странах заставили гитлеровское командование 26 августа 1944 г. отдать предварительный приказ об оставлении сперва греческих островов, а затем и континентальной Греции. Дислоцированные на островах немецкие войска были блокированы английским флотом и фактически обречены. Но неожиданно английское командование пропустило их на материк взамен на обещание, как утверждает А.Шпсер, что они будут удерживать и «не сдадут русским Салоники до подхода англичан». Такую сделку Гитлер санкционировал[85]. Это весьма показательный штрих в антисоветской политике британского правительства на Балканах.

12 октября 1944 г. войска ЭЛАС освободили Афины и Пирей, затем 30 октября — Салоники и другие греческие города. К 4 ноября вся территория Греции была очищена от оккупантов. Высадившиеся в Греции английские войска на почтительном расстоянии продвигались на север вслед за отступавшими немецкими частями. Одновременно с греческими реакционными силами они развязали гражданскую войну в Греции, в ходе которой было пролито немало крови. Командующий английскими войсками в Греции генерал Р.Скоби усердно выполнял указания Черчилля, чтобы в Афинах «действовать без колебаний, так, как если бы вы находились в побежденном городе, охваченном местным восстанием»[86].

Немецко-фашистские захватчики, оккупировав ряд стран и территорий Европы, при содействии национальных предателей осуществляли в них преступную политику произвольного расчленения и аннексии. Это было грубейшим нарушением общепринятых норм и обычаев войны, в частности духа и буквы IV Гаагской конвенции 1907 г., в которой было сказано, что впредь до заключения мирного договора захваченные территории не могут быть инкорпорированы в состав территории одного из воюющих государств. Расчленение оккупированных стран являлось не временной мерой, предназначенной для удобства управления в условиях войны. Это была долговременная программа, рассчитанная на то, чтобы увековечить господство германского империализма в захваченных странах.

Примечания

[1] Хаджиниколов В. Стопанска отношения и врьезки между България и Съветски Съюз до девети септември (1917—1944 г.). София, 1956. С. 227.
[2] Правда. 21 марта 1941 г.
[3] Внешняя политика СССР. Т. IV. М., 1946. С. 547.
[4] Там же. С. 549—550.
[5] История Коммунистической партии Чехословакии. М., 1962. С. 442.
[6] Свобода Людвик. От Бузулука до Праги. М., 1969. С. 23.
[7] Большевик. 1939. № 20. С. 3—4.
[8] Bauer Otto. Die illegale Partei. Fr. a/M., 1971. S. 11.

[9] 1945 — der Sieg über Faschismus.
[10] Тайны истории. Вильгельм Кейтель. Размышления перед казнью. М., 1998. С. 162.
[11] Там же. С. 170.
[12] Там же. С. 185.
[13] Там же. С. 187—199.
[14] История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 3. М., 1974. С. 20.
[15] Коммунистический Интернационал. 1941. № 1. С. 70—75.
[16] Michel H.Petain, Laval, Darlan-Trois politiques? P., 1972. P. 17.
[17] Тито И.Броз. Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 65—66.
[18] Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka 1939—1945. T. 2. W-wa, 1972. Str. 346.
[19] Ibid. Str. 229—230.
[20] ГВА РФ. Ф. 500. Оп. 1. Д. 775. Л. 100.
[21] Там же.
[22] Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka. T. 1. Str. 345.
[23] Ibid.
[24] Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka. T. 2. Str. 548—549.
[25] Ibid. Str. 327.
[26] Ibid. Str. 164.
[27] Ibid. Str. 251.
[28] Носкова А.Ф. Разорение экономики Польши гитлеровской Германией 1939—1944 (Территория генерал-губернаторства). М., 1971. С. 62.
[29] Landau L. Kronika lat wojny i okupacji. T. 3. W-wa, 1963. Str. 249.
[30] Польское рабочее движение в годы войны и гитлеровской оккупации. Сентябрь 1939 — январь 1945. Очерки истории. М., 1968. С. 342.
[31] Там же.
[32] Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka. T. 2. Str. 417.
[33] Ibid. Str. 511.
[34] Vrazalio E. Ocupacioni sistemi u Jugoslawji v svjetlu medunarodnog prava. Sarajevo, 1966. Str. 158—159.
[35] Corriere della Sera. 21.5.1940.
[36] Валев Л. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964. С. 289.
[37] Tudmann Fr. Okupacija i revolicija. Zagreb, 1963. Str. 209—210.
[38] ГВА РФ. Ф. 1457. Оп. 1. Лл. 1201—1212.
[39] История Национального Сопротивления в Греции. 1940—1945. М., 1977. С. 19.
[40] Кавальеро У. Записки о войне. Дневник начальника итальянского генерального штаба. М., 1968. С. 53.
[41] Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 387.
[42] Кавальеро У. Указ. соч. С. 59.
[43] Цит. по: Кирьякидис Г.Д. Греция во второй мировой войне. М., 1967. С. 85.
[44] Schramm von Tadden E. Griechenland und die Großmächte im Zweiten Weltkrieg. Wiesbaden, 1955. S. 195.
[45] История второй мировой войны. Т. 3. М., 1974. С. 267.
[46] Die deutschen Kriegsgefangenen in Jugoslawien 1941—1949. Band I/1. München, 1962. S. 3.
[47] ЦАМО. Ф. 32. Оп. 64503. Д. 6. Л. 166.
[48] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Band 1. Berlin, 1974. S. 455.
[49] История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1976. С. 471.

[50] Цит. по: Ратиани Г.М. Конец Третьей республики во Франции. М., 1964. С. 64—65.
[51] Jäckel E. Frankreich in Hitlers Europa. Stuttgart, 1966. S. 34.
[52] Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. С. 94.
[53] Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. М., 1973. С. 621.
[54] La guerre en Mediterranee 1939—1945. Actes du Colloque international tenu a Paris du 8 au 11 abril 1969. Paris, 1971. P. 486.
[55] Shirer W.L. The Rise and Fall of the Third Reich. London, 1973. P. 742.
[56] Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. С. 284.
[57] Nacisticka okupace Evropy. I/II. Praha, 1966. Str. 38—39.
[58] Дашичев В.И. Указ. соч. С. 630—634.
[59] Michel M.N. Le relations franco-italiennes... // La gerre en Méditerranée 1935—1945. Paris, 1971. P. 486.
[60] Гальдер Ф. Военный дневник. Том 2. С. 133.
[61] Michel M.N. Op. cit. P. 491.
[62] Гальдер Ф. Военный дневник. Том 2. С. 188.
[63] Там же. Том 2. С. 248.
[64] Борисов Ю.В. Новейшая история Франции 1917—1964. М., 1966. С. 143.
[65] Документы о сотрудничестве Виши с гитлеровской Германией // Международная жизнь. 1959. № 9. С. 156.
[66] Böhme Hermann. Entstehung und Grundlagen des Waffenstillstandes von 1940. Stuttgart, 1966. S. 216.
[67] ГВА РФ. Ф. 501. Оп. 1. Д. 153. Л. 3—5.
[68] Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 153. Л. 5.
[69] Verordnunsblatt des Reichskommissars fur die Ukraine. № 2, 9.1.1943.
[70] ГВА РФ. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 1210. Л. 5.
[71] Там же. Л. 113.
[72] ГВА РФ. Ф. 501. Оп. 1. Д. 153. Л. 5.
[73] Rumäniens heiliger Krieg. Buc. 1942. P. 198.
[74] Herzog R. Grundzuge der deutschen Besatzungsverwaltung in den ost — und südosteuropäischen Ländern während des Zweiten Weltkrieges. Tübingen, 1955. S. 25.
[75] Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). М., 1965. С. 41.
[76] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 725. Лл. 7—8.
[77] Herzog R. Op. cit. S. 58.
[78] Кавальеро У. Указ. соч. С. 263.
[79] История Национального Сопротивления в Греции. С. 68.
[80] Herzog R. Op. cit. S. 153—154.
[81] Кирьякидис Г.Д. Указ. соч. С. 295.
[82] Erkämpft das Menschenrecht. Berlin, 1958. S. 250.
[83] Ibid.
[84] Девяти септември и Балканите. София, 1974. С. 76—77.

Глава третья

КОЛЛАБОРАЦИОНИСТЫ КАК РЕЗЕРВ ОККУПАНТОВ В ОБРАЗОВАНИИ МАРИОНЕТОЧНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ И ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Непосредственное оккупационное управление

С первых же дней оккупации той или иной страны немецко-фашистские оккупационные власти использовали «услуги» местных коллаборационистов во всех сферах общественной жизни весьма широко. Однако особое значение они придавали участию коллаборационистов в управленческих структурах и в первую очередь в тех случаях, когда в оккупированной стране было установлено непосредственное оккупационное управление.

Структура немецко-фашистского оккупационного управления в захваченных странах зависела от планов Германии в отношении этих стран и от последовательности их осуществления. Учитывались также стратегическое положение той или иной страны и другие факторы. Несмотря на наличие многих разновидностей, все же в целом немецко-фашистскую оккупационную систему можно разделить на два вида — непосредственное управление со стороны оккупационных органов и управление через марионеточные национальные органы власти с участием местных коллаборационистов.

Непосредственное управление было установлено прежде всего на аннексированных территориях в западных воеводствах Польши, в Судетской области Чехословакии, Австрии, в югославской Каринтии, Люксембруге, Эльзасе—Лотарингии, в аннексированных районах Бельгии, в присоединенных к Восточной Пруссии Клайпеде и Белостоке. Административное деление и структура органов власти на этих территориях были в основном те же, что и в собственно Германии. Здесь существовали обычные военные округа, специфические оккупационные органы отсутствовали, действовали немецкое право, судопроизводство, для большинства местного населения было установлено гражданство Германии.

Первой страной, захваченной и присоединенной к гитлеровской Германии еще до начала Второй мировой войны, стала Австрия. На территории этой страны оккупанты формально не установили режима военной оккупации в том смысле, как это понятие было определено IV Гаагской конвенцией 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, а позже, в 1929 г., и Женевской конвенцией о защите гражданского населения во время войны. Австрия не была в состоянии войны с Германией, поэтому в соответствии с международным правом она не находилась «во власти неприятельской армии», как отмечалось в Гаагской конвенции. В стране не были установлены такие органы управления, которые можно было квалифицировать как оккупационные. Кроме того, поскольку гитлеровцы считали австрийцев немцами, к ним не применялась расовая теория, и они пользовались всеми правами и обязанностями, вытекавшими из факта их гражданства Германии, в том числе и служба в вермахте.

По фактически, а также с точки зрения международного права, гитлеровский режим в Австрии имел характер оккупации, что дало основание газете «Известия» еще 14 марта 1938 г. заявить о «гитлеровской оккупации Австрии». Однако в тексте Московской декларации об Австрии в октябре 1942 г. слово «оккупация» отсутствовало и говорилось о том, что правительства союзных держав не признают присоединения Австрии, совершенного фашистской Германией. Более того, обращалось внимание Австрии на то, что «она несет ответственность, которой не может избежать, за участие в войне на стороне гитлеровской Германии».

Какие же органы управления существовали в Австрии после вступления в нее немецко-фашистских войск?

Уже 14 апреля был принят закон об основах управления в Остмарке. Вскоре Гитлер назначил гаулейтера И.Бюркеля имперским комиссаром по делам воссоединения Австрии с Германией и поручил ему завершить всю процедуру включения австрийских земель в германскую империю. Бюркель стал выполнять это задание весьма энергично. Полными хозяевами новых имперских округов, на которые была разделена Австрия, вместо прежних ландесгауптманов стали имперские наместники и гаулейтеры — в прошлом активные борцы за аншлюс и давнишние гитлеровские агенты. Гаулейтером Большой Вены был назначен О.Глобочник, затем Бюркель. В августе 1940 г. гаулейтером и имперским наместником Большой Вены был назначен бывший руководитель гитлерюгенда Германии Б. фон Ширах.

Основой для административного деления и управления Судетской областью или так называемым «Судетенландом» в Чехословакии стал указ Гитлера от 1 октября 1938 г. «Об управлении Судетско-немецкой областью». При германском Министерстве внутренних дел было создано специальное управление по делам Судетенланда во главе со статс-секретарем В.Штуккартом. Имперским комиссаром Судетенланда был назначен К.Генлейн, который подчинялся непосредственно Гитлеру. До 20 октября 1938 г. Генлейн управлял всеми учреждениями на территории Судетенланда, за исключением военных, а как гаулейтер он руководил и всеми партийными органами области.

С апреля 1939 г. после ликвидации чехословацкого государства и создания «протектората» произошли некоторые изменения в административном делении и управлении Судетенланда. Законом от 14 апреля 1939 г. в Судетской области вводилась в полном объеме единая структура правления Германии. Имперский наместник являлся здесь представителем фюрера и правительства рейха. Он имел довольно обширные полномочия, но уже подчинялся не лично Гитлеру, а министру внутренних дел Германии.

К странам и территориям, которые были аннексированы Германией и на этом основании в них также было введено прямое немецко-фашистское управление, принадлежал и Люксембург. С середины мая 1940 г. на протяжении четырех с лишним лет люксембуржцы находились под немецко-фашистской оккупацией. По структуре оккупационных органов и характеру режима все эти годы можно разделить на два периода. На основании указа Гитлера от 9 мая 1940 г. здесь действовала немецкая военная администрация. Ее функции выполняла 517-я военно-полевая комендатура. В указе Гитлера отмечалось, что военная администрация должна действовать так, чтобы не создавалось впечатления о возможной аннексии Люксембурга, а также Франции и Бельгии.

Второй период начался введением гражданской администрации. 2 августа 1940 г. начальником гражданской администрации Люксембурга был назначен гаулейтер соседней немецкой провинции Кобленц-Трир Г.Симон. Симон распустил местную административную комиссию, которая была создана правительством Люксембурга перед его эвакуацией за границу и подтверждена палатой депутатов Люксембурга. На все административные посты были назначены местные немцы-коллаборационисты или прибывшие из Германии чиновники. Одновременно 15 августа 1940 г. обербургомистром столицы Люксембурга был назначен немец. Тогда же все оставшиеся люксембургские чиновники были освобождены от присяги на верность Великой герцогине и должны были выполнять все распоряжения начальника гражданской администрации. В последующие дни были изданы распоряжения Симона о введении в Люксембурге немецкого права и особых судов, о ликвидации всех люксембургских экономических объединений и реквизиции их имущества.

Таким образом, в течение первых трех месяцев после захвата страны гитлеровские оккупанты ликвидировали всю систему государственного управления Люксембурга и ввели свою оккупационную систему. Новыми хозяевами страны стали многочисленные гитлеровские комиссары, лейтеры, бургомистры, судьи, полицейские, чиновники СС и СД, захватившие ведущие посты в государственном аппарате, экономике, культуре, просвещении и общественной

жизни. В фашистском лексиконе даже перестало существовать название «Люксембург» — оно было заменено немецким «Лютцельбург».

Из югославских областей, аннексированных Германией и Италией и находившихся под их непосредственным управлением, самой крупной была Словения. Первые решения о судьбе Словении Гитлер принял 14 апреля 1941 г., т.е. еще до подписания акта о капитуляции югославской армии. В них устанавливалось, что в Нижней Штирии с главным городом Марибор гаулейтером и начальником гражданской администрации назначается З.Иберрейтер, а в Каринтии и Крайне с главным городом Блед — Ф.Кутчера. Они подчинялись непосредственно Гитлеру. Контроль за их деятельностью в занятых словенских провинциях возлагался на специальное Центральное ведомство имперского Министерства внутренних дел по делам занятых юго-восточных областей. Поскольку эти области считались присоединенными к Германии, то в отличие от Сербии здесь была установлена особая структура административного управления. Рабочим органом начальника гражданской администрации был штаб, состоявший из ряда отделов во главе с советниками. Бывшие районы (срезы) были реорганизованы, и во главе их стояли политические комиссары, подчинявшиеся начальнику гражданской администрации провинции. В Нижней Штирии существовало, например, 15 таких комиссаров. С 1 февраля 1942 г. совещательным органом при них были ландраты.

Обстановка в оккупированной итальянцами юго-западной части Словении, включая и г. Любляну, в принципе была такой же, что и в немецкой зоне. Однако она имела ряд особенностей. Следуя примеру Гитлера, Муссолини также присоединил оккупированную итальянцами часть Словении — так называемую Люблянскую провинцию — к Италии. Верховную власть в ней осуществлял верховный комиссар, бывший губернатор Триеста Э.Грациоли.

Ситуация во всей Югославии, в том числе и Словении, как уже отмечалось выше, существенно изменилась после 8 сентября 1943 г., когда Италия порвала с Германией, а ее войска на оккупированных территориях были разоружены или немцами, или местными партизанами. Однако Гитлер принял срочные меры, ввел свои войска в итальянскую зону и 12 октября объявил ее «Оперативной зоной Адриатического Приморья» во главе с имперским верховным комиссаром, которым был назначен гаулейтер Каринтии Ф.Рейнер. В соответствии с указом Гитлера от 15 сентября 1943 г. в этой зоне были также сформированы органы гражданской администрации.

Словенские коллаборационисты, сотрудничавшие с итальянцами, не были особенно огорчены изменившейся обстановкой и приходом немцев. Более того, они считали, что наступил наконец благоприятный момент, когда можно будет добиться административной автономии всей Словении под протекцией Германии. Так, в середине 1944 г. словенский генерал Л.Рупник обратился к Гитлеру с меморандумом, в котором просил считать объединенную Словению немецким протекторатом. Аналогичные планы строили и коллаборационисты из Словенской Каринтии, выступавшие за создание в рамках Германии «гау Словении» во главе с немецким гаулейтером, заместителем которого был бы словенец. Но все эти планы рухнули в связи с успешным наступлением Народно-освободительной армии Югославии на словенской земле.

Кроме перечисленных выше аннексированных территорий, прямое оккупационное управление было введено на всей территории так называемого генерал-губернаторства в Польше и в оккупированной зоне Франции, где не существовало никаких национальных центральных органов власти.

Принципиальная структура органов управления генерал-губернаторства была сформулирована в указе Гитлера от 26 октября 1939 г. Уже в первые дни сентября 1939 г., когда в Берлине продолжалось обсуждение методов и путей решения польского вопроса, Гитлер вызвал из одной воинской части, дислоцированной в Потсдаме, тогда уже известного юриста Г.Франка и назначил его начальником гражданской администрации при главнокомандующем войсками вермахта в Польше.

Политическая карьера Франка была типичной для многих заправил гитлеровской Германии. Будучи студентом в 1919 г., он вступил в колониальный добровольческий корпус генерала Эппа. Через некоторое время он установил контакт с гитлеровской партией, и уже с сентября 1923 г. 23-летний Франк стал референтом ее центрального правления. Получив юридическое образование, он стал постоянным адвокатом партии. Так, из 400 тыс. процессов, возбужденных против членов НСДАП до 1933 г., Франк выступал в роли защиты 2400 раз. Правда, в 1926 г. из-за разногласий по Южному Тиролю он был исключен из партии. Через год Франк был не только восстановлен, но с 1929 г. стал руководителем правового отдела центрального правления партии, а с 1933 г. — баварским министром юстиции и имперским комиссаром по унификации законов. Он был организатором Союза немецких национал-социалистических юристов, который к концу 1933 г. насчитывал 80 тыс. членов.

Еще в июне 1933 г. юрист Франк позволял себе играть в справедливость и демонстрировал свое уважение к праву. Так, выступая на учредительном собрании Немецкого фронта права, он сказал, что «Германия всегда была покровительницей гуманизма». Но пройдет около 10 лет, и генерал-губернатор Франк, выступая на заседании рейхстага 26 апреял 1942 г., произнесет, что он «не успокоится, пока каждый немец не поймет, что быть юристом — это позор»[1]. В довоенной Германии Франк часто выступал со статьями и речами о праве народов на «самоопределение». Однако, став сатрапом Польши, он показал себя типичным нацистским извергом, попиравшим элементарные человеческие права. Он был доволен,

когда его подчиненные называли Польшу «Франкрейх» (Frankreich), т.е. империей Франка.

Заместителем генерал-губернатора был назначен бывший гитлеровский наместник в Вене А.Зейсс-Инкварт. Один из инициаторов и главных виновников аншлюса Австрии, он и на посту наместника сделал немало в попытках ослабить, а затем и ликвидировать национальную и государственную самостоятельность Австрии. В Кракове Зейсс-Инкварт пробыл менее года и в мае 1940 г. был назначен имперским комиссаром в Нидерланды.

Правой рукой генерал-губернатора был высший начальник СС и полиции обергруппенфюрер СС Ф.-В.Крюгер. 40-летний эсэсовец уже имел немалый опыт полицейской деятельности в самой Германии. Будучи исключительно честолюбивым человеком, он считал, что еще не достиг вершины своей карьеры, и поэтому изо всех сил старался привлечь к себе внимание Гитлера и Гиммлера. Крюгер даже рискнул поспорить с самим генерал-губернатором, обвиняя его в либерализме к полякам, за что впал в немилость. Осенью 1943 г. он был назначен командиром дивизии СС, действовавшей в Финляндии. Конец войны застал его в Австрии, где он и погиб.

Самым жестоким и беспощадным из высших правителей генерал-губернаторства был, пожалуй, начальник СС и полиции Люблинского дистрикта группенфюрер СС О.Глобочник. Родился он в Триесте, свою ненависть к полякам и вообще ко всем славянам объяснял тем, что, мол, знает «славянскую душу», ибо в нем самом течет славянская кровь. В 1931 г., находясь в Австрии, 27-летний Глобочник вступил в нацистскую партию и стал связным между Гитлером и австрийскими фашистами. Он являлся одним из активных вдохновителей аншлюса Австрии, за что впоследствии был назначен гаулейтером Вены. На этом посту он «прогремел» как спекулянт иностранной валютой, что вынудило Гиммлера арестовать и посадить своего любимца в тюрьму, понизить в звании со штандартенфюрера СС до рядового. В последующий период Глобочник своим усердием сумел снова восстановить доверие начальства, и в польской кампании в сентябре 1939 г. он уже участвовал как бригадефюрер СС, а в ноябре того же года был назначен в Люблин[2]. Здесь под его непосредственным руководством была осуществлена первая в Польше дикая акция против евреев, так называемая «акция Рейнгард», и предпринято массовое выселение польского населения из Замойщины.

Но грубые методы, которые применял Глобочник, противоречили более тонкой, так называемой «эластичной» тактике Франка в отношении поляков, и тот потребовал убрать чрезмерно усердного эсэсовца. В середине сентября 1943 г. после капитуляции Италии Глобочник был назначен начальником СС и полиции Адриатического побережья у себя на родине в Триесте. В последние дни войны, по некоторым данным, будучи схвачен союзниками, покончил с собой.

Как оккупанты управляли Францией

Структура немецкого оккупационного управления во Франции разрабатывалась непосредственно перед началом операции против этой страны. В ходе боевых действий, а также на время, пока штаб командования сухопутных войск находился на территории Франции, всеми гражданскими делами руководил начальник военного управления. Затем была учреждена должность начальника военной администрации во Франции, которую последовательно занимали: до февраля 1942 г. — генерал О. фон Штюльпнагель, до 22 июня 1944 г. — генерал К.-Г. фон Штюльпнагель и наконец после покушения на Гитлера — генерал К.Китцингер. Кратковременно эти должности также занимали генерал Е.Шаумбург (16 — 27 февраля 1942 г.) и генерал Г.Блюментрит (с 26 июля до 6 августа 1944 г.). Поскольку территория побежденной Франции оставалась оперативной зоной вермахта для действий против Англии, то наряду с начальником военной администрации существовал и главнокомандующий на Западе, которым был до 3 июля 1944 г. фельдмаршал фон Г.Рундштедт. Рабочими органами начальника военной администрации во Франции были: оперативный штаб во главе с полковником Г.Шпейделем, ведавший вопросами военной безопасности оккупированных областей, и административный штаб, через который поддерживались контакты с французскими властями и населением. Он в свою очередь делился на четыре отдела.

После перевода аппарата военной администрации в Париж было решено подчинить ее начальника непосредственно главнокомандующему сухопутными войсками фельдмаршалу В.Браухичу. К середине июля 1940 г. немецкая военная администрация во Франции и ее органы на местах были полностью укомплектованы. Структурно она делилась на две части: политическим управлением с 1 августа 1940 г. по 10 июня 1942 г. руководил В.Бест, а экономическим управлением — Э.Михель.

Из низших административных звеньев в каждом из 49 полностью или частично оккупированных департаментов существовала фельдкомендатура во главе с полковником, при которой в качестве советника состоял чиновник военной администрации. 10 — 15 фельдкомендатур объединялись в оберфельдкомендатуры, позже — в военно-административные округа во главе с генералом и административным штабом.

В октябре 1941 г., по свидетельству начальника штаба ОКХ генерала Ф.Гальдера, в ставке Гитлера обсуждался вопрос о том, чтобы военную администрацию во Франции преобразовать в рейхскомиссариат, как это было сделано в Нидерландах и Норвегии. Однако он не был решен положительно, и система военной администрации во Франции оставалась до конца войны.

В связи с вторжением немецких войск в южную зону в ноябре 1942 г. власть начальника военной администрации на эту зону не распространялась. Поскольку она считалась зоной боевых дейст-

вий, то хозяином в ней был фельдмаршал Г.Рундштедт. Ему подчинялся начальник тылового района, а с 17 декабря – комендант оперативного района Южной Франции генерал Нихов с местом пребывания в Лионе. Ввиду усилившейся опасности высадки англо-американских союзников на юге Франции и дальнейшей активизацией партизанского движения французских патриотов в январе 1944 г. Гитлер решил большую часть Южной Франции, включавшую семь приморских департаментов, объявить «босвой зоной» и уже официально считать ее оккупированной территорией. Об этом, в частности, говорилось в письме фельдмаршала Рундштедта правительству Виши от 9 февраля 1944 г. В этих департаментах структура оккупационных органов была такой же, как и в северной зоне, оккупированной в 1940 г., а именно, созданы фельдкомендатуры во главе с оберфельдкомендатурой в г. Авиньоне.

Установленная в 1940 г. структура германской военной администрации во Франции в основных своих чертах существовала до августа 1944 г. По мере освобождения страны союзными войсками ее функции становились все уже, и после оставления немцами Парижа с 26 августа начальник военной администрации снова, как это было и в первые недели оккупации в 1940 г., перешел в подчинение главнокомандующему на Западе. По существу, это означало конец ее деятельности на французской земле. Вскоре ее остатки переехали в Потсдам.

Казалось, гитлеровское руководство сумело создать такую стройную структуру управления оккупированной Францией, которая позволяла ему успешно решать свои задачи. В действительности же она оказалась запутанной, громоздкой, нецентрализованной и поэтому далеко не эффективной. Каждый влиятельный деятель гитлеровской Германии считал своим долгом иметь во Франции свой орган, не подчинявшийся начальнику военной администрации, чтобы через него непосредственно влиять на дела в этой стране. Несмотря на наличие во Франции весьма разветвленной сети карательных органов вермахта, 20 августа 1940 г. Гиммлер принял решение о создании во Франции и Бельгии своих органов полиции безопасности и службы СД. Главой этих органов был назначен «уполномоченный начальник полиции безопасности и СД для Франции и Бельгии» с местопребыванием в Париже. Ему подчинялись два бюро: одно — для Франции в Париже и другое — для Северной Франции и Бельгии в Брюсселе. Начальником германской полиции и СД во Франции стал штурмбанфюрер Г.Кнохен. Большую роль в управлении начальника полиции и СД играли 4-й отдел (гестапо) и служба СД, имевшая, в частности, и еврейский отдел. Однако служба СД больше занималась разведкой за рубежом.

Все эти органы некоторое время подчинялись начальнику военной администрации во Франции, но в марте 1942 г. Гитлер решил ввести самостоятельную должность «высшего начальника СС и полиции военной администрации во Франции». В соотвествующей

директиве от 9 марта 1942 г. отмечалось, что начальник полиции по-прежнему подчиняется начальнику военной администрации, однако фактически он получал директивы непосредственно от Гиммлера. Он решал все задачи, находившиеся в компетенции министра внутренних дел Германии, начальника имперской полиции и СС и имперского уполномоченного по укреплению немецкой нации, а именно: обеспечивал полицейскую безопасность территории, предпринимал акции против движения Сопротивления, руководил французской полицией.

Предполагалось, что эту должность займет опытный полицейский, отличившийся в борьбе против партизан на оккупированной советской земле, бригадефюрер СС Ф.Штальэккер. Но вскоре стало известно, что он был убит партизанами в Белоруссии, и во Францию в мае 1942 г. был послан бригадефюрер СС и генерал-майор полиции К.Оберг. В Париже ему были предоставлены самые широкие полномочия. С деятельностью гитлеровской службы безопасности и лично с именем Оберга связаны массовые расстрелы французских заложников, карательные операции против партизан, депортация сотен тысяч французских граждан, террор против французской интеллигенции и другие тяжкие преступления.

От Г.Гиммлера и Р.Гейдриха не хотел отставать и И.Риббентроп, также пожелавший иметь во Франции своего независимого от военной администрации представителя. Еще до подписания перемирия с середины июня 1940 г. при штабах групп армий и армий существовали представители МИД. С падением Парижа и капитуляцией Франции Риббентроп сумел убедить Гитлера в необходимости иметь при начальнике военной администрации в Париже представителя МИД. Первым таким представителем 5 августа 1940 г. был назначен О.Абец, который многие годы непосредственно участвовал в формировании и проведении немецкой политики в отношении Франции, но никогда не был профессиональным дипломатом.

Юридическое положение посольства Абеца было не совсем ясным. Его задача состояла не в том, чтобы поддерживать нормальные дипломатические отношения с французским правительством (а именно поэтому Абец не был аккредитован при правительстве Виши), а в оказании влияния на политические круги и общественное мнение Франции в нужном для Германии направлении. Абецу было запрещено устанавливать какие-либо контакты с правительством Виши. Но со временем наличие этого правительства игнорировать было нельзя. Более того, и на него нужно было оказывать соответствующее влияние. Поэтому Гитлер согласился иметь при начальнике германской военной администрации генерального уполномоченного французского правительства по вопросам оккупированной зоны. 10 июля им стал посол Л.Ноэль, а с середины августа — генерал Лауренс. В декабре 1940 г. его сменил убежденный фашист и активный коллаборационист Ф. де Бринон.

Споры между различными оккупационными инстанциями за первенство в осуществлении политической линии существовали с

самого начала их деятельности и продолжались весь период оккупации. По поводу французской политики Германии в окружении Гитлера существовало две точки зрения: Абец и стоявшие за ним круги из МИД выступали за постепенное сближение с Францией, другие же — за активную эксплуатацию ее экономики, не думая о будущих планах. Противников сближения с Францией энергично поддерживал Муссолини, выразивший в октябре 1940 г. беспокойство по поводу того, что такое сближение «может поставить под угрозу интересы Италии из-за чрезмерного усиления Франции».

В своей оккупационной зоне итальянцы создали «руководство групп контроля», находившееся сперва в Гапе, а с ноября 1942 г. в Ницце с региональными управлениями в Марселе и Валенсии. Каждое такое управление располагало шестью контрольными группами. Со временем штат и функции итальянского контрольного механизма расширялись. В конце июля 1940 г. была введена должность офицера «по гражданским делам», который официально занимался репатриацией проживавших во Франции итальянцев, но фактически пытался вмешиваться в дела местных органов власти. Несколько позднее была учреждена группа по контролю над военной промышленностью с местом пребывания в Гренобле.

На очередной встрече Гитлера и Муссолини 12 октября 1940 г. на Бреннерском перевале выявилось, что Италия предполагает аннексировать 8 тыс. кв. км французской территории, в том числе 1 тыс. кв. км в районе Ниццы. В начале переговоров Муссолини выдвинул весьма обширные территориальные требования к Франции: передать Италии Савойю, Тунис, Корсику и Сирию. Но позже речь пошла лишь о Тунисе. Он также был непрочь захватить Алжир и Марокко, но Гитлер решительно воспротивился этим планам. К марту 1941 г. средиземноморские порты Франции западнее Марселя находились под германским контролем, а восточнее Марселя — под контролем итальянцев. В целом под итальянской оккупацией нахдились французские районы общей площадью в 800 кв. км и населением 28 тыс. человек.

Самоуправление по-немецки на советской территории

Особый характер имел немецко-фашистский план управления на оккупированных территориях Советского Союза. Объясняется это рядом обстоятельств. В СССР не существовало классов или крупных социальных слоев, которые добровольно пошли бы на сотрудничество с врагом. На оккупированных территориях СССР фашистские захватчики не могли опереться на местные органы власти, т.к. все они были эвакуированы или перешли на нелегальную деятельность.

Важное значение имело и то обстоятельство, что под оккупацией оказалась лишь незначительная часть страны, что советские вооруженные силы продолжали борьбу, а советские патриоты в

тылу врага чувствовали всестороннюю поддержку всей страны. Во главе их освободительной борьбы стояла коммунистическая партия, которая на оккупированной территории имела разветвленную сеть подпольных партийных организаций.

Как известно, основные принципы немецко-фашистского управления на оккупированных территориях Советского Союза были разработаны заранее. Причем при выработке структуры органов управления и политики в отношении оккупированных советских территорий гитлеровцы не забывали и о том, чтобы существовала ясность и в определении ряда понятий. Для этого потребовалась целая инструкция «О языковых понятиях на Востоке», подписанная 18 июля 1942 г. Вот ее основные положения:

— «Оккупированные восточные районы» (besetzte Ostgebiete) охватывали оккупированные советские территория, за исключением районов Белостока, Львова, Транснистрии и Карелии.

— «Немецкий восток» (Deutscher Osten) — это немецкая имперская территория на востоке, т.е. Восточная Пруссия, Данциг — Западная Пруссия, Варталанд, Верхняя и Нижняя Силезия.

— «Восток» (Osten) — это географическое понятие, охватывающее районы Прибалтики, генерал-губернаторства и СССР, но без Японии, Маньчжурии и Китая, которые относятся к «Восточной Азии» (Ostasien).

— «Восточное пространство» (Ostraum) — это вся территория Советского Союза в границах на июнь 1941 г.

— «Восточная Европа» (Osteuropa) — это Прибалтика и Советский Союз до Урала, включая Кавказ, но без генерал-губернаторства, которое относится к Германии.

— «Балты» (Balten) — это не вообще жители Прибалтики, а лишь проживающие там немцы.

— «Украина» — это только территория рейхскомиссариата без Транснистрии и Галиции.

— Понятие «Советская Россия» распространялось не на весь Советский Союз, а лишь на РСФСР.

Инструкция далее требовала употреблять «Weiscruthenien» вместо «Белоруссия» и «Georgien» вместо «Грузия» и не употреблять обобщающего понятия «татары», а применять раздельно «идель-татары», «крымские татары», «азербайджанцы» и т.д.

Весь огромный аппарат гражданской администрации, карательных органов и войск вермахта, действовавших на территории Советского Союза, был направлен на выполнение тех задач, которые были сформулированы еще до войны и о которых упоминалось выше.

Одна из таких задач состояла в том, чтобы разобщить народы Советского Союза и противопоставить их друг другу. Этому, в частности, должна была служить политика гитлеровцев по созданию в ряде оккупированных районов так называемого «местного самоуправления». Оно создавалось прежде всего в республиках Прибалтики и в Белоруссии как демонстрация особого «доверия» Гитлера к литовцам, латышам, эстонцам и белорусам. Вслед за

вступлением германских войск в Литву здесь было создано правительство во главе с полковником К.Скирпой. Однако это было предпринято без санкции германских властей. Поэтому командование вермахта получило указание этого правительства официально не признавать, но разрешалось оказывать ему кое-какие услуги.

Командование вермахта установило, что вопрос об образовании правительства в Вильно будет решаться только после победы в войне. Запрещалось формирование литовской армии или других вооруженных сил, кроме отрядов самообороны, полиции порядка и полиции труда, которые должны находиться под немецким контролем. Сообщалось, что практика включения белорусов в местные органы на территории Литвы в качестве противовеса литовцам себя оправдала. Председатель Верховного литовского комитета, созданного в середине 1942 г., Дамысис (член Христианско-демократической партии) 31 мая 1944 г. представил в Берлин Г.Мюллеру и В.Шелленбергу справку о политических организациях, действующих в Литве.

В этом документе изложены следующие программные положения Верховного литовского комитета:

— между Германией и Западом будет установлен мир, и Литва из рук Германии получит независимость;

— если Германия проиграет войну против Запада, то она неизбежно признает Литву и вооружит ее;

— поражение Германии в войне с Советским Союзом означает конец существованию Литвы.

Дамысис далее сообщал, что Комитет считает, что Германия в случае победы не предоставит Литве независимость. Поэтому у литовцев имеется надежда на ее поражение в войне с Западом. Комитет считает, что ни один литовец не должен эмигрировать в другие страны, ибо тем самым будут ослаблены силы, столь нужные Литве для борьбы за независимость. Комитет предлагает также запрещать выезд на работу в Германию по тем же соображениям[3].

Во главе германской оккупационной администрации в Эстонии стоял генерал К.-С.Лицман, который подчинялся рейхскомиссару в Риге. Республика была разделена на пять округов, во главе каждого стоял окружной комиссар. Существовало также эстонское административное самоуправление, состоявшее из эстонцев. Во главе пяти директоров стоял У.Мяэ. Главы уездов, городов и волостей утверждались немецкими властями. На всех государственных учреждениях вывешивались два флага — немецкий и трехцветный эстонский, который существовал в стране до присоединения к Советскому Союзу.

Из общественных организаций наиболее активной была «Взаимопомощь эстонского народа». Она занималась благотворительной работой среди «жертв большевизма». Существовала и молодежная организация.

Основными направлениями немецкой пропаганды среди населения были:

— утверждение, что большевики планировал физическое уничтожение эстонского народа путем таких мер, как массовые аресты 13—14 июня 1941 г.;

— что $^3/_4$ населения Эстонии могла бы быть выслана в Сибирь, если бы не приход немецких войск, и территорию страны заселили бы русские;

— что при отступлении большевики уничтожили всю промышленность.

Из экономических мер оккупантов важно отметить, что они отняли ту землю, которая была дана крестьянам советской властью. Кроме того, оккупанты потребовали уплатить налоги, погашенные советской властью, и дополнительно уплатить проценты.

Все лучшие места в органах самоуправления заняли присланные из Германии немецкие чиновники или местные немцы.

Деятельность «правительства» Латвии также не оправдала надежд оккупационных властей. 7 марта 1942 г. в печати сообщалось, что на основании решения Розенберга в странах Прибалтики создано местное самоуправление. Но не прошло и нескольких месяцев, как 7 декабря 1942 г. генеральный комиссар в Риге Дрехслер докладывал имперскому комиссару Остланда Г.Лозе, что эта система себя не оправдала. Он повторил свое мнение еще раз в феврале 1943 г. о том, что местные служащие все равно должны работать под наблюдением немцев[4].

В бюллетене Главного управления имперской безопасности от 24 июня 1942 г. изложена следующая политическая линия Восточного министерства А.Розенберга в отношении стран Прибалтики, Белоруссии и Украины (Остланда и Украины).

1. Главная цель этой политики состоит в том, чтобы в тылу действующей армии обеспечить политическое спокойствие, подавлять проявления саботажа и сопротивления. Этой цели можно было достигнуть, если соответствующим образом обращаться с местным населением, предложить ему возможность ограниченной культурной деятельности, участия в управлении и предоставить другие политические пожелания в рамках возможного и то только на период войны. Эта общая линия должна была содержать дифференцированный подход к разным народам.

2. В Эстонии, Латвии и Литве следовало продолжать практику самоуправления с участием местного самоуправления.

3. Белоруссия с Прибалтийскими странами не составляла единого пространства и единства управления, у нее имелись свои особенности. «С целью децентрализации великорусского пространства и для предотвращения существующей или эвентуальной великорусской идеи необходимо поддерживать усиление национального самосознания белорусского народа».

4. На Украине учитывалось наличие своей специфики. «Решено, что в интересах длительного политического спокойствия на Украине не следует создавать украинского самоуправления в политически целесообразной форме».

5. Для народов Кавказа предполагалось вести пропаганду по следующим направлениям:

— в народах Кавказа Германия видит своих друзей;

– вермахт берет их под свою защиту и освобождает от большевистского ига;

— претензии большевистского русского и английского империализма на господство над Кавказом станут впредь невозможны с помощью Германии;

— предоставить свободное развитие национальным, культурным и экономическим силам Кавказа.

Самостоятельное национальное и культурное развитие народов Кавказа находилось под защитой немецкого оружия. Предусматривалось уважение старых традиций и обычаев. Народам Кавказа обещалось свободное пользование родным языком и школой.

Христианам, магометанам и другим предоставлялась религиозная свобода:

— будет установлено самоуправление для национального развития под немецкую гарантию;

— колхозная система на Кавказе будет ликвидирована. Земельная проблема будет решена в соответствии с жизненными потребностями кавказских народов;

— экономика и торговля получат свободное развитие. Будут восстановлены ремесла.

Для народов Кавказа следовало выдвигать следующие лозунги: «Переходите к немцам и помогайте немецким войскам, ибо они являются вашими братьями»; «Да здравствует свободный Кавказ под защитой Великой Германии Адольфа Гитлера!»

6. Прибалтийские страны (Остланд) должны управляться имперским комиссариатом. Доверительно будущее народов этих стран будет зависеть от военной обстановки. По мере продвижения фронта мыслилось расширение территорий Латвии и Эстонии на восток до оз. Ильмень так, чтобы восточную границу Эстонии составляла линия Новгород — Ленинград.

Территория Латвии также должна быть расширена на восток и запад.

Мыслилось создать оборонительную линию от Ленинграда до Москвы.

В треугольнике между Эстонией, Латвией, Белоруссией и этой линией должен был быть создан еще один — пятый генеральный округ во главе с обергруппенфюрером Пролем.

Имелось два обоснования необходимости расширения территории Латвии и Эстонии: политическое — раньше эти страны не имели такой границы и экономическое — они станут по численности населения примерно равными, ибо в настоящее время имеется неравенство (Эстония — 1 млн человек, Латвия — 1,8 млн человек и Литва – свыше 1 млн человек, а Белоруссия — свыше 7 млн человек). Такие границы важны и с военной точки зрения.

Доверительно сообщалось о планах создания генерального округа Ленинград со свободным портом в границах самого города,

ибо в сравнении с другими районами он будет иметь большое преимущество.

Предполагалось, что после исключения Москвы Ленинград как портовый город приобретет особое значение[5].

В связи с введением в Прибалтике местного самоуправления в кругах Восточного министерства обсуждался вопрос о непосредственном включении этих стран в государственный организм рейха.

В соответствии с решением Розенберга от 7 марта 1942 г. в Прибалтийских странах было введено местное самоуправление. Однако уже осенью того же года генеральный комиссар в Риге писал рейхскомиссару в Остланде, что местное самоуправление не оправдало себя, ибо оно все равно функционирует под немецким наблюдением, и его следует упразднить. В феврале 1943 г. он повторил свое предложение.

Вскоре Гитлер подписал директиву о ликвидации рейхскомиссариата Остланда и его реорганизации в рейхсрезидентуру для Эстонии, Латвии и Литвы. Генеральные округа Эстонии, Латвии и Литвы были превращены в земли. Генеральные комиссары в Таллине, Риге и Каунасе стали земельными резидентами соответствующей земли. Районные комиссары стали инспекторами. Все три земли находились под защитой Германии. Генеральный комиссар Белоруссии подчинялся непосредственно рейхсминистру[6].

Введение местного самоуправления в Прибалтике было вызвано надеждами гитлеровцев на создание многочисленных «добровольческих» легионов, которые можно было бы использовать для борьбы против Советской Армии и партизан. Но их постигло разочарование. Органы службы безопасности в Эстонии сетовали в октябре 1942 г. на то, что «вербовка добровольцев в эстонский легион идет с незначительным успехом». Поэтому было внесено предложение усилить пропаганду и особенно поддерживать то, что «из советских народов эстонцы были первыми, кому было доверено создать свой легион». Такая же неблагоприятная для оккупантов обстановка сложилась и в других Прибалтийских республиках.

В связи с этим 18 марта 1943 г. Восточное министерство в письме рейхскомиссару Остланда распорядилось, чтобы «все разговоры о расширении местного самоуправления прекратить и начатые мероприятия не продолжать».

Гитлеровские оккупанты сочли политически выгодным создать «местное самоуправление» и в Белоруссии. 22 октября 1941 г. в Минске было объявлено о начале деятельности так называемой «Белорусской народной самопомощи» (БНС) во главе с И.Ермаченко. Оккупанты расчитывали, что БНС станет органом для мобилизации белорусского народа на сотрудничество с иноземными захватчиками. БНС было даже разрешено создавать полицейские формирования. Но при первых же соприкосновениях с партизанами они распадались.

Неудача с БНС вынудила оккупационные власти в июле 1943 г. реорганизовать ее в «Белорусскую самопомощь» (БСП) во

главе с Соболевским. Несколько ранее генеральный комиссар Белоруссии В.Кубе разрешил организацию при комиссариате так называемого Белорусского комитета доверия во главе с бывшим слуцким помещиком, деникинским офицером и позже депутатом польского сейма Островским.

Оккупанты стремились заигрывать и с белорусской молодежью. С этой целью они создали Союз белорусской молодежи (СБМ).

Народная партизанская борьба, охватившая Белоруссию, вынудила оккупационные власти прибегнуть к новому политическому маневру. По их инициативе в Минске 21 декабря 1943 г. было провозглашено создание так называемой Белорусской центральной рады (БЦР) во главе с «президентом» Островским. Чтобы создать видимость «суверенитета» и политического веса марионеточного правительства Островского, ему было разрешено объявить призыв в Белорусскую краевую оборону (БКО). Эта боевая организация белорусских националистов призвана была сражаться против партизан. Но затея оккупантов не оправдала их надежд.

Немецко-фашистские оккупанты заигрывали и с белорусской интеллигенцией, для чего даже создали специальный «творческий Союз».

Белорусские националисты, придя к власти на немецких штыках, уже не довольствовались достигнутым. Они мечтали о захвате новых земель у своих соседей и о создании Великой Белоруссии. Так, бургомистр г. Борисова С.Станкевич при поддержке немцев неоднократно выступал за то, чтобы в границы Белоруссии включить территорию в 350 тыс. кв. км с населением свыше 14 млн человек, что далеко выходило за этнические границы республики.

Розенберг вынужден был признать, что «население Белоруссии в такой мере заражено большевистским мировоззрением, что для местного самоуправления не имеется ни организационного, ни персональных условий» и что «позитивных элементов, на которые можно было бы опереться, в Белоруссии не обнаружено».

Белоруссию и ее народ так же характеризовали специалисты из Главного управления государственной безопасности Германии. В одном из бюллетеней за 1942 г. о Белоруссии говорилось следующее: среди белорусов почти не замечается чувства национальной принадлежности. Существует белорусский народ и его язык, но нет белорусской проблемы как националистически-автономистской проблемы. Белорусский народ можно определить как «аморфную массу», которая не имела своей интеллигенции и своего государства. «Единственным критерием принадлежности к белорусскому народу является употребление белорусского языка. С XVII в. этот язык не развивается и в настоящее время в сравнении с другими европейскими языками является примитивным. В нем отсутствуют понятия культуры, техники и др.»

Кроме языка в Белоруссии нет других признаков нации. Сравнительно широко распространены белорусские песни и танцы. Типично для ментальности белорусов то, что их танцы и песни связаны с природой, а не с историей, национальным вопросом или политикой. Их отношение к литовцам, латышам и украинцам дружественное. Но нельзя утверждать, что их отношение к немцам было положительным. Белорусы разочарованы политикой немцев в Польше. Наша задача состоит в том, чтобы убрать из Белоруссии все польские элементы и везде поставить местные силы[7].

Видимо, подобная немецкая концепция понимания ментальности и традиций белорусского народа, изложенная в закрытом бюллетене ведомства Р.Гейдриха, была известна белорусским коллаборационистам, и тем не менее эти предатели верно прислуживали чужеземным оккупантам и наносили серьезный вред своему народу.

Оккупированные территории Российской Федерации, как и Украины, также не имели единой гражданской администрации. Так, область была разделена на округа. Во главе каждого округа стоял обербургомистр с аппаратом чиновников. Округ объединял 7—8 районов. В каждом из них имелась районная управа. Район состоял из 6—7 волостей, во главе которой был поставлен волостной старшина. Руководителем села являлся староста. Структура «самоуправления» в городах была несколько иной. Здесь действовала городская управа во главе с городским головой.

Что касается планов управления оккупированными землями РСФСР, то еще в середине 1942 г. они находились в стадии обсуждения и уточнения. Уполномоченный Гитлера при Восточном министерстве в мае 1942 г. считал, что политическая линия будущего рейхскомиссариата «Центральная Россия» исходит из того, что пока еще не существует намерения создавать там гражданскую администрацию. Однако в русском отделе министерства уже существовал «штаб России», который подбирал кадры для будущей администрации. Среди сотрудников этого штаба бытовало мнение, что местное население к самоуправлению нужно привлекать в ограниченных размерах, принимая во внимание возможное создание в будущем так называемого «правительства» России.

Правда, по инициативе Розенберга был проведен следующий эксперимент. В районе Локоть, насчитывавшем 581 тыс. жителей, было создано самоуправление во главе с инженером Б.Каминским, располагавшим полицейскими силами численностью в 8 тыс. человек, 9 танками и несколькими артиллерийскими орудиями. Войска Каминского использовались для борьбы против партизан. В экономическом отношении район сам себя обеспечивал: имел свои школы, газету, театр. В одном из докладов Гитлеру 8 января 1943 г. Розенберг писал: «Я не вижу опасности в подобных экспериментах в более крупных масштабах, ибо руководство все равно будет находиться в наших руках».

Созданные на оккупированных территориях Советского Союза местные органы самоуправления, разумеется, никакой реальной

властью не обладали. Они выполняли лишь вспомогательные функции для осуществления репрессий против советских патриотов, ограбления материальных ценностей, вывоза их в Германию и с пропагандистской целью, для прикрытия преступных планов немецко-фашистских оккупантов на советской земле.

Подлинная власть на временно захваченных территориях Советского Союза находилась в руках оккупантов в лице представителей вермахта, военного министерства, различных экономических, карательных и других органов.

К началу вторжения вермахта и его сателлитов на территорию Советского Союза огромный аппарат оккупационной администрации как Германии, так и Румынии и Финляндии был полностью сформирован. В ходе боевых действий структура этой администрации подвергалась подчас существенным изменениям, однако принципиально она оставалась такой, какой она была разработана еще накануне войны.

Структура главного из оккупационных органов — Восточного министерства была тщательно продумана и рассчитана на то, чтобы это министерство было в состоянии решать все вопросы на оккупированных территориях Советского Союза. Во главе министерства стоял А.Розенберг. Его личная канцелярия состояла из двух референтов, офицера связи при ставке Гитлера и адъютанта. По состоянию на конец 1941 г. заместителем министра был гаулейтер и имперский наместник А.Мейер, которому непосредственно подчинялись общий отдел, уполномоченный по особым вопросам, уполномоченный по использованию восточных рабочих, два генеральных референта, по опекунству и территориальным вопросам, а также группа офицеров связи от ведомства Гиммлера, вермахта, партийной канцелярии, Министерства иностранных дел, Шпеера и Министерства почт.

Кроме того, в центральное управление министерства входил главный отдел, которым руководил Г.Лейбрандт. Главный отдел в свою очередь делился на несколько отделов. Первым из них, который занимался общими политическими проблемами, руководил О.Бройтигам. Второй отдел ведал делами Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии, третий — делами Украины и четвертый — делами России. В последующие периоды состав и структура министерства подвергались частичным изменениям.

Важное место в оккупационном аппарате занимали рейхскомиссары. Поэтому подбор их осуществлялся особенно тщательно и всесторонне. Они были наделены широкими полномочиями, и каждый из них был полновластным в своем рейхскомиссариате.

1 апреля 1942 г. были утверждены и одобрены принципы их правового положения, и Розенберг издал соответствующую директиву.

Основные ее положения таковы:

высшие права в восточных областях принадлежат фюреру;

— представителем фюрера и имперского правительства в оккупированных восточных областях выступает рейхсминистр по делам оккупированных восточных областей;

— в соответствии с указом фюрера от 17 июля 1941 г. рейхскомиссары осуществляют свои функции по поручению фюрера и правительства по директивам рейхсминистра;

— директивами фюрера назначены от 25 июня 1941 г. — главнокомандующий войсками, от 29 июня 1941 г. — уполномоченный по экономическим вопросам, от 17 июля 1941 г. — уполномоченный по обеспечению безопасности и порядка, а также уполномоченный по 4-летнему плану и начальник полиции;

— рейхскомиссары подчиняются рейхсминистру и выполняют только его указания.

Для усиления влияния партии и партийного контроля над всеми немецкими оккупационными органами на советской территории директивой Гитлера был создан так называемый «партийный округ Востока» во главе с Мейером и начальником штаба Ф.Шмидтом. Рейхскомиссары одновременно являлись и руководителями партийных округов.

В Берлине пристально следили за деятельностью Восточного министерства, с тем чтобы оно точно осуществляло политику на оккупированных советских территориях в интересах Германии.

Важно подчеркнуть, что оккупанты особо отмечали, что органы местного самоуправления, в которых были заняты коллаборационисты, не являются «носителями русской государственной власти», а играют лишь вспомогательную роль, выполняя задания оккупационных властей. Контроль над ними со стороны оккупантов был тотальным. В «Наставлении бургомистру» его обязанности были сформулированы так: выполнять все приказы и распоряжения коменданта, поддерживать общественный порядок, руководить деятельностью полиции, собирать оружие, регистрировать прибывающих граждан, задерживать военнослужащих Красной Армии, предотвращать неразрешенные собрания и демонстрации, восстанавливать работу учреждений и предприятий, поддерживать в порядке сельхозорудия и автомашины, следить за затемнением. Им запрещалось самовольно проводить какие-либо меры без согласия на то немецких властей, например менять порядок управления и хозяйствования, делить землю, колхозный скот и запасы зерна. Районные бургомистры следили за тем, чтобы сельские старосты в срок выполняли сельхозпоставки, проводили агротехнические мероприятия и др.

Немецким комендантам подчинялась местная гражданская администрация, состоявшая из городских и районных управ. Работой управы руководил бургомистр или городской голова (в казачьих районах Северного Кавказа — атаман). Все они назначались военным комендантом. Еженедельно в управах проводились совещания, на которых присутствовали или комендант, или один из начальников отделов комендатуры.

Для борьбы с советскими партизанами в городах создавались отряды немецкой полевой жандармерии и карательные отряды, состоявшие из бывших советских военнопленных. Например, в г. Майкопе их численность составляла 20 тыс. человек.

Бургомистрам, являвшимся руководителями местной администрации, подчинялись сельские старосты. Для них также была составлена «Инструкция для старосты». Как правило, их избирало население села. В городах, где имелись городские районы, была также введена должность старосты района.

Важным органом управления являлась полиция, состоявшая из местных граждан. В сельской местности полицейские управления входили в состав управ, и его начальник подчинялся старосте. В городах полицейское управление обычно не входило в состав управ и выполняло указания непосредственно комендантов. Полицейским выдавали удостоверения. Обычно полицейские имели только холодное оружие, получая огнестрельное оружие только в случаях операций против партизан и на охране объектов. Как правило, один полицейский полагался на 100 жителей. Общая численность вспомогательной полиции, например, на Украине была определена в размере 1% от численности населения данного населенного пункта. По некоторым данным, в августе 1942 г. на Украине служило 150 тыс. местных полицейских. Полиция руководствовалась «Служебным наставлением для жандармерии и вспомогательной полиции». В нем, в частности, было указано, что при исполнении служебных обязанностей полицейский должен «вести себя корректно, быть вежливым», не курить и не употреблять спиртных напитков.

Задача, которую выполняла вспомогательная полиция, состояла в задержании «красноармейцев, шпионов, агентов и бандитов», в контроле над ценами на рынках, в конфискации награбленного имущества и передаче его местной комендатуре. Обыски на дому полицейские могли производить только по письменному приказу коменданта или командира ближайшей воинской части.

В «Служебном наставлении» указывалось, что сотрудничество полицейских с командованием воинских частей вермахта являлось их «почетнейшей обязанностью».

Наряду с задачами, в решении которых были в первую очередь заинтересованы оккупационные власти, местные органы самоуправления занимались и проблемами социального характера и быта населения. Где это возможно, они открывали больницы, различные мастерские, парикмахерские, ЗАГСы, нотариальные конторы, рынки и школы. Для единообразного исчисления время устанавливалось по Гринвичу.

Первой мерой вступивших в тот или иной населенный пункт оккупационных властей после назначения (избрания) местного самоуправления была регистрация всего населения по трем спискам: постоянные жители данной местности, затем — все прибывшие. Жители старше 16 лет получали временные удостоверения или специальную отметку в паспорте. Все «политически неблагонадежные» (евреи, красноармейцы, партизаны, иностранцы, коммунисты, комсомольцы, пионеры, активисты, сотрудники НКВД, советского управления и суда) вместе с членами их семей, также преступники, их жены и дети включались в третий список.

Органами местного правосудия считались так называемые «примирительные комиссии», состоявших из председателя (он же бургомистр или его заместитель) и двух заседателей, назначенных комендатурой из «благонадежных» лиц. Они рассматривали уголовные и гражданские дела. Видами присуждаемых наказаний могли быть: штрафы до 1000 рублей, тюремное заключение сроком от 1 до 14 дней и принудительные работы сроком до 3 месяцев. Местный комендант имел право отменить любое неугодное ему решение «примирительной комиссии».

Поскольку многие советские административные работники до прихода немцев были эвакуированы или скрывались в других местах, то новая администрация обычно формировалась оккупантами из неквалифицированных сотрудников или просто освобожденных из тюрем уголовников. Это обстоятельство нередко порождало случаи злоупотребления властью и прямое воровство. Немецкие власти реагировали на эти злоупотребления по-разному, но чаще прибегали к наказаниям и снятию с должностей. Отдельные немецкие солдаты и даже офицеры иногда защищали население от произвола местных гражданских властей.

Германские оккупационные власти для укрепления своего господства использовали не только террор, но и меры социального маневрирования, что давало повод местным коллаборационистам оправдывать свои действия.

В своей политике в отношении местного населения оккупанты учитывали исторические, национальные и бытовые условия не только в отдаленных друг от друга регионах, например страны Балтии и Украина, но особенности отдельных местностей одного и того же региона. Например, командир действовавшего на Северном Кавказе 44-го корпуса в приказе от 8 августа 1942 г. требовал «здесь действовать иначе, чем на Дону. Восстание горских народов Кавказа... может иметь тяжелые для нас последствия». Германское командование предлагало устанавливать особое отношение с казачеством.

Марионетки у власти в Чешских землях

В ряде стран оккупационные власти разрешили деятельность центральных национальных «правительств», которые находились под полным контролем оккупантов (Греция, Сербия, НГХ, протекторат, правительство Виши во Франции, Бельгия, Нидерланды, Дания, Норвегия). Однако и в этом отношении существовала определенная дифференциация, что особенно характерно для стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Так, структура оккупационного управления в Чешских землях определялась германизаторскими и аннексионистскими планами гитлеровской Германии в отношении Чехословакии. Уже к 15 марта 1939 г. Гитлер принял решение об установлении на оккупированных землях Чехии и Моравии режима протектората и об их включении в германский рейх. В тот же день, выступая по пражскому радио, Риббентроп зачитал указ Гитлера о провозглашении «протектората Богемии и Моравии». Затем этот документ он вручил министру иностранных дел Чехословакии Ф.Хвалковскому с требованием передать его президенту Э.Гахе для ознакомления, если тот не слышал его выступления по радио. В этом документе, состоявшем из 12 статей, подчеркивалось, что в течение тысячи лет Богемия (так гитлеровцы называли Чешские земли) и Моравия якобы входили в «жизненное пространство германского народа» и будто они всегда были «очагом постоянного беспокойства» для Европы. Затем определялся следующий статус протектората.

Ст. 1. Части страны бывшей Чехословацкой Республики, занятые германскими войсками в марте 1939 г., с настоящего времени принадлежат к владению великой Германской империи и вступают как «протекторат Богемии и Моравии» под его защиту.

Ст. 2. Немецкая часть населения протектората получает германское подданство, и в соответствии с имперским гражданским законодательством от 15 сентября 1935 г. (Ведомости имперского законодательства, ч. 1, стр. 1146) ее члены становятся германскими гражданами. На них распространяется постановление об охране германской крови и германской чести. Они подвластны германскому судопроизводству.

Остальное население Богемии и Моравии считается в подданстве «протектора Богемии и Моравии».

Ст. 3. Глава автономного управления протектората Богемии и Моравии пользуется защитой и правами чести как глава государства. Глава протектората должен в делах своего управления иметь доверие фюрера и рейхсканцлера...

Ст. 5. В качестве представителя интересов империи фюрер и рейхсканцлер назначают «имперского протектора Богемии и Моравии». Его служебное местопребывание — Прага...

Сотрудники правительства протектората назначаются имперским протектором. Назначение может быть отменено.

По данным, опубликованным в немецком журнале «Виртшафт унд штатистик» в 1940 г., в соответствии с количеством выданных продкарточек население протектората, имевшего территорию в 49 тыс. кв. км, в начале 1940 г. составляло 7380 тыс. человек, исключая имперских немцев, прибывших сюда из Германии, и военнослужащих вермахта.

Несмотря на то, что Гитлер своим указом определил, что власть в протекторате будет принадлежать гражданскому имперскому протектору, однако в течение первых трех недель — с 15 марта по 7 апреля 1939 г. — здесь действовала военная администрация и

было введено немецкое военное право. Соответствующие приказы отдавал генерал В.Браухич как главнокомандующий сухопутными войсками Германии и генерал И.Бласковиц как командующий немецкими оккупационными войсками в протекторате. Начальником гражданской администрации при командующем 3-й группой армий, оккупировавшей Чехию, стал судетский немец гаулейтер К.Генлейн, а его коллегой при командующем 5-й группой армий в Моравии — гаулейтер И.Бюркель. Уже в первом оперативном приказе от 15 марта 1939 г. и в приложении к нему было сказано, что задачей гражданской администрации является управление всеми чешскими административными и хозяйственными органами.

Лишь 7 апреля 1939 г. вся власть была передана первому имперскому протектору, которым стал бывший министр иностранных дел Германии барон К. фон Нейрат, прибывший в Прагу 5 апреля. Он подчинялся непосредственно фюреру.

Протектор был также наделен неограниченными правами законодательной и судебной власти, хотя чешское, так называемое автономное правительство формально также издавало законы и распоряжения. Однако ни одно важное решение любого чешского министра не было действительно без одобрения протектора, которому было предоставлено право прекращения действия любого закона или распоряжения. Он мог объявить и чрезвычайное положение. Рабочим органом протектора было его управление. Резиденцией протектора и его управления стал Чернинский дворец в Праге.

Обширными полномочиями в протекторате был наделен заместитель имперского протектора, так называемый государственный секретарь. Первым на эту должность был назначен бывший заместитель Генлейна также судетский немец К.-Г.Франк, который по уполномочию Гиммлера одновременно являлся и главным руководителем полиции и СС. До поры до времени он держался в тени у Нейрата, но тем не менее все его хорошо видели. Франк был одним из самых ненавистных в Чешских землях гитлеровских сатрапов. В связи с продолжительным отпуском, который был предоставлен фон Нейрату, с сентября 1941 г. имперским протектором фактически стал Р.Гейдрих.

Решением Гитлера от 21 марта 1939 г. был распущен высший законодательный орган Чехословацкой Республики – Национальное собрание. Протекторат был лишен права внешних сношений, которое перешло к Министерству иностранных дел Германии. Вместо буржуазных партий и распущенного Национального собрания указом Гахи от 23 марта 1939 г. была образована коллаборационистская коалиция бывших буржуазных политических партий, так называемое Национальное единство – искусственное образование, которое в первые месяцы служило им чем-то вроде парламента. Руководителем Национального единства провозглашался глава протектората, а 100 членов его совета не избирались, а назначались Э.Гахой, ставшим президентом ЧСР 30 октября 1938 г., после того как 5 октября Э.Бенеш подал в отставку. Формально совет был на-

делен правом контроля над деятельностью автономного правительства, главой которого с 29 апреля стал генерал А.Элиаш, и его решения должны были выполняться соответствующими министерствами как решения бывшего Национального собрания. Для этого в каждом министерстве имелся специальный уполномоченный совета Национального единства. Однако позже такая ширма оккупантам не понадобилась, и они запретили всякую связь между автономным правительством и советом Национального единства, а затем в январе 1943 г. вообще распустили не только совет, но и все Национальное единство.

Существенных изменений в составе прежнего правительства Чехословацкой Республики на первых порах Гитлер не производил. В знак признания заслуг перед рейхом престарелому Гахе был пожизненно оставлен титул «государственного президента».

Вся территория протектората по линии чешской гражданской администрации делилась на 91 округ. Во главе округов были поставлены чешские коллаборационисты. По линии оккупационных властей протектору на местах непосредственно подчинялись 15 оберландратов. Через несколько месяцев их число увеличилось до 19. Первые оберландраты были назначены начальниками гражданской администрации и приказами командующих группами армий еще в начале оккупации. Затем они утверждались верховным командованием сухопутных войск вермахта по согласованию с Министерством внутренних дел рейха. По мере надобности в отдельных населенных пунктах назначались специальные комиссары. Оберландраты, являясь низшими оккупационными органами, осуществляли контрольные функции над соответствующими местными органами и не подчинялись автономному правительству. Оберландраты, имея к осени 1941 г. 1945 чиновников, осуществляли также непосредственную административную власть в отношении местного немецкого населения. Они были единственными носителями государственной власти на местах, тогда как чешские органы являлись лишь их помощниками. Эти задачи оберландраты выполняли с начала оккупации до административной реформы 1942 г.

Важным орудием в руках гитлеровских оккупантов в протекторате являлись судебные органы. Уже в марте — августе 1939 г. была сформирована судебная система, состоявшая из особых гражданских и военных судов. В Праге начал действовать немецкий верховный суд, в Праге и Брно — немецкие земельные суды и в 12 других крупных городах — немецкие суды. В последующие годы в дислокации и структуре немецкого судопроизводства в протекторате происходили лишь незначительные изменения. Все немецкие суды пользовались преимущественными полномочиями в сравнении с чешскими протекторатными судебными органами.

Опорой оккупантов были многие из тех 235 тыс. немцев, которые жили в Чешских землях, не считая отторгнутой ранее Судетской области, и судетские немцы. Хотя Риббентроп и обещал Гахе не назначать на руководящие посты в протекторате судетских немцев, но слова своего, как и следовало ожидать, он не сдержал. Не только Генлейн был назначен начальником гражданской администрации в Чехии, а Франк — государственным секретарем и заместителем протектора, но и многие оберландраты и другие чиновники, особенно в гестапо и СД, являлись судетскими немцами. Призывая их оказывать постоянную помощь оккупационным властям в протекторате в борьбе против чехов, Франк в апреле 1944 г. говорил, что для этой цели судетские немцы должны использовать не только свое биологическое превосходство, но и большой опыт античешской борьбы, приобретенный ими в предыдущие годы.

Все управление протекторатом гитлеровцы осуществляли главным образом через чешские административные органы, располагавшие огромным аппаратом чиновников и служащих. По некоторым данным, при Гейдрихе на 2 тыс. немецких служащих приходилось около 400 тыс. чешских. В последующие годы в связи с рядом тотальных мобилизаций на военное производство их число несколько сократилось. Автономному протекторатному правительству было разрешено иметь и свои немногочисленные вооруженные силы, насчитывавшие в 1943 г. 6887 человек. Окружные, городские и сельские власти возглавили чешские гейтманы и старосты. Но во многих случаях оккупанты вместо старост ставили немецких «комиссарских председателей общин». В 1941 г. их уже насчитывалось 150.

Вместе с другими оккупационными органами в протекторат прибыл многочисленный гитлеровский карательный аппарат гестапо, полиция, СД и др. общей численностью до 2200 человек. Сразу же были организованы и чешские карательные органы. Один из них чехи называли «честапо». В годы войны на территории протектората до 1944 г. дислоцировались различные части и соединения вермахта общей численностью до 50 тыс. человек (без военно-воздушных сил) и три дивизии войск СС общей численностью в 40 тыс. человек.

По справедливому замечанию видного чехословацкого историка В.Крала, протекторатное правительство и его местные органы нельзя считать лишь пассивными исполнителями воли оккупантов. Правительство Гахи, являясь политическим представителем чешской буржуазии, проводило активную коллаборационистскую политику в пользу гитлеровской Германии. Тем самым оно было олицетворением союза антинациональных кругов чешской буржуазии и германского фашизма. Гаховщина оказывала отрицательное влияние на чешский народ и в идеологическом отношении, ибо сеяла иллюзии, будто возможно его «честное» сотрудничество с фашистскими оккупантами.

В январе 1942 г. Гейдрих произвел реорганизацию протекторатного правительства, фактически ликвидировав его как коллективный орган. Заседания Совета министров более не проводились. Разрешались лишь совещания главы правительства (после казни

А.Элиаша им стал Я.Крейчи) с отдельными министрами, которые не имели права принимать какие-либо решения.

Другим важным элементом административной реформы Гейдриха было слияние всех экономических министерств в единое Министерство экономики и труда во главе с немцем В.Берчем, благодаря чему чешская экономика еще более активно использовалась в интересах войны. Во все остальные министерства были направлены большие группы немецких советников, которые фактически управляли ими. Они стали заместителями министров и руководителями управлений и основных отделов. Все эти меры оккупанты проводили без какой-либо оппозиции членов протекторатного правительства. Это означало, что чешская буржуазия соглашалась на все более подчиненное положение в отношении немецкого монополистического капитала.

Реформа Гейдриха коснулась и управления имперского протектора: руководители его ведущих отделов стали постоянными заместителями соответствующих чешских министров, ликвидировалась двойственность управления, и немецкие чиновники стали безраздельными хозяевами в чешской администрации не только в Праге, но и на местах. В связи с усилением влияния центральных органов управления протектора были ограничены функции оберландратов: вместо 19 их стало 7, и за ними были оставлены лишь контрольные обязанности. Общее количество немецких чиновников в протекторате сократилось (уволенные были отправлены на фронт, но оставшиеся занимали более влиятельные позиции во всех областях жизни протектората, чем прежде). В ноябре 1942 г. Франк доносил Гитлеру, что к этому времени в оккупационном аппарате было занято лишь 1884 немецких чиновника, из них 738 человек – в органах имперского протектора, а остальные – в учреждениях чешского правительства.

27 мая 1942 г. произошло событие, которое послужило удобным поводом для дальнейшего усиления оккупационного режима в протекторате. В этот день прибывшие из Лондона чехословацкие патриоты уничтожили Гейдриха. Рассказывают, что палач чешского народа любил водить своих детей в Пражский град, где хранится корона чешских королей. Он даже пробовал надеть ее на свою голову, забыв старинную поговорку, которая гласит, что тот, кто самовольно возложит на голову чешскую корону, заплатит за это жизнью. Как видно, народная поговорка сбылась.

Гейдриха не стало, но «гейдрихиада» не только продолжалась, но и усилилась. Назначенный на место Гейдриха бывший начальник полиции порядка рейха обергруппенфюрер СС и генерал полиции К.Далюге вел, как он писал в Берлин Штуккарту 4 июля 1943 г., прежнюю политику: продолжалось дальнейшее прямое подчинение немцам всех чешских органов власти, чешская полиция получала приказы непосредственно от немецкого руководства, а так называемое «правительственное войско» стало выполнять обычные полицейские функции.

Исторические события 1943 г. на фронтах, особенно победы Советской Армии под Сталинградом и на Курской дуге, а также активизация движения Сопротивления чехословацкого народа и выход из войны Италии оказали определенное влияние на гитлеровскую политику в протекторате. Как и следовало ожидать, с этого времени она осуществлялась под знаком дальнейшего усиления позиций карательных органов – гестапо, СС, СД, полиции. Опасаясь повторения итальянского «казуса Бадольо», Гитлер стремился избегать сосредоточения чрезмерной власти в руках одного лишь имперского протектора. С этой целью 20 августа 1943 г. он подписал указ, в соответствии с которым в протекторате наряду с имперским протектором, являвшимся наместником Гитлера как главы государства, вводилась и должность «государственного министра по делам Чехии и Моравии», также подчинявшегося Гитлеру.

Сам Франк оценил это решение Гитлера как ликвидацию дуализма между протектором и государственным секретарем. С тех пор протектор осуществлял лишь представительские функции, а именно утверждал членов протекторатного правительства, назначал и увольнял немецких чиновников в протекторате и располагал правом помилования. Но реальной власти он не имел. Зато государственный министр стал выполнять все те обязанности, которые раньше возлагались на протектора. Ему подчинялись все германские учреждения, и он нес личную ответственность перед фюрером за дела в протекторате.

Государственным министром был назначен К.Франк. Через несколько дней Нейрат был официально освобожден от поста имперского протектора, и его занял бывший министр внутренних дел Германии В.Фрик. Поскольку Фрик редко появлялся в Праге и мало интересовался своими новыми делами, то фактическим хозяином протектората являлся ставленник Гиммлера Франк. Его власть еще больше усилилась с весны 1944 г., когда в Праге был создан общеимперский полицейский округ, включавший не только Чехию и Моравию, но и Судеты, а Франк был назначен высшим руководителем СС и полиции этого округа. Сам Франк объяснял это нововведение двумя причинами: во-первых, необходимостью борьбы против движения Сопротивления патриотов, которое активизировалось не только в протекторате, но и в Судетенланде, и, во-вторых, потребностью единого подхода к решению проблем на всей территории проживания чехов, включая и Судетенланд. Франк одновременно подчеркнул, что как в протекторате, так и в Судетенланде он всегда будет иметь в виду конечную цель немецкой политики в отношении чехов. А она, как известно, состояла в ликвидации чехов не только как самостоятельной нации, но и как нации вообще. Новым шагом в усилении единоличной власти Франка был перевод в Италию его личного недруга – уполномоченного вермахта при протекторе генерала Р.Туссена. Вскоре Франку удалось добиться того, что новый уполномоченный вермахта генерал Шааль

подчинялся не имперскому протектору, а ему как государственному министру.

Обстановка в протекторате с осени 1944 г. определялась новыми выдающимися победами Советской Армии и ее вступлением на территорию Чехословакии. Приближение линии фронта, массовое перебазирование в протекторат военных предприятий и рабочей силы из западных областей Германии потребовали усиления полицейских сил. На 9 апреля 1945 г., по официальным данным, в протекторате они составляли 89690 человек.

С марта 1945 г. позиции Франка постепенно ослабевали. В это время Прага была объявлена «крепостью». Назначенный Гитлером ее начальник генерал Туссен, вернувшийся из Италии, взял к себе политическим заместителем не Франка, а гаулейтера Судетенланда К.Генлейна. На полноту власти в протекторате претендовал и командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ф.Шернер, войска которого оборонялись на этом направлении.

В 1944 г. в Германии были опубликованы сведения об участии чешских коллаборационистов в административных органах протектората. Сообщалось, в частности, что из 7785 общин, имевшихся на территории Богемии и Моравии в 1943 г., в 7557 общинах управляли чешские бургомистры и председатели общин. Автономная правительственная политика и жандармерия также состояли на 97,9% из чехов.

Во главе протектората стоял государственный президент Э.Гаха. Правительство протектората в 1944 г. состояло из председателя правительства и министра юстиции Я.Крейчи, вице-председателя правительства и министра внутренних дел Р.Бинерта, министра хозяйства и труда В.Берча, министра образования полковника Э.Моравца и нескольких других министров.

Гитлеровский «протекторат Чехии и Моравии» доживал последние дни. Многие местные и имперские немцы покинули территорию протектората задолго до окончания войны.

Венгерская оккупация Южной Словакии и Закарпатья

В своей политике по отношению к Чехословакии, в основе которой лежала идея расчленения этой страны, гитлеровская Германия использовала территориальные претензии к Чехословакии, которые выдвигали хортистская Венгрия и Польша. Их захватнические цели прикрывались якобы заботой о судьбе живших в Чехословакии венгерского и польского нацменьшинств.

Многие документы из хортистских архивов свидетельствуют о том, что на всем протяжении чехословацкого кризиса правители хортистской Венгрии занимали крайне враждебную к Чехословакии позицию и постоянно находились в контакте с Гитлером.

В Будапеште тщательно дирижировали всей деятельностью своей агентуры в Словакии, одновременно наблюдая, как будут ре-

агировать на нее другие страны. Убедившись в том, что Гитлер и Муссолини поддерживают Венгрию, а Англия и Франция не имеют намерения им препятствовать, правительство Венгрии, как об этом сообщало 23 августа 1938 г. телеграфное агентство из Будапешта, заявило, что в течение года оно намерено урегулировать вопрос о венгерском меньшинстве в соседних странах.

В последующие дни напряженность искусственно нагнеталась. 20 сентября 1938 г. правительство Венгрии впервые после Первой мировой войны открыто поставило вопрос о пересмотре Трианонского договора и возвращении Венгрии «отторгнутых» от нее земель. В этот день глава венгерского правительства Б.Имреди посетил Гитлера и передал ему личное послание Хорти, в котором предлагалось не делать различия в решении судетской и венгерской проблем в Чехословакии. Фюрер, не будучи уверенным в удачном исходе собственной авантюры, неохотно дал свое согласие, но обусловил его следующими требованиями: 1) Венгрия должна публично предъявить свои территориальные претензии; 2) венгерское правительство не должно давать никаких гарантий «остаточной» Чехословакии и 3) Венгрия должна позднее выйти из Лиги Наций[8].

Особый интерес в Берлине проявляли в отношении судьбы Закарпатской Украины. Специальное внешнеполитическое ведомство фашистской партии во главе с А.Розенбергом разрабатывало «научные» обоснования тезиса о том, будто Закарпатская Украина является «центром украинского национального движения». Таким образом, немецкие власти недвусмысленно давали понять, что в данный момент они имеют особые намерения в отношении Закарпатской Украины.

При поддержке Гитлера Прага наконец приняла решительные меры: 26 октября 1938 г. бывший глава правительства Закарпатской Украины А.Бродий был отстранен и арестован, а на его место был поставлен ставленник Берлина униатский священник А.Волошин[9]. От имени папы римского митрополит А.Шептицкий поздравил нового главу правительства, а Гитлер приставил к нему своего представителя Ольдофреди, который официально являлся «государственным секретарем немецкой национальной группы в Карпатской Украине».

Единомышленники Бродия бежали в Венгрию. Возня вокруг Закарпатской Украины продолжалась, но в конечном счете Венгрия и Чехословакия согласились на германо-итальянский арбитраж, хотя как в Праге, так и в Братиславе и Ужгороде ничего хорошего от него не ждали. Уже накануне арбитража им было ясно, что венгерские территориальные требования, за исключением городов Братиславы и Нитры, будут удовлетворены.

2 ноября во дворце Бельведер в Вене состоялось совещание арбитров Риббентропа и Чиано. Сюда же были приглашены представители Чехословакии — Ф.Хвалковский, И.Крно, И.Тисо, А.Волошин и Венгрии — К.Каня и П.Телеки. Арбитры, как и следова-

ло ожидать, преследуя свои империалистические цели, не утруждали себя тщательным изучением обстановки и существа спорной проблемы. Они не учитывали мнения чехословацкой стороны, хотя формально заслушали представителей обеих делегаций. Все было предрешено заранее.

Вечером Риббентропом было зачитано следующее решение вопроса: передать Венгрии чехословацкую территорию в 12051 кв. км с населением в 1060000 человек, т.е. больше, на что соглашалась Чехословакия, но несколько меньше от требуемого Венгрией. Из них 10528 кв. км составляли территорию Словакии, остальная территория принадлежала Закарпатской Украине[10]. Словацкие города Братислава и Нитра и карпато-украинский г. Севлюш остались за Чехословакией. К Венгрии же отошли города Нове Замки, Рожнява, Левице, Лученец, Римавска, Собота, Кошице, Ужгород, Мукачево и Берегово, т.е. районы бывшей до 1918 г. так называемой «Верхней Венгрии».

Решение венского арбитража было грубым нарушением этнического принципа, торжественно провозглашенного самими арбитрами еще в Мюнхене, а затем подтвержденного ими же в Вене. Подлинная причина согласия Гитлера передать часть Словакии со 600 тыс. словаков Венгрии объясняется не этническими, а политическими соображениями: он надеялся, что ему удастся теснее связать Венгрию с осуществлением германских планов проникновения в страны Центральной и Юго-Восточной Европы.

3 ноября 1938 г. началось занятие венгерскими войсками территорий Восточной Словакии и южной части Закарпатской Украины.

Одновременно Хорти усилил военные и дипломатические приготовления и для занятия всей Закарпатской Украины. Соответствующие меры были разработаны 6 ноября на заседании правительства с участием регента. На следующий день с целью заручиться поддержкой Гитлера ему было направлено письмо, в котором сообщалось о готовности Венгрии «немедленно реализовать данные ей в Мюнхене обещания» относительно Закарпатской Украины. В последующие дни хортисты на различных уровнях пытались убедить представителей Гитлера в необходимости такого шага.

Однако в то время Германия все же помешала Венгрии проглотить всю область. Этот важный антисоветский плацдарм она решила сохранить для себя, но пока временно под суверенитетом Чехословакии.

Наряду с Чехией, Моравией и Словакией большая часть Закарпатской Украины по-прежнему оставалась в составе чехословацкого государства. Под давлением словацких сепаратистов, блокировавшихся с закарпатскими автономистами, в Праге 22 ноября 1938 г. был принят закон об автономии Словакии и Закарпатской Украины. С тех пор прежняя Карпатская Русь стала именоваться Карпатской Украиной со столицей в г. Хуст. Именно тогда среди украинских националистов при поддержке германских властей особенно мусировалась сумсбродная идея о "присоединении" Совет-

ской Украины к... Карпатской Украине». В качестве автономного правительства этой области выступала горстка интригующих друг против друга авантюристов, добивавшихся поддержки фашистских господ из Берлина и Будапешта. Германия стремилась создать из Закарпатской Украины базу для осуществления своих агрессивных планов против Советской Украины. Она разжигала среди украинцев националистические настроения и не скрывала от европейской и мировой общественности своих устремлений[11].

Закарпатье сразу же заполонили различные германские эксперты, под руководством которых сторонники «премьера» А.Волошина развернули кампанию против демократических элементов из украинского населения. Вместе с тем они поощряли деятельность оуновцев Мельника, который в декабре 1939 г. организовал здесь свой штаб. Автономное правительство разрешило деятельность немецкой партии, предоставило привилегии карпатским немцам. Как отмечается в бюллетене Управления безопасности весной 1939 г., немцы, проживавшие в Закарпатской Украине, когда она была объявлена автономной, получили широкие возможности для политической деятельности[12]. Через голову центрального чехословацкого правительства Волошин заключил с Германией экономическое соглашение, была достигнута договоренность о строительстве закарпатского участка стратегической дороги из Берлина в Румынию. В Хусте было учреждено консульство Германии во главе с советником германского посольства в Праге Г.Гофманом. Волошин форсировал формирование своих вооруженных сил в виде отрядов так называемой «Карпатской Сечи». Но поскольку дислоцированные здесь чехословацкие воинские части не давали им оружия, то между ними нередко происходили стычки.

В ноябре 1938 г. представителей правительства Волошина принял Геринг. В беседе он неоднократно советовал украинским националистам игнорировать центральное чехословацкое правительство и совсем отделиться от Чехословакии. В начале февраля 1939 г. правительство Волошина в своих сепаратистских действиях пошло еще дальше. В берлинской газете «Фелькишер беобахтер» оно опубликовало свою программу создания «самостоятельного» украинского государства с ориентацией на Германию[13].

Империалистическая возня вокруг Закарпатской Украины, имевшая явно антисоветскую направленность, не могла не привлечь внимания ЦК ВКП(б) и советского правительства. Об этом, в частности, подчеркивалось на XVIII съезде партии в марте 1939 г.[14]

С начала 1939 г. обстановка в этом районе стала еще больше обостряться. Венгерские профашистские круги во главе с Имреди, видя намерения Гитлера вообще ликвидировать Чехословакию, решили все же добиться своего и урвать себе еще один кусок. Они снова развернули пропагандистскую кампанию за «освобождение новых земель» и за «создание великой Венгрии». В печати и по радио распространялась идея о том, что, мол, нынешние Чехия и Словакия опаснее, нежели старая Чехословакия, и что восточные

словаки якобы ждут венгров как своих освободителей. Более того, что Венгрия готова занять и всю Закарпатскую Украину как свою «законную» территорию.

В это время в Будапеште произошли серьезные изменения. Под давлением англо-фильских кругов Венгрии откровенный прогитлеровец Имреди вынужден был передать пост премьер-министра более гибкому графу П.Телеки. Однако на реваншистские планы венгерских властей в отношении Словакии и Закарпатской Украины эта перемена не отразилась.

14 марта 1939 г. с согласия Гитлера через три часа после провозглашения «независимого» Словацкого государства венгерские войска вступили в остальную часть Закарпатской Украины. Ее южная часть, как известно, была занята в соответствии с решением венского арбитража. Официальная версия причин этого нового агрессивного акта гласила, что венгерские войска вступили в эту область по просьбе украинского населения и его руководителей, чтобы предотвратить анархию и обеспечить «самоопределение».

Кроме того, к 23 марта хортисты захватили небольшую территорию Восточной Словакии. Их дальнейшее продвижение внутрь Словакии за так называемую «линию Бенеша 1920 г.» было приостановлено немцами, которые именно в этот день 23 марта объявили до того считавшийся секретным немецко-словацкий охранный договор.

Венгерские захваты в Словакии были оформлены в Будапеште протоколом словацко-венгерской пограничной комиссии от 4 апреля 1939 г.

Таким образом, в результате двух агрессивных актов в октябре 1938 г. и марте 1939 г. Венгрия при покровительстве Гитлера оккупировала всю Закарпатскую Украину площадью в 11094 кв. км с населением 550 тыс. человек и Восточную Словакию. На словацкой территории, захваченной венграми в 1938 г. и 1939 г., по переписи 1930 г., проживало 901963 человека, из них чехословацких (словацких) граждан было 874 054 и иностранцев — 27909 человек.

Из национальных меньшинств, проживавших на оккупированных территориях Словакии и Закарпатской Украины, особыми привилегиями, как и в самой Венгрии, пользовались только местные немцы. Их статус регулировался соглашением между Германией и Венгрией, подписанным в августе 1940 г. Во многих населенных пунктах стали возникать организации существовавшего в Венгрии Немецкого народного союза, возглавлявшегося Ф.Башем, а также молодежные, женские и другие организации. Они имели печатные органы, направляли на учебу в Германию своих активистов. Пользуясь поддержкой представительств Германии в Венгрии и Словакии, эти организации местных немцев перестали даже выполнять распоряжения венгерских властей, если они не подтверждались указаниями немецких органов.

20 ноября 1940 г. хортистская Венгрия присоединилась к антикоминтерновскому пакту, что еще больше привязало ее к гитлеровской Германии. Разумеется, это сказалось и на усилении агрессивности венгерской политики на оккупированных землях. В Словакии и Закарпатской Украине она стала еще более жесткой в связи с началом войны против Советского Союза, в которую клика Хорти втянула и Венгрию. Именно в словацком г. Кошице 26 июня 1941 г. была устроена провокация с налетом якобы советской авиации, которая использовалась в качестве повода для объявления Венгрией войны Советскому Союзу.

Усилились экономический грабеж и выкачивание рабочей силы для военной промышленности Венгрии и Германии. Многие молодые люди, в том числе и словаки, были мобилизованы в венгерскую армию и отправлены на восточный фронт.

Победа Советской Армии под Сталинградом и разгром венгерских войск на Дону вдохновили трудящихся оккупированных районов Словакии и Закарпатской Украины на активизацию сопротивления и посеяли неверие правящих кругов Венгрии в возможность победы Германии. Подобные настроения отразились на многих областях общественной жизни и политики хортистов, в том числе и на некоторых аспектах их политики в оккупированных районах.

Министр внутренних дел Венгрии, который совсем недавно настаивал на жестком отношении к невенгерским национальностям, с весны 1943 г. стал робко признавать, что Венгрия при «чужой помощи владеет большими территориями, на которых нужно вести соответствующую внутреннюю политику». На словацких землях и в Закарпатской Украине министр великодушно предложил провести после войны плебисцит, который решил бы их судьбу. Сам премьер-министр М.Каллаи также призывал находить общий язык с лояльными элементами из национальных меньшинств на оккупированных землях и «создать для них лучшую атмосферу». В соответствии с этими указаниями министр пропаганды в ноябре 1943 г. инструктировал жупанов оккупированных районов, чтобы 5-летие венского арбитража и годовщину событий 15 марта они отметили «удобным способом», не задевая национальных чувств словаков и украинцев.

Намечавшаяся вынужденная попытка либерализации оккупационной политики Венгрии была застопорена немецко-фашистской оккупацией самой Венгрии в марте 1944 г. Она была распространена и на оккупированные Венгрией территории, в том числе на Южную Словакию и Закарпатскую Украину.

Наступала осень 1944 г. — последняя осень Второй мировой войны в Европе. Новые сокрушительные поражения хортистская армия потерпела как в Трансильвании — на юге, так и в Карпатах — на севере. Советские войска вступили на территорию Южной Венгрии и начали освобождение Словакии и Закарпатской Украины. Венгерские оккупационные органы поспешно покинули территорию Закарпатской Украины, увозя с собой ценное имущество, скот, продовольствие. Население насильно угонялось в Германию и Венгрию. 26 октября 1944 г. советские войска вступили в г. Мукачево, а на следующий день — в г. Ужгород. К концу октября была освобождена вся Закарпатская Украина. На террито-

рии области власть перешла в руки созданных населением национальных комитетов. В народе развернулось массовое движение за воссоединение с братской Советской Украиной. В ходе Словацкого национального восстания в августе 1944 г. стали свободными и некоторые территории Словакии, оккупированные хортистами. Окончательное освобождение словацкому народу принесла Советская Армия весной 1945 г.

Тешинская проблема

Одним из аспектов национальных отношений в домюнхенской буржуазной Чехословакии наряду с немецкими, венгерскими и словацким был вопрос о польском национальном меньшинстве, наиболее компактно проживавшем в районе Тешина. На подчас искусственно создаваемых трудностях в отношениях между словаками и поляками особенно грели руки в Берлине. Здесь пристально следили и поощряли ирредентистское движение нацменьшинств Чехословакии, в том числе и поляков. Наиболее агрессивные круги в «санационной» Польше при поддержке Германии и в духе ее требований выдвигали идею о «комплексном решении» национального вопроса в Чехословакии. Так, известный польский германофил и реакционный публицист В.Студницкий в 1935 г. открыто выступил за создание военного блока Германии, Польши и Венгрии, за присоединение всего Тешина к Польше, за венгерскую аннексию Словакии и Закарпатской Украины и за аншлюс Судетской области к Германии[15].

Вдохновителем и активным проводником античешской политики был министр иностранных дел Польши Ю.Бек, который постоянно выступал со спекулятивным требованием о предоставлении полякам, проживающим в Чехословакии, автономии.

Польский народ в своем подавляющем большинстве отвергал античехословацкую политику правительства. Подлинное отношение польских трудящихся к этим авантюрам правительства было выражено в статье видного деятеля коммунистического движения в Польше О.Длусского, опубликованной в декабре 1937 г.: «Польский народ питает чувства симпатии к своему соседу – культурному, миролюбивому, демократическому народу Чехословакии. Никакие антагонистические интересы не разделяют наши народы. В сердце польского народа, который понес столько жертв в борьбе за свободу своей страны, освободительная борьба народов Чехословакии нашла живой отклик. Точно так же угнетаемые польскими магнатами украинцы и белорусы видят в союзе санации с Гитлером угрозу для своих подлинных интересов. Украинцы и белорусы жаждут мира с Советским Союзом, где их братья после многовекового национального и социального гнета живут сегодня свободной государственной, национальной и культурной жизнью. Мирное сотрудничество Чехословакии с Советским Союзом еще больше усилило симпатии украинцев и белорусов к Чехословакии»[16].

В Берлине постоянно подстрекали польских реакционных правителей быстрее и единым фронтом выступить против Чехословакии. Гитлеровцы стремились убить сразу двух зайцев: глубже втянуть Польшу в конфликт с Чехословакией и скомпрометировать ее в глазах ее западных друзей, особенно Франции, которая имела свои особые планы в отношении Чехословакии. Об этом, в частности, говорил польскому послу в Берлине Ю.Липскому Геринг 16 сентября 1938 г. Как доносил Липский, Геринг выразил опасение, что после «отчуждения Судет чехословацкая проблема будет разрешена». Поэтому он настойчиво советовал, чтобы Польша категорически потребовала плебисцита в районе, населенном поляками. Такой же совет был дан Словакии и Венгрии. Далее Геринг сказал, что он понимает необходимость общей польско-венгерской границы, которая, как он выразился, «сходилась бы у Словакии». В заключение Липский делал такой вывод: «Было совершенно очевидно, что Геринг заинтересован в том, чтобы отделить Словакию от Чехии, с тем чтобы получить таким образом зависимое в экономическом отношении от Германии чешское государство»[17].

Подстрекаемые из Варшавы и Берлина польские ирредентисты в сентябре 1938 г. перешли к организации пограничных инцидентов и террористических актов против чешского населения. 30 сентября 1938 г. Чехословакия вынуждена была согласиться передать Польше районы чешского Тешина и Заользя (Фриштата).

С поражением Польши была автоматически снята с повестки дня тешинская проблема. В начале октября 1939 г., когда встал вопрос о судьбе Тешинского района, «правительство» протектората при поддержке протектора фон Нейрата предъявило на него свои претензии. Однако Гитлер по рекомендации МИД и Гиммлера решил по-иному[18]. В соответствии с германо-словацким договором от 21 ноября 1939 г. часть территории, захваченной Польшей, была снова возвращена Словакии[19].

Чтобы и дальше обострять отношения между польским и словацким народами, Гитлер так расщедрился за чужой счет, что предложил Тисо даже польский г. Закопане, но в данном случае Тисо проявил редкое благоразумие и отказался от этой подачки. После этого район Заользя сперва был включен в состав генерал-губернаторства, а позже присоединен непосредственно к Германии. Тем не менее в годы войны Гитлер так и не принял окончательного решения о судьбе района Заользя. И в этом случае он оставался верен своей тактике: чтобы властвовать над народами, нужно их разделять. В мае 1945 г. после освобождения Заользе было снова возвращено Чехословакии.

Словацкое государство

В центре Европы Гитлер решил провозгласить марионеточное «Словацкое государство». После того как реорганизованный сло-

вацкий сейм 14 марта 1939 г. принял закон о Словацкой республике, глава правительства Тисо 15 марта направил Гитлеру телеграмму с просьбой принять на себя «защиту» молодого государства. Через несколько часов из Берлина прибыл не только положительный ответ, но в западные районы Словакии, в так называемую «охранную зону», ограниченную на востоке горами Малые Карпаты, Белые Карпаты и Яворник, вступили войска вермахта. Они разоружили чехословацкие части и захватили все важные объекты, склады и военные предприятия стоимостью около 2 млрд крон. Более того, Гитлер, вопреки своим предыдущим обещаниям гарантировать границы Словацкого государства, 17 марта разрешил Хорти захватить часть территории Восточной Словакии.

В обстановке, когда Западную Словакию оккупировал вермахт, а в восточные ее районы вступили войска хортистской Венгрии, 18 марта 1939 г. главой правительства Тукой и министром иностранных дел Ф.Дурчанским и 23 марта в Берлине Риббентропом был подписан в Вене «Договор об охранных отношениях между Германией и Словацким государством». Анализ пяти статей, из которых состоял этот документ, свидетельствует о том, что по существу это был типичный германский диктат. Так, статья 1 гласила о том, что «Германия берет на себя защиту политической независимости Словацкого государства и интеграции его территории». Но никакой гарантии на этот счет не давалось. Вот почему, как рассказывал позже главнокомандующий сухопутными войсками Германии фельдмаршал В.Браухич, из беседы с Гитлером он вынес впечатление, что фюрер рассматривает Словакию как объект для торга с Польшей и Венгрией. Статья 2 предоставляла Германии право в охранной зоне держать войска и строить укрепления. Специальное «Соглашение об охранной зоне», заключенное 12 августа 1938 г., еще больше расширило права немецких военнослужащих на словацкой территории. Своеобразным экономическим приложением к «Охранному договору» явился подписанный тогда же «Секретный протокол об экономическом и финансовом сотрудничестве между Германией и Словацким государством», который полностью привязывал экономику Словакии к германской военной колеснице.

Так, в лице Словацкого государства в самом центре Европы возникло своеобразное государственное образование типа «европейского Маньчжоу-Го», которое призвано было стать «образцовой» колонией в гитлеровском «новом порядке».

Существование новоиспеченного Словацкого государства можно разделить на три этапа: первый — с марта 1939 г. по вторую половину 1940 г.; второй — по август 1944 г. и, наконец, третий — с сентября 1944 г. до полного освобождения страны.

Первый этап характеризуется сравнительно скромным вмешательством немцев (особенно до совещания в Зальцбурге в июле 1940 г.) во внутренние дела Словакии и некоторой консолидацией тисовского режима. Большинство словацкой буржуазии одобряло ликвидацию чехословацкого государства и провозглашение «независимой Словакии». Националистический угар охватил на первых порах широкие мелкобуржуазные круги и даже часть словацкого рабочего класса. Они надеялись, что в «независимом» Словацком государстве можно будет решить те экономические, социальные и национальные проблемы, которые не могла решить прежняя домюнхенская Чехословакия.

Государственное устройство Словакии соответствовало замыслам Гитлера превратить эту страну в свою марионетку. 21 июля 1939 г. вступила в силу новая, фашистская конституция. Перефразируя знаменитый афоризм Наполеона, можно сказать, что эта конституция, хотя была и некороткой, но зато оставалась весьма туманной. В соответствии с ней сейм, состоявший из 80 депутатов, являлся законодательным органом и избирался на основе сословного представительства. Совещательным органом был Государственный совет. Президент, являвшийся главой государства, избирался на 7 лет и имел право назначать членов правительства и других высших чиновников, объявлять войну, созывать и распускать сейм. Он же являлся главнокомандующим вооруженными силами. Бессменным президентом Словакии в течение войны был И.Тисо. Премьер-министром до сентября 1944 г. был откровенный шовинист и гитлеровский агент В.Тука. Глинковской партии, которая с 1938 г. стала именоваться Партией словацкого национального единства, конституция предоставляла права правящей «государственной партии». Другие же политические партии, которые до 10 ноября 1938 г. не присоединились к «государственной партии», были распущены.

Решающим этапом во внутренней и внешней политике Словакии стали Зальцбургские переговоры Туки и Гитлера в июле 1940 г. и особенно присоединение Словакии к антикоминтерновскому пакту в ноябре 1940 г. Переговоры закончились полной капитуляцией правителей Словакии по всем вопросам. Они еще крепче связали Словакию с гитлеровской Германией. Закрепить вассальное положение нового государства Гитлеру было тем более необходимо, что приближалось время больших событий на Востоке, в которых Словакия как важный стратегический плацдарм германского вермахта должна была сыграть свою роль.

После зальцбургских переговоров в Словакии была развернута широкая сеть немецких советников. Они обладали дипломатической неприкосновенностью и имели задачу не только контролировать соответствующие словацкие органы, но и руководить ими. Важную роль в превращении Словакии в стратегический плацдарм для нападения на Польшу и Советский Союз и в установлении контроля над словацкой армией играла немецкая военная миссия. В Словакии действовало немало служб и отрядов немецкой полиции безопасности. Во всех органах экономической и политической жизни также сидели немецкие «советники».

Влияние немецких властей на ситуацию в Словакии постоянно увеличивалось и приобретало разнообразные формы. Так, каждый год весной и осенью словацкое правительство устраивало кратко-

срочные курсы для изучения немецкого языка правительственными чиновниками. Издавались газеты на немецком языке «Гренцботе» и «Сигнал». Во всех населенных пунктах, где проживало более 10 немцев, создавались для них школы и ясли. В Братиславе действовала немецкая гимназия. Активно работало германо-словацкое культурное общество. В 1942 г. в Словакию на отдых было направлено 30 тыс. немецких детей.

Усиливалось немецкое влияние и в словацкой армии. В Министерстве обороны находился немецкий генерал в качестве советника. Германская военная миссия, которой руководил генерал Отто, имела своих представителей в Братиславе, Банской-Бистрице и в других городах. Для словацких офицеров в Германии были организованы курсы повышения квалификации.

Председатель Совета министров Словакии В.Тука 12 ноября 1942 г. публично заявил, что Словакия стала союзницей Германии (хотя она всегда враждовала со славянами), потому что Германия оказывает словакам помощь в обучении студентов, снабжает Словакию промышленными товарами. Но за это она потребовала послать словацкие войска на восточный фронт и отдать часть своей территории соседней Венгрии.

Словацкие патриоты под влиянием военно-политической обстановки и в первую очередь побед Советской Армии, а также в условиях более четкого размежевания классовых сил внутри Словакии активизировали борьбу против тисовского режима и немецко-фашистских поработителей. Летом 1944 г. в стране наступил всеобщий кризис, который в конце августа вылился в вооруженное восстание словацкого народа.

Тисовский режим потерял контроль почти над всей Словакией, кроме западной ее части, где концентрировались немецко-фашистские карательные войска. Кризис людацкого Словацкого государства стал до того острым, что в Братиславе началась паника. В такой обстановке на территорию Словакии вступили немецко-фашистские войска с целью ее оккупировать. Словацкий сейм свою деятельность фактически свернул. Компетенции министров были резко ограничены. Местные органы власти подчинялись соответствующим немецким офицерам. Реорганизованное 5 сентября словацкое правительство, по оценке самих нацистских экспертов, было «похоже на правительство Недича в Сербии», созданное гитлеровскими оккупантами в Белграде.

В ходе восстания словацкие патриоты освободили значительную территорию Центральной и Восточной Словакии. Ожесточенная борьба повстанцев с фашистскими оккупантами продолжалась около двух месяцев.

Словацкие коллаборационисты с облегчением вздохнули, когда 27 октября им стало известно, что немецкие войска, используя свое превосходство в численности и в вооружении, полностью оккупировали освобожденную в ходе восстания территорию и вступили в центр восстания — Банску-Бистрицу.

Тем не менее людацкое Словацкое государство, территория которого была полностью оккупирована немецкими войсками, доживало свои последние дни. Одним из мероприятий, которое еще успел провести Тисо, было подписание 17 января 1945 г. германо-словацкого Соглашения об эвакуации, по которому все предприятия, сырье, готовые товары и полуфабрикаты, сельскохозяйственные машины и инвентарь, продукты и скот подлежали вывозу в Германию для использования в целях дальнейшего ведения войны. В ходе наступательных операций осенью и зимой 1944/45 гг. Советская Армия, при участии 1-го Чехословацкого армейского корпуса и румынских войск, освободила всю Восточную Словакию. Вскоре главари тисовского режима бежали из Братиславы, и 4 апреля 1945 г. город был освобожден. На этом людацкий фашистский режим в Словакии закончил свое существование. Словацкий народ взял власть в свои собственные руки.

К апрелю 1945 г. последние дни доживал и протекторат в Чехии. Франк издал директиву, в которой устанавливал очередность эвакуации немецкого населения в случае вступления в Чехию советских войск. А 26 апреля 1945 г. немецкое население было эвакуировано из значительной части «протектората». Попытки Франка передать власть протекторатному правительству и объявить так называемую «Чешско-Моравскую республику» завершились провалом.

Марионеточные правительства в Югославии

Свои особенности имела структура оккупационных органов и «национальных правительств» в странах Балканского полуострова, в частности в Югославии.

Директивой Гитлера № 31 от 9 июня 1941 г. были уточнены структура и функции германских оккупационных властей на Балканах. Командующим войсками вермахта на Юго-Востоке по-прежнему оставался фельдмаршал Лист. Он осуществлял всю полноту власти на занятых германскими войсками территориях Балканских стран и подчинялся лично Гитлеру. Особые командующие выделялись для Сербии, района Салоники и Эгейских островов Лемнос, Лесбос, Хиос и Скирос, а также для Южной Греции (Афины, Крит, Китира, Антикитира и Мелос).

Командующий войсками на Юго-Востоке также наблюдал за осуществляемой командующими деятельностью военной администрации в оккупированных областях. На территориях, занятых только немецкими войсками, фельдмаршал Лист имел исключительную и всеобъемлющую власть, а в областях, оккупированных итальянцами, но где дислоцировались и части вермахта, он осуществлял ограниченную власть в той мере, в какой того требовали задачи Германии.

Немецкие оккупационные органы в Сербии имели следующую структуру. Всей немецкой оккупационной политикой руководил ко-

мандующий войсками в Сербии, который подчинялся непосредственно ОКВ. С 9 июня 1941 г. он был переподчинен Листу. Командующими в Сербии последовательно были генерал авиации Форстер (с 22 апреля 1941 г.), затем его сменил в начале июня 1941 г. генерал В.Шредер. После его смерти в результате авиационной катастрофы 24 июля 1941 г. командующим был назначен генерал Г.Данкельман и наконец последним командующим стал генерал П.Бадер.

В распоряжении командующего в Сербии было два штаба: оперативный штаб, который занимался военными вопросами, включая и осуществление операций против партизан, и административный штаб, занимавшийся административными и экономическими вопросами. Во главе административного штаба, или, по-иному говоря, гражданской администрации, длительное время находился государственный советник Г.Турнер.

Сразу же после оккупации Сербия была разделена на четыре военно-административные области, в которых были сформированы по одной полевой комендатуре: в Белграде, Панчево, Ужице и Нише. Во главе полевой комендатуры стоял генерал или полковник, который также имел в своем распоряжении оперативный и административный штабы.

Следующей ячейкой немецкой оккупационной системы были 10 окружных команд, включая и Банат. Каждая из них в свою очередь делилась на местные команды, а те — на гарнизоны.

Наряду с этими органами в Сербии существовали и специализированные органы. Речь идет о многочисленных уполномоченных различных ведомств Германии. Так, генеральным уполномоченным Геринга по экономическим вопросам в Югославии стал бывший консул в Белграде Ф.Нойхаузен. Во главе подчинявшегося ему военно-экономического штаба стоял полковник Браумюллер. Главная задача этого уполномоченного состояла в том, чтобы максимально использовать югославскую экономику в интересах Германии.

Важную роль играл здесь также уполномоченный Министерства иностранных дел при начальнике военной администрации в Сербии Ф.Бенцлер. В специальной директиве Гитлера от 28 апреля 1941 г. отмечалось, что этот уполномоченный решает все внешнеполитические вопросы, связанные с Сербией. Его особая задача состоит в том, чтобы препятствовать деятельности сербских политических эмигрантов, направленной против интересов Германии.

В Сербии находилась многочисленная служба безопасности, которая по гражданской линии работала на главное управление имперской безопасности и по военной линии — на контрразведку. Накануне нападения на Югославию гитлеровцы в Австрии сформировали так называемые оперативные группы, предназначенные для борьбы против политических противников Германии в Югославии и против партизанского движения. С февраля 1942 г. оккупационный карательный аппарат был реорганизован. Высшим руководителем СС и полиции в Сербии стал А.Мейсснер, которому подчинялась полиция порядка и службы безопасности. Многочисленную агентуру имела в Сербии также военная контрразведка. С мая 1944 г. все эти органы были включены в систему службы имперской безопасности. При командирах дивизий и начальниках полевых комендатур существовали подразделения секретной полевой полиции, выполнявшие карательные функции.

Как и в других оккупированных странах, в Югославии между разными германскими органами шла постоянная грызня, а военная администрация выступала в роли «третьего радующегося». 15 апреля 1941 г. генерал-квартирмейстер сухопутных войск генерал Вагнер сказал генералу Гальдеру: «Организация военной администрации в Сербии должна быть такой, чтобы мы обеспечивали только военное охранение и контроль за администрацией (Турнер). Во всем остальном можно дать возможность органам полиции и уполномоченному по четырехлетнему плану бороться друг с другом». В Сербии, как и на Чешских землях, немецкие оккупационные органы располагали неограниченной властью.

В южной части Сербии с центром в г. Ниш с 15 января 1942 г. дислоцировались болгарские войска, но в административном отношении местные органы подчинялись Белграду, т.е. в конечном счете немецкой военной администрации. Под непосредственным управлением немцев находился район Бора с его крупнейшими в Европе рудниками цветных металлов.

В Сербии был установлен режим непосредственной военной оккупации, хотя оккупанты не исключали, что в будущем допустят существование «самостоятельного сербского государства», с которым можно будет установить дипломатические отношения.

Видный югославский историк, профессор Ф.Чулинович обоснованно делит существование немецко-фашистского оккупационного режима в Сербии на три этапа. На первом этапе никакой центральной сербской власти не существовало. Страной управляли непосредственно немецкие военные органы, т.е. командующий 2-й армией генерал М. фон Вейхс, штаб которого находился в Белграде (конец апреля — начало мая 1941 г.). Затем полевые войска вермахта в Сербии были заменены тремя оккупационными дивизиями, входившими в состав 12-й армии фельдмаршала В.Листа со штабом в Афинах. Одновременно в Сербии была создана немецкая гражданская администрация.

Второй этап был ознаменован 1 мая 1941 г. созданием в Белграде так называемого «гражданского комиссариата для Сербии». По предложению Турнера во главе комиссариата был поставлен бывший начальник белградской полиции, затем помощник министра внутренних дел в правительстве М.Стояновича М.Ачимович. На этом этапе оккупанты управляли Сербией как непосредственно, так и впервые через своих сербских коллаборационистов.

В Совет комиссаров Ачимовича вошло 10 комиссаров-министров. Внутренними делами ведал сам председатель Совета. Были также назначены комиссары по вопросам финансов, экономики,

юстиции, почты, телеграфа и телефона, социальной политики и др. Местные органы власти состояли из бановинских (Дунайская, Моравская и Дринская), окружных и общинных управ, которые действовали под руководством и контролем соответствующих немецких оккупационных органов на местах, с одной стороны, и комиссариата в Белграде — с другой.

Как явствует из декларации, объявленной комиссариатом Ачимовича в середине мая 1941 г., эта группа сербских квислингов видела свою задачу в том, чтобы бороться против сербских патриотов и помогать оккупантам более эффективно грабить сербскую экономику.

Комиссары Ачимовича в течение четырех месяцев делали все, чтобы удовлетворить постоянно растущие аппетиты Гермарии. Однако к августу 1941 г. экономическая эксплуатация Сербии стала превращаться в неприкрытый грабеж, ибо войска вермахта, действовавшие на восточном фронте, нуждались во многом. Три сербских комиссара, ведавших экономическими вопросами, 23 августа 1941 г. подали в отставку, создав своеобразный «правительственный» кризис. Воспользовавшись такой ситуацией, Турнер распустил Совет комиссаров.

Возникла потребность образовать такой административный орган, который внешне выглядел бы как сербское правительство. Многие соединения вермахта, дислоцированные до июня 1941 г. на Балканах, были переброшены на восточный фронт, что облегчило развертывание партизанского движения в Югославии, Греции и Албании. Поэтому создание правительства в оккупированной Сербии явилось первой серьезной попыткой гитлеровцев расколоть сербский народ, а его освободительную борьбу подавлять руками самих же сербских политических деятелей-коллаборационистов.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз и героическое сопротивление Советских вооруженных сил полчищам вермахта обусловили новый этап антифашистской борьбы народов оккупированной Европы. Население Югославии, как и других стран, встретило начало советско-германской войны в приподнятом настроении и связывало ее с надеждой на скорое освобождение. В первые же дни советско-германской войны оккупанты предприняли массовые аресты сербских патриотов.

Одновременно с открытым террором оккупанты решили оказать больше доверия прогерманским элементам в Сербии. С этой целью по указанию из Берлина 30 августа 1941 г. в белградской газете «Ново време», издаваемой оккупационными властями, было опубликовано решение гитлеровского командующего в Сербии генерала Данкельмана от 29 августа о создании «нового сербского правительства» в составе 12 министров во главе с генералом М.Недичем. Бывший глава Совета комиссаров Ачимович стал в этом правительстве министром внутренних дел.

В первые месяцы оккупации в административном отношении Сербия по-прежнему состояла из трех бановин — Моравской, Дунайской и Дринской, 110 районов и многочисленных общин. Однако с декабря 1941 г. вместо упраздненных бановин в соответствии с интересами гитлеровских оккупантов были введены округа. Кроме того, Банат и Косово имели свой особый статус. Такая административно-территориальная структура существовала вплоть до освобождения Сербии во второй половине 1944 г.

С 22 июня 1941 г., когда основные силы вермахта из Югославии были переброшены на восточный фронт, Турнер вынужден был разрешить коллаборационистским органам власти иметь свои вооруженные силы. Перед ними была поставлена главная задача: бороться против освободительного движения сербского народа. Формированием, обучением и боевым использованием вооруженных сил Сербии занимался командующий войсками СС и полиции в Сербии генерал СС А.Мейсснер, хотя формально эти вооруженные силы подчинялись главе «правительства» генералу Недичу. В годы войны на территории оккупированной Сербии действовали различные вооруженные силы, которые в той или иной мере сотрудничали и помогали оккупантам.

В Берлине стремились к тому, чтобы систематически ограничивать полномочия «правительства» Недича. Когда в августе 1942 г. Турнер разрешил создание президиума Совета министров в Белграде, то за это он получил внушение от Гиммлера. «Не забывайте, — говорил Гиммлер, — что сербский народ, который в течение столетий сражался, является самым опытным народом».

В октябре 1943 г. особоуполномоченный МИД на Юго-Востоке А.Нойбахер доложил Риббентропу свой план создания Великосербской федерации с включением в нее Сербии, Черногории и Санджака. Президентом федерации предполагалось назначить генерала Недича. В этом случае функции немецких военных властей были бы ограничены только контролем над сербским правительством. Однако эта идея не нашла реализации, потому что ОКВ выступило против нее.

Свои особенности имела структура управления в областях, которые хотя формально входили в состав Сербии, но фактически имели свой особый статус. Речь идет прежде всего о Банате.

В силу своего многонационального состава Банат в течение длительного времени был объектом спора между соседними государствами. Парижскам мирная конференция 1919 г. разделила эту территорию между Югославией и Румынией, которые 10 августа 1920 г. подписали между собой соответствующее соглашение.

По данным переписи 31 марта 1931 г., югославский Банат занимал территорию в 9776 кв. км с населением в 640 тыс. человек, в том числе сербов и хорватов было 273573 человека, словенцев — 875, немцев — 120450, венгров — 95760, румын — 62284, украинцев (русин) — 3164, чехов и словаков — 20313 человек и т.д.

В 20—30-е годы немецкое население как югославского, так и румынского Баната в силу связей с Германией добилось ряда важных привилегий. Они, естественно, стали еще более широкими с апреля 1941 г., когда этнические немцы заняли в Банате все основ-

ные административные посты. Экстремисты из банатских немцев во главе с Ф.Нейхаузеном мечтали о создании здесь «Свободного немецкого государства», вроде Данцига или в худшем случае добиться автономии в рамках Сербии.

В Берлине учитывали эти планы банатских немцев, и директивой от 15 мая 1941 г. в Банате в отличие от остальной Сербии был установлен особый режим. Однако эта полумера не удовлетворяла местных немцев, и они потребовали расширения своей автономии. С этой целью комиссарское «правительство» Ачимовича 14 июня 1941 г. приняло «Постановление о внутреннем управлении в Банате».

Вся военная и гражданская власть в Банате с 30 апреля 1941 г. принадлежала районной комендатуре в Петровграде, переименованном в Бечкерек. Тогда же было объявлено, что в Банате создается Управление гражданской администрации во главе с уполномоченным. Он управлял пятью городскими магистратами и 11 волостями Баната, во главе которых стояли местные немцы или другие коллаборационисты. Во всей области было введено немецкое право и судопроизводство. В результате переговоров между руководством немцев сербского Баната и Советом правительственных комиссаров в Сербии немецкая государственная школа получила автономию и языком преподавания стал немецкий.

На особом положении находилась область Косово-Метохия (Космет), поделенная между Албанией, Болгарией и Сербией. В каждой из этих частей Космета наряду с общими чертами имелись и свои особенности в оккупационном режиме. Так, в сербской части в первый период оккупационную власть осуществляло командование 817-й пехотной дивизии через районную комендатуру, находившуюся в Косово-Митровице. В результате соглашения между властями Великой Албании и сербским комиссариатом Ачимовича жившим в этом районе албанцам были предоставлены особые преимущества. Было решено, что албанское нацменьшинство будет представлено помощником бана Дринской бановины. В районных управлениях они также будут иметь своего представителя. Были открыты школы с преподаванием на албанском языке. Болгарская оккупационная зона Космета, как и вся Вардарская Македония, была включена в состав Болгарии.

Зона, оккупированная итальянцами, была присоединена к Великой Албании указом короля Италии от 12 августа 1941 г. Районами Косов, Дебар и Струга со 2 августа 1941 г. управлял верховный гражданский комиссариат, принявший свои функции от командования дивизии «Пулья». Комиссару подчинялись Плавская, Рожайская и Тутинская албанские префектуры. Всего же итальянская зона Космета имела площадь 8900 кв. км с населением около 560 тыс. человек. В районах и городах итальянской зоны Косово существовали соответствующие албанские начальники, а прочими населенными пунктами управляли назначенные чиновники-председатели. Органы власти в итальянской зоне Космета формально подчинялись итальянцам. Из этой зоны в албанский «парламент»

были назначены 12 местных жителей. Полицейская служба осуществлялась по участкам (квестурам), во главе которых стояли квесторы. Полицейскими были в основном албанцы. Декретом итальянского наместника в Албании в Космете были созданы три окружные жандармские команды, 64 районных и 440 других жандармских пунктов. С августа 1943 г. по решению итальянских властей стала создаваться так называемая «Добровольческая албанская милиция», которая предназначалась прежде всего для борьбы против освободительного движения.

После капитуляции Италии все итальянские чиновники бежали. Пришли новые хозяева — немцы, под покровительством которых 14 сентября 1943 г. в Косово был создан так называемый «Исполнительный комитет», представлявший якобы новую «независимую Албанию». Месяц спустя вместо Комитета возник новый правительственный орган во главе с пронемецки настроенным помещиком Р.Митровицем. В области установилось полное засилие реакционных феодальных элементов.

Итальянская оккупация осуществлялась в Западной Македонии под видом присоединения этих македонских земель к Великой Албании, которая в свою очередь была фактически колонией Италии. Характер оккупации и структура административных органов в Западной Македонии определялись декретом Муссолини от 17 мая 1941 г. «О создании управления и судебных органов». В соответствии с этим декретом всю власть в Западной Македонии осуществлял итальянский гражданский комиссар Ф.Ализотти, назначенный верховным командованием с местом пребывания в г. Призрен в области Косово-Метохия, которая также была оккупирована итальянцами.

Деятельность гражданского комиссара продолжалась и после 12 июля 1941 г., когда декретом итальянского наместника Ф.Джакомини Албания официально аннексировала Западную Македонию. Лишь 3 декабря 1941 г. руководство всеми административными органами этой области перешло в специально созданное албанское Министерство по делам новоосвобожденных земель.

После того как Италия объявила войну Германии, обстановка в Западной Македонии, как и во всей Югославии, изменилась. Чтобы использовать ее для достижения своих целей, германский уполномоченный Нойбахер 24 сентября 1943 г. провозгласил, что Германия признает Великую Албанию. После устранения проитальянского правительства Албании 23 октября 1943 г. был сформирован прогерманский регентский совет. Прогерманские ставленники возглавили административный аппарат и в Западной Македонии. Вместе с тем здесь немцы создали свою собственную оккупационную систему под общим руководством командующего группой армий «Юго-Восток». Ему непосредственно подчинялись полевые комендатуры, которые делились на местные комендатуры. Под контролем комендатур работали гражданские органы, руководимые в основном албанскими квислинговцами. Однако и среди них не было единства. Если дебар-

ская группа албанских националистов выступала за некоторое ослабление зависимости от Германии, то в Тетово и Гостиваре сосредоточивались деятели, которые при покровительстве немецкой разведки выступали против единства албанцев, турок и македонцев. Враждующие лагеря располагали своими собственными вооруженными бандами, от террора которых страдали не только македонцы, но и турки, албанцы и другие национальности.

Создание так называемого «Независимого хорватского государства» по замыслам Берлина и Рима должно было явиться той бомбой, которая окончательно взорвет единство Югославии и воспрепятствует попыткам когда-либо его восстановить.

Зарождение Независимого хорватского государства непосредственно связано с усташеским движением, во главе которого длительное время стоял «поглавник» А.Павелич. Когда в январе 1929 г. король Александр совершил государственный переворот и установил диктатуру, Павелич в знак протеста отказался от легальной деятельности и основал террористическую организацию фашистского типа, названную «Усташеская хорватская революционная организация». Усташи выступали за полное отделение Хорватии от Югославии и создание независимого хорватского государства с установлением в нем фашистского режима.

Уже в первые дни войны, когда германские танковые войска двигались к Загребу, целые подразделения солдат-хорватов из югославской армии, подстрекаемые националистами, самовольно покидали фронт. Когда в полдень 10 апреля 1941 г. танки 2-й армии генерала М.Вейхса вступили в восточный пригород Загреба, у германского резидента в Хорватии Э.Везенмайера было все готово к тому, чтобы усташи провозгласили «независимость» Хорватии.

События развертывались в стремительном темпе. В тот же день 10 апреля полковник С.Кватерник в качестве заместителя поглавника и главнокомандующего хорватскими вооруженными силами в особом воззвании провозгласил создание Независимого хорватского государства. На следующий день по подсказке Везенмейера Кватерник отправил Гитлеру телеграмму, в которой благодарил фюрера за защиту, заверил, что Хорватия будет на стороне Германии и просил о признании нового государства. 12 апреля Кватерник создал временное правительство из видных деятелей усташеского движения, но в списке членов правительства не было ни Павелича, находившегося тогда в Италии, ни других эмигрантов.

События в Загребе серьезно встревожили как Муссолини, так и Павелича. Они опасались остаться у разбитого корыта. Возня немцев с усташами в Загребе без консультаций с Римом стала для Муссолини еще одним доказательством коварства его более сильного и энергичного союзника. Дуче и поглавник стали действовать активнее.

13 апреля Павелича привезли в югославский город Карловац, занятый итальянскими войсками. В Хорватии, таким образом, сложилась двусмысленная ситуация, из которой Гитлер решил выйти следующим образом. Везенмейера и Кватерника он направил в Карловац с задачей признать Павелича главой хорватского государства. В благодарность за это Павелич пообещал ослабить свои связи с Италией и усилить их с Германией.

Кризис, таким образом, был предотвращен, и в ночь на 15 апреля 1941 г. Павелич прибыл в Загреб, став во главе Независимого хорватского государства.

Ко времени прибытия Павелича в Загребе активно действовала целая колония видных представителей из Берлина. Для обеспечения военных интересов Германии в Хорватии «уполномоченным немецким генералом в Аграме» был назначен старый нацист, бывший вице-канцлер и министр внутренних дел в австрийском кабинете Зейсс-Инкварта генерал Э.Глейзе-Хорстенау. Здесь же в Загребе уже находился «старый борец» фашистской партии, хотя сравнительно молодой по возрасту (38 лет), обергруппенфюрер СА З.Каше, предназначавшийся в качестве посла при правительстве «независимой» Хорватии. Официально на эту должность он был назначен 19 апреля, сразу же после признания НДХ со стороны Германии.

В результате военного разгрома королевской Югославии существование Независимого хорватского государства стало реальностью. Но его провозглашение нельзя считать, как справедливо отмечает видный югославский историк и знаток этой проблемы профессор Ф.Чулинович, делом рук лишь Павелича или Кватерника. Независимое хорватское государство — это детище Берлина, созданное прежде всего руками Везенмейера и других гитлеровских эмиссаров в Загребе.

НДХ было типичным марионеточным государством, которое целиком зависело от Германии. Вся его экономика была поставлена на службу германских монополий. Территория НДХ фактически была оккупирована немецкими и итальянскими войсками и разделена на две зоны.

Союзники по разбою постоянно подставляли друг другу подножку, чтобы ослабить позиции соперника в НДХ. Во время венских переговоров Риббентроп торжественно заявил о готовности Германии вывести из своей зоны войска, ожидая от своего партнера аналогичного шага. Но Чиано тут же поспешил заявить, что взамен Италия готова послать туда свои войска, что, разумеется, не входило в расчет Риббентропа. Необходимо было дать отбой, и через несколько дней Гитлер решил, что германские войска остаются в НДХ для «охраны коммуникаций».

Так германская и итальянская армии каждая в своей зоне находились в НДХ до июля 1943 г. Взаимоотношения немцев и итальянцев в НДХ отдаленно напоминали сотрудничество союзников.

Из политических мероприятий Муссолини удалось добиться известного успеха лишь в одном: Независимое хорватское государст-

во согласилось на личную унию с итальянской королевской семьей. Еще 7 мая 1941 г. во время встречи Муссолини, Чиано и герцога Сполетто с Павеличем в Монфалконе была достигнута договоренность о восстановлении в НДХ короны последнего хорватского короля Звонимира, жившего в XI в. Было согласовано, что Павелич предложит хорватскую корону итальянскому королю Виктору-Эммануилу III, а тот в свою очередь передаст ее герцогу Аймоне Сполетто, который и станет королем Хорватии под именем Томислава II. С этой целью предусматривался ввод итальянских войск в Загреб и для церемонии коронации готовился дворец. Соответствующий договор был подписан 18 мая 1941 г.

Предлагая герцога Сполетто королем Хорватии, в Риме преследовали далеко идущие политические цели, причем не только в Хорватии и Югославии, но и учитывали обширные династические связи герцога вообще на Балканах. Аймон Роберт Маргаретта Мари Иозеф Турин герцог фон Сполетто родился в г. Турине в 1900 г. в семье будущего известного итальянского полководца времен Первой мировой войны маршала герцога Эммануила Филиберта фон Аоста и его жены принцессы Элены Орлеанской. Герцог Сполетто был племянником во втором колене короля Италии Виктора Эммануила III.

Если влияние итальянцев в Хорватии, несмотря на их активность, со временем слабело, то немцы свои позиции укрепляли, все крепче привязывая НДХ к своей колеснице. В Берлине особое значение придавали использованию экономики и рабочей силы Хорватии. Уже с первых дней оккупации Югославии и существования НДХ Гитлер поручил генералу Глейзе-Хорстенау сформировать хорватские воинские части, состоявшие из двух—трех дивизий, в качестве ядра будущей армии, предназначенной для решения полицейских задач. НДХ наводнили также различные части СС и полиции. Уже 10 апреля 1941 г. в Загреб прибыла особая оперативная команда во главе с В.Бейснером. Вскоре были созданы такие же оперативные команды в Сараево и Осиеке. Но в связи с установлением дипломатических отношений между НДХ и Германией иметь такие команды было признано нецелесообразным, и они были расформированы. Под руководством Бейснера сын Славко Кватерника Евгений создал хорватскую «службу безопасности». Недаром в народе его называли «хорватским Гейдрихом». Втайне от итальянцев Гитлер согласился обучить 100 усташей в немецких школах СС и полиции.

В связи с активизацией югославских партизан на территории НДХ в сентябре 1942 г. состоялась вторая встреча Гитлера и Павелича. На ней были выработаны меры по дальнейшему усилению карательных органов и личной власти Павелича. По возвращении в Загреб поглавник реорганизовал правительство, уволив своих давнишних недругов Славко и Евгения Кватерников.

Гитлер направлял не только внутреннюю, но и внешнюю политику НДХ. По его указанию Хорватия присоединилась 15 июня 1941 г. к пакту трех держав, а 25 ноября 1941 г. – к антикоминтерновскому пакту. По свидетельству генерала Гальдера, 26 июня 1941 г. Павелич обратился к Гитлеру с просьбой разрешить ему направить на восточный фронт хорватские войска. В принципе такое разрешение было дано, и на фронт выехал так называемый «хорватский добровольческий легион». По настоянию немцев Павелич 14 декабря 1941 г. объявил войну Великобритании и США. Все эти внешнеполитические акты еще больше изолировали НДХ от внешнего мира. Она поддерживала дипломатические отношения лишь с Болгарией, Венгрией, Румынией, Словакией, Испанией, Финляндией, Данией и Японией. Даже Ватикан не признал НДХ de jure, а лишь de facto.

Черногорская земля была издавна лакомым кусочком для иноземных захватчиков, особенно для итальянских империалистов. Еще после Первой мировой войны, когда сербы, хорваты, черногорцы, словенцы и другие славянские народы выступили за объединение в единое югославское государство, в Риме стремились поддержать любое сепаратистское движение, чтобы воспрепятствовать этому прогрессивному процессу. Тогда же правители Италии приютили у себя черногорских сепаратистов и поощряли их антисербскую деятельность.

В апреле 1941 г., когда произошла капитуляция югославской армии, фашистская Италия, казалось, была близка к цели. Итальянская оккупация Черногории была предрешена в соответствующей директиве Гитлера от 6 апреля 1941 г.

Устанавливая свою оккупационную систему в Черногории, итальянцы стремились широко использовать известное недовольство черногорцев «великосербской тиранией». Опираясь на черногорских сепаратистов, которые стремились отделить Черногорию от Сербии и поставить ее под «защиту» фашистской Италии, они объявили себя «освободителями» и пообещали восстановить «старое королевство Черногорию».

Как только итальянские войска вступили в бывшую столицу королевства Черногории Цетинью, представитель итальянского командования в Албании провозгласил так называемый «Временный административный Черногорский комитет» во главе с бывшим югославским министром И.Поповичем. Комитет благодарил Муссолини за «освобождение черногорского народа от 20-летнего ига, в котором он оказался из-за Версальского диктата». Одновременно с Центральным комитетом на местах также создавались коллаборационистские органы власти.

Однако реальная власть находилась не в руках черногорских сепаратистов, а у полномочного министра Италии графа С.Маццолини, которого командующий итальянскими войсками в Албании генерал У.Кавальеро 28 апреля по указанию Муссолини назначил

гражданским комиссаром Черногории. Новый хозяин сосредоточил в своих руках всю власть — законодательную, исполнительную и судебную. Вместе с тем он широко использовал услуги чиновников бывшей Зетской бановины, в состав которой входила и Черногория. Но во все местные административные органы были назначены и итальянские «советники». Вся оккупационная система в Черногории была строго централизована, права местных властей были резко ограничены и выполнялись только указания, поступавшие из Рима через верховное командование итальянских войск в Албании.

Практика деятельности Временного административного Черногорского комитета показала, что она несколько стесняет, как решил Маццолини, его прерогативы. Поэтому в целях дальнейшего сосредоточения власти в руках оккупационных органов 5 мая 1941 г. он роспустил этот комитет и вместо него учредил «Совещательное вече Черногории», или так называемую «консульту», состоявшую из 13 членов. Таким образом, консульта являлась вспомогательным органом при гражданском комиссаре и, конечно, никакими правами не располагала. Новым шагом на пути дальнейшей концентрации власти и усиления оккупационного режима в Черногории было преобразование 22 мая 1941 г. гражданского комиссара в верховного комиссара с подчинением его непосредственно Министерству иностранных дел Италии.

Цель Муссолини на этой стадии оккупации Черногории состояла в том, чтобы консульта провела соответствующую политическую и моральную подготовку отделения этой области от Югославии и провозглашения ее «королевством» под протекторатом Италии.

И вот 12 июля 1941 г., когда вся подготовительная работа завершилась, в Цетинье был созван так называемый «Черногорский собор», провозгласивший Черногорию «независимым королевством» наподобие Независимого хорватского государства.

До последних дней господства оккупантов в Югославии местные коллаборационисты сотрудничали с немецким командованием по обеспечению путей отхода германской группировки из Греции и Македонии на север.

5 сентября 1944 г. Тито направил в Москву телеграмму следующего содержания: «Германские войска из Греции и Болгарии наступают через нашу территорию. Местные предатели используют это в своих интересах, особенно в Сербии. 12 дней тому назад состоялась встреча германских представителей с Недичем и Михайловичем. Решено: немцы передадут власть Михайловичу и помогут ему и Недичу обеспечить пути отхода немцев через Сербию. Мы предприняли меры, чтобы помешать этому. Наши силы наступают из Западной Сербии в направлении Белграда, другие — направлены в Восточную Сербию к Дунаю».

Таким образом, планы коллаборационистов были нарушены наступлением Красной Армии и Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ).

Марионеточные правительства в Греции и Албании

Греческое самоуправление было резко ограничено оккупационными властями. Местная полиция полностью находилась под контролем немецкого начальника СС и полиции безопасности.

Вместе с тем директивой Гитлера от 28 апреля 1941 г. учреждался «имперский уполномоченный для Греции» с местопребыванием в Афинах, который одновременно являлся послом Германии при греческом правительстве. Им был назначен Г.Альтенбург. На него возлагалась обязанность, как отмечалось в директиве, «до установления нормальных дипломатических отношений с Грецией представлять политические, экономические и культурные интересы рейха в Греции при новом греческом правительстве». Он обязан был также поддерживать контакты с итальянскими оккупационными властями в Греции. Здесь же в Афинах расположились гитлеровские органы гестапо, СД, полиция, различные экономические и другие представители.

Такие же функции в Афинах выполняли по приказу Муссолини итальянский уполномоченный в Греции и посол при греческом правительстве П.Киджи с огромным аппаратом различных советников и чиновников, представлявших интересы важнейших министерств и ведомств фашистской Италии. Сразу же после капитуляции Греции итальянцы наводнили свою оккупационную зону кроме регулярных войск и многочисленными карательными органами. Влиятельное место среди этих органов занимала политическая и военная полиция.

В Салониках располагался штаб командующего на Юго-Востоке, которому подчинялись немецкие войска в Сербии, в районе Салоник, на Эгейских островах, а также в Южной Греции. Однако с конца 1942 г. в соответствии с директивой Гитлера структура германского командования на Балканах была несколько изменена.

Положение в Греции, как и в других оккупированных итальянцами странах, существенно изменилось с середины 1943 г. после свержения Муссолини и капитуляции Италии. Угроза гитлеровского командования разоружить итальянцев в Греции вынудила их пойти на переговоры с партизанами для совместных действий против немцев. 10 тыс. итальянских солдат действительно перешли на сторону греческих партизан и сражались совместно с ними против общего врага вплоть до освобождения страны. В это время вся Греция, за исключением Западной Фракии и Эгейской Македонии, была оккупирована немецкими войсками.

Чтобы более активно привлечь греческих национальных предателей на службу Германии, оккупационные власти 2 октября 1943 г. решили формально несколько расширить права нового квислинговского правительства С.Раллиса и передали ему власть в бывшей итальянской оккупационной зоне.

Итальянская оккупация Албании прикрывалась «личной унией». Чтобы ликвидировать независимость Албании руками самих же албанцев, Чиано с помощью своей агентуры в г. Тиране

создал Временный административный комитет во главе с бывшим министром двора Дж.Опи. Одновременно готовилось заседание так называемой «Конституционной ассамблеи». Из назначенных оккупантами 159 депутатов ассамблеи не было ни одного представителя от трудящихся классов. Решения ассамблеи были заранее выработаны в Риме и утверждены Муссолини. Главная задача Конституционной ассамблеи состояла в том, чтобы законодательно оформить «личную унию» с Италией, т.е. передать албанскую корону королю Италии Виктору-Эммануилу III. Соответствующее решение 12 апреля подкупленными депутатами ассамблеи было принято. Еще находившийся в Тиране Чиано тут же записал в свой дневник: «Независимой Албании больше не существует». Тогда же было сформировано марионеточное албанское правительство, которое возглавил один из крупнейших землевладельцев страны и личный противник короля Зогу III.Верляци. Много лет спустя бывший итальянский наместник в Албании Ф.Якомони в своих мемуарах цинично напишет, что среди других его агентов в Албании Верляци выделялся хотя бы тем, что он был настолько богат, что его не надо было подкупать.

Правительство Верляци не могло справиться с усиливавшимся партизанским движением и растущей ненавистью албанцев к итальянским оккупантам. Поэтому 3 декабря 1941 г. наместник объявил о роспуске кабинета и сообщил о создании правительства во главе со старым итальянским агентом в Албании М.-М.Круей. Новый премьер стремился выслужиться перед своими хозяевами, в частности, тем, что обещал мобилизовать албанцев для посылки на фронт в Северную Африку и Советский Союза. Однако эта попытка потерпела неудачу.

10 января 1943 г. правительство Круя было распущено и сформирован кабинет М.Бушати. С согласия оккупационных властей, чтобы вызвать к себе доверие албанского народа, новые марионетки стали выдвигать требования о пересмотре некоторых соглашений с Италией, о создании «национальной» албанской армии и жандармерии, которые не входили бы в состав итальянских вооруженных сил.

Ситуация в Албании в корне изменилась с осени 1943 г. Уже 8 сентября в связи с уходом итальянцев в Албанию вступили три дивизии 21-го армейского корпуса вермахта под командованием генерала Бесселя. Последний премьер проитальянского коллаборационистского правительства Либохов бежал из Тираны. Новые оккупанты ввели в стране более жестокий режим, чем это было при итальянцах, хотя официально провозгласили, что выступают «за независимую и свободную Албанию».

Правительство Виши во Франции

Своеобразный характер имела структура административного управления в странах Западной и Северной Европы, где оккупационные власти в гораздо большей мере опирались на местные марионеточные правительства, чем в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Типичной в этом отношении является деятельность в неоккупированной зоне Франции марионеточного правительства Виши.

Французские исследователи делят историю вишистского режима на три периода: 10 июля – 13 декабря 1940 г., когда правительство Виши возглавляли Петен и Лаваль; с 13 декабря 1940 г. по 18 апреля 1942 г., когда правительством управляла группа Петена и адмирала Дарлана и с 18 апреля 1942 г. до 20 августа 1944 г., когда к власти вернулся Лаваль, который вместе с Петеном господствовал до отъезда в Германию[20].

Во Второй мировой войне Франция стала родиной коллаборационизма как понятия, обозначающего сотрудничество с врагом. Именно из Виши весь мир услышал голос Петена о том, что оккупированная Франция и Германия в основу своих взаимоотношений положили принцип межгосударственного сотрудничества. Здесь этот принцип проявился наиболее колоритно и многогранно – от сотрудничества на бытовом уровне до государственного.

Основой и движущей силой возникновения французского коллаборационизма служила идея объединенной Европы, ведущую роль в которой стала бы играть, как это ни логично, Франция. Но на это рассчитывали руководящие деятели Франции еще в 20–30-е годы. С поражением Франции они вынуждены были согласиться на ведущую роль в «новом европейском порядке» Германии, а себя сохранить на втором месте.

Элементы будущего коллаборационизма на государственном уровне отмечались еще в период Первой мировой войны, когда в занятых германскими войсками северо-восточных департаментах Франции местные власти установили коллаборационизм с врагом с целью приобретения с помощью немцев независимости от Франции. Но поражение Германии нарушило эти авантюристические планы.

Нелегальные и полулегальные организации, выступавшие за сотрудничество с Германией, продолжали во Франции действовать и в 20–30-е годы. Некоторые из них прикрывались лозунгами о независимости от Франции таких ее исторических областей, как Эльзас, Лотарингия, Корсика и Бретань.

В исторической литературе утвердилось мнение, что начало политики коллаборационизма между Францией и Германией было положено на встрече Петена и Гитлера в октябре 1940 г., т.е. когда Франция была уже оккупирована. В принятом документе действительно впервые говорилось о необходимости сотрудничества между двумя странами. Но документы подтверждают, что еще в ходе боев, когда судьба Франции не была решена окончательно, ряд влиятельных политических и военных деятелей рассчитывали на возможность даже не перемирия, а почетного и равноправного для

Франции мира. Еще 17 июня подобный «мир» был предложен Италии, и в тот же день в своей первой речи по радио как главы правительства Петен заявил о готовности при «сохранении чести» Франции прекратить борьбу и против Германии. Маршал наивно рассчитывал, что Гитлер будет говорить с ним как с равным не только о прекращении войны, но и об участии Франции в строительстве «нового порядка» в Европе.

Но значит ли это, что Гитлер предполагал в своем обращении с побежденной Францией использовать только диктат победителя? Нет, факты свидетельствуют о гибкости политики Германии по французской проблеме. Гитлер не забывал, что война за мировое господство Германии только лишь началась. Великобритания не капитулировала и была готова сражаться до конца, даже, как заявил У.Черчилль, если английскому правительству придется эвакуироваться в Канаду. Явно враждебную в отношении Германии позицию занимали Соединенные Штаты. Советский Союз, хотя и находился в договорных с Германией отношениях, но исподтишка готовился в войне с ней, ожидая лишь того момента, когда участники войны будут истощены во взаимной борьбе.

Таким образом, глобальная военно-политическая ситуация не позволяла Гитлеру слишком резко проявлять свои диктаторские замашки в отношении такой великой державы, какой была Франция. Еще до начала активных военных действий, в мае 1940 г. немецкие агенты во Франции распространяли слухи о намерениях Гитлера рассматривать Францию как достойного члена создаваемой им новой Европы. Некоторые основания эти слухи имели, о чем свидетельствуют следующие факты. По-своему прав глава итальянского МИД граф Чиано, записавший в своем дневнике: «Гитлер подобен игроку, который сорвал банк: он хочет встать из-за стола и больше не рисковать». Из беседы Гитлера и Муссолини в Мюнхене 18 — 19 мая 1940 г. видно, что Гитлер пытался избежать весьма опасных шагов со стороны Франции в случае, если он не будет считаться хотя бы в минимальной степени с ее интересами: будут поколеблены позиции коллаборационистов среди французской общественности и на борьбу за свободу поднимется весь народ, а не только армия; правительство Петена может переехать в Англию или Алжир и, опираясь на свои заморские колонии, будет продолжать борьбу; мощный французский флот окажется в руках английских адмиралов; французская администрация в колониях может перейти на сторону генерала де Голля, который по лондонскому радио призывал армию и народ продолжать борьбу.

На то, чтобы предтвратить эти опасные шаги Франции, были направлены и процедура подписания акта о перемирии близ Компьена в Ретонде 22 июня 1940 г., и содержание самого документа. При его подписании генерал В.Кейтель по поручению присутствовавшего здесь же Гитлера заявил: «Германия не хочет придавать

условиям перемирия и переговорам об этих условиях унижающий характер по отношению к такому мужественному противнику».

В ходе самих переговоров немцы пошли на ряд уступок французам. Они согласились оставить правительству Виши южную неоккупированную часть Франции, разрешить формирование 100-тысячной армии, не настаивали на передаче им флота, пообещали не вмешиваться во внутренние дела на неоккупированной территории Франции.

Что касается «армии перемирия», то реакционные силы Франции, включая и находившихся в эмиграции, были заинтересованы в такой армии для поддержания «порядка» в стране. Вот как описывает ситуацию французский буржуазный историк Жак Мадоль: «Некоторые видели в армии перемирия инструмент общественного порядка. Если немцы должны будут уйти из Франции, ситуация здесь станет революционной. Именно армия перемирия может своим немедленным вмешательством помочь избежать худшего и с благожелательной помощью американцев подавить мятеж. Французской буржуазией в то время владела навязчивая мысль о новой Коммуне»[21].

Но на некоторые другие предложения французов, например не оккупировать Париж, победители отвечали уклончиво или вовсе отрицательно.

Таким образом, подписанный в Ретонде документ не был актом о безоговорочной капитуляции Франции, а, как заявил глава французской делегации генерал Ш.Хунтцигер, лишь итогом переговоров обеих делегаций. Далее он отметил, что Франция «имеет право ожидать, что в предстоящих переговорах Германия будет воодушевлена таким стремлением, которое позволит двум великим соседним народам мирно жить и работать».

Так готовились условия для политики коллаборационизма двух держав, но их руководители, конечно, понимали, что речь может идти только о неравноправном коллаборационизме. Отсюда можно сделать вывод о том, что своей позицией коллаборационизма с Францией Германия преследовала цель совместно со своими сторонниками в правящих кругах этой страны установить в ней угодный Гитлеру общественный и государственный строй, т.е. фашистский, втянуть французскую экономику в создаваемый Гитлером «новый европейский порядок», изолировать Францию от ее прежних союзников, использовать для продолжения войны ее мощный военно-промышленный потенциал и создать непреодолимый для противников Германии стратегический тыл для расширения боевых действий как на западе против Англии и других стран, так и на востоке против Советского Союза.

В многочисленных высказываниях Лаваля была отражена суть всей его коллаборационистской политики в пользу фашистской Германии. Петен и Лаваль неоднократно высказывали идею о том, что для установления полноправного с Германией участия Франции в строительстве «новой Европы» необходимо путем переворота ус-

тановить общественный и политический строй, подобный германскому. И они на протяжении всего существования вишистского режима делали все, чтобы навязать французам такой строй.

Они стали инициаторами коллаборационизма, ибо считали, что только таким путем можно будет вытащить Францию из той ямы, в которой она оказалась в итоге военного поражения 1940 г. Их позицию разделяли и руководители местных французских властей, которые активно сотрудничали с оккупантами в политическом развращении французов, в культурном закабалении и в контроле над экономической жизнью страны. Особая роль в реализации этой последней задачи принадлежала руководителям французской промышленности и прежде всего военной. Многочисленные заводы, оборудованные современными станками и применявшие передовую технологию, получали значительные заказы и инвестиции от своих немецких партнеров. Немцы точно выполняли обещанные французским предпринимателям гарантии на поставки сырья и обеспечение полной занятости. Поэтому, как отмечают специалисты, французская промышленность, несколько ослабленная во времена Третьей республики, в годы немецкой оккупации получила сильный стимул для значительного роста.

Откровенными сторонниками коллаборационизма были также известные журналисты, которые в газетах и произведениях оправдывали коллаборационизм с врагом как меру неизбежную и необходимую для спасения Франции.

Некоторые из них в период правления маршала Петена получили высокие государственные посты. Так, Ф. де Бринон был назначен Петеном правительственным генеральным комиссаром в оккупированной северной части Франции. Ж.Дарлан стал шефом французской милиции и с апреля 1944 г. — генеральным секретарем ведомства по поддержанию в стране порядка. Подозрение в сотрудничестве с оккупантами пало и на знаменитого писателя А.Жида, и ему грозил арест со стороны Временного правительства де Голля. Но он сумел спастись побегом. Другой известный французский писатель и летчик А. де Сент-Экзюпери также, возможно, стал бы жертвой преследования за выражавшиеся им симпатии к немцам. Но он погиб во время разведывательного полета над Корсикой. Некоторые исследователи допускают, что это было самоубийство, чтобы избежать худшей участи после освобождения родины.

Из политических деятелей наиболее активными были, кроме Петена и Лаваля, адмирал Ж.Дарлан, министр юстиции Р.Алибер, министр просвещения А.Боннар, генеральный секретарь Министерства внутренних дел Р.Боннегуа, государственный секретарь по еврейским вопросам Д. де Пелле и немало других высокопоставленных правительственных чиновников.

Среди высшего командного состава французских вооруженных сил не вняли призывам генерала Ш. де Голля оказывать сопротивление чужеземным оккупантам и перешли в лагерь коллаборационистов предшественник де Бринона в роли правительственного комиссара в оккупированной зоне генерал де ля Лауренс; командующий французскими войсками в Сирии генерал Дентц, который оказывал сопротивление наступающим в этом районе англичанам и войскам де Голля; главнокомандующий военно-морскими силами Франции адмирал де Ляборд; государственный секретарь военного министерства генерал Бридо; генеральный уполномоченный в Тунисе адмирал Эстева, который, выполняя приказ Петена, сражался против высаживавшихся здесь союзных войск; префект Тулона адмирал Марки тесно сотрудничал с оккупантами в ущерб интересам своей страны.

Высокие государственные посты занимали в вишисткой Франции и ряд таких деятелей, которые, как было подтверждено соответствующими данными, в минимальной мере сотрудничая с врагом, оказывали ценную поддержку и союзникам, и движению де Голля. К ним относились министр обороны генерал М.Вейган, министр авиации генерал Бергере, министр сельского хозяйства М.Боннефуа, министр иностранных дел Пьер-Етьен Фландин, заместитель статс-секретаря Робер Шуман. Эти деятели после освобождения были формально осуждены, но, учитывая их «заслуги в движении Сопротивления», были помилованы и освобождены от наказания.

Что касается позиции руководителей французской церкви, то ее можно охарактеризовать как нейтралистскую как по отношению к Сопротивлению, так и к коллаборационизму. Эта позиция изменялась в сторону поддержки Сопротивления по мере соответствующего изменения общей военно-политической ситуации в пользу антигитлеровской коалиции.

1 июля 1940 г. из г. Клермон-Ферана бежавшее из Парижа правительство в сопровождении, как пишет французский историк Р.Арон, целой армии журналистов, авантюристов, финансистов, писателей, промышленников и, конечно же, парламентариев и дипломатов, прибыло в местечко Виши. С тех пор на протяжении четырех лет название Виши было связано с особым коллаборационистским режимом, который составляет заметную страницу в новейшей истории Франции.

Чтобы избежать «худшей» участи, особенно широкого народного движения за обновление Франции, французские правящие круги решили вручить власть сильной и авторитетной в стране личности. Такой личностью был избран 84-летний маршал Франции Филипп Петен, ставший национальным героем за его заслуги в Первой мировой войне. Назначением Петена, естественно, был доволен и Гитлер. «Петен — самая крупная из моих побед», – сказал он однажды своим приближенным...

10 июля 1940 г. члены палаты депутатов и сената собрались в зале казино и по предложению Лаваля большинством голосов главой правительства избрали Петена, поручив ему подготовить к

опубликованию новую Конституцию Франции. Через два-три дня в связи с отставкой президента Лебрена Петен был провозглашен и «главой французского государства», сосредоточив в своих руках такую законодательную и исполнительную власть, какой не имел даже абсолютный монарх король Людовик XIV. Священный лозунг «Свобода, равенство, братство», под которым на протяжении 150 лет боролся и жил французский народ и который вдохновлял другие народы на борьбу за национальное и социальное освобождение, одним росчерком пера Петена был заменен лозунгом «Труд, семья, родина».

Такие совещательные органы Франции, как Государственный совет, состоявший из 162 членов, и с 1941 г. Национальный совет, никогда не собирались и никакой роли в управлении страной не играли. Все, принимаемые в Виши законы, начинались так: «Мы, маршал Франции, глава французского государства, председатель совета министров, повелеваем...» Местные органы власти также фактически прекратили свою деятельность. Осенью 1940 г. генеральные департаментские советы были заменены комиссиями, находившимися под контролем правительственных чиновников. Мэры и муниципальные советники перестали быть избранниками народа и назначались властями. Выборы были разрешены лишь в мелких коммунах.

Попавший 12 мая 1944 г. в советский плен бывший начальник штаба немецкой комиссии по перемирию, а затем командир 73-й немецкой пехотной дивизии генерал Г.Беме рассказал, что ОКВ установило численность французской армии для неоккупированной зоны, так называемой «армии перемирия», в 100 тыс. человек, причем разрешено было иметь только пехоту и кавалерию.

Как по форме государственной власти, так и по своей природе режим Виши имел фашистский характер. Большинство министров были правыми деятелями, тесно связанными с профашистскими группировками Франции и выражавшими интересы крупной буржуазии, которая поспешила капитулировать перед Германией.

Видный английский публицист А.Верт, многие годы, в том числе и в первый период оккупации, проживавший во Франции, справедливо дал следующую оценку вишистскому режиму: «Вопреки внешней монолитности режима Виши состав его сторонников был неоднороден. Исторические условия возникновения этого режима были таковы, что к нему неизбежно должны были примкнуть люди самых различных политических направлений и настроений. К числу его сторонников принадлежали "правые" фанатики — фашисты (Дарнан), роялисты из группы "Аксьон франсэз", антисемиты (Моррас и Даркье де Пелыуа), "почтенные" полуфашисты, чье мировоззрение было типичным для бывших участников войны и "доброго среднего класса", представленные де ла Роком и его "Боевыми крестами". (Подобный образ мыслей был характерен для французского легиона на первых порах его существования, до того

как часть легиона превратилась под влиянием Дарнана в бандитов и вошла в состав милиции.) Режим Виши поддерживали значительная часть высшего духовенства, обыкновенные "классические" правые консерваторы и клерикалы, большинство радикал-социалистов и даже часть социалистов».

В течение первых недель после поражения Франции Гитлер внешне мало интересовался делами правительства Виши. Для него его как-будто не существовало. Он даже не счел нужным выслать в Виши своего представителя, ибо знал, что там сидят верные ему люди. Лаваль, ставший к тому времени главой правительства, первым в правительстве Виши выступил за установление непосредственного контакта с немцами, для чего он предложил обратиться в Париж к немецкому послу Абецу. Позже он неоднократно встречался с Абецом. Затем состоялась встреча и с Гитлером, когда тот 22 октября 1940 г. следовал на переговоры с Франко в Монтуарс.

Но в середине декабря 1940 г. в результате «дворцового переворота» неожиданно для немцев Лаваль оказался отстраненным Петеном от власти и находился под охраной. На его место был назначен адмирал Дарлан.

С весны 1941 г. сотрудничество между оккупантами и Виши стало более тесным. 5 мая 1941 г. Петен написал Гитлеру письмо, в котором заверил фюрера в том, что Франция явится важной составной частью «нового порядка» в Европе. А через несколько дней после встречи в Париже с адмиралом Дарланом Абец с удовлетворением отмечал, что «французы в своих уступках идут гораздо дальше того, чего от них ожидали». Гитлер также был доволен встречей, которую он имел с Дарланом 11 мая 1941 г. в Бергхофе. О доверии, которое питал Гитлер к правительству Виши, свидетельствует и тот факт, что Петен был проинформирован о предстоящей войне против СССР еще 3—4 июня. Дарлан при этом высказал мнение, что кампания на Востоке, видимо, продлится не дольше, чем на Балканах.

С началом агрессии против Советского Союза Гитлер особенно нуждался в «спокойствии» в странах Западной Европы и в соглашении с Англией. Чтобы добиться договоренности о прекращении войны и не вызвать у нее подозрения относительно своих планов в отношении Франции, Гитлер даже готов был несколько ослабить нажим на правительство Виши.

Сотрудничество с правительством Виши германские власти поддерживали лишь из тактических соображений, чтобы затем внезапно, окончательно и беспощадно сокрушить Францию и превратить ее в своего вассала. Именно об этих планах писал высший начальник СС и полиции во Франции К.-А.Оберг Гиммлеру 10 февраля 1944 г.: «В соответствии с указаниями фюрера мы хотя и должны для общественности делать вид, что проводим политику сотрудничества, но нам никогда не следует забывать о цели — окончательно

сокрушить Францию». А еще раньше, в 1940 г., ту же мысль изложил в своем дневнике и Геббельс.

Правительство Виши по своей собственной инициативе 30 июня 1941 г. порвало дипломатические отношения с СССР. Оно также одобрило идею французских фашистов послать на восточный фронт французское добровольческое соединение, с чем Гитлер согласился неохотно, ибо он неоднократно говорил, что не желает иметь французов своими союзниками.

Одним из позорнейших и циничных актов правительства Виши был судебный процесс в Риме над Э.Даладье, Л.Блюмом, М.Гамеленом и другими политическими и военными деятелями предвоенной Франции, открывшийся 9 февраля 1942 г. Гитлер рассчитывал на то, что сами французы оправдают его агрессию против Франции. Но в действительности оказалось, что в ходе процесса разоблачались преступные дела Петена, Вейгана и других «людей Виши», а также связи французских фашистов и коллаборационистов с Германией. Дальнейшее продолжение суда стало для Гитлера невыгодным, и он приказал подсудимых вывезти в Германию, а суд в мае 1943 г. распустить.

Как отмечал руководитель ФКП М.Торез, с 1942 г. социальная база петенизма непрерывно сужалась и сам «глава государства» не пользовался более влиянием среди рабочих. Он стал также терять влияние среди крестьян, которые в прошлом были его основной опорой. Петен перестал быть кумиром и среди бывших фронтовиков, которые долго верили ему, а также среди католиков, возмущенных немецко-фашистскими насилиями над французами.

Вишиские правители ничего не сделали для того, чтобы оказать сопротивление вторжению немецких войск в неоккупированную зону 11 ноября 1942 г., предпринятую в нарушение Соглашения о перемирии. Когда главнокомандующий немецкими войсками на западе фельдмаршал Рундштедт в тот же день посетил Петена и объявил ему, что немецкие части по приказу фюрера двигаются на юг, тот, выразив формальный протест, тут же обратился к французскому народу со следующими успокаивающими словами: «Я думал, что самые трудные дни моей жизни уже позади. Но сегодняшнее событие напоминает мне 1940 год... Французы метрополии и империи, доверьтесь вашему маршалу, который думает только о Франции».

Гитлеровцы, заняв всю Францию, добивались того, чтобы она активно участвовала в войне против стран антифашистской коалиции. Так, прибывший 13 ноября 1942 г. в Виши Абец категорически потребовал от Петена объявления войны США и Англии. Однако в связи с переходом Дарлана на сторону союзников и захватом немцами всей французской территории объявление Францией войны союзникам перестало быть актуальным. Вскоре немцы разоружили остатки вишистской армии и предприняли попытку захва-

тить в Тулоне французский флот. Однако патриоты предпочли потопить его, но не выдать врагу.

Так Соглашение о перемирии было фактически отменено, ибо из 24 его статей 5 перестали существовать. Вся Франция оказалась оккупированной, хотя в директиве ОКВ от 16 ноября 1942 г. отмечалось, что в южной зоне «французские органы власти сохраняются». По оценке видного французского историка А.Мишеля, с тех пор «Франция стала сателлитом на службе германской империи. Гитлер вел себя так, как будто правительство Виши подчинялось его приказам». Прекратилась дискуссия о «равноправном сотрудничестве» Германии с Францией, а ее сторонник Абец попал в немилость. С оккупацией Южной Франции среди французов исчезли последние иллюзии о «суверенитете» правительства Виши. Петен и его окружение окончательно разоблачили себя как прислужников оккупационных властей.

В связи с объявленной Гитлером во всей оккупационной Европе «тотальной мобилизацией» во Франции резко были увеличены оккупационные расходы и вывоз рабочей силы в Германию. Для подавления освободительной борьбы французского народа вишисты создали разветвленный карательный аппарат, который тесно сотрудничал с гитлеровцами. Германский посол во Франции Оберг активно внедрял свой полицейский аппарат и свои методы на неоккупированной зоне. Затем в ноябре 1942 г. вместе с войсками вермахта в южную зону вступили шесть оперативных команд полиции безопасности и СД.

С одобрения и при помощи оккупационных властей была сформирована французская «служба безопасности» численностью в 30 тыс. человек, которая с января 1943 г. стала именоваться «французская милиция» во главе с кагуляром Ж.Дарнаном. В декабре 1943 г. он был назначен генеральным секретарем по поддержанию безопасности. Управление тюрьмами было исключено из ведения Министерства юстиции и передано Дарнану. Министр внутренних дел П.Пюше создал специальные трибуналы, которые выносили приговоры без какого-либо следствия, и значительно усилил полицейские войска.

В начале 1944 г. тревога среди гитлеровских оккупантов во Франции усилилась. Гитлер знал, что англо-американские союзники готовят высадку своих войск в Европу, но в Берлине рассчитывали, что вторжение союзников во Франции начнется ранней весной 1944 г.

Долгожданная высадка союзников во Франции состоялась ранним утром 6 июня 1944 г. Тогда же миллионы французов услышали записанное на пленку обращение Петена, в котором он призывал соблюдать дисциплину, не мешать передвижению немецких войск. Выступивший затем глава правительства Лаваль заявил, что Франция не находится в состоянии войны с кем бы то ни было.

Сложившуюся на Западе кризисную обстановку Гитлер пытался ликвидировать персональными перемещениями не только в высшем

командовании действующей армии, но и в военной администрации во Франции и Бельгии. Так, был отстранен от должности начальник военной администрации в Северной Франции и Бельгии генерал Фалькенхаузен. Новую волну арестов среди высших чиновников военной администрации во Франции вызвало покушение на Гитлера 20 июля 1944 г. Замешанный в заговоре против Гитлера генерал К.Г. фон Штюльпнагель 21 июля был вызван в Берлин и в пути застрелился. Начальником военной администрации во Франции был назначен генерал авиации К.Китцингер.

Среди французских коллаборационистов усилилось соперничество за власть. Парижская группа коллаборационистов — Ф.Бринон, М.Деа и др. — потребовала от Петена и Лаваля возвращения правительства в Париж и включения в его состав «доверенных лиц». Прибывший 9 августа 1944 г. в Париж Лаваль с согласия Абеца предложил созвать Национальное собрание, для чего немцы привезли из деревни около Нанси бывшего председателя палаты депутатов социалиста Э.Эрио. Но в Берлине возникло опасение, что законно избранное Национальное собрание может запросить мира у союзников, и было решено игру в Национальное собрание прекратить, а Эрио вернуть обратно.

В эти дни Абец получил распоряжение из Берлина обеспечить перевод правительства Петена — Лаваля в г. Бельфор, что и было сделано 20 августа 1944 г. Поскольку деморализованное правительство Лаваля не проявляло никакой инициативы, то Гитлер решил создать новое правительство Франции за счет парижских фашистов, которые обнаруживали больше усердия в оказании помощи Германии. Инициативу решил перехватить Бринон, назначенный Петеном еще 12 декабря 1940 г. «уполномоченным французского правительства в оккупированной зоне». Эти полномочия Петен снова подтвердил в заявлениях 6 и 12 сентября 1944 г. Тогда же Петен сообщил Лавалю о своем согласии с назначением Бринона председателем Комитета по охране национальных интересов.

Но, заигрывая с парижской группой коллаборационистов, немцы не порывали связей и с группой Петена—Лаваля. Немецкий представитель при правительстве Виши С.Ренте-Финк 6 сентября 1944 г. предложил Петену покинуть г. Бельфор и переехать в более безопасное место, например в замок Зигмаринген, находящийся на Верхнем Дунае в Швабии. Ему было обещано, что при первой же возможности он будет снова возвращен на французскую территорию. Здесь теперь уже в качестве «германского посла в Зигмарингене» находился и Абец. Недалеко от этих мест расположилась и группа Бринона—Дорио, объявившая 1 октября 1944 г. образование так называемого «французского правительственного комитета», который признавал Петена в качестве главы французского государства.

В эти дни в Берлине в Министерстве иностранных дел состоялось совещание по французской проблеме, на котором Абец заявил что «делегация бывшего французского правительства в Зигмарингене должна стать национально-революционным правительством» во главе с Дорио, на что, по словам Абеца, получено согласие Петена. Основой будущей «революционной» армии Франции должны стать те 4 тыс. членов французской милиции, которые также находились в Зигмарингене. Абец призывал усилить работу среди французских рабочих в Германии, «готовить политические кадры, с тем чтобы после возвращения вермахта во Францию можно было на них опереться».

В связи с успешно начавшимся Арденнским наступлением Гитлер возлагал большую надежду на этот «комитет», призванный стать противовесом правительству генерала де Голля. Но новое наступление советских войск на берлинском направлении и быстрое продвижение по Западной Германии войск союзников положили конец этим махинациям Гитлера.

Рейхскомиссариаты Бельгия и Нидерланды

В начале оккупации Бельгии в 1940 г. король Леопольд III повел себя по-иному, нежели в Первой мировой войне. Во-первых, несмотря на протесты союзников и эмигрировавшего во Францию бельгийского правительства, после 18 дней сопротивления он принял решение о капитуляции вооруженных сил, объявил себя военнопленным и, во-вторых, из принципиальных соображений запретил осуществлять какие-либо разрушения в стране.

Чтобы спасти корону, король своим решением изменил национальным интересам бельгийского народа. В ноябре 1940 г. он был принят Гитлером. Фюрер не только королю ничего не обещал, но и упрекал его в нелояльности к «всегерманской идее». Поэтому к нему был приставлен особый адъютант, который по инструкции Гиммлера отвечал головой за то, чтобы король не бежал из Бельгии.

Шаги короля бельгийское эмигрантское правительство клерикала Г.Пьерло объявило государственной изменой. Но местное население, как и представители интеллигенции и деловых кругов были удовлетворены выходом Бельгии из войны. Был возобновлен выпуск газет. Но на этом их межнациональное единство закончилось. В последующие пять лет король с семьей проживал в Швейцарии, и в конечном счете ему пришлось отказаться от трона в пользу сына.

Сразу же после завершения военных действий оккупационные власти распустили бельгийский парламент, ликвидировали местные выборные органы власти. В провинциях формально существовали губернаторы, но их власть была резко ограничена. Продолжали действовать и бельгийские суды, но также под строгим контролем оккупационной администрации. Вслед за наступающими войсками вермахта в населенных пунктах Бельгии устанавливались органы военной администрации. Гитлер уже заранее решил, что в отличие

от Нидерландов, Люксембурга и Норвегии в Бельгии власть будет передана не гражданской, а военной администрации.

Такое его решение можно объяснить двумя причинами: во-первых, если норвежцев, нидерландцев и люксембуржцев гитлеровские расисты безоговорочно причисляли к «кровнородственным германским народам», оказывая им тем самым и большее политическое доверие, то население Бельгии, как известно, наполовину состоит из негерманцев, и, во-вторых, Бельгия больше, чем другие названные страны, имела важное стратегическое значение как плацдарм для вторжения на Британские острова. «Настоящий порядок» в этой стране могли поддерживать лишь военные власти.

Особенность оккупационного режима в Бельгии состояла в том, что главным образом из-за стратегических и экономических соображений компетенция немецкой военной администрации распространялась и на два соседних департамента северо-восточной Франции - Нор и Па-де-Кале. Несмотря на свое принципиальное решение установить в Бельгии именно военную администрацию, в первые годы войны Гитлера все же не покидала идея превратить Бельгию в самостоятельный имперский комиссариат. Впервые он ее высказал 25 мая 1940 г., т.е. за несколько дней до капитуляции бельгийской армии. Однако начальник ОКВ генерал Кейтель убедил тогда Гитлера в том, что для операции «Морской лев» против Великобритании необходим плацдарм, который охватил бы Бельгию и часть северо-восточной Франции и на котором хозяином должен быть только вермахт. Вторично к этой идее Гитлер вернулся летом 1941 г., когда операция по вторжению в Англию была на неопределенный срок отложена и все его внимание было обращено на Восток. Однако и на сей раз Кейтелю и Герингу удалось обосновать нецелесообразность раздельного использования мощных соседних промышленных районов Бельгии и Северной Франции. Вопрос о раздельном управлении активно обсуждался в Берлине весь 1942 г. и лишь 13 июля 1944 г., когда обстановка в Западной Европе после высадки союзников коренным образом изменилась, Гитлер решил ввести в Бельгии систему гражданской администрации.

После эвакуации правительства Г.Пьерло в Бельгии, как и в Нидерландах, остался комитет генеральных секретарей, который стал единственной бельгийской центральной властью в оккупированной стране. Вместе с правительством выехали только министерства иностранных дел и по делам колоний. Дипломатам нейтральных стран и папскому нунцию, оставшимся в Брюсселе в первые дни оккупации, германские власти предложили покинуть страну.

Оккупанты ликвидировали основные законы страны, в том числе и бельгийскую Конституцию. Вместо существовавшего в стране издавна разделения властей на исполнительную и законодательную они соединили их воедино и во главе ее поставили свою бельгийскую агентуру. Оккупационные власти отменили также традиционную еще со времен средних веков автономность бельгийских

общин. Бургомистры главнейших городов, таких, как Брюссель, Гент, Льеж, Шерлеруа и др., были арестованы и на их места назначены коллаборационисты, полностью зависевшие от произвола оккупантов.

В силу того, что гитлеровцы ввели принцип фюрерства, назначение всех должностных лиц — от рядового общинного чиновника до бургомистра — зависело от оккупационных властей. Общинные советы, которые до оккупации сами назначали бургомистров и старшин, теперь были лишены какого-либо влияния на дела общины.

С первых же дней оккупации приступили к работе органы военной администрации и в Нидерландах. Уже в день капитуляции во всех важнейших городах страны были сформированы военно-полевые комендатуры. Не зная об оставлении в стране генеральных секретарей, германские власти интенсивно обсуждали вопрос о форме взаимоотношений между военной администрацией и нидерландскими властями. В частности, обсуждалась целесообразность с точки зрения интересов Германии иметь правительство, находящееся под немецким влиянием, или военную администрацию, которая будет непосредственно направлять деятельность соответствующих нидерландских министерств. На следующий день обстановка в общем прояснилась. В Дюссельдорф, где находился штаб группы армий «Б», прибыл генерал А. фон Фалькенхаузен, назначенный начальником военной администрации в Бельгии и Нидерландах. Тогда же из Гааги вернулся заместитель начальника штаба военной администрации в Нидерландах Г. фон Краусгаар, сообщивший, что оставшиеся генеральные секретари правительства Нидерландов изъявили готовность сотрудничать с немецкими властями и даже готовы сформировать что-то вроде коллегии в качестве высшей административной инстанции во главе с бывшим президентом международной торговой палаты Ф. ван Флиссингеном.

В создавшейся ситуации через ОКХ был сделан соответствующий запрос Гитлеру. Его ответ удивил всех, кто в течение полугода тщательно планировал и создавал систему военной администрации. Фюрер принял решение учредить на территории Нидерландов не военную администрацию, а политическую систему в виде имперского комиссариата во главе с Зейсс-Инквартом.

Некоторые исследователи высказывают мнение, что такое внезапное изменение принятого ранее решения объясняется «типичными для Гитлера импульсивностью и импровизацией всех его решений». Не отрицая известного значения подобных выходок фашистского диктатора, следует все же считать, что его решение не было таким внезапным, как это кажется на первый взгляд. В течение нескольких дней до начала боевых действий против Нидерландов Гитлер тщательно изучал хотя и непродолжительный опыт деятельности имперского комиссариата в Норвегии и уже тогда решил использовать его в Нидерландах.

Объяснить такое решение Гитлера можно, видимо, следующими причинами: во-первых, он считал своих генералов вообще профанами в политике и опасался, как бы они, получив власть в Нидерландах, не нанесли ущерб политическим интересам Германии; во-вторых, продолжалась война против Англии и Франции, и неизвестно было, как долго она еще продлится. Поэтому на такой ранней стадии Гитлеру было важно должным образом поддержать респектабельность провозглашенного им «нового порядка» в Европе. В-третьих, Гитлер не терял надежды на возвращение в страну королевы Вильгельмины и ее правительства, бегство которых явилось для него неожиданностью. Ему было весьма важно, чтобы колониальные владения Нидерландов контролировались правительством королевы Вильгельмины не из Лондона, а из Гааги. Наконец, в-четвертых, Гитлер хотел быть последовательным в его фальшивом утверждении, будто захват Нидерландов не является их военной оккупацией, а возвращением к тому состоянию, когда «400 лет тому назад она была отнята у Германии».

С 17 мая 1940 г. деятельность органов военной администрации в Нидерландах была официально прекращена. Но фактически, по указанию генерала В.Кейтеля, должна была продолжаться до 1 июня, т.к. новый имперский комиссар еще не прибыл в Гаагу.

В указе Гитлера от 19 мая 1940 г. об учреждении в Нидерландах имперского комиссара отмечалось, что Зейсс-Инкварт подчиняется непосредственно фюреру и получает его указания через начальника имперской канцелярии и что его важнейшей задачей является «защита интересов империи» в Нидерландах, а в гражданской сфере он является носителем высшей государственной власти. Для выполнения своих функций он может привлекать как органы немецкой полиции, так и нидерландские власти. Существовавшее до сих пор нидерландское право сохраняется в той мере, в какой оно «не противоречит факту оккупации страны». Распоряжения имперского комиссара будут публиковаться в специальном информационном бюллетене на двух языках. На следующий день Гитлер подписал новый указ о разделении гражданской и военной властей между имперским комиссаром и командующим войсками генералом Ф.Христиансеном, который также подчинялся непосредственно Гитлеру, но указания получал через ОКВ. Под его командованием находились все дислоцированные на территории Нидерландов войска вермахта, и он отвечал за оборону этой территории от вторжения противника.

С 20 мая 1940 г. Зейсс-Инкварт приступил к формированию ведущих органов имперского комиссариата. В Нидерландах имелись следующие оккупационные органы: рейхскомиссариат (гражданская администрация), командующий войсками и различные инстанции, включая специальные суды; органы полиции; управление по четырехлетнему плану; оперативный штаб Розенберга; генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы; представители

Министерства иностранных дел, Министерства вооружений, НСДАП с ее учреждениями и организациями.

В начале июня 1940 г. продолжалось формирование аппарата гражданского управления, который, по замыслам Гитлера, призван был не непосредственно управлять страной, а осуществлять контрольные и наблюдательные функции над нидерландскими властями. «Именно такой принцип лежал в основе политики Германии в оккупированных малых странах Европы», — подчеркивал германский «специалист» в этой области В.Бест в секретной инструкции 1941 г. Объясняя причину сохранения нидерландских генеральных секретарей, Зейсс-Инкварт в одном из своих отчетов, позже представленных обвинением Нюрнбергскому трибуналу, писал: «Посты генеральных секретарей были сохранены за прежними лицами, так как необходимо признать, что было почти невозможно найти для их замены нидерландских подданных, которым можно было бы поручить администрацию». Далее Зейсс-Инкварт продолжает: второй причиной явилось то, что «было необходимо, чтобы о ряде мероприятий, в особенности экономических, а также и политических, сообщалось нидерландскому народу в заявлениях за подписью генеральных секретарей».

Зейсс-Инкварт был доволен тем, что коллегия генеральных секретарей нидерландского правительства изъявила готовность лояльно с ним сотрудничать, ибо это освобождало имперского комиссара от многих неприятных забот. Вскоре однако имперский комиссар стал получать от них коллективные письма, в которых выражалось несогласие с его действиями. Тогда Зейсс-Инкварт запретил им действовать на правах кабинета, и генеральные секретари молчаливо проглотили и эту горькую пилюлю. Он распустил две ранее существовавших палаты и ограничил права государственного совета в области юрисдикции. Были также изданы приказы о роспуске муниципальных и провинциальных советов и о смещении мэров наиболее важных городов. Предусмотренные новые советы практически так и не были созданы, ибо население, по признанию самого Зейсс-Инкварта, не хотело с ними сотрудничать.

После сформирования центральных органов имперского комиссариата, которым руководили генеральные комиссары, во все 11 провинций страны были назначены германские уполномоченные с задачей наблюдать за деятельностью местных властей, за их экономическими мепроприятиями и общественным мнением. В их распоряжении находились соответствующие полицейские силы. Местные власти обязаны были получать утверждение уполномоченного всех мер, которые они намерены проводить в жизнь. В городах Амстердам и Роттердам, в некоторых провинциях и в ряде нидерландских государственных органов (например банк), где требовалась специальная квалификация, были учреждены особые «уполномоченные».

Разумеется, весь этот оккупационный аппарат, составлявший администрацию имперского комиссариата в Нидерландах, не был

лишь безобидным «наблюдательным» органом. Сам Зейсс-Инкварт 4 июня 1940 г. инструктировал уполномоченных, что они должны считать себя «маленькими имперскими комиссарами», осуществляющими missi domini, т.е. «роль господина».

Казалось бы, подобная структура немецкой гражданской администрации во главе с Зейсс-Инквартом позволяла довольно эффективно осуществлять единую линию оккупационной политики Германии, а самого имперского комиссара представлять как единовластного хозяина оккупированных Нидерландов. Однако здесь, как и в других странах оккупированной Европы, это было далеко не так. Генеральные комиссары считали своими настоящими начальниками прежде всего имперских министров в Берлине (Геринга, Гиммлера, Гесса и др.) и, конечно, в первую очередь выполняли их указания, которые нередко противоречили друг другу, а не волю Зейсс-Инкварта. В системе фашистского государства такой «порядок» был вполне естественным.

Для «успокоения» и последующей германизации нидерландского народа Зейсс-Инкварт считал недостаточным использовать только оккупационные власти, но и принять услуги местных коллаборационистских сил. Вот почему в первый «либеральный» период оккупации он не только не запрещал деятельность довоенных политических партий, кроме компартии, хотя и приставил к ним своих комиссаров, но и в июле 1940 г. разрешил создание новой политической организации — так называемой «Нидерландской унии». Однако уния не оправдала надежд имперского комиссара, и в декабре 1941 г. была запрещена.

Более устойчивыми и постоянными были симпатии оккупантов к открыто фашистской партии — нидерландскому Национал-социалистическому движению и его «фюреру» А.Муссерту, который выступал за создание «великонидерландского рейха» от Доларта до Па-де-Кале, включая, разумеется, бельгийские и нидерландские колонии. Позже он развил эту идею до общеевропейских масштабов, заявив, что его «государство» явится составной частью «новой Европы», которая будет «мощной плотиной против коммунизма».

Чтобы активизировать вовлечение нидерландцев в вооруженную борьбу против антигитлеровской коалиции, Зейсс-Инкварт решился наконец в октябре 1942 г. просить Гитлера создать национальное нидерландское правительство во главе с Муссертом, обосновывая это свое предложение двумя аргументами: во-первых, это правительство могло бы к весне 1943 г. мобилизовать 300 тыс. молодых голландцев для несения полицейской службы на Востоке, и, во-вторых, голландцы не переносят Муссерта, и кратковременное его господство лишний раз покажет им, что непосредственное включение Нидерландов в состав Германии явится для них меньшим злом и что скоро нидерландцы сами согласятся с таким вариантом. Но подобные аргументы не убедили Гитлера, и он отверг предложение Зейсс-Инкварта. Поэтому до конца войны Муссерт так и не занимал никакого официального государственного поста, оставаясь руководителем «государственно-политического секретариата» своей партии. Следует однако отметить, что, держа на приличной дистанции от власти лично Муссерта, Гитлер широко использовал его сторонников в среднем и низшем административных звеньях. Многие из них были назначены бургомистрами, а в 7 из 11 нидерландских провинций они стали комиссарами.

Между тем Зейсс-Инкварт продолжал вести в Нидерландах политику, принципы которой Гитлер сформулировал еще в мае 1940 г.: осторожно, но твердо проводить германизацию страны и максимально использовать ее людские и экономические ресурсы в интересах Германии.

«Германская идея» в Дании и Норвегии

Что касается немецко-фашистской оккупационной системы в этих странах, то она исходила из выводов расистской теории о том, что датчане и норвежцы принадлежат к германской расе и поэтому являются родственными немецкому народу по крови. В первые годы оккупации немцы допустили в этих странах «национальные» правительства и органы местного самоуправления. Для обмана населения этих стран и мирового общественного мнения немецко-фашистские оккупанты установили в Дании и Норвегии сносный режим и, осуществляя германизацию, не прибегали к массовым казням, депортациям населения и другим преступлениям против человечества.

Так, в обращении к датчанам в первый же день оккупации командующий войсками вермахта в Дании генерал Л.Каупиш подчеркнул, что между обеими странами заключено соглашение об условиях немецкой оккупации.

В истории датского народа начался новый период — пятилетний период сперва скрытой, или «гуманной», а затем и открытой немецко-фашистской оккупации. Но, как справедливо заметил западногерманский историк К.Центнер, «для народа с национальным сознанием была невыносима любая, в том числе и "гуманная оккупация"».

Оккупация поставила перед Данией ряд важных проблем, прежде всего проблему юридического статуса ее правительства и местных органов власти. С первых же дней оккупации правительство социал-демократа Т.Стаунинга проводило политику коллаборационизма с оккупантами, что вполне удовлетворяло Гитлера. Однако отдельные социал-демократические министры под влиянием широких народных масс позволяли себе некоторые выпады против оккупационных властей, чего так опасался Стаунинг. Чтобы еще больше угодить оккупантам и в какой-то мере удовлетворить лиц, критиковавших его правительство слева, Стаунинг 8 июля 1940 г.

реорганизовал правительство, пригласив в свой второй коалиционный кабинет представителей только буржуазных партий и буржуазных беспартийных кругов. В частности, вместо Н.Мунка министром иностранных дел стал известный датский германофил помещик Э.Скавениус, который начал вести политику еще более тесного сотрудничества с Германией, что вполне устраивало Берлин.

В принятой новым датским правительством декларации выражалось восхищение германскими победами на Западе и высказывались надежды на то, что Дания займет «свое место в новой Европе» и что «датский народ надеется при новом европейском порядке сохранить свою самостоятельность». Однако германские оккупационные власти желали не столько деклараций, столько дела. Все больше вмешиваясь во внутренние дела Дании германский посол С.Ренте-Финк в декабре 1940 г. потребовал новой реорганизации правительства. Сменив лишь антигермански настроенного министра торговли консерватора Х.Меллера, Стаунингу все же удалось сохранить прежний состав правительства и пока временно удовлетворить требования оккупантов.

В ноябре 1941 г. Риббентроп поторопился доложить Гитлеру о том, что якобы «ни в одной из оккупированных стран не царит такое спокойствие, как в Дании». Но 3 мая 1942 г. Стаунинг внезапно умер, и по согласованию между Ренте-Финком и Скавениусом новым премьер-министром стал тоже социал-демократ В.Буль, который ревностно продолжал коллаборационистскую политику своего предшественника.

Осенью 1942 г. обстановка на фронтах для Германии резко ухудшилась. Война приобретала все более затяжной и крайне неблагоприятный для вермахта оборот. В такой ситуации Германия особенно нуждалась в «спокойствии» своего европейского тыла, в том числе и Дании. Но правительство Буля оказалось неспособным обеспечить такое спокойствие, и по требованию из Берлина 9 ноября 1942 г. был сформирован новый кабинет во главе со Скавениусом.

Шли месяцы, но послушное Берлину во всем правительство Скавениуса так и не сумело подавить развертывающееся в стране движение Сопротивления. Тогда германские оккупационные власти решились на крайнюю меру: 29 августа 1943 г. они объявили в Дании чрезвычайное военное положение и тем самым взяли на себя всю исполнительную власть. Не получив в соответствии с датским основным законом отставки от короля, правительство Скавениуса, хотя и оставалось на своем посту, но прекратило функционировать. Немецко-фашистская оккупация Дании не прикрывалась более никакой ширмой.

С первых дней оккупации важной проблемой для Дании было и то, какую форму примет здесь немецкий оккупационный режим и какие органы будут его осуществлять. Особенность немецко-фашистской оккупации Дании состояла в том, что обе страны фор-

мально не находились в состоянии войны и оккупационный режим был установлен здесь относительно мирным путем. В силу таких обстоятельств сношения между Берлином и Копенгагеном поддерживались не посредством особых оккупационных органов, а обычными, дипломатическими каналами. Поэтому германский посол в Копенгагене Ренте-Финк был наделен Риббентропом 12 апреля 1940 г. полномочиями высшего представителя Германии в Дании. А в циркулярном письме начальника имперской канцелярии Г.Ламмерса от 12 января 1941 г. еще раз подчеркивалось, что в отличие от имперских комиссаров в Норвегии и Нидерландах «уполномоченный в Дании должен выполнять свои задачи по отношению к датским властям дипломатическими средствами». Это был исключительный феномен во внешнеполитической практике гитлеровской Германии в период Второй мировой войны.

Германскими оккупационными войсками в Дании некоторое время после апреля 1940 г. командовал генерал Л.Кауппи. Он же отвечал и за оборону территории Дании в случае высадки союзных войск. Затем Кауппи был заменен генералом Э.Людке.

В условиях развертывания движения Сопротивления в Дании осенью 1942 г. Гитлер принял решение провести реорганизацию не только датского правительства, но и всей системы немецких оккупационных органов. Ренте-Финк был отозван в Германию, и место германского посла в Копенгагене до конца войны оставалось вакантным. Зато в Данию в качестве «уполномоченного рейха» прибыл ставленник Гиммлера юрист по образованию группенфюрер СС В.Бест, которого Гитлер назвал «национал-социалистом с крепким кулаком». Генерал Людке был заменен более решительным генералом СС Г.Хеннекеном. По прибытии в Копенгаген новый командующий информировал руководство германской миссии в Дании о том, что от Гитлера он получил инструкцию «превратить Данию в немецкую провинцию», впредь не считаться ни с датским правительством, ни с королевским домом и отныне рассматривать Данию не как «дружественную», а как вражескую страну. В «новой Европе», находящейся под управлением Германии, говорил Ханнекену Гитлер, нельзя допустить, чтобы в какой-либо стране существовали демократическое правительство и король. В Дании они должны быть устранены и заменены датскими нацистами, при этом неважно, что их фюрер Ф.Клаузен не имеет в стране никакого влияния.

Данию наводнила многочисленная агентура гестапо и СД, был усилен контингент немецкой полиции, различных германских советников и экспертов. Выступая в Нюрнберге в качестве свидетеля, бывший видный чиновник германской администрации в Дании А. фон Майланд объяснил эти меры тем, будто бы в октябре 1942 г. Гитлер рассердился на датского короля из-за пустяка. На поздравительную телеграмму Гитлера тот весьма скромно ответил: «Очень вам благодарен». Однако действительные причины недо-

вольства в Берлине были гораздо сложнее и меньше всего были связаны с личными взаимоотношениями между Гитлером и датским королем.

До конца войны новых серьезных изменений в структуре немецких оккупационных органов и в их персональном замещении не происходило. После того как король, правительство и парламент перестали функционировать, в Дании действовали три германские инстанции: 1. Имперский уполномоченный, которым продолжал оставаться Бест; 2. Военные власти во главе с генералом Хеннекеном, а позднее до конца оккупации — генералом Линдеманом; 3. Германская полиция, главой которой в сентябре того же года был назначен Р.Мильднер, а с 1 ноября — обергруппенфюрер СС Г.Панке.

Оккупационная политика Германии в Дании отличалась такой гибкостью, которой Гитлер не позволял себе в отношении других завоеванных стран. Объясняется это по крайней мере тремя причинами: во-первых, попыткой представить Данию перед народами Европы в качестве «образцового протектората», во-вторых, по немецкой классификации датский народ относился к «нордической расе», отношение к которой до поры до времени должно было быть соответствующим; наконец, в-третьих, датское правительство своим «лояльным» отношением к оккупационным властям не давало им повода для каких-либо решительных репрессивных мер.

Оккупационный режим немцев в Дании делится на два четко выраженных периода, между которыми рубежом явились события 29 августа 1943 г. Первый период характеризуется в основном весьма терпимым и либеральным характером немецко-фашистской оккупационной политики. Хотя оккупанты с первых же дней ввели довольно жесткую цензуру на радиопередачи, но датская пресса чувствовала себя более или менее свободно, особенно в освещении внутриполитических проблем.

В течение первых двух лет оккупанты грубо не вмешивались и в дела датского судопроизводства и полиции, если они не затрагивали интересов оккупационных войск. Во внешнеполитической области оккупанты не возражали против поддержания нормальных дипломатических отношений между Данией и СССР. Лишь 22 июня 1941 г. по требованию германской миссии датское правительство установило охрану советской миссии и интернировало советских граждан. Эти меры означали, что отношения между Данией и СССР были фактически разорваны, но в начавшейся советско-германской войне Дания стала невоюющей державой. Тем не менее датское правительство разрешило фашистам сформировать «добровольческий корпус Данию», состоявший всего из двух рот. Уже в августе 1941 г. часть корпуса принесла в Гамбурге присягу Гитлеру и была направлена на восточный фронт.

Датская общественность и правительство с первых же дней оккупации особенно опасались, что германские власти своей главной

опорой в Дании изберут партию местных нацистов — Датскую национал-социалистическую рабочую партию во главе с Ф.Клаузеном. Однако в первый период оккупации этого не произошло, чем датские нацисты были весьма разочарованы. Ренте-Финк возражал против более активного привлечения датских нацистов к государственным делам по следующим причинам: во-первых, в этом не было острой нужды, т.к. коллаборационистская политика правительства вполне устраивала оккупантов; во-вторых, необходимо было выждать, пока местные нацисты смогут расширить свою социальную базу, и, в-третьих, оккупационные власти предпочитали использовать в случае необходимости датских нацистов как орудие давления на правительство и таким образом держать его под постоянным страхом замены нацистами.

В первый период оккупации немцы не применяли насилия при наборе датской рабочей силы, ибо при тогдашней массовой безработице в Дании в этом не было необходимости. Они даже дали свое согласие на проведение в Дании очередных парламентских выборов, хотя и обусловили его тем, чтобы во время избирательной кампании не было антигитлеровской агитации. Состоявшиеся 23 марта 1943 г. выборы показали, что из участвовавших в них двух политических сил — датских фашистов и пяти правительственных партий — последние завоевали свыше 95% голосов. Партия Клаузена, щедро поддержанная политически и в финансовом отношении оккупационными властями, собрала только 2,1% голосов и получила всего лишь 3 из 148 депутатских мандатов.

Выборы 23 марта 1943 г. оказались единственными в годы войны не только в Дании, но и во всех оккупированных странах Европы. Разрешение оккупационных властей провести такие выборы свидетельствовало о полном доверии, которое питал Гитлер к датскому коллаборационистскому правительству. Проведением выборов, на которых датский народ продемонстрировал, что он выступает не столько за правительство Скавениуса, сколько против чужеземных оккупантов и местных фашистов, закончился первый «либеральный» период оккупационной политики гитлеровцев в Дании.

Введением 29 августа 1943 г. чрезвычайного военного положения, когда фактически вся исполнительная власть перешла к командованию вермахта в Дании, начался период открытой оккупации этой страны. Были интернированы остатки датских вооруженных сил, ибо части Военно-морского флота удалось уйти в Швецию. Несколько позднее была распущена датская полиция, по всей стране вводился комендантский час, были запрещены всякие собрания и стачки. Деятельность короля, правительства и ригсдага прекращалась. Участились аресты и казни заложников.

Военно-полицейские меры оккупантов означали, что с 1943 г. они рассматривали Данию как вражескую страну, хотя Копенгаген и Берлин по-прежнему не объявляли друг другу войны. После ав-

густовских событий 1943 г. германские оккупационные власти управляли Данией не через правительство как единое целое, а непосредственно, опираясь на отделы (департаменты) соответствующих датских министерств. Такой порядок управления оккупированной Данией получил наименование «департаментского».

Аналогичную тактику гитлеровцы применили и в Норвегии. Но здесь они столкнулись с рядом непредвиденных трудностей. Основываясь на информации своей разведки, а также учитывая опыт по захвату Дании, германские военные власти рассчитывали на то, что норвежское правительство капитулирует и предоставит свою судьбу командующему германскими войсками в Норвегии генералу Н.Фалькенхорсту. Но они были удивлены, когда в штаб германских войск, расположенный в Осло в гостинице «Континенталь», явился неизвестный им В.Квислинг и заявил, что он формирует новое «национальное» норвежское правительство.

Большую помощь германскому командованию при подготовке и в осуществлении операции против Норвегии наряду с квислинговцами оказали и многие из 4000 проживавших в этой стране этнических немцев (к ним не относятся политические эмигранты – противники фашизма). Наиболее активно действовала местная организация нацистской партии, в которой состояло 120 проживавших здесь имперских немцев.

Норвежский коллаборационизм принадлежит к тому типу сотрудничества с оккупантами, сторонники которого преследовали цель создания великогерманского государства во главе с Германией. Поскольку норвежцы принадлежат к германским народам, то эта расистская идея была воспринята значительной частью населения как общенациональное благо, которое можно реализовать с помощью Германии. Тысячи норвежских рабочих добровольно уезжали на работу в военной промышленности Германии, с тем чтобы оказать ей содействие в борьбе против «англо-американской плутократии и советского большевизма».

Многие норвежцы не воспринимали призывы англичан оказывать им поддержку в совершении диверсионных актов против германских войск в Норвегии. Эта страна была родиной человека, имя которого стало символом служения чужеземным захватчикам якобы в интересах своего народа. Его звали Видкунд Квислинг.

Партия Квислинга насчитывала 50 тыс. членов — это немало для страны, население которой ко времени оккупации составляло около 3 млн человек. Социальную базу квислинговского движения составляли в основном представители интеллигенции. Одним из них был писатель Кнут Гамсун, пользовавшийся в конце XIX — начале XX в. мировой известностью. После проживания с 1882 по 1888 гг. в Соединенных Штатах он стал противником общественного строя и нравов в западных странах и в 30-е годы XX в. возлагал надежду на Гитлера с его идеей о «новом порядке» в Европе, в котором не будет пороков капиталистического мира.

Однажды в беседе со своим другом Хамсун заявил, что в США он убедился, к какой опасной межнациональной мешанине может привести эту страну «плавильный котел населяющих ее народов», и что он с ужасом представляет себе ситуацию, если бы США стали господствовать над всем миром. «Знаете ли вы, — спросил своего собеседника Хамсун, — что представляет собой средний американец? Американец из США дарит вам букет цветов и уверяет, что он ваш друг. Но в другой руке он держит нож, чтобы предательски убить вас». Хамсун своей пронацистской и антисемитской деятельностью в годы оккупации Норвегии нанес большой морально-политический ущерб своему народу и его национально-освободительной борьбе.

Объявив о роспуске прежних норвежских политических партий, в своем выступлении от 8 апреля 1941 г. Квислинг заявил, что в полном согласии с германским рейхскомиссаром он заверяет норвежцев, что в соответствии с будущим мирным договором с Германией Норвегия не станет ни немецким протекторатом, ни частью Германии и что она займет достойное место в «новом порядке», который будет создан в Европе. Квислингу казалось, что этим заявлением он успокоил население. Но этого не произошло.

Получив одобрение лично Гитлера, Квислинг отдал приказ об аресте членов прежнего правительства и 9 апреля дважды выступил по радио с угрозами в адрес своих политических противников. Поощряя действия Квислинга, Гитлер все же не терял надежды на сговор с правительством Ю.Нюгорсвола и королем. С этой целью были устроены встречи немецкого представителя с королем, который однако не согласился назначить Квислинга премьер-министром. Таким образом, с одной стороны, надежда на соглашение с королем лопнула, с другой же стороны, оказалась явно неудачной и ставка на крайне непопулярного в стране Квислинга. Было решено искать третий путь.

Между тем вместе с войсками, постоянно прибывавшими в Норвегию, в Осло явились и чиновники германских оккупационных органов. Вместе с командующим генералом Н.Фалькенхорстом уже 10 апреля их высшие руководители приняли парад войск перед королевским дворцом. Наконец, 21 апреля в Осло прибыл назначенный имперским комиссаром в Норвегию И.Тербовен.

Еще до прибытия Тербовена в Норвегию по указанию из Берлина и по согласованию с губернскими и городскими властями Осло, а также коллаборационистски настроенными председателем Верховного суда Норвегии П.Бергом и представителями деловых кругов оккупационные власти в середине апреля 1940 г. создали так называемый «Административный совет по управлению оккупированными областями страны», наделенный лишь исполнительными функциями. Главой совета, состоявшего из 7 членов, был назначен губернатор Осло Хр.Кристенсен. Члены Совета не только отвечали за определенную область общественно-экономической жизни

(финансы, торговлю, юстицию, школьное дело и т.д.), но на них, как заявил германский посол К.Бройер, возлагалась «персональная ответственность за сохранение порядка и спокойствия» в стране. С созданием Административного совета объявлялось о роспуске «национального правительства» Квислинга, а сам он назначался комиссаром Совета по делам демобилизации норвежской армии. Фактически же Тербовен выдворил его в Германию.

Король и правительство Норвегии условно признали Административный совет как орган для поддержания порядка и функционирования хозяйственной жизни в условиях оккупации, однако оговорили, что, во-первых, он не может заменить собой законного правительства и, во-вторых, его компетенция не распространяется на военные и внешнеполитические вопросы.

О правах и обязанностях имперского комиссара Тербовена в соответствующей директиве Гитлера говорилось следующее: «Правительство Нюгорсвола своими воззваниями и поведением, а также военными действиями, которые имеют место по его воле, создало состояние войны между Норвегией и Германией. В интересах сохранения общественного публичного порядка и гарантии общественной жизни на тех частях территории, которые находятся под защитой германских войск, приказываю:

1. Оккупированные области Норвегии подчиняются ведению правительственного комиссара (рейхскомиссара) для занятых норвежских областей, который должен охранять интересы рейха и является высшей правительственной властью в граждской сфере.

2. Правительственный комиссар должен пользоваться услугами со стороны норвежского Административного совета и норвежских властей для проведения в жизнь своих приказов и осуществления управления.

3. Правовой порядок, действовавший до сих пор, остается в силе в той мере, в какой он соответствует положению оккупации. Правительственный комиссар может издавать приказы, устанавливающие новое право...»

Являясь временным органом с ограниченными функциями, Административный совет не мог в полной мере осуществлять политику оккупационных властей. Норвежский народ по-прежнему считал единственным законным правительством эмигрантское правительство Нюгорсвола, тем более что оно еще находилось на территории Норвегии. Обстановка однако изменилась в связи с эвакуацией норвежского правительства в Англию. Чтобы скомпрометировать короля и его правительство за «бегство» и развязать себе руки, Тербовен потребовал от Административного совета, чтобы он созвал из оставшихся депутатов стортинг для принятия решения о смещении правительства Нюгорсвола и об отречении короля Хоокона VII от престола.

В письме, которое вручил Совету 13 июня 1940 г. заместитель Тербовена Дельбрюгге, выражалось заверение, что в случае принятия его требования Гитлер отменит статус имперского комиссара и он, Тербовен, останется лишь чрезвычайным представителем фюрера в Норвегии. На здании стортинга будет снят германский и водружен норвежский национальный флаг. В случае же отказа Тербовен пригрозил распустить Административный совет, передать всю полноту власти непосредственно германским чиновникам, а годную к военной службе норвежскую молодежь направить на фронт и на принудительные работы в Германии.

Угроза Тербовена, затем победа Германии над Францией подействовали на коллаборационистские круги стортинга и Совета. Они обратились к королю с просьбой отречься от престола, но получили решительный отказ. Ничего не вышло у оккупантов в то время и с созывом стортинга. Это означало провал кампании, которую Тербовен предпринял летом 1940 года.

В создавшейся обстановке Гитлер решил, что продолжать вести либеральную политику в Норвегии не было никакого смысла, и примерно с августа 1940 г. оккупационный режим вошел в обычную для немцев колею. Началась активная фашизация страны.

25 сентября Тербовен объявил о том, что решением стортинга королю и правительству Норвегии запрещено возвращаться в страну. Вместо распущенного Административного совета создавался новый орган исполнительной власти — Государственный совет, подчинявшийся непосредственно Тербовену и состоявший из 13 государственных комиссаров, из которых большинство были квислинговцы. Наконец, декретировался запрет всех политических партий, кроме квислинговского «Национального единения». Для усиления полицейского надзора за населением вся Норвегия была разделена на шесть полицейских округов во главе с полицай-президентами. Были распущены местные органы власти. В партии Квислинга был учрежден особый штат «инструкторов», в задачу которых входило проверять благонадежность любой норвежской семьи.

Все эти мероприятия оккупационных властей означали, что в Берлине решили снова сделать ставку на Квислинга и его партию. Почувствовав поддержку Гитлера, Розенберга и Редера, фюрер норвежских фашистов стал более решительно требовать создания кабинета только из его сторонников.

2 февраля 1942 г. было объявлено о создании «норвежского национального правительства» во главе с Квислингом. В своем декрете от 7 февраля 1942 г. новый министр-президент указал, что берет на себя всю полноту власти, которой раньше располагали король, стортинг и правительство. Но фактически же Квислинг выполнял указания Тербовена. Все влиятельные государственные посты были заняты исключительно сторонниками Квислинга. Активными членами «Национального единения» было большинство из 13 министров его правительства, почти все губернаторы провинций и 80% бургомистров городов. Норвежские фашисты обращали особое внимание на контроль за печатью. Из

134 издававшихся в стране газет им удалось целиком превратить в свой рупор 53 газеты, 37 газет оставались лояльными к новому режиму и 44 газеты, по характеристике самого Квислинга, не признавали «нового поряда» в Норвегии.

Образованное Квислингом норвежское «национальное правительство» стало марионеткой германских оккупационных властей и теперь уже откровенно преследовало цель внедрить в Норвегии «национал-социалистические идеи Гитлера», как заявил Квислинг в своем первом выступлении в качестве премьер-министра. Он пообещал немецкому командованию превратить свою партию «Национальное единение» в инструмент национал-социалистического движения в «новом норвежском государстве». Поэтому министрами нового «правительства» были назначены только сторонники коллаборационизма с Германией. Трое из них участвовали в боях на восточном фронте и награждены Железным Крестом.

Введение «национал-социалистического порядка» в Норвегии Квислинг начал с развертывания антисемитской кампании. Он заявил однажды, что «евреи ненавидят нас и завидуют таким нашим качествам, как физическое превосходство, красота, мужество и смелость», и призвал норвежцев брать пример с Великой французской революции, которая, по его словам, расправлялась с евреями с помощью гильотины.

Создание марионеточного норвежского правительства было воспринято населением неоднозначно. С одной стороны, в своих радиообращениях король Хоокон VII и норвежское эмигрантское правительство разоблачали антинациональный характер правительства Квислинга и призывали усилить освободительную борьбу. Некоторые деятели отказались от своей прежней политики лояльности к оккупационным властям. Так поступил, в частности, глава норвежской церкви, который после двух лет коллаборационизма перешел в оппозицию к нему. Его решению в 1942 г. последовали многие пастыри, а вскоре и школьные учителя, которые несколько месяцев назад были резервом офицерского состава для германских частей СС. После нескольких актов возмездия над коллаборационистами участники Сопротивления убили еще двух министров Квислинга. Эти случаи стали поводом для новых жестоких и массовых репрессий со стороны коллаборационистской молодежной организации хирдов, действовавших совместно с немецкими карательными органами. Но с другой стороны, немалая часть населения была довольна тем, что с протекторатным режимом, установленным Гитлером, теперь якобы покончено и норвежцы заимели свое национальное правительство.

Недвусмысленную позицию поддержки режима Квислинга и рейхскомиссара И.Тербовена по-прежнему занимал Хамсун, который как и раньше пользовался большим авторитетом у своего народа. Его влияние среди интеллигенции усилилось после того, как

он был принят Гитлером. С тех пор писатель обоготворял фюрера до конца своих дней.

События 1943 г., когда страны антигитлеровской коалиции добились коренного перелома в войне против гитлеровской Германии, вынудили Гитлера прибегнуть к ряду чрезвычайных мер как внутри страны, так и в оккупированных странах. К числу этих мер принадлежали «тотальная» трудовая мобилизация и формирование новых «добровольческих» соединений для борьбы против большевизма.

Чтобы узаконить участие норвежцев в вооруженной борьбе против Советской Армии, Квислинг заявил, что решение правительства Нюгорсвола о состоянии войны с Германией считается недействительным и что с 16 августа 1943 г. Норвегия объявляет войну Советскому Союзу. В стране была развернута широкая антисоветская пропаганда, активизировалась мобилизация норвежской молодежи на строительство военных сооружений.

В конце апреля 1945 г. норвежское эмигрантское правительство предприняло меры к тому, чтобы снова взять в Норвегии власть в свои руки. Норвежская полиция в Швеции была приведена в боевую готовность. Были назначены руководители местных органов власти. В начале мая 1945 г. командование 350-тысячной немецкой группировки готово было капитулировать, о чем официально было объявлено 8 мая. В страну стали прибывать полицейские части, а из подполья выходить патриотические организации. Власть постоянно переходила к органам эмигрантского правительства. Однако с Квислингом и его «правительством» еще не было достигнуто соглашение о его капитуляции. Лишь 9 мая сам Квислинг вместе со своими министрами добровольно сдался полиции.

Примечания

1 Fest J. Hitler. Eine Biographie. Frankfurt a/Main, 1974. S. 290.

2 Cygański M. Odillo Globocnik — przewódza NSDAP SS u Austrii w latach 1938—1939 // Przegląd Zachodni. 1974. № 3. Str. 132—138.

3 The National Archives of the USA (NAUS). T. 175. Roll 124. P. 000.

4 ГВА РФ. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 42. Л. 42.

5 Там же. Ф. 500. Оп. 1. Д. 775. Л. 251—255.

6 Там же. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 42. Л. 42—67.

7 Там же. Ф. 500. Оп. 1. Д. 775. Л. 19—22.

8 Allianz Hitler — Horthy — Mussolini. Dokumente zur ungarische Aussenpolitik (1933—1944). Budapest, 1966. S. 40—41.

9 Die Deutschen in der Tchechoslowakei 1933—1947. Dokumenten sammlung. Zusamengestelt von V.Kral. Praha, 1964. S. 345.

10 Vietor M. Dejiny okupacte Suzneho Slovenska 1938—1945. Bratislava, 1968. Str. 19.

11 Внешняя политика Чехословакии 1918—1919. М., 1959. С. 558.

12 Bundesarchiv Koblenz. R 58/717. Bl. 80.

13 Sprawy Międzynarodowe, 3.3.1958. Str. 61—66.

[14] XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 13.
[15] Studnicki. Polityczny system Europy i Polska. W-wa, 1935.
[16] Коммунистическая партия Польши в борьбе за независимость своей страны. Материалы и документы. Пер. с польск. М., 1955. С. 378.
[17] Sprawy Międzynarodowe. 3.3.1958. Str. 47—49.
[18] Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Erster Teil. Vertrauliche Aufzeichnungen mit Vertretern des Auslandes 1939—1941. Bd. I. Frankfurt a/M., 1967. S. 57.
[19] Jahrbuch für Auswärtige Politik. Berlin. 1940. S. 54; Frankfurt. a/M., 1967. S. 126.
[20] Chapsal J. La vie politique en France depuis. 1940. Paris, 1972. P. 37.
[21] Madaule Jacque. Histoire de la France. Paris, 1945. S. 20.

Глава четвертая

БЛОК ГЕРМАНИИ И СТРАН-САТЕЛЛИТОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА

Особую группу стран и территорий, где Гитлер установил систему управления через «национальные правительства» и местные органы власти, составили такие страны-сателлиты, как Италия (с 1943 г.), Венгрия (с 1941 г.), Румыния (с 1941 г.), Хорватия (с 1941 г.) и Словакия (с 1939 г.).

Блок фашистских государств складывался задолго до Второй мировой войны. Его основная направленность состояла в антисоветизме и антикоммунизме. Важнейшими вехами формирования этого агрессивного союза были подписание между Германией и Японией в 1936 г. антикоминтерновского пакта. На следующий год к нему присоединилась Италия. В мае 1939 г. был заключен Пакт о союзе и дружбе между Италией и Германией (так называемый «Стальной пакт»). В сентябре 1940 г. представители Германии, Японии и Италии подписали военный Тройственный (Берлинский) пакт с несколькими секретными протоколами. Цель этих союзов состояла в координации действий для завоевания мирового господства и раздела мира на сферы влияния. Они были направлены как против Советского Союза, так и против западных держав.

Новым важным шагом по пути консолидации фашистского блока было присоединение к Тройственному пакту под нажимом Гитлера Венгрии (20 ноября 1940 г.), Румынии (22—23 ноября 1940 г.), Словакии (24 ноября 1940 г.) и Болгарии (1 марта 1941 г.). Гитлеровской дипломатии удалось добиться того, что 25 марта 1941 г., как уже отмечалось выше, к пакту присоединилось и югославское правительство Д.Цветковича—В.Мачека. Однако вскоре новое правительство генерал Д.Симовича аннулировало согласие Югославии на присоединение к Тройственному пакту. Позже созданное оккупантами Независимое хорватское государство все же присоединилось к этому агрессивному пакту. Правительство Финляндии по тактическим соображениям официально не было связано с Германией каким-либо военно-политическим договором. Однако в мае 1941 г. представители командований обеих стран согласовали планы совместных действий на случай войны против Советского Союза.

Последней крупной попыткой Гитлера укрепить положение Германии как руководящей силы в фашистском блоке и консолидиро-

вать его усилия в интересах антисоветской войны была церемония продления на 5 лет антикоминтерновского пакта, устроенная в Берлине 25 ноября 1941 г., и присоединения к нему Румынии, Болгарии, Дании, Финляндии, Независимого хорватского государства, Словацкого государства и нанкинского правительства в Китае.

Блок фашистских государств не был союзом равноправных партнеров. По существу, эти государства, за исключением Японии, являлись марионетками гитлеровской Германии. Естественно, что в кризисные периоды они старались выйти из него, для чего предпринимали сепаратные переговоры о перемирии с западными державами. Подобные действия решительно пресекались Берлином вплоть до оккупации этих стран. Такая участь постигла Италию в сентябре 1943 г., Венгрию в марте и октябре 1944 г. и Словакию в августе 1944 г. Из-за стремительности наступления советских войск и победы народных антифашистских восстаний Румыния и Болгария не подверглись гитлеровской оккупации. Трудная для Германии военно-политическая обстановка, созданная Красной Армией, не позволила немецко-фашистским войскам оккупировать и Финляндию.

Италия

Весьма своеобразно складывались отношения Германии с фашистской Италией, которая на протяжении многих лет была не только ее верным союзником по империалистическому разбою в Европе и Северной Африке, но и инициатором ряда агрессивных актов против соседних народов. До 1940 г. Муссолини казалось, что его отношения с Гитлером строятся на равноправной основе. Вскоре, однако, его постигло разочарование. Более сильная в экономическом и военном отношениях Германия все активнее претендовала на единоличное господство не только в Европе, но и во всем мире, не считаясь и даже игнорируя интересы фашистской Италии. Так, Гитлер явно не желал совместно с Италией подписывать перемирие с Францией. Он не поставил Муссолини в известность о своих акциях против Дании и Норвегии. В последнюю минуту проинформировал его и о своем решении напасть на Советский Союз. Муссолини в своей политике на Балканах поступал так же.

Правящие круги в Риме тяготились зависимостью от Берлина, однако вскоре вынуждены были примириться с ней. Муссолини неоднократно с тревогой высказывался перед Чиано о будущей судьбе Италии в «новой Европе». В октябре 1941 г. в редкие минуты откровенности он говорил своему зятю, как он представляет себе будущую Европу под господством немцев: «Побежденные государства станут настоящими колониями, а союзники Германии — союзными провинциями и наиболее значительной из них будет Италия. Мы должны довольствоваться этим положением, так как всякая попытка выйти из него приведет нас к еще более худшему положению колонии. Если даже они захотят в один прекрасный день при-

соединить Триест к немецкому жизненному пространству, нам придется уступить»[1].

В Италии помнили те далекие времена, когда еще в XIX в. со страниц многих немецких газет не сходила фраза, имевшая целью уцемить национальное самолюбие итальянцев о том, что «итальянцев вечно били даже вечно битые австрийцы». Позже, в XX в. ту же мысль высказал чванливый прусский генерал Г.Сект такими словами: «Тот, кто союзник Италии, проигрывает войну»[2].

По мнению немецкого историка В.Брокдорфа, сущность коллаборационизма Италии во Второй мировой войне состояла в специфической форме маккиавелизма, который она исповедовала еще в период между двумя мировыми войнами. Если в Первой мировой войне она дважды меняла союзников и противников, то во Второй Муссолини, став главой марионеточного правительства на севере страны, был верен союзу с Гитлером до конца, тогда как маршал П.Бадольо вместе с королем были сателлитами военных властей западных держав, войска которых оккупировали южные регионы Италии.

В связи с этой сложной и противоречивой ситуацией Брокдорф ставит вопрос: какое же из этих двух правительств является коллаборационистским? Он признает, что на этот вопрос ответить весьма сложно.

Брокдорф считает, что до капитуляции Италии и образования двух итальянских правительств в сентябре 1943 г. в стране не существовало коллаборационизма с Германией[3]. Однако это противоречит историческим фактам, которые подтверждают, что Италия если не потеряла, то во всяком случае вынуждена была ограничить свою прежнюю государственную независимость в конце 30-х годов и Муссолини стал сателлитом Гитлера с самого начала Второй мировой войны. Когда север Италии был оккупирован вермахтом, а юг — западными союзниками, то возникла своеобразная двуединая оккупация страны, при которой на юге был установлен такой же жестокий режим террора и бесправия народа, как и на севере. Но от национального фашизма он все же был освобожден.

На юге страны с согласия союзных властей глава правительства маршал Бадольо 24 октября 1943 г. издал директиву, в которой все фашисты были разделены на три категории: высшие иерархи, партийные функционеры и лица, по разным причинам вынужденные были вступить в партию.

Трудности и неясности, встретившиеся во время первоначальной чистки, вынудили Бадольо в ноябре 1943 г. установить меры ответственности, которыми необходимо было руководствоваться во время чистки: все фашисты, виновные в подавлении гражданских свобод, должны быть лишены гражданских и политических прав; все итальянцы, которые после заключения перемирия сотрудничали как с союзниками, так и с немцами, должны быть осуждены особым судом; все чиновники, пострадавшие в годы фашистского режима, должны быть восстановлены на своих служебных местах;

все фашистское законодательство отменяется и устанавливается новое демократическое законодательство.

В первые месяцы союзнической оккупации на юге Италии царили хаос, разгул преступлений и незаконные казни. Кампанию чисток проводили специальные итальянские комитеты, партизаны и союзные военные трибуналы. Партизаны нередко совершали над фашистами суд Линча. Такие случаи наблюдались в районах Бари, Неаполя, на островах Сицилия и Сардиния. Высшей точки волна чисток достигла, когда союзники заняли Рим и с разрешения Бадольо началось создание так называемых «народных трибуналов», в которых активную роль играли партизаны. Ряд видных ученых потребовали лишать фашистов политических прав на протяжении 20 лет. Имелись случаи, когда некоторые коммунисты расстреливали не только фашистов, но и членов демократических партий, которым не нравилась ИКП, и антикоммунистические силы разоблачали ее в попытке вооруженным путем захватить власть в стране.

Что же касается «Республики Сало», то проводившаяся в ней чистка, по свидетельству очевидцев, протекала спокойно, репрессии применялись лишь к тем «предателям», которые участвовали в свержении Муссолини. К ним были отнесены и повешены зять Муссолини — министр иностранных дел граф Г.Чиано, два адмирала, виновные в выдаче союзникам итальянского флота, и пять членов Большого фашистского совета. Массового характера чистка не имела, что вызывало доверие населения к Муссолини[4].

14 ноября 1943 г. в Вероне состоялся съезд Республиканской фашистской партии, принявший решение реорганизовать фашистский режим и провести демократизацию государственной власти. Однако своих прежних ошибок Муссолини не признавал и не намеревался создавать в Италии правовое государство.

Муссолини восстановил регулярную фашистскую армию и «Черные бригады» для борьбы с усиливавшейся партизанской деятельностью. О се характере свидетельствуют данные о потерях чернорубашников: только в течение февраля — марта 1944 г. они потеряли 344 убитыми и 339 ранеными[5].

На большую часть оккупированной Италии формально распространялась власть Муссолини, но фактически ею управляла германская военная администрация. При всех итальянских префектах имелись немецкие административные советники, подчинявшиеся германскому послу Р.Рану. В соответствии с приказом А.Кессельринга от 28 ноября 1943 г. в случае высадки союзников на побережье Лигурийского, Тирренского и Адриатического морей власть итальянского фашистского правительства и уполномоченного немецкого генерала здесь прекращалась и переходила к местным военным комендатурам.

Основная задача немецкой военной администрации состояла в том, чтобы максимально использовать итальянскую экономику и людские ресурсы в интересах ведения войны. Этой задаче и соответствовала структура административных органов. Кроме общего

отдела в управлении военной администрации существовали отделы экономической, военной промышленности и труда. В каждой или в нескольких провинциях существовали военные комендатуры — всего их было 19. Они оказывали довольно активное влияние на деятельность местных органов власти. Сам Муссолини жаловался Гитлеру, что свобода действий правительства и его органов на местах очень ограничена вмешательством германских властей.

Рим находился на особом положении. Еще 10 сентября 1943 г. посол Ран со всем составом посольства выехал на север в Верону, и политические интересы Германии в Риме представлял бывший немецкий консул в Неаполе Вюстер. Фельдмаршал Кессельринг назначил в Рим двух военных комендантов: немецким стал генерал Р.Штахель, а итальянским — генерал Кальви ди Берголо, бывший командир танковой дивизии «Центавро». 23 сентября после отмены командованием статуса «открытого города Рима» для управления городом была создана военно-административная группа, подчинявшаяся не генералу Туссинэ, а непосредственно фельдмаршалу Кессельрингу.

С осени 1941 г. соответствующие итальянские уполномоченные неоднократно жаловались в Рим на то, что с итальянскими рабочими в Германии обращаются, как с военнопленными, охрана издевается над ними и даже спускает на них сторожевых собак. Тогда же посольство Италии в Берлине вынуждено было протестовать против того, что германские власти в Южном Тироле подвергают арестам многих итальянских граждан.

Хотя самого Муссолини Гитлер называл «единственным римлянином среди сплошных итальянцев к итальянскому народу он относился с превеликим презрением. С точки зрения расовой чистоты Гитлер ставил итальянцев где-то рядом со славянами, в частности с чехами. Когда из Эльзаса в 1940 г. началось выселение неугодных с расово-политической точки зрения лиц, то для проживающих здесь итальянцев не было сделано никакого исключения. С итальянками, как и с представительницами других негерманских народов, немцам запрещалось вступать в брак.

Итальянцы платили немцам той же монетой. Отвечая высокомерным арийцам, они напоминали своим нынешним союзникам, что на их родине еще ходили в шкурах, когда в Риме уже существовала высокая цивилизация. Один из видных немецких дипломатов К. фон Нейрат, посланный в мае 1943 г. в Италию для изучения обстановки, в докладной записке Гитлеру, а затем и в личной беседе с ним жаловался, что немецких солдат в Италии ненавидят. Их оскорбляют различными прозвищами, обвиняют во всех бедах, которые сейчас переживает Италия, и что самое опасное, продолжал Нейрат, «власти не пресекают эти безобразия»[6].

Нацистские правители Германии не допускали и мысли о том, чтобы делить гегемонию над странами Европы с каким-либо из своих союзников, в частности с Италией.

Гитлер реагировал на выход Италии из войны быстро и весьма энергично. Германские войска в Италии, усиленные после переворота 25 июля, в соответствии с планом «Ось» сразу же стали занимать населенные пункты и брать под свой контроль всю жизнь страны. После бегства нового правительства П.Бадольо в г. Бриндизи войска вермахта захватили и Рим. Таким образом, Италия оказалась разделенной надвое: южная ее часть была занята англо-американскими войсками, а центральная часть и весь север — вермахтом.

В условиях растерянности и предательства итальянского командования немцам удалось довольно быстро разоружить почти всю итальянскую армию. Части вермахта к 10 сентября заняли франзузско-итальянскую границу, разоружив там 4-ю итальянскую армию. Одновременно немецкая группа армий «Б» разоружила и взяла в плен 82 генерала, 13 тыс. офицеров и 402600 итальянских солдат, из которых 183300 человек до 20 сентября были отправлены в Германию. Так, в сентябре 1943 г. вся Центральная и Северная Италия были оккупированы немецко-фашистскими войсками. «Мы должны быть довольны тем, — говорил в эти дни Гитлер, — что нам не приходится сталкиваться на европейском континенте с японцами. Хотя итальянцы доставляют нам сейчас очень много забот и трудностей, мы должны благодарить судьбу, что они не могут быть для нас серьезными конкурентами при последующей реорганизации Европы. Ныне... мы являемся практически единственной руководящей силой на Европейском континенте»[7].

Тень Сталинграда в начале 1943 г. пала и на отношения между Римом и Берлином. Усилились взаимные подозрения, в том числе и по территориальным вопросам. Гитлер страшно возмутился поступившими в Берлин сведениями о том, что итальянцы укрепляют прилегающий к Бреннеру участок границы. Взаимное недоверие партнеров по блоку особенно обострилось после того, как в Риме выдвинули идею опубликовать так называемую «Европейскую хартию». Один из авторов этой идеи, заместитель министра иностранных дел Италии Д.Бастианини обосновывал ее как противовес «Атлантической хартии союзников». Он считал, что в «Европейской хартии» должны быть провозглашены основные права малых народов оккупированных стран Западной Европы, Балканского полуострова и Восточной Европы, сформулированы также принципы взаимоотношений между странами «оси», с вишистской Францией и т.д. Гитлер расценил идею «Европейской хартии» как попытку Италии подорвать престиж Германии и самой завоевать симпатии малых народов Европы.

К лету 1943 г. не только продолжали ухудшаться отношения Италии с Германией, но и в самой Италии быстро созревал внутренний общеполитический кризис, результатом которого явилось свержение Муссолини 25 июля 1943 г. Новое правительство во главе с маршалом П.Бадольо вело закулисные переговоры с западными союзниками о заключении соглашения о перемирии, но

и не порывало связей с Германией. Такое неопределенное состояние продолжалось до 3 сентября 1943 г., когда представитель итальянского правительства генерал Дж.Гастеллано и генерал Д.Эйзенхауэр подписали, наконец, соглашение о выходе Италии из войны. В сложившейся ситуации Гитлер принял решение об оккупации Италии.

Оккупировав Северную Италию, Гитлер счел целесообразным здесь, как и в ряде других стран, создать марионеточное правительство. Но Муссолини был арестован правительством Бадольо, и его местонахождение немцам было пока неизвестно. Поэтому начались поиски других подходящих кандидатур. Соответствующие переговоры начались со старшим сыном Муссолини Витторио, бывшим министром культуры А.Паволини, бывшим министром корпораций Р.Риччи, членом Большого фашистского совета Р.Фариначчи и журналистом Д.Прециози, которых удалось вывезти в Германию сразу же после июльского переворота. Во время беседы с Гитлером в его ставке в Растенбурге они дали согласие на образование нового итальянского правительства. В специальном меморандуме на имя Гиммлера 10 сентября Риччи писал, что создаваемое правительство должно обязательно находиться на территории Италии и сформировать вооруженные силы, а Германия должна обеспечить их оружием и гарантировать «территориальную целостность и суверенитет Италии».

Одновременно немецкая агентура в Италии предпринимала энергичные поиски бывшего «дуче». Уже на второй день после свержения фашизма в Италии Гитлер отдал приказ подготовить и осуществить операцию по освобождению Муссолини. В конце июля удалось напасть на его след. Наконец немецкая агентура узнала, что дуче находится в гостинице «Кампо императоре» на оз. Гран Сассо у г. Абруццо. 11 сентября было принято решение на следующий день путем выброски десанта освободить Муссолини. Это задание было выполнено, и дуче 14 сентября прибыл в ставку Гитлера.

На следующий день он в качестве «руководителя фашистского движения» подписал ряд декретов, извещавших о возрождении фашистского режима в Италии. Затем в выступлении по мюнхенскому радио Муссолини объявил о сформировании «республиканско-фашистского правительства», которое будет продолжать войну на стороне Германии.

Через несколько дней, 23 сентября Муссолини со своим правительством вернулся в Италию в г. Ла Рокка, а с ноября обосновался в г. Салона около оз. Лаго-ди-Гарда. Так было положено начало «Республике Сало», существовавшей на протяжении более полутора лет. Сам Муссолини стал главой правительства и министром иностранных дел. Министром обороны и начальником генерального штаба был назначен давнишний соперник Бадольо маршал Р.Грациани. Марионеточный характер «Республики Сало» был так очевиден, что даже франкистская Испания и Ватикан отказались поддерживать с ней какие-либо связи. В г. Сало находились диплома-

тические представители лишь нескольких сателлитов гитлеровской Германии.

Разумеется, никаких выборов в законодательный орган в «Республике Сало» проведено не было. Фашистская партия, которая по распоряжению Муссолини стала называться Фашистско-республиканской партией, пыталась активизировать свою деятельность. По инициативе «временного» секретаря партии А.Паволини 14 ноября 1943 г. в Вероне состоялся ее съезд.

Как германское командование в Италии, так и Муссолини уделяли большое внимание восстановлению новых вооруженных сил, с тем чтобы использовать их для борьбы против развертывавшегося в стране партизанского движения и на фронте против союзных войск. Было объявлено о роспуске старой итальянской королевской армии, и Грациани разработал план формирования 25 дивизий новой «республиканской» армии. К концу войны Муссолини удалось создать армию численностью в 210 тыс. человек. Базой для ее формирования явились солдаты и офицеры разоруженных немцами итальянских дивизий, а также мобилизованные военнообязанные[8].

Для продолжения военных действий против англо-американских войск Гитлер еще до создания правительства Муссолини принял решение официально оккупировать территорию Северной и Центральной Италии с установлением на ней оккупационного режима и соответствующей администрации.

Основной вооруженной силой, осуществлявшей оккупацию Италии, были войска двух немецко-фашистских групп армий: «Б» — под командованием фельдмаршала Э.Роммеля, дислоцированной в Северной Италии, и «Юг» («Юго-Запад») — под командованием фельдмаршала А.Кессельринга, находившейся в непосредственном боевом соприкосновении с англо-американскими войсками в Центральной Италии.

Что же касается германских оккупационных властей, то в Италии, как и в большинстве других оккупированных стран, они состояли из трех друг от друга независимых (и нередко соперничавших) органов: 1) Уполномоченный генерал, выполнявший функции начальника военной администрации в тыловой зоне Италии. Им был назначен переведенный сюда из протектората генерал Туссинэ. 2) Для создания видимости, что генерал Туссинэ якобы не имеет оккупационных функций, Муссолини попросил Гитлера именовать его должность несколько по-иному. Поэтому директивой от 10 октября 1943 г. он именовался как «уполномоченный генерал вермахта при итальянском фашистском правительстве» и отвечал за обеспечение политических интересов Германии в Италии. Эту задачу выполнял и посол Р.Ран. 3) Командующий всеми полицейскими силами и СС, отвечавший за безопасность и «спокойствие» тылового района. Им был назначен начальник личного штаба Гиммлера обергруппенфюрер СС и генерал полиции К.Вольф. Одновременно он являлся советником Муссолини по этим вопросам.

Территория оккупированной Италии, на которой к апрелю 1944 г. проживало 32 млн человек, была разделена на несколько зон. Зона Адриатического побережья, созданная 15 октября 1943 г., охватывала восточные провинции самой Италии и оккупированную зону югославской Словении. Она фактически аннексировалась немцами, ибо гражданская власть в ней в соответствии с указанием ОКХ от 15 сентября 1943 г. передавалась верховному комиссару гаулейтеру Каринтии Ф.Рейнеру. Командующим дислоцированными здесь войсками был генерал Кюблер, который отвечал и за оборону этой зоны. Предальпийская оперативная зона, созданная 19 сентября 1943 г., включала в себя итальянские провинции Адиджо, Тренто и Больцано, гражданские власти которых подчинялись верховному комиссару тирольскому гаулейтеру Ф.Гоферу, что также означало ее фактическую аннексию. Командующим войсками здесь был назначен генерал Г.Витингоф. Прифронтовая зона, включавшая побережья омывающих Северную Италию морей. И наконец, непосредственная зона боевых действий, не подчинявшаяся военной администрации.

Введение немецкой гражданской администрации в Южном Тироле и на Адриатическом побережье вызвало недовольство итальянского народа и усилило его опасение за целостность территории Италии. Об этом с тревогой говорил и сам Муссолини на встрече с Гитлером 22 апреля 1944 г.[9]

Венгрия

Так же не по-союзнически поступила гитлеровская Германия, но несколько позднее и с другим своим сателлитом — хортистской Венгрией.

Венгрия всегда привлекала пристальное внимание германского империализма. Объясняется этот интерес рядом причин. Она богата ценным стратегическим сырьем, имела крупные заводы с высококвалифицированным рабочим классом и была важным поставщиком сельскохозяйственной продукции. Расположенная в центре Европы и являясь как бы перекрестком важнейших коммуникаций, Венгрия интересовала Гитлера и со стратегической точки зрения. Без участия или хотя бы без согласия Будапешта германское верховное командование не могло планировать, а тем более осуществить ни одного агрессивного акта в Юго-Восточной Европе. Германский империализм строил свои расчеты на поддержку хортистов еще и потому, что среди правящих кругов Венгрии были сильны реваншистские настроения, которые выражались в стремлении вернуть все территории, потерянные вследствие Первой мировой войны. Наконец, особое место среди других стран фашистского блока Венгрия занимала в идеологическом отношении. Именно здесь в 1919 г., т.е. за несколько лет до «похода на Рим» и задолго

до факельных шествий и гитлеровских сборищ в Нюрнберге и Мюнхене, впервые в Европе утвердился фашистский режим Хорти.

Подавив Венгерскую Советскую Республику, хортисты установили в стране свою диктатуру, представлявшую собой венгерскую разновидность фашизма и имевшую свои особенности, которые отличали ее от итальянского фашизма и германского национал-социализма (конституционный парламентаризм, многопартийность, своеобразная классово-экономическая база и др.).

В 30-е годы деятельность различных венгерских национал-социалистических групп и организаций активизировалась. Наиболее влиятельной среди них была нилашистская партия (партия «Скрещенные стрелы»), возглавляемая майором в отставке Ф.Салаши. Нилашизм, как и хортизм, по своему классовому характеру представлял диктатуру финансовой олигархии и земельной аристократии Венгрии. Однако, как и следовало ожидать, между различными фашистскими течениями не было ни идейного, ни организационного единства. Более того, между ними, в том числе и между хортистами и нилашистами, шла острая борьба за диктаторскую власть в стране.

Правящие круги хортистской Венгрии, вооруженные идеей «восстановления империи св. Иштвана», подстрекаемые из Берлина, ринулись на захваты чужих земель. Они изъявили готовность принять участие в марте 1938 г. в ликвидации Австрийской Республики, рассчитывая приобрести ее область Бургенланд, где жило венгерское национальное меньшинство. Однако Гитлер, осуществив аншлюс, уже в меньшей мере нуждался в поддержке Будапешта.

В ноябре 1937 года, т.е. задолго до Мюнхена, венгерское правительство было информировано о том, что Гитлер скоро собирается покончить с независимостью Чехословакии, и оно решило урвать себе кусок ее территории.

Подпадая все больше под влияние Гитлера, венгерские правители присоединились к антикоминтерновскому пакту. Советский Союз неоднократно предупреждал Венгрию о роковых последствиях ее действий. Наконец он вынужден был, не порывая дипломатических отношений, закрыть свое полпредство в Будапеште и потребовать отзыва венгерской миссии из Москвы, о чем было сообщено ТАСС 2 февраля 1939 г.

Следует особо подчеркнуть, что за влияние на Венгрию шла энергичная закулисная борьба между Италией и Германией, причем в Будапеште были больше заинтересованы в союзе с Римом. Правящие круги Венгрии опасались, что Гитлер раздавит Венгрию, когда он сочтет это нужным, и совершенно не будет считаться с ее интересами.

В ноябре 1939 г. внешнеполитический отдел НСДАП составил справку о политике Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе, в которой было особо подчеркнуто, что в Венгрии весьма сильны антигерманские настроения, имеющие «глубокие исторические корни». Венгрия, отмечалось в справке, делает ставку на Ита-

лию и Ватикан. «Она является любимицей Ватикана и дуче и служит им в их борьбе против Германии». Вся история Венгрии свидетельствует о том, что она никогда не была в дружбе с Германией. «Венгрию можно тогда превратить в безопасного соседа, когда применить к ней силу или внутренним разложением, в частности, путем использования движения "Скрещенные стрелы"».

Несмотря на известное недоверие, которое испытывали в Берлине к хортистской Венгрии, тем не менее в первые годы войны до открытой оккупации ее территории дело не дошло. В такой акции не было необходимости, ибо правящие круги Венгрии и лично Хорти добровольно предоставили все материальные и людские ресурсы своей страны в распоряжение Германии.

В ноябре 1940 г. Хорти окончательно привязал Венгрию к германской колеснице тем, что официально присоединил ее к пакту трех держав. Были также удовлетворены требования Гитлера в области внутренней политики: не препятствовалась деятельность открыто фашистской организации «Скрещенные стрелы», и из тюрьмы освобожден ее главарь Ф.Салаши, новые привилегии получило немецкое нацменьшинство, был подготовлен третий антисемитский закон и т.д. Вскоре был положительно решен вопрос об участии Венгрии в войне против Югославии.

Став полуколонией Германии и военным плацдармом германского империализма, хортистская Венгрия логикой событий должна была сделать и сделала еще один и теперь уже роковой для нее шаг: она приняла участие в антисоветской войне.

Перед вступлением на советскую территорию в конце июня 1941 г. венгерским солдатам говорили, что они едут в Россию не воевать, а нести гарнизонную службу. Для участия в «Восточном походе» был выделен армейский корпус численностью в 50—60 тыс. человек, который прошел боевой путь от Карпат до Запорожья. Позднее корпус использовался в борьбе против партизан. Весной 1942 г. Венгрия выставила уже 13 дивизий, входивших во 2-ю армию с общей численностью свыше 300 тыс. человек. Эта армия занимала оборону в районе Воронежа на участке 150 км. В январе 1943 г. она была разгромлена на Дону южнее Воронежа. Новые венгерские войска появились перед Красной Армией лишь в октябре 1944 г. уже на территории самой Венгрии.

Разбойничий акт венгерского правительства против советского народа характерен, по крайней мере, двумя особенностями: во-первых, он был совершен без каких-либо территориальных или других претензий к Советскому Союзу, а только, как позже заявил Хорти, из «идеологических расхождений с коммунизмом» и, во-вторых, без серьезного давления со стороны Германии, а по инициативе хортистской верхушки и скрытно от венгерской общественности. Хорти оставался глух к трезвым аргументам некоторых венгерских общественных деятелей, которые предупреждали, что, вступая в союз с немцами, «мы привязываем себя к трупу, вместе с которым и сгинем».

Через несколько месяцев, 6 декабря 1941 г. Англия, которая еще 6 апреля разорвала с Венгрией дипломатические отношения, объявила ей войну. 13 декабря США также разорвали с Венгрией отношения и 6 июня 1942 г. объявили ей войну.

Победа советских войск под Сталинградом и катастрофический разгром 2-й венгерской армии на Дону в январе 1943 г. вызвали замешательство в Будапеште. Оно усилилось летом 1943 г. в связи с выходом из войны Италии. Хортисты стали искать выхода из создавшейся ситуации в попытках заключить сепаратный мир только с США и Англией, игнорируя Советский Союз. Слухи об этих маневрах, разумеется, доходили и до Берлина. Если прежде в Берлине давали понять венгерским деятелям, что они могут рассчитывать на поддержку в своих территориальных требованиях, то уже во время встречи с Тисо в замке Клессгейм 22 апреля 1943 г. Гитлер решительно заверил словацкого «президента», что усилия Венгрии восстановить свои старые границы бесполезны и что существования новой «империи св. Иштвана» он не допустит. Во второй половине 1943 г. Гитлер все чаще высказывался за то, чтобы осуществить прямую оккупацию Венгрии. Эти планы стали известны венгерскому генштабу уже в сентябре 1943 г.

В начале 1944 г. Гитлер отдал приказ о политической и военной подготовке этой акции. План военной оккупации Венгрии, получивший условное название «Маргарита I», должны были осуществить войска под командованием фельдмаршала М.Вейхса. Политическая часть плана была детально разработана ведомством Гиммлера в специальном меморандуме, представленном Гитлеру. В первой части этого документа предлагалось сместить правительство М.Каллаи и заменить его правительством, приемлемым для Германии. В подобном случае можно было бы и не прибегать к военной оккупации. Во второй части выражалось мнение, что самым приемлемым вариантом было бы согласие регента на вступление германских войск в Венгрию и на смену нынешнего правительства. Что же касается судьбы самого Хорти, то меморандум особо подчеркивал прямую выгоду для Германии от того, что он останется на посту регента. В случае неблагоприятного развития событий меморандум не отвергал возможности даже прямого включения Венгрии в состав германского рейха[10].

Уже в феврале 1944 г. в Будапеште правительство активно обсуждало вопрос о подготовке к намеченным на 20 марта торжествам, посвященным памяти национального героя Венгрии Л.Кошута. Хотя хортисты и не предполагали превратить эти торжества в какой-то антигерманский политический акт, однако Гитлер не мог не понимать, что они станут таковыми, независимо от желания Хорти и его окружения. Поэтому в Берлине была спланирована операция именно на эти дни.

Политика правительства Каллаи до марта 1944 г. имела двойственный характер. В сентябре 1943 г. социал-демократическая партия и партия мелких сельских хозяев подали премьеру меморандум, в котором изложили причины кризиса в стране и пути выхода из него. В целом документ имел антинемецкий характер. Каллаи ознакомил с ним правительство на закрытом заседании. Через свою агентуру в правительстве немцы узнали о нем и приняли ряд решительных мер.

В марте 1944 г. Хорти был вызван к Гитлеру в Зальцбург в сопровождении 6 человек. Как только группа Хорти покинула страну, в Венгрию в 20 местах вступили немецкие войска. В разговоре с Хорти Гитлер выдвинул следующие требования: разрешить еврейский вопрос, отправить в отставку правительство Каллаи, ликвидировать коммунистическую и социал-демократическую партии. Гитлер пригрозил, что в случае невыполнения этих основных требований в Венгрию вступят немецкие, словацкие, югославские и румынские войска и таким образом Венгрия исчезнет с карты Европы. Гитлер проигнорировал протест Хорти и потребовал у Венгрии платить на содержание немецких войск 180—200 млн пенго в месяц. По требованию Гитлера было сформировано фашистское правительство Д.Стояи. Были закрыты все газеты. Начались аресты, но самому Каллаи удалось скрыться. Было конфисковано имущество 700 тыс. евреев. Это имущество евреев направлялось эшелонами в Германию с надписью «Подарок от венгров пострадавшим от бомбежек немецким товарищам».

Характерно, что германские власти не настаивали на включении в состав нового правительства представителей от своей давнишней агентуры — фашистской нилашистской партии «Скрещенные стрелы» во главе с Салаши, которая не имела серьезного влияния в стране.

В опубликованном 2 апреля 1944 г. заявлении нового правительства было сказано, что «немецкие войска принимают участие в защите страны на основе договоренности, обусловленной общностью судеб Венгрии и великого германского рейха». Одновременно с оккупацией Гитлер назначил вместо прежнего посла Ягова бригадефюрера СС Э.Везенмейера послом и германским уполномоченным в Венгрии с задачей использовать весь потенциал страны для продолжения войны на стороне Германии.

В результате последующих поражений гитлеровских войск на восточном фронте и во Франции, где союзники 6 июня 1944 г. открыли второй фронт, политический кризис в Венгрии нарастал.

Оккупационный режим, установленный гитлеровцами в Венгрии, имел свои особенности. Войска вермахта вступили лишь в наиболее крупные политические, стратегические и экономические центры Венгрии. Большая же часть венгерского населения тогда так и не увидела немецких оккупантов и почти не заметила «смены караула». Оккупационные органы, как правило, непосредственно на местах не вмешивались во внутренние дела страны. Они предпочитали действовать преимущественно в столице через послушные им центральные органы власти. Так, по предложению немцев правительство Стояи распустило все левые оппозиционные партии.

Венгрия была наводнена многочисленными немецкими отрядами полиции и органами безопасности. Для наведения порядка в Венгрию прибыло несколько тысяч эсэсовцев, до 600 агентов СД и большое число полицейских и представителей оперативных групп. Вместе с венгерской полицией они произвели аресты депутатов парламента от левых партий, многих редакторов газет, писателей и ученых, а также нескольких министров правительства М.Каллаи.

Стояи дал согласие на то, чтобы все арестованные были переданы в руки гестапо для их последующей отправки в концлагеря. Лишь в Маутхаузен с 19 марта по 5 апреля 1944 г. из Венгрии было отправлено более 1500 политических заключенных.

Чтобы эффективнее контролировать радио и прессу, Везенмейер потребовал назначить особого правительственного комиссара, что и было выполнено Стояи 2 апреля. В тот же день Везенмейер с удовлетворением доносил в Берлин, что «реорганизация венгерской печати, цензуры, радио и т.д. осуществлена в наших интересах». В полном распоряжении оккупантов оказалась и венгерская армия. Вопреки предполагавшемуся ее разоружению и интернированию по итальяноскому образцу Везенмейер настоял перед Гитлером на том, чтобы армию сохранить и активно использовать на фронте. Для контроля за ней при генштабе была создана группа из германских офицеров.

Центральные административные органы гитлеровские власти и правительство Стояи не подвергли коренной реорганизации и персональным перемещениям. Зато были существенно обновлены местные органы власти. 29 апреля Везенмейер доносил Риббентропу, что им достигнута первая победа: по его настоянию было отстранено 19 губернаторов провинций, которые назначались и смещались только главой государства. В начале мая эта кампания еще больше усилилась, и к 10 мая из 41 сельского и 21 городского комитетов был устранен 41 начальник, из которых 38 заменены новыми[11]. Была проведена чистка и в дипломатическом корпусе Венгрии, который, как считали в Берлине, являлся главным проводником идеи о сепаратном мире с западными державами. В частности, были смещены со своих постов с конфискацией имущества венгерские послы в нескольких нейтральных странах. Все дипломаты, отказавшиеся признать правительство Стояи, были лишены венгерского гражданства.

В конце марта 1944 г. Везенмейер получил из Берлина указание, чтобы применительно к немецко-венгерским отношениям не употреблять выражение «братство по оружию» до тех пор, пока Венгрия «не смоет пятно предательства Каллаи». Во второй половине апреля 1944 г. ОКВ распорядилось с 25 апреля территорию Венгрии изъять из подчинения командования Юго-Востока и передать уполномоченному генералу вермахта в Венгрии генералу фон Грейфенбергу, в распоряжении которого находились в основном войска СС численностью 40 тыс. человек.

После того, как 23 августа в результате победы Красной Армии в Ясско-Кишиневской операции с Германией порвала Румыния, Хорти сместил Стояи и премьер-министром назначил генерала Г.Лакатоша, который, как надеялся регент, будет устраивать как немцев, так и англо-американцев. В сентябре 1944 г. Венгрия оставалась единственной союзницей Германии в Европе.

Хортистский режим доживал последние дни. Демократические силы Венгрии и прежде всего коммунисты выступили за немедленный разрыв с гитлеровской Германией во имя спасения нации. В Берлине с тревогой следили за событиями в Венгрии. 15 октября 1944 г. случилось то, чего Гитлер особенно опасался: в этот воскресный день по радио была зачитана речь Хорти. Обращаясь к нации, он сказал, что принял решение «заключить предварительное соглашение о перемирии с нашими противниками и прекратить с нашей стороны всякие военные действия против них». Это заявление венгерского регента характеризуется тремя особенностями: во-первых, Хорти обвинил Германию не в развязывании преступной войны, в которую была втянута и Венгрия, а лишь в том, что немцы не обеспечили венгерскую армию «надлежащей военной помощью»[12]. Это означало, что если бы такая помощь была предоставлена, то Хорти посылал бы на фронт все новое и новое пушечное мясо. Во-вторых, регент заявил, что он предварительно поставил в известность немецкого посла о своем намерении выйти из войны. Разумеется, в Берлине с благодарностью воспользовались этим предупреждением и приняли меры, которые свели на нет все попытки хортистов заключить перемирие. И в-третьих, обращение Хорти по своему духу не было приказом армии повернуть оружие против немецко-фашистских войск, а лишь предложение немцам беспрепятственно покинуть страну. Тогда же сын Хорти поехал в Пешт на переговоры с представителями Тито, но немцы опередили и арестовали его. Тогда же немецкий посол Вейзенмейер попросил Хорти принять его, но тот отказался, выступил по радио с призывом к войскам сложить оружие перед противником.

Германские войска и гестапо при помощи боевых отрядов венгерской фашистской парти нилашистов «Скрещенные стрелы» 16 октября 1944 г. совершили путч. Они заняли здания всех важнейших государственных учреждений: почту, вокзалы, радиостанцию. В Будапешт с войсками СС прибыли оберштурмбанфюрер СС О.Скорцени и генерал войск СС Э.Бах-Зелевский. Гитлеровцы заняли дворец регента и арестовали ряд видных хортистских деятелей. Хорти отказался от поста главы государства в пользу руководителя нилашистов Ф.Салаши, провозглашенного «вождем нации». В эти дни отдельные подразделения венгерских войск перешли на сторону Красной Армии, однако основная часть продолжала сражаться на стороне вермахта.

Если в период с 19 марта по 15 октября 1944 г. немецко-фашистская оккупация Венгрии была еще весьма сносной и прикрывалась фиговым листком личности самого Хорти, то с 15 октября

власть германских военных органов в Венгрии стала безраздельной.

В начале ноября правительство Салаши объявило мобилизацию всех сил и средств страны на продолжение войны и обязательную воинскую повинность для мужчин в возрасте от 17 до 41 года. Все остальные, начиная с 14-летнего возраста, подлежали мобилизации на трудовую повинность. По распоряжению немецких властей в Германию были вывезены все политические узники, остававшиеся в венгерских тюрьмах, демонтировались и вывозились в Германию все крупные предприятия, склады, транспортные средства[13].

В феврале 1945 г. правительству Салаши удалось послать на восточный фронт 12 дивизий и несколько отдельных бригад и батальонов. В декабре 1944 г. на территории Венгрии, освобожденной советскими войсками, было сформировано демократическое Временное национальное правительство Венгрии, которое объявило войну Германии 23 декабря 1944 г.

Румыния

Сложная внутриполитическая обстановка существовала в этой стране еще со времен Первой мировой войны и продолжала обостряться в 20—40-е годы.

К концу Первой мировой войны почти вся территория Румынии была оккупирована австро-немецкими дивизиями. В мае 1918 г. в Бухаресте германофильское правительство А.Маргиломана подписало с Германией сепаратный мир. Страна оказалась в тяжелом положении. В Румынии был введен строгий оккупационный режим и создана германская военная администрация. Главной ее обязанностью, как указывалось в одном из приказов германского верховного командования, являлась «возможно более интенсивная эксплуатация этой территории на пользу метрополии».

По требованию немцев Добруджа временно передавалась в совместное владение австро-германского блока держав. Ее дальнейшая судьба должна была решиться после окончания войны. К Австро-Венгрии переходила часть румынской территории у Южных Карпат. Пользуясь слабостью Советской России, румынские империалисты в марте 1918 года воровским образом захватили Бессарабию, где к моменту отторжения проживало более 2,5 млн человек. Около половины из них составляли молдаване, до 30% — украинцы и русские, остальные — евреи, болгары и немецкие колонисты.

В последующем численность нерумынских национальностей, насильственно присоединенных румынскими правителями, все больше увеличивалась. В конце 1918 г., когда Германия стояла накануне разгрома, Румыния переметнула снова на сторону Антанты, и румынская армия поспешила оккупировать принадлежавшие Австро-Венгрии области — Трансильванию и Буковину.

В австрийской Буковине до Первой мировой войны проживало около 800 тыс. человек. Украинцы составляли более 40%, или 330 тыс. человек; румыны, жившие на юге области, насчитывали 253 тыс. (около 32%); немцев было до 176 тыс., или 22%, но среди них больше половины составляли евреи, которые считали себя немцами. Так, в результате захватов 1918 г. и начала 1919 г. к Румынии было присоединено значительное количество украинцев.

Важное экономическое значение для Румынии имели присоединение к ней Трансильвании или Семиградья (румыны называют эту область Ардял). В Трансильвании проживало несколько национальностей. Наиболее крупной были румыны (около 3 млн человек). Они имели свою буржуазную националистическую партию во главе с И.Маниу. После распада Австро-Венгрии эта партия провозгласила присоединение Трансильвании к Румынии, и вскоре было создано Трансильванское областное правительство. В Трансильвании жило также около 1,5 млн венгров, в их числе более 500 тыс. секуйев или секлеров. Венгерская народность секуйи компактно живет в северо-восточной части области. Секуйи занимаются скотоводством и земледелием. Язык секуйев представляет диалект венгерского. Существуют некоторые особенности в быту. От основной венгерской массы они изолированы румынскими поселениями. Время появления секуйев на территории Трансильвании точно не известно. Одни исследователи предполагают, что это остатки последних венгерских племен на пути их движения на территории нынешней Венгрии, которые задерживались и остались в Карпатских горах. Другие считают, что секуйи являются венгерскими колонистами, прибывшими из Венгрии в средние века. Кроме Трансильвании венгры компактными массами живут в Банате, Кришане и Марамуреше.

Значительную часть населения Трансильвании (до 750 тыс.) составляли немцы, или, как их здесь не совсем точно называют, «трансильванские саксы». Немцы в Карпатах впервые появились в середине XII в. Для защиты своих южных границ венгерские короли приглашали немецких безземельных крестьян из районов Рейна и Мозеля. В Трансильвании их наделяли лучшей землей. Они пользовались различными привилегиями, в том числе правом беспрепятственно носить оружие. В период Реформации трансильванские саксы приняли лютеранское вероисповедание. Компактной массой немцы живут у г. Сибиу, т.е. западнее секуйев. Как в Трансильвании, так и в Банате среди сельского населения немцы составляли богатую прослойку. Многие работали также в промышленности и в области культуры.

Чтобы выслуживаться перед союзниками и урвать у побежденных стран большие куски территории, румынские правители приняли активное участие в подавлении советской власти в Венгрии. Румынские войска в августе 1919 г. заняли Будапешт. Это дало право румынскому правительству на Парижской мирной конференции потребовать от Антанты передачу Румынии кроме Трансильва-

нии и Буковины также южной части Марамуреша, всего Баната и части Кришаны. Антанта удовлетворила не все требования Румынии. Банат, несмотря на то, что он составляет экономически одно целое, был разделен между Румынией и Югославией, а Кришана — между Румынией и Венгрией.

По мирному договору в Нейи от ноября 1919 года Болгария вынуждена была передать Румынии Южную Добруджу. Из всех присоединенных провинций только Банат и Трансильвания имели развитую промышленность. Обе эти области давали тогда около $^{2}/_{5}$ стоимости промышленной продукции, и в них было сосредоточено более половины рабочих, занятых в крупной промышленности страны. Остальные являлись сельскохозяйственными районами. Наиболее пестрым в национальном отношении является Банат. Здесь живет 7 национальностей, и ни одна из них не имеет значительного численного перевеса по отношению к другим. Сравнительно более многочисленны немцы (швабы), венгры, румыны и сербы.

Так, в результате насильственных присоединений многих национальностей после Первой мировой войны Румыния превратилась из в основном однонационального в многонациональное государство. До войны (1912 г.) площадь Румынии составляла 134 тыс. кв. км с населением в 7235 тыс. человек. Основными национальными меньшинствами в стране были евреи, цыгане и болгары. После войны территория Румынии более чем удвоилась. Численность населения возросла до 16897 тыс. человек (1922 г.). Нерумынские национальности, даже по официальным данным, составляли около 30% населения страны. Фактически же их было не менее 42% (1930 г.), ибо румынская официальная статистика бессарабских молдован и буковинских украинцев считала румынами, а некоторые мелкие национальные меньшинства одним росчерком пера вообще не считались существующими.

Национальные меньшинства в Румынии были лишены каких-либо политических прав. По Парижскому договору об охране прав национальных меньшинств, подписанному странами Антанты и Румынией в декабре 1919 г., трансильванские саксы и венгры должны были получить право пользоваться родным языком в школе и в церкви (ст. 11).

Осуществление этого права ставилось под международную гарантию. Но румынская Конституция, принятая в марте 1923 г., совершенно ничего не упоминала о правах национальных меньшинств. Введенная в 1926 г. система «всеобщего» избирательного права положения не изменила. Под предлогом всевозможных цензов значительная часть населения нерумынской национальности, так же, как и румынских трудящихся, была лишена избирательных прав.

К 1930 г. национальными меньшинствами Румынии в Лигу Наций было подано 48 петиций, в которых указывалось на различные притеснения, чинимые румынским правительством. В одном только 1925 г. венгерскими жителями Трансильвании и Баната

было подано 7 петиций с жалобами на неправильное отчуждение их земельных участков. Несколько петиций было представлено по поводу закрытия румынскими властями ряда венгерских школ с конфискацией их имущества. Как водилось обычно в практике деятельности Лиги Наций, все эти и им подобные петиции были похоронены в ее канцеляриях.

Реакционные руководители националистических организаций, особенно немецких, возлагали надежды на Кароля, объявившего себя королем в 1930 г. при их активной поддержке. Они требовали урегулирования вопроса о земельной собственности немецких так называемых «владельцев двойных участков». В 1919 г. при разделе Баната между Югославией и Румынией часть земельных участков немецких крестьян оказалась на югославской территории и была отчуждена без возмещения. Однако новое румынское правительство ответило, что этот вопрос не является актуальным.

Со специальным меморандумом в Лигу Наций обратилось венгерское национальное меньшинство. В меморандуме содержалась жалоба на отчуждение у 25 тыс. венгров-секуйев общинной собственности стоимостью 105 млн золотых крон, потому что она якобы принадлежит государству. В результате этого отчуждения около 100 тыс. человек оказалось без земли.

Усилился террор против молдавского и украинского населения Бессарабии. Все украинские организации в Бессарабии были запрещены. Румынские власти систематически устраивали массовые обыски. Жандармы отбирали у крестьян даже библии, написанные на древнецерковном языке. Богарские крестьяне в Добрудже по-прежнему сгонялись с земель, а на их места прибывали все новые румынские колонисты. Румынское правительство при поддержке всех буржуазных партий вело политику разжигания национальной вражды, сеяло недоверие между трудящимися различных национальностей.

Для борьбы против рабочего движения в Румынии были созданы фашистские организации, которые поддерживали связь с гитлеровской Германией. Вожак фашистской банды «железногвардейцев» К.Кодряну открыто похвалялся, что после прихода его к власти он свяжет судьбу Румынии с судьбой фашистской Германии.

Буржуазные партии национал-либералов и национал-царанистов активно поддерживали короля Кароля II в установлении им диктатуры и в дальнейшем наступлении на права трудящихся. Они не возражали против упразднения Конституции 1923 г. и введения новой Конституции, принятой в марте 1938 г., которая законодательно оформляла фашистские порядки в Румынии.

Активную поддержку правительству в фашизации страны оказывало католическое духовенство. Епископ Августин Паха еще в феврале 1934 г. ездил к Гитлеру, чтобы выразить ему благодарность за введение «нового порядка» в Германии и установить с ним личный контакт. Паха требовал от католических священников под-

держивать нацистских агентов, проводивших фашистскую пропаганду среди немецкого населения Баната.

С молчаливого согласия Великобритании, США и Франции, имевших в румынской экономике значительные капиталовложения, страна быстро подпадала под влияние гитлеровской Германии в качестве ее аграрного придатка. Румыния не имела возможности у себя производить машины — 99% всех ее машин были импортными. По переписи 1930 г. около 80% населения страны было занято в сельском хозяйстве и только 7% — в промышленности. Главное богатство Румынии — нефть — почти полностью находилось в руках иностранных хозяев. В марте 1939 г. под давлением Германии было заключено германо-румынское экономическое соглашение. В декабре 1940 г., когда в Румынии уже находились немецкие войска, это соглашение было дополнено новым кабальным для Румынии договором, по которому вся экономика страны переходила под германский контроль.

В феврале 1938 г. в стране произошел фашистский переворот короля Кароля II, отменившего Конституцию 1923 г. и распустившего «до особого распоряжения» парламент. Затем было объявлено об отречении короля от престола в сентябре 1940 г. и его отъезде за границу. Потом состоялись торжества, посвященные провозглашению «королем всех румын» юного Михая, хотя всем было ясно, что он лишь царствовал, а фактически с 4 сентября 1940 г. страной правил «кондукэтор» (вождь) Румынии генерал Ион Антонеску. В ноябре 1940 г. в помпезной обстановке в Берлине Антонеску поставил свою подпись под зловещим Тройственным пактом.

Румынский обыватель не придал вначале особого значения тому, что тогда на территории своей страны он все чаще встречал солдат и офицеров в униформе мышиного цвета: официальная пропаганда ему твердила, что это германские «инструкторские» части, прибывшие для охраны нефтепромыслов от бомбардировок и от возможной высадки английских десантов в Румынии.

И.Антонеску активно поддержали фашистская легионерская организация «Железная гвардия» и Гитлер, который в октябре 1940 г. ввел в Румынию свои войска и присоединил страну к Берлинскому пакту.

После подавления легионерского выступления Антонеску собрал 28 ноября 1940 г. командиров дивизий и сообщил, что это он сверг «тиранический режим». Он призвал ориентироваться на Германию, как на решающую силу в Европе. «Если бы у нас раньше существовал другой режим, — заявил Антонеску, — Германия не поддержала бы Венгрию в ее территориальных притязаниях. Мы потеряли наши границы из-за ошибочной внутренней политики Румынии». Но далее Антонеску признал, что он потом пригласил легионеров для участия в управлении страной и ввел смертную казнь за попытки государственного переворота. Немецкая военная миссия сразу же предложила свои услуги, чтобы прислать в Румынию войска.

К 1940 г. резко усилились венгеро-румынские противоречия по вопросу о Трансильвании. Правители хортистской Венгрии выдвинули лозунг восстановления границ «короны св. Стефана», которые охватывали многие народности, в том числе и трансильванских румын. Гитлер использовал эти противоречия, чтобы держать в послушании правительства обоих своих вассалов.

По Венскому арбитражу 30 августа 1940 г. Румыния вынуждена была согласиться на передачу Венгрии северной части Трансильвании площадью в 43,6 тыс. кв. км и с населением в 2,6 млн человек. Венгрия получала также г. Клуж, которые румыны с гордостью называли колыбелью своей национальной культуры. Раздел Трансильвании на две части, разумеется, не мог решить национального вопроса и ослабить разногласия, т.к. к Венгрии отходило около 1,5 млн румын, а в румынской части Трансильвании оставалось еще значительное количество венгров. В обеих частях Трансильвании продолжались столкновения между националистическими элементами. Несколько месяцев спустя после раздела бухарестское радио сообщало: «После перехода Трансильвании к Венгрии началась резня. В одной местности венгры убили 20 румынских граждан. Одного они привязали к столбу и закололи штыками. В другой местности были расстреляны 155 румынских мужчин, женщин и детей, в том числе даже младенец в колыбели, одного румына заживо сожгли, предварительно переломав ему руки...» В дер. Ип (область Бихор) венгерскими бандитами было убито 150 румынских крестьян. Все эти зверства венгерских националистов вызывали возмущение у румынских трудящихся.

В том же 1940 г. по требованию советского правительства Румыния возвратила Советскому Союзу незаконно отторгнутую ею Бессарабию и удовлетворила требование населения Северной Буковины о воссоединении с Советской Украиной. При поддержке Советского Союза в сентябре 1940 г., по соглашению в г. Крайове между Болгарией и Румынией, Болгария вернула себе Южную Добруджу площадью в 7,7 тыс. кв. км и 310 тыс. жителей.

Таким образом к концу 1940 г. «великая Румыния» потеряла огромную территорию, компенсировать которую Гитлер обещал румынским правителям за счет Советского Союза. Полностью себя дискредитировав, король Кароль II отрекся от престола в пользу своего сына Михая в сентябре 1940 г. Но фактически главой государства («кондукэтором») стал Ион Антонеску. Сразу же была ликвидирована даже такая реакционная конституция, как Конституция 1938 г., был разогнан ряд рабочих организаций, резко усилился национальный гнет. По закону, принятому в сентябре 1940 г., румынского гражданства лишались все евреи, проживавшие в стране с 1916 г. В Румынии воцарился открытый тоталитарный фашистский режим.

В 1940 г. на территории присоединенной к Советскому Союзу Бессарабии органы НКВД арестовали одного из лидеров румынской «Железной гвардии» Кодряну. Вскоре по предложению совет-

ского правительства он был обменен на члена ЦК компартии Румынии Анну Паукер, которая сидела в тюрьме на протяжении 7 лет.

В первые месяцы после освобождения активизировалась профашистская деятельность легионеров. При Антонеску легионеры создали специальную «группу смерти» для совершения террористических актов против румынских коммунистов, а с июня 1941 г. — и советских военнопленных.

Легионеры в своих письмах, направленных некоторым государственным деятелям, угрожали расправой за либеральное отношение к коммунистам. В анонимном письме, направленном королю, были выдвинуты следующие требования: «Ваше величество, довольно пустых фраз. Страна засорена гнилью. Если не будет сделана чистка государственного аппарата, мы перестреляем всех министров подряд. Требуем ареста всех лиц, обогащающихся за счет грабежа, и немедленной конфискации их имущества. Мы не хотим больше терпеть это бандитское правительство. Требуем нового правительства, которое установило бы порядок и справедливость. В противном случае мы переходим к действию, и тогда в стране начнется кровавая бойня».

Легионеры угрожали не только демократическим деятелям Румынии, но и активно помогали арестованным немецким преступникам бежать из лагерей, где они содержались.

Весной 1941 г. страну наводнили новые германские войска. Сперва они участвовали в операциях против Югославии и Греции, а затем снова вернулись в Румынию, но расположились уже поближе к границе с Советским Союзом. В народе ходили разные слухи, однако лишь в зданиях Совета министров и генерального штаба знали, что ожидает Румынию в ближайшие месяцы.

Лишь много лет спустя стало известно, о чем сговаривались в Бергхофе Гитлер, Риббентроп с румынским «кондукэтором», когда тот посетил их 14 января 1941 г. Награждая министра иностранных дел Германии румынским орденом, Антонеску говорил тогда, что Румыния готова сражаться на стороне Германии, и в случае войны против Советского Союза она «всеми силами примет участие в военных действиях».

На очередной аудиенции у Гитлера 11 июня 1941 г. Антонеску был ознакомлен с подробным планом нападения на Советский Союз и согласился поставить всю румынскую армию под германское командование. Так готовилось преступление, которое стоило румынскому народу моря крови, а стране принесло полную экономическую разруху и потерю национальной независимости.

Национальная трагедия румынского народа стояла у порога. Утром 22 июня 1941 г. король и Антонеску объявили «священную войну за освобождение Бессарабии и Северной Буковины».

Хотя формально Румыния была самостоятельной оккупирующей страной в Советской Молдавии и южных областях Украины, тем не менее подлинными хозяевами здесь были все же немцы. Руководитель немецкой военной миссии в Румынии направил 20 сен-

тября 1941 г. румынскому генштабу следующую информацию о функциях румынских охранных войск на территории между Бугом и Днестром.

«Предлагается следующая организация подчинения румынских охранных войск.

1. В тактическом отношении это использование осуществляется по приказу командования группы армий "Юг". Румынские охранные войска, находящиеся в районе между Бугом и Днепром, выполняют все указания этого командования, т.е. оно является хозяином данной территории.

2. Румынские охранные войска используются в основном по приказу штаба румынского корпуса и только в случае восстания или неожиданного нападения они подчиняются немецкому командованию.

3. Командование группы армий "Юг" укажет время вступления румынских войск на эту территорию. В первую очередь они вступают в южную часть этой территории, т.е. к югу от линии Первомайск — Бобринец — Казанка с городами Вознесенск — Николаев.

Майор генштаба Золлер».

Примечания

[1] Jakobsen H.-A. 1939—1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1961. S. 270.

[2] Скопин В.И. Милитаризм. Исторические очерки. М., 1957. С. 242.

[3] Brockdorff W. Kollaboration oder Widestand. Die zussamenarbeit mit den Deutschen in den besetlten Ländern während des zweiten Weltkrieges und deren schrekliche Folgen. Münschen, 1968. S. 28—29.

[4] Ibid. S. 30.

[5] Ibid. S. 31.

[6] Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokolfragmente seiner militärischen Konferenen... Stuttgart, 1962. S. 221—222.

[7] Goebells Tagebücher. Zürich, 1948. S. 325.

[8] Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО). Ф. 166. Оп. 11246. Д. 2. Л. 45—46.

[9] Collotti E. L'amministrazione tedesca dell'Italia occupata 1943—1945. Milano, 1963. P. 445.

[10] Door R. Wesen und Besonderheiten des faschistischen deutschen Besatzungsregiemes in Ungarn. Bnd. 15/2. Berlin, 1917. S. 53.

[11] Door R. Op.cit. S. 49.

[12] Каллаи Д. Движение за независимость Венгрии 1936—1945 гг. Пер. с венгер. М., 1968. С. 230—231.

[13] Nacistická okupacie Evropy. I/II. Praha, 1966. Str. 208.

Глава пятая

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ОККУПИРОВАННОЙ ЕВРОПЕ

«Разделяй и властвуй!»

К началу Второй мировой войны в странах зарубежной Европы, как уже отмечалось выше, существовало множество узлов острых национальных противоречий. Некоторые из них имели давнишние корни, другие же создавались гитлеровской агентурой специально в подрывных целях. Подготавливая новую мировую войну, германский фашизм учитывал и использовал эти противоречия. Взяв на вооружение расистскую теорию, он активно поддерживал реакционную националистическую политику, которую проводили правящие круги во многих странах Европы, широко использовал националистические предрассудки мелкобуржуазных масс, а также любую щель в межнациональных отношениях, чтобы расширить ее и вбить клин между народами. Национальное угнетение и неравноправие национальных меньшинств во многих странах Европы облегчали гитлеровским захватчикам и местным коллаборационистам осуществление их преступных актов.

Сложное в национальном отношении «наследство», приобретенное в захваченных странах, нацистские оккупанты широко использовали в своих интересах. Натравливание разных национальностей друг на друга и разжигание межнациональной вражды стало важнейшей составной частью их оккупационной политики.

Типичной в этом отношении была Вторая мировая война, в ходе которой германский фашизм довел национальное угнетение до высшей степени цинизма, сочетая геноцид с насильственной ассимиляцией и проводя политику «кнута и пряника».

Национальные проблемы в Польше

Подобные действия на разжигание межнациональной розни были сформулированы еще древнеримскими императорами в виде принципа «Разделяй и властвуй!». Применение этого принципа на-

цистами в оккупированных странах прежде всего касалось многонациональных стран Центральной и Юго-Восточной Европы и оккупированных территорий Советского Союза.

Например, применительно к Польше в меморандуме Гиммлера от апреля 1940 г., одобренном Гитлером, были сформулированы следующие принципы:

1. Необходимо дробить различные национальности, для чего поддерживать украинцев, белорусов, гуралов, лемков и кашубов. Если будут обнаружены еще какие-либо народности, то и их тоже. Не в интересах рейха содействовать их культурному развитию и укреплению их национального самосознания.

2. Представителей нацменьшинств использовать в низшем административном звене — начальниками полиции и бургомистрами.

3. Нельзя допускать сплочения и смешения 15 млн поляков генерал-губернаторства и 8 млн поляков из присоединенных к Германии областей. Необходимо провести расовое обследование, чтобы выявить из них таких, которые будут способны к ассимиляции в Германии.

4. В течение нескольких лет понятие «кашубы» должно исчезнуть, точно так же должен исчезнуть сам кашубский народ. Нужно выселить из империи евреев. Постепенно должны исчезать на немецкой земле понятия «украинец», «гурал» и «лемок». Все это также относится, но в более крупных масштабах, и к полякам.

5. Для ненемецкого населения на Востоке нужно разрешить приобретать образование не выше 4-х классов, чтобы только уметь считать до 500, писать фамилию и знать закон Божий, чтобы уважать немцев. Все остальные школы запретить.

6. Нельзя повторять ошибок, которые немцы допустили в свое время в отношении эльзасцев и лотарингцев, которых, с одной стороны, считали немцами, а с другой — оскорбляли их человеческое достоинство, вызывая их ответную амбицию. Названия «поляк», «украинец» и тому подобное не допускать.

В заключение меморандума Гиммлер подчеркивал: «В итоге последовательного осуществления этих принципов население генерал-губернаторства в ближайшие 10 лет будет состоять из оставшихся неполноценных народов, населения, выселенного из областей, включенных в империю, и из других частей Германии, т.е. народов, относящихся к одинаковой расе».

Определенную проблему для оккупационных властей составляли украинцы, численность которых в генерал-губернаторстве на январь 1940 г., по данным председателя так называемого Украинского национального комитета В.Кубийовича, составляла 744 тыс. человек.

Разумеется, оккупационные власти в первую очередь использовали то недоверие, а иногда и вражду, которые существовали между поляками и украинцами. Напряженные отношения между этими двумя славянскими народами культивировались издавна пра-

вящими кругами как России, так и Польши. И вот теперь оккупанты демонстрировали свои «симпатии» к украинцам, настраивая их против поляков. Но это был «брак по расчету», заключенный с лидерами украинских националистов, как уже отмечалось, задолго до войны.

Во время обсуждения вопроса об отношениях между поляками и украинцами на специальном заседании правительства генерал-губернаторства 11 марта 1942 г. было принято такое решение: «Для нас в генерал-губернаторстве было бы крайне плохо, если бы между поляками и украинцами установилось политическое единство. В таком случае мы должны были бы применить уже испытанную тактику поддержки политической вражды между этими двумя народами».

На территории Хелма, Полесья и Прикарпатья на 16—17 тыс. кв. км проживало около 1,2 млн человек, из них более 700 тыс. — украинцев. Здесь в низших звеньях были разрешены украинское самоуправление и даже полиция. Украинская полиция, насчитывавшая около 1 тыс. человек, использовалась даже для охраны границ со Словакией. В районы, где проживало украинское население и откуда выселялись поляки, не направлялись переселенцы из аннексированных западных польских земель, а хозяйства поляков передавались украинцам. Места этнических немцев, переселенных в 1940 г. из районов Люблина и Хелма в западные воеводства, также занимали украинцы. При генерал-губернаторе был создан специальный отдел по делам украинцев, во главе которого был поставлен бывший офицер австрийской армии полковник в отставке А.Бизанц. В районах, населенных украинцами, было разрешено употребление украинского языка. Уже в 1939 г. для них были открыты украинские школы, причем даже там, где насчитывалось всего 40 детей школьного возраста.

Однако во флирте с украинцами, проживавшими в генерал-губернаторстве, немцы не переходили границы того, что могло бы повредить их собственным интересам. На совещании высшего руководства правительства генерал-губернаторства 12 сентября 1940 г. Франк предупреждал, чтобы среди украинцев пресекать разговоры о «великой Украине», о собственном украинском государстве и т.д. «Украинцы должны знать, что они являются гражданами великой Германии, а не представителями великой Украины на немецкой территории», — сказал в заключение Франк.

При попустительстве оккупантов, а иногда и по их инициативе в смешанных польско-украинских районах создавалась напряженная обстановка. Дело доходило до вооруженных стычек.

В связи с приближением советских войск к Польше немецкие власти в генерал-губернаторстве предприняли новые меры для обострения отношений между украинским и польским населением. Представитель органов безопасности в генерал-губернаторстве штурмбанфюрер СС Шенк составил в это время меморандум «Украинская проблема», в котором предлагал пойти на дальнейшие уступки украинским националистам, предоставить им некоторые свободы, расширить самоуправление и официально признать их «союзниками» Германии. Более широких свобод для украинцев генерал-губернаторства немецкие власти, конечно, не предоставили.

Аналогичную политику натравливания различных национальностей друг на друга оккупанты проводили и в Белостокском округе, где проживало наряду с поляками много белорусов. С первых же дней оккупации немецкие власти, игнорируя интересы польского населения, демонстративно отдавали предпочтение предателям из белорусов. Они чаще назначали их в органы местного самоуправления, разрешали открыть начальные школы с преподаванием на белорусском языке, позволяли белорусской интеллигенции создавать свои культурные организации.

Оккупанты привезли с собой из Германии в генерал-губернаторство группки белорусских эмигрантов. В Белостоке они образовали так называемый Белорусский комитет, который предназначался не столько для выполнения административных функций в самом Белостокском крае, сколько в Минске для всей Советской Белоруссии.

Относительно «либеральное» правление гитлеровцев, установленное по тактическим соображениям в Белостоке в первые дни оккупации, вскоре сменилось жестокими мерами в отношении белорусского народа. Уверовав в свою непобедимость и силу, немецко-фашистские оккупанты стали открыто показывать свое подлинное отношение к белорусам, которых они вообще не считали самостоятельной нацией.

Чтобы ослабить волю народов к сопротивлению, немецко-фашистские оккупанты стремились внести разлад не только между разными национальностями той или иной страны. Они также проводили политику на расчленение одной и той же национальности, искусственно возводя частичные различия в диалектах, одежде, нравах и обычаях одного и того же народа, но проживающего в разных провинциях, в якобы самостоятельные национальные признаки. Подобные коварные меры оккупанты применяли в ряде стран, однако их политика в отношении Польши была особенно характерной.

Как известно, в силу исторических, географических и культурных условий своего развития каждый народ состоит из ряда этнических групп, различающихся между собой отдельными элементами языка, одежды, обычаев и т.д. Поляки не являются исключением. В состав польского народа входят кашубы, мазуры, гурали и некоторые другие этнические группы, которые насчитывали около 1,5 млн человек. Различаются они друг от друга не более, чем, например, вологодцы от рязанцев или куряне от ярославцев. Они

всегда себя считали прежде всего поляками, а потом уже кашубами или мазурами.

Как же использовали оккупанты этнические группы польского народа в своих интересах? Еще весной 1940 г. применительно к мазурам, силезцам и части кашубов фашистские теоретики ввели понятие «промежуточные слои», т.е. их не признавали поляками, поэтому они могли оставаться на аннексированных Германией польских землях как непольские национальные меньшинства. Им также не чинили препятствий в хозяйственной и культурной деятельности. Но одновременно их не считали и немцами.

Как решалась, например, кашубская «проблема»? Кашубы — это польская этническая группа, проживающая компактно в северо-западной части Польши в районе Быдгоша. По немецким данным, кашубов насчитывалось от 100 тыс. до 200 тыс. человек. В первые же дни войны кашубы оказались включенными в состав Германии, и сразу же возник вопрос: как же с ними поступать? До сентября 1939 г. из Берлина, а также специальными агентами среди кашубского населения велась активная пропаганда за предоставление кашубам возможности самостоятельного национального развития. Цель такой пропаганды была ясна: она состояла в том, чтобы посеять межнациональную вражду внутри Польши и тем самым изнутри ослабить своего вероятного противника.

Но когда в сентябре 1939 г. возникла необходимость выработать какую-то позитивную программу решения кашубского «вопроса», то здесь столкнулись две точки зрения. Гиммлер и Министерство внутренних дел Германии считали, что следует прекратить игру в «кашубский язык» и «кашубскую культуру» и кашубов просто онемечить. Соглашаясь с Гиммлером в отношении конечных целей, гаулейтер Данцига — Западная Пруссия Форстер предложил иную тактику: для пропаганды национальной политики Германии на Востоке необходимо признать существование «кашубской народности». В качестве главы гражданской администрации этой польской территории он 24 октября 1939 г. издал директиву, в которой было указано кашубов не считать ни поляками, ни немцами, а лишь народностью «немецкого происхождения». В инструкции Министерства внутренних дел Германии от 14 ноября 1940 г. также предлагалось считать кашубов и мазуров «неполяками».

Однако, когда среди кашубов была проведена перепись, то обнаружилась следующая картина: из 188 тыс. человек поляками себя считали 100 тыс., кашубами — 81 тыс. и немцами — 7 тыс. Несомненно, на итоги опроса повлиял сам факт гитлеровской оккупации кашубских районов, когда кашубы в отличие от других поляков пользовались некоторыми привилегиями. В иных условиях число признавших себя поляками было бы гораздо больше. Чтобы вытравить из сознания кашубов их принадлежность к польской нации, немецкие власти искусственно возрождали кашубский диалект, считая его самостоятельным национальным языком, поддерживали отдельные архаические обычаи, оказывали некоторую поддержку деятельности кашубских культурных учреждений и т.д. И уж, конечно, оккупанты не преминули воспользоваться тем, чтобы постоянно напоминать кашубам об их национальном угнетении в условиях Польши.

Аналогичную политику вели гитлеровские оккупанты и в отношении гуралей. Польская этническая группа гурали живет на юго-востоке Польши в Карпатах. У них существуют свои обычаи, особый диалект польского языка, своеобразная одежда. Шовинистическая политика правящих кругов довоенной Польши в отношении гуралей приводила к тому, что различные политические авантюристы искусственно вызывали среди гуралей сепаратистское движение. Некоторые лидеры гуральских сепаратистских организаций стали еще в 30-е годы прямыми агентами гестапо.

Гитлеровцы продолжали заигрывать с гуралами и в период оккупации. Сперва предполагалось выселить их и образовать в их районе особый Бескиденгау. О том значении, какое придавали оккупационные власти сотрудничеству с гуралами, свидетельствует посещение Закопане Гиммлером в январе 1940 г. Здесь он выслушал просьбы гуральских лидеров о предоставлении гуралам в какой-либо форме национальной автономии, но никаких обещаний на этот счет не давал.

В середине 1940 г. в районах, где проживают гурали, и прежде всего в Новотаргском, состоялась перепись населения. Лидеры Союза гуралей развернули кампанию запугивания. Они угрожали выселением всем, кто не признает себя гуралом. Тем не менее большинство опрошенных считало себя поляками. Новым шагом на пути германизации гуральского населения была предпринятая в начале 1942 г. попытка оккупантов записать их в немецкий национальный список с выдачей соответствующего удостоверения. Однако в ходе этой акции из 150 тыс. гуральских удостоверений было выдано лишь 27 тыс., т.е. 18%. Остальные пожелали получить удостоверение о своей принадлежности к полякам.

Для усиления влияния своей агентуры среди гуральского населения вместо Союза гуралей в феврале 1942 г. власти разрешили создание так называемого Гуральского комитета как органа, который представлял бы интересы гуралей перед оккупационными властями. Немцы строго следили за тем, чтобы деятельность комитета не выходила из-под их контроля, и немедленно пресекали все те меры комитета, которые хотя бы в малейшей степени не соответствовали интересам Германии.

Прибывший в марте 1942 г. в Краков Гиммлер снова в категорической форме настаивал перед Франком на том, чтобы ускорить германизацию гуралей и ни в какой форме не поддерживать их сепаратизма.

Попытка оккупантов искусственно вычленить из польского народа некоторые его этнические группы, чтобы противопоставить их

оказывать соответствующего влияния и на их практику использования межнациональных противоречий в Югославии.

Различия в подходе оккупационных властей различных держав «оси» к использованию национального вопроса в Югославии объясняется прежде всего наличием острых противоречий между ними самими. Если, например, немцы считали все славянские национальности неполноценными и стремились в конечном счете к превращению их в рабов или физическому уничтожению, то болгарские монархофашисты вели себя в Македонии по-иному. Они настойчиво пытались убедить мировое общественное мнение в том, будто болгарские войска в Македонии не были оккупантами, а освободителями своих братьев — македонцев. Поэтому, естественно, оккупационный режим в Македонии имел менее жесткие формы, нежели в других частях Югославии. Итальянские оккупанты также проводили в своей зоне более или менее «либеральную» политику, стремясь завоевать симпатии югославского народа. Имея далеко идущие цели на Балканах, итальянцы стремились где только возможно компрометировать своих немецких союзников и на фоне жестокой немецко-фашистской оккупационной политики выглядеть друзьями югославских народов.

Кто такие «усташи»

Создание так называемого Независимого хорватского государства, по замыслам Берлина и Рима, должно было явиться той бомбой, которая окончательно взорвет единство Югославии и воспрепятствует попыткам когда-либо его восстановить.

Враги Югославии учитывали тот факт, что из всех югославских народов хорваты обладали наиболее ярко выраженной национальной самобытностью. Поэтому именно они оказывали великосербской национальной политике самое сильное сопротивление.

Зарождение Независимого хорватского государства непосредственно связано с усташеским движением, во главе которого длительное время стоял «поглавник» Анте Павелич.

Издавна в разных странах Европы и Америки хорватская эмиграция была довольно многочисленной. Этим и пытались воспользоваться руководители усташеского движения. Как отмечала загребская газета «Господарство» от 11 июля 1943 г., еще в средние века, спасаясь от турецкого вторжения, в Венгрию эмигрировали 180 тыс., Австрию — 70 тыс., Румынию — 10 тыс., Словакию — 7500 и Италию — 5 тыс. хорватов. Всего в странах Западной Европы к 1910 г. проживало 220 тыс. и в других Балканских странах — 280 тыс. хорватских эмигрантов.

Кроме того, с 1918 по 1941 гг. из Югославии эмигрировали еще свыше 130 тыс. хорватов, в том числе в США — 80 тыс. человек.

Одновременно из Югославии в Турцию выехали 120 тыс. хорватских мусульман.

Чтобы получить поддержку своим планам за границей, Павелич и его ближайшие помощники неоднократно посещали Австрию и Венгрию. В Софии был установлен контакт с лидером македонских националистов И.Михайловым, выступавшим за независимость Македонии. С целью создания единого фронта против сербов хорватские националисты блокировались с македонскими националистами, поддерживаемыми правящими кругами царской Болгарии. В усташеской газете «Хорватски лист» от 12 января 1943 г. была помещена перепечатанная из болгарской газеты «Спремность» статья болгарского посла в Загребе под названием «Македонцы и хорваты». Автор напоминает о том, что хорваты и македонцы всегда боролись вместе против сербского ига. Когда в 1928 г. в Скопле состоялся судебный процесс над 15 македонцами, требовавшими присоединения их родины к Болгарии, то их адвокатом был не кто иной, как сам А.Павелич.

Центром усташеских эмигрантов стала Италия (г. Болонья). Во время встречи с Павеличем Муссолини обещал финансовую помощь и разрешил создавать в Италии вооруженные отряды усташей для совершения террористических актов в Югославии. В Италии же выходила газета «Ustaša». Активную пропагандистскую деятельность развили и те усташеские деятели, которые жили в Берлине. Имея влиятельных покровителей не только в Берлине, но и в Риме и Будапеште, усташи совершили ряд диверсий на железной дороге Белград — Вена, несколько покушений на политических и государственных деятелей Югославии. Наиболее крупным террористическим актом усташей, организованным ими в Марселе при поддержке гитлеровской разведки, было убийство короля Александра I и Барту в 1934 г.[1]

Под давлением общественного мнения после этого убийства власти в Берлине и Риме вынуждены были несколько ограничить деятельность хорватских националистов в своих странах. Кроме того, недавно пришедший к власти Гитлер нуждался в нормальных отношениях с Югославией. Однако связи усташей с различными национал-социалистическими организациями в Германии и Австрии продолжались.

Когда преступление в Марселе уже стало историей, усташи снова усилили свою деятельность, стараясь привлечь к себе внимание прежде всего Берлина. В этом отношении весьма любопытен меморандум о хорватском вопросе, направленный Павеличем в 1936 г. видному идеологу геополитики А.Гаусгоферу для передачи Р.Гессу. В меморандуме настойчиво подчеркивалась «традиционная дружба» хорватов с Германией, что выражалось, в частности, в том, что они были «первыми, маршировавшими вместе с немцами против несправедливых мирных договоров». Павелич счел нужным заявить гитлеровским расистам к их удивлению о том, что «документально доказано, что хорваты вообще не славянского, а готско-

го происхождения». Кроме того, в меморандуме приводился главный козырь в пользу раздела Югославии: дело в том, что идею югославизма поддерживают коммунисты, ибо «коммунистическая идеология всегда выступает за многонациональные государства»[2].

Итало-германские разногласия

Однако Гитлер в тот период счел политически невыгодным и практически нецелесообразным открыто делать ставку на кучку усташеских эмигрантов, оторванных от Югославии и не оказывавших никакого влияния на политическую обстановку в стране. Ему было более выгодным поддерживать контакт с группой сербских фашистов, которую возглавлял бывший министр Д.Лётич, создавший в 1934 г. студенческую организацию «Сбор».

В канун Второй мировой войны Гитлер и Муссолини негласно разделили Европу на свои сферы влияния: Италия обещала desinteressement в центрально-европейских делах при условии, что Германия не будет вмешиваться в действия Италии на Балканах. По поручению Гитлера Риббентроп согласился с этим предложением. В директиве подчиненным органам от 25 марта 1939 г. он отмечал: «По желанию итальянского правительства наш интерес к национальным проблемам Средиземноморских стран должен быть прекращен... В связи с этим в интересах немецко-итальянских отношений какие-либо контакты с хорватскими организациями впредь должны быть прерваны...»[3]

В Риме были довольны тем, что их более сильный союзник предоставил им на Балканах свободу рук. Однако Муссолини не знал или же лишь смутно догадывался о том, что Германии, так заинтересованной в экономике Балканских стран, была далеко небезразлична обстановка в этом районе Европы. Поэтому гитлеровская разведка скрытно плела против Италии интриги в Белграде и в Загребе, усиливала связи с местными фашистами и поддерживала деятельность немецких колонистов в Югославии. Активно действовало немецкое консульство в Загребе, насчитывавшее 37 сотрудников, во главе с А.Фройндтом. Осенью 1940 г. здесь появился представитель германской службы безопасности (СД) Р.Коб. Своего резидента Г.Пребста имело в Хорватии и верховное командование вермахта. Интересы СС и полиции Германии представлял в Загребе Р.Блюм[4].

По мере того как великие и малые страны Европы подпадали под влияние Германии, Гитлер проявлял к Балканам все больший интерес и действовал все более открыто. Хотя Павелич вместе со своим вооруженным легионом, насчитывавшим 300 человек, находился в Италии, однако судьба Югославии решалась в Берлине. Как только стало известно о перевороте в Белграде, Гитлер 27 марта на совещании высших военных руководителей предложил, чтобы «обострить политическую обстановку в Югославии»,

необходимо хорватам дать заверение в том, что Германия поддержит их сепаратизм. В тот же день Гитлер принял венгерского посла Стояи и настойчиво предлагал Венгрии взять «независимую» Хорватию под свое покровительство, намекая на то, что совсем недавно эта югославская область входила в состав Австро-Венгрии. Хорти однако не счел нужным принять этот «подарок».

Нетрудно понять, что планы Гитлера в отношении Хорватии состояли в том, чтобы в вопросах будущего Югославии держать Муссолини на почтительном расстоянии. Между тем события в Риме развивались так. Считая само собой разумеющимся, что хорватский вопрос должен решаться только в Риме, 28 марта Муссолини известил Гитлера, что он поддерживает идею о разделе Югославии и о создании «независимой» Хорватии и что по этому вопросу он приглашает к себе Павелича. Муссолини тем самым недвусмысленно давал понять своему союзнику, что хорватскую проблему должна решать Италия и чтобы Гитлер выполнил свое обещание относительно его desinteressement в делах Балканских стран. И действительно, на следующий день Муссолини вызвал к себе Павелича и предложил ему оружие для нескольких сот проживавших в Италии усташей, чтобы в случае необходимости их можно было направить в Югославию[5].

Дуче не знал тогда, что гитлеровские эмиссары в Загребе сразу же после переворота 27 марта установили связи с местными хорватскими националистами и готовили почву для вступления в Хорватию немецких войск. Так, Фройндт добился того, что один из лидеров «отечественного» движения усташей 65-летний С.Кватерник письменно пригласил вермахт для «защиты хорватского населения». 28 марта лидер Хорватской крестьянской партии В.Мачек через работавшего в Югославии венского инженера Дерфлера высказал Берлину пожелание не прибегать к военным действиям против Югославии. Но если этого не удастся избежать, то «было бы особенно нежелательным вступление в Югославию итальянских войск».

Национальная политика в Сербии

Опираясь на свою вооруженную силу и на немецкие оккупационные власти, правительство Недича во внутренней политике в Сербии ничем не отличалось от режима Павелича в Хорватии. Это особенно характерно в отношении национального вопроса.

Когда в первые дни оккупации хорватские сепаратисты провозгласили «независимую Хорватию» и тем самым положили начало расчленению Югославии, сербские правящие круги метали громы и молнии. Они обвиняли хорватов в предательстве и в ликвидации единого югославского государства. Себя же они представляли борцами за «единую и неделимую» Югославию. Однако подлинное свое лицо сербские националисты, которым была безразлична судь-

ба Югославии, показали позже с провозглашением в Сербии коллаборационистского правительства. Недич и его окружение в Сербии были такими же великодержавными шовинистами и сепаратистами, как и Павелич и усташи в Хорватии.

В многочисленных речах и статьях Недич никогда не упоминал о единой Югославии. Свои выступления он неизменно заканчивал словами: «Ради Сербии мы живем и ради нее же умрем» («Samo za Srbiu da živi i samo za Srbiu da mre»). Он часто, как и гитлеровцы в отношении Германии, провозглашал: «Сербия превыше всего» («Srbija pre sveda u nada sve») и заявлял, что Югославия — это нынешний покойник, который в свое время причинил много горя сербскому народу и привел его к теперешнему состоянию.

«Почему, например, все четнические элементы Печавца, Лётича, Недича, — писал в апреле 1942 г. И.Броз Тито, — объединились с вооруженными четниками Д.Михайловича именно в тот момент, когда в ходе народного восстания в Боснии стала вырисовываться устойчивая тенденция к сближению боснийских народов независимо от их вероисповедания и национальной принадлежности? Это произошло потому, что все эти элементы в Сербии единодушны в своих великосербских гегемонистских устремлениях. На их знамени начертаны не лозунги "Борьба против оккупантов", "Смерть угнетателям нашей страны" и т.д., а лозунги "Смерть мусульманам", "Смерть хорватам" и т.д. С ними случился приступ гегемонистского бешенства именно тогда, когда наши партизанские отряды в Боснии решительно выступили против зверского преследования и уничтожения четниками неповинного мусульманского и хорватского населения»[6].

Как и в других краях Югославии, немцы в Сербии опирались на местных коллаборационистов, проводили политику физического уничтожения несербских югославских народов, поощряли выселение из Сербии несербов, разжигали вражду между разными национальностями. По указанию оккупационных властей в Сербии 30 мая 1941 г. был принят указ о евреях и цыганах. В нем давалось определение, кого считать евреями и цыганами, и устанавливалось, что все они обязаны носить отличительный особый знак. Им запрещалось находиться на государственной службе, а также быть врачами, ветеринарами, аптекарями, запрещалось владеть имуществом и покидать свое место жительства без разрешения властей. Для управления реквизированным у евреев имуществом в Сербии из числа имперских и местных немцев, а также из «лояльных» сербов было выделено 200 комиссаров. Указом от 22 декабря 1941 г. для евреев и цыган, нарушавших директивы властей, предусматривалась смертная казнь.

Расистские и великодержавные принципы решения национального вопроса в Сербии особенно откровенно были сформулированы в меморандуме, который по заданию Милана Недича составил для представления Риббентропу его брат генерал Милютин-Недич. Приводя статистические сведения о расселении сербов в других

краях Югославии, автор меморандума пришел к выводу о необходимости объединения всех их в единое сербское государство.

Так, по данным Милютина-Недича, в Воеводине (Банат, Бачка и Баранья) из 1418051 жителей сербы составляют 463054 человека, т.е. около 32%; в Среме из 453204 жителей сербами являются 217961 человек. В Славонии сербов проживает 145797 человек из 612280 человек всего населения, в Хорватии — 368674 человека, из 1980886 человек населения, в Далмации — 117367 человек из 683084 человек населения, в Боснии — 926891 человек из 2010976 человек населения и в Герцеговине — 98192 серба из 305630 человек всего населения.

На основе приведенных данных в меморандуме делался вывод, что за пределами собственно Сербии и Черногории в северных и северо-западных краях Югославии проживает 2337936 сербов (что составляет более 31% всего населения этих краев), которых необходимо переселить в Сербию.

В тот период Г.Турнер не дал согласия на массовое переселение сербов, но не потому, что считал этот метод вообще в принципе неприемлемым, а по другим причинам. Во-первых, переселение миллионов людей было технически весьма трудным делом; во-вторых, оккупантам до определенного времени была выгодна национальная пестрота в югославских краях, для того чтобы пользоваться и поддерживать в своих интересах враждебность между ними. И в-третьих, недовольные переселенцы могли пополнять ряды Народно-освободительной армии и партизан Югославии, что также не устраивало оккупантов.

В Югославии, особенно в Сербии и Хорватии, еще со времени окончания гражданской войны в Советской России существовала довольно многочисленная русская эмиграция. Эмигранты, будучи выходцами из разных классов и социальных слоев, по-разному относились к Советскому Союзу. Однако в основной своей массе они желали падения советской власти, ибо только при этом условии они рассчитывали вернуться на родину.

Враждебное отношение белогвардейских эмигрантов к СССР немецкие власти стремились, естественно, использовать в своих интересах. Поэтому их агентура в Югославии весьма тщательно изучала положение эмигрантов, их политические взгляды и настроения. Вот что доносил в Берлин 19 апреля 1942 г. один из чиновников оперативного штаба Розенберга в Хорватии доктор Хилле: «Чем больше сербская общественность знакомится и интересуется красной Россией, тем сильнее русские эмигранты в Югославии смыкаются с национал-социализмом как идеологически, так и политически. Если сербы, хорваты и словенцы все чаще читают литературу, дружественную России, то русские являются почти исключительно друзьями Третьего рейха... Эти люди ждут от Германии политической реставрации в России. Они были разочарованы советско-германским договором накануне войны. Когда же началась германо-советская война, они надеялись вернуться на родину. В

ходе войны они ослабили свои симпатии к Германии, опасаясь, что Россия станет колонией Германии, что было не в их интересах. Чувство славянской принадлежности взяло у них верх. Они хотят выбрать одно из двух, но поскольку большевизм является для них самым опасным противником, то они надеются на уничтожение этой системы. Разногласия с немцами они считают более легкими. Они сомневаются в том, сможет ли Германия долгое время удержаться на этих обширных просторах. Многие из них еще и сегодня считают, что Россия должна играть среди других славянских народов роль политического и духовного руководителя».

Внешнеполитический отдел НСДАП в декабре 1939 г. разработал справку о русской эмиграции в Югославии, в которой отмечалось, что в ней нет политического единства, существуют представители многих партий, из них 10 русских и 3 украинских. Кроме них действуют еще 15 нелегальных и малоизвестных партий. Проживающие в Югославии казаки являются друзьями Германии. Во внешнеполитический отдел обратился атаман Шкуро с просьбой выяснить, могут ли казаки установить непосредственный контакт с немецкими коммерсантами, с тем чтобы продавать им без посредников свою сельхозпродукцию.

Оккупация и раздел Македонии

Из всех областей оккупированной Югославии наиболее сложным и противоречивым был режим, установленный в Македонии. Объясняется этом, во-первых, тем, что она была разделена на две части, из которых Западная Македония была занята итальянскими войсками и включена в итальянский протекторат Албанию. Во-вторых, в занятой болгарскими войсками большей части Македонии проводилась политика ее присоединения к Болгарии под предлогом освобождения от сербского ига.

Македония издавна была объектом спора между Сербией, Болгарией, Грецией и Турцией. Ее территория часто занималась войсками враждовавших сторон и произвольно перекраивалась в пользу победителей. Так, по Сан-Стефанскому мирному договору 1878 г., завершившему Русско-турецкую войну, к восстановленной Болгарии были присоединены македонские земли так называемой Вардарской Македонии; позже принадлежавшие Югославии, часть западной Македонии, до последнего времени входившая в состав Югославии и Албании, и так называемая Эгейская Македония, принадлежащая ныне Греции. Однако состоявшийся вскоре Берлинский конгресс снова вернул всю Македонию Турции. В ходе двух Балканских войн 1912—1913 гг. территория Македонии была вновь разделена следующим образом: Эгейская Македония площадью в 34156 кв. км отошла к Греции, Вардарская — площадью в 25774 кв. км — к Сербии и Пиринская — площадью в 6798 кв. км была присоединена к Болгарии[7].

Македонская проблема не получила своего разрешения и в ходе Первой мировой войны. Нейский мирный договор закрепил раздел Македонии между Сербией, Болгарией и Грецией. Причем в каждой из этих стран само название «Македония» было стерто с карты. В Сербии (позже в Югославии) Вардарская Македония была переименована в Вардарскую бановину. В Болгарии она стала называться просто Пиринский край, а в Греции — Западной Фракией.

В межвоенные годы македонский народ во всех трех странах подвергался национальному угнетению. В частности, великосербские шовинисты проводили жестокую политику колонизации в Вардарской Македонии. Считая македонцев «южной ветвью сербского народа», они запрещали им пользоваться своим языком, изгоняли из родных мест, осуществляли дискриминацию македонцев и т.д. Все эти меры возбуждали ненависть македонцев к сербам, и они стали прислушиваться к пропаганде царской Болгарии, которая обещала их вызволить из-под сербского ига.

Болгарские шовинисты, в свою очередь, заигрывали с македонцами, чтобы реализовать свою давнишнюю мечту: восстановить «великую Сан-Стефанскую Болгарию». Вот почему вступление болгарских войск в Вардарскую Македонию было встречено значительной частью местного населения как действительное освобождение от ненавистного сербского гнета. Иллюзию об «освободительной миссии» болгарских войск в Македонии всячески поддерживала болгаро-фашистская пропаганда.

Как уже отмечалось выше, свое принципиальное решение на вступление болгарских войск в Вардарскую Македонию Гитлер принял 3 апреля 1941 г. Через несколько дней, 8 апреля, когда судьба Югославии уже была решена, болгарскому правительству было предложено выделить три дивизии для оккупации Сербской Македонии, чтобы освободить оттуда немецкие войска, нужные для других целей[8].

Такое предложение Гитлера поставило болгарское правительство Б.Филова в трудное положение. С одной стороны, в Софии не хотели вводить войска на югославскую территорию, пока идет война и не произошло так называемой «дебеляции» Югославии, т.е. заключения перемирия между Германией и Югославией. Ввод войск в чужую страну в ходе войны был равнозначен фактическому объявлению ей войны и соучастию в агрессии, что было опасно для международного престижа Болгарии. Он мог также осложнить отношения с Турцией. Поэтому Филов выжидал удобного момента. С другой же стороны, в Софии опасались, что Гитер может передать Македонию своей союзнице Италии, которая также имела на нее виды, или установить здесь непосредственную систему немецкого протектората. Тогда мечта о «великой Болгарии» осталась бы только мечтою.

В такой обстановке в Софии решили «поторопиться не спеша». Там ускоренно формировался оккупационный аппарат, разрабатывались соответствующие оперативные планы, готовились необходи-

мые контингенты войск, усиленно шла идеологическая подготовка к занятию Македонии.

Выйти из такого деликатного положения болгарскому правительству помогло сообщение из Скопле о том, что местными пробългарскими кругами там провозглашен какой-то комитет, призывающий присоединить Македонию к Болгарии. Премьер-министр Филов по этому поводу записал, что даже если эти слухи неверны, то следовало организовать что-нибудь подобное. Позже стало известно, что действительно такой комитет существовал.

Идя по пути дальнейших провокаций в отношении Югославии, правительство Болгарии 15 апреля порвало с ней дипломатические отношения. В последующие дни правящие круги Болгарии нервничали. «Боюсь, как бы немцы не передумали», — записал Филов в своем дневнике. Болгарскому послу в Берлине шли телеграммы с предложением добиваться быстрейшего согласия Гитлера на ввод в Македонию болгарских войск. Одновременно послу в Анкаре предлагалось переговорить с немецким послом Ф. фон Папеном, который возражал против вмешательства Болгарии в югославские дела, ибо это, по его мнению, может вызвать ответные меры Турции.

Наконец 18 апреля согласие из Берлина было получено, и посол П.Драганов сообщил в Софию, что Гитлер согласился с занятием болгарами дополнительных районов Югославии западнее Вардар до линии Битола—Брод—Тетово—Качаник. Но софийским правителям и этого было мало. В эти дни один из руководителей фашистской организации легионеров генерал Хр.Луков заметил: «Аппетиты возросли... Всем хочется более широких границ для Болгарии. Как люди забываются! Снова начинаем становиться максималистами, выходить за рамки реальности»[9].

Об этом акте болгарского правительства руководитель БКП Г.Димитров позже писал: «Все последующие события показали, что именно этими своими действиями правители Болгарии способствовали расширению сферы войны на Балканах и втягиванию в нее Болгарии... Но Болгария играет роль гитлеровского жандарма на Балканах. Болгарские войска находятся в качестве оккупантов в Югославии и в Греции»[10].

Когда от Вардара на запад двигались болгарские войска, то им навстречу выдвигались итальянские дивизии, уже занявшие с согласия Гитлера македонские районы Тетово, Гостивара, Кичева, Дебара и Струги. Вокруг них между Болгарией и Италией разгорелся спор, который продолжался до выхода Италии из войны. Вскоре после занятия итальянцами западной Македонии и Косово они были присоединены к «великой Албании», находившейся в личной унии с Италией. Вмешавшись в этот спор, Гитлер все же передал Болгарии район Люботен, а район Митровицы присоединил к оккупированной немцами недичевской Сербии.

В ходе прямых переговоров между Италией и Болгарией еще в 1941 г. болгарские войска дополнительно заняли 44 села Тетовского района (28214 жителей), а в 1943 г. — 4 села Охридского района (2500 жителей). В свою очередь Болгария передала Италии 9 сел Кичевского района. После выхода Италии из войны в сентябре 1943 г. болгарские войска перешли демаркационную линию и дополнительно оккупировали 20 сел Преспанского района[11]. Они попытались занять район Кичево, но здесь 12 сентября встретили отпор партизанского отряда и отступили.

В целом оккупированные Болгарией юго-восточная часть Сербии, часть Пиринского и Враньского районов и часть Вардарской Македонии до линии от Урошевца, что восточнее Тетово и Кичева, и на запад от Охрида составляли площадь около 28 тыс. кв. км с населением около 1260 тыс. человек[12].

«В связи с оккупацией Вардарской Македонии и Беломорской Фракии несколько немецких дивизий были освобождены от жандармских функций и направлены к границе с Советским Союзом»[13].

Опасаясь усиления своих соседей в связи со значительным приращением территории Болгарии на юге, а Венгрии — на севере, стали претендовать на югославские земли и правящие круги Бухареста. Антонеску внес Гитлеру предложение присоединить к Румынии югославский Банат, а в Македонии установить кондоминиум с участием Румынии. Воспользовавшись удобным случаем, Антонеску предложил урегулировать в пользу Румынии проблемы Трансильвании и Южной Добруджи. Однако Гитлер не пошел тогда навстречу требованиям Бухареста, ибо ему было выгодно не разрешение спорных территориальных вопросов на Балканах, а, наоборот, их обострение. Лишь только в такой обстановке он мог держать своих сателлитов в послушании.

В начале мая 1941 г. болгарские войска полностью оккупировали греческую Западную Фракию, а к 15 мая заменили немецкие гарнизоны на приобрежных Эгейских островах - Самофракии, Тасосе и др. Некоторые из них также были присоединены к Болгарии.

Однако, передав Болгарии большую часть Македонии, Гитлер не гарантировал, что это его решение является окончательным. Таким образом он пытался шантажировать болгарские правящие круги, добиваясь, чтобы они все же послали войска на советско-германский фронт. В 1942 г. в Софии стало, например, известно, что на изданной немцами карте «Der Donauraum» присоединенные к Болгарии Македония и Фракия были отмечены как находящиеся «под болгарским управлением», а границы между Болгарией, с одной стороны, и Сербией и Грецией — с другой, указаны не как государственные границы, а как демаркационные линии между соответствующими вооруженными силами. Но независимо от позиции Гитлера, в Софии все же считали, что занятые болгарскими войсками территории Югославии и Греции общей площадью в 42446 кв. км с населением в 1900 тыс. человек окончательно принадлежат Болгарии.

Передавая Болгарии Македонию и Фракию, немцы все же оставили за собой право неограниченной эксплуатации горнорудных богатств этих областей. Оно было зафиксировано в секретном соглашении между немецким уполномоченным К.Клодиусом и министром иностранных дел Болгарии Н.Поповым, подписанным 24 апреля в отношении югославских областей и 27 апреля 1941 г. – в отношении греческой Фракии.

После решения принципиальных вопросов о «правах» Болгарии на оккупированные ею земли Югославии и Греции началась их планомерная колонизация. В административном отношении они были разделены в июле 1941 г. на три области: Беломорскую (Эгейскую) с главным городом Ксанти в Греции, Скопленскую и Битольскую в югославской Македонии. Что же касается соседних с Болгарией районов Пирота, Цариброда, Бабушницы и Босилеграда, то они вошли в Софийскую область.

Таким образом, оккупацию Македонии чужеземными войсками можно разделить на два периода. В первый период здесь господствовали немецко-фашистские оккупанты, управлявшие этой областью через так называемый Центральный болгарский комитет действия («Централен акционен булгарски комитет»), состоявший из местных националистических элементов и прибывших из Болгарии во главе со С.Стефановым и В.Хаджи-Кимовым. Комитет выдвигал лозунг присоединения Македонии к Болгарии, однако это была лишь ширма, ибо действительное его намерение состояло в том, чтобы добиться независимой Македонии под германским протекторатом.

За непродолжительное время своего пребывания в Македонии немцы с помощью Комитета смогли создать свою административную систему. В бывших окружных городах были учреждены региональные комитеты, находившиеся под контролем немецких комендантов. Во всех населенных пунктах существовали местные комитеты.

С приходом болгарских войск наступил новый период оккупационного режима в Вардарской Македонии. Деятельность Центрального комитета была немедленно запрещена, а его местные органы распущены. Правда, одновременно директор Скопленской области выразил Комитету благодарность[14].

Болгарская оккупационная администрация в Македонии

Вместе с болгарскими войсками в Македонию прибыли и многочисленные полицейские части – всего 2750 человек. Был создан полицейский аппарат в двух областях, в трех городах и в 21 районе. Он располагал моторизованными и конными отрядами, а также полицейской школой. Вместе с болгарской полицией и командованием войск сотрудничали те оставшиеся немецкие части и учреждения, которые охраняли аэродромы, шахты и железную дорогу. В Македонии оставалась также немецкая секретная полиция.

Почти все административные органы прибыли из Болгарии. Однако директорами областей были назначены проболгарски настроенные местные македонцы: в Скопле – Т.Петров и затем Н.Коларов, а в Битоле – Хр. Миладинов и Сот. Нанев.

По болгарскому образцу директора областей подчинялись министру внутренних дел Болгарии. В их руках находилась вся гражданская власть в области. Областной полицейский начальник подчинялся непосредственно директору полиции в Софии. В районах были созданы районные управы во главе с управителем, а в общинах – председатели (кметы). В селах власть осуществлял сельский староста. Македонцы, не владевшие болгарским языком, на службу не принимались. В лучшем случае отдельные представители македонской интеллигенции направлялись в Болгарию на «перевоспитание». Многочисленные болгарские чиновники, заполонившие Македонию, занимались реквизицией, часто грабили местных жителей. Даже полицейские власти вынуждены были жаловаться в Софию, что «конфискации производятся не в рамках закона, а произвольно, причем очень часто они принимают форму грабежа». В одном из докладов директор болгарской полиции писал: «Стыдно в сегодняшнем болгарском государстве применять методы, которые использовались лишь в колониях или во времена турецкого ига!»

Ассимиляция македонцев

На Вардарскую Македонию были распространены все законы Болгарии, в том числе закон о воинской повинности, а все македонцы объявлены подданными царя Бориса. Благодаря этим мерам дислоцированная здесь 5-я болгарская армия с 1942 г. частично пополнялась и за счет набора из местного населения. В начале 1944 г. местные македонцы уже составляли до 60% солдат этой армии.

Началась фашизация Македонии, хотя она и прикрывалась тезисом об «освободительной миссии» Болгарии в отношении македонского народа. За македонцами не признавались их национальная самобытность и язык. Сербское население под предлогом выселения колонистов изгонялось. Таким путем в Сербию было переселено до 120 тысяч сербов[15].

Особым гонениям подвергалось еврейское население. Для этой цели в Софии был создан специальный комиссариат по еврейскому вопросу. По некоторым данным, на основании секретного постановления правительства болгарские оккупационные власти к 2 марта 1943 г. по требованию немцев передали им около 20 тыс. македонских евреев. В то же время 50 тыс. евреев, проживавших в Болга-

рии, из-за протестов болгарских трудящихся не были переданы Германии и остались интернированными у себя на родине.

Исходя из концепции о болгарской принадлежности македонцев, оккупационные власти ввели здесь болгарский язык в качестве государственного языка. В Скопле на болгарском языке издавалась газета «Целокупна България». Ассимиляции подвергалась и македонская школа. Учащиеся воспитывались в духе восхваления всего болгарского и отчуждения от других народов Югославии. Болгарские власти позаботились о том, чтобы для македонцев открыть 800 основных школ, 180 восьмилеток, а также 10 полных и 7 неполных гимназий. Но они не беспокоились о детях проживавших здесь албанцев, турок и других народов.

С целью дальнейшей болгаризации македонского населения было также решено еще в 1941/42 учебном году открыть в Скопле университет. Однако по ряду причин он был открыт лишь через три года. Одна из таких причин состояла в том, что для учебы в университете нужно было подготовить достаточное количество абитуриентов, знающих болгарский язык, на котором предполагалось вести обучение в университете.

Оккупационные органы весьма тщательно подбирали кадры учителей. Многие из них были присланы из Болгарии. Из македонских учителей принимались на работу лишь те, кто имел справку полиции о «благонадежности». На должность руководителей учебных заведений по постановлению болгарского Министерства просвещения они, как правило, не назначались.

Идею о том, что Македония – это болгарская земля и что сами македонцы являются болгарами, систематически распространяла и дирекция национальной пропаганды, которую возглавлял видный сторонник михайловистского движения П.Коларов.

Вместе с «кнутом» болгарская администрация широко применяла и «пряник». Так, некоторому числу активных участников освободительной борьбы против турецкого, греческого и сербского ига была предоставлена пенсия. София отпустила также средства для оказания помощи македонским беженцам из Албании.

Этой же цели болгаризации македонцев служили различные союзы и организации, существовавшие и в Болгарии, такие, как «Браник», «Отец Паисий», «Легионеры», «Ратники», «Ополченцы», «Офицеры резерва», «Юнак» и до четырех десятков других.

Особо опасную подрывную роль в Македонии играли сторонники Ивана (Ванчо) Михайлова – прямого агента Германии и Италии и лидера фашистского движения в Македонии. Еще в 20-е годы Михайлов был одним из активных деятелей Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), которая из подлинно народной превратилась в реакционную организацию. Накануне войны Михайлов совместно с А.Павеличем выступал с идеей расчленения Югославии и за создание автономных Хорватии и Македонии под эгидой Германии. В период болгарской оккупации Македонии, проживая в Загребе, Михайлов давал своим сторонникам в Македонии указания не сотрудничать с теми, кто «продался» болгарам, и ничего не предпринимать против оккупантов, установить связь с немецким консулом в Скопле и бороться против НОЛЮ. Он соглашался признать Бориса царем Македонии лишь при условии, если власть будет в руках сторонников Михайлова.

Чтобы оправдать все эти великодержавные меры, болгарские правящие круги решили официально аннексировать Македонию. С этой целью в мае 1941 г. Народное собрание Болгарии приняло закон о гражданстве, которым все македонцы были объявлены болгарскими гражданами, а Македония объявлена составной частью царства Болгарии. Второй закон, принятый Народным собранием в Софии 30 марта 1942 г., гласил об административном устройстве в Македонии. Он распространил на Македонию финансовую, валютную и кредитную системы Болгарии, а также другие государственные акты. На Македонию был также распространен принятый Народным собранием еще 26 января 1941 г. фашистский закон о защите государства. В Македонии были введены военно-полевые суды, хотя в Болгарии их не существовало.

Все эти меры фашизации и ассимиляции македонского народа осуществлялись под ширмой его освобождения из-под сербского ига и его якобы равноправия с болгарами из собственно Болгарии. В первое время широкие слои македонцев попались на эту пропагандистскую удочку, однако вскоре разобрались и начали борьбу против оккупантов.

Великодержавная шовинистическая пропаганда повлияла и на часть болгарского народа. Она дала повод фашистам и великоболгарским шовинистам трубить о том, будто «с помощью Гитлера» Болгария осуществила свои «национальные идеалы». Этой пропаганде поддалась известная националистически настроенная часть городской мелкой буржуазии, крестьян и интеллигенции[16].

Под влиянием изменения военно-политической обстановки в пользу антигитлеровской коалиции и освободительной борьбы болгарских трудящихся в 1943 г. правительство Божилова решило предпринять меры, чтобы расколоть национальный фронт и усилить свое влияние во всех общественно-политических организациях в Болгарии. Оно создало политическую организацию под названием «Общественная сила», которая распространила свою деятельность и на Македонию.

В условиях дальнейшего обострения внутриполитического кризиса в Болгарии оккупационные власти к лету 1944 г. предприняли переговоры с различными кругами македонских националистов о предоставлении Македонии статуса автономии под болгарским влиянием. Прогерманские круги в Македонии, в свою очередь, при содействии И.Михайлова стремились создать собственные вооруженные силы и полицию и взять власть в свои руки после ожидаемого ухода болгарских войск.

Итальянская и албанская оккупация Македонии

В отличие от Вардарской Македонии, где болгарские власти прикрывались «освободительной» ширмой, в западной части Македонии итальянские и албанские оккупанты проводили неприкрытую ассимиляторскую политику в отношении местного населения. Итальянские оккупационные войска в Западной Македонии состояли из дивизии «Фиренце» и ряда жандармских, полицейских и пограничных частей. Они дислоцировались в Дебаре, Струге, Кичево, Гостиваре и других важных в военно-стратегическом отношении пунктах.

Итальянская оккупация осуществлялась здесь под видом присоединения этих македонских земель к «великой Албании», которая в свою очередь была фактической колонией Италии. Характер оккупации и структура административных органов в Западной Македонии определялись декретом Муссолини от 17 мая 1941 г. «О создании управления и судебных органов». В соответствии с этим декретом всю власть в Западной Македонии осуществлял итальянский гражданский комиссар Ф.Ализотти, назначенный верховным военным командованием с местом пребывания в г. Призрен в области Косово-Метохия, которая также была оккупирована итальянцами.

Деятельность гражданского комиссара продолжалась и после 12 июля 1941 г., когда декретом итальянского наместника Ф.Джакомини Албания официально аннексировала Западную Македонию. Лишь 3 декабря 1941 г. руководство всеми административными органами этой области перешло в специально созданное албанское Министерство по делам новоосвобожденных земель.

Западномакедонские земли были объединены в одну Дебарскую префектуру, которая делилась на Кичевскую, Ростушктскую, Гостиварскую и Тетовскую подпрефектуры в составе 48 населенных пунктов. Шесть сел Охридского района, присоединенных к Подградецкой подпрефектуре, и вся Преспанская подпрефектура вошли в состав Корчинской префектуры, находящейся на территории собственно Албании. В 1944 г. в Западной Македонии дополнительно была создана Тетовская префектура.

Оккупационные власти в своей деятельности опирались на полицию (квестура) и на так называемые «добровольческие» отряды из местных предателей. Во всех албанских органах находились итальянские советники, в руках которых и была реальная власть.

Оккупанты не только поддерживали существовавшие в македонских деревнях феодальные пережитки, но и восстанавливали давно исчезнувшие. Так, был восстановлен спахилук (спежак), т.е. десятина в натуре, взимаемая с крестьян, которая существовала еще перед Первой мировой войной. И вот 30 лет спустя декретом итальянского наместника в Албании Ф.Якобини от 15 мая 1942 г. он был введен снова. Так же был восстановлен институт так называемых сейменов, т.е. жандармов, находившихся на иждивении крестьян. Этот пережиток исчез со времен турецкого владычества.

Итальянцы с помощью великоалбанских шовинистов разжигали в Македонии межнациональную рознь и религиозную вражду между албанцами (арнаутами) и турецким и македонским населением.

С первых же дней оккупации итальянцы с помощью своих албанских квислинговцев стремились полностью ассимилировать местное македонское население. Все надписи в общественных местах были заменены на итальянские и албанские, телефонные разговоры разрешались только на албанском языке. По указанию Министерства внутренних дел Албании все македонские имена и фамилии были заменены на албанские путем запрещения писать и произносить окончания «-ски-», «-ов-» и «-ик-». Всем местным служащим было приказано изучить итальянский язык, для чего были организованы специальные курсы. Македонские школы закрывались, и дети вынуждены были посещать школы с преподаванием на албанском языке, для чего из Албании прибыли учителя.

Оккупационные власти с целью ускоренной албанизации Западной Македонии поощряли образование различных фашистских организаций и союзов. Самой влиятельной среди них была фашистская партия Албании, которая фактически была филиалом итальянской фашистской партии. В фашистские организации объединялись, как правило, представители неславянских национальностей Западной Македонии. Они воспитывались в антиславянском духе. Членов этих организаций широко использовала в своих целях итальянская разведывательная и контрразведывательная службы.

Местное македонское население терроризировали албанские националистические отряды баллистов. Они натравливали на него албанцев и турок, изгоняли сербов-колонистов, боролись против ширившегося национально-освободительного движения трудящихся македонцев и албанцев.

Восстановление немецкой оккупации в Западной Македонии

После того как Италия объявила войну Германии, обстановка в Западной Македонии изменилась. Из тюрем были освобождены многие македонские и албанские антифашисты, которые пополнили ряды партизан. Но вскоре на место итальянских снова прибыли немецкие оккупанты. Перестал существовать итальянский протекторат в Албании, был полностью разрушен весь итальянский административный аппарат, но албанские оккупанты в Западной Македонии оставались.

Чтобы использовать сложившуюся на Балканах обстановку для достижения своих целей, германский уполномоченный Г.Нойбахер 24 сентября 1943 г. провозгласил, что Германия признает «великую

Албанию». После устранения проитальянского правительства Албании 23 октября 1943 г. был сформирован прогерманский Регентский совет из 4-х членов во главе с Р.Мировичем. Прогерманские ставленники возглавили административный аппарат и в Западной Македонии.

В некоторых вопросах новые хозяева Албании позволили себе пойти дальше, чем итальянцы. Они разрешили албанским националистам создать свою собственную армию, чтобы «обеспечивать независимость» Албании. В мае 1944 г. гитлеровцы провозгласили набор в дивизию СС «Скандербег», но уже в сентябре того же года в боях с партизанами в Западной Македонии она была разбита, ее остатки разбежались.

Что же касается Западной Македонии, то гитлеровцы создали здесь свою собственную оккупационную систему под общим руководством командующего группой армий «Юго-Восток». Ему непосредственно подчинялись полевые комендатуры, которые делились на местные комендатуры. Под контролем комендатур работали гражданские органы, руководимые в основном албанскими квислинговцами. Однако и среди них не было единства. Если дебарская группа албанских националистов выступала за некоторое ослабление зависимости от Германии, то в Тетово и Гостиваре сосредоточивались деятели, которые при покровительстве немецкой разведки выступали против единства албанцев, турок и македонцев. Враждующие лагеря располагали своими собственными вооруженными бандами, от террора которых страдали не только македонцы, но и турки, албанцы и другие национальности.

С расширением национально-освободительной борьбы македонского народа во всей Македонии как немецкие, так и болгарские оккупанты все больше теряли контроль над обстановкой. Инициатива перешла к Коммунистической партии Югославии, действовавшей солидарно с компартиями Болгарии и Албании. На 1-м заседании антифашистского собрания Македонии 2 августа 1944 г. было провозглашено, что оно берет на себя всю полноту власти в Македонии.

Другим важным событием в истории македонского народа явилась победа вооруженного восстания в Софии, свержение правительства К.Муравиева и образование правительства Отечественного фронта 9 сентября 1944 г. Дислоцированные в Македонии болгарские войска совместно с НОЛЮ приняли участие в борьбе против отступавших из Греции немецко-фашистских войск. Весь болгарский оккупационный аппарат в Македонии распался. Жители Пиринской и Вардарской Македонии стали создавать народные органы власти, новые вооруженные партизанские отряды и части регулярной НОАЮ. Но им предстояло еще раз пережить ужасы немецко-фашистской оккупации. Через территорию Македонии из Греции на север отступала 400-тысячная немецкая группировка генерала А.Лера. Совместными действиями НОАЮ и болгарских войск Отечественного фронта в благоприятных условиях, созданных на

Балканах победами Красной Армии, 20 ноября 1944 г. был освобожден последний македонский г. Тетово.

В Австрии особым унижением и германизации подвергались проживающие здесь национальные меньшинства – чехи, хорваты и словенцы, которых в 1934 г. насчитывалось около 122500 человек. Так, гитлеровские власти в Австрии провозгласили, что они будут уважать национальные особенности хорватского населения Бургенланда (Градищан). На деле же вопреки возражению хорватов Бургенланд был разделен на две части. В 1942 г. газета «Хорватские новости» и журнал «Летопись градищанских хорватов» были запрещены. Были закрыты все школы с преподаванием на хорватском языке, а их инспектор профессор Клаудис арестован.

Гитлеровцы проводили жестокую германизаторскую политику и в отношении проживавших в Австрии словенцев, которых насчитывалось до 32 тыс. человек. Употребление словенского языка было запрещено, в крае были уничтожены сотни тысяч словенских книг. В апреле 1942 г. руководитель НСДАП Каринтии Майер-Кайбич разработал план переселения всех словенцев.

Национальная проблема в Чешских землях

Коварную политику «Разделяй и властвуй!» немцы проводили и на Чешских землях, в так называемом Судетенланде.

После Мюнхена в Судетенланде под игом германского фашизма оказались около 960 тыс. чехов. С первых же дней оккупации гитлеровцы и местные фашисты стали изгонять из этих областей неугодных им чехов и евреев. Их подвергали издевательствам, избивали, грабили их магазины и дома. Большинство чехов и все евреи были немедленно уволены из государственных учреждений и из руководства предприятиями. Из-за фашистского террора Судетскую область к декабрю 1939 г. вынуждены были покинуть до 200 тыс. человек. На месте остались в основном чешские крестьяне. Имущество изгнанных чехов и евреев, стоимостью в 3 млрд крон, было реквизировано германскими властями.

После войны во время судебного следствия об обстановке, сложившейся в Судетской области, Франк рассказал следующее: «В первые месяцы после оккупации происходили непрерывные аресты левых чехов и евреев... Имели место грабежи чешских и еврейских магазинов. Таким образом предполагалось добиться очищения территории от этих людей. Гестапо получило соответствующий приказ от имперского управления безопасности, а действия против евреев направлялись к тому же директивами партии, развернувшей антисемитскую травлю. Магазины, принадлежавшие евреям, вначале были отмечены специальными вывесками, большая часть из них была закрыта и разграблена; были произведены аресты и сожжены синагоги».

В так называемом Словацком государстве кроме словаков жили также украинцы, немцы, венгры, чехи и представители других национальностей. Вместе с тем многие сотни тысяч словаков жили в других странах. Во время встречи с Гитлером 21 октября 1939 г. словацкий посол в Берлине М.Чернак жаловался, что почти 40% словаков живут за пределами Словацкого государства.

В отношении национальных меньшинств Словакии клеро-фашистское правительство вело открытую националистическую политику. Это, в частности, касалось 200 тыс. украинцев, проживавших в восточной части страны. Украинская националистическая газета «Наступ» сообщала, что с 6 октября 1938 г. правительство в Восточной Словакии систематически устраивало кампании террора и насилия, направляя жандармов против украинских крестьян.

Людацкие пропагандисты, поощряемые немецкими советниками, развернули в Словацком государстве и разнузданную античешскую кампанию. Всех проживавших в Словакии чехов именовали «колонистами» и изгоняли их. Из учреждений увольнялись все чешские чиновники. В печати систематически появлялись статьи с критикой прежних прогрессивных политических и культурных связей словаков с чешским народом. Под предлогом разоблачения реакционного «чехословакизма» глинковские идеологи вообще отрицали традиционные исторические связи между двумя братскими славянскими народами. Традиции гуманистической реформации Я.Гуса, движение за национальное возрождение в середине XIX в. и другие прогрессивные движения они подменяли «духом традиций словацко-немецкой дружбы и христианским порядком».

Однако большинство словацких трудящихся питало теплые чувства солидарности с чешскими рабочими и крестьянами и не верило фашистской античешской пропаганде. Все это серьезно беспокоило как словацкое правительство, так и гитлеровские власти. Так, в одном из донесений в Берлин 5 апреля 1944 г. посол Лудин отмечал, что среди словацкого народа усиливается интерес ко всему чешскому, к чешским книгам, языку. В Словакии с успехом демонстрируются чешские фильмы, идут театральные постановки, в кафе словаки поют чешские песни. В стране участились нападения на немцев и приверженцев Тисо. Словацкая армия заражена коммунистическим духом, и она уже далеко не та, какой была год назад. Все это посол объясняет изменившейся обстановкой на фронтах в пользу противников Германии.

Важное место во внутренней политике, особенно в национальном вопросе, словацких клеро-фашистов занимала идея так называемого «словацкого национал-социализма», в основе которой лежали ярый антикоммунизм, национализм, антисемитизм и античехизм.

Специфика исторических отношений между Словакией и Германией состояла в том, что словацкий народ в прошлом менее испытывал немецкий гнет и подвергался меньшей германизации, чем чехи. «Традиционный антагонизм словацкой истории имел антивенгерскую направленность». Этой спецификой и пользовались словацкие фашисты, призывая свой народ к сотрудничеству с гитлеровской Германией. 27 августа 1939 г. президент Словацкого государства Тисо прямо заявил, что «Словакия будет маршировать плечом к плечу с Германией».

Пропаганда и внедрение «словацкого национал-социализма» стали особенно активными после зальцбургской встречи лидеров словацкого клеро-фашизма с Гитлером. Его существо выразил сам глава правительства Тука, когда после возвращения из Зальцбурга 30 июля 1940 г. заявил: «Словацкий национал-социализм базируется на принципах немецкого национал-социализма... С сегодняшнего дня начинается новая эра словацкого национал-социализма». Полгода спустя 21 января 1941 г., выступая на сборах функционеров глинковской гвардии в Тренчин-Теплице, Тука сформулировал 14 принципов «словацкого национал-социализма». Особым пунктом он назвал требование о «братском и честном сотрудничестве с нашими немцами», что вызвало удовлетворение лидера местных немцев Ф.Кармазина.

Национальные движения в Венгрии

С началом войны весьма обостренную форму приобрели национальные движения в Венгрии. Самым многочисленным национальным меньшинством в стране в эти годы были румыны, проживавшие в основном в Северной Трансильвании. Несмотря на неоднократные заверения хортистских правителей уважать права румынского населения, фактически же его положение было неравноправным. Представители венгерских властей, наводнившие Северную Трансильванию, демонстративно подчеркивали свое «превосходство», унижали национальное достоинство румын, препятствовали развитию их культуры, народного образования и народных обычаев.

С 1941 г. по 1943 г. хортистские власти арестовали в Северной Трансильвании тысячи антифашистов различных национальностей и заключили их в концлагеря Клужа и Мурепа. Затем многие из этих узников были депортированы в концлагеря Бухенвальд, Дахау и Берген-Бельзен. Однако местное венгерское население, столетиями проживавшее здесь совместно с румынами и другими национальностями, не только не поддерживало, но и осуждало эти бесчинства хортистов. «Там, где господа офицеры, жандармерия, полиция, администрация, – писал видный венгерский политический деятель И.Доби, – по обыкновению, прибегали к произволу, они на каждом шагу наталкивались на сопротивление народа. Противозаконный террор, примененный, например, против румын, провалился не благодаря запретам из Будапешта, а в результате недовольства и протеста трансильванских венгров.

Нельзя было недооценивать, не придавать важного политического значения поведению трансильванского народа, его суровой замкнутости по отношению к тем, кто стремился проникнуть туда с

недобрыми намерениями. Лидеры политических партий Венгрии один за другим выезжали в Трансильванию, но вскоре им пришлось убедиться, что там прекрасно обходятся и без них».

Составной частью национальной политики как хортистской Венгрии, так и королевской Румынии в Трансильвании являлись пограничные провокации, устраиваемые обеими сторонами. Растущими враждебными отношениями между Румынией и Венгрией Гитлер ловко пользовался. Смешанные германо-итальянские комиссии, которые создавались для «расследования» взаимных румыно-венгерских претензий, как правило, принимали решения в пользу той стороны, которая в данный момент вносила больший «вклад» в антисоветскую войну.

В программе компартии Венгрии, изложенной в виде листовки «Путь венгерской свободы и мира» в апреле 1943 г., выдвигалось, в частности, требование, чтобы всем гражданам национальных меньшинств было предоставлено полное равноправие.

В Греции оккупанты также прибегали к разжиганию шовинистических страстей и национальной розни между греками и другими национальностями, проживавшими в стране, особенно славянами. Так, в Салониках, Флорине, Эдессе и других городах местные фашисты при активной поддержке гитлеровских агентов старались посеять вражду между македонцами и греками. Итальянские фашисты в Фессалии и на Пинде в конце 1941 г. организовали так называемый «легион влахов», объявив греческих влахов потомками солдат пятого римского легиона Цезаря. Их пропагандисты на этом основании требовали создания «Независимого княжества Пинда» под эгидой Италии.

В Албании итальянские оккупанты при поддержке гитлеровцев вели линию на изоляцию албанцев от других соседних народов и всяческими способами стремились разжечь между ними национальную рознь. Поощрялась кампания за возвращение области Косово, находящейся в составе Югославии. Фашистская печать призывала «освободить» от греческого ига братьев чамов и, вообще, включить территорию Чамерии, населенную греческими албанцами, в состав Албании. Требование о присоединении Чамерии публично поддержал Чиано в своем выступлении в Корче. Не спрашивая согласия албанского народа, Муссолини от имени Албании объявил войну Греции. Под предлогом «освобождения угнетенного албанского меньшинства» в северных районах Греции итальянские войска 28 октября 1940 г. вторглись в Грецию.

Граждане второго сорта во Франции

Межвоенная Франция была страной, которая приютила многие сотни тысяч иностранцев, по разным причинам покинувших свою родину. Во Франции жили политэмигранты из Германии, Италии, Польши, Румынии и других стран. Здесь же осели около 90 тыс.

русских — бывших солдат Экспедиционного корпуса времен Первой мировой войны и бежавших из Советской России белогвардейцев. В 1939 г. на французскую землю отошли 400 тыс. бойцов испанской республиканской армии. Кроме того, в годы промышленной активности французские предприниматели завербовали около 4 млн. иностранных рабочих, что составляло почти 10% всего населения Франции. Они работали в сельском хозяйстве, на предприятиях и особенно много поляков было занято в угольных шахтах департаментов Нор и Па-де-Кале. На протяжении многих десятилетий во Франции проживали сотни тысяч евреев. Многие из них ассимилировались, считали себя французами и были заняты в торговле, в области культуры, науки, здравоохранения.

К началу Второй мировой войны подавляющее большинство этих выходцев из других стран считали Францию своей второй родиной и называли ее матерью, но правящие круги в Париже делали все, чтобы превратить Францию для этих людей в мачеху и вызвать к ней неприязнь. Правда, иностранцам разрешалось приобретать французское гражданство, но они всегда считались «гражданами второго сорта», а в 1935 г. был принят закон, по которому люди иностранного происхождения могли быть лишены французского гражданства, если их деятельность представлялась для правителей Франции опасной. Особенно бесправными были так называемые «апатриды», т.е. лица вообще не имеющие гражданства. Ими преимущественно были политэмигранты.

В связи с начавшейся Второй мировой войной положение граждан Франции иностранного происхождения значительно ухудшилось. Они подвергались всяческим ограничениям и подозрениям, многим из них не доверяли служить в армии и работать в государственных учреждениях. Однако свыше 300 тыс. иностранцев все же встали на защиту Франции от гитлеровской агрессии. Такие организации итальянцев, проживавших на юге Франции, как Итальянский народный союз и «Франко-итальянское общество ветеранов», призвали своих членов вступать во французскую армию и сражаться против агрессоров. В Ницце еще 11 июня 1940 г., когда Франция находилась в тяжелом положении, 5 тыс. итальянцев — жителей города — заявили префекту о своей лояльности французским властям.

Новая полоса преследований иностранцев началась после капитуляции Франции, причем с ними жестоко обращались как германские власти в оккупированной зоне, так и вишистские власти в неоккупированной зоне. Многие из них, особенно испанские республиканцы, были загнаны в концлагеря, их лишили элементарных человеческих прав, не давали работы.

В период оккупации на территории Франции заметно увеличилось число африканцев из французских колоний. Они обычно выполняли на предприятиях самую черную работу. Некоторые из них работали прислугой, но большинство служило мобилизованными солдатами, которым после роспуска французской армии запреща-

лось выезжать на родину. Гитлеровская пропаганда в печати и кино использовала наличие во Франции большого количества африканцев, чтобы лишний раз позлорадствовать над французами, называя их помесью белых с неграми и представляя негров как «защитников французской цивилизации».

Расистская политика гитлеровцев и их вишистских лакеев вызывала возмущение как мировой общественности, так и демократических сил самой Франции. Так один из видных французских писателей и философов, член Французской академии Франсуа Мориак резко разоблачал французских расистов.

Проблема Эльзаса и Лотарингии

Важным элементом оккупационной политики гитлеровцев во Франции была их попытка поссорить французов, проживающих в разных исторических провинциях страны. Характерной в этом отношении была их политика в департаментах Франции, составлявших традиционные провинции Эльзас и Лотарингию.

Некоторые исследователи считают, что до войны проблема Эльзаса и Лотарингии Гитлера особенно не интересовала. Так, в «Майн кампф» он уделил этой проблеме всего несколько строчек. В своих выступлениях более позднего периода Гитлер неоднократно отмечал, что спор об Эльзасе и Лотарингии между Францией и Германией легко разрешим. Все эти довоенные официальные высказывания Гитлера и других ведущих политических деятелей Германии в отношении Эльзаса и Лотарингии были не чем иным, как тактическим приемом, маскировкой, призванной скрыть подлинную заинтересованность Германии в этих богатых французских территориях. Истинные планы Гитлера относительно Эльзаса и Лотарингии стали интенсивно разрабатываться и даже открыто пропагандироваться лишь в период войны.

Уже 10 сентября 1939 г. один из лидеров эльзасских автономистов Ф.Шпизер в письме к Гитлеру предложил присоединить Эльзас и Лотарингию к Германии и для формы провести здесь референдум. Риббентропу было поручено вплотную заинтересоваться этим вопросом. С этой целью в декабре 1939 г. в МИД была создана специальная «референтура» во главе с председателем Союза Эльзас и Лотарингия в Германии Р.Эрнстом.

В связи с этим в архивах германского МИД сохранился весьма любопытный документ — письмо Эрнста заместителю руководителя политического отдела МИД Ринтелену от 9 марта 1940 г. с изложением предложений этой «референтуры» и его лично. В действительности же, как явствует из письма, эльзасец по происхождению Эрнст был офицером абвера и координировал деятельность ряда организаций, занимавшихся изучением и пропагандой на Эльзас и Лотарингию: «Союза эльзас-лотарингцев в Германии», журнала «Elsaß-Lothringen-Heimatstimme», «Союза германского Запада»,

«Клуба этнических немцев», научно-исследовательского института по вопросам Эльзаса и Лотарингии во Франкфурте-на-Майне и др.

Автор докладной записки, который, как он сам похвалялся, уже на протяжении 20 лет выступал за присоединение Эльзаса и Лотарингии к Германии, рекомендовал МИД избегать преждевременного раскрытия каких-либо намерений относительно Эльзаса и Лотарингии, даже остерегаться связей с эвакуированными или находящимися в зоне боевых действий эльзас-лотарингцами. Он считал, что надо дать «возможность спокойно развиваться недоброжелательным настроениям в кругах эльзас-лотарингцев», а после победы над Францией следует немедленно реэвакуировать на родину всех эльзас-лотарингцев (кроме евреев и буржуа). «Мы не заинтересованы в том, чтобы оздоровлять юго-западные департаменты Франции алемано-франкской кровью, а самим отказываться от этой в общем хорошей германской крови». Далее автор записки настоятельно рекомендовал не спешить с включением Эльзаса и Лотарингии в состав соседних немецких областей Баден и Саар-Пфальц и не насаждать в них чиновников из Германии. Нужно, чтобы эльзасцы и лотарингцы «сначала внутренне созрели для этого более позднего включения их в большие германские районы», которое может произойти через 5 лет, пишет Эрнст[17]. Проблемой Эльзаса и Лотарингии заинтересовался и начальник президиальной канцелярии Гитлера, государственный министр О.Мейсснер, который сам был родом из Эльзаса. Ему принадлежит идея создания в этих французских областях нечто вроде «протектората», а сам Мейсснер, несомненно, рассчитывал на должность «протектора»[18].

Однако Гитлера подобные половинчатые решения проблемы Эльзаса и Лотарингии не устраивали. Он выступал в принципе за безусловную аннексию этих областей, и опять-таки из тактических соображений в ходе переговоров о перемирии этот вопрос не затрагивался. В Соглашении о перемирии Эльзас и Лотарингия рассматривались как часть Франции, на которую распространяется, как и на всю Францию, власть французского правительства.

В действительности же Гитлер делал все, чтобы ко времени переговоров о мире Эльзас и Лотарингия были присоединены к Германии de facto. С этой целью неопубликованным указом Гитлера от 2 августа 1940 г. о временном управлении в Эльзасе и Лотарингии они были разделены на две самостоятельные области и присоединены к смежным немецким областям: Эльзас — к Бадену, а Лотарингия — к Саарпфальцу. В них практически не существовало военного управления, как это было установлено в других оккупированных департаментах Франции. Начальниками гражданской администрации 7 августа были назначены в Эльзасе наместник и гаулейтер Бадена Р.Вагнер, а в Лотарингии — наместник и гаулейтер Саар-Пфальца И.Бюркель. С планами этих фанатичных нацистов и расистов связана жестокая германизация французского населения Эльзаса и Лотарингии, его массовая депортация и физическое уничтожение.

Р.Вагнер родился в 1895 г. около г. Гейдельберга, офицером участвовал в Первой мировой войне на западном фронте, затем учительствовал в начальной школе в Бадене. С первых же дней появления Гитлера на политической арене Веймарской республики стал его соратником (Mitkämpfer). Вместе с ним участвовал в путче 1923 г. и вместе с ним сидел в тюрьме Ландсберг. После 1933 г., естественно, был назначен имперским наместником и гаулейтером одной из важных областей Западной Германии — Бадена. На этом посту Вагнер проявил себя изощренным в интригах и хитрым политиканом, который тонко, но настойчиво вел свою линию франкофоба и поэтому вошел в историю как «вешатель Эльзаса»[19].

24 января 1945 г. Вагнер в последний раз, выступая с речью в г. Гуэбвиллере, заявил, что Эльзас — это немецкая земля, а эльзасцы — это дети матери Германии. «Я еще вернусь», — воскликнул он и спешно уехал за Рейн. Даже перед самой смертью ранним утром 2 мая 1946 г. уже с петлей на шее этот закостенелый нацист крикнул: «Долой французскую политику возмездия! Да здравствует национал-социалистическая Германия! Да здравствует немецкий Эльзас!»[20]

Другом по партии, но личным недругом соседа Вагнера был в Саар-Пфальце И.Бюркель. Он также был старым Parteigenosse Гитлера и с 1933 г. часто выполнял его поручения по скрытой подготовке агрессивных актов против соседних стран. Сперва он был назначен уполномоченным национал-социалистической партии во время проведения плебисцита в Сааре. Используя различные махинации, ему удалось добиться благоприятного для Германии исхода плебисцита. Затем Бюркель стал имперским комиссаром в Австрии, где оставил после себя недобрую славу грубияна и невежды, участвовал в переговорах об отделении Словакии и создании там марионеточного правительства. Недаром в кругах партии его называли «специалистом по аннексиям». По характеру Бюркель был груб, жесток, самолюбив. Один из авторов писал о нем: «Это был тип гаулейтера наподобие герцога, который безоговорочно подчинялся лишь одному фюреру». Вот таким преданным своим сатрапам Гитлер вручил судьбу французского населения Эльзаса и Лотарингии.

Чтобы дальше ослабить французское влияние в Эльзасе, 16 августа из г. Мец был изгнан местный епископ, а епископу Страсбурга, эвакуировавшемуся на юг Франции, возвращение было запрещено. Всем французским префектам и субпрефектам, эвакуировавшимся на юг во время вступления немецких войск, также было запрещено возвращаться в свои города. На их места были назначены немцы. Так, префект департамента Южный Рейн с местом пребывания в Страсбурге был арестован и без какого-либо объяснения смещен со своего поста.

Постановлением министра внутренних дел Германии В.Фрика гражданами Эльзаса и Лотарингии считались те, кто жил здесь до

ноября 1918 г. Поэтому возвращение тех беженцев, которые прибыли сюда позже, было запрещено. Оставшиеся в Эльзасе и Лотарингии французы насильно изгонялись в другие департаменты Франции. Употребление французского языка запрещалось, а в случае непослушания приказом Вагнера от 27 апреля 1941 года налагалось наказание до года тюрьмы. За употребление французских приветствий «bonjour», «adieu» или «au revoir» налагался штраф в несколько марок. Вагнер запретил также пение французских песен, но, когда наступил день 14 июля — праздник взятия Бастилии, французские юноши и девушки везде пели свою традиционную песню «Несмотря ни на что, мы останемся французами», за что к августу 1941 г. в специально созданном лагере у Ширмека было заключено 650 «политически неблагонадежных» эльзасцев.

29 июля были отменены и переделаны на немецкий лад все французские названия населенных пунктов, улиц и площадей. Везде, даже в небольших селах, должна была быть площадь имени Гитлера. Все французские книги сжигались публично на кострах, изымались статуи Жанны д'Арк, запрещалось ношение каких-либо французских значков и всего того, что содержало французское национальное сочетание цветов голубого, красного и белого. Было даже запрещено ношение баскских беретов.

Одна из немецко-фашистских газет в статье «Французские береты по-прежнему запрещены» писала, что во Франции баскские береты весьма распространены и их ношение означало верность своей родине. Вот почему газета напоминала эльзасцам, не желавшим отказываться от своих «скверных нравов», что им уже давно было предложено бесплатно обменять свои «французские головные уборы» на «приличные шляпы и фуражки». Газета предостерегала строптивых эльзасцев, что «каждый эльзасец, который не хочет, чтобы его считали за француза и обращались с ним как с таковым, должен снять французский берет и окончательно отказаться от него».

Первый ректор открытого в Страсбурге немецкого университета 23 ноября 1941 г. заявил: «Культура французского происхождения отошла в прошлое. Мы должны воспитывать у эльзасцев чувство принадлежности к немецкой нации»[21]. Немецко-фашистские оккупанты особенно активно проводили германизацию школьного дела Эльзаса и Лотарингии. С этой целью, в частности, из Эльзаса были изгнаны 5000 французских учителей и на их место из Германии прибыло 6200 немецких учителей. Во главе школьного отдела в Эльзасе был поставлен убежденный нацист К.Гертнер, а его брат Эмиль, назначенный советником в г. Кольмаре, заявил однажды, что между Францией и Германией «мы должны создать такую каменную стену, чтобы ни один французский петух не перелетел через нее». Большая часть учебного времени в школах и в высших учебных заведениях отводилась на физическое воспитание, военные занятия и пение нацистских песен, прославлявших Гитлера. Вся молодежь в принудительном порядке состояла в организации

«Opferring», которая в июне 1944 г. насчитывала 146 тыс. членов, а все женщины — в организации «Frauenschaft», насчитывавшей в июне 1944 г. 13367 членов. Опорой Гитлера в осуществлении германизации Эльзаса была местная организация НСДАП, насчитывавшая к июню 1944 г. 30 тыс. человек главным образом из имперских немцев, прибывших из Германии.

Прошел год, как эльзасцы и лотарингцы были объявлены Гитлером немецкими гражданами, однако они не оценили этой «чести», что вынудило фашистскую газету «Völkischer Beobachter» жаловаться: «Жители Эльзаса как будто не хотят понять оказанного им добра. Они встречают нас молчанием, насмешками, а порой и более злостными проявлениями своего исключительно неуживчивого характера»[22].

Депортация населения

Одним из распространенных методов германизации Эльзаса и Лотарингии стали массовые депортации населения. В ноябре 1941 г. Вагнер решил всех юношей, достигших 17-летнего возраста, отправить на работы в Германию сроком на год, а девушек — на 6 месяцев. Все, кто добровольно служил в период войны во французской армии (а таких в Эльзасе насчитывалось 50 тыс. человек), в августе 1940 г. насильно отправлялись в Южную Францию. С июля 1940 г. началось выселение евреев, северо-африканцев, а также французов, переселившихся в Эльзас и Лотарингию после 1918 г. Так, 16 июля 22 тыс. жителям было предложено в течение получаса покинуть свои дома.

Вторая волна переселения была предпринята с 12 по 22 ноября 1940 г., когда в неоккупированную Францию было изгнано 66 тыс. лотарингцев и 120 тыс. эльзасцев. Этот же факт отметил в своем дневнике генерал Гальдер. Он записал, что к 21 ноября 1940 г. вынуждены были покинуть родину 100 тыс. лотарингцев и 10 тыс. эльзасцев. Ежедневно изгонялось по 2 тыс. человек.

К концу ноября 1940 г. была проведена самая крупная акция по массовому выселению лотарингцев в Южную Францию. И.Бюркель через О.Абеца проинформировал французское правительство, что эти лотарингцы «добровольно выезжают во Францию», но в действительности им был предложен выбор: либо Франция, либо Польша. Как заявил в 1943 г. начальник СД Лотарингии, к этому времени было выселено 58771 лотарингец. Всего же за весь период войны, по некоторым данным, было выселено более 100 тыс. жителей Лотарингии.

Политика депортаций привела к тому, что в годы войны из Эльзаса было изгнано около 2% довоенного населения, представленного в 1936 г. 1219381 человеком, и из Лотарингии — свыше 15% довоенного населения, составлявшего в лотарингском департаменте Мозель — 660906 человек.

Хотя Гитлер и не считал эльзасцев и лотарингцев настоящими немцами, однако из-за нехватки солдат для восточного фронта он призвал их добровольно вступать в вермахт. Таких добровольцев оказалось всего лишь 2300 человек. Тогда оккупационные власти в Лотарингии с 19 августа 1942 г. ввели для всех без исключения молодых лотарингцев обязательную воинскую повинность. Бюркель в своем распоряжении от 5 декабря 1942 г. обосновал эту меру возникновением новой ситуации в Северной Африке. Затем распоряжением Вагнера в вермахт было мобилизовано и 170 тыс. эльзасцев в возрасте от 17 до 38 лет.

Базельская «Nationalzeitung» в феврале 1943 г. поместила выдержки из «Mülhauser Tagblatt», которая возмущалась «недостаточным патриотизмом» эльзасцев: «Здесь есть люди, которые опять заводят старую песенку о французской военной присяге. Каждый раз, когда эльзасских немцев призывают под германские знамена, они заводят эту песню, заявляя: нас никто не может призвать в армию, так как никто еще не освободил нас от присяги французскому знамени. Они думают, что Германия из одного только уважения будет потрясена подобной верностью... есть еще и другие аргументы. Они говорят, что войну всегда проигрывает тот, на чьей стороне эльзасцы. Лучшим ответом таким "рыцарям печального образа" был бы удар кулаком в лицо. Тот факт, что Германия вместе с эльзасцами проиграла войну в 1918 г., а Франция вместе с эльзасцами — в 1940 г., является просто игрой случая».

Поскольку для немецких оккупантов существовала опасность массового бегства эльзасцев и лотарингцев в Южную Францию, чтобы избежать мобилизации, то вдоль демаркационной линии была создана 3-километровая пограничная запретная зона. Было объявлено, что в нарушителей этой зоны будут стрелять без предупреждения.

Особым преследованиям подвергались в Эльзасе и Лотарингии евреи, цыгане и представители, как говорили нацисты, «чужих рас», а также бывшие бойцы интернациональных бригад в Испании. На всех на них были распространены расистские законы, принятые в Германии. Начальник гражданской администрации в Лотарингии Бюркель 9 марта 1942 г. объявил, что меры наказания для поляков и евреев, установленные 4 декабря 1941 г. в «присоединенных восточных областях» Польши, впредь распространяются и на Лотарингию[23].

На основе указаний Гитлера расовый отдел главного управления безопасности в сентябре 1942 г. разработал меры «по окончательной чистке Эльзаса и Лотарингии от неблагонадежных в расовом отношении элементов». В частности, предусматривалось «переселение расово ценных семей на восток, расово терпимых — в Германию и расово неполноценных — во Францию». «Кроме того, — отмечалось в этом документе, — Эльзас и Лотарингию необходимо очистить от всех цветных смешанных рас, чистых и смешанных цыган, евреев и полуевреев, асоциальных и душевно больных эле-

ментов». Причем в особой инструкции Гиммлера от 18 июня 1942 г. было сказано, что переселение на восток нельзя рассматривать как наказание, ибо в Польше и в других странах Восточной Европы переселенцы получат хорошую землю. Неблагонадежных следует направлять в концлагерь или непосредственно в Германию, где они «перевоспитываются в здоровом немецком обществе»[24]. В частности, для первой категории переселенцев (расово ценных) предназначались Украина и район Люблина в Польше, для второй — лагеря около г. Ульм (для эльзасцев) и около г. Эрфурт (для лотарингцев). Многие переселенцы просили их направить в соседние немецкие области, но в июле 1943 г. Гиммлер решил переселить всех только за Рейн. Освободившиеся в Эльзасе — Лотарингии места предназначались для немцев из Пфальца, а также для этнических немцев из Буковины и Добруджи.

Политика «кнута и пряника»

Однако немцы в Эльзасе и Лотарингии действовали не только кнутом, но и пряником. Цель их состояла в том, чтобы путем дифференцированного отношения к разным искуственно созданным ими категориям населения разъединить эльзасцев и лотарингцев и внести среди них разлад. Так, по нацистской терминологии в этих областях проживало три категории населения: имперские немцы, французы и так называемые «Volksdeutschen Elsaß-lothringen». Когда на одном из заседаний комиссии по перемирию генерал Ш.Хунцигер спросил генерала К.-Г.Штюльпнагеля, что это за новая «национальность», тот не смог сказать ничего вразумительного, заявив лишь, что имперское правительство считает своим долгом защищать членов немецкого этнического сообщества, независимо от того, где они живут.

Чтобы продемонстрировать свое особое отношение к немецко-этническим эльзасцам и лотарингцам, Гитлер разрешил отпустить из плена всех солдат (но не офицеров) этой категории населения, в то время как французы такой привилегией не пользовались. Наместник и гауляйтер Эльзаса Вагнер разрешил деятельность общественной организации «Эльзасская служба помощи». По его указанию 150 политических узников прогерманской ориентации, заключенных в свое время в тюрьмы французскими властями, были освобождены, и с целью воспитания ненависти против Франции их возили по многим городам Эльзаса, где они выступали с антифранцузскими речами. Вагнер пошел еще дальше — разрешил вернуться на родину из Южной Франции некоторому количеству эльзасцев, но при условии, чтобы они продемонстрировали свой «патриотизм» и любовь к Германии возгласами «Хайль Гитлер». Но этот спектакль не везде удавался, и часть эльзасцев уже с границы была снова возвращена в Южную Францию.

Для того чтобы показать якобы немецкий характер Лотарингии, Бюркель предпринял кампанию по массовой записи лотарингцев в категорию этнических немцев, обещая им всяческие привилегии. Немецкое гражданство и вытекающие отсюда привилегии были обещаны и добровольцам, вступившим в вермахт. 29 августа 1942 г. в Лотарингии было введено германское государственное право. В соответствующей директиве Бюркеля было сказано, что вступают в силу имперский закон от 22 июля 1913 г. о включении Лотарингии в состав германской империи, а также закон о немецком гражданстве от 5 февраля 1934 г. и изменение к нему от 15 мая 1935 г. Особо подчеркивалось, чтобы те лотарингцы, которые приобрели немецкое гражданство, изменили свою фамилию, для чего им нужно было до 31 декабря 1942 г. подать соответствующее заявление[25].

Кроме немецкого гражданства распоряжением Бюркеля от 30 января 1943 г. была введена еще одна не столько этническая, сколько политическая категория. Лица, проживающие в Лотарингии, могли быть приняты в «Немецкое народное сообщество» в качестве «гостя» («Gastmitglieder»), но при условии, что они будут считать себя немцами, говорить по-немецки и быть добросовестными гражданами. Однако это не означало автоматического приобретения немецкого гражданства. Ясно, что это было еще одно средство германизации французского населения Лотарингии.

После того как и южная зона Франции также была оккупирована, многим профессорам и студентам Страсбургского университета, работавшим в Клермон-Ферране, было «прощено их дезертирство» и разрешено вернуться обратно.

Немецкие власти тем самым намеревались подкупить преподавателей высших учебных заведений и поставить их на свою службу. В связи с неблагоприятным развитием событий на фронтах оккупационные власти усилили пропагандистскую кампанию среди лотарингцев и эльзасцев. В специальной инструкции Отдела политического воспитания ОКХ от 15 декабря 1944 г. подчеркивалось, что в настоящее время нужно проявить особую заботу о солдатах-эльзасцах и воспитывать их в духе ненависти к Франции, которая «дважды в войнах разоряла Эльзас». Далее предлагалось убеждать эльзасцев в том, что «вслед за союзными войсками в Эльзас могут вступить большевики, но чего вермахт не допустит».

Большинство жителей Эльзаса и Лотарингии отвергало эти подачки и обещания гитлеровцев и считало установленный ими режим таким, каким он был в действительности — ненавистной чужеземной оккупацией. Об этом, в частности, 21 июня 1944 г. писал Гиммлеру группенфюрер СС Г.Бергер, посетивший в это время Эльзас: «Эльзасцы — это свиньи ("Sauvolk"), — жаловался он. — Они верят в возвращение французов и англичан и когда мы начали обстрел Фау-1, они были особенно враждебно к нам настроены. Рейхсфюрер! Я думаю, что следовало хотя бы половину их куданибудь переселить». А разочарованный поведением эльзасцев Гит-

лер в марте 1942 г. назвал их «глупыми ослами», которых американцы хотят втянуть в войну.

Осенью 1944 г. в Эльзас и Лотарингию пришло долгожданное освобождение. 23 ноября 1944 г. в Страсбург вступили французские войска, а в марте 1945 г. вся территория Эльзаса и Лотарингии стала свободной.

Бретонская проблема

Чтобы разъединить французский народ и ослабить таким образом его сопротивление чужеземным оккупантам, немцы пытались использовать в своих интересах сепаратистское движение в Бретани.

25 июля 1940 г. французы с тревогой услышали следующее сообщение германского информационного бюро: «Чтобы предотвратить восстановление французской администрации в Бретани, где она существовала на протяжении 150 лет, германские власти объявили Бретань на особом положении. Там учреждается должность губернатора, который будет управлять департаментом Бретань и будет находиться в здании префектуры в г. Ренне». Далее со ссылкой на бретонскую газету «L'Heure Bretonne» сообщалось, что в г. Ренне недавно состоялось заседание Исполнительного комитета Бретонского национального совета. В принятом исполкомом заявлении говорилось, что Бретань будет самостоятельным национальным государством и что «международный статус бретонского государства и характер его отношений с Францией и Германией будет определяться взаимными договорами»[26].

Сообщение из Берлина вызвало не только озабоченность французов, но и удивление некоторых немецких органов, которые предлагали решить бретонскую проблему более осторожно, без спешки и так, чтобы не создавать нового очага беспокойства в районе, расположенном недалеко от Англии. В частности, против бретонского сепаратизма выступили военные власти и МИД Германии. 17 июля, когда стало известно об активизации лидеров сепаратизма в Бретани, в одной из директив ОКВ подчеркивалось, что из политических соображений всякая поддержка автономистского движения в Бретани нежелательна. Генерал Гальдер в своем дневнике от 10 августа 1940 г. заметил: «Самостоятельность Бретани — это невероятная глупость». А Риббентроп 31 июля указал своему представителю в комиссии по перемирию, что в случае запроса французов ответить, что «имперское правительство не имеет ничего общего с заявлением германского информационного бюро от 25 июля»[27].

Сам Гитлер не имел твердого мнения относительно будущего Бретани. Однако он считал, что отделение Бретани не получит поддержки большинства населения, ибо, по его данным, из 3 млн человек населения сепаратистов насчитывается не более 10 тыс. человек. Более энергично в поддержку бретонского сепаратизма выступили в Берлине Геринг, некоторые партийные инстанции, а также Министерство пропаганды.

Разведка вермахта имела с лидерами сепаратизма давние «деловые» связи, поскольку Бретань занимает важное стратегическое положение и многие бретонцы имели родственников в Англии, снабжавших германский абвер необходимыми сведениями о противнике. В кругах Розенберга убедительным аргументом в пользу сепаратизма считали тот факт, что французский флот, который находился вне досягаемости немцев, на 80% состоял из бретонцев. Расчет строился на том, что объявление независимости Бретани создаст серьезную обстановку на Военно-морском флоте Франции.

В Бретани, как уже отмечалось выше, сепаратистское движение существовало с середины XVI в., когда эта провинция была присоединена к Франции. Помня о своем кельтском происхождении, бретонцы всегда защищали свои свободы и выступали против чрезмерной централизации власти во Франции.

В сепаратистском движении бретонцев всегда отмечались две тенденции: первая выступала за провинциальную автономию в рамках французского государства и вторая, более радикальная, выступала за отделение от Франции и образование независимого бретонского государства. Сепаратистское движение в Бретани никогда не пользовалось поддержкой широких масс народа. Его не поддерживала и католическая церковь. Поэтому для Франции это движение было опасно не столько своей массовой базой, сколько активностью отдельных фанатичных ее лидеров, которой могли воспользоваться иностранные противники Франции.

В зависимости от международной и внутриполитической обстановки сепаратизм в Бретани то затухал, то вспыхивал с новой силой. Так, инспирируемый из Берлина, он активизировался в начале Второй мировой войны. Но французское правительство подавило его, и суд приговорил к смерти лидеров сепаратизма Ф.Лебовэ и О.Мордреля, которые, правда, успели бежать в Германию с надеждой на помощь Берлина в осуществлении своих планов. В это время бретонское националистическое движение насчитывало не более 5 тыс. активных участников.

До мая 1940 г., кроме пропагандистской и некоторой материальной поддержки, Берлин не обещал сепаратистам ничего. Но с активизацией военных действий ими заинтересовались все: абвер посылал в Бретань свою агентуру, Геббельс вовсю использовал бретонский вопрос в своей антифранцузской пропаганде, Розенберг как специалист по разложению и разъединению народов в странах — противниках Германии строил планы раздела Франции на мелкие государства.

Наибольшую эффективность имела немецкая пропаганда в бретонских частях французской армии, где служили сотни тысяч бретонцев, и на флоте, где личный состав на 60% состоял из бретонцев. В некоторых бретонских частях отмечались волнения, были также случаи отказа от выполнения приказов командования. Гер-

манская разведка планировала даже создать из военнопленных бретонцев особый легион, который должен был оказать поддержку антифранцузскому восстанию в Бретани.

19 мая 1940 г. германский абвер, который особенно заинтересовала бретонская проблема, направил в МИД докладную записку «Бретань как политический фактор для Германской империи». В этом документе отмечалось, что «на 32.000 кв. км (приблизительно равных территории Бельгии) Бретань дает прибежище 3,1 миллиона бретонцев, из которых около одного миллиона в обиходе говорят по-бретонски, не имея возможности изучать его в школах». Далее абвер считал, что «самостоятельная Бретань имела бы для Германской империи значение со следующих точек зрения:

1. Овладение выходом на Ла-Манш, а также создание германского опорного пункта на Атлантике и тем самым обеспечение господства Германии на путях мировых коммуникаций.

2. Создание германской позиции в тылу Франции и против юго-восточного побережья Англии».

В докладной записке рекомендовалось усилить пропаганду «бретонских стремлений к самостоятельности при помощи листовок и созданием специальной радиостанции, которая через несколько дней начала свои передачи на французском и бретонском языках».

Деятельность бретонских сепаратистов

В обозах немецких оккупантов вернулись на родину и лидеры бретонских сепаратистов. С ведома оккупационных властей 3 июля 1940 г. в замке Понтиви Дебова и сто его сторонников объявили и создание Бретонского национального совета с надеждой, что немцы объявят Бретань «генерал-губернаторством». Совет принял «Основы временной конституции», в которых провозглашалось независимое бретонское государство. Наряду с французским бретонский язык объявлялся государственным языком, устанавливались суверенные союзные отношения с Францией и Германией. С разрешения немцев Совет с 13 июля стал издавать газету «L'Heure Bretonne», в первом номере которой было опубликовано обращение Совета к бретонскому народу. В обращении было сказано, что англичане являются «врагами кельтов». О заинтересованности немецких оккупационных властей в бретонском сепаратизме свидетельствует еще и тот факт, что они запретили 21 июля послание местного епископа Сен-Брие, в котором критиковалось это движение.

3 августа 1940 г. Бретонский национальный совет разработал и направил в Берлин Риббентропу меморандум «Свободная Бретань», в котором исторически «обосновывалась» необходимость объявления Бретани независимым государством. Одновременно сотрудники «Германского общества по изучению кельтов» Л.Вейсгербер и В.Крогманн издали две брошюры с подробным описанием

численности населения, истории, политических и экономических отношений в Бретани.

В Берлине всполошились и стали серьезно думать о политических последствиях поддержки бретонского сепаратизма лишь тогда, когда после упомянутого выше сообщения Германского информационного бюро бретонская проблема получила международную огласку и ее удачно использовали в своей антигерманской пропаганде англичане. Было проведено срочное расследование, которое дало следующие результаты. После завершения боевых действий на территории Франции командир 28-го немецкого корпуса генерал Вейе, дислоцированного в Бретани, издавал свои распоряжения на двух языках под названием «Распоряжения командующего в Бретани», что по-французски звучало как «распоряжения губернатора Бретани». Это и дало повод газете бретонских сепаратистов толковать такой перевод в желаемом для них духе, т.е. о намерении немцев объявить Бретань генерал-губернаторством. В конечном счете, по предложению германского посла в Париже Абеца, МИД убедило Гитлера не поощрять бретонских сепаратистов, что и было сделано. Бретонским руководителем было запрещено заниматься политической деятельностью, а печати 6 октября 1940 г. дано указание о Бретани ничего не писать.

Так на длительное время бретонская проблема исчезла с политического горизонта германской политики во Франции. Она снова всплыла во второй половине 1944 г. в связи с высадкой и занятием этого района союзными войсками. Но на сей раз она имела чисто пропагандистский характер и не могла рассчитывать на серьезное к ней внимание.

Национальные проблемы в Бельгии

Из стран Западной Европы особенно пристальное внимание немецко-фашистских оккупантов привлекала национальная проблема в Бельгии. Задолго до войны ею тщательно занимались в Берлине, с тем чтобы в случае необходимости использовать в своих интересах. Еще тогда некий В.Бранд составил справку «Современное положение во Фландрии», в которой отмечал, что ни общину фламандцев, ни общину валлонов нельзя считать самостоятельными нациями, но важно использовать автономистское движение фламандцев. По мнению автора, в этом движении существует три направления: минималисты стоят на почве бельгийского государства, но требуют допущения фламандского языка в армии, в судопроизводстве и в административной деятельности; максималисты выступают за политическое и культурное самоопределение Фландрии; наконец, сторонники третьего направления выступают за воссоединение с Нидерландами.

Один из руководителей оккупационной администрации Редер заявил как-то, что в Бельгии немецкая «национальная политика яв-

ляется не самоцелью, а средством к достижению победы Германии». И это было действительно так. Оккупанты стремились использовать в своих интересах межнациональные разногласия, которые они совместно с местными националистами поддерживали и разжигали.

Как рассказал находившийся в советском плену бывший германский военный атташе в Бельгии генерал Ф.-К.Паппенгейм, весной 1940 г. нацистская печать усиленно изображала фламандцев как эксплуатируемую и угнетенную часть населения Бельгии и убеждала германский народ в том, что освобождение «расовородственных» ему фламандцев от ига валлонов является чуть ли не долгом германского народа. С де Клерком активно сотрудничали этнические немцы, они организационно и материально поддерживали стремление реакционных кругов фламандцев к отделению от валлонского населения и тем самым к расчленению Бельгии. «Организация фольксдейче» всеми средствами стремилась разжигать сепаратистские тенденции во фламандском движении с той целью, чтобы в будущих военных столкновениях значительная фламандская прослойка бельгийской армии отказалась воевать против «германской армии-освободительницы». В момент подготовки к нападению на Бельгию германская разведка получила от фольксдейче Эйпена и Мальмеди ценную информацию, и немецкая часть населения Бельгии в 1940 г. помогала вермахту.

Подобные попытки поссорить друг с другом эти две этнические группы бельгийского народа были предприняты оккупантами уже при решении вопроса об освобождении военнопленных. Если военнопленные фламандцы, так же как и нидерландцы и норвежцы, были освобождены немедленно, то все пленные валлоны отправлены в лагеря непосредственно в Германию. В соответствии с директивой начальника ОКВ фельдмаршала Кейтеля от 26 января 1942 г. военнослужащим вермахта запрещалось жениться как на фламандках, так и на валлонках. Однако несколько месяцев спустя, когда соответствующие расовые органы пришли к выводу, что фламандцев можно считать германцами, 26 ноября 1942 г. Борман отменил этот запрет, и для фламандок было сделано исключение.

На каждом шагу бельгийцы чувствовали свое угнетенное положение и испытывали оскорбления не только от солдат и офицеров многочисленных оккупационных войск, но и от 200 тыс. немцев-колонистов, которые были переселены в Бельгию из Германии. Немецкому населению полагалось по 600 граммов хлеба в день, тогда как бельгийцам — 225 граммов. Это означало, что немцы-переселенцы в Бельгии получали в 3 раза больше хлеба, чем бельгийцы, и вдвое больше, чем немецкое население в Германии.

До войны, как известно, в Бельгии существовало два официальных языка — фламандский и французский. В период немецко-фашистской оккупации все сообщения по радио передавались только по-немецки, которого даже большинство фламандцев не понимало, не говоря уже о валлонах. Оккупационные власти в Бельгии не

учитывали также и других элементарных прав местного населения, творили беззаконие и чувствовали себя ответственными только перед фюрером.

На одном из служебных совещаний в Министерстве пропаганды 15 июля 1941 г. Геббельс рассказал такой случай. Как-то в Брюсселе германское командование наложило на жителей штраф в 500 тыс. марок. Тогда один фабрикант вынул из кармана эту сумму и положил на стол. Германский генерал с удивлением произнес: «Вам это так легко сделать? Ведь штраф назначен как наказание на все население города. Если один человек в состоянии заплатить такой штраф, то его сумму я увеличиваю до 150 млн марок».

Приказом начальника военной администрации от 20 апреля 1944 г. в Бельгии были официально созданы лагеря, которые назывались «лагерями для воспитания», хотя неофициально они существовали и раньше. Бельгийскому населению в годы оккупации было основание с горечью называть свою страну «тюрьмой номер шесть», так как Бельгия была шестой по счету страной, захваченной гитлеровской Германией.

Как и в других оккупированных странах Европы, в осуществлении своей политики гитлеровцы опирались на местные прогерманские элементы, которые сотрудничали с немцами еще в 1914—1918 гг., и на фашистские и профашистские силы, особенно среди фламандского населения. С этой целью командующий немецкими войсками в Бельгии и Северной Франции в директиве от 6 сентября 1940 г. приказал восстановить в правах всех тех бельгийцев, кто подвергался преследованиям бельгийских властей за сотрудничество с немцами в 1914—1918 гг.

В Бельгии одной из активных фашистских организаций было «Немецко-фламандское рабочее сообщество» во главе с Ж.Ван де Виле. Сообщество было создано в 1936 г. фламандскими студентами, выступавшими за культурное сближение Бельгии с Германией. Однако постепенно в организации, насчитывавшей 55 тыс. членов, стали преобладать фашистские элементы, и она превратилась в активную проводницу национал-социалистических идей в Бельгии. Основные положения программы своей партии Ван де Виле в газете «De Vlag» изложил такими словами: «Мы являемся немцами, немцами на 200% и будем бороться за то, чтобы нас приняли в качестве таковых в состав германского рейха»[28].

Фламандские националисты еще в 1936 г. создали фашистскую партию — Фламандский национальный союз (ФНС), основателем и многолетним руководителем которого был учитель С. де Клерк. После его смерти в октябре 1942 г. руководителем Союза стал адвокат Г.Элиас. В годы оккупации Союз насчитывал до 60 тыс. членов, издавал газету «Volk en Staat». В результате изучения трофейных документов гитлеровской Германии стало известно, что задолго до войны де Клерк был платным агентом германского абве-

ра, а его газета получала ежемесячную денежную дотацию от МИД Германии[29]. С первых же дней оккупации, считая себя правящей партией, Фламандский национальный союз стал проводить собрания с пожеланиями «объединения с Нидерландами в единое Нидерландское государство на национально-солидаристской основе». Однако Редер 15 июня 1940 г. пригласил к себе лидеров фламандского движения в Генте, Мехелеве и Антверпене и несколько охладил их националистические страсти, заявив, что судьбу Бельгии будет решать Германия, а не они. Члены ФНС, как и сторонники «Немецко-фламандского рабочего сообщества», выступали за то, чтобы фламандцы «были приняты в германское сообщество на правах автономного народа, руководимого собственными лидерами». Выступая в феврале 1943 г. перед партийным активом, Элиас заявил, что «никто нам не запретит признавать наше культурное и языковое единство с Северными Нидерландами».

Весьма активной политической партией среди валлонских сепаратистов были рексисты, руководимые Л.Дегрелем. В предвоенные годы они, как и фламандские фашисты, были тесно связаны с гитлеровской Германией. На выборах 1936 г. рексистам удалось завоевать 144 тыс. голосов и получить 14 мандатов в бельгийский парламент. По инициативе рексистов при поддержке оккупационных властей в марте 1941 г. в Валонии была создана организация «Друзья великогерманской империи», а через несколько месяцев там же возникла Национал-социалистическая партия Валлонии, выступавшая за признание валлонов «нордическим народом». В том же 1941 г. рексисты создали ряд различных культурных организаций, призванных популяризировать принадлежность валлонов к «нордической расе».

На рексистов и лично на Дегреля гитлеровцы возлагали в первые годы оккупации особые надежды в проведении своей политики в Бельгии. Так, в январе 1943 г. в телеграмме немецкому послу в Брюсселе Баргену статс-секретарь МИД Германии Э.Ф.Вейцзеккер подчеркивал, что, по мнению фюрера, Дегрель представляет собой «единственного приемлемого для нас бельгийца и поэтому его нужно всячески поддерживать». Однако в середине 1944 г. между оккупантами и Дегрелем повеяло холодком. Гиммлер охарактеризовал его как человека, «изменившего свои взгляды».

Оккупационные власти широко использовали бельгийских фашистов в центральных и местных органах власти. Так, один из лидеров ФНС Ж.Ромзее получил пост генерального секретаря внутренних дел; аппарат государственных чиновников, бургомистров городов и административные органы в провинциях были как правило, в руках членов фашистских партий. Из них формировались и карательные органы, отряды «Фламище вахт», «Дитсхе милиси», «Зварте бригаде». Они также служили агентурой в германских органах СД, гестапо, полевой жандармерии. При активном участии ФНС был сформирован легион СС «Фландрия», который участвовал в боях под Ленинградом и у оз. Ильмень. После того,

как Дегрель в своей речи в январе 1943 г. заявил, что валлоны также являются германцами, и выразил готовность сражаться за «общегерманское дело», Гитлер разрешил сформировать аналогичный легион СС «Валлония» под командованием самого Дегреля. В 1943 г. решением Гиммлера он был преобразован в штурмовую бригаду СС «Валлония», которая была почти полностью уничтожена в 1944 г. под Корсунем-Шевченковским.

С помощью местных фашистских партий немецкий оккупанты проводили открытую политику германизации и фашизации всей общественной жизни страны. Так, через несколько месяцев после вступления войск вермахта для контроля над деятельностью ректора в Брюссельский университет был назначен специальный комиссар. Однако административный совет университета в октябре 1940 г. отказался принять его, тогда оккупационные власти закрыли университет. В декабре 1942 г. в знак протеста против введения трудовой повинности в Бельгии стачку объявили судьи. Однако самой активной силой, выступавшей против фашистского террора и германизации, был бельгийский рабочий класс. В годы оккупации рабочие неоднократно устраивали забастовки, они были главной силой в партизанском движении.

Документы свидетельствуют о том, что Гитлер планировал расчленить Бельгию на фламандскую и валлонскую части. Еще во время встречи с королем Леопольдом III в ноябре 1940 г. он прямо заявил, что после окончательной победы Германии возврата к старой Бельгии не будет. Она будет либо частично аннексирована, либо разделена, либо будет находиться в тесной зависимости от Германии. В октябре 1941 г. Гитлер отдал распоряжение начальнику имперской канцелярии подготовить проект соответствующего указа о разделе Бельгии. Предполагалось, что Фландрия будет присоединена к Нидерландам под управлением Зейсс-Инкварта, а рейхскомиссаром Валлонии станет гаулейтер Рейнской провинции Германии Гроге.

Однако Риббентроп и Геринг выступили против подобных планов. Первый опасался создания объединенной фламандско-нидерландской империи, которая может стать противовесом концепции «Великой Германии», а второй доказывал экономическую нецелесообразность такой меры. В частности, Геринг утверждал, что если в настоящее время Бельгия покрывает на половину свою потребность в продовольствии благодаря тому, что ввозит его из двух северофранцузских департаментов, то в условиях существования самостоятельных Валлонии и Фландрии его нужно будет ввозить из Германии.

Выступивший против такого расчленения статс-секретарь Министерства внутренних дел Германии Штуккарт привел еще два, по его мнению, важных соображениях: во-первых, расчленение Бельгии будет означать конец королевству, что в свою очередь может вызвать «политический и психологический кризис» среди населения и отказ от сотрудничества с немцами бельгийской администра-

ции, которая до сих пор работала «усердно и спокойно»; во-вторых, включение двух северофранцузских департаментов в «имперский комиссариат Бельгию» явится ударом по так лояльно относящемуся к Германии правительству Виши.

С другой же стороны, отделение этих департаментов от Бельгии и передача их военной администрации во Франции может быть истолкована как незаслуженный «подарок» Франции со стороны Германии, тем самым Германия потеряет важный козырь при будущих мирных переговорах с Францией. Если же фюрер сочтет возможным, продолжал Штуккарт, рассматривать Бельгию как имперский комиссариат, то ни в коем случае нельзя назначать сюда «начальника гражданской администрации», ибо предполагалось, что занятые страны с подобной формой управления до и после заключения мирного договора будут включены в состав рейха. В данном же случае только Фландрия может тесно сотрудничать с Германией, тогда как Валлония будет иметь особый статус. Целесообразнее было бы, предлагал Штуккарт, рассматривать всю Бельгию в качестве имперского комиссариата, ибо таким образом Германии будет легче привязать к себе Фландрию и проводить здесь свою «национальную политику».

Для управления раздельно Фландрией и Валлонией могут быть созданы два отдела, а для контроля над деятельностью бельгийской администрации в провинциях целесообразно создать институт уполномоченных имперского комиссара. В качестве альтернативы Штуккарт предлагал в городах Гент, Антверпен, Льеж и Монс поставить генеральных комиссаров, а для двух северофранцузских департаментов ввести «особого гражданского комиссара»[30].

В мае 1942 г. обсуждение проблемы о судьбе Бельгии продолжалось, и в беседе с Геббельсом Гитлер заявил тогда, что в будущем на территории этой страны следовало бы образовать две имперские провинции — Фландрию и Брабант. Свой особый план был разработан и Гиммлером. Он предлагал ввести должность «уполномоченного фюрера для Бельгии и Северной Франции» и назначить имперским комиссаром в Норвегии Тербовена, поскольку он уже давно просит перевести его куда-нибудь на Запад. В Норвегию направить Кальтенбруннера.

Аннексионистские планы Германии в отношении бельгийской территории недвусмысленно выразил начальник главного управления СС Бергер. Выступая на съезде Фламандского национального союза в конце августа 1943 г., он откровенно заявил: «Мы снова вернем себе Фландрию». В конечном счете в середине июля 1944 г. было решено образовать имперские области: Фландрию с центром Антверпен, Валлонию с центром Льеж и особую область Брюсселя. Предполагалось, что обе области будут иметь административную автономию, однако будут проводить совместную с Германией внешнюю, военную и внешнеторговую политику.

Определенное влияние на характер мероприятий оккупационных властей в Бельгии оказывала национальная программа бельгийских фашистских партий, хотя Гитлер далеко не во всем следовал их советам. Он руководствовался при этом прежде всего своими собственными интересами. Судя, например, по тому докладу, который сделал сразу же после оккупации Бельгии лидер ФНС С. де Клерк генералу Фалькенхаузену, его партия будет придерживаться следующей программы: 1. В стране необходимо установить точную языковую границу, севернее которой ввести только один язык. 2. В Брюсселе, где проживает большинство фламандцев, фламандский язык должен иметь преимущество. 3. В правительстве, которое будет создано, фламандцы должны быть представлены своими министрами. 4. Фландрии должна быть предоставлена административная и культурная автономия. В заключение де Клерк подчеркнул, что «фламандцы на деле доказали свою готовность сотрудничать с немцами», и просил «учесть это на будущей мирной конференции».

Однако подобные планы фламандских националистов Бельгии и Нидерландов не вполне соответствовали интересам Германии. Как подчеркивалось в докладной записке имперского комиссариата в Гааге 13 июня 1940 г., не следует устанавливать границу между Нидерландами и Фландрией по языковому принципу по следующим причинам: во-первых, не будет места для растущего крестьянского населения; во-вторых, языковая граница весьма подвижна и даже на территории Бельгии имеются нидерландские островки; в-третьих, такая языковая граница нецелесообразна в стратегическом, геополитическом и экономическом отношениях, ибо она не совпадает с национальной границей.

В заключение делается вывод, что национальную границу следует провести вдоль Соммы, что будет выгодным в геополитическом и стратегическом отношениях. Далее предлагается изгнать всех французов севернее Соммы, а фламандцев вернуть к нидерландскому языку, что станет важным элементом в «регерманизации Северной Франции». Предлагалось также прекратить эмиграцию из бельгийской Фландрии в Северную Францию, ибо таких переселенцев для великогерманского сообщества можно считать потерянными. Наоборот, вернуть всех фламандцев, живущих южнее Соммы, и всех нидерландских колонистов, живущих в Нормандии и других областях Франции.

Взгляды сторонников де Клерка вызвали в Берлине еще большее неудовольствие в 1944 г. В частности, о них крайне отрицательно отозвался Гиммлер. Проповедуемую фламандскими националистами идею «велико-дитской империи», в которую войдут 15 млн жителей Нидерландов и Фландрии, он охарактеризовал как противоречащую идее фюрера о «великогерманской империи». Гиммлер уточнил, что фюрер считает подобную идею намного хуже того состояния, когда Бельгия и Нидерланды были самостоятельными странами[31]. Далее Гиммлер высказал неудовольствие и изменением концепции Дегреля. Если раньше рексисты выступали за создание великогерманской империи, то в 1944 г. они вдруг выдви-

нули концепцию так называемого «Великобургундского государства валлонов», что Германия не может одобрить. Что же касается утверждения Дегреля о том, что «валлоны являются романизированными германцами, то мы можем использовать его в своих интересах: их мобилизация в вермахт лишь одного возраста дала бы нам 30 тыс. человек».

Наряду с попытками усугубить разногласия между фламандцами и валлонами немцы в Бельгии и Северной Франции предприняли также антиеврейскую кампанию. Евреи были исключены из экономической, культурной и научной жизни. Распоряжением начальника военной администрации от 28 октября 1940 г. возвращение евреев, эвакуированных из Бельгии, запрещалось. Все оставшиеся в стране евреи в возрасте старше 15 лет должны были стать на особый учет, а еврейское имущество переходило под государственное управление. Затем в мае 1942 г. евреям было предложено носить звезду Давида, а в сентябре 1942 г. все их имущество было, по существу, реквизировано[32].

Важное значение для выработки принципов и проведения национальной политики Германии в Бельгии имело совещание у Гитлера, состоявшееся 12 июля 1944 г. На нем фюрер дал только что назначенному имперскому комиссару Бельгии гаулейтеру И.Гроге и командующему войсками генералу И.Гразе следующие инструкции: германская политика в Бельгии должна состоять в том, чтобы крепко держать эту страну в своих руках, хотя самым лучшим решением было бы преобразовать ее в фламандскую и валлонскую имперские области в составе Германии. Далее Гитлер потребовал от оккупационных органов последовательного и беспощадного проведения политики в интересах Германии. Он обратил внимание на опасность того, что немецкие оккупационные власти могут попасть под влияние местного населения. Гитлер выразил мнение, что следует больше опираться на фламандское население Бельгии. В конце 1944 г. Гитлер распорядился сформировать «Фламандско-валлонский комитет» во главе с Дегрелем, объявленным «областным фюрером валлонского народа», и Ван де Виле, ставшем «областным фюрером фламандского народа». Однако все эти меры уже не имели никакого значения.

Свой коллаборационизм руководители обеих национальных общин стремились использовать только в интересах своей общины, что разъединяло всех бельгийцев и мешало их освободительной борьбе. Так, фламанцы мечтали с помощью чужеземных оккупантов осуществить свою идею о создании «Великобургундского государства», ликвидировать в стране монархию, добиться превосходства над валлонами и сблизиться с Германией. Но немецкие оккупационные власти, опасаясь политических волнений в стране, дистанцировались от подобных радикальных планов своих бельгийских друзей.

Валлоны приняли несколько более осторожную тактику поведения с оккупантами и позицию в отношении будущего своей страны.

Они оставались преданными королю и выступали за сохранение своего государства. После освобождения Бельгии, когда встал вопрос об ответственности за коллаборационизм с врагом, валлонские лидеры оправдывались тем, будто, именно исходя из подобных патриотических побуждений, они вынуждены были сотрудничать с оккупантами. Суть подобного национального эгоизма еще древние выразили в формуле «bélla gerént alii, to félix Austria, núbe (пусть воюют другие, ты же, счастливая Австрия, заключай браки)».

Но в период оккупации валлонские коллаборационисты нанесли ущерб своей стране не меньший, чем фламандцы. В отличие от последних, среди которых существовали острые разногласия в отношении тактики поведения, что несколько тревожило оккупантов, валлонские коллаборационисты во главе с Дегрелем стояли вместе с немцами до их бесславного конца. Но они были едины и удовлетворены тем, что молодой король заключил гражданский мир с оккупационными властями и по своей инициативе в мае 1940 г. поехал в Германию, где на встрече с Гитлером обсуждал будущую судьбу Бельгии.

Когда союзники в июне 1944 г. высадились во Франции и стремительно двигались к границе с Бельгией, король со своей семьей и группой приближенных выехал в Германию, за что левые партии прозвали его «первым бельгийцем, потерявшим право на гражданство».

2 сентября 1944 г. войска союзников вступили на территорию Бельгии. На следующий день гитлеровские войска оставили Брюссель, а затем и Антверпен. Это означало, что уже в начале сентября 1944 г. большая часть территории Бельгии была освобождена от немецко-фашистских оккупантов. Одновременно бельгийские партизаны очистили от противника все левобережье р. Маас в районе Льежа. 8 сентября 1944 г. из Лондона в Брюссель вернулось эмигрантское правительство Г.Пьерло—П.-А.Спаака. Однако в декабре 1944 г. в ходе Арденнского контрнаступления войска фельдмаршала Рундштедта снова вторглись в южную часть Бельгии. Полное и окончательное освобождение Бельгии произошло лишь в феврале 1945 г.

Кроме двух основных наций в Бельгии проживали эмигранты из разных стран, которые к немецкому оккупационному режиму относились неоднозначно. Так, агенты СД представили своему руководству в Берлине следующую информацию о русской эмиграции в Бельгии. В июле 1940 г. там находилось около 9 тыс. человек ее членов. Кроме них здесь жили до 4 тыс. русских выходцев, проживавших ранее в Румынии, Польше, Литве, Эстонии, Латвии и Финляндии. Около 1 тыс. русских имели бельгийское подданство. Большинство жило здесь 10 лет. Существовало 2 православные церкви. Со вступлением в Брюссель немецких войска епископ Александр Немоловский с кассой (10 тыс. бельгийских франков) бежал в Париж. Здесь он выступал против Гитлера, призывал русских людей бороться против Германии и вступать во французскую

армию. Во главе другой русской церкви стоял Александр Шабанов, который подчинялся епископу в Берлине Серафиму[33].

Немецко-фашистские власти интересовались национальными отношениями в Нидерландах, чтобы учитывать их при осуществлении своей оккупационной политики. Некоторые существовавшие межнациональные разногласия они раздували, другие — искусственно оживляли, лишь бы только предотвратить единство нидерландского народа в его борьбе за национальную независимость. Так, в частности, по заданию Риббентропа еще 4 февраля 1940 г. была составлена соответствующая справка. В ней рекомендовалось использовать существующие разногласия между франками — на юге и фризами и саксами — на севере, причем поддерживать фризское движение, выступавшее за автономию фризов в составе великогерманского блока государств. По мнению автора нуждается в помощи Германии и молодежное движение среди саксов провинции Дренте, которое выступает за более тесные связи с Нижней Германией.

Для того чтобы еще более основательно изучить этническую проблему в оккупированных Нидерландах, Гиммлер поручил заняться этим делом своему управлению СС по переселению и расовым вопросам во главе с Р.Гильдебрандом. В июне 1940 г. был сделан вывод о том, что «существует возможность весь нидерландский народ снова вернуть к осознанию его принадлежности к великогерманской нации». Этот же вывод в письме к Гиммлеру от 10 июня 1940 г. подтвердил и начальник штаба имперского комиссара по укреплению немецкой нации группенфюрер СС У.Грейфельт. Он писал тогда, что несмотря на то, что нидерландцы на протяжении веков в государственно-политическом отношении были отделены от немецкого народа, они все же являются потомками фризов, нижних саксов и нижних франков. По мнению Грейфельта, верхние слои населения Нидерландов в языке и в духовной жизни более отчуждены от немцев, нежели простой народ. Поэтому он предложил переселить в Северную и Восточную Германию 2 — 3 млн нидерландских рабочих, а также практиковать приглашения на сезонные работы в Германию нидерландских крестьян. Этими мерами Грейфельт рассчитывал создать в Нидерландах солидный слой онемеченных и воспитанных в «общегерманском» духе нидерландцев. Документы свидетельствуют о том, что Гиммлер энергично поддержал этот план, но Гитлер относился к нему весьма скептически, потому что в целом в этой стране национальный вопрос не имел для него серьезного значения.

«Скандинавская солидарность»

Демократическая по своему характеру идея так называемой «скандинавской солидарности», возникшая задолго до Второй мировой войны, была оживлена в Дании уже в первые месяцы оккупации. Речь шла практически о солидарности трех стран Северной Европы — Дании, Швеции и Финляндии, ибо в Норвегии эта идея не находила активной поддержки. «Скандинавская солидарность» в условиях оккупации Дании выражалась, как правило, во встречах парламентариев, деятелей науки и культуры Дании, Швеции и Финляндии. Оккупационные власти обычно не пресекали подобные встречи, т.к. не видели в них ничего опасного: Финляндия была сателлитом Германии, а Швеция — полностью блокирована от западных держав и придерживалась длительное время благоприятного для Германии нейтралитета.

После коренного перелома в войне в 1943 г. оккупационные власти стали с недоверием относиться к пропаганде идеи «скандинавской солидарности», обоснованно опасаясь, что ее антигерманская направленность может быть усилена. Особое недовольство нацистов вызывало то обстоятельство, что «скандинавская солидарность» проявлялась не в абстрактной форме, а в конкретной взаимной политике стран Северной Европы.

«Зеленая папка» для Советского Союза

Особую ставку гитлеровское руководство делало на возможность разобщения народов Советского Союза, оказавшихся на оккупированной территории. В одном из документов, относившихся к плану «Ост», прямо говорилось, что великая политическая цель войны против Советского Союза состоит в том, чтобы «разгромить русских как народ, разобщить их». В «Зеленой папке» Геринга в разделе «Отношение к населению по территориальным признакам» также недвусмысленно отмечалось, что в республиках Советской Прибалтики «германским органам наиболее целесообразно опираться на оставшихся немцев, а также на литовцев, латышей и эстонцев. Противоречия между этими национальными группами и оставшимися русскими следует использовать в интересах Германии». Предлагалось в тех же интересах использовать и «возможное наличие противоречий между украинцами и великороссами». Эту же идею развивал и сам Гитлер. «Наша политика относительно народов, населяющих просторы России, — говорил он, — должна заключаться в том, чтобы поощрять любую форму разногласий и раскола». На одном из секретных совещаний в Министерстве пропаганды и просвещения, которым руководил Геббельс, 21 июля 1941 г. также подчеркивалась необходимость внести раскол среди народов Советского Союза, с тем чтобы его победить. Делались при этом ссылки на генерала Клаузевица, который говорил, что такая страна, как Россия, может быть побеждена только в том случае, если посеять раздор среди ее народов.

К середине июня 1941 г. принципиальные положения о характере оккупационной политики на советской территории были в основном разработаны. Наиболее полно они были изложены в речи Розенберга перед сотрудниками Восточного министерства 20 июня 1941 г. Докладчик отметил, что имеются две концепции германской политики на Востоке. В соответствии с первой Германия должна вступить в «последний бой с большевизмом, в бой военный и политический». «Лишь после этого наступит эпоха организации русского хозяйства и будет установлен союз с возрожденной национальной Россией...» Розенберг выразил несогласие с такой точкой зрения. Он заявил, что «"сегодня мы идем классовым походом" против большевизма не для того, чтобы освободить "бедных русских" на все времена.., а для того, чтобы проводить германскую мировую политику и обезопасить Германскую империю... Поэтому война с целью образования неделимой России исключена... Вместо этой привычной идеи единой России выступает совершенно иная концепция восточного вопроса...» Сущность этой концепции, продолжал Розенберг, состоит в том, чтобы натравливать народы Советского Союза друг против друга и особенно на русских. Далее глава Восточного министерства изложил план расчленения Советского Союза на «три государственных блока» и потребовал, чтобы к населению каждого блока был найдет свой особый подход, с тем чтобы усилия народов России направлять не на запад, а на восток. «Так же должен быть решен вопрос и о различных политических группировках в рейхскомиссариатах. Прибалтике не могут быть разрешены никакие политические группы. На Украине впоследствии, если оправдаются наши предположения, может быть разрешена политическая государственная партия. В России не может быть терпима никакая политическая партия, но на Кавказе можно разрешить многие общенациональные группировки...»

В специальной директиве Р.Гейдриха от 2 июля 1941 г. особо подчеркивалось, что на оккупированной территории Советского Союза национальную проблему нужно решать очень осторожно в том смысле, чтобы не давать местному населению никаких определенных обещаний. Гейдрих при этом напоминал, что национальный вопрос будет решаться лишь после войны в рамках общего урегулирования.

Свое понимание сущности оккупационной политики Германии на захваченных территориях Советского Союза неоднократно выражал и сам Гитлер. 16 июля 1941 г. в его ставке состоялось совещание по этому вопросу с участием А.Розенберга, Г.Ламмерса, В.Кейтеля, Г.Геринга и М.Бормана. Борман записал следующие указания фюрера.

В своем вступительном слове фюрер предложил обсудить некоторые принципиальные соображения. Необходимость такого обсуждения вызывается, в частности, «бесстыдным заявлением одной вишистской газеты о том, что война против Советского Союза — это будто бы война всей Европы». Поразительно, но фюрер обвинил

газету в том, что она «хотела сказать, что выгоду от нее должны получить не только немцы, а и все европейские государства». Далее он призвал не выдавать цель Германии всему миру и вообще не упоминать о «наших намерениях, как это сделано в отношении Норвегии, Дании, Голландии и Бельгии». «Главное — чтобы мы сами знали, чего мы хотим». Гитлер призвал подчеркивать вынужденный характер его военных акций. «Ни в коем случае не надо показывать, что это сделано навсегда. Тем не менее все необходимые меры — расстрел, переселение и т.п. — мы все равно сможем и будем осуществлять и дальше».

Далее фюрер сформулировал следующие принципы при осуществлении немецкой оккупационной политики в завоеванных странах: не делать ничего, что могло бы затруднить окончательное урегулирование, а готовить исподтишка; подчеркивать, что немцы приносят народам свободу.

Германия должна разделить гигатский пирог, чтобы, во-первых, господствовать, во-вторых, управлять и, в-третьих, эксплуатировать. В частности, «Крым должен быть очищен от всех чуждых элементов и заселен немцами. Точно такой же станет территория рейха и староавстрийская Галиция».

Гитлер изложил свой взгляд на борьбу советских партизан. «Эта партизанская война, — говорил он, — тоже выгодна нам: она дает нам возможность истреблять всех, кто выступает против нас». Фюрер также потребовал, чтобы не допускать возникновения местных вооруженных сил западнее Урала, «даже если за это нам придется воевать целых сто лет». Все преемники фюрера должны знать: «Безопасность рейха может быть обеспечена только тогда, когда западнее Урала не будет существовать никакой военной силы; защиту этого района от всех эвентуальных опасностей берут на себя немцы... Только немец может владеть оружием, а не славянин, не чех, не казак, не украинец!»

Борман далее отметил, что по указанию фюрера «из вновь приобретенных восточных областей мы должны сделать для себя райский сад. Они для нас жизненно важны, колонии же, напротив, играют совершенно второстепенную роль». «Немцы должны всегда выступать в роли защитников прав местного населения и в этом случае нужно говорить не о новой имперской территории, а для решения необходимой для ведения войны задачи».

Затем фюрер дал конкретные указания о политике, которой нужно придерживаться в отношении населения различных регионов России. Так, в Прибалтике необходимо взять под немецкое управление территорию до р. Двины.

Розенберг в своем выступлении отметил, что, по его мнению, в каждом территориальном коммисариате необходимо осуществлять свое, специфическое обращение с населением. Он предложил, чтобы на Украине начать со сферы культуры, с тем чтобы пробудить у украинцев их историческое сознание, основать в Киеве уни-

верситет и т.п. С этим предложением не согласился Геринг. По его мнению, необходимо прежде всего думать об обеспечении продовольственного положения Германии.

В ходе дальнейшего обсуждения судьбы Украины был поставлен вопрос, а есть ли на Украине еще культурный слой и имеются ли вообще украинцы-эмигранты за пределами Советского Союза. Геринг спросил фюрера, какие советские территории обещаны другим государствам. Ответ был таков: Антонеску хочет вернуть Бессарабию и взять Одессу. Венгрии, Турции и Словакии не обещано ничего. Затем фюрер принял решение австро-венгерскую область Галицию в генерал-губернаторство не включать, а лишь подчинить ее Франку, включить в состав Германии всю Прибалтику и Крым, а также бывшую Автономную республику немцев Поволжья. Район Баку должен стать немецкой военной колонией. Гитлер также решил, чтобы не возвращать Финляндии Восточную Карелию и ввиду имеющегося там большого никелевого месторождения Кольский полуостров должен отойти к Германии.

Гитлер призвал со всей осторожностью подойти к «присоединению Финляндии в качестве федерального государства». «На район Ленинграда, — отметил фюрер, — предъявляют свои притязания финны», но он хочет сначала сравнять Ленинград с землей, а уж потом передать его финнам...

Гитлер отдал распоряжение Герингу, чтобы он, создавая свои учебные аэродромы в этих новых областях, усмирял это огромное пространство как можно быстрее; «этого лучше всего добиться расстрелом каждого, кто посмеет поглядеть на немца косо».

В ходе дискуссии Кейтель предложил, чтобы «за свои поступки жители должны отвечать сами, ведь невозможно выставить часовых у каждого склада и каждого вокзала. Жители должны знать: каждый, кто не работает на немцев, будет расстрелян, и за любой поступок виновный будет наказан».

На вопрос Розенберга о возможности на Украине издавать газеты Гитлер ответил, что это необходимо как средство воздействия на местное население. Он также решил, что ни о какой деятельности церквей речи быть не может. В заключение совещание решило отныне Прибалтику именовать «Остландом».

На одном из совещаний, состоявшемся 12 мая 1942 г., Гитлер снова обратил внимание на необходимость тщательного изучения возможностей оккупированных территорий Советского Союза и использования их в интересах Германии. В частности, он заявил, что его целью является освоение пространства на востоке и переселение туда немцев и превращение этого пространства в область поселений. Не позже чем через десять лет он хотел бы получить оттуда сообщение, «что во вновь включенных или оккупированных нами восточных областях (Данциг, Западная Пруссия, район Варты, правительственный округ Цихенау и Белостокский округ) снова проживает минимум 20 млн немцев...»

Для этого, продолжает Гитлер, «нам надо проводить радикальную политику германизации». Откомандированные на Восток германские специалисты «должны защищать народно-германские интересы с беспощадной жестокостью». В восточных областях, чтобы прийти к поставленной цели, можно «действовать абсолютно жестоко а ля Сталин».

Гитлер обратил внимание на использование Крыма. «Крым следует отстроить так, чтобы и спустя длительный период времени немцы ничем не побуждались снова отдать этот прекрасный уголок германского труда». Далее Гитлер предложил построить там порты и крепости на Перекопском и Чонгарском перешейках против вражеских вооруженных сил.

На одном из совещаний в мае 1942 г. речь шла о возможности выращивания хлопка на Кавказе. Но Гитлер заметил, что Кавказ «играет роль в наших расчетах в силу своей особой значительной роли крупного источника нефти. Если мы хотим получать оттуда нефть, мы должны взять Кавказ под самый строгий надзор, ибо этот чреватый кровной местью регион из-за вражды между отдельными племенами сделает невозможной его выгодную эксплуатацию». Поэтому Гитлер призвал германские правительственные инстанции не давать в отношении кавказских народов невыполнимых обещаний.

Гитлер всегда восторженно отзывался о природе и климате Украины. «Украина — неслыханно прекрасна, — говорил он. — Глядя с самолета, думаешь, что видишь перед собой "землю обетованную". Климат на Украине мягче, чем у нас, скажем, в Мюнхене, земля — невероятно плодородна, а люди — особенно мужчины — ярко выраженные лодыри». Вспоминая свою поездку на катере по реке Буг, Гитлер заметил, что местному населению все от природы достается без труда, поэтому украинцы «явно озабочены тем, чтобы не делать что-либо больше, чем безусловно необходимо. Повсюду видишь спящих людей». «Наглядным доказательством из культурного регресса, — продолжал фюрер, — служат их музеи, которые, насколько я мог видеть, являются сборищами всякого хлама и рухляди деревенско-патриархального характера».

В одной из бесед в июле 1942 г. Гитлер утверждал, что он поступил правильно, совершив превентивный удар по Советскому Союзу. «Ведь в ближайшие десять лет в СССР возникло бы множество индустриальных центров, которые постепенно становились бы все более недосягаемыми (для авиации) и создали бы Советам просто невероятное вооружение, в то время как Европа деградировала бы до уровня объекта советских планов мирового господства». И далее: «Потешаться над стахановской системой просто глупо. Вооружение Красной Армии — лучшая доказательность того, что эта система, использующая менталитет русского рабочего, чрезвычайно успешна. К Сталину тоже надо испытывать безусловное уважение. Он в своем роде — гениальный малый! Свои прообразы — Чингисхана и т.д. — он знает хорошо...»

На совещании 24 июля 1942 г. в ставке «Вервольф» Гитлер еще раз подтвердил, что «после войны он решительно встанет на позицию выселения всех евреев на Мадагаскар или же в какое-нибудь иное еврейское национальное государство». По утверждению фюрера, Сталин не скрыл от Риббентропа и того, что он ждет, пока в СССР не созреет достаточно собственная интеллигенция, чтобы покончить в руководящем слое в стране с еврейством, в котором он пока еще нуждается»[34].

В июне 1942 г. служба безопасности произвела специальный анализ деятельности Восточного министерства в Остланде и на Украине и пришла к следующим выводам: чтобы обеспечить спокойствие в тылу немецкой армии, необходимо обращаться с местным населением должным образом, а именно предоставить ему возможность ограниченной культурной деятельности и участие в местном самоуправлении «в рамках возможного и только на период войны. С целью децентрализации великорусского пространства и для предотвращения существующей или возможной великорусской идеи нужно поддерживать усилия национального самосознания белорусского народа».

Что касается украинского народа, то было «решено, что в интересах длительного политического спокойствия на Украине не следует создавать украинского самоуправления в политически целесообразной форме». Для народов Кавказа вести пропаганду в духе того, что Германия видит в них своих друзей, поэтому вермахт берет их под свою защиту, и при немецкой гарантии у них будет установлено местное самоуправление. Будет значительно расширена территория Остланда за счет русских земель, чтобы восточная граница Эстонии проходила по линии Новгород — Ленинград. Предполагалось создать оборонительную линию Ленинград — Москва. В треугольнике между Эстонией, Латвией, Белоруссией и этой линией будет образован еще один пятый генеральный округ Остланда во главе с Прелем.

Такое расширение с политической точки зрения важно потому, что раньше эти страны не имели такой границы. С экономической точки зрения будет достаточно примерное равенство в численности населения. Если Белоруссия в настоящее время, насчитывает свыше 7 млн человек, то Литва — свыше 3 млн, Латвия — 1,8 млн, а Эстония лишь 1 млн жителей. Такая граница важна и с военной точки зрения. Наконец, в документе службы безопасности сообщалось и о планах относительно Ленинграда. Речь шла об образовании там специального генерального округа со свободным портом, но границы порта будут совпадать с границами самого города, чтобы тем самым не создавать ему каких-либо преимуществ перед будущим округом. Предполагалось, что Ленинград приобретет особое значение после падения Москвы.

Особенно заманчивой для оккупантов оказалась идея о том, чтобы украинский народ поссорить с русским, разрушить дружбу Украины с Россией. Это было важно потому, что УССР оказалась

первой республикой, полностью оккупированной и что ее население составляло почти $^2/_3$ населения всей оккупированной советской территории. Сперва нацистские главари обещали украинским националистам, в услугах которых нуждалось германское командование, создать «самостоятельную» Украину под немецким протекторатом. Позже однако, окрыленные своими победами, немцы отказались от подобного плана и разрешили участие украинцев лишь в органах местной власти.

20 февраля 1942 г. рейхскомиссар Украины Э.Кох подписал постановление «О замещении административных должностей». В нем было сказано, что с целью формирования немецкого гражданского управления и украинской вспомогательной администрации разрешается во главе села, местечек и районов назначать украинца, а во главе среднего и крупного города, округа, состоящего из нескольких районов, а также большого города и генерального округа — только немца[35].

Проблема языка на Украине была решена указанием Розенберга в мае 1942 г. следующим образом:

— официальным языком в немецких учреждениях является немецкий, но распоряжения для местного населения издаются на немецком и украинском языках;

— официальным языком украинской администрации является украинский язык;

— русский язык становится официальным только в тех населенных пунктах, в которых русские составляют большинство населения (большие города и индустриальные центры Донбасса);

— официальным языком преподавания в школах является украинский язык. Украинизация русских областей будет решена путем выселения русского населения, и таким путем произойдет вытеснение русского языка украинским. Газеты издаются на украинском языке. Среди учебных предметов немецкий язык не является обязательным[36].

1 января 1943 г. Э.Кох обратился к проживающим на Украине немцам с воззванием, в котором подчеркнул, что «наши враги говорят о каком-то "поворотном пункте" в войне. Но действительными поворотными пунктами в войне стали сражения у Умани, Киева и Ростова, в которых немцы завоевали богатую Украину, благодаря чему созданная Англией блокада вокруг Германии и в целом Европы была окончательно прорвана». В воззвании далее утверждалось, что гражданское управление на Украине преследует только одну цель — обеспечить нужды фронта. В эти дни в Германию следует 4-тысячный эшелон с продовольствием с Украины и почти 710 тыс. украинских рабочих. За тысячу лет Украина не знала такого современного, справедливого и честного управления, какое она имеет сейчас[37].

Действительная политика немецких оккупантов на Украине была сформулирована 22 июня 1942 г. в секретной инструкции начальника СС и полиции на Украине. Там, в частности, было сказа-

но, что на вопросы украинцев о их дальнейшей судьбе следует отвечать так: «Война продолжается, естественно, что трудности испытывают и украинцы. Мы имеем много других забот, поэтому кое-что не можем организовывать или думать о развитии украинской литературы. На вопрос о будущем государственном устройстве отвечать, что будет он решен фюрером после окончания войны. О развитии украинской культуры следует иметь в виду, что не это является главной целью борьбы немецкого солдата на Востоке. В первую очередь нам нужно использовать в интересах победы всю экономику Украины». Что касается национального вопроса, то в инструкции было сказано, что оккупационные власти должны всячески поддерживать местных этнических немцев, не забывая, что они «все-таки прежде всего являются немцами».

Не менее четко было сформулировано и то, как себя вести в отношении украинцев: «Украинцы нуждаются в руководстве ими. Их история свидетельствует о том, что они еще не подготовлены к самостоятельности». Далее всем представителям оккупационных органов предлагалось не завязывать с украинцами никаких близких связей, не получать от них никаких приглашений не только для бесед, но и просто для прогулок. Всегда нужно помнить, что «славяне быстро усваивают иностранный язык и многие могут понимать по-немецки».

Эта своеобразная инструкция заканчивалась советами о том, как вести себя самим немцам на Украине, как «представителям руководящего слоя в этой стране». Им запрещалось самим обрабатывать свои огороды (для этого имеются украинцы и русские), даже не нести к сапожнику свои сапоги. «Разумеется, немцы должны приветствовать друг друга, ибо это вызывает уважение к ним со стороны украинцев».

Для того чтобы связать общим узлом ответственность за преступления как немецко-фашистских оккупантов, так и отдельных представителей местного населения, оккупационные власти прибегли еще к одной изуверской мере. Они раздавали им имущество и драгоценности казненных евреев. Так, в одном из донесений службы безопасности за сентябрь 1941 г. отмечалось, что 29—30 сентября 33771 киевский еврей был расстрелян, а их «золото, драгоценности и одежда переданы этническим немцам и украинским опекунским органам».

Однако в формулировании политики в отношении украинского народа между отдельными нацистскими главарями выявились тактические разногласия. Особо острая дискуссия по этому вопросу происходила между Розенбергом и Кохом. Розенберг выступал за то, чтобы оккупационную политику на Украине осуществлять более гибко, до поры до времени не раскрывать ее подлинных намерений, а по некоторым частным вопросам даже пойти на уступки украинским националистам. Как справедливо отмечал на Нюрнбергском процессе главный обвинитель от СССР Р.А.Руденко, «если Розенберг и возражал иногда против действий Коха, то только потому, что боялся преждевременной огласки, боялся, что беспримерное издевательство Коха над украинским народом вызовет усиление движения Сопротивления».

Кох упорно не хотел отказываться от своих бесчеловечных методов управления Украиной. Это вынуждало Розенберга в 1943 г. дважды обращаться к Гитлеру с просьбой устранить Коха от выполнения обязанностей рейхскомиссара, но фюрер всегда поддерживал Коха. В конечном счете оба они сошлись на том, что в своей политике на Украине нужно сочетать «кнут с пряником», т.е. продолжать жесткую оккупационную политику, но делать некоторым категориям украинцев кое-какие уступки с одной лишь целью — оторвать их от русских и других народов СССР и расчленить сам украинский народ. С этой же целью было осуществлено произвольное дробление территории Украины, разрешено создание украинских полицейских формирований, сделаны незначительные уступки в культурной жизни.

Что касается Белоруссии, то оккупанты и здесь ликвидировали белорусскую государственность, произвольно расчленили ее территорию и даже запретили употреблять название «Белоруссия», которое символизировало ее близость к России. В генеральный округ Белоруссия вошла лишь часть Белоруссии, в которой проживала 1/3 всего населения республики. Восточное министерство Розенберга в декабре 1941 г. предоставило германскому командованию подробную справку о БССР. Большое место в ней заняли вопросы национальных отношений и характеристика «особенностей белорусского народа». Так, автор с удовлетворением отмечает, будто из-за длительного раскола Белоруссии национальное самосознание ее народа еще не развито, что, мол, культура белорусов стоит на низком уровне.

Гитлеровские оккупационные власти особенно тщательно изучали взаимоотношения между белорусами и поляками. В специальном донесении службы безопасности в начале 1942 г. отмечалось, что белорусы недовольны тем, что немцы привезли с собой эмигрантов из Германии и Польши и поставили их во главе управления территорией от Белостока до Смоленска. Вызывало недовольство и то, что немцы разрешили вернуться в Белоруссию многим польским помещикам, которые бежали отсюда в 1939 г.

В другом донесении службы безопасности от мая 1942 г. с сожалением отмечается, что «отношение белорусов к литовцам, латышам и украинцам дружественное. Что же касается немцев, то нельзя сказать, чтобы оно было положительным». Причину этого автор донесения усматривает в том, что белорусы знают немецкую национальную политику в Польше и они в ней разочарованы. Поэтому в донесении рекомендовалось создавать трудности в отношениях между поляками и белорусами и, в частности, увольнять поляков с административных постов и заменять их местными белорусскими силами.

Такую же коварную политику натравливания литовцев, латышей и эстонцев на другие народы Советского Союза, особенно на русских, оккупанты проводили в республиках Прибалтики. С этой целью они использовали местных националистов. Так, сформированные ими латышские полицейские батальоны они направляли для борьбы против партизан в Белоруссию, Ленинградскую область и в те районы Латвии, где преобладало русское население.

По донесениям партизан, в октябре 1942 г. в западных областях Белоруссии практически немецких гарнизонов не было — их заменяли литовцы и украинцы. Так, в районе Идрицы в декабре 1942 г. дислоцировались два батальона 281 охранной дивизии, состоявших из латышей и украинцев. Находившийся здесь лагерь для военнопленных охранялся 70 полицейскими из советских граждан.

В одном из отчетов оперативной группы, действовавшей в Прибалтике, открытие университета в Литве обосновывалось тем, что «она не находится в состоянии войны с Германией»[38].

Как следует обращаться с поляками, проживавшими в Прибалтийских республиках, в Белоруссии и на Украине, довольно четко и недвусмысленно было сформулировано Розенбергом в его директиве от 26 ноября 1942 г., когда вермахт находился в «зените военных успехов». В документе указывалось, что к ним должна применяться следующая политическая линия:

1. Поляков изъять из всех областей экономики, культуры, управления, уволить всех бургомистров и директоров и на их место назначить литовцев, белорусов и украинцев. Это же относится и к немецким учреждениям, в которых заняты поляки. Всех уволеных направить на производство — в промышленность и сельское хозяйство.

2. Школьное образование допустить не выше четырех классов, за исключением учебных заведений, готовящих специалистов для военной промышленности.

3. Закрыть все польские газеты и журналы. Только в области Вильно для местных поляков разрешить издание одной газеты. Употребление польского языка допускать только в округах, где большинство составляют поляки. В остальных случаях преимущество предоставлять литовскому, белорусскому и украинскому языкам.

4. Не привлекать поляков к изучению немецкого языка, чтобы они не приобщались к немецкой культуре. Они должны довольствоваться только польским языком.

Правда, далее Розенберг признавал, что практическое применение данной директивы может встретить определенные трудности и неудобства, но, подчеркивал он, «наша конечная цель и политический ущерб, которые могут причинить нам поляки, должны быть выше временных экономических затруднений».

Несмотря на усилия оккупантов вбить клин между поляками и литовцами и особенно между поляками и евреями, во многих случаях отмечалось тесное сотрудничество антифашистов различных

национальностей в борьбе против общего врага. Так, в одном из регулярных полумесячных отчетов службы безопасности в Остланде за сентябрь 1941 г. с озабоченностью подчеркивалось, что в районе Вильнюса создана польская организация «Защита евреев», которая обязала каждого своего члена спасти хотя бы по одному еврею. «И вообще, — говорилось в донесении, — между поляками и евреями наблюдается тесное сотрудничество».

Планируя наступательные операции на Кавказ летом 1942 г., командование вермахта тщательно изучало обстановку, в том числе и политическую, в этом регионе. Кроме изучения официальных советских переписей и другой литературы, оккупационные власти прибегали и к услугам различных кавказских белоэмигрантов, которые считали себя «знатоками кавказской проблемы».

Один из таких «специалистов» в мае 1942 г. представил германскому командованию два меморандума с «советами», как лучше использовать народы Кавказа в интересах Германии. В одном из них автор рекомендовал изгнать с Северного Кавказа всех русских и украинцев. Во втором меморандуме обращалось внимание на религиозные моменты в жизни кавказских народов. «При вступлении на Кавказ, — писал автор, — германская армия встретится не только с русскими и английскими войсками, но и с освободительной борьбой народов, вдохновленных японскими победами. Поэтому Германии нужно завоевать душу исламского мира». Для этой цели в меморандуме рекомендовалось создать «Кавказскую конфедерацию», связанную с Германией, а управление ею построить на принципах национал-социализма. «С этой конфедерацией Германия может заключить соглашение по использованию природных богатств. Только так Германия сможет обеспечить свои интересы на Кавказе на длительное время».

Летом 1942 г. Институт в Ванзее издал книгу «Кавказ», предназначенную для служебного пользования. В ней большое место занимало описание различных народностей Кавказа, их взаимоотношений и давались советы, как использовать те или иные национальные черты в интересах Германии.

В донесениях оперативных команд группы армий «Юг» за май 1942 г. имеются частые ссылки на донесения немецкой агентуры в Дагестане, Черкесо-Ингушетии, Кабардино-Балкарии. Оккупанты выискивали реальные и надуманные трудности в этих областях, чтобы использовать их в своих интересах.

Если в отношении других оккупированных областей Советского Союза политика Германии была в общем более или менее сформулирована, то в отношении Закавказья еще в середине 1942 г. продолжались споры между различными ведущими деятелями Восточного министерства. Вот что сообщал Гиммлеру его офицер связи при этом министерстве Бранденбург: «Политическая линия рейхскомиссариата "Кавказ" еще неясна. В Восточном министерстве тоже не существует единого мнения. Начальник штаба министерства А.Шикеданц, который котируется рейхскомиссаром Кавказа,

представлял ту точку зрения, что Кавказом трудно строго управлять со стороны немецких органов. Начальник кавказского отдела проф. Менде считал, что главные интересы Германии на Кавказе лежат в экономической области. Такого мнения придерживался и сам Розенберг». Далее в донесении отмечалось, что Менде предлагает создать там лишь экономический штаб, полицейские органы, а в крупных городах разместить гарнизоны, не создавая рейхскомиссариата, который может помешать сотрудничеству кавказских народов, особенно грузин и азербайджанцев с Германией. Бранденбург подчеркивал далее, что Министерство иностранных дел придерживается еще более радикальной точки зрения и старается повлиять в этом отношении на фюрера: создать «независимые» государства типа Хорватии и Словакии. Но Гитлер принял решение, что политику на Кавказе определяет только Восточное министерство, а МИД решает лишь вопросы внешних связей Кавказа с Турцией и Ираном.

Свое донесение по этому вопросу Бранденбург закончил следующим выводом: «Сейчас разногласия между Шикеданцем и Розенбергом таковы, как в свое время существовали между Розенбергом и Кохом. Но конфиденциально я узнал, что Шикеданц заявил, что как-только он станет рейхскомиссаром в Тифлисе, он будет вести такую политику, какую он считает правильной».

Оккупационные власти стремились использовать нерусские народы Советского Союза с большим размахом. В их документах неоднократно отмечается, что кроме 12 млн человек, проживающих на Кавказе, следует привлечь к антисоветской кампании и 18 млн татар, узбеков и представителей других тюркских народов. Однако Гитлер, как следует из его высказываний в декабре 1941 г., опасался создания антисоветских воинских частей из грузин и армян. Он не доверял им и считал, что ценность от них будет незначительной.

Однако в середине 1942 г. в главном командовании сухопутных войск уже серьезно обсуждался вопрос о формировании туркестанстанского, кавказско-магометанского, грузинского, армянского и тюркского легионов, а что касается татарских частей, то им не устанавливалось какого-либо ограничения. Вскоре такие легионы были созданы, однако вербовка в них проходила медленно, и немцам пришлось применить угрозы и шантаж.

В танковой армии генерала Э.Клейста, наступавшей на Кавказ, находился бывший германский военный атташе в Москве генерал Кестринг в качестве советника по делам кавказских народов и казаков.

Большие надежды гитлеровцы возлагали на националистические элементы из среды крымских татар. Уже 2 января 1942 г. командующий 11-й армией приказал начальнику полиции и СД О.Олендорфу приступить к формированию татарских так называемых «рот самозащиты». Через несколько дней было получено разрешение сформировать татарские воинские части. Одновременно Олендорф приступил к созданию политического органа, который мобилизовал бы татар на борьбу против советской власти. 3 января

под его председательством в Симферополе был создан Татарский комитет. Его члены, подобранные оккупантами, принесли мулле присягу бороться «за быструю победу Германии».

Как доносил представитель главного командования сухопутных войск при группе армий «Юг» Зиферс, к концу марта 1942 г. из 200 тыс. проживавших в Крыму татар удалось завербовать лишь 20 тыс. добровольцев. Но они не пользовались доверием командования, поэтому их по 3—10 человек разбрасывали по немецким подразделениям.

Подстрекая крымских татар на антисоветские выступления, в Берлине преследовали далеко идущие цели. Как писал в уже упоминавшемся донесении Зиферс, «движение крымских татар не нужно ограничивать только Крымом. Оно станет началом татарского движения во всем Советском Союзе, где тюркские народы составляют 20 млн человек. Потенциальную силу этих народов нельзя недооценивать».

В соответствии с указанием немецко-фашистских оккупационных властей 14 января 1942 г. Татарский комитет в своем решении записал, что он считает своей обязанностью совместно с вермахтом бороться не только за «освобождение» татар Крыма, но и всех мусульман Советского Союза. Чтобы создать себе опору среди националистически настроенных татар, в 1942 г. немцы привезли из Турции старого врага советской власти Дж.Сейдаметова, который в 1917—1918 гг. возглавлял татарское правительство Крыма, с тем чтобы он здесь организовал прогерманское самоуправление.

После оккупации Крыма в мае 1942 г. в этом регионе, по оценке агентуры СД, сложилась следующая ситуация. В первый период после вступления немецких войск на этот полуостров отношение к немцам со стороны населения было позитивным, и оно готово было сотрудничать с оккупационными властями, но только с немецкими. Посещение маршалом Антонеску вызвало у местных жителей беспокойство, что Крым отойдет к Румынии. Особенно позитивное отношение к Германии сложилось у местных татар. Ко дню рождения Гитлера в апреле они поздравили его специальным посланием. В мечетях производились молебны в его честь.

В 1939 г. население Крыма составляло 1013 тыс. человек, здесь имелось 13 городов и 2518 сельских населенных пунктов. По национальной принадлежности население было весьма пестрым, о чем свидетельствует следующая таблица (в %):

Годы	русские	украинцы	татары	немцы	евреи и крымчаки	греки	болгары	армяне	прочие
1897	—	45,3	34,1	5,8	5,2	3,1	1,1	1,6	3,9
1921	–	51,5	25,7	5,9	7,0	3,3	1,7	1,5	3,4
1926	–	53,6	21,1	6,1	6,4	2,3	1,6	1,6	3,3
1939	49,6	13,7	19,4	4.6	6,3	1,8	1,4	1,1	2,1

Со ссылкой на татарских историков немецкая агентура приводила данные, что за годы советской власти было уничтожено около 250 тыс. татар. Сейчас, отмечалось в документе, по просьбе татар сформированы добровольческие воинские части, которые хорошо себя показали в боях против Красной Армии и партизан. Национальное самосознание татар проявляется только в желании иметь свою мусульманскую религию и свой язык[39].

Вот что говорится об обстановке в оккупированном Крыму в сообщении уполномоченного ЦШПД по Крыму Булатова: «Я хочу сказать несколько слов о том, что слава о наших крымских татарах прошла такая, что они, якобы, повели себя не только не лояльно по отношению к советской власти, но даже враждебно. На основании некоторых объективных данных, непроверенных данных, идущих от наших товарищей, у нас было такое мнение, что добрая половина крымского татарского населения пошла по линии предательской деятельности, на поводу у немцев. Надо сказать, что на самом деле положение выглядело не так, как его представляли мы сами себе и как информировали руководящие товарищи, которые оставались на территории Крыма.

Дело в том, что немцам вначале удалось путем демагогии, путем предоставления целого ряда льгот татарам под лозунгом "Крым для татар" в известной части татарского населения провести работу и определенное количество людей склонить на свою сторону».

С этой целью немцы в массовой агитации ставили татар наряду с немцами:

1) сады и виноградники раздавались в первую очередь татарам;

2) для татар в южной и предгорной частях Крыма были открыты мечети;

3) татар-дезертиров из Красной Армии не подвергали репрессиям, а направляли по домам;

4) создан мусульманский комитет;

5) в ряде деревень в горах и предгорьях созданы отряды самообороны из татар.

Немецкие карательные отряды с помощью татар-проводников уничтожили в горах партизанские продовольственные базы, которые были рассчитаны на 3,5 тыс. партизан. «Поэтому создавалось впечатление и наши товарищи делали такой вывод, что партизанские базы были разграблены татарами. На самом деле, когда наши самолеты в октябре 1942 г. садились в Крыму, то они вывезли 500 больных и раненых. Тогда же мы выявили, что татарское население не такое, как нас информировали руководящие работники, находившиеся в Крыму».

Далее в документе отмечалось, что «в Крыму имеется 150 деревень с чисто татарским населением, но отряды самообороны существовали только в 20 — 25 деревнях. Поэтому неправильно утверждение, будто татары выступают против совстской власти. Население некоторых татарских деревень оказывало помощь нашим

разведчикам. А когда немецкие власти стали увозить урожай винограда, то татары вообще повернулись к нам.

Крымский обком партии принял специальное постановление, поддержанное Пономаренко, в котором дал иную оценку нашим прежним ошибкам. Нам известно, что Сталин также возмутился и заявил, что это быть не может. Видимо, мы перегнули палку. На этом основании в октябре 1942 г. мы послали в Крым 400 человек для организации партизанского движения и создали там 365 групп с 5 тысячами партизан»[40].

С конца 1942 г. на Кавказе и в Крыму немцы стали активнее использовать местных коллаборационистов в своих интересах. Так, 6 декабря того же года в районе Новороссийска был создан отряд из 150 человек. Тогда же в Симферополе проходили обучение 600 татар и 900 украинцев для борьбы с партизанами[41], которые действовали в Крыму еще с декабря 1941 г. Оперативная команда СС доносила из Крыма, что в горах в районе Ялты действует около 10 тыс. партизан, которыми командует советский подполковник А.В.Мокроусов — опытный руководитель партизанского движения еще в годы гражданской войны в России и гражданской войны в Испании[42].

Свидетельством того, какое внимание оккупационные власти уделяли национальному вопросу в Советском Союзе и его использованию в своих интересах, служит, в частности, директива Гейдриха от 10 октября 1941 г. об обращении с советскими военнопленными. В ней говорилось, чтобы при использовании советских военнопленных учитывать их национальную принадлежность. В частности, «с украинцами, белорусами, азербайджанцами, армянами, представителями тюркских народов строго обращаться только в том случаее, если среди них обнаружатся фанатичные большевики». Чтобы внести разлад между советскими военнопленными различных национальностей, гитлеровцы прибегали к следующей мере. 8 сентября 1941 г. верховное командование издало директиву об обращении с советскими военнопленными в лагерях, в которой, в частности, разрешалось отпускать на свободу этнических немцев, украинцев, белорусов, латышей, литовцев, эстонцев, румын и финнов. Это решение широко рекламировалось по радио и в печати. В действительности же речь шла об освобождении лишь нескольких сот человек.

В справке СД о национальном вопросе в Белоруссии, составленной в 1942 г., говорилось следующее. Нынешняя территория генерального комиссариата Белоруссии охватывает лишь около половины планировавшейся территории. Население составляют в основном белорусы, а также русские и поляки. Обстановка в областях между старой советско-польской границей и новой разная. «На западе население приветствовало немцев, на востоке — выжидало. Широкие массы сельского населения (75%) — это простые крестьяне с примитивным и ограниченным мышлением. Они не могут что-либо решать самостоятельно, их нельзя в чем-либо убедить только

словом. В городах лучшие силы служили коммунизму и поэтому с приходом немцев они бежали в Россию. Некоторых белорусских эмигрантов, проживавших в Германии и Польше, оккупационные органы привезли сюда как единственных лиц, которым можно доверять. Но их авторитет здесь невелик. Большинство поставленных нами на руководящие должности от Белостока до Смоленска — это выходцы из Польши и в основном католики. Поэтому они смотрят на Белоруссию через польские очки. Но белорусы-католики — это не настоящие белорусы, под лозунгом Белоруссии они стремятся построить новую Польшу. Такие белорусы-католики, как бургомистр Минска проф. Ивановский, представляют собой не только оппортуниста, но и польского агента.

Белорусская интеллигенция спрашивает, почему немцы все сделали по-своему. Например, они создали более 30 областей вместо 10 старых. Между белорусами и поляками происходит острая борьба. Немецкие оккупационные власти вернули в Белоруссию польских помещиков, которые в 1939 г. бежали от русских. Командование вермахта плохо обращалось с проживавшими в Белоруссии этническими немцами. Их называли "полукоммунистами"»[43].

В очередном донесении СД из Белоруссии 1 мая 1942 г. давался анализ национальной ситуации в Белоруссии. Говорилось, в частности, что «среди белорусов почти не замечается чувства национальной принадлежности. Белорусский народ и его язык действительно существуют, но нет белорусской проблемы, как националистически-автономистской проблемы. Белорусский народ — это аморфная масса, не имеющая своей интеллигенции и своего государства. Единственным критерием принадлежности к белорусскому народу является употребление белорусского языка. Начиная с XVII в. белорусский язык вообще не развивался и даже в настоящее время в сравнении с другими европейскими языками является "примитивным". В нем отсутствуют даже такие понятия, как культура, техника и другие. Кроме языка в Белоруссии нет других признаков нации.

Отношение белорусов к литовцам, латышам и украинцам дружественное. Но отношение к немцам нельзя определить как положительное. Белорусы разочарованы политикой немцев в Польше. Наша задача состоит в том, чтобы убрать отсюда все польские элементы и везде поставить местные силы»[44].

Агентура СД в Белоруссии в апреле 1942 г. сообщала в Берлин, что бургомистр г. Борисов, он же председатель Белорусского культурного союза д-р Ст.Станкевич считает, что территория белорусов исторически больше, чем в настоящее время. По его мнению, Белоруссия должна занимать территорию около 350 тыс. кв. км и говорящего по-белорусски населения свыше 14 млн человек, что составит 70—80% всего населения[45].

Немалое место в боевой деятельности внутренних войск НКВД СССР по охране тыла 1-го Белорусского фронта в западных районах Белоруссии и на территории Польши летом и осенью 1944 г.

занимала борьба против польских подпольных военных формирований — Армии Крайовой (АК), подчинявшейся польскому эмигрантскому правительству в Лондоне. В частности, советским войскам было приказано разоружить части АК, оказавшиеся в тылу Красной Армии.

Характерно, что до августа в советских архивных документах и в печати аковцы именовались не иначе как «бандиты» и «банды АК». Осенью 1944 г. их стали называть более уважительно — «солдаты и офицеры АК» и «группы, отряды», а не «банды». Так, в справке о служебной деятельности войск НКВД 1-го БФ отмечалось, что с 1 января по 31 октября 1944 г. было задержано 83585 человек, из них «бандитов» — 2445 и солдат и офицеров АК — 8357 человек и ликвидировано 80 «бандгрупп», в ходе боев было убито 1540 и пленено 351 человек. Потери советских войск составили убитыми — 116 и ранеными — 108 человек[46].

Таким образом, попытки оккупантов подорвать дружбу народов Советского Союза нанесли ей определенный ущерб, но в целом все же провалились. Уже в 1942 г. Геббельс вынужден был записать в дневнике: «Лично я думаю, что мы должны существенно изменить нашу политику по отношению к народам Востока. Нам бы удалось значительно уменьшить опасность со стороны партизан, если бы мы сумели завоевать в какой-то мере их доверие... Может быть, было бы полезно организовать в различных районах марионеточные правительства, чтобы переложить на них ответственность за неприятные и непопулярные мероприятия».

«Пятая колонна» марширует

Важную роль в осуществлении своей политики немецко-фашистские оккупанты отводили этническим немцам, которые проживали в соседних странах, являлись их гражданами и по разным причинам не были переселены в Германию в 1939—1941 гг. Они были хорошо организованы, нацистская партия вела среди них усиленную националистическую пропаганду. Еще накануне войны ряд немецких землячеств фашистам удалось превратить в свою «пятую колонну». В период оккупации, они находились на привилегированном положении и активно сотрудничали с оккупационным аппаратом.

Так, например, в расположенном в Западной Румынии г. Тимишоара до войны проживало 35 тыс. немцев. В годы войны в город стали прибывать немцы-беженцы. До 1935 г. в румынской части Баната проживало мало немцев, но с 1936 г. стали прибывать из Германии под видом родственников. Они были хорошо организованы. Имели свои ячейки во главе с руководителями. В 1938 г. единую немецкую фашистсткую организацию возглавил А.Шмидт. К началу Второй мировой войны в Банате действовал ряд других военизированных организаций. Немцы имели здесь свои школы,

профсоюзы. Многие молодые немцы пошли в отряды СС, чтобы избежать призыва в румынскую армию[47].

Задачу, которую ставили перед собой реакционные элементы среди этнических немцев, проживающих в других странах, лидер немецких колонистов в Румынии А.Шмидт выразил так: «Этнических немцев нужно воспитывать так, чтобы они осознавали свой долг перед Германией для осуществления ее европейской политики. Если таким образом мы станем орудием Германии, тогда сможем сказать, что мы выполнили в этом регионе свою германскую миссию».

Наряду с этническими немцами, которые не были гражданами Германии, нацистские заправилы большую ставку ставили на те десятки тысяч имперских немцев, которые являлись гражданами Германии, но проживали в других странах.

Чтобы среди них усилить влияние фашистской партии, еще в 1933 г. была создана зарубежная организация НСДРП, возглавляемая гауляйтером В.Боле, который одновременно являлся и статс-секретарем МИД Германии.

В июне 1939 г. в Берлине состоялось заседание Административной академии, на котором выступал ряд германских государственных деятелей и ученых, среди них и профессор К.Гаусгофер, который прочитал лекцию об «Основах геополитики». Но наше внимание привлекла лекция о зарубежных организациях НСДРП их руководителя гауляйтера Э.-В.Боля. Он подробно рассказал о численности, структуре и деятельности этих организаций, созданных в других странах.

В кайзеровской и веймарской Германии не существовало каких-либо законов об иностранных немцах. Такая потребность возникла только накануне прихода к власти НСДРП. В сентябре 1930 г. группа работавших ранее в других странах немцев собралась в Гамбурге и образовала Зарубежную организацию партии, и в следующем году в некоторых странах были созданы первые опорные пункты тех имперских немцев, которые проживают за рубежом (Auslanddeutschen), в отличие от этнических немцев (Volksdeutschen), т.е. местных немцев, не являющихся гражданами Германии.

Лектор счел нужным особо оговориться, что это мероприятие не означает вмешательства во внутренние дела других стран. «Мы запрещаем своим сторонникам, — заявил Боле, — иметь какие-либо контакты с фашистскими кругами своих стран, находящимися в оппозиции к местным режимам, чтобы не давать повода для обвинений во вмешательстве в их внутренние дела».

В течение 1933—1934 гг. было создано свыше 600 опорных пунктов, т.е. во всех странах, где проживали немцы. В основе их деятельности лежала директива заместителя фюрера Р.Гесса от 17 февраля 1934 г., в которой говорилось о необходимости объединить всех зарубежных немцев.

В январе 1937 г. указом фюрера руководителем Зарубежной организации был назначен Боле со штаб-квартирой в Министерстве иностранных дел Германии.

Для членов этой организации были сформулированы следующие заветы:

— быть лояльным к законам страны пребывания;
— не вмешиваться в ее внутренние дела;
— не забывать о своем членстве в партии;
— считать каждого немца своим товарищем и помогать им;
— каждый немец обязан быть не только членом партии, но и активным борцом и пропагандистом смысла, целей и задач партии.

Лектор напомнил, что его организация охватывает также немецких моряков, посещающих зарубежные страны[48].

Несмотря на демагогическое заявление Боля о невмешательстве членов его организации во внутренние дела зарубежных стран, ознакомившись с изложенными выше «заветами», нетрудно прийти к противоположному выводу.

Деятельность зарубежной организации НСДРП была незаконной и, выполняя свои «заветы», ее члены не могли вольно или невольно не вмешиваться во внутренние дела других стран. Последующие события показали, что эта организация была «пятой колонной» нацистских заправил Германии.

В своем докладе, прочитанном в берлинском клубе для фольксдойчен 8 декабря 1938 г., руководитель фольксдойчен в странах Прибалтики Крегер следующим образом определил задачи немцев, проживающих в других странах: «Фольксдойчен должны так формулировать свою политику, чтобы служить эффективным инструментом внешней политики Германии». Он предостерег от переоценки значения движения за обновление негерманских народов на Востоке в интересах внешней политики Германии[49].

Вскоре нацистам удалось создать свои организации практически во всех странах мира, где проживали немцы. Деятельность этих организаций распространялась не только на имперских немцев, но и на некоторых граждан соответствующих стран. В годы оккупации им были предоставлены всевозможные преимущества.

Польша

В Польше, например, около 200 тыс. из 400 тыс. этнических немцев, преимущественно зажиточных крестьян и торговцев, принадлежали к различным фашистским организациям, которые в 1938 г. объединились в единый Союз немцев в Польше.

В годы оккупации Польши забота об укреплении позиций и влиянии этнических немцев составляла важную задачу немецких оккупационных органов. С этой целью все 400 тыс. граждан генерал-губернаторства немецкого происхождения или считавших себя немцами получили особые удостоверения этнических немцев. Гит-

леровские власти практиковали периодические выезды на каникулы в Германию учеников старших классов из семей этнических немцев, активно поощряли их культурную жизнь. В годы оккупации на территории генерал-губернаторства действовало 322 немецкие народные школы, в Кракове для немцев было открыто Культурное общество, работали государственный театр, филармония. Для поддержания немцев, работавших в области науки и искусства, Франк создал специальный фонд им. Коперника, которого немцы считали своим астрономом. В интересах Германии работал открытый в апреле 1940 г. Институт немецкого Востока. В генерал-губернаторстве существовала сеть немецкой печати.

Однако польские демократические силы и прежде всего Польская рабочая партия никогда не отождествляли всех проживавших в Польше немцев с «пятой колонной» и гитлеровскими оккупантами. Об этом было ясно сказано в статье «Наше отношение к немцам», опубликованной в нелегальной печати в конце 1943 г. На вопрос о том, можно ли всех немцев в Польше считать врагами и нет ли возможности жить в мире с какой-то их частью, партия отвечала: между ними можно провести два водораздела. Первый проходит между имперскими немцами, прибывшими из Германии и являющимися врагами польского народа, неразрывно сязанными с Польшей и польским народом и развращенными гитлеровцами различными подачками. Второй водораздел как в Польше, так и в самой Германии проходит между немцами-гитлеровцами и немцами-антифашистами. Отсюда Польская рабочая партия (ППР) призывала: «Каждый немец, находящийся у власти, является оккупантом и нашим смертельным врагом, с которым мы боремся и будем бороться. Тот же немец, который понял, что такое гитлеризм и понял, что только совместная борьба всех антигитлеровских сил может привести к освобождению немецкого народа, является нашим союзником в борьбе с гитлеризмом».

Что же касается имперских немцев, прибывших в Польшу, то партия вела среди них работу под лозунгом «Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы». Она призывала антифашистов из имперских немцев не исполнять оккупационных функций, покинуть Польшу, дезертировать из вермахта, присоединяться к Национальному комитету «Свободная Германия». В отношении этнических немцев, среди которых было немало друзей польских трудящихся и настоящих антифашистов, партия призывала направить их на верную дорогу, а некоторых вовлечь в ряды ППР и вооруженные партизанские отряды для активной борьбы с гитлеризмом.

В высокоразвитой промышленной Верхней Силезии, которая являлась фактически вторым Руром для Германии, оккупанты применили еще один коварный прием разъединения и разложения польского народа. Речь идет о введении так называемого немецкого национального списка. В тех районах Польши, где длительное время проживали этнические немцы, в результате смешанных браков с поляками появлялось потомство, по мнению гитлеровских расистов, не с чисто арийской кровью. Вот почему установление немецких национальных списков стало одной из самых крупных кампаний по полной германизации этой части населения оккупированной Польши.

В чем состояли смысл и причины установления немецких национальных списков?

Во-первых, перед мировой общественностью нужно было «обосновать» немецкий характер завоеванных территорий и, стало быть, законность их присоединения к рейху. Война приняла затяжной характер, и в тот период Гитлеру было небезразлично, как народы других европейских стран отнесутся к его оккупационной политике.

Во-вторых, установление немецких национальных списков и сопутствовавшие ему определенные привилегии вносили известный раскол в среду польского населения, создавали взаимное недоверие, а то и вражду. Все это было, конечно, на руку оккупантам.

В-третьих, благодаря немецким национальным спискам, Гитлер приобретал дополнительный контингент солдат для пополнения потерь, понесенных вермахтом на фронтах. Недаром именно с 1943 г. требования к лицам, претендовавшим попасть в эти списки, были менее строгими, чем это было в 1939 г.

Наконец, в-четвертых, немецкие национальные списки явились попыткой выйти из противоречивой ситуации между расистской идеологией, предполагавшей выселение или физическую ликвидацию поляков, и интересами военной экономики Германии, которая нуждалась в квалифицированной рабочей силе любой национальности. Из этих соображений немецкие национальные списки получили широкое распространение именно в Верхней Силезии. Кроме того, эта территория Польши и в прошлом подвергалась постоянным попыткам германизации. Сильные позиции здесь имели немецкие промышленные монополии. Многие поляки, проживавшие в Силезии, владели немецким языком. Все эти обстоятельства облегчали дело введения немецких национальных списков в этой польской области.

Для определения своей политики к польским немцам вообще и родившимся от смешанных браков в частности, имперский комиссар по укреплению немецкой нации Гиммлер решил разделить их на четыре категории с внесением соответственно в четыре разных немецких национальных списка. 4 марта 1941 г. заместитель фюрера и начальник партийной канцелярии Р.Гесс издал соответствующую директиву. Затем она была частично изменена и дополнена новыми указаниями. Наконец в инструкции от 10 февраля 1943 г. о включении в национальные списки разных категорий лиц говорилось следующее.

В группу 1-ю с выдачей голубого удостоверения включаются те этнические немцы, которые еще в старой Польше боролись за интересы Германии. В настоящее время они могут быть использованы в оккупационном аппарате в занятых восточных областях. К груп-

пе 2-й с выдачей удостоверения также голубого цвета принадлежат этнические немцы, которые в Польше вели себя пассивно, но и они могут быть использованы в настоящее время в оккупационных органах. К группе 3-й (зеленое удостоверение) принадлежат граждане немецкого происхождения, но настоящими немцами они могут быть признаны лишь через 10 лет, и их использование в оккупационном аппарате не разрешается. Наконец в группу 4-ю с выдачей красного удостоверения включаются тоже лица немецкого происхождения, но давно потерявшие какую-либо связь с германской нацией. Поэтому их использование в органах оккупационного управления запрещалось.

Быть записанным в тот или иной немецкий национальный список являлось не простой формальностью. За ним стояли определенные материальные и моральные интересы. Так, представители первого и второго списков могли рассчитывать на приобретение германского гражданства. Они получали продовольственные карточки с более повышенными нормами по сравнению с поляками и имели другие преимущества. Включение жителей Верхней Силезии в тот или иной немецкий национальный список имело большое значение в случае их мобилизации в вермахт, т.к. представители первых двух списков обязаны были служить в вермахте. Что же касается представителей третьего и четвертого списков, то они имели больше прав, чем поляки, но меньше, чем германские граждане. Мобилизации в вермахт на первых порах они не подлежали.

За годы войны в вермахт было насильно мобилизовано, по подсчетам польских исследователей, не менее 100 тыс. поляков, проживавших в польской Верхней Силезии. Однако многие тысячи из них, направленные на фронт во Францию и Италию, уходили к местным партизанам или переходили на сторону союзных войск. На советско-германском фронте 3-я дивизия им. Траугутта народного Войска Польского была частично сформирована из солдат-дезертиров, выходцев из Силезии.

В первый период действия немецких национальных списков оккупационные органы очень щепетильно относились к включению в них тех или иных польских граждан. Например, до 1942 г. представителями первого и второго списков, т.е. настоящими немцами, признавались лишь те польские граждане, которые еще до войны активно помогали Германии или имели ярко выраженное немецкое происхождение. Поэтому в польской Верхней Силезии, насчитывавшей 1200 тыс. человек, в два эти списка были включены лишь 81 тыс. человек. Однако в последующие годы потребность в пополнении для фронта вынудила гитлеровцев несколько ослабить эти жесткие условия, и в 1944 г. в той же Верхней Силезии в обоих списках оказалось уже 308 тыс. человек.

Как видно, в основу деления этнических немцев на немецкие национальные списки в начале был положен не столько расовый, сколько чисто политический принцип, а именно: лояльность и преданность германскому рейху. Безусловно, такое деление польских

граждан служило интересам их раскола и подкупа части населения оккупированной Польши.

С 1943 г. запись в списки проходила насильственно, даже без ведома заинтересованного лица. Причем, в третий и особенно четвертый списки иногда включались поляки, никогда не состоявшие с немцами ни в каком родстве. В результате к концу немецкой оккупации Польши во всех немецких национальных списках оказалось свыше 2 млн польских граждан, из них в первый и второй списки были включены около 900 тыс. человек. Даже если учесть наличие в немецких национальных списках определенного числа поляков, записанных сюда насильно, то все же следует признать, что не менее 1,5 млн польских граждан польстились на подачки оккупантов, отказались от своей польской национальности и тем самым объективно, независимо от соображений, которыми они руководствовались, противопоставили себя всему польскому народу.

Поведение немцев различных категорий во время оккупации принималось во внимание органами народной власти в Польше после окончания войны, когда стал вопрос об отношении к представителям всех этих списков. В соответствии с законом об удалении из польского общества вражеских элементов от 6 мая 1945 г. все представители третьего и четвертого списков признавались польскими гражданами с момента принятия ими присяги на верность своему народу и польскому демократическому государству. Что же касается представителей первого и второго списков, то часть из них была выселена в Германию как немцы, отказавшиеся от польского гражданства. Другая же часть, как правило, из второго списка могла пройти реабилитацию и вновь восстановить свое польское гражданство через суд.

Немецкие колонисты в СССР

Исторически сложилось так, что миллионы немцев проживали практически во всех странах Европы. Немало немецких колонистов оказалось и на оккупированной территории Советского Союза. Это были немцы — граждане СССР, проживавшие в Прибалтийских республиках, в Ленинградской области, в районе Одессы и в других районах Черноморского побережья.

Как и в других странах Европы на оккупированной территории Советского Союза немецкие власти предоставили местным немцам особые привилегии, учитывая заслуги многих из них в качестве «пятой колонны». Так, директивами Розенберга от 19 февраля 1942 г. и Гиммлера, как уполномоченного по укреплению немецкой нации, от 8 сентября 1942 г. немцы проживавшие на Украине, признанные в качестве этнических немцев включались в соответствующий национальный список с вытекающими отсюда как правами, так и обязанностями. С этой целью в оккупированных районах, где находились немецкие колонии, создавались специальные ведомства.

По-разному на оккупированной территории вели себя советские этнические немцы. Имелись случаи, когда они сопротивлялись оккупационным властям, отказывались от принятия германского подданства. Это вынудило Гиммлера 16 февраля 1942 г. угрожать им, что они будут заключены в тюрьмы и концлагеря. Но больше отмечалось случаев коллаборационизма с оккупантами.

Югославия

Многочисленные немецкие колонии существовали в Югославии. По данным переписи 31 января 1921 г., в Югославии признали родным языком немецкий 513472 человека, т.е. 4,3% населения страны.

В межвоенное время фашистские руководители немецкого землячества в Югославии были весьма активной прогерманской агентурой. В Нюрнберге советское обвинение предъявило трибуналу книгу руководителя немецкого нацменьшинства в Югославии Я.Зеппа. В ней опубликовано его донесение в Германию в октябре 1940 г., где подчеркивалось, что, мол, принц Евгений первый понял, какое значение для Германии имеет Югославия. Поэтому эта страна должна быть под немецким господством, если Германия хочет обезопасить путь по Дунаю к Черному морю и обезопасить себя с юго-востока. В этом состоит главная задача. Далее в книге Зепп откровенно излагал цели и практическую деятельность его организации в Югославии. «Вся наша национальная деятельность до 1 сентября 1939 г. зависела от помощи рейха. Когда первого сентября вспыхнула война и вначале казалось невозможным получать помощь, возникла опасность, что вся наша работа должна будет прекратиться». И далее: «Тот факт, что я почти всю немецкую национальную группу в бывшем Югославском государстве передал в распоряжение фюрера и дал ему столько добровольцев, делает меня лично необычайно гордым».

О роли руководства этнических немцев в деле расчленения Югославии югославское правительство в своем официальном докладе, представленном Нюрнбергскому процессу, отмечало следующее: «Правительство третьей империи и гитлеровская партия тайным образом организовали немецкое меньшинство. Поселенные австрийскими императорами более ста лет тому назад, немцы пользовались в Югославии братским полноправием и культурной автономией. У них были собственные школы и имелись представители в парламенте и в органах самоуправления. Их количество достигало полумиллиона человек (то есть около 3% общего числа населения). С 1920 года они имели свою массовую организацию "Швабско-немецкий союз культуры", кратко называемый "Союз культуры" ("Культурбунд"). Как раз из этой организации и через нее, а также из всех немцев в Югославии нацистская партия создала политический и военный орган для уничтожения Югославии...»

В первые месяцы войны югославское правительство вынуждено было несколько ограничить подрывную деятельность руководителей этнических немцев в стране. Агентура службы безопасности в декабре 1939 г. доносила в Берлин, что положение этнических немцев в Югославии ухудшилось. Политическая и культурная деятельность их организации «Культурбунда» была ограничена. Югославское правительство поощряло антинемецкую пропаганду и не разрешало распространять пропагандистский материал из Германии.

Тем не менее этнические немцы располагали многими активно действовавшими организациями, в том числе и полувоенного типа. В одном лишь 1939 г. около 60 этнических немцев из Югославии прошли курс обучения в различных партийных и военных школах Германии. После оккупации Югославии они сразу же получили важные посты в государственном и оккупационном аппарате различных районов страны. Поэтому Берлин через свою «пятую колонну» был хорошо осведомлен о внутриполитическом положении в Югославии. А когда ОКВ потребовались агентурные сведения при выработке плана нападения на Югославию, то они также немедленно были представлены руководством немецкого землячества в Югославии.

Югославские немцы и до войны постоянно требовали для себя особых привилегий, несовместимых с суверенитетом Югославии. Более того, они являлись таким элементом, который систематически подстрекал другие национальности выступать с сепаратистскими требованиями, чем серьезно беспокоил белградские власти. Выступления югославских немцев служили поводом для вмешательства гитлеровской Германии во внутренние дела Югославии. Одной из причин объявления войны Югославии, по утверждению Гитлера, была «защита» интересов немцев, проживающих в Югославии, от угнетения их «сербской креатурой».

Еще 29 декабря 1939 г. Геббельс дал всем пропагандистским органам указание «найти материал, который подтверждал бы угнетение немецкого нацменьшинства в Югославии».

Чтобы привлечь на свою сторону Германию и немецкое национальное меньшинство в Хорватии, Павелич еще до апреля 1941 г. обещал, что он удовлетворит пожелания хорватских немцев. Придя к власти, поглавник свое обещание выполнил. Политические и культурные организации 182 тыс. этнических немцев в НДХ получили государственное признание. Немецкое нацменьшинство во всей Хорватии, особенно в Славонии и Сырмии, получило культурную автономию. Существенно усилилось влияние немцев в местных органах власти. Некоторых из них Павелич назначил жупанами и для них была установлена специальная форма присяги. Так, рукой самого поглавника в текст присяги для немецких жупанов были вписаны слова: «Как немец, осознавая свой долг перед немецким народом и фюрером Адольфом Гитлером и будучи верен союзу между Независимым хорватским государством и Германией и гер-

манским рейхом, я клянусь...» Дальше следовало, что вновь назначенный жупан клянется перед послом Германии в Загребе и перед фюрером немецкого землячества в Хорватии.

Маршал Кватерник официально заявил, что область Восточная Сырмия, самая богатая в Хорватии, всегда будет управляться местными немцами и что он, Кватерник, будет выполнять все их пожелания. Он далее приказал арестовывать любое должностное лицо Хорватии, которое осмелится идти против интересов этнических немцев.

В интересах этнических немцев в Хорватии были приняты:

1) Закон о правовом положении фюрера немецкой национальной группы признавал его статус государственного директора, который подчинялся непосредственно поглавнику и имел право в рамках общегосударственных законов издавать законы для этнических немцев.

2) Закон о применении немецкого языка, немецкого флага и символа устанавливал, что все немцы имеют право пользоваться немецким языком как в личной, так и в общественной жизни письменно и устно. Во всех районах, где немцы составляют более 20% населения, хорватский и немецкий языки равны как официальные языки во всех государственных учреждениях. В населенных пунктах, где немцев менее 10%, немцы имеют право пользоваться своим языком в сношениях с хорватскими властями. Честь немецкого народа, немецкий флаг и символ, знаки различия и униформа немецкого нацменьшинства находятся под государственной защитой.

3) Закон о чиновниках и служащих немецкого происхождения определяет, что они могут быть использованы в районах с немецким населением. Их освобождение или перемещение может быть произведено только с согласия руководителя нацменьшинства. Но местные власти часто нарушали эти законы.

Немцам было разрешено иметь прямую и бесконтрольную связь с партийными и государственными органами гитлеровской Германии, носить фашистскую униформу, различные гитлеровские эмблемы, открыто проповедывать нацистсткую идеологию, даже иметь свои подразделения в хорватском домобранстве и усташеской милиции. Фюрер немецкого нацменьшинства в Хорватии Б.Альтгауэр в январе 1943 г. получил ранг статс-секретаря правительства с исключительным правом издавать постановления от имени правительства, что также было недопустимо для его хорватских коллег.

Таким образом, в период господства усташей этнические немцы Хорватии не могли пожаловаться на недостаток внимания к ним. Они получили больше, чем несколько лет назад даже могли мечтать. Немцы потребовали для себя еще одной привилегии и опять получили ее: им было разрешено сформировать в рамках германских войск СС свою собственную дивизию «Принц Евгений». В борьбе с югославскими партизанами эта дивизия отличалась особой жестокостью и беспощадностью. Ее солдаты хорошо знали обстановку в стране, местность, владели языками югославских народов

и поэтому нередко наносили по югославским партизанам особенно чувствительные удары. Их нередко использовали и для разложения партизанских отрядов изнутри. Солдаты этой дивизии жестоко расправлялись не только с сербами, евреями или захваченными в плен вооруженными партизанами, но, чувствуя свою безнаказанность, убивали и мирных хорватов.

Этнические немцы являлись серьезной опорой оккупантов в осуществлении их политики террора и германизации и в Словении. В общем их численность здесь была незначительна, однако они занимали сильные экономические и политические позиции. Так, по переписи 1931 г., на территории Дравской бановины, которая охватывала тогда всю Словению, проживало 28988 человек, считавших немецкий язык своим родным языком. «Культурбунд» этнических немцев, созданный в 1922 г., в Словении, как и в других областях Югославии, стал центром антиюгославской подрывной деятельности, выступавшим за присоединение Штирии и Каринтии к Германии. Он был связан с «Немецким юго-восточным институтом» в г. Грац, который специализировался на том, чтобы «научно» обосновать якобы немецкое происхождение и немецкий характер словенских провинций.

Еще в 20—30-е годы немецкое население как югославского, так и румынского Баната в силу своего значительного экономического веса и тесных политических связей с Германией добилось ряда важных привилегий. Они, естественно, стали еще более широкими с апреля 1941 г. Прежде всего местные немцы были «пятой колонной» гитлеровской Германии и активно помогали вермахту в оккупации Югославии. Затем они стали главной опорой оккупантов, заняв в Банате все основные административные посты. Экстремисты из банатских немцев мечтали о создании здесь «Немецкого свободного государства» вроде Данцига или в худшем случае добиться автономии в рамках Сербии.

В Берлине учитывали эти планы банатских немцев и директивой от 15 мая 1941 г. в Банате в отличие от остальной Сербии, составлявшем Дунайскую бановину, был установлен особый режим. Однако эта полумера не удовлетворила местных немцев, и они потребовали расширения своей автономии. С этой целью комиссарское правительство Ачимовича 14 июня 1941 г. приняло «Постановление о внутреннем управлении в Банате». В постановлении говорилось, что в десяти срезах и г. Панчево, входящих в Дунайскую бановину и составляющих Банат, учреждается ведомство помощника бана для Баната с местом пребывания в Петровграде. Во главе ведомства стоит помощник бана, который назначается из местных немцев комиссаром по внутренним делам в Сербии по согласованию с руководителем немецкого землячества в Банате. Для немцев было введено специальное судоустройство, а немецкий язык наравне с сербским объявлен официальным языком.

Особое привелированное положение этнических немцев в Банате, как и во всей Сербии, было юридически закреплено указами от

19 июля 1941 г. и 10 сентября 1943 г. В этом последнем документе немецкое землячество в Сербии объявлялось юридическим лицом, которое имеет «неограниченное право на политическое, культурное, экономическое и социальное развитие».

В начале 1942 г. в Берлине снова обсуждался вопрос о возможности передачи Баната Венгрии. В связи с этим нацисты предприняли меры, чтобы все реквизированное имущество евреев было срочно вывезено в Германию или передано местным этническим немцам. В одном из донесений на имя Геринга от 20 марта 1942 г. уполномоченный по экономическим вопросам рекомендовал, чтобы «часть реквизированного имущества продать местным немцам для усиления их экномических позиций». Далее он советовал, чтобы новые владельцы «не создавали коллективные предприятия, а только частные, ибо в таком случае каждый из них будет лично заинтересован в их защите». В конечном счете все же было решено, чтобы часть еврейского имущества передать и венграм.

Банатские немцы при прямой поддержке германских оккупационных властей захватили ведущие позиции в общественной жизни Баната. С этой целью здесь с июня 1941 г. наряду с органами военной оккупации была введена гражданская администрация, функции которой с января 1942 г. расширились. Швабско-немецкий культурный союз, основанный в 1920 г., давно перестал быть лишь культурным объединением банатских немцев и превратился в важное орудие гитлеровских оккупантов. Созданные банатскими немцами специальные вооруженные отряды («deutsche Mannschaften») с первых же дней оккупации стали вооруженным органом нацистской администрации. Из них же состояла так называемая «вспомогательная полиция», которая отличалась особыми зверствами в отношении югославских патриотов.

Югославские немцы задолго до Второй мировой войны выступали с требованием присоединения некоторых югославских территорий к Германии, в частности Штирии и Каринтии. Подобная агитация усилилась с конца 1939 г., когда Гитлер призвал «освободить Штирию и Южную Каринтию». Председатель «Культурбунда» в Югославии Я.Зепп в декабре 1940 г. получил оружие для своих функционеров. Под видом спортивных обществ этнические немцы создавали свои полувоенные организации, которые затем с первых же дней оккупации стали активно помогать вермахту. Кроме общеюгославского этнические немцы Штирии имели свой Штирийский отечественный союз и в Каринтии — Каринтский отечественный союз. Эти фашистские организации были активными проводниками идеи о присоединении к Германии.

Румыния

Немецкое землячество в Румынии к апрелю 1940 г. насчитывало около 815 тыс. чел. Его руководителем стал однофамилец немецкого посланника Ф.Фабрициус. Свою программу летом 1939 г. он сформулировал так: «Мы снова имеем возможность объединить 800 тыс. немцев этой страны с единственной целью — воспитать их в национал-социалистическом духе». Ту же мысль изложил и генеральный секретарь немецкого землячества в Румынии А.Бонфсрт. Выступая на Всемирном конгрессе германцев в 1939 г. в Бреслау, он сказал: «Фюрер является единственным вождем германцев во всем мире. Мы, немецкое национальное меньшинство в Румынии, представляя германский остров между Карпатами и Тисой, всегда готовы выступить за фюрера и Германию».

С начала Второй мировой войны, особенно с весны 1940 г., деятельность местных немцев в Румынии значительно активизировалась. 28 сентября 1940 г. Ф.Фабрициуса на посту руководителя немецкого землячества сменил более молодой и энергичный А.Шмидт. По Венскому арбитражу к этому времени от Румынии отошли проживавшие в Северной Трансильвании 90 тыс. немцев, а с Бессарабией и Северной Буковиной отошли еще 120 тыс. человек. После этого в Румынии осталось около 600 тыс. немцев. С приходом к власти Антонеску немцам в Румынии уже не было оснований для недовольства. В одном из донесений агентов гестапо отмечалось, что «новое румынское правительство оказывает немцам содействие». Решающим фактором в деятельности немецкого нацменьшинства в Румынии было то, что его лидеры занимали влиятельное положение в экономической жизни страны. Так, один из руководителей немецкой организации А.Кольхаммер являлся одновременно генеральным директором транспортной кампании «Шенкер и К°». Фюрер немецкой молодежи в Румынии В.Деппнер был акционером нескольких промышленных обществ, К.Фромм и А.Шмидт занимали видные посты в пищевой промышленности и экспортных организациях и т.д.

Правительство Румынии шло на все новые и новые уступки немецкому нацменьшинству, требовавшему для себя особых привилегий. В середине августа 1940 г. одна из влиятельных румынских газет «Ромыния» активно поддержала его требование, заявив, что «немцы в Румынии не являются меньшинством, а вторым после румынского народа элементом, на который государство может вполне положиться».

Местным немцам удалось добиться того, что в соответствии с декретом румынского правительства от ноября 1941 г. все немецкие школы в стране перешли в их распоряжение. В Министерстве культов был учрежден особый отдел по немецким школам.

Одной из самых массовых организаций среди немецких колонистов в Румынии была «Немецкая молодежь», созданная еще в 1935 г. К октябрю 1940 г. она насчитывала 20 тыс. членов. В апреле 1941 г., после переселения немцев из Южной Буковины, Бессарабии и Добруджи, число членов «Немецкой молодежи» увеличилось до 65 тыс., т.е. охватило 90% всей молодежи немецких колонистов.

Немецкие колонисты при поддержке румынских властей располагали огромными возможностями для пропагандистской деятельности. Они имели 52 газеты, 4 издательства, много библиотек, книжных магазинов. Ими издавались также различные бюллетени, листки и журналы. Свою пропаганду в Румынии нацисты вели также через 11 культурных, 8 художественных и театральных, 9 спортивных и 6 туристических обществ. В Клужском университете при факультете литературы и философии был организован специальный семинар по немецкому языку и литературе. Его слушателями были немецкие, румынские и венгерские студенты, преимущественно члены «Железной гвардии». 45 тыс. румынских немцев в составе румынской армии до 1943 г. участвовали в войне против Советского Союза.

В соответствии с соглашением между германским послом Киллингером и начальником генерального штаба Румынии генералом Штефля, подписанным в Бухаресте 12 мая 1943 г., о мобилизации румынских граждан немецкого происхождения в войска СС, мобилизации подлежали мужчины, достигшие 17 лет. Все они сохраняли румынское гражданство. Вступать в войска СС запрещалось лишь кадровым и находящимся в резерве офицерам и подофицерам, а также военнослужащим, находящимся на восточном фронте, и специалистам всех степеней. Завербованные в войска СС должны были уехать из Румынии до 31 июля 1943 г. Румынское правительство обязывалось материально обеспечивать их семьи.

С согласия румынского правительства немецкие колонисты, начиная с ноября 1940 г., располагали не только независимыми политическими и общественными организациями, но и военизированными отрядами, которые назывались «оперативными отрядами» и находились под общим командованием Э.Мюллера. В уставе этих отрядов было сказано, что их члены «должны защищать немецкий народ от внутренних и внешних врагов для обеспечения его жизненного пространства и своего будущего».

Таким образом, многочисленные факты, свидетельствуют о том, что немецкие колонисты, как правило, были коллаборационистами и опорой наиболее реакционных сил Румынии. Они пренебрежительно относились к другим национальностям, не допуская их проживания не только в своих селах, но и в ближайшей округе.

Венгрия

В Триапонской Венгрии этнические немцы были единственным крупным нацменьшинством, да и то в 20-х годах они составляли всего лишь 5,5% населения страны. Венгрерские немцы проживали в основном в районах Западной Венгрии — 78757 человек, в венгерской части Бургенланда — 100000 человек, на юго-западе Венгерской возвышенности — 246325 человек и в так называемой «швабской Турции» — 233193 человека (по состоянию на 1930 г.).

После прихода к власти в Германии гитлеровской партии резко активизировало свою деятельность профашистское крыло немцев в Венгрии. Нацисты требовали, чтобы проблема немецкого нацменьшинства в Венгрии была решена на основе «великогерманской идеи Гитлера», а не путем предоставления ему частных привилегий или даже культурной автономии. Гитлер неоднократно давал понять хортистам, что поддержка Германией их территориальных претензий к Чехословакии будет прямо зависеть от того, как они будут относиться к немецкому нацменьшинству в Венгрии. Он потребовал, чтобы делами немцев в Венгрии занимался специально назначенный государственный секретарь. Сразу же после Венского арбитража в ноябре 1938 г. это требование было немедленно выполнено.

26 ноября 1938 г. правительство Имреди разрешило деятельность организации «Фольксбунд» в Венгрии. Его председатель Ф.Баш уже в своей программной речи заявил, что «Фольксбунд» распространит свою деятельность на все сферы политической, экономической и общественной жизни немцев в Венгрии. Он потребовал далее, чтобы венгерское правительство рассматривало «Фольксбунд», как и все немецкое нацменьшинство, в качестве юридического лица и разрешило ему иметь и свою политическую партию.

В первой половине 1939 г., когда Германия осуществляла непосредственную подготовку к нападению на Польшу, Гитлер усилил свой интерес к Венгрии. Будапешт стали посещать высокие гости из Берлина. Здесь по приглашению своего венгерского коллеги побывал министр внутренних дел Германии В.Фрик, который пообещал усилить помощь «Фольксбунду». За ним последовал визит начальника германского пресс-бюро О.Дитриха, а в июле 1939 г. в Венгрию прибыл начальник отдела зарубежных немецких организаций при МИД Германии обергруппенфюрер СС В.Лоренц и главный референт внешнеполитического бюро НСДРП по Венгрии д-р Хенингер. Они весьма детально ознакомились с положением здешнего немецкого нацменьшинства.

Чтобы оказать на правительство Венгрии соответствующее давление, гитлеровская пресса предприняла кампанию запугивания. В частности, приводился уже известный аргумент о том, что «отношение правительства Германии к другим странам будет в конечном счете зависеть от того, как эти страны будут относиться к проживающим в их границах этническим немецким группам». С этой же целью Гитлер использовал безработицу (в 1939 г. 40 тыс. человек) среди сельскохозяйственных рабочих в Венгрии, в том числе и среди немецкого населения. Была достигнута договоренность, что Германия официально обеспечит работой 11 тыс. этнических немцев. Она поощряла и нелегальный переход из Венгрии на сезонные работы десятков тысяч других безработных этнических немцев. Все это предпринималось с расчетом, что путем идеологичес-

кой обработки можно будет иметь в Венгрии немало сторонников фашизма.

Правительство Венгрии уступало требованиям Берлина и немецкого меньшинства и в организации школьного образования. В 1939/40 учебном году для немецких детей было открыто несколько средних школ, а в Будапеште – учительский лицей. В средних школах, находящихся в немецких селах, языком преподавания части предметов стал немецкий.

В связи с началом Второй мировой войны правительство приняло ряд ограничительных мер против всех левых и оппозиционных сил. Эти меры частично касались и деятельности «Фольксбунда». Ему, например, было запрещено официально создавать новые местные группы. Однако правительство смотрело сквозь пальцы на то, что многие местные группы немцев возникали нелегально.

Особый интерес в правящих кругах Венгрии, как и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, вызвала известная речь Гитлера в рейхстаге 6 октября 1939 г., в которой он выдвинул идею о переселении всех зарубежных немцев в пределы Германии. Вскоре началось переселение этнических немцев из Прибалтийских республик и Советского Союза, Румынии и других стран. Ожидалось, что соответствующее соглашение будет подписано и с правительством Венгрии. Гитлер однако принял иное решение, и вопрос о переселении немцев из Венгрии перестал быть актуальным. В Берлине сочли более выгодным, чтобы этнические немцы, проживающие к юго-востоку от Германии, в том числе и в Венгрии, оставались там для того, чтобы превратить бассейн Дуная на всем его протяжении в немецкую территорию. Германские монополии особенно интересовались теми участками Дуная, к которым прилегал Борский рудный бассейн и находились Железные Ворота. Здесь предполагалось поселить немцев, в руках которых было бы и то и другое.

В связи с дальнейшими военными и внешнеполитическими успехами Германии деятельность «Фольксбунда» в Венгрии стала более активной и уверенной, а венгерское правительство стало более податливым.

Уступчивость правителей Венгрии в вопросе о немецком нацменьшинстве объяснялась в Берлине тем, что «в предвидении установления Германией нового порядка на Балканах Венгрия хочет обеспечить себе тыл и заблаговременно показать Берлину свое доброе отношение к немцам».

Все эти меры венгерского правительства привели к тому, что этнические немцы в Венгрии чувствовали себя «государством в государстве». Новым шагом в этом же направлении являлся 2-й Венский арбитраж, в протоколе которого с согласия правительства Венгрии были предусмотрены дальнейшие уступки этническим немцам. Было оговорено, что единственным представителем немецкого нацменьшинства в Венгрии является «Фольксбунд», которому венгерское правительство предоставляет полную свободу действий

в организационных вопросах и в пропаганде национал-социалистических идей. Этнические немцы располагали особенно влиятельными позициями в вооруженных силах. Генеральный штаб состоял в основном из офицеров «немецкой школы», преимущественно немецкого происхождения.

Все это однако не удовлетворяло наиболее экстремистские круги «Фольксбунда», особенно его фюрера Ф.Баша. По возвращении в первой половине сентября 1940 г. из Берлина, где он беседовал с Риббентропом и имперским уполномоченным по поддержанию немецкой нации Гиммлером, Баш пригрозил главе правительства Венгрии неприятностями, если он не будет строго придерживаться венского протокола.

Обострились противоречия между главарями «Фольксбунда» и венгерскими фашистами из «Скрещенных стрел». Их фюрер Салаши хотел объединить под свои знамена как венгров, так и немцев, но «Фольксбунд» решительно возражал, запрещая мадьяризованным немцам вступать в партию «Скрещенные стрелы». Сторонники Баша утверждали: «Для немцев в Венгрии возможен лишь один национал-социализм, а именно, немецкий. Все немецкие националисты здесь должны быть объединены в "Фольксбунде". Венгерский национал-социализм не имеет права претендовать на этнических немцев».

Со второй половины 1940 г. в связи с новыми территориальными приобретениями Венгрии численность членов «Фольксбунда» и его позиции значительно окрепли. В него были включены организации немцев Южной Словакии, Закарпатской Украины и Северной Трансильвании. По данным Баша, «Фольксбунд» к этому времени насчитывал 50 тыс. человек, объединенных в 300 местных групп.

С конца 1940 г. он развернул кампанию за возвращение «в лоно немецкого народа» тех немцев, которые добровольно или насильственно ассимилировались венграми, изменили свои фамилии и разговаривали только по-венгерски. Им угрожающе заявляли, чтобы они, пока еще не поздно, признали себя снова немцами. «Фольксбунд» запрещал немецкой молодежи петь венгерские песни, исполнять венгерские танцы и носить венгерскую национальную одежду и ей предлагалось вернуться к старинным немецким традициям.

Особенностью тактики руководства «Фольксбунда» с 1941 г. является то, что она стала все более наступательной и агрессивной. Баш и его сторонники уже не ограничивались лишь защитой прав немецкого нацменьшинства, а выступали с требованием предоставить ему исключительный привилегированный статус. Особую тревогу среди венгерской общественности вызвало намерение Баша взять в свои руки военное обучение молодых немцев. Выступая перед руководителями молодежных организаций этнических немцев в январе 1941 г. он заявил: «Завтра или послезавтра, а, возможно, через 2–3 месяца война перекинется на Балканы и мы должны будем оказать Германии еще более эффективную поддерж-

ку». Правительство однако отказалось предоставить «Фольксбунду» такое исключительно право, но в принципе согласилось разрешить создать молодежную организацию этнических немцев. Такая организация в июле 1941 г. была создана.

Бардоши, ставший премьер-министром после самоубийства Телеки, заявил «Фольксбунду», что он радикально изменит отношение правительства к немецкому нацменьшинству в лучшую сторону. Вдохновленные подобным обещанием, сторонники Баша потребовали от Бардоши, чтобы «Фольксбунду» было предоставлено право контролировать и экономическую деятельность этнических немцев в Венгрии, создать собственный банк и различные хозяйственные товарищества.

Деятельность «Фольксбунда» в этом направлении была особенно развернута с началом советско-германской войны, когда вся экономика Венгрии стала фактически составной частью военно-экономического потенциала Германии. Наряду с немецкими нацменьшинствами в других странах «Фольксбунд» в Венгрии стал инициатором формирования особых эсэсовских частей из этнических немцев. С этой целью с 1 октября 1941 г. началась регистрация молодежи, а командный состав направлялся на учебу в Германию.

В последующие годы войны верхушка «Фольксбунда» все более грубо вмешивалась во внутренние дела Венгрии, активно помогала властям в депортации евреев, поддерживала непосредственные контакты с соответствующими инстанциями в Берлине и выполняла их распоряжения. «Фольксбунд» внес предложение Гитлеру оккупировать Венгрию и присоединить к Германии Задунайскую Венгрию. Одновременно он заверял Гитлера, что по его первому требованию все этнические немцы Венгрии готовы покинуть страну и переселиться в Германию. Затем они готовы маршировать туда, куда им прикажет фюрер.

Давая оценку деятельности «Фольксбунда» в Венгрии, известный венгерский исследователь этой проблемы Л.Тилковский справедливо подчеркивал, что «члены "Фольксбунда" стали не только предателями венгерской родины, но и своего собственного народа. Их защитники умалчивают о том, что, преодолевая известное сопротивление своего собственного народа, они путем угроз и демагогии привели этнических немцев в Венгрии к катастрофе».

Чехословакия

Многие этнические немцы, проживавшие в Чехословакии и являвшиеся ее гражданами, также стали опорой гитлеровских оккупантов в их политике германизации чешского и словацкого народов, т.е. коллаборационистами. В целом количество немцев, проживавших в Чешских землях, было невелико, однако они знали чешский язык и обстановку и потому являлись незаменимыми помощниками оккупационных органов. По данным чехословацкого

Министерства внутренних дел, после отторжения пограничных земель (Судет) к 15 марта 1939 г. в Чешско-Моравских землях проживало 234798 немцев. Правда, чехословацкая статистика в это число включала и 19227 евреев, без которых количество немцев на территории протектората составляло бы 215571 человека.

Близкие к ним данные дает и Главное управление имперской безопасности Германии. В его сводке от 15 июля 1940 г. отмечается, что на март 1940 г. на территории протектората проживало 204194 немца.

За годы оккупации число немцев в Чешских землях возросло незначительно — всего на 68789 человек. Это были главным образом переселенцы из Германии и Бессарабии, беженцы из прифронтовой зоны, личный состав оккупационных органов, естественный прирост местных немцев и чехи, принявшие германское подданство.

Немцы в протекторате составляли привилегированную касту, и о них особо заботились оккупационные власти. Для усиления «немецкого элемента» коллаборационистское протекторатное правительство и оккупационные власти создали особый денежный так называемый «Народный фонд», достигавший ежегодно в среднем 100 млн крон. Кроме того немецким переселенцам и тем, кто принял германское подданство, выделялась специальная «имперская помощь». Позиции имперских и этнических немцев в оккупированной Чехии и Богемии усиливались и в административных органах. С конца 1940 г. во всех городах, насчитывающих более 25 тыс. человек населения, вместо чешских бургомистров назначались немецкие комиссары. Председателями округов также назначались немцы. Всего в местных органах власти было занято 2 тыс. немцев.

Тем немцам, которые многие десятилетия проживали в чешской среде, настойчиво внушали, что они принадлежат к высшей расе и что какие-либо их контакты с чехами недопустимы. Им запрещалось посылать своих детей в чешские школы или обращаться к чешским врачам. Они состояли на особом снабжении продовольственными и промышленными товарами. Немецкие чиновники, особенно члены национал-социалистической партии, могли быть уволены на пенсию только в возрасте 65 лет, тогда как чехи — в 45 лет. Немцы могли быть приняты на работу без необходимой квалификации, чего чехам не разрешалось. Они также пользовались преимуществами в уровне зарплаты.

До военного вторжения войск вермахта в Чехословакию генеральный штаб сухопутных войск Германии в июне 1938 г. распорядился создать специальные отряды из судетских немцев. Для этой цели в Германию прибыло 160 немцев из Судетской области, из них после соответствующего инструктажа половина была возвращена в Чехословакию с заданием провоцировать напряженность между соседними странами. Остальные остались в Германии для использования на случай вторжения в Чехословакию[50].

Тогда же главное управление безопасности приняло решение об изучении служащими СД чешского языка на случай вторжения в

Чехословакию. Гиммлер распорядился, чтобы ему срочно представить список немцев, владеющих чешским языком[51].

В плане о действиях СД в момент вступления вермахта в Чехословакию, разработанном главным управлением безопасности, отмечалось, что отряды СД должны следовать за вермахтом и обеспечивать спокойствие и политическую жизнь на занятой территории. С этой целью страна была разделена на участки и подучастки: участок Праги, состоявший из 106 районов с населением более 7 млн человек и участок Богемии и Силезии (население 3500 тыс. и 53 района)[52]. В плане предлагалось широко использовать проживающих в Германии судетских немцев. Оперативные штабы СД располагали 400 работников. Для создания гестапо было выделено в августе 1938 г. 850 чиновников[53].

Немцы, особенно молодежь, воспитывались в духе ненависти ко всему чешскому. Им внушалось, будто Чехия и Моравия — это исконные германские земли, поэтому немцы являются их хозяевами, а чехи якобы вообще неспособны иметь свое государство. Эту мысль высказал Геббельс, открывая 20 февраля 1940 г. в Праге немецкую Административную академию, готовящую чиновников для оккупационной администрации протектората. «Чехи, как свидетельствует история, — говорил он, — только тогда раскрывают свою силу, когда ими руководят те, кто сотрудничает с немцами». И далее: «Чехам нужно позабыть мечту о независимости и вместо этого считать себя частью Германской империи и объединенной Европы». Такая пропаганда, несмотря на противодействие чешских и немецких антифашистов, все же давала свои плоды. Большинство этнических немцев в этой стране оказывали оккупантам активную помощь.

В Словакии так называемые «карпатские немцы» также составляли наиболее организованное и в то же время наиболее агрессивное национальное меньшинство. По переписи 15 декабря 1940 г. оно насчитывало около 150 тыс. человек, что составляло 5% населения. Однако реальное влияние немецкого нацменьшинства превосходило его численность.

На основании тисовской Конституции словацкое правительство 10 октября 1940 г. учредило должность «статс-секретаря по делам немецкого меньшинства в Словакии». Занявший эту должность Ф.Кармазин являлся одновременно членом правительства, и ему было предоставлено право издания директив, касающихся немецкого нацменьшинства. Политическая партия карпатских немцев — так называемая «Немецкая партия» — не только неизбежно поддерживала все самые реакционные мероприятия словацкого правительства, но нередко была их инициатором и вдохновителем. Это особенно касалось введения расистских законов, поощрения национализма и борьбы против демократических сил Словакии.

Со временем немецкое нацменьшинство, уже не довольствуясь своим привилегированным положением, все активнее претендовало на роль «касты господ» в Словакии. Для достижения этой цели ру-

ководство «немецкой партии» строило обширные планы ассимиляции словаков путем массового переселения в Словакию имперских немцев. Была установлена связь с главным расовым и переселенческим управлением СС в Берлине, а его начальник Г.Панке в июне 1940 г. совершил поездку по Словакии. Предлогом для этой поездки послужило расовое обследование немецких рабочих, занятых на лесоразработках в Бескидах. В действительности же это была политическая инспекционная поездка по районам Словакии, заселенным немцами. В своем донесении Гиммлеру Панке пришел к следующему выводу: «После устранения евреев и цыган, а также выключения венгров, что, примерно составляет 500 тыс. чел., эта страна, по моему мнению, может быть снова обретена для немцев». Далее он рекомендовал переселять сюда немцев из густонаселенных областей Германии. «Я считаю, что 100 тыс. новых немецких семейств было бы достаточно, чтобы создать сильный барьер против венгров и создать для словаков такой руководящий слой, который окончательно связал бы их с немецким народом».

Так, каждый год весной и осенью словацкое правительство устраивало своим чиновникам краткосрочные курсы для изучения немецкого языка. Издавались газеты на немецком языке «Гренцботе» и «Сигнал». Во всех населенных пунктах, где проживало более 10 немцев, создавались для них школы и ясли. В Братиславе действовала немецкая гимназия. Активно работало германо-словацкое культурное общество.

Усиливалось немецкое влияние и в словацкой армии. В Министерстве обороны находился немецкий генерал в качестве советника. Германская военная миссия, которой руководил генерал Отто, имела своих представителей в Братиславе, Банской-Бистрице и в других городах. Для словацких офицеров в Германии были организованы курсы для повышения квалификации.

Так многие карпатские немцы, поддерживаемые правящими кругами Словацкого государства, являлись верными защитниками интересов германского империализма в Словакии.

Бельгия

Большую ставку делали немецко-фашистские оккупанты на немецкое население, проживавшие в Бельгии, особенно в трех бывших прусских районах — Эйпен, Мальмеди и Сен-Вит. По референдуму 20 сентября 1920 г. они были присоединены к Бельгии и через несколько лет включены в бельгийскую провинцию Льеж. В 1930 г. была проведена перепись, в ходе которой учитывались говорящие только по-немецки, по-французски и по-фламандски. В результате 90% населения районов Сен-Вит, Эйпен и большая часть Мальмеди признали родным языком немецкий, т.е. из 17400 человек немцами себя признали 15250 человек. Среди немцев Эйпена и Мальмеди действовала культурная организация Отечест-

венный союз. Она подвергалась репрессиям со стороны правительства Бельгии.

Агентура из Германии развернула активную деятельность по созданию в районах Эйпена и Мальмеди национал-социалистической организации. К весне 1939 г. она уже насчитывала 500 членов и располагала печатным органом тиражом в 3 тыс. экземпляров.

По немецким данным, на июнь 1940 г. в районах Эйпена и Мальмеди насчитывалось около 10 тыс. валлонов, в том числе в г. Мальмеди — 4 тыс. человек; остальные жили в нескольких валлонских общинах. Сразу же после прекращения военных действий в этот район стали прибывать многие немецкие колонисты.

Аннексия Эйпена, Мальмеди и Морене была провозглашена законом от 18 мая 1940 г., который послужил основой для декрета от 23 мая 1940 г. о фактическом присоединении этих бельгийских районов к германской области Аахен. С сентября того же года здесь были назначены германские власти, учреждены германские участковые и окружные суды. Взамен бельгийского кассационного суда все кассационные вопросы рассматривал высший немецкий суд в Кельне.

Кроме Эйпена и Мальмеди, немцы жили в районах Арель и Лимбург, отдельные колонии имелись также в Брюсселе, Люттихе, Антверпене. 30 тыс. немцев проживали в бельгийской провинции Люксембург (Арель, Гейшлинген, Метциг, Эльхерот и др.). Немцы Лимбурга были тесно связаны с немцами, живущими в Южной Голландии.

Дания

Серьезную озабоченность общественности Дании вызывала ирредентистская деятельность 30 тыс. человек немецкого нацменьшинства, проживающего в Северном Шлезвиге на границе с Германией.

Немецкое нацменьшинство в Северном Шлезвиге накануне войны насчитывало около 45 тыс. человек. Его руководителем был тогда Мюллер-Гравештейн. Датские немцы восторженно приветствовали части вермахта, перешедшие границу Дании на этом участке. Они служили проводниками, выдавали датских антифашистов и оказывли оккупантам другие услуги. Фашиствующие элементы немецкого нацменьшинства еще до и особенно в первые месяцы оккупации устраивали в Северном Шлезвиге провокации, распространяли слухи о возможном изменении датско-германской границы, требовали для себя особых привилегий, какими пользовались немецкие нацменьшинства в других странах и т.д. Они распространяли издававшуюся во Фленсбурге газету «Фленсбургер нахрихтен», которая в ложном свете освещала положение немецкого нацменьшинства в Дании, выступая за присоединение всего Шлезвига к Германии. Руководитель немецкой этнической группы в Дании по-

стоянно информировал Берлин об обстановке в стране, требуя более решительной поддержки со стороны германских оккупационных властей.

Вначале оккупационные власти соблюдали принцип невмешательства, что объективно означало поощрение действий немецкого нацменьшинства. Но затем беспокойство датского населения грозило Гитлеру тем, что вообще мог быть скомпрометирован тезис оккупантов о превращении Дании в «образцовый протекторат». Поэтому оккупационные власти стали одергивать руководителей немецкого нацменьшинства и призывать их потерпеть до завершения войны.

Кстати, немцам, проживавшим в Северном Шлезвиге, не было основания жаловаться на свою судьбу, т.к. датское правительство всегда благосклонно выполняло все их требования. 5 июля 1940 г. в своем выступлении в ригсдаге премьер-министр Стаунинг еще раз официально подтвердил, что его правительство намерено продолжать в Южной Ютландии прежнюю национальную политику, которая, по его словам, «получила признание с немецкой стороны». В годы оккупации для датских немцев издавалась газета «Нордшлезвиг цайтунг», они имели преимущества при замещении должностей в местных органах власти, располагали своими школами, поддерживали прямые связи с оккупационными властями и с Берлином. Датские немцы широко привлекались оккупантами к работе в органах гестапо, охранниками различных военных объектов и военнослужащими войск СС.

Среди националистических кругов немцев Северного Шлезвига наступило разочарование, когда им стало известно, что эта область не будет включена в состав Германии. Руководство этнической группы к марту 1942 г. развернуло активную вербовку в войска СС. На призыв своего фюрера к середине марта 1942 г. откликнулось около 1200 человек и еще 900 человек, служивших в гитлеровском вермахте. Если в 1940 г. местные немцы выдвигали требования «Назад в Германию» и пересмотра границы 1920 г., отмечалось в одном из донесений германского гестапо в апреле 1942 г., то сейчас это требование снято, ибо Дания уже включена в сферу интересов Германии.

К началу 1943 г. руководству организации датских немцев в Северном Шлезвиге удалось в целом завоевать большинство из них на сторону Германии. Однако, как докладывала агентура органов безопасности, часть их по-прежнему не признала национал-социализм.

Большая часть датского населения, как жаловались оккупационные власти, выступала против Германии и национал-социализма. «Предупреждение датских властей о необходимости лояльного отношения к Германии не оказывает никакого действия. Датчане ненавидят все немецкое, что прежде всего отражается на их отношении к немцам Северного Шлезвига».

В донесении органов безопасности от 22 февраля 1943 г. приводился пример того, как в Северном Шлезвиге датский пастор Бартольди поучал своих слушателей: «Ты должен любить своих врагов, однако немцев ты должен ненавидеть, ибо они посланцы сатаны». Были также угрозы со стороны датчан, что немцам в Северном Шлезвиге они устроят то, что поляки сделали с ними в Бромберге в 1939 г. Так, на одном из собраний 24 ноября 1942 г. на вопрос о судьбе немцев Северного Шлезвига после войны докладчик ответил, что в течение 24 часов большинство немцев будет изгнано, а с остальными будет покончено на месте.

В связи с такими антинемецкими настроениями со стороны большинства датчан, говорится далее в донесении, попытки немецкой национальной группы построить «мост на север» встречают сильное сопротивление.

Антидатская деятельность немецкого нацменьшинства на юге страны вызывала серьезную озабоченность не только коллаборационистского легального датского правительства, но и руководства подпольным движением Сопротивления. Возникла необходимость еще до освобождения страны разработать соответствующую программу решения проблемы немецкого нацменьшинства.

Примечания

1 Basta Milan. Agonija i slom Države Hrvatske. Beograd, 1971. Str. 20, 25.

2 Hory L., Broszat M. Der Kroatische Ustaschastaat 1941—1945. Stuttgart. 1954. Str. 28—29.

3 Ibid. S. 32.

4 Brćić Rafael. Okupacioni u Bosni i Herzegovini 1942 godine // Vojnoistorijski glasnik. 1970. № 1. Str. 44.

5 Nacistická okupace Evropy. I/II. Praha, 1966. Str. 71.

6 Тито Иосип Броз. Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 97—98.

7 Влахов Д. Македонската народно-освободителна борба. София, 1946. С. 4.

8 Ćulinović F. Okupatorska podjela Jugoslavije. Beograd, 1970. Str. 593.

9 Валев Л.Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964. С. 285.

10 Димитров Георгий. Избранные произведения. Т. 2. М., 1957. С. 11, 13.

11 Историја на македонскиот народ. Кн. 3. Скопје, 1969. С. 290.

12 Лукач Душан. Прилог изучавању националног питања народа југославије току народнослободилачког рата // Историјски гласник СР Србије. 1969. № 1. С. 43.

13 История на България. Том трети. София, 1964. С. 379.

14 Историја на македонскиот народ. С. 281.

15 Herzog R. Grundzüge der deutschen Besatzungsverwaltung in den ost- und südosteuropäischen Ländem während des zweiten Weltkrieges. Tübingen. 1955. S. 48.

16 История на Българската комунистическа партия. София, 1969. С. 444.

17 Германские планы расчленения Франции // Международная жизнь. 1959. № 12. С. 144—147.

18 Jäckel E. Frankreich in Hitlers Europa: Die deutsche Frankreichpolitik im zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1966. S. 76.

19 Ibid. S. 77.

20 Mühauser Tagblatt, 19.3.1943.

21 Goldschmitt Fr. Elsass und Lothringen unter der Naziherschaft 1940—1945. Rech (Moselle). 1947. S. 15.

22 Цит. по: Эренбург Илья. Голос Эльзаса. Пенза, 1943. С. 7—8.

23 Verordnungsblatt für Lothringen. 1942. № 12, 18.3.1942.

24 Jäckel E. Op. cit. S. 317—318.

25 Verordnungsbaltt für Lothringen. 1942. № 36, 3.9.1942.

26 Jäckel E. Op. cit. S. 49.

27 Böhme H. Entstehung und Grundlagen des Waffenstillstandes von 1940. Stuttgart, 1966. S. 272.

28 Антифашистское движение Сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны. М., 1962. С. 477.

29 Nacistická okupace Evropy. Str. 257.

30 Kwiet K. Reichskommisariat Niederlande. Versuch und Scheitern nationalsozialistischer Neuordnung. Stuttgart, 1968. S. 65—66.

31 Cahiers d'Histoire de la seconds guerre mondiale. 1970. № 1. P. 127.

32 Verordnungsblatt des Militärtefehlshabers in Belgien und Nordrankreich für dic besetzten Gebiete Belgiens und Nordfrankreich. № 1, 5.11.1940.

33 Российский государственный военный архив (далес — РГВА). Ф. 519. Оп. 3. Д. 18. Л. 323.

34 Тайны истории. Откровения и признания. М., 1996. С. 150, 165, 251.

35 РГВА. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

36 Там же. Д. 2. Л. 43.

37 Там же. Д. 18. Л. 2.

38 Там же. Ф. 500. Оп. 1. Д. 25. Л. 74.

39 Там же. Д. 775. Л. 77—80.

40 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 725. Л. 112—115.

41 Там же. Д. 707. Л. 67.

42 РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 25. Л. 180.

43 Там же. Оп. 4. Д. 92.

44 Там же. Оп. 1. Д. 775. Л. 19—22.

45 Там же. Д. 773. Л. 344.

46 РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 76. Л. 598.

47 ЦАМО. Ф. 32. Оп. 64599. Д. 75. Л. 336—341.

48 РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д. 226. Л. 323—326.

49 Там же. Ф. 519. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 205—206.

50 Там же. Оп. 500. Оп. 1. Д. 939. Л. 150.

51 Там же. Л. 213, 221.

52 Там же. Л. 266.

53 Там же. Л. 291, 374.

Глава шестая

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА

Вооруженные силы союзников Германии

В вооруженном противоборстве с Красной Армией и войсками союзников по антигитлеровской коалиции с июня 1941 г. участвовали следующие коллаборационистские вооруженные силы: регулярные войска стран—сателлитов гитлеровской Германии, войска под командованием генерала А.А.Власова, Украинская повстанческая армия (УПА), казачьи воинские части, сформированные немцами так называемые «восточные легионы», так называемые хильсвилиге, т.е. добровольные помощники, добровольческие легионы, созданные в оккупированных странах Западной Европы, испанская дивизия, а также созданные оккупантами в СССР и в странах Западной Европы карательные части (полиция, жандармерия, охранные войска). Они составляли значительную вооруженную силу, насчитывавшую сотни тысяч солдат и офицеров. Совместно с вермахтом они должны были обеспечить реализацию так называемого «крестового похода Европы против большевизма».

В войне против Советского Союза союзники Германии выставили регулярные войска: Румыния — 13 дивизий, Венгрия — 6, Финляндия — 16, Италия — 3 и Словакия — 2 дивизии. Они в начале войны вместе со 153 дивизиями вермахта насчитывали 5,5 млн солдат и офицеров.

Войска вермахта и его союзников на протяжении войны представляли собой мощную силу, причинявшую неисчислимые бедствия советским воинам и всему народу. В тяжелых боях миллионы из них погибли, другие миллионы оказались во вражеском плену.

Острая дискуссия о том, за что и против кого сражались в годы войны граждане разных стран Европы в нацистских войсках СС, продолжается и поныне, спустя более 50 лет после окончания войны. По некоторым данным, в этих войсках служило: голландцев — 40 тыс., венгров — 40 тыс., украинцев — 30 тыс., казаков — 30 тыс., фламандцев — 25 тыс., латышей — 25 тыс., русских — 18 тыс., эстонцев — 15 тыс., французов — 10 тыс., белорусов — 10 тыс., итальянцев — 10 тыс., татар — 10 тыс., норвежцев — 8 тыс., датчан — 6 тыс., словаков — 6 тыс., чехов — 5 тыс., индийцев — 5 тыс., румын — 5 тыс., финнов — 4 тыс., сербов — 4 тыс., албанцев - 4 тыс., болгар — 3 тыс., армян — 3 тыс., грузин - 3 тыс., узбеков — 2 тыс., греков — 1 тыс. человек. На восточном фронте на стороне вермахта воевали также 700 швейцарцев, 300 шведов, 100 англичан и один американец.

Высшей наградой гитлеровской Германии — Рыцарским крестом — были награждены 28 иностранных военнослужащих, среди них — 12 латышей и 4 эстонца. В созданной германским командованием латышской 19-й дивизии СС и в других воинских частях Железным крестом I и II степени было награждено более 10 тыс. латышей. Сама дивизия упоминалась в публичных сводках германского командования 55 раз.

С началом агрессии Германии против Советского Союза на восточный фронт был направлен норвежский добровольческий полк СС, сформированный еще в январе 1941 г. Хотя группа сторонников В.Квислинга, родных и близких солдат и офицеров полка торжественно проводила его, большая часть населения с тревогой наблюдала за событиями на фронте и за судьбой соотечественников.

Чтобы привлечь молодых норвежцев к службе в добровольческом полку и пополнять понесенные потери, германские власти объявили, что норвежские солдаты пользуются равными правами с немецкими. Вернувшихся с фронта раненых и прибывших на родину в отпуск, особенно награжденных немецкими боевыми орденами, встречали торжественно. Родственники погибших и раненые пользовались в Норвегии такими же продовольственными карточками, как и население Германии.

Некоторая часть нидерландской молодежи также участвовала в вооруженной борьбе и на восточном, и на западном фронтах. Голландским коллаборационистам удалось тогда завербовать свыше 25 тыс. добровольцев, которые составили два соединения СС — «Нидерландский легион» и полк «Вестланд». Они принимали участие в боях на востоке и на западе во время высадки союзников во Франции.

Но после поражения немецких войск под Сталинградом, в Африке и высадки союзников в Италии число добровольцев стало сокращаться, а число участников движения Сопротивления и нападений на оккупантов и коллаборационистов увеличиваться. Так, в феврале 1943 г. был убит антифашистами начальник милиции Муссерта генерал Зейфардт, прозошли нападения на нескольких других сторонников Муссерта.

Несмотря на несколько актов возмездия, антифашистам, даже после призыва эмигрантского правительства к Сопротивлению оккупантам, все же не удалось развернуть массовую антифашистскую борьбу.

Уже в конце июня 1941 г., рассчитывая на скорое поражение Советского Союза, парижские ультраколлаборационисты при под-

держке правительства Виши предложили сформировать добровольческий легион для борьбы против большевизма. Чтобы облегчить решение этой задачи Петен отменил прежний закон, запрещавший французам служить в иностранных войсках. Организацию легиона возглавило не правительство Виши, а частное лицо, лидер французских фашистов-кагуляров Э.Делонкль. Но французские патриотические силы выступили против этой опасной затеи. Во время парада легионеров в Версале 27 августа 1941 г. молодой антифашист Поль Коллет в знак протеста против сотрудничества с врагом выстрелил в руководителей парада.

Тем не менее в течение месяца легион был сформирован, и 4 сентября 1941 г. первый его отряд из оккупированной зоны Франции отправился на восточный фронт, второй — выехал в ноябре уже из неоккупированной Франции.

На участке в районе г. Можайска легион принял первый бой, в котором понес большие потери. Вернувшиеся на родину его остатки послужили базой для формирования нового состава легиона, уже на правительственном уровне. В Комитет по формированию легиона вошел ряд видных вишистских чиновников и среди них министр Ф. де Бринон, ставший политическим руководителем легиона. После формирования и обучения легиона в начале июля 1942 г. П.Лаваль как глава правительства переименовал его в «Трехцветный легион». Предполагалось в будущем создать настоящую армию численностью до 100 тыс. человек.

В ноябре 1942 г., когда под Сталинградом и на других участках фронта началось мощное контрнаступление советских войск, часть легиона была направлена на восточный фронт. Через несколько недель разбитый легион был возвращен во Францию, где его ждали не почести, а закон Петена от 28 декабря 1942 г. о роспуске. 11 февраля 1943 г. был принят закон о формировании новой войсковой части — «Легиона французских добровольцев против большевизма». Его статус как государственного образования стал еще выше. Его председателем и генеральным секретарем оставался Ф. де Бринон. Легионерам были присвоены армейские звания, увеличены денежные оклады. Но участия в боевых действиях на восточном фронте он уже не принимал.

То, что формирование и посылка на советско-германский фронт французского «добровольческого» легиона не было акцией лишь группы французских авантюристов и что к ней власти Виши якобы не имели никакого отношения, подтверждается посланием Петена, которое он направил командиру легиона полковнику Лебону в начале ноября 1941 г. В нем маршал сообщил, что его «как солдата и главу государства» тронуло письмо полковника. «Может быть, в настоящий момент, — писал маршал, — нет более полезной задачи, чем задача вернуть нашей стране веру в свое собственное значение. Однако вы послужите Франции также и непосредственно. Вы участники "крестового похода", руководство которым взяла на себя Германия. Поэтому вы справедливо можете притязать на благодарность всего мира. К тому же вы способствуете отражению от нас большевистской опасности. Вы защищаете свою страну, одновременно надеясь на восстановление мира в Европе. По этим причинам мы, министр национальной обороны адмирал Ж.Дарлан и лично я, желаем вам счастья при выполнении благородного дела, которое вы добровольно приняли на себя. Со своей стороны я всем сердцем с вами в боях до славного дня вашего возвращения на родину».

С поражением Франции в 1940 г. идея коллаборационизма с Германией приобрела новый зловещий оттенок. Речь теперь шла о прямом предательстве интересов Франции в пользу врага, и эта идея охватила широкие слои французского общества. Носителями старой идеи европеизма, которую можно было реализовать Франции только совместно с немцами, стала интеллигенция — известные ученые, писатели, журналисты и деятели искусств.

Коллаборационисты, прибывшие из северной оккупированной зоны, упрекали сторонников «национальной революции» на юге в недостатке фашизма и в том, что они не доходят до прямого союза с Германией. Даже в июне 1944 г., когда союзные войска уже высадились на территории Франции, Петен по-прежнему умолял французов «не проявлять активности, ничего не предпринимать против оккупантов, чтобы не усугублять свое несчастье».

Однако правительство Черчилля не только не собиралось капитулировать, но, наоборот, дало возможность функционировать эмигрантским правительствам оккупированных стран, среди которых был и Французский комитет национального освобождения во главе с генералом Ш. де Голлем. Сам генерал активно разоблачал предательство вишистов. В Лондоне он создал военный орган, именовавшийся Центральным бюро осведомления и действия и призванный оказывать всестороннюю поддержку внутренним силам Сопротивления. Но, по словам французского историка А.Дансетта, это бюро «не являлось автономной службой, действовавшей по собственному усмотрению. Его материальные средства были главным образом английского происхождения, и оно не могло ими распоряжаться без согласия англичан».

Обеспечением специалистами и снабжением оружием бойцов Сопротивления в оккупированной Европе ведал союзнический (в основном английский) Штаб специальных сил. Но во Франции, как и в других странах, он удовлетворял заявки только лояльных ему отрядов и отказывал, например, отрядам Парижского района, руководимым коммунистами, хотя здесь, по утверждению А.Дансетта, и существовало до 20 известных посадочных площадок в периметре 60 км.

Союзники принципиально не снабжали оружием группы и отряды, действовавшие в городах Франции. «Англичане отвечали, — пишет А.Дансетт, — что вооружение городов их не интересует, что

они дают оружие для актов саботажа, а не для того, чтобы вооружать войска, и что вообще они ни хотят слышать пулеметных выстрелов во Франции в течение сорока лет...» Между тем партизаны Парижского района крайне нуждались в оружии. Ведь на 35523 партизана было только 1800 винтовок (по другим данным — 600). Многие группы, насчитывавшие по 10—20 человек, имели только 2—3 револьвера.

Определенная часть французских коллаборационистов, причем не только политических, но и экономических, встретила итоги перемирия со смешанным чувством. С одной стороны, они были довольны тем, что предотвращен худший вариант в судьбе Франции после ее позорного поражения. Но с другой стороны, они допускали, что в интересах продолжения войны с Англией Гитлер пойдет на большие уступки и действительно будет рассматривать Францию своим равноправным партнером. С этой целью они торопили Петена углублять сотрудничество с Германией, ибо его может опередить Англия, которая, по их мнению, находится в безнадежном состоянии.

Побежденная Франция оказалась в сложной международной ситуации. Ее внешняя политика контролировалась И.Риббентропом. Ряд стран, с которыми Франция до войны поддерживала нормальные отношения, не признавали правительства Виши. Из великих держав США сочли политически целесообразным иметь в Виши своих дипломатических представителей. Советско-французские отношения после подписания советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 г. складывались сложно. Советские официальные лица и пропаганда обвиняли Францию в агрессии против Германии, что совершенно не соответствовало реальным фактам и вызывало естественное недовольство как правительства, так и народа Франции и даже части коммунистов.

На этом крайне неблагоприятном для СССР политическом фоне в феврале 1940 г. в Париже французская полиция совершила налет на советское торгпредство. А в марте того же года советский посол Я.З.Суриц был объявлен «персоной нон грата» и вынужден был выехать в Москву. С информационной целью советское правительство назначило во Францию советником посольства А.Е.Богомолова, который прибыл в Виши в ноябре. В марте 1941 г. он был назначен полномочным представителем СССР во Франции в ранге посла и 25 апреля вручил свою вверительную грамоту Петену в Виши.

10 июля 1940 г. созванный в Виши парламент 569 голосами ротив 80 фактически ликвидировал Третью республику и наделил Петена неограниченными полномочиями.

В этот же день ФКП за подписью М.Тореза и Ж.Дюкло опубликовала манифест, который клеймил позором «продажное правительство предателей и изменников, находящееся в Виши», призывал к его свержению, с тем чтобы «освободить страну от цепей капиталистической эксплуатации и угнетения», передать основные средства производства народу и создать «правительство народа».

Анализ этого документа приводит к выводу, что руководители ФКП даже в то время, когда половина страны была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками, еще были связаны требованиями директивы Исполкома Коминтерна рассматривать войну как империалистическую и захватническую с обеих сторон и направлять свой главный удар против национальной буржуазии. В документе не нашла отражения та смертельная опасность, которая нависла над Францией в результате фашистской оккупации ее северной части, и не содержался прямой призыв к развертыванию движения Сопротивления против оккупантов. Среди трудящихся манифест невольно создавал иллюзию о том, будто в подобных условиях существовала какая-то возможность провести радикальные социально-экономические перемены и создать «народное правительство» в стране.

Местные партийные организации и основная масса членов партии не могли не замечать общей направленности этого документа, который не соответствовал сложившейся обстановке и настроению трудящихся, жаждавших активной борьбы не столько против национальных предателей, сколько прежде всего против чужеземных оккупантов. В таких сложных и противоречивых условиях коммунисты на местах тем не менее приняли участие в развертывавшемся движении Сопротивления совместно с патриотами из всех классов и слоев французского общества.

Более определенно ЦК ФКП сформулировал задачи партии в призыве от 15 мая 1941 г. В нем уже подчеркивалась двойная опасность для Франции «стать нацистской колонией гитлеровцев и быть вовлеченной снова в империалистическую войну», разоблачалась формула «нового европейского порядка», которая стала «прикрытием чудовищного плана порабощения Европы, осуществляемого нацистскими главарями...». ЦК ФКП торжественно заявил, что в целях создания широкого национального фронта партия «готова поддержать любое французское правительство, любую организацию и всех политических деятелей, усилия которых будут направлены на действительную борьбу против нацистского угнетения, против предателей, находящихся на службе у захватчиков»[1].

Но вместе с тем и этот документ еще не содержал прямого призыва к активным действиям прежде всего против фашистских оккупантов.

В последующие годы войны и оккупации во Франции произошел ряд событий, занявших особое место в новейшей истории этой страны и оказавших большое влияние на освободительное движение французского народа. Появились благоприятные условия для активизации военных действий англо-американцев в бассейне Средиземного моря. Кроме успешного наступления англичан в Ливии

союзники в начале ноября 1942 г. предприняли в Северной Африке еще одну операцию, имевшую особое значение для Франции и изменившую внутриполитическую обстановку в стране: 8 ноября совершенно неожиданно для немцев союзники успешно высадили десант в Алжире и Марокко, принадлежавшим северо-африканским владениям Франции и находившимся под властью правительства Виши. Адмирал Ф.Дарлан, прибывший в Северную Африку, чтобы принять командование французскими войсками и случайно из-за болезни сына задержавшийся в Алжире, отдал приказ противодействовать войскам союзников. Но скоро, видя бесполезность сопротивления, сам Дарлан и его предшественник на посту командующего войсками Виши в Северной Африке генерал Жюэн сдались в плен американцам. В распоряжении американцев находился также генерал А.Жиро, которому еще в апреле удалось бежать из германского плена на подводной лодке под командованием американского капитана. При высадке союзников генерал Жиро был уверен, что он будет назначен командующим всеми войсками в Северной Африке, т.к. де Голль по требованию американцев был полностью отстранен от операции. О ее начале он узнал лишь из газет. Но командующим французскими войсками в Северной Африке стал генерал Жюэн, действовавший под контролем союзников.

На события во французской Северной Африке Гитлер реагировал очень быстро и решительно. В Тунисе высадился германский десант. Гитлер потребовал от правительства Виши немедленно порвать дипломатические отношения с Соединенными Штатами Америки, что и было сделано П.Лавалем вечером 8 ноября 1942 г. Затем Лаваль был вызван к Гитлеру, который сообщил ему о решении занять неоккупированную территорию Франции.

11 ноября того же года в 7 часов утра, когда французские войска в Северной Африке прекратили сопротивление, гитлеровские дивизии перешли демаркационную линию у Шаллон сюр Саона и устремились к южному побережью Франции. Одновременно итальянские войска начали оккупацию о. Корсика, а также Ниццы и Савойи.

Компьенское перемирие было нарушено. Чтобы продемонстрировать якобы свою независимость, Петен принял главнокомандующего германскими войсками во Франции Г. фон Рундштедта и выразил ему протест, но в письме к Гитлеру он заверял, что и после оккупации всей Франции его правительство «будет продолжать политику сотрудничества с Германией, чтобы вернуть Франции ее роль в новой Европе». Клика Петена и Лаваля пыталась убедить французов, что германская оккупация всей Франции имеет положительное значение, т.к. этим восстанавливается... единство страны. Официально немецкие войска назывались не оккупантами, а «гостями правительства Виши». В бывшей «свободной зоне» был назначен не главнокомандующий, а главный комендант, в распоряжении которого было 48 полевых комендатур по 25 солдат в каждой. В каждых двух-трех департаментах было размещено по одному полицейскому полку, состоявшему из солдат старших возрастов. Стотысячная армия Виши была распущена, но военнослужащие не были интернированы. Многие тысячи из них впоследствии пополнили ряды партизан.

По особому соглашению между Лавалем и Гитлером Тулон с портом и крепостью не должен был оккупироваться и выделялся в особую зону. Это было сделано для того, чтобы воспрепятствовать французскому Средиземноморскому флоту, состоявшему из 61 корабля, уйти к союзникам, усыпить бдительность моряков и затем внезапно захватить флот. Так, в течение двух недель Тулон оставался единственным неоккупированным городом во Франции. В это время новый военно-морской министр Виши адмирал Ж.Абриаль неоднократно пытался убедить моряков сдать немцам флот. Но все его уговоры кончились провалом.

Сложные политические события развертывались в середине ноября в освобожденной англо-американцами французской Северной Африке, в которой проживало 16 млн человек. Представители США и Англии в Северной Африке, используя в своих целях тяжелое положение Франции, совершенно не считались с национальными интересами французского народа. Они игнорировали движение «Сражающейся Франции», возглавляемое генералом де Голлем.

С согласия союзников в Северной Африке были сохранены администрация и порядки, установленные правительством Виши. Адмирал Дарлан, объявивший себя через несколько дней после высадки союзников «верховным комиссаром Северной Африки», действовал от имени Петена и поддерживал с ним связь. Жиро был назначен главнокомандующим. От имени Петена Дарлан 16 ноября 1942 г. образовал Совет французских владений для содействия ему как верховному комиссару Северной Африки. В состав Совета вошли те губернаторы французских владений в Африке, которые активно поддерживали Виши.

Дарлан, пользовавшийся покровительством союзных властей, открыто поощрял антинациональную деятельность французских фашистов в Африке, в то время как настоящие патриоты по-прежнему находились в тюрьмах и концлагерях. Так, например, многие коммунисты, среди которых были депутаты Национального собрания, бывшие бойцы интернациональных бригад в Испании и другие активные антифашисты, несколько лет томились в концлагере в Джельфе. Это вызывало недоумение даже буржуазной печати. Например, английская буржуазная газета «Ньюс кроникл» 15 января 1943 г. поместила рисунок с надписью: «Не те люди не там, где надо». Он изображал людей в окруженном проволокой концлагере в Северной Африке. Над ними слова: «Бойцы интернациональных бригад и антифашисты, еще находящиеся в заключении в Северной Африке». На переднем плане стоят фигуры во фраках, в

руках у них портфели с надписями: «Политики Виши» и «кагуляр».

В печать стали просачиваться сообщения о тяжелых условиях жизни заключенных в лагерях и о парадоксальности того положения, когда на освобожденной американцами территории существуют лагеря, где томятся антифашисты, боровшиеся за общее дело союзников. В конце февраля 1943 г. в Лондоне контрабандным путем было получено обращение узников Джельфы на имя генерала Д.Эйзенхауэра, в котором разоблачались происки вишистов и выражалась готовность заключенных продолжать сражаться против гитлеризма. Обращение заканчивается следующими словами: «Мы еще сегодня считаем себя находящимися во власти врага, но, хотя мы никогда не требовали льгот, мы просим возвращения нам свободы и прав гражданства...»

Лишь в феврале 1943 г. под давлением общественного мнения и при вмешательстве советского правительства были освобождены французскими властями 27 депутатов-коммунистов, а позже 400 других узников, членов компартии Франции.

На ненормальную обстановку в Северной Африке вынужден был указать У.Черчилль в письме к Ф.Рузвельту от 9 декабря 1942 г. Он писал: «...СОЛ (легионерские отряды охраны порядка — вишистская организация бывших военнослужащих. — *М.С.*) и родственные ей фашистские организации продолжают действовать и преследуют наших бывших сторонников среди французов, часть которых еще не выпущена из тюрьмы. Первой реакцией этих организаций на высадку войск союзников, естественно, был страх, но сейчас они, по-видимому, осмелели, перегруппировались и продолжают действовать. Хорошо известные сторонники немцев, смещенные со своих постов, теперь восстановлены. Таким образом, не только ободрились наши враги, но наши друзья приведены в замешательство и оттеснены. Были случаи, когда французских солдат наказывали за дезертирство, потому что они этим пытались помочь войскам союзников во время высадки...»

В мае А.Иден заявил в палате общин, что в Северной Африке освобождено от 3 до 4 тыс. политических заключенных; среди них 200—300 французов и около 2000 лиц других национальностей, большинство которых составляли испанские республиканцы.

Под крылышко Дарлана, как крысы с тонущего корабля, бежали из Франции обанкротившиеся вишистские коллаборационисты, осознавшие неизбежную гибель режима Петена — Лаваля. К 18 ноября 1942 г. в Северную Африку прибыли бывший вишистский министр иностранных дел П.Фланден, бывшие вишистские министры внутренних дел П.Нюше и Пейрутон, первый председатель муниципальной делегации Парижа во время немецкой оккупации Трошю и др.

Все эти неблаговидные комбинации вокруг Ж.Дарлана и других изменников Франции осуществлялись при самом активном содействии союзников, стремившихся создать новый центр вневишистской

Франции и противопоставить его движению «Сражающаяся Франция». В Ж.Дарлане были особенно заинтересованы американцы. В связи с этим усилились разногласия между ними и англичанами. 10 декабря того же года на закрытом заседании палаты общин У.Черчилль говорил, что «правительство США относится к Дарлану иначе, чем мы. Он не предал их, не нарушал с ним договоры. Оно не презирает его так, как мы. Американцы до последнего времени поддерживали отношения с Виши...».

На следующий день после высадки союзных войск в Северной Африке американский генерал, заместитель Эйзенхауэра Кларк заявил, что во французской Северной Африке «все гражданские и военные власти сохраняют свои функции». По соглашению между Кларком и Дарланом 22 ноября в Северной Африке была создана администрация, которая имела временный характер.

Де Голль в своих «Военных мемуарах» прямо обвинил США и Англию в воспрепятствовании единству французов и стремлении «удержать в зависимости от себя власть в Северной Африке и помешать Франции вновь появиться в качестве суверенного государства до окончания войны». Уже в те дни де Голль заявлял, что «все комбинации, осуществляемые в Алжире вокруг изменника Дарлана, являются оскорблением Отечеству. Франция не возродится на бесчестии. Я остаюсь руководителем "Сражающейся Франции", т.е. всех французов, которые присоединились ко мне, чтобы с честью освободить Францию в бою».

В этом отношении французские патриоты получали моральную поддержку советского правительства, ничего общего не имевшего с вопросом о реальном и длительном сотрудничестве с дарлановской администрацией в Северной Африке. Письмо И.Сталина к Ф.Рузвельту от 17 декабря 1942 г., приводимое в мемуарах У.Черчилля, в котором сообщается, что, по мнению советского правительства, «политика Эйзенхауэра в отношении Дарлана, Буассона, Жиро и других абсолютно правильна»[2], означает не что иное, как одобрение политики лишь их временного использования в интересах победы над гитлеровской Германией и немедленный разрыв с этими предателями, как только положение в Северной Африке станет более устойчивым. Однако союзники, сотрудничая с Дарланом и его группой, вели политику дальнего прицела, отнюдь не служащую интересам французского народа.

Если американцы в своей политике по отношению к Франции открыто делали ставку на Дарлана, то действия Великобритании имели двойственный характер. Чтобы угодить американцам, англичане поддерживали дарлановскую администрацию, но одновременно не порывали с Французским комитетом национального освобождения (ФКНО) и даже передали ему в декабре 1942 г. незадолго до этого освобожденные французские владения — о. Мадагаскар и Французское Сомали.

Сложившаяся в Северной Африке обстановка не могла не вызывать беспокойства среди патриотических антифашистских кру-

гов, которые хорошо знали политическое лицо Дарлана и его сторонников. Эта обстановка существенно не изменилась и после того, когда 24 декабря 1942 г. молодой патриот Бурнье де ля Шапелль убил Дарлана, за что через день по приказу Жиро был казнен, а через четыре года посмертно реабилитирован. По мнению некоторых авторов, организаторами убийства Дарлана были деголлевцы, стремившиеся убрать других претендентов на власть, кроме де Голля[3].

С одобрения союзнического командования преемником Дарлана был назначен генерал Жиро, проводивший явно проамериканскую политику. Американцы при этом активизировали свою деятельность в Северной Африке. Вскоре генерал Эйзенхауэр создал администрацию, в состав которой вошли также вишисты. Американским представителем в Северной Африке был назначен бывший консул Р.Мэрфи, от Англии — М.Макмиллан. Жиро начал энергично создавать вооруженные силы, которые должны были служить противопоставлением движению «Сражающаяся Франция».

Все это грозило чрезвычайно серьезными последствиями для национальных интересов Франции. Французская общественность требовала объединения всех патриотических сил. США и Англия вынуждены были санкционировать сближение между Ш. де Голлем и А.Жиро, но и в данном случае они стремились использовать это сближение в своих корыстных интересах. По свидетельству де Голля, их желанием было создать в Северной Африке такой административный орган, состоящий из французских политических деятелей во главе с де Голлем и Жиро, который занимался бы лишь административными делами, но не имел никаких политических функций[4].

Французские дела обсуждались при встрече Черчилля и Рузвельта в Касабланке в январе 1943 г. Рузвельт согласился на вооружение восьми пехотных и трех бронетанковых дивизий. Эти одиннадцать дивизий должны были подчиняться Верховному командованию союзников, быть вооружены американским оружием и иметь организацию, принятую в американской армии. Но позже, по предложению генерала Эйзенхауэра, общее число французских дивизий, которые должны были вооружить США, было сокращено до пяти пехотных и трех бронетанковых[5]. Французские войска, подчинявшиеся де Голлю, численностью в 15 тыс. человек, попрежнему получали вооружение и довольствие от Англии.

На встрече обнаружились и другие острые разногласия между американцами и англичанами. Рузвельт стремился выдвинуть Жиро в будущие правители Франции и всячески отодвигал на задний план де Голля. Как пишет Эллиот Рузвельт, его отец говорил, что «де Голль стремится создать во Франции автократическое правительство. Никто не внушает мне большего недоверия, чем он... Для него свобода слова — это свобода от критики... по его адресу. А если так, то какие у нас основания питать полное доверие к силам, поддерживающим де Голля?» Рузвельт говорил о де Голле,

что «тот весь принадлежит англичанам — душой, телом и даже штанами, что англичане снабжают его деньгами, техникой и оказывают ему моральную поддержку, в которой он нуждается».

Это было действительно так. Черчилль везде стремился восхвалять личность де Голля. По его заданию в 1942 г. в Англии была издана книга «Генерал де Голль — глава "Сражающейся Франции"», в которой отмечал заслуги де Голля перед французским народом. Инициаторов издания этой книги и ее авторов едко высмеял известный английский писатель Г.Уэлльс, поместивший в мае 1943 г. специальную рецензию в журнале «World Review», в которой указывал цель издания этой книги — «пропаганда личности де Голля среди французов». В заключении рецензии автор отмечал, что «де Голль нам дорого обходится. Я предпочел бы, чтобы все те деньги, которые тратит английское правительство на пропаганду деятельности де Голля, расходовались на французов, которые не имеют никакого отношения ни к де Голлю, ни к его окружению — этой реакционной кухне»[6].

Почему Черчилль рассчитывал именно на такого деятеля, как де Голль, об этом ясно говорит бывший в 1941—1945 гг. вице-консулом в Марокко К.Пендар. Он писал: «Франция — сосед Англии, она особенно важна как противовес мощи русского колосса на континенте»[7]. По выражению Рузвельта, де Голль был «трудным ребенком» Черчилля. Своим же «трудным ребенком» Рузвельт считал Жиро. Однако было решено пригласить их для обсуждения обстановки.

По предложению союзников де Голль после долгих препирательств прибыл в Касабланку для встречи с Жиро. Но переговоры были далеко не плодотворными. Де Голль по-прежнему стремился монополизировать руководство французским освободительным движением. Жиро настаивал на том, чтобы он в качестве главнокомандующего французскими войсками подчинялся бы лишь союзному командованию, а не французским властям. Американцев такое предложение вполне устраивало, ибо сохраняло прежнюю разобщенность среди французских деятелей. Далее Жиро выступал за сохранение вишистских порядков и вишистских чиновников в Северной Африке.

В результате переговоров де Голля и Жиро не удалось создать единого центра французского освободительного движения. Как заявил генерал Жиро, было достигнуто только соглашение «об установлении связи по военным, экономическим и финансовым вопросам».

Разногласия в руководстве центрами французского освободительного движения в Алжире и Лондоне, а также раскольнические действия союзников в Северной Африке отрицательно сказывались на антифашистском движении Сопротивления в самой Франции, но они не могли сдерживать его. Несмотря на стремления союзников ограничить освобождение Франции лишь действиями англо-американских войск и в соответствии с планами де Голля сделать их ре-

гулярными вооруженными силами, находящимися под его контролем, события в Африке явились новым толчком к усилению освободительного движения французского народа. Трудящиеся Франции надеялись прежде всего на свои собственные силы, которые удесятерялись под влиянием побед Красной Армии на восточном фронте.

Советское правительство высоко оценило значение кампании союзников в Северной Африке для перехода инициативы в руки антигитлеровской коалиции, для изменения всей военно-политической обстановки в Европе и, в часности, во Франции в пользу антифашистских сил. Отвечая на вопросы корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс г-на Кэссиди 13 ноября 1942 г., И.В.Сталин заявил, что кампания в Африке «выводит Францию из состояния оцепенения, мобилизует антигитлеровские силы Франции и дает базу для организации антигитлеровской французской армии».

Через несколько дней после вторжения немцев в неоккупированную Францию радио принесло радостную весть о начале советского контрнаступления под Сталинградом. В истории французского движения Сопротивления началась новая славная страница, которая открылась героическим выступлением моряков Тулона.

Как уже было сказано, Гитлер пообещал Лавалю не оккупировать зону Тулона, стремясь мирным путем захватить французский флот. Но когда под Сталинградом была окружена и обречена на гибель 6-я германская армия, Гитлер ждать больше не мог. 27 ноября он потребовал выдачи флота, одновременно приказав авиации заминировать выход из порта. В тот же день германские танки ворвались в город и устремились к порту. Но французские моряки взрывали укрепления, склады и доки. Основываясь на старых директивах, французский адмирал приказал взорвать все боевые корабли.

Медленно под торжественное пение «Марсельезы» команды кораблей вместе с капитанами на своих кораблях погружались в пучину Средиземного моря. Было потоплено три линкора, четыре тяжелых крейсера, авианосец, три легких крейсера, 25 эсминцев и 16 подводных лодок. Лишь четырем подводным лодкам удалось пробиться через минные заграждения и уйти в открытое море.

Средиземноморский флот Франции перестал существовать, но не достался немцам. Честь французского народа была спасена. Политическое значение потопления флота заключалось не только в возмущении французских патриотов, которые не захотели выдать флот врагу; оно явилось также окончательным приговором, вынесенным Петену и правительству Виши морскими офицерами — людьми, которые в большинстве своем до последней минуты верили в Петена».

Событиями в Тулоне начался подъем национально-освободительного движения французского народа. В стране создалось новое положение. По определению М.Тореза, такие события, как наступ-

ление Красной Армии под Сталинградом, высадка англо-американского десанта в Северной Африке и потопление флота в Тулоне, ознаменовали собой начало третьего периода французского освободительного движения.

Английская газета «Ньюс кроникл» в статье «Возрождение» писала: «27 ноября 1942 г. войдет во французскую историю как день печали и гордости. В этот день великий французский флот был потоплен, ибо его моряки не захотели служить врагу... Командиры и моряки тулонской эскадры, идя на смерть, зажгли новое пламя в сердцах всех французов».

Банкротство коллаборационистской политики Виши становилось все более очевидным. После оккупации Тулона, писала швейцарская газета «Трибюн де Женев», «больше никого не трогают лозунги Виши, ибо народ видит отрицательные результаты политики Виши»...

Гитлеровский террор охватил теперь всю Францию. Лишь в первые месяцы оккупации было арестовано свыше 50 тыс. патриотов. Усилило репрессии против народа и правительства Виши. 30 января 1943 г. «для борьбы против морального упадка» была создана «милиция» во главе с бывшим генеральным инспектором отрядов охраны порядка Ж.Дарнаном.

Под влиянием борьбы народа против оккупантов более решительно выступила французская интеллигенция. К пассивному сопротивлению гитлеровцам призывали французов патриотически настроенные представители духовенства. Например, активный в прошлом коллаборационист епископ Лилльский Льенар в конце 1942 г. говорил: «Нет греха в отношении отказа от принудительных работ, поскольку бывают требования, которые выходят за пределы наших обязательств». Архиепископ Тулузский, также в прошлом известный сторонник сотрудничества с немцами, обращаясь к молодежи, назначенной к отправке в Германию, говорил: «Добровольно ли? Мне не дано это знать. Какой наказ вам дать? Один и только один. Воздайте должное Франции. Ваше дело правое. Если по нашей ошибке мы проиграли войну, справедливость нашего дела все же остается в силе... Надеюсь, вы меня поняли?»

С конца 1942 г. заметно сужается социальная база петенизма. Предательская антинациональная политика Петена не находила одобрения в тех слоях населения, которые раньше обычно поддерживали старого маршала, пользовавшегося славой «спасителя Франции» во времена Первой мировой войны. Петен терял влияние в армии, прежде всего в среде офицерского корпуса, среди бывших фронтовиков, а также среди крестьян, которые вначале были его основной опорой.

В таких условиях возникла острая необходимость в объединении всех антифашистских сил для усиления борьбы против оккупантов, для подготовки национального восстания. Условия для этого были благоприятные. В связи с поражениями на восточном фронте оккупанты вынуждены были лишь с ноября 1942 г. по март

1943 г. перебросить на восток из Франции и Бельгии 22 дивизии. В результате этого уменьшилась численность оккупационных войск: там, где раньше дислоцировался немецкий полк, теперь оставлен был батальон или рота, а где располагалась рота, — не было вообще никого, кроме появлявшихся временами немецких патрулей. Эти гарнизоны состояли обычно из старших возрастов, боеспособность которых была низкой и моральный дух падал под влиянием поражений германской армии на Востоке.

Потерпев неудачу в Тулоне, гитлеровцы пытались воспользоваться портом Марселя — второго по численности населения города в стране. Но встретили сопротивление марсельцев. Начались уличные бои, в городе появились баррикады, немцы применили артиллерию. Подавив сопротивление, гитлеровцы посадили в тюрьмы и концлагеря 40 тыс. марсельцев.

Сложившаяся в начале 1943 г. обстановка во Франции явно свидетельствовала о неизбежном крахе гитлеровской Германии, а вместе с ней и режима Виши. Это привело в смятение предателей. Они стали меньше говорить о сотрудничестве с Германией. Сам Лаваль заговорил о сотрудничестве после Сталинграда лишь один раз. Это было в июне 1943 г., когда он побывал у Гитлера, пообещавшего победу на Курской дуге.

Началось массовое бегство из различных фашистских воинских формирований, созданных Лавалем. В связи с этим был распущен так называемый «Трехцветный легион», являвшийся наследником «Антибольшевистского легиона» Дорио. Лаваль вынужден был также распустить «Африканскую фалангу», в которую записались всего 250 человек... Она предназначалась для участия в боях в Тунисе на стороне немцев. Из-за нежелания содействовать «новому порядку» во Франции продолжался роспуск муниципалитетов, которых только с 1 сентября 1940 г. было распущено более 2300.

О кризисе вишистских правителей в конце 1942 г. и начале 1943 г. может свидетельствовать рождественское послание самого Петена. В нем говорилось: «Все потеряно, по существу, кроме веры в милосердие божье. Неведомо, что сулит нам новый год — бедствия или облегчение. Нам остается лишь размышлять над собственным несчастьем».

Все же в конце мая 1943 г. по инициативе Жиро де Голль в сопровождении Р.Массигли и А.Филиппа прибыл в Алжир для переговоров с генералом Жиро. Вскоре сюда же явились Черчилль и Иден, которые вместе с американским дипломатом Р.Мерфи направляли переговоры де Голля и Жиро. Перед участниками переговоров стояли трудные вопросы, от решения которых зависела не только дальнейшая судьба Франции, но и отношения этой страны с другими государствами мира. Поэтому к переговорам было приковано внимание не только французской общественности, но и всей мировой печати.

На переговорах нужно было решить следующие вопросы: восстанавливать ли немедленно на освобожденных французских территориях республиканский режим или же в качестве временной меры сохранить и использовать порядки и учреждения, установленные Виши; следует ли сейчас же образовать временное правительство Франции или же отложить решение этого вопроса до полного освобождения страны; рассчитывать ли при освобождении Франции полностью на союзные войска, пренебрегая возможностями народа, или же широко поддерживать внутреннее движение Сопротивления; нужно ли решительно очистить гражданские власти и армию от предательских элементов или же подвергнуть их простой реорганизации без чистки, оправдав по амнистии деятельность вишистских чиновников и офицеров?

Каждый из партнеров, претендуя на единоличное руководящее положение, с трудом шел на уступки друг другу. Де Голль, например, в первый же день своего приезда заявил, что его войска, насчитывавшие 15 тыс. человек, нельзя смешивать с другими французскими войсками, хотя они возвратились победителями из Туниса. Жиро со своей стороны стремился сохранить вишистские порядки в Северной Африке и отказывался от решительной чистки администрации и армии от изменников. В этом отношении де Голль занимал более демократическую позицию.

Несмотря на эти существенные разногласия, 3 июня 1943 г. после продолжительных споров де Голль и Жиро пришли к соглашению о создании единого Французского комитета национального освобождения (ФКНО). В опубликованной ФКНО декларации указывалось, что он является центральной французской властью, которая будет стремиться восстановить французские законы и республиканский режим. Одновременно было сказано, что Комитет передаст власть временному правительству самое позднее после полного освобождения Франции. Вместе с тем декларация совершенно обходила вопрос о виновниках катастрофы Франции, о наказании изменников, о чистке армии и администрации от элементов, служивших Гитлеру. Это бесспорно было слабой стороной документа и представляло уступку вишистам. В декларации провозглашалось создание при временной центральной власти совещательного совета в составе делегатов от организаций Сопротивления, депутатов Национального собрания, не запятнанных связями с гитлеровцами, и делегатов, избранных от общественных организаций на освобожденных территориях.

8 июня 1943 г. был сформирован Французский комитет национального освобождения под председательством де Голля и Жиро. В состав Комитета вошли паритетно Р.Массигли, А.Филипп, Р.Плевен, генерал Ж.Катру, А.Дьетельм, А.П.Тиксье; от военного комитета Жиро, созданного после ликвидации в феврале Совета французских владений, — Р.Мейер, М. Кув де Мюрвиль, генерал Жорж, Ж.Моннэ, А.Моннэ, Ж.Абади. Временной резиденцией Комитета стал Алжир. Несмотря на ограниченно демократический характер программной декларации Комитета и отсутствие в нем подлинных представителей французского движения Сопротивления,

следует сказать, что его образование занимает видное место в истории освободительной борьбы французского народа. Возникновение ФКНО является логическим итогом развития событий во Франции, начало которым было положено победами Красной Армии и высадкой союзников в Северной Африке в ноябре 1942 г.

Французский комитет национального освобождения распространял свою власть на французские владения в Африке, Азии, Америке и в Океании общей площадью в 11 млн кв. км с населением свыше 45 млн человек, что на 4 млн человек превышало население метрополии до войны. Важную экономическую базу ФКНО составляли североафриканские владения, которые всегда считались житницей Франции и значительным источником промышленного сырья.

Комитет располагал все увеличивавшейся армией и военно-морским флотом в составе пяти линкоров, десятка крейсеров, нескольких десятков эсминцев и подводных лодок и сотни других кораблей. Главнокомандующим французскими войсками в Северной и Западной Африке был назначен Жиро, а на остальных французских территориях – генерал де Голль.

Тем не менее международное положение Комитета в течение некоторого времени было весьма неопределенным. В правящих кругах Вашингтона и Лондона он вызвал лишь «умеренное удовлетворение». «Учреждение в Северной Африке центральной французской власти, — пишет в своих мемуарах де Голль, — придавшей себе атрибуты правительства, ссылавшейся на французский суверенитет и исключавшей "проконсулов", было в вопиющем противоречии с позицией, занимаемой Рузвельтом и его министрами»[8].

О позиции США в отношении Французского комитета национального освобождения красноречиво говорится в официальной истории об участии американской армии во Второй мировой войне. «Президент Рузвельт и государственный секретарь К.Хэлл, будучи ревностными сторонниками восстановления свободы Франции, не были уверены в том, что де Голль или его сторонники представляют большинство французского народа. Они считали, что признание в любой форме Французского комитета национального освобождения, который был создан в июне 1943 г. под руководством генералов де Голля и Жиро и является преемником Французского национального комитета, может привести к насильственному образованию нежелательного режима во Франции. Президент опасался, в частности, что де Голль стремится скорее к завоеванию политического контроля во Франции, чем к победе над немцами. Угрозы де Голля наказать сторонников маршала Петена оставили многих руководителей союзников при таком мнении, что осуществление его планов в освобожденной Франции может привести к возникновению гражданской войны».

Из всех стран — сателлитов гитлеровской Германии, не считая самой Германии, победы Красной Армии на Востоке и англо-американских союзников в Северной Африке вызвали, пожалуй, самые

серьезные внутренние потрясения в Италии. Во-первых, была разгромлена отборная итальянская экспедиционная армия, которая потеряла более 20 тыс. пленными. Всего на восточном фронте фашистская Италия потеряла около 150 тыс. человек.

Во-вторых, советские войска, сковывая на советско-германском фронте огромные немецкие силы, содействовали активизации боевых действий союзных армий в Северной Африке, благодаря чему Италия оказалась первой из стран гитлеровского блока, над чьей территорией нависла угроза вторжения союзников.

В-третьих, в отличие от правителей, например, Румынии и Финляндии, оправдывавших свое участие в антисоветской войне территориальными притязаниями, Муссолини не мог в своей пропаганде привести ни одного аргумента в пользу участия Италии в войне против Советского Союза. Ведь Италия и Советский Союз не имеют общих границ, их интересы не сталкивались ни в одном районе земного шара. Народы обеих стран никогда в прошлом между собой не воевали. Средний итальянец над всем этим не задумывался, когда гитлеровская Германия и союзная с ней Италия побеждали на всех фронтах, когда фашистская пропаганда на все лады и нередко небезуспешно трубила о создании «Великой Италии». Но вопрос о целях и смысле войны встал особенно остро в период серьезных военных поражений, начало которым было положено под Сталинградом.

Наконец, в-четвертых, вследствие выше указанных причин, а также в результате тяжелого экономического положения страны с начала 1943 г. усилилось национально-освободительное движение под лозунгами свержения фашизма и прекращения войны.

Все это, вместе взятое, и составляло содержание того военного и внутриполитического кризиса, который разразился в стране после поражения фашистских войск под Сталинградом, а также в результате продвижения союзников в Северной Африке к границам Италии. Известие о том, что на восточном фронте была разгромлена целая итальянская армия, народ Италии воспринял особенно болезненно и остро. Хотя Италия объявила войну Советскому Союзу одновременно с гитлеровской Германией, ее войска на восточный фронт были отправлены на полтора месяца позднее. «Итальянский экспедиционный корпус» (Corpo di Spedizione italiano in Russia — C.S.I.R.) численностью в 70 тыс. человек под командованием генерала Дж.Мессе на территории СССР появился в начале августа 1941 г. Корпус сражался в составе группы армий «Б», наступавшей на южном направлении.

В период проведения летней кампании 1942 г. в связи с большими потерями германских войск Гитлер потребовал от Италии увеличения своих военных усилий на восточном фронте. В результате этого давления Муссолини прислал новые дивизии, которые совместно с потрепанным уже экспедиционным корпусом в августе 1942 г. составили 8-ю итальянскую армию. Вместо отозванного в Италию генерала Мессе командующим армией был назначен гене-

рал И.Гарибольди. Когда немецкие дивизии рвались к Сталинграду и на Кавказ, 8-я итальянская армия, обеспечивая левый фланг германской группировки, заняла оборону по Дону на участке Серафимович, Новая Калитва, Богучар, Вешенская. Здесь она прекратила свое кратковременное и бесславное существование.

В результате наступления войск Юго-Западного фронта в период с 22 по 24 декабря 1942 г. основные силы 8-й итальянской армии в составе пяти дивизий и трех бригад были окружены и разгромлены в районах Кантемировка, Чертково, Поповка. Очевидец этих событий на Дону майор Дж.Толлои в книге «С итальянской армией в России» рассказал, какому ошеломляющему удару была подвергнута его армия в середине декабря 1942 г. «16 декабря советские войска опрокинули фронт итальянской армии. 17 декабря развалился весь фронт, а 18 декабря к югу от Богучара сомкнулось кольцо сил, действовавших с запада и востока... Штабы держали наготове автомобили с уже погруженным имуществом офицеров. Когда же советские танки нас атаковали, об этом в одно мгновение узнали везде... Многие штабы начали сниматься с места, теряя всякую связь с войсками. Части, атакованные танками, пытались спастись бегством врассыпную... Артиллерия и автомашины были брошены. Многие офицеры срывали с себя знаки различия, солдаты бросали пулеметы, винтовки, снаряжение. Всякая связь оказалась разрушенной»[9].

Из боевого состава армии оставался лишь альпийский корпус, занимавший оборону против стыка Воронежского и Юго-Западного фронтов. В середине января 1943 г. началась Острогожско-Россошанская операция этих двух фронтов, в результате которой вместе с немецкими и венгерскими войсками был разгромлен итальянский альпийский корпус.

Таким образом, к весне 1943 г. от итальянской армии остались лишь пять неполных дивизий общей численностью около 20—25 тыс. человек. Германское командование пыталось использовать эти сохранившиеся итальянские части для борьбы против советских партизан в полосе группы армий «Центр», но вскоре подобная идея была отвергнута, т.к. итальянские войска были полностью деморализованы. В течение июня—июля 1943 г. они были отозваны на родину[10].

Так позорно окончилась преступная военная авантюра итальянского фашизма на восточном фронте. Итальянские войска понесли тяжелые поражения также в Северной Африке. В результате летнего наступления 1942 г. германские и итальянские войска достигли границ Египта, а затем вторглись в его пределы. Однако сопротивлением англичан они были задержаны у Эль-Аламейна, и вскоре союзники сами перешли в наступление. К октябрю 1942 г. в Северной Африке находилось четыре немецких дивизии, составлявших Немецкий африканский корпус, и восемь итальянских дивизий с 500 танками против 1100 танков 8-й английской армии.

Сражение, положившее начало разгрому германо-итальянских войск в Северной Африке, произошло с 23 октября 1942 г. у Эль-Аламейна. В течение первых нескольких дней боев немецкие и особенно итальянские немоторизованные войска были разбиты и пленены, остальные вынуждены были отступать пока хватало горючего. Особенно тяжело было итальянским частям, хуже обеспеченным автотранспортом. Итальянцев бросали на произвол судьбы.

На этой почве между немцами и итальянцами усилились разногласия. Преследуя противника, английские войска вступили в итальянскую колонию Ливию. К середине ноября 1942 г. они заняли важный порт Тобрук и продвигались далее на запад. Примерно в это же время на другом конце Северной Африки, в Марокко и Алжире, высадились англо-американские войска. Для создания в Тунисе плацдарма германское командование перебросило туда воздушным путем свои войска. Вскоре сюда прибыли итальянские дивизии. Немецко-итальянские войска были объединены в 5-ю танковую армию под командованием генерал-полковника фон Арнима.

В период высадки союзных войск во французской Северной Африке еще раз проявился весь авантюризм политики гитлеровской Германии и фашистской Италии. Немцы заняли неоккупированную часть Франции, а Муссолини не нашел ничего лучшего, как оккупировать французские острова Корсику и Сардинию. Эта мера далеко не улучшила военно-политическое и стратегическое положение страны, а, наоборот, ускорила развязку и осложнила внутреннюю обстановку.

Между тем американские войска с запада, а 8-я английская армия с юго-востока, после занятия ею столицы итальянской империи в Африке — Триполи, медленно теснили немцев и итальянцев к Тунису. Э.Роммелю, армия которого была усилена тремя новыми итальянскими дивизиями, временно удалось остановить к концу января 1943 г. войска Б.Монтгомери на рубеже Марет. Была произведена реорганизация высшего командования немецко-итальянских войск. Роммель был назначен командующим созданной группы армий «Африка», а командование немецко-итальянской группировкой на Марете принял итальянский маршал Дж.Мессе, бывший незадачливый командир экспедиционного корпуса на восточном фронте в 1941—1942 гг. Германское верховное командование, основные силы которого были скованы на восточном фронте, не могло ничем помочь своим войскам, окруженным в Тунисе. Ликвидация этих войск являлась лишь вопросом времени. Не желая, по-видимому, чтобы на протяжении нескольких месяцев 1943 г. в плен попал еще один германский генерал-фельдмаршал, Гитлер отозвал Роммеля из Африки.

В Северной Африке приближался финал, который имел для Италии особое значение. В начале мая союзные войска предприняли решительное наступление, и 12 мая было сломлено сопротивление последних немецко-итальянских частей на полуострове Бон. Союзники захватили в плен свыше 250 тыс. человек, из них поло-

вину составляли итальянцы. Английский король Георг VI телеграфировал генералу Эйзенхауэру: «Долг за Дюнкерк заплачен».

Победа англо-американских войск в Северной Африке действительно имела большое значение для коренного изменения обстановки в бассейне Средиземного моря в пользу союзников. Но, учитывая и второстепенную важность этого театра военных действий, и сравнительно небольшое количество действовавших здесь войск обоих противников, эта победа, естественно, не могла стать решающей в ходе Второй мировой войны и не могла быть сравнимой в этом отношении со Сталинградским сражением, тем более что победа в Северной Африке сама стала прямым следствием героического сопротивления Красной Армии и затем разгрома немцев под Сталинградом.

Об этом прямо пишет, например, бывший германский военный атташе в Риме генерал Э.Ринтелен. «Надежда на то, что неудачи в деле политического руководства будут компенсированы военным превосходством германской империи, — указывает он в книге «Муссолини как союзник», — исчезла с катастрофой под Сталинградом. Весть о том, что у стен Сталинграда погибла целая немецкая армия, было неслыханным событием. К тому же и действовавшая в России 8-я итальянская армия была также разбита и понесла громадные потери... война с Россией не позволила державам оси довести войну в Средиземноморском бассейне до благоприятного для них исхода»[11].

Круги США и особенно Великобритании пытались использовать успехи союзников в Северной Африке, чтобы осуществить так называемый «балканский вариант» второго фронта. Если бы это им удалось, то сроки войны были бы не сокращены, а, наоборот, увеличены, и страдания народов мира продолжались бы еще значительное время. Самым лучшим выходом из положения, как предлагало советское правительство, был бы удар в самое сердце Германии путем открытия второго фронта во Франции. Но все это, однако, не означает, что объективно победа в Северной Африке не сыграла решающей роли для данного театра войны. В частности, в сочетании с победой советских войск под Сталинградом она имела важное значение для выхода из войны Италии. Союзники захватили инициативу в Средиземноморье. Они установили свой контроль над всеми североафриканскими портами, что облегчило проведение последующих наступательных операций.

Внутриполитический кризис, начавшийся в Италии после поражения войск гитлеровской Германии и ее сателлитов на восточном фронте, усилился в первой половине 1943 г. в результате разгрома итальянцев и потери колониальных владений Италии в Африке. Страна непосредственно стала перед вопросом, либо заключить сепаратный мир и тем самым спасти в какой-то мере национальную независимость и предотвратить ведение военных действий на своей территории, либо продолжать войну и тем самым разделить судьбу Германии.

Обстановка в Италии сильно беспокоила Гитлера. Дело не только в том, что будет потерян союзник, имеющий еще некоторые вооруженые силы. Даже не столько в этом, т.к. итальянский союзник уже стал обузой для гитлеровской Германии. Более опасен для фашистского блока был прецедент, способный повлечь за собой быстрый развал блока.

Для укрепления своего пошатнувшегося положения Муссолини, начиная с 5 февраля 1943 г., прибегнул к драконовским мерам: были смещены почти все министры; новым генеральным секретарем фашистской партии был назначен К.Скорца – убийца одного из виднейших итальянских антифашистов, депутата Д.Амендолы; отстранено подавляющее большинство префектов и значительная часть послов за границей; проведена реорганизация высшего командования в армии. Тем не менее, желая пойти на известный компромисс с оппозиционными элементами в вооруженных силах, Муссолини назначил опального маршала Бадольо командующим войсками Южной Италии.

Для выяснения обстановки в марте 1943 г. в Италию был послан Геринг, который вместе с генерал-фельдмаршалом А.Кессельрингом и генералом Ринтеленом убеждал Муссолини согласиться на вступление в страну двух немецких танковых дивизий, которые должны были быть дислоцированы в Центральной и Южной Италии, в частности на Сицилии. Боясь полностью потерять свободу действий, ряд влиятельных военных деятелей выступали против допуска германских войск в Италию. Генерал В.Амброзио, например, потребовал от Германии вместо войск оказать Италии поддержку военными материалами и прислать 2 тыс. самолетов, а также вооружения и боеприпасов для 20 зенитных и артиллерийских частей и для 30 танковых частей. Тем не менее немецким дивизиям все же было разрешено вступить в Италию.

Итальянский народ, жаждавший мира, встретил своих новых «защитников» без воодушевления. Побывавший в это время в Италии со специальным поручением зондерфюрер СС К.Фрайгер фон Нейрат (сын бывшего германского министра иностранных дел) доложил Гитлеру на одном из совещаний в мае следующее: «...Германские войска на Сицилии, несомненно, стали довольно непопулярны. Это весьма легко объяснить, ибо сицилийцы считают, что мы принесли с собой войну... По всей Южной Италии распространено мнение, что война кончится, когда придут англичане, и что присутствие немцев только оттягивает это». На вопрос Гитлера о мерах, предпринимаемых итальянским правительством, Нейрат отвечал: «Всякий раз, когда я обращал их внимание на это и жаловался, что немецких солдат ругают на улицах бранными словами, мне говорили, что они не знают, что поделать, поскольку таково отношение народа. Они говорили: "Таковы настроения народа. Вы сами сделали себя непопулярными. Вы производили реквизиции и съели всех наших кур"».

К весне 1943 г. становилось все более очевидным, что англо-американские союзники готовят высадку именно в Италию. Между тем итальянских войск в стране было мало. Большинство из них было разбросано на оккупированных Италией территориях. Так, 30 дивизий вели бои с партизанами в Югославии, Албании, Греции и в Южной Франции, восемь дивизий были размещены на Сицилии, Корсике и Сардинии. На материке же оставались лишь 12 дивизий, объединенных в две армии. Остатки разбитой на восточном фронте 8-й армии расположились в долине р. По.

Высшие военные круги считали, что выход из положения может состоять в том, чтобы отвести итальянские войска с Балкан и укрепить тем самым Италию перед лицом готовящегося вторжения союзников. Такое требование выдвигал, например, генерал Амброзио, сменивший в феврале 1943 г. генерала Кавальеро на посту начальника генштаба. Однако Муссолини решительно возражал.

Так складывалась военная оппозиция фашистскому режиму, не желавшему идти ни на какие уступки. Военная оппозиция пользовалась поддержкой ряда представителей Министерства иностранных дел. Характерна в этом отношении, например, речь в сенате, произнесенная в мае 1943 г. статс-секретарем Министерства иностранных дел Дж.Бастианини, в которой оратор заявил, что «итальянский народ объединится вокруг короля и армии», но ни слова не сказал о дуче. Наиболее влиятельной фигурой в военной оппозиции был маршал П.Бадольо, смещенный после греческой катастрофы в 1940 г. С февраля Бадольо был в постоянном контакте с королем Виктором-Эммануилом. У них созревал план ареста Муссолини, с тем чтобы спасти режим. Но пока Бадольо держался на втором плане. На первый план был выдвинут генерал Амброзио с группой высших военных чинов.

Заговорщикам сочувствовала группа недовольных элементов из фашистской партии, надежды которой Муссолини не оправдал. Они составили так называемую «фашистскую оппозицию» и стали требовать созыва Большого фашистского совета, не собиравшегося с 1939 г. Муссолини вынужден был согласиться на созыв Совета на 24 июля. Боясь ответственности, фашистские главари стали покидать своего дуче.

Сотни фашистов были исключены из партии за отказ носить партийный значок. Этот своеобразный саботаж принял такие размеры, что партийное руководство издало распоряжение, вменяющее в обязанность членов партии под угрозой наказаний носить партийные значки. Газеты все чаще стали писать об «оппортунистах и предателях внутри партии».

Внутриполитическая борьба в Италии вызывала интерес у англо-американских кругов, которые пытались использовать ее в своих целях, оказывая на эту борьбу влияние через различные каналы. Какие же цели при этом преследовали США и Англия? Делая главную ставку на монархию, они стремились восстановить тот строй, который существовал до захвата власти фашизмом. Разумеется, предполагалось, что Италия подчинится всем требованиям англо-американских кругов. В Италии существовали деятели, которые против таких условий не возражали. Случай с Дарланом во Франции подбодрил их. Американский журнал «Лайф» писал: «Внутри фашисткого режима имеется ярко выраженная тенденция освободиться от Муссолини и сторонников немцев, но сохранить самую систему. Вот какова ныне мысль крупных итальянских промышленников, возглавляемых, по имеющимся сведениям, Г.Чиано, графом Вольпи, сенатором Д.Пирелли. Другими словами, они хотят заменить фашизм пронемецкий фашизмом просоюзническим. На фашистских главарей произвело большое впечатление то, как быстро и успешно сумел Дарлан изменить свою ориентацию и перенести ее с правительства Виши на союзников».

Стремление обеих сторон установить контакт особенно усилилось в начале 1943 г., когда после Сталинграда стало ясно, что Германия войну проиграет, а Советский Союз значительно усилит свое влияние в Европе. Чтобы не допустить ни того ни другого, представители Гиммлера в феврале 1943 г. встречались с главой американских спецслужб в Европе А.Даллесом. Правда, эти переговоры окончились тогда безрезультатно. Тогда же был предпринят соответствующий зондаж и в Италии. С целью установления непосредственного контакта с английским послом представителем Италии в Ватикане был назначен Г.Чиано, связанный с оппозиционными кругами. В переговорах с английским послом обсуждался вопрос о том, чтобы в ближайшее время устранить Муссолини от власти.

Таким образом, в результате военных поражений на всех фронтах в начале 1943 г. в Италии усиливался кризис верхов, пытавшихся спасти режим. Одни из них выход видели в свержении Муссолини и замене его более способным деятелем, с тем чтобы продолжать войну на стороне гитлеровской Германии; другие во главе с королем пытались связаться с англо-американцами, чтобы путем сепаратного мира с союзниками сохранить династию.

Но ни одна из этих верхушечных группировок и не помышляла о том, чтобы обратиться к народу, призвать его на борьбу, опереться на демократические партии. Наоборот, вся возня заговорщиков и предпринималась с целью затормозить народное движение, что им временами удавалось. Между тем именно в начале 1943 г. итальянский народ начал антифашистскую борьбу. К июню 1943 г. была подготовлена почва для создания широкого фронта антифашистских сил. В Милане прошло совещание с участием представителей ряда партий. На совещании коммунисты предложили следующую программу: 1) для руководства народным движением создать Национальный фронт действия; 2) призвать народ к повстанческой борьбе; 3) организовать всеобщую стачку; 4) в борьбе против фашистского правительства Муссолини завоевать на свою сторону армию; 5) заставить короля арестовать Муссолини, порвать с Германией, заключить перемирие с союзниками и восстановить де-

мократические свободы; 6) в новое правительство должны войти представители всех антифашистских партий, включая и коммунистов. Эта программа не была принята из-за значительных разногласий между партиями антифашистского фронта: одни, не учитывая обстановки, требовали немедленного провозглашения республики; другие выступали против участия народных масс в борьбе против фашизма.

Что же касается Румынии, то после понесенных в 1941 г. потерь ее армия должна была фактически заново формироваться. Остатки разгромленных дивизий были отведены на родину. На восточном фронте оставались только горный и кавалерийский корпуса в составе 5–6 дивизий. В январе 1942 г. прибывший в Бухарест В.Кейтель потребовал от И.Антонеску послать на восточный фронт 26 дивизий, т.е. всю румынскую армию. Чтобы выполнить этот приказ, требовалось провести основательную мобилизацию. Поэтому по распоряжению Антонеску летом 1942 г. были приняты изменения в законе о мобилизации: сокращено число категорий больных, а те, кто раньше признавался негодным к военной службе, направлялись во вспомогательные войска; отменены также льготы, обычно предоставлявшиеся учащимся в возрасте старше 18 лет; приняты решительные меры против тех, кто уклоняется от военной службы. По сообщению газет, в июне 1942 г. военные трибуналы осудили несколько сот румын, «выказывавших отсутствие патриотизма». В конце года был издан приказ германских властей о том, что все военнообязанные румыны, проживающие во Франции, должны зарегистрироваться в румынской миссии для отправки на восточный фронт.

К июню 1942 г. 26 румынских дивизий были вновь брошены на восточный фронт. Внутри страны оставалось лишь 5–6 дивизий, находившихся в стадии формирования.

Против такой пагубной для Румынии политики Антонеску выступил ряд генералов во главе с начальником генерального штаба генералом Якобичи, категорически возражавшим против посылки на фронт новых румынских дивизий. По требованию германского посла в Румынии М.Киллингера Якобичи был снят. Вслед за этим специальным декретом от 22 июля 1942 г. из армии были также уволены 14 генералов и 18 полковников, выступивших против дальнейшего продолжения антисоветской войны.

Румынская армия принимала участие в летнем наступлении на южном направлении восточного фронта. Но в отличие от 1941 г., когда румынские войска получили самостоятельную оперативную полосу и задачу, а также в отличие от других вассальных армий Гитлера, на этот раз румынская армия действовала не компактной массой, а была разбросана по всему фронту от Харькова и до Кавказа. Естественно, что в таком случае немецкое командование использовало румын для затыкания дыр, что было сопряжено с большими для них потерями. Потери румынских войск уже в первые

два месяца наступления были так велики, что к сентябрю 1942 г. возникла необходимость в новой мобилизации.

Когда в районе Сталинграда продолжались ожесточенные бои и немцы в ряде мест вышли к Волге, а на Кавказе немецко-фашистские войска достигли Кавказского хребта, румынские правители вслед за гитлеровскими пропагандистами стали кричать о том, что война на Востоке подходит к концу. «С Советским Союзом мы (!) покончили, — утверждала в октябре 1942 г. газета «Курентул», — главные цели на Востоке достигнуты, теперь наступило время для главного удара против Англии».

Разжигая националистические, антивенгерские страсти, румынские правители бросили авантюристический лозунг: «Через Восток мы завоюем наш Запад». Солдатам было объявлено, что они должны под Сталинградом завоевать «право на Клуж». Одновременно по сигналу Антонеску все румынские правительственные газеты начали кампанию за создание «великорумынской империи, вплоть до границ Азии».

Но столь смелые замыслы немецких и румынских захватчиков в конце 1942 г. стали терпеть явный крах. Бои за Сталинград затягивались. Немецко-фашистские войска и войска сателлитов несли огромные потери. Но самое тяжелое поражение румынские войска потерпели в конце 1942 г. под Сталинградом и на Дону. Как известно, 3-я румынская армия обеспечивала левый фланг 6-й германской армии, рвавшейся к Сталинграду; а один корпус от 4-й румынской армии действовал на правом фланге южнее Сталинграда. Советские войска, перешедшие в наступление 19 ноября 1942 г., первый удар нанесли по 3-й румынской армии, оборонявшейся на участке между Вешенской и Клетской. Уже в течение первой недели боев армия была разгромлена. 5-я, 6-я, 13-я и 15-я пехотные дивизии были окружены. Генералы Мазарини, Ласкар, Стеческу, а также 11 полковников и десятки тысяч солдат и офицеров сдались в плен Красной Армии. 20-я пехотная и 1-я кавалерийская дивизии попали в окружение вместе с 6-й немецкой армией и были также позже разбиты и пленены. В плен попали командир 20-й бригады генерал Димитриу и командир 1-й кавалерийской дивизии генерал Братеску с начальником штаба дивизии полковником Мальтополем.

Новый удар по румынским войскам был нанесен в декабре 1942 г. в районе среднего течения Дона, где вместе с немецкими и итальянскими дивизиями были разбиты 7-я и 11-я румынские пехотные дивизии. Наконец, в середине декабря в результате неудавшегося контрнаступления Э.Манштейна перестал существовать 6-й армейский корпус генерала Константинеску, состоявший из 4-й, 18-й пехотных и 5-й, 8-й кавалерийских дивизий.

Таким образом, к 1 января 1943 г. в результате ожесточенных боев, длившихся немногим более месяца, советские войска разбили 16 румынских дивизий, из них 12 пехотных, 3 кавалерийских и 1 танковую, а также окружили и позже разгромили под Сталингра-

дом 2 дивизии. Всего под Сталинградом и на Дону были разбиты 18 из 22 румынских дивизий, действовавших в то время на восточном фронте. В последующих сражениях зимней кампании 1942/43 г. румынская армия была полностью разгромлена. С начала войны до весны 1943 г. румынская армия потеряла убитыми, ранеными и попавшими в плен более 500 тыс. человек.

О тяжелых поражениях румынских войск на восточном фронте вынужден был признать Антонеску, который в интервью, данном им итальянской газете «Стампа» в мае 1943 г., безусловно преуменьшая потери, заявил, что Румыния, мобилизовавшая армию в 1 млн человек, понесла общие потери в количестве полумиллиона человек. Эти потери были более тяжелыми, чем потери к тому же времени других гитлеровских вассалов — Венгрии (250 тыс. человек) и Италии (175 тыс. человек).

Значительные потери понес также румынский военно-морской флот, который участвовал в боевых операциях у побережья Черного моря и в течение 1942 г. служил немцам транспортом для снабжения войск на Кубани и в Крыму. К концу 1942 г. были потоплены эсминцы «Марашешти» и «Фердинанд». Иностранная печать указывала, что Румыния потеряла половину своих военных кораблей. Непрерывные поражения румынских войск, тяжелое положение в тылу и бесперспективность войны на Востоке сильно действовали на падение морального духа румынских солдат и офицеров. Вместо легких побед в России, обещанных Антонеску в начале войны, солдаты увидели, особенно под Сталинградом и на Дону, суровую действительность. «При мысли о России, — писала румынская газета «Курентул», — невольно вспоминались кресты, которые тянутся от Одессы до Терека».

Дезертирство, добровольная сдача в плен, членовредительство, непослушание офицерам стали обычными явлениями в румынской армии. Потребовалось увеличить число немецких отрядов по «борьбе с румынскими дезертирами» и создать в Германии специальные «центры по перевоспитанию румынских дезертиров».

Позади передовых линий, занимаемых румынами, постоянно находились немецкие подразделения СС, вооруженные пулеметами. Немцы открывали немедленно огонь по румынским солдатам, как только те без приказа отходили. Румынское командование вынуждено было признавать, что солдаты воюют без энтузиазма и подвержены влиянию различных антивоенных слухов. Так, Антонеску в воззвании к армии 5 февраля 1943 г. указывал: «Стало известно, что в войсках, действующих на Кавказе, имеются элементы, которые прислушиваются к шептунам, и что они находят отзвук даже среди офицеров».

В румынских газетах первой половины 1943 г. часто можно было читать обращения командиров частей к дезертирам с призывами вернуться в свои части. Например, в газете «Акциуня» опубликовано объявление командования 30-го артполка, предупреждающее дезертиров этого полка, что если они не сообщат о своем местонахождении, то к ним будут применены суровые меры наказания. В опубликованном списке дезертиров стояли один офицер, 4 фельдфебеля, 3 сержанта, один капрал и 18 солдат.

Усилилась вражда и взаимное недоверие между немецкими и румынскими солдатами и офицерами. Большое недовольство в армии вызвал приказ военного министра Румынии, требовавший от румынских солдат и офицеров первыми отдавать честь немецким офицерам, независимо от их звания.

Для контроля за деятельностью румынских генералов немецкое командование придало еще в первой половине 1942 г. каждой румынской дивизии нескольких немецких офицеров. Во время боев под Сталинградом зимой 1942/43 г. были приняты еще более решительные меры. Отдельные румынские соединения расформировывались и по частям распределялись по немецким дивизиям. Командирами ряда румынских соединений и частей назначались немецкие генералы и офицеры. Например, находившейся на Кубани 19-й румынской дивизией до февраля 1943 г. командовал немецкий генерал К.Шмидт, а после его ранения стал командовать также немец — полковник Вебер, которого солдаты называли «немецкой собакой». Начальником штаба 3-й румынской армии 22 ноября был назначен немецкий генерал Венк.

Под немецким контролем было также все высшее румынское командование. Фактическим генеральным инспектором румынской армии являлся глава германской военной миссии в Румынии генерал Ганзен. Румынское военное министерство давно перестало публиковать самостоятельные сводки о военных действиях. Немецкие солдаты на фронте с нескрываемым презрением относились к своим румынским союзникам. Это вызывало многочисленные столкновения между ними. Для их пресечения требовались строгие приказы со стороны румынского командования, т.к. в драках правыми всегда оказывались немцы. Вот что говорилось о приказе командующего 3-й румынской армией корпусного генерала Димитреску: «Дабы избежать в дальнейшем некоторых неприятных инцидентов между румынскими и немецкими солдатами, предлагаю в любом населенном пункте, где находятся румынские и немецкие части, укреплять всеми средствами дружественные взаимоотношения. Для этого организовать совместные обеды, взаимные посещения, встречи на праздниках и т.д.»

Различного рода столкновения между союзниками стали таким массовым явлением, что румынское командование установило целую систему донесений об этих случаях. Например, начальник штаба 13-й румынской дивизии полковник Бодеску приказал: «О всяких конфликтах с германскими частями докладывать командованию 7-го числа каждого месяца, начиная с 7 октября 1942 г.»

На плохое отношение немцев к румынским солдатам и офицерам Антонеску жаловался фельдмаршалу Манштейну, а затем лично Гитлеру в середине января 1943 г. После этого Гитлер издал приказ с требованием «поддерживать с разгромленными союзника-

ми товарищеские отношения, потому что Германия заинтересована в быстрейшей реорганизации их войск и чтобы не дать пропагандистского материала для оппозиционных элементов в этих странах».

С целью поднятия упавшего духа населения правительственная газета «Курентул» приводила в статье рассказ об одном мексиканском офицере, который во время Гражданской войны в Мексике был взят в плен и ожидал смертой казни. Перед казнью его спросили о последнем желании. Офицер попросил сигару и курил ее в течение 9 часов. Когда сигара догорела, неожиданно появились сторонники офицера, которые освободили его. Сравнивая положение этого офицера с положением Румынии, газета писала: «9 часов спокойствия, когда смерть уже накинула петлю на шею, — какой это ценный урок! Мы рекомендуем многим, кто потерял надежду и веру, воспринять мудрость, которая гласит: пока сердце бьется в твоей груди, не все еще пропало».

Оживленные обсуждения предательской политики клики Антонеску проходили среди рабочего класса. Но рабочие не ограничивались лишь дискуссиями. Наиболее передовые из них выступали за прекращение войны. Все это приняло такие угрожающие размеры, что в конце сентября 1942 г. Антонеску подписал декрет о введении смертной казни за «антивоенные дискуссии на промышленных предприятиях».

В результате победы советских войск усилились разногласия в среде правящей верхушки, особенно между деятелями, сгруппировавшимися вокруг короля Михая, и группой, возглавляемой Ионом Антонеску. Эти разногласия начались еще в 1942 г., когда румынский кондукетор стремился отодвинуть на задний план молодого короля, его мать Елену, а также весь придворный круг политических деятелей. При этом И.Антонеску действовал по принципу: «Королю — почести, а мне — власть».

Поводом для новой вспышки этих разногласий послужила новогодняя речь короля, составленная его гофмаршалом бароном Мощенный-Старчя и просмотренная близко стоявшим ко двору министром иностранных дел Михаилом Антонеску. В своей речи король довольно недвусмысленно подчеркивал, что в этой войне Румыния воюет не за чужие земли, а защищает лишь свою страну. На протест германского посла М.Киллингера И.Антонеску потребовал смещения гофмаршала. Однако вскоре дело закончилось компромиссом.

Наибольшую активность в поисках путей для связи с англо-американцами в начале 1943 г. развил М.Антонеску, действуя прежде всего через Италию и некоторые нейтральные страны. 19 января 1943 г. Чиано получил письмо от итальянского посла в Бухаресте Бова-Скоппы, в котором сообщалось, что румынский министр иностранных дел предлагает обеим странам установить контакт с англо-американцами, чтобы с их помощью «защитить Европу от

большевизации». Муссолини считал такой контакт еще преждевременным и отверг это предложение.

Но М.Антонеску не успокоился. В начале февраля 1943 г. румынскому послу в Берне Лаховари с этой же целью было поручено связаться с папским нунцием. Об этом же М.Антонеску беседовал с турецким послом в Бухаресте, убеждая его в необходимости сепаратного мира союзников с Германией, чтобы Россию оставить одну. Правительство Турции поддержало это мнение Антонеску, и румынскому послу в Анкаре было завлено, что в интересах всей Юго-Восточной Европы Румыния должна продолжать борьбу против Советского Союза.

Попытки связаться с англо-американцами предпринимались румынскими послами в Португалии и Испании. Об этих дипломатических шагах Румынии Гитлер был проинформирован, однако, когда дело окончилось неудачей, он при встрече с И.Антонеску в середине апреля 1943г. в Клессгейме потребовал отстранения М.Антонеску и послов в Мадриде, Лиссабоне и Берне. Но И.Антонеску отказался это сделать и со своей стороны предложил Гитлеру прекратить войну против англо-американцев.

Продолжало ухудшаться военное, экономическое и внутриполитическое положение еще одного германского сателлита — Венгрии. Как уже указывалось выше, между Венгрией и Советским Союзом не существовало никаких спорных территориальных вопросов. Тем не менее венгерские правители, как они сами указывали, по идеологическим соображениям, а также желая урвать и себе кусок советской земли, послали на восточный фронт свои войска.

Не довольствуясь лишь экономической помощью со стороны Венгрии и посылкой на Восток единственного в стране 60-тысячного «подвижного корпуса», весной 1942 г. Гитлер потребовал от Венгрии более активного участия в войне вооруженными силами. Хорти охотно согласился удовлетворить это требование Германии. Именно тогда только что назначенный премьер-министра М.Каллаи говорил, что эта война есть «для Венгрии национальная война», что Венгрия участвует в ней «добровольно, без всякого принуждения». Нужно признать, что эта вторая часть высказывания Каллаи соответствовала истине. В конце мая 1942 г. на оккупированную немцами территорию Советского Союза прибыла 2-я армия гонведов в составе девяти дивизий и одной танковой бригады, объединенных в три корпуса, общей численностью до 160 тыс. человек. До начала немецкого наступления на юге боевые части венгерской армии находились в районах Курск—Обоянь, Артемовка—Ворожба, Конотоп—Киев, а оккупационные войска в районах Киев—Конотоп, Киев—Винница, Винница—Житомир, Киев—Полтава—Кременчуг. Развертывание армии было закончено к концу июля.

Во время немецкого наступления венгерская армия с августа 1942 г. заняла оборону против Воронежского фронта, а отдельные ее части вели борьбу с советскими партизанами в тылу. Сначала венгерские солдаты верили своим офицерам, что война на Востоке

скоро закончится и они вернутся домой. Но ожесточенные бои на Сталинградском направлении продолжались, и настроение венгерских солдат падало. Участились случаи нарушения дисциплины. На маршах солдаты старались отставать, чтобы подольше побыть в тылу. Особенно неблагонадежными были солдаты из невенгерских национальностей, которые составляли до 30% личного состава 2-й армии гонведов. Офицеры не доверяли им. Например, командир 3-го корпуса в одном из приказов в конце июля 1942 г. указывал, что одной из причин понижения боеспособности корпуса за последнее время является нежелание солдат невенгерских национальностей сражаться. Далее в приказе предлагалось в каждой дивизии создать особые роты из невенгерских солдат, во главе которых поставить твердых командиров, причем эти роты вооружить лишь однами винтовками[11].

Когда 6-я немецкая армия была окружена под Сталинградом, у венгерских солдат усиливалось сомнение в способность немцев победить. Стали частыми случаи драки между венгерскими и немецкими солдатами. Венгерские солдаты и офицеры целыми подразделениями сдавались в плен. Стало известно, что немцы убили 49 офицеров из 17-го полка гонведов, которые пытались сдаться в плен.

Новый удар по противнику советские войска нанесли на Среднем Дону — как раз там, где оборонялась 2-я армия гонведов. В период Острогожско-Россошанской операции, продолжавшейся с 13 по 27 января 1943 г., войска Воронежского фронта разгромили наряду со 2-й немецкой армией и альпийским корпусом 8-й итальянской армии также основные силы 2-й венгерской армии (4-й и 7-й армейские корпуса). К 19 января было захвачено в плен 27500 венгерских солдат и офицеров. В результате следующей, Воронежско-Касторненской наступательной операции (24 января — 17 февраля 1943 г.) был разбит 3-й армейский корпус 2-й венгерской армии, а командир корпуса генерал Штом вместе с другими генералами взят в плен. Командующий армией генерал Яни был тяжело ранен. Таким образом, в результате боев в январе—феврале 1943 г. венгерская армия была разбита и отведена в тыл. 1 мая 1943 г. ее остатки прибыли в Будапешт. В беседе с будапештским корреспондентом «Джорнале д'Италиа» военный министр Надь вынужден был признать огромные поражения венгерской армии на восточном фронте. «...Потери, понесенные венгерской армией этой зимой, подсчитываются, — заявил он. — Не желая преждевременно называть приблизительных цифр, скажу только одно: наша армия понесла за последние месяцы значительно большие потери, чем за все предыдущие полтора года войны».

Настроение солдат было подавленное. Они уже перестали верить в победу немцев и проклинали венгерских правителей, втянувших страну в эту тяжелую и ненужную для Венгрии войну. Некий Эмери фон Сухаи в «Пестер ллойде» поместил рассказ о своих беседах с солдатами, вернувшимися с фронта. «Бескрайние просторы

России, — пишет автор, — вызывают у венгерских солдат тяжелое чувство. Я имел возможность разговаривать со многими солдатами, вернувшимися с фронта. Все они в один голос заявляют, что охотнее бы воевали в условиях дикой Норвегии, в Балканских странах, даже в Африке, чем на равнинах и полях России»[12].

Деморализация армии достигла угрожающих размеров, что серьезно обеспокоило правительство. Обсуждению вопроса о положении в армии было посвящено специальное закрытое заседание парламента. В результате Надь был снят с поста военного министра. В страну прибывали тысячи дезертиров, для поимки которых власти вынуждены были на ряде железнодорожных станций выставлять крупные полицейские заслоны.

Во всех бедствиях Венгрии народ обвинял немцев и требовал прекращения войны, которая становилась все менее популярной. Начались разногласия и в среде правящей верхушки Венгрии. Все громче раздавались голоса в пользу заключения сепаратного мира с англичанами и американцами, за проведение более самостоятельной, независимой от немцев политики. Хорти признавал, что уже летом 1942 г. венгерское правительство пыталось установить контакт с англичанами, который был в известной мере выгодным и для немцев. Бывший венгерский регент уже после войны писал об этом следующее: «Наше секретное соглашение с западными державами, согласно которому мы не препятствовали авиации союзников, летавшей над нашей территорией, и взамен чего они не подвергали бомбардировке наши города, также в некоторой степени устраивало немцев, т.к. оно оставляло нетронутыми стратегически необходимые железные дороги и нашу военную промышленность».

Попытки договориться с западными державами особенно усилению предпринимались посла Сталинградского сражения. Именно в этот период Хорти направил своего представителя в Стамбул для установления более тесного контакта с англо-американским командованием. Эти переговоры не дали серьезных результатов, но была установлена постоянная связь по радио.

Примерно в это же время Хорти предпринял попытку установить связь и с югославским эмигрантским правительством в Лондоне через генерала Д.Михайловича. Об этом подробно рассказал после войны бывший руководитель венгерской разведки генерал-майор И.Уйсаси.

Венгерские правители, изыскивая пути для заключения сепаратного мира с Англией и США, тем не менее по-прежнему посылали свои вооруженные силы на восток против Советского Союза. Премьер-министр М.Каллаи и военный министр Чатаи открыто признавали, что в 1943 г. на восток «в качестве оккупационных войск для несения охраны железнодорожных путей» были отправлены несколько свежих дивизий взамен разбитой 2-й армии гонведов.

Чем же объяснить такую двойную игру Хорти и его клики? Желали ли они действительного мира? Факты свидетельствуют, что это далеко не так. Правительство Хорти — Каллаи не по принуж-

дению, а верой и правдой служило Гитлеру. Об этом говорил сам Каллаи 19 февраля 1943 г. на одном из секретных заседаний парламентской комиссии по иностранным делам, т.е. в таком месте, где не было необходимости лавировать, чтобы угодить своему хозяину. Каллаи тогда сказал: «Я принял на себя полностью ответственность за прошлое правительство. Я осознаю теперь полностью, что эта война — наша война». «Что касается верности Германии, я могу на это ответить одной фразой: я не приспосабливаю свою политику к нынешнему положению Германии на фронте. Я не строил свою политику на основании этих взглядов и в дальнейшем не буду так строить. Только нерушимая верность союзу и моему народу определяет мою политику по этому вопросу». «Упрек, что Венгрия не включилась в военное производство, непонятен, т.к. продолжительное время большое количество венгерской промышленной продукции находится к услугам империи. Империи предоставлено почти все производство венгерской металлургической промышленности, за исключением той части, которая необходима для восстановления наших потерянных на Восточном фронте военных материалов». «Венгрия дает Германии алюминий, керосин. Она является базой бокситов. Чтобы облегчить доставку, мы построили очень дорогие сооружения, вложили колоссальные суммы в производство, мы выполняли свой долг всегда честно». «Нет ни одной страны, которая бы отдавала такое количество рабочих часов немецкому военному производству, как Венгрия». «Венгрия в своей борьбе против большевизма пожертвовала почти всем вооружением, военными материалами и своими лучшими войсками». «Венгрия является самым старым и самым верным другом Германии»[13].

О том, что в тот период венгерское правительство не имело еще серьезных намерений порвать с Германией, свидетельствует поведение Хорти при встрече с Гитлером в апреле 1943 г. Гитлер вызвал к себе Хорти после того, как у него уже побывали Муссолини и Антонеску, предлагавшие заключить мир и спасти то, что еще можно было спасти. Такие пораженческие настроения сателлитов сделали Гитлера раздражительным, и когда вслед за ними прибыл Хорти, на него посыпался град таких же упреков в нелойяльности по отношению к Германии. Как вспоминает сам Хорти, Гитлер потребовал от него более решительной борьбы против евреев. «Евреи должны быть либо уничтожены, либо заключены в концлагеря», — заявил он. Гитлер упрекал своего вассала в том, что в зимнюю кампанию венгерские войска воевали плохо, и потребовал отставки премьера М.Каллаи, ведущего пораженческую политику и стремящегося выйти из войны.

Хорти отрицал все эти упреки как необоснованные. В ноябре 1944 г. на даче Хорти были найдеты документы из его личного архива. В одном из этих документов была следующая запись: «16 апреля был у Гитлера. Разъяснения по упрекам. Первый упрек касался кажущегося мягкого обращения с евреями Венгрии. Я разрешаю себе при этом без всякой заносчивости остановиться на том, что я

со своей стороны первый произнес слово против разлагающего поведения евреев и с тех пор провожу соответствующие мероприятия для искоренения их влияния». «Вторым тяжелым упреком было то, что правительство Каллаи занимается пораженческой политикой и готовит отделение Венгрии от государств оси. В доказательство были названы имена отдельных лиц, которые якобы получили поручение от правительства вступить в контакт с противником»[14].

Апрельские переговоры Хорти с Гитлером ни к чему не привели. В Будапеште и Берлине были опубликованы разные тексты коммюнике. Вернувшись домой, Хорти продолжал вести свою двойную игру, чем вызывал недовольство таких прогерманских организаций, как «Скрещенные стрелы» и Партия Б.Имреди, которые намеревались дать бой во время открытия сессии парламента 4 мая. Но Хорти, чтобы заткнуть рот оппозиции, по совету своего премьер-министра отложил заседание парламента на неопределенный срок. Это вызвало новые подозрения немцев.

В эти дни Геббельс записал в своем дневнике от 7 мая: «Хорти испытал мало удовольствия от своей встречи с фюрером. Но, видимо, он не принял это близко к сердцу. Он не выполнил ни одного обещания из данных им в Оберзальцберге. Может быть, фюрер был слишком суров с ним...» Мало того, правительство Каллаи в своей игре стремилось получить поддержку со стороны других партнеров по оси, особенно от Италии. Еще в конце 1942 г. в Будапеште состоялись вечера, на которых итальянские и венгерские офицеры поднимали тосты за быстрейшее заключение мира с Англией. В мае 1943 г. Каллаи прибыл в Рим, чтобы обсудить вопрос о возможности выхода из войны.

Чем же объяснить все эти попытки мирного зондажа со стороны венгерских правителей?

Бесспорно, это есть не что иное, как грубый маневр, рассчитанный на то, чтобы, во-первых, посеять недоверие между англичанами и американцами и Советским Союзом, чтобы в случае неблагоприятного исхода войны обеспечить себе «запасный выход» и, во-вторых, набить себе цену в глазах Германии главным образом за счет территории Румынии. Неудивительно, что возобновление попыток связаться с англо-американскими представителями, как правило, всегда сопровождалось усилением румыно-венгерских разногласий вокруг Северной Трансильвании.

Следует сказать, что районы Северной Трансильвании всегда были «яблоком раздора» между Румынией и Венгрией, на чем выигрывали немцы, обещая эти районы то одному, то другому сателлиту в зависимости от его военных усилий. Но когда оба сателлита исчерпали свои возможности и их армии в одинаковой мере были разгромлены в районе Сталинграда и на Дону, гитлеровцам было уже труднее маневрировать, используя румыно-венгерскую грызню. Характерным в газетной перепалке обеих стран было то, что все чаще можно было замечать не только обоюдные упреки, но и колкости в адрес Германии как инициатора Венского арбитража.

Пограничные инциденты на венгеро-румынской границе стали обычным явлением. Дело доходило даже до угрозы войны между Венгрией и Румынией. Недаром германский посол в Финляндии В.Блюхер в конце 1942 г. доносил своему правительству, что «финское правительство получило тревожные сообщения из Венгрии. Там говорят о вторжении в Румынию, которое должно состояться этой зимой... До финского правительства дошли слухи о том, что Румыния, Хорватия и Словакия решили выступить против Венгрии».

Румынские газеты пестрели различными нападками на Венгрию. Румынская газета «Тимпул» писала, например, что «для Венгрии Трансильвания является вопросом бухгалтерии — прибыли или убытка, а для нас, повторяем, это вопрос румынской души». Румынские власти всячески поддерживали беженцев-трансильванцев, используя их для антивенгерской пропаганды. Венгерская печать в свою очередь также не оставалась в долгу, постоянно напоминая румынам, что «никакая сила не способна вытеснить венгерский дух из Трансильвании», ссылаясь на «неопровержимые исторические факты», доказывала, что «Трансильвания по праву является венгерской». Печать сообщала, что в Венгрии предано суду несколько румын, выходцев из Северной Трансильвании, по обвинению в шпионаже. Румыно-венгерские разногласия перекидывались на фронт и создавали соответствующую враждебную атмосферу среди солдат обоих сателлитов. Как-то один из наших журналистов спросил военнопленного венгра: кого вы больше ненавидите — немцев или румын? Военнопленный ответил: немцев мы ненавидим и боимся. Румын мы ненавидим и презираем.

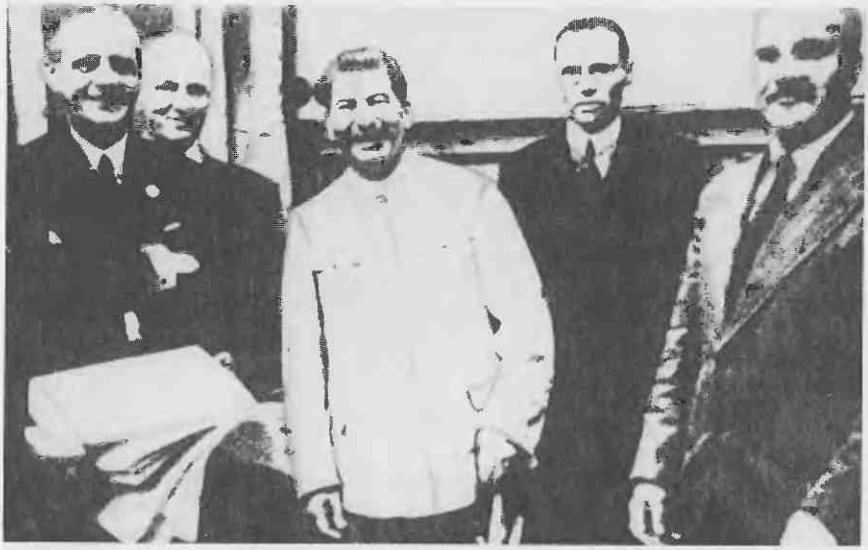
Общая военно-политическая ситуация на фронтах Второй мировой войны и особенно победы Красной Армии по-особому влияли на внутриполитическую ситуацию в Болгарии. Дело в том, что, во-первых, в отличие от других гитлеровских сателлитов болгарские правители под давлением народа не могли послать на восточный фронт свои вооруженные силы. Поэтому Болгария непосредственно не ощущала людских и материальных потерь от боев на восточном фронте. Во-вторых, братский болгарский народ был связан традиционной дружбой с русским народом, и поэтому антисоветская политика не имела здесь благоприятной почвы. Болгары помнили, что русские войска в 1877 г. освободили их родину от многовекового турецкого ига, что в 1940 г. советское правительство поддержало справедливое требование Болгарии по вопросу о Добрудже. Болгарские трудящиеся всегда с интересом и симпатией следили за успехами экономического развития в Советском Союзе. Болгарский народ, как уже было показано выше, с гневным протестом против фашизма встретил известие о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Болгары с болью в душе воспринимали временные неудачи Красной Армии в первый период войны и с ликованием приветствовали успехи Советского Союза в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Для Гитлера и его болгарских ла-

Встреча советской делегации с рейхсканцлером Германии Виртом в Рапалло 16 апреля 1922 г. — новый этап в советско-германских отношениях

Фельдмаршал Гинденбург
приветствует советскую военную делегацию

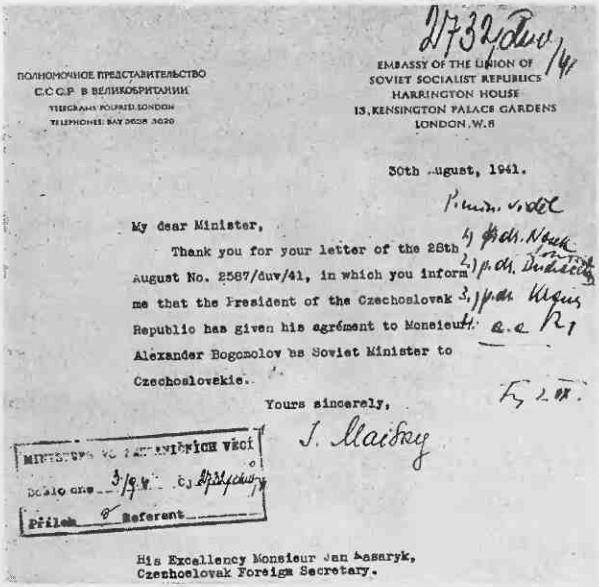
Подписание советско-германского пакта о ненападении
23 августа 1939 г.

Посещение В .Молотовым Берлина в ноябре 1940 г.

Переговоры в Мюнхене в сентябре 1938 г. между главами правительств Германии, Италии, Англии и Франции

ПОЛНОМОЧНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
С.С.С.Р. В ВЕЛИКОБРИТАНИИ
TELEGRAMS: POLPRED, LONDON
TELEPHONES: BAY 3658 3620

2732 duv/41

EMBASSY OF THE UNION OF
SOVIET SOCIALIST REPUBLICS
HARRINGTON HOUSE
13, KENSINGTON PALACE GARDENS
LONDON, W.8

30th August, 1941.

My dear Minister,

Thank you for your letter of the 28th August No. 2587/duv/41, in which you inform me that the President of the Czechoslovak Republic has given his agrément to Monsieur Alexander Bogomolov as Soviet Minister to Czechoslovakia.

Yours sincerely,

I. Maisky

MINISTERSTVO ZAHRANIČNÍCH VĚCÍ
Došlo dne 3/9.41 čj. 42.324/pres.
Příloh 0 Referent

His Excellency Monsieur Jan Masaryk,
Czechoslovak Foreign Secretary.

Письмо советского посла в Лондоне И. Майского министру иностранных дел Чехословакии Масарику 30 августа 1941 г. в связи с восстановлением дипломатических отношений между обоими государствами

Гитлер поздравляет с 70-летием Г. Круппа
на вилле около Эссена 7 августа 1940 г.

Подписание договора о дружбе и ненападении
между СССР и Югославией. 5 апреля 1941 г.

Aufruf
an die Bevölkerung Englands.

§ 1.

Das von den deutschen Truppen besetzte englische Gebiet wird unter deutsche Militärverwaltung gestellt.

§ 2.

Die militärischen Befehlshaber werden die zur Sicherung der Truppe und zur Aufrechterhaltung der allgemeinen Sicherheit und Ordnung nötigen Anordnungen erlassen.

§ 3.

Die Truppen werden, wenn die Bevölkerung sich ordnungsgemäß verhält, Personen und Eigentum schonen.

§ 4.

Die Landesbehörden dürfen, wenn sie sich loyal verhalten, weiterarbeiten.

§ 5.

Alle unbesonnenen Handlungen, jede Art von Sabotage, passiver oder aktiver Widerstand gegen die deutsche Wehrmacht haben schärfste Vergeltungsmaßnahmen zur Folge.

§ 6.

Ich warne alle Zivilpersonen vor Kampfhandlungen gegen die deutsche Truppe. Sie werden unnachsichtlich mit dem Tode bestraft.

§ 7.

Den Anordnungen der deutschen Militärbehörden ist Folge zu leisten. Ungehorsam wird schärfstens bestraft.

Der Oberbefehlshaber des Heeres.

Appeal
to the population of England.

§ 1.

English territory occupied by the German Armed Forces will be placed under German Military Administration.

§ 2.

The military Commanders will take all necessary steps to ensure the security of the Armed Forces and for the maintenance of public order and security.

§ 3.

Provided that the population behaves in an orderly manner, the Armed Forces will respect person and property.

§ 4.

Provided that they maintain an honourable attitude, the local authorities will be allowed to continue to function.

§ 5.

Any ill-considered act, any form of sabotage, any resistance, active or passive, against the German Armed Forces, will be met with the sharpest possible reprisals.

§ 6.

I hereby warn all civilians against the commitment of any hostile acts against the German Armed Forces. Such acts will be remorselessly punished by sentence of death.

§ 7.

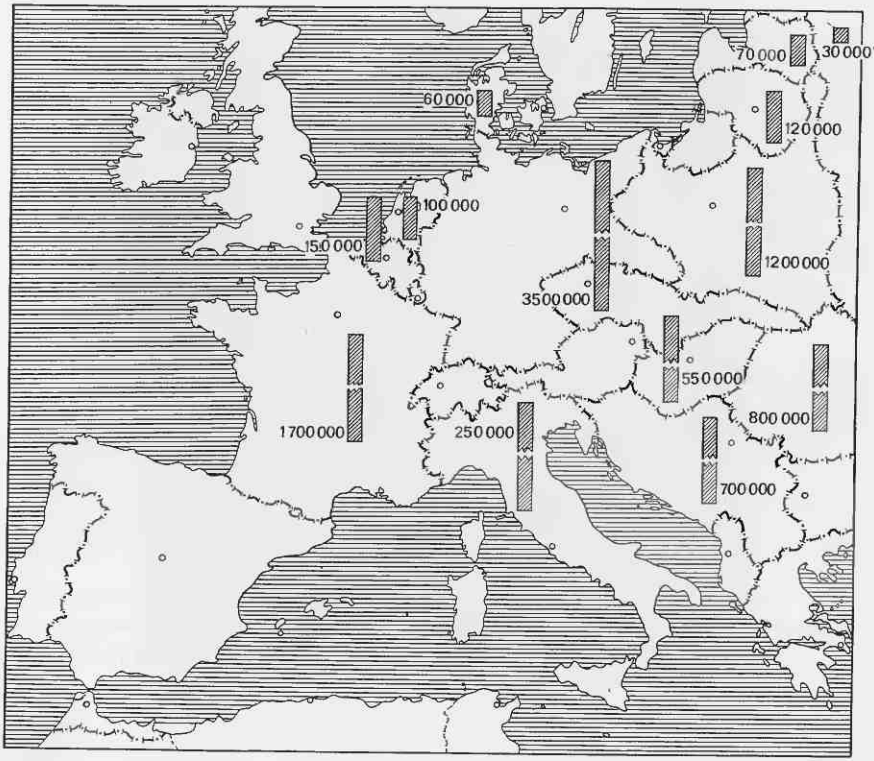
The Orders of the German Military Authorities are to be obeyed. Disobedience will be severely punished.

The Commander-in-Chief of the Army.

Подготовленное для распространения в Англии обращение германского верховного командования сухопутных войск к английскому народу с призывом соблюдать порядок и спокойствие во время высадки вермахта на Британские острова

Капитуляция югославской армии. Встреча генерала Вейхса с югославским генералом Боди. Апрель 1941 г.

Численность немецких нацменьшинств в странах Европы накануне второй мировой войны

Штаб-квартира Г.Гимлера в отеле «Принц Альбрехт» в Берлине

Вторжение немецко-фашистских войск в Польшу. Сентябрь 1939 г.

Насильственное выселение поляков из Замойщины. 1943 г.

Генерал Йодль
и члены французской
делегации
во время переговоров
о перемирии.
Июнь 1940 г.

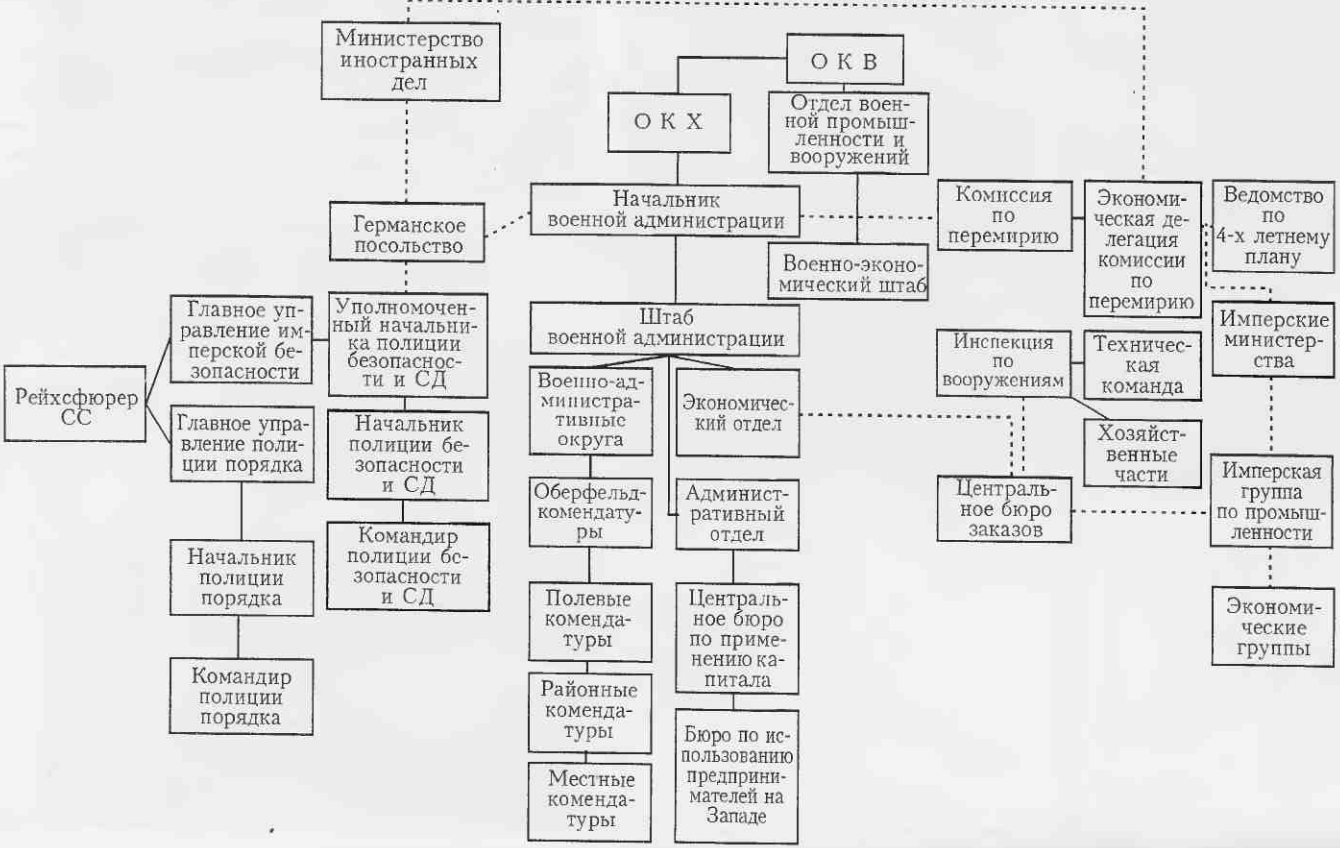

Немецко-фашистские солдаты
во французском городе Реймсе. Июнь 1940 г.

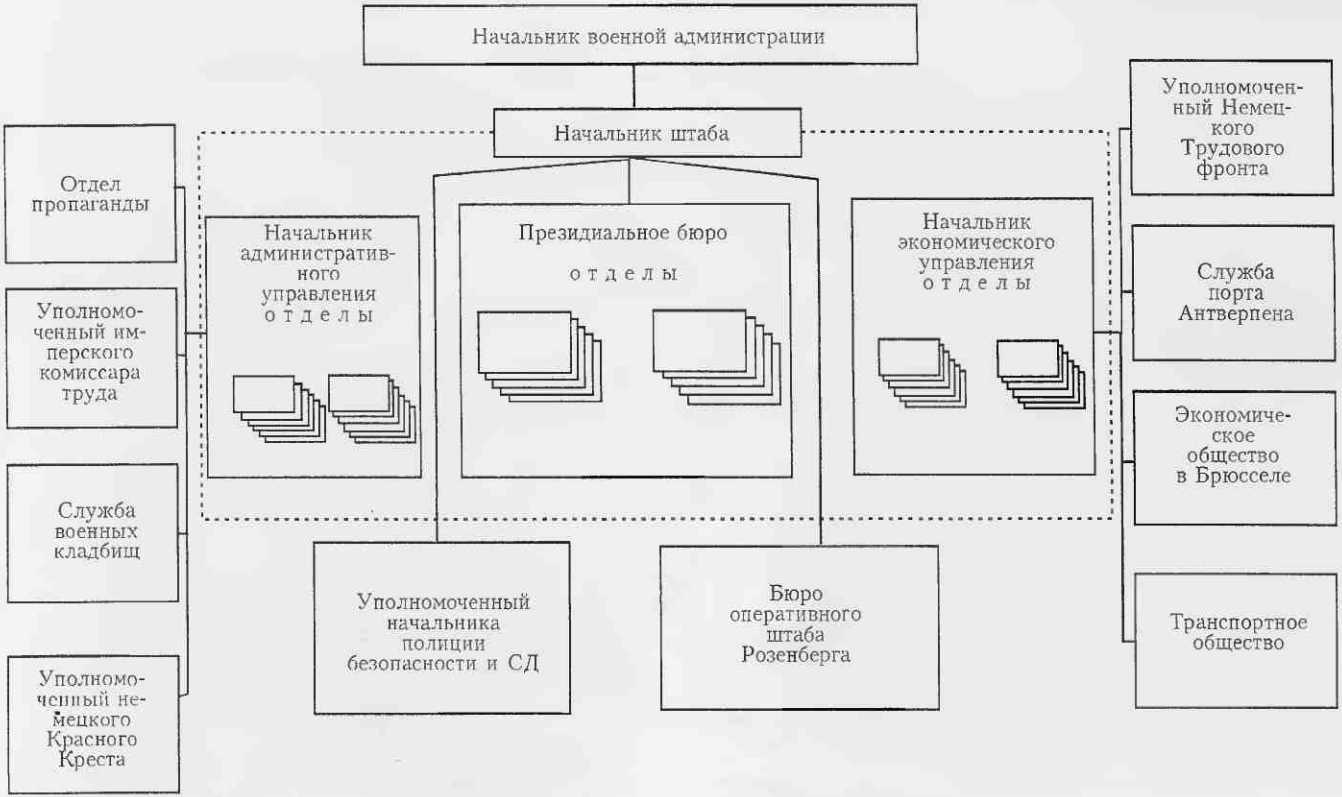

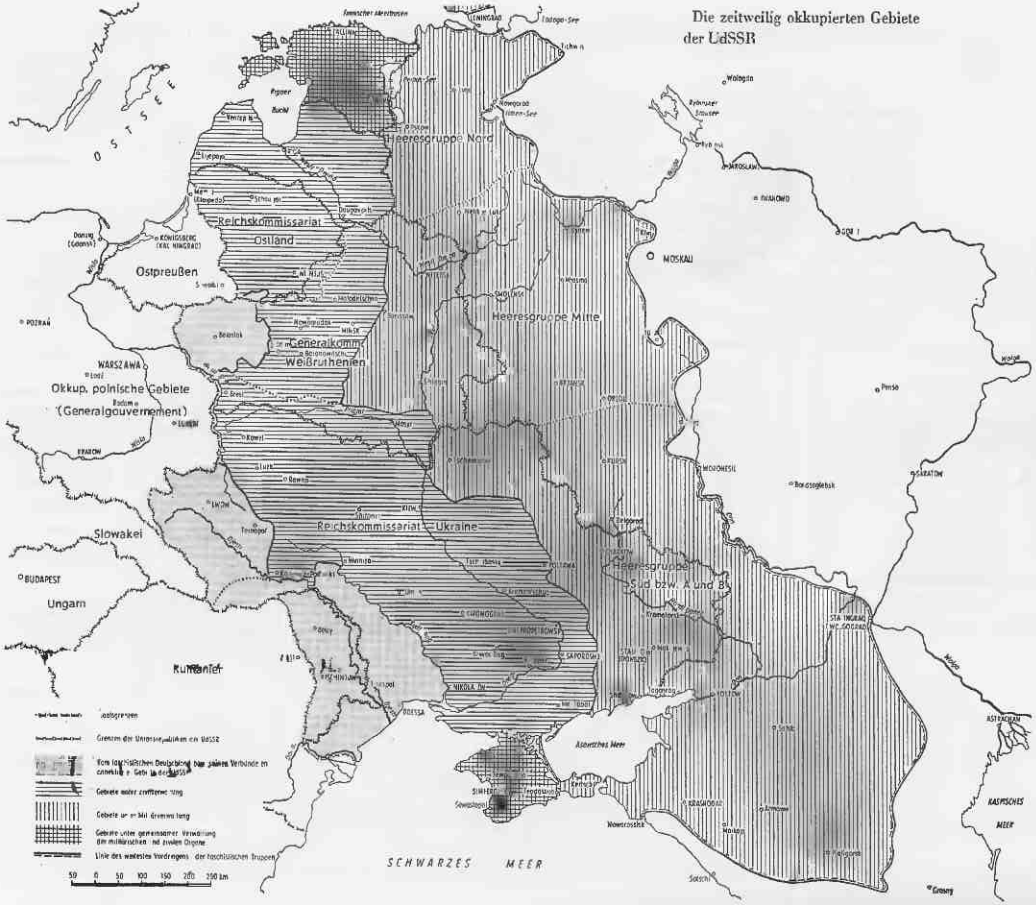
Оккупация
и расчленение
Югославии

СТРУКТУРА ОККУПАЦИОННОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ (1940/41гг..)

СТРУКТУРА ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ОККУПАЦИОННОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В БЕЛЬГИИ
(май 1941)

Расчленение оккупированной территории Советского Союза

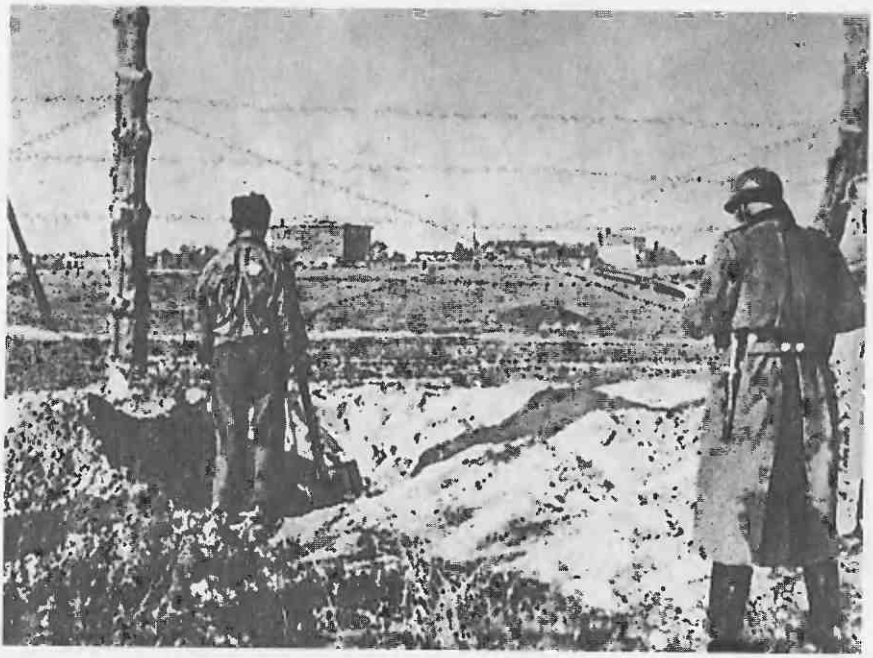
Генерал Бур-Коморовский (в центре) капитулировал (октябрь 1944 г.). Встреча на площади перед Политехническим институтом

После капитуляции варшавского восстания. Их путь — в концлагеря. Октябрь 1944 г.

Раненые немецкие солдаты эвакуируются в тыл после боев под Минском. Июнь 1944 г.

Очередная жертва немецко-фашистских захватчиков

Немецкому рабочему-антифашисту в Польше грозит смерть
за оказание помощи полякам

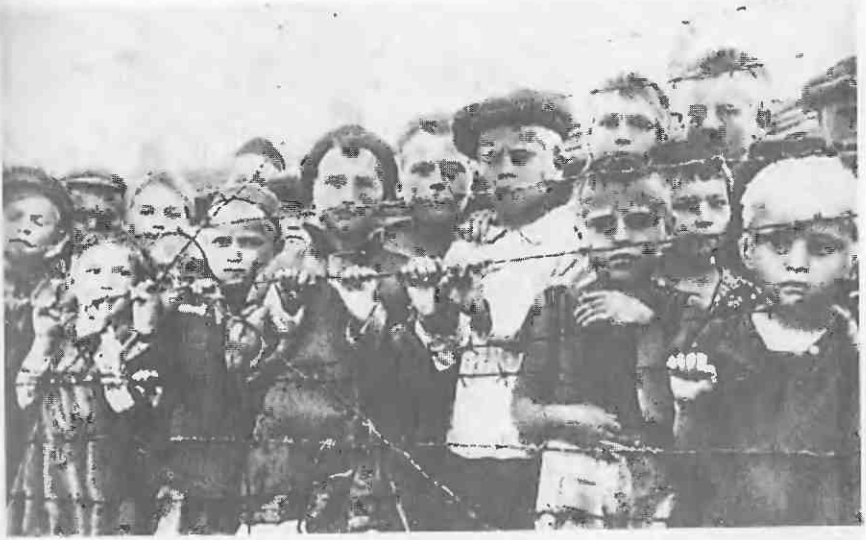
Эсесовцы заставляли узников играть марш
на проводах своего товарища к месту казни

Г.Гиммлер с группой испанских фалангистов
осматривает концлагерь Заксенхаузен. Август 1940 г.

Узники концлагеря
Заксенхаузена
на каторжной работе

Дети в нацистском концлагере

После подавления восстания в Варшавском гетто
евреев отправляли в лагерь смерти. Весна 1943 г.

Депортация евреев из Варшавы в июле-сентябре 1942 г.

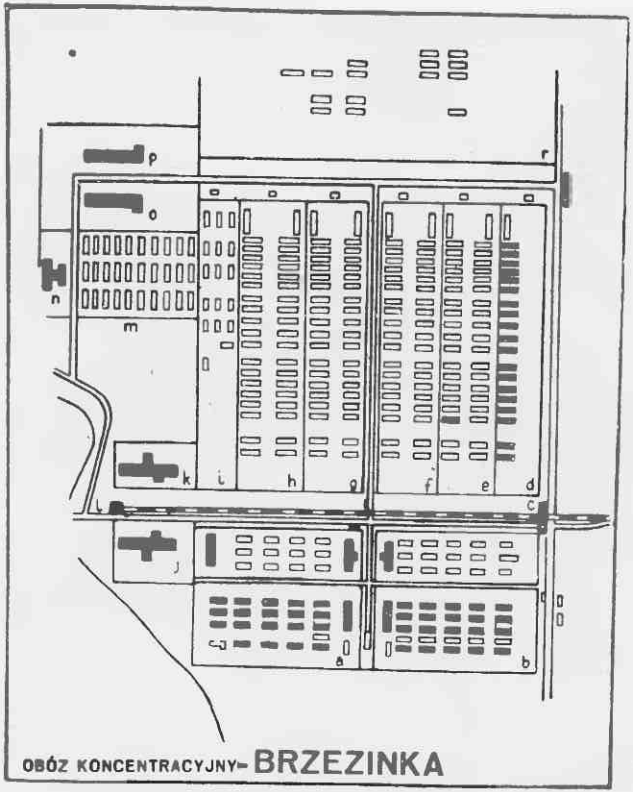
Группа немецко-фашистских оккупантов у транспаранта с надписью «Русский должен погибнуть, чтобы мы жили». 20 ноября 1941 г.

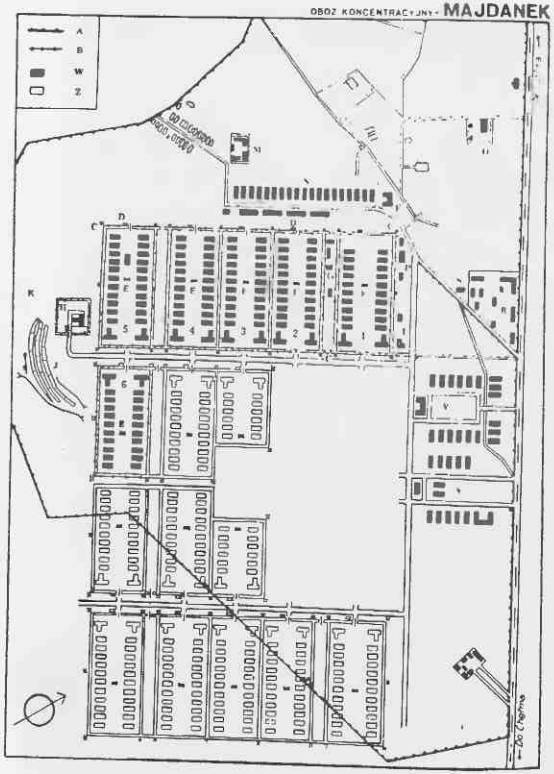

Уже в первый день оккупации Осло у входа в университет был поставлен немецкий часовой. Апрель 1940 г.

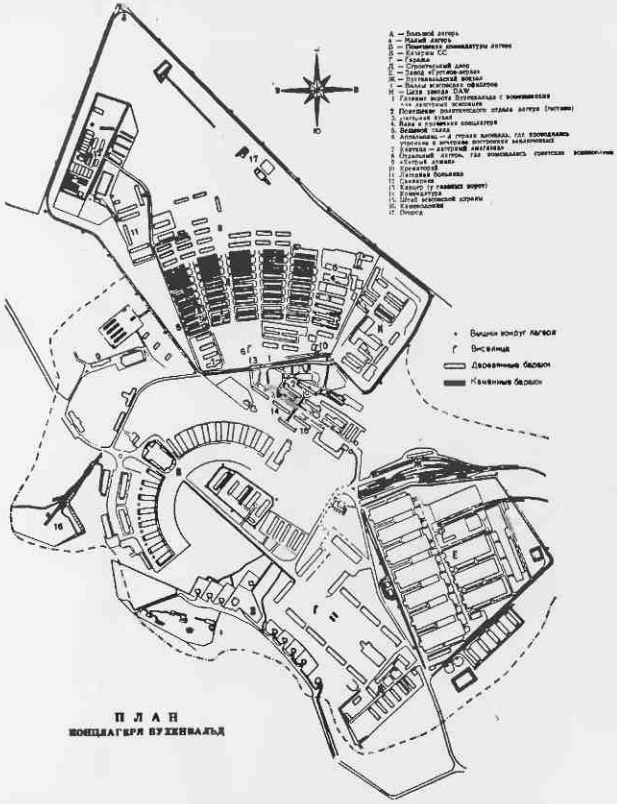

Из-за нехватки горючего распространенным средством транспорта в норвежских городах стала коляска

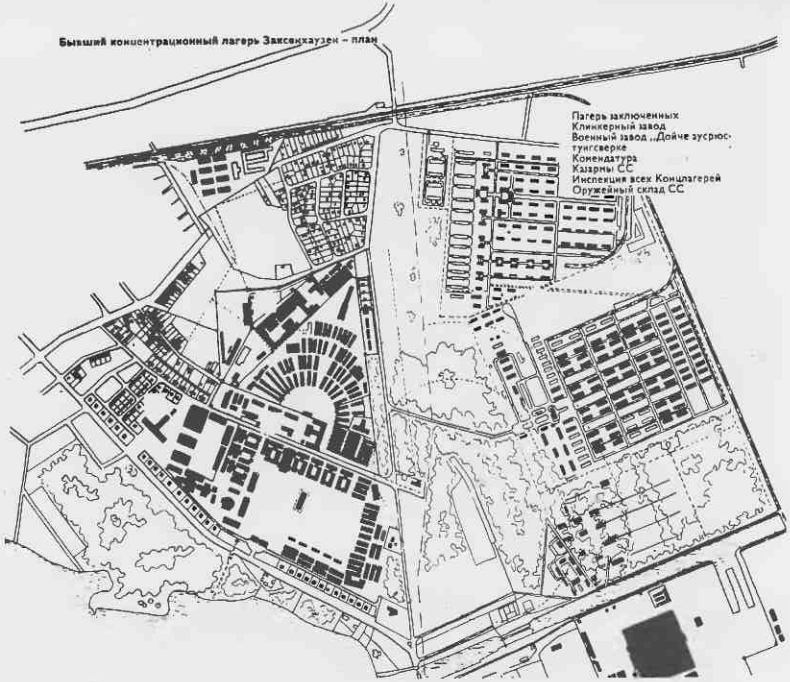

Схемы расположения концлагерей Бжезинка и Майданска

П Л А Н
КОНЦЛАГЕРЯ БУХЕНВАЛЬД

Схемы расположения концлагерей
Бухенвальда и Заксенхаузена

Офицер вермахта, казненный за «пораженческие» высказывания.
Вена. Апрель 1945 г.

Царь Болгарии Борис и германский фальдмаршал Лист

Немецко-фашистские правители генерал-губернаторства
во главе с Г.Франком

Присоединение Болгарии к Тройственному пакту.
Дворец Бельведер в Венс. Март 1941 г.

Германский генерал Каупиш с офицером своего штаба в Копенгагене. 9 апреля 1940 г.

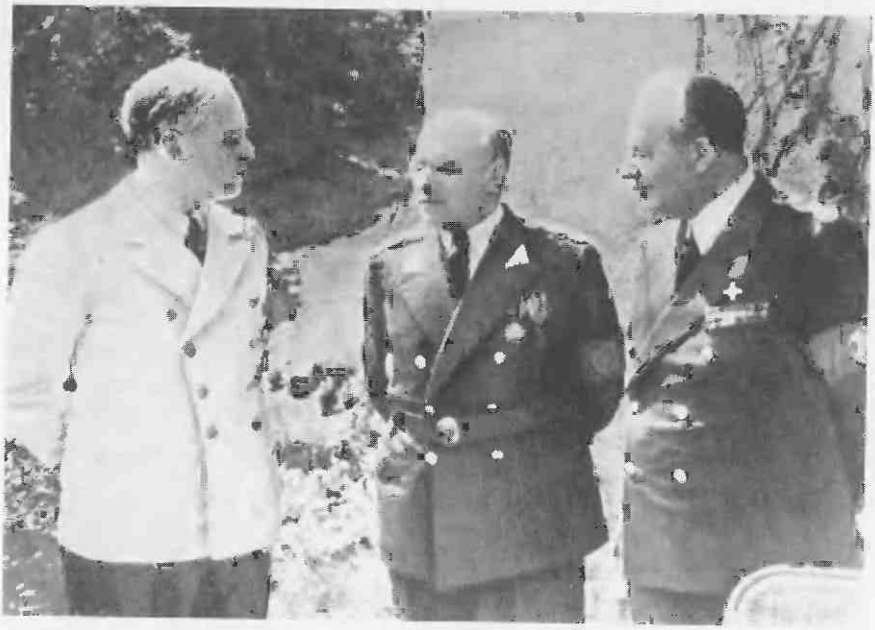
Гитлеровский наместник в Норвегии Тербовен
в присутствии начальника СС полиции генерала Редисса и Квислинга
зачитывает указ о введении чрезвычайного положения в стране.
Сентябрь 1941 г.

Заместитель имперского комиссара в Норвегии Г.Дельбрюгге ведет переговоры с депутатом стортинга Христиансеном о сформировании «национального» правительства. Лето 1940 г.

Гитлер поздравляет с днем рождения маршала Финляндии Г.Маннергейма в его ставке. Июнь 1942 г.

Встреча государственных деятелей Румынии Маноилеску (в центре) и Гафенку с Риббентропом

Встреча Гитлера и Муссолини в апреле 1943 г.
по поводу возникших разногласий

Встреча премьера П.Лаваля с высшим руководителем СС и полиции
во Франции К.Обергом в Париже. 1 мая 1943 г.

Гитлеровский особоуполномоченный в Венгрии Везенмейер спровоцировал государственный переворот, когда к власти пришел Салаши. Октябрь 1944 г.

Офицеры «Валлонского легиона» на параде в Брюсселе перед отправкой на советско-германский фронт. Апрель 1942 г.

Руководитель «Немецкой партии» в Словакии Ф. Кармазин награждает своих штурмовиков

Гауляйтер Форстер проходит перед строем этнических немцев, создавших отряды «самообороны» в г. Средко (Польское Поморье). Сентябрь 1939 г.

Добровольцы датского легиона СС на параде

Офицеры одного из созданных германским командованием антисоветских казачьих легионов

Генерал-лейтенант А.Власов и офицеры его штаба
следуют в Пражский Град на заседание КОНР. 14 ноября 1944

Каратели из созданных
гитлеровцами в Югославии
мусульманских легионов

Ф. де Бринон поздравляет французских легионеров с наградами за участие в боях на советско-германском фронте

Красноармеец! Советский офицер!

«Сотни тысяч советских людей увезены немцами в фашистскую каторгу» — рассказывают тебе твои агитаторы.

«Освобождать братьев и сестер из фашистской неволи» — призывают тебя советские газеты.

Так ли это?

Да, здесь, в Германии, действительно, находится много тысяч русских, украинцев и белоруссов. Они приехали сюда на работу.

Почему они помогают Германии?

Потому что они не хотят возвращения колхозного рабства.

Потому что они не хотят порабощения Родины хищным еврейством.

Потому что они — враги Сталина.

Потому что они знают — цель этой войны — уничтожение большевистского строя.

Поэтому то они и помогают немецкому народу своим трудом.

Совсем не плохо живется твоим братьям и сестрам в «страшной фашистской Германии».

Тысячи заявлений подают они ежедневно на имя Германского Командования, с просьбами о направлении на фронт, чтобы драться с наступающим большевизмом.

«Наш путь — путь борьбы с поработившим нашу Родину жидо-советским строем. Мы помогаем Германскому народу своим трудом, мы готовы, если это будет нужно, взять оружие и встать в строй.

Мы шлем свой горячий привет нашим братьям по крови и по идее — солдатам и офицерам Русской Освободительной Армии, покрывшим себя в боях на Западе, Востоке и Юге, неувядаемой, героической славой. Большевизм погибнет, Россия будет жить. Да здравствует дружба немецкого и русского народов! Да здравствует наша возрожденная, освобожденная от большевизма Родина — Россия!..»

Так говорится в одной из тысяч резолюций, принятых на многолюдных собраниях русских, украинских и белорусских рабочих. Такие собрания за последние недели прошли по всей Германии.

Твои братья и сестры не хотят «освобождения». Они поняли, что советско-сталинский строй враждебен народу и принес только голод и войну. Свободу Родине большевизм не даст.

Защищая режим Сталина, ты защищаешь колхозы.

Не «освобождение», а неволю приносит народу сталинское наступление.

Герм. Раб. Фронт. (Вост.-евр. Отдел.)
Управл. Информации Главн. Шт.
Русских Добровольч. формирований

1043/IX. 44.

Листовка управления информации Главного штаба русских добровольческих формирований. Сентябрь 1944 г.

-625-

Kommando der Ostlegionen
KOMMANDEUR

Radom, den 1. Juli 1943

Merkblatt

für deutsches Rahmenpersonal in ostvölkischen Einheiten über Behandlung der Legionäre

(Sammlung „Behandlung der Legionäre" Nr. 1)

1. Der deutsche Soldat, dem ostvölkische Legionäre unterstellt sind, steht vor der Frage: „Wie ist es möglich, daß diese Männer, die eben noch zum Teil erbittert gegen uns gekämpft haben, heute in so hoher Zahl auf unserer Seite Blut und Leben einzusetzen bereit sind?"

Turkvölkische und kaukasische Soldaten taten es meist nur gezwungen. Die übrigen sind leicht zu gewinnen, denn der ostvölkische Soldat ist leicht zu beeinflussen. Er folgt dem Führer, der ihn richtig zu nehmen, gerecht und fürsorglich zu behandeln und ihm ein kämpferisches oder sonstiges Ziel zu weisen versteht.

2. Wenn es uns gelingt, die unterstellten ostvölkischen Legionäre richtig zu behandeln, zu erziehen und zu führen, dann haben wir in ihnen dankbare und bis zum Tode treu ergebene Mitkämpfer.

Wenn es uns dagegen nicht gelingt, dann besteht die Gefahr, daß sie fremden schädlichen Einflüssen unterliegen und womöglich noch einmal die Seite wechseln.

3. Jeder Führer hat wegen der **leichten Beeinflußbarkeit** seiner Legionäre alles zu tun, um sie fremden Einflüssen zu entziehen, und zwar:

a) durch Absperrung von feindlich gesinnter Bevölkerung,
b) durch schnelles Erkennen und Aussondern hetzerischer Elemente innerhalb der Truppe,
c) durch starke Einflußnahme auf die Legionäre auch außerhalb des Dienstes und durch ihre richtige wehrgeistige Führung,
d) Verhinderung des Abhörens feindlicher Rundfunksendungen.

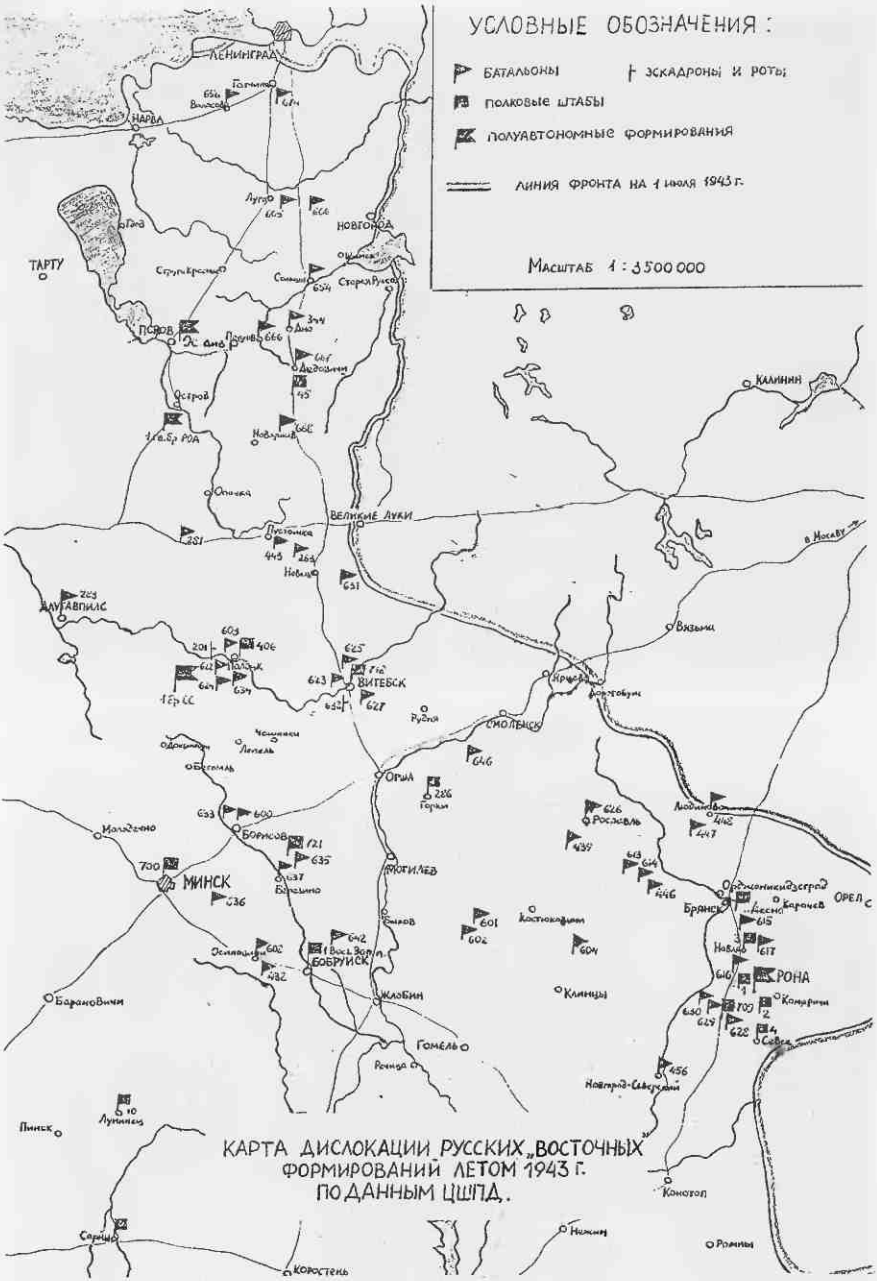
4. Ausschlaggebend für erfolgreichen Einsatz ostvölkischer Soldaten auf deutscher Seite, für ihre willige Gefolgschaft ist mithin ihre **richtige Behandlung.**

Ihr Versagen ist in weitgehendem Maße auf Behandlungsfehler zurückzuführen.

5. Richtige Behandlung setzt zweierlei voraus:

a) **richtige innere Einstellung** des Deutschen gegenüber dem auf unsere Seite getretenen ostvölkischen Soldaten,

Указания командования восточных легионов о методах обучения немецкими офицерами легионеров, 1 июля 1943 г.

Карта дислокации русских «восточных» формирований летом 1943 г.

Французские девушки за интимную связь с немецкими оккупантами предстали перед судом, сформированным участниками движения Сопротивления

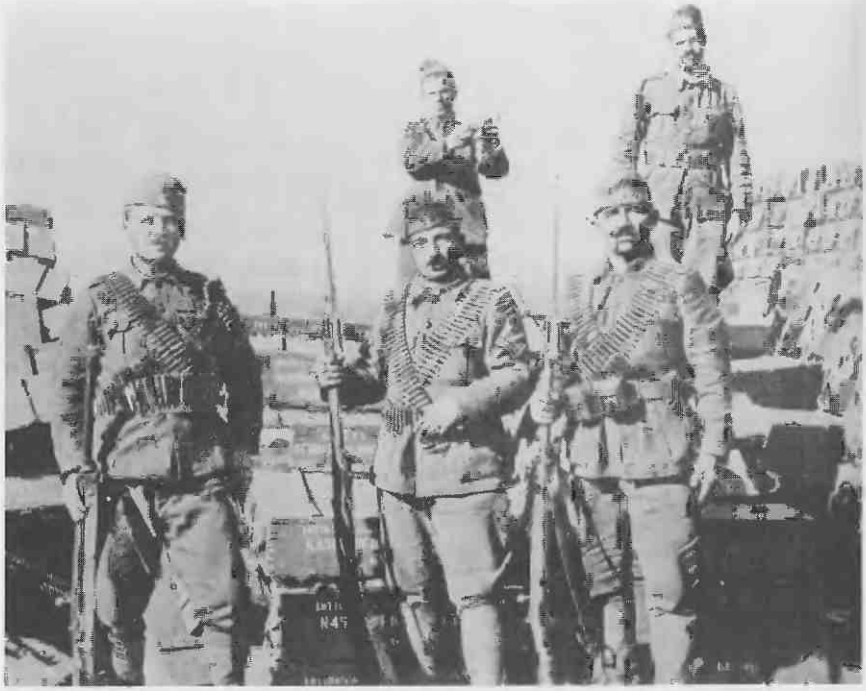
Группа немецких военнопленных в освобожденном повстанцами Бухаресте. Август 1944 г.

Группа словацких солдат во главе с капитаном Я.Налепкой, перешедшая на сторону советских партизан. 1943 г.

Пленные французские солдаты ожидают отправки в лагеря. Июнь 1940 г.

Греческие солдаты были полны решимости защищать родину.
Весна 1941 г.

Итальянские солдаты во главе с маршалом Грациани демонстрируют свою преданность «правительству Сало», сформированному Муссолини.
Осень 1943 г.

кеев такие настроения были чрезвычайно опасными, т.к. они не только препятствовали посылке болгарских войск на восточный фронт, но делали неустойчивым германский тыл. Поэтому в период ожесточенных боев на восточном фронте болгарские коллаборационисты решили усилить клеветническую кампанию против Советского Союза и дискредитировать его в глазах болгарского народа. С этой целью кроме обычных пропагандистских приемов широко использовались методы провокаций в отношении советских дипломатических представителей в Болгарии.

Например, в нарушение элементарных норм международного права, болгарское правительство еще с января 1942 г. усилило полицейский надзор за советской миссией в Софии. Оно подвергало репрессиям всех болгарских граждан, имевших связи с миссией и обращавшимися к ней по самым различным вопросам. Но дело не ограничилось лишь попытками болгарского правительства создать атмосферу изолированности советских людей, ибо это не давало желаемых результатов.

С неудачами германских войск на восточном фронте по требованию немцев было решено совершить более крупные провокации. 5 сентября 1942 г. болгарские власти без всякой обоснованной причины закрыли Советское консульство в Варне. Десять дней спустя, когда консульство было уже закрыто, полиция совершила внезапный налет на здание консульства, учинила в нем обыск и ограбила кассу. Чтобы как-то оправдать свои действия, противоречившие принятым нормам международного права, болгарское правительство опубликовало клеветническое сообщение, будто в Советском консульстве были найдены взрывчатые вещества и другие «компрометирующие материалы».

Во второй половине 1942 г. антисоветская кампания в Болгарии усилилась. Болгарские реакционные круги все чаще стали выступать с требованием посылки войск на восточный фронт, боясь, что после войны им ничего не достанется. «Мы почти единственные в Европе, — говорил председатель правительства Б.Филов царю Борису 10 июля 1942 г., — не принимаем участия в этой борьбе. Это может доставить нам много затруднений на будущей мирной конференции».

Болгарские министры и другие официальные лица публично выступали с антисоветскими речами. Осенью 1942 г. под покровительством и при поддержке болгарских властей в Софии была организована так называемая «выставка» всякого рода подложных материалов, специально посвященных грязной клевете на русский народ и на весь Советский Союз. Выставка была до того грубой и тенденциозной, что даже некоторые политические деятели, далеко не симпатизировавшие Советскому Союзу, вынуждены были осудить ее. Например, бывший премьер-министр Болгарии Н.Мушанов на одном из заседаний парламента говорил: «Я видел выставку против большевиков. Там демонстрировали какие-то плакаты с изображением чего-то несусветного. Я не большевик, я сам когда-то

воевал с коммунистами, но я не понимаю этого безобразия. Почему такая выставка не была организована два года тому назад? Почему тогда так триумфально встречали советских спортсменов, приезжавших в Болгарию? Почему газеты "Правда" и "Известия" буквально расхватывались населением? Почему же теперь разрешено это безобразие? Как можно делать это, когда Болгария поддерживает дипломатические отношения с СССР».

6 октября советским посланником в Софии А.А.Лаврищевым была направлена болгарскому Министерству иностранных дел нота протеста советского правительства. В ноте указывалось, что выставка организована с целью «поколебать искреннее уважение к народам СССР со стороны болгарского народа». Выставка является демонстрацией «гнусной клеветы против государства, с которым Болгария поддерживает дипломатические отношения». Через несколько дней болгарское Министерство иностранных дел, уклоняясь от ответа по существу протеста советского правительства, попыталось оправдать устройство «выставки», но после повторной ноты советского правительства все же вынуждено было ее закрыть.

Чтобы выслужиться перед своими берлинскими хозяевами, болгарские монархо-фашисты пошли еще дальше. Используя свои дипломатические отношения с Советским Союзом, они шпионили в пользу Германии. Уже после Сталинградского сражения премьер-министр Б.Филов рассказывал, что болгарский военный атташе в Куйбышеве сообщил ему сведения о сосредоточении за Волгой 70 советских дивизий. Эти сведения были переданы немцам, но Гитлер не придал им значения. Правители Болгарии с явно провокационной целью якобы от имени Красного Креста в августе 1942 г. послали на восточный фронт лазарет. «На восточный фронт от имени Красного Креста послан лазарет, — предавала 5 сентября 1942 г. радиостанция «Христо Ботев». — Патриоты! Запомните имена поехавших с ним предателей — доктора Гребенарова и Герджикова». Через некоторое время восточный фронт посетила делегация офицеров генерального штаба. По предложению немцев болгарские врачи приняли участие в расследовании катынского дела.

Не имея возможности привлечь болгарский народ на сторону гитлеровской Германии и настроить его против Советского Союза, правительство прибегало к массовым репрессиям и террору по всем линиям, к разжиганию вражды между национальностями, живущими в Болгарии. В частности, со второй половины 1942 г. болгарские фашисты усилили антисемитскую пропаганду. Они провозгласили «еврейский вопрос самой жизненной проблемой» болгарского народа и объявили войну 50 тыс. евреев, жившим в стране. «Евреи, — писал правительственный орган «Нова вечер», — являются заклятыми врагами болгарского народа, и к ним нужно быть безжалостным».

28 августа 1942 г. вступил в силу принятый за два месяца до того самый позорный в истории Болгарии закон против евреев, причем министры Б.Филов, Н.Габровский, Захариев и Д.Божилов требовали поголовного истребления еврейского населения в Болгарии. На основании этого закона правительству были предоставлены неограниченные права в решении еврейского вопроса. Был создан специальный Комиссариат по еврейским вопросам во главе с Ал.Белевым. Для евреев был введен полицейский час: с 21 часа до 6 часов утра они не могли покидать свои дома. Им запрещалось иметь болгарские фамилии. На левой стороне груди евреи обязаны были носить желтую шестилучевую звезду. Продукты выдавались им лишь утром в течение двух часов, и нормы выдачи были на 25% ниже, чем болгарам. На предприятиях, принадлежавших евреям, должна была быть соответствующая надпись. Евреи не имели права пользоваться радиоприемниками и телефонами. По распоряжению властей 25 тыс. евреев из Софии выселили в провинцию. Весной 1943 г. евреи были вообще объявлены вне закона[15].

Болгарское население активно выступало против издевательств властей над евреями. В г. Кюстендиле, например, граждане направили к министру внутренних дел Габровскому специальную делегацию с протестом против выселения евреев из города. То же происходило в Пловдиве и в других городах. Газета «Работническо дело» в апреле 1943 г. сообщала следующий курьезный случай. Представитель властей г. Шумена, которому было поручено вывезти евреев из города, под влиянием народного протеста явился к премьер-министру Филову, положил перед ним на стол свой револьвер и заявил: «Это мой револьвер, господин министр. Вы можете им убить меня, но стрелять в этих невинных людей я не могу».

Болгарское правительство активно содействовало немецким властям в уничтожении евреев, проживавших на оккупированных болгарскими войсками территориях Фракии и Македонии. По секретному правительственному постановлению Комиссариат по еврейским вопросам подписал с немцами договор о высылке с указанных территорий 20 тыс. евреев в гитлеровские лагеря смерти. Немцы успели отправить в концлагеря Польши около 11500 евреев, из которых ни один не вернулся. Правительство обещало немцам выдать еще несколько тысяч евреев, но болгарский народ своим решительным протестом сорвал осуществление этого злодеяния.

Протесты в защиту евреев напугали некоторую часть депутатов парламента, которая выступила против политики Филова в этом вопросе. 17 марта 1943 г. 43 депутата подали премьер-министру требование прекратить преследование евреев и их насильственное выселение из Фракии и Македонии. Они были поддержаны также заместителем председателя парламента Д.Пешевым, вскоре отстраненным за это от должности.

Народное движение, развернувшееся в защиту евреев, и дискуссия по этому вопросу в правительственных кругах по своему значе-

нию выходят далеко за рамки еврейского вопроса. Это свидетельствовало прежде всего о начале внутриполитического кризиса в стране, вызванного поражением немецко-фашистских войск на восточном фронте, особенно под Сталинградом, и означало, что даже некоторые представители правящих кругов перестали верить в возможность победы Германии. Но чем более ширилось движение Сопротивления, тем ожесточеннее проводило свою политику фашистское правительство Филова. 15 сентября 1942 г. в выступлении перед высшими чиновниками страны Филов заявил, что правительство намерено «политизировать» государственный аппарат и, чтобы изгнать из государственных учреждений «коммунистические настроения», оно уже уволило 400 служащих. Несколько позднее Филов сообщил, что он намерен установить в стране «авторитарный режим».

На основании этих установок премьер-министра руководители правительственных учреждений усилили полицейский контроль за своими служащими. Министр просвещения Б.Йоцов в своем усердии предложил даже привлекать к ответственности тех учителей, чьи ученики ушли к партизанам. Он требовал, далее, чтобы все работники просвещения и учащиеся приняли активное участие в кампании по «поднятию духа народа». Кроме того, министр в марте 1943 г. предложил, чтобы все студенты представили от соответствующих полицейских органов справки о «политической благонадежности». Не представившие таких справок студенты из вузов исключались. По стране прокатилась волна арестов. Заключению подвергались представители различных социальных слоев и по самым разным поводам. Например, учитель Ж.Абдалов из района Бургаса был арестован даже за то, что «сшил гимнастерку, как у большевиков».

Трагедия военного плена

Трудно представить себе более трагическую ситуацию, чем та, в которой оказалось в годы войны огромное число пленных советских солдат и офицеров. По данным, опубликованным в 1992 г. специальной комиссией во главе с генералом М.Гареевым, в общей сложности в немецком плену было примерно 4 млн советских военнослужащих[16]. По немецким сведениям, общая численность советских военнопленных составляла 5,7 млн человек[17].

Исключая смерть, побеги и освобождение многих военнопленных, все же к 1 января 1945 г. в плену, по немецким данным, продолжало находиться 930287 человек; 500 тыс. пленных бежало из лагерей или было освобождено советскими войсками к февралю 1945 г.; 3,3 млн человек погибло в результате фашистского террора. Особенно много их, около 2 млн, погибло к весне 1942 г.[18]

Причин, приведших к пленению воинов, прежде всего в самый трудный для нас — начальный период войны, было более чем достаточно. Сюда можно отнести нехватку оружия, с помощью которого можно было бы защищаться от врага, неясность с обстановкой и растерянность в сложных условиях боя, боязнь ответственности перед вышестоящими начальниками, страх смерти в случае продолжения сопротивления наступающему противнику. Наконец последним по счету, но далеко не последним по значимости, было неприятие в той или иной мере советского строя, оправданные или неоправданные обиды, нанесенные этим строем и теми, кто непосредственно воплощал его в лице отдельных представителей местной власти.

Для предотвращения сдачи в плен противнику Сталин, сам будучи политическим деятелем, меньше всего прибегал к политическим средствам. Как и во многих других случаях, он предпочитал грубое насилие, возлагая на него все надежды. Материальным воплощением такого насилия стали созданные еще во время советско-финляндской войны 1939—1940 гг. так называемые заградительные отряды (заградотряды). Они были воссозданы в 1941 г. и особенно активно применялись во время оборонительных боев на юге летом 1942 г., просуществовав практически до последних дней войны.

Ставка Верховного главного командования Красной Армии во главе со И.Сталиным 16 августа 1941 г. приняла приказ № 270. В документе приводились примеры того, как многие генералы и офицеры, оказавшись в окружении, сохраняли стойкость и дух мужества. Но вместе с тем имели место случаи, когда отдельные генералы и офицеры проявляли трусость и предпочитали дезертировать к врагу.

В приказной части Ставка обязывала «всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава», а их семьи подлежали «аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров». В приказе отмечалось, что «если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи».

Нетрудно представить себе, какая ситуация могла бы возникнуть в ходе выполнения этого бесчеловечного приказа: во-первых, во время боя в окружении, к тому же еще и при отсутствии боеприпасов, трудно определить, кто сдавался добровольно врагу, а кто был схвачен противником; во-вторых, в случае применения авиации с целью наказания отдельных дезертиров в условиях окружения могли быть погублены целые полки или даже дивизии совершенно ни в чем неповинных солдат и офицеров; и в-третьих, наказание членов семей дезертиров или подозреваемых в дезертирстве есть одно из проявлений заложничества, которое уже давно было осуждено международным правом.

В первые дни и недели войны в связи с угрозой оккупации тех регионов, где находились лагеря и тюрьмы, было принято решение об эвакуации на восток 750 тыс. заключенных. Они шли пешком многие сотни километров, чтобы добраться до ближайших железнодорожных станций.

Одновременно было принято решение об амнистии заключенных неопасных категорий (указ от 12 июля и дополнительный указ от 24 ноября 1941 г.), 420 тыс. амнистированных узников были направлены на фронт. В последующие 1942 и 1943 гг. в Действующую армию было направлено еще около 160 тыс. узников. Всего же за годы войны было освобождено и направлено на фронт около 1 млн бывших узников. Но советские концлагеря от этих акций не пустовали. На место убывших за годы войны прибыло около 2 млн человек новых. Нетрудно представить себе, как на фронте они относились к своему долгу «защищать родину», если считали, что родина отнеслась к ним несправедливо, исковеркала им жизнь, разбила семьи.

Какой же могла быть реакция других сотен тысяч фронтовиков, если бы они сами оказались в подобной ситуации, — догадаться несложно.

Данные о числе советских солдат, добровольно сдавшихся немцам во второй половине 1941 г., отсутствуют. Но в последующие годы они (по немецким данным) были таковы: во второй половине 1942 г. к противнику перебежала 61 тыс. человек, в 1943 г. — 24 тыс. и за первые три месяца 1944 г. – всего 2,2 тыс. человек. За три месяца 1945 г. обобщенных данных нет, но известно, что в марте 1945 г. на Одере к противнику перебежало 18 человек.

Устав внутренней службы РККА 1937 г. вообще не содержал статьи о военном плене. На этом основании юридически не было основания подвергать репрессиям советских военнопленных в годы Второй мировой войны, т.к. это было нарушением принципа презумпции невиновности. Видимо, Черчилль ошибался, когда призывал: «Если настоящее будет судить прошлое, то оно лишится будущего». Какое же моральное право имел любой офицер требовать от солдата стоять до конца, если в 1941 г. на тысячу человек личного состава Действующей армии приходилось винтовок — всего 463, орудий и минометов — 7,8, танков — 0,4 и самолетов — 0,7.

То, что во вражеский плен попали миллионы советских солдат и офицеров, стало прежде всего фактором военным. Ведь в 1941 г. в плену оказались (по немецким данным, к декабрю этого года) 3350 тыс. человек[19], в основном молодые и обученные кадровые военнослужащие, которые, останься они на фронте, вполне могли бы переломить ход военных действий. Но плен оказался также серьезным нравственным и политическим фактором, который давил на наше общество. Его отголоски слышатся и поныне. Ведь к началу 90-х годов оставалось в живых еще около 800 тыс. бывших военнопленных[20].

Политико-воспитательную работу в войсках Действующей армии вела огромная армия политработников разных рангов. Так, в Сухопутных войсках один политработник приходился на 213 человек, а в танковых — даже на 74 человека. Казалось бы, такая масса политических воспитателей должна была превратить в сознательных, патриотически настроенных и убежденных в правоте своего дела всех воинов. Но на деле не всегда и не везде был именно такой результат. Когда в том или ином сражении в плену оказывались, особенно в 1941 г., сотни тысяч советских воинов, эти факты должны были заставить советское руководство подумать об эффективности политической работы в войсках.

В нашей стране военнопленные в свое время относились к категории «безвозвратных потерь». Такое отнесение представляется методологически не обоснованным, причем не только применительно к вооруженным силам. Дело в том, что часть солдат и офицеров бежали из плена и продолжали борьбу с противником в составе своих либо союзных войск или движения Сопротивления. Такое утверждение является неточным и в демографическом отношении, т.е. прежде всего применительно к государству в целом. Ведь известно, что около 2 млн военнопленных были освобождены и возвращены на родину. Кроме того, до мая 1944 г. само германское командование, исходя из пропагандистско-политических соображений, освободило более 800 тыс. советских солдат и офицеров, преимущественно с Украины, из Белоруссии и республик Прибалтики[21].

Включение военнопленных в категорию безвозвратных потерь затрудняет проведение их сравнительного анализа с армиями других стран, в том числе и с германским вермахтом, где безвозвратные потери было принято считать в буквальном смысле таковыми не для какого-либо конкретного сражения, а для страны в целом. Другими словами, ими признавались убитые и умершие от ран и болезней, а также пропавшие без вести.

Еще со времен Великой французской революции в международном праве утвердился принцип, что «военнопленный должен быть неприкосновенным, как суверенитет народа, и священным, как несчастье». Известно, что в 1929 г. в Женеве была принята специальная Конвенция о режиме военнопленных, которую, кстати, 21 февраля 1934 г. подписала и гитлеровская Германия.

В приговоре Международного военного трибунала отмечается, что находившиеся в руках немцев «военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам, убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности». Нюрнбергский процесс четко определил, что убийства советских военнопленных имели организованный, систематический и планомерный характер, и, как подчеркивалось в ноте НКИД СССР от 25 ноября 1941 г., германское командование при этом не считалось «ни с какими нормами международного права, ни с какими законами человеческой морали»[22].

10 октября 1941 г. руководитель Главного управления государственной безопасности Германии Р.Гейдрих подписал директиву, регламентирующую обращение с советскими военнопленными. Она содержала следующие требования.

1. Обращать внимание на национальную принадлежность военнопленных. С украинцами, белорусами, азербайджанцами, армянами, выходцами из республик Северного Кавказа, грузинами, представителями тюркских народов обращаться строго только в случае, если среди них будут обнаружены фанатики-большевики и опасные фунционеры большевистской партии. Обращать внимание на внешнюю схожесть тюркских народов и евреев и быть с ними осторожным.

2. При употреблении понятия «интеллигент» следует иметь в виду, что оно неодинаково в Европе и в Советском Союзе. Но примитивный и неграмотный советский русский может быть в своем политическом фанатизме более опасным, чем образованный советский инженер. Поэтому «интеллигентами» называть только профессиональных революционеров, писателей, редакторов, служащих Коминтерна и др.[23]

Масштабы уничтожения советских военнопленных в гитлеровских лагерях огромны. Об этом свидетельствуют следующие сравнительные статистические данные: если в Первую мировую войну смертность среди русских военнопленных в Германии составляла 5,4%, то смертность среди советских военнопленных в гитлеровских лагерях, по немецким данным, составляла уже 57,8%.

Как образно выразился на Нюрнбергском процессе обвинитель от США Р.Джексон, «в отношении советского народа и советских военнопленных тевтонская ярость не знала границ»[24]. В приговоре Международного военного трибунала отмечается, что в директиве ОКВ от 8 сентября 1941 г. об обращении с советскими военнопленными прямо указывалось, что советские воины, мол, потеряли право на то, чтобы с ними обращались в соответствии с правилами Женевской конвенции. Заместитель начальника разведотдела ОКВ генерал Лахузен на Нюрнбергском процессе показал, что начальник отдела по делам военнопленных генерал Рейнеке говорил: «Красноармеец должен рассматриваться как идеологический враг, то есть как смертельный враг национал-социализма, и поэтому должен подвергаться соответствующему обращению». О том, что это было за «обращение», говорят многочисленные факты, оглашенные на процессах, состоявшихся в Нюрнберге.

Планируя агрессию против СССР с учетом ее внезапности, фашистское верховное командование исходило из предположения, что уже в первые шесть недель войны будет взято в плен 2—3 млн советских солдат и офицеров, и уже тогда расчет строился на их массовую гибель от голода, ибо не гарантировалось выполнение требований Гаагской конвенции об обращении с военнопленными[25].

В первый период войны, рассчитывая на скорую победу над Советским Союзом, Гитлер из принципиальных соображений не прибегал к использованию в массовом порядке труда военнопленных в сельском хозяйстве и промышленности, особенно военной. Положение в корне изменилось с весны 1942 г., когда из-за потерь на фронте потребность в рабочей силе в Германии резко возросла. Труд пленных стал широко применяться на самых тяжелых работах, особенно в металлургической, химической и горной промышленности, а с июня 1943 г. все военнопленные непосредственно передавались в распоряжение имперского уполномоченного по использованию рабочей силы Ф.Заукеля. По требованию Геринга отдельные промышленные предприятия комплектовались целиком из числа советских пленных, дабы избежать их «солидарности с немецкими рабочими».

Находясь в экстремальных условиях, немало советских военнопленных остались патриотами, не прекратили борьбу против врага. Прежде всего следует сказать о тех, кто сумел вырваться из вражеского плена, чтобы добраться до своих войск или участвовать в борьбе партизан. Многие из них стали инициаторами образования партизанских отрядов или командирами подразделений в уже действовавших отрядах в СССР и других оккупированных странах. Практически во всех партизанских отрядах именно бежавшие военнопленные составляли наиболее подготовленную и стойкую часть партизан.

Бежавшие из плена советские офицеры и солдаты, а их было не менее 50 тыс. человек, стали активными участниками партизанской борьбы. Местные руководители высоко ценили участие советских военнопленных в совместной борьбе против общего врага.

Множество советских военнопленных оставалось непокоренными в гитлеровских лагерях. Для более эффективной борьбы против фашизма в тех лагерях, где это было возможно, они создавали боевые группы, устанавливали контакты с местными антифашистами. Наиболее крупной в Германии организацией советских военнопленных было созданное осенью 1942 г. в Баварии Братское сотрудничество военнопленных (БСВ).

Ни царская Россия, ни Советский Союз не присоединились к Гаагским конвенциям 1899 и 1907 гг., регулировавшим правовой режим военнопленных в годы войны. Но 1 июля 1941 г. советское правительство утвердило специальное Положение о военнопленных, которое гарантировало гуманное обращение с ними. К сожалению, в заявлениях советского правительства имелись такие оговорки, которые сводили эти заявления, по существу, на нет. Так, например, 17 июля 1941 г. в ноте шведскому правительству и 8 августа 1941 г. в ноте всем аккредитованным в СССР иностранным посольствам советское правительство выразило свою готовность на началах взаимности выполнять все положения Гаагской конвенции 1907 г. А в ответной ноте НКИД американскому посольству от 25 ноября 1941 г. подчеркивалось, что советское правительство также солидарно со всеми принципами и положениями Женевской конвенции 1929 г. Но далее было отмечено, что оно «не может, од-

нако, принять положение статьи 9-й Конвенции, где устанавливается размещение в лагерях военнопленных по расовой принадлежности, что находится в прямом противоречии со статьей 123-й Конституции (Основного Закона) СССР. Именно на этом основании Советское правительство не может дать свое согласие на присоединение Советского Союза к Женевской конвенции 1929 года». В 1942 г. тем не менее оно официально заявило, что будет руководствоваться Гаагской конвенцией 1907 г.[26]

Между тем к тому времени в немецких лагерях уже погибло около 3 млн советских военнопленных. Советское правительство не поддержало инициативу Международного Красного Креста об оказании гуманитарной помощи своим военнопленным и о содействии в организации через нейтральные страны почтовой связи с ними. Это стало весьма подходящим поводом для ужесточения немцами обращения с советскими военнопленными и активизации антисоветской пропаганды среди них и населения оккупированных территорий Советского Союза.

Таким образом, ответственность за гибель миллионов наших соотечественников в лагерях Германии несет не только фашистский режим с его расистской теорией о «неполноценности» славянских народов. В немалой степени повинен в этой трагедии миллионов несчастных солдат и офицеров и сталинский режим, изначально считавший всех советских пленных изменниками, не заслуживавшими защиты и спасения их жизней. Известны указания Сталина на сей счет.

После окончания боевых действий отношение советского руководства к освобожденным и вернувшимся на родину соотечественниками еще более ужесточилось. Уж если говорить о парадоксе в позиции Сталина и его окружения по отношению к военнопленным, то он состоял в том, что советское руководство относилось более гуманно к военнопленным противника, нежели к собственным гражданам, вернувшимся из вражеского плена. Эти воины, на себе испытавшие ужасы первых вражеских ударов, как могли сдерживавшие рвавшегося вперед врага и вынужденные, оказавшись в безвыходном положении, сдаваться в плен, рассматривались как предатели Родины. Советское правительство в отношении своих же граждан грубо нарушало один из древнейших международных принципов — принцип возвращения на родину и восстановления в правах после плена.

Плен рассматривался как уголовное преступление. Так, еще в декабре 1941 г. приказом наркома обороны было установлено, что все освобожденные военнопленные проходят через армейские пересыльные пункты и направляются в специальные лагеря НКВД, а раненые размещаются в специальных госпиталях. К ним широко применялись провокационные методы следствия. Их семьи были лишены пособий и льгот. В нарушение норм международного права по указанию Сталина с середины 1943 г. значительная часть освобожденных военнопленных офицеров в порядке наказания направлялась в отдельные штрафные стрелковые батальоны в качестве рядовых и лишь затем восстанавливалась в званиях и на штатных должностях.

Военнопленные сводились в особые батальоны и в принудительном порядке направлялись в отдаленные районы страны на постоянную работу на предприятиях лесной и угольной промышленности.

В одном из своих стихотворений, опубликованном в «Новом мире» (1987, № 3), Александр Твардовский писал:

И до конца в живых изведав
Тот крестный путь, полуживым —
Из плена в плен — под гром победы
С клеймом проследовать двойным.

И далее:

Нет, ты вовеки не гадала
В своей судьбе, Отчизна-мать,
Собрать под небом Магадана
Своих сынов такую рать.

Лишь после смерти Сталина эти грубейшие нарушения международного права были осуждены. 17 сентября 1955 г. была объявлена амнистия советским гражданам, которые сотрудничали с оккупантами в период войны.

29 июня 1956 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». В документе осуждались проявления огульного политического недоверия к бывшим военнопленным, применение к ним необоснованных репрессий и ограничение прав, провокационные методы следствия. Объявлялись незаконными репрессии в отношении семей военнопленных, практика незаконного разжалования без суда офицеров, побывавших в плену и окружении. В постановлении было предложено распространить Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 17 сентября 1955 г. и на бывших военнопленных, осужденных за сдачу в плен. С 1956 г. все дела бывших военнопленных были пересмотрены. Подавляющее большинство из них — реабилитировано. Им восстановлены воинские звания и пенсии. Тем, кто в плену вел себя достойно, пребывание там засчитывалось в срок службы в армии. Бывшие военнопленные, получившие ранения или совершившие побег из плена, награждались орденами и медалями. С 1956 по 1959 гг. было награждено 70 тыс. бывших военнопленных, из них 11500 — офицеры.

Изменники Родины, или Жертвы войны?

Как становится, однако, все более очевидным сейчас, по прошествии более полувека после окончания войны, не менее трагичной

была и судьба тех сотен тысяч советских граждан, которые по тем или иным причинам согласились перейти на сторону противника, а некоторые даже и вместе с ним сражались против Красной Армии. Причем, как казалось по крайней мере некоторым из этих людей, они делали это в интересах собственного народа.

Именно в такой ситуации в годы минувшей войны оказались советские военнопленные и мирные граждане, находившиеся в рядах «национальных легионов» (батальонов), вспомогательных частей вермахта, во власовской армии, казачьих войсках, полиции, служившие старостами, бургомистрами, журналистами, хозяйственниками, коммерсантами и т.д. Всех их наши официальная историография и пропаганда относили к числу изменников Родины, сообщников врага, коллаборационистов. Причем их численность никогда не называлась, в результате чего создавалось впечатление, что речь идет о незначительной группе предателей.

Лишь в последние годы наши соотечественники узнали, что таких «изменников Родины», служивших под вражескими знаменами, насчитывалось не намного меньше, чем советских партизан, действовавших в тылу вермахта. У автора, однако, есть основания полагать, что их численность не достигала более 2 млн, как утверждает в своих работах немецкий исследователь О.Мюллер. В Справке о численности советских военнопленных, служивших в вермахте, которая была передана генералом Иодлем во Фленсбурге советским представителям, приводилась цифра 700 тыс. человек. Если добавить к ним власовскую армию и казачьи соединения, организационно не входившие в состав вермахта, то в целом речь может идти об 1 млн человек.

По данным немецких источников, всего в рейхскомиссариатах на Востоке в отрядах вспомогательной полиции находился 60421 советский гражданин, тогда как немецкая полиция порядка на этой же территории насчитывала 29230 человек.

Благодаря исследованиям В.Брокдорфа, Й.Хоффманна, Е.Андреевой, А.Некрича, М.Геллера, К.Штрайта, некоторых участников описываемых событий и других авторов, весь мир узнал, что ситуация в многонациональном Советском Союзе в годы войны была далеко не такой безоблачной, как рисовала ее официальная пропаганда. Кстати, сам Сталин признавал этот факт — хотя бы тем, что на протяжении войны и после ее окончания в качестве наказания за сотрудничество с врагом провел мероприятия по ликвидации государственных образований ряда народов и депортировал миллионы людей.

Специальным приказом ОКХ от августа 1942 г. в войска было разослано Положение о местных вспомогательных силах на Востоке. В приказе предлагалось подбирать добровольцев из местного населения и формировать батальоны. Их задача состояла в строительстве военных объектов и в борьбе с партизанами. Использовать их в качестве деньщиков запрещалось. Легионеры должны

были принимать присягу на верность фюреру, заполнять анкету и учетную карточку.

Приказ требовал, чтобы для легионеров создавались лучшие условия, чем в лагерях для военнопленных; их должно было воспитывать в духе ненависти к большевизму и готовности бороться против него. Обязанность немецкого солдата — быть образцом для легионеров, но не допускать панибратства с ними. Немецкий солдат должен не только чувствовать свое превосходство над легионерами, но и заботиться о них. Дисциплинарные взыскания предполагались быть одинаковыми как для немецких солдат, так и для легионеров.

Самым большим наказанием в легионе считался возврат в лагерь для военнопленных, а для гражданских лиц — в особые лагеря.

Денежное содержание для легионеров делилось на три разряда: по первому разряду получали 30 немецких марок (375 рублей), по второму — 36 марок (450 рублей) и по третьему — 42 марки (525 рублей). Питание, квартиры и медицинское обслуживание, как и для немецких военнослужащих, были бесплатные, причем легионеры должны были проживать отдельно от немецких солдат и офицеров.

Оружие выдавалось легионерам только для участия в операции. Их было запрещено ставить на охрану складов оружия и боеприпасов. Чтобы затруднить побеги, утром и вечером устраивались перекличи. Перебежчики из Красной Армии должны были подвергаться проверке на протяжении двух месяцев. Широко практиковалась засылка в подразделения легиона тайных агентов, чтобы препятствовать связям с местным населением[27].

Важным источником пополнения легионов было казачество.

В 30-е годы, как и в последующий период войны, Сталин продолжал политику расказачивания, что вызывало их сопротивление. Но бороться с оружием в руках оказалось невозможным до начала войны.

По политическому и экономическому состоянию и по географическому положению казаки делились на две группы: одну из них составляли солдаты и офицеры Белой армии и эмигранты 20-х годов, проживавшие в разных странах Европы, но преимущественно на Балканах; другую — казаки — солдаты и офицеры Красной Армии, сдавшиеся добровольно в плен немцам на фронте, а также те, кто проживал на родине в период оккупации и предложил свои услуги противнику, став коллаборационистом. Они приветствовали немецкие войска как своих освободителей и первыми стали создавать вооруженные легионы в рамках вермахта, сотрудничая с оккупационными властями.

К сентябрю 1942 г. практически вся территория проживания казаков на Северном Кавказе была захвачена противником, и командование группы армий «Юг» стало формировать казачьи воинские части. На протяжении сентября этой акцией занимался полковник Г. фон Панвиц — сотрудник генерального штаба ОКХ. Через месяц он был назначен командующим всеми казачьими частями.

Атаманами казачьих войск были избраны: полковник Духопельников — донских, полковник Белый — кубанских и есаул Кулаков — терских.

К сентябрю 1942 г. в Краснодаре началось формирование 7-й добровольческой казачьей дивизии, которая вскоре в районе Майкопа приняла участие в боях против Красной Армии. Ее название «добровольческая» весьма условно, ибо часть казаков вступила в нее, польстившись на различные льготы. Их семьям выдавалось вознаграждение в 500 рублей, некоторым из них предоставлялись дополнительные земельные наделы в 1 га на человека и по две лошади на хозяйство. Наполовину им снимались налоги.

На помощь немецким властям в формировании коллаборационистских казачьих войск на Северный Кавказ прибыли атаманы времен Гражданской войны П.Краснов и А.Шкуро, представитель «Казачьего национального движения» Р.Алидзаев.

Генерал Краснов обратился к «родным казакам и братьям иногородним и пришлым из советчины русским, с кем довелось прожить казакам вместе и перестрадать 23 года тяжелой неволи под жидовской советской пятой на кровью залитом Тихом Дону, на волелюбивой Кубани и бурном Тереке» с призывом вступать в германскую армию.

На Кубани формированием воинской казачьей части «Свободная Кубань» занимался бывший полковник Красной Армии М.М.Шаповалов. В Адыгею прибыл бывший командир «дикой дивизии» генерал Султан-Гирей Клыч.

Розенберг, как было разоблачено на Нюрнбергском процессе, предлагал энергичнее использовать «исторически закоренелую ненависть между кавказскими народностями, развивая ее, идя навстречу гордости и тщеславию тех или других», обострять национальные противоречия с целью господства в районе.

Именно такой характер имела политическая линия немецких оккупационных властей на Кавказе. Уже во второй половине 1942 г. в составе немецкой группировки, наступавшей на Кавказ, насчитывалось 25 батальонов легионеров-добровольцев. К 5 мая 1943 г. было сформировано уже 90 таких батальонов, в том числе 9 северокавказских. Как считает историк Р.Г.Трахо, на стороне вермахта воевало 28 тыс. представителей народов Северного Кавказа.

«"Русским коллаборационизмом" часто называют сотрудничество между Германией и Советским Союзом», — писал немецкий исследователь В.Брокдорф в своем капитальном труде «Коллаборационизм или Сопротивление», имея при этом ввиду заключение договора о ненападении от 23 августа 1939 г. Это понятие лишь условно справедливо. Носителями чисто русского коллаборационизма в первые военные годы были признаны генерал Власов и солдаты его армии, которые перешли к врагу. Позднее стало употребляться понятие «политический коллаборационизм», которое имело весьма сложный характер.

Далее автор утверждал, что коллаборационизм народов оккупированных областей СССР был выражением их антибольшевистских настроений, особенно среди украинцев, казаков и тюркских народов, но он не играл тогда решающей роли. Эти народы рассчитывали на поддержку Германии, но они не осознавали, что над ними повисла новая опасность потерять свою независимость. Национал-социалистическая идея, продолжал автор, или определенные формы фашизма никогда в Советском Союзе не имели особого значения.

Советских людей больше беспокоила национальная проблема, и поэтому национализм — как ее следствие — не играл особой роли в политической жизни страны. Но тем не менее советский режим жестоко расправлялся с проявлениями национализма.

В отличие от Советской России, где не было социальной базы для роста фашизма, среди русских эмигрантов фашистские организации существовали в ряде стран. Например, в Маньчжурии К.Родзевский создал «Русскую фашистскую партию». После войны он был схвачен советскими органами и в 1946 г. казнен в Москве. Подобная партия по инициативе А.Вонсяцкого возникла и в США. Обе они не имели какого-либо значения. Не помогло и их объединение в 1934 г.

Сотрудничество с оккупантами на советской территории поддерживала часть служителей православной церкви. В благодарность за эти услуги оккупанты открыли многие церкви, содействовали изданию религиозной литературы, проведению религиозных праздников и т.д.

Многие миллионы советских граждан сотрудничали в разных формах с оккупантами, в частности на бытовом уровне, не имея никакого понятия о планах Гитлера в отношении русских и других славянских народов и о том, что же ожидает их в будущем.

Первый вопрос, который возникает даже при поверхностном ознакомлении с обстановкой на оккупированной территории СССР, касается истоков коллаборационизма. Если сопоставить число советских граждан, сотрудничавших с противником (в том числе с оружием в руках), с аналогичным положением в других оккупированных нацистами странах, то пропорционально их населению эта численность окажется довольно высокой. Чем же это можно объяснить? Создается впечатление, что более чем двадцатилетнее массированное «воспитание» советских людей в духе революционных идей, социалистического патриотизма и морально-политического единства народа хотя, несомненно, и имело определенные успехи, но все же содержало и серьезные изъяны. Да иначе и быть не могло, поскольку реальная напряженность социально-политической ситуации и ненормальность межнациональных отношений в стране оказывались сильнее пропагандистской трескотни и насаждавшихся в сознании людей мифов.

К началу войны в СССР в живых еще оставалось немало современников и участников Гражданской войны, помнивших не только

белый, но и красный террор в отношении «недобитых эксплуататорских классов», царских офицеров, старых чиновников, казаков, участников национально-освободительных движений на окраинах Советской России, помнили голод 1921—1922 гг., бесчеловечную коллективизацию, выселение и истребление сотен тысяч крестьян. Еще больше граждан пережили в 1932—1933 г. настоящий геноцид посредством голода, порожденного насильственной коллективизацией. Затем наступили волна политических репрессий, чистки в армии, в государственном аппарате, в народном хозяйстве, депортации в отдаленные районы страны немцев, поляков, корейцев и других национальностей, ежедневный и еженощный страх десятков миллионов людей за свою жизнь и жизнь своих близких. «Трупным воздухом тянет сейчас из России», — писал в те годы в эмиграции видный русский философ Г.Федотов. А знаменитый ученый академик В.Вернадский в своей дневниковой записи от 14 февраля 1938 г. отмечал: «Аресты продолжаются — не стихают. В военных кругах сплошь идут аресты. Академия военная Генерального штаба одно время осталась без слушателей и профессоров».

Через 15 дней после начала Отечественной войны в Москве было принято решение о ликвидации Автономной республики немцев Поволжья и депортации всех немцев — жителей этой республики в Сибирь, Казахстан и на Алтай. Транспортировка депортированных продолжалась почти полгода. За это время в пути погибло почти 100 тыс. человек. Депортации подверглись и немцы, проживавшие на Волыни, на юге Украины, в других западных областях Советского Союза. Однако значительную часть советских немцев, проживавших в этих районах, советские власти не успели депортировать, и эти советские граждане, зная немецкий язык, политическую и экономическую ситуацию и обычаи в Советском Союзе, оказывали оккупантам весьма ценную помощь, став предателями родины. Однако в конечном счете их судьба была схожа с судьбой тех немцев, которые были депортированы в 1941 г. в Сибирь. Во время успешного наступления советских войск в этих районах их немецкое население было депортировано оккупантами в Польшу, Чехословакию и Германию.

Сложный и крайне противоречивый характер имели депортации народов Северного Кавказа, особенно ингушей и частично чеченцев, проходившие уже после изгнания оккупантов в начале 1943 г.

Причинами этой жестокой акции советских властей стали как события, имевшие место в 30-х годах, так и коллаборационизм части населения с врагом в период кратковременной оккупации. При научном исследовании этой многогранной проблемы необходимо учитывать степень значимости отмеченных причин, односторонне не преувеличивая и не преуменьшая каждую из них.

Факты свидетельствуют, что в начале 30-х годов в Чечено-Ингушетии в связи с проводившейся порочной национальной политикой советских властей и насильственной коллективизацией возникало всеобщее недовольство населения, которое в 1932 г. переросло

в открытое восстание в Ингушетии с участием свыше 3 тыс. человек. Его причины имели не только политический характер, но были вызваны и активизацией уголовных элементов. В последующие годы бандитизм получил широкое распространение, а сотрудничество местных партийных и советских органов с мафиозными структурами и вооруженными бандами стало обычным явлением.

С началом Великой Отечественной войны в конце 1941 г. в Ингушской автономной области произошло массовое выступление против советской власти, а при приближении фронта часть колхозов области самораспустилась, был создан подпольный Комитет чеченогорской национал-социалистической парти (ЧГНСП), начавший подготовку к вооруженному выступлению, в горах действовало более 230 бандитов-одиночек. Непосредственно после изгнания оккупантов в начале 1943 г. за связь с бандитами был осужден ряд руководящих партийных и советских деятелей Чечено-Ингушетии и среди них — нарком внутренних дел и его заместитель[28].

В августе 1942 г. немцы установили контакты с бандитскими формированиями, действовавшими в горах в тылу советских войск. В их рядах состояли и нередко командовали ими 80 местных руководящих работников республики. Некоторые из них действовали совместно с немецкими десантно-диверсионными группами (например Ланге), совершали рейды в тылу Красной Армии и боролись с партизанами.

Все эти действия предателей наносили серьезный ущерб Красной Армии, дискредитировали чеченцев и ингушей перед другими народами Советского Союза. Но необходимо особо отметить, что они не имели массового характера и не давали повода к тому, чтобы наказывать поголовно весь народ. Поэтому решение Сталина, принятое в конце 1943 г., о депортации некоторых народов Советского Кавказа, включая чеченцев и ингушей, представляло собой противозаконную акцию, противоречившую принципам международного права и Конституции СССР.

«Бандитизм, репрессии и обусловленные этими репрессиями измены, — отмечает российский исследователь А.Б.Кузнецова, — все сплелось в такой узел, что уже нельзя было разобраться, что явилось первопричиной конфликта: политика советской власти, национальные особенности горцев, вековой конфликт горцев и русских, политика гитлеровских оккупантов или многое, многое другое»[29].

Немалый резерв для коллаборационизма в военной области составляли народы Балтии и Северного Кавказа, которые частично или полностью были депортированы из их постоянных мест жительства не только в довоенное время, но и в годы войны.

После депортаций, осуществленных органами НКВД в Прибалтике, в западных районах Украины и Белоруссии, а также в Молдавии накануне Великой Отечественной войны, наиболее массовые переселения производились на Северном Кавказе и в Крыму после их освобождения.

Так, 2 января 1944 г. Берия докладывал Сталину о завершении операции в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета и постановлением СНК от 28 октября 1943 г. о депортации в восточные районы страны лиц калмыцкой национальности. В документе отмечалось, что в начале операции было арестовано 750 калмыков, которые, по данным Берии, состояли в бандах, в рядах бандпособников, активных пособников немецких оккупантов и другого активного элемента.

К началу 1944 г. в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области в 46 эшелонах было направлено 26359 калмыцких семей, или 93139 переселенцев. Берия докладывал, что во время проведения операции никаких происшествий и эксцессов не было. Переселенцев в пути сопровождали работники НКВД.

После завершения депортации калмыков органы НКВД сразу же приступили к подготовке переселения 459485 чеченцев и ингушей, проживавших не только в Чечено-Ингушетии, но и в Дагестане и в г. Владикавказе. Предполагалось, что в течение 8 дней операция будет завершена: в первые 3 дня должна была быть завершена операция по выселению 300 тыс. человек, проживавших на равнине и в предгорных районах; в последующие 4 дня предполагалось выселить 150 тыс. человек, проживавших в горных районах. При этом горные районы были заблокированы заблаговременно. Учитывая масштабы и сложность операции, НКВД использовал в ней 6–7 тыс. дагестанцев, 3 тыс. осетин, сельских активистов из числа русских. Операцию, которая проводилась с 23 по 27 февраля 1944 г., возглавил лично Берия.

Готовившаяся по всем правилам военного искусства с привлечением войск НКВД и Красной Армии операция с использованием в ущерб интересам фронта (именно тогда продолжалось грандиозное сражение по освобождению Украины) более 15 тыс. железнодорожных вагонов и платформ, потребовавшая крупных денежных затрат, началась 23 февраля 1944 г. Еще в январе ГКО принял постановление о ликвидации Чечено-Ингушской АССР и о депортации в течение 8 дней чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР.

К началу операции в г. Грозный 20 февраля 1944 г. прибыли Берия, Кобулов, Серов и Мамулов, руководившие депортацией до ее завершения. Первыми были направлены эшелоны с бывшими партийными и советскими работниками и религиозными деятелями. Всего к лету 1944 г. было переселено 602193 жителя Северного Кавказа, в том числе 496460 чеченцев и ингушей. Среди них были разысканы и направлены на восток все ингуши, до того находившиеся на фронте и награжденные орденами и медалями, сидевшие в лагерях НКВД и проживавшие в других районах страны.

Долгая дорога на восток стала для них дорогой печали и мужества. Ссылаясь на воспоминания переживших эту трагедию очевидцев, А.Б.Кузнецова описала ее следующим образом: «Путь переселенцев продолжался примерно месяц. Вагоны были набиты людьми

до отказа и санитарным нормам не отвечали. Отсутствовала вода. При скученности и невозможности отделить больных от здоровых началась эпидемия сыпного тифа. Умерших хоронили только в снегу в двух шагах от вагона, чтобы предупредить побеги, или вообще не хоронили, а просто выбрасывали из вагонов на снег. То же самое продолжалось и на поселении. Власти Казахстана и Киргизии к прибытию переселенцев были совершенно не готовы, и зачастую спецпереселенцев выгружали прямо в поле. Они страдали от голода и болезней. Только в 1945 г. умерло 13883 чеченца и ингуша.

24 февраля 1944 г. Берия докладывал Сталину, что уже к утру 23 февраля было вывезено из населенных пунктов 333739 чеченцев и ингушей. К 29 февраля было выселено и погружено в железнодорожные эшелоны 478479 чеченцев и ингушей. Через день были отправлены эшелоны с бывшими руководящими работниками и религиозными авторитетами Чечено-Ингушетии, которые использовались при проведении операции»[30].

За время проведения операции было арестовано 2016 человек антисоветского элемента, изъято 20072 единицы огнестрельного оружия, в том числе 4868 пулеметов. В своем очередном донесении Сталину Берия счел важным отметить, что руководители партийных и советских органов Северной Осетии, Дагестана и Грузии уже приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам новых районов. Всего в карательных операциях против народов Северного Кавказа, как докладывал Берия, приняли участие 19 тыс. оперативных работников НКВД–НКГБ и «Смерш» и до 100 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых из различных областей и имевших опыт проведения подобных операций[31].

Наступила очередь депортации балкарцев, которых в начале 1944 г. насчитывалось 40900 человек. В подавляющем большинстве они проживали в четырех административных районах, расположенных в ущельях Главного Кавказского Хребта. Берия лично ознакомился с поведением балкарцев как в ходе наступления вермахта на Северном Кавказе, так и во время его отступления, и пришел к выводу, что в тылу Красной Армии балкарцы создавали банды; одну из них возглавил бывший председатель исполкома Черекского районного совета. В течение 1942–1943 гг. за антисоветскую деятельность было арестовано 1227 человек, из них коммунистов и комсомольцев — 186 человек, с немцами бежали из Балкарии 362 человека.

В ходе оборонительных боев банды из балкарцев нападали на отступавшие части 37-й армии. Им удалось разоружить наше воинское подразделение и убить его офицеров. По указке немцев и привезенных ими эмигрантов Шокманова и Кемметова балкарцы договорились с карачаевцами об объединении Балкарии с Карачаем.

Берия внес предложение Сталину, чтобы срочно предпринять депортацию балкарцев. «Если будет Ваше согласие, я сумел бы до возвращения в Москву организовать на месте необходимые мero-

приятия, связанные с выселением балкарцев. Прошу Ваших указаний», - писал Берия 24 февраля 1944 г.[32]

Разумеется, согласие было получено, и десятки тысяч оперативных работников НКВД – НКГБ и «Смерш» с 8 марта 1944 г. начали выселение балкарцев из Кабардино-Балкарской АССР. Было отправлено в Казахскую и Киргизскую ССР 37103 балкарца, за антисоветскую деятельность было арестовано 478 человек и изъято 288 единиц огнестрельного оружия.

Как далее докладывал Берия, после выселения балкарцев в Кабардинской АССР остались 700 семей с общим количеством 2467 человек тех активных немецких ставленников, которые добровольно ушли с оккупантами. Группа Берии тщательно проверила имевшийся на каждую семью компрометирующий материал и сочла целесообразным также выселить эти семьи в Казахстан.

Завершающим этапом депортации населения национальных республик на Северном Кавказе, продолжавшейся практически весь 1944 г., было выселение в начале 1945 г. в Таджикистан 735 семей общей численностью 2238 человек, проживавших в Ставрополе, Кисловодске, Пятигорске, Минводах, Ессентуках и Черкессии лиц, родственники которых были активными немецкими пособниками.

Органы НКВД не оставили в покое депортированных и на новых местах их жительства. В колхозах и совхозах Казахской ССР было занято около 0,5 млн переселенцев и на промышленных предприятиях – 908 тыс. человек[33]. Для наблюдения за режимом их проживания в этой республике были созданы 429 спецкомендатур НКВД, которые только в июле 1944 г. арестовали 2196 спецпоселенцев. Все они рассматривались Особым совещанием. Каковы обычно бывали решения этого органа, теперь хорошо известно.

С освобождением в начале мая 1944 г. Крыма органы НКВД – НКГБ начали кампанию по выявлению и изъятию пособников оккупантов. Население Крыма до войны составляло 1126 тыс. человек, в том числе татар насчитывалось 218 тыс. Оккупантами было расстреляно 67 тыс. евреев, караимов, крымчаков, вывезено в Германию 50 тыс. и эвакуировано 5 тыс. человек.

Через несколько дней после освобождения Крыма, как доносил Берия, органы НКВД арестовали 6452 человека, в том числе 657 шпионов. У населения было изъято 39 минометов, 449 пулеметов, 532 автомата, 7238 винтовок и другое вооружение и боеприпасы.

На 21 апреля 1944 г. с освобожденных территорий Крыма было призвано в Красную Армию 40 тыс. человек, однако в этом же году из армии дезертировало свыше 20 тыс. татар, которые затем служили в войсках вермахта и с оружием в руках боролись против Красной Армии и советских партизан.

Учитывая предательские действия крымских татар, руководство НКВД внесло предложение о выселении с территории Крыма всех татар в Узбекскую ССР. К тому времени, по предварительным данным, их насчитывалось 140 – 160 тыс. человек. Кроме того, часть выселяемых направлялась в города Гурьев, Рыбинск и Куйбышев, а также 5 тыс. татар выделялись в распоряжение треста «Москвауголь». Всего из Крыма к 20 мая 1944 г. было вывезено 191044 человека из числа татар.

Однако депортация в Крыму коснулась не только татарского населения, но и других национальностей. К концу мая 1944 г. в Крыму было учтено 12075 болгар, 14300 греков и 9919 армян. По данным НКВД, в период немецкой оккупации значительная часть болгар активно участвовала в заготовках хлеба для германских войск, содействовала выявлению, задержанию и передаче немцам советских военнослужащих, за что германское командование выдавало болгарам так называемые «охранные свидетельства». Часть болгар служила в карательных полицейских частях.

Греки в период оккупации занимались преимущественно торговлей и мелкой промышленностью при поддержке местных властей. В населенных пунктах, где проживало армянское население, немцы создали Армянский комитет, сотрудничавший с оккупационными властями. В г. Симферополе действовала немецкая разведывательная организация «Дромедар» во главе с бывшим дашнакским генералом Дро. Армянские национальные комитеты совместно с прибывшими из Берлина и Стамбула армянскими эмигрантами создавали «религиозные общины», пропагандировали идею о «независимой Армении», сформировали армянский легион, который содержался на средства армянских общин.

На основании этих данных, компрометировавших поведение крымских болгар, армян и греков в период оккупации, Сталин решил их также подвергнуть депортации с апреля по июль 1944 г. Всего было выселено 225009 татар, 12422 болгарина, 15040 греков, 9621 армянин, 1119 немцев, а также 3652 иностранных подданных. Большинство из них было расселено в Узбекистане, а также в Башкирии, Республике Мари, Кемеровской, Молотовской, Свердловской и Кировской областях[34].

Итак, в результате очередной операции в Крыму было изъято антисоветских элементов – 7883 человека, шпионов – 998 и выселен спецконтингент численностью в 226009 человек. Также изъято у населения 15 990 единиц оружия, в том числе 716 пулеметов и 5 млн штук боеприпасов. В операциях по Крыму участвовали 23 тыс. военнослужащих войск НКВД и до 9 тыс. человек оперативного состава органов НКВД – НКГБ.

Одновременно с операциями на Северном Кавказе и в Крыму или несколько позднее была проведена операция по депортации из пограничных районов Грузии проживавших там турок, курдов и хемшилов. В специальном донесении Сталину 28 ноября 1944 г. Берия утверждал, что эти народности служили источником шпионажа и насаждения бандитских групп. В итоге в ноябре 1944 г. в Среднюю Азию было переселено 91095 человек.

29 сентября 1945 г. Л.Берия и В.Меркулов обратили внимание Сталина на то, что на территории Литвы проживает до 300 семей главарей банд, участников подпольных антисоветских организаций, имущество которых в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и

VII пленума ЦК КП(б) Литвы конфисковано. В письме была выражена просьба выселить эти семьи (всего 900 человек) в лесозаготовительные районы Молотовской и Свердловской областей. С предложением Берии и Меркулова согласились председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литве Суслов и секретарь ЦК КП(б) Литвы А.Снечкус[35].

В коллекции документов в Государственном архиве Российской Федерации хранится следующая сводная справка, составленная начальником отдела спецпоселений МВД СССР полковником Шиянном, о количестве выселенцев и спецпоселенцев, первоначально переселенных на спецпоселение, и о количестве выселенных и спецпереселенцев, прошедших переучет в 1948–1949 гг.[36]

Наименование спецконтингента	Было переселено на спецпоселение, чел.	Численность прошедших переучет, чел.	Примечание
Немцы	1024722	1063041	В числе переселенных 210600 чел., репатриированных к январю 1945 г.
Чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы	608749	450034	До 1 июля 1948 г. умерло 144704 чел.
Крымские татары, болгары, армяне, греки	228392	185707	Умерло 44125 чел.
Турки, курды, хемшилы	94955	80346	Умерло 14895 чел.
Калмыки	91919	73727	Умерло 16017 чел.
«Оуновцы»	100310	85391	Умерло 10384 чел.
«Власовцы»	148079	112882	
Литовцы	49331	44814	
«Указники»*	16465	20852	
«ИПХ»**	1502	841	
«Фольксдейче» и немецкие пособники	5914	6705	
Бывшие кулаки	962251	119122	
Поляки (Казахстан)	41722	32438	
Итого:	3332589	2275900	

* Выселенные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. о выселении колхозников, не выработавших обязательного минимума трудодней.

** «Организация истинно-православных христиан».

После жестоких депортаций сотен тысяч советских граждан, развернувшихся в середине 1944 г., война продолжалась. До победы оставался еще год. Наши войска, освободив родную землю, сражались за ее рубежами. Участвовавшие в этих боях чеченцы, ингуши и другие «наказанные» народы по различным каналам, несмотря на строгую секретность условий депортации, имели все же более или менее полное представление о трагедии их родных и близких. Нетрудно представить себе настроение фронтовиков и вытекавшие из этого их действия, которые в ряде случаев приводили к измене своей жестокой родине и переходу к врагу.

Возникает на первый взгляд кажущийся простым вопрос: могли ли эти миллионы физически и морально пострадавших людей, получив на фронте в руки оружие, считать свою находившуюся под сталинской диктатурой родину настоящей матерью, а ее защиту — своим почетным долгом? Вопрос этот, однако, далеко не прост. Факты убедительно свидетельствуют, что почти 30 млн солдат, в разное время сражавшихся на фронтах Великой Отечественной, именно так и считали, потому что сознательно или несознанно отделяли сталинизм от чужеземных захватчиков. И лишь несравнимо меньшее (хотя в абсолютных цифрах и значительное) число людей — причем отнюдь не обязательно в жесткой зависимости от своего социального положения или от выпавших на их долю при сталинском режиме страданий — придерживалось мнения, что эти понятия разделить невозможно, и потому, защищая родину, они неизбежно должны были защищать и ненавистный им сталинский режим. А это для них оказалось неприемлемым.

Таким образом, коллаборационизм советских граждан был порожден не столько симпатиями к фашистской идеологии и гитлеровской Германии, сколько теми социально-политическими и национальными условиями в СССР, которые были созданы сталинским режимом. Определенная (в разных регионах различная по численности) часть населения, несомненно, встала на путь коллаборационизма, побуждаемая стремлением покончить с наследием ненавистного сталинского режима и не допустить восстановления советской власти. При этом в поведении части коллаборационистов не исключались, разумеется, честолюбивые и карьеристские мотивы, а также чисто психологические причины: страх перед лютой жестокостью фашистов, стремление защитить и спасти свои семьи, просто выжить в немыслимо тяжелых условиях оккупации. Именно в этом состоит специфика истоков коллаборационизма в Советском Союзе в отличие от других европейских стран, где часть населения поддерживала нацистские лозунги об их «расовой близости» (Дания, Норвегия), о «новой Европе» и некоторые другие.

Причины, породившие коллаборационизм в Советском Союзе, в известной мере предопределили формы и методы его функционирования. Здесь, в отличие от Франции, Бельгии, Нидерландов, Чехословакии и некоторых других стран, почти полностью отсутствовал, например, производственный коллаборационизм: поскольку в

СССР не существовало класса частных предпринимателей, то практически всеми крупными фабриками и заводами управляли непосредственно оккупационные власти. В целом в этом отношении ситуация была близка к той, которая существовала в Польше.

Оккупанты не скрывали своих планов в отношении судьбы местного населения. Некоторые из этих планов стимулировали коллаборационизм, другие — наоборот, сдерживали его. К первой категории относились такие меры оккупантов, как допущение частной собственности в сельском хозяйстве, в коммерции и вытекавшие отсюда предпринимательские свободы, свобода вероисповедания. Ко второй — явно расистские концепции, в которых для славян предназначалось место «низшей расы», отсутствие гарантий относительно сохранения национальной государственности и культуры, террор, экономическое ограбление и др.

Как видно, негативные стороны в этом перечне превалируют, и они, казалось, должны были вообще исключить возможность коллаборационизма. Однако на деле определенная часть населения все же, очевидно, считала, что хуже, чем при советской власти, чем в условиях сталинских принуждений и репрессий, жизнь уже быть не может.

Не следует забывать, что оккупационный режим вовсе не был одинаковым во всех регионах, захваченных вермахтом в ходе войны. Условия оккупации на Западной Украине, в Западной Белоруссии, Прибалтике значительно отличались от тех, что поддерживались немецко-фашистскими властями в центральных областях России. Соответственно различной была и реакция местного населения на порядки, установленные захватчиками.

Важно обратить внимание и на динамику коллаборационизма на оккупированных территориях СССР. Здесь проявлялись две особенности: во-первых, социальная база коллаборационизма оказалась наиболее широкой в первые месяцы оккупации, когда среди некоторой части населения еще существовала надежда на «освободительную» и «культурную» роль Германии в борьбе против сталинизма. Отсюда — не столь уж редкие случаи приветствия солдат вермахта «хлебом-солью» и формирование воинских частей. Однако позднее, в связи с ожесточением оккупационного режима, подобные надежды быстро улетучивались. Но тем сотням тысяч советских граждан, которые поторопились одеть униформу вермахта, пойти на службу немцам, возврата назад уже не было. Во-вторых, в регионах Советского Союза, где социально-политические условия переплетались с острыми национальными проблемами, база коллаборационализма была, естественно, шире, и сам коллаборационизм нередко проявлялся в более экстремистских формах. Речь идет прежде всего о Прибалтике, Западной Украине, республиках Кавказа и Крыма. В мононациональных странах Западной и Северной Европы в подобном виде коллаборационизм вообще не мог проявляться.

Уникальной особенностью коллаборационизма в условиях Советского Союза было и то, что СССР на протяжении всей войны оставался единственной страной в Европе, в которой оккупированной противником оказалась только часть ее территории. Конечно, это сдерживало намерение граждан сотрудничать с оккупантами: очень многие из них не были уверены в своем будущем, а значительная часть сохраняла надежду на изгнание немцев. Эти надежды особенно окрепли, когда в начале 1943 г. в войне произошел явный перелом в пользу Красной Армии и ее союзников.

Острота социально-политических и национальных факторов, вызвавших к жизни коллаборационизм в СССР, неизбежно должна была определить и определила формы его проявления. Если в странах Западной Европы доминирующей формой был экономический и политический коллаборационизм, то в Советском Союзе он носил преимущественно военный характер. Если в других европейских странах, по данным германского верховного командования, в рядах национальных легионов насчитывалось 176 тыс. человек, то в Советском Союзе в 180 легионах служило 196 тыс. человек. Кроме них существовало еще несколько дивизий (1 — на Западной Украине, 3 — в Прибалтике, 1 — в Белоруссии, 2 — во власовской армии и 2 казачьи дивизии) и множество других воинских частей.

Специфика коллаборационизма в СССР находила также проявление во взаимоотношениях воинских формирований с политическими органами, сотрудничавшими с противником. В странах Западной Европы добровольческие легионы формировались, как правило, не из военнопленных, а из гражданского населения и под покровительством коллаборационистских правительств. Так, в частности, обстояло дело во Франции, Бельгии, Нидерландах, Дании и Норвегии. На занятых же территориях Советского Союза оккупанты марионеточных правительств не создавали. Они ограничивались лишь отдельными национальными комитетами. Поэтому воинские части формировались непосредственно германскими властями, как правило, из военнопленных и за пределами территории СССР (исключение составляли казачьи части на Дону, Кубани и Тереке). Состоявшая из двух дивизий власовская армия представляла собой вооруженную силу политического органа — Комитета освобождения народов России. Но фактически (а иначе и быть не могло) она действовала в соответствии с директивами германского верховного командования. В таком случае отдельные элементы в униформе этой армии, формально отличавшие ее от вермахта, не имели, конечно, никакого принципиального значения.

Как трофейные немецкие, так и советские документы свидетельствуют, что первые группы советских военнопленных служили в вермахте в качестве «добровольных помощников» уже в самом начале войны. Они обслуживали тыловые подразделения и санитарные учреждения действующих частей, но оружия на первых порах нацисты им не доверяли. Одновременно во многих дивизиях вер-

махта из числа русских стали формироваться так называемые «восточные войска», но не более батальона на дивизию. Позже их стали именовать «добровольческими соединениями».

Для привлечения к борьбе против Красной Армии военнопленных нерусских национальностей СССР стали создаваться «восточные легионы» численностью до 2 тыс. каждый. Существовали армянские, грузинские, азербайджанские, туркменские, волжско-татарские и крымско-татарские легионы. Некоторые из них именовались «легионами СС». Свои самостоятельные формирования имели казачьи войска, созданные из молодого поколения эмигрантов, проживавших в Югославии, а в 1942 г. — из местного населения Кубани, Дона и Терека.

Первыми частями, являвшимися прообразом будущей «Русской освободительной армии» (РОА), стали бригада под командованием Ст.Каминского (район Брянска — Локотя) и бригада полковника Гиль-Родионова (Белоруссия). Вместе с немецкими карателями они воевали против советских партизан. Но в 1943 г. бригада Гиль-Родионова в полном составе перешла к партизанам, а ее командир погиб в бою с карателями.

В 1942 году командование Действующей армии вермахта стало формировать соединение, получившее наименование Русской народно-освободительной армии (РНОА) во главе с полковником-эмигрантом К.Кромиади (Саниным). Затем командование принял бывший советский генерал Г.Жиленков. Однако из-за возникших разногласий между русскими и немецкими офицерами это соединение в 1943 г. было распущено.

Последовавший перелом в ходе войны в 1943 г. заставил германские политические и военные власти всерьез обсуждать вопрос об использовании советских военнопленных не только как военной силы, но и в политических целях. Для этого надо было найти такого находившегося в плену советского военного деятеля, вокруг которого можно было бы сплотить все антисоветские силы и выработать для них определенные политические цели борьбы.

В некоторых опубликованных на Западе работах утверждается, что соответствующие предложения делались сыну Сталина Я.Джугашвили и бывшему командующему 19-й армией генералу М.Ф.Лукину. Оба они ответили отказом, и только после этого предложение было сделано генералу А.Власову.

«Третья сила», или Детище вермахта

Длительное время после начала агрессии против СССР Гитлер принципиально отвергал предложения сформировать воинские части из советских военнопленных. Еще в сентябре 1941 г. офицер штаба группы армий «Центр» полковник фон Тресков разработал план создания 200-тысячной русской антисоветской армии. Но это

предложение в Берлине даже не сочли нужным обсуждать. Лишь в середине 1942 г. Гитлер дал на это соответствующее согласие.

Таким образом, нацистский фюрер отказался от выдвинутого им самим в начале войны тезиса о том, что «только немцы имеют право носить оружие». Он пошел на нарушение элементарных норм международного права не только потому, что к этому его вынудили огромные потери на восточном фронте, но и из политических соображений. В легионах и других антисоветских формированиях гитлеровские власти рассчитывали воспитать послушных их воле администраторов для оккупированных областей, людей, порвавших со своим народом и поэтому имеющих опору только в лице оккупантов. Делая в первую очередь ставку на военнопленных нерусских национальностей, они стремились также разжечь национальную рознь между народами Советского Союза. Кроме того, используя легионеров для борьбы против движения Сопротивления в странах Европы, они рассчитывали посеять среди народов Польши, Франции, Югославии, Италии и других стран недоверие к советским людям вообще.

Со второй половины 1942 г. по инициативе сдавшегося в плен в июне того же года бывшего командующего 2-й ударной армией генерала А.Власова в Берлине стал обсуждаться вопрос о создании «русской армии» под его командованием. Гитлер тогда еще не одобрял этих планов, ссылаясь на случай перехода «русских добровольцев» на сторону Красной Армии. Более того, он приказал изолировать Власова в лагерь для военнопленных, что и было сделано в апреле 1943 г. Однако позднее, особенно с начала 1944 г., Гитлер вернулся к этой идее, и в лагерях для военнопленных началась активная вербовка во «власовскую армию». В конце октября 1944 г. был подписан приказ о формировании двух «русских» дивизий, вошедших в Русскую освободительную армию Власова.

Анализ служебной карьеры Власова не дает оснований утверждать, что его сотрудничество с противником было продуманным и заранее подготовленным актом. Бывшие прямые начальники Власова — М.П.Кирпонос, И.Н.Музыченко, Ф.И.Голиков и другие — давали ему весьма лестные характеристики, в том числе между прочим и за то, что он «много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства в части». Видимо, решение Власова перейти на сторону немцев было вызвано страхом перед трагической для себя судьбой, которая ровно за год до того постигла командующего войсками Западного фронта генерала Д.Г.Павлова. Власов, по всей видимости, не сомневался, что Сталин не простит ему загубленную в Волховских болотах армию, хотя в этой трагедии был виноват не только он один. Оказавшись в плену, Власов решил разыграть антибольшевистскую и антисталинскую карту, с тем чтобы привлечь на свою сторону тех советских солдат и офицеров, у которых имелись со сталинским режимом свои счеты, и тем обеспечить себе теплое место в иерархии германского вермахта. Таков оказался тра-

гический финал значительного числа советских военнопленных, брошенных в водоворот событий Второй мировой войны.

Существуют разные версии относительно обстоятельств пленения генерала Власова. Видимо, наиболее убедительной можно считать версию о том, что командующий армией после нескольких недель неудачных поисков возможности вернуться к своим войскам 11 июля 1942 г. был взят в плен немецким патрулем.

Какие же цели преследовали коллаборационистские силы в Советском Союзе, в том числе генерал Власов? Если исключить из рассмотрения рассчитанные на невзыскательного читателя его пропагандистские листовки, то формулировка этих идей содержится в нескольких программных документах. Первым из них было «Обращение Русского комитета», написанное якобы в Смоленске 27 декабря 1942 г. В этом документе довольно убедительно разоблачался сталинский режим, по вине которого советские войска несли большие потери и оставляли родную землю. В нем отмечалось также, что уничтожение кровавой власти Сталина в первую очередь должно быть делом самого русского народа. Были сформулированы и основные принципы, которыми следует руководствоваться при строительстве новой России.

Вместе с тем Власов в этом Обращении шел на явный обман, утверждая, будто Германия ведет войну не против русского народа, а только против большевизма. Реальные факты ни в коей мере этого не подтверждали. Отнюдь не отвечал интересам русского народа и его ожесточенный, требовавший единства и сплоченности борьбы против гитлеровской агрессии и призыв уничтожать «врагов народа Сталина и его клику». Своим призывом к русским людям вступать в «русскую освободительную армию» Власов также вводил их в заблуждение, поскольку никакой армии в то время еще не существовало. В Обращении неоднократно говорилось о «почетном мире» с Германией и о том, будто «Германия не посягает на жизненное пространство русского народа и его национально-политическую свободу», что также дезориентировало людей и ослабляло их усилия в борьбе против гитлеризма. Почерк германских пропагандистов чувствовался и в обвинении Власовым «английских и американских капиталистов» в предательстве русского народа и в том, что они будто бы пытаются овладеть природными богатствами России и с этой целью заключили кабальные для нее договоры со Сталиным.

В марте 1943 г. Власов опубликовал открытое письмо ко всем русским людям «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». В нем говорилось: «Призывая всех русских людей подняться на борьбу против Сталина и его клики, за построение новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия». Далее Власов разоблачал террористический режим Сталина, его массовые репрессии, рассказывал о судьбе 2-й ударной армии, находившейся под его командованием, и утверждал: «За что воюет русский народ? Я ясно сознавал, что русский народ

втянут большевизмом в войну за чуждые ему интересы англо-американских капиталистов».

Если первая часть письма содержала сильные аргументы, близкие и понятные многим русским людям, то его концовка вообще не выдерживала никакой критики. Большевики действительно несли долю ответственности за неподготовленность страны к войне, но все-таки — и это было очевидно практически для каждого — не они, а нацисты развязали ее. Интересы советского народа и народов США и Англии совпадали в борьбе против общего врага — и это тоже было ясно для многих.

В своей статье «Представляет ли национальная Россия опасность для Европы?», опубликованной 13 мая 1943 г., Власов повторил то, о чем он писал в газете «Заря» от 28 марта того же года, а именно: нужно иметь мужество признать, что Великороссия не может отказаться от Украины или Кавказа. Он выразил уверенность, что на место русского централизма и империализма придет идея европейской семьи народов и национальная Россия станет равноправным членом этой семьи.

Более полно кредо Власова и его сторонников изложено в Пражском манифесте от 14 ноября 1944 г., когда был создан Комитет освобождения народов России (КОНР) и Власов стал его председателем. Однако манифест оказался еще более далеким от возможности его реализации, чем предыдущее открытое письмо. В новом документе снова повторялись довольно сильные и убедительные аргументы, правдиво разоблачавшие диктаторский режим Сталина. Власов снова напоминал об общности целей борьбы германского и советского народов против большевизма. Но в отличие от предыдущих призывов, раздававшихся в период, когда 60 млн советских граждан еще находилось под оккупацией и могло этот призыв услышать, осенью 1944 г. Власов мог взывать только к тем, кто находился в Германии. Речь шла о солдатах легионов, власовской армии и восточных рабочих. Надо сказать, что строить на них расчет, да еще в то время, когда война явно шла к концу, являлось чистой воды авантюрой. Тем не менее Власов призывал: «Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!»

Как можно оценить этот новый документ Власова? Прежде всего характерно, что Власов впервые называл вермахт «героическими освободительными войсками». Он обращался непосредственно к «восточным рабочим» с призывом, работая на немецких военных предприятиях, трудиться еще интенсивнее. Наконец, для Пражского манифеста в отличие от предыдущих документов характерно то, что он впервые обещал свободу и равенство не только русскому, но и всем народам России. В нем, в частности, отмечалось и значение борьбы «Украинского Визвольного войска, казачьих войск и национальных частей».

Таким образом, из приведенных высказываний Власова следует, что он выступал за свержение большевистской власти, за утверждение демократического строя без расизма и антисемитизма, без деления людей на высшие и низшие расы, за единую и неделимую Россию, без предоставления права другим народам на свободный выход из единого государства. Позднее эта концепция была откорректирована. Цели коллаборационистов в национальных республиках СССР состояли в завоевании подлинной национальной независимости с учетом традиций и религиозных верований тех или иных народов. В этом смысле они резко расходились с концепцией Власова.

Заслуживает особого внимания проблема сотрудничества Власова со старой русской эмиграцией в борьбе против большевизма. В архивах нет сведений о наличии какого-либо сотрудничества с власовцами монархической части этой эмиграции. Что же касается республиканской ее части и эмигрантов из национальных окраин, то такое сотрудничество было довольно тесным. Офицеры-эмигранты при поддержке германских властей участвовали в формировании первых национальных добровольческих легионов. Некоторые из них занимали влиятельные командные и штабные посты во власовской армии. Отдельные политические деятели русской эмиграции принимали участие в разработке программных документов «власовского движения», выступали в качестве редакторов газет, занимались пропагандистской деятельностью в войсках и в лагерях для военнопленных.

С «власовским движением» сотрудничала и такая политическая организация русского зарубежья, как «Национально-трудовой союз» (НТС). Его представитель был введен в состав власовского КОНР. Членами этого Союза, созданного в Белграде в 1930 г., состояли, как правило, образованные молодые люди, деятели культуры. Германские власти разрешали им поездки в оккупированные районы на встречи с местным населением. Генерал Власов установил официальный контакт с руководителями НТС, хотя между ними и существовали определенные разногласия как по существу сотрудничества, так и по методам борьбы со сталинизмом.

На всем протяжении войны практически не был решен вопрос об установлении сотрудничества Власова с атаманом П.Красновым, казачьи войска которого находились в Югославии, а затем в Австрии и которым Гитлер доверял больше, чем власовцам. Сохранился лишь недатированный проект соглашения с Власовым, составленный, видимо, в штабе службы безопасности Германии и предусматривавший отказ России от Крыма, предоставление казакам самоуправления и значительной культурной автономии для других нерусских национальностей.

Казалось бы, советские граждане, которые в борьбе против Сталина перешли на сторону противника и тем самым поставили на карту не только свое положение, но и жизнь, должны были пользоваться особым расположением правителей Германии. Но это

было совсем не так. В разных эшелонах германского руководства к ним относились по-разному. Неодинаковой в разные периоды войны была и тактика нацистской верхушки. Так, лично Гитлер и его ближайшее окружение (Борман, Кейтель, Геринг) принципиально возражали против использования крупных иностранных сил на стороне вермахта, которые, по их мнению, в конце концов также пожелают делить лавры возможной победы. Они соглашались лишь с тем, чтобы в пропагандистских целях («крестовый поход народов Европы против большевизма») использовать немногочисленные добровольческие легионы под флагом войск СС.

О том, как невысоко оценивали высшие руководители Германии возможность использовать Власова в своих политических целях, свидетельствует тот факт, что до лета 1944 г. ни один из них не пожелал встретиться с генералом. Он был принят Гиммлером лишь 16 сентября 1944 г. Во время беседы Власов упрекал германское руководство в недальновидности его «восточной политики», о чем, по его словам, свидетельствует тот факт, что ведомство Гиммлера по-прежнему издает оскорбительный для русского народа журнал «Недочеловек». На это Гиммлер ответил, что в каждой расе имеются свои «недочеловеки», и разрешил образование «Комитета освобождения народов России» (КОНР) и опубликование манифеста.

По-иному мыслили и действовали фронтовые немецкие командиры, вплоть до командующих группами армий. Без ведома Гитлера с первых же месяцев войны они охотно использовали в своих целях «добровольных помощников» из числа советских военнопленных. Даже после Сталинграда и Курска, когда в Германии была объявлена «тотальная мобилизация», Гитлер по-прежнему не соглашался на формирование власовской армии. Лишь в ноябре 1944 г. после образования в Праге Комитета освобождения русского народа и по настоянию Гиммлера было решено создать две дивизии, хотя сам Власов рассчитывал на 10 дивизий. Как было вскрыто на судебном процессе над Власовым в 1946 г., Риббентроп в конце января 1945 г. обещал Власову кредит в сумме около 2 млн марок с условием его возврата в случае «победы над большевизмом».

Германское командование приняло и другие меры, направленные на укрепление формируемой власовской армии и русских частей, сражавшихся в составе дивизий вермахта. В июне 1944 г. было решено русских офицеров обеспечивать материально так же, как и немецких. Месяц спустя им были повышены денежные оклады. Например, женатый старший ефрейтор получал 105, полковник — 800, а генерал-лейтенант — 1170 марок.

С другой стороны, в августе 1944 г. Гитлер принял жесткие меры против участившихся случаев перехода «русских добровольцев» на сторону Красной Армии. Было решено всех «восточных добровольцев», непосредственно не сражавшихся на фронте, за исключением переводчиков и женщин, немедленно направить в лагеря для военнопленных и использовать на строительстве укреплений.

Одной из важных проблем советского коллаборационизма, в частности «власовского движения», было отношение к нему командования западных союзных войск. Эта проблема стала особенно актуальной после открытия второго фронта в Европе в июне 1944 г., когда русские легионы с ожесточением дрались с союзным десантом в Нормандии, заслужив за это благодарность германского командования. Они также участвовали в жестоких карательных операциях против партизан Югославии, Италии и Франции, которые были далеки от большевистского Советского Союза.

В последние месяцы войны у советских коллаборационистов осталась единственная надежда — на раскол в лагере союзников. С целью приобретения определенного алиби многие грузинские и армянские легионеры в Италии и Франции переходили в те дни на сторону партизан и сами участвовали в боях против карателей. На о. Тексель в Нидерландах грузинский легион поднял вооруженное восстание. Пражским повстанцам оказала серьезную помощь 1-я дивизия «власовской армии».

Но все это не изменило в отношении них негативной позиции союзного командования. Когда с конца марта 1945 г. Власов пытался связаться с союзниками и с этой целью послал к ним своего представителя, командующий 7-й американской армией генерал Пэтч резонно заметил: если Власов воюет не за Гитлера, а против сталинского большевизма, то что же русские добровольцы делали на Атлантическом побережье и как можно оправдать жертвы, понесенные американской армией в сражениях с этими добровольцами? Логично, что главнокомандующий генерал Д.Эйзенхауэр отказался предоставить Власову и его солдатам право политического убежища. Более того, на основании Ялтинского соглашения он распорядился выдать советским войскам всех граждан СССР, воевавших в составе вермахта. Как известно, на практике, однако, в эту категорию попали и русские, никогда не являвшиеся советскими гражданами, но сражавшиеся против Красной Армии (например белогвардейцы времен Гражданской войны).

В середине мая 1945 г. в Западной Чехии американцы передали Красной Армии около 20 тыс. солдат и офицеров РОА, включая самого Власова и нескольких его генералов. Одновременно в южных районах Австрии английские власти передали советским властям 15 тыс. казаков, в том числе немецкого генерала Г.Панвица, атаманов П.Краснова, А.Шкуро и 6500 человек из числа их жен и детей.

Многих из них ждала одна судьба — расстрел на месте без суда и следствия или 25 лет каторжных работ в Сибири. С 30 июля по 1 августа 1946 г., то есть на протяжении всего двух дней, продолжался закрытый судебный процесс над русскими и одним немецким руководителями вооруженной борьбы против Красной Армии. Все они были приговорены к казни через повешение. Так бесславно закончилась истори РОА.

Давно пришла пора попытаться дать объективную оценку исторического места советского коллаборационизма во Второй мировой войне, а также определить действительную реакцию советских властей и населения на деятельность коллаборационистов.

В этой связи хотел бы отметить, что в целом разделяю общую оценку деятельности Власова и его сторонников, которая содержится в работах большого знатока этой проблемы, немецкого историка Й.Хоффманна. Деятельность власовцев действительно представляет собой часть советской истории вообще и истории Второй мировой войны, в частности.

Вместе с тем некоторые высказазанные Хоффманном положения нуждаются, на мой взгляд, в дальнейшем обсуждении. Прежде всего речь идет о самом понятии «власовское движение». Полагаю, что создать «движение», если под ним подразумевать борьбу больших масс людей, Власову все же не удалось. Неубедительно звучит и утверждение, что Власов не имел свободы выбора союзника. «Только на немецкой стороне и только с помощью немцев, — утверждает в своих трудах Хоффманн, — власовцы получали возможность вооружиться для предстоящей освободительной войны». Так ли это? Во-первых, поиск Власовым союзника, да еще такого одиозного, как Гитлер и его сообщники, свидетельствовал о том, что он не верил (и не без основания) в то, что его поддержит население оккупированной территории СССР, если он попытается развернуть в советском тылу партизанскую борьбу. А во-вторых, из событий того же времени мы знаем, как мужественно, без каких-либо союзников и с мизерной надеждой на победу на протяжении долгих лет войны и даже после нее сражались за свободу и национальную независимость Организация украинских националистов под руководством С.Бандеры и ее Украинская повстанческая армия. Это следует признать вне зависимости от того, как мы оцениваем цели и методы бандеровцев.

Некоторые исследователи сравнивают сотрудничество Власова с германскими властями с деятельностью Ю.Пилсудского, который в годы Первой мировой войны использовал австрийцев для формирования и вооружения новой польской армии с такой патриотической целью, как освобождение своей родины от русского царизма. Но подобное сравнение неуместно и некорректно, ибо Пилсудский действительно использовал одного внешнего врага против другого внешнего врага, но отнюдь не против своей родины.

В ряде трудов по истории РОА встречаются утверждения, что во время двух своих пропагандистских поездок на оккупированные территории СССР Власов был встречен местным населением «горячо», и на этом основании делается вывод, что «власовское движение» было массовым. С такой категоричностью суждения трудно согласиться. Некоторые архивные документы свидетельствуют, что на подобных встречах нередко были слышны выкрики о том, что генерал не знает, как ведут себя немецкие оккупанты, как они из-

деваются над русским народом, и поэтому с ними невозможно сотрудничать.

Вместе с тем Власов, видимо, отдавал себе отчет в антигерманских настроениях советских военнопленных, «восточных рабочих» и местного населения, которые свидетельствовали о его попытках несколько дистанцироваться от немцев и подчеркивать национальный характер его акций. Он, например, высказывался о том, что «чужой кафтан не по русскому плечу», что Россия никогда не станет чьей-либо колонией и т.д.

В нескольких своих меморандумах в адрес немецких властей Власов отмечал близорукость руководителей оккупационных органов на Востоке, предлагал сформулировать промежуточную цель борьбы, чтобы привлечь русское население к антисталинским действиям. Он высказывал также недовольство отношением германских властей к «восточным рабочим». В одном из своих выступлений в Псковской области он сказал: «Германская нация в союзе с русскими поможет сбросить сталинскую диктатуру — как русские помогли немцам освободиться от Наполеона». На этом же собрании он поставил перед слушателями вопрос: хотят ли они быть рабами немцев? В ответ послышалось дружное «нет».

В выступлении в Гатчине Власов позволил себе и такой пассаж. Как отмечается в отчете немецкого переводчика Гиммлеру, генерал заявил, что в настоящее время русские антисталинцы являются гостями немцев, но после победы немцы станут «нашими дорогими гостями». Это вызвало крайнее раздражение Гиммлера и Розенберга, а фельдмаршал Кейтель распорядился подготовить приказ о возвращении Власова в лагерь для военнопленных. Правда, позднее приказ был отменен, и Власов содержался под наблюдением в берлинском пригороде Далеме. Но впредь ездить на оккупированную территорию ему было запрещено.

С проблемой союзников тесно связана и часто встречающаяся в литературе концепция так называемой «третьей силы», каковой «власовское движение», по утверждению некоторых его лидеров, и стало между Германией и Советским Союзом или, по крайней мере, могло бы стать после крушения Германии, если бы, как предполагал Власов, в конце 1945 г. произошел конфликт между Советским Союзом и западными державами.

Что касается первого утверждения, то один из офицеров штаба Власова, немецкий капитан В.Штрих-Штрикфельд даже назвал свои воспоминания «Против Сталина и Гитлера». Против Сталина власовцы и их предшественники действительно воевали уже с осени 1941 г. вплоть до 12 мая 1945 г. А против Гитлера они вели бои на протяжении всего лишь трех дней, да и то только в Праге. Поэтому вряд ли правомерно считать, что Сталин и Гитлер были равноценными противниками власовцев. Значит в данном случае власовцы ни в коей мере не были «третьей силой», а сражались исключительно на стороне Германии, хотя их цели и могли не во всем совпадать.

Что касается второго варианта развития событий, то, очевидно, не нужно быть пророком, чтобы представить себе, на чьей стороне оказались бы власовцы. Из высказываний самого же Власова следует, что в таком случае он готов был сражаться против Советского Союза совместно с англо-американскими союзниками. Это означало, что и в данном случае никакой «третьей силы» на деле не существовало бы.

Принципиальное значение имеет дискуссия о том, как правильнее рассматривать создание «власовской армии»: в качестве детища германского руководства в условиях близкого поражения Германии или же как автономную акцию Власова и его сподвижников, предпринятую независимо или даже вопреки воле Гитлера. Полагаю, что рассматривать ее как «саму по себе и независимо» от немцев значило бы не учитывать реальной обстановки, в которой она зарождалась и развивалась. Совершенно ясно, что без заинтересованности германских военных властей (неважно, верховного командования или фронтовых командиров) любые иностранные воинские формирования были бы немыслимы. Другое дело, что в определенный период Гитлер был в этих формированиях менее заинтересован, чем в последний период войны.

Можно согласиться с утверждением ряда российских и западных ученых и публицистов, что деятельность власовцев в годы войны была «опаснейшим вызовом» советскому режиму. Но трудно понять, почему в силу этого она, как сейчас приходится слышать, вполне достойна занять почетное место в истории России. Полагаю, что речь может идти скорее не о «почетном», а о трагическом месте в нашей истории. Не случайно такие знатоки этой проблемы, как А.Солженицын и покойный историк А.Некрич, так и не дали однозначной оценки Власову.

Какое же отражение «власовское движение» находило в общественном сознании советского народа во время войны и какая оценка дается ему в наши дни — более полвека спустя?

Здесь, думается, необходимо исходить из следующего несомненного факта: несмотря на то зло, которое принес советским людям сталинский террор в 30-е годы, в период борьбы против фашизма перед лицом опасного врага бóльшая часть народа была настроена решительно против немецких захватчиков и сплочена, как никогда ранее. Наши люди были убеждены, что именно в эти дни, в тяжелых боях с фашизмом решалась сама их судьба, вообще вопрос о том, будет существовать наш народ или подвергнется порабощению и истреблению. Естественно, что любой, кто ослаблял это необходимое для победы единство, встречал отпор и осуждение, тем более если это касалось вооруженной борьбы против Красной Армии. Ни при каких условиях не мог вызывать сочувствия или симпатий тот, кто помогал противнику, вторгшемуся в нашу страну с целью ее завоевания.

На всем протяжении войны, особенно в 1942 г. и вплоть до Сталинградской победы, власовские листовки действительно были опасны для советского командования, и оно применяло крайне жесткие меры против тех, кто хранил, а тем более распространял их. Мой собственный фронтовой опыт свидетельствует, что аргументы в отношении сталинского режима, использовавшиеся во власовских листовках, были более убедительны, чем в немецких листовках. Однако наши люди в то время даже не стремились порассуждать о том, почему же сотни тысяч их соотечественников встали под чужие знамена, не желали анализировать корней этого феномена. Они были абсолютно убеждены лишь в одном: любой, кто одет в униформу вермахта, является личным врагом всякого русского, сообщником убийц и насильников.

Поэтому расстрелы или казни через повешение задержанных в период наступления советских войск коллаборационистов воспринимались как совершенно справедливое наказание. Что же касается депортации сотен тысяч бывших военнопленных и граждан целых республик в Сибирь уже после войны, то о ее масштабах вообще в те годы почти никто ничего не знал. Поэтому в общественном сознании легионеры и власовцы оставались «кучкой изменников Родины».

Так продолжалось до середины 50-х годов. Из появившихся после смерти Сталина первых воспоминаний о советских военнопленных и власовцах население стало получать весьма скромные сведения о трагической судьбе этих людей. Но борьба вокруг оценки их поведения была довольно жесткой, она продолжается и поныне. Подавляющее большинство граждан государств прежнего Советского Союза резко осуждает бесчеловечный сталинский режим. Но когда заходит речь о политической оценке тех, кто вел активную борьбу против него, то возникает, казалось бы, парадоксальная ситуация: люди готовы сочувствовать тем узникам сталинского режима, которые были заточены в многочисленные лагеря ГУЛАГа и, по существу, не могли активно бороться против него. Но эти же люди психологически и поныне не готовы понять и принять тех противников Сталина, кто с оружием в руках сражался против того же режима. И это, видимо, до сих пор оправдано, поскольку власовцы и поныне отождествляются в массовом общественном сознании с гитлеровскими захватчиками.

Иное дело — отношение к коллаборационистам военного времени в целом. Жизнь всегда богаче, сложнее, многограннее любых, даже самых устоявшихся схем и стереотипов. Поэтому, думается, с течением времени отношение к коллаборационистам — исключая, конечно, подлинных военных преступников, карателей, которым нет и не может быть прощения, — наверняка изменится. Новые поколения наших соотечественников сумеют, очевидно, более широко и непредвзято оценить характер и мотивы поведения многих коллаборационистов, увидеть и понять трагичность их судеб.

Обстановка на Западной Украине

В годы Второй мировой войны деятельность ОУН во главе с С.Бандерой и ее военной организации — Украинской повстанческой армии (УПА) значительно активизировалась, и она заняла особое место в украинском коллаборационизме.

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз вожди украинского национализма встретили с одобрением. Вместе с войсками вермахта, которые с первых же шагов сеяли смерть и разорение на украинской земле, в их обозах границу перешли и 4 тыс. активистов-бандеровцев. Через несколько дней, 28 июня во Львове с большой помпой они провозгласили «украинскос правительство» во главе с ближайшим соратником Бандеры Я.Стецько. Усиленно формировались новые вооруженные отряды.

Сбывались худшие опасения Гитлера в отношении украинских националистов, и он решил покончить с ними одним ударом. Тем более что в их услугах больше не было нужды — германская армия быстро продвигалась на восток. В Берлине решили изменить ориентировку на группу активного коллаборациониста — Мельника, которая не одобряла провозглашения «правительства» во Львове. Мельник считал, что вопрос о судьбе Украины необходимо решать в Киеве после занятия его вермахтом и не выдвигать требований, которые вызывали бы неудовольствие Гитлера.

Предоставив преимущественное право вступления в Киев сторонникам группы Мельника, германское командование одновременно приняло жесткие меры к бандеровцам. В начале июля 1941 г. часть руководителей «правительства» ушла в подполье. Были также арестованы активисты краковского Украинского народного комитета. 15 человек было расстреляно; казнен командир бандеровского батальона, следовавшего с войсками вермахта на Киев, Н.Лемик. Зато отряду Мельника, который осудил «авантюру» Бандеры во Львове и выступал за тесное сотрудничество с немцами, было разрешено первым вступить в столицу Украины. 5 сентября 1941 г. Мельник обвинил Бандеру в измене, т.к. по его вине погибло 4 тыс. мельниковцев.

Репрессивные меры оккупантов возымели эффект, обратный желаемому: число сторонников ОУН-Р стало быстро расти и резко обострились отношения с немецкими властями. Как свидетельствует в своей книге активный участник этих событий Р.Ильницкий, в середине июля 1941 г. во Львове состоялось секретное совещание находившихся на свободе активистов ОУН-Р, принявшее следующее решение: борьбу против Советов не прекращать, а если немцы будут и дальше продолжать репрессии, то борьбу развернуть и против них.

Представитель абвера профессор Геруллис официально заявил, что Гитлер отверг концепцию создания независимого украинского государства и распорядился расчленить Украину на две части: Галицию включить в состав генерал-губернаторства, а остальную Ук-

раину объявить имперским комиссариатом во главе с гауляйтером Восточной Пруссии Э.Кохом.

В декабре 1941 г. оперативная команда, действовавшая в Крыму, доносила, что в горах в районе Ялты действует около 10 тыс. партизан, которыми командовал советский подполковник Мокроусов — опытный руководитель партизанского движения еще в годы Гражданской войны в России и Гражданской войны в Испании. В одном из донесений командира этой команды сообщалось, что он изучил партизанскую проблему на Украине и пришел к выводу, что кроме бандеровских групп УПА здесь нет организаций Сопротивления, которые представляли бы опасность для вермахта. Поэтому именно против бандеровцев оперативная группа активизировала свою борьбу. Бандеровцы, посланные из Львова, появились и в Крыму. По мнению автора донесения, руководящие круги бандеровцев не верят в победу Германии над Россией и Англией. Но если Германия победит Россию, то она не сможет продолжать войну против Англии. В такой ситуации можно будет создать независимую Украину, и не будет опасности вмешательства ни Германии, ни Советской России.

Жестокие меры, предпринятые гитлеровскими оккупантами в отношении не только оуновцев, но и им сочувствовавших, а также неопределенность намерений Гитлера в отношении украинской государственности привели к взаимному недоверию между ОУН и германскими властями, а затем и к отказу от сотрудничества. Участились вооруженные стычки между отрядами ОУН и германскими силами безопасности.

После роспуска «украинского правительства» во Львове немецкие власти предприняли и другие акции для ограничения деятельности украинских националистов. Так продолжалось до 20 августа, когда Бандера и «правительство» были арестованы за невыполнение инструкций по наведению порядка и за антигерманскую деятельность. Была разоружена и украинская милиция.

Обстановка обострилась тем, что Германия объявила о включении Галиции в генерал-губернаторство, чем сильно задела честолюбие руководителей ОУН. Все высокие административные посты в трех округах Галиции заняли сами немцы, оставив украинцам лишь незначительные должности. Официальным языком в Галиции стал немецкий. Организация украинской армии была ограничена только военными школами во Львове, Коломне и Станиславе и созданием легиона под германским командованием.

Для финансирования полицейского аппарата использовались польские злотые, что вызвало хождение такой поговорки: «Украинское государство с официальным немецким языком и польской валютой».

После роспуска немецкими властями правительства и ареста его руководителей украинские вожди в Галиции решили не стремиться вновь создавать нечто подобное. Они сочли целесообразным сформировать такой орган, который, во-первых, соответствовал бы нынешней ситуации, во-вторых, не вызвал бы возражения немцев, в-третьих, он должен иметь лишь локальный характер только в пределах Галиции и, в-четвертых, выполнял бы только административные и культурные функции.

Таким органом с 12 ноября 1941 г. стал созданный во Львове Украинский национальный совет. Инициатором и председателем Совета стал бывший в 1918—1919 гг. председатель Западно-Украинской республики К.Левицкий. Рабочим органам Совета был Украинский краевой комитет во главе с К.Панковским. Он состоял из секций организационного, финансов, национального воспитания, национальной экономики и других — всего 8[37].

С началом Великой Отечественной войны антисоветскую деятельность усилили те украинские националисты, которые в то время проживали в Германии, Польше, Румынии. Как сообщила 30 сентября 1941 г. газета «Нойе Цюрихер цайтунг», румынский диктатор генерал Антонеску разрешил формирование в Румынии украинских воинских частей под командованием русского эмигранта, генерала С. фон Дельвига. Во всех провинциях страны, где проживали украинцы, была организована вербовка украинской молодежи[38]. С просьбой о поддержке своего замысла фон Дельвиг направил в конце августа 1941 г. в Берлин письмо П.Скоропадскому — главе украинского движения в Германии. В ответном письме бывший гетман Украины одобрил действия Дельвига и просил разъяснить некоторые моменты плана создания украинских воинских частей[39].

Активность проявлял и полковник И.Похоровский — председатель Союза бывших бойцов армии Украинской Демократической Республики, эмигрировавших в Румынию.

В Бухарест 7 октября 1941 г. из Берлина вернулся украинский журналист и немецкий эмиссар Н.Ковалевский, бывший в 1918 г. министром петлюровского правительства. На встрече с деятелями украинской эмиграции в Румынии он сообщил, что у Гитлера состоялось совещание с участием Геринга, Геббельса и Розенберга, посвященное украинской проблеме. Участвовали также украинские представители. Было якобы решено создать независимое украинское государство, связанное с Германией. Это государство охватит все черноземные области, районы Донца и Дона и частично Орловскую и Курскую области.

Признано целесообразным, чтобы создание украинского государства происходило постепенно: вначале Украина будет разделена на немецкую, венгерскую и румынскую сферы оккупации. Так, в румынскую сферу войдут Подольская и Херсонская области.

Затем будет назначен верховный комиссар рейха, который возглавит всю гражданскую администрацию в оккупированных зонах. В структуре комиссариата во главе большинства отделов будут стоять немцы, но до 80% рядовых служащих этих отделов будут украинцы[40].

По другим данным от октября 1941 г., в преддверии создания независимой Украины Берлин готовил украинские полицию и

армию. Около 30 тыс. украинцев, живших в странах Европы, предполагалось использовать на Украине, из них одна половина должна была составить военизированную полицию, другая — регулярную украинскую армию. В это число не входили сотни тысяч украинцев, предназначенных для контроля над народом, который 20 лет воспитывался в коммунистическом духе. Из информации Ковалевского также следовало, что в течение следующей зимы намечалось довести до 2 млн членов численность украинской армии, которая поможет вермахту и его союзникам уничтожить коммунистический режим в России[41].

Включение части Западной Украины в генерал-губернаторство вызвало замешательство среди украинских националистов — сторонников сближения с Германией. Вместе с русскими белогвардейцами они направили в Берлин резолюцию протеста против этого несправедливого решения. На встрече с делегацией украинцев Риббентроп заявил, что речь идет о временной мере до заключения мирного договора, когда требования украинцев будут учтены[42].

Вопреки своим обещаниям не заниматься политическими делами украинские националисты — как бандеровцы, так и мельниковцы — полулегально с конца 1941 г. стали активно готовить кадры, которые потребуются для управления будущей независимой Украиной. Особое внимание обращалось на подготовку офицерского корпуса, для чего были открыты несколько военных школ, в которые призывались молодые украинцы из Галиции и Буковины. Например, в школу в г. Белая Церковь записалось 800 кандидатов. Такая же школа существовала в г. Винница, где готовились кадры украинской полиции — выходцев из Буковины.

Что же касается полковника Мельника, который при поддержке немцев создал эрзац-правительство в Киеве, то этот орган не проявлял какой-либо активности и не стремился создавать украинскую национальную армию, ибо, как заявлял сам Мельник, «часть украинской территории (Галиция, Буковина и Бессарабия) будет оккупирована чужеземными войсками»[43].

Руководители украинцев в румынской Буковине направили в октябре 1941 г. жалобу И.Антонеску на поведение румынского губернатора генерала Калатеску, который игнорирует интересы украинцев в организации школьного дела, по проблеме церкви и др.

Вскоре Калатеску ответил, что после ухода советских органов власти и частей Красной Армии местные украинцы сразу же, еще до прихода румынской администрации, создали национальную гвардию, вывесили украинский национальный флаг, установили свое самоуправление. С прибытием румынских властей и губернатора 20 августа 1941 г. национальная гвардия была распущена и сдала оружие.

Прибывшие в Буковину эмиссары Бандеры и Мельника спровоцировали вражду среди украинцев. Характерно, доносит Калатеску, что германские власти поддерживают украинцев в их претензиях к румынам. Таким образом, подчеркивает румынский губернатор, «украинская проблема в Буковине, учитывая внешнеполитические обстоятельства, приобрела исключительную актуальность для государственных и национальных интересов Румынии».

О близких отношениях украинских лидеров и немецких властей в Черновцах свидетельствует тот факт, что украинский центр и штаб-квартира немецких подразделений СС находились в одном и том же отеле.

Руководители СС использовали украинцев для борьбы против Советов, фактически сами создавали украинские организации, которые тем самым «стали фактически приложением к немецким СС. Практически все политические акции украинцев, направленные против румын, поддерживаются немецкими властями. Они даже помогают украинцам въезжать в Буковину из Галиции». Калатеску сообщал далее, что имеются случаи, когда украинцы, служившие в румынской армии, теперь хотят вступить в вермахт[44].

Румынская военная разведка 31 декабря 1941 г. выяснила, что несколько дней тому назад в Черновцах состоялось совещание лидеров украинского движения ОУН преимущественно мельниковского направления. Адвокат И.Григорович проинформировал участников совещания, что в Берлине он имел встречу с А.Мельником, который благодаря своим связям с немцами обнаружил широкую осведомленность о планах Германии в отношении судьбы Украины.

Мельник заявил, что гарантирует решение украинской проблемы в духе самого украинского народа. Он пришел к поразительному выводу, что до сих пор Германия не разрешала провозглашать независимую Украину потому, что это заденет патриотизм... великороссов. У русских может возникнуть неудовлетворение, продолжал далее Мельник, т.к. они еще ведут войну и опасаются потерять эти территории.

Со своей стороны немцы опасаются создавать украинскую армию потому, что такая армия не приобретет симпатии населения. Мельник самоуверенно заявил, что государственный аппарат и кадры офицеров из украинцев уже существуют в Германии в его распоряжении. Но многочисленные священники, посланные Мельником на Украину, доносят, что там они не встретили понимания со стороны населения. Поэтому, по мнению Мельника, лучше ограничиться работой среди украинцев в Польше и Румынии. Он, однако, надеется, что Германия все же оставит Транснистрию за Украиной, но при этом потребуется обмен населения между Транснистрией и Бессарабией.

В Закарпатской Украине, по словам Мельника, существует сильное антивоенное движение, но для него это не имеет особого значения. Он заявил, что Германия активно поддержит украинскую пропаганду в финансовом отношении. Так, существующая в Румынии организация уже получила 180 тыс. рейхсмарок для закупки украинских книг и газет для украинцев, проживающих в Бессарабии и Буковине. Мельник заверил, что немцы его поддерживают полностью.

Относительно своей личной роли в украинском освободительном движении, Мельник заверил, что если Германия победит, то он станет главой Украины. Но в случае ее поражения, Бандера, который пользуется симпатиями англо-американских союзников и украинских масс, будет продолжать борьбу за независимую Украину. Мельник при такой ситуации никаких требований выдвигать не будет[45].

Когда Бандера находился под «почетным» арестом, Мельник в сентябре 1942 г. направил Розенбергу письмо, в котором просил изъять украинские территории из генерал-губернаторства и присоединить их к рейхскомиссариату Украина. Еще 16 июля 1941 г. Борман рекомендовал Гитлеру решить эту проблему более радикально — присоединить старую австрийскую Галицию непосредственно к Германии, но тот колебался. Г.Франк, наоборот, проявил заинтересованность в том, чтобы Галицию, населенную украинцами, присоединить именно к генерал-губернаторству. Он говорил, что культивируемая и поощряемая неприязнь между украинцами и поляками поможет немцам держать в повиновении и тех и других. Свои особые планы относительно Галиции имел руководитель Восточного министерства А.Розенберг, возражавший против ее присоединения к генерал-губеранторству и ратовавший за ее оставление под его управлением. В конечном счете 17 июля 1941 г. Гитлер принял решение: советские Львовскую, Тернопольскую (без северных районов), Станиславскую и Дрогобычскую области с 13 районами включить в генерал-губернаторство, в связи с чем его территория увеличивалась до 144 тыс. кв. км и население — до 18 млн человек.

Гитлер запретил создавать какие-либо украинские национальные советы, разрешив образовать лишь украинское «представительство». Было также запрещено создавать государственную единую партию Украины и восстанавливать украинскую армию. Но местные оккупационные власти в Галиции без ведома Берлина игнорировали этот запрет и предприняли ряд своих мер.

Еще в 1940 г. стали формироваться различные украинские полувоенные подразделения под разными названиями. Наиболее известными из них стали батальоны «Нахтигаль» и «Ролланд», созданные непосредственно перед агрессией против Советского Союза. Однако они имели не столько боевое, сколько пропагандистское значение, как и другие добровольческие легионы СС, сформированные из граждан стран Западной и Северной Европы. Их наименование «СС» не означало, что они структурно входили в состав вермахта или германских войск СС. Так назывались легионы, в которых воевали немцы, и они подчинялись непосредственно Гиммлеру[46]. Некоторые специалисты сравнивают их с так называемыми «иностранными легионами», которые существовали и поныне существуют в ряде стран Европы. В первые дни войны против Советского Союза батальон «Нахтигаль» под командованием поручика Р.Шухевича, который позднее стал командующим

УПА под именем генерала Тараса Чупрынки, вместе с немецкими войсками наступал на Львов. Батальон «Ролланд» в составе 6-й немецкой армии действовал с территории Румынии. Однако после роспуска украинского правительства, созданного во Львове, оба батальона были направлены в учебный центр Нойхаммер (Германия). Здесь они были реорганизованы в полицейский батальон, который позднее сражался с советскими партизанами в Белоруссии. В декабре 1942 г. этот батальон, как потерявший доверие немцев, был распущен. Часть его солдат и подофицеров была возвращена домой в Галицию, часть офицеров была арестована и после освобождения присоединилась к формировавшейся тогда в лесах Волыни Украинской повстанческой армии (УПА). Среди них находился и бывший командир «Нахтигаля» Р.Шухевич[47].

На протяжении мая—июня 1943 г. 80 тыс. молодых галичан пожелали добровольно стать солдатами формировавшейся дивизии, но ее штат был определен в 13 тыс. человек. Формированием дивизии руководил немецкий полковник А.Бизанц, все старшие офицеры дивизии от батальона и выше были также немцами. Формирование и обучение дивизии происходило в нескольких учебных центрах Германии до весны 1944 г. Она получила название «Галичина».

В середине июля 1944 г., когда происходила Львовско-Сандомирская операция 1-го Украинского фронта, дивизия была выдвинута во второй эшелон 13-го немецкого корпуса в районе г. Броды. Через несколько дней ожесточенных боев она со всем немецким корпусом оказалась в окружении, из которого сумели вырваться лишь около 3 тыс. солдат и офицеров. Остальные погибли, оказались в советском плену или бежали в леса и присоединились к УПА. Это был полный разгром дивизии. На базе тех, кто сумел вырваться из окружения и прибыть в учебный центр Нойхаммер, в период сентября—октября был сформирован новый состав частично восстановленной дивизии.

К тому времени в Словакии было подавлено вооруженное восстание, и многие повстанцы ушли в горы для продолжения борьбы. Направленная в Словакию украинская дивизия приняла участие в преследовании словацких партизан. Этот эпизод из истории «Галичины» до сих пор представляет собой объект дискуссии. Солдаты дивизии при ее формировании вступали в нее для того, чтобы бороться только с «большевистскими» войсками на восточном фронте. Они не соглашались даже на то, чтобы их использовали против англо-американских войск на западе.

Но в данном случае в Словакии их заставили сражаться против братьев-славян. Некоторые бывшие украинские участники этих событий считают этот факт позорным пятном в истории дивизии. Другие оправдываются тем, что и в Словакии они воевали против «коммунистического» партизанского движения.

В связи с развитием наступательных операций Красной Армии по всему фронту с конца 1944 г. дивизия через Восточную Австрию

была переброшена на территорию Северной Югославии для борьбы с войсками НОАЮ. Здесь продолжались тяжелые бои, в ходе которых дивизия вынуждена была отступить в район Граца в Австрии. Здесь большая ее часть капитулировала перед британскими войсками, другая, меньшая, — сдалась американцам.

В это же время происходили следующие политические события. В последние недели войны 12—14 марта 1945 г. на совещании в г. Веймаре было провозглашено создание Украинского национального комитета (УНК) в составе председателя генерал-поручика бывшей Украинской армии А.Шандрука, его заместителя А.Семененко и секретаря П.Терещенко. В письме Розенберга Шандруку было выражено признание Германией УНК. Несколько дней спустя УНК и другие украинские органы провозгласили создание Украинской национальной армии (УНА). Первым регулярным соединением этой армии стала дивизия «Галичина».

8 апреля 1945 г., когда советские войска стояли на Одере в 60 км от Берлина, УНК опубликовал обращение к украинскому народу, а командующий армией — к украинским воинам. В документе было, в частности, сказано: «Украинская национальная армия, о чем вы уже знаете из заявления УНК, имеет одну задачу — борьбу за народ, за создание собственного суверенного государства. Красный враг несет смерть и уничтожение. Он ищет прежде всего тех, кто не согнул перед ним голову, ибо они для него опасны прежде всего силой своего духа, своей верой в победу...»

Несмотря на то, что англо-американские войска стремительно продвигались вглубь Германии, а Красная Армия завершала подготовку к штурму Берлина, призыв к украинцам (неизвестно, каким) продолжать борьбу был, по крайней мере, бессмысленным намерением УНК.

Более того, руководство УНК и командование УНА не ограничилось призывами, но и предприняло меры по формированию новых воинских частей — сперва противотанковой бригады с последующей ее реорганизацией во 2-ю украинскую дивизию, командиром которой был назначен генерал П.Дьяченко. Дивизия формировалась под Берлином за счет прежде всего военнопленных украинцев. Военный священник Белецкий принял от солдат и офицеров дивизии присягу на верность украинскому народу и государству. Это был уникальный случай, когда иностранное военное формирование в униформе и с регалиями старой украинской армии под украинским знаменем присягало на верность своей родине на территории другой страны[48].

В течение ближайших дней до 5 апреля 1945 г. была сформирована бригада особого назначения (парашютная из 400 человек) под командованием атамана М.Бульбы-Боровца. Бригада была направлена в Чехию. Было также объявлено о присоединении к УНА бригады Вольного казачества (350 человек) во главе с полковником Терещенко. Ей также было приказано сосредоточиться в Чехии. По телефону в эти дни полковник Ф.Гудима доложил, что

его 281-я запасная бригада численностью 5 тыс. человек, дислоцированная в Дании, дала согласие вступить в состав УНА. С такой же просьбой обратились дислоцированные в Голландии и Бельгии два полка (свыше 1 тыс. человек), где они несли охранную службу. Были также получены аналогичные просьбы от многих украинских жандармских подразделений, разбросанных по разным районам Германии. В целом, по данным немецкого генерала фон Кестринга, в рядах вермахта на восточном фронте находилось свыше 200 тыс. украинцев.

Итак, после краткого изложения истории формирования и боевой деятельности дивизии «Галичина» неизбежно возникает по крайней мере два вопроса: во-первых, на что надеялись руководители украинских политических органов и воинских частей, когда они сражались против советских войск до последних дней войны? Ответ содержится в высказываниях не только руководителей, но и рядовых солдат: они, как и Гитлер, рассчитывали на неизбежность в последние дни войны конфликта между Советским Союзом и его западными союзниками, создавшими в свое время «странную антигитлеровскую коалицию». Если это произойдет, то вооруженные силы «новой Украины» станут веским аргументом в послевоенном урегулировании украинского вопроса.

Во-вторых, какую же роль в освободительной борьбе украинского народа в годы Второй мировой войны сыграла дивизия и другие украинские воинские части, созданные нацистами? Ответ может быть однозначен — никакой: сотрудничая с немецкими оккупантами, они под знаменами фашизма принимали участие в подавлении освободительной борьбы народов не только на оккупированной территории СССР, но и в ряде других славянских стран — Польше, Чехословакии и Югославии. Они противопоставляли себя, как и созданные оккупантами в Европе и так называемые «добровольческие легионы», боровшимся против фашизма народам. Естественно, после победы руководители этих легионов практически во всех странах, кроме Испании, понесли заслуженное наказание как изменники и коллаборационисты.

Что же происходило в это время в лагере сторонников А.Бандеры, которые, как уже упоминалось выше, вели борьбу «на два фронта» и в некоторые периоды вносили определенный вклад в борьбу против оккупантов?

При формировании дивизии «Галичина», в котором активное участие принимали сторонники Мельника, немецкие власти опасались, что этот факт в какой-то мере усилит осознание украинцами того, что, мол, теперь они имеют собственные вооруженные силы. Поэтому в секретном распоряжении от 14 июля 1943 г. Гиммлер потребовал, чтобы эту дивизию не называть «украинской» и галицийской и вообще не употреблять понятие «украинский народ».

Ориентация гитлеровцев на группу Мельника вызвала недовольство бандеровцев. Опасаясь чрезмерного влияния этой группы, имевшей теперь и свою вооруженную силу, бандеровцы усилили

против нее террор. Они убили нескольких видных сторонников Мельника, а на Полесье и Волыни стали создавать вооруженные силы УПА, во главе которой с сентября 1943 г. стал Р.Шухевич. Бандеровские части, хотя и называли себя противниками немецко-фашистских оккупантов и даже упрекали сторонников Мельника в сотрудничестве с ними, на деле же в тот период вели активную вооруженную борьбу как против немцев, так и против советских войск и партизан.

В одном из отчетов службы безопасности отмечалось, что «бандеровцы заверили немецкие власти в лояльности, но при условии, что им будет предоставлена свобода передвижения». Далее напоминалось, чтобы «немецкие власти при назначении бургомистров и начальников полиции учитывали пожелания бандеровцев». Затем между ОУН и немецкими оккупационными органами произошел разрыв, но не только потому, что бандеровцы включились в борьбу против оккупантов, а из-за ряда покушений бандеровцев на сторонников Мельника, который пользовался особым расположением гитлеровцев.

В октябре 1942 г., как это делалось не раз и ранее, бандеровские руководители издали в Кракове листовку, в которой призывали украинцев не участвовать в партизанском движении против немецко-фашистских оккупантов. «Мы должны беречь наши силы, — говорилось в листовке, — ибо в конце войны будет возможность создать собственное украинское государство. Наш путь лежит не через партизанскую борьбу сотен или тысяч, а через национально-освободительную революцию миллионов украинцев».

Хотя крайне незначительная обманутая часть украинцев и содействовала немецким оккупантам, однако подавляющее их большинство отвергало подобное сотрудничество и активно боролось против них. Это вынуждены были признать и оккупационные власти. Так, в одном из донесений оперативной команды, действовавшей на Украине в начале 1942 г., отмечается, что «собственно украинское население очень трудно было привлечь к сотрудничеству».

Таким образом, Гитлер не разрешил создание на Украине центральных административных органов, ограничившись лишь местными органами так называемого самоуправления. Однако и оно, так широко разрекламированное гитлеровской пропагандой, в действительности имело весьма ограниченный характер. Так, рейхскомиссар Кох 20 февраля 1942 г. издал распоряжение, которое разрешало назначать украинцев только во главе администрации сел, местечек и районов, но во главе самоуправления средних и крупных городов, а также округов, состоявших из нескольких районов, должны были быть только немцы.

Лишь в марте 1945 г. с пропагандистской целью Гитлер разрешил создание «Украинского национального комитета» Шандрука. Но теперь это маскарад уже не имел никакого практического значения.

Свое видение будущего Украины Мельник изложил еще в сентябре 1942 г. в специальном меморандуме, направленном Розенбергу. В нем были сформулированы следующие пожелания его и его сторонников:

— право Украины на национальную самостоятельность;

— изъятие западных украинских земель из состава польского генерал-губернаторства и включение их в рейхскомиссариат Украины;

— создание представительства Украины вместо запрещенных национальных советов;

— разрыв с Россией;

— учреждение украинской государственности и союз с Германией;

— провозглашение государственной единой партии на Украине;

— создание украинского национального руководства и восстановление украинских вооруженных сил[49].

В начале 1942 г. бандеровский легион «Нахтигаль» под командованием сотника Р.Шухевича, который дислоцировался на Волыни, начал подпольную вооруженную антигерманскую деятельность. Создаваемые в разных районах Западной Украины отряды УПА сражались тогда только против немцев. Позднее с развитием советского партизанского движения их борьба продолжалась на два фронта, в ходе которой бандеровцы сотрудничали как с немцами против советских и польских партизан, так и с советскими партизанами против фашистских карателей.

Весь 1943 г. шла борьба УПА против «двух врагов» — немецких оккупантов и немногочисленных украинских советских партизанских отрядов, которые пришли на Западную Украину рейдами с Советской Украины. Крупным успехом для УПА завершился ее бой с партизанами дивизии С.А.Ковпака, в ходе которого дивизия фактически перестала существовать.

Численность воинов УПА на территории Западной Украины быстро росла. Но вместе с тем активизировались и польские националистические отряды из Армии Крайовой, которые враждовали с УПА.

В одном из донесений командира немецкой оперативной группы, действовавшей на Украине в декабре 1941 г., сообщалось, что он изучил партизанскую проблему на Украине и пришел к выводу: руководящие круги бандеровцев не верят в победу Германии над Россией и Англией. Но если Германия и победит Россию, то она не сможет продолжать войну против Англии. В такой ситуации можно будет создать независимую Украину, и не будет опасности вмешательства ни Германии, ни Советской России.

Обстановка на Волыни и Подолье освещена и в спецдонесении агентуры СД в Берлин в мае 1942 г. В этом документе отмечалось, что население этих двух регионов составляет около 4630 тыс. человек, из них поляков насчитывается около 465 тыс. и евреев — 326 тыс. Поляки с помощью немцев стремятся захватить ключевые

позиции в этом регионе еще до того, как, по их мнению, Германия потерпит поражение и будет создана Великая Польша.

Польские националистические силы действуют здесь по следующим направлениям:

— сотрудничают с немецкими органами, добиваются доверия к себе и влияния на немцев в выгодном для себя направлении;

— каждый поляк должен стремиться привлечь и других туда, где ему удалось хорошо устроиться;

— настраивать немецкие органы на украинцев и белорусов, а тех в свою очередь — против немецкой администрации. В настоящее время они представляют самый многочисленный контингент служащих в немецкой администрации региона. Особо опасную роль они играют, занимая должности переводчиков, и часто неправильно переводят.

Влиятельную силу на Волыни и на Подолье представляла католическая церковь как носительница шовинистической политики. Почти все сельские священники являлись духовными руководителями польского Сопротивления.

Что касается ситуации в центральных и восточных районах Украины, то в 1942—1943 гг. оккупанты вели гибкую политику заигрывания с местным населением. В итоге, по некоторым данным, число украинцев, добровольно выехавших на работу в Германию и вступивших в восточные батальоны, составило свыше 350 тыс. человек. Украинцы-военнопленные в немецких лагерях пользовались некоторыми привилегиями. Их назначали в лагерную администрацию и в охрану. С июля 1941 г. немецкое командование стало отпускать украинцев из плена, что создавало благоприятные условия для роста коллаборационизма.

В целом на Украине он выражался в следующих формах:

— политическое сотрудничество украинских националистических лидеров на территории Польши еще до агрессии Германии против Советского Союза;

— военные формирования, созданные ОУН при покровительстве немцев;

— украинская или смешанная немецко-украинская вспомогательная полиция под немецким управлением и имевшая широкие полномочия по поддержанию местной безопасности; украинская казарменная полиция, принимавшая активное участие в антиеврейских погромах, в транспортировке евреев в концлагеря и в охране лагерей;

— тысячи украинцев добровольно выезжали на работу в Германию;

— типичная форма коллаборационизма в сфере производства состояла в обработке крестьянами земли, полученной от немцев, в качестве рабочих, инженеров и служащих на производстве, в качестве прислуги в домах руководителей оккупационных властей.

Все эти формы коллаборационизма, хотя и в неодинаковой мере и при разной эффективности, содействовали экономической и военной мощи Германии. Но в значительной степени это была вина не украинского народа.

Как доносила в Берлин агентура СД во Львове, 7 августа 1942 г. по случаю годовщины образования украинского правительства 30 июня 1941 г. руководитель ОУН в западноукраинских областях Демьян Дмитрив издал 30 июня 1942 г. следующий приказ: «По приказу Ст.Бандеры Ярослав Стецько образовал украинское правительство и начал работу по воссозданию Украины. Были открыты украинские военные школы, создана украинская полиция. Эта гигантская творческая работа не соответствовала военным целям новых "освободителей" Украины. Поэтому Бандера и Стецько были арестованы. Государственные структуры были ликвидированы, и на их место стала всем нам хорошо известная чужая структура. Продолжаются аресты, льется кровь...

Украинцы борются против всех, кто пытается превратить их в рабов. Украинцы сражались, сражаются и будут сражаться не за новую Европу, а за собственную страну. Сейчас в тюрьмах старых и новых оккупантов находятся тысячи лучших украинских активистов.

Да здравствует Бандера! Слава Украине!»[50]

Вооруженная борьба УПА

Как сообщалось в разведсводке ЦШПД от 30 декабря 1942 г., в районах Сарны и Ровно, где действовал украинский националистический отряд «Тарас Бульба», его командир Боровец вел переговоры с рейхскомиссаром Украины Кохом о создании украинской националистической армии. Командование советских партизан направило в этот отряд своих разведчиков. По данным того же источника, в декабре 1942 г. в районе Шепетовки формировались из военнопленных казачьи части, предназначенные для борьбы против партизан, охраны железной дороги, конвойной службы и для охраны лагерей для военнопленных. Уже имеелись два таких полка.

Осенью 1942 г. руководители бандеровского движения в Кракове распространили листовку, в которой выступили против ведущейся коммунистами Украины и Польши партизанской борьбы. Листовка утверждала, что «Сталин и Сикорский хотят одним выстрелом убить двух зайцев: нанести ущерб немцам и немецкими руками громить украинцев. Украинцы не участвовали и не участвуют в партизанском движении, и попытка Сталина организовать его на Украине не имела успеха. Мы не рассматриваем партизанскую борьбу с точки зрения мировой революции или с точки зрения "Новой Европы", а только исходя из интересов Украины. Мы сражаемся за независимое украинское государство»[51].

К середине ноября 1944 г., когда вся территория Украины была освобождена от немецко-фашистских оккупантов и командование УПА не имело прямых контактов с частями вермахта, немецкие

спецслужбы составили справку о состоянии и действиях ОУН — УПА. Следует иметь в виду, что в справке имеются неточности, что можно объяснить ограниченным количеством использованных документов. Тем не менее важно знать, как немцы оценивали тогда действия украинских националистов, их планы на будущее и политические взгляды. Приводим этот документ в свободном переводе и с небольшими сокращениями.

«УПА выступает за образование независимого украинского государства, против "оккупантов" украинской земли. Главными противниками и историческими врагами украинского народа являлись Советский Союз, т.е. Россия, и Польша. ОУН—УПА убеждены в том, что украинский вопрос станет в мировой политике международным. Он должен быть решен во второй мировой войне в борьбе с Советским Союзом под руководством Германии или западных держав.

УПА возникла в конце 1942 г. на Волыни путем объединения различных независимых боевых отрядов, а с начала 1941 г. она выступила как "Украинская национальная самооборона в Галиции" и вошла в состав ОУН, возглавляемой Бандерой.

Основной принцип, которого придерживается УПА, состоит в следующем: необходима бескомпромиссная, вооруженная борьба против Советского Союза и Красной Армии с целью создания базы для существования Украинской народной субстанции.

В 1944 г. УПА структурно состояла из боевых групп "Запад", "Север" и "Восток" и охватывала Галицию, Волынь и Советскую Украину в границах 1939 г. Структура и военное обучение позаимствовано у немецкого вермахта.

Численность УПА такова: регулярная, т.е. обученная часть, насчитывает 80—100 тыс. бойцов. По украинским данным, она доходит до 400 тыс. и даже до 1 млн человек. УПА действует по политическим инструкциям ОУН. В прежней ситуации она сражалась против немцев, но в настоящее время снова обострились противоречия с Польшей и Советским Союзом. Борьба против них происходит с применением советских методов, т.е. мелкими группами. Для советских военных властей эта борьба представляет серьезную проблему. УПА еще не использовала свою мощь в полную силу.

УПА—ОУН осуждает немецкую восточную (украинскую) политику и считает, что материальная и духовная силы народа не должны служить чужим, т.е. немецким, интересам, а только национальным интересам. Поэтому УПА выступает за сохранение украинских материальных ценностей от их вывоза в Германию, за прекращение вывоза украинской рабочей силы и придерживается принципа: на насилие отвечать насилием.

Командование УПА решило с приходом Красной Армии территорию Украины не оставлять, бороться против насильственной эвакуации населения и продолжать освободительную борьбу. УПА рассчитывает не на победу Германии, а поддерживает позицию англичан по ослаблению обоих противников, т.е. Германии и СССР.

В итоге произойдет усиление собственных войск, и при получении внешней поддержки будет достигнута сравнительно легкая победа. Украинские националисты не разделяют мнение о том, будто своей борьбой Германия содействует освобождению украинского народа.

Свою главную задачу УПА видит в том, чтобы замедлить темпы наступления Красной Армии на запад и тем самым выиграть время для формирования своей регулярной армии. Своим слабым звеном УПА считает недостаток обученных бойцов, вооружения и боеприпасов.

В рамках выполнения своей стратегической задачи с весны 1944 г. командование УПА проявило инициативу об установлении контактов с командирами низших звеньев вермахта и прекращения нападений на части вермахта с целью овладения оружием. После оставления немецкой армией украинской земли трудности политического характера для установления военного сотрудничества исчезли, и с августа 1944 г. они вышли на передний план. Но по вопросу о формах этого сотрудничества в среде руководства УОН и УПА имелись разногласия. Часть из них, ссылаясь на политические соображения, отказывалась от сотрудничества с немцами.

По-прежнему продолжается исторически обусловленная и бескомпромиссная борьба украинцев с поляками, но предпринимаются попытки установить контакты с другими народами Советского Союза — белорусами, кавказцами, туркестанцами и др. — на базе совместной борьбы против советского режима.

Определенные трудности в борьбе УПА создают различия в интересах разных регионов, на территории которых действуют отряды УПА. Так, западноукраинская группа УПА опирается на тех культурных и образованных украинцев, которые ориентируются на Запад и на греко-католическую церковь. Раньше этот регион входил в Австрию, и в Польше его именовали "Украинским Пьемонтом". Он сформировал свое собственное национальное самосознание еще со времени существования "Западно-Украинской Народной Республики". Эта группа представляет собой наиболее активную среди других групп УПА.

Группа "Север" стала своеобразным мостом, связывающим Восток с Западом. Население этого северного региона долго находилось в составе России и исповедовало православную веру. Именно это обстоятельство связывало Волынь с Украиной, а при польской власти — с Галицией.

Политическая традиция создания Великой Украины (по идеологии Петлюры) уступила идеологии УОН. Здесь существовали благоприятные условия для формирования банд и развертывания вооруженной борьбы. К началу войны с Советским Союзом эти условия расширились и с конца 1943 г. приобрели общеукраинское значение. Руководство бандами на Волыни находилось в основном в руках выходцев из Галиции»[52].

«Группа "Восток", охватывавшая территорию советской Украины, испытывала особые трудности, но все же национальное самосо-

знание населения продолжает укрепляться. В ходе оккупации отряды УПА этой группы сотрудничали с немцами в борьбе против советской власти. Значительную часть бойцов УПА здесь составляли дезертиры из Красной Армии, но среди военных инструкторов здесь были выходцы из западного региона.

Из-за объективных трудностей централизованное командование функционирует с большими трудностями. Предпочтение отдается действиям мелких боевых групп. Принципы обучения были позаимствованы у вермахта, некоторые командиры УПА в свое время служили в вермахте.

Таким образом, территориальный принцип построения УПА всегда оставался основным. Но вместе с тем были сформированы и национальные части и подразделения, например из белорусов, татар, туркестанцев и других национальностей. Это обстоятельство облегчало путь дезертиров в УПА.

Политическая цель УПА строится на трех фундаментальных принципах: антигерманский принцип — имеет противоестественный характер, ибо между УПА и вермахтом существуют общие интересы, и поэтому не в интересах украинцев добиваться ослабления вермахта. УОН убеждена, что восточная политика Германии направлена и против Украины.

Содержание антипольского принципа состояло в германской мести за польскую политику в отношении Германии в период 1918—1939 гг. ОУН—УПА вела против поляков настоящую войну с целью их физического уничтожения. УПА исповедовала лозунг, что поляки составляют "тлетворный элемент Советов" и что "поляки натравливают немцев на украинцев" и т.д.

Наконец принцип антисоветизма, который выражается в борьбе против Красной Армии, составляющей главную ключевую задачу ОУН—УПА. Эта борьба не наступательная, а оборонительная, в которой используются все формы "малой войны", что вынуждает советские власти использовать в ней крупные силы.

Карпатские перевалы УПА использует для поддержания связей с заграницей. Широко используются различные формы с привлечением местного населения для разложения Красной Армии, в том числе такие, как уничтожение красноармейцев только на поле боя, ведение пропаганды среди украинцев, служащих в Красной Армии, разоблачение советской системы.

В борьбе против УПА советские органы применяют всевозможные военные и политические средства. Например, еще летом 1943 г. по Восточной Украине был пущен слух, будто Сталин намерен включить Бандеру в состав советского правительства. Но подобные слухи не подтвердились.

В ходе борьбы группа "Восток" понесла особенно большие потери. Советская пропаганда постоянно твердит, будто УПА это банда наподобие банды Махно. Для советского правительства проблема УПА непосредственно связана с общей проблемой — судьбой Западной Украины в целом»[53].

В середине 1944 г. на территорию Западной Украины вступила Красная Армия. С тех пор она стала главным и единственным противником УПА. Борьба против советских органов власти, Красной Армии, внутренних войск НКВД приобрела здесь массовый характер, стала подлинным движением. Противоборствующие стороны втянули в эту жестокую бойню сотни тысяч граждан, в том числе стариков, женщин и детей.

В ходе многомесячной борьбы с УПА на территории Украины и южных районов Белоруссии руководство НКВД—МГБ хорошо изучило структуру УПА, ее методы проведения боевых действий, работу среди населения, число потерь, настроения солдат УПА, пути установления контактов с немцами для получения вооружения и радиосредств. Поэтому борьба с УПА шла довольно трудно, но в конечном счете успешно.

А вот какой информацией об УПА располагал начальник внутренних войск НКВД СССР по состоянию на 1 июля 1944 г. Она не во всем точна, но все же в достаточной мере соответствовала объективному состоянию УПА. «После продвижения советских войск в Западной Украине остались банды УПА. Политическими лозунгами этих банд являются лозунги чисто фашистские, националистические — "самостийность Украины" и "Украина для украинцев". Структурно УПА состоит из армии, куреней (батальонов), сотен (рот), чет (взводов) и рой (отделений). Во главе армии стоит командующий, при нем имеется штаб, состоящий из отдела боевой подготовки и разведотдела.

"Повстанческая бандитская армия" имеет "звязковых" (связных), главного лекаря и фельдшеров. Есть школа комсостава, старшин, подстаршин и других категорий. В качестве учебного пособия используется боевой устав пехоты РККА (плохо переведенный на украинский язык) и отдельные статьи из национальных газет и журналов. Пополнение и мобилизация в западных областях подчас осуществляются насильно, за счет дезертиров Красной Армии и бывших пособников оккупантов.

Все командиры и рядовые в УПА имеют клички, а после захвата документов клички меняются. Снабжение происходит за счет грабежа через "господарчых" (хозяйственников) в каждом селе. На все хозяйства устанавливается разверстка на продукты и фураж. Существует структура службы безопасности. УПА осуществляет террор среди населения, убивает работников, военнослужащих, запугивает население антисоветскими вымыслами. Террор проводит специальная структура — жандармерия.

Местное население в большинстве своем настроено не в пользу банд, но оно запугано и поэтому оказывает поддержку УПА продовольствием и приемом больных и раненых. Политические лозунги слабо воспринимаются народом. Помогают УПА лишь кулаки, репрессированные советской властью, и уголовники. На вооружении УПА имеются винтовки российские и немецкие, автоматы, легкие минометы, ручные пулеметы, станковые пулеметы, несколько лег-

ких пушек, единицы противотанковых ружей. Но их недостаточно, т.к. одна единица оружия приходится на 5–7 бандитов.

Тактика УПА состоит в следующем. Учитывая преимущество советских войск, при их приближении бойцы УПА должны разойтись по домам и прекратить временно борьбу. После прохождения фронта на запад необходимо снова сосредоточиться и активно действовать в тылу Красной Армии для осуществления вооруженного восстания.

В феврале–мае 1944 г. перед войсками НКВД Украинского пограничного округа встречались банды по 500–600 чел., т.е. около одного куреня. Банды дрались весьма активно, иногда безрассудно жертвуя собой, подрывались на гранатах и в редких случаях добровольно сдавались в плен. Солдаты УПА хорошо маскируются, воюют в лесах, в соприкосновение с частями Красной Армии входят только при своем превосходстве над ними. Против мелких групп Красной Армии они действуют с засад, забирают оружие, обмундирование и продовольствие. В случаях выхода из окружения они разбиваются на мелкие группы. Пребывая в селах, бойцы УПА часто симмулируют тифозно-больных, переодеваются в женское платье или в красноармейскую форму.

В последних боях в апреле–мае 1944 г. УПА понесла тяжелые потери, ее группы по 30–50 человек уходили на восток — в Житомирскую и Киевскую области и на север — в Полесье. В лесах УПА имеет хорошо оборудованные и замаскированные подвальные склады и конюшни. Продовольственные запасы УПА раздает своим пособникам в селах, но строго учитывает их».

Далее в документе отмечались недостатки в действиях внутренних войск. Среди них в качестве основного недостатка отмечается отсутствие у районных отделов НКВД точных оперативных данных о ситуации в районах. «В действиях войск плохо используется разведка, особенно разведроты и взводы, которые вообще не использовались. Не проводился предварительный допрос пленных, не изучались их показания и захваченные документы. Недостаточно организована гарнизонная служба, не было строгого режима в прифронтовой полосе, не было своевременной очистки от враждебных элементов, чем пользовались главари УПА. Командование войск не знало настроения населения, они дезориентировали командование Красной Армии, из-за чего наблюдались излишние жертвы.

Планирование некоторых операций осуществлялось без учета местности, сил УПА, имелись случаи опаздывания выхода на исходное положение. Иногда операции проводили неодновременно, не всегда имелись резервы. Части имели громоздкий обоз, состоявший из многих обслуживающих бойцов. Не всегда преследование завершали уничтожением противника. Иногда некоторыми операциями руководили вышестоящие начальники, чем снижался авторитет непосредственных командиров. В ходе операции иногда разные

войсковые подразделения входили в боевое соприкосновение друг с другом, из-за чего имелись убитые и раненые.

Были также позорные преступления, когда происходили незаконные расстрелы ни в чем неповинных мирных граждан, мародерство, пьянки. Преследование банд осуществлялось не всегда круглосуточно и независимо от погоды»[54].

В мае 1944 г., когда почти вся территория Украины была освобождена от вражеской оккупации, состоялся пленум ЦК КП(б)У. В его работе приняли участие все первые секретари обкомов партии, в том числе и областей Западной Украины. Обсуждалась проблема восстановления разрушенного оккупантами народного хозяйства, возобновления политической и культурной жизни. Большое внимание было уделено разработке мер по борьбе против деятельности ОУН и УПА, которая продолжалась и после освобождения областей Западной Украины Красной Армией.

Так, первый секретарь Львовского обкома партии Грушецкий проинформировал, что в освобожденных районах погибло от оккупантов более 10 тыс. человек. В с. Конюшки Бродского района было сожжено 454 хозяйства, сотни жителей угнаны на работу в Германию. Оратор упомянул также о преступлениях, совершенных немцами совместно с членами ОУН–УПА в начале 1944 г. в с. Поликровицы Подкаменского района. На сельский луг были согнаны все 360 жителей села, преимущественно женщины и дети, и почти все они огнем орудий и автоматов были расстреляны. Уцелели только 20 человек[55].

На пленуме его участники дали следующую оценку обстановки в западных областях Украины: «Как известно, в западных областях Украины, в Галиции и на Волыни действуют украинские фашистские националисты. Они там действуют не как одиночные элементы, а как политическая партия со своими кадрами, конспирацией, они имеют достаточную пропагандистскую технику, свои типографии и др.» Далее утверждалось, что при польской власти до сентября 1939 г. они чувствовали себя более или менее свободно. С приходом Красной Армии в сентябре 1939 г. они ушли в подполье и несколько сократили свою активность, а с приходом немцев снова развернули работу. «Минуло уже почти 3 года, — говорил на пленуме Олексенко, отвечавший за партийно-массовую работу в области, — а националисты никак не могут забыть и простить НКВД и поделом и без дела в своей печати постоянно вспоминают об НКВД не злым тихим словом. Они не могут простить НКВД, что тогда он не дал им развернуться».

Далее Олексенко определил украинских националистов как петлюровцев, которых изгнала Красная Армия, и они пошли под крылышко Пилсудского. При немецкой оккупации они создали УПА, которая ни разу не выступила против немцев и не пустила под откос ни одного немецкого эшелона, и только с весны 1944 г. перед приходом Красной Армии она активизировалась. На юге Ровенщины и в северной части Тернопольской области националисты пред-

приняли мобилизацию мужского населения, обучали новобранцев военному делу, создали базы с продовольствием, вооружением и боеприпасами[56].

Перед приходом Красной Армии руководство ОУН—УПА запретило своим членам эвакуироваться на запад и приказало оставаться в тылу советских войск, чтобы захватывать начальников органов НКВД, НКГБ и других, а также партработников, внимательно изучать методы борьбы против НКВД. Оратор предложил всем оказывать всяческое содействие НКВД[57].

Следующее заседание пленума ЦК КП(б)У состоялось в ноябре 1944 г., когда была освобождена вся территория Украины. Обсуждался вопрос о недостатках в политической работе среди населения западных областей Украины и об особенностях борьбы против ОУН—УПА в новых условиях, когда была восстановлена советская власть.

Так, первый секретарь Волынского обкома партии И.И.Профатилов привел новые факты, как он выразился, преступлений, которые совершали совместно немецкие оккупанты и украинские националисты. «Немецкие фашисты при помощи украинско-немецких националистов убили 152700 чел. и отправили на каторгу в Германию свыше 28 тыс. человек». За годы оккупации население области уменьшилось на 25%. «Из 1922 населенных пунктов оккупанты и украинско-немецкие националисты сожгли полностью 422, почти полностью уничтожили Ковель, Олика, Колки, Берестечко. Из 192 тысяч хозяйств уничтожено 25137, сожжены многие постройки, угнан скот. Разорены все 600 колхозов. Немцы оставили в области украинско-немецких националистов, чтобы они завершили разорение области».

Далее докладчик сообщил, что из 880 сельских советов «в 729 имеется хороший актив, там власть чувствует себя очень уверенно, и я бы сказал, что туда бандеровцы не пойдут тогда, когда захотят, а если и захотят, то быстро оттуда убираются».

Вместе с тем признавалось, что в 19 населенных пунктах нет советской власти, там хозяйничают бандеровцы, а в 111 сельсоветах советская власть чувствует себя нетвердо, там есть только председатель и секретарь, причем часто бывает так, что председатель дома не ночует. Это явление позорное.

В области ведется большая работа по ликвидации отрядов УПА, но все же еще осталось до 3,5 тыс. бандеровцев. За весь период после освобождения области было отмечено 804 нападения отрядов УПА, в ходе которых погибло 142 офицера и красноармейца, 24 районных работника, 94 председателя и секретаря сельсоветов и 388 человек местного актива. Потери бандеровцев составили 2600 убитыми и 3159 пленными. Было ликвидировано 160 оуновских подпольных организаций, арестовано 1027 человек, из них 2 члена окружных проводов, 32 — районных, 58 — кустовых и 69 — сельских.

После опубликованного обращения Президиума Верховного Совета и СНК Украины явилось с повинной 1177 человек. Активную помощь в борьбе с оуновцами оказывали 429 вооруженных групп охраны порядка и 33 истребительных батальона (6 тыс. человек). Они задержали 11707 оуновцев и убили 605 человек, население помогло уничтожить свыше 100 оуновских убежищ.

Но этими мерами активность отрядов ОУН—УПА не была подавлена. Если в августе и первой половине сентября 1944 г. были предприняты попытки налетов на три райцентра, то во второй половине сентября и в октябре были предприняты налеты на девять райцентров, которые нанесли серьезный урон районному партактиву и населению. Так, во время налета 22 октября на с. Джура были сожженны спиртзавод, здание сельсовета и убиты 6 районных работников. На следующий день во время налета на с. Трица было убито 72 человека, среди них четверо — партийного и советского актива. Всего погибло 1531 человек, из них 43 коммуниста и комсомольца.

Об особенностях борьбы с украинскими националистами в Черновицкой области рассказал на пленуме ЦК КП(б)У первый секретарь обкома Зеленюк. Он сообщил, что часть интеллигенции ждет того случая, когда придет английский поезд на Черновицкий вокзал. Имелись подпольные организации, которые изготовляли иностранные паспорта. У некоторых жителей было обнаружено по 5—6 паспортов разных стран. В областном центре проживает преимущественно еврейское население.

Борьба с украинско-немецкими националистами, продолжал далее оратор, в области имеет ту особенность, что большинство оуновцев прибыло из Станиславской области и местное население их не поддерживает, кроме тех, кто скрывается от призыва в Красную Армию, и кулаков. После соответствующих воззваний из лесов вышло более 6 тыс. оуновцев.

Но часть оуновцев осталась в лесах для продолжения борьбы. Советские органы создали истребительные батальоны для защиты населения. Например, в с. Боргомат группа оуновцев напала на здание сельсовета, но его председатель Степан Бугор вместе с активом на протяжении 4 часов держали оборону и вынудили оуновцев уйти. Оратор сообщил, что для более успешной борьбы двух батальонов внутренних войск НКВД для области недостаточно и просил ввести еще 2—3 батальона[58].

Докладчик от Львовской области, первый секретарь обкома партии Грушецкий рассказал о более сложной обстановке, которая создалась после освобождения в его области. Значительная часть партактива области пренебрегает работой с населением, ошибочно мотивируя это тем, что все жители здесь — это бандеровцы. Между тем немало активистов области мужественно сражается с оуновцами. Так, председатель сельсовета о. Недлиски Великис Ново-Яричевского района Головач, за которым давно охотились бандеровцы, в одном из боев был ранен. После излечения с груп-

ной самозащиты он снова вступил в бой с группой оуновцев в 60 человек, которые 15—16 ноября 1944 г. напали на квартиру Головача. В бою была ранена его жена, сожжен дом, а когда райком партии предложил ему переселиться в райцентр — он отказался. Раньше, говорил Грушецкий, партийный актив отказывался получать оружие, а теперь берет его для самозащиты. Обком партии организовал в с. Вербляны Немировского района выступление перед населением бывших оуновцев, в котором разоблачались связи ОУН—УПА с немцами. Это произвело на крестьян должное впечатление. Если с момента освобождения с повинной явились 2 тыс. человек, то за последние 10 дней — 350 человек. Пополнялись ряды истребительных батальонов — ныне в них находится 8 тыс. человек.

Об активизации борьбы ОУН—УПА в Каменец-Подольской области в августе 1944 г. сообщил Устенко. За последние три месяца, сказал он, произошло значительное оживление оуновского террора. Партийные и советские органы потеряли сотни активистов, в настоящее время нет ни одного спокойного дня, УПА сжигает здания сельсоветов, молотилки, разбрасывается хлеб. Оживилась деятельность местных церковников, которые служат в 400 церквах области. Особую активность проявляет Почаевская лавра, расположенная в Тернопольской области.

Секретарь обкома партии Тернопольской области Компанец привлек внимание к тому, что украинско-немецкие националисты терроризируют польское население. Руководитель областного управления НКВД Львовской области Рясной доложил пленуму, что оуновские кадровые силы, созданные немцами еще до освобождения, в основном разгромлены. Большинство изъятого оружия было немецкого происхождения. Среди убитых и плененных было обнаружено и 320 немцев, в большинстве офицеры. У националистов изъято 103 радиостанции, с помощью которых они поддерживали связь с немецким командованием.

Выступивший на пленуме один из руководящих деятелей Главного политического управления Красной Армии Д.З.Мануильский упрекнул местных работников в том, что они не поняли, что, когда Красная Армия вступила на Западную Украину, националисты временно притаились, а когда войска ушли на запад, то снова заметен разгул бандеровщины в августе и сентябре. По мнению Мануильского, в настоящее время оуновский бандитизм идет на спад, потому что наступает зима. Нужно воспользоваться тем, что многие оуновцы возвращаются домой, и усиливать пропаганду среди них. Мануильский попытался далее подвести теоретическую базу под украинский национализм. По его мнению, украинский национализм вскормлен фашизмом, но с поражением Германии он может усилиться, и не нужно строить иллюзии, что националистические банды будто бы целиком являются шпионской агентурой Германии. Источниками украинского национализма на Западной Украине являлась старая интеллигенция, поповичи и дьяконы, дезертиры из

Красной Армии. Возникшее во Львове украинское национальное движение при царизме имело прогрессивное значение, теперь же оставшиеся буржуазно-националистические элементы работают против советской власти.

Из других репрессивных мер, предпринятых советскими органами против ОУН—УПА после освобождения Западной Украины осенью 1944 г., наиболее впечатлявшим на сознание оуновцев было выселение их семей в Сибирь. Один из оуновцев в своем отчете по этому поводу писал: «Не так страшно, что нас бьют воинские части, не так страшит наших бойцов, когда их захватывают и арестовывают. Больше всего терроризирует и заставляет уходить из УПА то, что наши семьи отправляют в Сибирь. Это окончательно разлагает наших бойцов»[59].

Осуществляя боевые операции против отрядов УПА, командование частей внутренних войск (ВВ) НКВД совместно с политорганами вели активную разъяснительную работу как среди населения тех сел, где особенно активно действовали оуновцы, так и среди своих солдат и офицеров. В качестве примера можно привести опыт такой работы, обобщенный начальником политотдела 24-й стрелковой бригады ВВ НКВД Украинского пограничного округа подполковника Юхновца в докладной записке от 19 марта 1944 г.

В операции участвовало 807 человек, и она проводилась с 10 по 16 марта 1944 г. в составе четырех отрядов в Костопольском и Александрийском районах Ровенской области. Отрядам было приказано изъять всех мужчин призывного возраста (17—50 лет), а также обнаружить и уничтожить местные группы УПА.

Перед началом операции состоялось совещание офицерского состава. Было особо обращено внимание на недопустимость мародерства. Затем были проведены беседы и совещания в подразделениях с коммунистами и комсомольцами. Было предложено, чтобы на привалах провести беседы на темы о приказе Сталина № 16 и «Кто такие украинские националисты». В последующем ходе операции боевых столкновений с оуновцами не отмечалось, была лишь открыта стрельба по убегающим из сел «бандитам».

В итоге операции было задержано 1638 человек призываного возраста, злостно уклонявшихся от мобилизации, из них 89 человек были явные «бандиты». При попытке к бегству было убито 6 и ранено 2 «бандита». Вскрыты два склада с боеприпасами и продовольствием, изъята антисоветская литература.

В 13 селах, где находились части войск ВВ, были избраны председатели сельсоветов и восстановлена советская власть. В 54 населенных пунктах офицеры бригады зачитали обращения к бойцам УПА сложить оружие. После этого с повинной вернулись более 500 человек. Так, в с. Хлазово Александровского района после собрания из леса домой вернулось 9 человек. Местный житель Гридук рассказал о командирах отрядов УПА и их преступных действиях. В с. Забороль того же района местный священник в проповеди на протяжении получаса клеймил украинских нацио-

налистов и рассказывал о вековой дружбе между украинцами и русскими. Проповедь он закончил «Аминь», и все за ним повторили ее[60].

В справке по «бандобстановке» в тылу Белорусского фронта на 17 апреля 1944 г. командование внутренних войск НКВД на этом направлении отмечало, что в тылу Белорусского фронта, главным образом левого фланга, в течение апреля 1944 г. заметно активизировалась деятельность банд Украинской повстанческой армии (УПА). По данным частей войск, а также территориальных органов НКВД и УКР «Смерш», в тылу Белорусского фронта на 17.4.44 г. учтено 9 крупных банд УПА с количеством участников ориентировочно до 750 человек.

Банда «бульбовцев» — до 200 человек — в середине апреля 1944 г. находилась в Узово (Житомирская обл.) и двигалась на восток в сторону Овруча. Она базировалась в немецком тылу, боролась против советских партизан и находилась в контакте с немцами. Еще в 1943 г. из-за программных расхождений с УПА «бульбовцы» были парализованы, затем действовали в советском тылу. В тылу фронта активно действовала группа «Заграва» (5 куреней) — всего 3 тыс. «бандитов» в районе р. Горынь в Ровенской области. Тактика УПА в то время состояла во внезапных налетах, устройстве засад на дорогах, в нападениях на мелкие подразделения и служебные наряды. «В лесных массивах оборудованы и хорошо замаскированы землянки, в которых укрываются бандиты. Кроме того, располагая обширными связями среди местного населения, бандиты находят приют у членов ячеек "ОУН", своих родственников и близких знакомых». Имеют 45-ти и 76-ти мм пушки и пулеметы[61].

Внутренние войска НКВД в двух своих основных пограничных округах к концу июля 1944 г. состояли: на Украине из 1 дивизии, 9 бригад, 1 кавполка и 1 танкового батальона — всего 33011 человек. Одна бригада дислоцировалась на освобожденной территории Румынии. В ВВ Белорусского округа к тому времени насчитывалось 2 дивизии и 1 отдельный стрелковый полк общей численностью 10461 солдат и офицер[62].

Борьба с бойцами УПА носила обоюдно жестокий характер. В документах приводится немало фактов этих жестокостей. Так, 22 октября 1944 г. в одной из операций по выселению семей бойцов УПА группа солдат истребительного батальона местного отделения милиции во главе с майором Полянским вошла в с. Кравеньки. При въезде Полянский убил одного из жителей, поджог крайний дом и отдал приказ поджигать другие дома, что и было исполнено. При его попустительстве солдаты поджигали дома, грабили имущество, расстреливали жителей. В этой деревне было сожжено 30 домов и самочинно расстреляно 10 человек. Полянский был предан суду военного трибунала, 25 других руководящих офицеров привлечены к строгой партийной ответственности. В архивном

документе не упоминается, какое же наказание понес майор за убийство мирных жителей.

В другом документе приводится еще один факт нарушения «революционной законности». Так, старший лейтенант Булгак — командир 1-й сб 169-й сбр — в апреле 1944 г. расстрелял перед строем роты обезоруженных оуновцев. Документ гласит, что он «не осознал, что это может негативно сказаться на поведении личного состава и местного населения, в то время настроенного сочувственно к оуновцам». «Кроме того, расстрел по-чекистски абсолютно безграмоный прием».

Как же был наказан офицер за этот «безграмотный прием»? Учитывая личные заслуги Булгака, говорится в документе, военный прокурор 9-й дивизии прекратил привлечение его к уголовной ответственности. Лишь после повторных случаев бесчинств в его батальоне он был понижен в звании[63].

В документе отмечается, что некоторые другие офицеры внутренних войск считали, что, мол, все местное население помогает оуновцам и нечего с ним церемониться и придерживаться правовых норм. Так, командир взвода 25 сбр Дорофеев сам расстрелял 8 железнодорожных рабочих и 5 местных жителей якобы за пособничество оуновцам. Как отмечается, Дорофеев был приговорен к расстрелу[64].

Командование внутренних войск беспощадно расправлялось с теми военнослужащими, которые в боях с УПА проявляли трусость и нерасторопность. Так, 4 октября 1944 г. отряд УПА напал на дислоцированное в одном из сел отделение под командованием сержанта Леонова 231-го отдельного стрелкового полка, разоружил его, а солдат и сержанта Леонова отпустил. Итоги расследования показали, что отделение состояло из ограниченно годных рождения 1894—1896 гг., было оставлено в селе для заготовки сена и дров. В Красной Армии никто из них, кроме двух сержантов, не служил, они не знали даже, как обращаться с оружием. В бою с налетчиками у сержанта Леонова кончились патроны, и он согласился сдаться вместе с отделением. Казалось бы, причины объективные. Однако военный трибунал осудил Леонова к расстрелу, его бойцы были направлены в штафную роту, командир роты был отстранен от должности с понижением, а командир 154-го полка был снят с должности[65].

Имелись донесения, свидетельствующие о других негативных явлениях в поведении некоторых солдат и офицеров ВВ в ходе операций. Так, в операции в Михалковском районе (Западная Украина) в 21-й стрелковой бригаде ВВ отмечались случаи расстрела задержанных в пути граждан, избиения задержанных, в том числе стариков. В одном из сел было сожжено четыре дома, что не вызывалось боевой необходимостью. Отмечалось запрещенное самоснабжение за счет местного населения, имелись многочисленные случаи мародерства. В ходе операции 9 апреля были расстреляны несколько задержанных местных девушек, на глазах у личного со-

става имелись случаи избиения задержанных. Командование бригады расценивало эти случаи как «нарушение революционной законности» и принимало меры к их пресечению.

Во время операции в хуторе Сбора, которую проводили подразделения 10-й стрелковой дивизии ВВ в апреле 1944 г., был убит командир роты лейтенант Моисеев. В отместку за это дом и сарай, откуда велся огонь, были сожжены. На собрании населению было объявлено, что в случаях сокрытия «бандитов» дома будут сжигаться. Одновременно, как сообщалось в соответствующем донесении, проводились беседы о сталинской Конституции и о правах советских трудящихся.

В большинстве случаев ВВ действовали в операциях против УПА совместно с войсками Красной Армии. Так, части ВВ совместно с полком Красной Армии 28–30 августа 1944 г. в лесу северо-восточнее Равы Русской провели операцию против 1400 бойцов УПА. В ходе боя, длившегося два дня, группировка УПА была в основном ликвидирована, подсчитано 625 трупов и пленено 12 человек. Всего же, по данным начальника ВВ НКВД СССР, в этом районе за два дня пограничники, войска ВВ и части Красной Армии убили 1298 человек и пленили 817 человек. Сами потеряли 20 убитыми и 25 ранеными[66].

В докладе политотдела внутренних войск НКВД Украинского пограничного округа о политико-моральном состоянии войск за 1944 г. указывалось, что войска вели так называемую малую войну против контрреволюционных банд украинско-немецких националистов и иных фашистских агентов. Не было достаточного военно-чекистского опыта. Задача осложнялась, во-первых, активизацией банд ОУН; во-вторых, наличием глубоких антисоветских, реакционно-националистических и антиколхозных тенденций отдельных групп местного населения, которое до 1939 г. находилось под социально-политическим и идеологическим воздействием антисоветской профашистской клики панской Польши, а затем после непродолжительного существования советского строя, не успевшего глубоко закрепиться, местное население на протяжении последних трех лет усиленно разлагалось фашистской пропагандой немецких захватчиков и гнусной, антисоветской клеветой украинско-немецких националистов.

«Наличие у бандформирований УПА и УНРА широкой базы среди отдельных групп населения антисоветско настроенных, наличие родственных связей бандитов с местным населением, система круговой поруки в многочисленных населенных пунктах, направленной на укрытие и материальное содействие бандитам, вызванной массовым террором ОУНовцев. Сложные условия местности с большим пространством, лесными массивами, болотами, мелкими разбросанными селами, деревнями, хуторами и плохими дорогами мешали ведению боевых действий», — так оценивал политотдел внутренних дел на Украине причины продолжавшейся борьбы УПА[67], но ничего не было упомянуто об антинародной политической линии сталинского руководства в отношении населения Западной Украины, что, собственно, и было основной причиной освободительной борьбы украинского народа в этом регионе.

Среди архивных документов Центрального штаба и Украинского штаба партизанского движения и внутренних войск НКВД нельзя найти подтверждения того, что УПА поддерживала систематически и на стратегическом уровне какие-либо контакты с командованием вермахта в борьбе против советских войск. Имеются подтверждения лишь того, что со второй половины 1944 г., когда Западная Украина уже была освобождена от немецкой оккупации, германское командование действительно оказывало посильную помощь некоторым действовавшим в советском тылу отрядам УПА.

Так, в одном из донесений командования ВВ НКВД сообщается, что 3 сентября 1944 г. на Западной Украине пограничники задержали парашютиста Ф.Сапегу. Он был в группе из 9 человек, которая 2 сентября на двух немецких самолетах приземлилась в Сижанских лесах (восточнее Владимира-Волынского) с заданием передать командиру местной группировки УПА взрывчатку, печати, штампы и чистые бланки различных удостоверений. В тот же погранотряд явился парашютист Дм.Огиев (рождения 1924 г., сержант Красной Армии) и рассказал о задании, полученном для УПА от германского командования[68].

Приведенная ниже таблица свидетельствует о масштабах, ходе и итогах противоборства Украинской повстанческой армии и внутренних войск НКВД Украинского пограничного округа только на территории западных областей Украины и только летом 1944 г.

В начале января 1945 г., когда войска 1-го Украинского фронта, стоявшие на реках Сан и Висла, готовились к проведению Висло-Одерской стратегической операции, было принято решение обеспечить им спокойный глубокий тыл. 10 января по представлению Берии ЦК Компартии Украины принял решение «Об усилении борьбы с украинско-немецкими националистами в западных областях Украины».

Место операций	Дни и м-цы 1944 г.	Убито бойцов УПА	Захвачено бойцов УПА	Убито бойцов ВВ	Ранено бойцов ВВ	Примечания
1	2	3	4	5	6	7
Супрунов, Малятин, Самострой	11–13. VI	61	87	4	12	
Гримайлов, Борщев (Терноп. обл.)	17–25. V	507	172			Курени «Быстрого», «Березы», Батько, Хмара. С повинной явился сотенный Мельничук Н.С. («Мельник»)

1	2	3	4	5	6	7
Ровенская обл.	14—16. VI	17	118		1	
Ровенская и Волынская обл. р-ны Мнишек, Палицы, Пустоматы	16—18. VI	26	16	—	—	Пленен комкуреня «Недоля» и комсотни «Лебедь». Добровольно явились 17 «бандитов». Добровольно явилось 46 «бандитов». Убит главарь «банды» «Ярославич», добровольно сдались 7 чел. -»- 15 чел. -» сдались 140 чел.
	19.VI	7	93	—	2	
	22—26. VI	95	513	2	4	
	27—28. VI	36	75	—	1	
	30.VI—1.VII	31	165	—	—	
	3—4. VII	26	171	—	—	
Ровен., Волын., Терн. и др. обл.	10—11. VII	85	50	5	2	-»- 7 чел.
Ровен. и Волын. обл.	13.VII	13	53	1	1	
Ровен., Волын., Терн. и др. обл.	22—23. VII	21	175	—	—	Пленен районный комендант Бондарец В. Добров. сдались 5 чел.
Ровен., Волын., Терноп. и др. обл.	24—27. VII	78	120	1	1	Добров. сдались 29 чел. Убит «главарь банды» «Жук». Пленен «главарь банды» «Училин»
Ровен. и Волын. обл.	28.VII	5	84	—	—	Схвачен «главарь банды» «Чайка». Убит «главарь» «Еременко», задержан «Штуль». Добров. [сдались] 10 чел.
	29—30. VII	3	109	5	2	
-»- и Терноп. обл.	2.VIII	62	81	2	1	Задержаны 62 «бандпособника» -»- 5 -»-
	3—4. VIII	36	182	—	—	

1	2	3	4	5	6	7
Ровен. и Волын. обл.	5.VIII	20	47	1	—	
Ровен., Волын., Терноп. обл.	6.VII—8.VII	13	243	—	—	Добровольно сдались 63 чел. Задержаны «бандпособ.» 25 чел.
	9—13. VIII	57	206	1	1	
	14—16. VIII	184	152	11	12	Добровольно сдались 9 «бандитов» и 14 «бандпособников»
Западные обл. Украины	20—24. VIII	237	665	32	36	Сдались добровольно 12. ВВ и Красн. Армия убили 803 чел. (в т.ч. 100 немцев), захвачено 220 «бандитов», 200 чел. сожжены в домах.
Львов, Дрогобыч, Ровен. и Волын. обл.	22—23. VIII	102	209	2	4	Задержано 17 «бандпособн.»
Запад. обл. Украины	30.VI—1.IX	1778	1264	7	83	-»- 12 -»-

Были приняты следующие методы проведения операций:

— войска сосредоточивать скрытно, не допуская ухода частей УПА;

— создавать вокруг населенных пунктов плотное кольцо блокады;

— тщательно прочесывать все населенные пункты;

— территории районов разделить на батальонные и ротные участки;

— ротам, расположенным в селах, не задерживаться более 2—3 дней;

— широко применять демонстрацию ухода из села с последующим внезапным возвращением;

— для прочесывания лесов создавать рейдирующие подвижные отряды.

На основании этого плана в течение зимы и начала весны 1945 г. на территории Западной Украины развернулись упорные бои. По данным командования внутренних войск НКВД Украинского пограничного округа, за квартал было проведено 2535 различных боевых операций, из них 1258 сопровождались боевыми столкновениями. Было убито 8782 и захвачено в плен 22993 оуновца, захвачено 10179 «пособников бандитов» и добровольно сдался

советским властям 22001 оуновец. В значительной мере было обезглавлено командование УПА. В середине февраля 1945 г. из 20-й и 24-й стрелковых бригад (сбр) в Оржевских хуторах был убит, как отмечается в архивном документе, «Главком УПА». (Если имеется в виду командующий УПА генерал-хорунжий Тарас Чупрынка, то он погиб 5 марта 1950 г. в с. Билогорша около Львова, окруженный группой солдат НКВД на его подпольной квартире.) В ходе боев в районе этих хуторов было убито 78 уоновцев, захвачено 158 оуновцев и 252 их пособника.

В документах отмечается ряд случаев, когда оуновцы являлись с повинной. Так, командованию 17-й сбр в январе добровольно сдались 2218 человек, в феврале — 2795 и за 15 дней марта 1547 человек. Всего, таким образом, согласно данным документа, за I квартал 1945 г. пришли с повинной 6560 оуновцев.

В то же время произошел и такой случай. У жены оуновца Г.Буркуна 27 января в с. Селище начались тяжелые роды. Ей помог советский военный фельдшер и жизнь роженицы была спасена. На следующий день явился сам Буркун и через «Прикарпатскую правду» написал благодарственное письмо советскому фельдшеру[69].

Зимне-весенние операции на Западной Украине стали последними в ходе Второй мировой войны в Европе. Гитлеровская Германия была разгромлена, и в центре Европы в окружении стран, которые враждебно относились к Украинской повстанческой армии, она оказалась один на один с советскими войсками.

Тем не менее в весенне-летние месяцы 1945 г. борьба сторон стала еще более ожесточенной и активной. По данным штаба внутренних войск Украинского округа, с 1 апреля по 1 июля было проведено 3054 операции, из них 1226 с боевыми столкновениями. В ходе боев было ликвидировано 220 подразделений УПА, убито 6404 человека, из них 227 — из руководящего состава УПА, пленено 18304 и добровольно сдавшихся оказалось 5672 человека[70].

8 января 1945 г. Нарком внутренних дел СССР Генеральный комиссар государственной безопасности Л.Берия подписал приказ о проведении чекистско-войсковой операции по ликвидации «бандформирований УПА» в Пинской, Брестской областях, северных районах Ровенской и других областях УССР.

В боевом распоряжении начальника внутренних войск НКВД Белорусского пограничного округа генерал-майора Киселева от 14 января 1945 г. говорилось следующее: совместные операции частей внутренних войск НКВД Украины и Белоруссии против УПА начнутся 15 января. Операция со стороны внутренних войск Украинского округа состоит из трех этапов: с 15 по 25 января, с 28 января по 5 февраля и с 8 по 18 февраля 1945 г.[71]

В случае прорыва банд УПА, уточнялось в боевом распоряжении, с Украины в район Белоруссии все силы нужно использовать для решительных действий по уничтожению противника, применяя окружение и боевое воздействие. Держать непрерывную связь с гарнизонами и заслонами. Использовать агентурные данные, уничтожать базы бандформирований, пользуясь сведениями районных отделов НКВД, изымать бандпособников и прочий вражеский элемент. В документе содержится предупреждение об ответственности вплоть до предания суду за провал или за неудачный исход операции.

Таким образом, в конце 1944 г. и начале 1945 г. главным фронтом внутренних войск Украины и Белоруссии была борьба против войск УПА. Вместе с тем важное место в их деятельности занимала и борьба против польской Армии Крайовой, которую называли «белопольскими бандформированиями». Об этом свидетельствует приказ наркома внутренних дел Белоруссии комиссара госбезопасности С.Бельченко и начальника внутренних войск НКВД Белорусского пограничного округа генерала Киселева. В приказе, в частности, подчеркивалось, что в ряде пунктов Новогрудского района базируются «белопольские бандповстанческие формирования», местные боевики бандгрупп и разные группы власовцев. Для их ликвидации было выделено 500 бойцов внутренних войск. Были разработаны следующие порядок и метод проведения операции в марте–апреле 1945 г.

территорию районов Молодечненской области, подлежащую очищению, разбить на полковые, батальонные и ротные участки в соответствии с этапом операции (4 этапа), топографическими условиями местности, численностью и боевым составом участвующих подразделений и частей;

— участки блокировать частями и подразделениями путем выставления заслонов с целью перекрытия всех входов, выходов и подступов к этим участкам. Границы ротных участков должны проходить по открытой местности, удобной для несения службы оцепления;

— намечать пункты, куда созывать все население, и проводить с ним беседы, собрания, на которых предлагать добровольно явиться в органы НКВД дезертирам, уклонявшимся от службы в Красной Армии, и прочему антисоветскому и контрреволюционному элементу;

— в светлое время дня производить тщательную и последовательную проверку всех населенных пунктов, хуторов, жилых и нежилых строений, чердачных и подвальных помещений, всех возможных и вероятных мест укрытия вражеского элемента;

— на ночь операцию прекращать и усиливать службу заслонов, засад, секретов и патрулирования. С рассветом операцию возобновить и продолжать дотемна;

— проводить в широких масштабах политработу среди населения силами политаппарата частей и соединений, содействовать укреплению органов советской власти на местах;

— боевую операцию осуществлять по конкретным планам чрезвычайных мероприятий;

— иметь резерв силою не менее отделения с транспортом, продовольствием и автоматическим оружием;

— задержанных силами оперативного и офицерского состава немедленно подвергать фильтрации. Полученные данные использовать;

— после первичной фильтрации задержанных сдавать в районные отделы НКВД и МКГБ местного района;

— переход от одного этапа к другому обеспечивать перекрытием и выставлением заслонов между очищенным районом и подлежащим очистке. Кроме того в границах 6-й сд и 10-й сд перекрыть заслонами западную и южную границы с Литвой[72].

В январе 1945 г. внутренние войска на Украине, которая к тому времени была полностью освобождена, представляли собой внушительную силу: 7 стрелковых бригад, 2 стрелковых полка, кавалерийский полк, отдельный танковый дивизион и некоторые другие части. Они действовали против УПА в корне изменившейся ситуации: прямой контакт командования УПА с войсками вермахта был нарушен, и оно изменило свою тактику. УПА действовала мелкими группами, нападала на советских солдат из засад, совершала диверсионные акты, нападения на мелкие гарнизоны, минировала пути отхода и выхода из боя, проникала в партийные и советские органы управления, чтобы парализовать их деятельность и получать ценную информацию.

В конце декабря 1944 г. — начале января 1945 г. войска Украинского округа провели ряд успешных операций. В районе Волица — Серетец, где действовали отряды «Романа» и «Гордиенко», в боях с подразделениями внутренних войск они потеряли 271 человека, захвачено в плен 6 человек и взято все вооружение. Диверсионная группа «Кавказ», действовавшая на железнодорожном участке Здолбуново — Дубно, за четыре дня боев потеряла 40 человек и пленено 45. Во время операции в Млынувском районе 18 декабря женщины заставили своих мужей разойтись по домам и прекратить кровопролитие.

Но в соответствующих донесениях отмечается и немало неудачно проведенных боев. Так, 11 ноября 1944 г. батальон из 16-й сбр численностью в 100 бойцов на пути в с. Ракитно столкнулся с группой «Стального» численностью 300 человек. В ходе длительного боя было убито 70 оуновцев и советское подразделение потеряло 26 солдат. Был убит и заместитель командира батальона капитан Стулов[73].

Определенную роль в активизации и эффективности борьбы с оуновцами на Западной Украине сыграло принятое политбюро ЦК КП(б)У от 21 марта 1945 г. постановление «О фактах грубых нарушений советской законности в западных областях Украины». На основании этого документа была проведена перестройка оперативно-служебной деятельности войск. В наиболее «пораженных бандитизмом» районах формировались гарнизоны ротного типа. Усилилась разъяснительная работа среди населения, советские солдаты помогали населению в проведении посевной кампании.

Частично изменилась тактика и УПА. Из остатков разгромленных подразделений создавались строго законспирированные группы численностью в 2—5 человек. Командование УПА стало обращать больше внимания на привлечение на свою сторону подростков, усилило репрессии против добровольно сдающихся и членов их семей, поджигало их дома и даже вырезало целые семьи[74].

В отчетной информации об оперативной обстановке на Западной Украине в III квартале 1945 г. давался неоправданно оптимистический вывод о том, что «УПА разгромлена — существуют только мелкие группы боевиков, больше не существуют ни курени, ни сотни, ни загоны». В действительности же оуновцы продолжали срывать уборку урожая хлеба, заготовки, по-прежнему продолжалась вооруженная борьба. Командование УПА разгадало новую тактику внутренних войск и соответственно реагировало на нее.

ЦК КП(б)У поставил перед войсками Украинского пограничного округа новую задачу: «К 1 ноября 1945 г. ликвидировать бандитизм на Украине». Партийное руководство Украины признавало: «Изучение населения показало, что среди местных жителей в областях Западной Украины все еще имеется значительная прослойка, оказывающая содействие бандитам в их диверсионно-террористической борьбе с органами советской власти»[75].

Осенью 1944 г. борьба с антисоветскими формированиями на Украине и в Белоруссии продолжалась с прежней интенсивностью и ожесточенностью. Оперативная сводка начальника войск генерала Аполлонова о боевой деятельности внутренних войск НКВД СССР за период с 15 по 30 сентября, представленная Берии, содержит следующие данные:

	на Украине	в Белоруссии
— убито «бандитов»	2742	51
— захвачено в плен	2632	523
— задержано:		
«бандпособников»	209	146
уклонявшихся от призыва	1206	2
дезертиров	730	785
солдат вермахта	927	15

Сами внутренние войска за это время потеряли 54 убитыми и 101 человека ранеными[76].

Практика репрессий советских властей против членов семей, которым не предъявлялись обвинения по конкретным преступлениям,

являлась бесспорно примером заложничества, широко применявшегося гитлеровцами, против которого в годы войны выступало само советское правительство. Кроме того, по определению Нюрнбергского процесса, заложничество квалифицировалось как вид преступления против человечности.

После разгрома гитлеровской Германии в первые послевоенные годы о коллаборационизме с вермахтом, естественно, речи не могло быть. Но ожесточенная борьба в виде гражданской войны на территории Западной Украины продолжалась с прежней интенсивностью и жестокостью.

Только в трех ее областях (Львовской, Ивано-Франковской (б. Станиславской) и Тернопольской), по некоторым данным, с августа 1944 г. по 1950 г. было убито, пленено и задержано более 250 тыс. человек, из них убито 55 тыс. бандеровцев. В одном лишь 1946 г. оуновцы потеряли убитыми — 6406, захваченными в плен — 16730 и явившихся с повинной — 1948 человек. Если учесть, что за каждым из них стояла семья, состоявшая минимум из трех человек, которая в той или иной степени также содействовала вооруженной борьбе, то нетрудно представить себе ее массовость.

Программные цели ОУН

Некоторые нынешние исследователи не считают вооруженную борьбу бандеровцев народным движением, а его участников называют «буржуазными националистами» и бандитами, которые применяли жестокие методы борьбы. При этом утверждается, что они якобы намеревались восстановить капиталистический строй на Украине и рассматривали украинскую нацию превыше всех других наций. Но чтобы определить политическое лицо какой-либо партии или движения, достаточно для начала ознакомиться с их программными документами.

Возьмем программную резолюцию учредительного конгресса ОУН, состоявшегося в 1929 г. В ней, в частности, было сказано: основой административного устройства украинского государства является местное самоуправление; экономическая жизнь государства основана на сотрудничестве государства, кооперации различных видов и частного сектора при национализации помещичьих земель без выкупа, как это было уже осуществлено в Советской Украине. Государство поддерживает середняка; крестьянское хозяйство строится на праве частной собственности на землю при государственном ограничении ее купли-продажи; леса без выкупа передаются государству или органам местного самоуправления. Государство поддерживает индустриализацию, государственными станут только те предприятия, которые обеспечивают оборону и вообще существование страны. Остальные предприятия являются частной собственностью граждан или ассоциаций и действуют на основе свободной конкуренции и частной инициативы.

Социальные конфликты разрешаются государственным арбитражем; профсоюзы имеют право представительства в органах государственной власти; работодателям и наемным рабочим предоставляется право заключать между собой коллективные и личные договора; вводится 8-часовой рабочий день с перспективой его сокращения; вводится единая система соцобеспечения; народное образование — государственное, обязательное, бесплатное, единая школа для гармоничного развития человека.

Религия — это личное дело гражданина, полная свобода верований; отделение церкви от государства; сотрудничество с различными конфессиями; армия и флот строятся на принципе всеобщей воинской повинности как единая, регулярная, надклассовая, национальная вооруженная сила; ее частью являются казацкие территориальные формирования; отказ от ориентации внешней политики на одного из исторических врагов Украины, за союз со всеми народами, которые являются врагами наших врагов[77].

В таком же духе с учетом некоторых уточнений формулировок составлялись программные документы ОУН и в последующие годы, вплоть до 1950 г. Спрашивается, что же буржуазного содержится в этих документах?

Что же касается стереотипного обвинения в буржуазном национализме, то программные документы ОУН его также опровергают. В приведенном выше документе по этому вопросу говорится: «Украинский национализм — это духовное и политическое движение, родившееся из внутренней природы украинской нации в ходе борьбы за принципы и цели ее творческого бытия». Далее отмечается приоритет нации над всеми другими видами человеческого сообщества: «Нация — это наивысший тип органичного человеческого сообщества. Она располагает внутренней формой, возникшей на базе общего естественного положения, общей исторической судьбы и желания самовыражения в полной мере». Подчеркивается, что условием, которое может наилучшим образом обеспечить ее длительное активное участие в мировой среде, является политическая организация в лице суверенного государства. Конкретно для украинской нации речь идет о создании Украинского самостоятельного соборного (т.е. объединенного) государства. И в данной концепции не просматривается ничего такого, что бы вызывало ее неприятие.

Один из тезисов по национальному вопросу, принятому на Великом конгрессе украинских националистов в 1971 г., гласит: «Мы отвергаем понятие и термин "украинский буржуазный национализм", ибо он — плод русских великодержавных шовинистов для оправдания морального террора против украинских патриотов и борьбы с украинским освободительным движением». И далее: «Политике угнетения наций и людей украинской национальности противопоставляется принцип равноправия суверенных национальных государств, народовластие и международная солидарность. Борьбу за независимое украинское государство украинский национализм осуществляет под лозунгом "Украина — это общее богатство всех

ее граждан» и призывает к этой борьбе все национальные меньшинства, проживающие на Украине». Далее в принятом воззвании к украинскому народу говорится: «Нет народов худших или лучших. Есть только такие, которые уже достигли высокого уровня развития, и такие, которые стремятся к нему. Мы спрашиваем: чем язык Шевченко хуже языка Ленина?»

Что же касается внешнеполитической концепции программы украинских националистов, то о некоторых ее аспектах упоминается в следующем архивном документе. Румынская информационная служба в августе 1941 г. сообщала, что в одной из хорватских газет была опубликована статья о территориальных притязаниях ОУН. «Украинцы претендуют на часть Бессарабии, Северную Буковину, а также часть северной Молдавии и Марамуреша. ОУН включила в состав Украины южные районы Белоруссии с г. Брест, часть России, включая Ростов, всю Кубань до Кавказского Хребта, большую часть Крыма (кроме южного побережья)»[78].

Румынская разведка внимательно изучала деятельность различных украинских группировок и прежде всего наиболее крупных из них — ОУН, Украинское национальное правительство и группировка Скоропадского. В Информационной справке с примечательным названием «Империалистический характер движения украинских националистов» отмечалось, что все они едины в своих территориальных требованиях, различие имеется лишь в способах их осуществления.

Во-первых, если ОУН и УОП выступают за создание национального государства, то группа Скоропадского — за конституционную монархию. Во-вторых, что касается тех территорий, где проживают украинцы (Румыния, Венгрия и бывшая Польша), то Скоропадский и УНП предлагают решить эту проблему дипломатическим путем, группа ОУН, наоборот, с применением силы. «Несмотря на эти различия, — подчеркивается в румынской справке, — империализм этих групп представляет достаточную опасность для соседей будущей Украины»[79].

Разумеется, изложенные в этом документе данные следует воспринимать критически. Однако не исключено, что определенные группы в украинском националистическом движении могли действительно выдвигать подобные идеи.

Видимо, прав польский исследователь Р.Торжецкий, утверждая, что украинский национализм охватывал три основных направления: эволюционное, предусматривавшее возрождение морально-политического единства украинского народа; промежуточное, сформулированное известным теоретиком украинского национализма Донцовым, предусматривавшее использование всех средств для достижения поставленной цели; революционное, провозгласившее лозунг перманентной революции с целью создания собственного государства и исходившее из принципа: либо переубедить, либо уничтожить. В годы Второй мировой войны, отмечает автор, националисты занимались не столько переубеждением, сколько уничтожением.

Как следует из приведенных выше программных документов, национальная политика ОУН не содержит ничего недемократичного. Правда, история политических и общественных движений дает нам примеры того, как провозглашенные принципы не соответствовали реальным действиям и особенно применявшимся методам политической борьбы. Случаи сотрудничества руководства ОУН с немецкими властями и террористические методы их борьбы, как отмечалось выше, действительно имели место. Руководство ОУН, а тем более тысячи рядовых членов этой организации не принимали ни гитлеровской, ни сталинской диктатуры. В отмеченные выше годы ОУН стремилась совместно с одной диктатурой, т.е. гитлеровской, ликвидировать на Украине диктатуру сталинскую и воспользоваться этим для достижения своих целей.

Трудно определить, имели ли эти действия стратегический характер или являлись тактическим ходом ОУН. В одном из заявлений 1946 г. командование вооруженных сил ОУН отмечало, что украинское освободительное движение никогда не ориентировалось на гитлеровскую Германию и что акт 30 июня 1941 г. имел антигерманскую направленность. В связи с активизацией боевой деятельности УПА против немцев гитлеровская пропаганда утверждала, будто украинское освободительное движение представляет собой замаскированное Москвой коммунистическое движение. Советская пропаганда, наоборот, обвиняла бойцов УПА в сговоре с гитлеровцами.

Руководство ОУН и УПА недвусмысленно осудило тех украинцев, которые действительно сотрудничали с гитлеровскими оккупантами (сторонников одного из руководителей ОУН А.Мельника, солдат дивизии «Галичина», действовавших в составе вермахта, некоторых автономных отрядов, групп Т.Бульбы на Волыни). Оно также осуждало власовцев, которые выступали против независимой Украины. «Но к русскому народу мы относимся позитивно и подружески, — говорилось в этом документе, — но при условии признания наших прав и воли к независимости в наших этнографических границах». В заявлении далее утверждалось, что «никогда и нигде украинские повстанцы не брали участия в антиеврейских акциях. В нашей многочисленной подпольной печати нет слов, направленных против евреев. В УПА боролись евреи, прежде всего в качестве врачей».

В воззвании к украинскому народу по поводу капитуляции Германии руководство УПА утверждало, что украинское освободительное движение было направлено как против сталинского режима в СССР, так и против гитлеровской «новой Европы». Это движение выступает за образование украинского государства без помещиков и капиталистов, без большевистских комиссаров, энкаведистов и партийных паразитов, за ликвидацию большевистских колхозов и немецких общественных хозяйств, за передачу всей земли крестьянам

без выкупа, за свободу печати, мысли, веры и мировоззрения, против официальных догм и доктрин. УПА борется за равенство всех граждан Украины и равноправие национальных меньшинств, за их собственную по форме и содержанию национальную культуру.

Из сказанного, однако, следует, что при всем том положительном, что содержится в программных заявлениях ОУН, даже кратковременное ее сотрудничество с исконным врагом украинского народа — гитлеровской Германией — оправдать невозможно. Но попытаться понять мотивацию бандеровцев важно и необходимо.

Что же касается применения жестокостей в борьбе сторонников ОУН и прежде всего ее вооруженной силы УПА, то на Западной Украине до 1952 г. шла практически настоящая гражданская война. В таких войнах, как свидетельствует история, обеими сторонами всегда применялись особенно жестокие методы и преследовались бескомпромиссные цели.

Случаев бесчеловечной расправы над теми гражданами и даже слоями населения, которые поддерживали советскую власть, не говоря уже о сражавшихся против них пленных солдатах и офицерах Красной Армии и особенно из внутренних войск НКВД, было действительно немало, и они вызывают решительное осуждение. По официальным данным, от террора ОУН и в борьбе против нее погибло не менее 60 тыс. советских граждан. Среди них было 30 секретарей райкомов партии, 32 председателя и заместителя председателей райисполкомов, 37 секретарей обкомов и райкомов комсомола, сотни депутатов областных, районных и местных советов, 50 православных священников, а также свыше 30 тыс. других активистов. В боях с УПА погибло также 25 тыс. военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

Но вспомним, с чего же началась эта жестокая братоубийственная война? Она началась с арестов и депортаций, которые были предприняты советскими органами НКВД сразу же после вступления Красной Армии на Западную Украину в сентябре 1939 г. и продолжалась до вступления немецко-фашистских войск в эти районы, о чем упоминалось выше.

Особенно жестоко действовали органы и войска НКВД накануне и в первые дни Великой Отечественной войны, когда ими после жестоких пыток были расстреляны десятки тысяч жителей Западной Украины. Так, в тюрьмах Львова расстреляны несколько сот заключенных, в Дрогобыче – 540 человек, в Станиславе — более 500 человек, сотни узников казнены в Тернополе, Стрые и в других городах. Погибли многие представители интеллигенции, священники, рабочие, крестьяне, студенты. Другие уходили в леса и горы, создавали вооруженные отряды и совершали такие же жестокие акции.

На вопрос, изменилось ли сотрудничество ОУН с германскими оккупационными властями после коренного перелома в 1943 г., один из исследователей ФРГ Ф.Гольчевский категорически заявляет, что оно по-прежнему существовало. Более того, приобрело

прагматичный характер и было вызвано тем, что немцы стали отказываться от оценки славян как «недочеловеков» и искали путей сближения с украинцами.

Гольчевский утверждает, что сотрудничество УПА и вермахта продолжало существовать даже осенью 1944 г., когда части УПА получали от немцев большое количество вооружения, боеприпасов и разведсводки о действиях Красной Армии. По данным Розенберга, к тому времени украинские националисты рассчитывали на довольно многочисленный резерв антисоветских сил. До 1 млн солдат Красной Армии – украинцев — находилось в немецком плену и до 2 млн украинцев — восточных рабочих — было занято на работах в Германии.

В такой совершенно безнадежной для немцев военно-политической ситуации лидеры различных направлений в украинском национальном движении, Бандера, Мельник, Левицкий и Скоропадский, пришли к соглашению о совместных действиях. Как уже упоминалось, 17 марта 1945 г. в Веймаре был сформирован Украинский национальный комитет во главе с бывшим генералом Украинской Народной Республики П.Шандруком.

По некоторым данным из украинских источников, следует, что около 1600 тыс. украинцев к 1959 г. успели эмигрировать в другие страны, в том числе в Соединенные Штаты — 954 тыс., в Канаду — 380 тыс. и Бразилию — 103 тыс. человек.

Прекращение вооруженной борьбы. Проблема реабилитации

После завершения войны и особенно после 1952 г., когда УПА полностью прекратила вооруженную борьбу, встал вопрос о реабилитации членов этой боевой организации. После XX съезда партии в 1956 г. принимались меры по снятию некоторых ограничений в правовом положении, а затем и реабилитации жертв сталинизма, в частности и так называемых спецпоселенцев, т.е. депортированных. Правда, постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. еще не распространялось на оуновцев (их тогда было около 136 тыс. человек) и «лесных братьев» из Прибалтики. Однако многие из них явочным порядком возвращались на родину. Но в мае 1956 г. Совет Министров СССР постановил ликвидировать ограничения освобожденных от ссылки членов семей «украинских и белорусских националистов». В итоге к весне следующего года на Украину вернулось более 45 тыс. оуновцев и их пособников и 5700 человек даже тех, кто служил непосредственно в немецко-фашистских формированиях. Всего же на Украину вернулось 65 тыс. человек.

Несмотря на реабилитацию многих из бывших оуновцев, советские власти еще не считали их полноправными гражданами. Дух мести еще многие годы витал над ними. В 1959 г. его жертвой стал

С.Бандера, убитый советским террористом Б.Сташинским по заданию официальных советских властей.

Разумеется, следуст разоблачать тех бывших оуновцев, кто под видом критики сталинизма и в настоящее время пытается оправдывать свои прошлые злодеяния. Но необходимо осуждать и тех работников НКВД и других советских и партийных органов, которые под предлогом защиты советской власти также совершали не менее страшные злодеяния, что и оуновцы. Дикий террор, который развернули немецкие эсесовцы и вояки «Нахтигаля» и «Ролланда» в течение недели после захвата Львова в ночь с 29 по 30 июня 1941 г. и в последующие дни, достоин преступлений, совершенных органами НКВД за неделю до вступления в город гитлеровских войск.

Некоторые нынешние авторы, критикуя повышенный интерес на Западной Украине к национально-освободительной борьбе украинского народа в 30—50-е годы, ставят вопрос, зачем же реанимировать бандеровщину. На него можно ответить так: чтобы не произошла реанимация бандеровщины, нужно сделать все, чтобы предотвратить реанимацию бериевщины.

Завершая анализ политического характера и масштабов национально-освободительной борьбы украинского народа в западных областях Украины, важно упомянуть и о том, как складывались отношения между украинцами и поляками в этом регионе.

Тактика польских коллаборационистов, проживавших в западных областях Украины, в частности на Волыни и Подолии, Главным управлением государственной безопасности Германии характеризовалась следующим образом. Население обеих областей составляло около 4630 тыс. человек, из них поляков проживало около 465 тыс. и евреев — 326 тыс. человек. В настоящее время поляки с помощью немцев стремятся захватить здесь ключевые позиции, с тем чтобы после поражения Германии создать «Великую Польшу». В документе отмечается, что поляки на Волыни поставляют главный контингент служащих для немецкой администрации из местного насселения.

Значительным влиянием на Волыни пользуется католическая церковь, которая является носительницей шовинистической политики поляков. Почти все сельские католические священники являются духовными руководителями польского Сопротивления[80].

Вооруженная борьба на территории Балтии

За последние годы в независимых странах Балтии входят в традицию торжества по случаю формирования национальных легионов и их участия в боях против Красной Армии в годы Второй мировой войны. Стало штампом утверждение, будто эти люди воевали на стороне вермахта, потому что хотели восстановить независимость своих стран, «оккупированных Советским Союзом».

О чем же свидетельствуют исторические факты?

В конце августа 1941 г., когда войска 8-й немецкой армии приближались к Эстонии, в тылу отступавших советских войск уже действовали сформированные из дезертиров эстонских территориальных войск, которые еще с 1940 г. входили в состав Красной Армии. Из 7 тыс. человек дезертировала почти половина. Они объявили себя батальонами безопасности «Омакайтсе», совершали убийства советских воинов и диверсии на путях их отхода в районах Пскова и Выру. Вскоре на базе этих батальонов при поддержке оккупантов возник легион СС «Эстония».

В последующие месяцы уже под Старой Руссой случаи массового дезертирства из прибалтийских частей Красной Армии повторились. В первой половине октября 1941 г. на сторону врага перешли 2 тыс. эстонских, более 5 тыс. латышских и около 10 тыс. литовских солдат и офицеров из бывших территориальных частей Красной Армии. Более того, они вскорс были превращены в карательные отряды и участвовали в борьбе против партизан — латыши и литовцы в Белоруссии, а эстонцы на Псковщине.

В конце 1941 г. советское Верховнос главнокомандование вынуждено было расформировать оставшиеся в Красной Армии остатки прежних национальных корпусов, и все они как неблагонадежные были разоружены и отправлены на стройки в районы Свердловска и Архангельска. В последующие годы они составили основу для формирования новых национальных сосдинений, которые совместно с Красной Армией участвовали в освобождении своих республик[81].

Вскоре после оккупации республик Прибалтики немецкие власти разрешили легализоваться тем политическим партиям и организациям, которые в 1940 г. были запрещены советскими властями. Эти партии рассчитывали на то, что Германия будет заинтересована в предоставлении Литве, Латвии и Эстонии государственной независимости. В Литве, в частности, такой организацией стал Верховный комитет освобождения Литвы (ВКОЛ) и его вооруженная сила — Литовская освободительная армия (ЛОА).

Вооруженная борьба ЛОА

Некоторая часть литовцев, встречая немецкие войска как своих освободителей, рассчитывала, что Литва наконец обретет государственную независимость. Как пишет немецкий автор Кнут Штанг, литовцы еще до немецкой оккупации стали создавать местные подпольные органы власти и партизанские отряды, предприняли акции по задержанию евреев, с тем чтобы показать немецким «освободителям» свою лояльность к ним. Оккупанты одобрили создание вооруженных отрядов для борьбы против Красной Армии и советских партизан, но стихийное задержание евреев и реквизицию их имущества потребовали прекратить. Объясняется такое страннос

решение, по мнению К.Штанга, двумя причинами: во-первых, меры литовцев против евреев мешали оккупантам провести холокост «организованно» и в массовом порядке. И во-вторых, имущество евреев перехватывали литовцы, тогда как оно было объявлено «немецким».

Сформированные литовскими коллаборационистами так называемые «подвижные полицейские отряды» были объединены в общий батальон «Каунас» в составе семи рот. Совместно с немцами они вели активную борьбу против советских партизан[82].

Однако литовский народ был горько разочарован тем, что оккупационные власти вовсе и не думали предпринимать что-либо похожее на предоставление ему независимости. Единственное, на что пошли оккупанты, — они установили здесь несколько более либеральный режим, чем в других оккупированных регионах Советского Союза. Но с ухудшением военно-политической ситуации Германии оккупанты ужеточили этот режим. Так, летом 1943 г. были запрещены все политические партии, и ВКОЛ снова ушел в подполье. Тогда же возник нелегальный Литовский национальный фронт (ЛНФ) со своими местными комитетами, верховный штаб Литовской освободительной армии тоже создавал боевые группы на местах, хотя и не предполагал немедленно вести вооруженную борьбу с оккупантами. Лишь с отходом войск вермахта из Прибалтики летом 1944 г. бойцы ЛОА препятствовали им вывозить государственное имущество, а также защищали Виленскую область от намерений польской Армии Крайовой присоединить ее к Польше.

Необходимо иметь в виду, что коллаборационизм в республиках Балтии в 1941—1944 гг. проявлялся в двух видах. Часть деятелей явно фашистского толка пошла непосредственно в услужение немецко-фашистским оккупантам, занимала административные посты, получала привилегии и совместно с немцами участвовала в карательных операциях не только против советских партизан в своей республике и в Белоруссии, но и против литовских националистических антигерманских сил и евреев. Немецкие органы безопасности признавали, что до 7 июля 1941 г. литовцы сами арестовали 1125 евреев, 32 политзаключенных, 85 русских рабочих и 2 уголовников[83]. В последующий период, как сообщалось в одном из бюллетеней оперативной команды, действовавшей в Литве и расстреливавшей здешних евреев, 150 литовских полицейских и чиновников также ликвидировали по 500 евреев ежедневно.

На конференции литовцев и латышей, состоявшейся в Риге 8—9 января 1944 г., отмечалось, что Латвия выставила на фронт около 40 тыс. человек — одна бригада (5—6 тыс. человек) действует на Волховском фронте, дивизия (17 тыс. человек) предназначена для действий в районе Ново-Сокольники. Против партизан действует 4-батальонный полицейский полк (3 тыс. человек), которым командует полковник Иозис. Имеются также отряды самообороны — 14 тыс. человек. Армия Эстонии состоит из 14 тыс. солдат и офицеров[84].

Другая часть литовских националистов выступала против любых оккупантов, как советских, так и немецких, поддерживала идею о государственной независимости Литвы и ориентировалась на поддержку Англии и США в случае, если Германия потерпит поражение и развалится антигитлеровская коалиция. В годы оккупации эти националисты находились в оппозиции к режиму и оказывали ему пассивное сопротивление. Со вступлением в Латвию советских войск и при восстановлении в ней советской власти они вели активную вооруженную борьбу за независимую Литву.

Со вступлением в Литву советских войск командование ЛОА приняло решение не мешать их действиям против немцев, если Красная Армия непосредственно не будет нападать на бойцов ЛОА. Допускалось применение вооруженной борьбы против Красной Армии лишь в двух случаях: при падении германского оккупационного режима и при объявлении англо-американскими союзниками войны Советскому Союзу (приказ верховного штаба ЛОА от 10 декабря 1944 г.).

Однако руководители литовского подполья разгрома СССР не дождались и предприняли слабо организованное и мало эффективное вооруженное сопротивление войскам Красной Армии и НКВД.

В отчетных документах органов и внутренних войск НКВД содержатся упоминания о нападениях подразделений ЛОА на советских активистов, обстрелах из пулеметов населенных пунктов, чтобы посеять панику среди населения. Имелись случаи увода мирных жителей в лес за то, что они отказывались помогать бандам. Бандиты запрещали молодым литовцам идти в Красную Армию, в случае отказа угрожали расстрелом членов семьи и поджогом домов. С января—февраля 1945 г. гражданская война в Литве заметно активизировалась.

Что же касается обстановки в Латвии, то в конце мая 1991 г. здесь состоялся первый вселатвийский съезд «лесных братьев», или так называемых национальных партизан. В эти дни ряд местных газет опубликовали список их жертв. Так, лиепайская газета «Яунайс лайкс» сообщила следующие данные о терроре «лесных братьев» в 1948 г.: «25 января — убит комсомолец в Буркавской волости Резекненского уезда. 21 февраля — убиты два коммуниста в Лудзенском уезде. 15 апреля — убиты три коммунистических активиста Лутренской волости Кулдигского уезда. 19 апреля - публично убиты три коммуниста в поселке Абели Екабпилсского уезда. 15 мая — убиты начальник милиции Кулдигского уезда и его жена. 19 мая — убиты два комсомольца в Косавском уезде Цесисского района. 29 мая — убит уполномоченный милиции в Заубеском уезде. 17 июля — убит начальник МТС в Билской волости Валкского уезда. 28 сентября — убиты два коммуниста в Стендской волости Талсинского уезда. Декабрь — убит уполномоченный милиции в Билской волости. Весной в Кулдигском уезде также партизаны повесили трех коммунистов...» Таковы факты, указанные в донесениях партизан и подпольщиков.

Как рассказал ученый-историк Янис Дзинтарс, с июля 1944 г. по декабрь 1951 г. «лесные братья» убили около 3 тыс. человек, 147 семей было вырезано. Сведения из архивов Польши, США, Германии, в которых работал Я.Дзинтарс, подтверждают, что 90% убитых были латышами.

В конце июля 1944 г., рассказал Янис Дзинтарс, в Ригу прибыли представители штаба гитлеровской диверсионной организации «СС-Ягдфербанд», которой руководил Отто Скорцени. В Латвии был создан оперативный штаб «СС-Ягдфербанд-Леттланд» во главе с гитлеровским преступником эсэсовцем Б.Янкавсом. Согласно штабным документам — я познакомился с ними в архивах, — в Латвии была создана из «лесных братьев» сеть агентов-террористов, боевиков, содержателей явочных квартир. «СС-Ягдфербанд» подготовил около 5 тыс. агентов, еще 500 — абвер, а около 5 тыс. примкнувших составили бывшие каратели, полицейские. Они совершили 6529 террористических актов против населения Латвии[85].

Для борьбы с бандитами органы госбезопасности из местных активистов стали формировать отряды местной самообороны. Здесь же действовали подразделения отдельного отряда особого назначения (ОООН), непосредственно подчиненные НКВД — НКБ СССР. Этот отряд был сформирован в октябре 1943 г. на базе бывшей отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), созданной еще в начале войны.

Базовым соединением внутренних войск НКВД на территории Литвы стала 4-я стрелковая дивизия, имевшая опыт борьбы с немецкой агентурой на Северном Кавказе, участвовавшая в выселении крымских татар.

Советское командование, сосредоточив на территории Литвы 7 погранполков, в декабре 1944 г. и январе 1945 г. уничтожило 23 боевых подразделения ЛОА и 321 их бойца. Были также задержаны 665 человек, уклонявшихся от призыва в Красную Армию[86].

В действиях войск НКВД и особенно отрядов самообороны наблюдались случаи применения неоправданно жестоких мер против националистических элементов — заложничество, аресты членов семей тех, кто ушел в лес, поджоги усадеб и другого имущества, причем даже не в ходе войсковых операций, а с целью «профилактики». Эти меры не способствовали стабилизации обстановки, а наоборот, она обострялась.

Как отмечалось в историческом формуляре 4-й сд, за период с 1944 по 1954 гг. в Литве было зафиксировано 6238 «бандпроявлений», проведено 1764 операции, в ходе которых было убито и пленено 30596 «бандитов» и захвачено около 18 тыс. единиц стрелкового оружия.

«Не возникает сомнения в том, — отмечает российский исследователь С.В.Зубренков, — что советские войска выступали на территории Прибалтики не только как освободители от фашизма, но и как сила, выполнявшая карательные функции, принесшие большие страдания литовскому народу. Но не надо идеализировать ЛОА и ее борьбу, нельзя забыть тот факт, что в этом движении

участвовали не только фанатики независимости республики, но и пособники фашистского режима»[87].

Этот справедливый вывод следовало бы дополнить напоминанием, что не только советские войска принесли «большие страдания литовскому народу» в 1944—1945 гг., но и то, что литовские националисты и коллаборационисты еще раньше принесли не меньшие страдания при отходе советским войскам летом 1941 г. и советским партизанам.

Контрпартизанские действия оккупантов и коллаборационистов

В контрпартизанской борьбе оккупанты применяли разнообразные оперативные и тактические приемы, которые зависели от многих факторов и прежде всего от массовости и активности партизанского движения, а также от географических и других условий. В первые месяцы оккупации для удержания контроля по возможности над большей территорией противник стремился рассредоточить свои карательные силы по многим населенным пунктам. Но с 1942 г. в связи с численным ростом и активизацией партизанского движения он вынужден был изменить свою тактику и стал сосредоточивать свои силы только в наиболее важных населенных пунктах.

На оккупированной территории Советского Союза, особенно в районах наибольшей активности крупных партизанских сил, оккупационные власти широко применяли специальные операции (они именовались «карательными») или серию более мелких операций в сочетании с блокадой тех лесных массивов или горных районов, в которых дислоцировались партизаны, или рейдировавших соединений и отрядов. Весной 1942 г., сосредоточив крупные силы, германское командование предприняло операцию по ликвидации 12 партизанских формирований, сосредоточенных в Брянском лесу. Только на участок, который обороняли партизаны С.А.Ковпака, были тогда брошены 8 танков, 4 броневика и 30 грузовиков пехоты. Всего же на ликвидацию Брянского партизанского края противник бросил тогда свыше 50 тыс. войск, в том числе снятых с фронта.

В 1943 г. в связи с дальнейшей активизацией партизанского движения противник вынужден был применять против него еще более крупные силы, частично снимая их с фронта. Так, в карательных операциях против партизанского соединения А.Н.Сабурова в 1943 г. участвовало 38 тыс. солдат и офицеров, С.А.Ковпака — 25 тыс., против партизанских отрядов, действовавших в междуречье Днепра и Десны, — 48 тыс. человек.

По признанию самих немецких генералов, руководивших этими операциями, борьба против партизан отвлекала много германских сил и была сопряжена с большими трудностями. Например, северо-западнее г. Брянска против партизан, которых насчитывалось, по немецким данным, 3 тыс. человек, действовал в течение десяти дней весь немецкий корпус, поддерживаемый авиацией.

Германские каратели высоко оценивали искусство партизан маскироваться, используя для этого хорошо знакомую им местность и другие возможности. Несмотря на усилия карателей, все же партизанам удавалось уходить из кольца и наносить удары в других местах. Как признавало немецко-фашистское командование, особенно большие потери войскам причиняли поставленные партизанами мины.

В Польше оккупанты неоднократно меняли методы контрпартизанской борьбы, постоянно расширяя ее путем привлечения все большего количества войск. Осенью 1943 г. наступление оккупантов также не принесло им серьезных успехов. Три крупных сражения, осуществленные в октябре 1943 г. (под Коханами в Люблинском воеводстве, в лесу Дябла Гура в Келецком воеводстве и в Хроберских лесах в Краковском воеводстве), не смогли подавить партизанское движение.

В середине 1944 г. для подавления польского Сопротивления гитлеровцы провели также несколько операций при участии не только полиции, но и регулярных войск с применением артиллерии, авиации и танков. Первая из них была проведена под Амелином (12 мая) и Ромблевом (14 мая). Затем в июне 25 тыс. человек при поддержке танковой дивизии «Викинг» атаковали группировку польских и советских партизан в Яновских и Липских лесах и Сольской пуще. Бои продолжались 10 дней и также закончились для противника безрезультатно. Наконец, в июле 1944 г. гитлеровцы провели операцию против партизан в Парчевских лесах. Это были последние крупные контрпартизанские действия оккупантов на польской земле перед вступлением советских войск.

Ожесточенным характером и большим разнообразием тактических приемов отличалась борьба в Югославии. В начальный период народного восстания оккупационные войска дислоцировались в городах и опорных пунктах, расположенных вблизи важнейших коммуникаций. Отсюда же они выступали для выполнения различных «карательных» задач. Со второй половины 1941 г., когда основные войска вермахта были связаны на восточном фронте, стали использоваться и полицейские марионеточные части. В Сербии крупные силы вермахта и сербской полиции охраняли железнодорожные линии и такие важные для оккупантов военно-промышленные объекты, как Борские рудники, бокситовые рудники в районе Мостара и др.

Однако путем обороны отдельных важных объектов и коммуникаций оккупантам не удалось добиться эффективного контроля над значительной частью югославской территории. С целью уничтожения живой силы было принято решение провести против войск Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) ряд последовательных операций с массированным применением пехоты, танков и авиации. Таких «генеральных операций» было проведено не менее семи. В большинстве из них предпринимались попытки уничтожить народно-освободительные силы путем их окружения.

По признанию У.Черчилля, еще в начале июня 1943 г. начальники штабов доложили ему, что «четники безнадежно скомпрометировали себя своими связями со странами Оси в Герцеговине и Черногории» и что «во время недавних боев в районе Черногории силы держав Оси сдерживались организованными партизанами, а не четниками»[88].

На огромном пространстве сражение беспрерывно длилось около двух месяцев. Дивизии НОАЮ несли большие потери, им мужественно помогало местное население. Но противник не смог праздновать победу.

Среди других следует упомянуть и операцию, предпринятую немецким и итальянским командованием во второй половине мая — первой половине июня 1943 г. в районе между реками Сутьеской, Дриной и Пивой. Пользуясь большим превосходством в силах, противнику удалось нанести серьезный ущерб оборонявшимся дивизиям НОАЮ. Но они вырвались из окружения, быстро восстановили свои силы и в районе между Сараево и реками Дрина и Босна сами перешли в контрнаступление. Таким образом, немецко-фашистское командование, имея такие важные преимущества, как подавляющее численное и техническое преимущество, бесперебойное снабжение, наличие специальных горных частей и оперативная свобода действий, не смогло ими эффективно воспользоваться.

Выход Италии из войны в сентябре 1943 г. резко изменил и ситуацию в северных районах Югославии, которые были оккупированы итальянцами. Десятки тысяч из них перешли на сторону Тито и Михайловича. Партизаны и четники приобрели огромное количество итальянской боевой техники, вооружения и боеприпасов. Однако Гражданская война между партизанами Тито и хорватскими войсками приобрела еще более ожесточенный характер. Изменилось соотношение сил.

1944 г. в истории Гражданской войны в Югославии ознаменовался тем, что после успешных политических и военных акций НОАЮ в первой половине года в октябре 1944 г. на территорию Югославии вступили советские войска. 20 октября был освобожден Белград, и войска НОАЮ предприняли освобождение Хорватии и других районов на севере страны.

Жертвы, принесенные всеми участниками этой жестокой борьбы, к концу года были ужасными. Специалисты подсчитали, что в борьбе между разными политическими силами в стране, не считая участия в непосредственных боевых действиях, погибло от 500 тыс. до 550 тыс. гражданских лиц. К ним некоторые авторы прибавляют казненных партизанами Тито 600 тыс. хорватов, мусульман, четников и других коллаборационистов.

В последующий период вплоть до мая 1945 г. политическая и военная ситуация в Югославии коренным образом изменилась. Немецкое командование в Югославии придерживалось оборонительной стратегии, заботясь прежде всего о том, чтобы обеспечить безопасный отход своей группировки из Греции и Албании. Ряд райо-

нов вдоль побережья противник превратил в мощные узлы сопротивления.

В ходе наступления союзнических войск по территории Франции после их высадки в Нормандии значительно активизировалась деятельность французских партизан.

Тогда же по требованию немецких властей французская милиция провела большую карательную операцию против крупной группировки партизан, расположившейся на горном плато Веркор. В ходе этой операции 1031 партизан был убит и 288 человек оказались в плену.

Это была последняя крупная контрпартизанская операция французских коллаборационистов. После нее под влиянием успехов союзников усилилась деморализация французской милиции. Поэтому немецкое командование приказало разоружить ее, оставив для нее лишь пистолеты для поддержания общественного порядка.

В Болгарии борьба монархо-фашизма против движения Сопротивления велась в основном теми же методами, что и в других странах. В ней принимали участие не только карательные органы, но и все другие звенья государственной власти. Все зависело от того, в каких формах осуществлялась деятельность антифашистов. Так, с марта по июнь 1941 г., когда общая обстановка, казалось, благоприятствовала монархо-фашистскому режиму, он, не отказываясь от других, репрессивных методов, усилил пропаганду национализма и шовинизма, спекулировал на национальных проблемах на Балканах, уверял свой народ в «непобедимости» германской армии и т.д.

С июня 1941 г. обстановка изменилась, и в предвидении резкой активизации движения Сопротивления в начале июля 1941 г. полиция провела массовые облавы с целью арестов и интернирования всех активистов БРП и РМС, были лишены своих депутатских мандатов депутаты-коммунисты и тоже интернированы. Тогда же Народное собрание приняло ряд законов, которые значительно ужесточали наказания за различные «преступления», особенно политические и военные, а то и просто имевшие превентивный характер.

В связи с активизацией боевых групп с лета 1941 г. германское командование в Болгарии приняло меры для более тщательной охраны своих коммуникаций, мест дислокации войск, военных объектов и вообще защиты своих интересов. Кроме того, болгарская полиция и регулярные войска получили задание раскрыть и ликвидировать в зародыше все боевые группы и группы саботажа. В те дни им удалось нанести антифашистам весьма тяжелые потери.

С конца 1942 г. — начала 1943 г., когда в Болгарии развернулось партизанское движение, власти стали широко практиковать длительные облавы в районах действия партизан. В них участвовали как полиция, так и регулярные войска. В облавах применялись, как правило, войска, которые в два-три раза превышали численность партизан. Делалось это потому, что, во-первых, власти не знали действительных сил партизан и, во-вторых, стремились дей-

ствовать с полной гарантией на успех, чтобы потом протрубить на всю страну о якобы окончательной ликвидации партизанского движения. Так, отряд «Чавдар» в середине 1943 г. выдержал почти 2-месячную блокаду.

Чтобы активизировать борьбу против партизан, регенты и правительство приняли и ряд организационных мер. Было реорганизовано высшее командование армии, из которого выделена специальная служба для контрпартизанской борьбы, подчиненная непосредственно начальнику штаба армии. Формировались специальные подразделения, хорошо вооруженные и оснащенные автомашинами и радиостанциями. В октябре 1943 г. началось формирование карательных батальонов. Руководящая роль в борьбе против движения Сопротивления была возложена на армию, поэтому многие государственные и все общинные органы и общественные организации и службы переходили в подчинение военному министру до «окончательного уничтожения антифашистского движения».

Зимой 1943/1944 г. правительство использовало для блокады партизанских районов до 100 тыс. солдат и полицейских с участием артиллерии и авиации.

С лета 1944 г. немецкие войска и итальянские фашисты провели ряд крупных операций против партизан в Северной Италии. Только в июне 1944 г. произошли 51 бой в Лигурии, 25 — в Ломбардии, 32 — в Эмилии и Романье, 18 — в Венето и 111 — в Пьемонте. Тяжелые потери итальянские партизаны понесли во время непрерывных атак противника осенью 1944 г. и зимой 1944/45 г.

Осенью 1944 г. немецким карателям при поддержке коллаборационистов удалось добиться успехов в районах «свободных республик» Оссолы, Монферрато и Ланге. Массированное прочесывание они вели в областях Эмилия и Лигурия. В зимнее время 1944/1945 г. для партизанского движения в Италии наступил тяжелый кризис, в ходе которого они потеряли ранее освобожденные территории и понесли большие жертвы. Лишь наступившая весна принесла надежду на скорую победу.

Характерно, что там, где партизаны действовали мелкими группами и нападали на противника неожиданно, эффективность действий карателей была минимальной. Если же командование партизан игнорировало это важное правило борьбы в тылу врага и концентрировало в одном месте неподвижно большие силы, они неизбежно несли тяжелые потери.

Имея общее численное превосходство в живой силе и вооружении, оккупанты в своей контрпартизанской борьбе стремились навязать партизанами, как правило, открытые бои. Но то, что было выгодно противнику, не устраивало партизан, и они прибегали к подобным действиям только в благоприятных для себя случаях.

В ряде случаев, особенно во время рейдов партизанских отрядов или при их дислокации в крупных лесных массивах противник как для разведки, так и для бомбардировок, применял авиацию, для чего с осени 1943 г. в немецкие авиасоединения и училища

были разосланы для изучения специальные «тактические указания главнокомандующего ВВС» по применению авиации в контрпартизанской борьбе. Однако такая тактика была малоэффективной, ибо появление разведывательных самолетов становилось предупреждением для партизан об опасности, и они принимали соответствующие меры. Кроме того, главнокомандующий авиацией Геринг неохотно отрывал самолеты от действий на фронте. Противник довольно часто применял артиллерию и минометы, а вблизи железнодорожных путей и особенно для охраны крупных железнодорожных узлов — и бронепоезда. Танки и бронемашины использовались только на открытой местности и реже в горах, ибо в лесах они несли большие потери.

Если каратели не имели возможности войти в непосредственное боевое соприкосновение с партизанами и навязать им бой, они применяли массированное прочесывание не только крупных лесных массивов, но и целых районов действий партизан. При этом жители подвергались различным репрессиям, населенные пункты сжигались, а все продовольствие увозилось. Подобные действия карателей — немцев и местных коллаборационистов — были обычными на оккупированной территории СССР, в Югославии, Греции, Польше, Италии и некоторых других странах. По существу, это была система заложничества, что являлось примером грубого нарушения международного права, законов и обычаев войны.

Существовавшие в ряде стран в глубоком тылу противника освобожденные партизанами территории вызывали особое беспокойство оккупантов. Например, к концу 1943 г. 60% территории Белоруссии находилось в руках партизан, т.е., по существу, эти территории являлись освобожденными зонами. Поэтому оккупанты принимали все меры, чтобы быстрее ликвидировать их. Такие попытки предпринимались в Белоруссии, в северных районах Украины и в районе Брянска. В Италии против «свободных республик» было организовано несколько крупных операций, в ходе которых противнику удалось их ликвидировать. В Словакии оккупантам удалось занять обширную территорию, освобожденную словацкой армией и партизанами в сентябре—октябре 1944 г. во время Словацкого национального восстания. В Югославии, Греции и Албании освобожденные партизанами территории нередко переходили из рук в руки, но в конечном счете они удерживались партизанами.

Объектом особой заботы командования вермахта и оккупационных властей были охрана коммуникаций и прежде всего железных дорог, для чего они вынуждены были выделять значительные силы и строить всевозможные дорогостоящие защитные устройства. Применительно к обстановке на оккупированных территориях Советского Союза уже в первой инструкции по борьбе против партизан от 25 октября 1941 г. указывалось, что на 100 км железных дорог потребуется в среднем около батальона охраны из расчета два человека на каждый километр, а оставшиеся солдаты должны использоваться для патрулирования или находиться в резерве. В инструкции, в частности, говорилось: «Рост числа диверсий против паровозов вынудил нас установить военную охрану многих паровозных депо (в настоящее время 66). Мы усилили также охрану важных военных заводов... Таким образом, все наличные силы охраны исчерпаны. Охрана других объектов будет возможна только в случае выделения новых частей безопасности...»

Крупные силы войск и полиции оккупанты вынуждены были использовать для охраны коммуникаций на территории Польши, имевших решающее значение для снабжения войск на восточном фронте. Чтобы иметь представление об их значимости, достаточно напомнить, что здесь транзитом осуществлялось почти 100% железнодорожных и около 75% автодорожных перевозок.

В практике контрпартизанской борьбы в годы войны фашистское командование пыталось парализовать управление партизанским движением, особенно в тех странах, где оно было централизованным. Наиболее крупной попыткой решить эту задачу в Югославии стала выброска в 1944 г. десанта в местечко Дрвар, где находился Верховный штаб НОАЮ. Попытки ликвидировать Верховный штаб и убить И.Броз Тито предпринимались немецкой агентурой еще в начале 1943 г., но неудачно. Осенью в районе г. Баня Лука, который находился в 100 км от Дрвара, стали концентрироваться специальные подразделения из дивизии «Бранденбург». В середине ноября 1943 г., когда Верховный штаб находился в г. Яйце, вынашивалась идея подбросить к нему трупы двух пленных английских офицеров с письмами, адресованными лично И.Броз Тито, с вмонтированными в них взрывными устройствами. Эта авантюра не удалась из-за передислокации штаба в Дрвар.

Шла интенсивная подготовка к выброске десанта. С этой целью был сформирован специальный батальон в составе пяти групп. К операции были привлечены подразделения дивизии СС «Принц Евгений», состоявшей из местных немцев и 400 четников.

Операция началась ранним утром 25 мая 1944 г. массированной бомбардировкой, в результате которой была разбита радиостанция Верховного штаба. Затем был выброшен десант парашютистов и планеристов. Одновременно к Дрвару двигались наземные части. Через несколько часов была выброшена новая группа десантников.

Тяжелый бой продолжался несколько дней. Обе стороны несли большие потери, однако под прикрытием нескольких дивизий НОАЮ Верховному штабу удалось выйти из окружения. Это означало, что поставленная перед десантом задача не была выполнена. Десантникам досталась лишь новая шинель маршала, которая позже в Вене экспонировалась на специально устроенной выставке в качестве одного из главных экспонатов.

Этот авантюристический диверсионный акт стал единственным в практике контрпартизанской борьбы гитлеровцев в годы Второй мировой войны. В других странах подобные задачи фашистские власти решали путем засылки в движение Сопротивления своей агентуры. В ряде случаев из-за благодушия и отсутствия бдитель-

ности эта агентура наносила ему ощутимый урон. Так, после продолжительной слежки с участием специально подосланных провокаторов весной 1942 г. полиции удалось нанести ряд чувствительных ударов по движению Сопротивления в Болгарии. Были арестованы десятки видных деятелей БРП и над ними организованы два судебных процесса, которые были призваны деморализующе воздействовать на антифашистскую борьбу в стране. Первый процесс над 27 политэмигрантами во главе с Ц.Радойновым, вернувшимися из СССР, завершился 26 июня 1942 г. 18 обвиняемых были приговорены к смерти, 7 человек — к пожизненному заключению и двое несовершеннолетних — к 15 годам тюремного заключения. Второй процесс над 60 обвиняемыми, включая несколько членов ЦК БРП (из них на процессе присутствовали лишь секретари ЦК Антон Иванов и Трайчо Костов), ряд сотрудников аппарата ЦК и Центральный военный комиссии, завершился 23 июля 1942 г. К смерти были приговорены 12 человек, из них 6 — заочно; к пожизненному или длительным срокам заключения — 28 человек.

С помощью провокатора, игравшего роль переводчика для связей с чехословацкими товарищами в Болгарии, был схвачен и казнен один из героев антифашистской борьбы генерал В.Заимов.

Другой гитлеровский сателлит — Румыния также была наводнена различными немецкими органами. Так, с 1940 г. по 1944 г. здесь действовало 11 шпионских, информационных и карательных служб, в том числе гестапо, контрразведка и органы военно-полевой полиции и др., принимавшие участие в борьбе против движения Сопротивления. В Бухарест зачастили с визитами различные высшие чины из Берлина. Начальник германской военной разведки адмирал Канарис инструктировал И.Антонеску, как создать разведывательные органы для борьбы против антифашистских элементов. Прибывший в марте 1942 г. статс-секретарь Министерства внутренних дел Германии В.Штуккарт передавал опыт организации и структуры государственных органов по германскому образцу.

При помощи провокаторов и своих агентов гестапо неоднократно удавалось наносить удары по чешскому Сопротивлению и особенно по руководящим деятелям компартии Чехословакии. Убивших Гейдриха чешских патриотов 16 июня 1942 г. также выдал провокатор — такой же парашютист из Лондона К.Чурда, который за эту услугу получил от немцев 5 млн крон единоразового вознаграждения, новое удостоверение личности на имя К.Йергота, квартиру и ежемесячное жалование в 30 тыс. протекторатных крон. Но 5 мая 1945 г. он был опознан в районе Ильзена, арестован и понес заслуженное наказание.

Движение Сопротивления во Франции, Дании и других странах Западной Европы в результате предательства также понесло большой урон. В Бельгии, например, только летом 1943 г. с помощью провокаторов были арестованы многие руководители и бойцы Сопротивления. Крупной диверсионной и дезинформационной акцией, удачно осуществленной немецким абвером в Нидерландах, в ходе которой погибли многие антифашисты, стала так называемая «английская игра».

На оккупированной территории Советского Союза действовало свыше 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд и групп абвера и СД и около 60 школ, где готовились шпионы, диверсанты и террористы. Часть из них с 1942 г. предназначалась для засылки в партизанские отряды. Так, в мае 1943 г. было обнаружено, что размещавшийся в г. Бежице немецкий контрразведывательный центр специально готовил нескольких агентов-террористов с заданием проникнуть в партизанскую бригаду и убить ее командира — Героя Советского Союза М.И.Дуку. В соединении А.Н.Сабурова только с марта по июль 1943 г. было обезврежено 27 фашистских агентов. Некоторые из них имели задачу убить командиров отрядов и групп. В соединении С.Ф.Маликова был случай, когда фашистские агенты пытались проникнуть к партизанам под видом богомольных женщин, разносящих «священный хлеб».

Руководство оккупационных властей и военное командование разработало специальную инструкцию по вербовке агентуры среди местных предателей. Например, штаб 23-го корпуса предписывал: «Привлечь на свою сторону надежных людей и использовать их в качестве агентов с задачей систематического сбора сведений о действиях партизанских отрядов и готовящемся саботаже».

Кроме установления численности, вооружения и дислокаций партизан и сбора данных о намечаемых операциях фашистской агентуре также обычно поручалось из националистов создавать лжепартизанские отряды. Осуществляя террор в отношении местного населения, эти отряды возбуждали у жителей недовольство подлинными партизанами. Противнику, однако, в широком масштабе не удалось осуществить свои планы, и за редким исключением вражеские агенты быстро обезвреживались.

В ряде оккупированных стран, особенно в Западной Европе, оккупанты практиковали наложение штрафа на отдельные группы населения и даже на крупные города. Наказание тех, кто не имеет отношения к совершению конкретного акта или вообще к движению Сопротивления, стало своеобразной формой заложничества и круговой поруки. Например, уже через несколько недель после июньской катастрофы во французской печати стали все чаще появляться сведения об актах саботажа и диверсий, особенно в виде повреждения телефонных линий и железнодорожных путей, поджогов складов горючего и продовольствия. Оккупационные власти немедленно объявили о своих контрмерах. Они налагали миллионные штрафы на органы местного самоуправления и требовали от них мобилизовать мужчин в возрасте от 18 до 50 лет для круглосуточной охраны этих объектов. В начале сентября 1940 г. в печати было опубликовано официальное предупреждение о том, что всякое повреждение средств связи будет караться смертью.

По распоряжению оккупационных властей г. Руайан в сентябре 1940 г. должен был уплатить штраф в сумме 3 млн франков за то, что один из его жителей застрелил ночью немецкого матроса. В Норвегии за совершенные диверсии и саботажи штраф в 500 тыс. крон должны были заплатить города Осло, Ставангер, Хаугесунд, а область Ругаланд — за уничтожение телефонной и телеграфной связи.

Повсеместно оккупанты вводили систему вознаграждения для местных предателей за сообщение данных о расположении и действиях партизан и подпольщиков. Например, в Австрии за поимку партизан из группы по кличке «Иоши» гестапо установило вознаграждение в сумме 10 тыс. марок. А в монархо-фашистской Болгарии за отрезанную и представленную властям голову партизана жандармы получали вознаграждение в 50 тыс. левов. Затем эту голову отправляли в родное село убитого, где показывали его родным и выставляли напоказ — для устрашения населения.

Командующий немецкими войсками в НГХ обещал вознаграждение в сумме 100 тыс. золотых марок за поимку И. Броз Тито. Подобное обещание имело до того наивный характер, что оно вызвало недовольство даже Гитлера, который назвал его «позорным». По свидетельству немецкого экономического уполномоченного в Югославии Нойбахера, в ответ на обещание немецких властей партизаны распространили листовку, в которой с издевкой пообещали за поимку живого или мертвого Павелича... 50 кун (т.е. 2—3 марки).

Бельгийская печать весной 1942 г. сообщала об участившихся случаях покушений на фламандских и валлонских фашистов. При этом власти обещали вознаграждение в 500 тыс. бельгийских франков за поимку «террористов».

На оккупированной территории Советского Союза германское командование также ввело систему вознаграждения для тех, кто сообщит какие-либо ценные сведения, включая местонахождение оружия и боеприпасов. Так, начальник штаба 11-й армии, действовавшей в Крыму, установил, что за найденную и сданную немцам винтовку будет выплачено 50 рублей, за ручной пулемет — 100 рублей, за станковый пулемет — 150 рублей и т.д.

Во всех странах имели место случаи, когда кое-кто попадался на такую провокацию оккупантов и становился презренным предателем в глазах своего народа. Но в целом подобный коварный прием гитлеровцев не принес им желаемых результатов.

В некоторых странах Западной и Северной Европы, где партизанское движение не получило широкого размаха и антифашисты боролись с врагом в городах в условиях подполья, оккупанты часто практиковали введение чрезвычайного положения с применением массовых облав. Так, в ответ на забастовку 10 сентября 1941 г. гитлеровцы ввели чрезвычайное положение в г. Осло и прилегающих районах. Были созданы военно-полевые суды, которые с 17 сентября 1941 г. распространили свою деятельность на всю Норвегию.

В борьбе против подполья облавы широко применялись в городах на оккупированной советской территории (на базарах, в парках, в кинотеатрах и в других местах), а в Одессе, где большинство партизан и подпольщиков дислоцировалось в катакомбах, устраивалось постоянное патрулирование у выходов из них, применялись дымы и завалы.

Активизация борьбы советских людей вынуждала гитлеровцев искать все новые методы контрпартизанских действий. Например, на основании приказа Гитлера для операций против партизан в августе 1942 г. стали создаваться специальные истребительные команды. Первый опыт контрпартизанской борьбы германское командование обобщило в директиве ОКХ «Боевые инструкции по борьбе с партизанами на Востоке» от 11 ноября 1942 г.

Командование 6-й немецкой армии, которая в середине 1942 г. действовала в районе среднего и нижнего течения Дона, принимало меры, чтобы привлечь на свою сторону донских казаков и создавать из них специальные части для борьбы против Красной Армии и партизан. Так, в директиве начальника штаба армии генерала Шмидта от 9 августа 1942 г. указывалось, что слабая заселенность района Дона и отсутствие молодежи в возрасте 18—45 лет создает трудности для проведения уборочных работ и опасность от действий партизан. Генерал жаловался на то, что среди местного населения создать милицию невозможно, тогда как на Украине она действовала хорошо.

В директиве подчеркивалось, что большевизм проводит на Дону политику расказачивания, что и поныне вызывает сопротивление казаков, но их борьба не имеет национального характера, как на Украине, а направлена на восстановление родины и личной и экономической независимости. Генерал Шмидт далее предложил, чтобы для создания слоя лояльных казаков на Дону отобрать пленных казаков, обучить их антибольшевизму на протяжении 8 недель в специальных лагерях для военнопленных и затем направить в тыл для борьбы с партизанами.

К 1943 г. на восточном фронте немецкое командование создало не менее 35 разведывательных школ. Вот какие указания давало германское командование в отношении методов формирования национальных частей на оккупированной территории СССР в «Приложении к особым распоряжениям по разведслужбе № 51» от 6 сентября 1943 г.: «Антипартизанские отряды следует укомплектовать из русских под командой немцев. Русские крестьяне, получившие землю или собственность, и те русские, которые пострадали от партизан, — наши лучшие союзники в борьбе с партизанскими бандами. Все русские, воюющие на нашей стороне, должны быть хорошо обеспечены. В этом отношении мы, немцы, часто мелочимся. Щедрость здесь весьма кстати, ибо она сохранит нам много германской крови. Кроме того, за каждого убитого партизана следовало бы давать вознаграждение деньгами, водкой, табаком и т.д.»

Летом 1943 г. в войсках по всему восточному фронту были изданы приказы, требовавшие поднять бдительность солдат и офицеров и соблюдать осторожность с местным населением. Например, в приказе по армейской группе ее командующий генерал Фреттер-Пико от 12 июня 1943 г. отмечалось, что в «последнее время в полосе действия армии имеют место случаи многочисленных нападений небольших групп бандитов, десантников и диверсионных групп на отдельные автомашины, пешеходов, дома, а также минирование участков дорог и железнодорожных объектов». Далее приказ требовал, чтобы при каждом подразделении была организована служба наблюдения и оповещения. Запрещалось оставлять расположение части одиночным солдатам и офицерам. Одиночные автомашины в рейсе всегда должны сопровождаться тремя вооруженными солдатами. В приказе обращалось внимание на то, чтобы солдаты особенно осторожно подходили к стогам сена и соломы, в которых часто скрываются партизаны.

Принимались также другие меры борьбы против советских патриотов, но на практике многие из них оказывались малоэффективными. Это означало, что на протяжении более полутора лет оккупантам не удалось создать какую-либо стройную систему действенной борьбы с партизанским движением как на территории СССР, так и в странах Западной Европы. Лишь в начале 1944 г. ОКХ приняло документ, который обобщал опыт трехлетней борьбы с партизанским движением. Он вводился в действие с 6 мая 1944 г., причем не только на территории СССР, но и в оккупированных странах Западной Европы. В документе (ст. 163) определялось, что с пленными партизанами следует обращаться, как и с пленными военнослужащими регулярных войск. Но тут же другая статья (ст. 70) опровергала этот тезис: «Допрос пленных явится одним из лучших способов получения сведений. Поэтому захваченных партизан расстреливать сразу не следует». Вот почему на Нюрнбергском процессе кощунственно прозвучали слова начальника оперативного управления ОКВ генерала А.Иодля о том, будто этот приказ внес вклад в «гуманизацию» партизанской войны.

Оживление антифашистской борьбы народов Западной Европы, происшедшее под влиянием событий на восточном фронте в конце 1941 г., вызвало серьезное беспокойство в Берлине. 7 декабря 1941 г. Гитлер подписал директиву, в которой отмечал, что с началом войны против Советского Союза «коммунисты и другие враждебные Германии элементы усилили борьбу против оккупационных властей», и предлагал принять строгие меры противодействия, наказывая виновных, как правило, смертной казнью с применением всех наличных сил и средств.

Разумеется, численность вермахта и карательных органов в той или иной стране определялась прежде всего стратегической значимостью данного театра военных действий. Важное значение имел также размах движения Сопротивления, поскольку он создавал для оккупантов нестабильность на этом театре. Так, более $^3/_4$ всей сухопутной армии вермахта с 1941 г. по 1945 г. действовало на восточном фронте.

Наряду со специальными карательными подразделениями часть этих войск принимала активное участие в контрпартизанской борьбе, причем их численность росла по мере активизации партизан и подпольщиков. Уже осенью 1942 г. немецкое командование для борьбы против них выделило 15 полевых и 10 охранных дивизий. Всего же для охраны своего тыла и для ведения контрпартизанской борьбы оно вынуждено было использовать до 10% своих войск. Только на оккупированной территории Украины с начала войны по 1 октября 1944 г. в разное время партизаны отвлекали на себя 786 тыс. немецких солдат и офицеров.

Всего же, по данным начальника Центрального штаба партизанского движения П.К.Пономаренко, разведкой Советской Армии и партизан на оккупированной советской территории было выявлено 55 охранных полков и 206 отдельных охранных батальонов, частично входивших в 34 полицейских полка, 115 полицейских батальонов, 1 кавалерийская жандармская бригада, 1 полк полевой жандармерии, 38 отдельных моторизованных жандармских взводов, оснащенных танками, и значительное количество вспомогательных частей и подразделений. Все эти силы составляли примерно около 20 дивизий. Кроме того, против партизан и подпольщиков в разное время действовали соединения и части вермахта, которые составляли около 30 дивизий. Таким образом, в целом советские патриоты в тылу сковывали более 50 дивизий противника.

В своей контрпартизанской борьбе оккупантам удавалось наносить советским партизанам и подпольщикам тяжелые удары, что объясняется бескомпромиссным и ожесточенным ее характером с обеих сторон. Только в Белоруссии, по данным П.К.Пономаренко, где действовало 282548 партизан, их общие потери состаили 44197 человек, в том числе убитых и умерших от ран — 25681 человек. Однако потери противника были выше.

Вермахт использовался для борьбы против партизан, как правило, в оперативных районах. В тылу же действовали СД и другие карательные силы. Но нередко находившиеся в резерве, на отдыхе или при передислокации войсковые части также применялись против партизан. В некоторых армейских объединениях, а также в корпусах, дивизиях и полках создавались специальные подразделения по 100 человек в каждом для действий против партизан.

О том значении, какое Гитлер придавал театру военных действий, например, в Югославии и «спокойствию» в этой стране, свидетельствует численность размещенных здесь оккупационных войск. По подсчетам французского военного историка Камила Ружерона, опубликованным в книге «Будущая война», в западноевропейских странах в 1942 г. один солдат оккупационных войск приходился на 100—200 жителей, тогда как в Югославии — всего лишь на 25—30 жителей.

Правда, не все войска, участвовавшие во вторжении в Югославию, оставались здесь и в дальнейшем. Вся 2-я армия и часть 12-й армии были передислоцированы против Советского Союза, а остальные силы 12-й армии — на захват Греции. Кроме регулярных войск оккупирующие страны имели в Югославии значительный контингент полицейских частей и войск безопасности.

В целом оккупационные войска в Югославии к концу 1941 г. насчитывали 460 тыс. человек, а через год они увеличились до 580 тыс. человек и в конце 1943 г. достигли примерно уровня конца 1941 г. при значительном увеличении численности квислинговских войск и с учетом капитуляции Италии. В последующий период происходило уменьшение немецко-фашистских войск, и в январе 1945 г. их численность вместе с отошедшими из Греции и Албании составила свыше 400 тыс. человек. В разные периоды вели боевые действия или несли другую службу в Югославии от 30 до 55 фашистских дивизий, что составляло от 600 до 850 тыс. солдат и офицеров.

Особое значение проблема «спокойствия» приобретала для германского командования в Польше, учитывая стратегическое положение этой страны. Она резко обострялась в особенно напряженные моменты войны на Востоке и прежде всего после коренного перелома в этой войне.

В день агрессии против Советского Союза численность вермахта на территории Польши достигла своего максимума — около 2650 тыс. В последующие годы оккупации его численность колебалась между 600 тыс. и 1300 тыс. человек. Численность немецкой полиции в разные годы изменялась в границах от 80 до 150 тыс. человек и составляла между 3% и 16% от общей численности германских вооруженных сил на территории Польши.

Приведенные данные подтверждают, что без вермахта полицейские силы были бы не в состоянии успешно осуществлять контрпартизанскую деятельность. Только за период с начала января 1943 г. по конец июля 1944 г. войска вермахта непосредственно участвовали в 1106 операциях по «усмирению» польского населения, а во второй половине 1944 г. они 173 раза сражались с партизанами в семи еще оккупированных районах генерал-губернаторства. Соответственно росли и их потери. Если в первой половине 1943 г. в сравнении с потерями полиции они были вдвое меньше, а зимой 1943/44 г. — сравнялись, то весной 1944 г. — превысили потери полиции вдвое.

Войска вермахта принимали активное участие в борьбе против французского Сопротивления, несмотря на то, что из-за переброски на восточный фронт их численность постоянно сокращалась. Если в января 1941 г. они насчитывали 820 тыс. человек, то в августе 1942 г. — уже 506 тыс. В момент высадки союзников в Нормандии 6 июня 1944 г. немецко-фашистскую группировку во Франции составляли 300 тыс. человек. Она должна была обеспечивать эффективную оборону территории в 550 тыс. кв. км, морские границы

протяженностью около 4 тыс. км, противовоздушную оборону побережья и сражаться с французскими силами Сопротивления.

В Италии к середине апреля 1945 г., т.е. в период наибольшей активности партизанского движения, против 130 тыс. партизан Корпуса добровольцев свободы действовали многочисленные и лучше вооруженные силы противника: около 9 немецких дивизий по 10 тыс. человек в каждой, 4 итальянские дивизии общей численностью 30—35 тыс. человек и такие фашистские формирования, как «черные бригады», «республиканская гвардия» и другие численностью более 100 тыс. человек. В целом против партизан было задействовано около 220 тыс. человек фашистских сил.

В летние месяцы 1944 г. против партизанского движения в Болгарии была брошена более чем 100-тысячная регулярная болгарская армия. В военном министерстве был создан специальный отдел по борьбе с партизанами. Как отмечал в своем дневнике от 6 июня 1943 г. военный министр генерал Н.Михов, в армии и в военных училищах начали изучать методы партизанской борьбы, а военное министерство издало специальную «Инструкцию по борьбе с партизанами».

По данным командующего войсками вермахта в Чехии генерала Пюклера, на 10 апреля 1945 г. здесь находилось 67 тыс. человек из войск СС, из них на фронте было 29 тыс., остальные боролись против движения Сопротивления. В контрпартизанской борьбе участвовали и часть войск группы армий фельдмаршала Ф.Шернера, насчитывавших 900 тыс. человек.

Немецкие войска СС в Нидерландах, предназначенные для борьбы против Сопротивления, состояли из пяти полков и насчитывали 4,5 тыс. человек. В их подчинении находилась голландская полиция, в состав которой входили полиция безопасности (политический и уголовный розыск), СД (служба безопасности) и полиция порядка (по цвету униформы ее называли «зеленой полицией»). Численность «зеленой полиции» вместе с охранными частями войск СС составляла около 23 тыс. человек.

Часто карательные операции против партизан оккупанты осуществляли совместно с вооруженными силами марионеточных правительств. Эти же войска использовались и в борьбе против движения Сопротивления в других оккупированных странах. Например, на оккупированной территории Советского Союза эти задачи выполняли специальные румынские части (особенно в Крыму и на Северном Кавказе), словаки в Полесье и венгерские войска на Украине. На центральном участке предлагалось использовать и 8-ю итальянскую армию. Однако после того, как в зимних боях 1942/43 г. она была разгромлена, эта задача была поручена венгерскому корпусу. Всего в карательных мероприятиях против советских партизан только в тылу группы армий «Центр» летом 1943 г. действовало около 80 тыс. солдат и офицеров противника.

Рассчитывая главным образом на войска вермахта, в контрпартизанской борьбе в Югославии германское командование широко

использовало и вооруженные силы марионеточных правительств в Сербии и в «Независимом государстве Хорватия» или воинские формирования, непосредственно подчинявшиеся немецким оккупационным властям. Так, марионеточному правительству в Сербии было разрешено создать жандармерию, состоявшую из трех полков, и Сербский добровольческий отряд. Позже жандармерия была реорганизована в Сербскую государственную стражу численностью около 12 тыс. человек и занималась охраной «порядка» в городах, несла пограничную службу. Бывший добровольческий отряд также был реорганизован в Сербский добровольческий корпус численностью около 4 тыс. человек. Всего вооруженные силы марионеточного правительства Сербии составляли к концу 1942 г. 28 тыс. человек. В районе Косово гитлеровцы создали квислинговскую албанскую жандармерию численностью около 1 тыс. человек (позде она имела около 6 тыс. человек), а в Черногории квислинговский жандармский полк подчинялся итальянским властям и к концу 1942 г. составлял около 3 тыс. человек.

Более многочисленными вооруженными силами располагало «Независимое государство Хорватия», которые на основании закона от 11 апреля 1941 г. делились на три категории: регулярная хорватская армия (домобранство), жандармерия и усташские формирования. Регулярная армия домобранцев, предназначенная для контрпартизанских действий, состояла из трех корпусов с входящими в них дивизиями. Их численный состав постоянно увеличивался по мере активизации народно-освободительного движения. К концу 1942 г. вместе с бригадами, жандармскими полками и добровольческим отрядом он достиг 220 тыс. человек. В августе 1943 г. дивизии были реорганизованы в горные и егерские бригады. В контрпартизанских операциях участвовала и домобранская авиация, насчитывавшая 150 устаревших самолетов. Хорватская жандармерия была сформирована из служащих бывшей югославской Королевской жандармерии. Ее посты были разбросаны по всей Хорватии, несли охранную службу и также участвовали в антипартизанских операциях.

Особое место в системе вооруженных сил НГХ и в действиях против партизан занимали формирования усташей («усташская войница»), которые создавались по образцу гитлеровских отрядов СС и итальянских чернорубашечников. В конце 1941 г. их насчитывалось около 15 тыс. человек, а осенью 1943 г. — 32 тыс. человек. Командный состав усташей назначался из тех 340 человек, которые сопровождали своего главаря А.Павелича из Италии в Загреб 15 апреля 1941 г. Усташи отличались особыми зверствами в боях против партизан и в обращении с сербами.

В Македонии власти монархо-фашистской Болгарии каких-то особых марионеточных воинских формирований не создавали. Считая Македонию частью Болгарии, они просто мобилизовывали местную македонскую молодежь в свою армию и жандармские

части и также использовали ее на охранной службе и в борьбе против партизан.

В Словении оккупанты создали отряды «Белой гвардии» (Словенское домобранство). В Хорватии и Банате создавались батальоны немецкого нацменьшинства. Однако позже они были включены в 7-ю дивизию СС «Принц Евгений». С марта 1944 г. и до конца войны против партизан Словении действовал полк «Нижняя Штирия», сформированный из местных немцев. В Сербии использовался русский белогвардейский корпус.

В целом в конце 1943 г., в момент максимального сосредоточения вражеских войск, в Югославии насчитывалось около 450 тыс. солдат и офицеров оккупационных войск и свыше 350 тыс. квислинговцев.

Во Франции для борьбы против движения Сопротивления в южной зоне до ноября 1942 г. кроме полицейских сил и жандармерии использовались и 100-тысячная (коллаборационистская) «армия перемирия». Активизация Сопротивления во Франции в 1943 г. вызывала серьезное беспокойство Гитлера, ожидавшего к тому же скорой высадки союзников. Поэтому 4 декабря 1943 г. он потребовал от Петена принять решительные меры против движения Сопротивления, для чего включить в состав правительства М.Деа, И.Дарнана и Ж.Дорио. 1 января 1944 г. в Виши был принят соответствующий декрет, и И.Дарнан стал генеральным секретарем по поддержанию порядка. Он же контролировал всю государственную полицию, мобильную гвардию и жандармерию, а 14 июня 1944 г. стал и министром внутренних дел.

В 1944 г. в кругах военной администрации во Франции вынашивалась мысль, чтобы из 35 тыс. североафриканских жителей, находившихся к этому времени во Франции, для контрпартизанской борьбы создать так называемый «Арабский легион». Но в связи с высадкой союзников эта затея не была реализована.

При поддержке властей Германии и Японии в середине 30-х гг. была создана антибританская националистическая организация «Свободная Индия», которой руководил Субхас Чандра Бос (1897—1945 гг.).

Незадолго до начала Второй мировой войны в индийском националистическом движении произошел раскол: более экстремистское крыло, которое возглавлял Бос, стояло за насильственное свержение британского владычества в Индии, в то время как Ганди и Неру придерживались политики ненасилия. Бос рассматривал нацистскую Германию как естественного союзника и в январе 1941 г. бежал через СССР в Берлин, где был взят по опеку Специальным индийским отделом (Sonderreferat Indien) Министерства иностранных дел. Номинально возглавляемым нацистским аппаратчиком, заместителем государственного секретаря В.Кеплером, этим отделом фактически руководили двое стойких антинацистов: сам Адам фон Тротт цу Зольц и его верный друг — д-р Александр Верт.

Со временем Бос получил разрешение создать Центр «Свободная Индия», пользовавшийся дипломатическим статусом, и вести

антибританские пропагандистские радиопередачи на различных индийских языках. Он даже объявил Англии войну «от имени свободной Индии». Но выдвинутая им идея «Индийского легиона», который предполагалось формировать из индийских военнопленных, захваченных в Северной Африке, потерпела крах из-за отсутствия добровольцев. По иронии судьбы главным камнем преткновения на пути осуществления замыслов Боса оказался сам Гитлер, испытывавший физиологическое отвращение ко всем цветным расам и всегда тайно восхищавшийся имперской ролью Англии.

В феврале 1943 г. у берегов Мадагаскара немецкая подводная лодка переправила Боса на борт японской лодки. С помощью японцев был создан «Индийский легион», сражавшийся с британцами в Бирме до поражения Японии в августе 1945 г. Бос летел в Маньчжурию просить помощи у Советского Союза, когда 18 августа его самолет потерпел крушение и упал в Восточно-Китайское море.

В марте 1943 г. Гитлер был вынужден пойти на создание в Нидерландах военизированной организации, так называемого «ландсторма», а в ноябре того же года — вооруженных отрядов «ополчения», чтобы использовать их против движения Сопротивления.

В Бельгии с помощью гитлеровцев местные фашисты создали вооруженные отряды «Фламише вахт»; «Дитсхе милиси», «Зварте бригаде» и так называемые отряды террористов. Бельгийцы вербовались также в отряды СС, полевую жандармерию и вспомогательные части германской армии.

В Норвегии еще до войны Квислинг создал вооруженные банды так называемых «хирдов», состоявшие из деклассированных и уголовных элементов и занимавшиеся террором в отношении населения. Для борьбы против датского Сопротивления оккупанты в начале 1943 г. создали так называемый «Шальбургский корпус». В Италии борьбой против партизан занималась наряду с войсками вермахта и регулярной армией Муссолини также так называемая «республиканская национальная гвардия».

В Польше для контрпартизанской борьбы в 1942 г. Франк издал приказ о вооружении всех проживающих в стране немцев.

Особое значение оккупанты придавали противодействию экономическому саботажу на предприятиях, для чего создавались специальные карательные органы. Так, в Чехословакии, промышленность которой занимала важное место в военно-экономическом потенциале Германии, еще в конце сентября 1941 г. при немецкой уголовной полиции были созданы особые экономические команды. Аналогичные органы создавались во Франции, Бельгии и в других странах, где промышленность в значительной мере работала на германскую военную машину. Большое внимание оккупационные власти уделяли охране военных заводов в Польше, имея в виду, что в 1943 г. они производили, в частности, до 39% боеприпасов для пехоты, а лодзинская промышленность представляла собой более 13% производственного потенциала текстильной промышленности Польши. В Румынии в связи с участившимися случаями саботажа 1 мая 1943 г. был принят закон о мерах по расширению военного производства и борьбе с экономическим саботажем.

В борьбе против Сопротивления наряду с открытым насилием оккупационные власти широко применяли идеологическое и психологическое воздействие на население, использовали социальную и националистическую демагогию и вообще дезинформацию. Французские патриоты квалифицировали этот прием как особый вид идеологической колонизации.

Большое место в попытках оккупантов дезориентировать движение Сопротивления занимала пропаганда о «непобедимости» германской армии. До осени 1941 г. этот тезис действительно оказывал воздействие на значительные слои населения оккупированных стран. Но после первых поражений вермахта на восточном фронте он уже не срабатывал.

Для своей пропаганды оккупанты использовали местные национальные средства. Зрелищные предприятия в оккупированных странах оставались открытыми, но списки пьес и кинофильмов, которые можно было показывать населению, утверждались местными немецкими комендантами. В кинотеатрах, как правило, шли немецкие художественные картины и особенно военная хроника. Показывая, с одной стороны, победоносные гитлеровские войска и, с другой — толпы измученных и оборванных военнопленных побежденной армии, оккупационные власти преследовали определенную психологическую цель. Однако зрители весьма часто шумными аплодисментами приветствовали показываемых на экране своих солдат и освистывали немцев.

Запугивая народы Европы «ужасами большевизма» и захватническими намерениями Советского Союза, фашистская пропаганда твердила о преемственности «агрессивной» внешней политики царской России и СССР. С этой целью с ноября 1941 г. пропагандистские органы Германии и оккупированных стран развернули шумную кампанию по поводу так называемого «завещания Петра Великого», в котором якобы говорилось о необходимости вмешательства России в дела Европы и о включении некоторых стран и народов в состав Российской империи.

Чтобы посеять недоверие к способности Советского Союза победить фашизм, а также с целью раскола участников Сопротивления, немецкие пропагандисты использовали различные антисоветские выставки, которые они устраивали как в самой Германии, так и в оккупированных странах. 30 октября 1941 г. в Братиславе в присутствии Тисо и других главарей «Словацкого государства» была открыта выставка трофеев, захваченных словацкими войсками на восточном фронте. В Праге в начале 1942 г. была устроена выставка, названная «Советский рай», на которой были показаны предметы быта советских людей, а также оружие и боевая техника Советской Армии. Организаторы выставки открыто объявили, что они желали «показать чешскому народу бедность и отсталость советского режима». По требованию немецких уполномоченных заводские комитеты под свою личную ответственность должны были высы-

лать на выставку группы посетителей. Но гитлеровцы получили обратный результат: увидев советское оружие и боевую технику, чехи восхищались им и еще больше убеждались в неизбежной победе Советского Союза.

Фашистские оккупационные гражданские и военные органы издавали газеты, плакаты, вели радиопередачи на языках народов СССР. На Украине с конца 1941 г. вели радиопередачи на украинском и русском языках радиостанции «Висла – Варшава» из Берлина и «Центральная радиостанция Украины» из Киева. Всего же на Украине действовали преимущественно передвижные радиостанции, издавалось 189 газет на украинском и 10 газет на немецком, румынском и венгерском языках общим тиражом в 1 млн экземпляров. Специальные радиопередачи были обращены к партизанам и подпольщикам с призывами прекратить «подрывную» работу из-за ее «бессмысленности». Той же цели служили и фашистские кинобоевики, которые к середине 1942 г. демонстрировались в 300 кинотеатрах на Украине.

В Бельгии с первых же дней оккупации для распространения тезиса о бесполезности сопротивления фашистская пропаганда использовала тот факт, что король Леопольд III остался в стране и объявил себя военнопленным. Свой вклад в дезориентацию народных масс и, по существу, в пособничество оккупантам внесли правые лидеры бельгийских социалистов. Так, один из них, председатель Бельгийской рабочей партии Анри де Ман говорил, что «национал-социализм является наиболее эффективным средством для достижения социализма». 6 июня 1940 г. он распустил партию и при поддержке гитлеровцев и некоторых лидеров Всеобщей федерации труда создал 22 ноября 1940 г. «Союз работников умственного и физического труда», который обслуживал оккупантов. В благодарность за услугу последние передали ему имущество распущенных профсоюзов.

С целью устрашения населения и моральной демобилизации участников Сопротивления фашистские власти считали полезным не скрывать от общественности меры наказания за антифашистскую деятельность, а, наоборот, доводить их различными способами до широких кругов населения. В Германии, например, особенно с 1942 г. в прессе ежедневно публиковались приговоры судов «преступникам в военном хозяйстве», спекулянтам и расхитителям. Выносились также смертные приговоры тем, кто слушал антифашистские радиопередачи, и «распространителям слухов». Геббельс цинично заявлял тогда, что «публикация приговоров суда должна стать делом народного воспитания».

Во Франции, зная о разногласиях, существовавших между разными политическими силами Сопротивления, немецкие оккупационные власти стремились использовать их в своих интересах. Как писал хорошо информированный бывший чиновник немецкой военной администрации в Париже Г.Лютер, ссылаясь на материалы совещания немецких представителей в Бордо в 1943 г., германские власти предпринимали энергичные «попытки в случае ухода из

страны поддержать действительно национальные группы Сопротивления и даже разрешить им получение английской помощи».

Гитлеровские власти объявили, что во Франции они осуществляют лишь военную оккупацию, не занимаясь управлением ее внутренних дел. Это означало, что вся ответственность за подавление освободительной борьбы французского народа была возложена на коллаборационистские государственные органы и их силовые структуры.

Утверждения некоторых историков и бывших гитлеровских генералов о том, что борьба с партизанским движением была задачей только карательных органов, а не вермахта, не соответствуют действительности. На необходимость участия вермахта в борьбе против возможного движения Сопротивления советских людей главнокомандующий сухопутными войсками фельдмаршал В.Браухич обратил внимание еще 27 марта 1941 г. на совещании высшего командного состава в Цоссене. Он сказал, что наряду с полевой жандармерией и частями СС «в случае необходимости» армейские командиры должны использовать подчиненные им войска для обеспечения задач на оккупированной территории. Но первую «Директиву по борьбе с партизанами» В.Браухич подписал только 25 октября 1941 г. На ее основе месяц спустя, 29 ноября 1941 г. командующий действовавшей в Крыму 11-й армией генерал Э.Манштейн подписал более детальный приказ «Об организации и методах борьбы с партизанами». При штабе армии был создан тогда специальный отдел по борьбе с партизанами. Когда на судебном процессе в Нюрнберге Манштейна спросили, зачем ему понадобился такой отдел, он ответил: «Для борьбы с партизанами нам нужен был централизованный орган, ибо такой орган уже создали советские партизаны».

Огромный ущерб антигитлеровской борьбе наносили местные коллаборационисты, которые не из-за страха, а по убеждению сотрудничали с оккупантами. Без их помощи гитлеровцы не смогли бы длительное время вести контрпартизанскую борьбу.

Так, выступая в Берлине на совещании представителей групп армий 18 декабря 1942 г., министр Восточного министерства А.Розенберг настаивал на том, чтобы откорректировать немецкую политику на Востоке. «Напряженность ситуации и необходимое усиление войск настоятельно требуют позитивного сотрудничества с местным населением, ибо Россия может быть побеждена только русскими». Указом Гитлера за подписью фельдмаршала Кейтеля и шефа государственной канцелярии Мейсснера от 14 июля 1942 г. для награждения представителей народов Востока был введен особый знак «За мужество и заслуги перед представителями восточных народов»[89].

Примечания

[1] Торез Морис. Избранные произведения. Т. II (1945—1958 гг.). М., 1959. С. 18.

[2] Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 78.
[3] De Kérillis. De Gaulle dictateur. P. 215.
[4] De Gaulle Ch. Mémoires de guerre. P. 81.
[5] United States Army in World War 2. Wash., 1954. P. 150.
[6] Вопросы истории. 1949. № 2. С. 61.
[7] Там же.
[8] Де Голль Ш. Военные мемуары. Т. 2. М., 1960. С. 390—391.
[9] Красная звезда. 23.10.1949.
[10] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 2021. Д. 191. Оп. 20.
[11] Rintelen E. Mussolini als Bundesgenosse. Tübingen—Stuttgart, 1951. S. 179, 188.
[12] Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 6. С. 21.
[13] ЦАМО. Ф. 240. Оп. 14233. Д. 1. Л. 69—77.
[14] Там же.
[15] История на антифашистката борба в България 1939—1944. Том втори. София, 1976. С. 32—33.
[16] Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 223.
[17] Streit Ch. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941—1945. Stuttgart, 1973. S. 244.
[18] Ueberschäer G.R., Wette W. «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Uberfall auf die Sowjetunion 1941. Padeborn, 1984. S. 198.
[19] Ibid. S. 244.
[20] Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 29.
[21] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. Под ред. Г.Ф.Кривошеева. М., 1993. С. 334.
[22] Нюрнбергский процесс. Т. III. М., 1958. С. 9.
[23] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 500. Оп. 1. Д. 25. Л. 40.
[24] Нюрнбергский процесс. Т. VII. М., 1961. С. 15.
[25] Ueberschär H. Fremdenarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatz» in der Kriegswirtschafr des Dritten Reiches. Berlin—Bonn, 1985. S. 134.
[26] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 129. Оп. 26. Пап. 36. Д. 1. Л. 133—134.
[27] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 743. Л. 3.
[28] Великая Отечественная война в оценке молодых. М., 1997. С. 148—151.
[29] Там же. С. 151.
[30] Коммунист. 1991. № 3. С. 102.
[31] Там же. С. 104.
[32] Там же.
[33] Там же. С. 105.
[34] Там же. С. 109.
[35] Там же. С. 110.
[36] Там же. С. 111.
[37] РГВА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 10. Л. 115—116.
[38] Там же. Л. 6.
[39] Там же.
[40] Там же. Л. 10—11.

[41] Там же. Л. 16—17.
[42] Там же. Л. 49.
[43] Там же. Л. 131—132.
[44] Там же. Д. 12. Л. 101—121.
[45] Там же. Д. 10. Л. 153—154.
[46] Українська дивізія Галичина. Історико-публіцистичний збірник. Київ—Торонто, 1994. С. 67—68.
[47] Там же. С. 73.
[48] РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 776. Л. 386—387.
[49] Там же.
[50] Там же. Д. 775. Л. 395.
[51] Там же.
[52] Там же. Л. 151—153.
[53] Там же. Л. 159.
[54] ЦАМО. Ф. 38656. Оп. 1. Д. 21. Л. 84—86.
[55] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Ед. хр. 1627. Л. 226.
[56] Там же. Л. 271—272.
[57] Там же. Л. 273.
[58] Там же. Л. 63—66.
[59] Там же. Ед. хр. 1763. Л. 132.
[60] РГВА. Ф. 38655. Оп. 1. Д. 35. Л. 20—21.
[61] РГВА. Ф. 32925. Оп. 1. Д. 76. Л. 217—220.
[62] РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 35. Л. 155—157.
[63] РГВА. Ф. 38655. Оп. 1. Д. 37. Л. 8.
[64] Там же.
[65] РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 245—246.
[66] Там же. Д. 35. Л. 283.
[67] РГВА. Ф. 38655. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.
[68] РГВА. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 35. Л. 313.
[69] Там же. Л. 25, 36, 48, 55, 69, 98, 102, 111, 112, 139, 180, 184, 191, 193, 199, 211, 218.
[70] РГВА. Ф. 38655. Оп. 1. Д. 37. Л. 102—105.
[71] Там же. Л. 135.
[72] Там же. Д. 34. Л. 2.
[73] Там же. Л. 9—14.
[74] Там же. Д. 37. Лл. 9—36.
[75] Там же. Л. 135.
[76] Там же. Л. 206.
[77] Причинки до суспільного мислення. Торонто, 1989. С. 3—16.
[78] РГВА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
[79] Там же.
[80] Там же. Л. 136—137.
[81] Красная звезда. 3.7.1998.
[82] Knut Stang. Kollaboration und Massenmord. Dei litauische Hilfspolizei, des Rollkommando Hamann und die Ermordung der litauischen Juden. Fr./M., 1996. S. 10.
[83] РГВА. Ф. 500. Оп. 2. Д. 229. Л. 62.
[84] The National Archiv of the US (NAUS). T-175. R. 124. P. 521566.
[85] Известия. 26.7.1991.
[86] Великая Отечественная война в оценке молодых. С. 157.
[87] Там же. С. 162—163.
[88] Churchill W.S. The Second World War. Vol. V. L., 1950. P. 410.
[89] РГАСПИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 3. Л. 191.

Глава седьмая

УЧАСТИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В ПРОВЕДЕНИИ ФАШИСТСКОГО ТЕРРОРА

Один из апологетов фашизма, некий Демлер утверждал, будто «Средневековье закончилось не открытием Америки, не Реформацией, а приходом к власти Гитлера». В действительности же с захватом власти гитлеровской партией в Германии, а позже и с оккупацией почти всей Европы были восстановлены худшие черты средневековья — мракобесие, инквизиция, деградация культуры, глумление над личностью, террор, геноцид. Все эти тягчайшие преступления против человечности составляли функции фашизма, то, ради чего он возник и существовал.

Преступление против человечности и вообще грубое нарушение норм международного права были характерными для германского империализма и в прошлые периоды, особенно во время войн. Так, в частности, в докладе на Парижской мирной конференции 1919 г. были перечислены 32 категории действий Германии, представлявших собой «самый ужасающий список преступлений, который когда-либо был составлен к великому позору для тех, кто их совершил». Впоследствии этот список был учтен при разработке норм международного права.

Российская эмигрантка княжна Мария Васильчикова (по прозвищу «Мисси»), которая в годы войны проживала в Берлине, с ужасом вспоминала о терроре, царившем в то время в Германии. В дневнике она записала: «Суббота, 13 ноября 1943 г. Кофе у сестер Вреде. Были: Зиги Вельчек, автогонщик Манфред фон Браухич и кинозвезда Дженни Джуго. Все в ужасе: казнен известный молодой артист за "подрывные" высказывания — он заявил, что Германия, возможно, потерпит поражение. У Манфреда фон Браухича (он племянник бывшего главнокомандующего сухопутными войсками) тоже неприятности — его обвинили в весьма сходном "грехе"». В комментарии по этому случаю ее брат Г.И.Васильчиков писал: «"Известным молодым артистом", о котором пишет Мисси, был двадцатисемилетний пианист-виртуоз Карл-Рудольф Крейтен. На него донесли две подруги его матери, и он был повешен в тюрьме Плетцензее 7 октября, причем его семье послали счет на 639,20 марки — "для покрытия расходов, связанных с его казнью"»[1].

Между прочим, примерно в то же время великий немецкий писатель Э.Ремарк, эмигрировавший в США, получил такой же счет за казнь его сестры.

Если попытаться перечислить преступления, совершенные нацистами и их сообщниками-коллаборационистами в годы Второй мировой войны, то они составили бы не одну сотню наименований, а по степени тяжести намного превзошли бы преступления германского милитаризма в Первой мировой войне. Чудовищные по характеру и масштабам злодеяния заложены в самой природе фашизма.

Для фашистской диктатуры наиболее характерным был метод грубого и откровенного насилия. Но фашистские оккупанты в некоторых странах и в определенной ситуации из тактических соображений прибегали и к «либеральным» формам правления.

Кровавый облик фашизма наиболее ярко выражался в системе многочисленных лагерей, ставших братской могилой многих узников — антифашистов из самой Германии и многих миллионов из стран мира. Фашистские лагеря стали главным инструментом геноцида гитлеровцев в отношении прогрессивных сил немецкого народа и народов оккупированных стран.

Трудно представить себе карту Германии тех лет без лагерей всевозможного назначения. В стране существовали следующие типы лагерей: концлагеря, трудовые, пересыльные, для строительства различных объектов, еврейские, для военнопленных рядовых, для военнопленных офицеров и генералов, трудовые штрафные, штрафные, для переселенцев и многие другие.

Всего на территории Германии, Польши, Чехословакии, Австрии и Бельгии, не считая других оккупированных стран, имелось 1188 лагерей различного типа, в том числе в Польше — 222, Австрии — 72, Чехословакии — 51, в Бранденбурге — 50, Баварии — 49 и Тюрингии — 33. Кроме того, к концу 1943 г. на территории Германии имелось 22 тыс. лагерей для иностранных рабочих.

Картина концлагеря с колючей проволокой, воротами, на которых высились зловещие слова «Труд делает свободным» или «Каждому свое», и крематорием с клубящимся над ним днем и ночью пепельным облаком смрадного дыма стал символом гитлеровской Германии. Концентрационные лагеря предназначались для того, чтобы заставить замолчать лучших сынов немецкого народа и стран, оккупированных гитлеровцами, — честных патриотов, демократов, лучших представителей многих национальностей Европы. По расчетам эсесовских калькуляторов, каждый «ликвидированный» узник концлагеря приносил рейху ежегодно доход в среднем в 1631 марку, учитывая невыплаченную зарплату, конфискованные у него ценные вещи, одежду и другое.

Концлагеря, которые официально предназначались для превентивного заключения, появились вместе с приходом к власти гитлеризма. Уже законом 28 февраля 1933 г. так называемое превентивное заключение, которое практически могло быть бессрочным,

стало важным элементом правовой системы Германии. Суть превентивного заключения недвусмысленно выразила фашистская газета «Фелькишер Беобахтер»: «Если бы узники были на свободе, они наверняка были бы врагами государства». В лагеря заключались лица по политическим, расовым и религиозным мотивам. Здесь же находились и уголовные преступники.

В 1937 г. тогдашний начальник германской полиции Г.Гиммлер заявил, что в будущей войне немцам придется воевать на четыре фронта: на суше, на море, в воздухе и в тылу — на этом последнем, четвертом фронте воевать будут войска СС с помощью концлагерей. Но «война в тылу» уже шла задолго до того, как начали греметь пушки на фронтах.

К 1939 г. в Германии были уже сотни мест заключения, через которые прошли 300 тыс. немецких, австрийских и чехословацких антифашистов. В шести концлагерях, созданных к началу Второй мировой войны, содержалось около 21 тыс. заключенных[2]. Если до войны концлагеря предназначались для изоляции противников фашистского режима, то в годы войны они стали орудием массового уничтожения представителей «неполноценных» народов в оккупированных странах Европы. В это время на территории Германии и оккупированных стран были построены сотни новых лагерей различного назначения. Настоящими фабриками смерти, в которых царили бесчеловечный режим и массовое уничтожение заключенных, были концлагеря Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд, Маутхаузен, Равенсбрюк, Штутгоф, Освенцим, Майданек и многие другие.

В июле 1944 г. советские войска освободили польский г. Люблин, в пригороде которого находился концлагерь Майданек. Мир впервые не только услышал, но и увидел благодаря советским кинооператорам те ужасы, которые творили нацисты в этом лагере смерти.

Но особое место в системе нацистских концлагерей занимал лагерь Освенцим (Аушвитц), расположенный недалеко от г. Кракова в Польше. Этот лагерь был построен при содействии «И.Г.Фарбен». Бывший комендант Освенцима оберштурмбанфюрер СС Р.Гесс признавал: «Я командовал Освенцимом до 1 декабря 1943 г. и считаю, что по меньшей мере 2500 тысяч жертв было уничтожено с помощью газа и сожжения; минимум еще полмиллиона умерло от голода и болезней, что составляет в целом 3 миллиона мертвых. Это число составляет примерно 70 или 80 процентов всех лиц, которые были направлены в Аушвитц как пленные; прочие были отобраны и использовались на рабской работе в промышленности и в концлагерях».

В ноябре 1944 г. в американское Управление по делам беженцев поступили сообщения от двух бывших узников, которым удалось бежать из Освенцима. Они рассказали об ужасных сценах, когда ежедневно уничтожались заключенные путем газа и в крематориях. Некоторые руководители американских органов информации считали нецелесообразным публиковать эти сведения, т.к. ами-

риканские читатели будут не в состоянии поверить в возможность подобных кошмарных фактов. Но все-таки рассказы бывших узников были опубликованы. Мировая общественность кроме всего прочего впервые узнала, что знаменитая германская фирма «И.Г.Фарбен», с которой сотрудничали предприниматели США, была прямо причастна к этим преступлениям в Освенциме. Более того, стало известно, что она имела здесь собственный концлагерь, именовавшийся «Моновицем», в котором находилось несколько десятков тысяч узников, работавших на заводах «И.Г.Фарбен».

В ходе строительства, а затем и эксплуатации этого мощного комбината, состоявшего из двух огромных заводов по производству синтетического каучука и бензина, между администрацией концерна и руководством СС было подписано соглашение об использовании труда узников и его стоимости. Так, концерн «И.Г.Фарбен» платил СС по 3 марки в день за каждого неквалифицированного узника лагеря и по 4 марки — за квалифицированного. За труд детей концерн платил по 1,5 марки. Сами узники, разумеется, ничего не получали. Обе стороны признавали, что реальная максимальная работоспособность узников не превышала 75%. На каждых 20 узников было необходимо иметь одного охранника («капо»). Среди них было немало предателей из Польши, Прибалтики, Словакии, Украины, которые добровольно вступали в специальные коллаборационистские легионы, созданные немцами, и профессиональных уголовников.

Завершив строительство комбината и в сентябре 1942 г. концлагеря при нем, руководители «И.Г.Фарбен» приняли участие в одном из чудовищных преступлений в истории цивилизованного общества — в «окончательном решении» еврейского вопроса, ставшего после совещания в Ванзее официальной политикой гитлеровского рейха. По некоторым данным, через «И.Г.Фарбен» «Моновиц Аушвитц» прошло 300 тыс. рабочих из других лагерей.

В конечном счете комбинат не оправдал возлагавшихся на него надежд. На его строительство было затрачено почти 900 млн марок и тысячи загубленных жизней, а произведено лишь небольшое количество горючего. Что касается искусственного каучука («буна»), то его не удалось получить ни одного килограмма[3].

Свой своеобразный вклад в провал нацистских расчетов на использование продукции «И.Г.Фарбен» внесли военно-воздушные силы союзников. С середины 1944 г. они предприняли серию массированных воздушных налетов на заводы, производившие синтетическое горючее, особенно на расположенные в Лейне и в Освенциме. 12 мая 1944 г. американская 8-я воздушная армия для разрушения заводов синтетического горючего использовала 935 бомбардировщиков. Только на завод в Лейне было направлено 200 самолетов. В дальнейшем налеты на эти заводы продолжались. К сентябрю 1944 г. производство горючего упало до 15%, и улучшить положение до конца войны Гитлеру так и не удалось.

По данным начальника главного административно-хозяйственного управления СС О.Поля, на август 1944 г. в концлагерях находилось 524286 человек, а по пути к ним – еще дополнительно 612 тыс. человек. На охране концлагерей в период с марта 1942 г. по апрель 1945 г. в то или иное время было занято до 45 тыс. эсэсовцев[4]. Больше всего концлагерей было создано в 1941 г. И это не случайно, ибо с началом советско-германской войны по всей Европе, в том числе и в самой Германии, активизировалась антифашистская борьба, для усмирения которой и потребовались новые лагеря.

Каждый концлагерь имел свой профиль, и заключенные посылались в тот или иной лагерь в зависимости от характера совершенных ими «преступлений».

Большое место в системе фашистских лагерей занимали лагеря для военнопленных. Их нумерация соответствовала номеру военного округа, букве алфавита и названию города, где расположен лагерь. Так, наименование «шталаг УП А Моосбург» означало, что солдатский лагерь располагался в баварском военном округе в г. Моосбурге.

В годы наибольшей численности военнопленных на территории Германии, Австрии и аннексированных польских областей имелся 141 лагерь для рядовых и офицеров. Кроме того, несколько лагерей было и на оккупированных территориях. Военно-воздушные силы и военно-морской флот Германии имели свои лагеря, где содержались пленные летчики и моряки[5]. Режим в лагерях для военнопленных по своей жестокости почти не отличался от режима, существовавшего в концлагерях, хотя по международному праву военный плен — это не преступление. В приговоре Международного военного трибунала отмечается, что находившиеся в руках гитлеровцев «военнопленные подвергались жестокому обращению, пыткам и убийствам не только вопреки установленным нормам международного права, но и при полном игнорировании элементарных требований гуманности»[6].

Как отмечается в приговоре Международного военного трибунала, обращение с советскими военнопленными характеризовалось особенной жестокостью и бесчеловечностью. В директиве ОКВ от 8 сентября 1941 г. об обращении с советскими военнопленными прямо указывалось, что советские воины, мол, потеряли право на то, чтобы с ними обращались в соответствии с правилами Женевской конвенции. Их лишали одежды, медицинской помощи. 17 июля гестапо издало приказ, предусматривавший убийство всех советских военнопленных, которые были или могли быть опасны для национал-социализма[7]. Их морили голодом и расстреливали еще по пути в лагеря, расположенные в оперативной зоне группы армий. Так, в тылу группы армий «Север» в феврале 1942 г. было убито или умерло от голода 4570 советских военнопленных. Массовые казни продолжались и в последующем в стационарных лагерях.

Значительную часть советских военнопленных, особенно командиров и политработников, гитлеровское командование направляло в концлагеря, где их ждала верная смерть. По официальным данным управления по делам военнопленных, на 1 мая 1944 г. умерло или расстреляно 845128 советских военнопленных в лагерях, находившихся в ведении сухопутных войск, и 1136236 человек — в лагерях ОКВ[8].

Гитлеровцы расстреливали польских военнопленных еще в ходе военных действий. Казни продолжались в лагерях. В октябре 1942 г. директива, подписанная Кейтелем, предусматривала расстрел всех членов союзных «командос» и союзных летчиков, сбитых над территорией Германии.

За двенадцать лет своего господства гитлеровцы согнали во многочисленные лагеря 18 млн человек из 30 стран Европы. 11 млн не было суждено вернуться на свободу. Они были уничтожены газом, повешены или расстреляны.

Но гитлеровские лагеря были не только лагерями смерти. Они стали крепостями жизни, бессмертными памятниками антифашистской борьбы, которая достигла здесь особого накала. Важной особенностью этой борьбы являлся ее интернациональный характер. «Уже по опыту жизни в концлагерях мы знали, – пишут бывшие политзаключенные из Чехословакии Ота Краус и Эрих Кулка, — что там выдерживают только те, кто умеет жить в коллективе, те, для кого и за колючей проволокой главной целью жизни остается борьба против фашизма. Условие успеха в этой борьбе — коммунистическая сознательность и тесная связь с прогрессивно настроенными узниками всех национальностей»[9].

Следует также отметить, что движение Сопротивления в фашистских лагерях характеризовалось такой общностью, которая не зависела от политических убеждений заключенных или национальной и расовой принадлежности. Стремление выдержать и пережить — вот что объединяло узников для борьбы с гитлеризмом на любом участке тяжелой и сложной лагерной жизни.

«Театр военных действий КЛ» — так называли нацисты концентрационные лагеря. В борьбе за человеческое достоинство узников, за их жизнь формировалось сопротивление фашизму.

Следует отметить, что к выполнению функций охраны концлагерей, особенно расположенных на территории Польши, привлекались польские, украинские, белорусские и латышские коллаборационисты. Кроме того, они занимали в этих лагерях другие незначительные административные должности. Свои лагеря различного назначения коллаборационистские правительства создавали во Франции, Хорватии, Италии, Бельгии, Нидерландах, Норвегии. Но они также находились под контролем оккупационных властей. Особой жестокостью в отношении узников-антифашистов из числа хорватов, а также сербов, евреев, мусульман отличался концлагерь Ясеновац, располагавшийся на территории Хорватии.

Холокост

В основе политики немецко-фашистских оккупантов лежали не только террор и насилие в отношении отдельных лиц или групп, но и физическая ликвидация целых народов и этнических групп, существование которых по разным причинам не устраивало нацистов, т.е. геноцид.

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. дано определение геноцида как отказа в признании права на существование целых человеческих групп, подобно тому, как человекоубийство означает отказ в признании права на жизнь отдельных человеческих существ.

Особенно это касалось евреев, цыган и некоторых других национальностей, дисперсность расселения которых среди «чистых в расовом отношении» народов являлась, по утверждению нацистов, препятствием для дальнейшего развития «арийской культуры». Еврейская проблема рассматривалась как основная в фашистском учении о расах. Как писал в 1943 г. один из теоретиков расизма В.Фельдшер, «немецкий расовый вопрос является прежде всего еврейским вопросом». В подавлении и последующем физическом уничтожении еврейского населения Европы Гитлер видел путь к господству арийской расы. Однажды в беседе с Г.Раушингом он заявил, что если бы не существовало евреев, то их нужно было бы выдумать. «Нужно иметь врага явного, а не только скрытого».

Но, осуществляя массовый террор в отношении еврейского народа, фашисты руководствовались не только этими идейными соображениями. В ликвидации евреев и конфискации их имущества были весьма заинтересованы германские монополии, стремившиеся избавиться от своих влиятельных конкурентов, и само нацистское государство для пополнения своей поистощавшей от чрезмерных военных расходов казны. Антисемитские лозунги активно поддержали и германские милитаристы, стремившиеся взвалить вину за поражение в Первой мировой войне на евреев. Победу в будущей войне они гарантировали при условии «решения еврейской проблемы».

Один из влиятельных представителей германской военщины генерал В. фон Фрич в конце 1938 г. писал: «Вскоре после первой мировой войны я убедился, что для того, чтобы немцы снова стали сильными, нужно выиграть три битвы: 1) битву с рабочим классом; 2) битву с католической церковью и 3) битву с евреями».

Таким образом, антисемитизм стал важной составной частью идеологической подготовки фашизмом Второй мировой войны.

Что же касается цыган, то в их адрес фашисты бросали меньше обвинений, чем в адрес евреев. Нацистов не устраивало само существование свободолюбивого цыганского народа, и поэтому они предприняли безжалостное его уничтожение.

Захватив власть в свои руки в 1933 г., нацисты уже имели четко сформулированную программу в отношении славянских народов, евреев, цыган и других. Так, о евреях в партийной програм-

ме НСДАП 1920 г. отмечалось, что к немецкому народу могут принадлежать лишь люди с «чистой немецкой кровью». Евреи не только не могут принадлежать к немецкому народу, но и не должны быть гражданами германского государства. Через несколько месяцев после захвата власти фашисты организовали массовый бойкот еврейских магазинов, врачей, адвокатов. 10 мая 1933 г. в Берлине было организовано публичное сожжение книг, авторы которых являлись антифашистами или евреями. Начался погром синагог и других еврейских общественных мест. Фашистская пропаганда выдвинула тезис о том, что евреи — это кровные враги немецкого народа.

В сентябре 1935 г. были приняты знаменитые нюрнбергские расистские законы об имперском гражданстве и о защите немецкой крови, из которых вытекало, что евреи и цыгане не могут быть гражданами Германии. В последующие годы были приняты десятки новых антиеврейских законов и директив, которые фактически исключали евреев из хозяйственной, общественной, научной и культурной жизни Германии. Всего же за годы господства нацизма против 233 тыс. евреев, проживавших в Германии к маю 1939 г. и составлявших лишь 0,4% ее населения, было принято 433 всевозможных дискриминационных закона и распоряжений.

Антиеврейская кампания в 30-е годы происходила в обстановке усиления общей фашистской реакции: внутри страны — против прогрессивных сил немецкого народа, а вне ее — против пацифистов, коммунистического и рабочего движения, против Советского Союза. Развернувшийся в Германии террор вынудил с 1933 г. по конец 1938 г. покинуть родину около 190 тыс. евреев. Примерно 65 тыс. евреев эмигрировало из Австрии. 17 тыс. евреев — польских граждан — насильно депортировались в Польшу. Эта кампания особенно усилилась в октябре 1938 г. Поводом послужило покушение на советника германского посольства в Париже Э. фон Рата, совершенное 7 ноября 1938 г. 17-летним польским евреем Г.Гришпаном в ответ на депортацию германскими властями его родителей.

Органы безопасности, СД и лично Р.Гейдрих срочно разработали план антиеврейских погромов, условно названный ими «Кристальная ночь». Убийства евреев, массовые аресты, поджоги и грабежи их имущества по всей стране продолжались 9 и 10 ноября 1938 г. Через несколько дней стало известно, что была разрушена 101 синагога, разграблено и разрушено 7500 еврейских магазинов и складов, убито несколько десятков и выслано в концлагеря 26 тыс. евреев. Власти Германии приняли решение лишить всех евреев их имущества и денежных средств и потребовать от них выплаты «контрибуций» в сумме 1 млрд немецких марок. Для евреев был установлен комендантский час, им запрещалось посещать кинотеатры, театры, музеи, парки и другие общественные места. Из 39 тыс. принадлежавших евреям промышленных и торговых предприятий к 1 апреля 1939 г. власти конфисковали 75%. Это дало основание

Геббельсу с удовлетворением заявить, что конфискованное имущество евреев «кроме всего прочего без существенных затруднений даст большие возможности для оздоровления экономики» Германии.

Как справедливо отметил немецкий публицист А.Норден, конфискация (аризация) еврейского имущества явилась для германских монополий «великим первоначальным накоплением капитала в XX веке, которое год спустя, во второй мировой войне, приобрело в тысячекрат более крупные масштабы».

Накануне войны, в январе 1939 г. по распоряжению Геринга было создано «Центральное имперское бюро по вопросам еврейской эмиграции» во главе с Гейдрихом. После оккупации Австрии и Чехословакии соответствующие филиалы возникли в Вене и Праге.

Из-за легальной и нелегальной эмиграции, самоубийств и нацистского террора численность евреев в Германии к началу Второй мировой войны резко сократилась. Если на 27 апреля 1938 г. здесь проживало 520 тыс. евреев, то к сентябрю 1939 г. их осталось всего 185 тыс. человек.

Таким же гонениям подверглись 300 тыс. евреев, проживавших в Австрии. Большинство из них жило в Вене. Здесь они занимали ведущие позиции в банках, торговле, промышленности, литературе и в некоторых других областях экономики, духовной жизни и сферы обслуживания. В ходе подготовки плебисцита Гитлер, Геринг, Гесс и другие главари Германии открыто грозили, что скоро в Австрии не останется ни одного еврея. Геринг как-то заявил, что не возражает против выезда евреев за границу, но чтобы все свои богатства и деньги они оставили в Австрии. Но лишь 75 тыс. евреев после аншлюса удалось эмигрировать. Остальные погибли в гитлеровских концлагерях. Важным элементом антиеврейских репрессий в Австрии, как и в Германии, была так называемая аризация их имущества, стоимость которой, по оценке в марте 1938 г., составляла 10 млрд марок. С ноября 1938 г. в Австрии, как и по всей Германии, начались массовые еврейские погромы. В ряде австрийских городов создавались первые гетто. Все евреи обязаны были носить особый знак — желтую «звезду Давида».

В нацистских кругах дискутировался вопрос о концентрации всех евреев, в том числе и из стран Европы, в специальный резерват где-нибудь в Восточной Африке, в частности на острове Мадагаскар. Эта идея получила поддержку правительств Польши, Англии, Франции и других западных стран. Такая же судьба ожидала и проживавших в Германии, Австрии и Чехословакии цыган.

Новый этап нацистских злодеяний против евреев и цыган наступил с началом Второй мировой войны. Обвинив евреев (в частности польских и французских) в развязывании этой войны, гитлеровцы приступили к реализации разработанного ими еще до войны плана так называемого «окончательного решения еврейского вопроса», сущность которого состояла в физической ликвидации еврейского народа. Евреи объявлялись не подлежащими правовой защите и должны были быть изгнаны со всей территории Европы, контролируемой Германией. Для проведения в жизнь этих мер в ведомстве Гиммлера был создан специальный отдел Б-4 во главе с А.Эйхманом.

В этот период антисемитизм разросся до размеров варварства, когда были уничтожены миллионы евреев из многих стран.

С января 1942 г. коллаборационисты в оккупированных странах и странах — сателлитах Германии стали принимать активное участие в геноциде еврейского населения Европы, что вызывало озабоченность во всем мире и нашло отражение в решении представителей союзных держав, собравшихся в Москве в конце октября 1943 г. Тогда была опубликована подписанная ими «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», в которой было сказано, что немецко-фашистские преступники будут задержаны и отправлены в те страны, где они совершили свои преступления, для суда над ними.

Однако это предупреждение не оказало должного воздействия как на самих немецко-фашистских преступников, так и национальных предателей, которые им содействовали в этих преступлениях. Массовый террор против народов оккупированных стран, особенно против евреев, продолжался, что вынудило Рузвельта опубликовать 24 марта 1944 г. еще одно предостережение в адрес Германии. В нем говорилось: «Поэтому мы считаем необходимым вновь решительно заявить, что никто из тех, кто принимает участие в этих актах варварства, не останется безнаказанным... Все, кто разделяет эту вину, понесут и наказание».

Особым жестокостям подвергалось еврейское население в оккупированной Польше. В довоенной Польше евреев насчитывалось 3,5 млн человек, что составляло 10% населения страны. Польские евреи в годы гитлеровской оккупации стали объектом массового физического уничтожения и беспощадного насилия[10]. Проблема польских евреев была тесно связана с общей еврейской проблемой в Европе. Судьба европейских евреев, значительная часть которых проживала в Польше, была предрешена в планах Гитлера еще до войны и была одним из составных элементов его программы завоевания мирового господства.

Репрессивные меры против евреев были приняты гитлеровскими оккупантами буквально в первые же дни агрессии против Польши. Уже 8 сентября 1939 г. начальник гражданской администрации при германском командовании в Польше Г.Франк распорядился, чтобы все евреи носили «звезду Давида». Такие же знаки должны были быть на всех предприятиях, магазинах и учреждениях, принадлежавших евреям[11]. Позже, 23 ноября 1939 г. это распоряжение было распространено на евреев в возрасте старше 10 лет всего генерал-губернаторства. Что же касается евреев, проживавших в западных воеводствах, аннексированных Германией, то им было приказано носить «звезду Давида» с осени 1941 г.

С конца 1942 г. военно-политическая обстановка коренным образом изменилась в пользу антигитлеровской коалиции, и «мадагаскарский вариант» оказался нереальным. Поэтому было решено снова вернуться к генерал-губернаторству, но только поселить здесь всех евреев в гетто, чтобы непосильным трудом и голодом ликвидировать их[12].

Первые еврейские гетто в генерал-губернаторстве и аннексированных воеводствах по инициативе местных оккупационных властей появились уже в начале оккупации. После директивы Франка от 13 сентября 1940 г. создание еврейских гетто приняло систематический и централизованный характер. В следующем месяце для евреев был выделен участок в Варшаве. Вскоре отсюда было выселено около 100 тыс. поляков и помещено около 150 тыс. евреев. Варшавское гетто стало одним из самых крупных в Польше: оно охватывало около 4,5% территории города, на которой до войны проживало 37% населения Варшавы. Плотность еврейского населения в гетто составила 1100 человек на гектар, что было в 10 раз выше средней плотности в городе. К середине 1941 г. в варшавском гетто насчитывалось почти 0,5 млн евреев, что составляло почти 1/3 населения Варшавы. Всего же в генерал-губернаторстве к концу 1942 г. насчитывалось 54 еврейских гетто[13].

С весны 1941 г. и особенно после нападения Германии на Советский Союз в кругах Берлина стала более четко выкристаллизовываться концепция «окончательного решения» еврейского вопроса как в Польше, так и во всей Европе. «Научному» обоснованию этого решения была посвящена конференция, состоявшаяся 26 марта 1941 г. во Франкфурте-на-Майне в Институте по исследованию еврейского вопроса. В качестве одного из методов биологической деградации еврейского народа нацистские «ученые» предложили стерилизацию или кастрацию при помощи рентгеновских лучей. Однако такой метод в Польше не получил широкого распространения, и в главном управлении имперской безопасности было принято решение «окончательно решить еврейскую проблему» путем физического уничтожения евреев[14].

Но с осени 1942 г. военно-политическое положение Германии резко ухудшилось. Военная промышленность требовала все новых и новых рабочих рук. Поэтому было решено активнее использовать иностранных рабочих. К тяжелому физическому труду широко привлечь и евреев. Таким образом, прежний лозунг ликвидации евреев продолжал действовать, однако осуществлялся он «посредством труда».

В результате всех этих бесчеловечных мер численность еврейского населения Польши резко сокращалась. В целом по генерал-губернаторству (без дистрикта Галиция) из 1270 тыс. евреев, проживавших здесь в начале 1940 г., к середине 1943 г. осталось лишь 300 тыс. человек.

Новую волну репрессий против евреев гитлеровцы предприняли летом 1943 г. Гетто постепенно ликвидировались, и всех евреев сго-

няли в специальные трудовые лагеря СС. С августа 1943 г. евреи в генерал-губернаторстве уже не имели права жить вне лагеря.

По официальным польским данным, после освобождения страны еврейского населения осталось менее 100 тыс. человек, кроме 200 тыс. польских евреев, находившихся к этому времени на территории СССР. Это означает, что за годы войны и оккупации погибло более 3 млн польских граждан еврейского происхождения.

Для массового уничтожения русских, поляков, евреев и цыган на оккупированной территории СССР были созданы оперативные группы, приданные группам армий. В июне 1941 г. А.Розенберг подписал директиву о методах обращения с евреями на оккупированной территории СССР, предусматривавшую изоляцию их в гетто, конфискацию их имущества, введение для них принудительного труда и полное исключение из хозяйственной и общественной жизни.

По мере продвижения войск вермахта на восток следовавшие за ними оперативные группы расстреливали тысячи русских, украинцев, белорусов, евреев и представителей других национальностей. 30 ноября 1941 г. служба безопасности в Остланде доложила в Берлин, что «еврейскую проблему в Остланде можно считать решенной. Расстрелы сильно сократили численность еврейского населения, а оставшиеся в живых находятся в гетто». И далее разъяснялось, что на территории Эстонии живых евреев осталось лишь 2500 человек, в Литве еврейской проблемы уже не существует, ибо в гетто Каунаса находится 15 тыс., Шауляя — 4500 и Вильнюса — 15 тыс. человек. Что же касается Белоруссии, говорится в этом изуверском документе, то ее «очистка от евреев идет полным ходом: из 139 тыс. уже расстреляно 33210 чел.»[15]

С наступлением зимы 1941/42 г. массовые экзекуции еврейского населения были временно приостановлены. Причину этого цинично разъяснил на одном из совещаний в Минске 29 января 1942 г. руководитель СД в Белоруссии Гофман: «Из-за морозов полная ликвидация евреев невозможна, так как земля слишком промерзла, чтобы копать ямы... Полное уничтожение евреев невозможно и потому, что мы все еще из их рядов черпаем рабочую силу». В последующие годы ликвидация евреев, хотя и в меньших масштабах, продолжалась. В апреле 1943 г. начальник полиции безопасности в Белоруссии Штраух говорил, что на территории генерального комиссариата Белоруссии «по приблизительным подсчетам, из 150 тыс. евреев 130 тыс. уже ликвидированы». Оперативная группа под командованием Олендорфа уже в первые недели оккупации уничтожила на Украине около 90 тыс. евреев. С сентября 1941 г. оккупанты стали широко применять здесь автомашины с газовыми камерами (так называемые «душегубки»).

На территорию Белоруссии и Прибалтийских республик немецкие оккупационные власти транспортировали десятки тысяч евреев из Германии, Нидерландов, Бельгии, Норвегии, Югославии, Греции и других стран, чтобы здесь их уничтожить. Так была пред-

принята кампания с целью сделать Европу «свободной от евреев». Ведомство Риббентропа старалось убедить правительства стран-сателлитов поступать с евреями таким же образом.

Трагическое место в судьбах еврейского населения Европы заняло совещание высших представителей ряда министерств гитлеровской Германии, состоявшееся в Ванзее (под Берлином) 20 января 1942 г. Руководивший совещанием Гейдрих заявил, что «окончательное решение еврейского вопроса» должно охватить всю Европу (включая и Советский Союз), где проживает 11 млн евреев. Он привел следующие данные о численности евреев по странам[16].

Германия	131800 чел.
Австрия	43700 -»-
Аннексированные территории Польши	420000 -»-
Генерал-губернаторство	2284000 -»-
Белосток	400000 -»-
Протекторат Чехия и Моравия	74200 -»-
Латвия	3500 -»-
Литва	34000 -»-
Бельгия	43000 -»-
Франция	
оккупированная часть	165000 -»-
неоккупированная часть	700000 -»-
Греция	69600 -»-
Голландия	160800 -»-
Норвегия	1300 -»-
Болгария	48000 -»-
Англия	330000 -»-
Финляндия	2300 -»-
Ирландия	4000 -»-
Италия	58000 -»-
Албания	200 -»-
Хорватия	40000 -»-
Португалия	3000 -»-
Румыния (вкл. Бессарабию)	342000 -»-
Швеция	8000 -»-
Швейцария	18000 -»-
Сербия	10000 -»-
Словакия	88000 -»-
Испания	6000 -»-
Турция (европейская часть)	55500 -»-

Венгрия	742800 -»-
СССР	5000000 -»-
в том числе Украина	2994684 -»-
Белоруссия (иск. Белосток)	446484 -»-
Итого	свыше 11000000 млн чел.

Совещание в Ванзее приняло решение осуществить массовую ликвидацию еврейского населения во всех странах Европы, находящихся под контролем Германии. С этой целью была предпринята депортация евреев в концлагеря, расположенные в генерал-губернаторстве. Началось строительство новых лагерей смерти. Представители оккупационных властей, органов безопасности и гитлеровские дипломаты развернули во всех странах соответствующую кампанию.

В частности, в Венгрии они предложили решить «еврейскую проблему» также методом депортаций или физического уничтожения.

Евреи жили в Венгрии издавна. В 1941 г. их насчитывалось, по официальным данным, 742827 человек, но в действительности же их численность достигала 1 млн, из них в Будапеште проживало около 350 тыс. Это означало, что еврейское население в это время составляло почти 10% всего населения страны, а в Будапеште — 35% жителей этого города[17].

Новый трагический этап в судьбах венгерских евреев наступил после 19 марта 1944 г. в связи с оккупацией немецко-фашистскими войсками территории Венгрии и с прибытием в страну А.Эйхмана с оперативной командой, а также нового германского посла и особоуполномоченного Германии Э.Везенмейера. Уже через несколько дней в результате переговоров между Везенмейером и Хорти правительство Д.Стояи приняло постановление, вступившее в силу 5 апреля 1944 г., об обязательном ношении всеми евреями «звезды Давида».

С 9 ноября 1944 г. начались массовая эвакуация в особое гетто будапештских евреев и грабеж нацистской и венгерской жандармерией их квартир и имущества. 20 ноября Везенмейер доносил, что в гетто заключено около 80 тыс. человек, находятся в пути в Австрию — 30 тыс. и только 16 тыс. преимущественно богатых евреев были признаны некоторыми нейтральными странами своими гражданами и находятся под их защитой[18].

3 декабря 1944 г., когда советские войска подходили к Будапешту, Эйхман решил, что наступило подходящее время окончательно ликвидировать гетто. Вооруженные эсесовцы попытались войти в гетто, однако встретили отпор узников. Подавив его, эсесовцы согнали часть евреев на вокзал и отправили в концлагерь Берген-Бельзен. Долгий месяц узники еврейского гетто в Будапеште ждали освобождения. Еще 16 января 1945 г. эсесовцы пытались

выполнить приказ Эйхмана, отданный перед бегством: «Из гетто никто не должен выйти живым». Все здания гетто были заминированы. Но 17 января 1945 г. в Пеште наступило долгожданное освобождение.

Советские войска полностью очистили Будапешт от противника. В эти дни большой вклад в спасение десятков тысяч евреев внес шведский дипломат Р.Валленберг. Но в послевоенные годы его судьба, к сожалению, стала трагической. Как официально сообщило советское руководство, Валленберг как «шпион» был арестован и умер в советской тюрьме в 1947 г. Это же подтверждает ряд свидетелей, служивших в те годы во Владимирской тюрьме. Шведская сторона, однако, считает причину смерти Валленберга именно в тот год далеко небесспорной. Выяснение этого факта продолжается и в настоящее время.

Местная реакция при помощи гитлеровской агентуры создала довольно острой «еврейскую проблему» в Румынии. В 1925 г. из 17,5 млн населения этой страны евреи составляли 870 тыс. человек.

Первые антиеврейские мероприятия румынское правительство стало осуществлять летом 1940 г. Распоряжением от 9 июля 1940 г. евреям запрещалось владеть и редактировать органы печати. Ровно через месяц король подписал два указа о делении всех румынских граждан еврейского происхождения на три категории по продолжительности их проживания в стране. Вместо запрещенной для них службы в вооруженных силах они должны были платить дополнительный налог. Кроме того, запрещались браки евреев с несвреями. По закону от 5 октября 1940 г. все евреи были уволены с государственной службы и исключены из союзов писателей и журналистов. Затем было предложено, чтобы адвокаты-евреи вели дела только евреев. 5 декабря 1940 г. все еврейское население обязано было отбывать трудовую повинность. В случае войны все еврейские аптеки и больницы закрывались, а евреи-военнообязанные сосредоточивались в специальных лагерях. Этот закон вступил в силу с мая 1941 г.

С началом антисоветской войны для евреев стали создаваться гетто. В декабре 1941 г. был распущен Союз еврейских общин и вместо него создано Бюро по защите интересов евреев, которое подчинялось правительственному комиссару по еврейскому вопросу. В результате этих мер с ноября 1940 г. по ноябрь 1941 г. число евреев-служащих сократилось с 12% до 7,1%. В августе 1942 г. были распущены все еврейские организации в Румынии. Распоряжением правительства от мая 1943 г. евреи должны были до сентября того же года уплатить военный налог в сумме около 100 млн немецких марок.

По данным министра труда Данилеску, со времени принятия закона от 16 ноября 1940 г. по 1 марта 1943 г. из 8126 фирм, где были заняты евреи, полностью «румынизированы» 3702 фирмы. Всего с 1940 г. по август 1944 г. был принят 81 дискриминационный закон, направленный главным образом против евреев.

В ином положении оказалось еврейское население Болгарии. Немцы потребовали от болгарского правительства выдачи всех евреев, проживавших в стране, для их отправки в Освенцим. Однако из-за активных протестов общественности правительство Филова не решилось на этот шаг. 8710 болгарских евреев были лишь выселены из крупных городов и сосредоточены в провинции в специальных гетто[19]. Что же касается евреев, проживавших на оккупированной болгарскими войсками территории Греции и Македонии, то спасти их не удалось и все они были отправлены в концлагеря генерал-губернаторства и уничтожены.

К «окончательному решению» еврейского вопроса в протекторате, как и в других странах, гитлеровцы приступили в 1942 г. По данным немецких органов, на чешских землях без аннексированных Германией пограничных районов в марте 1939 г. проживало 103 тыс. человек, которые на основе нюрнбергских законов рассматривались как евреи. Однако по данным чехословацкого министерства внутренних дел, к началу 1939 г. признали себя евреями в Чехии и Моравии 21324 человека. Из этих данных вытекает, что кроме этого числа 19227 человек еврейского происхождения считали себя немцами. Таким образом, в чешских землях в начале оккупации проживало 40 тыс. лиц еврейского происхождения, признавших себя чехами, и примерно 60 тыс. человек, считавших себя чехами[20]. Однако и те и другие подпадали под действие расистских нюрнбергских законов. По данным СД, к февралю 1941 г. 27 тыс. евреев удалось эмигрировать, чему сами оккупанты не препятствовали, ибо им оставалось все еврейское имущество. Это означало, что ко времени, когда в протекторате началось «окончательное решение» еврейской проблемы, евреев здесь насчитывалось около 80 тыс. человек.

Чехословакия, кроме самой Германии, стала первой страной, в которой Гитлер на практике применял антисемитские методы, установленные нюрнбергскими законами. Сразу же после оккупации Чехии в Берлине был разработан проект закона, в соответствии с которым евреи, цыгане и некоторые другие национальности протектората должны были быть лишены государственного гражданства.

Первый антиеврейский юридический акт в самом протекторате был издан 20 марта 1939 г., когда гражданская власть еще находилась в руках военного командования[21].

В последующий период различные оккупационные инстанции издавали десятки других распоряжений, которые полностью выключали евреев из экономической и общественной жизни протектората. Евреи были исключены из Союза журналистов, им запрещалось посещать музеи, библиотеки, театры и другие общественные места, продавать на улицах газеты. Всем чехам было предложено прекратить какие-либо контакты с евреями, даже не здороваться с ними и не принимать от них поздравлений.

В основной своей массе чешское население не одобряло и не поддерживало антисемитской кампании оккупационных властей и

протекторатного правительства и часто активно помогало еврейским семьям. Органы СД жаловались в одном из донесений от 20 октября 1939 г., что в Моравской Остраве на вокзале, где выселялись местные евреи, собралась большая толпа чехов, выкрикивавших приветственные слова в адрес евреев. В этой связи, указывалось в донесении, в протекторате распространяются слухи о том, будто немцы скоро уйдут из Чехии и сюда придут русские войска[22]. Такие слухи воспринимались чехами с удовлетворением.

После начала антисоветской войны 15 октября 1941 г. были предприняты первые меры по высылке евреев в гетто, а чехи были предупреждены, что за проявление каких-либо симпатий к евреям они будут также арестованы и отправлены в концлагеря. Первым еврейским гетто на территории протектората в январе 1942 г. стал г. Терезин. Это было «образцовое» гетто с собственными еврейскими администрацией, полицией, своими банкнотами и почтовыми марками. Существовал даже прекрасный симфонический оркестр. Здесь не было ни крематориев, ни виселиц — евреев Терезина морили голодом или отправляли в Освенцим.

В результате деятельности гестапо и других карательных органов за годы оккупации Чехии при содействии местных протекторатных властей еврейское население фактически было истреблено. Количество угнанных и в большинстве своем уничтоженных евреев составляло, видимо, не менее 80 тыс. человек. Во всяком случае на стенах Пинкасовой синагоги в Праге начертаны имена 77297 погибших чешских евреев. Здесь же им воздвигнут монумент. После освобождения Чехословакии на родину вернулось не более 500 евреев, а из 15 тыс. еврейских детей вернулось только 28.

Развернулась антисемитская кампания в Словакии. С 1 сентября 1940 г. в Братиславу советником по еврейским вопросам прибыл ближайший сотрудник А.Эйхмана Д.Вислицени. До второй половины 1940 г. положение еврейского населения Словакии, насчитывавшего 150 тыс. человек, несмотря на «ариазацию», было довольно сносным. К нему не применялись такие жестокие репрессивные меры, как к евреям, проживавшим в Германии или в Польше[23].

С началом войны гитлеровской Германии против СССР антиеврейская кампания усилилась. Была предпринята первая депортация евреев в трудовые лагеря. Еще 11 сентября 1940 г. словацкий сейм принял закон, который обязывал правительство унифицировать и соответственно оформить все фактически осуществленные антиеврейские мероприятия. По образцу фашистских нюрнбергских законов был разработан «еврейский кодекс».

Так словацкие клеро-фашистские главари стали первыми из правителей других стран - сателлитов Германии, которые последовали за гитлеровскими нюрнбергскими законами[24].

По требованию немецких советников и прибывших в Словакию из Германии специальных эмиссаров еврейская проблема неоднократно обсуждалась на самом высоком уровне — в Совете министров, на Президиуме сейма Словакии и в Государственном совете,

и значительным большинством голосов было принято решение о депортации евреев. Организационную сторону этого позорного и преступного акта готовил 14-й отдел Министерства внутренних дел (так называемый еврейский). Непосредственно выселяли евреев словацкие районные нотариальные и политические органы — члены глинковской гвардии и так называемые добровольцы охранных отрядов.

В ходе выселения члены этих террористических организаций имели возможность легкого обогащения за счет грабежа еврейского имущества. Но его официальный грабеж осуществляло правительственное Центральное экономическое управление. Центральное еврейское управление, образованное в сентябре 1940 г., под угрозами вынуждено было содействовать этой акции предоставлением полного списка еврейского населения Словакии. Важную роль в этой преступной кампании играл немецкий советник по еврейскому вопросу Вислицени.

Первый транспорт с евреями в концлагерь Освенцим выехал в Польшу в конце марта 1942 г. Затем последовали другие эшелоны. В эти дни немцы применили иезуитский прием. Прибывший в Братиславу Гейдрих подписал со словацким премьером А.Тукой соглашение о следующих условиях депортации: словацкое правительство по своей инициативе просит германские власти о содействии в депортации евреев; оно берет на себя все расходы на депортацию и еще выплачивает германскому правительству за каждого депортированного по 500 немецких марок, а также добровольно лишает депортируемых словацкого гражданства.

Так, Словакия должна была стать первой в Европе страной, в которой еврейский вопрос был бы полностью решен в соответствии с нацистскими принципами. Однако у исполнителей этой акции возникли определенные трудности. Во-первых, в Центральном еврейском управлении активно действовала нелегальная группа Сопротивления, которая собирала денежные средства, для того чтобы откупиться от властей. Группе помогли «Джойнт» и другие международные еврейские и нееврейские организации, действовавшие в нейтральных странах. Во-вторых, усилились возражения против депортации среди словацкого населения. В июне 1942 г. германский посол в Братиславе Г.Лудин жаловался в Берлин, что «выселение евреев очень непопулярно среди словацкого народа». В-третьих, в подобной ситуации сейм Словакии вынужден был в мае 1942 г. принять более или менее либеральный закон, допускавший возможность временного или постоянного освобождения от выселения многих еврейских семей. Массовая депортация была прервана. Это подтвердил и известный «специалист» в гестапо по еврейскому вопросу А.Эйхман во время суда над ним в Иерусалиме. На вопрос, продолжалась ли депортация евреев из Словакии в период с 1942 г. по 1944 г., он ответил: «Словаки сопротивлялись... После Сталинграда вся эта братия начала разговаривать иначе — тогда они взялись за ум не из гуманных побуждений, а из желания спас-

тись... После Сталинграда я столкнулся с величайшими трудностями по всех районах, где я работал. Я хотел бы подчеркнуть это».

К этому времени было депортировано около 58 тыс. евреев, из них после войны вернулось всего около 800 человек. К осени 1942 г. осталось 25 тыс. евреев, над которыми каждый день висела угроза возобновления депортации. В-четвертых, в наступившем 1943 г. международная военно-политическая ситуация в корне изменилась не в пользу Германии. Усилились протесты населения, обострился страх в правительственной верхушке о последствиях их преступного акта.

Ряд высоких нацистских чинов вплоть до Гиммлера побывали в Словакии и категорически требовали депортировать все еврейское население. Но вспыхнувшее летом 1944 г. вооруженное восстание дало оставшимся евреям реальную надежду на спасение. Подавив восстание, немцы вместе со словацкими властями возобновили депортацию евреев. Эшелоны с 20 тыс. евреев продолжали катиться в концлагеря Освенцима, Терезин и другие до марта 1945 г. Когда Словакия была освобождена Красной Армией и румынскими войсками, в ней еще укрывалось около 10 тыс. спасшихся евреев[25].

Тяжелое испытание выпало на долю еврейского населения и во Франции. В прошлые времена в этой стране не было почвы для антисемитизма, поэтому фашиствующие молодчики, которые начали кампанию против евреев с первых же дней после капитуляции Франции, не находили поддержки среди французов. Наоборот, их везде осуждали. По-иному относились к евреям официальные круги Виши, не говоря уже об оккупационных властях. С первых же дней оккупации гитлеровцы стремились руками французов организовать еврейские погромы в Париже и в других городах, однако из этой затеи ничего не получилось. Тогда был принят ряд директив, направленных против евреев. Их исключали из высших учебных заведений, вся профессура еврейского происхождения была отстранена от преподавания. Оккупанты продолжали вести линию на натравливание французов против евреев.

Не намного лучшим было положение евреев и в неоккупированной зоне Франции. Для правительства Виши «еврейская проблема» стала почти первостепенной, без решения которой нельзя было, как оно считало, восстановить «былое величие Франции». Вот почему одним из первых его актов была чистка государственных органов от нефранцузских элементов. Из общественной жизни увольнялись все, у кого отец не был французом. 22 июля 1940 г. был принят закон о французском гражданстве, в соответствии с которым все евреи должны были покинуть г. Виши и его окрестности. 3 октября 1940 г. был принят статут о евреях, а с марта 1941 г. еврейским вопросом на неоккупированной территории Франции стал заниматься созданный к этому времени Генеральный комиссариат по еврейскому вопросу, работавший в тесном контакте с немецкой службой безопасности[26].

Со второй половины 1941 г. усилилось интернирование евреев, особенно евреев-иностранцев, в концлагеря и изъятие их имущества. С весны 1942 г. гитлеровцы начали осуществлять «окончательное решение».

Многие жестокие антиеврейские меры правительства Виши ввиду сопротивления населения и низших органов власти не были полностью осуществлены. Поэтому положение евреев в неоккупированной зоне по сравнению с оккупированной было несколько легче. Что же касается евреев в итальянской зоне оккупации, то там их вообще не притесняли, что вызывало неудовольствие правительства Виши, которое обвиняло итальянцев в нарушении единой согласованной линии в этом вопросе. Положение французских евреев стало повсеместно трагическим с осени 1942 г., когда гитлеровские войска вторглись в неоккупированную зону.

По неполным данным, из проживавших в 1939 г. во Франции 350 тыс. евреев было вывезено в концлагеря 150 тыс., в том числе 20 тыс. детей. После освобождения вернулось около 3 тыс. человек — все остальные погибли. Часть евреев была спасена самими французами, а некоторым удалось эмигрировать.

В марионеточном «Независимом государстве Хорватии» (НГХ) уже в первые месяцы его существования была принята целая серия антисемитских законов, которые являлись точной копией нюрнбергских законов. По распоряжению министра внутренних дел евреям было запрещено посещать кафе, гостиницы. Уже тогда выдвигалось предложение, чтобы реквизировать предприятия не только еврейских, но сербских и словенских владельцев, и назначить в них правительственных комиссаров.

В июне 1941 г. был принят закон о защите национальной и арийской культуры хорватского народа, который запрещал евреям работать в государственных учреждениях, в органах печати, радио, кино, музыки и спорта. Все евреи обязаны были носить на груди «звезду Давида». Тогда же евреям было предложено зарегистрировать свое имущество, которое позже в сентябре — октябре 1941 г. было реквизировано без какого-либо вознаграждения. Большинство евреев, особенно проживавших в немецкой зоне НГХ, усташи согнали в специальные лагеря и трудовые команды, а с весны 1943 г. их переправили в Освенцим для уничтожения. Из 40 тыс. евреев, живших на территории НГХ, в результате фашистского и усташского террора дожили до освобождения лишь 1500 человек.

Положение евреев в итальянской зоне было несколько более сносным, поэтому многие евреи из немецкой зоны бежали под защиту итальянцев, что вызывало протесты немцев и усташей.

В Сербии, как и в других краях Югославии, гитлеровцы, опираясь на местных коллаборационистов, также проводили политику физического уничтожения несербских национальностей, поощряли их выселение из Сербии, разжигали вражду между разными национальностями. По указанию оккупационных властей в Сербии 30 мая 1941 г. был принят указ о евреях и цыганах. В нем дава-

лось определение, кого считать евреями и цыганами и устанавливалось, что все они обязаны носить особый отличительный знак. Им запрещалось находиться на государственной службе, а также быть врачами, ветеринарами, аптекарями, запрещалось владеть имуществом и покидать свое место жительства без разрешения властей. Для управления реквизированным у евреев имуществом были выделены специальные комиссары из числа имперских и местных немцев, а также из «лояльных» сербов.

Указом от 22 декабря 1941 г. для евреев и цыган, нарушавших директивы властей, предусматривалась смертная казнь. В массовых казнях евреев и цыган сербская полиция тесно сотрудничала с немецкими властями. Но чаще всего специальные отряды СД самостоятельно проводили экзекуции своих жертв. Один из таких фашистских палачей, оберлейтенант Вальтер в донесении начальству 1 ноября 1941 г. цинично писал, что «расстреливать евреев проще, чем цыган. Евреи идут на смерть спокойно, тогда как цыгане кричат и стараются убежать с места казни».

Зверским гонениям подвергалось еврейское население Греции. Оккупанты взваливали на него «вину» за все беды греков. В течение всех лет оккупации продолжалась политика физического уничтожения евреев. Из 77 тыс. человек в концлагерях было уничтожено 66 тыс.

В Бельгии наряду с попытками обострить разногласия между фламандцами и валлонами гитлеровцы предприняли и антиеврейскую кампанию. Евреи были исключены из экономической, культурной и научной жизни. Распоряжением начальника военной администрации от 28 октября 1940 г. возвращение евреев, эвакуированных из Бельгии, запрещалось. Все оставшиеся в стране евреи в возрасте старше 15 лет должны были стать на особый учет, а их имущество переходило под государственное управление. Затем в мае 1942 г. евреям было предложено носить «звезду Давида», а в сентябре 1942 г. все их имущество было, по существу, реквизировано.

В Нидерландах к осени 1940 г. в связи с грабежом оккупантов возникли различные экономические трудности. Ответственность за них оккупационные власти стремились взвалить на евреев и тем самым оправдать предпринятую тогда ими антиеврейскую кампанию.

К началу оккупации в стране проживало 140 тыс. евреев, что составляло 1,57% всего населения. Однако в некоторых городах, например в Амстердаме, они составляли около 10% жителей. Еще летом 1940 г. оккупанты издали ряд антиеврейских распоряжений, но преследование евреев особенно усилилось осенью 1940 г. В октябре всем голландским чиновникам было предложено дать письменное подтверждение того, что они не евреи, а все еврейские служащие и преподаватели были уволены из государственных органов и учебных заведений.

В январе—феврале 1941 г. сторонники Муссерта совместно с оккупационными властями предприняли провокационные акции в

еврейском квартале Амстердама. В эти дни 425 нидерландских евреев были отправлены в концлагерь Маутхаузен. Такими действиями оккупанты хотели вызвать среди населения антиеврейские настроения. Однако рабочие города не попались на удочку местных коллаборационистов и оккупантов и не приняли участия в кампании против своих сограждан. Более того, в эти дни они провели демонстрации под лозунгами защиты евреев от арестов и преследований, прятали их, снабжали продовольственными карточками.

Ликвидация еврейского населения Нидерландов продолжалась на протяжении всех лет оккупации. С июля 1942 г. началась их массовая депортация в концлагеря Германии и Польши. Последний из 98 эшелонов с евреями покинул страну 13 сентября 1944 г., когда союзные войска уже вплотную подошли к бельгийско-нидерландской границе. В итоге пятилетнего преследования 110 тыс. евреев были депортированы и отправлены в концлагеря Терезина, Берген-Бельзена, Собибора и Освенцима. После окончания войны только 5 тыс. человек вернулись на родину.

В Норвегии в связи с национальной однородностью ее населения гитлеровские оккупанты не имели возможности широко применять излюбленный прием в своей политике, а именно, натравливать разные национальности друг на друга. С проживавшими на территории Норвегии финским и шведским нацменьшинствами они не хотели осложнять отношений. Поэтому во всех бедах, которые выпали на долю норвежского народа, фашистская пропаганда, как это делалось и в других странах, обвиняла евреев. Оккупантов при этом не смущало то обстоятельство, что в Норвегии к апрелю 1940 г. проживало всего около 1700 евреев, из них 1500 — были гражданами Норвегии.

В первый период оккупации гитлеровцы совместно с квислинговцами путем различных провокаций стремились поссорить норвежцев и евреев. Однако желаемого эффекта это не дало. Тогда с весны 1942 г. в различных районах Норвегии, особенно в Тронхейме, фашисты устраивали на еврейское население облавы. К осени того же года они распространились на всю страну: были арестованы все евреи-мужчины, а их собственность конфисковывалась. Затем депортации в Германию и Польшу подверглись женщины и дети. Всего фашистам удалось вывезти в концлагеря 734 еврея, из них вернулись живыми только 12 человек. Часть норвежских евреев с помощью местного населения была спасена.

«Еврейскую проблему» в Дании немецкие оккупационные власти решали так же, как и в других оккупированных странах. До 1942 г. датские евреи подвергались всяческим ограничениям. Затем началась кампания «окончательного решения» еврейского вопроса, что означало депортацию евреев в гетто Терезин, где их физически уничтожали. 1 октября 1943 г. был отдан приказ об аресте всех евреев, и в ночь с 1 на 2 октября в Данию из Германии были введены крупные полицейские силы, которые депортировали около 500 ев-

реев, а 7 тыс. евреев датским патриотам удалось переправить в Швецию.

Победы Советских Вооруженных Сил на Востоке, высадка союзных войск в Италии, затем во Франции, активизация движения Сопротивления во всех оккупированных странах вынудили гитлеровцев задуматься о последствиях своих преступлений, попытаться скрыть их от широкой общественности и замести следы злодеяний, чинимых против народов оккупированных стран. Новая тактика была принята и в отношении евреев.

21 июня 1943 г. Гиммлер отдал распоряжение всех евреев, занятых на производстве в восточных областях, сосредоточить в концлагерях; детей, стариков и часть женщин - эвакуировать и ликвидировать, а все гетто — разрушить.

Ликвидация гетто сопровождалась массовыми убийствами и террором. Это вызвало протест как узников, так и населения. На протяжении нескольких дней в 1943 г. продолжалось восстание в варшавском гетто. Вооруженное сопротивление оказали евреи в белостокском гетто. Тем не менее к августу 1943 г. было ликвидировано в генерал-губернаторстве 107 гетто и еврейских лагерей. Все оставшиеся евреи были сосредоточены в концлагерях, особенно в таких крупных, как Освенцим, Майданек и другие, где их ждали крематории и новые массовые казни.

Население оккупированных стран активно помогало евреям, чтобы спасти их от неминуемой гибели. Так, с риском для жизни многие поляки приняли участие в спасении около 120 тыс. евреев. Всего же, благодаря победе над гитлеризмом и солидарности народов, в Польше спаслось около 500 тыс. евреев из 3,5 млн человек, проживавших в этой стране накануне войны. Население других стран, как уже отмечалось выше, также с риском для жизни помогало еврейскому населению.

Для спасения евреев много сделал немецкий предприниматель из Кракова Оскар Шиндлер. В годы войны он спас от неизбежной смерти 1200 еврейских подневольных рабочих. Много лет спустя после войны его жизнь легла в основу фильма Ст.Спилберга «Список Шиндлера». В настоящее время оригинал этого списка найден в нижнесаксонском г. Хильдесхайме. Там же в чемодане находилась и запись речи Шиндлера, обращенной к евреям 8 мая 1945 г. В ней было сказано: «Прошу вас быть человечными и справедливыми. Предоставьте мстить тем, кому это дано»[27].

По неполным данным, за годы Второй мировой войны и оккупации погибло более 7 млн евреев, в том числе в странах Центральной и Восточной Европы – 5700 тыс., на Балканах — около 500 тыс. человек и в странах Западной и Северной Европы — 300 тыс. человек.

Масштабы физического истребления еврейского населения в Европе, как справедливо отмечает польский исследователь профессор Ч.Мадайчик, отходят на задний план в сравнении с массовым геноцидом цыган.

На дорогах довоенной Европы можно было часто видеть тысячи кочующих цыганских кибиток. О численности цыган в Европе точных данных нет. Разные исследователи приводят цифры от 1 млн до 5 млн человек. По отдельным странам примерная численность цыган в конце XIX — начале XX в. содержится в следующей таблице:

Венгрия (вкл. Трансильванию)	280000 чел.
Румыния (ст. королевство)	300000 -»-
Турция (вместе с Грецией)	200000 -»-
Россия	50000 -»-
Болгария	52132 -»-
Польша	15000 -»-
Испания	50000 -»-
Сербия	46212 -»-
Босния и Герцеговина	15000 -»-
Галиция	16000 -»-

На протяжении веков между цыганами и другими народами существовало взаимное недоверие, которое подогревалось националистическими элементами. Правительства разных стран предпринимали попытки решить цыганскую проблему путем принятия законов, обязывавших их к оседлой жизни. Имелись проекты слияния цыган с нецыганскими народами, для чего десятки цыганских детей передавались в местные крестьянские семьи на перевоспитание. В отношении цыган применялись всевозможные ограничительные и дискриминационные меры. Но никогда в истории цыгане не подвергались физическому уничтожению. Первыми это сделали фашисты в годы Второй мировой войны.

Большие жертвы цыгане понесли уже в ходе боевых действий. Но угроза их физического уничтожения усилилась, когда 24 октября 1939 г. в директиве Геббельса было сказано, что «людьми низшего сорта», наряду с поляками и евреями считать также цыган. Тем самым цыганским таборам открывалась единственная дорога — в крематории гитлеровских концлагерей. По указанию Гиммлера от июля 1940 г., все 35 тыс. цыган, проживавших в Германии, были вывезены в генерал-губернаторство и уничтожены.

Многие цыганские семьи, кочуя по разоренной и голодной Европе умирали от эпидемий, голода и холода. А весной 1942 г. немецкие власти в генерал-губернаторстве распорядились собрать всех цыган в еврейские гетто с последующей высылкой их в концлагеря для умерщвления. Сюда же прибывали эшелоны с цыганами из других стран Европы. В одном лишь концлагере Освенцим было уничтожено 20 тыс. цыган. Всего же от гитлеровского террора, по далеко неполным данным, погибло около 500 тыс. цыган из многих стран Европы.

Операция «Мрак и туман»

Узники фашистских лагерей были не единственными жертвами террористической политики нацистов. Представители карательных органов при участии местных коллаборационистов, регулярных войск вермахта, органов экономического ограбления и других оккупационных властей творили свои преступные деяния против всего населения захваченных стран.

Первыми жертвами фашизма стали его противники в самой Германии с первых же дней захвата Гитлером государственной власти. С 1933 по 1938 гг. фашистская юстиция осудила в Германии 340 тыс. антифашистов, в первую очередь коммунистов и социал-демократов.

26 августа 1942 г. марионеточный рейхстаг проголосовал за предоставление Гитлеру дискреционных полномочий по осуществлению правосудия. В преамбуле к этому закону говорилось: «В настоящее время в Германии нет больше прав, есть только обязанности...» Через несколько дней в своем еженедельнике «Дас Рейх» Геббельс разъяснил, что теперь будет: «Буржуазная эра, с ее ложным и дезориентирующим понятием гуманности, закончилась... Впредь двери в варварство распахнутся настеж».

По данным нацистского Министерства юстиции, за период с 1933 г. по 1941 г. в Германии было приведено в исполнение 11881 смертный приговор, а к моменту капитуляции — еще 12500 приговоров. Военные суды лишь за четыре месяца 1945 г. приговорили к расстрелу до 8 тыс. человек. Всего в антигитлеровском заговоре в июле 1944 г. участвовало 185 военнослужащих вермахта, в том числе 39 генералов. После покушения на Гитлера было арестовано около 7 тыс. человек, из них расстреляно 160180 человек, в том числе 20 генералов. Всего же за годы войны было казнено 14500 военнослужащих вермахта. Волна арестов, прокатившаяся в Германии в 1944 г., охватила более 500 тыс. человек.

Упоминавшаяся выше российская эмигрантка княжна Мария Васильчикова в «Берлинском дневнике» рассказала, как в Берлине была воспринята весть о суде над заговорщиками 20 июля 1944 г. Она писала, что в немецкой печати было опубликовано сообщение о допросе первой группы обвиняемых в так называемом «народном суде» под председательством Роланда Фрайслера.

«Большая часть их ответов, в том виде, в каком они напечатаны, представляется чистейшей выдумкой — по образцу сталинских показательных процессов. Иногда эти ответы были совершенно несуразны, и их явная цель — представить заговорщиков в смехотворном виде в глазах нации. Председатель суда, некто Фрайслер, циничная сволочь. Его никто не забудет».

Комментатор дневника, Г.И.Васильчиков дает следующую характеристику лично Фрайслеру и всей нацистской системе судопроизводства: «Бывший некоторое время марксистом (его обратили в марксистскую веру в сибирском лагере военнопленных в первую мировую войну) д-р Роланд Фрайслер (1893—1945) принимал участие в роковом Ваннзейском совещании 20 января 1942 г., которое открыло путь к "окончательному решению" еврейского вопроса в оккупированной немцами Европе. В августе 1942 г. он был назначен председателем фольскгерихта, трибунала, созданного для рассмотрения — при закрытых дверях и без права обжалования — дел обвиняемых в преступлениях против Третьего Рейха».

Всего же за годы господства нацизма в Германии более 3 млн человек подверглись многолетнему тюремному заключению, 450 тыс. человек были осуждены по политическим, расовым и религиозным мотивам в общей сложности к 1500 тыс. годам тюрьмы. Более 200 тыс. немецких антифашистов было убито или замучено.

Однако нацистская политика террора и насилия в Германии блекнет перед тем, как она осуществлялась в отношении народов оккупированных стран, особенно в странах Восточной Европы. 5 апреля 1940 г., когда Германия захватила только три страны, Геббельс поспешил заявить представителям прессы: «В настоящее время в Европе мы осуществляем ту же революцию, какая уже была осуществлена в меньшем масштабе в самой Германии».

Для подавления малейшего сопротивления фашистской диктатуре Гитлер уже в то время создал широко разветвленный партийно-государственный механизм. Решающей составной частью этого механизма был руководящий состав нацистской партии, в который по приговору Нюрнбергского трибунала включены по меньшей мере 600 тыс. человек. В самой Германии механизм руководящего состава нацистской партии в сотрудничестве с гестапо и СД использовался для контроля над политическими настроениями немецкого народа и принятия репрессивных мер против противников режима. Аналогичные функции он выполнял и на аннексированных территориях. По его указаниям в оккупированных странах осуществлялась заранее разработанная программа террора и геноцида в отношении многих народов Европы.

Органами, которые непосредственно осуществляли карательные функции в отношении населения оккупированных стран, являлись гестапо и СД. 27 сентября 1939 г. они были объединены в одно административное целое — Главное управление имперской безопасности (РСХА) во главе с Р.Гейдрихом. Если на территории Германии и в аннексированных областях гестапо, уголовная полиция и СД формально существовали раздельно, то в оккупированных странах координация их деятельности была несколько теснее и они подчинялись не только руководителю РСХА, но и высшим руководителям СС и полиции, находившимся в составе оккупационного аппарата.

На оккупированных территориях, которые все еще рассматривались как районы военных действий, из членов гестапо, уголовной полиции и СД создавались организации военного типа — так называемые оперативные команды и оперативные группы. Они следова-

ли за войсками и совершали террористические акты против всех, кого они считали неблагонадежными.

Вместе с тем в приговоре Международного военного трибунала подчеркивается: «Местные части полиции безопасности и СД продолжали свою работу на оккупированных территориях после того, как они переставали быть театром военных действий. Полиция безопасности и СД занимались повсеместными арестами гражданского населения в этих оккупированных странах, заключали большое число этих арестованных в тюрьмы, где их содержали в нечеловеческих условиях, подвергали их зверским допросам третьей степени и посылали многих из них в концентрационные лагеря.

Местные части полиции безопасности и СД при содействии коллаборационистов также участвовали в расстреле заложников, в заключении в тюрьмы их родственников, в казни лиц, обвиняемых в терроризме и в диверсиях, без всякого суда, и в проведении приказа "Мрак и туман", по которому лица, обвиняемые в действиях, которые считались опасными для оккупационных войск, были либо казнены в течение недели, либо тайно вывозились в Германию, причем им запрещалось поддерживать связь со своей семьей и близкими».

Важную роль в осуществлении террористического режима на оккупированных территориях играли охранные отряды нацистской партии (СС). Первоначально СС состояли из двух самостоятельных организаций — военных отрядов СС в вермахте и соединений «Мертвая голова», предназначенных для охраны концлагерей. С 1940 г. военные отряды СС были преобразованы в войска СС, которых к концу войны насчитывалось 40 дивизий (около 580 тыс. человек). Остальные части СС составляли «общие СС» и соединения «Мертвая голова», которые тесно сотрудничали с полицией под общим руководством Гиммлера.

Части общих СС принимали активное участие в совершении провокаций с целью найти предлог для агрессии против других стран, сами совершали военные преступления и преступления против человечества. В соответствии с расистскими принципами фашизма части и подразделения общих СС содействовали германизации оккупированных территорий, депортации местного населения. Войска СС также непосредственно участвовали в массовых казнях военнопленных, в убийствах гражданского населения, в частности в Лидице, Орадуре и в других местах.

Активной составной частью оккупационного аппарата в захваченных странах являлись штурмовые отряды нацистской партии (СА). Они были первым и при оккупации Австрии и Чехословакии. Члены СА охраняли военнопленных, устраивали еврейские погромы, организовывали гетто. Органы СА, располагавшие обширной агентурой из местных коллаборационистов во всех оккупированных странах, снабжали гитлеровские власти информацией о настроениях населения, антифашистской деятельности, экономической обстановке и по другим вопросам.

На заседаниях Международного военного трибунала была убедительно доказана прямая причастность к военным преступлениям против человечества германского верховного командования (ОКВ), хотя в приговоре эта организация и не была признана преступной. Руководящие деятели генерального штаба и ОКВ были активными участниками заговора против мира и человечества. Они издавали приказы о беспощадных мерах против военнопленных и мирного населения, особенно на территории Советского Союза. Верховное командование вместе с СС и другими карательными органами принимало участие в жестоких террористических действиях на оккупированных территориях. В частности, оперативные команды и группы действовали в контакте с армейским командованием.

Приказом Гитлера от 7 декабря 1941 г. за подписью Кейтеля была предпринята акция «Мрак и туман», рассчитанная на то, чтобы подвергнуть аресту, изоляции в лагерях и тюрьмах, расстрелу тех гражданских лиц в оккупированных странах, которые представлялись опасным элементом для Германии. В дополнительном приказе от 12 декабря 1941 г. Кейтель подчеркивал, что директива будет применяться на всех оккупированных территориях (кроме Дании), а на приказы, изданные для недавно оккупированных территорий Советского Союза (кроме Украины), эта директива не распространяется. В прямой форме было сказано, что этот приказ действует в Норвегии, Голландии, Франции, Богемии, Моравии и в оккупированных областях Украины. Но фактически он действовал и в Бельгии, и в других западных оккупированных странах. На немцев директива не распространялась.

Первый процесс по делам «Мрак и туман» состоялся в Эссене 20 августа 1942 г. Затем состоялись сотни других судебных процессов. В целом число жертв вследствие операции «Мрак и туман» неизвестно, но по состоянию на 1 ноября 1943 г. вермахт доставил более 5200 заключенных для рассмотрения их дел судами Германии. Для этого выделялось несколько судов: один — для доставленных из Норвегии, другой — из Франции, третий — из Бельгии и в Берлине — для дел особого характера.

К 30 апреля 1944 г. было передано в Народную судебную палату уже 8639 подсудимых. В конце того же года Гитлер отдал приказ о том, чтобы органы юстиции и военные суды прекратили рассмотрение дел «Мрак и туман» и передали решение всех этих вопросов в гестапо.

Начальник штаба ОКВ фельдмаршал В.Кейтель по указанию Гитлера 19 ноября 1944 г. подписал приказ об ответственности всех членов семьи за действия, ослабляющие военные усилия вермахта. В приказе предписывалось немедленно открывать огонь по тем солдатам, которые перебегают к противнику. В отношении солдат, имеющих намерение перебежать к противнику, немедленно на месте производить расследование и при наличии бесспорных доказательств предательства выносить смертный приговор. Родственники осужденного отвечали за него имуществом, свободой или жиз-

нью в соответствии с решениями рейхсфюрера СС и начальника полиции. Приказ был доведен до подчиненных немедленно.

Этот бесчеловечный документ в отношении родственников был не первым и не единственным в истории Второй мировой войны. Подобные приказы, почти дословно совпадавшие с приведенным выше, были подписаны Сталиным как в 1941 г., так и в последующие годы войны[28].

Огромные потери немецких войск на полях сражений восточного фронта и как следствие боевых действий партизан вызывали тревогу среди населения Германии. Вот что по этому поводу вспоминает российская княжна М.Васильчикова в своем «Берлинском дневнике»: «Из письма Мисси из Берлина брату Джорджи в Рим 1 июля 1941 г. "...Только что с Восточного фронта появился Бургхард Прусский. Он отозван, потому что он "из королевских". Он рассказывал, что там царит абсолютный ужас. Почти не берут пленных ни с той, ни с другой стороны. Русские дерутся не как солдаты, а как преступники, поднимая руки вверх, делая вид, что сдаются, и когда немцы приближаются вплотную, открывают по ним огонь в упор, они даже стреляют в спину немецких санитаров, присматривающих за их же ранеными. Но они очень храбры, и везде идут тяжелые бои...[29]

Четверг, 21 июля. Обедала с Бургхардом Прусским, он теперь штатский: его, как и всех принцев королевской крови, вышвырнули из армии. Он надеется получить работу в промышленности, но это будет нелегко. Он типичный представитель порядочного немецкого офицерства "старой школы", и его обучали только в расчете на военную карьеру.

После того, как в 1940 г. в ходе кампании на Западе был смертельно ранен принц Вильгельм Прусский, старший сын кронпринца, все члены бывших правящих домов Германии были отозваны с фронта. Позже их вообще уволили из вермахта. Эти меры, принятые нацистами с целью предотвратить взлет монархических настроений, который мог бы последовать за гибелью "на поле брани" столь заметных лиц, сыграли в действительности прямо противоположную роль: они спасли жизнь одной из наиболее ненавидимых нацистами общественных групп"»[30].

Массовый террор против местного населения гитлеровские захватчики развертывали с первых же дней вторжения в ту или иную страну.

Приказом ОКХ от 26 марта 1941 г. были созданы оперативные группы и оперативные команды полиции и СД в рамках операции «Барбаросса». Перед ними были поставлены следующие задачи:

— охрана важных объектов и сбор документов, архивов, картотек враждебных Германии организаций, а также эмигрантов, саботажников, террористов и других;

— изучение и подавление антигосударственных действий;

— информация командованию о политической обстановке.

В октябре 1941 г. была установлена следующая структура этих преступных террористических подразделений:

— оперативная группа «А» со штабом в г. Красногвардейске под командованием Штальэккера состояла из четырех оперативных команд;

— оперативная группа «Б» со штабом в г. Смоленске под командованием Науманна состояла из пяти оперативных команд;

— было также предусмотрено образование особой команды «Москва»;

— оперативная группа «Ц» со штабом в г. Киеве под командованием Томаса состояла из четырех особых команд;

— оперативная группа «Д» со штабом в г. Николаеве под командованием Олендорфа состояла из двух особых команд и трех оперативных команд.

Польша

В Польше уже 1 сентября 1939 г. отряды СС и СА в Данциге, насчитывавшие около 10 тыс. человек, совершали нападения на польские воинские части и в тот же день арестовали 1500 поляков. Часть из них была расстреляна на месте. Через два дня в районе Быдгощи (Бромберга) отряд присланных из Германии диверсантов и местные немцы обстреляли отступавших солдат 15-й пехотной дивизии польской армии. В этих боях 300 немцев было убито или расстреляно по приговору польского военно-полевого суда и 700 — арестовано. Это дало повод фашистской пропаганде развернуть кампанию мести полякам. В выступлении по радио 8 сентября Геббельс объявил о якобы имевших место массовых казнях немцев во время «бромбергского кровавого воскресенья». 10 сентября гитлеровцы без суда и следствия расстреляли на улицах города около 1500 поляков, позднее — еще несколько тысяч.

Сигнал для активизации антипольской кампании дал сам Гитлер своим выступлением в Данциге 19 сентября 1939 г. Он заявил тогда, что поляки — это, мол, неполноценный народ, который не в состоянии не только поддерживать свою культуру, но и управлять самими собой. С новыми антипольскими выпадами Гитлер выступил 6 октября 1939 г. в рейхстаге.

После этой речи кампания террора против поляков усилилась. Вскоре немецкий комендант Быдгощи генерал В.Бремер доносил, что расстреляно дополнительно до 300 польских граждан. Массовые казни поляков продолжались весь сентябрь и октябрь на всей оккупированной территории Польши. В последующем террор достиг таких размеров, что к декабрю 1939 г. в Варталанде не было ни одного населенного пункта, где бы оккупанты не расстреляли минимум несколько десятков поляков.

Выступая 1 ноября 1941 г. на собрании нацистских функционеров в Познани, гаулейтер А.Грейзер заявил, что за этот год в отно-

шении поляков было вынесено 40 тыс. судебных приговоров, в том числе 2 тыс. смертных. Позже тот же Грейзер сообщил на одном конфиденциальном совещании, что в течение одного лишь 1943 г. в Варталанде было казнено по приговорам особых судов 555 поляков.

По данным польской Комиссии по расследованию немецких преступлений, уже в первый период оккупации Польши гитлеровцы казнили свыше 16 тыс. поляков, из них в Поморье и Данциге — около 11 тыс. человек. Для того чтобы оправдать массовое физическое уничтожение поляков, нацистская пропаганда в октябре 1939 г. запустила в ход легенду о гибели якобы 58 тыс. этнических немцев, убитых поляками в течение сентября. Правда, в начале 1940 г. эта цифра была снижена до 5500 человек. В действительности же, как установила польская Комиссия по расследованию немецко-фашистских злодеяний, в сентябре в боях с польскими войсками и полицией погибло около 2 тыс. этнических немцев. Разнузданный террор против поляков продолжался всю осень 1939 г., когда только на территории Поморья погибло 50 тыс. человек.

Широкую кампанию против польского населения развернули гитлеровские власти во главе с гаулейтером Ф.Брахтом в Верхней Силезии, присоединенной к рейху. Волна репрессий и террора против польского и еврейского населения Силезии прокатилась уже в первые дни оккупации. Территория этой области с помощью местных нацистов была захвачена войсками 14-й армии генерала В.Листа довольно быстро. В эти дни казни поляков совершались в массовых масштабах и во всех крупных населенных пунктах. Например, в г. Катовицы лишь в течение 4 сентября 1939 г. было расстреляно свыше 750 человек.

В первый период оккупации в Верхней Силезии было проведено три волны экстерминации поляков: первая, самая массовая, развернулась в сентябре 1939 г. На основе доносов нацистов из этнических немцев подверглись аресту многие активные польские политические и общественные деятели. Некоторые их них были расстреляны на месте без суда и следствия. Вторая волна арестов была проведена в октябре – ноябре того же года. Большинство из арестованных направлялось в концлагеря. В апреле – мае 1940 г. оккупанты провели самые массовые аресты польских патриотов. Цель этой кампании арестов состояла не только в том, чтобы изолировать от польского общества наиболее активных его деятелей, но и внушить местному польскому населению страх перед оккупационными властями.

В последующие годы в связи с расширением партизанского движения немецкие каратели уничтожили десятки тысяч польских патриотов, обвинив их в «бандитизме». На территории генерал-губернаторства только в течение 1942 г. было расстреляно свыше 17 тыс. человек.

Кроме специальных карательных войск и органов активное участие в террористических акциях против польского населения принимали военнослужащие вермахта. За период оккупации они совершили свыше 800 массовых убийств, в которых погибло 18 тыс. поляков.

В целом годы оккупации были годами массового и беспощадного физического уничтожения польского народа. Кровавым итогом семилетней оккупации Польши была гибель 6028 тыс. ее граждан. Из них только 10,7% погибло в ходе военных действий, остальные 5384 тыс. поляков стали жертвами гитлеровского геноцида. Это означало, что на польской земле в годы оккупации ежедневно погибало 2900 человек[31].

Народы всех оккупированных стран Европы испытывали издевательства и угнетение со стороны фашистских захватчиков. Но положение поляков, советских людей, югославов и некоторых других народов Восточной и Юго-Восточной Европы было все же намного хуже положения западноевропейских народов, особенно тех, кого гитлеровцы считали представителями германской расы.

Польская земля стала местом, где в невиданных ранее масштабах чужеземные оккупанты осуществляли массовые убийства людей, террор и грабеж экономических и культурных ценностей, созданных руками польского народа. Как убедительно было вскрыто на Нюрнбергском процессе, эти преступления не являлись случайными и не были результатом особенностей характера генерал-губернатора Г.Франка или гаулейтеров Грейзера, А.Форстера и других. Они были неотъемлемой частью нацистской идеологии и практики, направленной на истребление или ослабление негерманских народов в Европе. Тем самым нацисты стремились прекратить существование ряда древних европейских наций, внесших большой вклад в общечеловеческую культуру.

Об обстановке в оккупированной Польше красноречиво рассказал 6 февраля 1940 г. сам Франк в интервью корреспонденту «Фелькишер Беобахтер» Клайссу.

«*Клайсс*: Быть может, было бы интересно разработать положения, отличающие протекторат от генерал-губернаторства?

Генерал-губернатор: Образно я могу об этом сказать так: в Праге были, например, вывешены красные плакаты о том, что сегодня расстреляно 7 чехов. Тогда я сказал себе: "Если бы я захотел отдать приказ о том, чтобы вывешивали плакаты о каждых семи расстрелянных поляках, то в Польше не хватило бы лесов, чтобы изготовить бумагу для таких плакатов. Да, мы должны поступить жестоко..."»[32] Позднее, на Нюрнбергском процессе Франк произнесет «покаянную» речь и скажет, что «пройдут тысячелетия, а эта вина Германии все еще не будет смыта». Но это признание не спасло бывшего генерал-губернатора от виселицы во дворе дворца юстиции в Нюрнберге.

Германские оккупанты широко практиковали так называемые превентивные аресты и заключение в тюрьмы и концлагеря. Всего

же на польской земле оккупанты разместили, по неполным данным, 2838 концлагерей, гетто, трудовых лагерей и лагерей для военнопленных, тюрем и других мест заключения.

В начале ноября 1939 г., после того как в Варшаве побывали Гиммлер и Франк, здесь были предприняты облавы и массовые аресты. Тогда же было арестовано около 200 научных работников Кракова и 120 заложников. По приказу заместителя генерал-губернатора А.Зейсс-Инкварта были подвергнуты аресту сотни жителей Люблина. Облавы в польских городах стали обычным явлением.

Массовый характер принимало так называемое «умиротворение» тех населенных пунктов, жители которых активно помогали партизанам или не выполняли указаний оккупационных властей. По данным Государственной комиссии по расследованию злодеяний гитлеровских оккупантов в Польше, на польской земле было уничтожено 300 таких населенных пунктов, из них 74 — полностью.

4 декабря 1941 г. был издан декрет за подписью Г.Геринга, В.Франка и шефа имперской канцелярии Г.Ламмерса, который ставил всех поляков и евреев, проживавших в присоединенных к Германии воеводствах, фактически вне закона. Они как «второсортные граждане» имели лишь обязанности по отношению к рейху, но не имели никаких прав.

Директивой Бормана, министра внутренних дел Франка и министра юстиции от 31 мая 1941 г. на территории всех присоединенных «восточных областей» вводились нюрнбергские расовые законы. Для создания видимости судопроизводства в первый период оккупации были созданы особые суды, а с объявлением генерал-губернаторства этим делом занимались только немецкие суды.

В докладе польского правительства, представленном Международному военному трибуналу в Нюрнберге, об особом законодательстве, которое было введено оккупантами в Польше, говорилось следующее: «В генерал-губернаторстве механизм правосудия был особенно изменен декретом от 26 октября 1939 г. за подписью Франка. Польские суды были подчинены надзору немецких судов, созданных в генерал-губернаторстве. Юрисдикция польских судов была ограничена только теми делами, которые были вне подсудности немецких судов. Введены были новые принципы права. Наказание могло быть наложено "по интуиции", обвиняемый был лишен права выбора защитника и права апелляции».

Право помилования в январе 1940 г. было предоставлено только Франку. Его директивой от 26 октября 1939 г. на территории генерал-губернаторства вводилось два права: немецкое (для немцев) и польское (для поляков), причем преимущество предоставлялось, конечно, немецкому праву. Как было отмечено на Нюрнбергском процессе, «на территории Польши впервые были введены в действие уголовные законы, прямо утверждавшие особое право "господ" и драконовское право для народов, которые эти фашистские "господа" считали уже покоренными». По существу, миллионы поляков генерал-губернаторства были лишены какой-либо защиты со стороны закона[33].

Советский Союз

Особенно в широких масштабах преступления гитлеровских захватчиков в отношении мирного населения совершались на временно оккупированных территориях Советского Союза. Эти преступления вытекали и были отражением главной политической цели фашистской Германии – уничтожение государственного и общественного строя в Советском Союзе. В выступлении на совещании высшего командования вермахта 30 марта 1941 г. Гитлер особо подчеркивал, что война против Советского Союза будет являться борьбой двух идеологий и поэтому будет иметь бескомпромиссный и жестокий характер. «Речь идет о борьбе на уничтожение, — говорил Гитлер. — Война против Советского Союза будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость явится благом для будущего».

На Нюрнбергском процессе отмечалось, что лишь в делах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников на территории СССР находилось 54784 акта о зверствах гитлеровских преступников в отношении мирных советских граждан[34].

На временно оккупированной территории СССР, всюду, где ступала нога чужеземного захватчика, совершались массовые преступления, акты террора, издевательства и истязания мирных граждан - стариков, женщин, детей. Поголовному истреблению подлежали партийные, комсомольские и советские активисты, политработники Красной Армии. Провозглашенный Гитлером «новый порядок» в Европе насаждался огнем и мечом. При этом гитлеровские оккупанты полностью игнорировали соблюдение самых элементарных норм международного права и человеческой морали.

По справедливому утверждению некоторых российских авторов, в отдельных регионах оккупированной советской территории немцы эвалюционировали свою политику от тотального геноцида к геноциду выборочному. Подобные случаи действительно имели место, особенно после 1943 г.

Нацистские каратели при участии местных коллаборационистов уничтожали советских людей под предлогом борьбы против партизан. Об этом на совещании 16 июля 1941 г. Гитлер цинично заявил: «Партизанская война дает нам одно преимущество: она позволяет нам истребить всех тех, кто оказывает нам сопротивление». На борьбу против партизан как на предлог для геноцида немецко-фашистских оккупантов указывалось на судебном процессе по делу фельдмаршала В.Лееба. Отмечалось, что название "партизан" служило лишь прикрытием для уничтожения ни в чем неповинных людей».

Важно отметить и то, что фашистские преступления на советской земле были не следствием недисциплинированности отдельных солдат вермахта, а выражением политической линии гитлеров-

ских главарей и верховного командования, сформулированной еще до начала агрессии против СССР. Так, 13 мая 1941 г. в приказе начальника штаба сухопутных войск вермахта отмечалось, что все военнослужащие освобождаются от уголовной ответственности за преступления против местного населения на оккупированных территориях СССР. А в известном приказе В.Кейтеля от 16 сентября 1941 г. подчеркивалось: «Человеческая жизнь в соответствующих странах в большинстве случаев не имеет никакой цены... что устрашающего действия можно добиться лишь с помощью исключительно жестоких мер».

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что эти и многие другие подобные приказы выполнялись педантично и в полном объеме, начиная с первых же дней оккупации советской территории повсеместно от Баренцева до Черного морей. Уже в первые месяцы оккупации г. Львова гитлеровцы арестовали и зверски уничтожили свыше 70 деятелей науки и культуры. Массовые казни были развернуты и во Львовской области. Всего же за годы оккупации города и области, т.е. до середины 1944 г., фашисты казнили свыше 550 тыс. советских граждан.

По мере продвижения немецко-фашистских войск на восток зверства в отношении советских людей приобретали все более массовые масштабы и бесчеловечный характер.

Киев был захвачен немцами 18 сентября 1941 г. Оккупанты сразу же издали приказ, запрещавший после 19 часов выходить на улицу. На телах некоторых повешенных висела табличка с надписью: «Шел в 10 минут восьмого». Повсюду в витринах висели объявления о расстрелах за нарушение комендантского часа. За возникший в доме пожар расстреливались все его жильцы.

В городе была создана городская управа, состоявшая из отделов — коммунального, финансового, жилищного, торгового, агитации и пропаганды, социального обеспечения, здравоохранения, просвещения и искусства. Руководитель городской управы Киева Александр Оглоблин через газету «Украинское слово» обратился к жителям города с призывом восстановить предприятия и частную торговлю. Почти половина киевлян ушла в деревни. На январь 1942 г. в городе оставалось несколько тысяч человек.

Через несколько часов после занятия немцами Киева в город прибыли из Западной Украины украинские националисты. Они заявили, что в Киеве должны жить только украинцы, а кацапов необходимо выселять. Но в январе 1942 г. все эти украинские националисты были арестованы немцами, среди них и городской голова Оглоблин. На его место был назначен Форостецкий. Спасшаяся от арестов часть националистов создала подпольную Запорожскую Сечь, которая действовала под видом спортивной организации. 24 июля 1942 г. по инициативе оккупантов был сформирован казачий полк, ему было выделено 900 винтовок и 30 тыс. патронов. Восстановленная промышленность Киева выполняла немецкие заказы по ремонту боевой техники.

Оккупанты при поддержке городской управы жестоко расправлялись со спекулянтами. На городском базаре была построена виселица, на которой 13 декабря 1941 г. были повешены три женщины за обмен вещей на продукты.

Созданная в городе биржа труда начала регистрацию всех трудоспособных. Украинская полиция часто устраивала облавы, и задержанные направлялись на работу в Германию. В расположенном вблизи Киева лагере военнопленных, в котором находилось 3 тыс. человек, от голода умирали десятки людей ежедневно. В Киеве действовало 2–3 кинотеатра, где показывали только немецкие фильмы. Школы не работали до сентября 1942 г.

Через несколько дней, 28 сентября в Киеве фашистские власти объявили, чтобы утром следующего дня все евреи города и его окрестностей собрались на Лукьяновском кладбище у Бабьего Яра. Был пущен слух, что все они будут переселены в другие места. Когда в указанное время у Бабьего Яра собралось свыше 100 тыс. евреев, фашистские каратели плотным кольцом окружили их и в течение дня всех расстреляли. Десятки тысяч советских людей были убиты в других населенных пунктах Киевской области. Всего же, по неполным подсчетам, в Киеве было казнено и замучено свыше 195 тыс. человек[35].

В октябре 1941 г. фашисты захватили один из крупнейших промышленных центров страны — г. Харьков, в котором накануне войны проживало около 890 тыс. человек. Озверевшие гитлеровцы буквально в первые часы оккупации повесили 116 жителей города. Два месяца спустя оккупанты приказали 30 тыс. жителей центра города явиться на сборный пункт: вскоре все они были вывезены в Дробицкий Яр и расстреляны.

Такие же массовые казни советских граждан совершались и в других городах и селах Украины. Например, в Житомирской области было расстреляно свыше 248 тыс. человек. В южных районах Украины и в Крыму к концу марта 1942 г. оккупанты уничтожили 91678 человек.

Во всех оккупированных районах Совтского Союза для массового уничтожения людей фашисты широко использовали специально предназначенные для этой цели автомашины — небезызвестные «душегубки». Кроме того, многие десятки и сотни тысяч советских граждан были заточены в лагеря и гетто, которых только в 15 областях Украины насчитывалось свыше 80. В одном лишь Яновском лагере близ Львова было истреблено 200 тыс. человек. Массовые казни советских военнопленных совершались в лагерях Бердичева, где после освобождения было обнаружено около 7 тыс. трупов, Славуты (истреблено до 150 тыс. солдат и офицеров), Умани и во многих других. По неполным данным, в 14 областях Украины имелось 106 таких лагерей смерти.

Режим террора и беззакония установили на украинской земле и румынские оккупанты. Заместитель губернатора Буковины Мариеску заявил как-то, что он успокоится лишь тогда, когда узнает,

что «в Черновицах остались только румыны и немцы, для других национальностей здесь места нет». На территории Черновицкой области немецко-румынские оккупанты расстреляли и замучили 15895 человек мирного населения, а 28689 военнопленных были брошены в тюрьмы и лагеря.

Всего же на территории Украины за годы оккупации было уничтожено свыше 4 млн мирных граждан и военнопленных[36].

Огромных масштабов достигло уничтожение советских людей и на территории Белоруссии, которая с первых же дней оккупации покрылась густой сетью различных лагерей. Уже через несколько дней после вступления в Минск оккупанты создали в городе громадное гетто, куда было согнано все еврейское население. Такие же лагеря появились и в других городах республики. По признанию гитлеровского начальника полиции и СД в Белоруссии, к апрелю 1943 г. из 150 тыс. евреев было казнено свыше 130 тыс. человек. В другом лагере, созданном в Минске на ул. Широкой, с августа 1943 г. по июнь 1944 г. было казнено около 20 тыс. человек. Одним из крупнейших в Белоруссии был лагерь в Тростенце (несколько километров восточнее Минска), где фашисты уничтожили свыше 150 тыс. человек. Всего же в Минске и его окрестностях за время оккупации было уничтожено свыше 300 тыс. советских граждан. Массовые казни оккупанты совершали и в десятках лагерей для военнопленных, которые они создавали на территории Белоруссии.

В Латвии было создано 46 тюрем, 23 лагеря и 18 гетто — всего 87 мест заключения. Через самую крупную в республике — рижскую Центральную тюрьму — за годы гитлеровской оккупации прошло до 60 тыс. заключенных. Жестокий режим террора оккупанты установили в Саласпилсском лагере, в котором погибло 53700 советских патриотов. Это был центральный лагерь во всем Остланде. Массовые расстрелы совершались в лагерях, расположенных в Бикерниевском и Румбульском лесах, где было убито около 90 тыс. узников, в Даугавпилсе, Лиепае, Резекне, Валмиере и других городах Латвии.

В Латвии в годы оккупации существовало несколько малочисленных организаций с политической ориентацией на Швецию, которая якобы может высадить свои войска в Латвию и восстановит буржуазный строй, и на Великобританию, которая в тяжелый для Германии период также сможет оказать помощь Латвии.

Жертвами фашистского террора стали и многие тысячи литовцев. На территории Литвы лагеря смерти были созданы в первые же месяцы оккупации. В них постоянно находилось не менее 20 тыс. человек, не считая узников лагерей для военнопленных. Крупные тюрьмы, в которых в мае 1944 г. находилось свыше 3700 узников, существовали в Вильнюсе, Каунасе и Шяуляе. Кроме того тысячи литовцев были вывезены в лагеря Германии, где многие из них исчезли бесследно.

Советскими людьми были переполнены лагеря и тюрьмы, созданные оккупантами и их пособниками на территории Эстонии. В Нарве таких лагерей было создано 7, в Вирумааском уезде — около 20. Выставочные павильоны в Тарту были превращены в огромный лагерь. Как явствует из отчетных документов немецко-фашистской полиции Таллина, на 19 декабря 1941 г. в городской тюрьме находилось 1869 человек. Здесь совершались казни в массовом масштабе. Только за один день 16 апреля 1942 г. было расстреляно 67 узников, а 30 октября того же года — 243 узника. На острове Сааремаа жертвами фашистских оккупантов стали 24 тыс. человек, в Нарве — 28500. Всего же на территории Эстонии от рук немецко-фашистских палачей и их пособников пало 125 тыс. человек, из них половину составляли мирные жители.

Зверства огромных масштабов гитлеровские захватчики совершали в захваченных ими областях Российской Федерации. Так, под их властью два с половиной года находилась почти вся Ленинградская область, на территории которой до войны проживало 2800 тыс. человек. После изгнания оккупантов на этой же территории было зарегистрировано всего 450 тыс. жителей. Следует при этом иметь в виду, что эвакуироваться вглубь СССР удалось немногим. На счету ужасных преступлений фашистских оккупантов на территории СССР находится также 900-дневная блокада Ленинграда, в итоге которой, по далеко неполным данным, погибло более 600 тыс. ленинградцев.

На территорию Калининской области немецко-фашистские оккупанты вторглись в июле 1941 г. Им удалось занять 28 районов и 3 города областного подчинения. Остальные 20 районов и 4 города подвергались постоянным налетам вражеской авиации. По данным областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, на территории области в ее новых границах погибло 40876 мирных граждан, из них расстреляно, замучено и сожжено живьем — 5772 человека, повешено — 287 человек. Кроме того, 23775 человек угнано в Германию. На территории области оккупанты загубили также 17055 советских военнопленных.

Оккупанты убили и зверски замучили в Сталинградской области 40 тыс. человек, в Краснодарском крае — около 62 тыс., в Брянске — 60 тыс. человек. В Ейске они отравили газами 214 детей местного детского дома. Всего же в оккупированных областях РСФСР немецко-фашистские оккупанты уничтожили почти 1,8 млн советских граждан.

Такая же ужасная участь ожидала и народы Закавказья. С продвижением немецко-фашистских войск к Кавказу гитлеровцы поспешили подготовить для них достаточные немецкие и местные полицейские силы. Так, уже в октябре 1942 г. начальникам полиции Вены и Гливицы было предложено выделить соответствующих специалистов для организации полицейской службы в «генеральных округах Грузии и Азербайджана». К этому времени во Львове был

наготове высший руководитель СС и полиции для всего Кавказа. Но уже в начале апреля 1943 г. этот приказ был отменен.

Однако и в начальный период оккупации, и позже, когда на оккупированных территориях Советского Союза развернулось массовое партизанское движение, оккупационную политику осуществляла не только гражданская администрация. Во всех крупных населенных пунктах имелись и военные комендатуры с соответствующими гарнизонами, которые в случае необходимости приходили на помощь гражданским властям.

В соответствии с директивой Кейтеля от 13 марта 1941 г., подтвержденной Гитлером 25 июня 1941 г., на территории имперских комиссариатов Украины и Остланда (позже самостоятельно и генерального комиссариата Белоруссии) для руководства дислоцированными здесь войсками вермахта вводилась должность специального командующего. Ему вменялось в обязанность тесно сотрудничать с органами гражданской администрации по всем вопросам оккупационной политики, особенно в борьбе против партизан. Так, специальным командующим в Остланде был группенфюрер СС Бремер, которого 10 июня 1944 г. сменил генерал Кемпф, на Украине — генерал Китцингер и в Белоруссии — генерал граф Роткирх унд Трах. Если в первый год войны в их распоряжении находились лишь отдельные охранные батальоны, то с осени 1942 г. они уже имели отдельные полки и дивизии, объединенные в особые резервные корпуса.

Все эти факты начисто опровергают утверждения некоторых историков, будто вермахт не участвовал в проведении оккупационной политики и поэтому не несет ответственности за бесчисленные злодеяния на оккупированных территориях Советского Союза. Подобную легенду убедительно разоблачил германский военный историк Н.Мюллер в своей книге «Вермахт и оккупация 1941—1944 гг.»

Югославия

Верные своей доктрине, направленной на физическое уничтожение славянских народов, немецко-фашистские оккупанты совместно с коллаборационистами осуществляли настоящий геноцид в отношении народов Югославии. Они организовали в стране густую сеть лагерей для заточения противников жестокого оккупационного режима. Лишь в одной Сербии в этих лагерях было заключено 120 тыс. человек, из которых свыше 50 тыс. погибло. Десятки тысяч мирных граждан были уничтожены в Хорватии.

В оккупированной итальянцами части Словении, где проживало 360 тыс. человек, за годы оккупации было брошено в лагеря и тюрьмы, по неполным данным, более 67 тыс. словенцев, т.е. 18% населения. Кроме того, итальянцы согнали около 100 тыс. югославов в 195 различных лагерей, расположенных на территории самой Италии.

Всего же в результате злодеяний оккупантов и их местных приспешников было убито 1400 тыс. мирных граждан Югославии[37].

Франция

О подлинных намерениях фашизма в отношении французского народа в первые месяцы оккупации гитлеровцы из тактических соображений открыто не говорили. Они надеялись, что французы будут сотрудничать с Германией в войне против Англии. Однако большинство французов решительно отвергало какой-либо коллаборационизм, и тогда оккупанты прибегли к неприкрытому террору. На стенах домов все чаще и чаще стали появляться красные объявления в черном обрамлении, возвещавшие о первых казнях французских патриотов.

Говоря о намерении гитлеровцев убить у французов чувство национального достоинства и вообще ликвидировать их как нацию, нельзя не упомянуть еще об одной изуверской акции гитлеровских захватчиков. По некоторым данным, объявленным на совещании офицеров вермахта, ведающих национал-социалистическим воспитанием, которое состоялось в конце 1944 г., в годы оккупации во Франции от связей француженок с немецкими солдатами родилось 200 тыс. детей. По приказу Гиммлера все эти дети были перевезены в Германию. Вместе с ними имели право выехать лишь матери с арийской кровью. Для проведения всей этой работы была создана специальная «благотворительная организация» «Лебенсборн», располагавшая родильными домами и интернатами, где воспитывались дети, родившиеся от немецких солдат за рубежом. Во всех оккупированных странах, в том числе и во Франции, организация имела своих уполномоченных, которые выявляли родившихся от немцев детей и определяли, пригодна ли мать к онемечиванию в Германии или ребенка нужно от нее отобрать. Деятельность этой «благотворительной» организации, принесшей горе и моральные страдания многим француженкам, продолжалась до конца оккупации Франции.

В осуществлении своих планов порабощения Франции гитлеровские захватчики в лице французов встретили не покорных рабов, а свободолюбивый народ, гордый своими демократическими традициями, многовековой материальной и духовной культурой, народ, который имел опыт борьбы с чужеземными захватчиками. В 1940 г. Франция была оккупирована, но не поставлена на колени. Французские патриоты оказывали оккупантам активное сопротивление. Они срывали немецкие планы угона рабочей силы, уничтожали наиболее ненавистных гитлеровцев, совершали акты диверсий и саботажа, срывали военные поставки, шедшие в Германию. Оккупационные власти жестоко расправлялись с французским движением Сопротивления.

До конца 1941 г. все граждане Франции, нанесшие ущерб оккупационным властям, подвергались аресту и суду военным трибуна-

лом на основании закона, принятого в Германии в 1938 г. и вступившего в силу 26 августа 1939 г. В нем, в частности, говорилось, что «иностранец или немец, который совершил наказуемое по законам Германии деяние против немецких войск на занятых ими иностранных территориях или против органов, установленных распоряжениями имперского президента (позже фюрером и рейхсканцлером), подвергается такому же наказанию, как если бы это деяние было совершено на территории Германии».

Особенно массовые репрессии оккупационные власти обрушили на французских коммунистов, являвшихся наиболее активной силой в движении Сопротивления. Из донесений гестапо видно, что в январе 1941 г. было арестовано 1250 коммунистов, в феврале — 1647, в марте — 1778, в апреле — 2098 коммунистов. В марте 1941 г. вишисты объявили, что во Франции имеется 18 тыс. политических заключенных. И почти все они были коммунистами.

Орудием террора и репрессий против французских патриотов стали многочисленные тюрьмы и лагеря, причем гитлеровцам, вступившим во Францию, не пришлось заботиться о строительстве новых лагерей. Они просто воспользовались теми, которые были раньше во Франции для политзаключенных и интернированных иностранцев. В частности, такие лагеря были созданы решением французского правительства от 18 ноября 1939 г. Один из них — Мериньяк, где сидели арестованные коммунисты, — сразу же после перемирия был немедленно передан французскими коллаборационистскими властями немецко-фашистским оккупантам, которые позже расстреляли многих узников лагеря в качестве заложников.

С января 1943 г. большинство тех политических узников, которых французская полиция интернировала «на время войны» и позже передала гестапо, были отправлены в лагеря на территорию Германии или на строительство прибрежных укреплений в Норвегию. Так, французские коллаборационисты передали гестапо видных политических эмигрантов из Германии — коммуниста Ф.Далема, социал-демократов Р.Брейшейда и Р.Гильфердинга, а Италии были переданы коммунисты Л.Лонго и социалист П.Ненни.

Как сообщил 7 января 1944 г. Абец, только в течение 1943 г. «за голлистскую, марксистскую и другую враждебную деятельность» во Франции было немцами арестовано 34977 человек и французской полицией — 9177 человек. А в первые месяцы 1944 г. ежемесячно арестовывалось по 4 тыс. человек. Из 120 тыс. человек, арестованных за годы оккупации по расовой причине, в основном евреев, умерло или было казнено 117 тыс., а из 100 тыс. политических узников погибло 65 тыс. человек. Кроме того, по данным французского обвинителя в Нюрнберге, гитлеровцы казнили 29660 человек в качестве заложников. Из политических узников 20 тыс. человек были арестованы и в департаментах Нор и Па-де-Кале, а также в Эльзасе — Лотарингии, не входивших в территорию, на которую распространялась власть начальника германской военной администрации во Франции.

В одном из крупных лагерей оккупированной Франции, который находился в Компьене, было заключено не менее 50 тыс. человек. Почти каждый день эшелоны увозили их на каторжные работы или в лагеря Германии. Всего же за годы оккупации из Франции было вывезено более 250 тыс. узников и только 30 тыс. из них посчастливилось возвратиться на родину после войны. По данным французского правительства, оккупанты совместно с местной полицией произвели во Франции 600 тыс. арестов.

Бельгия

Оккупационные власти в Бельгии также не учитывали элементарных прав местного населения, творили беззаконие и чувствовали себя ответственными только перед фюрером. Приказом начальника военной администрации от 20 апреля 1944 г. в Бельгии были официально созданы лагеря, которые назывались «лагерями воспитания», хотя неофициально они существовали и раньше. Так, например, через лагерь, расположенный в бельгийской крепости Бриндок, за годы оккупации прошло до 3600 заключенных, из них около 250 — умерло от лишений, 450 — были расстреляны, многие повешены. Бельгийскому населению в годы оккупации было основание с горечью называть свою страну «тюрьмой номер шесть», т.к. она была шестой по счету страной, захваченной гитлеровской Германией.

Тяжкие преступления солдаты вермахта совершали во время контрнаступления в Арденнах в конце 1944 г. Как было вскрыто на Нюрнбергском процессе, они получили приказ убивать все гражданское население, которое встретится им на пути. Таким образом танкисты одной из дивизий убили в бельгийском селении Ставело приблизительно 140 человек, среди которых находились 36 женщин и 22 ребенка.

Норвегия

Еще несколько месяцев назад германский хозяин Норвегии Тербовен самоуверенно заявлял, что он превратит Норвегию в верную союзницу Германии, ибо «легче объединить Норвегию с Германией, чем Баварию с Пруссией». Однако норвежцы доказали, что имперский комиссар глубоко ошибался.

Обстановка в Норвегии крайне обострилась с началом советско-германской войны. Усилилось движение Сопротивления норвежских патриотов, участились забастовки. 30 июня 1941 г. руководство норвежских профсоюзов направило Тербовену протест по поводу низкой зарплаты и арестов доверенных лиц. Это вызвало крайнее недовольство в Берлине. 31 июля 1941 г. Тербовен объявил в Норвегии чрезвычайное положение, вступившее в силу 3 августа.

В связи с новой забастовкой в Осло 10 сентября 1941 г. оккупационные власти приняли более жесткие меры. В городе было введено особое положение, двое руководителей профсоюзов были приговорены к смерти, а четверо – к длительным срокам тюремного заключения. Всего было арестовано 110 человек.

Через несколько дней в стране были введены военно-полевые суды. Начались волнения в норвежских вузах, особенно в университете г. Осло. По распоряжению Тербовена в начале сентября 1941 г. был снят с должности и арестован ректор университета Осло профессор Д.А.Зейп. На собрании студенчества штурмбанфюрер СС Кнаб предупредил, что за участие в Сопротивлении будут арестовываться все, независимо от личностей. 14 ноября 1941 г. в университете вторично вспыхнула забастовка, в ходе которой были арестованы 60 студентов. В последующие годы университет г. Осло подвергался неоднократным репрессиям. Особо жестокие меры против студентов оккупанты применили в ноябре 1943 г., когда в немецкие лагеря было отправлено 700 студентов.

Для наведения «порядка» в сентябре 1941 г. в Норвегию были направлены Гиммлер, Гейдрих, Вольф и другие главари карательных органов гитлеровской Германии. На совещании они потребовали от Тербовена, руководителя гестапо в Норвегии В.Редиесса, а также от главы норвежской полиции Йона Ли решительных мер по борьбе с движением Сопротивления. Оккупационные власти опасались, что норвежское население из иностранных передач узнает о действительной обстановке на восточном фронте. Дабы этого не допустить, в сентябре 1941 г. были изъяты все радиоприемники, усилена цензура за печатью.

Общее число норвежцев, погибших во время оккупации в результате пыток, жестокого обращения, казней и самоубийств в тюрьмах и лагерях, составило 2100 человек.

Австрия

Агрессия гитлеровской Германии против Австрии, Чехословакии и Дании и установленный в них оккупационный режим имеют свои особенности. Их анализ представляет интерес как с точки зрения практической, так и с точки зрения соблюдения норм международного права. Дело в том, что ни одна из названных стран не находилась в состоянии войны с Германией, а в Австрии и Чехословакии даже не велись военные действия. Следовательно, ни с одной из этих стран не был заключен мирный договор.

Ссылаясь на эти особенности, защита главных немецких военных преступников на Нюрнбергском процессе отстаивала так называемую «доктрину покорения». Суть ее состоит в следующем: поскольку Германия во время войны покорила эти страны и аннексировала полностью или частично их территорию, стало быть, в отношении установленного в них режима и мер в отношении населения она не может быть связана нормами международного права, т.к. эти меры являлись уже внутренним делом суверенного германского государства.

Подобные попытки снять ответственность с правителей гитлеровской Германии за нарушение законов и обычаев войны Международный военный трибунал признал несостоятельными и отвел «доктрину покорения» как противоречащую букве и духу IV Гаагской конвенции 1907 г. Глубоко анализируя этот вопрос и ссылаясь на ряд международных документов, крупные советские специалисты по международному праву А.И.Полторак и Л.И.Савинский справедливо подчеркивают, что природа агрессии не меняется от того, что агрессору удается добиться своих преступных целей без военных действий. Установленный в этих странах оккупационный режим должен был носить временный характер, и до заключения мирного договора Германия не могла аннексировать (инкорпорировать) какие-либо их территории.

Важно отметить и то, что Вторая мировай война по своему характеру была войной коалиционной. Поэтому она считалась бы законченной в том случае, если бы это признали все участники коалиций путем заключения мирного договора. Поскольку такого состояния не существовало, гитлеровская Германия обязана была соблюдать законы и обычаи войны, касающиеся режима оккупированных территорий. Однако многочисленные факты подтверждают грубое нарушение со стороны Германии и ее союзников элементарных норм международного права.

В Австрии гитлеровские карательные органы приобретали опыт, который позже им пригодился в других захваченных странах. Буквально с первых же часов вступления вермахта на австрийскую землю начались массовые аресты противников аншлюса, для чего в тот же день из Германии прибыло 16 тыс. полицейских. Как показал Б.Ширах на Нюрнбергском процессе, в первую неделю было арестовано 76 тыс. австрийцев. Примерно такие же данные приводятся в официальном издании австрийского правительства «Красно-бело-красной книге». Бывший президент Австрии В.Миклос находился в своей квартире под домашним арестом. Был арестован канцлер К.Шушниг, и для подготовки суда над ним создали «Историческую комиссию при рейхсфюрере СС». Но суд так и не состоялся, а Шушниг всю войну пробыл в концлагере. Последний военный министр Австрии В.Ценер был убит еще 11 марта, а начальник генерального штаба фельдмаршал А.Янза увезен в Германию.

В одной лишь Вене репрессиям подверглось около 16240 служащих государственных учреждений, а большинство из них заменялось чиновниками, прибывшими из Германии. Что же касается полиции и судебных органов, то все руководящие посты в них заняли имперские немцы и австрийские национал-социалисты. Первый транспорт с арестованными австрийцами уже 2 апреля 1938 г. прибыл в немецкий концлагерь Дахау, находившийся под Мюнхеном. Позже нацисты «открыли» крупнейший концлагерь на австрийской

земле — Маутхаузен. В первые дни после аншлюса происходило массовое бегство австрийских патриотов за границу. Однако по распоряжению Гитлера граница была перекрыта.

По официальным данным, за «государственную измену» было повешено 2700 австрийцев, в тюрьмах было казнено 6420 человек, в концлагерях погибло 16500 человек.

Чехословакия

В Чехословакии германизацию части местного населения оккупационные власти рассматривали как временный и промежуточный путь решения «чешской проблемы». Более радикальный путь они видели в физическом уничтожении чешского народа, составлявшего западную ветвь столь ненавистного нацистам славянства. Хотя такое «окончательное решение» отодвигалось Гитлером на более поздние времена, ибо в годы войны он нуждался в квалифицированной чешской рабочей силе, однако и тогда террор применялся весьма широко. Какая же иная судьба могла ожидать чешский народ, если, по определению самого Гитлера, «чехи не любят новый порядок в Европе».

Задолго до Мюнхенского сговора руководители СД Германии сформировали оперативные отряды СД численностью в 400 человек. Разместить их предполагалось в Праге и Брно. Кроме того было выделено 850 чиновников для создания на территории Чехии органов гестапо.

В первые дни оккупации в руки германской службы безопасности попал весь архив чехословацкой полиции. На его основе уже к 1942 г. СД составила картотеку «А», содержавшую списки антифашистов, и картотеку «Б», содержавшую списки фашистов и коллаборационистов. Первую кампанию массовых репрессий еще при существовании военной администрации гитлеровцы провели в г. Кладно после того, как партиоты убили там немецкого полицейского.

В связи с нападением Германии на Советский Союз в оккупированной Европе сложилась качественно новая обстановка. Она характеризовалась, с одной стороны, активизацией антифашистского движения Сопротивления народов и, с другой — усилением гитлеровского оккупационного режима и национального угнетения. Применительно к чешским землям этот режим с осени 1941 г. был связан с именем Р.Гейдриха и поэтому получил наименование «гейдрихиады». К этому времени «либеральный» Нейрат фактически был отстранен от дел протектората. Вскоре в Прагу прибыл и сам Р.Гейдрих. Как явствует из его первого донесения М.Борману, он приступил к исполнению обязанностей имперского протектора Богемии и Моравии с 27 сентября 1941 г.

Как отмечалось в докладе чехословацкого правительства, представленном Нюрнбергскому трибуналу, гитлеровцы полностью разрушили общепризнанные правовые нормы. «Право объявления

чрезвычайного положения было осуществлено не позже чем 28 сентября 1941 г. Декретом того же дня было объявлено для района "оберландрата" в Праге, а через несколько дней для оставшейся части протектората. "Штандгерихте", которые были немедленно введены, действовали в течение всего периода и вынесли 778 смертных приговоров. Все были казнены. Тысяча человек была передана гестапо, то есть концлагерям...»

Начался период «гейдрихиады», т.е. террора и издевательств над чешским народом с полной ликвидацией признаков «автономии». Как намерен был управлять протекторатом новый хозяин Гейдрих, видно из его речи, которую он произнес в своей резиденции 2 октября 1941 г. на собрании высших чиновников оккупационных органов. Представляя Гейдриха, подстатс-секретарь Бургсдорф предупредил собравшихся о том, что речь Гейдриха носит строго секретный характер. Как видно, гитлеровцы считали еще преждевременным раскрывать свои подлинные намерения в отношении чешского народа. Гейдрих прежде всего указал, что он получил указание фюрера всеми строжайшими мерами обеспечить «спокойствие» в протекторате. Он заявил далее, что политическую линию государственного секретаря Франка Гитлер признает правильной. Задача состоит в том, продолжал Гейдрих, чтобы навсегда покончить с чешским характером Богемии и Моравии и чтобы чехи никогда не могли сказать, что это их земля. Докладчик призвал всех решительно бороться против любых попыток восстановления чешской независимости, памятуя при этом, что «чех — это славянин, который любую нашу доброту воспринимает как нашу слабость».

Но, продолжал Гейдрих на упомянутом собрании, нельзя допустить, чтобы чехи использовали положение Германии в своих интересах. Им нужно твердо показывать, «кто является хозяином в доме». Он призвал всех немцев вести себя в протекторате соответственно их положению господ. Затем Гейдрих объяснил, как следует понимать принцип «окончательного решения», который должен быть конечной целью Германии в протекторате, и напомнил, чтобы все присутствующие рассматривали его речь как конфиденциальную.

«Окончательное решение», по мнению Гейдриха, означает: во-первых, вся территория Чехии и Моравии должна быть заселена только немцами и превращена в сердцевину Германской империи, а значительная часть чехов ассимилирована (позже в феврале 1942 г., выступая на другом совещании высших функционеров протектората, Гейдрих сообщил, что, по его данным, к германизации способны от 40 до 60% чешского населения); во-вторых, не подлежащие германизации чехи должны быть выселены, «для чего на Востоке имеется много места». (Позже Гейдрих также уточнил, что он имеет в виду район Белого моря, куда вместе с чехами будут поселены 11 млн евреев, где они образуют огромный концентрационный лагерь. Единственное преимущество чехов Гейдрих видит в том, что на Востоке им будет предоставлено право быть «надсмотр-

щиками» над евреями и местным населением). В-третьих, промежуточные слои чешского населения необходимо тотально проверить относительно их политической благонадежности. Способных к перевоспитанию следует отправлять в Германию, остальных «поставить к стенке». Выселять их на Восток нельзя, ибо «они завоюют господствующие позиции и снова выступят против нас». Таким образом, заключил свою речь Гейдрих, немцы должны прежде всего освоить Чехию и Моравию, а «для последующего расчленения у нас будет достаточно времени».

Разумеется, некоторое изменение политики Германии в отношении протектората меньше всего было связано с личностями дипломата старой школы барона фон Нейрата и молодого воспитанника гитлеровской партии Гейдриха. Здесь имелись более глубокие причины. Дело в том, что в первый период войны, т.е. до нападения на Советский Союз, Гитлер не терял надежды договориться с западными державами о едином антисоветском фронте и либеральной оккупационной политикой привлечь на свою сторону чешский народ. С осени 1941 г., когда немецко-фашистские войска стояли у ворот Москвы и, казалось, их победа над Советским Союзом была близка, лавировать Гитлеру не было надобности. Кроме того, с этого времени в европейских странах, в том числе и в Чехословакии, развернулось движение Сопротивления, что означало провал расчетов оккупантов на заигрывание с народами захваченных стран.

В апреле 1944 г., выступая перед партийными функционерами Судетенланда, Франк дал следующую оценку политике Германии в протекторате осенью 1941 г.: «Как только после поворота танковой группы генерала Гудериана под Москвой осенью 1941 г. мы поняли, что нашим блицвойнам пришел конец, и что немецкий народ и рейх вынуждены будут вести длительную и самую жестокую в своей истории борьбу, мы немедленно приступили к определенному пересмотру нашей политической стратегии и тактики в протекторате. Мы должны были найти пути и соответственно строить свою политику таким образом, чтобы использовать в протекторате весь его богатый человеческий и экономический потенциал. Одновременно необходимо было не терять из виду нашу конечную цель в протекторате и своими практическими мерами прокладывать путь к достижению этой цели. Это было высшим принципом немецкого руководства тогда и остается в настоящее время».

Наряду с другими мерами, с помощью которых гитлеровцы намеревались навести «порядок» в протекторате, были и такие: они решились на крайний шаг – 27 сентября 1941 г. арестовали главу протекторатного правительства генерала Д.Элиаша. Его обвинили в связях с подпольной офицерской организацией и Э.Бенешом, 1 октября 1941 г. судили и в июне 1942 г. казнили. Гейдрих взял курс на решительное ограничение даже минимальных автономных прав чешских властей. Как писал позже Франк, Гейдрих стремился превратить протекторат в обычную составную часть Германской империи.

Массовые аресты вошли в систему гитлеровского оккупационного режима в протекторате с прибытием в Прагу Гейдриха. Сам он доносил Борману, что в течение нескольких дней первого месяца его пребывания в протекторате было арестовано 5 тыс. участников движения Сопротивления. На допросе после войны Франк рассказал, что Гитлер в июне 1942 г. предложил расстрелять 30 тыс. чехов за то, что население скрывало участников покушения на Гейдриха. Однако этого не было сделано не из гуманных, а из экономических соображений.

Арест и заключение в лагерь без суда и следствия стали обычным явлением. Франк доносил Гитлеру, что в период чрезвычайного положения, введенного в протекторате после покушения на Гейдриха в конце мая и продолжавшегося до 3 июля 1943 г., было арестовано 3188 чехов, расстреляно по приговорам особых судов в Праге и Брно – 1357 чехов, уничтожено два чешских села – Лидице (95 дворов) и Лежаки (8 дворов), а также были убиты в бою непосредственные участники покушения.

Тяжелые удары оккупационные власти обрушили на действовавшую в подполье коммунистическую партию и другие демократические организации: были арестованы члены второго нелегального руководства КПЧ, разгромлены многие местные партийные организации, нарушены партийные связи. Активизировали свою деятельность в протекторате особые суды, введенные еще в феврале 1940 г. и рассматривавшие только политические дела. Итоги их «деятельности» за годы войны таковы: в 1941 г. было рассмотрено 100 дел, в 1942 г. – 1800, в 1943 г. – 2400, в 1944 г. – 2250 и за четыре месяца 1945 г. – 500 дел. Приговор содержал, как правило, смертную казнь.

Дания. Нидерланды. Люксембург

Применительно к таким странам, как Дания и Нидерланды, нацисты в первый период оккупации осуществляли гибкую политику. Объясняется это, во-первых, попыткой представить эти страны в качестве «образцовых протекторатов» рейха; во-вторых, нацистской классификацией народов, в соответствии с которой датчане, так же как и немцы, принадлежали к «нордической расе», и в-третьих, лояльным отношением марионеточных правительств этих стран к оккупантам, в то время как движение Сопротивления было еще слабым и разобщенным.

Подлинное лицо оккупанты показали в Дании в августе 1943 г., когда по всей стране прокатилась крупная забастовка. Оккупационные власти предприняли жестокие меры. Были интернированы остатки вооруженных сил, распущена датская полиция. Участились аресты и казни заложников. По данным самих оккупантов, с сентября 1943 г. по апрель 1945 г. было казнено 112 участников Со-

противления. Кроме того, за годы оккупации в тюрьмы было заключено 20330 датских граждан.

Политика «мирной германизации» была провозглашена Гитлером и в отношении Нидерландов. Однако уже через несколько недель после их оккупации германские власти отказались от нее. 4 июля 1940 г. рейхскомиссар Зейсс-Инкварт издал специальное распоряжение «О защите нидерландского населения от ложной информации», запрещавшее населению слушать зарубежные радиопередачи, кроме как из Германии. Были запрещены собрания и митинги. В ответ на забастовки и митинги, прокатившиеся по стране в феврале 1941 г., оккупационные власти ввели чрезвычайное положение. Через несколько месяцев было арестовано 37 человек патриотического студенческого общества «Общество газов», из них 18 — расстреляны. Усилились репрессии против еврейского населения.

Весной 1943 г. в ряде промышленных центров Восточных Нидерландов произошла всеобщая стачка рабочих, которая затем распространилась на всю страну и охватила почти 1 млн человек. Оккупационные власти снова ввели чрезвычайное положение и расстреляли 100 активных забастовщиков.

В Нидерландах, как и в Дании и Норвегии, оккупанты забыли свои демагогические утверждения «о крови и родстве» немцев и голландцев. Террор усиливался. В начале октября 1944 г. в ответ на покушение на одного немецкого офицера деревню Лютлен сравняли с землей, 5 жителей были расстреляны на месте, а из 660 человек, отправленных в концлагерь Нейенгамме, лишь 115 вернулись после войны. 250 голландцев поплатились жизнью за то, что патриоты ранили начальника службы безопасности Рейтера.

Как сообщалось в бюллетене имперского управления безопасности от 1 декабря 1941 г., с началом войны против Советской России резко активизировалась антигерманская борьба в Люксембурге. С 4 по 7 ноября 1941 г. полиция безопасности предприняла крупную акцию против антифашистов, в ходе которой было арестовано около тысячи человек.

Оккупационные власти стали угрожать, что все, кто будет оказывать им сопротивление, потеряют работу и будут высланы или во Францию, или на Восток. В сентябре 1940 г. был арестован и 25 июня 1942 г. осужден на длительное тюремное заключение председатель компартии Люксембурга Б.Зенон. Недовольные оккупационным режимом люксембургские судьи, прокуроры, адвокаты, священники, полицейские подверглись аресту и были направлены на строительство автострад. Прошли первые судебные процессы над люксембургскими антифашистами, а в начале октября 1941 г. оккупанты расстреляли первого люксембуржца — рабочего Бартгельма. 13 и 31 октября 1941 г. были опубликованы два распоряжения гаулейтера Симона с угрозой, что любая форма сопротивления властям будет наказываться смертной казнью. Уже в первые дни ноября немецкие власти арестовали более тысячи люксембуржцев. Бывали дни, когда оккупанты арестовывали до 500 человек одновременно. В практику вошли массовые облавы, изъятия радиоприемников, депортации населения.

В начале 1942 г. гитлеровцы развернули кампанию по «добровольной» вербовке люксембуржцев в вермахт. Но таких «добровольцев» не нашлось, и оккупационные власти решили применить метод, который они сами характеризовали так: «Если ты не хочешь пойти вольно, то пойдешь добровольно». 30 августа 1942 г. оккупационные власти приняли решение, вызвавшее возмущение всех люксембуржцев: на них был распространен имперский закон о воинской повинности[38].

Люксембургский адвокат Э.Рейтер, выступая в Нюрнберге в качестве свидетеля, рассказал, что оккупационные власти ввели в Люксембурге воинскую повинность для пяти возрастов, начиная с 1920 г. рождения. Таким образом, мобилизации подлежали 11—12 тыс. человек, но приблизительно одной трети из них удалось уклониться от мобилизации, другая часть впоследствии дезертировала из вермахта. К концу сентября 1944 г. люксембургские власти установили, что на фронтах погибло не менее 2500 насильно мобилизованных в вермахт люксембуржцев[39].

О подлинном настроении люксембургских солдат свидетельствует случай, рассказанный писателем И.Эренбургом, который в годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом. В 1944 г. под Минском на сторону советских войск перешел молодой крестьянский парень родом из Люксембурга. Во время беседы он попросил у Эренбурга бумагу и написал на ней: «Ее высочеству Великой герцогине Люксембурга. Извещаю вас, что я выполнил свой долг и перешел на сторону Красной Армии...» На распоряжение оккупантов о воинской повинности рабочие многих предприятий г. Люксембурга ответили всеобщей забастовкой.

Победа Советских Вооруженных Сил под Сталинградом подняла дух люксембуржцев. Одновременно оккупационные власти усилили террор: за годы оккупации и особенно с 1942 г. более 4 тыс. люксембуржцев были заключены в тюрьмы и концлагеря Германии.

Казалось, конец гитлеровского оккупационного режима наступил 1 сентября 1944 г., когда гаулейтер Симон и вся его администрация вместе с люксембургскими коллаборационистами в спешном порядке бежали в Германию. Но американские войска еще не прибыли, поэтому в течение недели Люксембург представлял собой как бы нейтральную полосу. В тот момент, когда население готовилось встретить союзные войска, внезапно вернулись гаулейтер и часть администрации с отрядами полиции. На протяжении нескольких дней они мстили населению, пока 9 сентября первые американские танки не перешли границу Люксембурга. На следующий день войска союзников вступили в главный город страны, а 23 сентября на родину вернулось и правительство Люксембурга.

Но испытания люксембургского народа на этом не закончились. Осенью 1944 г. гитлеровское командование предприняло контрнаступление в Арденнах. На люксембургской земле развернулись ожесточенные бои, в ходе которых американские войска отошли. Многие населенные пункты Люксембурга были разрушены воздушными бомбардировками и артиллерийским обстрелом. Вернувшиеся вслед за войсками вермахта эсесовцы и гестаповцы при помощи местных предателей казнили 58 люксембургских патриотов. Это была последняя жертва Люксембурга в этой войне. К концу января 1945 г. весь Люксембург был снова на сей раз окончательно освобожден от немецко-фашистских оккупантов.

Заложничество

Одним из самых бесчеловечных преступлений гитлеровцев в оккупированных странах было повсеместное насаждение системы заложничества и круговой поруки. Особенно жестоко она проводилась в Советском Союзе, Польше, Югославии, Франции и Чехословакии. По определению Нюрнбергского трибунала, заложничество — это организованный террор, применявшийся «оккупантами для подавления и искоренения всякого противодействия их владычеству». Не менее убедительно преступный характер заложничества был раскрыт на судебном процессе, рассматривавшем дело о злодеяниях немецких генералов на Балканах («дело Юго-Восток»). В его приговоре было сказано: «Мысль о том, что невиновный человек может быть убит за преступления, совершенные другими, является несовместимой со всеми естественными законами. Мы осуждаем несправедливость каждого такого действия как варварский пережиток прошлого». Но американский суд, к сожалению, не сделал ни одного шага к тому, чтобы практику заложничества определить как незаконную. Он заявил: «Но не в нашей компетенции создать международное право таким, каким мы хотели бы его видеть, — мы должны применять его законы такими, какие они есть»[40].

Свою жестокость по отношению к мирным гражданам в оккупированных странах фашистские захватчики объясняли тем, что они наказывают лишь активных участников движения Сопротивления. Однако многочисленные факты свидетельствуют о том, что захватчики широко применяли и систему заложничества, являвшуюся одним из наиболее распространенных средств фашистского геноцида, репрессий и устрашения народов оккупированных стран. Тем самым они грубо нарушили Гаагскую конвенцию (ст. 50), запрещавшую брать заложников. Заложничество есть нарушение законов и обычаев войны. Оно является военным преступлением. Вот почему ст. 6 Устава Международного военного трибунала и закон № 10 Контрольного совета в Германии осудили практику заложничества.

«Практика заложничества противоречит нормам международного и уголовного права. Международного потому, что мирное население рассматривается как неучаствующее в войне и в отношении него недопустимо применение каких бы то ни было репрессий. Уголовного потому, что недопустимо возлагать ответственность за действия, совершенные одним лицом, на другое (объективное вменение)»[41].

Многие сотни и тысячи мирных граждан оккупированных стран были казнены за акты саботажа, к которым они не имели никакого отношения. Начало системе заложничества было положено в оккупированной Чехословакии. Уже 23 апреля 1939 г. начальник полиции безопасности доносил, что с начала оккупации в протекторате в превентивном порядке было арестовано 4639 человек, среди которых немало коммунистов и других антифашистов. Однако большая их часть была вскоре отпущена. Новая волна арестов (8 тыс. человек) прошла в начале сентября 1939 г. Арестовывались в основном священники, бывшие депутаты Национального собрания, видные деятели политических партий, профессора, легионеры и другие. Затем в октябре — ноябре 1939 г. в связи со студенческими демонстрациями была арестована и казнена новая большая группа чехов. В 1940 г. Франк заявил, что 2 тыс. чешских заложников, находящихся в концлагерях, будут расстреляны в том случае, если видные чешские деятели откажутся подписать заявление о лояльности. Многие из этих заложников были казнены после покушения на Гейдриха. Система заложничества вводилась оккупантами во всех областях общественной жизни. Так, руководителям предприятий было заявлено, что они будут расстреляны в случае забастовки их рабочих. Учителя также должны были нести полную ответственность за «лояльное» поведение своих учеников[42].

Поражения гитлеровской Германии с 1943 г. не заставили ее правителей прекратить массовый геноцид на оккупированных территориях, в том числе и в протекторате. На конфиденциальном совещании функционеров Судетенланда в апреле 1944 г. Франк похвалялся, что в настоящее время особые суды ежемесячно выносят сто смертных приговоров всем чехам, которые выступают против Германии. Оккупанты решили лишь поменьше афишировать продолжавшиеся казни и аресты.

Систему заложничества фашистские оккупанты применяли и во Франции. Накануне французской кампании в секретной директиве ОКВ от 15 февраля 1940 г. настаивалось на применении системы заложничества во имя «безопасности войск». 12 сентября того же года, т.е. три месяца спустя после капитуляции Франции, немецкий командующий во Франции подписал директиву, в которой угрожал: «Население должно знать, что заложники отвечают за враждебный поступок каждого в отдельности». Наконец, в известной директиве Кейтеля от 16 сентября 1941 г., действие которой распространялось на все оккупированные территории как на востоке, так и на западе, предлагалось развернуть массовый террор про-

тив движения Сопротивления и шире применять систему заложничества.

В связи с активизацией движения Сопротивления французского народа с началом войны с Советским Союзом генерал Штульпнагель в августе 1941 г. объявил всех арестованных французов заложниками. 28 сентября изданный им «Кодекс о заложниках» делил всех арестованных французов на шесть категорий. В частности, в первую из них, которая после какого-либо антинемецкого акта подлежала немедленному расстрелу, были включены только коммунисты. За годы оккупации гитлеровцы казнили во Франции 29660 заложников, в том числе в Париже — 11 тыс. человек, в районах Лиона — 3674, Лиможа — 2863, Лилля — 1143, Марселя — 1513. Сотни заложников были казнены также в других французских городах.

Всему миру стало известно преступление, которое совершили эсесовцы во французской деревне Орадур-сюр-Глан. Каратели из дивизии СС «Дас рейх» 10 июня 1944 г. расстреляли в качестве заложников 440 жителей этой деревни[43].

По приказу командующего 2-й армией генерала Ф. фон Вейхса от 28 апреля 1941 г. были предприняты жестокие меры против югославских народов — массовые казни, система заложничества и т.п. Начальник политического отдела военной администрации в Сербии Турнер 22 июня 1941 г. распорядился арестовать всех коммунистов, особенно в Белграде, и отправить их в концлагерь на так называемый «Цыганский остров». Он также потребовал арестовать всех участников войны в Испании на стороне республиканцев и принять другие жестокие меры против югославских патриотов.

Югославская государственная Комиссия по установлению военных преступлений представила Нюрнбергскому трибуналу множество фактов, подтверждающих, что одним из средств для физической ликвидации югославского населения было также заложничество. Вот лишь некоторые из них только по Сербии: 3 октября 1941 г. в Белграде было расстреляно 450 заложников; 17 октября 1941 г. в Белграде расстреляно 200 заложников; 21 октября 1941 г. в сербском г. Крагуевац фашисты казнили свыше 7 тыс. жителей города, в том числе учеников с их учителями. 3 ноября 1941 г. в Белграде расстреляно 100 заложников; 11 декабря 1941 г. в Лесковаце — 310, из них 293 цыгана; 15 декабря 1942 г. в Брусе — 30; 25 декабря 1942 г. в Петровице — 50, на следующий день здесь же расстреляно еще 250 заложников. Этот список можно было бы продолжить.

По приказу командующего войсками вермахта в Хорватии генерала Р.Лютера от 7 января 1943 г. все захваченные партизаны должны были быть казнены. Хорватские полицейские части подчинялись немецким офицерам. Все гражданское мирное население в возрасте от 15 до 50 лет в районах, где существовало партизанское движение, было согнано в особые лагеря.

Преступная система заложничества значительно усилилась со второй половины 1943 г. после выхода Италии из войны. Немецко-фашистские оккупационные власти путем репрессий против югославских народов стремились меньшими силами держать их в повиновении. Так, в августе – сентябре 1943 г. было расстреляно намного больше заложников, чем в первые месяцы того же года.

29 октября 1943 г. Гитлер подписал специальную директиву «О едином руководстве борьбой против коммунизма на Юго-Востоке». В документе подчеркивалось, что политическое руководство возлагается на особоуполномоченного Г.Нойбахера, который будет получать директивы от МИД. В его обязанности входило тесное сотрудничество с высшими властями; сплочение всех антикоммунистических организаций для усиления борьбы против партизан; осуществление экономической политики в этом регионе. Присланные сюда Гиммлером представители СС и полиции стали соответствующими советниками Нойбахера.

Немецко-фашистский террор в Югославии, особенно в Восточной Сербии, достиг своей высшей точки зимой и весной 1944 г., когда были казнены новые сотни и тысячи югославских заложников.

Немецко-фашистские оккупанты применяли заложничество и в борьбе против итальянских патриотов. 23 марта 1944 г. в Риме партизаны бросили бомбу в колонну немецких солдат, убив 42 и ранив 68 человек. В отместку за это по приказу начальника СД Рима Капплера в Ардеатинских пещерах было расстреляно 335 итальянских заложников. На одном из греческих островов немецкие каратели казнили 8400 солдат и офицеров итальянской дивизии «Акви», обвинив их в предательстве после выхода Италии из войны в сентябре 1943 г.

Широкий террор в виде заложничества оккупанты развернули по Греции. Уже 31 мая 1941 г., т.е. почти через два месяца после вступления в Грецию немецко-фашистских войск, германский командующий в Афинах издал приказ, положивший начало целой серии многочисленных террористических актов против греческого населения. Поводом для такого приказа послужил ряд антифашистских выступлений греческих патриотов, в том числе и срыв фашистского флага с Акрополя. В конце июня — начале июля 1941 г. под руководством коммунистов в ряде районов страны стали возникать первые вооруженные группы партизан, участились диверсии. Чтобы запугать патриотов, оккупанты предприняли массовые аресты и казни. Фашисты расстреляли более 3 тыс. человек после массового вооруженного восстания в Драме в сентябре 1941 г.

После создания Национально-освободительного фронта (ЭАМ) с осени 1941 г. под его руководством активизировалась борьба патриотов, начав приобретать разнообразные формы: прокатилась волна студенческих стачек, объявили голодовку инвалиды и раненые — участники греко-итальянской войны, предприняли забастовку служащие некоторых государственных учреждений и рабочие.

Все это послужило поводом для новых репрессивных мер оккупантов.

30 мая 1941 г. здесь, как и в других оккупированных странах, также вводилась система заложничества. Ими становились рабочие, политические деятели, ученые, духовенство, офицеры, представители других слоев населения. Как явствует из доклада греческого правительства Нюрнбергскому трибуналу, в стране за годы оккупации было расстреляно около 91 тыс. заложников. Кроме того, зимой 1941/42 г. умерло от голода не менее 260 тыс. греков и еще 60 тыс. человек погибло в концлагерях. Это значит, что почти 8% населения страны, насчитывавшего всего 7 млн, стали жертвой террора оккупантов в годы Второй мировой войны.

Тяжкие преступления совершали гитлеровцы на территории Бельгии во время операции в Арденнах осенью 1944 г. Как было установлено на Нюрнбергском процессе, фашистские солдаты получили приказ убивать всех гражданских лиц, которых подозревали в каких-либо подрывных действиях.

На территории Польши в первые же дни после вступления немецких войск в г. Быдгощ было уничтожено 500 мирных жителей в качестве заложников. В ходе многочисленных акций по так называемому «умиротворению» гитлеровские каратели в порядке возмездия сожгли 75 сел полностью и 224 — частично. Тысячи их жителей были варварски уничтожены. Всего же «умиротворению» подверглись свыше 440 польских сел, в том числе в Люблинском воеводстве — 105 сел.

Массовый характер заложничество и круговая порука без права граждан на защиту своего существования приобрели на оккупированных территориях Советского Союза. Приказ Кейтеля от 16 сентября 1941 г. требовал лишать жизни 50 или 100 человек населения оккупированных областей Советского Союза за каждого убитого немца. Во исполнение этого приказа в ноябре 1941 г. гитлеровский комендант Киева К.Эбергард объявил, что за саботаж расстреляно 300 заложников. В Харькове тогда же было казнено 50 заложников, в Днепропетровске — 100, а в Одессе объявлено, что за каждый случай нападения на представителя оккупационных властей будет расстреливаться по 500 жителей.

11—12 марта 1943 г. фашистские каратели сожгли с. Козары, расположенное на Черниговщине и насчитывавшее 870 дворов. В этом селе ими было сожжено и расстреляно 4268 жителей, в том числе женщины, старики и дети. И таких сожженных сел на Черниговщине насчитывается 23. Через две недели каратели учинили подобную расправу над жителями сел Кодра и Раски в Киевской области. Здесь было истреблено 1713 жителей.

В Минске 22 сентября 1943 г., когда народные мстители уничтожили палача В.Кубе, фашистские каратели арестовали несколько тысяч мужчин, женщин и детей, которые к убийству не имели никакого отношения. Многие из них были вывезены в лагерь Тростенец и расстреляны в качестве заложников. В тот же день было казнено около 300 узников минской тюрьмы. Озверевшие гитлеровские захватчики в Белоруссии стерли с лица земли 136 деревень за то, что их жители помогали партизанам. Символом таких зверств в отношении мирного населения стала д. Хатынь, дотла сожженная карателями 22 марта 1943 г. В огне погибло 149 жителей, в том числе и 74 ребенка.

В мае — июне 1943 г. в нескольких районах Белоруссии гитлеровские каратели провели операцию под условным названием «Коттбус». В ней участвовали не только полицейские части, но и регулярные войска с танками, артиллерией и авиацией. В ходе этой операции лишь одна группа карателей расстреляла 3616 и угнала для отправки в Германию 3262 человека. Было также сожжено 113 деревень. В последующие месяцы осуществлялись и другие карательные операции, жертвами которых стали десятки тысяч заложников, сжигались десятки деревень.

В Себежском районе Калининской области в марте—июне 1943 г. гитлеровские каратели сожгли 67 деревень, расстреляли или заживо сожгли 668 человек, в том числе 197 детей в возрасте до 10 лет. В Невельском районе с 30 января по 5 апреля 1943 г. они также сожгли 10 деревень и загубили 274 человека, в том числе 79 детей. А в д. Зады солдаты карательного отряда 149 жителей расстреляли, а детей бросили в огонь.

Приказ коменданта Идрицкой полевой комендатуры в Калининской области от 6 мая 1942 г. гласил: «...За каждого немецкого солдата, убитого партизанами, и за каждый разрыв железной дороги минами будут расстреляны 10 жителей, мужчины или женщины, взятые из соседних деревень».

Подобных приказов было множество, и все они свидетельствовали о том, что заложничество являлось не изобретением каких-либо отдельных должностных лиц из оккупационных органов, а общегосударственной системой, установленной и поощрявшейся высшими властями гитлеровской Германии.

Таким образом, установленный гитлеровцами и поддерживаемый коллаборационистами режим характеризовался разнузданным террором, массовыми арестами и убийствами не только активных участников движения Сопротивления, но и всех тех, кто, по фашистской терминологии, не принадлежали к «арийской расе».

Немецко-фашистская оккупационная политика была отрицанием элементарных, в международном масштабе признанных норм и обычаев ведения войны, которые охраняли бы жизнь гражданского населения, права и свободы человека. Гитлеровские захватчики и местные предатели не только грубо нарушали нормы международного права, содержавшиеся в ряде конвенций, но и вызвали к жизни новые тяжелые виды нарушения законов и обычаев войны, не известные в прошлых военных конфликтах и поэтому не предусмотренные в международных документах.

Этот трагический для человечества опыт привел к тому, что в послевоенное время был принят ряд новых актов международного

гуманитарного права, призванных ограничить человеконенавистнические методы и средства ведения вооруженной борьбы со стороны агрессивных сил и регулировать нормы оккупационной политики.

Советский Союз и его вооруженные силы в жестокой борьбе с немецко-фашистскими захватчиками никогда не руководствовались принципами «око — за око, зуб — за зуб». Перед всем миром разоблачая фашистские зверства в отношении мирного населения и военнопленных, советское правительство неоднократно заявляло, что даже в данных обстоятельствах оно не намерено применять подобные ответные меры к немецким мирным гражданам и военнопленным, что оно всегда будет верно своим международным обязательствам. Этими справедливыми, гуманными принципами советские воины в своем поведении руководствовались как на родной земле, так и на территории противника. Подобная политика Советского Союза вытекала из его верности духу и букве соответствующих конвенций.

Анализируя оккупационный режим, следует подчеркнуть, что его террористический характер и ужасные последствия для народов были бы меньшими, если бы с оккупантами не сотрудничали местные предатели, знавшие особенности своей страны, язык, обычаи, политическую обстановку.

Примечания

[1] Кн. Мария Васильчикова. Берлинский дневник 1940—1945. М., 1994. С. 117.
[2] Topographie des Terrors. Eine Dokumentation. Brl., 1987. S. 110—111.
[3] OMGUS Ermittlungen gegen die I.G.Farben. Fr. a/M., 1986. S. 318—319.
[4] Bringman F. KZ Neuengame. Berichte. Erinnerungen. Dokumente. Fr. a/M., 1985. S. 111.
[5] Datner Sz. Zbrodnie Wehrmachtu na jencach wojennych armii regularny u 2 wojnie Swiatowoj. W-wa, 1961. S. 51—54.
[6] Нюрнбергский процесс. Т. VII. М., 1961. С. 373.
[7] Там же. С. 376.
[8] Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 157.
[9] Краус О., Кулка Э. Фабрика смерти. М., 1960. С. 12.
[10] Pilichowski Cz. Es gibt keine Verjahrung. W-wa, 1980. S. 8.
[11] Eisenbach A. Hitlerowska polityka zagłady żydów. W-wa, 1961. S. 34.
[12] Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka. 1939—1945. T. 1. W-wa, 1972. S. 227.
[13] Eisenbach A. Op. cit. S. 221—235.
[14] Ibid. S. 253—254.
[15] Polacy — Żydzi. 1939—1945. W-wa, 1971. S. 203.
[16] Eisenbach A. Op. cit. S. 425, 428, 434, 437.
[17] Eichmann in Ungarn. Dokumente. Bud., 1961. S. 54, 65—110.
[18] Ibid. S. 183.

[19] Хаим Оливер. Кой спаси евреите в България // Поглев. № 35. 29.8.1966. С. 4.
[20] Kràl V. Otàzky hospodàřskeha a saciàlniho vývoje v českych zemich. Praha, 1957. T. 1. S. 59.
[21] Ibid. S. 70.
[22] Bundesarchiv Koblenz. R 58/144. Bl. 86.
[23] Kràl V. Op. cit. S. 77.
[24] Slovensko. Dejny. Bratislava. S. 734.
[25] Каменец Иван. Принудительное выселение населения с территории Словакии во время второй мировой войны. Замостье, 1972. С. 7—21.
[26] Jäckel E. Frankreich in Hitlers Europa. Die deutsche Frankreichpolitik im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1966. S. 99.
[27] Время. 18.10.1999.
[28] Тайны истории. Вильгельм Кейтель. Размышления перед казнью. М., 1998. С. 219—224.
[29] Кн. Мария Васильчикова. Берлинский дневник. 1940—1945. С. 72.
[30] Там же. С. 95.
[31] Madajchyk Cz. Polityka 3 Rzeczy w okupowanej Polsce. T. 1. W-wa, 1970. S. 41.
[32] Нюрнбергский процесс. Т. III. М., 1958. С. 226.
[33] Там же. С. 233.
[34] Там же. С. 200.
[35] Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944). М., 1965. С. 285.
[36] Григорович Д.Ф., Замлинский В.А., Немятый В.Н. Коммунистическая партия Украины в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1980. С. 282.
[37] Анич Никола. Народно-освободительная война в Югославии 1941—1945. Белград, 1985. С. 40.
[38] СССР—Люксембург. Страницы истории 1867—1984. Документы и материалы. М., 1985. С. 81.
[39] Нюрнбергский процесс. Т. IV. М., 1959. С. 276—277.
[40] Appleman. J.A. Military Tribunals and International Crimes. Indianopolis, 1974. P. 191.
[41] Цит. по: Полторак А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. Основные проблемы. М., 1976. С. 411.
[42] Čalič E. Heydrich R. Schlüsserfigur des Dritten Reiches. Düsseldorf, 1982. S. 11, 453.
[43] Enzyklopedia II Wojny Swiatowej. W-wa, 1975. S. 401.

Глава восьмая

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИКИ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ОККУПИРОВАННЫХ СТРАНАХ

Решающее значение для реализации внешнеполитических авантюр Гитлера играла мощная военно-промышленная база Германии. Без нее создание вермахта было бы невозможным. Еще в марте 1935 г. руководство «И.Г.Фарбен» разослало членам совета фирмы по вопросам вооружения памятную записку «О подготовке промышленности к войне». В ней, в частности, предлагалось создать новую военно-промышленную организацию, которая управляла бы предприятиями военными методами. Было предложено ввести планирование производства и приобретения сырьевых материалов, а также мобилизации всего рабочего класса в военное производство на случай войны[1].

В своей секретной памятной записке о четырехлетнем плане в августе 1936 г. Гитлер потребовал, чтобы германская армия была готова к действиям через четыре года вместе с военной экономикой.

В 1937 г. около 400 ведущих монополистов дали согласие на присвоение им почетного звания «фюреров оборонной экономики». Выступая в Берлинском дворце спорта 5 июня 1943 г., имперский министр вооружений и боеприпасов А.Шпер назвал 14 наиболее заслуженных руководителей военной экономики, «имена которых должен знать германский народ»[2].

Экономическое ограбление чужих стран и использование их ресурсов для новых военных авантюр являлось важнейшей целью германского империализма в развязанной им Второй мировой войне. Один из руководящих деятелей Министерства экономики Ф.Ландфрид 5 сентября 1939 г. говорил: «Мы извлекли в экономическом отношении уроки из проигранной мировой войны... Сегодня у нас есть экономический генеральный штаб, которого нам не хватало в 1914 году. Мы знаем, что не сможем выиграть войну в военном отношении, если проиграем ее в экономическом».

Беспощадный экономический грабеж оккупированных и зависимых стран, который осуществлялся оккупантами при прямой поддержке коллаборационистов, являлся важной составной частью немецко-фашистского «нового порядка» и имел решающее значение

для немецкого военного потенциала прежде всего в двух аспектах — использование сырьевых ресурсов (уголь, железная руда, бокситы, медь, нефть) и рабочей силы. Проблему снабжения продовольствием предполагалось решать за счет его вывоза из оккупированных областей Советского Союза, Польши, Франции, Бельгии и некоторых других стран.

Располагая ограниченными запасами многих видов ценного стратегического сырья, гитлеровская Германия не могла рассчитывать на завоевание мирового господства без максимального использования сырьевых и производственных ресурсов уже оккупированных или зависимых стран. На решение этой задачи и были направлены внешняя экономическая политика гитлеровцев, являвшаяся важнейшей составной частью их оккупационной политики, и усилия национальных коллаборационистов.

В речи 9 ноября 1941 г., воспроизведенной на следующий день «Фелькишер Беобахтер», Гитлер бахвалился, что «на территории, население которой работает сейчас непосредственно на нас, живет более 250 миллионов человек, а на территории, население которой косвенно работает в Европе на войну, уже сейчас живет более 350 миллионов человек».

Решение этой сложной и многоплановой задачи, также как и всех других задач оккупационной политики, было бы сопряжено с бо́льшими трудностями или вообще невозможно без поддержки и опоры на коллаборационистские силы среди местных политиков, промышленников и коммерсантов. Этим предателям были чужды национальные интересы своей родины. Оказывая поддержку оккупантам, они также имели и свой куш от награбленного добра.

Одна из важнейших целей экономического порабощения оккупированных стран в Центральной и Западной Европе состояла и в том, чтобы подорвать экономическую мощь империалистических соперников германских монополий, надолго, если не навсегда, вывести из игры своих конкурентов на мировых рынках.

В подобных случаях эти цели оккупантов совпадали с целями некоторых промышленных и финансовых кругов в оккупированных странах. Если оккупанты были заинтересованы в ослаблении позиций своих конкурентов в международном плане, то местные коллаборационисты, опираясь на них, были заинтересованы в том же, но преимущественно в пределах своей страны.

Применительно к Советскому Союзу эта цель заключалась в уничтожении экономической основы советского государственного строя, в восстановлении на его территории такой системы хозяйства, которая содействовала бы превращению завоеванных восточных областей в аграрно-сырьевые придатки германских монополий.

Высказывания Гитлера по экономическим проблемам оккупации советской территории позволяют сделать вывод, что он был заинтересован только в восстановлении военных заводов и других необходимых для ведения войны предприятий и только в ходе войны. В

стратегическом плане он совершенно не был заинтересован в развитии промышленных предприятий в дальнейшем.

Еще накануне нападения на Советский Союз в среде хозяйственных руководителей Германии при обсуждении вопроса, как поступать с советской государственной собственностью, мнения разделились. Некоторые монополистические круги настаивали на введении частной собственности главным образом потому, что высшие достижения экономики достигаются только путем личной ответственности людей на базе частной собственности. Именно так говорилось в «Коричневой папке», и это было мнением самого Геринга.

Другие же руководители германской экономики рассуждали более прагматично: немедленное восстановление земельной собственности крестьян и ликвидация колхозов приведут к срыву поступлений сельхозпродуктов из оккупированных советских областей. Поэтому в другом документе — «Зеленой папке», — говорилось о целесообразности сохранения крупных хозяйств в виде колхозов до определенного времени.

На основе этой идеи в феврале 1942 г. Розенберг утвердил «Закон о новом аграрном порядке» на оккупированных территориях СССР. Таким образом, новая аграрная политика оккупантов состояла в сохранении крупных сельскохозяйственных предприятий (колхозы преобразовывались в «общинные хозяйства»), которые рассматривались в качестве переходной формы к частной собственности и личному землепользованию. Имущество совхозов и МТС по этому закону переходило в немецкую собственность.

Как германские монополии предполагали грабить экономику оккупированной территории Советского Союза, свидетельствует протокольная запись руководителя отдела внешних сношений концерна «И.Г.Фарбен», Отто Вольфа Райхарда 25 июня 1941 г. В записи было сказано, что для эксплуатации советской металлургической промышленности в рамках четырех административно-территориальных округов (Ленинград, Москва, Киев и Кавказ) предусматривалось выделить четыре руководителя крупных немецких предприятий. Они будут обязаны максимально использовать мощности украинской металлургической промышленности. На совещании по этому вопросу отмечалось, что на Украине добывается 22 млн т железной руды, 1,8 млн т марганцевой руды, производится 12 млн т стали. Здесь же находятся 35 крупных металлургических и прокатных заводов[3].

Что же касается дальнейшей судьбы советской промышленности, то в соответствии со стратегическими планами Гитлера она должна была быть уничтожена. Но когда с декабря 1941 г. в Берлине почувствовали, что надвигается затяжная война, было решено использовать советскую промышленность в полной мере. В январе 1942 г. Розенберг подписал директиву «О восстановлении промышленного хозяйства во вновь занятых восточных областях». Особое внимание обращалось на восстановление угольных шахт Донбасса, электростанций и на добычу нефти на Северном Кавказе. Германские концерны приняли активное участие в восстановлении и эксплуатации многих советских предприятий.

Оккупационные власти поощряли частное предпринимательство, особенно в кустарном производстве, в торговле и на предприятиях питания и обслуживания. Именно в этих сферах оккупанты пользовались самой широкой поддержкой местных коллаборационистов — мелких предпринимателей, торгашей, спекулянтов. Основным платежным средством были оккупационные марки и советские рубли при курсе 10 рублей за 1 немецкую марку.

Особые виды на грабеж промышленных предприятий и сельского хозяйства СССР имели румынские руководители. Посылая румынских солдат на восток для завоевания советских земель, правители Румынии заверяли их, что эксплуатация Транснистрии приведет к расцвету экономической жизни страны. Румынская пресса с восторгом описывала богатства Советской Украины. «Земля эта черна, как уголь, и жирна, как масло, — писала в сентябре 1942 г. «Курентул». — Что за богатая область! Здесь собраны все чудеса природы. Никакие богатства нельзя сравнить с теми, которые находятся здесь. Транснистрия — это страна, где текут молоко и мед... я видел огромное количество рогатого скота, маслозаводы, хлебозаводы... Сколько охватывает глаз — расстилается пашня. Океан земли... Земля обрабатывается машинами...» Но на деле оказалось, что с дальнейшей затяжкой войны экономическая разруха в Румынии усиливалась. Она стала особенно ощутимой в 1943 г. и в последующие годы.

Потеряв огромное количество военной техники и солдат под Сталинградом, а также потеряв надежду на использование нефтяных источников Кавказа, германские власти усилили превращение Румынии в свою колонию, в сырьевой и сельскохозяйственный придаток Германии. С немецкой точностью выполнялось то, о чем писал в июне 1942 г. орган немецкого посольства в Румынии «Бухарестер тагеблатт», что «Румынии навеки уготована немецким союзником роль резервуара сельскохозяйственных продуктов и сырья для Германии».

Румынские лакеи Гитлера сами неоднократно хвастались своим лакейским положением. Газета «Порунка времий» в январе 1943 г. в статье «Наша экономическая мощь» писала, например, следующее: «Румыния является огромной поддержкой для стран оси. Кто не знает, что война ведется при помощи нашей нефти, что наши богатейшие леса используются для постройки морских судов? Мощная металлургия, большая часть текстильной промышленности, десятки и сотни фабрик пищевой промышленности работают в Румынии для поддержки фронта. Пшеница и всякого рода сырье значительно повысили возможности стран оси... Чего ни сделала Румыния, чтобы поддержать эту войну! Мы переносим самые большие лишения».

В самом деле, пожалуй, не было в Румынии такой отрасли промышленности, где бы немецкий капитал не занимал решающих по-

зиций. Например, заводы концерна «Решица» были главной базой румынской военной промышленности. До войны большая часть капиталов этого концерна принадлежала английской фирме «Виккерс» и ряду чешских фирм. К 1942 г. многие крупные предприятия Румынии вошли в состав немецкого концерна «Герман Геринг». Под германским контролем находились значительная часть горнорудной промышленности, а также транспорт, банки и внешняя торговля. Из 4080 фирм-импортеров, имевшихся в Румынии в 1943 г., 829 крупных фирм целиком принадлежали немцам, а 825 других, формально считавшихся румынскими, также находились под немецким контролем. Так на деле выглядело экономическое «сотрудничество» Румынии и гитлеровской Германии.

Но, пожалуй, наиболее ярко закабаление Румынии немецким капиталом проявлялось в такой жизненно важной для румынского народа отрасли промышленности, как нефтяная.

Летом 1942 г. итальянский журнал «Иллюстрационе итальяна» хвалил Румынию (подразумевая под этим румынских правителей) за то, что она с одинаковой готовностью «жертвует своей черной кровью — нефтью — и кровью своих сынов за дело Германии и Италии». Далее журнал указывал: «Румыния поставляет Европе ряд важных продуктов и приносит себя в жертву, сокращая свое собственное потребление. Достаточно только напомнить о бескорыстии, проявленном Румынией в связи с поставкой нефтепродуктов, ибо она при этом шла на риск преждевременного иссякания важнейшего источника своего национального богатства».

В данном случае итальянский фашистский журнал был прав. Действительно, румынские правители, сознательно идя на риск преждевременного иссякания важнейшего национального богатства румынского народа, фактически бесплатно отдавали Германии почти всю нефть. Грабеж румынской нефти осуществлялся специальным немецким акционерным обществом «Oel A.G.» По неполным данным, в Германию было вывезено: в 1941 г. — 2900 тыс. т нефти, в 1942 г. — 2200 тыс. т и в 1943 г. — 2400 тыс. т, что составляло 70 — 80% всего экспорта нефти[4]. В это количество не входит нефть и нефтепродукты, использованные для нужд многочисленных немецких частей, расположенных на территории Румынии. Между тем добыча нефти в период войны по сравнению с довоенными годами в целом понизилась, несмотря на отдельные скачки. Например, в 1936 г. добыча нефти достигала 8,7 млн т (наивысший уровень в старой Румынии), затем она упала в 1938 г. до 6,6 млн т. В 1941 г. добыча нефти составила всего 5,5 млн т, но в 1942 г. благодаря хищнической разработке она повысилась до 5,6 млн т, а в 1943 г. снова упала до 5,3 млн т[5].

Следует иметь в виду, что от грабежа национальных богатств румынского народа наживались не только румынские и немецкие капиталисты. Огромные прибыли получали также англо-американские предприниматели, которые, несмотря на состояние войны, не переставали контролировать в Румынии свои заводы и получать от

них доходы. Например, чистая прибыль «Румыно-американского общества» в 1943 г. увеличилась на 726 млн лей по сравнению с предыдущим годом. В Решицкие предприятия, контролируемые английским трестом Виккерса, в 1943 г. получили прибыли в 305 млн лей, тогда как прибыли 1942 г. составили 268 млн лей. Значительная часть этих огромных доходов текла в карманы англо-американских предпринимателей через Швейцарию и другие нейтральные страны. Поэтому становится понятным, почему англо-американская авиация с самого начала войны ни разу не бомбила румынских предприятий. Налет был совершен лишь в апреле 1944 г. и то только на Плоешти, когда стало ясно, что Румынию освободит Красная Армия.

На службу войне кроме горных и нефтяных предприятий, всецело обслуживавших военные нужды, была поставлена вся румынская промышленность, военные заказы выполняли около 600 предприятий страны, на которых было занято 211 тыс. рабочих, что составляло более 70% от общей численности рабочего класса[6].

База для военной промышленности в Румынии невелика. Румынские военные заводы производили далеко не все виды вооружения, необходимые для ведения современной войны. Например, в стране отсутствовало танкостроение, не считая мастерских в Крайове и Бухаресте, ремонтировавших танки иностранных марок. Артиллерийское вооружение производилось главным образом на предприятиях Решицы. В годы войны важным центром военной промышленности Румынии стал г. Брашов. Здесь был расположен крупнейший авиазавод «ИАР», выпускавший около 100 самолетов в месяц. Ряд военных предприятий имелся в Бухаресте.

Но в целом военная промышленность Румынии не обеспечивала всех растущих нужд фронта. Она не могла компенсировать тех огромных потерь, которые понесла румынская армия на восточном фронте в зимней кампании 1942/43 г.

Чтобы добиться повышения вклада, вносимого Румынией в общее дело держав оси, как было официально объявлено, в Бухарест в начале сентября 1942 г. прибыл министр хозяйства Германии В.Функ. Он потребовал дальнейшего увеличения поставок в Германию и ограничения в стране производства всего того, что не связано с потребностями фронта. На одном из приемов Функ, обращаясь к румынскому вице-премьер-министру М.Антонеску, цинично заявил: «Я убедился, что вы готовы в случае необходимости взять тяжедую ответственность и возложить на ваш народ новые жертвы»[7]. Румынские фашисты лезли из кожи вон, чтобы оправдать это доверие Гитлера. Вскоре в Румынии было реорганизовано Министерство хозяйства и создано министерство, в котором было сосредоточено управление как производством, так и потреблением. С Функом было подписано новое экономическое соглашение, еще более привязывавшее экономику Румынии к немецкой колеснице.

Гитлеровцы усилили выкачивание из Румынии также значительной части продовольствия. Они говорили при этом, что «Румы-

ния кормит своей пшеницей немецкого солдата», что она способна обеспечить продовольствием не только Германию, но и всю Европу, т.к., якобы, производит сельскохозяйственных продуктов больше, чем ей нужно.

Помимо снабжения своих войск за счет румынского народа Германия вывозила из Румынии сотни тысяч тонн зерна, скот, свиней, большое количество мяса и жиров. В Германию за бесценок экспортировались значительная часть хлопка, продукции сои, масличных семян и т.д.

Чтобы оправдать все возрастающие требования немцев на румынский хлеб, немецкая газета «Донау цейтунг» в июле 1943 г. утверждала, что «для покрытия своего внутреннего потребления Румыния нуждается лишь в 25% своей сельскохозяйственной продукции». Это было далеко не так. Правительство Антонеску увеличивало экспорт продовольствия в Германию не за счет мнимых излишков, а за счет снижения общего потребления румынского населения. В стране существовала жесткая карточная система как на промышленные товары, так и на продукты питания. Перед завершением уборочной кампании 1942 г. норма выдачи хлеба, в частности, для жителей столицы, была снижена с 300 до 250 г[8]. Если в Германии норма выдачи муки была установлена 1000 г в месяц, то население Румынии получало всего 200 г муки в месяц и то далеко не регулярно. В стране резко пало потребление сахара с 12194 вагонов в 1939 г. до 6428 – в 1942 г.[9]

Положение народа оставалось по-прежнему исключительно трудным. Жизненный уровень населения беспрерывно падал. Грабеж временно оккупированных территорий Советского Союза не улучшил положения, т.к. немцы из Румынии забирали гораздо больше продовольствия, чем румынские оккупанты сумели награбить на Украине. Достаточно сказать, что, как установила Чрезвычайная комиссия, расследовавшая злодеяния немецко-румынских захватчиков, лишь из Одесской области было вывезено в Румынию с октября 1941 г. по апрель 1944 г. свыше 1 млн ц зерна, сотни тысяч голов скота, лошадей, тысячи тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин.

Одним из показателей снижения жизненного уровня румынских трудящихся может служить рост цен. Например, в Бухаресте в декабре 1942 г. цены на продовольствие выросли на 611,5% по сравнению с 1935 г. и почти вдвое по сравнению с июнем 1941 г. На одежду и обувь цены в декабре 1942 г. возросли в 6,4 раза по сравнению с 1933 г., тогда как заработная плата рабочих и служащих увеличилась незначительно[10].

Румынское крестьянство влачило жалкое существование, и голод в румынской деревне к весне 1943 г. принял угрожающие формы.

Согласно закону, принятому в январе 1943 г., крестьянам оставлялось по 120 г пшеницы и 2,4 кг кукурузы на душу в неделю.

Последующими мероприятиями о «мобилизации в сельском хозяйстве» правительство ввело в деревне неприкрытую форму барщины. Крестьяне, имевшие меньше 5 га земли, обязаны были в течение пяти дней в неделю «помогать» помещикам в обработке их земли и на уборке урожая.

Чтобы усилить выкачивание продовольствия из деревни, под давлением немцев в апреле 1943 г. вице-премьер-министр М.Антонеску разработал план принудительного объединения всех «хлеборобов» в так называемые «сельскохозяйственные ассоциации». Однако положение в сельском хозяйстве Румынии было слишком тяжелым, чтобы его можно было исправить подобного рода мероприятиями.

Общая экономическая разруха в стране, постоянные мобилизации и реквизиции привели к тому, что сельское хозяйство Румынии стояло перед катастрофой. Даже по официальным данным, более трети румынских крестьян вообще не имело рабочего скота. Многие крестьяне разорялись, и за их счет происходило обогащение помещиков.

В августе 1943 г. хорватская газета «Нова Хрватска» опубликовала корреспонденцию своего сотрудника, посетившего Румынию. Автор статьи отмечает, что румынская деревня заметно обезлюдела. «Очень многих крестьян, — пишет он, — которые еще два года назад обрабатывали землю, пахали, сеяли, убирали хлеб, сейчас нет в живых». Большинство женщин-румынок носит траур. У многих из них погибло по нескольку сыновей и мужья. Корреспондент отмечает, что в Румынии, «население которой всегда было веселым», солдаты совершенно не поют песен. «На каждом шагу, — продолжает автор, — встречаешь раненых. Сколько людей потеряли румыны в войне против России – об этом станет известно только после ее окончания». Корреспондент пишет о тяжелом финансовом положении страны, которое власти пытаются улучшить за счет налогов и бесконечных штрафов, доходящих нередко до 5 тыс. лей. В стране, по словам корреспондента, процветают коррупция, спекуляция, взяточничество. Несмотря на всеобщую мобилизацию, в городах очень много «бездельников, проводящих целые дни в ресторанах. С помощью подкупов и взяток им удается избегать призыва в армию».

Происходило массовое бегство крестьян в города с надеждой, что здесь можно будет получить хотя бы какую-нибудь норму продовольствия по карточкам. По данным газеты «Универсул», в одном только Бухаресте летом 1942 г. находилось 200 тыс. бежавших из деревень крестьян. Полиция, устраивая облавы, под конвоем отправляла их обратно.

Тяжелое положение трудящихся, которое вызывало проявившиеся в различных формах протесты с их стороны, не могло не беспокоить правящие круги Румынии. На заседании Совета министров 2 марта 1943 г. отдельные члены правительства обращали

внимание на то, что трудящиеся живут «в исключительно бедственных условиях».

В 1942 и 1943 гг. румынские газеты пестрели сообщениями о самоубийствах на почве нищеты. Так, газета «Универсул» сообщала, что в течение июля 1942 г. в Бухаресте отмечено 26 самоубийств на почве трудных материальных условий, преимущественно среди молодых женщин. По тем же причинам возросла преступность, увеличилась проституция. В газетах участились сообщения о случаях подбрасывания к подъездам богачей грудных детей. В оставленных с ними записках несчастные матери сообщали, что вынуждены так поступать из-за угрозы голодной смерти.

Маршал Антонеску неоднократно жаловался в Берлин на то, что немецкие войска в Румынии требуют слишком много румынской валюты. Так, в письме фельдмаршалу Кейтелю 8 февраля 1942 г. он писал, что за период с октября 1941 г. по март 1942 г. для своих войск численностью в 34 тыс. солдат и офицеров немцы потребовали около 12 млн лей, тогда как румынская группировка, находящаяся западнее Днестра, численностью в 340 тыс. человек израсходовала только около 14 млн лей. Далее в письме Кейтелю Антонеску жаловался, что немецкие войска по дешевке скупают и вывозят в Германию слишком много мяса и других продуктов, но на свои товары немцы подняли слишком высокие цены. По данным Министерства финансов Румынии, к 22 апреля 1942 г. германское командование задолжало румынскому правительству плату за военные поставки на сумму в 1400 млн лей.

Главное экономическое богатство довоенной Румынии состояло в нефти, добыча которой в годы войны постоянно сокращалась. И даже в этих условиях Румыния должны была экспортировать нефть в Германию и ее сателлитам, о чем свидетельствует следующая таблица (в тоннах и процентах)[11].

Годы	1936		1941		1942		1943		1944	
	8703		5495		5648		5266		3468	
Германии			2680	65,8%	2165	64%	2511	79,5%	673,9	91,9%
Италии			761	18,7%	872	25,5%	391	12,3%	3,2	—
Богемии и Моравии			204,7	5,0%	27,2	0,8%	—		—	—

В годы войны засилие иностранного капитала в нефтяной промышленности Румынии было полным. При общей сумме акций на октябрь 1944 г. в 11 млрд лей иностранцам принадлежало ценных бумаг на 9 млрд лей. Больше всего акций в 1944 г. принадлежало Англии, Франции, Бельгии и Нидерландам — 45%, Германии — 15% — Румынии — 16%[12].

Введя свои войска в Румынию, немцы практически господствовали в ее нефтяной промышленности: на большинстве нефтеперегонных заводов сменили директоров, на средства Румынии построили 6 резервуаров в Чернавода и трубопровод от Плоешти до Джурджу (136 км).

В тяжелом положении находилось и сельское хозяйство страны. Тракторами обрабатывалось лишь 15% пахотной площади, т.е. 1 трактор приходился на 1400 га земли, сеялка — на 314 га, косилка — на 630 га, комбайн — на 75300 га. Даже в таких условиях значительная часть продовольствия вывозилась прежде всего в Германию: например пшеницу стоимостью в 41 млн лей в 1941 г. до 75 млн лей в 1942 г.[13]

В январе 1942 г. было подписано новое соглашение, которое предусматривало увеличение экспорта румынской нефти в Германию в 1943 г. до 4 млн т. В ходе войны румынская нефть имела для Германии жизненно важное значение. В докладе на уже упоминавшемся совещании в Мюнхене 7 ноября 1943 г. генерал Иодль вынужден был заявить, что захват противником румынских нефтяных месторождений имел бы для Германии смертельный исход. Всего же к началу 1943 г. из государственного бюджета Румынии Германии было выделено 35 млрд лей. А в конце 1943 г. из Берлина потребовали для обеспечения немецких войск в Румынии на май - сентябрь 1944 г. выделить еще 65 млрд лей.

С 1940 г. по 1944 г. гитлеровцы вывезли из Румынии 10,3 млн т нефти и нефтепродуктов, а также 1379 тыс. т зерна. Вся внешняя торговля страны находилась в полной зависимости от Германии и других стран фашистского блока. Если их доля в румынском экспорте в 1940 г. составляла 63,6%, то к 1944 г. она выросла до 98%.

Из-за неравноправного партнерства в торговле и в финансовых расчетах с Германией румынская экономика потеряла 446 млн долларов в ценах 1938 г. Экономический грабеж гитлеровцев стал главной причиной растущей инфляции. К декабрю 1943 г. цены в стране выросли в 10 раз.

Как следствие полной экономической зависимости румынской экономики от германских монополий денежный оборот страны к концу 1940 г. составлял уже 215 млрд лей, т.е. увеличился на 344%. Если в конце 1940 г. Германия должна была Румынии по клиринговым расчетам 105 млн лей, то к 22 июля 1944 г. этот долг достиг 35 млрд лей.

Экономика Венгрии, поставленная еще в первый год войны на службу Германии, по-прежнему продолжала быть важным фактором в военно-экономическом потенциале гитлеровской Германии. В Венгрии и на оккупированных ею территориях Словакии и Югославии в годы войны производилось 30 — 35 млн ц хлеба, из них более 1/3 шло в Германию. Например, в 1943 г. из Венгрии было вывезено до 8 млн т зерна. Примерно 1/3 ввозимого количества жиров и мяса Германия также получала из Венгрии[14]. На удовлетворение нужд Германии была перестроена также вся работа вен-

герской промышленности. Известно, что Венгрия занимала после Франции второе место в Европе по добыче бокситов. До войны она составляла 552 тыс. т и к 1942 г. достигла 1 млн т. Свыше 3/4 добываемых в Венгрии бокситов шло в Германию.

В стране выплавлялось до 1 млн т стали, добывалось свыше 1 млн т каменного и 10 млн т бурого угля. В течение 1942 г. возросло производство цветных металлов. Быстро расширялась добыча нефти. Эксплуатация венгерских нефтяных богатств началась незадолго до войны. В 1936 г. было добыто всего лишь 2 тыс. т. В годы войны были открыты новые богатые месторождения нефти на Большой Венгерской низменности и в Северной Трансильвании, благодаря чему добыча нефти в 1943 г. увеличилась до 1 млн т. Почти вся она также вывозилась в Германию, составляя 10% добычи нефти и производства синтетических нефтепродуктов в Германии и контролируемых ею странах Европы.

Уже в первые годы войны Германия поставила под свой контроль всю венгерскую промышленность главным образом путем создания различных смешанных немецко-венгерских предприятий. Так, в 1942 г. был основан ряд смешанных немецко-венгерских предприятий в военной промышленности, таких, как заводы взрывчатых веществ в Секеш-Фехервар, алюминиевые и прокатные заводы в Айта, авиационные заводы «Данубия» в Будапеште, венгерские заводы «Мессершмидт» в Дьере, венгерские заводы точной механики и оптики в Будапеште и др. Уже в 1943 г. известный германский концерн «Герман Геринг верке» установил тесную связь с государственным металлургическим заводом в Диошдьере и с крупнейшим в Венгрии военно-промышленным комбинатом «Манфред Вейс» в Чепеле. Германский капитал активно проникал в венгерскую промышленность и путем так называемого технического сотрудничества.

Выкачивая огромные национальные богатства венгерского народа для военных нужд, Германия обещала расплатиться после войны. Германская задолженность Венгрии уже во второй половине 1943 г., как заявил бывший президент Венгерского национального банка Бараньяи, составила 1600 млн пенга, т.е. около 300 млн долларов. Все это тяжким бременем ложилось прежде всего на плечи трудящихся, положение которых в годы войны стало исключительно трудным. К весне 1943 г. из-за нехватки зерна дневная норма выдачи хлеба была снижена до 160 г. Пожалуй, это была самая низкая норма из всех гитлеровских сателлитов. В самой Германии в то время хлебная норма составляла 250 г, и тем не менее все новые и новые эшелоны с венгерским хлебом шли в Германию. Из-за нехватки рабочих рук, сельскохозяйственных машин, лошадей и удобрений катастрофически падало сельскохозяйственное производство. Да и сами крестьяне не были заинтересованы сеять больше, чем им нужно было для удовлетворения их собственных нужд. Государственным органам снабжения с большим трудом удавалось выкачивать из деревни обязательные поставки. В марте 1943 г. министр снабжения Лайош Сас угрожал, что «крестьяне, которые по небрежности или по другим причинам не выполняют своих обязанностей в отношении государства, будут безжалостно наказываться».

Немецкая задолженность Венгрии уже к концу 1940 г. составила 140 млн марок. Правительство Хорти покрывало эти ассигнования за счет инфляции. В последующие годы ограбление венгерской экономики усиливалось. В период оккупации с марта до середины октября 1944 г. в Венгрии немцы изъяли товаров на 1900 млн марок. Кроме того, фашистское венгерское правительство обязалось выплачивать огромные суммы на содержание немецких оккупационных войск.

Болгария, как и Румыния не была оккупирована немецкими войсками и формально оккупационных расходов не несла. Однако на ее территории дислоцировалось немало войск: в октябре 1943 г. — 10700, в ноябре 1944 г. — 22015 человек. Если иметь в виду, что в 1942 г. в среднем на одного немецкого военнослужащего приходилось в месяц 10311 левов (тогда как оклад болгарского посла составлял 8560 — 9900 левов), то на их содержание правительство Филова выделяло крупные денежные суммы.

В декабре 1941 г. Совет министров Болгарии разрешил выделить около 58 млн левов на содержание и лечение 2 тыс. немецких и 300 итальянских военнослужащих на территории Болгарии. На «подарки» немецким и болгарским солдатам в течение 1942 - 1943 гг. было израсходовано около 8 млн левов. Кроме того, немецкие военнослужащие вывозили из Болгарии все, что вздумается, ибо пограничные пропускные пункты контролировались служащими гестапо. Лишь в начале 1944 г. к контролю были допущены болгарские офицеры, но им не разрешалось проверять немецкие автомашины, воинские эшелоны и самолеты.

Правители Болгарии, опасаясь официально объявить войну Советскому Союзу, вели ее на деле в том смысле, что вся болгарская экономика была поставлена на службу военным целям Германии. «Экономически Болгария превратилась в придаток Германии, — писал в 1943 г. лидер болгарских коммунистов Г.Димитров. — ...Вся экономическая политика теперешних болгарских правящих кругов подчинена германским целям. Это означает закрытие ненужных Германии предприятий, приспособление сельского хозяйства к нуждам немецкой промышленности, т.е. производство сырья и полуфабрикатов для Германии. Это означает ликвидацию самостоятельного индустриального развития Болгарии, превращение ее в колонию Германии, что неизбежно приводит и к полному национальному порабощению болгарского народа».

С поражением германских войск на Востоке роль Болгарии как важного поставщика сырья для военной промышленности и продовольствия увеличивалась. Гитлер требовал от Болгарии увеличения ее экономических усилий для помощи Германии. В это время германские власти усилили не прикрытый никакими ширмами грабеж народного хозяйства Болгарии. Одним из методов такого грабежа

было клиринговое соглашение, которое, как указывалось выше, устанавливало систему безналичных расчетов в торговле между Болгарией и Германией явно в интересах германского капитала. Болгария была поставлена в такое положение, что всю ее внешнюю торговлю монополизировала гитлеровская Германия, которая в течение войны держала 72,5% болгарского импорта и 79,2% экспорта[15]. В результате систематического сокращения объема болгарского импорта (в 1943 г. почти наполовину от уровня 1939 г.) и увеличения экспорта в Германию (в 1942 г. — на 17% и в 1943 г. — на 13% выше, чем в 1939 г.) непрерывно возрастали германские долги Болгарии[16]. Если на 31 декабря 1942 г. они составляли около 13500 млн левов, то на тот же период 1943 г. — более 20300 млн левов.

К 1943 г. германский капитал сумел проникнуть почти во все отрасли народного хозяйства Болгарии. Он был монополистом добычи свинца, цинка и другого ценного для военной промышленности сырья в Южной Болгарии. Такие крупные германские концерны, как «Герман Геринг верке», «АЕГ», «Сименс», «ИГ Фарбениндустри», «Балкантабак» и другие, опутали своими сетями всю экономику страны.

Широкий доступ в Болгарию получил также германский банковский капитал, особенно такие банки, как берлинский «Дейче банк» и «Дрезденер банк», которые захватили в свои руки операции по кредитованию многих важных промышленных и торговых предприятий и установили контроль над крупнейшими болгарскими банками.

Министр торговли Н.Захариев в начале 1943 г. вынужден был заявить в парламенте: «Болгарская экономическая жизнь на 90%, я бы сказал на 99%, зависит от Европы», т.е. от Германии[17]. Для ограбления народного хозяйства Болгарии немцы широко использовали такой испытанный ими метод, как махинации с курсом марки к болгарскому леву. Еще до войны было установлено, что 1 марка соответствует 33 левам. Этот курс оставался таким же на всем протяжении войны, несмотря на значительное обесценение марки. Обманывая своего партнера, гитлеровцы произвольно устанавливали заниженные цены на болгарские товары и завышенные — на товары, ввозимые из Германии. Например, себестоимость одного кг винограда составляла 9—10 левов, немцы же брали по 7—8 левов; себестоимость одного литра ягодного сока составляла 7—8 левов, а немцы платили 5—6 левов.

Гитлеровцы, чувствуя себя хозяевами Болгарии, сами определяли, какие отрасли промышленности следует поддерживать в первую очередь. В сельском хозяйстве они требовали развития прежде всего технических культур, например хлопка и других. В результате такого одностороннего развития сельское хозяйство Болгарии переживало острый кризис. Сокращались посевные площади. Уменьшался валовый сбор сельскохозяйственной продукции, который в 1942 г. составлял менее половины от уровня 1939 г. Если в

1939 г. на душу населения приходилось 474 кг сельскохозяйственной продукции, то в 1942 г. — всего лишь около 220 кг. Из-за отсутствия удобрений и машин уменьшился урожай зерновых (в 1939 г. 13,7 ц, в 1940 г. — 9,9 ц, в 1941 г. — 8,9 ц и в 1942 г. — 6,2 ц, с га)[18]. Несмотря на все уменьшающийся валовый сбор зерновых, экспорт болгарской сельскохозяйственной продукции увеличивался. Все это происходило за счет недоедания болгарских трудящихся. Газета «Народна воля», издававшаяся на болгарском языке в США, опубликовала ряд писем из Болгарии, полученных ею в 1942 г. В одном из них говорилось: «Почти 60% населения носит деревянные башмаки, т.к. совершенно исчезла подошвенная кожа; едим только кукурузный хлеб». В другом письме автор писал: «Мы буквально голодаем. Три дня в неделю даже не получаем хлеба. Вы, очевидно, не верите, что в аграрной Болгарии можно лишить население хлеба... Все забирается и поглощается ненасытным гитлеровским чудовищем...»[19]

Летом 1942 г. болгарское правительство предложило всем крестьянам сдать в «Продэкспорт» все зерно, оставив на каждого работающего по 400 г в день[20]. Еще в июне 1941 г. правительство ввело два так называемых «безмясных» дня в неделю, когда запрещалось потребление мяса, и два «полумясных», когда разрешалось есть только баранину. В декабре 1942 г. число дней, в которые абсолютно запрещалось потребление мяса, было увеличено до трех в неделю[21]. Крестьянство сопротивлялось антинародным мероприятиям правительства.

Филов в одной из своих речей в октябре 1942 г. признавал, что народ не поддерживает его политики. Например, в Пловдивском, Пазарджикском, Хасковском, Видинском, Плевенском и других краях налоговым органам к октябрю 1942 г. удалось собрать лишь 50% зерна от запланированного количества, а в ряде сел было собрано лишь 20%. В селах нередко имели место серьезные столкновения между крестьянами и правительственными продовольственными отрядами. Скотоводы угоняли в горы скот, чтобы избежать реквизиции, они скрывали шерсть, а сдаваемую шерсть мочили водой, чтобы тяжелее весила. В одном из сел близ Софии власти подвергли репрессиям 800 крестьян за отказ сдавать молоко[22]. Экономическое положение ухудшилось еще и потому, что необходимо было оплачивать содержание расположенных в стране германских войск. В 1942 г. Болгарский банк выплатил на эти цели более 1,5 млрд левов, в 1943 г. на 200 млн левов больше[23].

Немецкие оккупанты грабили национальные богатства страны путем отправки неограниченного количества посылок в Германию. Если болгарскому гражданину в пределах страны разрешалось посылать лишь 2 кг, то немцам — неограниченное количество посылок с освобождением от пошлин.

Тяжелым бременем на плечи болгарских трудящихся ложилась оккупация болгарскими войсками югославской Македонии и греческой Фракии. Эти районы еще в 1941 г. были захвачены и ограб-

лены немцами. Когда немного позже была установлена болгарская администрация, она вынуждена была обменять по официальному курсу огромное количество немецких оккупационных марок, имевшихся у населения, на левы. Кроме того болгарское правительство взяло на себя часть государственных долгов и задолженности банков Югославии и Греции. Болгария вынуждена была также финансировать ряд македонских рудников и предприятий, продукция которых шла непосредственно в Германию.

Чтобы заменить германские войска на Балканах, болгарское правительство держало большие вооруженные силы. Лишь в 1942 г. было мобилизовано более 260 тыс. человек. Непомерно росли военные расходы, которые в 1943 г. составили около 14,5 млрд левов, т.е. 1/4 общей суммы бюджета[24]. Для их покрытия правительство прибегало к увеличению налогов на трудящихся. Усиливалась инфляция, а с ней ширились черный рынок и спекуляция. Разумеется, от хозяйственной разрухи страдал прежде всего простой народ. Что мог купить рабочий, получавший от 45 до 150 левов в день, если в начале 1943 г. 1 кг муки стоил 100 левов, 1 кг масла — 500 левов, обувь — 2—6 тыс. левов и т.д.[25]

Грабительская политика германского капитала в Болгарии проводилась при активном участии и сотрудничестве болгарских правящих кругов и содействовала военным усилиям гитлеровской Германии в войне против Советского Союза.

В справке об оценке экономического вклада оккупированных стран на июль 1943 г., составленной немецким экономическим управлением, подчеркивалось, что оккупированные страны очень усилили производственную мощность военной промышленности Германии. Вместе с тем отмечались следующие трудности:

— слабая готовность населения работать на Германию;

— наличие различий в организации экономики — большевистская система на Востоке и свободное предпринимательство на Западе;

— разная экономическая структура;

— нехватка рабочей силы.

Отмечалось также, что продовольствие Германия импортирует из Франции, Голландии, Бельгии, Норвегии, Дании, протектората, генерал-губернаторства, из восточных районов и прочих; промышленное сырье и товары Германия получает из Франции, Голландии и некоторых других стран; рабочую силу — из Франции, Голландии и других стран.

Германия применяет следующие методы использования экономики других стран:

— немецкие специалисты сами управляют предприятиями (государственные предприятия на Востоке, торговые общества «Восток» и использование промышленных монополий);

— управляют сами предприниматели по немецким директивам (чаще на Западе, в протекторате, Норвегии и на Балканах);

— немцы покупают предприятия в оккупированных странах на свободном рынке (покупки учреждениями и отдельными военнослужащими и на «черном рынке»)[26].

В этой же справке говорилось, что упомянутые страны удовлетворяют потребность Германии в зерне на 18,2 процента, в мясе — на 22,5 процента и в жирах — на 18,5 процента. На первом месте в обеспечении Германии продовольствием стоят оккупированные территории Советского Союза: в зерне удовлетворяют потребность — 9,1 процента, в мясе — 10 процентов и в жирах — 13,8 процента[27].

Наконец, одной из целей экономического ограбления, которая меньше всего рекламировалась, но прямо вытекала из расистской теории фашизма, была ликвидация материальной основы нормальной жизнидеятельности целых народов, которые принадлежали, по фашистской терминологии, к «низшим» расам. Им были уготованы самые примитивные условия существования, которые могли бы обеспечить лишь эксплуатацию их как рабочей силы. Однако в своей предсмертной агонии фашизм показал человеконенавистническое лицо не только в отношении других народов, но и своего собственного — немецкого народа.

Цели экономического ограбления вытекали из самой природы фашизма. Они являлись вопиющим нарушением общепринятых норм международного права, закрепленных во многих международных актах. С точки зрения международного права экономическое ограбление оккупированных стран, как известно, являлось, по существу, взиманием контрибуций. Политическая и юридическая природа подобных экономических санкций гитлеровских оккупантов по отношению к странам — жертвам агрессии опиралась на империалистическое «право победителя». Вот почему экономическое ограбление гитлеровской Германией оккупированных стран квалифицируется как противоправное действие.

Подобные экономические цели имели такой же авантюристический характер, как политические и военные цели фашизма, ибо они выходили далеко за рамки экономических возможностей самой гитлеровской Германии и разрабатывались при полном игнорировании твердой решимости народов отстоять свою свободу и независимость без учета силы экономической мощи Советского Союза, США и других стран антигитлеровской коалиции.

Планы экономического порабощения жертв будущей агрессии разрабатывались в Берлине задолго до начала военных действий. Тогда же начали формироваться и соответствующие экономические органы и учреждения. Активное участие в них приняли представители германских монополий.

Как известно, с 1933 г. и особенно после 1935 г. гитлеровская Германия начала открытую подготовку к новой войне и предприняла перестройку своей экономики на военный лад. Важнейшим верховным органом по руководству экономической подготовкой войны и в последующем органом использования материальных ресурсов

оккупированных стран стало Управление имперского уполномоченного по принятому в 1936 г. так называемому «четырехлетнему плану» во главе с Г.Герингом. Вручая представителям монополий в том же году соответствующий меморандум, Гитлер подчеркивал, что внутренние возможности Германии для увеличения военного производства исчерпаны и что дальнейшее развертывание военной экономики можно будет обеспечить только путем захвата других стран и использования их экономических мощностей.

Грабежом захваченных стран руководили также Министерство народного хозяйства во главе с В.Функом, Министерство вооружения и боеприпасов во главе с Ф.Тодтом (с февраля 1942 г. министром стал А.Шпеер, а с сентября 1943 г. это министерство стало именоваться Министерством вооружения и военного производства) и Экономический штаб верховного командования вермахта во главе с генералом Г.Томасом.

Главные взоры гитлеровские заправилы обращали на богатства Советского Союза. Вот почему «Генеральный план Ост» предусматривал не только ликвидацию государственного и общественного строя в СССР и физическое уничтожение миллионов советских людей, но и экономическое ограбление страны, превращение ее в сырьевой придаток Германии, в источник дешевой рабочей силы для обеспечения будущих военных авантюр.

О том значении, которое придавали главари Германии экономическим проблемам на Востоке, свидетельствует тот факт, что в плане «Барбаросса» имелся специальный экономический раздел под названием «Ольденбург». Сформулированные в нем цели и задачи получили более детальную разработку в «Зеленой папке» Геринга, как обычно именуют «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупируемых восточных областях».

Обеспечение эффективного использования экономических ресурсов захваченных стран стало одной из основных функций всей системы оккупационных органов. Кроме того в каждой из оккупированных стран существовали специальные экономические учреждения, которые подчинялись непосредственно Герингу. Ему же указом Гитлера от 29 июня 1941 г. была предоставлена высшая военно-экономическая власть на оккупированных территориях Советского Союза. Рабочим органом Геринга на Востоке был «Восточный штаб экономического руководства», созданный на базе штаба «Ольденбург». Главная задача этого штаба состояла в том, чтобы при поддержке местных коллаборационистов максимально реквизировать и вывезти запасы сырья и продовольствия из захваченных районов СССР. Координацию мероприятий военных и гражданских властей по экономическим вопросам осуществлял генеральный инспектор «по конфискации и использованию сырья в оккупированных восточных областях», учрежденный директивой Геринга от 6 сентября 1941 г.

Общую политику Германии по использованию рабочей силы из оккупированных стран осуществляло ведомство имперского уполномоченного по использованию рабочей силы во главе с Ф.Заукелем, созданное в марте 1942 г. Экономическому штабу ОКВ подчинялись военно-экономические инспекции групп армий. Эти органы также принимали активное участие в грабеже оккупированных стран для снабжения войск и налаживания военного производства.

В составе Восточного министерства имелось специальное экономическое управление, в рейхскомиссариатах — отделы по использованию рабочей силы, земледелия и продовольствия и главная экономическая палата. В генеральных округах и районах существовали экономические уполномоченные.

В составе управлений рейхскомиссариатов Нидерландов и Норвегии, а также при протекторе в Чехии и Моравии, генерал-губернаторе в Польше, в военной администрации во Франции, Бельгии, Сербии также существовали экономические отделы с многочисленным штатом специалистов.

Непосредственную эксплуатацию экономических ресурсов оккупированных стран осуществляли многочисленные отделения и филиалы крупнейших германских монополий. Так, в Польше 15 октября 1939 г. было создано отделение Центрального опекунского ведомства «Восток» для генерал-губернаторства. Мощные германские монополистические объединения взяли под свою «опеку» целый ряд отраслей польской промышленности. «Опека» была специфической формой отчуждения польской собственности, что в меньших масштабах наблюдалось в других оккупированных странах, не считая аннексированных территорий.

Для использования в интересах Германии предприятий тяжелой промышленности на Украине был образован восточный филиал концерна «Герман Геринг». В Литве действовало свыше 60 немецкий фирм и обществ, в Эстонии — 160. Все торговые предприятия и предприятия по первичной обработке сельскохозяйственного сырья на оккупированных территориях СССР находились в ведении государственного монопольного Центрального торгового общества «Восток» (ЦТО), созданного в июле 1941 г. К 1943 г. оно имело 30 коммерческих отделов с 200 отделениями. В центральной организации общества было занято 7 тыс. имперских служащих. Была также создана разветвленная сеть банков. В середине 1942 г. в Ровно был открыт Центральный эмиссионный банк Украины с отделениями в крупных городах. Организованы Украинский союз хозяйственных банков, прибалтийские филиалы Дрезденского, Коммерческого и других немецких банков. Всего оккупанты создали около 30 обществ и компаний.

В Берлине придавали особое значение использованию экономической мощи Франции для дальнейшего расширения войны в Европе. По этому поводу руководитель экономического департамента германского МИД Вилль в своем меморандуме от 19 ноября 1940 г. подчеркивал: «Мощность промышленности неоккупированной Франции должна быть полностью использована для военных заказов Германии, например, для производства зенитных орудий,

авиамоторов, химических военных средств. Французское правительство в принципе согласилось на добровольной основе на прием таких заказов... Если сейчас Франция не приступит к выполнению программы вооружений, то наша программа может быть поставлена под вопрос»[28].

После Сталинграда произошла переориентировка промышленности Франции с Германии на США, а после высадки союзников на севере Африки начался период так называемой «дарланизации», т.е. политики, предусматривавшей сохранение вишистских порядков, но под покровительством Соединенных Штатов. Такое развитие событий во Франции вызвало серьезное беспокойство в Берлине. Заместитель секретаря компартии Франции Ж.Дюкло дал следующую оценку франко-германскому экономическому сотрудничеству в годы Второй мировой войны: «Экономическое сотрудничество французских капиталистов с их немецкими коллегами составляет один из самых отвратительных эпизодов фашистской оккупации Франции»[29].

Франция была крупнейшей из оккупированных гитлеровцами стран. Она имела мощную промышленную базу, которую немцы стремились максимально использовать для своих военных целей. Об этом, например, свидетельствуют данные, опубликованные в сентябре 1944 г. руководителем Управления экономической деятельностью США в иностранных государствах Кроули. Согласно этим данным, промышленность Франции обеспечивала германские вооруженные силы более 5% самолетов, более 12% авиамоторов, 10% паровозов, свыше 20% грузовых автомобилей и т.д.[30]

Немецкие оккупанты во Франции, как и в других оккупированных странах, закрывали все невоенные предприятия, чтобы рабочую силу перебросить на военное производство или вывезти в Германию. Около 10 тыс. французских предприятий, не представлявших интереса для военной экономики Германии, были закрыты.

Оккупанты продолжали проводить так называемую «концентрацию», т.е. подчинение французской промышленности немецким монополиям, начатую еще в 1940 г., и «рационализацию», т.е. ликвидацию мелких предприятий.

К 1943 г. особенно острой для французской экономики стала проблема сырья. Довоенные запасы сырья быстро иссякали, а пополнять их не было возможности. Например, запасы текстильного сырья в 1942 г. составляли всего 25% от уровня 1938 г., а в 1943 г. — всего 10—15%[31]. Страна переживала тяжелый топливный кризис. По данным английского журнала «Экономист», поместившего в июле 1943 г. специальный обзор экономического положения Франции, лишь 40% добываемого угля было выделено для потребления в стране, остальное вывозилось в Германию[32].

В связи с нехваткой горючего был парализован автотранспорт. Автомашины стали переводить на газогенератор. Автомобильная и авиационная промышленности реорганизованы в соответствии с интересами и нуждами Германии; вся их продукция шла для обеспе-

чения немецких вооруженных сил. За годы оккупации автомобильный парк Франции сократился в несколько раз. Так, если в 1940 г. в стране насчитывалось 2300 тыс. автомашин, то в 1942 г. осталось всего 300 — 400 тыс. машин[33]. Франция была также лишена большей части своего торгового флота. Вдвое по сравнению с довоенным уровнем пало производство электроэнергии (1938 г. — 18 млрд, 1942 г. — 9,95 млрд)[34].

Катастрофически пала выплавка чугуна и стали, о чем свидетельствует следующая таблица:

Среднемесячная выплавка чугуна и стали
(без Эльзаса и Лотарингии)
(в тыс. тонн)

	1939 г.	1942 г.	1943 г.
Чугун	620	132	177
Сталь	657	179	194

Как видно, выплавка чугуна и стали в 1943 г. немного увеличилась по сравнению с 1942 г., что было связано с огромными потребностями Германии в металле в связи с поражениями на восточном фронте. Но она далеко отставала от довоенного уровня[35]. К концу 1943 г. во Франции работали всего 29 домен из 107, действовавших в 1939 г.

Положение с металлом было таким тяжелым, что уполномоченный по распределению чугуна и стали во Франции вынужден был обратиться с призывом производить лишь самые необходимые работы по ремонту машин.

Таким образом, несмотря на то, что после капитуляции в 1940 г. Франция не вела войны, тем не менее ее промышленность испытывала такие же специфические трудности, какие обычно присущи промышленности воюющих стран, а именно: непрерывное истощение запасов, острый недостаток промышленного сырья и топлива и износ оборудования при невозможности его модернизации.

В чем же кроются причины такого явления?

Прежде всего, основная причина состоит в том, что германские оккупационные власти безжалостно грабили национальное достояние Франции. По праву победителей они увозили машины, станки, забирали сырье, топливо, транспортные средства. Во-вторых, германские оккупанты, стремясь максимально использовать французские предприятия, совершенно не заботились об обновлении изношенных станков и оборудования. В-третьих, за годы оккупации постоянно падала производительность труда из-за устаревшего и изношенного оборудования, а также в силу тяжелых материальных условий жизни рабочих. В-четвертых, значительный ущерб французской промышленности нанес усилившийся с первой половины 1942 г. угон в Германию квалифицированной рабочей силы. И на-

конец, в-пятых, с 1942 г. участились налеты англо-американской авиации на многие промышленные центры Франции, занятые производством военной продукции для германской армии.

К 1943 г. французская промышленность была в такой степени парализована, что, как писала 16 февраля 1943 г. газета «Франкфуртер цейтунг», с народнохозяйственной точки зрения она уже не приносила никакого дохода.

Далеко не лучше было положение и в сельском хозяйстве Франции. Германская политика во Франции состояла в аграризации этой страны, т.е. в превращении Франции в аграрный придаток Германии. Но это не означало расцвета сельского хозяйства, а наоборот, оккупанты довели французскую деревню до полного разорения.

Правительство Виши установило обязательную обработку всей пахотной земли, но тем не менее посевная площадь в стране сокращалась. Например, посевная площадь под пшеницей в 1942 г. сократилась на 1 млн га от довоенных размеров, т.е. на 20%[36]. В следующем, 1943 году сокращение посевных площадей, в частности под пшеницей, продолжалось при расширении площадей под масличные культуры, сахарную свеклу, лен и другие технические культуры.

В связи с нехваткой рабочей силы, скота, инвентаря и минеральных удобрений, особенно после занятия союзниками Северной Африки, откуда поступали фосфаты, систематически сокращалась урожайность сельскохозяйственных культур.

Несмотря на острую нехватку продовольствия для населения Франции, германские оккупанты постоянно увеличивали свои требования на экспорт продовольствия в Германию. В 1942 г. и начале 1943 г. они реквизировали 6,8 млн квинталей пшеницы, 2,6 млн квинталей ржи, 32 млн яиц, 2,3 млн гл вина. В 1943 г. оккупанты потребовали 8 млн квинталей пшеницы, но вишийские правители при всем своем старании сумели отправить только половину[37]. Это тогда, когда французские трудящиеся буквально голодали. Продовольственные нормы на 1943 г. были установлены в зависимости от категории потребителей крайне низкие, например хлеба — от 100 до 350 г в день и мяса — от 90 до 120 г в неделю[38].

Как результат экономических трудностей росла инфляция, проявлявшаяся, в частности, в росте денежного обращения, составлявшего в 1942 г. 382,8 млрд и в 1943 г. 497,8 млрд франков (в 1940 г. — 218,4 млрд франков).

Широкое распространение получили «черный рынок» (за участие в нем лишь в 1942 г. привлечено к ответственности 200 тыс. человек), а также так называемый «серый» рынок, когда тысячи голодающих жителей городов на велосипедах отправлялись в близлежащие деревни и обменивали там промтовары на продовольствие.

Цены на продовольствие на «черном рынке» были исключительно высокие. Например, в начале 1943 г. 1 кг хлеба стоил 40 франков, 1 сахара — 100 франков, масла — 240 франков,

кофе — 1400 франков. и т.д. К концу 1943 г. эти цены увеличились вдвое. Но это далеко не означало, что крестьянство было в лучшем положении, чем трудящиеся городов. У крестьян действительно было много обесцененных денежных средств, но реализовать их они не могли.

Во Франции, как и во всех оккупированных странах, немцы широко использовали такой метод грабежа, как произвольное установление курса франка по отношению к марке. Стоимость 1 марки была установлена в 20 франков, тогда как ее реальная стоимость не превышала 8—9 франков. Тяжелым бременем на плечи французских трудящихся ложились огромные оккупационные расходы.

В 1942 г. и особенно в 1943 г. немецкие власти потребовали от Франции значительного увеличения расходов на содержание оккупационных войск. В частности, оккупационные расходы, составлявшие в 1940 г. 1750 млн и в 1941 г. — 5550 млн марок, были увеличены в 1942 г. до 8550 млн, а в 1943 г. достигли максимальной суммы — 11100 млн марок. Эта сумма в 1943 г. составляла около половины расходов всех оккупированных Германией стран на содержание немецких войск.

Все это ставило трудящихся Франции в исключительно тяжелые условия жизни. Жизненный уровень народа с каждым годом понижался. По немецким данным, калорийность дневной продовольственной нормы среднего француза в январе 1943 г. составляла 1000 калорий, т.е. половину калорийности в Германии, и после Польши и Италии была самой низкой из всех порабощенных немцами стран.

Тяжелый удар по французскому народному хозяйству и по национальной гордости народа был нанесен массовой «охотой за людьми», организованной оккупантами для отправки трудоспособных французов на работы в Германию. Эта вербовка рабочей силы началась в 1942 г. и особенно усилилась с начала 1943 г. в связи с объявленной в Германии «тотальной мобилизацией», являвшейся следствием огромных потерь гитлеровских армий на восточном фронте.

Весной 1942 г. германские оккупационные власти потребовали от правительства Виши отправить в Германию несколько тысяч рабочих. К июню 1942 г. Лаваль насильно отправил около 50 тыс. рабочих, преимущественно иностранцев, живших во Франции. Вскоре оккупанты потребовали еще 150 тыс. квалифицированных рабочих. Весь полицейский и пропагандистский аппарат правительства Лаваля был мобилизован для вербовки рабочих.

Началась так называемая «кампания замены» (la relève). Ее суть состояла в том, что за каждых трех выехавших в Германию рабочих (позже это число было увеличено до пяти) будет освобожден один французский военнопленный. Особенно ратовавшего за такую комбинацию лавалевского министра Крейслера в народе прозвали Крейслером-Заменой. Французским женщинам, требовавшим освобождения мужей-военнопленных, предлагали не ждать их

дома, а ехать к ним в Германию и там вместе работать на предприятиях.

4 сентября 1942 г. по требованию Заукеля Лаваль издал закон, согласно которому рабочие закреплялись за определенными предприятиями без права перехода и предусматривалась возможность принудительного набора на работы в Германию. Затем был издан приказ о трудовой мобилизации молодежи и установлена трудовая повинность. Заукель с удовлетворением докладывал в Берлин: «Мы теперь законно можем набирать рабочую силу во Франции с помощью французского правительства»[39].

Но вербовочная кампания с треском провалилась: к концу сентября 1942 г. выехало всего 17 тыс. человек. В начале октября 1942 г. Лаваль был вызван в Париж и Абец вручил ему меморандум Гитлера, в котором указывалось о намерении оккупантов распространить германский военный контроль на неоккупированную часть Франции в случае невыполнения германских требований об отправке рабочей силы «в полном объеме и в срок», т.е. 150 тыс. квалифицированных рабочих к 15 октября, а также полной ликвидации антигерманского движения Сопротивления во Франции. Если правительство, говорилось далее в меморандуме, неспособно выполнить эти требования, то в Виши будет назначен специальный германский генеральный комиссар.

С ухудшением военно-политического положения Германии требования оккупантов все увеличивались. В феврале 1943 г. они, например, потребовали отправить в Германию еще 250 тыс. французов, а в апреле того же года — 400 тыс. человек.

Насильственный массовый угон сотен тысяч молодых французов и француженок на германскую каторгу вызвал решительное сопротивление французского народа. Мужественные французские патриоты героической борьбой спасли многие тысячи своих соотечественников от угона в германское рабство. Борьба против мобилизации рабочих в Германию явилась важной составной частью общего движения Сопротивления народа против немецко-фашистских захватчиков и их французских пособников.

Большую выгоду от коллаборационизма с французскими промышленниками имели германские монополии. В разных организациях на территории Франции в интересах Германии работали 600 тыс. французов. Заводы «Ситроен», «Рено», «Алюминиум Франсе» и другие получали немецкие военные заказы; были заключены соглашения о закупке Германией ценного сырья из французских колоний. Использовались и другие формы экономического сотрудничества. Одной из них было бремя оккупационных расходов, которое должна была нести Франция. Поскольку сумма их на переговорах в Ротонде не была определена, то это давало немцам свободу рук на протяжении полутора месяцев. Лишь в августе 1940 г. из Берлина было сообщено, что речь идет об уплате 20 млн рейхсмарок при курсе 1 марка равна 20 франкам.

Анализируя коллаборационизм в годы Второй мировой войны, писал В.Брокдорф, нужно четко различать деятельность уголовных элементов, наносящих ущерб стране, от хозяйственной деятельности, полезной для общества и невозможной без сотрудничества с оккупационными властями.

Германия в лице ее комиссии по перемирию, функционировавшей в Висбадене, даже согласилась на признание «суверенитета» французской администрации на всей территории — оккупированной и неоккупированной, хотя, как показал последующий опыт, все эти уступки оккупантов носили чисто пропагандистский характер, рассчитанный на поддержку прогерманских коллаборационистских сил во Франции.

Этим же целям служило и решение оккупационных властей уважать право собственности. В отличие от других стран, особенно Польши и Советского Союза, оккупанты во Франции не реквизировали в пользу Германии фабрики, заводы и банки, кроме случаев, когда изымались некоторые государственные запасы.

Во Франции заводы автомобильной фирмы «Ситроен» стали филиалом немецкой фирмы «Опель», а знаменитые заводы «Рено» и многие другие предприятия также перешли в руки автомобильных концернов гитлеровской Германии.

Капитуляция Франции в июне 1940 г. подтолкнула руководителей «ИГ Фарбен» поторопиться, чтобы быстро проглотить химическую промышленность этой страны. В разработанных ими планах предусматривалось присвоить не только французские, но и норвежские, голландские, датские и бельгийские химические заводы. Речь шла также об использовании химических заводов в Советском Союзе, особенно после заключения советско-германского договора от 23 августа 1939 г. В список были также включены предприятия нейтральной Швейцарии и союзницы Германии — Италии, а также Англии и США.

Таковы были международные аппетиты «ИГ Фарбен». Но руководство компании считало, что реализацию своих планов следовало бы начать с овладения французской промышленностью, производившей красители. В одном из документов «ИГ Фарбен» отмечалось, что этот план наилучшим образом «обеспечит единое регулирование французского производства и сбыта на все времена».

Но уже через месяц после капитуляции Франции ее химическая промышленность стала испытывать серьезные трудности из-за нехватки угля и электроэнергии. Руководители французской химической промышленности, уже упоминавшиеся выше Ж.Фроссар и Р.Дюшмен, решили установить связи с «ИГ Фарбен», с тем чтобы под предлогом спасения французской химической промышленности полностью подчинить ее Германии. В последующие годы оккупации Франции убежденный коллаборационист Фроссар играл ведущую роль во франко-германском промышленном альянсе. Он был твердо уверен, что Германия войну выиграет, и считал, что коллаборационизм с немцами будет весьма полезен для Франции.

Однако обстановка существенно прояснилась после того, как 24 октября 1940 г. в Монтуаре состоялась встреча Гитлера и Петена, положившая начало официальному межгосударственному коллаборационизму. Секретное соглашение между ними гласило: «Державы Оси и Франция в равной мере заинтересованы в разгроме Англии в возможно короткий срок. Поэтому французское правительство будет в силу своих возможностей поддерживать меры, которые державы Оси могут предпринять в этих целях». В обмен на это Франции было обещано предоставить в новой Европе место, «принадлежащее ей по праву».

Принцип коллаборационизма между двумя странами распространялся на все сферы общественной жизни и, естественно, на экономику, в частности на их частный сектор. Было решено, что правительство Германии не будет конфисковывать французские предприятия, а разрешит компаниям обеим стран договориться между собой на частной и добровольной основе. В соответствии с предварительной неофициальной договоренностью французским компаниям по производству красителей предстояло слиться в единую компанию «Франколор», 51% акций которой должен был принадлежать немцам и 49 — французам. Сбыт продукции этой совместной компании должен был ограничиваться только французским рынком без права на экспорт в другие страны Европы.

Но на следующих официальных переговорах, которые состоялись в Висбадене, где уже работала немецкая комиссия по перемирию с Францией, для представителей французской химической промышленности обстановка обострилась. Немцы ультимативно потребовали 51% акционерного капитала и свой контроль над всем производством и сбытом.

Фроссар, считавший, что Германия уже выиграла войну, пошел на уступки немцам. Но под давлением правительства Виши французские промышленники не посчитались с мнением Фроссара. Спор был возобновлен на очередном совместном заседании в Париже 20 января 1941 г. Через два месяца было официально объявлено о создании объединенной компании «Франколор» и о решении, что «ИГ Фарбен» представит французам компенсацию в виде 1% своих акций, но «ИГ Фарбен» должна получить контрольный пакет в размере 51%. Коллаборационист Фроссар продолжал идти немцам навстречу и по некоторым другим вопросам. В частности, он занялся искоренением всех «неарийских» элементов на французских заводах, что вызвало у немцев полное удовлетворение.

Итак, через год после совещания в Висбадене, соглашении о «Франколор» 14 ноября 1941 г. было подписано. Ее президентом стал Фроссар. В наблюдательный совет кроме немцев вошли четверо петеновских коллаборационистов. На ежегодном собрании акционеров французской компании обсуждение проходило весьма бурно. Один из французских акционеров выразил протест против

уступки «ИГ Фарбен» 51% акций. Во время голосования 50 акционеров проголосовали против, 40 — воздержались.

В последующие годы германская промышленность испытывала острую нехватку рабочей силы. Была предпринята попытка набрать 350 тыс. квалифицированных французских рабочих, но реально выехали в Германию лишь 36 тыс. Фроссар продолжал активно действовать в пользу немцев и при наборе рабочей силы. Как признавали сами немцы, он это делал по собственной инициативе и относился к этому набору не только с пониманием, но и с желанием.

Вскоре благодаря усилиям таких коллаборационистов, как Фроссар, набор рабочей силы из Франции приобрел принудительный характер и достиг огромных масштабов[40].

После этого не французы призывного возраста (некоторое число из которых ранее по системе замены добровольно вызвались работать в Германии, чтобы дать тем самым возможность вернуться домой части уже немолодых военнопленных) были принуждены это делать в обязательном порядке. Эта мера, которой, естественно, воспротивились тысячи юношей, более чем что-либо способствовала распространению так называемых «maquis» («маки») — центров партизанского сопротивления в сравнительно отдаленных районах страны.

Накануне захвата Чехословакии «ИГ Фарбен» подготовила специальное исследование о химических заводах в Судетской области. Речь шла особенно о двух заводах, принадлежавших компании «Ауссигер ферейн». Но в соответствии с Нюрнберскими законами эту компанию можно было отнести к категории еврейских промышленных объединений, ибо 20% ее директоров были неарийцами.

На следующий день после подписания Мюнхенского соглашения глава «ИГ Фарбен» Герман Шмитц в поздравительной телеграмме Гитлеру писал: «Нахожусь под глубоким впечатлением возвращения рейху Судетской области, которого Вы, мой фюрер, добились. "ИГ Фарбен" предоставляет полмиллиона рейхсмарок в ваше распоряжение для использования их на территории Судетской области».

Вскоре начались переговоры с «Ауссигер...» о «покупке» заводов в Судетах. Крупнейший немецкий промышленник и банкир Шницлер объявил представителям «Ауссигера...», что по их вине в области могут начаться «беспорядки» и что Гитлер вполне может использовать это обвинение в качестве предлога для оккупации остальной части Чехословакии. Не получив поддержки своего правительства, директора «Ауссигер ферейна» решили продать свои заводы на грабительских условиях, выдвинутых «ИГ Фарбен». Но это не спасло Чехословакию, и в марте 1939 г. она была оккупирована[41]. Немецкие монополии стали владельцами таких крупных предприятий Чехословакии, как заводы «Шкода» в Пльзене, оружейные заводы «Зброевка» в Брно, металлургические заводы Витковицы и многих других.

В Австрии концерн «Герман Геринг» завладел крупнейшим металлургическим обществом «Альпине-Монтан», присвоил свыше 80% акций автомобильных заводов «Штейер—Даймлер—Пух». Концерн «ИГ Фарбениндустри» захватил многие австрийские химические заводы, а Крупп присвоил Берндорфский завод металлоизделий и ряд других предприятий[42].

Если в Австрии Германия присвоила себе до 60% промышленных предприятий, то в Польше она захватила практически всю промышленность страны — 294 крупных, 9 тыс. средних и 76 тыс. мелких предприятий, а также 9120 крупных и 112 тыс. мелких торговых фирм.

В период острого политического кризиса в отношениях между Германией и Польшей летом 1939 г. «ИГ Фарбен» и здесь стремилась не упустить добычу. Ее руководителями был составлен документ под названием «Важнейшие химические заводы в Польше», в котором перечислялись возможные трофеи. «ИГ Фарбен» особый интерес проявила к трем компаниям по производству красителей — «Борута», «Бола» и «Винника». Председателем последней был Фроссар, ибо «Винника» принадлежала швейцарскому филиалу «ИГ Фарбен» под названием «И.Г.Хеми» и французской компании «Кульман».

В ходе антипольской войны один из руководителей «ИГ Фарбен» — Шницлер — следовал непосредственно за наступавшими войсками вермахта. Своему берлинскому агенту он сообщал, что на польских заводах имеются значительные и ценные запасы первичных, промежуточных и конечных продуктов. «...Мы считаем чрезвычайно важным, чтобы они использовались экспертами в интересах германской национальной экономики. Только «ИГ Фарбен» в состоянии обеспечить услуги таких экспертов».

Через неделю после возвращения в Берлин Шницлер заявил в Министерстве экономики, что руководство работой польских заводов способна взять в свои руки только «ИГ Фарбен». Власти согласились передать названные польские заводы во временное пользование «ИГ Фарбен». Но это не удовлетворило ее руководителей, и они обратились к своему старому покровителю Г.Герингу. Но и ему не удалось помочь своему детищу. Позднее стало известно, что представитель Гиммлера в Польше — бригадефюрер СС У.Грейфельт — был уполномочен налагать вето на любую продажу конфискованной польской собственности, санкционированную ведомством Геринга по четырехлетнему плану. При сложившихся обстоятельствах руководители «ИГ Фарбен» установили дружеские связи с ведомством Гиммлера как министра внутренних дел Германии[43].

В Норвегии и Голландии оккупанты реквизировали большую часть торгового флота и рыболовецких судов. В Югославии германским монополиям военные власти передали десятки крупных предприятий и шахт, а концерн «Герман Геринг» захватил медные рудники Бора, сыгравшие впоследствии важную роль в военном производстве Германии. Так же они поступили и в других оккупи-

рованных странах. Под контролем германских монополий находились целые отрасли промышленности и сельского хозяйства и в странах — сателлитах Германии.

Возьмем, например, состояние экономики Италии. Как известно, и раньше Италия не имела достаточной сырьевой и топливной базы для развития промышленности и транспорта, чем собственно агрессивные силы и пытались оправдать свои захватнические войны. В настоящее время положение еще более ухудшилось. Промышленность оказалась не в состоянии обеспечить нужды фронта. С осени 1942 г. английская авиация начала производить систематическую бомбардировку предприятий итальянской промышленности в районах Милана, Генуи, Турина. Слабая противовоздушная оборона не сумела воспрепятствовать опустошительным разрушениям в результате налетов союзников. Жертвы среди гражданского населения исчислялись к лету 1943 г. в 100 тыс. человек. В 1942 и 1943 гг. заметно снизилась выплавка металла, о чем свидетельствует следующая таблица (в тыс. тонн)[44]:

Годы	Выплавка стали	Выплавка алюминия
1941	2600	47
1942	2500	55
1943	1000	50

Важное значение для итальянской экономики имел торговый флот, насчитывавший до войны свыше 8,5 млн т водоизмещения. Однако к весне 1943 г. он был почти весь потоплен. В результате беспрерывных и почти безнаказанных налетов союзной авиации порты Южной Италии были выведены из строя, железнодорожная сеть разрушена.

Для разгрузки железнодорожного транспорта правительство вынуждено было издавать запрещения на перевозку многих невоенных видов грузов. Значительно ограничивалось пассажирское движение, особенно пригородное, нарушалась регулярность движения. Все это не могло не сказываться на работе промышленности. Транспортные затруднения увеличились в связи с массовой эвакуацией населения из многих промышленных районов Северной Италии, подвергавшихся систематической бомбардировке. Трудности экономической жизни страны повлекли за собой расстройство всей государственной финансовой системы.

С каждым годом увеличивалось бумажно-денежное обращение, как это видно из следующей таблицы. Вот как росло количество бумажных денег на конец года (в млрд лир)[45]:

Годы	Сумма
1941	49,6
1942	73,3
1943	156,6

Развивалась инфляция, которую называли «национальным врагом № 1». Цены увеличивались до баснословных размеров. Со второй половины 1942 г. на ненормированные товары они росли не постепенно, а скачками. Все стремились сбыть бумажные лиры и приобрести реальные ценности.

Чтобы привлечь больше средств от населения для финансирования войны в конце 1942 г. власти ввели так называемые «привилегированные вклады». Это означало, что государство обязывалось после войны «отоварить» эти вклады по выбору вкладчика такими промышленными товарами, как автомашины, велосипеды, радиоприемники, мебель и т.п.

В результате нехватки промышленных товаров и продовольствия создалась благоприятная почва для спекуляции, в которой, как было вскрыто на множестве судебных процессов против спекулянтов и взяточников, были замешаны видные деятели фашистской партии и государственные чиновники. Все эти финансовые трудности прежде всего ударили по рабочему классу, реальная зарплата которого к 1943 г. резко упала. К концу 1942 г. резко упал курс лиры на биржах нейтральных стран: например, в декабре 1942 г. швейцарский франк расценивался в 24 лиры против 16 лир в середине года и 4,5 лиры по паритету[46].

С конца 1942 г. ухудшилось состояние сельского хозяйства Италии. Уменьшение производства искусственных удобрений вызвало сокращение сбора зерновых[47].

	Среднегодовой сбор (в млн ц)		Снижение в период войны (в %)
	1936–1939 гг.	1940–1943 гг.	
Пшеница	75,8	67,8	11
Ячмень	5,7	5,2	9
Кукуруза	29,9	26,9	10

Из сельского хозяйства в армию было забрано не менее 300 тыс. лошадей и мулов, что составляло около 20% их общего поголовья в стране. В 1942 г. валовой сбор зерна снизился на 10% по отношению к 1940 г.[48] Это не могло обеспечить внутренние потребности страны в хлебе. Но нужно учесть, что итальянский хлеб вывозился еще в Германию, что вызывало резкие протесты населения Италии. Правительство предприняло ряд мер, с тем чтобы вывезти сельское хозяйство из катастрофического состояния. Были установлены премии за расширение посевных площадей, проведены меры по мелиорации, обращалось особое внимание на освоение новых земель, по примеру Германии была введена система «наследственного крестьянского двора» и даже был провозглашен план «раздела» помещичьих имений на Сицилии. Однако все эти меры серьезно не изменили положения как в начале войны, так и в последующий период. «Battaglia del grano» («битва за хлеб»), широко

рекламированная фашистским правительством, к весне 1943 г. была явно проиграна.

С каждым годом ухудшалось продовольственное снабжение населения. Введенные в течение 1940–1941 гг. продовольственные карточки отоваривались далеко не полностью. Карточки получало лишь городское население. Нормы питания в 1943 г. заметно уменьшились по сравнению с предыдущими годами, как видно из сравнительной таблицы[49].

	1941 г.	1943 г.
Хлеб, г в сутки	200	150
Сахар, кг в месяц	1	0,5
Макароны, кг в месяц	2	2
Жиры, г в месяц	500	400

В то время, когда трудящиеся голодали и терпели неимоверные лишения, имущие классы и фашистские заправилы обогащались. Даже сама фашистская пресса вынуждена была признать, что «в Италии образовалось два класса: сытые и голодные»[50]. Что касается людских ресурсов для армии и промышленности, то в Италии эта проблема была менее острой, чем, например, в Германии. В Италии было мобилизовано 10% населения, тогда как в Германии было призвано до 20% населения. Большая мобилизация в армию ограничивалась возможностью итальянской военной промышленности обеспечить войска техникой и вооружением. Людские ресурсы позволяли Италии иметь 120–150 дивизий, но в силу указанной причины фактически в сухопутных войсках было не более 80 дивизий[51].

Поэтому значительная часть трудоспособных мужчин могла быть использована в тылу. Тем не менее из-за крайне нерационального использования рабочей силы ведущие отрасли промышленности не были удовлетворены. Для изыскания рабочей силы, в первую очередь для военной промышленности, в конце 1942 г. был создан так называемый Комитет по рационализации промышленности. Но это не спасло положения. Нехватка рабочей силы приняла такие угрожающие размеры, что в январе 1943 г. по примеру фашистской Германии в Италии была объявлена «тотальная мобилизация» всех трудоспособных мужчин в возрасте до 70 лет и женщин – до 55 лет. Декрет о трудовой повинности, принятый в конце января 1943 г., закреплял рабочих за определенными предприятиями без права ухода с работы или перехода на другое предприятие. Всего таким образом было закреплено около 5,2 млн рабочих и служащих.

Используя трудности своего вассала, Германия захватила в свои руки руководство основными отраслями промышленности, особенно военной. Италия попала в полную зависимость от поставок сырья и топлива из Германии. Развитие экономики определяли не итальянские власти, а тысячи германских эмиссаров, наводнивших

страну. Германский капитал проникал в экономику Италии различными путями. Через подставных лиц из нейтральных стран немцы скупали акции итальянских фирм. Германский капитал в годы войны сам непосредственно участвовал в итальянских акционерных обществах. Германские предприниматели успешно вытесняли англо-американский капитал из экономики Италии. Следует также указать на то, что ряд предприятий непосредственно контролировался германским военным командованием в Италии. Немцы подчинили своему контролю все железнодорожное движение страны. Как сообщала английская пресса, уже к весне 1942 г. в Италии работало около 12 тыс. немецких железнодорожников.

Итальянские капиталисты приняли унизительный для страны так называемый «план Функа», разработанный министром экономики фашистской Германии В.Функом и предусматривавший создание «экономической организации Европы» в интересах германского империализма. Они надеялись, что победа Германии обеспечит Италии обширные рынки и оживит итальянскую экономику. Но об этом уже не могло быть и речи. Это задевало национальные чувства не только широких слоев итальянского народа, но и вызывало недовольство национальной буржуазии.

События на восточном фронте, в Северной Африке и в Италии, которые предопределили коренной перелом в войне, вынудили гитлеровское руководство прибегнуть к драконовским мерам в области экономики. В феврале 1943 г. в самой Германии, на территориях ее союзников и во всех оккупированных странах была объявлена «тотальная мобилизация» всех сил и средств на ведение войны. В последующие годы в нацистской империи подобные «тотальные» и «сверхтотальные» мобилизации объявлялись неоднократно, но они не могли вывести Германию из того военно-политического и экономического кризиса, в котором она оказалась в результате поражений на восточном фронте.

Самым тяжелым последствием гитлеровской оккупации стран Европы в экономическом отношении было то, что чужеземные захватчики разрушили на протяжении десятилетий складывавшуюся национальную хозяйственную структуру этих стран, на многие годы отбросили назад развитие народного хозяйства и причинили ему такой ущерб, от которого оно не могло оправиться в течение нескольких послевоенных лет.

В августе 1944 г., когда военное производство Германии переживало пик, экономический вклад оккупированных стран в военные усилия Германи, по состоянию на март 1944 г., оценивался следующими данными (в млн рейхсмарок): Франция — 35060, Нидерланды — 12030, Бельгия — 9300, генерал-губернаторство — 5015, оккупированные восточные территории — 4900, Дания — 4500, протекторат — 2530, Сербия — 2310, Греция — 630 и захваченные вермахтом трофеи — 500. Итого — около 78 млрд рейхсмарок.

В структурном отношении эти данные распределялись следующим образом: по сектору сельского хозяйства поставки составляли сумму 4 млрд рейхсмарок, но с вычетом германских встречных поставок оставалось 3,5 млрд рейхсмарок. По сектору промышленности, по оценке немецких специалистов, этот вклад был незначительным. Так, поставки из СССР сырья составили сумму 725 млн рейхсмарок, но с учетом немецких контрпоставок (машин, станков, приборов и каменного угля) сумма чистых поставок составляла 190 млн рейхсмарок. Кроме того, учитывался вклад перерабатывающей промышленности в обеспечение нужд вермахта (500 млн марок). Таким образом, вклад оккупированных советских территорий по всему промышленному сектору составил 690 млн марок. Что же касается стоимости использования в немецкой экономике труда иностранцев, то она составила 335,5 млн рейхсмарок

Таким образом, по официальным данным Германии, стоимость награбленного германскими оккупантами национального богатства в странах Европы и стоимость использованной их рабочей силы составили в целом сумму 4525 млн рейхсмарок.

К этим данным следует прибавить захваченную оккупантами валюту. В пересчете на рейхсмарки к августу 1943 г. она составила 130,6 млн, из них 17,8 млн рейхсмарки относится к советской валюте.

Особую статью составляет стоимость захваченных трофеев (вооружение и боевая техника, сырье и полуфабрикаты), которая составляла 640 млн марок. Если к этой сумме прибавить стоимость неучтенных трофеев всех видов, то она составит 1 млрд марок). Так, в результате оккупации Чехословакии Германия захватила 1582 самолета, 501 зенитное орудие, 2175 пушек, 785 минометов, 43876 пулеметов, 469 танков, свыше 1 млн винтовок, 114 тыс. пистолетов, 1 млрд патронов, 3 млн снарядов и другие виды военной техники и снаряжения. Оккупанты разоружили и распустили 30 чешских дивизий и их оружием обеспечили 40 своих формировавшихся дивизий. На службу военной промышленности Германии были поставлены многочисленные военные заводы Чехословакии. Только закоды «Шкода» с августа 1938 по сентябрь 1939 гг., по данным Черчилля, выпустили почти столько же военной продукции, сколько все английские военные заводы за тот же период[52].

Вооруженные силы Польши на 1 июня 1939 г. насчитывали 440 тыс. человек и обученных резервистов 1,5 млн человек. В июле 1939 г. Польша располагала 887 легкими танками и танкетками, 100 бронеавтомобилями, 10 бронепоездами, 824 боевыми самолетами всех типов. Военно-морские силы состояли из 4 эскадренных миноносцев, 5 подводных лодок, 6 тральщиков[53].

Вооруженные силы Греции в 1940 г. насчитывали 800 тыс. человек. Техническое оснащение их было слабым. В ходе боев с германскими и итальянскими войсками греки получили часть вооружения от Великобритании. Численность авиации к 1940 г. составляла до 200 самолетов. Военно-морской флот понес большие потери —

10 эскадренных миноносцев, 22 патрульных корабля, 2 подводные лодки и другие корабли. Почти вся эта техника и вооружение оказались в руках оккупантов[54].

В составе румынской армии к 1942 г. было 22 пехотные дивизии, 3 кавалерийских дивизии и другие соединения. Общая численность армии составляла к 1942 г. 1600 тыс. солдат и офицеров. Техническое оснащение армии было пестрое и состояло из устаревших образцов. В годы войны Румынию обеспечивала новым вооружением Германия (автоматами, противотанковыми средствами, минометами). Военно-воздушные силы в 1941 г. состояли из 10 авиаполков, в которых имелось в 1942 г. около 1 тыс. самолетов разных типов. В состав военно-морских сил входили дивизия морских кораблей, дунайская дивизия и другие части. Они имели 2 больших эскадронных миноносца, 2 эсминца, 4 подводные лодки, ряд катеров и мониторов. Все вооруженные силы Румынии были поставлены на службу Германии в ее войне против Советского Союза[55].

Болгария в 1939 г. располагала армией численностью 78 тыс. человек, но в период войны она была увеличена до 500 тыс. Вооружение армии почти все было немецкого производства, танков и бронеавтомобилей было крайне незначительное количество. Военно-воздушные силы в 1942 г. располагали 423 самолетами тоже немецкого производства. В военно-морской флот входили несколько патрульных кораблей, торпедных катеров и сторожевых судов. Подводных лодок Болгария не имела. Часть вооруженных сил Болгарии с апреля 1941 г. несла оккупационную службу и вела боевые действия против партизан в Югославии и Греции[56].

До немецкой оккупации Югославии техническое оснащение югославской армии было пестрым. На ее вооружении находились обыкновенные винтовки иностранного производства. Артиллерия имела пушки, гаубицы и мортиры преимущественно фирмы «Шкода» (Чехословакия) и французской фирмы Шнейдера. Военно-воздушные силы накануне войны имели 600 самолетов главным образом французского и в меньшей мере германского производства. Военно-морской флот состоял из легкого крейсера, 4 эскадренных миноносцев, 4 подводных лодок и других типов судов.

В период войны и оккупации практически вся боевая техника Югославии была захвачена немцами и итальянцами в качестве трофеев. Лишь двум подводным лодкам удалось уйти, и они были включены в состав английского флота. Часть боевой техники и вооружения оккупанты оставили в распоряжении созданных в Югославии коллаборационистских правительств для оснащения их войск и полицейских частей (Хорватии, Сербии и др.)[57].

При захвате Дании вооруженные силы этой страны активного сопротивления вермахту в соответствии с приказом правительства не оказывали. Поэтому армия не была разоружена и никаких военных трофеев захватчики не брали.

Несколько по-иному сложилась ситуация в Норвегии. К моменту начала германской агрессии норвежская сухопутная армия состояла из 15500 человек. И хотя позднее появилась возможность дополнительно призвать 100 тыс. резервистов, она полностью не была использована. В военно-воздушных силах Норвегии насчитывалось 180 самолетов, частично устаревших типов. Военно-морской флот имел 4 корабля береговой обороны, около 30 небольших миноносцев, 9 малых подводных лодок, 11 минных заградителей и другие суда. Страна располагала значительным количеством береговых артиллерийских батарей, оснащенных мощными 280-ти мм и 305-ти мм орудиями. Большинство этой боевой техники и вооружения оказалось в распоряжении победителя[58].

Значительное количество боевой техники и вооружения Германия захватила в ходе кампании на западе против стран Бенилюкса и Франции с поправкой на потери по состоянию на 10 мая 1940 г.

	Франция	Бельгия	Нидерланды
Личный состав (в тыс. человек)	2440	600	350
Танки	2789	—	—
Самолеты боевые	1648	186	120
Артиллерийские орудия (калибра св. 75 мм)	11200	1338	656

Во время англо-французской катастрофы в Дюнкерке в начале июня 1940 г. союзники потеряли огромное количество боевой техники и вооружения. Франция лишилась $^1/_4$ всей артиллерии, трети танков, противник потопил $^1/_5$ часть французских судов. Англичане лишились всей артиллерии, более 63 тыс. автомашин, 500 тыс. т военного имущества и боеприпасов, было потоплено 224 английских судна, в том числе 6 эсминцев, потеряно 106 самолетов. Трофеи явились серьезным подспорьем в обеспечении военной техникой и транспортом войск вермахта, и они были успешно использованы в последующих кампаниях[59]. Еще большие потери Франция понесла в период оккупации — в германском плену оказались 1547 тыс. человек, стала трофеями вся оставшаяся техника и вооружение, все пограничные укрепления были демонтированы, были демилитаризованы многие французские порты.

Можно утверждать, что к середине сентября 1941 г. Германия приобрела при содействии местных коллаборационистов абсолютный контроль над промышленностью и банковской системой во всех оккупированных к тому времени странах и странах-сателлитах и довольно эффективно использовала их в дальнейшем продолжении войны.

Таким образом, экономический грабеж оккупированных стран и стран-сателлитов имел важное значение для обеспечения войны. В целом с июля 1940 г. по сентябрь 1944 г. немецко-фашистские захватчики выкачали из оккупированных стран (включая долги по клирингу) материальных ценностей на сумму в 124,6 млрд марок. По данным известного немецкого экономиста Ю.Кучинского, за этот же период (включая грабеж аннексированных территорий) фашистские оккупанты ограбили другие страны на сумму 140 — 145 млрд марок. Вместе с тем экономическое ограбление стало источником острых противоречий между Германией, ее сателлитами и оккупированными странами, вызывало недовольство народов, побуждало их к активной борьбе против чужеземных захватчиков.

Угон иностранной рабочей силы и ее использование в экономике Германии

Самым слабым звеном в цепи мероприятий гитлеровского руководства по расширению военной экономики была проблема рабочей силы. На это обстоятельство имперский совет обороны и ОКВ обратили внимание еще летом 1938 г., когда предложили в качестве рабочей силы в промышленности в будущем использовать военнопленных. В январе 1939 г. по этому вопросу были подготовлены соответствующие директивы. Примерно тогда же некоторые рурские концерны сделали Герингу заявку на несколько тысяч человек для их использования в угледобывающей промышленности.

На совещании высшего командования вермахта 23 мая 1939 г. Гитлер прямо потребовал, чтобы при планировании войны иметь в виду, что «население ненемецких областей... должно использоваться в качестве рабочей силы». Вскоре Геринг отдал соответствующее распоряжение относительно использования в военной промышленности военнопленных и узников лагерей и тюрем.

В условиях молниеносных побед вермахта в западных странах и при ограниченных потерях в первый период войны Германия не испытывала трудностей с рабочей силой. Однако эта проблема приобрела исключительно серьезный характер после провала «блицкрига» на востоке осенью 1941 г., когда возникла необходимость ведения длительной войны и соответствующей перестройки военного производства, к чему Германия не была готова. Кроме того требовали возмещения большие потери войск, понесенные на восточном фронте. Для решения этой проблемы только лишь внутренних людских ресурсов в Германии было недостаточно. Мобилизация в вермахт сократила существенно численность занятых в экономике.

Чтобы восполнить пробел в рабочей силе, власти в нарушение норм международного права при поддержке местных коллаборационистов прибегли к системе насильственного вывоза в Германию миллионов рабочих из других стран. Немецкие историки К.Дробиш и Д.Айххольтц дают этой системе следующее определение: «Под системой принудительного труда иностранной рабочей силы во время второй мировой войны мы понимаем, следовательно, такую форму империалистической эксплуатации населения потерпевших поражение и зависимых государств в интересах немецкой военной экономики и ведения войны Германией, которая характеризовалась фашистскими средствами и методами ее осуществления (принудительный набор и депортация граждан иностранных государств, национальное и расовое угнетение, террор и дискриминация в политической, экономической, духовной и культурной областях) и служила источником получения колоссальных прибылей и сверхприбылей для монополий и государства».

Использование иностранцев в промышленности и особенно в сельском хозяйстве Германии практиковалось как в довоенные, так и в первые годы войны. Однако в то время многие иностранные рабочие из-за безработицы у себя на родине приезжали в Германию на непродолжительное время и обычно на добровольной основе. Сравнительно скромные масштабы использования иностранных рабочих в Германии в 1939—1941 гг. подтверждает следующая таблица.

Использование иностранных рабочих в Германии
(в млн чел.)

Отрасли экономики	1939 г.	1940 г.	1941 г.
Сельское хозяйство	0,12	0,68	1,46
Промышленность	0,11	0,26	0,97
Ремесла	0,03	0,11	0,31
Транспорт	0,02	0,04	0,10
Торговля	0,01	0,02	0,06
Домашнее хозяйство	0,01	0,02	0,03

Как видно из таблицы, потребность в рабочей силе резко возросла в 1940 г. и особенно в 1941 г. в связи с непосредственной подготовкой и началом агрессии против Советского Союза и понесенными потерями на Востоке во второй половине года.

К июню 1941 г. на территории Германии (вместе с Австрией) проживало около 80 млн человек. Население стран-сателлитов (Румынии, Венгрии, Финляндии и Болгарии) вместе с Италией тоже составляло около 80 млн человек. Наконец, в оккупированных странах проживало более 130 млн человек. Все это вместе взятое

составляло огромный резервуар людских сил — около 300 млн человек, из которого Германия с начала 1942 г. стала выкачивать все, что могла. Кроме того, вопреки запрету Гаагской конвенции, германские власти широко использовали труд сотен тысяч военнопленных, включая и офицерский состав.

Катастрофическое поражение вермахта под Москвой вынудило гитлеровские власти коренным образом реорганизовать свою систему использования иностранной рабочей силы. Генеральному уполномоченному Заукелю были предоставлены чрезвычайные полномочия. Опираясь на гауляйтеров, которых он распоряжением от 6 апреля 1942 г. назначил своими уполномоченными, Заукель стал решающей фигурой в области мобилизации и использования рабочей силы. Главную свою задачу он видел прежде всего в привлечении именно иностранной рабочей силы. Поэтому все оккупационные органы и армейские части обязаны были всячески содействовать набору рабочей силы из оккупированных стран.

Началась настоящая охота на людей. Созданные во всех оккупированных странах вербовочные бюро, в которых сотрудничали тысячи местных коллаборационистов, использовали разнообразные средства, чтобы завербовать побольше людей в Германию — от обещания высоких заработков и различных льгот до массовых облав на улицах и рынках. Сам Заукель в марте 1944 г. признавал: «Из 5 миллионов иностранных рабочих, прибывших в Германию, добровольно прибыли не более 200 тысяч».

Одновременно широкое применение получил насильственный труд военнопленных и узников различных лагерей, особенно в угольных шахтах, металлургической промышленности и на лесоразработках. В результате этих мер удельный вес иностранных рабочих в германской экономике резко возрос и на отдельных предприятиях достигал 30% от численности всех занятых. Например, доля иностранных рабочих в мае 1943 г. на предприятиях Рейнской области составила около 15%, примерно столько было и в Вестфалии. А на заводах Лутоунион в ноябре 1944 г. иностранцы составляли 35,1% всех рабочих, на заводе Хорх — более 30%, на заводе Цейсса в Иене — 21% и на одном из авиационных заводов — 50%. Одним из наиболее крупных «потребителей» иностранной рабочей силы была фирма Круппа, на предприятиях которой в сентябре 1944 г. было занято 75 тыс. иностранных невольников.

По официальным данным, на март 1943 г. иностранных рабочих имелось в Берлине — 240 тыс., в Эссене — 35 тыс. в Дрездене — 25 тыс., в Вуппертале — 12600; десятки тысяч иностранцев были заняты и в других городах Германии.

Соотношение немецкой и иностранной рабочей силы (включая военнопленных) в Германии в 1939—1944 гг. представлено в следующей таблице.

Год	Немцев		Иностранцев		Всего рабочей силы	
	млн	%	млн	%	млн	%
май 1939	39,1	100	0,3	100	39,4	100
май 1940	34,8	89	1,2	400	36,0	91,4
май 1941	33,1	84,6	3,0	1000	36,1	91,6
май 1942	31,3	80,1	4,2	1400	35,5	90,1
май 1943	30,3	77,5	6,3	2100	36,6	92,1
май 1944	29,0	74,2	7,1	2366,6	36,1	93,2
сентябрь 1944	28,4	72,6	7,5	2500	35,9	91,1

Из приведенной таблицы можно сделать по крайней мере три вывода. Во-первых, численность немецкой рабочей силы в ходе войны непрерывно сокращалась за счет мобилизации мужчин в действующую армию. Во-вторых, происходил резкий рост численности иностранных рабочих за годы войны в 25 раз. В 1944 г. эти рабочие составляли 21% всего контингента рабочей силы. И в-третьих, несмотря на массовое использование иностранных рабочих, в целом динамика численности рабочей силы характеризовалась падением.

Масштабы использования рабочей силы из разных стран Европы по состоянию на июнь 1944 г. видны по следующим данным:

Так называемых «восточных» рабочих	2071262 чел.	36,1%
поляков из генерал-губернаторства	1032752 –"–	18%
французов	658666 –"–	11,5%
чехов	281014 –"–	4,9%
бельгийцев	207171 –"–	3,6%
итальянцев и других	152573 –"–	2,7%

Всего на территории Германии к этому времени было занято 5736412 иностранных рабочих (без военнопленных).

Важным источником пополнения рабочей силы особенно в военной промышленности были заключенные различных лагерей. Их использование в больших масштабах началось примерно с лета 1942 г. Как показал на судебном процессе над Круппом в Нюрнберге заместитель начальника главного хозяйственно-административного управления СС, во всей германской промышленности в наивысший период использования работало примерно 500 тыс. заключенных. Лишь на предприятиях концерна «ИГ Фарбениндустри» работало около 370 тыс. узников фашистских лагерей.

В начале войны за их труд частные предприятия платили органам СС в доход государству по 1 — 1,2 марки за человека. С весны 1943 г. эта цена поднялась до 4 марок за чернорабочего и 6 — за квалифицированного рабочего.

Людские ресурсы оккупированных стран составляли весьма значительную долю германского экономического потенциала. Это относится прежде всего к отдельным крупным странам Европы, из которых германские оккупанты особенно активно угоняли население на каторжные работы в рейх.

Так, первые 70 вербовочных пунктов (бирж труда), в которых сотрудничали и местные чиновники, были созданы в Польше уже в сентябре 1939 г. Через месяц их число возросло до 115. С конца октября 1939 г. в Германию убыли первые транспорты с польскими рабочими. Последующий массовый угон поляков на каторжный труд в Германию осуществлялся на основе приказа генерал-губернатора Г.Франка от 26 октября 1939 г. о трудовой повинности для поляков в возрасте от 18 до 60 лет. Через два месяца этот возраст в генерал-губернаторстве был понижен до 14 лет, а на аннексированных территориях — до 12 лет. Всего же на принудительные работы в Германию из генерал-губернаторства и Белостокского воеводства к октябрю 1944 г. было угнано 1281 тыс. человек. Кроме того из аннексированных земель Польши там работало свыше 700 тыс. человек В германской военной промышленности было также занято около 300 тыс. польских военнопленных, которым был предоставлен статус гражданских рабочих. Это означало, что на работы в Германию было угнано 12,2% населения Варталанда и 10,3% населения генерал-губернаторства и Белостокского воеводства. Большинство из них (свыше 60%) использовалось в сельском хозяйстве и в рыболовстве. Но с 1943 г. по указанию Заукеля значительная их часть была переведена на военное производство. Кроме того, 200 тыс. поляков работали в других оккупированных странах — Чехословакии, Австрии, Норвегии, Люксембурге, Бельгии и Франции.

Во второй половине 1941 г. поляки составляли 60% всех иностранных рабочих в Германии. Затем их доля сокращалась и в сентябре 1944 г. составляла 29% за счет роста численности советских граждан, которые к этому времени составляли 38,7% всех иностранных рабочих в Германии.

По официальным данным правительства ПНР, из Польши на работу в Германию в годы войны было вывезено 2460965 человек, в том числе из генерал-губернаторства и аннексированных воеводств — 1661316, из Варшавы после подавления восстания — около 300 тыс. и около 500 тыс. поляков с советской территории восточнее Буга.

В Германии в годы войны работало свыше 100 тыс. австрийских граждан, из них 10 тыс. высококвалифицированных инженеров.

Со второй половины 1941 г. гитлеровцы делали основную ставку на возможность широкого использования в военной промышленности советских людей. Уже в первые месяцы войны представители ряда влиятельных промышленных монополий обратились к верховному командованию вермахта с соответствующим предложением, а 31 октября 1941 г. Гитлер подписал директиву об использовании советских военнопленных в германской военной промышленности.

Массовый угон советских граждан в Германию, в котором активное участие принимала местная полиция, начался весной 1942 г. Для этой цели только на Украине было создано 110 бирж труда, в которых служило и немало украинцев. Их задачи были определены Заукелем в письме к Розенбергу 20 апреля 1942 г.: «Целью этой новой гигантской мобилизации рабочей силы является использование всех богатейших и огромнейших источников, которые мы завоевали и приобрели борьбой наших вооруженных сил под командованием Адольфа Гитлера, для вооружения армий, а также в качестве продовольственной базы нашей страны». Далее этот работорговец № 1 XX в. подчеркивал, что ресурсы рабочей силы на оккупированных территориях СССР должны быть использованы полностью, т.к. это необходимо для разрешения проблемы рабочей силы в интересах войны.

Угон на рабско-крепостнический труд в Германию стал для миллионов советских людей страшным бедствием, невиданным ранее злодеянием фашистов против человечества, нарушением ими элементарных норм международного права. Если в начале кампании по вербовке оккупанты обманным путем стремились склонить советских людей к добровольному выезду в Германию, то примерно со второй половины 1942 г. при содействии местных полицейских набор осуществлялся исключительно путем насилия, облав, угроз. В специальных разнарядках указывалась численность молодых людей, которых должен предоставить тот или иной населенный пункт для отправки в Германию. В охоте на людей участвовали не только представители карательных органов, но и военнослужащие вермахта, и местная полиция. Вскоре после назначения на пост имперского уполномоченного по использованию рабочей силы Заукель разослал своим подчиненным указание, в котором требовал: «Вербовка, за которую вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительности».

О масштабах угона советских людей в Германию свидетельствует пример столицы Украины — Киева, где, по немецким данным, на 1 июля 1942 г. проживало 293 тыс. человек, из них детей до 15 лет — 75 тыс. К трудовой деятельности в пользу оккупантов было привлечено 96 тыс., в том числе отправлено в Германию 10 тыс. человек.

Угон советских людей в немецко-фашистское рабство принял еще большие масштабы в связи с отступлением немецко-фашистских войск и сопровождался зверствами и массовыми казнями тех, кто сопротивлялся.

Как отмечалось на Нюрнбергском процессе, немецко-фашистские оккупанты отправили на работу в Германию 4978 тыс. советских граждан, в том числе с Украины — более 2 млн. человек. Эта цифра была бы еще выше, если бы не массовое сопротивление советских людей, которые срывали планы гитлеровских оккупантов.

Важным источником пополнения рабочей силы в Германии являлись квалифицированные рабочие из оккупированной Франции. Для их вербовки в стране был создан разветвленный аппарат во главе с уполномоченным Ю.Риттером. Во всех департаментах существовали биржи труда, имевшие 180 филиалов. Набором рабочих занимались 75 видных деятелей оккупационных органов при помощи 675 немецких чиновников и 18 тыс. чиновников из числа французских коллаборационистов. Им активно содействовали войска вермахта, гестапо и французская полиция.

Одной из крупнейших во Франции была биржа труда в Париже, расположенная в реквизированном дворце на набережной д'Орсэ. В первые месяцы оккупации на призыв властей выезжать на работу в Германию вынуждены были откликнуться десятки тысяч безработных эмигрантов-иностранцев, которые остались без каких-либо средств к существованию. Однако таких «добровольцев» оказалось недостаточно, и вскоре оккупационные власти стали насильно вывозить квалифицированных французских рабочих. Они не отказались и от прямого найма с помощью частных вербовщиков, которые вербовали французов в кафе и в других общественных местах. Сам Заукель называл этот способ «шанхайским».

Осенью 1943 г. французские рабочие составляли более 1/4 иностранных рабочих, занятых в Германии, т.е. 605 тыс. гражданских лиц и 736 тыс. военнопленных. В конце 1940 г. ОКХ предполагало 300 тыс. из 500 тыс. французских военнопленных оставить на территории Франции, а остальных отправить в Германию. Однако позже в связи с возросшей потребностью в рабочей силе в Германию были вывезены практически все французские военнопленные.

Как сообщил 21 июля 1941 г. на одном из служебных совещаний у Геббельса представитель вермахта при Министерстве пропаганды подполковник Мартин, до сих пор отпущено на родину 514 тыс. французских военнопленных и, по его данным, оставалось в Германии еще 800 тыс. человек. Отпускались лишь участники Первой мировой войны, имевшие трех и более детей, и специалисты таких профессий, которые нужны немецким оккупационным властям во Франции.

С сентября 1942 г. Заукель выдвинул формулу об «обмене»: за каждых трех специалистов, которые отправятся «добровольно» в Германию, будет освобожден один военнопленный. Но после того как таких специалистов-«добровольцев» набралось лишь 17 тыс. человек, Заукель применил прием так называемой «трансформации» пленных в «свободных рабочих». Так, из примерно 1 млн пленных к концу 1942 г. было «трансформировано», часто против их воли, только 200 тыс. человек. А когда из 8 тыс. человек, получивших в августе 1943 г. краткосрочный отпуск, около 2 тыс. ушли к партизанам (маки), то и этот опыт прекратился. Данные подтверждаются и другими источниками, свидетельствующими о том, что из всех почти 1500 тыс. французских солдат, оказавшихся в немецком плену, в 1941—1943 гг. в обмен на квалифицированную рабочую силу было возвращено на родину около 500 тыс. человек.

С помощью вермахта, гестапо и других карательных органов, а также при поддержке местных коллаборационистских властей за годы войны и оккупации удалось согнать в Германию до 1 млн французских рабочих, которые работали там в разное время. Кроме того, в августе 1944 г. в Германии продолжало работать около 1 млн французских военнопленных и 150 тыс. интернированных.

О масштабах использования оккупантами рабочей силы Франции говорят следующие данные из официального отчета французского правительства, представленного Нюрнбергскому трибуналу: 738 тыс. рабочих были направлены на работу в принудительном порядке на территории Франции; 875962 французских рабочих были угнаны на работу в Германию; 987687 военнопленных были использованы в военной экономике Германии. Всего, таким образом, на военные нужды Германии были вынуждены работать 2601649 рабочих-французов.

Угон рабочей силы в Германию стал важной функцией оккупационных органов и в Бельгии. В первые же месяцы оккупации в стране резко усилилась безработица. Так, на 1 июля 1940 г. из 8500 тыс. населения безработные составляли 475 тыс. человек, т.е. 5,6% всего населения страны. Пользуясь этим, оккупанты с осени 1940 г. потребовали от бельгийских властей отправить на работы в военную промышленность Германии десятки тысяч квалифицированных металлистов, строителей, железнодорожников и рабочих других специальностей. Поскольку кампания по добровольной вербовке провалилась, оккупационные власти в марте 1942 г. ввели в Бельгии трудовую повинность. В результате этих насильственных мер за период с 1940 по 1944 гг. в Германию было отправлено около 0,5 млн рабочих. Учитывая, однако, то обстоятельство, что с 1943 г. участились случаи расторжения трудовых контрактов и побеги из Германии, надо полагать, что в 1944 г. на работах в Германии находилось более 220 тыс. бельгийцев, не считая военнопленных.

Важным средством максимального использования голландской рабочей силы в интересах Германии, а также своеобразным приемом германизации населения Нидерландов была массовая отправка молодых голландцев на работы в Германию. В первые месяцы оккупации ввиду большой безработицы в Нидерландах, как и в Бельгии, оккупанты строили расчет на добровольный выезд. Однако безработные предпочитали голодать, но не ехать в Германию. Для этого они всяческими способами доставали фальшивые справ-

ки о различных болезнях. В результате из 235817 безработных, обследованных коллаборационистскими бельгийскими властями в сентябре—октябре 1940 г., только 103504 чел. были признаны годными для отправки в Германию. Кроме того многие голландцы «незаконно» вернулись домой, за что лишились продовольственных карточек.

Первые эшелоны с голландскими рабочими были отправлены в Германию в июне 1940 г. До февраля 1942 г., когда была введена принудительная трудовая мобилизация, в Германию было направлено 227 тыс. человек, преимущественно безработных, из них на «законном» основании вернулись 61 тыс. человек. В то же время 29 тыс. голландцев работали на территории Франции. Принудительный труд в Нидерландах был введен приказом Зейсс-Инкварта от 28 февраля 1941 г. Местная полиция принимала в этой вербовке самое активное участие. Сначала он должен был применяться только в пределах страны. Для оформления этого преступного акта был издан новый приказ Зейсс-Инкварта от 23 марта 1942 г. А через год 19 февраля 1943 г. он подписал директиву, позволявшую оккупационным органам принимать любые насильственные меры для набора и использования голландской рабочей силы.

По официальным данным германского Министерства хозяйства, на 15 мая 1943 г. на территории рейха работало 202 тыс. голландцев. В официальном докладе голландского правительства, представленном Нюрнбергскому трибуналу, отмечалось, что оккупанты привлекли к принудительному труду 431 тыс. голландских граждан. Массовый насильственный вывоз голландских рабочих в Германию продолжался и в 1944 г. В итоге лишь одной облавы, устроенной 11 ноября 1944 г. в Роттердаме, было схвачено 54 тыс. человек, из них 40 тыс. вывезено в Германию. Весной 1945 г. на завершающем этапе войны в Германии все еще работало до 300 тыс. голландцев.

Массовые размеры принял угон на работы в Германию чешской рабочей силы. По официальным данным, только до апреля 1944 г. в Германию было отправлено почти 402 тыс. чешских рабочих из протектората при поддержке местных властей, не считая узников лагерей. Сначала мобилизовывались большей частью строительные и подсобные рабочие, а потом — рабочие-металлисты и другие специалисты.

Как и в других странах, серьезные социально-политические и национальные последствия имела массовая мобилизация промышленных и особенно сельскохозяйственных рабочих Словакии. Кроме чисто экономических соображений это было в руках гитлеровцев одним из средств отчуждения десятков тысяч молодых словаков от родной культуры и языка, чтобы облегчить их германизацию. На основании соответствующего соглашения с Германией, заключенного в январе 1939 г., в Германию было послано около 40 тыс. словацких рабочих. Затем 1 декабря 1939 г. и 19 июня 1941 г. между коллаборационистским словацким правительством

Тисо и Германией были подписаны новые соглашения о вербовке словацкой рабочей силы. Для этой цели в 1940 г. в Словакии была сформирована специальная биржа труда, которая обязала около 120 тыс. словаков отработать определенное время на военных предприятиях в Германии. И она свою задачу решила. По данным Министерства финансов Словакии, в 1941 г. на работу в Германию было направлено около 90 тыс., а в протекторат — около 30 тыс. словацких рабочих.

С 1942 г. посылка словацких рабочих в Германию была несколько сокращена в связи с тем, что в Берлине решили эффективнее использовать их труд в интересах военной экономики Германии в самой Словакии. В целом за годы войны в Германию было отправлено 160 тыс. словацких рабочих. Всего подвергся депортации на работы в Германию, включая узников лагерей, 1 млн граждан Чехословакии.

В конце войны в Германии находились также 240 тыс. югославских военнопленных, 100 тыс. гражданских рабочих, занятых в военной промышленности, и 36 тыс. узников лагерей. Кроме того до конца 1943 г. на территории Италии было 143 тыс. интернированных югославов и 45 тыс. военнопленных.

Значительную долю иностранной рабочей силы в Германии до октября 1939 г. составляли итальянские рабочие, прибывшие сюда, как правило, добровольно. В целом, набор рабочей силы из Италии в годы войны прошел два периода: с 1939 г. по 8 сентября 1943 г., когда мобилизация носила формально добровольный характер и основывалась на соглашениях между Германией и Италией от 17 марта 1939 г., 10 июня 1940 г., 1 февраля 1941 г. и 2 марта 1942 г. Второй период — с сентября 1943 г., когда вся центральная и северная Италия была оккупирована вермахтом, набор носил только принудительный характер и сопровождался насилием и террором как со стороны оккупантов, так и коллаборационистского правительства Муссолини.

По данным Нюрнбергского процесса, на работах в Германии на январь 1945 г. было занято 627 тыс. итальянцев, из них 400 тыс. составляли военнопленные.

Гитлеровские власти широко использовали рабочую силу и таких своих союзников, как Румыния, Венгрия, Болгария. Это делалось вначале на основе специальных межправительственных соглашений, а с оккупированной территории Венгрии — насильно.

Каковы же были в целом масштабы использования иностранной рабочей силы в Германии в годы Второй мировой войны?

По данным германского Министерства хозяйства, на 15 мая 1943 г. на территории рейха работало 3654 тыс. иностранцев, в том числе из СССР — 1461 тыс., генерал-губернаторства — 1028 тыс., Франции — 448 тыс., протектората — 253 тыс., Нидерландов — 202 тыс. и Югославии — 52 тыс. человек. Если учесть, что в хозяйстве Германии тогда было занято 27029 тыс. человек, то ино-

странные рабочие, следовательно, составляли 13,5%. Кроме того на территории рейха находились около 1,6 млн военнопленных.

Таким образом, к середине 1943 г. всего в Германии было занято 4718 тыс. гражданских иностранцев, что составляло 17,4% всех занятых в стране.

Известные немецкие исследователи этой проблемы — К.Дробиш, Д.Айххольтц считают, что к концу 1944 г. на территории, подвластной рейху, работало около 9 млн иностранцев, в том числе 6 млн гражданских рабочих, 2 млн военнопленных, 500 тыс. заключенных различных лагерей и 170 тысяч узников тюрем. Общая численность иностранцев, депортированных в Германию в разные периоды войны, учитывая их текучесть, оценивается приблизительно в 14 млн человек.

Экономический эффект от использования германскими монополиями почти дарового труда иностранных рабочих, даже имея в виду незначительную производительность их труда и низкое качество производимой продукции, был немалый. По данным тех же авторов, общая сумма прибылей за период войны от труда иностранцев составила около 70 млрд марок, т.е. приблизительно годовой национальный доход Германии накануне войны.

Однако было бы неполно и односторонне рассматривать проблему угона иностранных рабочих в Германию лишь как экономический фактор. Введением системы принудительного труда для народов оккупированных стран германский фашизм преследовал также цель физической ликвидации посредством непосильного труда молодой части «неполноценных» народов. Тем самым немецкие расисты стремились воспрепятствовать росту их численности. В качестве промежуточной они преследовали цель оторвать миллионы русских, украинцев, поляков, французов и других национальностей от их национальной среды, что облегчило бы задачу их германизации. Наконец, система принудительного труда, при которой иностранные рабочие всегда выглядели как якобы некультурные и неквалифицированные, была направлена на развращение самого немецкого народа, на притупление классовой солидарности немецких рабочих с рабочими других национальностей, на воспитание немцев в духе их «превосходства» над другими народами.

Реакционный тезис о немецком рабочем как о «мастере — организаторе производства в Европе», с помощью которого правящие круги Германии хотели привлечь на свою сторону собственный рабочий класс, был созвучен с положением фашистской пропаганды о «людях-господах».

Именно этим целям соответствовало социально-экономическое и политическое положение иностранных рабочих, насильственно угнанных в Германию. Основная их масса использовалась, как правило, для выполнение самых тяжелых, опасных и грязных работ. Широко применялся труд женщин и даже детей. Иностранные рабочие жили в лагерях, огражденных, как правило, забором с колючей проволокой. В бараках отсутствовали минимальные бытовые и

санитарные условия. Гестапо строго следило за тем, чтобы иностранцы не жили на частных квартирах и не общались с немецким населением. Так, в одном из донесений органов безопасности от 15 марта 1943 г. отмечалось, что на этих квартирах иностранные рабочие вместе с немцами слушают вражеские радиопередачи, обсуждают организацию саботажа и передачу в свои страны шпионских сведений.

Питание и медицинское обслуживание было поставлено так, чтобы иностранный рабочий имел лишь минимальные физические силы для трудовой деятельности. Это касалось прежде всего граждан из СССР, Польши и Югославии. Поэтому среди них были особенно высоки заболеваемость и смертность. Для иностранных рабочих были декларированы зарплата, отпуска, определенная продолжительность рабочего дня, охрана труда и другие требования трудового законодательства. Однако на рабочих из Советского Союза (так называемых «восточных» рабочих), Польши и Югославии они распространялись с большими ограничениями или вовсе не распространялись.

Руководство лагерей и администрация предприятий обращались с иностранными рабочими, как с бесправными рабами, по отношению к которым допускался любой произвол. Процветали штрафы, избиения, аресты. С администрацией тесно сотрудничали полиция и гестапо. Для опознания национальной принадлежности рабочих были установлены специальные знаки, которые носились сперва на груди, а позже — на левом рукаве.

Однако гитлеровцы действовали не только «кнутом», но после поражения фашистских войск под Москвой и «пряником», с тем чтобы поднять производительность труда иностранных рабочих. А после Сталинграда среди иностранных рабочих (особенно из западных стран) они развернули широкую антикоммунистическую и антисоветскую кампанию, чему раньше не придавали значения. Но многочисленные документы СД и гестапо свидетельствуют о том, что эта кампания не дала ожидавшегося результата.

Иностранные рабочие, особенно из Советского Союза, вовсе не были безропотными рабами. И в этих тяжелейших условиях они старались нанести максимум ущерба германской военной машине. Наиболее распространенной формой движения Сопротивления среди иностранных рабочих были побеги. Более активной формой антифашистской борьбы являлись забастовки и саботаж. Так, по данным органов безопасности, в период июня—августа 1942 г. за участие в забастовках подверглось аресту 68746 человек, из них 38460 составляли советские граждане и 17618 — поляки.

Особую тревогу у гитлеровских властей вызывало то влияние, которое оказывали советские люди на немецкое население своей любовью к родине, уверенностью в победе, образом мышления, поведением. Вот что по этому поводу говорится в пространном донесении службы безопасности от 15 апреля 1942 г., изложение содержания которого приводится полностью. До войны с Советской Рос-

сией, отмечается в этом документе, большинство немцев знало обстановку в СССР только по немецким радиопередачам, печати и кинофильмам. Подавляющее большинство немецкого населения считало, что в СССР царит бесчеловечная система угнетения и граждане СССР – это глупые и полуголодные люди. Теперь, когда в Германии появились сотни тысяч советских граждан, население на них стало проверять свое представление об СССР. Оно по-прежнему не может рассматривать себя наравне с гражданами СССР. Но вместе с тем оно убеждается, что советские люди лучше, чем это казалось раньше. Население увидело, что прибывающие восточные рабочие хорошо упитаны. Один врач из Дортмунда, обследовавший их, заявил, что восточные работницы имеют крепкое телосложение и хорошие зубы. И он делает вывод, что немцы были плохо информированы о русских женщинах.

Немецкая пропаганда твердила, что советская власть преследует церковь, однако многие восточные рабочие носят крестики. Поэтому немецкое население делает вывод, что советские люди все же имеют определенную свободу вероисповедания.

Среди населения ведутся разговоры и о квалификации, и о деловых качествах советской интеллигенции. В немецкой пропаганде советский человек изображался как бесправная креатура. Но немецкие рабочие сейчас убеждаются в знаниях и трудолюбии советских рабочих. Сообщается, что в военной промышленности многие советские рабочие по своей технической подготовке и сообразительности превосходят немецких. «Русские на работе думают и они далеко не дураки. Я хотел бы иметь лучше двух русских вместо 5 итальянцев», – говорит один рабочий из Байрета. Советские рабочие умеют хорошо ремонтировать двигатели даже примитивными средствами. Из всякой чепухи они могут сделать хорошую вещь.

Из того факта, что среди восточных рабочих много студентов и студенток, немецкое население делает вывод, что образование в СССР поставлено неплохо. Наблюдая за техническим уровнем подготовки советских рабочих, немцы говорят, что это еще не самые квалифицированные рабочие, ибо таковых советское правительство эвакуировало за Урал. Об этом свидетельствует то многочисленное и хорошего качества советское вооружение и военная техника, которые используются на фронте.

Раньше немецкое население считало, что в СССР много неграмотных, однако восточные рабочие не подтверждают это мнение. Например, немецкий инженер, руководивший одним заводом на Украине писал, что из 1800 рабочих его завода только 9 неграмотных.

Пропаганда в Германии твердила, что советская власть разрушила семью как ячейку общества. Однако отовсюду поступают данные о том, что среди восточных рабочих существует очень высокий дух семьи и морали. Правда, это менее заметно среди военнопленных, которые на протяжении нескольких лет были оторваны от семьи. Сообщается, что восточные рабочие любят писать много

писем своим родным, посылать им много подарков, всегда просят немецкую администрацию, чтобы родственникам разрешили работать вместе. Родители заботятся о своих детях и наоборот.

Среди восточных рабочих сильно развито чувство товарищества. Немецкое население поражается чистоплотностью русских женщин, они любят красиво содержать свои комнаты. Половые отношения среди восточных рабочих и работниц строятся на здоровой основе. Дети рождаются только от законных супругов. Русская женщина совершенно не соответствует тому, что о ней твердила немецкая пропаганда. Во время медицинских осмотров обнаруживается, что большинство девушек сохраняют свое целомудрие. Так, на кинофабрике «Вольфен» в Бреслау 90% восточных девушек в возрасте от 17 до 20 лет оказались целомудренными.

«На основании этих отдельных фактов и наблюдений население не верит в нашу пропаганду и начинает задумываться над истинным положением в Советском Союзе», – так заканчивается этот примечательный документ, приведенный почти полностью.

По официальным данным, с каждым годом усиливались антифашистские выступления иностранных рабочих, особенно в военной промышленности. Отмечалось, что только в первой половине 1943 г. было осуждено 219598 человек, из них немцев – 72,8%, иностранцев – 7,8%, в протекторате – 4,5%, поляков и евреев – 14,7%. Для предотвращения случаев побегов, актов саботажа и антифашистской пропаганды власти вынуждены были держать многочисленный аппарат охраны и террора. Имелись случаи участия иностранных рабочих в сборе и передаче разведывательных сведений об экономическом и военно-политическом положении в Германии. Антифашистская деятельность многих иностранных рабочих была бы невозможной без солидарности и прямой поддержки, которую оказывали им, рискуя жизнью, немецкие антифашисты и прежде всего коммунисты.

Таким образом, использование миллионов иностранных невольников в промышленности гитлеровской Германией было своеобразной формой безжалостной эксплуатации народов оккупированных стран и одним из важных источников обогащения германских монополий – инициаторов введения системы принудительного труда.

Кроме использования иностранной рабочей силы непосредственно в Германии оккупанты широко привлекали квалифицированных рабочих для военного производства, и в самих оккупированных странах. Так, во Франции к весне 1941 г. в военной промышленности, выполнявшей заказы вермахта, работало 1,6 млн французов. Кроме того 200 тыс. человек строили укрепления, аэродромы и другие военные объекты.

В экономическом отношении использование иностранных рабочих было относительно эффективным. Оно позволило Гитлеру частично и временно ослабить напряженность в рабочей силе и наряду с другими факторами обеспечить длительное ведение войны Германией против стран антигитлеровской коалиции. Однако в полити-

ческом и социальном отношениях рабский труд миллионнов иностранцев, бесчеловечные условия, в которых они жили, унижение их достоинства, экономические и внеэкономические меры принуждения с целью повышения производительности труда, полное политическое и социальное бесправие порождали их недовольство, что, в свою очередь, было источником серьезной опасности для гитлеровского режима. Кроме того угон миллионов граждан из других стран вызывал протест народов этих стран, создавал благоприятную почву для расширения движения Сопротивления.

Эксплуатация национальных богатств и финансовый грабеж

Наряду с использованием рабочей силы важное место в экономическом ограблении гитлеровской Германией оккупированных стран и стран-сателлитов занимало присвоение их промышленных и сельскохозяйственных ресурсов, безвозмездное использование производственных мощностей, а также ограбление банков и дискриминационные меры в области кредита, денежного обращения и торговли.

Грабеж ресурсов оккупированных стран, как и использование рабочей силы, был направлен прежде всего на экономическое обеспечение агрессивной войны гитлеровской Германии, на ослабление экономических позиций других стран и на устранение материальной основы существования других народов. Он осуществлялся не отдельными недисциплинированными представителями оккупационных властей или подразделений вермахта, а приобрел общегосударственные масштабы, заранее и тщательно спланированные государственными и хозяйственными органами Германии.

Еще в марте 1939 г. имперский совет обороны принял решение о том, чтобы все необходимые военные материалы и сырье для вермахта впредь брать непосредственно в побежденных странах. Указания на необходимость широкого использования местных ресурсов на территории других стран в ходе боевых действий содержались также во всех оперативных документах ОКВ.

Для подготовки военных авантюр, а затем и в ходе Второй мировой войны Гитлер широко использовал австрийскую промышленность. К концу войны военную продукцию в этой стране выпускали 600 предприятий. Они поставили вермахту до 9 тыс. самолетов, 17 тыс. авиационных моторов, более 10 тыс. танков и бронемашин, свыше 12 тыс. орудий и много других видов вооружения. Австрия поставляла Германии также ряд важных видов стратегического сырья. За годы войны гитлеровцы сумели увеличить здесь добычу нефти в 36 раз, а производство алюминия — более чем в 4 раза, железной руды — более чем в 2 раза и т.д.

В обстановке скоротечных кампаний вермахта на западе в 1939—1941 гг. самой эффективной формой ограбления оккупированных стран был захват сырья, топлива, готовой промышленной и сельскохозяйственной продукции, вооружения, боеприпасов и военной техники.

Чехословакия после Мюнхенского сговора в Судетах потеряла огромные материальные ценности, мощные пограничные укрепления, ряд железнодорожных узлов, в результате чего нарушились нормальные экономические связи между районами страны. Железнодорожная сеть страны разрезалась в 58 пунктах. В руках германских монополий оказалось около половины производственных мощностей Чехословакии, в том числе до 90% ее энергетики, четверть предприятий тяжелой и половину легкой промышленности. Вермахт овладел 10 тыс. объектов чехословацких оборонительных сооружений. Новая граница проходила в 1 км от крупного промышленного центра страны Моравской Остравы, в 3 км от Пльзеня, в 15 км от Брно и 35 км от чехословацкой столицы — Праги.

Английский историк С.-Л.Хезлак справедливо писал, что «подлинной добычей, за которой охотился Гитлер в Судетской области, был не кусок лишней территории или еще несколько миллионов подданых. Судетская область была величайшим в мире арсеналом, выпуск продукции которого превосходил всю военную промышленность Италии».

После марта 1939 г. в руках германских промышленных монополий оказался экономический потенциал всей Чехословакии. Особое значение для будущих авантюр Гитлера имел захват ее мощной военной промышленности. Кроме заводов «Шкода» на германскую военную машину стали работать 8 оружейных, 5 артиллерийских заводов, 18 заводов, производивших боеприпасы и взрывчатые вещества, 5 танковых и авиационных предприятий, 8 авиационных заводов и т.д. О размерах захваченного гитлеровцами вооружения свидетельствуют данные о его наличии в 30 дивизиях чехословацкой армии накануне Мюнхена: винтовки — 603 тыс., пулеметы — 57 тыс., противотанковые ружья — 1966, орудия всех калибров — 2253, танки (в основном легкие) — 810 и самолеты (включая части для 240 самолетов) — 1213. Без учета захваченной гитлеровцами в марте 1939 г. готовой военной техники и вооружения чехословацкой армии и текущих поставок в виде контрибуций, она произвела военной продукции: в 1940 г. — на 3084 млн, в 1941 — 12531 млн, в 1942 г. — на 21656 млн, в 1943 г. — 32332 млн, в 1944 г. — 39901 млн и в первой половине 1945 г. — на 29154 млн крон. Всего же за годы войны Германия выкачала из Чехии военных материалов на сумму в 138659 млн крон.

Выгодное географическое положение чешских земель в центре Европы позволило гитлеровцам эвакуировать сюда с запада, спасая от бомбардировок, многие военные предприятия. По неполным данным, с 1942 г. по 1944 г. здесь было размещено 330 военных заводов и расширено 527 других предприятий, которые производили танки, автомашины, самолеты, стрелковое оружие,

части для самолетов-снарядов ФАУ-1 и баллистических ракет ФАУ-2, оптику и т.д.

В справке внешнеполитического отдела НСДРП от 12 ноября 1939 г. об экономическом положении в Словакии говорилось следующее: Словакия никогда не станет для Германии дружественной страной, т.к. господствующий в ней католицизм и панславизм всегда выступали против Германии. Чтобы Словакию привлечь на сторону Германии, нужно использовать ее нынешнее экономическое и политическое положение, пока она не присоединилась к другим великим державам. В настоящее время она экспортирует в Германию товаров на сумму 500 млн рейхсмарок. Это означает, что Германия задолжала этой маленькой стране около полумиллиарда рейхсмарок. По этой причине Словакия, чтобы вернуть себе долг, будет заказывать товары только в Германии. Такая ситуация свяжет Словакию с Германией в таможенном и валютном союзе.

В оккупированных странах немецко-фашистские власти практиковали конфискацию промышленных предприятий и сельскохозяйственных угодий, рассматривая ее в качестве одного из источников усиления своего экономического потенциала. Подобная форма экономического грабежа была наиболее характерной в генерал-губернаторстве. Здесь к 1942 г. почти вся крупная и средняя промышленность находилась в собственности оккупантов или под их контролем. В целом к этому времени в их руках, по некоторым данным, находилось 35 тыс. заводов, фабрик, мастерских и торговых заведений. Кроме того оккупанты конфисковали к концу 1942 г. до тысячи крупных земельных владений, несмотря на то, что польские помещики тесно сотрудничали с оккупационными властями.

Важной формой экономического ограбления оккупированных стран было широкое использование их текущего производства, особенно в области военной техники. Только в 1941 г. военные заказы гитлеровской Германии выполняли около 5 тыс. заводов и фабрик, в том числе во Франции и Бельгии — 3422, в Нидерландах — 640, Норвегии — 275, Польше — 271 и Дании — 268 заводов.

Гитлеровское руководство особое значение придавало использованию экономики и сырьевых ресурсов Балканских стран. Как заявил на совещании рейхслейтеров и гаулейтеров 7 ноября 1943 г. начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал Иодль, на Балканы приходится 50% общеевропейской добычи нефти, 100 — хромовой руды, 60 — бокситов, 29 — сурьмы и 21% — меди.

Оккупанты интенсивно грабили богатства Греции. Лишь в период с 1 мая по 30 сентября 1941 г. они вывезли из этой страны никелевой руды — 35 тыс. т, хрома — 20 тыс., железа — 175 тыс., бокситов — 100 тыс., хлопка — 5200, оливкового масла — 10500 и табака — 80 тыс. т. Стоимость всех этих материалов и сырья к концу расчетного года составила 150 млн марок. В целом, по расчетам немецких экспертов, Греция могла бы заполнить потребности

Германии в хроме — на 30%, никеля — на 10—15% и бокситов — на 25%.

Концерн «Герман Геринг» держал под своим контролем борские рудники, а Крупп контролировал шахты хромовой руды и металлургические заводы Югославии. 10% потребностей Германии в бокситах покрывались рудниками, расположенными в Герцеговине.

Из Франции только за первые два года оккупации немцы вывезли 5 тыс. паровозов, 250 тыс. вагонов, огромное количество оборудования, а также запасы цветных металлов: 42 тыс. т меди, 27 тыс. т цинка, 19 тыс. т свинца. Здесь же они захватили 3 тыс. самолетов и около 5 тыс. танков и бронетранспортеров. За счет французских автомашин немцы к началу агрессии против СССР смогли оснастить 88 пехотных, 3 моторизованных и 1 танковую дивизию. В целом оккупанты произвели во Франции изъятий без оплаты на сумму в 667 млрд франков, а с учетом оккупационных расходов, которые должна была выплачивать Франция по условиям перемирия, за годы оккупации она потеряла 1448 млрд франков.

Из Франции за годы оккупации было также вывезено 63 млн т угля, 1,9 млн т нефти, 78,9 млн т железной руды, около 6 млн т цемента и другого сырья стоимостью около 80 млрд франков. Готовых изделий французской промышленности было вывезено на сумму около 185 млрд франков.

По распоряжению Зейс-Инкварта от 31 марта 1941 г. между Германией и Нидерландами была упразднена государственная граница «девизов», благодаря чему оккупанты совершали различные денежные махинации, что еще больше увеличивало и без того высокие оккупационные расходы, которые должна была покрывать страна. Геринг приказал официально ликвидировать и таможенную границу между обеими странами.

С демагогической целью 4 октября 1941 г. во Франции принятием так называемой «Хартии труда» были формально провозглашены «права» рабочих по некоторым социальным проблемам. Но они не имели ничего общего с подлинными правами рабочих. Так, за саботаж Хартия устанавливала круговую поруку. На рабочих и служащих возлагалась обязанность шпионить друг за другом. За соответствующую информацию выдавались премиальные. На предприятиях создавались специальные гестаповские посты под названием «комитеты Хартии труда».

Особенностью экономической политики оккупантов в генерал-губернаторстве до 1942 г. был демонтаж и вывоз промышленного оборудования и целых предприятий в Германию, грабеж готовой промышленной и сельскохозяйственной продукции. С 1942 г. в этой политике произошли существенные изменения. Были приняты меры по резкому увеличению выпуска военной продукции за счет прекращения демонтажа, пуска законсервированных и расширения производственной базы действующих предприятий. Так, в 1942 г.

уже действовало более половины промышленных предприятий, которыми располагали соответствующие воеводства Польши до войны.

Оккупационные власти генерал-губернаторства стали обращать больше внимания на размещение военных заказов. В 1942 г. здесь действовало 84 завода, выпускавших вооружение. Промышленность генерал-губернаторства на 25—33% покрывала потребности вермахта в обмундировании. В Польской Силезии оккупантам удалось с 1939 г. по 1944 г. почти удвоить добычу угля и полностью использовать его для своих нужд. Это составляло 26% от добычи угля в самой Германии.

Степень использования оккупантами промышленных мощностей стран Западной Европы для производства вооружения в 1943 г. видна в следующей таблице (в % от производства Германии).

Страна	Вооружение	Боеприпасы	Автомашины	Суда	Самолеты
Франция	1,5	1,4	11,9	6,4	6,5
Бельгия — Северная Франция	0,8	0,7	1,3	11,9	0,1
Нидерланды	0,1	0,1	0,8	14,0	1,1
Генерал-губернаторство	1,8	3,9	1,2	—	1,0
Дания	0,3	-	0,3	1,5	0,1
Норвегия	0,3	0,3	0,7	1,9	—
Сербия	—	—	—	—	0,1
Всего	4,8	6,4	16,2	35,7	8,9

Изъятую военную технику и продукцию текущего производства захваченных в 1939—1941 гг. стран гитлеровское руководство максимально использовало для экономического обеспечения войны против своего главного противника — Советского Союза. Немецко-фашистским захватчикам удалось оккупировать советскую территорию, на которой накануне войны производилось 33% валовой продукции промышленности, находилось 47% посевных площадей, 45% поголовья скота и 55% железнодорожных путей страны. В зоне военных действий оказалось 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 МТС.

Разграбление гитлеровцами захваченных материальных ценностей и ресурсов на оккупационной территории СССР приобрело особенно широкие размеры. Им удалось захватить довольно большие запасы промышленного сырья, топлива и продовольствия на складах в Никополе, Запорожье, Донбассе, Белоруссии и других районах и городах. За первые полгода оккупации они вывезли из оккупированных районов СССР продовольствия больше, чем кайзеровские войска за весь период Первой мировой войны.

Один из участников совещания у Розенберга в Берлине 18 декабря 1942 г. сообщил, что обязательные поставки из Эстонии чрезмерно высоки. Жизненный уровень населения серьезно понизился. Детская смертность здесь в 8 раз выше, чем до войны. Население считает, что его рассматривают в качестве колониального народа. Участники совещания пришли к выводу: «Напряженность обстановки и необходимое усиление войск настоятельно требуют позитивного сотрудничества с местным населением. Русские могут быть побеждены только самими русскими»[60]. Розенберг согласился с этим выводом.

Одним из методов гитлеровских оккупантов, направленных на физическую деградацию польского народа, был непомерно тяжелый труд при голодном продовольственном пайке. Достаточно сказать, что польская семья из пяти человек, проживавшая в воеводствах, присоединенных к Германии, получала в день всего около 6 тыс. калорий, тогда как такая же немецкая семья получала 11 тыс. калорий. Кроме того поляки получали продукты худшего качества.

Поляков использовали, как правило, на тяжелых работах, они не пользовались никакими правами. В специальной инструкции было сказано, что поляк всегда подчиняется немцу, даже если они выполняют одну и ту же работу. Польский рабочий мог получать за одинаково выполненный труд только 80% зарплаты немецкого рабочего. Кроме того с польского рабочего взимали особый «польский налог», составлявший 15% его зарплаты.

В первый период оккупации немецкие монополии не были заинтересованы в восстановлении и развитии польской промышленности, кроме добычи угля. При содействии оккупационных органов они препятствовали промышленному развитию присоединенных польских территорий. За исключением Верхней Силезии, остальные польские территории, а именно, Познаньщину, Поморье и Мазурию, они стремились использовать только как источники сырья и продовольствия. Поэтому в 1940 г. промышленное производство генерал-губернаторства составляло всего лишь 30% довоенного уровня.

Оккупационные власти на советской территории прилагали усилия к тому, чтобы максимально использовать те производственные мощности, которыми им удалось завладеть. Однако советские патриоты срывали эти планы. Из почти 32 тыс. предприятий, размещенных здесь до войны, к весне 1943 г. они смогли пустить менее 200, в том числе только 85 металлообрабатывающих, остальные — пищевые и коммунальные.

По официальным данным немецких экономических органов, на июль 1943 г. Германия удовлетворяла из оккупированных стран свои потребности в зерне на 18,2%, мясе — 22,5% и жирах — 18,5%. Среди них на первом месте стоят оккупированные районы

Советского Союза, за счет грабежа которых гитлеровцы обеспечивали потребности Германии в зерне на 9,1%, мясе — на 10% и жирах — на 13,8%.

Значительное количество сельскохозяйственной продукции вывозилось из генерал-губернаторства Польши. Если в 1940 г. в пользу Германии здесь было собрано 370 тыс. т хлеба, то в 1943 г. — уже 1500 тыс. т.

Как явствует из справки исследовательского центра военной экономики Германии, «вклад» оккупированных стран в военные усилия Германии в финансовом отношении на 31 марта 1944 г. выражался следующими данными:

Франция	35060 млн марок
Нидерланды	12030
Бельгия	9300
Генерал-губернаторство	5015
Оккупированные районы СССР	4900
Дания	4500
Протекторат	2530
Сербия	2310
Греция	630
Трофеи	500
Вклад, не поддающийся статистическому учету	12000
Итого	85—90 млн марок

В общей системе экономического ограбления захваченных стран важное значение для гитлеровской Германии имел финансовый грабеж. Он выражался прежде всего в изъятии банковских ценностей. По некоторым данным, только в центральных эмиссионных банках европейских стран оккупанты присвоили золота более чем на 1,5 млрд долларов. Так, оккупанты овладели 816 слитками золота Нидерландского банка на сумму в 21 млн флоринов. С учетом присвоения других золотых запасов Нидерландов и изъятия их у населения оккупанты в этой стране получили золота на сумму в 71300 тыс. флоринов.

Важное значение для финансирования войны имела валюта, захваченная в оккупированных странах. К 31 августа 1943 г. она составила 130,6 млн марок, в том числе в странах Западной Европы — 71,8 млн, в странах Юго-Востока — 33,4 млн, в Советском Союзе — 17,8 млн и в Польше — 7,6 млн марок.

Оккупационные власти в широких масштабах практиковали блокирование существующих платежных средств и бесконтрольный выпуск бумажных денег («военных денег») в соответствии со своими потребностями, не считаясь с интересами оккупированных стран. Играя роль платежного средства при так называемых закупках, эти деньги фактически представляли собой средство для скрытого финансового грабежа. Такие меры оккупанты предприняли в Дании и Норвегии (9 мая 1940 г.), Бельгии, Голландии, Франции и Люксембурге (19 мая 1940 г.). После оккупации Греции был закрыт Греческий эмиссионный банк, и банкноты выпускались германской кредитной кассой. Спровоцированная оккупантами инфляция служила им средством для дополнительного ограбления захваченных стран.

В Польше на территории генерал-губернаторства во время оккупации имели хождение так называемые краковские злотые. В стране нарастала инфляция. С 1940 г. по 1944 г. злотый был обесценен в 15—20 раз (по ценам на сельскохозяйственные продукты). Если в апреле 1941 г. в обращении находился 1 млрд злотых, то в феврале 1944 г. — уже 7,9 млрд злотых. Был ликвидирован Югославский эмиссионный банк в Белграде. Немецкие оккупанты печатали банкноты в соответствии со своими потребностями. Тем самым под предлогом возмещения оккупационных издержек они заставляли население выплачивать громадную контрибуцию.

Чтобы прикрыть масштабы ограбления Греции, германские власти ввели в обращение оккупационную марку, которая ничем не обеспечивалась и лишь приводила к инфляции. Итальянские оккупанты также ввели в обращение свою «средиземноморскую драхму», которая с августа 1941 г. должна была в обязательном порядке быть обменена на греческую драхму. Оккупанты произвольно определили сумму оккупационных расходов, составившую 10 млрд драхм.

В ряде оккупированных стран военные деньги выпускались и в виде оккупационных немецких марок. Курс этих марок по отношению к национальной валюте и к валюте Германии устанавливался произвольно и затем подтверждался марионеточными правительствами в той или иной стране. Общий объем выпущенных Германией военных денег к концу 1943 г. составил 7122 млн оккупационных марок.

По данным Министерства хозяйства Германии, курс марки по отношению к валютам других стран на 24 января 1941 г. составлял:

100 пенго (Венгрия)	60,90 марки
100 лей (Румыния)	2,04 марки
100 левов (Болгария)	3,05 марки

100 динаров (Югославия)	5,61 марки
100 словацких крон	8,60 марки
100 лир (Италия)	15,10 марки

Одной из форм легализованного финансового грабежа оккупированных стран было их возмещение (причем намного завышенное) оккупационных издержек, которые из года в год все увеличивались, что представлено в следующей таблице (в млрд немецких марок).

Страны	1940 г. июль - декабрь	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г. январь — сентябрь	Всего
Франция	1,75	5,55	8,55	11,10	8,30	35,25
Нидерланды	0,80	1,90	2,20	2,20	1,65	8,75
Бельгия	0,35	1,30	1,50	1,60	0,95	5,70
Дания	0,20	0,20	0,25	0,55	0,80	2,00
Италия	–	–	–	2,00	8,00	10,00
Другие оккупированные страны	0,90	1,05	4,50	7,55	8,30	22,30
Всего	4,00	10,00	17,00	25,00	28,00	84,00

Из других оккупированных стран наибольшее бремя оккупационных расходов несли Норвегия (5 млрд марок), протекторат (2,3 млрд марок) и генерал-губернаторство (1,6 млрд марок) — все страны по состоянию на 31 марта 1944 г. Приведенные данные свидетельствуют о том, что оккупационными платежами покрывалась $^1/_5$ часть всех военных расходов Германии.

В торгово-экономических отношениях с другими странами Германия применяла навязанную им клиринговую систему расчетов, при которой она получала товары в кредит, становясь таким образом должником своих торговых партнеров. Подобная система «внешней торговли» Германии также являлась важным источником финансирования ее военных усилий и серьезно истощала экономику зависимых и оккупированных стран. Используя такую систему, германские власти выкачали товаров из Нидерландов на 5,7 млрд марок, Бельгии — 5,4 млрд марок, Дании 3,4 млрд марок. По франко-германскому клиринговому «соглашению» Франция экспортировала товаров стоимостью в 194,1 млрд франков, тогда как Германия компенсировала этот экспорт поставками лишь на 26,8 млрд франков.

Задолженность Германии другим странам видна в таблице (в млн марок).

Протекторату	2459
Югославии (Сербии и Хорватии)	1404
Дании	1264
Румынии	1134
Венгрии	1006
Болгарии	816
Словакии	574

Общий размер долгов Германии по клирингу к концу июля 1944 г. составил 33,2 млрд марок.

Германия беспощадно грабила и сателлитов, принуждая их напрягать все свои усилия для помощи ее военной машине и обещая компенсацию и прибыли после ожидаемой «победы».

От подобного экономического «сотрудничества» особенно пострадала Румыния. Первым шагом на пути превращения этой страны в сырьевой придаток гитлеровской военной машины явился экономический договор между обеими странами, подписанный 23 марта 1939 г. Новым соглашением от 4 декабря 1940 г. румынская экономика была полностью включена в «новый экономический порядок» в Европе, провозглашенный Гитлером. Правительство Антонеску предоставило германским монополиям решающие позиции в металлургической промышленности, в добыче нефти и других жизненно важных отраслях.

На встрече с Гитлером в Зальцбурге в апреле 1943 г. И.Антонеску напомнил ему, что лишь за 9 месяцев 1941 г. пришлось выплатить дислоцированным в Румынии войскам вермахта 20,2 млрд лей.

Уничтожение материальных ценностей

Безудержная эксплуатация промышленности и сельского хозяйства, грабеж и вывоз в Германию материальных ценностей были лишь одной стороной экономической и социальной политики немцев в оккупированных странах. Другой важной ее стороной было безжалостное уничтожение всего того, в чем оккупанты не нуждались для продолжения войны. Это была практическая реализация тех человеконенавистнических установок, сформулированных Гитлером еще в 1934 г. В одной из бесед с Г.Раушнингом он говорил тогда: «Если мы не сможем победить, то мы не только сами погибнем, но и увлечем с собой в пропасть половину мира. И никто не порадуется победе над Германией. 1918 года больше не будет. Мы не капитулируем».

Разорение ряда отраслей народного хозяйства и уничтожение материальных ценностей, необходимых для поддержания физического существования населения оккупированных стран, немецко-фашистские захватчики особенно активно и в больших масштабах осуществляли в ходе боевых действий и в первый период оккупации до середины 1941 г. Самоуверенное политическое и военное руководство Германии, исходя из своих авантюристических планов, полагало, что для осуществления «молниеносной войны» против Советского Союза ему достаточно будет собственных резервов и материальных запасов. Оно также не считало нужным привлекать на свою сторону население оккупированных стран, придерживаться элементарных норм международного права, уважать человеческое достоинство. Правители гитлеровской Германии были уверены, что победителей никто судить не будет. Вот почему в ходе боевых действий на территориях других стран в первый период их оккупации гитлеровские захватчики вели себя так, что перед ними меркнут злодеяния конкистадоров, крестоносцев или завоевателей Чингисхана.

Как известно, Австрия и Чехословакия были захвачены вермахтом без военных действий. Однако с целью давления на чехословацкое правительство Геринг заявил, что если оно не уступит требованиям Германии, то люфтваффе разбомбит Прагу. В ходе кампании в Польше немецкая авиация совершала налеты на многие польские города, в которых не было никаких военных объектов, с единственной целью — разрушить их. С этой же целью с первых дней войны была подвергнута неоднократным варварским бомбардировкам и Варшава. В результате этих воздушных налетов и действий наземных войск вермахта ко дню капитуляции, 28 сентября 1939 г., погибло свыше 10 тыс. и ранено около 50 тыс. жителей города, было также разрушено 10% городских зданий.

Уже 25 октября 1939 г. в ноте советского правительства подчеркивалось, что «общепризнанные принципы международного права, как известно, не позволяют подвергать мирное население, женщин, детей, стариков бомбардировкам с воздуха. На том же основании Советское Правительство считает недопустимым лишать мирное население продовольствия, топлива и одежды и, тем самым, подвергать всяким лишениям и голодной смерти детей, женщин, стариков и больных путем объявления военной контрабандой предметов народного потребления».

Правда, данная нота являлась ответом на ноты Великобритании по вопросам военной контрабанды. Но ее выводы выражали принципиальное отношение советского правительства к соблюдению норм и обычаев войны в отношении мирного населения и косвенно осуждали германские бомбардировки городов Польши.

Применение авиации для бомбардировок мирного населения Польши вызвало возмущение прогрессивной общественности и других стран. Но это не остановило фашистских варваров. Более того,

бомбардировки люфтваффе стали еще ожесточеннее во время боевых действий на западе.

Ужасной стала судьба 700 тыс. жителей голландского города и порта Роттердама. Несмотря на то, что велись переговоры о капитуляции Нидерландов и город был объявлен открытым, 14 мая 1940 г. он подвергся ожесточенному налету немецко-фашистской авиации, в итоге которого был полностью разрушен центр города, т.е. около 25 тыс. жилищ, погибло или ранено было 3 тыс. жителей и 78 тыс. человек осталось без крова. Этот налет не был вызван никакими оперативными соображениями и имел чисто террористический характер, рассчитанный на деморализацию и устрашение населения не только Нидерландов, но и других стран.

3 июня 1940 г. немецкая авиация бомбила Париж, объявленный «открытым» городом. А 3 октября 1943 г. этот город подвергся ожесточенной бомбардировке союзников, в итоге которой погибло примерно 110 жителей. В последующие годы люфтваффе бомбила многие британские города, особенно Лондон и Ковентри, который был полностью разрушен.

В ответ на варварские бомбардировки немцев союзники предприняли не менее варварские воздушные налеты на многие города Германии. В феврале 1942 г. командующим бомбардировочной авиацией британского королевского военно-воздушного флота (РАФ) был назначен маршал авиации А.Гаррис, получивший от кабинета приказ начать систематические операции против городов Германии, «имея в виду прежде всего устрашение гражданского населения и особенно персонала промышленных предприятий». Гаррис полагал (как выяснилось, ошибочно), что если на один и тот же город ночь за ночью, целыми неделями, сбрасывать новые мощные бомбы от 4 тыс. до 8 тыс. фунтов весом каждая, со многих сотен самолетов, то враг будет буквально ошеломлен и попросит пощады. В последующие два года все крупные города Германии и Австрии, а также многие города в других странах оккупированной Европы были превращены в пепелища. Потери гражданского населения составили около 600 тыс. человек (против 62 тыс. в самой Англии!).

Круглосуточные налеты на Германию, когда днем бомбили американские, а ночью — британские самолеты, начались еще в 1943 г. Первый налет американцев на Берлин, в котором участвовали 29 «Летающих крепостей» Б-17, состоялся 4 марта 1943 г. Налет 6 марта обошелся американскому воздушному флоту дороже, чем какой-либо иной вылет бомбардировочной авиации во всю войну в Европе: из 658 вылетевших самолетов погибло 69. Сильный дневной налет союзников на Берлин снова состоялся 8 марта.

Угроза воздушных налетов подействовала и на правительство Франции, которое 11 июня 1940 г. приняло решение об эвакуации Парижа. Маршал Петен, став правителем Франции 16 июня, на следующий день обратился к германскому командованию с просьбой о перемирии и все французские города, насчитывавшие более 20 тыс. жителей, объявил «открытыми». Однако это не остановило

фашистских захватчиков, и многим городам они причинили в то время серьезный материальный ущерб.

Во время гитлеровской агрессии на Балканах объектом беспощадных бомбардировок стал Белград. В городе было уничтожено много зданий, погибло 17 тыс. жителей.

В Советском Союзе немецко-фашистские захватчики имели намерение широко использовать только продовольствие и продукцию лишь некоторых видов промышленности. Так, на заседании статс-секретарей ряда экономических министерств, состоявшегося 2 мая 1941 г. по вопросу об экономических аспектах плана «Барбаросса», было принято решение, чтобы войска на Востоке снабжались только местным продовольствием. «Работу промышленности разрешается вновь возобновлять только в тех отраслях, где это необходимо, например, предприятий транспортных средств, общего обеспечения (железо), текстильных; что же касается военных предприятий, то лишь таких, в отношении продукции которых в Германии существуют узкие места».

Неоправданным с оперативной точки зрения воздушным налетам, артиллерийскому обстрелу и другим разрушениям подверглись многие города и села, промышленные предприятия, мосты, порты и другие объекты на территории Советского Союза, которые оккупанты не собирались восстанавливать для своих целей. Немецко-фашистская авиация постоянно бомбила железнодорожные узлы с целью помешать эвакуации советскими органами производительных сил на восток. Только в июле 1941 г. было произведено 1470 таких налетов. Бомбардировкам подвергались железнодорожные линии от Мурманска до Тихорецкой. Летчики люфтваффе бомбили также поезда с мирным эвакуированным населением, санитарные эшелоны, расстреливали стада коров, овец и другой эвакуированный скот.

Вступив в захваченные населенные пункты, немецкое командование запрещало населению тушить пожары и спасать общественные здания и исторические памятники. Командующий 6-й армией вермахта фельдмаршал В.Рейхенау в приказе «О поведении войск на Востоке» прямо требовал: «...Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для расквартирования воинских частей. Все остальные, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должны быть уничтожены. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения».

Немецко-фашистские войска подвергали массированной бомбардировке и артиллерийскому обстрелу Ленинград, причинив ущерб многим предприятиям, жилым и общественным зданиям, складам этого города, что значительно осложнило и без того тяжелое положение находившихся в блокаде ленинградцев. 20 октября 1941 г. Р.Гейдрих в письме Гиммлеру предложил варварский план уничтожения Москвы и Ленинграда. Ссылаясь на пример Варшавы, Гейдрих писал, что артобстрел не дает желаемых результатов. «В таких

случаях, по моему мнению, необходимы массированные бомбардировки зажигательными и фугасными бомбами...»

Потерпев поражение под Москвой, в результате которого рухнул расчет на быстрое завоевание Советского Союза, германское руководство решило более «рационально» использовать захваченные производительные силы Советского Союза. Об этом, в частности, говорилось в директиве А.Розенберга от 23 января 1942 г. «О восстановлении промышленного хозяйства во вновь занятых восточных областях». Однако это вовсе не значило, что варварское уничтожение материальных ценностей, созданных руками советских людей, с 1942 г. прекратилось. Под предлогом борьбы с партизанами и саботажниками фашистские каратели сжигали целые деревни, выкорчевывали большие участки леса, уничтожали посевы на территории партизанских краев.

Таким же способом и прикрываясь подобными предлогами, немецко-фашистские захватчики разрушали производительные силы и другие материальные ценности во всех оккупированных странах. Так, во время восстания в еврейском гетто в Варшаве они полностью уничтожили микрорайон Муранов, составлявший 15% количества городских зданий. Во время подавления восстания в Варшаве в августе—октябре 1944 г. гитлеровские каратели педантично подрывали или сжигали дом за домом, уничтожали водопровод, канализацию и другие коммунальные сооружения, обрекая население на голодную и холодную смерть. К январю 1945 г. приказ Гитлера «сравнять Варшаву с землей» был близок к выполнению: 58% ее зданий были разрушены полностью, 17% — частично. Были уничтожены все электростанции и все газовое хозяйство; 200 тыс. варшавян погибло в боях или было расстреляно карателями.

Жестоким репрессиям подверглось население Словакии после подавления восстания в августе—сентябре 1944 г. Каратели сожгли десятки деревень, мельниц, хозяйственных построек, забрали у крестьян скудные запасы продовольствия. Во время восстания в Праге (май 1945 г.) фашистские оккупанты планировали разрушить город, однако быстрые действия советских войск предотвратили это преступление. Такая же участь быть уничтоженым ожидала и Бухарест, когда 23 августа 1944 г. в нем вспыхнуло антифашистское вооруженное восстание. Гитлер приказал подвергнуть город бомбардировке. Однако от воздушных налетов пострадали лишь некоторые здания, т.к. 31 августа в город вступили советские войска.

Свое звериное лицо немецко-фашистские захватчики в полную меру показали во время поражений, в результате которых они вынуждены были отступать из оккупированных районов. Как известно, первое крупное поражение во Второй мировой войне они понесли под Москвой. Отступая под ударами советских войск, немецко-фашистские захватчики производили массовые разрушения, убивали или угоняли с собой советских людей и совершали другие злодеяния.

В результате исторической победы Красной Армии под Сталинградом начался коренной перелом в войне в пользу Советского Союза и всех стран антигитлеровской коалиции, началось массовое изгнание врага с советской земли. Враг отступал с Северного Кавказа, был освобожден ряд других областей РСФСР и Украины. И повсюду отступавшие фашистские войска оставляли после себя смерть сотен тысяч мирных советских граждан и груды развалин. Особенно пострадали крупные промышленные центры южной Украины.

На основании директивы германского главнокомандования от 9 февраля 1943 г. об обращении с гражданским населением на Востоке командующий группой армий «А» фельдмаршал Э.Клейст 17 февраля 1943 г. подписал приказ, конкретизировавший задачи войск группы армий применительно к местному населению.

В приказе, в частности, отмечалось: «Исход зимних операций вызвал у гражданского населения недоброжелательное к нам отношение. Мы должны еще сильнее, чем раньше добиваться положительного отношения населения к нам... С жителями оккупированных областей, занятых группой армий «А», необходимо обращаться как с союзниками. Обращение с ними как с неполноценными людьми усиливает волю противника к сопротивлению и оплачивается германской кровью. Необходимо улучшить снабжение населения и прежде всего беременных женщин, снабжать больницы лекарствами.

Важно ускорить разрешение аграрного вопроса. В течение 1943 г. не менее половины колхозов преобразовать в сельскохозяйственные товарищества, а в остальных колхозах увеличить размеры приусадебных хозяйств и передать их в собственность крестьян. В соответствующих условиях создавать единоличные хозяйства.

Поставки сельхопродукции не должны превышать 80% от общего сбора. Они не должны быть больше, чем были в большевистские времена. Нельзя отбирать у крестьян последнюю корову или овцу. Торговля должна быть свободной. Вербовка на работы в Германию должна быть добровольной. Особое внимание необходимо уделять библиотекам и музеям»[61]. Все эти указания носили пропагандистский характер и никогда не выполнялись.

На основании указания гитлеровской ставки в войска группы армий «Юг» 2 сентября 1943 г. была разослана «Директива об эвакуации, разоружении и вывозе имущества», в которой говорилось, что основное оборудование Донбасса необходимо эвакуировать, все остальное должно быть разрушено — шахты, заводы, электростанции, урожай, деревни, здания. Раздавать продовольствие населению запрещалось. 7 сентября 1943 г. Гиммлер по своей линии в директиве начальнику войск СС и полиции на Украине Прюцману требовал: «Необходимо добиться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса; чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие

годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно "тотально сожженную и разрушенную страну"».

В отчете о боях 6-й немецкой армии в Донбассе говорилось, что были полностью уничтожены шахты, заводы, склады, электростанции и другие объекты хозяйственного назначения в Таганроге, Сталино, Мариуполе, Бердянске, Мелитополе и других городах. В одной только Сталинской области оккупанты разрушили и вывели из строя 140 шахт, 22 доменные и 23 мартеновские печи, 34 прокатных стана, полностью уничтожили энергетическую базу области, взорвали все машиностроительные заводы, вывезли все ценное оборудование, зерно и скот. Во многих районах оккупанты запретили производить осенний сев, варварски уничтожали зерно и другое продовольствие. Только в 20 районах Полтавской области они сожгли хлеб на площади 97 тыс. га. Большой ущерб был нанесен животноводству. Оккупанты разрушали транспорт. Специальными путеразрушительными машинами они вывели из строя на Украине 10 магистральных железных дорог. Враг взорвал 5,6 тыс. железнодорожных мостов, разрушил 1786 вокзалов, 120 паровозных депо, вывез в Германию 6704 паровоза и мотовоза и более 181 тыс. вагонов. Оккупанты потопили 372 крупных пассажирских, грузовых и специальных судна.

Так же было разрушено народное хозяйство и других республик и областей на оккупированной территории Советского Союза. Например, промышленность Белоруссии была разрушена до такой степени, что даже через полгода после полного освобождения республики ее валовая продукция составляла лишь 5% довоенного уровня.

Содержание оккупационной политики Германии в Прибалтийских республиках можно разделить на два периода: первый хронологически ограничивался 1941—1942 годами, когда немцы откровенно провозглашали, что никаких Литвы, Латвии и Эстонии нет, а есть только Остланд, они не признавали национальных языков, землю считали немецкой собственностью. Местные руководители подчинялись непосредственно правительству Германии.

После разгрома немецкой группировки под Сталинградом германская политика в Остланде существенно изменилась. Немецкие власти каждой из трех республик обещали создать собственное правительство и избрать своего президента, а земля будет торжественно передана ее прежним владельцам. Фактически немцы вернули прежним хозяевам только 2—3% земельный угодий. Во второй период в Латвии немецкие власти объявили набор в национальную армию, которая должна была состоять из двух дивизий. Но призыв провалился. Тогда было решено значительно увеличить численный состав местной полиции[62].

Для управления сельскохозяйственным производством на оккупированной советской территории в декабре 1942 г. было привлече-

но прибывших из Германии 11500 так называемых зондерфюреров. Значительная часть их них была занята на Украине.

По 10 га земли, полученных крестьянами от советской власти, были отняты оккупантами. Были возвращены церковные земли. Работавшие на богатых крестьян батраки получали половину урожая. Существовал особоуполномоченный по делам совхозов, который мог передавать землю и имущество совхозов отдельным лицам. С сентября 1941 г. генеральный комиссар Латвии ввел трудовую повинность.

В местной печати в сентябре 1941 г. сообщалось, что во многих богатых усадьбах работали освобожденные из плена украинцы. Все находившиеся в гетто евреи обязаны были носить «звезду Давида». Их заставляли раскапывать могилы, где были похоронены жертвы советских карательных органов.

Как 19 сентября 1941 г. сообщала официальная газета «Тэвия», немецкое командование отдало приказ всем советским солдатам, скрывавшимся в лесах, добровольно сдаться властям. В противном случае они будут расстреляны.

В Литве было разрешено исполнение старого национального гимна, вывешивание старого герба и флага. Были легализованы запрещенные совстскими властями спортивные организации, союз молодых крестьян. Главой литовского самоуправления был назначен Кубилюнас. Было отмечено недовольство угоном молодежи на работы в Германию, возникли беспорядки в университете Каунаса. Начальник отрядов безопасности генерал-майор Савицкий призывал молодежь к спокойствию, ибо «угроза большевизма еще не прошла»[63].

В итоге боевых действий в 1941 г. на территории Эстонии, по немецким данным, было сожжено 19 тыс. крестьянских домов из 140 тыс., имевшихся до войны. На 30—35% сократилось количество лошадей, скота — на 25%, свиней — на 50%. Большинство крупных предприятий было уничтожено еще отступавшими советскими войсками. На железнодорожном транспорте осталось лишь 3% вагонов, единицы паровозов. Из морского флота сохранилось 4,5% судов, т.е. на 9700 т водоизмещения. До ноября 1941 г. население республики сократилось на 116 тыс., т.е. на 10,4%. До сентября 1942 г. на работы в Германию было вывезено 20 тыс. человек.

В 1943 г. немецкие власти стали особенно энергично использовать эстонскую экономику для военных целей. Они организовали более широко производство бензина из сланцев. В 1942 г. эстонские сланцевые заводы давали 20 тыс. т бензина, 200 тыс. т сланцевых масел и кроме того еще и горючие сланцы. В Эстонии производились цемент, целлюлоза, лен и древесина — все шло немцам[64]. В страну возвращались бывшие немецкие колонисты и обратно получали свои предприятия и землю.

Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников рассмотрела около 4 млн актов об ущербе, причиненном советскому народу за время оккупации. Было установлено, что только прямой ущерб (потеря от прямого уничтожения имущества) составляет 679 млрд рублей (в ценах 1941 г.). Немецко-фашистские оккупанты разрушили 1135 угольных шахт, свыше 3 тыс. нефтяных скважин, электростанции общей мощностью около 5 млн кВт-ч, 37 заводов черной металлургии, 749 заводов тяжелого и среднего машиностроения и др. Они разорили и разграбили 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов и 2890 МТС. Полностью или частично были разрушены 1710 городов и поселков городского типа и более 70 тыс. деревень, сожжено или разрушено свыше 6 млн зданий и лишены крова около 25 млн человек.

Производительные силы Советского Союза были серьезно подорваны. О масштабах разрушений в районах, непосредственно оккупированных гитлеровцами, свидетельствует следующая таблица:

	Было до войны	Учтено после освобождения	То же в % к довоенному уровню
Население, млн чел.	88	55	63
в том числе			
городское	25	10	40
сельское	63	45	72
Число промышленных предприятий, тыс.	116,7	20,2	17
Число лошадей, млн гол.	10,5	3,4	32
Число крупного рогатого скота, млн гол.	24,4	10,3	42
Количество тракторов, тыс. шт.	207,6	89,6	43
Количество комбайнов, тыс. шт.	66,7	32	48
Железные дороги, тыс. км	122	65	53

Таковы были ужасные итоги преступного хозяйничания немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории Советского Союза.

С лета 1943 г., в связи с выходом Италии из войны и высадкой на ее территорию войск англо-американских союзников, отступавшие немецко-фашистские войска подвергли разрушениям эту свою бывшую союзницу. Они производили их вплоть до капитуляции в конце апреля 1945 г.

Отступавшие немецко-фашистские оккупанты намеревались подвергнуть разрушению и производительные силы Франции после открытия союзниками второго фронта в июне 1944 г. Однако своей программы в полной мере им выполнить не удалось. Когда союзные войска продвигались к Парижу, Гитлер отдал приказ комен-

данту города разрушить его. Но восставшие парижане помешали реализации этого преступного акта.

Фашистские захватчики во время своего отступления особенно злобно и беспощадно уничтожали материальные богатства народов стран Центральной и Юго-Восточной Европы, освобождаемых советскими войсками. В Польше они разрушали промышленные предприятия, затопляли шахты. В частности, в Силезии взрывали здания в городах, реквизировали продовольствие. Они подготовили к взрыву город Краков, но польские патриоты совместно с советскими разведчиками предотвратили его. Кроме Варшавы почти полному разрушению подверглись города Вроцлав, Познань и некоторые другие, объявленные Гитлером крепостями, гарнизоны которых, длительное время, находясь глубоко в тылу советских войск, оказывали им ожесточенное сопротивление.

То, что оккупанты не успели уничтожить, они эвакуировали на запад. Соответствующие мероприятия были разработаны еще весной 1944 г. Массовый вывоз из генерал-губернаторства ценного оборудования, машин, паровозов, вагонов, запасов сырья и продовольствия начался в августе – сентябре 1944 г., когда в восточную часть Польши вступили советские войска.

Как установила Польская государственная комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, за годы оккупации было уничтожено материальных ценностей, которые составили 38% довоенного уровня. Было разрушено 162190 жилых зданий в городах и 353876 — в селах, а также 15 тыс. промышленных предприятий. Сельское хозяйство потеряло свыше половины своего довоенного уровня. Оккупанты уничтожили или демонтировали 38% всех железных дорог и 46% мостов. Всего в результате гитлеровской агрессии и оккупации Польша понесла ущерб на сумму в 258,4 млрд предвоенных злотых, или 50 млрд долларов.

Большой материальный ущерб понесла Чехословакия, которая находилась под немецко-фашистской оккупацией с сентября 1938 г. по май 1945 г. Немецко-фашистские оккупанты беспощадно уничтожали материальные ценности, созданные руками народов Югославии. Отступая, как и на территории Советского Союза и некоторых других стран, они осуществляли варварскую тактику «выжженной земли». Оккупанты заминировали Белград, и только быстрое наступление советских и югославских войск спасло город от разрушений. В ходе боев в городе и в первые дни после освобождения Белграда советские саперы извлекли 3179 мин и 3540 зарядов взрывчатого вещества общим весом около 29 т, разминировали 7 складов боеприпасов и 845 других объектов, в том числе 85 административных зданий.

В Венгрии по распоряжению немецких властей с 15 октября 1944 г. демонтировались и вывозились в Германию все крупные предприятия, склады, транспортные средства. По вине германского командования, отвергшего советский ультиматум о капитуляции, на

протяжении более месяца продолжались бои с немецким гарнизоном, окруженным в Будапеште. В результате город подвергался сильным разрушениям. Вследствие участия в войне на стороне гитлеровской Германии и в результате фашистского террора материальный ущерб Венгрии превысил 20 млрд золотых пенге, что составило около 40% всего национального достояния страны.

Отступавшие войска вермахта стремились уничтожить промышленные предприятия и другие объекты на территории Нидерландов. Однако представители рейхскомиссариата по согласованию с промышленниками убедили командование вермахта быть политически более дальновидными, ибо разрушение предприятий, по их мнению, может вызвать возмущение рабочих и привести к революционному взрыву. Один из участников совещания, которое состоялось 19 октября 1944 г., так заявил: «Нельзя причинять ущерб предприятиям. Революция должна быть предотвращена». Передовые части союзных войск пересекли границу Нидерландов 17 сентября 1944 г. Однако в декабре ситуация снова обострилась. В связи с немецким контрнаступлением в Арденнах продвижение союзников в Нидерландах приостановилось, что дало возможность немцам закрепиться, разрушить плотины и затопить большие площади. Всю зиму 1944/45 г. в стране свирепствовал голод.

Рассматривая преступления немцев в оккупированных странах, следует напомнить и о том, что фашистские правители Германии совершили не меньше преступлений и против своего собственного народа, особенно в последние месяцы войны. Одним из таких преступных актов, направленных на ликвидацию основ существования немецкой нации, был приказ Гитлера от 19 марта 1945 г. «О разрушении объектов на территории Германии». Впоследствии он вошел в историю как приказ о «выжженной земле». Накануне Гитлер говорил А.Шпееру: «Если война будет проиграна, то погибнет и народ. Эта судьба неотвратима. Поэтому нечего смущаться тем, что будут уничтожены материальные основы, которые могут обеспечить в будущем народу самое примитивное существование. Напротив, даже лучше самим уничтожить эти основы, ибо народ наш оказался слабым, и будущее принадлежит "исключительно более сильному восточному народу"».

В соответствии с этим приказом Гитлера штаб оперативного руководства ОКВ разработал директиву, в которой устанавливался порядок производства разрушений на территории Германии. Войска и местные органы власти успели взорвать многие мосты, разрушить предприятия, электростанции, железнодорожные сооружения, линии связи. Еще в начале марта 1945 г. Гитлер подписал приказ об обороне Берлина, который фактически являлся планом разрушения столицы Германии, т.к. он предполагал ведение уличных боев с применением всех боевых средств. Уже в ходе боев был взорван туннель метро, проходивший под р. Шпрее, в результате чего погибли тысячи детей, женщин и раненых солдат. Была разрушена

вся железнодорожная линия между Герлицем и Циттау, здесь же было взорвано 27 мостов. В Берлине из 225 мостов разрушено 140. Вечером 7 мая накануне вступления советских войск гитлеровцы взорвали все мосты через Эльбу в Дрездене. Они уничтожили линии электропередач, водопровод, городской транспорт, т.е. довершили то, что не смогла сделать англо-американская авиация, совершившая налеты на город 13 и 14 февраля 1945 г.

Все эти факты с новой силой разоблачают звериный облик фашизма, который был врагом не только народов, по его терминологии, «низшего сорта», но и собственного народа, всего человечества.

Вместе с тем многочисленные данные свидетельствуют о том, что патриоты оккупированных стран не были безучастными наблюдателями грабежа их национального добра. Забастовками, саботажем и особенно вооруженной борьбой они значительно уменьшили степень ущерба, который причинили их странам оккупанты. Велика заслуга антифашистских сил оккупированных стран и в том, что они спасли десятки и сотни тысяч своих сограждан от угона в фашистское рабство, где им грозили не только рабский труд, издевательства и глумление над их достоинством и честью, но и физическая расправа.

Голод

Одним из методов, который применяли немецко-фашистские оккупанты для физического истребления целых народов, был искусственно создаваемый ими голод. Это преступление было запланировано заранее. Еще 2 мая 1941 г. на одном из совещаний по экономическим вопросам отмечалось: «Несомненно, если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей умрут голодной смертью».

Несколько лет спустя в октябре 1943 г. на совещании высших чинов СС в Познани Гиммлер говорил: «Что случится с русским или чехом, меня нисколько не интересует. Живут ли другие народы в благоденствии или они подыхают от голода, интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры...»

Оккупационные власти педантично выполняли эти человеконенавистнические призывы руководителей рейха. Это, прежде всего, касалось населения славянских стран.

В Польше, например, население жило на полуголодном пайке. Нехватало продуктов питания, цены на рынках поднимались из года в год до баснословных размеров. Об этом, в частности, свидетельствует таблица стоимости продуктового набора, необходимого для питания семьи из 3-х человек, на один месяц в Варшаве.

Продукты	Кол-во в кг	Цена за 1 кг			Сумма		
		1939 г.	1941 г.	1944 г.	1939 г.	1941 г.	1944 г.
Хлеб	50	9 грош.	50 грош.	5 злот.	4,5 злот.	25 злот.	250 злот
Мясо	15	50 грош.	2 злот.	60 злот.	7,5 злот.	30 злот.	900 злот.
Жиры	3	1,83 злот.	5 злот.	150 злот.	5,4 злот.	15 злот.	450 злот.
Сахар	3	1,5 злот.	3,50 злот.	65 злот.	4,5 злот.	10,5 злот.	195 злот.
Крупа	12	16 грош.	0,18 злот.	7 злот.	1,9 злот.	2,2 злот.	84 злот.
Картофель	60	3 грош.	4 грош.	1 злот.	1,8 злот.	2,4 злот.	60 злот.
Мука	3	20 грош.	25 грош.	18 злот.	0,6 злот.	0,75 злот.	54 злот.
Прочие	—	—	—	—	5,0 злот.	15,0 злот.	—
Всего					31,2 зл.	100,85 зл.	1993,0 зл

Таким образом, семья из 3-х человек, чтобы нормально питаться, должна была зарабатывать в 1944 г. почти 2 тыс. злотых в месяц, тогда как средняя зарплата польского рабочего составляла в это время всего 250—300 злотых.

На советских людей, оказавшихся на оккупированной территории, также выпали тяжелые испытания. Отбирая продовольствие у крестьян и запрещая приобретать его горожанам, оккупационные власти сознательно обрекали их на голодную смерть. Нормированное распределение продуктов предназначалось только для военнослужащих вермахта, представителей оккупационных органов и рабочих, занятых в военной промышленности. Работа рынков официально разрешалась, но продукты оккупанты конфисковывали. Поэтому процветала «черная» торговля продуктами питания по исключительно высоким ценам, недоступным подавляющему большинству населения. Так, в Калининской области в 1943 г. пуд муки стоил 600 марок (6 тыс. рублей), пуд картофеля — 100 марок (1000 рублей), 10 шт. яиц — 70 марок (700 рублей), литр молока — до 20 марок и т.д.

На Нюрнбергском процессе приводится документ ОКВ от 2 декабря 1941 г., в котором предлагалось: «Изъятие на Украине сельскохозяйственных излишков в интересах снабжения рейха... мыслимо при условии, если внутреннее потребление на Украине будет сведено к минимуму». Далее подчеркивалось, что эта задача может быть решена путем физического уничтожения «лишних едоков» и предельного сокращения продовольственных норм для остальных.

В таком крупном промышленном центре как Харьков, по свидетельству оккупационных властей в первом квартале 1942 г. умерло 22708 человек, из них от голода — 13749 человек. «Население живет впроголодь, теряет силы, болеет, вымирает, кто может — бежит из Харькова... Город-гигант пустеет, разрушается», — так

описывалась обстановка в Харькове в докладной записке городской управы от 21 июля 1942 г.

Организованной системы здравоохранения на оккупированных территориях СССР, как правило, не существовало, особенно в сельских местностях. Врачи, имевшие частную клинику, брали за прием в амбулатории 10 рублей, а за визит на дому — 20 рублей. За день пребывания в больнице нужно было платить 20 рублей, причем продукты питания, белье и постельную принадлежность больной должен был приобретать сам. Медикаменты необходимо было получать из немецких военных госпиталей в ограниченном количестве и за высокую плату. Нечеловеческие лишения и голод подтачивали здоровье людей, что приводило к возникновению эпидемий, с которыми некому было бороться. Все это вызывало высокую смертность среди населения. Подобное «здравоохранение» оккупантов тоже служило цели физического уничтожения советских людей. Жители сельских местностей вместо денежного жалования получали трудодни. В городах полицейские и обслуживавшие их лица получали в день: полицейский — 0,5 марки, старший полицейский — 1 марку, шофер — 1,5 марки и начальник поста — 2,5 марки. Налогов и страховых сборов с них не брали. Советские деньги продолжали ходить по следующему курсу: 1 рубль = 10 пфенингам, т.е. 1 марка = 10 рублям.

В Харькове процветали притоны и дома терпимости, содержателями которых как правило были местные армяне. Евреи жили в гетто.

Население должно было платить следующие налоги:

подушный —	30 руб. в год
за владение домом —	100 руб. в год
молоко с коровы —	120 л. и 150 руб. в год
за телку —	150 руб. в год
за овцу или козу —	10 руб. в год
за поросенка —	20 руб. в год
за собаку —	10 руб. в год[65]

Ведущую роль в политической жизни и идеологической обработке населения оккупанты предоставляли членам Украинской националистической партии и обществу «Просвита». В их распоряжении предоставлялись радио, громкоговорящие установки и листовки. Школы обычно открывались по инициативе местных жителей. Они же должны были платить учителям. Почти все советские учебники были изъяты, а такой учебный предмет как Конституция СССР был заменен законом божьим.

Командиры партизанских отрядов, действовавших в Ленинградской области, доносили в ЦШПД, что немецкие каратели совместно с местными предателями расстреливают десятки крестьян за помощь партизанам. Немцы давали вознаграждение за поимку рядового партизана 2 тыс. рублей, за указание места расположения партизанского отряда давали 25 тыс. рублей, корову и свинью.

В Смоленской области германское земельное управление издало приказ о проведении земельной реформы. В этом документе говорилось: «Хозяином-крестьянином общинного хозяйства могут быть все теперешние и бывшие жители деревни, которые имеют право участвовать в крестьянском собрании. Члены коммунистической партии, кандидаты в члены партии, преступники, партизаны и приверженцы партизан, пьяницы и прочие элементы, которые очевидно недостойны и неспособны владеть землей и обрабатывать ее, должны быть исключены из списков приема в общинное хозяйство. Члены комсомола и сочувствующие большевикам могут быть приняты лишь тогда в общинное хозяйство, когда не менее $^2/_3$ прежде установленных хозяйственных крестьян будут ходатайствовать об их приеме». Прием затем утверждается немецким земельным управлением.

Особенно в тяжелом положении находилось городское население. По продовольственным карточкам на 1941 г. им предоставлялось только 654 калории, тогда как местные немцы получали 2310 клорий. Какая-либо торговля продовольствием строго запрещалась. Такая продовольственная политика при отсутствии медицинской помощи вела к массовой смертности, к вымиранию польского народа. После освобождения в Польше насчитывалось 530 тыс. инвалидов, 60 тыс. психически больных. Больных туберкулезом было на 1140 тыс. больше, чем обычно. Рождаемость сократилась на 1215 тыс. человек.

Во Франции с начала введения нормирования продуктов, т.е. с сентября 1940 г., французы получали по 1800 калорий в день вместо научно обоснованной нормы в среднем 3,5 тыс. калорий. В последующие годы оккупации эта норма систематически уменьшалась и достигла 1000 калорий. Естественно, что во Франции в годы оккупации отмечалась весьма высокая смертность. Оккупанты не заботились об охране здоровья местного населения и это с точки зрения расовой теории было естественно — ведь французы такая же «неполноценная раса», как славяне и многие другие народы Европы. Если по довоенным официальным французским данным средняя смертность в стране составляла около 15 человек на 1 тыс. жителей, то в первый год оккупации она сразу подскочила до 18,5, а в 1944 г. составляла 19,6 человека. Почти на одну треть увеличилась смертность от туберкулеза на почве недоедания. В Нидерландах всю зиму 1944/45 г. свирепствовал голод, стоивший жизни примерно 25 тыс. голландцев.

Дети — жертвы террора

Жертвами фашистского террора в годы минувшей войны как в Германии, так и в оккупированных странах стали миллионы ни в чем неповинных детей. Ужасные преступления немецко-фашист-

ских расистов против детей представляют собой особую категорию международных преступлений.

Участники международной научной сессии, сотоявшейся в апреле 1979 г. в Варшаве и посвященной теме «Ребенок в период второй мировой войны 1939—1945 гг.», приводили многочисленные примеры фашистских злодеяний в отношении детей. Первыми жертвами этих злодеяний стали дети тех немецких антифашистов, которые были заточены в тюрьмы и концлагеря или погибли в застенках гестапо. Этих осиротевших детей пытались лишить гуманистических традиций, отравить расистскими «теориями», милитаризмом, убить у них чувства жалости и человечности.

В оккупированных странах Европы гитлеровцы не щадили ни взрослых, ни детей. Дети гибли на глазах родителей, родители гибли на глазах детей. Десятки тысяч мальчиков и девочек были согнаны в лагеря, в которых они в полную меру разделяли участь взрослых узников. Их морили голодом и холодом, лишали медицинской помощи, лишали права на учебу, от них требовали забыть свою национальность и родину. Над детьми проводились преступные псевдонаучные эксперименты.

Из сохранившихся данных видно, что через концлагерь Штутгоф прошло 2336 несовершеннолетних и детей. В лагере Освенцим-Биркенау после освобождения было найдено 115063 детских костюмчиков. Среди освобожденных этого лагеря в феврале 1945 г. находилось 180 детей. В Маутхаузене было учтено 15046 узников в возрасте до 18 лет. Среди 500 тыс. жертв варшавского гетто около 135 тыс., т.е. 27%, составляли дети до 14 лет.

Для массового убийства детей гитлеровские палачи в оккупированных странах создали специальные детские концлагеря. В одном из таких лагерей во Львове за два месяца было истреблено около 8 тыс. детей. Фашисты безжалостно убивали умственно отсталых детей, использовали детей и подростков на тяжелых физических работах. Многие десятки тысяч советских, югославских, польских, чешских, норвежских и других детей фашисты отправили в Германию с целью их германизации. Так, из 200 тыс. польских детей в возрасте до 12 лет, вывезенных для этой цели в Германию, на родину вернулись всего около 30 тыс.

Сотни тысяч детей в оккупированных странах погибли от недоедания, болезней, в ходе военных действий, от воздушных бомбардировок. Их убивали вместе со взрослыми во время многочисленных облав, которые устраивали оккупанты.

В целом жертвами гитлеровского террора в годы минувшей войны стали 13 млн детей.

Таким образом, немецко-фашистские оккупанты, осуществляя свои бредовые планы завоевания мирового господства и установления так называемого «нового порядка», при содействии местных коллаборационистов принесли народам, захваченных стран нечеловеческие страдания и бедствия, голод, разорение и смерть. Именно в этом особенно наглядно проявился звериный облик фашизма.

«Кнут и пряник»

Правда, в годы оккупации бывали кратковременные периоды, когда «кнут» нацисты чередовали с «пряником», заигрывали с местным населением, пытались найти среди него коллаборационистов и предателей. Так, 18 декабря 1942 г. в восточном министерстве состоялось совещание руководителей оккупационных органов на местах и представителей вермахта. Участники совещания пришли к выводу, что необходимо уточнение немецкой политики на Востоке с целью большего привлечения на сторону оккупантов местного населения. «Напряженность положения и необходимое усиление войск настоятельно требуют позитивного сотрудничества с населением. Россия может быть побеждена только русскими». К такому выводу пришли участники упомянутого совещания.

В других оккупированных странах, особенно после Сталинграда, нацистами была предпринята шумная пропагандистская кампания, запугивавшая народы Европы угрозой «большевизма» и призывавшая их к «крестовому походу против коммунизма». Чтобы привлечь к этому походу народы, гитлеровцы вынуждены были, не отказываясь от своих стратегических целей, несколько изменить тактику. Через несколько дней после поражения под Сталинградом Геббельс 15 февраля 1943 г. издал директиву, в которой предлагал более внимательно обращаться с народами, живущими за пределами Германии.

Попытку некоторой «модернизации» режима в Польше предпринял и палач польского народа генерал-губернатор Г.Франк. К работе в различных административных органах стали привлекаться поляки и украинцы. Конечно, гитлеровским оккупантам невозможно было управлять многомиллионной страной без участия в какой-то мере самого польского населения. Так, к апрелю 1941 г. в различных административных органах работало 40 тыс. польских чиновников, полицейских — 11 тыс. человек, на железной дороге — 10 тыс. человек и т.д. Всего же в генерал-губернаторстве было занято около 130 тыс. польских чиновников и служащих.

Как-то Франк похвалялся, что немногочисленным немецким «господам» приходится во враждебном генерал-губернаторстве весьма трудно. Ведь на территории уезда в 4 тыс. кв. км поддерживает порядок только 40—45 немецких жандармов. Поэтому, говорил Франк, власти вынуждены прибегнуть к созданию польской и украинской полиции. Генерал-губернатор предлагал воспользоваться разрывом дипломатических отношений между Советским Союзом и польским эмигрантским правительством, чтобы привлечь польский народ к борьбе против СССР. Он заклинал, что подобного благоприятного случая, возможно, более и не представится. Обосновывая свою новую тактику применительно к полякам, Франк в декабре 1943 г. объявил, что пока продолжается война немцам выгоднее не морить поляков голодом, а заставить их рабо-

тать. Из этих же соображений не следует предпринимать их массовые выселения.

Не от хорошей жизни Франк в своем выступлении перед представителями печати от 8 февраля 1944 г. счел нужным в самом благоприятном свете представить культурную жизнь в генерал-губернаторстве, Он, например, упомянул, что в 13500 народных школах занято 33 тыс. учителей, что в его «империи» действует 207 профессиональных, 134 церковных и 154 торговых школ и что германские власти даже предполагают создать музей Ф.Шопена, чего панская Польша не сделала за 20 лет. Далее генерал-губернатор сообщил, что здесь выходит 9 ежедневных газет тиражом в 700 тыс. экземпляров, 34 журнала общим тиражом около 1500 тыс. экземпляров и т.д. Все эти данные действительно выглядят внушительно, но Франк не упомянул главного: они преимущественно относятся не к польскому, а к немецкому населению генерал-губернаторства.

Признавая, однако, необходимость некоторого изменения своего отношения к польскому населению, оккупанты не собирались делать ему серьезных уступок. Они считали свою либеральную политику временным явлением и опасались, как выразился в июне 1943 г. губернатор Варшавы Фишер, что «поляки воспримут ее как нашу слабость». Подлинную цель некоторой «либерализации» жизни в генерал-губернаторстве раскрыл сам Франк в интервью представителям немецкой печати в октябре 1943 г. Он сказал тогда: «Общее изменение системы в отношении поляков мы вводим не в их, а в наших собственных интересах».

С середины 1943 г. оккупационные власти предприняли среди поляков антисоветскую кампанию, которую они назвали кодовым наименованием «Берта». Паролем этой кампании был тезис: «Главным врагом поляков является не Германия, а Советский Союз». Принимая у себя в июле 1943 г. представителей польского Опекунского совета, Франк заверил их, что немецкая политика в отношении поляков будет изменена к лучшему и что он хотел бы разговаривать с ними как «европеец с европейцами».

Многие другие факты свидетельствовали о том, что с 1943 г. под влиянием событий на советско-германском фронте Франк действительно несколько изменил свою тактику в генерал-губернаторстве. Если в 1941 – 1942 гг. оккупанты повсеместно отбирали землю у поляков, кто не выполнял хлебных «контингентов», то с 1943 г. и особенно в 1944 г. они мирились с невыполнением их даже до 70%. Если в 1941 г. оккупанты закрывали все польские учебные заведения, то с 1943 г. они взяли на бюджет генерал-губернаторства зарплату сельских учителей, но все прочие расходы на просвещение были оставлены на обеспечении самого населения. Были открыты начальные школы. Если в 1941 г. оккупанты вовсе не интересовались культурной жизнью польского населения, то после поражения в Курской битве вдруг решили издавать для него газеты и журналы.

В конце 1943 г. — начале 1944 г. оккупационные власти вновь усилили пропаганду среди поляков, чтобы привлечь их к антисоветскому походу. Гитлеровские власти рассчитывали не только изменить свою тактику в отношении поляков, но и привлечь их к активной борьбе против Советского Союза. Для этого предполагалось в пропагандистских целях использовать видных политических и государственных деятелей довоенной Польши.

6 февраля 1944 г. Франк записал в своем дневнике, что во время встречи с Гитлером обсуждался вопрос о более активном привлечении поляков к войне против Советского Союза, в частности, в виде создания польских легионов. Однако Гитлер запретил впредь составлять подобные планы, ибо он не хочет иметь новой пилсудчиковской армии наподобие созданной в первой мировой войне немцами и австрийцами, но которая вскоре воевала против них же. Пусть лучше поляки работают, заявил фюрер.

В феврале 1944 г. генерал-губернатор, выступая перед представителями печати, снова стремился представить свою деятельность как благодеяние для польского народа. Франк ставил себе в заслугу то, что оккупанты «освободили крестьян от махрового феодализма», что они и не думали онемечивать поляков, что они даже поддерживали католическую церковь, как один из решающих антибольшевистских факторов. Далее он привел примеры того, как власти генерал-губернаторства заботятся о народном образовании для поляков, поощряют театральную жизнь, издательскую деятельность и т.д.

Аналогичные примеры заигрывания с населением можно привести и из других оккупированных стран.

Однако народы все больше убеждались в том, что фашизм — это бесчеловечная система, которая не в состоянии отказаться от зверских приемов и методов обращения с населением для установления своего мирового господства. Под влиянием всех этих факторов немецко-фашистские оккупанты перестали играть в «либеральную» политику и показывали свое подлинное лицо.

Преступления против человечности и военные преступления, совершенные в огромных масштабах на оккупированных территориях, фашисты оправдывали тем, что на эти территории распространялось германское право. Это означало, что оно широко применялось к поступкам, совершенным иностранцами за пределами Германии. Так, декретами от 4 октября 1939 г. и 6 июня 1940 г. в Польше вводилась германская юрисдикция. Аналогичные меры распространялись на протекторат, где также действовала германская юрисдикция, с тем чтобы «законно» обосновывать злодеяния и зверства оккупантов в отношении чешского народа.

Особое значение оккупанты придавали противодействию экономическому саботажу на предприятиях, для чего создавались специальные карательные органы. Так, в Чехословакии, промышленность которой занимала важное место в военно-экономическом потенциале Германии, еще в конце сентября 1941 г. при немецкой

уголовной полиции были созданы особые экономические команды. Аналогичные органы создавались во Франции, Бельгии и в других странах, где промышленность в значительной мере работала на германскую военную машину. Большое внимание оккупационные власти уделяли охране военных заводов в Польше, имея в виду, что в 1943 г. они производили, в частности, до 39% боеприпасов для пехоты, а лодзинская промышленность представляла собой более 13% производственного потенциала текстильной промышленности Польши. В Румынии в связи с участившимися случаями саботажа 1 мая 1943 г. был принят закон о мерах по расширению военного производства и борьбе с экономическим саботажем.

Насильственные переселения

Одним из преступлений фашистских оккупантов и национальных предателей перед человечеством и своими народами в годы второй мировой войны были массовые насильственные переселения миллионов мирных граждан. По данным президента Международного комитета Красного Креста П.Рюггера, число лиц, потерявших в годы Второй мировой войны и в первый послевоенный период родину и имущество, составило во всем мире почти 60 млн человек, из них почти $^1/_4$ всех беженцев, т.е. 15,5 млн человек, находилась в Европе.

Мотивы таких массовых насильственных переселений были весьма разнообразны. Так, широкое распространение в ряде оккупированных стран приобрели выселения местных жителей из районов, где располагались или предполагалось строительство аэродромов, полигонов, стартовых площадок для ФАУ-1 и ФАУ-2 и других военных объектов, из прибрежной полосы, из районов расположения крупных командных пунктов и узлов связи (Польша, Чехословакия, Франция, Бельгия, Норвегия, СССР). Как правило, масштабы таких переселений были сравнительно ограничены и в пространственном отношении не выходили за пределы близлежащих районов. В Польше, Югославии и Советском Союзе немецко-фашистские каратели при участии местной полиции изгоняли жителей из населенных пунктов, расположенных вблизи зон, где активно действовали партизаны.

Так, 10 июля 1943 г., когда на Курской дуге шла ожесточенная битва, Гитлер приказал все население Белоруссии и северных областей Украины, где особенно активно ширилась партизанская война, выселить в Германию: мужчин в качестве военнопленных, женщин как гражданских работниц, а детей отправить в специальные лагеря. Однако победа советских войск под Курском и их успешное наступление на других участках фронта не дали оккупантам осуществить это варварское злодеяние.

На оккупированной территории Советского Союза, кроме того, военные власти противника при отсутствии активных действий сто-

рон широко практиковали выселение мирных жителей из прифронтовой полосы, которая имела глубину, как правило, несколько десятков километров. Это касалось многих сотен тысяч человек, имея в виду, что протяженность фронта от Баренцева моря до Главного Кавказского хребта составляла 4,5 тыс. км. Из архивов различных немецко-фашистских учреждений после войны стало известно, что планировалось полное выселение жителей Крыма, в том числе татар. Директива Гитлера от июля 1941 г. требовала эвакуировать из Крыма всех русских, а позже татар и украинцев, и о создании здесь немецких поселений. Уже в начале 1942 г. были разработаны детальные инструкции.

Генеральный комиссар Крыма А.Фрауэнфельд предложил загнать всех татар в горы, где климатические условия не позволяют жить немцам, и создать там для татар специальный резерват. В июле 1942 г. были предприняты шаги по организации переселения в Крым нескольких тысяч этнических немцев из северных провинций Италии. Однако из-за событий на фронтах осуществление этого шага было перенесено на «послевоенное время».

Наиболее типичными для переселенческой политики гитлеровцев во Второй мировой войне были массовые и как правило насильственные выселения людей по расово-политическим причинам.

Первыми испытали на себе последствия этой политики сами немцы, издавна проживавшие в других странах Европы и, стало быть, не являвшиеся гражданами Германии. По завышенным данным фашистской пропаганды, их насчитывалось до 10 млн человек. Не считая Чехословакии и Австрии, которые еще до начала войны были захвачены, наиболее многочисленные колонии немцев имелись в Польше, Италии, Румынии, Венгрии, Югославии и в Советском Союзе.

В пункте 1 программы нацистской партии прямо говорилось: «Мы требуем объединения всех немцев в великую Германию на основе права народов на самоопределение». В книге «Майн кампф» Гитлер объявил о своем принципиальном намерении объединить всех немцев независимо от их гражданства в одном государстве с тем, чтобы воспрепятствовать смешению крови «расовочистых» немцев с другими народами. В качестве одного из путей такого объединения предусматривалось их переселение в Германию. Эти расистские и экспансионистские планы фашистского руководства находились в вопиющем противоречии с нормами международного права и означали грубое вмешательство во внутренние дела других стран.

Однако нужно особо подчеркнуть, что подобные планы имели стретегический характер и вопрос о их немедленной реализации в 30-е годы не ставился. Наоборот, в Берлине тогда были заинтересованы в том, чтобы хорошо организованные и находившиеся под влиянием нацистской партии землячества этнических немцев в разных странах укрепляли в них свои политические, экономические и

культурные позиции и служили бы «пятой колонной» немецкого фашизма.

Но в начале Второй мировой войны политическая обстановка в регионе Восточной Европы и в Прибалтийских республиках коренным образом изменилась. Здесь укрепились позиции Советского Союза и надежды Гитлера на использование проживавших в этих странах этнических немцев в качестве «пятой колонны» рухнули. В такой обстановке фашистское правительство круто изменило свою политическую линию в отношении этнических немцев и решило срочно переселить их в Германию. Тем более что правительства суверенных государств не возражали против подобных мер, т.к. сами были заинтересованы освободить страну от чужеродных и весьма беспокойных элементов. Вот почему первая волна переселений этнических немцев в Германию основывалась на межправительственных соглашениях.

Возникает, естественно, вопрос о выгодах, которые побудили фашистских правителей столь срочно и в массовом масштабе заняться переселением этнических немцев в рейх. Очевидно, первая из них заключается в том, чтобы в какой-то мере содействовать решению проблемы рабочей силы, которая приобретала для Германии серьезный характер в условиях «большой войны». В Берлине также учитывали необходимость заселить и «освоить» огромные территории, аннексированные у Польши и Чехословакии, т.к. их коренное население было изгнано в генерал-губернаторство и протекторат. Немаловажно было и то, что верховное командование вермахта рассчитывало за счет этнических немцев иметь дополнительный резерв «пушечного мяса». Наконец, новые миллионы немцев, проживающие в границах рейха, дали бы фашистской пропаганде дополнительный аргумент в пользу ее демагогического лозунга о «народе без пространства», который оправдывал бы дальнейшие агрессивные акты гитлеровской Германии по расширению этого «жизненного пространства».

Кампания массового переселения этнических немцев началась сразу же после речи Гитлера 6 октября 1939 г. в рейхстаге, в которой была изложена целая программа установления «нового порядка» в области национальных отношений в Европе. Составной частью этой программы было переселение этнических немцев в Германию и на аннексированные ею территории из ряды сопредельных стран на основе межправительственных соглашений. На следующий же день в секретном порядке была создана специальная организация — Имперский комиссариат по укреплению немецкой нации во главе с рейхсфюрером СС Гиммлером. Практическим осуществлением переселения занималось Центральное иммиграционное ведомство, находившееся в Познани, при содействии правительств соответствующих стран.

В разных районах аннексированных воеводств Польши были созданы местные переселенческие бюро и специальные отделы при местных органах СД и полиции. Планы переселения детально разрабатывались ими с участием органов безопасности, представителей партийных инстанций, а также при помощи польских ландратов и бургомистров. Проблемы переселения этнических немцев, естественно, решались в «комплексе» с выселением польского населения.

Со всеми странами Восточной Европы, откуда подлежали переселению проживавшие там этнические немцы, соответствующие соглашения были заключены в срочном порядке до начала агрессии против Советского Союза. На основе этих документов 360 тыс. этнических немцев из указанных стран было переселено уже к весне 1941 г. Формально переселения происходили добровольно. Но фактически этнических немцев принуждали к выезду в Германию, угрожая в противном случае всевозможными репрессиями. Так, в директиве Гиммлера от 19 августа 1940 г. отмечалось, что тех, кто не соглашается переселиться в настоящее время, позже считать беженцами без предоставления им каких-либо привилегий.

Но дальнейшее переселение немцев, не попавших в первые списки, продолжалось уже в условиях оккупации. Всего к январю 1944 г., по официальным данным ведомства Гиммлера, было переселено 770577 немцев из разных стран, а к концу того же года эта цифра поднялась до 1 млн человек. Следует однако иметь в виду, что несколько десятков тысяч граждан других стран были искусственно причислены к этническим немцам и включены в списки на переселение. На территории Германии и Польши для них были созданы свыше 1500 специальных переселенческих лагерей. Переселенцев власти заверяли, что это, мол, временное явление. Однако многим десяткам тысяч переселенцев пришлось жить в таких лагерях до конца войны.

Вторая волна насильственного переселения многих сотен тысяч этнических немцев, проживавших в других странах, прошла по мере отступления немецко-фашистских войск с оккупированных территорий. Таким образом, были выселены многие тысячи советских граждан немецкой национальности, проживавшие в районах Северного Кавказа, на юге Украины, на Волыни, в Ленинградской области, в республиках Советской Прибалтики. Некоторые из них бежали сами, опасаясь наказания за содеянные злодеяния. Большие массы немцев были эвакуированы также из генерал-губернаторства, Словакии, Румынии, Венгрии, Югославии, Эльзаса и Лотарингии и некоторых других стран и территорий.

Наконец, третья волна переселений охватила не только тех этнических немцев, которые уже были прежде переселены в Восточную Пруссию и на аннексированные территории Западной Польши, но и миллионы проживавших здесь имперских немцев. Фашистские власти путем запугивания и террора заставляли миллионы мирных граждан лишь в последние минуты покидать насиженные места и в условиях зимы 1944/45 г. уходить на запад в Германию. Многие из них не выдержали неимоверных страданий, голода и холода. Но приказ Гитлера на этот счет был жесток и местные гау-

лейтеры выполняли его, не считаясь с жертвами. Так, на запад ушло около 8,5 млн немцев с территорий Германии в границах 1937 г. Спровоцированное гитлеровцами неорганизованное бегство немецкого населения на запад, по справедливому определению германского историка Г.-А.Якобсена, явилось самой трагической главой в германской истории.

Пройдут годы и некоторые германские историки предпримут издания документальных сборников, в которых вину за страдания миллионов немцев, проживавших в восточных областях Германии, попытаются возложить не на фашистский режим, а на Советский Союза и другие страны антигитлеровской коалиции, принявших решение о переселении оставшихся немцев из Восточной Пруссии, Польши, Чехословакии и других территорий в Германию.

Для миллионов этнических немцев переселение означало разрушение сложившихся жизненных устоев, потерю материальных благ, которые они создали своим усердием и трудолюбием или которыми они пользовались благодаря политическому и экономическому весу. А для многих из них это была потеря родины, где они родились и выросли.

По масштабам и особенно по способам переселения этнических немцев ни в какое сравнение не входят с бесчеловечной депортацией миллионов представителей других национальностей. Их выселения сопровождались грабежом имущества, различными унизительными процедурами, избиениями, массовыми убийствами, бесперспективностью дальнейшего существования. Это была одна из величайших трагедий ни в чем неповинных людей — детей, женщин, стариков, одна из форм преступного геноцида и человеконенавистничества со стороны германского фашизма и национальных предателей.

Наиболее массовые не только переселения, но насильственные депортации местного населения гитлеровские оккупанты совершали на территории Польши. Так, еще в ходе войны против Польши в сентябре 1939 г. гитлеровцы разработали план выселения из западных воеводств Польши до 7 млн поляков, т.к. до 70% проживавшего там польского населения. Из них 1 млн человек было запланировано выселить до февраля 1940 г.

Впоследствии, исходя из складывавшейся внутренней и международной обстановки, эти планы претерпели изменения. В конечном итоге, по данным польских исследователей, из аннексированных воеводств (Варталанд, Поморье, Верхняя Силезия и округ Цеханув) в генерал-губернаторство было выселено 1 млн поляков, а с учетом изгнанных из домов, но оставшихся на данной местности или вывезенных непосредственно в Германию, свыше 1,5 млн человек.

Особенно крупные масштабы (630 тыс. человек) выселение поляков приняло в Варталанде, где местный гаулейтер А.Грейзер был ярым противником каких-либо попыток их германизации, считая

поляков абсолютно негодными для этой цели. Тем не менее, те из поляков, которые соответствовали критериям расистской концепции фашистов, вывозились в Германию с надеждой на их германизацию. В Варталанде таких оказалось 31423 человек и в Силезии — 14 тыс. человек. Кроме того из Варталанда 23573 поляков было вывезено во Францию для использования на работах в сельском хозяйстве.

Пропорционально ко всему населению несколько меньше было выселено поляков из Силезии (до конца 1942 — 81 тыс. человек), Поморья — свыше 120 тыс. и округа Цеханува — около 25 тыс. человек. Объясняется это тем, что, во-первых, оккупационные власти в Силезии нуждались в квалифицированных польских рабочих для промышленности и особенно для угольных шахт и, во-вторых, местные нацистские правители в Силезии и Поморье строили планы массовой германизации польского населения путем введения так называемых «национальных списков» (подробно об этом говорилось в предыдущих главах).

Таковы были масштабы «плановых» переселений поляков. Но нацисты, особенно в первые месяцы оккупации, в Варталанде и Поморье весьма поощряли так называемые «дикие» выселения. Жертвами таких выселений стали от 30 до 40 тыс. поляков, вынужденных бежать на территорию генерал-губернаторства.

На место изгнанных поляков в Варталанд прибыло около 285 тыс. этнических немцев, среди них 120 тыс. советских граждан немецкой национальности, проживавших на юге Украины, а также около 200 тыс. (к весне 1944 г.) имперских немцев. Из Германии было переселено 192 тыс. немцев в Верхнюю Силезию и 50 тыс. — в Поморье.

Оной из преступных акций гитлеровских оккупантов на территории Польши было массовое выселение поляков из плодородного края Замойщины, расположенного в Люблинском воеводстве. Он включал в себя четыре района (Замойский, Томашувский, Люблинский, Хрубешувский и Билгорайский), где находилось 696 сел с населением около 500 тыс. человек, из них 66% составляли поляки, 24% — украинцы и почти 10% — евреи.

Идея о том, чтобы Замойщину заселить немцами и превратить ее в крупнейшую немецкую колонию на востоке, была впервые выдвинута начальником СС Люблинского дистрикта О.Глобочником 15 июня 1941 г. После полученного согласия от Гиммлера был детально разработан план выселения и его способы. Реализация плана началась внезапно 28 ноября 1942 г. После непродолжительного шока и растерянности местное население оказало оккупантам сопротивление, что значительно осложнило всю их акцию. Она затянулась до август 1943 г., но полностью так и не была выполнена. Из 293 сел этого края карателям удалось выселить свыше 100 тыс. польских крестьян. На их место прибыло несколько десятков тысяч немецких колонистов.

Выселение сопровождалось массовыми убийствами, угоном многих поляков в концлагеря и трудовые лагеря, а детей — для германизации в рейх, уничтожением многих домов и целых населенных пунктов.

С учетом других массовых акций по депортации польского населения (в Варшаве, Людзи и т.д.) оккупанты заставили миллионы поляков покинуть родные места, бросить свой очаг и имущество и превратиться в резерв рабочей силы для гитлеровской Германии.

В Чехословакии после аннексии Судетской области германские власти выселили в протекторат около 90 тыс. человек, в основном чехов. Формально это происходило в соответствии с немецко-чехословацким договором от 20 ноября 1938 г. о взаимном обмене населением. Однако с марта 1939 г. этот договор потерял силу. Кроме того, в ходе войны из Судетской области, Словакии и Закарпатской Украины в протекторат было эвакуировано около 450 тыс. человек, в том числе евреев, чехов и других. В частности, из Словакии было насильственно переселено свыше 70 тыс. человек, большинство из них составляли евреи.

Широкие размеры приняла депортация населения в Югославии. Она осуществлялась как нацистами и итальянскими оккупантами, так и их хорватскими, словенскими и сербскими сообщниками и проводилась жестокими методами. Не выдержав насилия и террора, 209 тыс. сербов вынуждены были покинуть другие края Югославии и выехать в Сербию. По данным правительства Недича, до 30 сентября 1942 г. 110 тыс. сербов прибыло из Хорватии, 99 тыс. сербов и словенцев из Македонии, 31 тыс. сербов, хорватов и словенцев из венгерской оккупационной зоны, 23 тыс. — из Бачки. В мае 1941 г. Риббентроп предложил из аннексированных областей Нижней Штирии и Верхней Крайны выселить 200 тыс. словенцев. Большая часть этого плана была выполнена. Часть словенцев была переселена в так называемое «Независимое государство Хорватию», а около 80 тыс. человек оказались разбросанными по другим странам Европы, в том числе во Франции и Польше.

Но, осуществляя массовые переселения сербов и словенцев, оккупационные власти при поддержке хорватских коллаборационистов учитывали то обстоятельство, что многие из выселенных сербов и словенцев пополняли ряды партизан и включались в активную освободительную борьбу. Еще в августе 1941 г. начальник оперативной группы полиции безопасности и СД в Белграде предлагал «временно прекратить выселения с тем, чтобы не дать коммунистам возможности использовать этих недовольных и бездомных людей в своих целях».

Таким образом, речь шла лишь о временном прекращении переселений с тем, чтобы несколько успокоить население и возобновить его, как только представится иная возможность.

Общие итоги переселений в Югославии представлены в следующей таблице.

Время	Откуда Куда	Число выселенных	Примечание
7.6—10.7. 1941 г.	из Словении в Сербию	7185	ок. 17 тыс. в Люблянскую провинцию
11.7—27.9. 1941 г.	из Словении в Хорватию	9882	
1.8—28.8. 1941 г.	из Хорватии в Сербию	14550	св. 100 тыс. «диких» в Сербию
24.10.1941— 30.7.1942 г.	из Словении в Германию	36080	
15.4—17.4. 1942 г.	из Словении (Каринтии) в Германию	194	
26.3.1942— 22.8.1943	из Словении, Бачки, Бараньи, Прекомурья в Германию и Венгрию	9000	ок. 12 тыс. «диких» в Сербию

Массовые переселения немецко-фашистские оккупанты и их местные сообщники практиковали и во Франции. Так, из районов, прилегающих к побережью Северо-Западной Франции, было выселено 350 тыс. жителей, с побережья Средиземного моря — 450 тыс. человек. После вторжения во Францию союзных войск из северных департаментов страны было дополнительно эвакуировано 300 тыс. человек.

Однако от переселений по расово-политическим причинам особенно пострадали жители французских департаментов Нижний Рейн, Верхний Рейн и Мозель (Эльзас и Лотарингия). Эти департаменты являлись ареной сражений во всех войнах, которые велись между Германией и Францией за последнее столетие. Их территории переходили из рук в руки, а после победы Германии во Франко-прусской войне 1871 г. были оккупированы и аннексированы немцами до Версальского мира 1919 г. За это время значительная часть жителей Эльзаса и Лотарингии подверглась сильной германизации, но все же не забыла своей принадлежности к французскому народу.

Когда в 1940 г. немецкие оккупанты вновь появились в Эльзасе и Лотарингии, то, считая их своей «исконной» территорией, а жителей — немцами, не планировали массовых выселений. Исключение было сделано для евреев, но большинство из них эвакуировалось еще до прихода немецких войск. В августе 1940 г. было предложено покинуть Эльзас и Лотарингию тем французам, которые родились в других департаментах. В отношении основной массы жителей гаулейтеры этих провинций Бюркель и Вагнер стали активно осуществлять политику германизации. Но в октябре 1940 г.

состоялась встреча Гитлера с Петеном, которая положила начало политике официального коллаборационизма правительства Виши с оккупантами. Это событие вынудило лишь на время отложить выселение из Эльзаса и Лотарингии всех франкофильских элементов. Кампания выселения снова возобновилась осенью 1940 г.

Весной 1941 г. нескольким тысячам жителей Лотарингии было разрешено добровольно переселиться в неоккупированную зону Франции. Но с августа 1942 г., когда лотарингцы были объявлены гражданами Германии, 100 тыс. человек, пожелавшим выехать в Южную Францию, выезд был запрещен. В 1943 г. около 8 тыс. лотарингцев, активно выступавших против германизации их родины, были насильно депортированы в Германию и лишь около 1,5 тыс. разрешено выехать в другие французские департаменты. Одновременно из Франции (обеих ее зон) выехало около 20 тыс. этнических немцев.

Всего в течение 1940—1944 гг., по немецким данным, было выселено 100 тыс. лотарингцев и 10 тыс. эльзасцев, в том числе из Нижнего Рейна 13412 человек (т.е. 2% населения 1946 г.), Верхнего Рейна — 11931 человек (2,6%) и Мозеля — 84818 человек (13,8%). Основная их масса была направлена в 43 центральных и южных департаментов Франции.

Следует однако напомнить, что, как справедливо подчеркивает видный французский исследователь истории Франции в годы Второй мировой войны и движения Сопротивления профессор А.Мишель, при переселениях во Франции оккупационные власти не позволяли себе обращаться с французами так жестоко и бесчеловечно, как это они делали в Польше, Советском Союзе и других славянских странах. Учитывая стратегическое положение Франции и верную службу коллаборационистского правительства Виши, нацисты избегали крайностей и грубой конфронтации с французами.

В других оккупированных странах Европы немцы также осуществляли выселение неугодных им лиц, но в гораздо меньших масштабах, чем это делалось в указанных выше странах. История не знала подобного массового и насильственного переселения людей, какое устроили в Европе немецко-фашистские оккупанты в годы второй мировой войны. Это «великое переселение народов» охватило не менее 10 млн человек и оставило глубокий след в жизни целого поколения.

Таким образом, цели экономического ограбления и переселенческая политика оккупантов и действовавших с ними коллаборационистов вытекали из самой природы фашизма и являлись вопиющим нарушением общепринятых норм международного права, закрепленных во многих международных актах. Вот почему они квалифицируются как противоправные действия. Цели экономического ограбления имели такой же авантюристический характер, как политические и военные цели фашизма, ибо они выходили далеко за рамки возможностей самой гитлеровской Германии.

Активная поддержка грабительской политики оккупантов со стороны коллаборационистских сил как в оккупированных странах, так и в странах-сателлитах свидетельствовала об антинародном и антинациональном характере их деятельности. За это предательство после завершения войны они заслужили суровое наказание.

Примечания

1 Бахман К. Кем был Гитлер в действительности. М., 1981. С. 127.
2 Там же. С. 128.
3 Там же. С. 156—157.
4 Hillgruber A. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden, 1954. S. 249.
5 Ibid. S. 249.
6 Scânteia. 3.12.1948.
7 Красная звезда. 29.5.1942.
8 Neue Zürcher Zeitung. 6.8.1946.
9 Lupta de clasă. 1956. № 10. P. 100.
10 Ibid.
11 Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ). Ф. 125. Оп. 33 «Г». Пап. 168. Д. 111. Т. XIV. Л. 11.
12 Там же. Л. 15.
13 АВП РФ. Ф. 125. Оп. 33 «Г». Пап. 168. Д. 111. Т. XIX. Л. 2, 20.
14 Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 6. С. 19—20.
15 История на България. Т. II. София, 1955. С. 809.
16 Там же. С. 265—266.
17 Работническо дело. Избрани статии и материали. 1927—1944 г. София, 1954. С. 377.
18 Кооперативно земледелие. 1946. № 3. С. 45.
19 Коммунистический Интернационал. 1942. № 6. С. 45—46.
20 Правда. 26.7.1942.
21 История Болгарии. Т. II. М., 1955. С. 268.
22 Работническо дело. Избрани статии и материали. 1927—1944. С. 633—634.
23 Ангелов В. Стопанската разруха на България. София, 1945. С. 36.
24 Там же. С. 46—47.
25 Работническо дело. Избрани статии и материали. 1927—1944. С. 366.
26 Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 1458. Оп. 3. Д. 77. Л. 59, 61.
27 Там же. Д. 215. Л. 13.
28 Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. 1965. М., 1966. С. 140, 141.
29 Там же. С. 149.
30 L'Humanitè. 16.10.1949.
31 Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 7—8. С. 55.
32 Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 3—4. С. 70.
33 Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 7—8. С. 63.
34 Там же. С. 56.
35 Плановое хозяйство. 1945. № 4. С. 91.
36 Мировое хозяйство и мировая политика. 1944. № 10—11. С. 62.

[37] Там же. С. 62.
[38] Правда. 31.3.1943.
[39] Мировое хозяйство и мировая политика. 1945. № 2—3. С. 37.
[40] OMGUS. Ermitlleingen gegen die I.G.Farbenindustrie AG. Fr. a/M., 1986. S. 228—255.
[41] Ibid. S. 209—219.
[42] Ibib. S. 201—209.
[43] Ibid. S. 219—228.
[44] Вишнев С. Военная экономика фашистской Италии. М., 1946. С. 78.
[45] Там же. С. 120.
[46] Там же. С. 124.
[47] Там же. С. 104.
[48] Там же. С. 107.
[49] Там же. С. 111.
[50] Там же.
[51] Там же. С. 84.
[52] Churchill W. The Second World War. Vol. I.L., 1948. P. 302.
[53] История второй мировой войны 1939—1945. Т. 2. М., 1974. С. 412.
[54] Балканские страны. М., 1946. С. 442.
[55] Там же. С. 269—270.
[56] Там же. С. 359—360.
[57] Там же. С. 148—149.
[58] История второй мировой войны 1939—1945. Т. 3. М., 1974. С. 68, 71.
[59] Там же. С. 101—103.
[60] The National Archives of the USA (NAUS). Wash. T. 175. Vol. 124. P. 59959, 599571.
[61] Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО). Оп. 724438. Д. 677. Л. 40.
[62] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 725. Л. 139—140.
[63] Там же. Д. 728. Л. 16.
[64] Там же. Д. 606. Л. 13—14.
[65] Там же. Д. 728. Л. 37.

Глава девятая

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ

Что же касается проявления коллаборационизма в области культуры в годы Второй мировой войны и оккупации, то он был составной частью более общей проблемы о месте и роли культуры при тоталитарных режимах, которые коллаборационисты защищали даже в ущерб своей национальной культуре.

Нет оснований утверждать, будто оккупанты при содействии коллаборационистов игнорировали роль культуры в общественной жизни. Наоборот, они придавали ей большое значение, рассматривая ее не просто как часть идеологии, но именно своей официальной национал-социалистической идеологии. Поэтому оккупанты при содействии коллаборационистов стремились максимально воздействовать на нее с целью реализации своих утилитарных задач.

Не во всех оккупационных странах фашисты при содействии местных коллаборационистов начинали проводить свою политику в области культуры с нуля. В странах, где существовали либерально-демократические культурные традиции, оккупанты их просто подавляли или уничтожали. В других же странах кое-какие их элементы использовали в своих интересах. Но были страны, например на оккупированных территориях Советского Союза, где оккупанты и коллаборационисты брали на вооружение существовавшие здесь (в данном случае сугубо большевистские) механизмы государственного управления культурным процессом и культурной политикой. То, что из этих принципов им не подходило, просто уничтожалось.

Коллаборационисты в оккупированных странах своей предательской деятельностью нанесли народам огромный ущерб тем, что некоторые из них, сами будучи работниками культуры и науки, содействовали оккупантам в их подавлении национальной культуры и использовании науки в их преступных интересах. Цель этих преступлений состояла в том, чтобы низвести порабощенные народы до положения рабов не только физически, но и духовно, уничтожить или разграбить создававшиеся ими на протяжении веков замечательные культурные ценности, заставить забыть свою историю, язык, обычаи, т.е. лишить народы их памяти. Такая духовная деградация, по расчетам нацистов и сотрудничавших с ними национальных предателей, должна была облегчить управление этими народами, господство над ними.

Гитлеровских расистов не смущало и то обстоятельство, что многие народы Европы создали замечательные шедевры искусства и литературы, внесли огромный вклад в мировую культуру.

Важно отметить, что нацисты выступили врагами культуры не только других народов, но и своего собственного — немецкого народа. Известно, что в одном лишь 1938 г. 18 профессоров Германии и Австрии покончили жизнь самоубийством. Они не смогли вынести террора и издевательств нацистов. Когда директор Института им. Кайзера Вильгельма всемирно известный ученый Макс Планк пожаловался Гитлеру на невозможность в Германии заниматься научными исследованиями, тот ответил: «Вы благодарите свой престарелый возраст, что за такие жалобы я Вас не могу послать в концлагерь».

Из Германии эмигрировало свыше 10 тыс. научных работников, в том числе 2 тыс. крупных ученых. В стране резко сократилось число студентов — со 130 тыс. в 1932 г. до 70 тыс. в 1938 г.[1]

Известный немецкий писатель-антифашист Стефан Хермлин вспоминает, как он пытался уговорить отца во время фашистской диктатуры уехать за границу. Но отец ответил: «Зачем?» Помолчав, он добавил: «Германия — тюрьма, но тюрьма комфортабельная. Между прочим, — продолжал он, — я давно не зарабатывал столько денег. Уж этого у нынешних господ не отнять: для экономики они делают немало». Но позже, как рассказывает писатель, он все же был арестован в «хрустальную ночь» и погиб в Заксенхаузене. Это, конечно, частный случай, но он дает представление о настроениях немецкой интеллигенции тех лет.

А ведь именно интеллигенция, больше чем какой-либо другой социальный слой, пострадала в те годы от фашистского террора. Были преданы сожжению труды замечательных представителей немецкого народа, основоположников коммунистической идеи К.Маркса и Ф.Энгельса, великих гуманистов Б.Брехта, И.Бехера, Г.Гейне, В.Бределя, О.М.Графа, Генриха и Томаса Манна, Ф.Вольфа, Л.Фейхтвангера и многих других. В огне развязанной фашизмом войны было уничтожено около тысячи памятников немецкой культуры, из них 620 памятников имели мировое значение. Из хранившихся в немецких библиотеках и архивах 70 млн книг $^2/_3$ сгорело[2].

Но было и иное. Некоторые писатели сочиняли «военно-патриотические» стихотворения, режиссеры создавали боевики, воспевавшие походы вермахта, находились деятели искусства, которые устраивали для солдат шефские концерты. Среди видных дирижеров, дававших подобные концерты, был уже тогда известный Г.фон Караян.

Полная деградация ряда отраслей немецкой культуры — таков итог 12-летнего господства фашизма в Германии.

Но еще больший ущерб нацисты нанесли духовной культуре народов оккупированных стран. Так, в первые дни оккупации Чехословакии они объявили о своей готовности предоставить чехам так

называемую «культурную автономию». В речи в рейхстаге 28 апреля 1939 г. Гитлер лицемерно заявил, что, поскольку отношения между чешским и немецким народами всегда были тесными, Германия будет уважать национальную культуру чехов. Однако вскоре весь мир убедился, что означает эта «культурная автономия».

Исходя из принципов, изложенных в меморандуме германского протектора Богемии и Моравии К.-Г.Франка и одобренных Гитлером, фашистские оккупанты широким фронтом повели борьбу против чешской национальной культуры и чешской интеллигенции. Радикальным средством для достижения этой цели они считали изоляцию прогрессивных деятелей от народа или их физическое уничтожение. В одной из своих речей в начале войны руководитель полиции безопасности и СД Германии Р.Гейдрих похвалялся, что по его приказу было арестовано около 6 тыс. человек из среды интеллигенции. Но к концу войны это число увеличилось. От рук гитлеровских оккупантов погибли многие лучшие представители науки и культуры чешского народа.

Оккупанты делали все, чтобы разрушить чешскую культурную жизнь. Из всех высших учебных заведений они изъяли всю ценную аппаратуру и оборудование, увезли книги, архивы академического сената (высшего университетского органа).

С первых же дней оккупации чешским органам было указано резко ограничить употребление чешского языка. В директиве Франка Гахе от 24 июня 1939 г. предлагался следующий порядок пользования чешским и немецким языками: 1) немецкие власти пользуются исключительно немецким языком; 2) чешские власти для связи с немецкими органами пользуются также исключительно немецким языком; 3) во взаимных контактах между чешскими органами употребляются оба языка, но предпочтительно — немецкий; 4) в отношениях с населением употребляются также оба языка. Если иметь в виду, что немецкими властями считались не только оккупационные учреждения, но и чешские органы, в которых были немецкие представители (а они находились во всех министерствах), то фактически немецкий язык являлся официальным языком и в деятельности всех чешских властей.

С лета 1939 г. на немецкий лад было переименовано большинство чешских городов. Так, Усти-на-Лабе стал называться Аусиг, Мост — Брюкс, Ческе-Будеевице — Будвайс, Гавличкув-Брод — Дойчброд, Хеб — Эгер, Градец-Кралове — Кениггрец, Люберец — Рейхенберг, Опава — Троппау и т.д. По-немецки стали именоваться многие улицы, учреждения, предприятия, государственные и общественные посты. Где невозможно было использовать чисто немецкое наименование, там применялось сочетание немецких и чешских слов[3].

Германские органы безопасности отмечали, что при проведении в жизнь директивы об изменении чешских названий населенных пунктов обнаружилось активное сопротивление чехов, требовавших провести соответствующее научное исследование о правомерности

таких изменений. Имперский протектор вынужден был частично уступить и приказал кое-где применить как немецкие, так и чешские названия. Одновременно при Пражском университете была создана комиссия, которая получила задание проверить историческую и этнографическую обоснованность названий всех самых малых населенных пунктов протектората.

Особенно сильному онемечиванию подверглась чешская школа. Уже во второй половине марта 1939 г. было закрыто большинство школ в тех районах протектората, где проживало смешанное чешское и немецкое население, а школьные здания были переоборудованы под казармы. Массовая реквизиция чешских школьных зданий проводилась осенью 1939 г. в связи с концентрацией в протекторате войск для нападения на Польшу. Как правило, эти здания больше не возвращались чешским властям. Многие чешские школы преобразовывались в немецкие, и в них принимались дети только немецких чиновников, прибывших в протекторат с марта 1939 г., местных немцев и тех чехов, которые приняли германское гражданство. Денежные средства для ремонта чешских школ и на приобретение различных учебных пособий были резко сокращены.

В итоге германизаторской политики оккупантов и их активного коллаборациониста, министра школ и пропаганды протекторатного правительства Е.Моравца, количество учащихся чешских средних школ сократилось более чем вдвое – с 95164 в 1939/40 учебном году до 42888 в 1943/44 учебном году. А в последнем военном году большинство средних школ в протекторате было вообще закрыто.

Из школьных программ исключалось все, что напоминало о самобытности чешского народа. Запрещалось преподавание чешской истории, литературы, географии. Все воспитание учащихся, как сообщал Гейдрих М.Борману в ноябре 1941 г., проводилось в духе «немецкого образа мышления», за чем зорко следили специальные немецкие инспектора. Во всех школах насильно вводилось преподавание немецкого языка. Если для изучения чешского языка отводилось лишь 4 часа в неделю, то немецкому языку предоставлялось 7–8 часов. Многие ученики в знак протеста вообще перестали посещать уроки немецкого языка. Руководитель службы безопасности в протекторате в мае 1941 г. доносил в Берлин, что за последнее время в ряде чешских средних школ участились антигерманские выступления.

28 октября 1939 г. в связи с годовщиной провозглашения Чехословацкой Республики в 1918 г. в Праге состоялись многолюдные демонстрации. Их участники выкрикивали лозунги: «Мы хотим свободы!», «Немецкая полиция – немецкие свиньи!» и другие. Немецкие полицейские арестовали около 700 демонстрантов, которые носили значки со славянскими сочетаниями красок. К вечеру были предприняты против населения новые жесткие меры. В других городах также прошли демонстрации.

В связи с похоронами студента Я.Оплетала, смертельно раненного во время демонстрации 28 октября 1939 г., пражские студенты 15 ноября организовали еще одну демонстрацию. По докладу Нейрата и Франка Гитлер приказал силой оружия разогнать демонстрацию, а 9 наиболее активных ее участников расстрелять, что и было выполнено.

После бурных студенческих демонстраций в Праге на улицах города за подписью протектора Нейрата появилось следующее объявление: «Несмотря на неоднократные серьезные предупреждения, с некоторых пор группа чешской интеллигенции в сотрудничестве с эмигрантскими кругами за границей делает попытки путем небольших и более крупных актов сопротивления нарушить покой и порядок в протекторате Богемии и Моравии. При этом удалось установить, что зачинщики этих актов сопротивления находятся, в частности, в чешских высших школах.

Ввиду того, что 28 октября и 15 ноября эти элементы позволили увлечь себя на активную борьбу против отдельных немцев, были на три года закрыты чешские высшие школы, расстреляно девять виновников и арестовано большое количество участников. Прага. 17 ноября 1939 г.»

Пройдет несколько лет, и в Нюрнберге этот документ предстанет перед Международным военным трибуналом как обвинительный акт против фашистского человеконенавистничества и мракобесия. Тогда же Франк распорядился закрыть на три года все вузы, а студентам было предложено в течение 48 часов найти себе физическую работу. Чешским студентам было также запрещено продолжать учебу в самой Германии, Австрии и в других странах, как это практиковалось в довоенные годы.

Обосновывая необходимость подобных репрессий, Гейдрих в своем выступлении перед функционерами оккупационных органов в феврале 1942 г. заявил, что чешский университет будет закрыт навсегда, потому что «медицину или математику можно изучать и в немецком университете». А статс-секретарь протектора заявил тогда же чешской делегации, которая ходатайствовала об открытии университета для чехов: «Если войну выиграет Англия, вы сами откроете свои учебные заведения. Если победит Германия, вы вполне обойдетесь пятиклассной народной школой».

Чтобы деморализовать чешское движение Сопротивления, оккупационные власти кроме применения силы после событий в октябре 1939 г. усилили пропаганду среди чехов, чтобы убедить их отказаться от своей национальной истории, своих традиций и обычаев. В циркуляре, направленном всем отделам пропаганды протектората, предлагалось: «Совершенно определенным образом необходимо подчеркивать принадлежность чехов к европейско-германской культуре. Необходимо настаивать во всех случаях на сильном влиянии, которое оказывала германская культура на чешскую культуру, даже на зависимость, в какой чешская культура находилась от культуры германской и, в частности, на существование германских

культурных традиций в Богемии и Моравии. Необходимо всегда принимать во внимание тот факт, что чехи, хотя и говорят на славянском языке, но, находясь на протяжении столетий вместе с германскими народами, народами более высокой культуры в государствах немецкого преобладания, действительно принадлежат к германской культуре и не имеют почти ничего общего с другими славянскими народами...»

Однако, как сообщается в донесениях службы безопасности, эта речь не привела чехов в уныние. Наоборот, бойкот многих немецких мероприятий с их стороны усилился. Расширилось распространение различных антинемецких слухов. Чехи все реже посещали немецкие кинотеатры, чешские врачи под различными предлогами отказывались оказывать медицинскую помощь немцам. Чехи, перенимавшие немецкие обычаи, а тем более сотрудничавшие с немцами, подвергались оскорблениям. В г. Пардубице, например, никто из чехов не носил сапог, так как это считалось проявлением внимания к немцам, и поэтому чехи, носившие сапоги, были окружены презрением и бойкотом.

В 1940 г. вышла подпольная листовка, написанная Юлиусом Фучиком, в форме открытого письма чешской интеллигенции И.Геббельсу. «Вы закрыли наши университеты, вы онемечиваете наши школы, вы ограбили и заняли лучшие школьные здания, превратили в казармы театр, концертные залы и художественные салоны, вы грабите научные учреждения, прекращаете научную работу, хотите сделать из журналистов убивающие мысль автоматы, убиваете тысячи работников культуры, уничтожаете основы всей культуры, всего того, что создает интеллигенцию, — и теперь хотите именно с ее помощью продолжать свое дикое безумие.., — говорилось в листовке. — Вы еще можете наносить бешенные удары во все стороны, но организовать вы не можете ничего, кроме собственного краха».

Важным орудием национального угнетения чешского народа и его онемечивания с первых же дней оккупации стала проблема гражданства. Несмотря на то, что указаом Гитлера протекторат считался не оккупированной или присоединенной страной, а составной частью рейха, за чешским населением не признавалось право немецкого гражданства. Чтобы как-то устранить такую неопределенность в юридическом положении чехов, статс-секретарь Министерства внутренних дел Германии В.Штуккарт, являвшийся автором статута протектората, предложил ввести понятие «гражданин под защитой рейха».

Более радикально был настроен К.-Г.Франк, предлагавший вообще лишить чехов какого-либо гражданства. Обосновывая свою точку зрения, он писал 27 сентября 1939 г. начальнику имперской канцелярии Г.-Г.Ламмерсу: «Моя цель заключается в том, чтобы раздробить чешский народ. Поэтому желательно, чтобы все представители чешского народа, не взирая на имеющееся у них государ-

ственное гражданство, были теперь объединены как граждане протектората...»

С одной стороны, такое решение вопроса устраивало бы оккупантов, ибо оно не предусматривало никаких обязательств рейха в отношении чехов, но зато оставляло чешское население бесправным. Слабым местом такого варианта, по мнению немецких органов юстиции, являлось то, что чехов без гражданства нельзя было обвинять и судить за государственную измену. Неясно было и то, как квалифицировать чехов — солдат, сдавшихся в плен: обычными военнопленными или изменниками. В феврале 1940 г. тот же В.Штуккарт в письме к К.Нейрату предложил «соломоново решение»: в случае судебного преследования в отношении чехов всегда выносить такой приговор, который соответствовал бы интересам Германии.

В результате длительного обсуждения в Берлине было все же решено ввести для чехов понятие «гражданин протектората», которое было гораздо у́же понятия «гражданин рейха». Так, например, на «гражданина протектората» не налагалась обязанность служить в вермахте, запрещалось вступать в брак с лицами немецкой национальности и т.д. Но с другой стороны, как с идейно-политических, так и с чисто практических соображений, Гитлер был крайне заинтересован в увеличении числа германских граждан, ибо их рост в протекторате означал бы, в частности, «успехи» германизации чехов. Ведь по данным германской статистики, в протекторате в 1942 г. проживало всего лишь 270 тыс. граждан Германии. Это было крайне мало, чтобы считать его частью рейха. Поэтому еще в апреле 1939 г. на основании проекта, разработанного Глобке в Министерстве внутренних дел, была издана директива, разрешавшая переходить в германское гражданство определенной категории чешского населения. Такое разрешение касалось даже проживавших в протекторате цыган, которых в Чехословакии, по данным переписи 1930 г., было 31415 человек, из них в Чехии — 227, в Словакии — 31188 человек. Чтобы спастись от репрессий, в ноябре 1940 г. некоторые цыгане действительно приняли немецкое подданство. Более того, желавших даже зачислили в национал-социалистическую партию, что являлось вопиющим нарушением пресловутых нюрнбергских законов о чистоте германской расы. Впоследствии, однако, их не только лишали германского гражданства и исключали из партии, но и отправили в концлагеря.

Подобной двойственной политикой в отношении принятия германского гражданства нередко пользовались некоторые элементы из чешского насселения, что вызывало беспокойство у оккупационных властей. Так, в протекторате появились, как считали сами чехи, три категории немцев: подлинные немцы, мартовские немцы, объявившие себя немцами со вступлением в страну вермахта в марте 1939 г., и, наконец, маргариновые немцы, отказавшиеся от своего чешского происхождения ради получения дополнительного продовольственного пайка.

Многие новоиспеченные из чехов «немцы», которых сами гитлеровцы именовали «соломенными немцами», даже не знали немецкого языка. К концу 1940 г. в протекторате, по данным германских органов безопасности, было зарегистрировано околок 50 тыс. таких «соломенных немцев». Как доносил оберландрат г. Табора, только $^{3}/_{4}$ численности местных «немцев» владели немецким языком. Аналогичное положение существовало и во многих других округах протектората. Например, служба безопасности из Пржерова доносила, что в местной организации гитлерюгенда 80% ее членов говорят только по-чешски.

Начавшееся в середине 1941 г. составление так называемых «немецких национальных списков», как это еще раньше было сделано в Польше, вскоре было приостановлено. Гейдрих приказал решительно пересмотреть списки о всех принявших германское гражданство чехах, исключить из них «расово-неполноценных» лиц, а немецких чиновников, допустивших такую оплошность, наказать.

В последующие годы оккупантам уже нечего было опасаться чрезмерного притока новых граждан рейха. События на фронтах, особенно катастрофа вермахта под Сталинградом в начале 1943 г., заставили многих из тех чехов, которые польстились на подачки оккупантов, дорожить своим национальным достоинством и быть более осмотрительными в выборе гражданства. В такой ситуации оккупационные власти, наоборот, стали применять более ускоренную и упрощенную процедуру принятия чехов в германское гражданство. С 1943 г. не последним соображением, которым при этом руководствовались гитлеровцы, была потребность в новых солдатах для фронта.

Таким образом, в соответствии с имперским законом от 20 апреля 1939 г. на территории протектората существовало два вида гражданства: германскими гражданами считались прибывшие из Германии имперские немцы, бывшие чехословацкие граждане немецкой национальности и чехи, которым по расовым соображениям было разрешено принять германское гражданство. Все они пользовались рядом привилегий. Подавляющее же большинство чешского населения было объявлено «гражданами протектората».

Однако деятельность расового управления не была такой уж безобидной, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что чехи, попавшие в черный список «неполноценных», особенно дети, отправлялись в лагеря, где им грозило физическое уничтожение. Расовое управление занималось также регистрацией детей, рожденных от связи немцев с чешками. Если результат медицинского обследования показывал наличие у ребенка каких-то расовых дефектов, то ребенок был обречен. В случае же его «расовой чистоты» он отдавался на воспитание в Германию. С 1944 г. расовое управление занималось прямым похищением чешских детей, если они оказывались способными к онемечиванию. Сотни детей таким образом были отправлены в Германию.

В связи с казнями чешских патриотов перед оккупационными органами возникла проблема, что же делать с их детьми. На соответствующий запрос 21 июня 1943 г. рейхсфюрер СС Г.Гиммлер принял решение всех в расовом отношении «неполноценных» детей сосредоточивать в специальных детских лагерях. Нетрудно представить себе дальнейшую судьбу этих детей. В одном лишь концлагере Терезине из 15 тыс. детей, брошенных сюда фашистами, осталось в живых менее 100. Что же касается «полноценных» детей, то их судьба была также не лучшей. Поскольку такие дети, писал Гиммлер, впоследствии могут стать опасными мстителями немцам за своих родителей, их следует также поместить в особые детские дома и усиленно перевоспитывать. Уже на следующий день на основе этого указания Гиммлера Франк распорядился принять соответствующие практические меры.

Гонениям подвергалась и чешская церковь, которая, по мнению нацистского протектора, также могла стать рупором национального возрождения, что представляло смертельную опасность для рейха. Гитлеровские оккупанты глумились над религиозными чувствами чешского народа. Они не только преследовали, но и физически уничтожали многих священнослужителей. От репрессий оккупантов особенно сильно пострадала чешская православная церковь. Сперва православным приходам Чехии было предложено выйти из подчинения белградской и константинопольской епархий и подчиняться берлинскому епископу. Когда же православная церковь добровольно на это не пошла, то по распоряжению протектора Богемии и Моравии К.Далюге с сентября 1942 г. ее религиозная деятельность запрещалась, а имущество конфисковывалось. Чешский епископ вместе с несколькими священниками был казнен.

Преследованиям подвергалась и протестантская церковь. Духовенство было резко ограничено в своей деятельности, полиция запрещала верующим петь духовные песни, в которых говорилось о свободе человека, а цензура не разрешала проповеди христианской доктрины о равенстве людей перед Богом, о еврейском происхождении евангелия и некоторые другие. Церковные хрестоматии были изъяты из обращения. Не в лучшем положении находилась и католическая церковь. 437 католических священников в качестве заложников содержались в тюрьмах и концлагерях. Паломничество верующих к национальным святыням было запрещено.

Считая панславизм серьезным источником поддержания чешского национального духа, гитлеровские пропагандисты совместно с чешскими коллаборационистами постоянно атаковывали идею всеславянской солидарности, которая в годы войны получила новый импульс. Этой цели стремились добиться, в частности, дискредитацией перед чехами Советского Союза, его общественного и государственного строя, положения различных национальностей в СССР, советско-чехословацких отношений накануне и в годы войны. В своей пропаганде гитлеровцы пытались по-своему использовать факт участия чехословацкой воинской части под командова-

нием генерала Л.Свободы на стороне Советской Армии в борьбе против общего врага. В Прагу они привезли несколько пленных солдат из чехословацкого батальона, участвовавшего в бою в с. Соколово под Харьковом в марте 1943 г. В сопровождении гитлеровских пропагандистов эти пленные должны были выступать перед населением ряда городов с «разоблачением» того, как по вине советского командования якобы «весь батальон был уничтожен». Об этом была даже издана брошюра некоего Г.Роланда. Вся эта шумная кампания продолжалась в течение нескольких месяцев и вдруг лопнула как мыльный пузырь, когда в ноябре 1943 г. стало известно, что в освобождении Киева участвовала уже целая чехословацкая бригада.

Если в отношении чехов немецко-фашистские захватчики в первый период оккупации еще давали какие-то обещания поддерживать национальную культуру, то применительно к полякам они никогда не скрывали своего намерения превратить Польшу, по выражению ее генерал-губернатора Г.Франка, в «интеллектуальную пустыню», добиться культурной деградации польского народа. В речи в Данциге 19 сентября 1939 г. Гитлер заявил, что польский народ — неполноценный и поэтому, мол, он не в состоянии поддерживать культуру и управлять сам собой. 6 октября Гитлер обрушился на поляков с новыми нападками. Он истерично заявлял, будто «польское государство было сконструировано вопреки 500-летнему историческому опыту, которое своим существованием рано или поздно явится причиной тяжелых кризисов». Генерал-губернаторство Гитлер охарактеризовал как «национальный очаг» поляков.

На совещании в Лодзи 31 октября 1939 г. с участием Г.Франка и И.Геббельса было решено, что в культурной жизни поляки не должны иметь никаких перспектив, для чего следовало изъять у населения все радиоприемники, закрыть все театры, кино, печать, а для информации поляков на площадях и базарах применять систему «глашатаев». Франк проинформировал имперского министра пропаганды, что все польские высшие и средние учебные заведения закрыты, потому что они являются «инкубаторами ненависти к немцам»[4].

В своей политике германизации польского народа особое значение оккупанты придавали ликвидации польской культуры и языка, а также физическому уничтожению интеллигенции, считая, что, пока будет существовать польская интеллигенция, будет жить и душа польского народа. Выступая на собрании немецких администраторов в Люблине в конце ноября 1939 г., заместитель генерал-губернатора А.Зейсс-Инкварт инструктировал люблинского губернатора бригаденфюрера СС Шмидта так: «Ресурсы и жители этой страны должны служить Германии, и процветать они могут только в этих пределах. Нельзя разрешать развитие независимого политического мышления. Может быть, Висла будет иметь еще большее значение для судеб Германии, чем Рейн». Далее он прямо сказал,

что на этот счет имеется категорическое указание Гитлера и немецкая администрация в Польше будет выполнять его беспощадно.

В докладе польского правительства Нюрнбергскому трибуналу об уничтожении представителей польской интеллигенции говорилось следующее: «...В присоединенных областях у них были отняты все средства к жизни. Многие из них: профессора, учителя, адвокаты и судьи были заключены в концентрационные лагеря или убиты. В генерал-губернаторстве около 20 процентов интеллигенции лишились всех средств к существованию. Журналисты и писатели не могли заработать на жизнь вследствие ликвидации прессы. Было запрещено издавать новые книги. Четыре университета и 12 школ университетского типа прекратили существование. Их средняя посещаемость до сентября 1939 года достигала 45 тысяч слушателей.

На занятой немцами территории было около 550 средних учебных заведений. Было приказано закрыть их. На присоединенных территориях они были закрыты совершенно. В генерал-губернаторстве им было разрешено продолжать обучение. Единственными школами, которым было разрешено продолжать работу, были коммерческие и ремесленные училища... Накануне возникновения войны в Польше было около 2 тысяч периодических изданий, в том числе 170 журналов. По немецкому приказу печать была совершенно уничтожена... Основная линия немецкой политики в Польше была изложена в циркуляре особой секции народного воспитания и пропаганды в генерал-губернаторстве. В нем говорится: "Само собой разумеется, что ни один немецкий чиновник не будет содействовать развитию польской культурной жизни каким бы то ни было образом"...»[5]

Для борьбы с подпольными коммунистическими и другими оппозиционными группами, а также для расправ с деятелями польской культуры гитлеровцы широко использовали оперативные команды. Еще в ходе войны в сентябре 1939 г. они провели в западных районах Польши «операцию Танненберг», в ходе которой было казнено много польских политических деятелей, священников и деятелей культуры. Распоряжением имперского наместника А.Форстера от 8 сентября 1939 г. в провинции Данциг — Западная Пруссия — все польские учителя были уволены с работы. Многие из них были казнены. В западных районах Польши учителей осталось не более 3% довоенного состава. Употребление польского языка на территории всей провинции запрещалось[6].

По мере продвижения немецко-фашистских войск внутрь Польши и «освоения» захваченных территорий масштабы террора против деятелей польской культуры и церкви расширялись. Так, лишь 8 октября 1939 г. оккупанты арестовали 354 учителя и священника. Особенно беспощадной была оперативная группа № 4 под командованием бригадефюрера СС Бойтеля, в полосе действий которой находилась и Варшава. На всем пространстве от немецко-польской границы она оставляла после себя виселицы с казненными польскими патриотами, переполненные тюрьмы, опустошенные школы,

театры, разрушенные ценнейшие памятники культуры польского народа. А 11 ноября 1939 г. оккупанты устроили в Варшаве после ее посещения Гиммлером и Франком первую массовую облаву, в ходе которой в их руки попали первые сотни деятелей культуры, литературы, просвещения и науки. Еще раньше, 6 ноября такая же участь постигла 179 научных работников высших учебных и научных заведений Кракова, в том числе и профессоров университета.

Аналогичная обстановка была и в других городах Польши, особенно в аннексированных районах. Здесь были закрыты все университеты и другие высшие учебные заведения, все школы, театры, издательства, перестали выходить газеты на польском языке. После вступления гитлеровцев в Познань немедленно был закрыт местный университет, а профессора и преподаватели отправлены в лагеря. От рук оккупантов в Познани погибли 24 профессора, 14 доцентов и 26 ассистентов. 27 апреля 1941 г. в Познани был открыт немецкий университет, почетным президентом которого стал гаулейтер А.-К.Грейзер.

Оккупанты предприняли массовые аресты и выселения польских учителей. Так, из Великопольши за годы оккупации различным репрессивным мерам был подвергнут 3141 учитель. К концу войны там оставалось лишь 18% учителей от довоенного уровня. Директивой Министерства образования и воспитания Германии в декабре 1939 г. все польские и чешские студенты, обучавшиеся в Германии, были исключены из вузов. Кроме того, дипломы об окончании вуза Польши, выданные после 1 сентября 1939 г., объявлялись недействительными.

19 декабря 1939 г. Франк подписал директиву об организации школьного дела в генерал-губернаторстве. В ней отмечалось, что во всех населенных пунктах, где насчитывается не менее 8 немецких детей, открывается немецкая школа. Что же касается польских детей, то юноши и девушки, достигшие 16 лет, обязаны были выполнять трудовую повинность. В школах изучались лишь предметы прикладного характера. Все польские и украинские частные школы закрывались, и частные уроки для польских и украинских детей запрещались.

Первая волна кампании варварского уничтожения культуры польского народа продолжалась до весны 1940 г. Она вызывала гнев мировой общественности. Народы Европы имели теперь полное представление, что их ожидает в случае новых агрессивных актов гитлеровской Германии. Это укрепляло их волю к сопротивлению, в защиту своей свободы и независимости. Гитлеровских главарей сильно беспокоил тот факт, что их политика в Польше получила такую широкую международную огласку, особенно весной 1940 г., когда они готовились к агрессивным актам против западных стран. Поэтому Гитлер решил из тактических соображений, с одной стороны, продолжать репрессии в Польше более осторожно и, с другой — широко разрекламировать освобождение из тюрем

нескольких десятков польских ученых и открытие в генерал-губернаторстве некоторого количества польских школ.

Одновременно было приказано готовить против польской интеллигенции новую акцию, получившую наименование «акция АБ». Ее начало положил гауляйтер Восточной Пруссии и рейхскомиссар Украины Э.Кох в Цеханувском районе и в Сувалках, а когда весной и летом 1940 г. вермахт добился новых военных успехов на севере и западе Европы, эта акция была распространена и на остальную Польшу. Надобность в лавировании и в успокоении народов других стран, как считали гитлеровцы, отпала[7].

Во время осуществления этой очередной преступной акции было казнено 3500 представителей польской интеллигенции, политических деятелей, офицеров, в их числе видные деятели ППС и Стронництва людового М.Недзвялковский и М.Ратай, вице-президент Варшавы Я.Погоский, композитор Т.Грабовский и другие. В августе 1941 г. в связи с оккупацией западных областей Украины нацисты расширили «акцию АБ». С помощью украинских националистов во Львове они казнили польских профессоров К.Бартеля, Т.Островского, С.Пилята, писателя Г.Бой-Желенского. В г. Станиславе было расстреляно около 200 представителей польской интеллигенции[8].

В рамках осуществления своей программы культурной деградации польского народа оккупанты в значительной мере свернули издательскую деятельность для польского населения. За четыре года оккупации к 1943 г., по официальным данным правительства генерал-губернаторства, для польского населения было издано всего 438 календарей и книг тиражом в 4,8 млн экземпляров.

В Берлине и в кругах генерал-губернатора Польши длительное время обсуждался вопрос, как быть с употреблением польского языка. Он стал особенно актуальным в аннексированных районах, где еще по-прежнему проживали миллионы поляков. Поскольку по этому вопросу не было единого мнения, его решение было предоставлено на усмотрение соответствующих местных властей. Поэтому в Варталанде Грейзер разрешил полякам пользоваться своим родным языком, но государственным языком все же являлся немецкий, а президент Лодзи запретил употребление польского языка во всех общественных местах, кроме почтового ведомства и железнодорожной службы. В округе Данциг — Западная Пруссия — не существовало официального запрета польского языка, но фактически говорившие по-польски подвергались дискриминации.Такое же положение существовало и в районе Цеханува. Что же касается Верхней Силезии, то здесь борьба против употребления польского языка шла под девизом: «Кто говорит по-польски, тот наш враг». Об этом напоминали вывешенные повсюду соответствующие плакаты.

Строго наказывались и те этнические немцы, которые с поляками говорили по-польски. Это касалось также поляков, включенных в 3-й и 4-й немецкие национальные списки. Так, в мае 1941 г. гаулейтер Верхней Силезии Ф.Брахт распорядился, чтобы немцы,

особенно члены национал-социалистической партии и других организаций, не употребляли «славянский язык». Члены партии — нарушители этого распоряжения подвергались партийному суду вплоть до исключения из партии.

Наряду с подавлением польского языка гитлеровские оккупанты всячески стремились насаждать среди польского населения немецкий язык. Они рассматривали его не только как средство общения, но и видели в нем «культуртрегерскую функцию». На эту тему был опубликован ряд статей, проведено несколько конференций Германской академии и Немецкого общества просвещения. Соответствующее указание получила и благотворительная организация «Сила через радость», организовавшая специальные курсы немецкого языка для взрослых.

Несмотря на то, что в аннексированных районах Польши оставалось еще много поляков, здесь, однако, не было ни одной газеты на польском языке. Полякам запрещалось посещать театры, кинотеатры, стадионы, парки и другие общественные места. С декабря 1940 г. полякам, проживавшим в Познани, было запрещено пользоваться трамваем с 7 час. 15 мин. до 8 час. 15 мин. На многих маршрутах города поляки могли ездить лишь в прицепных вагонах.

Грейзер стремился полностью изолировать поляков от немецкого населения. С этой целью он приказал, чтобы в магазинах поляков обслуживали в определенные часы, после того как необходимые покупки произведут немцы. Поляки обязаны были на улицах отдавать поклон каждому немцу в униформе и уступать ему дорогу. Полякам запрещалось пользоваться телеграфом, им были установлены ограничения по почте. Вход полякам во многие парки Познани запрещался. В них нередко можно было видеть объявление о том, что «вход полякам и собакам запрещен».

Попытка гитлеровцев унизить достоинство поляков и тем самым возвысить немцев как представителей «высшей культуры» не всегда давала должный эффект даже среди местного немецкого населения. В ряде донесений органов полиции безопасности СД за декабрь 1939 г. приводятся примеры дружеского отношения немецкого населения к польским военнопленным. Если гаулейтеры и другие высшие руководители требовали относиться к польским пленным как к врагам, то рядовые немцы, особенно в деревнях, не имели против них никакой вражды. Вместе с поляками они отмечали праздники, устраивали танцы, встречи и т.д. Агенты органов безопасности с беспокойством доносили, что между многими немцами и поляками в аннексированных воеводствах не существует никакой вражды. «Несмотря на активную пропаганду имеются сведения, — сообщалось в донесении от 3 февраля 1941 г. — что в тех домах, где вместе живут немцы и поляки, между ними существуют дружеские отношения». В этой связи было внесено предложение выделять для немцев отдельные городские кварталы.

В некоторых других донесениях полиции безопасности отмечалось, что меньшая вражда существует между местными немцами и

поляками, нежели между теми же немцами, которые жили здесь до 1919/20 г., затем выехали в Германию и теперь снова возвратились, и немцами, прибывшими из Прибалтийских стран. Имперские немцы требуют, чтобы им был предоставлен приоритет на имущественные права.

Дабы ослабить влияние католической церкви на польское население, оккупанты не останавливались даже перед физическим уничтожением священнослужителей. Так, в Варталанде было казнено 752 священника, брошено в тюрьмы и концлагеря — 681 человек. В гау Данциг — Западная Пруссия — расстреляно 476 священников. Были также закрыты все костелы. Таким же преследованиям подвергалась католическая церковь в Верхней Силезии и генерал-губернаторстве. С первых же дней присоединения Верхней Силезии к рейху 40 католических священников было переселено в генерал-губернаторство и 30 — в Германию. 150 священников было казнено. В генерал-губернаторстве от рук оккупантов погибло 735 католических священников. Власти преследовали не только католическую, но и евангелическую церковь. С 1940 г. по 1945 г., как было установлено в ходе Нюрнбергского процесса, в лагеря было заключено 2800 польских священников и монахов, в том числе и один епископ, который умер от тифа. К апрелю 1945 г. из них в живых остались лишь 816 человек.

Об ограблении гитлеровцами польских монастырей и костелов доносил папе Пию XII польский примас кардинал А.Глонд: «Монастыри методически закрываются, точно так же как и цветущие учреждения в области воспитания, печати, социальной опеки, благотворительности и ухода за больными. Их дома и учреждения захвачены армией гитлеровской партии.

Захватчики затем конфисковали или секвестировали имущество костела, признавая себя самих его владельцами. Соборы, дворцы епископов, семинарии, резиденции каноников, доходы и состояние епископов и капитул, фонды семинариев... — все было ограблено захватчиками».

На служебных совещаниях, в официальных выступлениях гитлеровских заправил, а также в печати и в «научных» изданиях со второй половины 1940 г. все чаще выдвигались требования более активной германизации польского народа. Правда, гитлеровские пропагандисты по отношению к Польше не любили употреблять выражение «германизация». Они предпочитали говорить о так называемой «реорганизации», ибо считали, что якобы восстанавливают положение, существовавшее в польских областях до их «полонизации».

Решением Франка от 8 марта 1940 г. строго запрещалось хранить и показывать гербы и другие государственные символы Польши. Усилилась кампания по переименованию польских городов. Распоряжением гаулейтера Грейзера, опубликованным 17 апреля 1940 г., все названия населенных пунктов, улиц, учреждений и т.д. на польском языке переименовывались на немецкие.

Оккупанты предприняли все, чтобы польские города потеряли свой национальный облик. Вот, по описанию очевидца, как выглядела Варшава в первые месяцы оккупации: «Все это — и немецкие названия улиц, немецко-польские рекламы и государственный герб (со свастикой снизу) на всех зданиях и немецких учреждениях, готические буквы "Только для немцев" на лучших домах города, киоски с немецкими газетами и... кричащие флаги и дефилады — придавало Варшаве отвратительную печать присутствия немцев».

Осенью 1941 г. Гитлер решил на месте польского города Лодзи создать новый немецкий город Лицманштадт. Это решение начальник СС и полиции Вартеленда В.Коппе комментировал в том смысле, что город навсегда останется в составе этой провинции. Уже в июле 1940 г. гитлеровские власти в Лодзи похвалялись тем, что за несколько месяцев город потерял свой былой польский облик. Сам Франк также с удовлетворением заявил на собрании членов НСДРП 15 августа 1942 г., что, когда он прибыл в этот город в 1939 г., в нем жило лишь 300 немцев, а в настоящее время уже свыше 30 тыс.

В условиях, когда войска вермахта продвигались по советской земле, гитлеровцы строили все новые и новые бесчеловечные планы относительно судьбы Польши и польского народа. Этим планам было посвящена большая речь, которую произнес Франк 21 ноября 1941 г. в университете им. Фридриха Вильгельма. Новым элементом в его речи было то, что оккупацию Польши он обосновал восстановлением исторической справедливости. «Немцы с оружием в руках вторглись на эту территорию не по той или иной причине, возникшей в мировой политической ситуации, — заявил Франк под аплодисменты слушателей, — а немцы вернулись на те земли, которые принадлежали им с самого начала. Не мы являемся здесь чужими пришельцами, а поляки».

В связи с кампанией германизации в немецкой печати появились «научные» статьи, обосновывавшие немецкий характер многих польских городов. Утверждалось, например, что Краков — это средневековый город немецкого Востока, что Люблин — город немецкого происхождения и т.д. Строились планы создания в польских городах специальных немецких кварталов.

Ужасная судьба ожидала Варшаву. Франк сказал как-то, что если бы в генерал-губернаторстве не было Варшавы, то трудности оккупантов уменьшились на $^4/_5$. Судьба Варшавы была решена Гитлером так: восстановление этого города как польской столицы абсолютно исключалось. Более того, по мере развития генерал-губернаторства Варшава превращалась в обычный провинциальный город. После освобождения Кракова советские власти в канцелярии генерал-губернатора в Вавеле нашли папку с надписью «Новый немецкий город Варшава». Из документов, хранившихся в этой папке, явствовало, что в конце 1939 г. Франк поручил немецким архитекторам разработать проект нового немецкого города на месте старой Варшавы.

Предполагалось, что Варшава будет снесена с лица земли и сохранится лишь часть Старого Мяста как памятник якобы «немецкой архитектуры». 17 сентября 1939 г. во время воздушного налета были разрушены две башни и часть крыши замка бывших польских королей, который считался национальной реликвией Польши. Затем уже при оккупации города Франк приказал не восстанавливать замок, а, наоборот, началось постепенное его разрушение. В середине 1944 г. от замка остались лишь одни развалины. Большая часть того, что осталось от Варшавы, была взорвана после восстания в августе 1944 г., а в декабре оккупанты взорвали руины королевского замка, от которого к концу войны остались лишь фундамент и подземные помещения. В варшавских Лазенках во время оккупации погибло около 300 произведений искусства.

Всего же оккупанты уничтожили или разграбили в Польше 43% ее культурных ценностей, в том числе 25 музеев и 35 театров. Сожжено 66% библиотек и архивов, в которых погибло 16 млн томов. Полностью разрушено 17 зданий высших учебных заведений, 352 здания больниц, 29 санаториев и т.д.

Заслуживает упоминания еще одна денационализаторская мера немецко-фашистских расистов в отношении польского народа. В соответствии с решением от 10 сентября 1941 г. для польского населения в присоединенных воеводствах был установлен довольно высокий минимальный брачный возраст: для мужчин — 28 лет и для женщин — 25 лет. Цель этого решения состояла в том, чтобы ограничить рост рождаемости среди поляков и частично она была достигнута. Так, в г. Лодзи число браков за период с октября по декабрь 1942 г. включительно в сравнении с 1940 г. сократилось на 70%, а в районе Лодзи — на 84%. Однако, несмотря на уменьшение числа браков, рождаемость среди поляков сократилась не существенно.

В провинции Верхняя Силезия 26 января 1943 г. возраст для брака был также поднят: для мужчин — до 25 лет и для женщин — до 22 лет. В районе Цеханув 1 октября 1941 г. был принят закон о гражданском состоянии и затем 10 ноября того же года браки среди поляков были практически запрещены. Однако они нарушали эти запреты тем, что заключали браки не в генерал-губернаторстве, а в соседнем Белостоке, где запретов пока не существовало.

Одним из самых отвратительных методов ликвидировать поляков как нацию была германизация польских детей. По указанию Гиммлера от апреля 1940 г. тысячи польских детей в возрасте от 7 до 14 лет были отняты у родителей и вывезены в Германию с целью онемечивания. Газета «Кельнише Цейтунг» писала по этому поводу: «Их будут учить немецкому языку, им будут затем прививать немецкий дух, чтобы воспитать их как образцовых юношей и девушек». Многих из них собирали в специальные лагеря, проверяли их «расовую чистоту» и затем решали их дальнейшую судьбу. Как уже отмечалось, детей, непригодных к ассимиляции, ожидала

смерть в концлагерях, а «расово-ценных» отправляли в немецкие семьи на перевоспитание, из них после войны было возвращено не более 20%.

Немецко-фашистские варвары строили обширные планы ликвидации духовной культуры народов Советского Союза. Их ненависть вызывало не только то, что славянские и другие народы Советского Союза создали самобытные шедевры в художественной литературе, изобразительном искусстве, в музыке, что противоречило расистским утверждениям о «неполноценности славянской расы». Главное же состояло в том, что культура Советского Союза завоевывала все большее и большее международное признание, являлась мощным духовным орудием в борьбе против фашизма. Вот почему ликвидация культуры и духовное порабощение советских людей стали одной из важных задач политики немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории Советского Союза.

Как известно, преступные цели всегда порождают преступные средства для их достижения. Конечно, нельзя не признать, что грубое и непрофессиональное вмешательство большевистских властей в культурный процесс, жесткая регламентация культуры и некомпетентная кадровая политика в области культуры в 30-е годы, т.е. задолго до вражеской оккупации, нанесли культуре народов Советского Союза непоправимый ущерб. Иначе и быть не могло, если в составе политбюро партии, которое определяло характер советской культуры, в 1931 – 1940 гг. не было ни одного человека с законченным высшим образованием, а среди секретарей райкомов и ЦК компартий союзных республик в 1939 г. более 71% не имели даже среднего образования[9].

На советской земле немецко-фашистские захватчики во всей наготе показали свое лицо врагов культуры и человеческого прогресса. Разрушая и грабя культурные и исторические ценности, отказывая советским людям в образовании, истребляя тысячи деятелей науки и культуры Украины, РСФСР, Белоруссии и других советских республик, немецко-фашистские захватчики совершили тяжкие злодеяния перед общечеловеческой культурой. Идейной основой этих злодеяний, как и всех других, была расистская теория фашизма, утверждавшая, будто подлинными творцами культуры в нацистском понимании могут быть лишь арийские народы. Наличие высокого уровня духовной жизни неарийских народов считалось или редким исключением, или влиянием арийских элементов.

Сохранился интересный документ, свидетельствующий о том, с каким презрением немецко-фашистские оккупанты относились к культуре русского народа. Однажды в разговоре с немецким офицером учительница Никулинской начальной школы в Новгородской области М.П.Козлова спросила его: «Почему вы, культурный офицер, позволяете себе такие гадости в отношении русских, избивание детей, издеваетесь над населением, превращаете культурные места в уборные». Офицер надменно ответил: «Вы учительница и тем более должны понять, что русские будут нашими рабами».

Важно подчеркнуть и то, что разрушение не только материальной, но и духовной культуры советского народа являлось уделом не отдельных представителей оккупационных властей, а хорошо продуманной и заранее спланированной системой всего фашистского государства. Когда командующий 6-й армией фельдмаршал В.Рейхенау в своем уже упоминавшемся приказе «О поведении войск на Востоке» писал, что «никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения»[10], он знал, что этим выражает государственную политику гитлеровской Германии, что его призыв к варварскому уничтожению памятников культуры на территории СССР полностью соответствует идеологии фашизма. Это же подтверждают многочисленные инструкции шефа Восточного министерства А.Розенберга, а также Гиммлера, Коха и других гитлеровских заправил, в которых подробно излагалось, что и как уничтожить, а что конфисковать и вывезти в Германию.

Оккупанты беспощадно и педантично выполняли эти указания. На Украине они разрушили и разграбили большинство высших учебных заведений, Академию наук УССР, многие научно-исследовательские институты. Всего на Украине они разрушили и разграбили около 33 тыс. помещений школ, техникумов, вузов, научно-исследовательских институтов и 18 тыс. зданий лечебных заведений. Был сожжен Киевский государственный университет. В его зданиях погибли 1 млн 300 тыс. книг, ценные экспонаты музеев и коллекций. В Харькове из 34 вузов было разрушено 17. На территории УССР разграблен 151 музей, уничтожена Харьковская картинная галерея, громадный ущерб был нанесен многим историческим заповедникам, в том числе Киево-Печерской Лавре. Оккупанты уничтожили и разграбили в городах Украины более 50 млн книг, все типографии, культурно-просветительные учреждения[11].

На территории Советской Белоруссии оккупанты разграбили лаборатории и книги Академии наук БССР на сумму в 80 млн рублей, нанесли ущерб Белорусскому государственному университету, сожгли здания многих вузов, школ, театров, музеев. В Берлин и Кенигсберг было вывезено 1,5 млн книг из Минской библиотеки им. В.И.Ленина. Оккупанты уничтожили в Минске Государственную картинную галерею.

По вине немецко-фашистских оккупантов серьезно пострадали многие выдающиеся памятники культуры Ленинграда и его окрестностей. За период блокады фашистские войска сбросили на город 107 тыс. фугасных и зажигательных бомб, выпустили 150 тыс. снарядов. В результате этих бомбардировок возникло до 16 тыс. пожаров,были разрушены полностью 22 школьных здания и 5 зданий вузов, получили повреждения здания университета, Академии художеств, 482 лечебных учреждения. Кроме того, было разрушено или повреждено 187 исторических зданий города, несколько бомб попали в Эрмитаж, Зимний дворец, Русский музей, Таврический дворец. Разрушению и разграблению подверглись Петродворец, Пушкин, Павловск, Гатчина и другие пригороды Ленинграда.

Только из Петродворца оккупанты вывезли около 34 тыс. музейных экспонатов. Некоторые из них до сих пор не найдены и не возвращены. Так, в частности, до сих пор еще не найдена знаменитая Янтарная комната[12].

В 1943 г. фашисты разрушили Пушкинский заповедник, в частности усадьбу Михайловское, осквернили могилу поэта в Святогорском монастыре. В 1943 г. ими был разрушен и разграблен Софийский собор в Новгороде — древнейший памятник русского и мирового зодчества. Были разрушены, сожжены и разграблены многие музеи, исторические памятники и библиотеки Подмосковья. Уничтожен музей П.И.Чайковского в Клину. Многие сокровища, церковная утварь, уникальная мебель из русских дворцов, предметы старины и рукописи были украдены оккупантами в Пскове, Смоленске, Киеве, Ростове, Одессе и во многих других городах Советского Союза.

На оккупированной территории Советского Союза нет ни одного более или менее крупного населенного пункта, в котором не пострадали бы от фашистских варваров школы, музеи, архивы, дома культуры и лечебные учреждения.

То, что случайно осталось невредимым или было спасено местными жителями, оккупанты стремились использовать в своих интересах. Это прежде всего касалось школьного образования, которое ограничивалось лишь элементарными знаниями, необходимыми для «рабов», чтобы они могли продуктивнее работать. Известны слова Гитлера: «Если мы будем обучать русских, украинцев и киргизов читать и писать, то впоследствии это обернется против нас. Образование даст более развитым из них возможности изучать историю, овладеть историческим опытом, а отсюда развивать политические идеи, которые не могут не быть губительными для наших интересов...»[13]

Вот почему на оккупированных территориях было разрешено открыть незначительное количество начальных школ с ограниченной программой обучения. Так, Кох разрешил на Украине открыть начальные 4-летние школы с 1 февраля 1942 г., в которых могут обучаться дети до 11-летнего возраста, но при условии наличия «политически надежных учителей и подходящих помещений». Директива ограничила школьную программу только уменьем читать, писать, считать и ремеслами. Преподавание в школах русского языка запрещалось. Одновременно Кох распорядился закрыть на Украине все вузы, за исключением имеющих медицинские, ветеринарные, сельскохозяйственные и технические факультеты.

Такая же политика в школьном и высшем образовании существовала на территории РСФСР и Белоруссии. В Прибалтийских республиках были закрыты все русские школы, а обучение в местных — резко ограничивалось. Из учебных программ было изъято преподавание русского, английского и французского языков и оставлено только расширенное преподавание немецкого языка. В гимназиях, например, ему отводилось больше часов, чем родному

языку. В одном из документов службы безопасности Германии за сентябрь 1941 г. отмечалось, что в Вильнюсе можно было бы открыть университет, но только потому, что, мол, «Литва не находится в состоянии войны с Германией»[14].

Оккупационные власти принимали меры по дискриминации национальных языков. Так, в соответствии с инструкцией Розенберга, опубликованной в ведомостях имперского комиссара Украины от 15 мая 1942 г. для служебного пользования, официальным языком в немецких учреждениях считался немецкий язык, но все директивы издавались на двух языках. В органах украинской администрации допускалось употребление украинского языка. Употребление русского языка разрешалось лишь в крупных городах и промышленных районах, где проживало большинство русских. В директиве подчеркивалось, что «украинизация русских областей будет осуществлена путем выселения русских и вытеснения русского языка украинским»[15].

Большое внимание оккупационные власти придавали идеологической обработке населения, реанимируя для этого богатый опыт советского режима. Этой цели должно было служить издание газет и журналов, выходивших на различных языках. Так, по состоянию на 1 мая 1942 г. на оккупированной территории выходило 130 названий газет и журналов, из них на украинском языке — 60, латвийском — 21, русском — 16, эстонском — 14, литовском — 11, белорусском — 6, польском — 1 и на татарском — 1.

Оккупанты содействовали различным религиозным общинам и сектам. Часть реакционного духовенства активно сотрудничала с оккупантами, поэтому она получала от них самую широкую поддержку. Лишь на Украине к концу оккупации действовали 5633 общины русской православной церкви, около 500 — греко-католической и 652 — римско-католической церкви, а также 42 монастыря. Общее количество священнослужителей в них составляло около 27 тыс. Многие православные священники были присланы из Венгрии, Болгарии и Румынии. Приказ фельдмаршала В.Кейтеля гласил: «Церкви, разрушенные советским режимом или в результате военных действий, не должны восстанавливаться с помощью немецких войск. Это дело русского населения, которое немцы должны всесторонне поощрять».

Одним из варварских методов борьбы нацизма против науки и культуры на оккупированных территориях СССР было физическое уничтожение ее лучших представителей, оказавшихся в руках оккупантов и отказавшихся им служить. Так, в Харькове были зверски расстреляны видные ученые — академик А.Н.Бекетов, профессора А.С.Федоров, С.М.Стахорский и многие другие.

За период блокады Ленинграда от голода и других лишений умерли знаменитый семитолог академик П.К.Коковцев, видный знаток античности академик С.А.Тебелев, академик архитектуры Г.Д.Гримм, профессор Академии художеств А.И.Савинов, 45 писателей, 110 художников, 136 архитекторов, 29 артистов Академичес-

кого театра оперы и балета им. С.М.Кирова, свыше 1/3 оставшихся в городе сотрудников Института этнографии АН СССР и много других видных деятелей науки и культуры Советского Союза.

Гитлер решил задушить город голодом и предлагал взять его штурмом совместно с финской армией лишь после решающих побед на остальных участках восточного фронта. Гитлеровское командование разработалао изуверский план уничтожения города артиллерийским огнем, а оставшиеся здания германские и финские саперы должны были взорвать.

Об этом же мечтали финские милитаристы, что наиболее откровенно выразил некий Каарло Курко в книге «Военные действия по захвату Петрограда в 1918–1919 гг.», изданной в 1942 г. В предисловии автор писал: «Длительный опыт показал, что наша безопасность будет находиться под угрозой до тех пор, пока в непосредственной близости нашей границы расположен город, подобный Петрограду, находящийся в руках русских и населенный ими. Мы можем вздохнуть свободно лишь тогда, когда вытесним русское население вдаль Финского залива. Уроду, подобному Петрограду, место в Азии, а не у наших ворот». Далее автор призывал «штурмом взять город и стереть его с лица земли... пусть воды Невы затопят этот город проклятия и позора так, чтобы он превратился в незаселенное болото и в пустыню...»

Такую судьбу немецко-фашистские и финские власти готовили одному из красивейших городов мира, второй столице Совтского Союза.

В Латвии нацисты убили известного педагога Я.Лиекниса, художника Я.Айжена, писателя Р.Лукса, профессора-историка С.Дубного, врача Л.Кирхенштейна и других представителей интеллигенции Латвийской республики. По личному указанию шефа службы безопасности Германии Э.Кальтенбруннера гестаповцы весной 1944 г. казнили митрополита Сергия.

Гитлеровские варвары стремились уничтожить древнюю и богатую культуру народов Югославии. Уже в первый день войны, 6 апреле 1941 г., фашистские бомбардировщики стали методически разрушать ценнейшие исторические памятники и здания Белграда. В столице Югославии оккупанты сожгли многие общественные здания и учреждения культуры: новый университет, народный университет «Колрачев», мужскую и женскую гимназии, старинный королевский дворец, русский дом культуры, радиостанцию. Во время бомбардировок в здании университета погибло много ценных учебных пособий. Как явствует из доклада Югославской государственной комиссии, в Национальной библиотеке в Белграде погибли сотни тысяч сербских книг и манускриптов, т.е. основные фонды сербской культуры. Всего же за годы оккупации в Югославии фашисты разрушили 71 научное учреждение, а 41 научный институт и лаборатория Белградского университета были разрушены частично. Те же культурные и научные ценности, которые случайно сохранились, были реквизированы и вывезены в Германию оперативным штабом Розенберга.

Гитлеровские оккупанты при содействии своей «пятой колонны» осуществляли беспощадную германизацию в Югославии, особенно в районах, которые были аннексированы, в частности в Словении. С этой целью здесь было создано «Оперативное бюро Юго-Востока главного управления СС по делам рас и переселений». В соответствии с принципами расовой теории все население Нижней Штирии было разделено на четыре категории: к первой были отнесены представители чисто «нордической расы», т.е. самые «способные»; ко второй — имеющие преимущественно «нордическую кровь»; к третьей принадлежали лица со смешанными признаками и, наконец, к четвертой категории были отнесены все остальные со смешанными, но преимущественно восточными или восточно-балтийскими признаками.

Важнейшей мерой оккупантов, направленной на германизацию словенцев, было запрещение словенского языка. В мае 1941 г. оккупационные власти установили, что немецкий язык является государственным языком. Чтобы обучить ему словенских служащих, были открыты специальные курсы. В Штирии зимой 1941/1942 г. на соответствующих курсах занимались 123 058 человек. Для преподавания на этих курсах из немецкой Каринтии и Зальцбурга были присланы около 400 учителей. Местное словенское население встречало этих учителей враждебно. Одна из учительниц Вены, которой было предложено выехать в Штирию, писала 18 ноября 1942 г. солдату на восточный фронт: «Представьте себе: 1 декабря я уезжаю в Нижнюю Штирию. Нас направляют туда учительницами... Моя мать очень опечалена тем, что я должна уехать, и совершенно безутешна. Лично на меня это действует меньше. Неприятно только, что там во многих местностях и деревнях все еще неспокойно. Мысль о том, что каждое мгновение тебя поджидает пуля, конечно, не очень-то приятна. Понятно, ведь немке особой любви там ждать нечего...» Затея с курсами вызывала растущее сопротивление словенской молодежи. Как доносила в Берлин 8 марта 1942 г. немецкая агентура из Верхней Каринтии, словенская молодежь вовсе не желает владеть немецким языком, и созданные здесь языковые курсы посещаются лишь немногими.

С первых же дней оккупации были уничтожены и заменены немецкими все словенские надписи с названиями городов, сел и улиц. Например, 12 апреля 1941 г. по приказу начальника местной полиции в г. Мариборе такие надписи были уничтожены в течение одной ночи. Были также закрыты все словенские типографии, газеты и журналы, производилось массовое уничтожение словенских библиотек. Часть книг сжигалась на улицах и площадях, а часть отправлялась для переработки на бумажные фабрики. В первые дни оккупации в Нижней Штирии было сожжено 1200 тыс. книг, столько же было уничтожено и в Верхней Штирии. Специальные

немецкие комиссии отбирали и вывозили в Грац и в Потсдам ценнейшие архивные документы Словении.

Гитлеровский советник по национальным проблемам Майер-Кайбиш 10 июля 1942 г. заявил: «На территории к северу от Караванских Альп можно говорить только по-немецки!»

Все словенские школы вначале были закрыты, но потом занятия на немецком языке были возобновлены. Начальник гражданской администрации в Нижней Штирии Иберрейтер 19 мая 1941 г. выступил даже против двуязычного обучения в школах, предлагая вести его только на немецком языке.

Гитлеровская пропаганда постоянно внушала жителям аннексированных областей, чтобы они считали себя не словенцами, а штирийцами и членами «великой германской семьи». Тех же, кто не хотел отказываться от своего словенского происхождения (а таких оказывалось подавляющее большинство населения), ожидали выселения, аресты, концлагеря. Обычным явлением в словенских городах стали массовые ночные облавы.

Наряду с террором и репрессиями оккупанты пытались духовно поработить мужественный народ Греции. Пропагандисты Геббельса через средства массовой информации делали все, чтобы убедить его в том, что Германия осуществляет в Греции «спасительную миссию» от славянского «варварства».

Денационализаторскую политику в Албании активно проводили итальянские оккупанты. Ее проводниками были тысячи итальянских государственных чиновников, присланных сюда для «освоения» завоеванной земли.

Была усилена пропаганда «духовного родства итальянского и албанского народов», поощрялось создание различных итало-албанских политических и культурных обществ, открывались итальянские клубы. Особенно активно действовала фашистская «культурная» организация им. Данте Алигьери. По распоряжению оккупационных властей был создан Институт албанских исследователей, в основе научной деятельности которого лежала задача обосновать тезис о том, будто албанцы — это полуварварский народ, состоящий из конгломерата различных народностей, и что итальянцы, как заявил однажды президент академии наук Италии Г.Папини, должны осуществить по отношению к албанцам некую «цивилизаторскую миссию».

Итальянские оккупанты взяли под свой жесткий контроль всю культурную жизнь албанского народа. В частности, был создан Комитет по делам печати, пропаганде и туризму во главе с итальянцем. Вся албанская печать была заполнена статьями и речами Б.Муссолини и других фашистских деятелей, а в кинотеатрах демонстрировались фильмы о «славных» боевых делах итальянской армии. На Албанию из г. Бари вещала специальная радиостанция. Для популяризации фашистских идей оккупанты сначала издавали газету «Фашизм», но вскоре вынуждены были закрыть ее, т.к. она

не раскупалась. Вместо нее стала издаваться газета «Томори» — по названию горы, находящейся в Центральной Албании.

Для ослабления, а затем и полной ликвидации национального самосознания албанского народа итальянские оккупанты особые расчеты строили на молодежь. С этой целью были созданы фашистские молодежные организации по типу итальянских, в которые в обязательном порядке вовлекались не только юноши и девушки, но и дети. Этой же цели служили спортивные и культурные молодежные организации.

В албанских школах в обязательном порядке все ученики должны были изучать итальянский язык, для чего из Италии прибыли специальные преподаватели. В школьную программу вводился такой обязательный «предмет», как «фашистская культура». Фашистские идеологи в Албании откровенно заявляли, что задача школы состоит в том, чтобы «изменить духовный облик албанского народа». Не трудно догадаться, что шла речь о неприкрытой его ассимиляции.

Во Франции оккупационные власти при содействии коллаборационистов постепенно, но упорно уничтожали все то, что напоминало о вкладе этой страны в мировую культуру, ее славных военных и революционных традициях, все то, что составляло национальный дух французов. 30 августа 1940 г. начальник военной администрации приказал изъять все французские школьные учебники по истории Франции. После студенческой манифестации в ноябре 1940 г. по приказу немецкого коменданта Парижа закрыли все высшие учебные заведения. Местным студентам было приказано являться в полицейский участок для ежедневной отметки, а всех провинциальных студентов распустили по домам. Парижский университет был открыт только 3 января 1941 г. Власти арестовали французского ученого с мировым именем, профессора физики Поля Ланжевена. Почти три месяца его держали в тюрьме Сантэ, а затем сослали в провинцию. Пытаясь спасти Ланжевена, советское посольство, которое по-прежнему еще действовало в Париже, пригласило его на работу в СССР, но оккупационные власти отказали ему в выездной виде. Через некоторое время были арестованы и казнены муж дочери Ланжевена известный ученый Жак Саломон, профессор политической экономии Жорж Поллитцер; скрывались от преследований гестапо видный общественный деятель, архитектор Франсис Журдэн и другие видные представители французской науки и культуры.

Зрелищные предприятия в оккупированной Франции оставались открытыми, но списки пьес и кинофильмов, которые можно было показывать населению, утверждались местными немецкими комендантами. В кинотеатрах, как правило, шли немецкие художественные картины и особенно военная хроника. Показывая, с одной стороны, победоносные гитлеровские войска и, с другой — толпы измученных и оборванных французских военнопленных, оккупационные власти преследовали определенную психологическую

цель. Однако зрители весьма часто шумными аплодисментами приветствовали показываемых на экране французских солдат и освистывали немецких.

Во всех оккупированных странах слушание радиопередач из стран антигитлеровской коалиции власти категорически запрещали. Находившиеся у населения радиоприемники были реквизированы, а все, нарушавшие это распоряжение, подвергались суровому наказанию. В самой Германии слушание иностранных радиопередач и распространение их содержания квалифицировались как «сознательное предательство дела немецкого народа». В печати было опубликовано немало сообщений о том, что за нарушение этого распоряжения специальным судом виновные приговаривались к тюремному заключению сроком от 2 до 6 лет. В Болгарии официального запрета слушать иностранные радиопередачи не было, но на практике власти привлекали к административной ответственности всех, кто их распространял.

Рупором нацистской пропаганды в оккупированных странах была печать, как специально созданная гитлеровцами, так и продажная, местная коллаборационисткая. Она была верной служанкой оккупационных властей и нанесла много вреда освободительной борьбе патриотов. При покровительстве оккупационных властей она активно участвовала в духовном разоружении участников Сопротивления.

Своеобразную тактику применяли оккупанты в отношении французской печати. Зная традиционную приверженность французов к какой-то определенной газете, оккупационные власти огульно не закрывали старые французские газеты. Они пошли по линии подкупа ее сотрудников, что по отношению ко многим из них было сделать нетрудно. Причем для воздействия на различные слои населения оккупанты ориентировались на традиционные газеты, выходившие во Франции на протяжении десятилетий. Они особо заботились о тех крупных буржуазных газетах, которые еще до войны вели активную прогерманскую пропаганду. Естественно, несмотря на оккупацию, они ни на один день не прекращали выхода.

Одной из таких газет была «Матен», которой владел Бюно-Варилья. Неудивительно, что именно ее редакцию уже 15 июня 1940 г. посетил нацистский лейтенант Вебер, в прошлом директор немецкого агентства «Дейче нахрихтен бюро» (ДНБ), чтобы установить с ней «деловые контакты». Газета не выходила всего лишь в течение двух первых дней оккупации Парижа – 15 и 16 июня. Затем она стала обычным рупором пропагандистских органов немецкой военной администрации, обвиняя правительство П.Рейно в затягивании «бесполезной бойни», нападая на союзную Англию, а месяц спустя она предприняла яростную антисемитскую кампанию.

Для распространения среди французов антисемитизма оккупанты использовали такие весьма низкопробные газетенки, как «Опилори», «Партия огня», еженедельник «Ля жерб» и некоторые другие. В Париже стали выходить когда-то «левая» газета «Эвр» под редакцией «социалиста» М.Деа, «Пти паризьен» под руководством

также «социалиста» А.Маркэ и газета ренегата Ж.Дорио «Кри дю пёпль».

Аналогичную роль играла и газета «Виктуар» во главе с Г.Эрве, который в молодости был социалистом и страстным антимилитаристом, проповедывавшим крайние методы борьбы против военной угрозы, за что просидел в тюрьме 12 лет. Накануне Второй мировой войны он стал известен своими проповедями «авторитарного социализма». Но прошло некоторое время, оккупанты вступили в Париж и «Виктуар» 17 июня 1940 г. призывала парижан: «Братья парижане, сестры парижанки! Мы все теперь в плену... Будьте холодно корректны и вежливы с незваными гостями. Не называйте их "бошами". Называйте их "фрицами", это фамильярно, но не обидное слово...»

Все эти и другие фашистские газеты верно служили оккупантам в их попытках задушить свободолюбивый дух французов и заставить их примириться со своим национальным унижением. Разумеется, подобная пропаганда тормозила развертывание Сопротивления, но она не могла его задержать.

Вместе с тем оккупанты не довольствовались только французскими изданиями газет. Они стали выпускать и свои печатные органы для французов. Одной из первых таких газет была «Пари суар», которую еще в 30-х годах создал французский текстильный фабрикант Жан Пруво. После бегства на Юг ее владельца издание поддельной «Пари суар» 25 июня возобновил представитель военной администрации лейтенант Вебер. Таким же образом с конца июня оккупанты стали издавать газету для рабочих «Ля Франс о травай». Чтобы иметь представление о характере той социальной демагогии, которую проповедывала эта газета для одурачивания французских рабочих, достаточно привести следующие ее требования: «Освобождение всех товарищей, арестованных за выступления в защиту мира; гласный суд над всеми, кто втянул Францию в войну; конфискация всех военных барышей, экспроприация значительной части крупных состояний, государственный контроль над банками, шахтами, крупными предприятиями, железными дорогами; возобновление деятельности всех предприятий, включая и те, собственники которых отсутствуют». Газета назойливо стремилась убедить рабочих в том, что национал-социалисты являются их настоящими друзьями, что Германия хочет мира, а войну ей навязала «международная плутократия и еврейские банкиры».

В Нидерландах летом 1941 г. специальная комиссия Министерства просвещения, науки и искусства под наблюдением оккупационных властей просмотрела учебную литературу и запретила около 700 книг, а во многие другие, особенно в исторические, внесла изменения в фашистском духе. Был наложен запрет на исполнение музыки русских и советских композиторов. Демонстрации кинофильмов (как правило, немецких) предшествовал показ пропагандистских немецких киножурналов, и за уход из кинотеатра в момент их демонстрации грозило строгое наказание. На многие ни-

дерландские газеты были наложены крупные штрафы за нарушение указаний оккупационных властей. Летом 1941 г. было закрыли около 40% крупных и около 80% мелких газет.

С целью устрашения населения и моральной демобилизации участников Сопротивления фашистские власти считали полезным не скрывать от общественности меры наказания за антифашистскую деятельность, а, наоборот, доводить их различными способами до широких кругов населения. В Германии, например, особенно с 1942 г. в прессе ежедневно публиковались приговоры судов «преступникам в военном хозяйстве», спекулянтам и расхитителям. Выносились также смертные приговоры тем, кто слушал антифашистские радиопередачи, и «распространителям слухов». Геббельс цинично заявлял тогда, что «публикация приговоров суда должна стать делом народного воспитания».

Такое же указание было дано прессе и в других оккупированных странах. Так, во французской прессе, особенно осенью 1940 г., публиковались сотни извещений о казни патриотов за порчу военных объектов, хранение оружия, за нападения на военнослужащих вермахта, антифашистскую пропаганду и т.д. Особенно широко извещалось об арестах видных политических деятелей, а также деятелей науки и литературы Франции.

Приказом начальника военной администрации от 28 августа 1940 г. запрещалась деятельность всех французских партий, союзов и обществ, ношение особой одежды и значков, а также запрещались какие-либо собрания. Однако несколько позже оккупационные власти пришли к выводу, что им будет выгоднее не запрещать для французов вообще любую политическую деятельность, а направлять ее в нужное русло.

В декабре 1940 г. власти устроили мелодраму, которая, по их замыслам, должна была возбудить к ним симпатии французов. К столетию со дня погребения останков Наполеона во Дворце инвалидов Гитлер отдал распоряжение о переносе останков сына Наполеона герцога Рейхштадтского, так называемого «Орленка», умершего в 1832 г. в австрийском плену в Вене, в Париж. Торжественная церемония перезахоронения в Доме инвалидов состоялась 15 декабря 1940 г. Несмотря на шумную рекламу и присутствие на церемонии лично Ф.Петена и некоторых других видных вишистов, все это было воспринято французами так же холодно, какой была в этот декабрьский день и парижская погода. Французы с горечью шутили тогда: «Вместо костей наполеоновского наследника нам бы немцы привезли хорошего мяса для наших детей».

Несмотря на старания гитлеровских «ухажоров», «галльская дева» пришла в себя после ошеломившего ее поражения. Она не поддавалась ни на какие уговоры, и оккупанты поняли, что ее можно взять только силой.

Германизаторскую деятельность гитлеровские оккупанты особенно активно осуществляли в Эльзасе и Лотарингии. В своей пропаганде они настойчиво твердили, что жители этих областей в

культурном отношении не имеют ничего общего с французами, взывали к какому-то особому «эльзас-лотарингскому патриотизму».

Хотя Гитлер и не считал эльзасцев и лотарингцев настоящими немцами, однако из-за нехватки солдат для восточного фронта он призвал их «добровольно» вступать в вермахт. Таких «добровольцев» оказалось всего лишь 2300 человек. Тогда оккупационные власти в Лотарингии с 19 августа 1942 г. ввели для всех без исключения молодых лотарингцев обязательную воинскую повинность. Начальник германской гражданской администрации Лотарингии Й.Бюркель в своем распоряжении от 5 декабря 1942 г. обосновал эту меру возникновением новой ситуации в Северной Африке. Затем распоряжением Вагнера в вермахт было мобилизовано 170 тыс. эльзасцев в возрасте от 17 до 38 лет.

Базельская «Националцейтунг» в феврале 1943 г. поместила выдержки из фашистской газеты «Мюльхаузен Тагблатт», которая возмущалась «недостаточным патриотизмом» эльзасцев: «Здесь есть люди, которые опять заводят старую песенку о французской военной присяге, — жаловался этот фашистский листок. — Каждый раз, когда эльзасских немцев призывают под германские знамена, они заводят эту песню, заявляя, что их никто не может призвать в армию, так как никто еще не освободил их от присяги французскому знамени. Они думают, что Германия из одного только уважения будет потрясена подобной верностью... есть еще и другие аргументы. Они говорят, что войну всегда проигрывает тот, на чьей стороне эльзасцы. Лучшим ответом таким "рыцарям печального образа" был бы удар кулаком в лицо. Тот факт, что Германия вместе с эльзасцами проиграла войну в 1918 г., а Франция вместе с эльзасцами в 1940 г. — является простой игрой случая».

Однако в Эльзасе и Лотарингии, как и во всей оккупированной Франции, оккупационные власти действовали не только кнутом, но и пряником. Цель их состояла в том, чтобы путем дифференцированного отношения к разным искусственно созданным ими же категориям населения разъединять их и вносить среди них разлад. Так, по нацистской терминологии в этих областях проживало три категории населения имперские немцы, французы и так называемые «этнические немцы Эльзас-Лотарингии». Когда на одном из заседаний комиссии по перемирию французский представитель генерал Ж.Хунтцигер спросил немецкого генерала К.-Г. фон Штюльпнагеля относительно «этнических немцев», что это за новая «национальность», тот не смог сказать ничего вразумительного, заявив лишь, что имперское правительство считает своим долгом защищать членов «немецкого этнического сообщества» независимо от того, где они живут.

Чтобы продемонстрировать свое особое отношение к этническим немцам Эльзаса и Лотарингии, Гитлер разрешил отпустить из плена всех солдат (но не офицеров) этой категории населения, в то время как французы такой привилегией не пользовались. В.Вагнер разрешил деятельность общественной организации «Эльзасская

служба помощи». По его указанию 150 политических узников, заключенных в свое время в тюрьмы французскими властями за прогерманскую деятельность, были освобождены, и с целью воспитания ненависти против Франции их возили по многим городам Эльзаса, где они выступали с антифранцузскими речами. Гаулейтер Эльзаса пошел еще дальше. Он разрешил вернуться на родину из Южной Франции некоторому количеству эльзасцев, но при условии, что они продемонстрируют свой «патриотизм» и «любовь» к Германии возгласами «Хайль Гитлер». Но этот спектакль не везде удавался, и часть эльзасцев уже с границы была снова возвращена назад, в Южную Францию.

Для того чтобы показать якобы немецкий характер Лотарингии, Бюркель предпринял кампанию по массовой записи лотарингцев в категорию этнических немцев, обещая им всяческие привилегии. Германское гражданство и вытекавшие отсюда привилегии были обещаны и добровольцам, вступившим в вермахт. 29 августа 1942 г. в Лотарингии было введено германское государственное право. Особо подчеркивалось, чтобы те лотарингцы, которые приобрели германское гражданство, изменили свою фамилию.

Кроме имперского гражданства распоряжением Бюркеля от 30 января 1943 г. была введена еще одна не столько этническая, сколько политическая категория «гражданства». Лица, проживавшие в Лотарингии, могли быть приняты в немецкое народное сообщество в качестве «гостя», но при условии, что они будут считать себя немцами, говорить по-немецки и быть «добросовестными гражданами». Однако это не означало автоматического приобретения ими германского гражданства. Ясно, что это было еще одно средство германизации населения Лотарингии.

После того, как и южная зона Франции также была оккупирована, многим профессорам и студентам Страсбургского университета, работавшим в Клермон-Ферране, было «прощено их дезертирство» и разрешено вернуться обратно. Гитлеровцы тем самым намеревались подкупить преподавателей высших учебных заведений.

В связи с неблагоприятным развитием событий на фронтах оккупационные власти усилили среди лотарингцев и эльзасцев пропагандистскую кампанию. В специальной инструкции отдела политического воспитания ОКХ от 15 декабря 1944 г. подчеркивалось, что в настоящее время нужно проявить особую заботу о солдатах-эльзасцах и воспитывать их в духе ненависти к Франции, которая «дважды в мировых войнах разоряла Эльзас». Далее предлагалось убеждать эльзасцев в том, что «вслед за союзными войсками в Эльзас вступят большевики, чего вермахт не допустит».

Большинство жителей Эльзаса и Лотарингии отвергало эту пропаганду немцев и считало установленный ими режим таким, каким он был в действительности — ненавистной чужеземной оккупацией. Поэтому Гитлер, разочарованный поведением эльзасцев, в марте 1942 г. назвал их «глупыми ослами», которых американцы хотят втянуть в войну.

Послушным оружием в руках гитлеровских оккупационных властей было правительство Виши. Взяв власть в свои руки, вишисты объявили осуществление так называемой «национальной революции». Однако на деле правительство Виши проводило не «национальную революцию», а антинациональную контрреволюцию в ущерб коренным интересам французского народа, оно было марионеткой в руках оккупантов.

С помощью местных фашистских партий немецкие оккупанты проводили открытую политику германизации и фашизации всей общественной жизни Бельгии. В частности, они создали специальную комиссию по проверке школьных учебников. Те из них, в которых отрицательно говорилось о немецком оккупационном режиме в Бельгии в 1914—1918 гг., уничтожались. При переиздании этих учебников комиссия указывала, какие места следует изъять.

Оккупанты грубо вмешивались и в дела высшего образования. Во все высшие учебные заведения они назначали своих комиссаров, которые контролировали всю их жизнь и деятельность вплоть до бухгалтерии. Без их ведома нельзя было ни назначать профессоров, ни преподавать ту или иную дисциплину. Так, в Брюссельском университете оккупационные власти потребовали назначить профессором предателя, который сотрудничал с ними еще в годы Первой мировой войны и за это бельгийским судом был приговорен к смертной казни, но потом помилован. Отказ университета принять его был расценен оккупантами как саботаж, и председатель административного совета университета, несколько его членов и некоторые преподаватели-антифашисты были арестованы в качестве заложников.

Введенная трудовая повинность 6 марта 1943 г. распространялась и на студентов. Правда, их направляли не за пределы страны, а на бельгийские предприятия, откуда уволенные рабочие мобилизовывались в Германию. Было немало случаев, когда профессоров университетов Гента, Льежа и Брюсселя брали в качестве заложников для сопровождения поездов. Их помещали в первом вагоне, и в случае диверсий со стороны участников движения Сопротивления они погибали первыми. Ряд антифашистски настроенных профессоров Лувене был вывезен в концлагеря Бухенвальд, Гросс-Розен, Нейенгамме, а также пользовавшийся зловещей известностью лагерь Брендок, который находился на территории Бельгии.

Для ведения шпионажа среди студентов в Бельгии, как и в других странах, гитлеровцы практиковали «приглашение» сюда профессоров из Германии и назначение особых уполномоченных. Так, назначенный в Брюссельский университет уполномоченный сразу же отстранил от преподавания 14 профессоров, а 5 июня 1943 г. был арестован и сам ректор университета. В декабре 1942 г. в знак протеста против введения трудовой повинности в Бельгии забастовку объявили судьи.

Такую же политику оккупанты осуществляли и в соседних Нидерландах. Выступая свидетелем на Нюрнбергском процессе, пред-

седатель социалистической партии этой страны Я.Форринк рассказал, что с первых дней оккупации Голландии гитлеровские власти, спекулируя на языковой общности с немцами, пытались привлечь на свою сторону весь голландский народ. «Я должен сказать, что в некотором отношении это было для нас несчастьем, так как эти люди "любили" нас слишком горячо на основании их теории единства "крови и территории". Когда же они не обнаружили у нас никаких взаимных чувств, то их любовь превратилась в ненависть».

Если в оккупированных странах с негерманским населением, немецкие власти искусственно сокращали рождаемость, то в так называемых германо-язычных странах они ее поощряли. Так, в феврале 1941 г. Зейсс-Инкварт разрешил голландским девушкам выходить замуж за германских солдат. В нарушение статьи 43 Гаагской конвенции он распорядился об изменениях в голландском законодательстве, с тем чтобы иметь возможность осуществлять вместо родителей родительские и опекунские права в отношении тех девушек, чьи родители отказывались разрешать им вступать в брак с немцами. Чтобы такую практику узаконить в других германо-язычных странах, 28 июля 1942 г. Гитлер издал декрет, предоставлявший ряд пособий и преимуществ тем голландским и норвежским женщинам, которые родили детей от немецких военнослужащих.

Однако уже первые месяцы оккупации показали, что, во-первых, немцы не собирались предоставлять никаких особых привилегий своим «германским братьям по крови». Более того, они унижали национальное достоинство нидерландцев и бесцеремонно грабили их так же, как это делали и в отношении «неарийцев».

Я.Форринк рассказал на Нюрнбергском процессе, что голландцев как немногочисленную нацию, которой было трудно сражаться с немцами, больше всего оскорбляло не военное поражение, а то, что оккупанты старались подавить голландцев в моральном отношении. «Они не прекращали своих попыток задушить культурную жизнь страны и нацифировать нас. Так, в области прессы они позволили себе даже принуждать нас опубликовывать статьи, написанные немцами, и выдавать их за статьи, написанные главными редакторами соответствующих газет... Было строго запрещено слушать иностранные передачи. Они не стыдились карать строжайшим образом тех, кто нарушал это положение... То же самое было и в области искусства. Немцы создали целую серию гильдий: художников, литераторов, музыкантов, после чего они стали принуждать вступать в них работников искусств. В Нидерландах писатель, например, не мог опубликовать свои книги, не предъявив ее сначала какому-нибудь безграмотному нацисту для проверки»[16].

Во-вторых, и сами нидерландцы не горели желанием добровольно вступать в «Германо-немецкое сообщество» и после первоначального шока продемонстрировали упорство защищать свою национальную независимость. Патриотизм и презрение к чужеземным оккупантам голландцы особенно сплоченно показали 22 июня 1940 г., в день, когда голландцы отмечают «День гвоздики». В

прошлом он был обычным праздником и никогда не выделялся среди других, но на сей раз голландцы отметили его по-особому (украсили улицы, на домах вывесили национальные флаги и т.д.), выразив тем самым свое отрицательное отношение к гитлеровской оккупации.

Казалось бы, внешне незначительное событие 22 июня 1940 г., по существу, означало открытую конфронтацию между оккупантами и голландским народом, провал планов на «мирную германизацию» этой страны. Репрессивные меры Зейсс-Инкварта последовали немедленно. Вечером того же дня начались стычки на улицах городов. Некоторые нидерландские деятели были арестованы и отправлены в Германию, закрыты многие нидерландские газеты.

События в Нидерландах, которые могли стать опасным прецедентом для народов других оккупированных стран, вызвали тревогу в Берлине. Они стали предметом специального совещания у Гитлера, на котором также участвовали А.Зейсс-Инкварт, Ф.Христиансен и другие. После возвращения в Гаагу имперский комиссар 4 июля 1940 г. издал специальное распоряжение «О защите нидерландского населения от ложной информации», запрещавшее населению слушать любые радиопередачи, за исключением Германии и оккупированных ею стран.

25 июля 1941 г. оккупационные власти издали декрет, предоставлявший право коллаборационистской администрации произвольно закрывать учебные заведения. На основании этого декрета в ноябре того же года был закрыт Лейденский университет — один из старейших в Европе. В мае 1943 г. все студенты должны были подписать заявление о лояльности. Лично Зейсс-Инкварт проверил учебные программы всех школ, особенно частных (а их было в Нидерландах большинство), т.к. именно в них сильнее всего, как он считал, чувствовались антигерманские настроения.

Германские оккупанты усилили поход против культуры и образования в Люксембурге, потому, что как докладывала агентура немецких органов безопасности в мае 1941 г., хотя капитуляция Югославии и изгнание из Греции англичан несколько поколебали надежды населения Люксембурга на английскую победу, но враждебное отношение к Германии усилилось. Особенно активными носителями антигерманской пропаганды стали учителя. В ряде гимназий они срывали с членов гитлеровской молодежи значки и униформу. Учителя всех средних школ направили протест против их переселения в Германию, называя ее «оккупирующей страной».

С начала учебного года в качестве репрессий в Германию было направлено на 6 месяцев 35 учителей, а на их место прибыли 35 имперских немцев. Жители Люксембурга не хотели предоставлять им квартиры и обслуживать в ресторанах и кафе. В объявлениях о квартирах указывались, что они сдаются только гражданам Люксембурга.

В Люксембурге оккупанты при поддержке местных немцев развернули широкую пропаганду по включению страны «в новый порядок» в Европе, за «возвращение Люксембурга в лоно германской империи».

Как известно, на протяжении веков культурное развитие населения Люксембурга определялось не столько влиянием Германии, сколько Франции, ее культуры и языка. С XVII в. французский язык в Люксембурге стал основным государственным языком. Ф.Энгельс назвал этот процесс добровольным офранцуживанием, который продолжался и на протяжении XVIII и XIX вв. По переписи 1 декабря 1927 г., население страны составляло около 286 тыс. человек, из них 238 тыс. говорило на мозель-франкском диалекте немецкого языка. Однако французский язык получил широкое распространение, и в школах он был языком преподавания. Естественно, что германские оккупационные власти предприняли меры к тому, чтобы быстрее устранить здесь всякое французское влияние.

Употребление французского языка и даже ношение баскских беретов запрещалось. Срывались с домов все французские надписи и вывески, из библиотек изымались все книги на французском языке. Не разрешалось употребление и письменного люксембургского языка, который по конституции наряду с французским был официальным языком страны, несмотря на то, что он является диалектом немецкого языка. Так, циркуляр от 13 января 1942 г. требовал от всех служащих Люксембурга, чтобы в обращении с населением они не пользовались люксембургским диалектом, а только немецким языком. Разговорный люксембургский язык допускался, но без употребления в нем французских элементов. За нарушение этого запрета виновные подвергались денежному штрафу, при повторном случае дело передавалось в гестапо. Всем люксембуржцам, которые носили фамилии и имена с французскими элементами, предложено было заменить их на немецкие. Гестапо жаловалось, что враждебно настроенная интеллигенция демонстративно употребляет французский язык, считая его паролем Сопротивления.

Оккупационные власти не прочь были поставить себе на службу люксембургскую церковь. Но многие рядовые священники категорически отказались от сотрудничества с врагом. Что же касается епископа Филиппа, то в народе его прозвали «великим немым». Он не протестовал, когда оккупанты распускали религиозные общества, когда реквизировали имущество монастырей и арестовывали священников. И тем не менее гитлеровцы считали его опасным элементом и намеревались в июле 1941 г., как это явствует из переписки гестапо, продолжавшейся несколько месяцев, выслать в неоккупированную зону Франции в Пиренеи. Однако гитлеровский посол в Париже О.Абец в своем ответном письме от 2 июля 1941 г. внес предложение, чтобы профранцузски настроенного люксембургского епископа отправить не во Францию, а в какую-либо другую оккупированную страну и изолировать в монастыре.

Оккупанты хотели также, чтобы люксембуржцы забыли и свою национальную историю. С этой целью в конце октября 1940 г. в г. Люксембург был разрушен памятник, поставленный в честь 3 тыс. люксембуржцев, погибших в Первой мировой войне в боях против немцев. Студенты воспротивились снесению памятника, в результате чего между ними и немцами произошла драка. Были также уничтожены памятники, поставленные в 1939 г. в честь столетия независимости страны. Все улицы, носившие имена демократических деятелей, были переименованы на немецкий лад. В одном из донесений полиции безопасности сообщалось, что день рождения Великой герцогини Люксембурга — 23 января 1941 г. население отметило торжественно, но в домашней обстановке. Епископ Люксембурга призвал не выходить в этот день на улицы, чтобы немцы не смогли устроить провокации.

Вместо распущенных политических партий и общественных организаций оккупанты стремились втянуть люксембуржцев в так называемое «Национально-немецкое движение» под девизом «назад в Германию». Причем все члены этого движения обязаны были носить особый значок с надписью «Назад в империю».

Местные профсоюзы были включены в «Германский трудовой фронт», ученики средних школ обязаны были вступать в организацию гитлерюгенда, а девушки — в «Союз немецких девушек». Влияние национал-социалистической партии проникало во все сферы экономической, политической, социальной и культурной жизни Люксембурга.

Были усилены репрессии против высших учебных заведений. Нюрнбергскому трибуналу был представлен любопытный документ. Это циркуляр от 22 мая 1941 г., направленный директорам высших учебных заведений. В нем говорилось следующее: «По приказу гаулейтера все лица педагогического персонала обязаны приобрести до 1 июня 1941 г. книгу фюрера «Майн кампф» и до 1 сентября 1941 г. представить мне письменное заявление с заверением в том, что они прочитали эту книгу».

В день нападения на Советский Союз, 22 июня 1941 г. оккупанты объявили о своем решении провести в октябре 1941 г. в Люксембурге перепись населения, рассчитывая на то, что все люксембуржцы признают себя немцами и тогда можно будет на основе «волеизъявления» народа легко осуществить аннексию этой страны.

Выступивший на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля адвокат из Люксембурга Э.Рейтер рассказал, что в переписном листе наряду с вопросом о родном языке имелся вопрос о национальности. Тем самым власти хотели провести замаскированный плебисцит, чтобы затем узаконить аннексию Люксембурга. «Статистические данные, — рассказал далее Рейтер, — никогда не

были полностью собраны, потому что после частичного подсчета и первых результатов германские власти констатировали, что совершенно ничтожное количество населения ответило на оба щекотливых вопроса в анкете в благоприятном для немцев смысле. Германские власти тогда предпочли приостановить это мероприятие, и бюллетени-анкеты, розданные населению страны, так и не были собраны».

Но все же стало известно, что 90% люксембуржцев на все три вопроса опросного листа ответили «нет»: государственная принадлежность — люксембургская, национальность — люксембургская и родной язык — люксембургский. Это была удивительная и единственная в истории демонстрация сплоченности маленького народа в отстаивании своих национальных прав. Узнав об итогах опросов, гаулейтер Симон распорядился отменить их и считать недействительными. Итоги переписи показывали, что тактика оккупантов на заигрывание с люксембуржцами потерпела провал, и Симон решил принять более жесткие меры. Осенью 1941 г. к этому вынуждала оккупантов и общая обстановка в Европе, когда в ходе провала молниеносной войны на востоке заметно активизировалось во многих оккупированных странах движение Сопротивления.

Оккупанты и квислинговцы придавали большое значение и фашизации норвежской школы. Они призывали учителей «воздействовать на молодежь таким образом, чтобы она стала достойным членом национал-социалистического общества в Норвегии». От всех учителей требовалось, чтобы они вступили в организацию «Национальное единение». Кроме того, был принят закон о создании союза учителей с профашистской программой. От учителей требовали воспитания учащихся в духе фашистской идеологии и «общегерманского сообщества». В ответ на отказ учителей подчиняться этим требованиям последовали массовые аресты.

В оппозицию к режиму немецких оккупантов и квислинговцев стала и норвежская церковь, которую они также стремились использовать в своих целях. Так, созданный при И.Тербовене после 25 сентября 1940 г. комиссариат по делам школы и церквей требовал, чтобы священники информировали его о настроениях населения, одобряли «новый порядок» в Европе и не упоминали в молитвах норвежского короля. Но подавляющее большинство священников, как и учителей, протестовали против попытки фашизировать норвежскую церковь и школу.

Оккупационные власти строго контролировали деятельность учреждений норвежской национальной культуры — издательств, радио, библиотек, театров и т.д. Норвежцы, создавшие свою высокую национальную культуру и давшие миру таких замечательных писателей, как Генрик Ибсен, Бьернстьерне Бьернсон, композитора Эдварда Грига, видных ученых Фритьофа Нансена, Роальда Амундсена и многих других, должны были довольствоваться

третьестепенной ролью младшего партнера Германии по «германо-нордическому содружеству». На службу к оккупантам перешли лишь немногие деятели норвежской культуры, среди них оказался и известный писатель и исследователь Тибета 85-летний Кнут Гамсун.

Особое беспокойство немецко-фашистских оккупантов в Норвегии вызывало широкое распространение подпольной печати. Вот почему Тербован издал приказ «О защите оккупированных немцами районов Норвегии», в котором пригрозил расстрелом всем, кто распространяет подпольную печать. Продолжались репрессии против патриотически настроенных учителей. Так, в марте 1942 г. было арестовано более 1300 человек, из которых около половины были направлены на принудительные работы в Северную Норвегию, а остальные — в концлагеря.

Расхищение культурных ценностей

Обычной практикой в деятельности немецко-фашистских оккупационных властей в захваченных странах был грабеж культурных ценностей. Он начинался в первые же дни оккупации и принимал особо большие масштабы во время бегства оккупантов. В этом грабеже самое активное участие принимали местные предатели, имевшие от него определенную выгоду.

Нацисты прекрасно сознавали, что расхищение и вывоз из оккупированных стран материальных ценностей, в том числе и произведений искусства, является злонамеренным нарушением норм международного права. Об этом им 5 января 1943 г. еще раз напомнили правительства СССР, США, Великобритании и пятнадцати других стран — членов антигитлеровской коалиции, обнародовавшие специальную Декларацию по этому вопросу. Тем не менее это предупреждение не остановило ни нацистских главарей, ни их посредников в оккупированных странах, стремившихся нажиться на этом преступном бизнесе, и заранее спланированный грабеж продолжался.

Произведения искусства в оккупированных странах нацисты грабили не для того, чтобы сохранить их для будущих поколений от опасностей военных действий, и не для того, чтобы приобщить к ним немецкий народ. Этот грабеж осуществлялся главарями гитлеровской Германии исключительно с целью удовлетворения своих честолюбивых вожделений. Он являлся также одним из средств осуществления духовной деградации оккупированных народов. Важное значение имело и то, что эти произведения искусства представляли собой огромную материальную ценность в их денежном выражении.

Если Гитлер собирал картины, скульптуры, редкую посуду и другие художественные ценности для музея в Линце, то Геринг не менее рьяно грабил их для коллекции в своей летней резиденции в Каринхалле. Здесь хранились произведения искусства из многих стран Европы — античные вещи из Неаполя, когда летом 1943 г. его оставили немецко-фашистские войска, художественные картины из Голландии. В подвалах Каринхалле находилось много мыла и парфюмерии, бриллиантов и драгоценных камней, вывезенных из Франции. Как свидетельствовал А.Шпеер, они оценивались во многие сотни тысяч марок.

Первый опыт организованного грабежа культурных ценностей нацисты приобрели в Австрии. Правда, считая эту страну своей вотчиной, они не вывозили из нее те художественные ценности, которые принадлежали государству. Наоборот, еще до начала войны в 1939 г. Гитлер подписал секретный приказ о создании в австрийском г. Линце самого большого в мире музея, где были бы собраны «уникальнейшие из уникальных» собраний произведений искусства всех стран. Операция по сбору этих произведений, имевшая кодированное название «операция Линц», была поручена особоуполномоченному фюрера, директору Дрезденской картинной галереи профессору Г.Поссе, которому Гитлер дал на этот счет чрезвычайные полномочия. Профессор Поссе за свою активную деятельность в качестве грабителя чужих культурных ценностей после войны вполне заслужил бы суровой кары. Но он умер, и неудивительно, что Гитлер распорядился 11 декабря 1942 г. устроить ему государственные похороны, такие, как полгода назад были устроены палачу чешского народа Гейдриху.

Новые хозяева Австрии, однако, не церемонились с коллекциями, принадлежавшими австрийским гражданам, особенно противникам нацизма и евреям. В первый год господства фашизма в Австрии подставные лица Гитлера, Геринга и Геббельса принуждали австрийцев продавать свои коллекции за бесценок. С 1939 г. началась планомерная конфискация тех ценностей, которые нельзя было купить. Изъятия картин, скульптур и других ценностей проходили под различными предлогами: за уклонение от регистрации, за нелестные высказывания в адрес нацистов и т.д.

14 декабря 1939 г. Поссе докладывал Борману о первых результатах своей деятельности в Австрии. Отобранные им картины австрийских граждан были размещены в различных хранилищах. В октябре 1942 г. Поссе распорядился, чтобы 88 ценных картин, похищенных у венского семейства Ротшильдов, были перевезены на территорию Германии. Среди них находились картины «Мужской портрет» Рембрандта, две картины Ван Дейка и Франца Гальса, «Мальчик и девочка» Кранаха и много других произведений немецких, нидерландских, итальянских и французских мастеров.

Примерно тогда же была реквизирована в Вене богатейшая коллекция польского графа Ланцкоронского, содержавшая около 1700 ценных предметов искусства. Она также была предназначена

для «музея фюрера». Кроме того был конфискован и знаменитый дворец Ланцкоронских.

Культурные ценности, награбленные в Чехословакии, гитлеровские оккупанты оставляли, как правило, на месте, ибо эту страну, как и Австрию, они считали «своей» территорией. Через несколько дней после вступления войск вермахта в Прагу директор чехословацкой Национальной галереи спросил у представителей оккупационных властей о судьбе картин этой галереи. Немецкий офицер ответил: «Картины останутся в Пражской галерее, ибо галерея принадлежит нам, точно так же как нам принадлежит Прага и вся страна».

Однако и в такой обстановке особо ценные картины нацисты все же изъяли для пополнения «музея фюрера» в Линце. К ним принадлежал и цикл «Мастера Вышебродского алтаря», состоявший из девяти картин одного богемского художника середины XIV в. Реквизиция картин была произведена Г.Поссе под тем предлогом, что они должны находиться в Вышебродском монастыре, который во время оккупации вместе с частью территории Южной Богемии был включен в гау Верхний Дунай. Три другие ценные картины также были изъяты из Пражской национальной галереи и лично Гитлером подарены Гейдриху в день его рождения.

Во всей Европе известна богатая коллекция оружия, находившаяся в замке Конопище. До Первой мировой войны замок этот принадлежал тогдашнему австрийскому эрцгерцогу Францу-Фердинанду. После 1918 г. замок перешел в собственность Чехословацкого государства и использовался в качестве музея. В годы оккупации он стал штаб-квартирой командующего войсками в протекторате генерал К.Пюклера. Все ценное оружие из этого замка нацисты сперва вывезли в Прагу, где с 1941 г. они стали создавать большой военный музей. Затем в 1944 г. ценные экспонаты музея были эвакуированы в Верхнюю Баварию, в Вену и в штольни у Бад-Аусзее в 40 км от Зальцбурга. В этих штольнях в конце войны гитлеровцы прятали огромное количество похищенных во всех странах Европы богатейших художественных ценностей.

В чешских землях оккупанты реквизировали все еврейское имущество, в том числе мебель, картины, скульптуры и другие сокровища. По сообщению так называемого «опекунского управления» на 31 марта 1942 г. у евреев было конфисковано также 780 тыс. книг. Для пропаганды антисемитизма оккупационные власти решили создать в Праге так называемый «еврейский музей», который они назвали «музеем уничтоженной расы». Для этого музея во всех оккупированных странах Европы они собирали экспонаты, связанные и иудейской религией, ее ритуалами, бытом и нравами еврейского народа.

Большая часть похищенных художественных ценностей после войны вернулась в Чехословакию. Однако бесследно исчезли ценные регалии Карлова университета в Праге, основанного в 1348 г. императором Карлом. В 1862 г. он был разделен на две части и

далее существовал как чешский и немецкий университеты. Если архив оставался в совместном владении, то древние регалии были переданы немецкому университету. Чешскому университету были изготовлены новые регалии. После образования независимой Чехословакии чешскому университету передавался весь архив и признавалось право владения находившимися в немецком университете регалиями.

В августе 1939 г. оккупанты потребовали передать все регалии немецкому университету, а осенью того же года чешский университет был закрыт. Перед бегством из Чехии весной 1945 г. немцы вывезли часть имущества Пражского университета в Инсбрук. Поэтому многие украденные ими университетские регалии до сих пор не найдены.

Как стало известно из фашистских архивов, в конце войны немцы разработали «план АРЛЗ», предусматривавший кроме грабежа исторических и культурных ценностей также взрыв мостов через Влтаву, уничтожение Старого города и других исторических районов Праги. «Для осуществления обороны Праги предстояло выселить из города чешское население — до миллиона человек», — говорилось в этом варварском документе.

В докладе чехословацкого правительства, представленном Нюрнбергскому трибуналу, содержалось множество других фактов грабежа культурных ценностей, который совершали оккупанты. Даже сам Гитлер, уезжая 16 марта 1939 г. из Пражского дворца президента, захватил с собой несколько драгоценных гобеленов.

В Польше грабеж художественных ценностей начался на основе изданного Гиммлером 1 декабря 1939 г. распоряжения о том, что служащим гестапо и полиции безопасности вменяется в обязанность вместе с командованием вермахта реквизировать в Радоме, Варшаве и Люблине наиболее ценные предметы искусства. Через неделю Гиммлер издал новое постановление, в соответствии с которым конфискации подлежали не только предметы искусства и книги, но и «костюмы, музыкальные инструменты, монеты, почтовые марки и другие подобные коллекции».

На основании этого указания Гиммлера Франк 16 декабря 1939 г. подписал «Распоряжение о конфискации предметов искусства в генерал-губернаторстве». Вскоре он доложил Гитлеру, что за истекшие 6 месяцев его особоуполномоченный К.Мюльман включил в списки почти все художественные ценности Польши. Работавший вместе с Мюльманом немецкий искусствовед Э.Мейер-Гейзиг сообщил на Нюрнбергском процессе 19 декабря 1945 г., что в марте 1943 г. Франк приказал вывезти из Варшавы в Краков все лучшие произведения искусства. Они должны были украсить художественную выставку в замке Вавель, предназначенную лично для Франка. Во всех этих распоряжениях имеется ссылка на постановления фюрера от 12 октября 1939 г. и фельдмаршала Геринга от 19 октября 1939 г.

Доставка в Германию награбленных ценностей и их сохранность возлагались на «исследовательское и просветительское общество «Наследие», созданное еще в апреле 1937 г. После оккупации Польши в качестве филиала «Наследия» было создано Генеральное посредничество «Восток» во главе с доктором Г.Гармянцем. С Генеральным посредничеством «Восток» тесно сотрудничал штаб К.Мюльмана, состоявший из двух групп, которые находились в Варшаве и Кракове.

Попытка оккупантов уничтожить духовную культуру польского народа осуществлялась в несколько этапов. На первом этапе были закрыты все польские книжные магазины, высшие учебные заведения, театры, научные институты, польские газеты и журналы. Было запрещено также исполнение музыкальных произведений многих польских композиторов, в том числе и Ф.Шопена. Дело доходило даже до того, что оккупационные власти в декабре 1941 г. запретили полякам иметь граммофоны и пластинки к ним, дабы не слушать польскую музыку. Из тех немногих публичных библиотек, которые продолжали действовать, были изъяты все книги на английском и французском языках, словари и географические карты, на которых значились границы Польши. Оккупанты уничтожили памятники А.Мицкевичу, Ф.Шопену, С.Монюшко, М.Складовской-Кюри, Т.Костюшко, монумент в память о победе войск славянских стран под Грюнвальдом. Из аудитории Краковского университета, где, по преданию, учился Фауст, гитлеровцы выбросили старинные скамьи, а саму аудиторию превратили в пивную. В Национальном музее в Варшаве они устроили казино и склад для военно-воздушных сил. Были закрыты даже зоологические сады, а все звери отправлены в Германию.

Похищение ценнейших культурных ценностей, принадлежавших Польше, началось с первых же дней оккупации. Гитлеровцы уже тогда особенно охотились за алтарем Вита Ствоша из церкви св. Марии в Кракове. Большой трехстворчатый алтарь создан в XV в. известным нюрнбергским резчиком по дереву Витом Ствошем, и этот алтарь, как писал о нем сам Мюльман, — «неповторимый, бесценный и уникальный шедевр, имеющий огромное культурно-историческое значение». В первые дни войны польским искусствоведам удалось вывезти алтарь в Сандомир и спрятать его в подвалах местного собора. Однако по указанию Гейдриха в начале октября 1939 г. он был найден и вскоре вывезен в Берлин и размещен в подвалах государственного банка. Г.Поссе предложил передать алтарь в «музей фюрера» в Линце, но было решено перевезти его в Нюрнберг и установить в церкви св. Лоренца. В мае 1946 г. алтарь Вита Ствоша был возвращен его законному владельцу — Польскому государству и в 1957 г. установлен в реставрированном виде в краковском костеле.

Отряды эсэсовцев во главе со специалистами-искусствоведами рыскали по всей Польше в поисках других художественных ценностей. В Кракове они украли 843 предмета из музея Чарторый-

ских, в том числе шедевр Леонардо да Винчи «Дама с горностаем», картину Рафаэля «Портрет молодого человека», Рембрандта — «Гроза». Здесь же были выкрадены 12 уникальных персидских ковров, 260 изделий из золота, принадлежавших польским королям. Много полотен было похищено из коллекции Национального музея в Кракове, замка Вавель, Института истории искусств Краковского университета, Музея армии и Государственного монетного двора, а также из многих частных собраний польских магнатов.

Гитлеровские оккупанты ограбили также многие ценности в польских церквах: конфисковали архив Краковского собора, вывезли предметы культа из Домского собора, соборов в Люблине и Сандомире и т.д. Всего же в первые месяцы оккупации они украли у польского народа произведения искусства, хранившиеся в 45 учреждениях.

Руководитель Генерального посредничества «Восток» 2 мая 1941 г. доносил, что к концу марта 1941 г. предметы искусства были обнаружены в 74 замках, 96 поместьях и во многих частных домах. «Общее число осмотренных поместий, замков и частных квартир составляет около 500. Были обследованы и конфискованы: 102 библиотеки, 15 музеев, 3 картинные галереи, 8 коллекций оружия, 10 коллекций монет, 1 коллекция египетских ценностей, 1 коллекция античных ваз, 1 этнографическая коллекция, 21 различная частная коллекция (кустарные изделия, фарфор, естественнонаучные экспонаты, оленьи рога и т.д.), 1100 картин и акварелей, несколько сот гравюр, 25 статуй и скульптур, 500 предметов обстановки, 33 ящика с церковной утварью, много сот ковров... 25 больших коллекций благородных металлов, а также большое количество изделий из благородных металлов. Из этих предметов некоторые были отобраны как особо ценные. Вышеприведенные цифры не отражают полного объема конфискаций».

Оккупанты придавали особое значение польским королевским регалиям, принадлежавшим Августу III и его супруге. Долгое время эти регалии хранились в Дрезденском музее, но в 1926 г. бывший король Саксонии Август продал их Варшавскому национальному музею за 175 тыс. злотых. В период войны сотрудники музея спрятали их, но оккупанты все же нашли регалии и отправили в Дрезденский музей. Оттуда они были перевезены в конце войны в крепость Кенигштейн. После окончания войны они были найдены советскими войсками и переданы Польскому государству.

Отступая из Польши, войска вермахта забирали с собой все те немногие культурные ценности, которые еще остались в польских городах. Причем многое погибло в пути, было уничтожено во время бомбардировок немецких городов и сожжено самими оккупантами.

Уже к весне 1940 г. в каталоге, составленном командой Мюльмана, значилось 635 фотографий лучших произведений искусства из числа конфискованных за эти полгода в Польше. В последующие годы грабеж культурных ценностей продолжался с неослабевавшей интенсивностью. Хотя К.Мюльман официально был назначен особоуполномоченным генерал-губернатора в Польше по изъятию художественных ценностей, в действительности он являлся доверенным лицом Геринга, что подтверждается специальным удостоверением, выданным ему 9 октября 1939 г. начальником штаба фельдмаршала[17].

В невиданных в прошлом масштабах гитлеровцы грабили культурные ценности французского народа. Они хотели добиться того, чтобы народ Франции забыл свою многовековую культуру, ослабил чувство национального самосознания и тем самым парализовать его волю к сопротивлению чужеземным захватчикам. Оккупационные власти вывозили из оккупированной Франции все, что представляло для них интерес. Анализом и вывозом памятников искусства занимался в Париже немецкий искусствовед-историк граф В.Меттерних, а состояние военных архивов Бельгии и Франции обследовал военный историк Рабенау. Директивой Кейтеля от 17 сентября 1940 г. оккупационным властям во Франции было предложено также реквизировать все польские и словацкие библиотеки в Париже, все имущество дворца Ротшильда и другое «бесхозное» еврейское имущество.

15 июля 1940 г. Гитлер подписал директиву о взятии на учет всех ценностей искусства в оккупированной зоне Франции. Собственники ценностей при совокупной стоимости 100 тыс. франков обязаны были сообщать об этом оккупационным властям[18].

К концу августа 1940 г. были изъяты все документы и книги из богатой правительственной библиотеки в Париже. После войны в Германии было обнаружено и возвращено Франции 7 млн французских книг, и это лишь часть награбленного оккупантами книжного фонда. Были вывезены также все экспонаты знаменитого артиллерийского музея в Фонтенбло.

Во время своего посещения Парижа Гитлер распорядился не только найти и «возвратить» Германии все ценности искусства, как он утверждал, «захваченные Францией со времен Наполеона», но и изъять из государственных и частных музеев и собраний все наиболее ценные памятники искусства и старины в качестве «залога на будущих мирных переговорах». Во исполнение этого указания Геббельс создал группу специалистов во главе с генеральным директором Берлинского музея и предложил отправить в Германию произведения искусства, манускрипты, книги «германского характера», начиная с XV в. Поскольку эта акция вызвала протест мировой общественности, то в декабре 1941 г. она была прекращена и перенесена на конец войны.

Если грабежом художественных ценностей в Польше занимались особые группы, находившиеся в ведении Гиммлера, то во Франции к этому преступному делу подключилось и Министерство иностранных дел Германии. По указанию И.Риббентропа для этой цели была создана особая команда, которая так и называлась — «риббентроповская зондеркоманда». В августе 1940 г. шеф герман-

ского МИД сообщил верховному командованию вермахта, что послу О.Абецу поручается на «основании особых указаний учесть и изъять художественные ценности, находящиеся в общественном владении, а также предметы искусства, принадлежащие частным лицам, особенно евреям».

Созданная зондеркоманда непосредственно подчинялась секретарю германского посольства в Париже штурмбанфюреру СС барону фон Кюнзбергу, действовавшему при активной поддержке командования вермахта во Франции. Через месяц после начала своей деятельности команда Кюнзберга доносила в Берлин, что она конфисковала художественные произведения в квартире бывшего французского министра Ж.Манделя. Затем началась кампания по грабежу тысяч других квартир французских граждан.

Вскоре наступила очередь конфискации коллекций из Лувра и других государственных музеев Франции. Но французские власти сумели многие из них вывезти на юг страны, что вызвало недовольство посла Абеца. Поэтому команда Кюнзберга раздобыла каталоги и репродукции всех этих ценностей и пыталась заставить правительство Виши вернуть их на территорию оккупированной Франции. Даже уполномоченный по охране художественных произведений при начальнике германской военной администрации во Франции граф В.Меттерних жаловался, что «члены группы Кюнзберга и посольства бестактно и непристойно насели на работников Управления французскими государственными музеями и вырвали у них, наконец, списки, порой пуская в ход угрозы».

«Риббентроповской зондеркоманде» все же при содействии французских коллаборационистов удалось разыскать часть картин Лувра, спрятанных в замках на оккупированной территории Франции, и вывезти их в Берлин. В конце августа 1940 г. фон Кюнзберг был отозван из Парижа и получил задание подготовиться к такой же акции на Балканах. Но грабеж художественных ценностей во Франции продолжался[19].

Наиболее крупной организацией, которая приобретала опыт грабежа культурных ценностей во Франции и позже распространила его и на другие оккупированные страны, был созданный 17 июля 1940 г. особый штаб Розенберга, в составе которого находился отдел «Изобразительного искусства». Предполагалось, что Розенберг, назначенный 29 января 1940 г. руководителем центрального ведомства по изучению вопросов национал-социалистического мировоззрения и воспитания, после окончания войны создаст так называемую «Высшую школу», т.е. учреждение, где должны будут проводиться исследования национал-социализма и воспитания. В порядке предварительной подготовки Розенбергу было поручено создать обширную библиотеку, где содержались бы книги всех стран. Поэтому сотрудники штаба Розенберга начали тщательное обследование всех архивов и библиотек Франции и отправляли в Германию все ценные книги и документы[20].

Штаб Розенберга весьма энергично интересовался и сокровищами Лувра, хотя они, как известно, не имеют никакого отношения к проблемам национал-социалистической идеологии. 25 октября 1940 г. заместитель начальника штаба Розенберга, являвшийся одновременно и начальником германского Красного Креста, фон Бер, ссылаясь на приказ ОКВ, потребовал от германской военной администрации во Франции выдачи находящихся во дворцах Брисак, Шамбор и Моир предметов исскуства, многие из которых были возвращены в Лувр. Здесь была создана особая группа во главе с исскуствоведом доктором Шидлауски, которая провела инвентаризацию и подготовила их к отправке в Германию.

Некоторые видные гитлеровские главари не брезгали сами отбирать ценности французского народа для отправки в свои личные собрания. В этом отношении особо отличался Геринг. Сперва он поддерживал «риббентроповскую зондеркоманду», затем стал покровителем Розенберга. 5 ноября 1940 г. Геринг подписал специальную инструкцию о порядке грабежа и раздела награбленного имущества. В ней, в частности, отмечалось, что к первой группе имущества относятся предметы искусства, судьбу которых решит сам фюрер. Вторая группа — пополнит коллекцию Геринга. Третью группу предметов искусства и библиотечные фонды будет использовать Розенберг в своей «Высшей школе». Остальные предметы искусства передаются в музеи Германии.

В свою личную коллекцию Геринг брал все лучшее, что было изъято из французских государственных и частных собраний, для чего в феврале 1941 г. он посетил Париж и осмотрел семь больших выставок в луврском зале «Же де Пом», устроенных штабом Розенберга специально для рейхсмаршала. Некоторые картины и статуи этих выставок и большинство картин из коллекции Ротшильда, отобранные Герингом, имели стоимость по несколько миллионов франков каждая. 15 марта 1941 г. в имение Геринга прибыли первые 25 вагонов с картинами, старинной мебелью, гобеленами, украшениями ручной работы и другими ценнейшими произведениями искусства. 20 марта 1941 г. начальник штаба Розенберга Г.Утикал доносил своему шефу о ценностях Лувра: «По весьма осторожным подсчетам, можно предполагать, что конфискованные до сих пор картины, скульптуры, мебель, ковры, гобелены и другие предметы искусства стоят более миллиарда марок».

В докладе отдела «Изобразительного искусства» от 16 апреля 1943 г. отмечалось, что с сентября 1940 г. из оккупированных западных стран, главным образом из Франции, было отправлено 92 вагона с 2775 ящиками, содержащими картины, скульптуры, мебель и т.д. Кроме того, 53 предмета искусства были направлены специально для фюрера в Мюнхен и 594 предмета — в собственность Геринга. Согласно последующему отчету этого отдела с апреля 1943 г. по июль 1944 г. из этих же стран в Германию были отправлены еще 137 вагонов с 4174 ящиками художественных ценностей.

В приговоре Нюрнбергского трибунала констатировалось, что по приказу Розенберга в декабре 1941 г. на Западе была предпринята «Акция М» (т.е. конфискация мебели), в ходе которой были разграблены 69619 квартир, из них только в Париже 38 тыс. Для транспортировки конфискованного командой Розенберга имущества потребовалось около 27 тыс. вагонов.

Вишистское правительство робко протестовало против вывоза в Германию конфискованных во Франции художественных ценностей. В связи с этим находившийся тогда в Париже Геринг после осмотра ценностей приказал: «Повиноваться следует моим приказам» и тут же распорядился об отправке в Германию следующей партии картин и скульптур. Многие картины перевозились военными самолетами, а также поездами под охраной вермахта.

В последующий период оккупации грабеж культурных ценностей Франции продолжался и особенно активизировался во время отступления немецких войск. 17 июля 1944 г. по случаю четырехлетия существования своего зондерштаба Розенберг докладывал Гитлеру, что за этот период ему удалось отправить в Германию новые эшелоны с десятками тысяч произведений искусства, в том числе 500 работ Рубенса, Рембрандта, Вермера и других художников, сотни тысяч книг, пластинок с записью ритуальной еврейской музыки, мебель, ковры. Все это, отмечал Розенберг, нужно немецкому народу для «дальнейшего духовного ведения войны». В заключение Розенберг докладывал: «После четырехлетней деятельности моего зондерштаба я докладываю Вам, мой фюрер, что решение поставленной Вами задачи будет успешно продолжаться». Последний эшелон с награбленными ценностями немцам удалось отправить в Германию уже в начале августа 1944 г. Несомненно, этот ученый грабитель продолжал бы свое черное дело, если бы не быстрое отступление вермахта из Франции.

Как справедливо подчеркивает в своем выступлении на Нюрнбергском процессе французский обвинитель, «здесь идет речь не об отдельных кражах, которые совершаются солдатами, как это всегда было и до сих пор бывает на войне. Эта кампания грабежа проводилась систематически и по определенному плану... Стремление присвоить произведения искусства, так же как и материальные богатства, являлось одной из основ национал-социалистической захватнической политики».

Что же касается Голландии, то она действительно явилась для нацистских грабителей художественных ценностей настоящим Эльдорадо. Здесь было чем полакомиться. В государственных собраниях и в частных коллекциях хранились бесценные художественные сокровища голландских мастеров кисти и резца. Излюбленным методом грабежа этих ценностей была простая конфискация, особенно у голландцев еврейского происхождения. Как было показано в ходе Нюрнбергского процесса, с марта 1942 г. по июль 1943 г. оккупанты при содействии местной полиции конфисковали и разграбили в Нидерландах 22623 квартиры. То, что голландцев немецкие расисты

причисляли к германцам, не являлось помехой для грабежа культурных и исторических памятников голландского народа.

В Нидерландах, как и в других оккупированных странах, действовали эмиссары двух главарей Германии — Гитлера и Геринга. Если особоуполномоченным Гитлера был здесь Г.Поссе, то интересы Геринга представлял К.Мюльман, переведенный сюда из Польши. Оккупанты так увлеклись грабежом национальных ценностей голландского народа, что прихватили с собой бесценную коллекцию из 431 художественной картины и скульптуры подданного нейтральной Швейцарии профессора О.Ленца. Дети Ленца проживали в Голландии, и по их инициативе коллекция отца еще до оккупации страны была привезена в Амстердам и выставлена в местном музее.

Оккупировав Нидерланды, немцы запретили вывоз коллекции, в Швейцарию. Г.Поссе доложил лично Гитлеру об этой коллекции, и тот дал согласие «приобрести» ее у семьи скончавшегося профессора Ленца. В это дело вмешался и Борман, давший указание оккупационным властям форсировать сделку.

Семья профессора Ленца понимала, что если она не согласится продать собрание, то оно будет просто реквизировано немецкими властями. Поэтому было решено 20 апреля 1941 г. продать ее по цене, продиктованной Г.Поссе, за 2 млн швейцарских франков и 350 тыс. фактически обесцененных голландских гульденов. По признанию жены профессора Ленце, «согласованная цена далеко не соответствует капиталу, вложенному в свое время моим мужем в его коллекцию. Кроме того, эта коллекция — результат 40-летнего труда, моего мужа и моего труда и потому имеет духовную ценность, которую невозможно ничем компенсировать»[21].

Аналогичные сделки немцы совершали и в отношении других художественных собраний. Так, роттердамский миллионер ван Бойнинген под нажимом вынужден был отдать за бесценок свою коллекцию, состоявшую из 600 рисунков, получив за нее всего 1,5 млн тех же обесцененных гульденов.

Наряду с особоуполномоченным Гитлера и Геринга не менее успешно культурные и научные ценности Нидерландов грабило и ведомство Розенберга, специализировавшееся на библиотеках и архивах. Эмиссары Розенберга захватили библиотеку II Интернационала, насчитывавшую 130 тыс. томов, библиотеки Общества им. Спинозы в Гааге и Дома Спинозы в Рийнсбурге, 200 тыс. книг, принадлежащих голландским евреям, и ряд других ценных книгохранилищ общей стоимость в 30—40 млн марок.

Лакомы для гитлеровцев были и исторические и культурные сокровища Италии. Вот почему еще в 30-е годы, когда Муссолини считал себя «равноправным» партнером Гитлера, немецкие эмиссары различными способами стремились выкупить многие древние памятники этой страны. Кампания грабежа исторических и культурных ценностей Италии продолжалась и в годы войны. Геринг систематически требовал от тогдашнего германского посла в Риме А.фон Макензена, чтобы тот правдами и неправдами приобретал

для него картины, барельефы, скульптуры и другие предметы искусства итальянских мастеров. Геринга, который уже прославился как «король всех черных рынков», не смущало то, что воровской вывоз произведений искусств, вплоть до использования дипломатической почты, вызывал недовольство итальянской общественности.

Гитлер для своего музяя в Линце также весьма интересовался произведениями итальянских художников и скульпторов. И здесь работал его особоуполномоченный Поссе, возглавлявший комиссию «специалистов», в которую входили принц Филипп Гессенский и граф Бисмарк. Комиссию Поссе интересовали не вообще произведения искусства Италии, а лишь наиболее ценные из них, вывоз которых за границу был запрещен. В частности, фюрера особо интересовали полотна Леонардо да Винчи. Например, за одну из его картин было заплачено 8 млн лир, и она была доставлена в мае 1941 г. прямо в дом Гитлера в Мюнхене.

Грабеж немцами исторических и художественных ценностей Италии достиг таких размеров, что в мае 1942 г. он стал предметом обсуждения в специальной комиссии фашистской палаты депутатов. Однако этот вопрос так и не был урегулирован до событий июля 1943 г.

Свержение Муссолини и выход Италии из войны создали совершенно новую и весьма удобную для гитлеровцев ситуацию. Они более не покупали, а просто «приобретали» культурные сокровища итальянского народа. В перые жс дни оккупации Италии здесь, как и в других оккупированных странах, появились представители зондерштаба Розенберга. О масштабах деятельности этого штаба свидетельствует тот факт, что после войны в штольнях Бад-Аусзее было обнаружено 16 ящиков с итальянскими предметами искусства, в том числе картинами с неаполитанской выставки, из монастыря Монте Кассино и ряда других итальянских галерей.

После войны Италии были возвращены около 3 тыс. украденных гитлеровцами произведений искусства, а более 600 ценных предметов и поныне не найдены.

На Нюрнбергском процессе отмечалось, что «немецко-фашистские захватчики, уничтожая культуру народов Югославии... в широких масштабах использовали свой накопленный в других оккупированных ими странах опыт...». Для вывоза культурных ценностей из Югославии еще 6 апреля 1941 г. ведомством Розенберга был создан зондерштаб во главе с Г.Бергером, который до этого работал в аппарате самого Розенберга. Два месяца спустя Бергер доносил из Загреба, что здесь 12–15 апреля им было сформировано самостоятельное бюро, а через несколько дней такое же бюро было создано в Белграде. В соответствии с указаниями Розенберга сам Бергер с оперативными командами продвигался непосредственно за наступавшими войсками. Бергер специально доносил, что сразу же был установлен контакт с местными этническими немцами, которые во многом ему помогли. В донесении сообщалось, что уже через несколько часов после занятия Белграда его команда провела обыск

в здании еврейского раввината и реквизировала здесь все ценные документы.

В столице и других городах Югославии немецко-фашистские оккупанты реквизировали многие древние рукописи, книги, художественные картины, утварь и другие ценности югославского народа. В последующие годы многое из них было уничтожено и пропало бесследно, но часть была возвращена Югославии после войны.

Гитлеровские оккупанты стремились добиться того, чтобы и греки забыли свою многовековую историю и созданную ими цивилизацию. Они ограбили знаменитый афинский музей, вывозили в Германию статуи, картины, рукописи и другие памятники греческой культуры и искусства. На основании директив ОКВ от 5 июля и 17 сентября 1940 г. Розенберг 25 февраля 1941 г. также создал здесь зондеркоманду, перед которой были поставлены задачи изучать, реквизировать и отправлять в Германию фонды государственных библиотек, архивов, церкви, различных масонских лож и т.д. Командой руководил лейтенант фон Инграм. Она подчинялась непосредственно командующему 12-й армией и состояла из двух групп, действовавших в Афинах и в Салониках. Деятельность зондеркоманды в Греции, как и в других странах, опровергает утверждения некоторых авторов о том, будто к преступлениям и грабежам этих команд в оккупированных странах вермахт не имеет никакого отношения. Между тем в первом отчете Инграма за период до ноября 1941 г. было прямо сказано: «Большой успех в деятельности зондеркоманды был обеспечен пержде всего благодаря всесторонней поддержке со стороны всех армейских инстанций. Без этой поддержки команда не смогла бы выполнить своих задач, ибо в силу сложившихся в Греции политических и военных условий выполнить возложенную задачу может команда, включенная только в состав вермахта, а не в гражданские инстанции».

Грабеж культурных ценностей и подавление национальной культуры Греции, которые осуществляли оккупанты, вызывали решительный протест греческого народа.

Важной составной частью политики гитлеровцев в Венгрии являлся грабеж культурных ценностей венгерского народа. Особенно широкие размеры он приобрел с марта 1944 г.

Одновременно с войсками «для проведения в Венгрии указанных в декрете фюрсра от 1 марта 1942 г. работ», т.е. грабежей предметов искусства и культуры, в страну вступила и «зондеркоманда Розенберга», которой руководил Цейсс. Всем немецким инстанциям в Венгрии предписывалось оказывать этой команде поддержку и помощь.

При помощи нилашистов немецкая зондеркоманда разграбила частные собрания евреев и венгерских дворянских замков. Из будапештского Музея изящных искусств в Германию были вывезены такие картины известных мастеров, как «Портрет Бисмарка» Франца Ленбаха и несколько картин итальянских художников. Была реквизирована коллекция картин, принадлежавшая семье барона Херцога и оцененная в 5 млн долларов. Здесь находились ше-

девры Рубенса, Рембрандта, Ван Дейка и других художников. Разграблению подверглись также частные собрания картин, принадлежавшие барону А.Вейссу, барону Корнфельду, венгерским магнатам Ледереру, Вольфнеру, Хатвани и др.

Во время боев на территории Венгрии с конца 1944 г. немецкое посольство находилось недалеко от границы с Австрией во дворце Хедервар, в котором имелась редчайшая старинная мебель, много дорогих ковров и знаменитый «Автопортрет» Рембрандта. Все эти ценности Везенмейер весной 1945 г. отправил в Германию.

В ноябре 1944 г. германские власти распорядились упаковать и отправить в Австрию все картины Государственного музея изобразительного искусства в Будапеште. В условиях неразберихи с транспортом вагоны с этими картинами направлялись в различные города южной Германии и наконец в начале мая 1945 г. застряли между Мюнхеном и Зальцбургом. Лишь через два года после войны они были возвращены Венгрии. Многие же ценности погибли. В 1952 г. Центральное управление музеев и памятников Венгрии опубликовало список более 3 тыс. произведений искусства, принадлежавших Венгрии и пропавших во время войны.

Таким образом, фашистские лидеры и их сообщники в оккупированных странах социально-дидактические, идеологические задачи рассматривали как главную функцию культуры. Если те или иные произведения для этой цели были негодны, они просто уничтожались, другие — вывозились в Германию. Это подтверждают приведенные выше многочисленные примеры.

«Искусство, созданное при тоталитарных режимах, — справедливо отмечает российский исследователь В.М.Володарский, — обладает важной особенностью: десятки лет спустя, в атмосфере плюрализма, многие из работ той поры, не имеющие явных признаков ангажированности, могут смотреться вполне безобидно. Однако те произведения, которые по объектам изображения и их трактовке, по сохраняющемуся в самой ткани образа пропагандистскому заряду остаются носителями идеологии рухнувшей власти, таят в себе пусть ослабленную в семантических контекстах новой эпохи, но все же ядовитую силу. Нельзя забывать, что в иной обстановке эти произведения могут снова "ожить" или стать образцами для подражания, что они принадлежат к враждебному гуманизму, опасному для человечества наследию прошлого»[22].

Теперь хотелось бы сделать несколько замечаний о позиции церкви в отношении некоторых событий Второй мировой войны.

Позиция церкви, особенно католической в Польше, Чехословакии и в других странах Западной Европы, в отношении войны и фашизма определялась ее общей концепцией о пацифизме. 27 октября 1939 г. папа Пий XII впервые в начавшейся Второй мировой войне выступил с программной энцикликой «Сумми понтификатус», в которой призвал молиться, чтобы «Господь в милосердии своем сократил дни испытаний». В своем рождественском послании 1939 г. он охарактеризовал войну как «неописуемое бедствие» и

выдвинул пять принципов, на базе которых можно было бы начать переговоры о мире.

В ряде последующих выступлений папа не осудил преступлений немцев в оккупированной Польше, но довольно четко выразил свои симпатии к польскому народу. Об этом же заявило «Радио Ватикана» в январе 1940 г. и в других передачах. Ватикан призывал прекратить бойню не только Германию, но и Англию. Естественно, это вызвало недовольство официальных властей Германии и Италии.

Агрессия Германии и других стран против Советского Союза, т.е. война одной тоталитарной страны против другой, поставила церковь в двусмысленную ситуацию. Создавалось впечатление, что она свой пацифизм не распространила на большевизм, который задолго до фашизма жестоко преследовал церковь. Некоторые католические иерархи открыто высказывали удовлетворение, что «борьба идет против большевизма». Более того, часть духовенства, в частности Италии, высказывала надежду на то, что скоро наступит «окончательное уничтожение большевизма», другая же часть молилась за то, чтобы были разгромлены оба врага церкви — национал-социализм и большевизм.

Но со временем, особенно после Сталинграда, церковь стала корректировать свою позицию в сторону нейтралитета. Это было вызвано следующими причинами: усилением фашистского террора в оккупированных странах, активизацией антифашистской борьбы народов, в которой участвовали и многие рядовые священники, и победами Красной Армии и ее западных союзников на полях сражений.

Подобная позиция церкви не могла удовлетворить ни национал-социалистический, ни большевистский режимы. Оба они требовали от церкви не нейтрализма, а определенности. Так, в конце 1941 г. Геббельс требовал, чтобы радио Ватикана замолчало, т.к. «передачи из Ватикана еще более нежелательны и опасны для нас, чем передачи коммунистов»[23].

Новый рубеж на пути церкви к достижению определенного осуждения нацизма наступил с конца 1942 г., когда западные союзники совместно с Советским Союзом выступили с осуждением фашистского геноцида. Папа выразил тогда протест системе, которая уничтожает сотни тысяч людей «без всякой вины... по одной только причине их «принадлежности к определенной расе или нации».

Выступая в феврале 1943 г., папа распространил свой протест не только на фашистскую разновидность тоталитаризма. Он сказал: «Церковь не признает режимы, основанные на принудительном труде, на ссылке, будь она массовой или индивидуальной, на изгнании народов, на разрушении семей. Нет, церковь всегда протестовала и будет протестовать»[24].

Естественно, после этих заявлений отношения между церковью и фашизмом окончательно испортились, что вызвало крайнюю негативную реакцию со стороны Гитлера и Муссолини. В сентябре 1943 г. церковь отказалась признать марионеточное правительство Сало в Италии. Священники в оккупированных странах более смело проявляли свои симпатии к жертвам фашизма, но церковь

по-прежнему не одобряла вооруженное антифашистское Сопротивление. Церковь внесла свой вклад в спасение евреев. Так, в Италии удалось спасти почти 90% евреев из числа, предназначенного для депортации в концлагеря, т.е. 35 тыс. человек. В целом во время войны и оккупации Ватикану, по некоторым сведениям, удалось спасти не менее 700 тыс. человек[25].

Естественно, что антифашистская позиция церкви, хотя и непоследовательная, корректировалась в ходе войны, но неизменно распространялась не только на откровенных фашистов, но и на их пособников в разных странах, т.е. коллаборационистов. В силу изложенных выше причин, особенно исходя из своей концепции религиозного пацифизма, церковь осуждала коллаборационизм и коллаборационистов за их содействие фашизму в ущерб своей стране и своему народу.

Примечания

1 Neues Deutschland. 1 März 1979.
2 Jacobsen N.-A. Von der Strategie der Gewalt zur Polik der Friedenssicherung. Düseldorf, 1977. S. 177.
3 Bundesarchiv Koblenz, R 58/144. Bl. 34.
4 Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka 1939—1945. W-wa, 1972. T. 1. Str. 81—82.
5 Нюрнбергский процесс. Т. III. М., 1958. С. 532—533.
6 Там же. С. 533.
7 Encyklopedia 2 wojny światowej. W-wa, 1975. Str. 1.
8 Ibid. Str. 1.
9 Свободная мысль. 1992. № 4. С. 105.
10 Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. Berlin, 1976. S. 132.
11 Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944 гг.). М., 1965. С. 216.
12 Там же. С. 108.
13 Там же. С. 211.
14 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 728. Лл. 40—42.
15 The National Archives of the USA (NAUS). Washington. T-175. Roll 18. P. 521566.
16 Нюрнбергский процесс. Т. IV. М., 1959. С. 279—283.
17 Зейдевиц Р. и М. Дама с горностаем. Как гитлеровцы грабили художественные сокровища Европы. М., 1966. С. 110—111, 130.
18 Documents reunis par Philippe Héraclés. La loi nazie, en France. P., 1974. P. 144.
19 Зейдевиц Р. и М. Дама с горностаем. С. 35.
20 Bollmus R. Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Studien zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herschafsysnem. Stuttgart, 1970. S. 145.
21 Зейдевиц Р. и М. Дама с горностаем. С. 167—168.
22 Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 244.
23 Там же. С. 204.
24 Там же.
25 Там же. С. 205.

Глава десятая

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И ПОЗИЦИЯ НЕЙТРАЛЬНЫХ СТРАН

Несколько лет тому назад в Англии и США вышла весьма интересная книга Арнольда и Вероники Тойнби под названием «Вторая мировая война и нейтральные страны». Рассказывая о Португалии и Испании в годы минувшей войны, авторы называют их «невоюющими союзниками», причем Португалия расценивается как «невоюющий друг Англии», а Испания — как «невоюющий союзник «оси».

Не будем спорить с авторами о том, насколько точно определили они место этих стран в бурные годы войны. В данном случае интерес представляет само доказательство того факта, что объявленный нейтралитет в минувшей войне имел на практике весьма условный характер.

В годы Второй мировой войны в Европе существовало шесть государств, официально придерживавшихся политики нейтралитета: Турция, Испания, Португалия, Швеция, Швейцария и Эйре. Однако во время непрерывных побед гитлеровской армии на западе и ее успешного продвижения на востоке в первый период Великой Отечественной войны некоторые из нейтральных стран заняли определенно враждебную позицию в отношении Советского Союза, что, конечно, не могло не противоречить их статусу «нейтралитета». Это прежде всего относится к Турции и Испании.

В самый тяжелый для Советского Союза период войны, когда многие зарубежные государственные и военные деятели предвещали СССР скорую гибель, правящие круги некоторых нейтральных стран не устояли перед искушением попытаться получить некоторые выгоды в результате возможной победы стран «оси». Соответственно такому курсу они и строили свою политику.

Эти нейтральные страны длительное время поддерживали с Германией тесные экономические связи и снабжали германскую военную промышленность ценным стратегическим сырьем, без которого она испытывала бы значительные трудности. Речь идет, прежде всего, о поставках высококачественных железных руд из Швеции, хромовой руды, свинца, меди, хлопка из Турции, нефтепродуктов и другого важного сырья из Испании и т.д.

Не ограничивая свои отношения с Германией лишь экономическими связями, реакционные круги нейтральных стран выступали за

сближение всей внешней политики с разбойничьей политикой Гитлера. Конечно, эти силы в разных странах имели неодинаковое влияние, однако оно было достаточным, чтобы поставить свои народы в полувассальную зависимость от фашистской Германии.

Наконец, дело дошло до того, что правители отдельных «нейтральных» стран вопреки воле их народов оказывали гитлеровской армии прямую военную помощь (посылка Испанией «Голубой дивизии» на восточный фронт) или косвенную военную помощь (разрешение шведского правительства на транзит германских солдат), а также были готовы вступить при благоприятной обстановке в войну против Советского Союза на стороне Германии (позиция Турции летом 1942 г.).

Правительства нейтральных стран покровительственно относились к деятельности различного рода германских фашистских организаций, развернувших широкую провокационную антисоюзническую пропаганду. Нейтральные страны в годы войны были превращены в базу для германского шпионажа, направленного против союзников.

Стремясь оправдать свою политику, некоторые деятели нейтральных стран еще в тот период и особенно позже подчеркивали, что дружественную позицию в отношении Германии они занимали по принуждению, будучи окруженные со всех сторон германскими войсками. Но, как известно, значительную роль в этой прогитлеровской политике определенных реакционных кругов нейтральных стран играло не столько принуждение, сколько собственное убеждение и выгоды, получаемые от этого призрачного нейтралитета.

Правящие круги некоторых нейтральных государств открыто и вполне сознательно выражали свои симпатии гитлеровской Германии и столь же откровенно, по крайней мере до конца 1942 г., высказывали пожелания быстрейшего разгрома Советского Союза. Поэтому при оценке их нейтралитета это обстоятельство следует иметь в виду. Более того, есть веские основания считать эту политику коллаборационистской.

Если учесть все вышесказанное, то можно прийти к выводу, что победы советских войск на восточном фронте и союзников на Западе, изменившие весь ход войны, не могли не оказать должного влияния и на политику нейтральных стран. После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и последующих поражений вермахта в Северной Африке и в Западной Европе тезис об экономическом и военном давлении Германии на нейтральные страны становился все менее убедительным. И если правительства некоторых нейтральных стран, особенно Турции и Испании, тем не менее по-прежнему продолжали свой враждебный антисоветский курс, то объяснить его можно лишь общей антисоветской направленностью всей политики правящих кругов этих стран, и ссылка на немецкое принуждение тут решительно ни при чем.

Победы Красной Армии на советско-германском фронте и союзников на Западе создавали благоприятные условия, которые содействовали бы переходу нейтральных стран в антигитлеровскую коалицию, и тем самым эти страны могли бы внести свой вклад в дело разгрома врага и скорого окончания войны. По крайней мере они могли бы прекратить оказание экономической помощи Германии, ресурсы которой быстро истощались. Однако этого сделано не было. Некоторые из нейтральных стран до конца войны поддерживали дружественные связи с гитлеровской Германией, т.е., иначе говоря, осуществляли политику коллаборационизма с ней, а Турция, например, поравала с ней отношения только тогда, когда это уже не могло оказать никакого влияния на войну и было предпринято с той целью, чтобы за столом мирной конференции заявить, что «мы тоже пахали».

Позиция нейтральных государств во всякой большой войне всегда вызывает известные нарекания и недовольства воюющих сторон, стремящихся оказать на них определенное давление в своих интересах. Вторая мировая война в этом отношении не является исключением. Борьба за привлечение на свою сторону нейтралов, особенно тех из них, кто располагал важным сырьем и был выгодно расположен в стратегическом отношении, в годы Второй мировой войны приобрела такую остроту, которая не была известна во всех прежних войнах.

В войнах, ведущихся за предел уже поделенного мира, позицию нейтральных стран, поскольку она ограничивает сферу действия войны, можно лишь приветствовать, хотя на практике строгого нейтралитета никогда не существовало.

В справедливой войне свободолюбивых народов против гитлеризма при оценке нейтралитета той или иной страны необходимо подходить строго конкретно, сообразно времени и обстановке. Нельзя давать общую оценку — положительную или отрицательную — политике нейтралитета, например, Турции, или Швеции на протяжении всей войны, которая, как известно, не всегда протекала удачно для союзников.

Например, в начальный период войны на определенном этапе, когда немецко-итальянские войска стояли у ворот Египта, нейтралитет, в частности, Турции был более выгоден союзникам, чем Германии. Поэтому в тот период немцы особенно усиленно стремились втянуть в войну Турцию, чтобы английские войска на Ближнем Востоке взять в стратегические клещи.

В тот же период в известной степени можно было бы понять (но не оправдать!) вынужденный нейтралитет Швеции и то терпение, с каким шведское правительство относилось к многочисленным нарушениям своего нейтралитета со стороны немцев. В условиях абсолютной военной мощи, которой располагала гитлеровская Германия в то время, небольшая, хотя и технически хорошо, оснащенная шведская армия все равно не могла бы устоять, и тогда территория Швеции оказалась бы в распоряжении немцев. Нейтралитет же Швеции в начальный период войны в какой-то мере ограничивал

стратегические возможности немцев на Скандинавском полуострове. Это, конечно, в тот период также было выгодно союзникам.

Но нейтралитет, как и любое другое явление, даже в тот период имел свою не только положительную, но и отрицательную сторону. Поэтому его нельзя оправдать абсолютно. При всех своих положительных сторонах для союзников, он в известной степени был выгоден и немцам кроме всего прочего хотя бы потому, что, во-первых, внушал народам мысль о возможности уважения со стороны Гитлера независимости этих стран и, во-вторых, уменьшал масштабы антигитлеровского фронта народов, борющихся за свою свободу.

При оценке нейтралитета ряда стран в тот период речь может идти лишь о той или иной степени его полезности для дела свободолюбивых народов. Кроме того следует учитывать, что правящие круги некоторых нейтральных стран вели по отношению к союзникам, особенно к Советскому Союзу, далеко недоброжелательный нейтралитет. Тем самым они наносили ущерб усилиям антигитлеровской коалиции в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что в начальный период войны в условиях победоносного шествия германских войск по всей Европе политика строгого нейтралитета некоторых небольших стран была бы понятна, даже учитывая совокупность положительных и отрицательных последствий, которые вытекали из такой политики для союзников. Но ни при каких обстоятельствах нельзя оправдать дружественного по отношению к Германии нейтралитета, проводившегося правительствами стран, считавшихся «нейтральными», и их враждебной политики в отношении Советского Союза, который в этот трудный период особенно нуждался в поддержке со стороны всех миролюбивых государств. Ясно, что это наносило ущерб не только Советскому Союзу, но и всей антигитлеровской коалиции.

Не трудно было заметить, что по мере поражения немецко-фашистских войск значение нейтралитета указанных стран для Германии возрастало, а для союзников он становился все менее целесообразным.

Турция

Например, Турция до такой степени была привязана к гитлеровской колеснице, что даже после событий под Сталинградом и в Северной Африке ее политика существенно не изменилась.

Как писал германский генеральный консул в Стамбуле Зейлер в донесении, отправленном в Берлин в начале декабря 1942 г., представители турецкого правительства считали, что вопрос об окончательной победе немцев еще в высшей степени сомнителен и поэтому Турция сейчас склонна менее чем когда-либо оказать поддержку Германии. Но, говорилось далее в донесении, министр иностранных дел Турции сообщил германскому послу от имени и по

поручению кабинета, что Турция не откажется от своего нейтралитета даже в том случае, если ось будет находиться накануне своего краха, а, наоборот, будет защищать его при всех обстоятельствах.

В 1943 г. Турция, несмотря на протесты мировой общественности, продолжала поставки стратегического сырья в Германии. Осенью 1942 г. она заключили с Германией специальное соглашение о хроме, согласно которому Турция брала на себя обязательство снабжать германскую военную промышленность этим ценным стратегическим сырьем. Лишь в апреле 1944 г. экспорт турецкого хрома в Германию был прекращен.

14 февраля 1943 г. было подписано соглашение о предоставлении Турции германского кредита в сумме 100 млн марок на покупку военных материалов. А 18 апреля того же года был заключен турецко-германский торговый договор, согласно которому каждая из сторон по май 1944 г. должна была поставить товаров на 62 млн турецких лир. Германия поставляла военные материалы, машины, транспортные средства, сельскохозяйственное оборудование, рельсы, цемент и др. Взамен Турция поставляла Германии табак, хлопок, рыбу, медь, ангорскую шерсть и другое сырье.

В течение 1943 г. Турция получала от Германии 45 паровозов, 400 вагонов, 100 самолетов, 90 танков, автомашины, зенитные пушки и другие военные материалы. Турецкая печать в начале 1944 г. сообщала, что Германия покупает у Турции 90% всех экспортируемых сю товаров. Германские же товары составляли 75% турецкого импорта.

Поддерживая дружественные связи с Германией, турки одновременно заигрывали и с западными союзниками. Если немцев они называли своими друзьями, то англичан называли союзниками, а американцев — приятелями.

Более трезво, хотя далеко не последовательно, турецкое правительство смотрело и на все растущую мощь Советского Союза, на победы Советской Армии. Когда советские войска заканчивали уничтожение окруженной под Сталинградом немецкой группировки и стремительно продвигались на запад, премьер-министр С.Сараджоглу 20 января 1943 г. поспешил заявить представителю газеты «Таймс», что отношения Турции к России никогда не переставали быть дружественными. Но через несколько дней министр иностранных дел Турции Н.Менеменджоглу предложил советскому правительству начать переговоры об улучшении отношений между обоими государствами. Все менее веря в победу Германии, турки послали летом 1943 г. на восточный фронт специальную военную миссию для проверки обстановки.

Турецкое правительство решило также пересмотреть приговор по делу Павлова-Корнилова. Как известно, в феврале 1942 г. было совершено покушение на германского посла в Анкаре Фр. фон Папена. За это покушение советские граждане Павлов и Корнилов были приговорены к 20 годам тюремного заключения. 25 ноября 1942 г. в том же суде дело слушалось вторично и, хотя подсудимые

оправданы не были, но были осуждены на меньший срок — 16 лет и 8 месяцев.

Однако это не мешало турецким правящим кругам продолжать строить различные козни против Советского Союза. Когда в результате поражения германской армии на восточном фронте в Румынии стали циркулировать слухи о необходимости выхода из войны, турецкий представитель заявил румынскому послу в Анкаре, что в интересах всей Юго-Восточной Европы румыны должны продолжать борьбу против Советского Союза.

Сам премьер-министр С.Сараджоглу, который в конце января 1943 г. заявлял о своих дружественных чувствах к Советскому Союзу, в то же время в закулисной игре с сателлитами Германии подстрекал к продолжению войны против СССР, о чем записал в своем дневнике министр иностранных дел Италии Г.Чиано.

После германских поражений на восточном фронте турецкое правительство стало более сговорчивым и с англо-американцами. Еще в 1942 г. союзники предложили, чтобы Турция предоставила в распоряжение союзного командования некоторые авиационные базы. Однако в то время турецкое правительство категорически отвергло это предложение. Теперь же, в январе 1943 г., Турция охотно откликнулась на предложение У.Черчилля о встрече с турецкими государственными деятелями. Не трудно понять, что подобное решение Турция приняла под непосредственным впечатлением событий на советско-германском фронте.

1 февраля 1943 г. было опубликовано коммюнике о том, что 30—31 января 1943 г. в г. Адане (Турция) встретились премьер-министр Великобритании У.Черчилль и президент Турции И.Иненю. Об итогах переговоров с турецкими руководителями Черчилль сообщил главе советского правительства в личном послании. В нем указывалось, что во время переговоров были затронуты вопросы снабжения турецкой армии современным оружием. Англичане согласились также создать в Анкаре смешанную англо-турецкую комиссию для того, чтобы улучшить коммуникации для перевозки военных материалов. Черчилль отметил, что он не просил о каком-либо политическом обязательстве относительно вступления Турции в войну против Германии, но выразил мнение, что турки это, возможно, сделают до конца 1943 г. и что они разрешат использование турецких аэродромов для союзной авиации, производящей налеты на Плоешти. Черчилль далее сообщал, что турки проявили заинтересованность в улучшении отношений с Советским Союзом и что «откликнулись бы на любой дружеский жест со стороны Союза Советских Социалистических Республик».

В ответном послании И.В.Сталин от имени советского правительства напомнил, что в течение войны Советский Союз сделал ряд дружественных туркам заявлений, однако они «не реагировали на наши шаги, опасаясь, видимо, разгневать немцев. Можно предположить, что предлагаемый Вами жест встретит со стороны турок такой же прием». Глава советского правительства отметил далее

щекотливость международного положения Турции, которая заключила договоры о дружбе как с Англией и СССР, так и с Германией. Поэтому неизвестно, как она сможет совместить выполнение обязательств, вытекающих из этих договоров. «Впрочем, если турки хотят сделать свои отношения с СССР более дружественными и тесными, — продолжал глава советского правительства, — пусть заявят об этом. Советский Союз в этом случае готов пойти навстречу туркам».

Через несколько дней стало известно, что турецкое правительство «с большим удовлетворением готово приступить к обмену мнениями» с советским правительством через соответствующих послов. Турецкий министр иностранных дел сообщил английскому послу, что обмен мнениями должен начаться по возможности скорее и предпочтительно в Москве.

Несмотря на свои торжественные заявления о желательности нормализации отношений с Советским Союзом и взятые обязательства перед англо-американскими в Адане, турецкое правительство в течение 1943 г. не предприняло никаких серьезных шагов для того, чтобы осудить гитлеровскую Германию и порвать с ней всякие связи. Наоборот, турецкие правящие круги содействовали попыткам гитлеровских дипломатов спасти фашистскую Германию от полного разгрома, который стал неизбежным.

Именно так следует расценивать неоднократные предложения влиятельных турецких деятелей и турецкой печати о необходимости для воюющих сторон прекратить войну и заключить мир.

Однако Советский Союз решительно пресекал все эти «мирные» маневры гитлеровцев и их друзей из «нейтральной» Турции. Советское правительство, выражая мнение всех свободолюбивых народов, считало, что мир может быть установлен только в результате полного изгнания гитлеровских оккупантов с советской земли и их последующего разгрома.

Перед англо-американскими друзьями турецкие правящие круги пытались оправдать свою политику тем, что за турецкую хромовую руду немцы предоставляют вооружение, а это, как писала в октябре 1942 г. газета «Иени сабах», якобы выгодно не только Турции, но и западным союзникам.

Таким образом, до 1943 г. политика турецкого правительства была направлена на всемерную поддержку военных усилий гитлеровской Германии, что объективно наносило вред антигитлеровской коалиции.

Что касается политики Турции в отношении СССР, то она носила по-прежнему явно враждебный характер, доходивший до принятия мер по вторжению на территорию Советского Союза. Это вторжение не состоялось по причинам, не зависящим от турецких правителей.

Особенно обнаженно антисоветская политика турецкого правительства проявилась с лета 1942 г., когда гитлеровские полчища приближались к Сталинграду и Кавказу. В это время резко усили-

лись клеветнические выпады турецкой печати против СССР. Почти все 113 ежедневных газет и 227 турецких журналов хвалили немцев и вели антисоветскую пропаганду.

Немцы создали в Турции свою обширную агентуру, имевшую большие возможности для распространения прогитлеровской пропаганды. Для этого Берлин не жалел средств. Например, И.Риббентроп сообщал имперскому послу в Анкаре фон Папену, что он дал распоряжение перевести посольству 5 млн рейхсмарок золотом для поддержки германских «друзей» в Турции при их стесненном экономическом положении. При этом Риббентроп советовал расходовать эту сумму самым щедрым образом. В киосках одного лишь Стамбула продавалось свыше 40 названий немецких газет и журналов.

Правительством была разрешена и всячески поощрялась деятельность различных пантюркистских органов, вроде «Бозкурт», «Чинаралтыу» и других, открыто призывавших к войне против Советского Союза. В октябре 1942 г. в Анкаре был создан комитет, ставивший своей задачей отторжение Азербайджана от СССР и присоединение его к Турции. Этот комитет входил в более обширный так называемый «культурный» союз, во главе которого стоял махровый пантюрист, брат известного реакционного генерала и организатора басмачества в Средней Азии Энвера-паши Нури-паша, который все лето 1942 г. пробыл в Берлине.

В турецких газетах помещались статьи о подвигах Энвера-паши в Туркестане, о том, что «граница теперешней Турции проходит далеко за горами Кавказа и за Каспийским морем», что «Волга — это река, в которой веками наши предки поили своих коней», и т.д. и т.п.

Видный деятель пантюристов гитлеровский агент в Турции генерал в отставке Эркилет, несмотря на наличие нормальных дипломатических отношений между Турцией и СССР, издал две книги, в которых стремился оправдать вероломное нападение Германии на Советский Союз и открыто призывал турецкое правительство объявить войну Советскому Союзу. Участились поездки турецких генералов и журналистов в ставку Гитлера, а затем целые полосы в турецких газетах наполнялись восхвалением германской армии и «нового порядка» в Европе, создаваемого Гитлером.

Все эти и им подобные бредовые и подстрекательные статьи и речи можно было бы отнести за счет безответственных писак, если бы эту антисоветскую кампанию не вдохновляли руководящие деятели Турции. Именно они задавали тон антисоветской пропаганде. Более того, они не ограничивались одной лишь пропагандой, а предпринимали конкретные шаги по вовлечению страны в войну против Советского Союза.

Об этом свидетельствует ряд документов, опубликованный после войны. Например, яркую картину поведения турецкого правительства летом 1942 г. рисуют материалы германского Министерства иностранных дел, попавшие после взятия Берлина советскими войсками в руки советского правительства. В одном из таких документов, датированном июнем 1942 г., говорится, что по заявлению начальника турецкого генштаба маршала Ф.Чакмака, турецкое нападение на СССР предполагалось осуществить через Иранское плоскогорье по направлению к Баку. Турецкие правящие круги были уверены в том, что «англичане в Иране не окажут какого-либо значительного сопротивления».

В 1947 г. в американской газете «РМ» бывший член турецкого правительства, фамилию которого газета не приводит, опубликовал две статьи, в которых сообщил новые факты об антисоветской политике турецкого правительства. Автор писал, что осенью 1942 г. турецкое правительство произвело мобилизацию армии и приняло решение напасть на Советский Союз с тыла. Объявление войны было назначено на ноябрь 1942 г., после того, как германское командование объявит о падении Сталинграда.

«Все было наготове, — писал автор. — Турция готовилась вступить в войну против Советского Союза, с которым она была связана договором о союзе», но когда президент Турции И.Иненю позвонил германскому послу фон Папену, чтобы сообщить ему о том, что Германия получает нового союзника, последний сообщил, что началось отступление немецко-фашистских войск под Сталинградом. Тогда Иненю, не сообщив фон Папену о планах Турции, немедленно отменил мобилизацию. «Дальнейшие события показали, — заканчивает автор статьи, — что у Иненю имелись все основания быть признательным фон Папену за болтливость... Все это истинная правда. Я был свидетелем этого инцидента».

Об агрессивных намерениях Турции в отношении Советского Союза летом 1942 г. свидетельствует также сообщение канадского журналиста Генри Тейлора. Вернувшись в Торонто из Турции, Тейлор писал в еженедельнике «РМ», что «после падения Севастополя Турция перебросила основную часть своей армии с болгарской границы на восточную границу Турции против Батуми».

Известно, что к лету 1942 г. Турция вдвое увеличила количество своих войск в граничащих с Советским Закавказьем районах, доведя их численность до 26 дивизий.

С самого начала советско-германской войны влиятельные представители турецких правящих кругов считали Советский Союз своим врагом, разгром которого желателен. Эту мысль высказывал в беседе с министром иностранных дел Румынии М.Антонеску турецкий посол в Бухаресте, как об этом сообщал в Берлин 25 октября 1942 г. германский посол в Румынии М.Киллингер.

То же самое доносил в Рим один итальянский дипломат, находившийся в Турции. Он писал, что, по мнению турецких руководителей, для них «врагом № 1 является Россия, а страхом № 2 — Германия» и что «турецким идеалом было бы, если бы последний германский солдат упал мертвым на последний русский труп».

В антисоветском духе высказывались и другие высокопоставленные деятели Турции, не исключая и самого главы правительства. Например, премьер-министр Турции Сараджоглу заявил германско-

му послу фон Папену, что он, Сараджоглу, как турок «страстно желает уничтожения России. Уничтожение России является подвигом фюрера, равный которому может быть совершен раз в столетие: оно является также извечной мечтой турецкого народа».

Далее турецкий премьер-министр дал немцам советы, как лучше уничтожить Советский Союз. «Русская проблема, — говорил он, — может быть решена Германией только, если будет убита по меньшей мере половина всех живущих в России русских...» Господин Сараджоглу поспешил выразить германскому послу пожелание Турции принять участие в управлении завоеванными районами Советского Союза и высказал готовность уже сейчас вести с немцами переговоры по практическим вопросам. Поэтому неудивительно, почему турецкие правящие круги с таким нетерпением ждали падения Сталинграда, связывая с ним реализацию своих антисоветских планов.

О намерениях турецких реакционеров после возможного падения Сталинграда свидетельствует и такой факт. В конце августа 1942 г. германский посол в Анкаре фон Папен имел первую официальную беседу с Н.Менеменджоглу, назначенным министром иностранных дел Турции. Во время этой беседы Менеменджоглу заявил, что, по мнению турецкого генштаба, занятие Сталинграда явится решающим моментом военных действий этого года, намекая Папену, что и Турция примет соответствующее решение. Он еще раз подчеркнул, что «Турция, как прежде, так и теперь, самым решительным образом заинтересована в возможно более полном поражении большевистской России» и что Турция никогда не вела никаких переговоров с советским правительством. Он отверг «самым категорическим образом», как говорится в записи указанной беседы, высказанное с немецкой стороны подозрение, что с турецкой границы советское командование отвело несколько дивизий будто бы на основании заверений, сделанных со стороны Турции.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в своих отношениях с воюющими странами Турция была далека от строгого нейтралитета и явно предпочитала своего германского «друга» англо-американским «союзникам». Турецкий премьер-министр Сараджоглу так и говорил в парламенте в августе 1942 г., что «с Англией мы союзники, а с Германией — друзья...».

Швеция

В сложной и своеобразной обстановке в период войны находилась нейтральная Швеция. Учитывая исключительно важное стратегическое положение этой страны, Гитлер стремился любой ценой обеспечить контроль над ней, которая является самой крупной и экономически высокоразвитой страной на Скандинавском полуострове. Через Швецию было выгодно и безопасно поддерживать связь и снабжать германские войска в Норвегии, а также обеспечивать непосредственный контакт с союзной Финляндией. Германия была заинтересована в Швеции и как в источнике ценного стратегического сырья — высококачественной железной руды.

Гюнтер, занимавший в 1940 г. пост министра иностранных дел Швеции, в своем интервью в 1946 г. заявил: «9 апреля 1940 года вряд ли кто из членов правительства верил — во всяком случае не я, — что Швеции удастся в конце концов избежать войны»[1].

Однако 13 апреля 1940 г. советское правительство заявило Германии, что оно заинтересовано в шведском нейтралитете. Эта позиция была подтверждена советским послом в Швеции А.Коллонтай 27 октября 1940 г. В этой ситуации еще 7 сентября 1940 г. был подписан советско-шведский торговый договор.

На протяжении 1941 г. и 1943 г. планы нападения Германии на Швецию возникали неоднократно, однако из-за поражений на восточном фронте они отменялись.

О своем желании строго соблюдать нейтралитет в начавшейся в сентябре 1939 г. Второй мировой войне шведское правительство заявляло неоднократно. Выступая по радио 1 сентября 1939 г. премьер-министр Швеции П.А.Ханссон подчеркнул, что перед шведами стоит «большая задача — удержать нашу страну от вовлечения в войну».

Шведский народ, верный своей традиционной политике нейтралитета, с болью воспринимал решения правительства, принятые как по своей инициативе, так и под давлением немцев, и направленные на нарушение этого нейтралитета. Однако в Швеции имелись достаточно влиятельные силы, которые сознательно шли на коллаборационизм с Германией, более того, активно втягивали страну в гитлеровский блок. Эти антинациональные силы особенно активно стремились ослабить независимость и свободу Швеции в период наибольших успехов германской армии на восточном фронте летом 1942 г., когда бои шли у Сталинграда и на Кавказе.

Шведский исследователь Горвальд Хейер в статье, посвященной нейтралитету Швеции, пытался оправдать действия ее правительства тем, что она имела слабую армию — всего 300 тыс. человек. Этот аргумент звучит неубедительно, т.к. шведское правительство весьма активно помогало Финляндии в ее войне против Советского Союза[2].

В течение 1942 г. Швеция продолжала снабжать Германию железной рудой. В каждом снаряде, произведенном в Германии, была одна треть железной руды и столько же высококачественной шведской стали[3]. Правда, по сравнению с предыдущими годами отправка шведской руды немцам несколько сократилась, т.к. Германия стала удовлетворять часть своих потребностей за счет ограбления оккупированных стран. В Германию было вывезено руды в 1941 г. — 9539 тыс. т в 1942 г. — 8633 тыс. т. Но зато Швеция увеличила вывоз в Германию чугуна, стали, целлюлозы, мышьяка и некоторых ценных металлических изделий, особенно шарикоподшипников. Только целлюлозы, которая идет, как известно, на из-

готовление взрывчатых веществ, было вывезено в 1942 г. свыше 200 тыс. т.

Важное значение для германской военной промышленности имели шведские поставки шарикоподшипников, особенно после того, как англо-американская авиация вывела из строя немецкий шарикоподшипниковый завод в Швейнфурте. Более того, шведское правительство согласилось отправить туда оборудование для восстановления завода.

В феврале 1943 г. стало известно, что по заказу Германии в Швеции строились тральщики, в связи с чем английское правительство выразило Швеции протест[4].

С самого начала советско-германской войны шведское правительство разрешало германскому командованию перебрасывать войска через Швецию в Норвегию и Финляндию. По некоторым данным, за этот период были переброшены четыре дивизии, из них две дивизии с января по май 1942 г. В связи с военными перевозками в Стокгольме и некоторых других пунктах Швеци были созданы особые германские транзитные комендатуры. В шведских поездках для немцев были отведены специальные вагоны. Всего с 5 июля 1940 г. по 20 августа 1943 г. через шведскую территорию было перевезено около 1400 тыс. «отпускников». За это же время Швеция получила от Германии за транзит войск и военных материалов 85 млн крон.

Некоторые шведские государственные деятели понимали, что транзитная перевозка германских войск через нейтральную Швецию является, конечно, отступлением от нейтралитета и представляет собой по существу коллаборационизм с Германией. Но при этом они неизменно подчеркивали, что это однократная мера, а не изменение курса политики Швеции.

Несмотря на протесты общественности и выступления ряда депутатов парламента, шведское правительство не принимало решительных мер против систематических вторжений германских самолетов в шведское воздушное пространство. Но зато бывали случаи обстрела шведской зенитной артиллерией союзных самолетов, бомбардировавших военные объекты немцев в Дании и Норвегии. «Шведская зенитная артиллерия обстреливает освободителей Дании и Норвегии», — писала в то время стокгольмская газета «Экспрессен».

16 апреля 1943 г. вооруженный немецкий торговый пароход в шведских территориальных водах обстрелял шведскую подводную лодку «Дракон». Подобных случаев было немало, что вызывало протесты общественности[5].

В годы войны шведский торговый флот потерял в общей сложности 79 судов в результате действий подводных лодок союзников и Советского Союза. Так, в проливе Скагеррат германская подлодка 24 сентября 1939 г. потопила шведское судно «Гертруд Братт», следовавшее в порт Бристоль с грузом бумаги.

В последующие годы войны Стокгольм зафиксировал несколько нападений немецких подлодок и одно нападение советской подлодки. Оно было совершено в октябре 1942 г. в районе Данцига[6].

Швеция оказывала разностороннюю помощь воевавшей против Советского Союза Финляндии. Правительство сквозь пальцы смотрело на отправку в финскую армию шведских «добровольцев», на сбор подарков для финских фронтовиков. Важное место в финском импорте в Швецию занимали такие стратегические материалы, как сталь, железо, машины и различная аппаратура. По некоторым данным, за период с лета 1941 г. по начало 1943 г. Швеция продала Финляндии товаров на сумму свыше 500 млн крон.

Более благоразумную политику стали проводить шведские правящие круги после Сталинграда. Они постепенно ограничивали транзит немецких отпускников, а с 29 июля 1943 г. он был вообще запрещен. В середине июля 1943 г. шведское правительство ограничило ремонт немецкого военного транспорта на территории Швеции.

В Швеции стали более решительно раздаваться протесты против безнаказанных перелетов германских самолетов через шведскую территорию и против транзита германских отпускников.

Во время прений в риксдаге в январе 1943 г. социал-демократический депутат В.Брандт заявил, что «пропуск транзитом через шведскую территорию немецких солдат лежит тяжелым бременем на совести шведов. Нейтралитет Швеции, понимаемый всесторонне, должен привести к прекращению проездок немецких солдат-отпускников через Швецию. По тем же соображениям пора подумать о создании шведского дипломатического представительства при норвежском правительстве, находящемся в Лондоне».

В печати почти ежедневно публиковались протесты отдельных лиц и общественных организаций против нарушения шведского нейтралитета. В начале апреля 1943 г. в Стокгольме состоялся массовый митинг протеста против транзита немецких солдат через Швецию. Шведская газета «Дагенс ньюхстер» писала, что общественное мнение Швеции считает, что теперь пришло время аннулировать уступки, сделанные немцам летом 1940 г.

Отдельные шведские газеты высоко оценивали победы Красной Армии. Например, газета «Арбетарен» в передовой, посвященной уничтожению немецкой группировки у Сталинграда, писала: «Во время сражения за Сталинград весь мир был очевидцем безграничной смелости и доблести русских солдат и рабочих. Они нанесли гитлеровцам самое крупное и самое чувствительное поражение за все время нынешней мировой войны. Потери немцев в степях под Сталинградом подорвали их силы. Теперь немцы далеки от Волги и еще более далеки от победы над Россией».

Шведская печать более смело критиковала внешнюю политику Германии и поведение немецких войск в оккупированных ими странах. Когда гитлеровцы усилили репрессии против датского народа, шведское правительство открыто высказало свое сочувствие Дании. Шведские власти предприняли ряд шагов, чтобы облегчить поло-

жение датских и норвежских антифашистов, бежавших в Швецию, а также для помощи патриотам, сражавшимся в Дании и Норвегии. Шведский король Густав Адольф выразил протест венгерскому диктатору М.Хорти по поводу волны террора, начавшейся в Венгрии против евреев.

Как пишет в своих воспоминаниях бывший германский военный представитель в Финляндии генерал В.Эрфурт, «После Сталинграда и отпадения Италии усилился нажим Швеции на Финляндию с целью вывести ее из войны». Шведское правительство решением от 18 июня 1943 г. отказало Финляндии в дальнейшем продаже оружия. С резкой критикой политики Финляндии выступила газета «Готеборгс Гандельстиднинг», указавшая, что «финляндские фокусы оказывают свое влияние на положение Швеции» и что Финляндия является союзницей державы, угнетающей Норвегию и Данию. «Мы знаем, — писала газета, — что север пропал бы, если бы Германия победила».

Но тяжелое положение германской армии на восточном фронте не только дало возможность шведскому правительству проводить более независимую от Германии политику. Победа Советской Армии зимой и летом 1943 г., как стало известно в послевоенный период, спасли Швецию от планировавшегося немцами непосредственного вторжения германской армии и военной оккупации шведской территории. Об этом плане сообщил советскому правительству находившийся в советском плену генерал-лейтенант германской армии Р.Бамлер, который с 1942 г. по 1944 г. занимал пост начальника штаба главнокомандующего немецкими войсками в Норвегии.

В конце декабря 1942 г. генерал Бамлер был вызван в ставку Гитлера, где ему было предложено разработать оперативный план нападения главными силами на Норвегию и Швецию. Генерал А.Иодль потребовал, чтобы план был представлен как можно скорее, самое позднее через полтора месяца. Свое решение гитлеровская ставка не аргументировала никакими причинами. «Вам следует подготовить военный план, — заявил Бамлеру Иодль, — политические и прочие соображения вы представьте нам». Гитлеровское командование рассчитывало при этом, что Англия не сможет оказать помощи Швеции.

В Стокгольме и других шведских городах немцы имели хорошо организованную агентуру, поэтому им были известны все слабые места в обороне Швеции. Гитлеровцы высоко оценивали боевые качества шведской армии, хотя эта армия и была еще недостаточно обучена наступательным действиям крупными соединениями. Швеция имела также хороший военный флот.

При оккупации Швеции Гитлер рассчитывал на влияние главнокомандующего шведской армией генерала Торнелла, дружески настроенного по отношению к Германии, с которым германский военный атташе в Стокгольме имел тесную связь, а также на влияние начальника военной разведки Швеции полковника Адлеркрейца, уже в течение долгого времени сотрудничавшего с германским

абвером. Немцы рассчитывали и на поддержку части шведского офицерского корпуса, симпатизировавшего Германии.

После окончания войны в Швеции была создана парламентская комиссия, которой было поручено изучить деятельность в годы войны шведской службы безопасности. После двух лет изучения этого вопроса комиссия пришла к выводу, что «служба безопасности, особенно в первые годы войны, противодействовала немецкому шпионажу далеко не с такой же энергией, какую она проявляла при преследовании аналогичной деятельности в Швеции в пользу союзных держав». Более того, как установила комиссия, эта служба поддерживала тесный контакт с германским гестапо.

Вместе с тем комиссия признавала, что после Сталинграда служба безопасности Швеции арестовывала главным образом немецких шпионов. В отчете комиссии были приведены следующие обобщенные данные об арестах в Швеции иностранных шпионов в годы войны: из США было арестовано 23 человека, Германии — 122, из Советского Союза — 197, из Англии — 201.

Далее в отчете отмечалось, что штаб обороны Швеции «зашел в 1941—1942 гг. слишком далеко» в деле подготовки страны к войне против Советского Союза, в связи с чем между штабом и правительством возникли острые разногласия. Был также приведен пример, что в июле 1941 г. министр обороны генерал Горнел предложил 40 шведским офицерам занять командные посты в вермахте на советско-германском фронте[7].

По этим причинам немцы считали, что Швеция капитулирует еще до того, как за ее столицу завяжутся решающие бои. Осуществить оккупацию Швеции предполагалось летом 1943 г. Выработанный командованием германских войск в Норвегии план нападения на Швецию, получивший условное наименование «Полярфукс», в марте 1943 г. был готов и отправлен на утверждение к Гитлеру.

Но к этому времени произошел разгром немецко-фашистской группировки под Сталинградом и ряд последующих поражений гитлеровцев на советско-германском фронте. Поэтому гитлеровское командование уже не имело ни сил, ни средств для осуществления своей новой военной авантюры. В мае 1943 г. срок нападения был перенесен на осень 1943 г., а позже был вообще забыт.

Не подлежит сомнению, что Швеция была спасена от германской оккупации благодаря победам Советской Армии в 1943 г. «Только победоносное наступление Красной Армии летом 1943 г., — отмечал Р.Бамлер в указанном заявлении, — спасло ничего не подозревающий шведский народ от катастрофических последствий войны и оккупации».

В связи с вопросом о роли Советского Союза в спасении Швеции от угрозы германской военной оккупации небезынтересны высказывания шведской газеты «Гетерборгс хандельс тиднинг». Касаясь доклада министра иностранных дел Швеции Кр.Гюнтера «О шведской политике нейтралитета во время войны великих держав», сделанного на собрании в г. Эскильстуне в мае 1943 г., газета пи-

сала: «Почему немцы напали только на Данию и Норвегию? Стягивание войск указывало на то, что немцы собирались напасть также и на нас и что уже была напечатана прокламация агрессора на шведском языке. Почему все же нападение на Швецию не состоялось?

Потому, что немцы не посмели. Однако причиной этого была не наша оборона, слабость которой была известна немцам лучше, чем нам самим. Причина заключается в позиции России, заявившей, что она заинтересована в нейтралитете Швеции». Отметив, что «вмешательство России избавило нас от немецкого нападения», газета продолжала: «Спустя год после того, как русское правительство спасло нас от нападения Германии, шведское правительство разрешило немецким войскам проехать через Швецию для нападения на Россию. Это разрешение было хуже простого нарушения нейтралитета... Но немцы не разбили Россию. Если бы расчеты Гитлера на войну с Россией оказались правильными, то вполне возможно, что немецкая армия в Финляндии могла бы воспользоваться картами Швеции еще осенью 1941 г. Напасть на Швецию было тогда еще легче, чем год тому назад. Немецкие солдаты разъезжали по всей Швеции...

Но расчеты Гитлера не оправдались. Россия не была разбита. Шведские карты были отосланы обратно в Германию».

Швейцария

Что касается Швейцарии, то она так же, как и Швеция считалась страной извечного нейтралитета и уже почти сто лет находилась в стороне от военных бурь, сотрясавших Европу. В 30-е годы политические и военные руководители этой страны объявили курс на «вооруженный нейтралитет», который в период второй мировой войны на деле означал сотрудничество с гитлеровской Германией.

Швейцария стала арсеналом Германии. Около 6 тыс. ее промышленных предприятий выполняли военные заказы Германии и Италии. Страны «оси» широко использовали ее железнодорожные магистрали. Длительное время германские монополии пользовались Швейцарией как ширмой для получения доходов от своих дочерних предприятий, расположенных за океаном. Это был типичный коллаборационизм в области экономики.

Первая серьезная опасность для нейтралитета Швейцарии возникла 8 ноября 1939 г., когда в мюнхенской пивной произошло покушение на Гитлера. В Берлине утверждали, что нити террористов ведут в Швейцарию. После разгрома Польши Швейцария оказалась в таком положении, в каком она уже была дважды — в 1870 г. и в 1914 г.: обе воевавшие коалиции беззастенчиво могли ее использовать в своих стратегических интересах[8].

С весны 1940 г. тональность немецкой прессы в отношении Швейцарии была агрессивной. Происходила концентрация 30 дивизий вермахта в Южной Германии. Это обстоятельство вынудило бундесрат 18 апреля 1940 г. принять постановление о подготовке резервистов, а 11 мая того же года была объявлена всеобщая мобилизация.

16 июня 1940 г. авангард танковой группы генерала Г.Гудериана, наступая во Франции, достиг там швейцарской границы и повернул на север и соединился с 7-й армией вермахта генерала Ф.Дольмана. В окружении в Эльзасе — Лотарингии оказалась крупная группировка французской армии. В ходе этой операции немецкие самолеты нарушали воздушное пространство Швейцарии, в результате чего несколько нарушителей были сбиты.

Геринг принял решение (план «Вартегау») отомстить швейцарцам, для чего распорядился направить в Швейцарию группу диверсантов для подрыва нескольких аэродромов. Но вся эта авантюра закончилась неудачей[9].

Группа генерала Г.Гудериана и 7-я армия генерала Ф.Дольмана расположились вдоль границы со Швейцарией. По плану германского командования «Таннснбаум», немецкие и итальянские войска должны были летом 1940 г. вторгнуться в нейтральную Швейцарию. По этому плану для ее оккупации было предусмотрено 2—3 дня. Планировались воздушные налеты на Берн, Цюрих, Люцерна и другие города.

В стране активизировалась шпионская деятельность немцев, что вынудило Берн принять ответные меры. В последующие месяцы в Германии развернулась кампания против швейцарских журналистов, разоблачавших немецкие происки. Им грозили, что после победоносного окончания войны все они будут высланы «в страны Азии». В Берлине в кругах СС разрабатывались планы включения Швейцарии в сферу Великогерманской империи. Из Германии раздавались голоса с требованием отставки начальника швейцарского генштаба генерала Гизана, который решительно выступал против Германии[10].

6 ноября 1940 г. в Швейцарии было введено затемнение, Базель и Цюрих подверглись немецкой бомбардировке. Германия провоцировала нападение на Швейцарию, но перед ним Риббентроп осенью 1942 г. потребовал от германского посла в Берне Э.Вейцзеккера сведений о том, как долго может сопротивляться Швейцария. В ответе было сказано, что страна располагает большими запасами сырья и продовольствия, достаточного для сопротивления в течение 2—3 лет.

После победы советских войск в Сталинградской битве и поражения немцев в Северной Африке разработка плана вторжения в Швейцарию, по существу, прекратилась.

Весной 1943 г. в Берлине в кругах госбезопасности возникла «афера Шелленберга», которая снова обострила угрозу для Швейцарии. Ее суть состояла в том, что шведский граф Ф.Бернадотт получил от ближайшего сотрудника ведомства Гиммлера В.Шелленберга сведения о том, что в случае высадки союзников в Италии

подготовлен план вторжения вермахта в Швейцарию. Поскольку Шелленберг был против такого плана, то он поспешил сообщить об этой угрозе своим друзьям в Швейцарии. С этой целью в начале марта 1943 г. в пригороде Берна за спиной Риббентропа состоялась секретная встреча Шелленберга с генералом Гизаном, устроенная начальником швейцарской разведки Р.Массоном. 20 марта 1943 г. в районе Мюнхена было сформировано «командование Швейцарии», состоявшее из парашютных войск. Однако через неделю этот план был отменен.

Летом 1944 г. в связи с высадкой союзников во Франции над Швейцарией снова возникла угроза вторжения. Генерал Гизан был вынужден опять издать приказ о мобилизации в армию и объявить боевую готовность войск ПВО[11].

Всего же за годы войны пять раз города Швейцарии подвергались бомбардировке авиацией воюющих держав. Швейцарские силы ПВО сбили или интернировали свыше двухсот германских, британских и американских самолетов. В июне 1940 г. в Швейцарии были интернированы также части французской армии[12].

Связь с внешним миром до весны 1941 г. Швейцария поддерживала через южную неоккупированную зону Франции, когда оккупационные власти потребовали от правительства Виши прекращения свободы передвижения на швейцарской границе и присутствия на французской территории немецких инспекторов-таможенников[13].

На встрече 2 июня 1940 г. с Муссолини и Чиано Риббентроп заявил, что «фюрер охарактеризовал швейцарцев как самый отвратительный народ и такую же они имеют отвратительную форму государственной власти. Швейцарцы являются смертельными врагами новой Германии»[14].

Несмотря на явно антишвейцарскую политику, которую проводил Гитлер, в Швейцарии все же существовали силы, которые выступали за коллаборационизм с Германией. Ими был «Народный союз за независимость Швейцарии», председателем которого был Г.Амман. Союз охватывал влиятельные промышленные и финансовые круги. «Движение возрождения» возглавлял В.Мишель. Оно преследовало цель «совершить в Швейцарии, согласно с ее собственными традициями, национальную революцию, чтобы избежать сохранения в стране неприемлемого в "новой Европе" политического режима»[15]. Деятели этого движения выступали за Европу, организованную фюрером, и за использование опыта национал-социалистического режима.

Политика Германии в отношении Швейцарии была изложена 19 июня 1940 г. так называемой «Alemannischer Arbeitkreis». Она состояла в том, чтобы радикально изменить внешнюю и внутреннюю политику Швейцарии и сблизить ее с Германией[16].

Откровенно пронацистской организацией в Швейцарии было «Национальное движение Швейцарии» во главе с гауптштурмфюрером СС Ф.Ридвегом. Но в ноябре 1940 г. оно было запрещено.

Анализируя нейтралитет Швейцарии и ее коллаборационизм с Германией в годы Второй мировой войны, нельзя не упомянуть и о том, какую роль играла эта страна в сохранении германских авуаров, в том числе и фондов жертв нацистской Германии. В 1996 г. британский министр Малькольм Рифкинд обвинил Швейцарию в том, что до сих пор в ней хранится 90% золота из Германии, что составляет 5 млрд франков.

Испания

За ходом грандиозных сражений на советско-германском фронте и в Северной Африке с тревогой следили правители франкистской Испании, которые на всем протяжении войны особенно усердно помогали Германии. Еще на переговорах с Муссолини, состоявшихся на перевале Бреннер 4 октября 1940 г. с участием Риббентропа и Чиано, Гитлер заявил, что Франко готов вступить в войну, но с условием присоединения к Испании Гибралтара и Марокко. Одновременно Гитлер заверил Муссолини, что Германия не заключит мира с Францией до тех пор, пока не будут удовлетворены территориальные требования Испании. Муссолини тогда потребовал 8 тыс. кв. км французской территории, т.е. Ниццу площадью в 1000 кв. км и другие области – 7 тыс. кв. км. Гитлер заявил далее, что через Рейн за последние три столетия Германия подвергалась нападению со стороны Франции 29 раз. Французы — это не романцы, а галлы, утверждал фюрер, и сравнивать их с «итальянской сестрой» нет оснований.

С наступлением германских войск на южном крыле советско-германского фронта летом 1942 г. помощь Испании еще больше усилилась. «Нейтралитет» Испании в этом отношении не представлял никакой помехи. В то время Гитлеру был в известной мере более выгоден ее призрачный «нейтралитет», чем открытое выступление Испании на стороне государств «оси».

Благодаря «нейтралитету» Испании германская военная экономика имела бóльшую возможность получать там такое дефицитное стратегическое сырье как медь, ртуть, свинец, вольфрам, марганец, железная руда, продовольствие, нефть и другое. Этот канал был бы закрыт, если бы Испания находилась в состоянии войны.

«Нейтральная» Испания служила как-бы перевалочным пунктом для транспортировки товаров и сырья, идущих из-за океана в Германию. Например, значительная часть нефти, закупленной Испанией якобы для собственных нужд в США, шла затем в Германию. При этом американская фирма «Стандард ойл компани» выплачивала большие премии испанской фирме «Эспаньола петролиус» за то, что она переправляла нефть на нефтеочистительные заводы, расположенные на Канарских островах. Затем испанские танкеры снабжали горючим германские подводные лодки в Атлантическом океане и даже в Карибском море.

В Германию контрабандным путем вывозилось также продовольствие, закупленное Испанией за границей.

С помощью «нейтральной» Испании немцы вели интенсивную торговлю со странами Западного полушария, особенно с Южной Америкой. Свои товары в эти страны немцы экспортировали под маркой «Изготовлено в Испании», а гитлеровские торговые агенты спокойно прикрывались испанскими фамилиями.

Таким образом, приведенные факты показывают, что франкистская Испания, прикрываясь маской нейтралитета, активно помогала Германии. Американская журналистка Дороти Томпсон справедливо писала в журнале «Национ», что «нейтралитет Франко является нейтралитетом человека, который хотел бы победы оси, но который не рассчитывает на эту победу и хочет поэтому сохранить место в Европе, где фашизм сможет продолжать свое существование и после войны».

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и в Северной Африке испанский диктатор Ф.Франко также постепенно стал утрачивать веру с непобедимость германского оружия, о чем доносил в Берлин германский посол в Мадриде Дикгоф. В мае 1943 г. он сообщил о беседе с Франко во время вручения ему верительных грамот. «Бросилось в глаза, — указывал посол в донесении, — что каудильо, очевидно, не совсем верит в возможность полного разгрома Советов; он неоднократно говорил об огромных пространствах и о массе людей, и вообще в его рассуждениях нельзя было не слышать скептической ноты. Характерно его неоднократное подчеркивание того, что силы обеих воюющих сторон находятся приблизительно в равновесии и что касается наших противников, то надо считаться даже с возрастанием их сил...»

Но подобные пессимистические высказывания Франко не означали, что он полностью отказался от помощи Германии. Новым явлением во внешней политике франкистской Испании после Сталинграда было то, что испанские правители стали действовать более осторожно и скрытно, чтобы не разоблачать своих тесных связей с гитлеровской Германией в тот период, когда против нее объединилось большинство человечества. Так, в конце 1942 г. Франко поспешил снять с постов нескольких министров, в том числе министра иностранных дел Серано Суньера, скомпрометированного своими открытыми связями с немцами, и заменить его более умеренным графом Хордана.

Американская газета «Foreign Policy Report» 15 декабря 1941 г. писала: «Испанское правительство, независимо от своего желания избежать долгой войны, не могло бы отказать в настойчивом требовании немцев пропустить их через Испанию в Гибралтар и Португалию. Такое требование не предвидится, пока главные силы нацистов нужны им для кампании против России».

В одном из интервью, данном испанским министром иностранных дел Серано Суньером шведскому журналисту 27 апреля 1942 г. и опубликованном в газете «Dagposten», было сказано:

«Невозможно сохранять нейтралитет в то время, как на одной стороне борются наши друзья, а на другой — наши враги». Но Франко не терял надежды на победу Германии. 7 декабря 1942 г. он писал Гитлеру: «Да восторжествует ваше оружие в славном деле освобождения Европы от большевистского ужаса». А на следующий день он произнес речь, в которой восхвалял Гитлера и Муссолини[17].

Как отмечала американская печать, хотя 22 сентября 1942 г. испанское правительство подтвердило незыблемость военной политики страны и подтвердило подпись Испании под «антикоминтерновским пактом», отставка Суньера была оценена как «шаг в сторону союзников».

Усилилась борьба внутри правящей «фалангистской» партии. Монархисты стали громче требовать восстановления престола представителя Бурбонской династии дон Хуана, находившегося в Швейцарии, и выступали против «тоталитарной» системы Франко. Франкисты вынуждены были уступить и в Швейцарию был послан представитель для переговоров с претендентом на испанский престол.

Виишский дипломат в Мадриде Франсуа Миранде, который с симпатией относился к Франко и его режиму, признавал, что с 1942 г. все больше появлялось сторонников смены «людей и режима», т.е. к реставрации монархии как к «лучшему среднему решению между франкистской республикой и республиканским хаосом». Ф.Миранде отмечал, что это было вызвано итало-германскими неудачами 1942—1943 годов и необходимостью искать других покровителей.

После победы советских войск под Сталинградом из Мадрида были слышны предложения, чтобы война закончилась «патом». Характерно, что из всех фашистских деятелей первым за компромиссный мир выступил именно Франко. А министр иностранных дел Испании генерал Г.Хордана, которого даже Ф.Петен называл «слишком правым», в своем выступлении в Барселоне 16 апреля 1943 г. вынужден был признать, что его страна «готова встретить любую опасность и предложить свои добрые услуги для восстановления мира»[18].

О влиянии немецкого капитала на экономику Испании говорит хотя бы тот факт, что в Испании 1/5 фирм были открыто немецкими, а все другие фактически тоже работали на немцев. Немецкие агенты занимали в Испании важные экономические посты.

В связи с высадкой союзников президент Ф.Рузвельт заявил Франко и Салазару, что эта операция не направлена против их государств. Тем не менее 16 ноября 1942 г. в Испании была объявлена частичная мобилизация, давшая испанской армии дополнительно 750 тыс. солдат.

В стране активизировалось движение национального единства, приведшее к образованию в 1943 г. Верховной хунты национального единства в составе представителей рабочих и республиканских

партий и организаций. В манифесте хунта выдвинула требование разрыва с Германией и обеспечения национальной независимости Испании.

В течение 1943 г. конфликт продолжал обостряться. В середине июня 1943 г. 27 членов кортесов направили Франко меморандум с требованием сохранить внутреннее единство и соблюдать строгий нейтралитет. Среди подписавших этот меморандум были видные финансовые деятели, генералы и дипломаты, в том числе испанский посол в Лондоне герцог Альба.

Франко, который провел ряд репрессивных мер против оппозиции, получив известие о новых победах Советской Армии на востоке и падение Муссолини в Италии, вынужден был искать соглашение с монархистами, требовавшими соблюдения Испанией нейтралитета в этой войне.

Обстановка на фронтах, а также напряженное внутриполитическое положение не могли не отразиться и на внешнеполитическом курсе франкистской Испании. В испанской печати все меньше подчеркивалась солидарность с Германией и Италией. В августе 1943 г. испанское правительство впервые установило цензуру для журналистов держав «оси» и одновременно сняло запрет с кинохроники англо-американских союзников. Газетам было разрешено опубликовывать расписание и длину волны союзных радиопередач. В начале августа были установлены отношения с французским Комитетом национального освобождения.

Однако эти частные симптомы не доказывали серьезного поворота внешнеполитической линии Испании. Это было более демонстрация показного нейтралитета, чем трезвый анализ создавшейся военно-политической обстановки.

С начала 1943 г. Франко активизировал деятельность с целью расколоть антигитлеровскую коалицию и спасти гитлеровский режим от полного разгрома. Об этом свидетельствуют многочисленные документы из архива министерства иностранных дел Германии.

Например, новый германский посол в Мадриде Г.Мольтке доносил в январе 1943 г., что во время беседы Франко говорил, что Испания в рамках своих политических возможностей всегда готова помочь Германии в ее борьбе. Он указал, что Испания могла бы вести работу по «углублению противоречий между Англией и Советским Союзом, с одной стороны, а также между Англией и Америкой — с другой». Франко предложил свои услуги и в вопросе мирного зондажа Германии. «Чем дольше продлится война, — говорил каудильо, — тем проблематичнее победа. Поэтому уже сейчас следовало бы думать о возможности окончания войны».

В начале 1943 г., когда стало известно о ликвидации немецко-фашистской группировки под Сталинградом, тот же Мольтке сообщал, что за последнее время Франко все сильнее занимает мысль о необходимости прекращения войны между англо-американцами и Германией «перед лицом огромной опасности большевизма».

Выступая в Барселоне 16 апреля 1943 г., министр иностранных дел Испании Хордана заявил о «готовности Испании встретить любую опасность и предложить свои добрые услуги для восстановления мира».

При осуществлении своих планов Франко особую надежду возлагал на Англию, которая, как он указывал в беседе с английским послом Сэмюэлем Хором, «из чувства европейской солидарности должна своевременно найти дорогу к Германии». «Так как английский посол не отверг категорически мыслей, высказанных Франко, — говорится далее в донесении германского посла, — то Франко дал испанскому поверенному в делах в Лондоне указание — при удобном случае со своей стороны высказать такие же соображения».

В указанной беседе с С.Хором Франко откровенно высказал сожалению по поводу того, что Англия продолжает поддерживать Советскую Россию. «По одному чувству моей солидарности с Европой, — говорил испанский диктатор, — я полагаю, что было бы единственно правильным, если бы Англия своевременно вступила на путь к компромиссному миру с Германией и тем самым отвратила коммунистическую опасность не только от Европы, но и от самой себя».

Как же реагировал на это наглое подстрекательское заявление, направленное против союзного Великобратании государства, английский посол? Сэр Сэмюэль Хор ответил на это, что высказывание Франко ему представляется в высшей степени интересным и он желал бы, чтобы разговоры в этом смысле были продолжены.

В последующих беседах между С.Хором и графом Хордана, состоявшихся в течение февраля 1943 г., министр иностранных дел Испании настойчиво убеждал английского посла уяснить себе «опасность большевизма для Англии» и что «только сильная Германия будет в состоянии создавать бастион против этой неминуемой опасности». «Если бы Германии уже не существовало, — говорил Хордана, — то ее надо было бы создать».

Сообщавший об этом разговоре германский посол отмечает, что английский посол с большой серьезностью выслушал эти рассуждения и что у Хордана сложилось впечатление, что в Англии начинают серьезно думать о «большевистской опасности». Английский посол ничего не возразил зарвавшемуся испанскому министру даже тогда, когда тот заметил, что, по его мнению, Германия в настоящее время сильнее, чем когда-либо ранее.

Настойчиво предлагая Великобратании помириться с Германией, испанский министр иностранных дел не мог, конечно, не рассчитывать при этом на поддержку влиятельных членов английского правительства. Документы свидетельствуют о том, что видные представители Великобритании давали понять, что они разделяют опасения Испании. Например, А.Иден на замечание испанского посла о его речи, в которой английский министр иностранных дел высоко оценивал борьбу совтского народа, ответил, что «он это

понимает и, высказываясь так, он оставался при своем мнении, но условия войны принуждают его время от времени хвалить восточного союзника».

В другом документе указывается, что на неоднократные мирные предложения Франко в феврале 1943 г. из Англии были получены положительные сообщения, согласно которым не только видные общественные деятели Англии, но и члены британского кабинета, с усилением «коммунистической опасности» испытывавшие все большую тревогу, приветствовали такую инициативу Франко и считали, что такая установка помогает их собственной позиции.

Стремление франкистской Испании расколоть антигитлеровскую коалицию и создать новый антисоветский блок отразилось в меморандуме министра иностранных дел Хордана, врученном представителям Ирландии, Швеции и Швейцарии. Этот меморандум выдвигал идею создания «политической общности интересов воюющих и нейтральных стран» для борьбы против Советского Союза.

Одновременно испанские правители вели переговоры с видным деятелем католической церкви в США Спеллманом. В феврале 1943 года Спеллман совершил специальную поездку в Мадрид, чтобы лично встретиться с Франко. Тогда же он имел беседу с английским послом С.Хором. Нетрудно понять, что главной темой этих переговоров был вопрос о поражениях немецких войск на Востоке и о том, что в Германии хорошо помнили слова, сказанные Г.Герингом еще в 1936 г.: «Испания — это ключ к двум континентам».

Наконец, Гитлеру было выгодно иметь «нейтральную» Испанию еще и потому, что в ее портах могли спокойно укрываться германские крейсеры и подводные лодки, не опасаясь быть подвергнутыми налетам союзной авиации. Так, в сентябре 1942 г. стало известно о задержании в испанских территориальных водах в Бискайском заливе итальянской подводной лодки. Однако она не была интернирована, а испанское правительство официально дало согласие на 70-дневный срок ремонта лодки. Лодка была немедленно поставлена в док порта Сантандер.

Большое влияние на Франко имел его личный друг начальник германской военной разведки адмирал В.Канарис, который еще в период Первой мировой войны нашел в Испании убежище, а во время Гражданской войны 1936—1939 гг. сдружился лично с будущим каудильо и его генералами. Почти на всем протяжении Второй мировой войны Канарис всегда был желанным гостем в официальных кругах Мадрида и лишь в середине 1944 г. въезд в Испанию ему был не разрешен.

Сознательным нарушением статуса нейтралитета были также связи и сотрудничество испанской разведки с германским абвером. Об одном примере, как были разоблачены эти связи, рассказывает офицер английской разведывательной службы Е.Монтегю.

В апреле 1943 г. вблизи испанского порта Хуэлва с английской подводной лодки в море был выброшен труп в форме английского офицера. В его портфеле находились важные документы и среди

них документ о предполагаемой высадке англо-американских войск в Греции и Сардинии. Подготавливая эту операцию, названную «Фарш», английская разведка основывала свои расчеты на таком сотрудничестве германской агентуры с испанской разведкой. И эти расчеты подтвердились.

Подобранный труп испанские власти передали англичанам немедленно, а портфель был возвращен лишь через несколько дней, после того, как с содержавшихся в нем документов были сняты фотокопии. Через некоторое время в Грецию прибыл фельдмаршал Э.Роммель и немцы начали усиленно укреплять побережье Эгейского моря.

После войны англичане обнаружили копии этих фальшивок в архиве германской морской разведки.

Несомненно, что немцы воспользовались также сведениями, полученными от верховного комиссара Испанского Марокко, который пожелал познакомиться с состоянием 5-й американской армии в Северной Африке, в связи с чем 3 июня 1943 г. по приказу генерала Д.Эйзенхауэра состоялся соответствующий смотр.

Испания была единственной из всех нейтральных стран Европы, воинские части которой приняли непосредственное участие в войне против Советского Союза. Уже через несколько дней после начала германской агрессии против Советского Союза тогдашний министр иностранных дел Серрано Суньер предложил Франко обсудить с Гитлером вопрос о посылке на восточный фронт дивизии испанских добровольцев[19]. На восточный фронт она направила свою «Голубую дивизию» в составе 17 тыс. чел. при поддержке авиаотряда, состоявшего из двух или трех звеньев. Формально эта дивизия считалась добровольческой, но фактически, как отмечал испанский историк-эмигрант Р.Альтамира, состояла из солдат «регулярной армии под командованием генералов и офицеров, также служивших в регулярных войсках».

В течение двух лет эта дивизия более десятка раз получала пополнение из Испании. Понеся большие потери в 1943 г., она была отозвана на родину. На восточном фронте оставался так наз. «Испанский добровольческий легион», которому Франко также трижды посылал пополнения. В общей сложности на восточном фронте сражалось до 50 тыс. человек, т.е. примерно $^1/_5$ всего состава регулярной армии Испании.

Боевой путь «Голубой дивизии» на восточном фронте был усеян трупами испанских добровольцев. У оз. Ильмен и р. Волхов дивизия потеряла 14 тыс. человек, а позднее на Ленинградском фронте в течение февраля 1943 г. погибло еще 32 тыс. человек[20].

Новые факты о политике «нейтральной» Испании привел в своем заявлении генерал-лейтенант германской армии Фр.Бёме, который в 1940 г. по март 1943 г. был начальником штаба германской комиссии по перемирию с Францией и был хорошо осведомлен об испанских делах.

Бёме сообщил, что в период войны вопрос о том, желательно ли открытое участие Испании в войне на стороне держав оси, неоднократно обсуждался в гитлеровской ставке и в Министерстве иностранных дел Германии. В первый раз конкретно этот вопрос рассматривался в 1940 г. Представители военного командования и Министерства иностранных дел не ставили под сомнение готовность Испании к вступлению в войну, но отмечали при этом, что Германии это принесет больше вреда, чем пользы, т.к, во-первых, защита побережья Пиренейского полуострова свяжет значительные германские силы и, во-вторых, Германия вынуждена будет взять на себя снабжение Испании военными материалами.

Вопрос об открытом вступлении Испании в войну стал снова актуальным после начала советского контрнаступления под Сталинградом и высадки англо-американского десанта в Северной Африке осенью 1942 г. Советник германской миссии в Париже Швендемен, побывавший в командировке в Испании, представил докладную записку, в которой высказывал ту мысль, что вступление Испании в войну на стороне Германии явится наилучшей возможностью восстановить положение в Средиземном море. Согласие Испании считалось само собой разумеющимся. Швендемен говорил при этом, что свою докладную записку он составил на основе переговоров с представителями испанского правительства, армии и фалангистской (фашистской) партии, которые выразили полную готовность вступить в войну.

Генерал Бёме в своем заявлении сообщил также факты, свидетельствующие о далеко не нейтральной позиции Испании в связи с высадкой англо-американцев в Северной Африке. Германские наблюдатели с испанской территории у Гибралтара в начале ноября 1942 г. донесли о проходе крупных конвоируемых караванов судов через пролив. Отсюда германское командование сделало вывод, что в ближайшее время предстоит союзный десант в Алжире. В связи с этим германская комиссия по перемирию во Франции потребовала от правительства Виши подготовки Французской Северной Африки к обороне.

Переговоры с англо-американскими представителями, как свидетельствуют документы, не мешали однако Франко продолжать вести двойную игру. В обмен на германские поставки вооружения Испания готова была даже вступить в войну против англо-американцев в случае их вторжения в район Средиземного моря, Атлантики и Африки. Но в последующее время в связи с новыми поражениями германских войск на восточном фронте воинственный пыл правителей франкистской Испании несколько приостыл.

Португалия

Правительство Португалии, несмотря на объявленный нейтралитет, не порывая связей с западными союзниками, также оказывало ценные услуги гитлеровской Германии, особенно поставками стратегического сырья. В годы войны Португалия значительно увеличила свой экспорт с 1338 млн эскудо в 1939 г. до 4035 млн эскудо в 1943 г. В течение 1943 г. Португалия вывезла стратегического сырья (вольфрама, олова и др.) и продовольствия в Англию на 1230 млн эскудо, в Германию на 855 млн эскудо и в США на 388 млн эскудо.

Кроме того португальскую экономику подрывали различные испанские агенты, которые скупали в Португалии продовольствие, а затем перепродавали его немцам. Иностранные корреспонденты, посещавшие Лиссабон, рассказывали, что в нем достаточно немцев, чтобы захватить город в свои руки. Они заняли множество больших зданий вокруг порта, где позже были обнаружены оклады германского оружия и сигнализационные устройства. Корреспонденты указывали, что Португалия фактически безоружна, потому что большая часть ее вооруженных сил находится на Азорских островах.

В то время, как на стратегических поставках крупная португальская буржуазия — особенно «вольфрамисты» — обогащались, жизненный уровень трудящихся резко снизился. Португальский народ протестовал против прогитлеровской политики правительства А.Салазара и требовал улучшения условий жизни.

Поражения немецко-фашистских войск как на востоке, так и на западе воодушевили португальских патриотов на усиление борьбы. В конце 1942 г. и в 1943 г. в Лиссабоне и других городах произошли крупные забастовки рабочих.

Все эти обстоятельства вынудили португальское правительство пересмотреть свои отношения с гитлеровской Германией и улучшить связи с англо-американскими союзниками. Был ограничен вывоз в Германию вольфрама. Салазар внезапно вспомнил, что в середине XIV в. Португалия и Англия заключили соглашения о дружбе, действующее и поныне. Глава португальского правительства, который еще в июле 1941 г. угрожал защищать Азорские острова от возможного английского десанта, теперь любезно согласился предоставить их союзникам для создания на этом важном стратегическом пункте авиационных баз. Но эти мероприятия португальского правительства были вынужденными и вызваны той трудной обстановкой, в которой оказалась гитлеровская Германия благодаря победам вооруженных сил стран антигитлеровской коалиции.

Португалия не порывала отношений с Германией до конца войны. Характерно, что она была одной из немногих стран мира, не признавшая поражения Германии даже тогда, когда советские войска водрузили знамя Победы над рейхстагом. В связи с известием о смерти Гитлера в Португалии был объявлен траур.

Примечания

[1] См.: Международная жизнь. 1959. № 9. С. 91.

[2] Die Welt als Geschichte. Eine Zeitschrift für Universalgeschichte. Münster, 1961. Hf. 4. S. 211—224.

[3] Boldt-Christmas G.E.F. Voro vi neutrala? Stockholm, 1946. P. 122.
[4] Красная звезда. 13.2.1943.
[5] Красная звезда. 28.4.1943.
[6] Известия. 9.12.1991.
[7] Красная звезда. 24.3.1943.
[8] Kurz H.R. Die Schweiz in der Plannung der Kriegsführenden Mächte während des zweiten Weltkrieges. Zürich, 1957. S. 10.
[9] Ibid. S. 14.
[10] Ibid. S. 43.
[11] Ibid. S. 53—57.
[12] Международная жизнь. 1956. № 1.
[13] Bougeois D. Le Troisiéme Reich et la Suisse. 1933—1941. Neuchâtel, 1974. P. 130.
[14] Ibid. P. 257.
[15] Ibid. P. 149.
[16] Ibid. P. 150.
[17] См. Times. 9.12.1942.
[18] N.-Y. Times. 17.4.1943.
[19] Gen. E.Esteban-Infantes. «Blaue Division». Spaniens Freiwillige an der Ostfront. Druffelverlag, 1958. S. 9.
[20] Ibid. S. 61, 95.

Глава одиннадцатая

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ НАРОДАМИ НЕ ЗАБЫТЫ!

Преступления и наказание коллаборационистов в СССР

Вторая мировая война была самой жестокой и кровопролитной из всех войн, какие только знает история человечества. В нее было втянуто 61 государство с населением 1 млрд 700 млн человек. Ее опустошительный вихрь пронесся над 40 странами мира и унес свыше 50 млн жизней.

От боевых действий и фашистского террора особенно пострадали народы оккупированной Европы. Из общего числа в 39,3 млн погибших государства антигитлеровской коалиции потеряли 30 млн человек, т.е. 76% всех потерь. Большинство из них — 20 млн человек — погибло не в результате боевых действий, а вследствие террора немецко-фашистских оккупационных властей, совершавших это преступление при содействии местных предателей.

Наибольшие потери не только в абсолютном количестве, но и на тысячу человек населения понесли Польша — 220 человек, СССР — 124, Югославия — 108, Греция — 35, Чехословакия — 21, Албания — 24 и Нидерланды — 22 человека.

Минувшей войне сопутствовали невиданные ранее разрушения материальных ценностей, создававшихся людьми на протяжении многих веков. Значительная их часть была результатом злонамеренных и заранее запланированных преступных акций со стороны немецко-фашистских оккупантов. Только в Европе общий материальный ущерб от военных разрушений (по далеко не полным данным) исчисляется в 260 млрд долларов (в ценах 1938 г.).

Наибольшие потери в войне понес Советский Союз. На его территории, как установила Чрезвычайная государственная комиссия, было разрушено 1710 городов, 70 тыс. сел и деревень, уничтожено 32 тыс. промышленных предприятий. Только прямой ущерб (потеря от прямого уничтожения имущества) составляет 679 млрд рублей (в ценах 1941 г.), или 128 млрд долларов, т.е. составило 41% потерь всех стран, участвовавших в войне. В целом пламя войны поглотило почти треть национального богатства страны, созданного трудом народа. Большие материальные потери понесли, кроме СССР, следующие страны (в тыс. долларов): Польша —

50000000, Франция — 21143000, Югославия — 9145000, Нидерланды — 4412000 и Чехословакия — 4202000.

Таков был кровавый баланс 12-летнего господства фашизма и особенно его преступлений в годы Второй мировой войны. Вот почему народы Европы, пережив все эти несимоверные ужасы развязанной фашизмом войны и злодеяния немецко-фашистских захватчиков, естественно, не могли допустить, чтобы их виновники могли спокойно разгуливать по земле, обильно политой кровью их жертв. Поэтому еще в годы войны народы требовали их сурового наказания.

Советское правительство в своих нотах от 25 ноября 1941 г., 6 января, 27 апреля и 14 октября 1942 г. и 11 мая 1943 г., т.е. задолго до того, как воины армий антигитлеровской коалиции своими глазами увидели преступления фашизма в концлагерях, на фактах перед всем миром убедительно разоблачило звериный облик гитлеровской системы.

Тогда же в рамках Организации Объединенных Наций была учреждена Комиссия по военным преступлениям. О необходимости сурово наказать фашистских военных преступников говорилось в Декларации о наказании за преступления, совершенные во время войны, принятой 13 января 1942 г. правительствами Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Французским национальным комитетом. Последнее в период войны предупреждение правительства СССР, США и Великобритании от имени ООН всем германским комендантам, охране и служащим гестапо о последствиях их действий было сделано 23 апреля 1945 г.

Большой заслугой Советского Союза в дальнейшем совершенствовании международного права было то, что он не только первым сформулировал принципы ответственности и наказания военных преступников, но и первым реализовал их практически. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба (ЧГК). ЧГК опиралась в своей работе на помощь свыше 7 млн советских граждан, непосредственно принимавших участие в составлении актов о совершенных преступлениях оккупантов и их национальных сообщников.

Большую работу по раскрытию фашистских злодеяний провели чрезвычайные комиссии и другие органы, созданные в ряде стран Европы. Так, активно действовала Главная комиссия по расследованию фашистских злодеяний в Польше. Она была создана при Министерстве юстиции решением Президиума КРН от 29 марта 1945 г., а затем декретом КРН от 10 ноября 1945 г. За первые пять лет своей деятельности она выявила около 8 тыс. военных преступников, совершивших преступления в Польше, и передала их список соответствующим органам ООН. С 1946 г. она издавала специальный бюллетень и сотрудничала с комиссиями СССР, ГДР и Чехословакии.

Чрезвычайные комиссии или другие органы по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков были созданы также в Югославии, Чехословакии, Норвегии и в других странах. Собранные этими органами материалы были представлены Нюрнбергскому процессу и национальным судебным процессам.

В 1943 г. в связи с начавшимся освобождением советской земли возникла необходимость в принятии специального законодательного акта для наказания тех, кто в годы оккупации творил злодеяния против советских граждан. Так, 19 апреля 1943 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

В этом Указе отмечалось, что к немецко-фашистским преступникам и их пособникам прежде применялась не соответствующая их злодеяниям мера наказания. Отныне немецкие, итальянские, румынские, венгерские и финские фашистские злодеи и шпионы и изменники из советских граждан будут караться смертной казнью через повешение, пособники из местного населения — ссылкой на каторжные работы на 15—20 лет.

Проведение настоящего Указа в жизнь было возложено на военно-полевые суды в дивизиях в составе: председателя военного трибунала дивизии, начальника особого отдела и заместителя командира дивизии по политчасти с участием прокурора дивизии. Приговор утверждает командир дивизии и в исполнение приговор приводится немедленно и публично, при народе, а тела повешенных остаются на виселице в течение нескольких дней. Указ подписали Калинин и Горкин[1].

Этот документ занимает особое место в законодательстве военного времени. Он предусматривал исключительные виды наказания — смертную казнь через повешение, ссылку на каторжные работы. Приговоры приводились в исполнение публично и кассационному обжалованию не подлежали.

В соответствии с этим Указом советские власти предприняли и другие меры. Еще в годы войны и особенно в первый послевоенный период в Советском Союзе был проведен ряд судебных процессов над фашистскими преступниками. Первый такой процесс состоялся в Краснодаре в июле 1943 г., когда перед судом военного трибунала Северо-Кавказского фронта предстали 11 изменников Родины, служивших в фашистском карательном органе — зондеркоманде 10-А. Трибунал приговорил 8 подсудимых к смертной казни через повешение и 3-х — к каторжным работам на 20 лет каждого.

В августе 1943 г. в Краснодоне состоялся суд военного трибунала над изменниками Родины, предавшими подпольную молодеж-

ную организацию «Молодая гвардия». Вместе с начальником окружной немецкой жандармерии полковником Ренатусом предатели были приговорены к смертной казни через повешение и были казнены на городской площади.

Но особенно большой резонанс, в том числе и международный, получил судебный процесс, состоявшийся в декабре 1943 г. в Харькове. Суду военного трибунала 4-го Украинского фронта были преданы офицер немецкой военной контрразведки капитан В.Лангхельд, унтер-штурмбанфюрер СС Г.Рис, чиновник тайной полевой полиции оберефрейтор Р.Рецлав и их пособник М.Буланов. За личное участие во многих злодеяниях в отношении десятков тысяч мирных жителей Харькова и области все они были приговорены к смертной казни через повешение. Это был первый юридический прецедент судебного разбирательства по делам не только гитлеровских прислужников и изменников Родины, но и самих нацистских палачей.

Секретарь национальной гильдии юристов США Д.Поппер отмечал тогда, что этот процесс олицетворяет собой триумф международного права и справедливости и что он является первым конкретным осуществлением решений, принятых на Московской и Тегеранской конференциях. Такого же мнения были и другие юристы США и других стран антигитлеровской коалиции. Комментатор американской радиокомпании назвал Харьковский процесс «первым настоящим судом над военными преступниками во всей истории».

Сразу же после окончания процесса посол США в Москве А.Гарриман доносил в Вашингтон, что «процесс не оставляет сомнения в намерении советских властей привлечь к ответственности германское правительство и верховное командование за преступления и зверства, совершенные их именем и по их приказу». Он подчеркивал, что присутствовавшие на процессе американские корреспонденты отмечали строгое соблюдение судом юридических норм и обоснованность выдвинутых против подсудимых обвинений.

В конце 1943 г. состоялся судебный процесс в Смоленске. Особенности этого процесса состояли в том, что впервые юридически были доказаны обвинения против врачей-нацистов, производивших бесчеловечные опыты над живыми людьми, и что на скамье подсудимых оказались преступники из оперативной команды «Москва», предназначенной для истребления населения советской столицы.

Первые послевоенные судебные процессы над виновниками злодеяний в период оккупации прошли также с декабря 1945 г. по январь 1946 г. в Киеве, Минске, Риге, Ленинграде, Смоленске, Брянске, Великих Луках. Суду было предано 85 бывших военнослужащих вермахта и сотрудников немецких карательных органов, в том числе 18 генералов и 28 офицеров вермахта, соединений СС, полиции и жандармерии и 39 унтер-офицеров и солдат. В Киеве было рассмотрено дело по обвинению генерал-лейтенанта Буркхардта и других, в Минске – генерал-лейтенанта Рихтера и других, в Риге – обергруппенфюрера и генерала полиции Еккельна и других. Из числа подсудимых 66 человек были приговорены к смертной казни через повешение и 19 человек – к каторжным работам на срок от 12 до 20 лет.

Часть наиболее важных дел по обвинению в измене Родине и в активной борьбе против Советской власти рассматривалась Военной коллегией Верховного Суда СССР. Так, в июле–августе 1946 г. были привлечены к уголовной ответственности и, как сообщалось в «Правде» 12 августа 1946 г., осуждены на смертную казнь через повешение генерал Власов А.А. и его сообщники Малышкин В.Ф., Жиленков Г.Н., Трухин Ф.И., Закутный Д.Е., Буняченко С.К., Зверев Г.А., Благовещенский А.И., Меандров М.А., Мальцев В.И., Корбуков В.Д. и Шатов Н.С. Что же касается лично Власова и его ближайших соратников, то еще в ноябре 1942 г. против них было возбуждено уголовное преследование. А в феврале 1943 г. они были заочно осуждены к смертной казни. В приговоре было предложено репрессировать и их совершеннолетних членов семьи. Но на практике репрессировались и их малолетние дети. В январе 1947 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР к смертной казни через повешение приговорила также атамана Краснова П.Н., генерал-лейтенанта Белой армии Шкуро А.Г., командира «дикой дивизии» генерал-майора князя Султан-Гирея Клыча, а также Краснова С.М. и Доманова Г.И. Войска под их командованием по заданию немцев в годы войны вели вооруженную борьбу против Советской Армии и партизан Польши, Югославии и Италии. Тогда же Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила к смертной казни бывшего генерал-лейтенанта вермахта Г. фон Панвица, казачий корпус которого совершал злодеяния на территории СССР и Югославии.

Из ряда послевоенных судебных процессов важно отметить Полтавский процесс военного трибунала Киевского военного округа, состоявшийся в ноябре 1947 г. На скамье подсудимых оказались 22 военнослужащих танковой дивизии СС «Мертвая голова», в том числе бригадефюрер СС Беккер и генерал-лейтенант вермахта Шартов. В октябре 1947 г. в советском секторе Берлина на процессе военного трибунала Группы советских войск в Германии рассматривалось уголовное дело в отношении 16 фашистских палачей, которые в концлагере Заксенхаузен производили преступные эксперименты над заключенными. Преступники были осуждены на пожизненное заключение, соединенное с каторжными работами.

В последующие годы по мере раскрытия новых преступлений и их исполнителей состоялись новые судебные процессы над фашистскими преступниками. Так, в июне 1965 г. во Львове перед судом военного трибунала Прикарпатского военного округа предстало 6 человек, которые, находясь в немецком плену, дали согласие служить у противника и лично принимали участие в массовых расстрелах заключенных Яновского лагеря, а также в лагерях Собибор и Белжец. В течение 1981–1986 гг. в СССР были проведены судебные процессы еще над 60 бывшими фашистскими карателями.

Проведенные в Советском Союзе судебные процессы над военными преступниками и коллаборационистами имели большое морально-политическое значение. Но по ним трудно получить представление о масштабах коллаборационизма в Советском Союзе. Не только в прошлые годы, но даже в современной демократической России не публиковались обобщенные данные о численности коллаборационистов. Да их и трудно определить. По данным В.Брокдорфа, из 1500 тыс. советских граждан, активно участвовавших в борьбе против большевизма, были убиты советскими солдатами сразу же после пленения около 200 тыс. Другие 100 тыс. умерли по пути в лагеря или в самих лагерях. Около 200 тыс. бывших советских военнопленных были приговорены к различным срокам тюремного заключения и концлагерей. Из них лишь половина осталась в живых.

В первые послевоенные годы советские спецслужбы неоднократно требовали от западных держав выдачи им лиц, совершивших преступления против советского народа. Среди них были Степан Бандера, высшие руководители армии Власова, национальных легионов, других антисоветских организаций за рубежом. Правда, сразу же после окончания войны существовала надежда, что советские спецслужбы своими силами найдут в западных странах преступников из России. Но не всегда эти поиски были успешными. Так, случилось, в частности, с Бандерой, который длительное время скрывался на территории Западной Германии, и советские органы вынуждены были обратиться за помощью к американским властям.

Еще 1 июня 1946 г. руководитель берлинского сектора советских спецслужб в Германии генерал А.М.Сиднев в письме к помощнику начальника штаба американской военной администрации во Франкфурте-на-Майне бригадному генералу Сайберту сообщал, что Бандера находится в Мюнхене, и просил арестовать и передать его советским властям. Ответное письмо поступило два месяца спустя. В нем сообщалось, что ни в Мюнхене, ни в других местах Бандера пока не найден[2].

Заместитель Главноначальствующего СВАГ генерал П.А.Курочкин 15 октября 1946 г. написал письмо своему американскому коллеге генералу Л.Клею с просьбой оказать содействие в аресте «военного преступника Бандеры Степана Андреевича, который в настоящее время укрывается в зоне американской оккупации в Германии». В письме указывалось, что начальнику американской военной разведки в Германии генералу Бэррэс Брли уже давно представлены материалы, изобличающие Бандеру, как «важного военного преступника против СССР, действовавшего со своими вооруженными силами из украинских националистов на стороне фашистской Германии, от которой получал денежные субсидии и вооружение».

«В нашем распоряжении, – писал генерал Курочкин, – имеется этот документ, в котором содержатся следующие, известные тогда нашим контрразведывательным органам, данные о Бандере и его деятельности». Бандера родился в с. Тростянец Станиславской

области на Украине. Был членом центрального провода ОУН, которым руководил немецкий агент А.Мельник. Для более активных действий против Украины Бандера расколол ОУН и привлек на свою сторону террористически настроенных членов этой организации, являлся агентом гестапо, получая от него инструкции для борьбы против Украины.

Позднее, став во главе ОУН, лично связался с начальником немецкого абвера адмиралом В.Канарисом и вел активную шпионско-диверсионную и террористическую деятельность против Советского Союза, ежегодно получал от Канариса по 2,5 млн немецких марок.

В Кракове, Кринице, Закопаны и других местах под руководством немцев для украинских националистов были созданы школы и курсы. Обученные там шпионы, диверсанты и террористы поступали в распоряжение 2-го отдела абвера майора Вайнера и капитана Вербейка для отправки в советский тыл.

Как показал немецкий военнопленный капитан И.Лазарек, которого немцы внедрили в ОУН, в апреле 1941 г., свел своего начальника Э.Цуайкнера с заместителем Бандеры Лебедем. В подписанном ими соглашении говорилось, что ОУН полностью подчинена интересам германского командования. Впоследствии этот документ подписали представитель 2 отдела абвера д-р Макерт и лично Бандера. Немцы использовали бандеровские банды УПА в борьбе против советского партизанского движения и на отдельных участках фронтов против Красной Армии.

Кроме УПА весной 1941 г. Бандера сформировал «Украинский легион» во главе с майором Побегущим, который в отличие от УПА структурно входил в вермахт и получал от него вооружение, боеприпасы и обмундирование. После разгрома легиона в конце 1943 г. по распоряжению Бандеры была сформирована дивизия СС «Галичина», которая участвовала в боях против Красной Армии и была разгромлена в районе Золочева во Львовской области.

По показаниям Воробца, Балицкого и Стельмащука Бандера сформулировал следующие задачи для действий УПА:

– вести борьбу против Красной Армии на фронте и в тылу, против советских и польских партизан, содействовать немцам;

– проводить диверсии на железных дорогах, срывать подвоз резервов для Красной Армии, вооружения и боеприпасов;

– осуществлять теракты против офицеров и генералов Красной Армии и представителей советской администрации;

– уничтожать местное население, сочувствовавшее борьбе Объединенных наций против Германии;

– собирать в советском тылу сведения и по радио передавать их немецкому командованию.

В итоге бандеровцы уничтожали целые села и районы. Так, командир одной из банд Ю.А.Стельмащук в августе 1943 г. по приказу Бандеры вырезал поголовно все польское население Володского, Ковельского, Сидлищанского и Мациевского районов Волын-

ской области, примерно до 25 тыс. человек, сжег все недвижимое имущество.

Воробец показал, что по приказу Бандеры в одном только Сарненском районе Ровенской области было уничтожено свыше 6 тыс. мирных украинцев за сопротивление мерам германского командования.

Представитель Бандеры на Волыни К.Савур по рации просил немцев оказать его отряду помощь оружием, боеприпасами и обмундированием. Он получил 500 автоматов и 200 комплектов обмундирования. Как показал главный интендант УПА Гаскевич, в феврале 1944 г. несколько банд под командованием Наливайко вместе с немцами вели бои с Красной Армией в Тарнопольской области.

Капитан вермахта Лазарек в марте 1944 г. передал УПА около 20 тыс. единиц вооружения (800 винтовок, 200 автоматов, 50 пулеметов) в Черном лесу Станиславской области, а с уходом немцев в лесах Галиции заложил 40 баз с оружием и боеприпасами и через лейтенанта Вингасена передал их бандам Бандеры. Германское командование отдало распоряжение всячески содействовать борьбе банд УПА»[3].

Мы привели этот документ почти полностью с той целью, чтобы показать, какие изъяны в информации имелись у советских контрразведчиков в связи с деятельностью ОУН и УПА и лично Бандеры. Документ признает, хотя и односторонне, жестокий характер гражданской войны в те годы в Западной Украине. Но те или иные события, связанные с сотрудничеством Бандеры с немецкими органами, представлены не точно, и они не привязаны к определенному времени. В итоге в документе допускаются необоснованные обобщения относительно личности Бандеры.

Каков же был ответ генерала Клея на просьбу генерала Курочкина о содействии в поимке Бандеры? «Мы тщательно придерживаемся тех данных, которые нам представил генерал Сиднев и любая дополнительная информация, которую Вы нам можете представить, будет нами высоко оценена. Как только Бандера будет нами арестован, его дело как военного преступника пойдет обычным путем, установленным международным соглашением»[4].

Советские военные власти в Германии в 1946—1947 гг. представили бывшим союзникам несколько списков других военных преступников — граждан СССР с просьбой выдать их. Однако они не были найдены. Так, 29 июня 1946 г. генерал-полковник Курочкин просил заместителя начальника британской военной администрации в Германии генерал-лейтенанта Робертсона выдать советским властям военного преступника бывшего профессора Ленинградского института востоковедения П.Н.Поппе. В 1942 г. в районе Кисловодска он добровольно перешел на сторону немцев, стал платным агентом гестапо, участвовал в допросах советских граждан. После войны, по данным советских властей, он находился в британской зоне оккупации Германии. На протяжении 1946 г. Курочкин направил англичанам несколько напоминаний, но все было бесполезно.

Тогда генерал Курочкин обратился к начальнику военной администрации во французской зоне генералу Нуарэ. Наконец, соответствующее письмо было направлено генералу Клею, и отовсюду были получены стандартные ответы: приказ об аресте Поппе подписан, но сам он еще не найден[5].

Несколько удачнее закончилась многомесячная переписка советских военных властей в Германии с бывшими западными союзниками по поводу советских граждан, служивших в годы оккупации в 27-м немецком полицейском полку, который совершал военные преступления в районах Киева, Одессы, Ростова, Минска, Смоленска и в Крыму. В январе 1947 г. британские власти передали советским спецслужбам 247 человек из этого полка.

Но к концу 1947 г. на территории Великобритании еще находились несколько военных преступников — советских граждан, среди них были:

Волосюк Н.С. — полицейский в г. Кобрин;

Головач В.С. — бургомистр в местечке Будслав Молодеченской области Белоруссии;

Дворецкий И.К. — полицейский в г. Молодечно;

Ильюшиц И.В. — дезертир Красной Армии, полицейский в Бобруйской области;

Корзун А.Н. — полицейский в Старобинском районе Белоруссии;

Манец П.Г. — комендант отделения полиции в Белоруссии;

Медведь И.А. — полицейский в Кобрине;

Оглоблин А.П. — профессор истории из Киева, председатель киевской горуправы, бежал в Прагу, затем в Лондон;

Рогуля Б.Д. — переводчик немецкого окружного комиссариата, затем руководитель «Союза белорусской молодежи» и «Белорусской независимой партии». В г. Новогрудке создал карательный батальон. С июля 1944 г. — зам. начальника немецкой разведшколы в Восточной Пруссии в чине майора германской армии;

Романовский А.Д. — полицейский в Козловщинском районе Белоруссии;

Фостунов Ф. — начальник районной полиции в Минске;

Чернуха А.П. — командир полицейского взвода в Барановичской области;

Шеремей И.И. — в 1941 г. дезертировал из Красной Армии и перешел на сторону немцев, служил полицейским в Коссовском районе в Белоруссии.

Архивные документы не позволяют проследить их дальнейшую судьбу.

Как доносил Молотову политсоветник Главноначальствующего СВАГ А.Смирнов 17 октября 1947 г., с начала оккупации Германии и по 1 января 1947 г. в советской оккупационной зоне в заключении находилось 14820 лиц, индивидуально виновных в военных преступлениях и преступлениях против мира и человечности. Из них советские военные трибуналы осудили 14240 человек, в том числе к смертной казни приговорено 138 человек, к другим мерам наказания — 13960

человек, и оправдано — 142 человека. В число осужденных не входят рассмотренные на месте свершения преступлений.

Кроме того, нашими военными властями в Германии с началом оккупации по 1 января 1947 г. было арестовано членов СС, гестапо, СД, «корпуса политических вождей», СА, высших государственных чиновников, офицеров генштаба и других — 59965 человек. Сообщалось также для сравнения, что по этой же категории в американской зоне арестовано — 51000 человек, в британской зоне — 34500 человек и во французской — 10923 человека. Кроме того, после капитуляции Германии американские власти дали согласие на передачу СВАГ 1950 человек, членов СД, СС, гестапо и др. военных преступников, совершивших преступления на территории СССР[6].

Нюрнбергский процесс

В мае 1945 г. произошел тотальный разгром фашизма — военный, экономический и политический. Ему нужно было нанести и моральное поражение путем наказания главных немецких военных преступников. Но их злодеяния имели такой массовый характер и были так жестоки, что для их квалификации в международном праве тех лет просто не хватало соответствующих критериев. Поэтому страны антигитлеровской коалиции приняли решение применять к ним то международное право, которое существовало на день начала Второй мировой войны. Как известно, его основой тогда была общепринятая IV Гаагская конвенция 1907 г. Но для этого ООН осуществила конкретизацию, расширила правовые нормы на преступления гитлеровских заправил, определила соответствующие процессуальные правила.

В августе 1945 г. четыре державы — СССР, США, Великобритания и Франция — подписали в Лондоне Соглашение по вопросу судебного преследования и наказания главных военных преступников европейских государств «оси». Составной частью этого Соглашения стал Устав Международного военного трибунала. На основании этих и других документов международного права союзники по антигитлеровской коалиции надели на фашистских преступников смирительную рубашку и 20 ноября 1945 г. посадили их на скамью подсудимых Международного военного трибунала в Нюрнберге. Он, как известно, вынес смертный приговор двенадцати главным немецким военным преступникам, признал агрессию тягчайшим преступлением международного характера, разоблачил человеконенавистническую сущность германского фашизма. Этот процесс вошел в историю как подлинный Суд народов.

Как справедливо определил обвинитель от США Р.Джексон, «как Военный трибунал этот суд является продолжением военных усилий союзников». Поэтому именно здесь, в Нюрнберге, и завершил свой кровавый путь «тысячелетний рейх».

Важно отметить, что на Нюрнбергском процессе впервые в истории международного права на практике было осуществлено привлечение к международной уголовной ответственности физических лиц, занимавших в гитлеровской Германии ведущие государственные посты. Это сделано потому, что, как справедливо отмечалось в приговоре Нюрнбергского процесса, «преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершавших такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права».

Разумеется, историческое значение этого процесса не ограничивается разоблачением фашистских злодеяний и наказанием главных военных преступников. Нюрнбергский процесс стал свидетельством роста сил миролюбивых народов в борьбе с агрессией и террором.

Основой для судебных процессов над другими немецкими военными преступниками стал Закон № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и человечества», принятый 20 декабря 1945 г. Контрольным советом (КС) для Германии. Процессы американских военных трибуналов в Нюрнберге состоялись с декабря 1945 г. по октябрь 1946 г. На них было осуждено 185 человек, в том числе к смерти — 25, на пожизненное заключение - 20, на 25 лет заключения — 4, на 20 лет — 14, на 15 лет — 10, на заключение от 12 лет до 10 месяцев — 69, признано невиновными — 35.

В 1947—1949 гг. в Нюрнберге американские военные трибуналы провели еще 12 судебных процессов над группой фашистских медиков, над фельдмаршалом Мильхом, группой других гитлеровских генералов, руководителями министерств и ведомств, директорами химического концерна «ИГ Фарбениндустри», дипломатами, а также ряд других процессов, в том числе процесс над группой руководящих работников Министерства юстиции, судьями и прокурорами. Правда, наказания им были крайне легкими.

Вот короткая выдержка из данного списка военных преступников, имевших высшие чины вермахта и войск СС, которые были приговорены к смертной казни, но вскоре не только помилованы, но и вообще освобождены (даты освобождения указаны в скобках):

К.Мейер — генерал танковых войск СС (7 сентября 1954 г.);
фон Макензен — генерал (октябрь 1952 г.);
А.Кессельринг — фельдмаршал (октябрь 1952 г.);
Р.Х.Хенричи — генерал (март 1953 г.);
фон Фалькенхорст — генерал-полковник (июль 1953 г.);
К.Зоммер — оберштурмбаннфюрер СС (январь 1951 г.);
Ф.Эйреншмальц — полковник СС (январь 1951 г.);
Г.Лернер — оберфюрер СС (февраль 1954 г.);
Вендефойер — генерал (февраль 1954 г.);
Г.Бширт — генерал (февраль 1954 г.)

Одновременно и особенно после завершения судебного процесса над главными военными преступниками дальнейшее судебное преследование других фашистских преступников осуществлялось на

основе национальных законов той страны, где эти преступления совершались, а также согласно закону 10 КС и директивы № 38 по вопросу ареста и наказания военных преступников.

Среди указанных выше национальных судебных процессов над военными преступниками особый отзвук имел процесс над руководителями германской военной промышленности и, в частности, химического концерна «ИГ Фарбениндустри». В начале 1946 г., когда международный процесс над главными военными преступниками в Нюрнберге близился к концу, главные союзные обвинители вернулись к идее организовать процессы над ведущими германскими промышленниками. Было согласовано, что список обвиняемых промышленников не будет превышать восьми человек. Из-за престарелого возраста Альфред Крупп не был привлечен к судебной ответственности. Фактически были отобраны только четыре человека. США предложили судить двух руководителей «ИГ Фарбен» Германа Шмитца и Георга фон Шницлера, англичане назвали кельнского банкира Курта фон Шредера, и французы выбрали угольного и стального магната Саара Германа Рехлина, которого французские власти уже судили за военные преступления еще в годы Первой мировой войны.

Союзники отказались от проведения такого громоздкого процесса, каким был Нюрнбергский международный процесс, и было решено, что каждая из четырех главных союзных держав проведет национальный судебный процесс над промышленниками в своей зоне оккупации Германии.

Наиболее энергично и эффективно действовали власти США. 3 мая 1947 г. американские обвинители представили трибуналу тысячи документов. Обвинительный акт только против 24 членов руководства «ИГ Фарбен» во главе с председателем наблюдательного совета Карлом Краухом насчитывал шестьдесят с лишним страниц.

Главные пункты обвинения практически совпадали с обвинительным актом Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками.

Процесс над германскими промышленниками проходил в сложное время — на политическом горизонте появились признаки «холодной войны», что не могло не сказаться на поведении подсудимых и на характере выступлений обвинителей и особенно защитников.

Процесс над руководителями «ИГ Фарбен» закончился 12 мая 1948 г., после чего 29 июля того же года суд собрался для оглашения приговора. Председатель суда довольно быстро зачитал те разделы Обвинительного акта, в которых говорилось об ответственности обвиняемых за подготовку и ведение агрессивных войн и участие в заговоре. По двум разделам суд оправдал всех обвиняемых. Остался важный раздел об ограблении путем захвата и уничтожении собственности в ряде оккупированных стран. Однако главным в Обвинительном акте стал раздел, в котором говорилось о порабощении людей и массовых убийствах, в которых были повинны некоторые обвиняемые. На основании этих разделов девять

обвиняемых были признаны виновными, остальные четырнадцать — оправданы.

Раздел Обвинительного акта, по которому обвиняемыми ставились в вину установление системы рабского труда и массовые убийства людей, вызвал особо острую дискуссию. Со стороны защитников речь шла прежде всего о том, что обвиняемые, используя рабский труд иностранных рабочих, не имели иного выхода при выполнении обязательных заказов нацистского правительства Германии. Некоторые руководители «ИГ Фарбен» по этому разделу все же были признаны виновными. Остальные были оправданы.

В конце заседания суд огласил приговоры осужденным — от 2 лет до 8 лет тюремного заключения. Представители обвинения в неофициальном порядке выражали недовольство мягкими приговорами, чтобы, как они выражались, «угодить вору, таскающему кур».

Многие фашистские преступники получили справедливое наказание, но многим удалось скрыться от возмездия народов с тайной надеждой на то, что со временем наступит срок давности и они будут спасены. Вот почему важное значение в деле дальнейшего преследования и наказания военных преступников имеет Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 г. «О наказании лиц, виновных в преступлениях, независимо от времени их совершения» и аналогичные документы, принятые в других странах. Их инициативу поддержала Генеральная Ассамблея ООН, которая 26 ноября 1968 г. приняла Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. В этом документе ООН подтверждала обязанность государств преследовать военных преступников и преступников против человечества, независимо от времени совершения ими преступлений. Руководствуясь принципами международного права, законы о неприменимости (или приостановлении) срока давности к военным преступникам периода Второй мировой войны приняли Бельгия, Венгрия, ГДР, Польша, Чехословакия, Франция, Швеция и некоторые другие страны.

Все это свидетельствует о том, что человечество не забыло и не забудет фашистских злодеяний и найдет преступников даже на краю света.

К сожалению, администрация США, а также правительства некоторых других западных стран в послевоенные годы игнорировали многие решения Нюрнбергского процесса и свои международные обязательства, не выдавали некоторых военных преступников для суда тем странам, где они совершали свои преступления. Так, на протяжении многих лет они отказываются выдать ряд военных преступников Советскому Союзу. Почти четыре десятилетия власти США прикрывали палача югославского народа, бывшего министра внутренних дел «Независимого государства Хорватия» А.Артуковича, повинного в гибели 750 тыс. человек. Лишь в 1986 г. он был депортирован в Югославию, где предстал перед окружным судом Загреба, приговорившим его в мае того же года к смертной казни.

Летом 1998 г. скрывавшиеся в Аргентине палачи концлагеря Ясеновац супруги Динко и Надя Шакичи были арестованы и для суда переправлены в Загреб. Они обвиняются в убийстве не менее 2 тыс. узников этого концлагеря. В 80-х годах автор дважды посетил Ясеновац, и бывшие узники сообщили ему, что речь может идти о полумиллионе погибших в этом лагере и жестокости его 22-летнего начальника Динко Шакича, который вместе со своими сторонниками забавлялся тем, что они расчленяли тела заключенных с помощью бензопилы.

Наказание коллаборационистов в странах Восточной Европы

Страны Восточной Европы строго и последовательно осуществляли свои международные обязательства по выявлению и наказанию бывших гитлеровцев и их сообщников. Между ними было установлено сотрудничество в решении этих задач. Особенно тесно сотрудничали следственные органы и органы юстиции России и Польши. Благодаря, прежде всего, усилиям Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше состоялся суд над палачом народов Польши и СССР Э.Кохом. 23 апреля 1945 г. ему удалось бежать из Восточной Пруссии и жить 4 года с фальшивыми документами на имя майора Рольфа Бергера около Гамбурга. В мае 1949 г. он был опознан и выдан польским властям. На состоявшемся в Варшаве суде он в марте 1959 г. был приговорен к смерти по обвинению в гибели 400 тыс. польских граждан. В ноябре 1986 г. Кох скончался в тюрьме в г. Барчево.

Свой вклад в реализацию принципов Нюрнберга вносила Германская Демократическая Республика. Уже через несколько месяцев после окончания войны в сентябре 1945 г. в Дрезденском народном суде состоялся первый крупный судебный процесс над группой сотрудников гестапо и гитлеровской полиции, повинных в злодеяниях, совершенных ими в так называемом «рабочем воспитательном» лагере Радеберг, в котором были заключены антифашисты из Польши, Чехословакии, Югославии, Италии. Преследование и осуждение военных преступников в ГДР в основном было завершено еще в 50-х годах. Однако процессы продолжались и в последующие годы. Всего же до 31 декабря 1984 г. было вынесено 12873 приговора.

Судебные процессы прошли и в других странах.

Несмотря на то, что бывшие сателлиты Германии Румыния и Болгария вследствие их освобождения Красной Армией и своими армиями участвовали в войне против Германии, они смело пошли на очищение своих войск от старого офицерского корпуса, служившего интересам прежних антинародных режимов и гитлеровской Германии, не опасаясь, что от этого пострадает ход боевых действий. С этой своей смелой концепцией они встретили полное понимание со стороны советского Верховного главнокомандования, в подчинении которого находились войска этих стран.

После выхода из войны и создания нового правительства Болгария признала полную самостоятельность Македонии в рамках Федеративной Югославии. 25 сентября Болгария порвала отношения с Венгрией и объявила войну Германии. В народной армии были созданы следственные комиссии для расследования военных преступлений со стороны военнослужащих.

При участии болгарских военных преступников, привлеченных к ответственности, за период с 1941 г. по 9 сентября 1944 г., в Болгарии было интернировано, сослано в концлагеря и тюрьмы за сочувствие и деятельность в пользу Объединенных наций, а также за расовые и религиозные убеждения 101136 человек, из них находились в тюрьмах — 15 тыс., в общих лагерях — 59668 человек, в специальных концлагерях для евреев — 6518 и из Софии высланы в провинцию — 20 тыс. евреев. К декабрю 1944 г. все они были освобождены.

В ходе свержения фашистского режима в ряде городов население стихийно расправлялось с наиболее ненавистными деятелями старого режима. В г. Варне был расстрелян командующий 3-й армией, убит командир 5-й дивизии. Освобождены от должностей все болгарские дипломатические представители за рубежом: Г.Косеиванов в Берне, И.Попов в Бухаресте, С.Загаров в Берлине, И.Стаменов в Москве, Н.Николов в Стокгольме, И.Беликов в Братиславе, М.Попов в Хельсинки и М.Георгиев в Буэнос-Айресе.

Постановлением правительства были созданы народная милиция и народная гвардия из бывших партизан. В армии была проведена основательная чистка — отстранены от должностей все командиры дивизий, уволен из армии 101 полковник. Более 10 высших офицеров были арестованы[7].

Много военных преступников были расстреляны народной милицией и населением в ходе и после вооруженного восстания 9 сентября 1944 г. Были распущены 63 профашистские и фашистские организации, среди них Общий союз солдат в запасе и его отделений, Союз офицеров запаса, Союз подпрапорщиков запаса, Всеобщий союз им. Отца Паисия, кружок друзей национал-социализма в Болгарии, общество «Защитник» и др.[8]

По данным военного министра правительства Отечественного фронта Маринова, на 20 января 1945 г. были уволены 379 кадровых офицеров, из них 53 армейских и корпусных командира, 131 командира полка и 105 батальонных командиров. Это означает, что были заменены все командующие армиями, почти все командиры дивизий и полков[9].

С момента создания народных судов было рассмотрено 342 дела политических и частично военных преступников. Из них были осуждены 337 человек[10]. На 5 декабря 1944 г. были задержаны и преданы суду по закону о народном суде 3 члена регентского совета, 10 советников царского двора, 42 министра всех кабинетов с 1940 г. по 9 сентября 1944 г. и все 109 депутатов народного собрания[11].

С сентября 1944 г. по 1 мая 1945 г. в Болгарии проведено 137 судебных процессов над военными преступниками, привлечено 11649 человек, из них:

осуждены к смерти — 2825 человек;
к пожизненному заключению — 1359 человек;
к тюремному заключению на разные сроки — 4709 человек;
осуждено условно — 740 человек.

Распоряжением министра внутренних дел Болгарии от 17 ноября 1944 г. были распущены 40 фашистских организаций в столице и 10 — в других городах. Арестованы все фашисты-журналисты.

В соответствии с директивой министра внутренних дел правительства Отечественного фронта Болгарии в ноябре 1944 г. были распущены 22 русских союза и общества, которые скомпрометировали себя сотрудничеством с фашистскими правительствами Болгарии и германскими спецслужбами. Кроме ареста болгарских военных преступников были арестованы также: из немецкого посольства — бывший посол А.Бекерле, советник А.Морман и военный атташе полковник В. фон Гюльзен и 29 других сотрудников; из итальянского посольства — заместитель посла К.Симен, пресс-атташе К.Демюр и другие; из венгерской миссии — военный атташе А.Сюне и другие[12].

Несколько по-иному сложилась ситуация в Венгрии. На 15 марта 1945 г. народные суды Венгрии осудили только... два человека. Впоследствии были приняты более активные меры по очищению от фашистов государственный аппарат, 1672 руководителей фашистских организаций разных уровней были заключены в тюрьмы. В борьбе по разоблачению фашистских коллаборационистов в Венгрии новая власть столкнулась с сильной оппозицией хортиских прокуроров и судей. Так, народных судов и народных прокуратур должно было быть создано 23, а в действительности на 10 мая 1945 г. создано лишь 17.

9 мая 1945 г. в Зальцбурге был задержан назначенный немцами премьер-министром Венгрии Ф.Салаши. При нем были найдены венгерская корона и коронационные принадлежности[13]. Осенью 1945 года в Венгрии был осужден бывший премьер-министр Имреди Бела.

По данным Союзной контрольной комиссии в Румынии (СКК), очищение румынских государственных органов от фашистов, как того требовала ст. 15 Соглашения о перемирии, первое правительство Румынии генерала Радеску после ее выхода из войны против стран антигитлеровской коалиции в первые месяцы выполнялось неудовлетворительно. Ряд известных легионеров и сторонников Антонеску продолжали занимать свои прежние посты.

По румынским данным, на 10 декабря 1944 г. арестованы всего лишь 14 тысяч легионеров, преимущественно рядовых выходцев из рабочих и крестьян. Но и им нечего было беспокоиться, т.к. под предлогом исправления ошибок правительство предприняло их массовое освобождение. Так, из 600 легионеров, арестованных в первой половине декабря 1944 г. в Бухаресте, в лагеря было отправлено только 200. В такой благоприятной для легионеров ситуации их деятельность в декабре усилилась. Они устраивали провокации в Яссах, а «железногвардейцы» — в Бухаресте и в нескольких других городах[14].

В момент вооруженного восстания 23 августа 1944 г. в Бухаресте при содействии короля был арестован и передан советским властям румынский диктатор И.Антонеску. В Москве его основательно допросили и затем вернули новому румынскому правительству для суда.

В Бухаресте в мае 1945 г. состоялся процесс народного суда над И.Антонеску и другими румынскими военными преступниками. Антонеску был осужден на смертную казнь и казнен 1 июня 1946 г.

Как 23 сентября 1944 г. сообщила румынская газета «Универсул», Совет министров Румынии принял декрет об аресте всех лиц, ответственных за положение в стране в связи со вступлением Румынии в войну против Объединенных наций. Аресту подлежали все члены правительства, находившиеся у власти в период с 1940 г. по 23 августа 1944 г. Кроме арестованных ранее главы правительства И.Антонеску, министра иностранных дел М.Антонеску и некоторых других, в соответствии с декретом были арестованы также бывшие премьер-министр Жигурту, министр иностранных дел Манойлеску, министр юстиции И.Маринеску, замминистра пропаганды А.Констант, замминистра по делам печати и пропаганды Х.Космович, замминистра по румынизации Т.Драгош, «губернатор Транснистрии» Алексиану, глава румынских оккупационных властей в Одессе Г.Пынтя, «губернатор Бессарабии» дивизионный генерал Войкулеску, «губернатор Буковины» К.Калотеску, начальник генштаба корпусной генерал И.Штефля, министр пропаганды Крайник, редактор газеты «Порунка времий» И.Радулеску. Были также арестованы две тысячи «железногвардейцев». В октябре 1944 г. румынские газеты сообщили, что аресты военных преступников и коллаборационистов продолжаются.

В отчете о деятельности СКК в Румынии за январь 1945 г. говорилось, что румынское правительство в этом месяце приняло два постановления о наказаниях за военные преступления. Постановление от 20 января «О преследовании и наказании преступников войны» предусмотрено тюремное заключение от 3 лет и до высшей меры. Второй закон от 21 января «О преследовании и наказании виновников катастрофы страны» предусматривал наказания от 3 лет тюрьмы до вечной каторги. Этот закон, по существу, выгораживал основных виновников вступления Румынии в войну тем, что он допускал наказание только главам правительств прежнего диктаторского режима, которые угрожали безопасности страны, заключали союзно-политические договора с гитлеровской Германией и разрешали германскому командованию ввод своих войск в Румынию для ведения боевых действий против СССР и других Объединенных наций. В соответствии с этим постановлением были учреждены народные суды.

Таким образом, диктатор Антонеску должен был быть судим на основании второго постановления и его жизнь могла бы быть сохранена. Оба эти постановления резко критиковал министр юстиции коммунист Патрашкану. Выступая по радио, он заявил, что эти документы потеряли политическую остроту и не способствовали ослаблению позиций в правительстве национал-царанистской и национал-либеральной партий.

СКК признавала, что в январе 1945 г. чистка в стране шла медленно и формально. Свободно действовали 14 организаций, представляющих немецкое нацменьшинство. Чистка в военном министерстве еще не была проведена, пополнение войск на фронте проходило недостаточно энергично.

Сложная обстановка в Румынии потребовала к февралю 1945 г. вмешательства советских властей: в Бухаресте был разоружен ряд военных частей, расформированы некоторые авиационные части, другие отправлены на фронт, наполовину сокращена численность жандармерии и полиции. С целью успокоения общественности правительство вынуждено было опубликовать дополнительно два списка лиц, подлежавших аресту. В одном из них содержались фамилии 89 преступников войны, из которых арестована только часть, другие же бежали из Румынии. Во втором списке состояли 65 виновников бедствия страны, но многих из них уже не было в Румынии.

В румынской армии формально действовал принцип, что она не участвует в политической жизни. Но последующие события показали, что это было невозможно. На одном из совещаний в СКК начальник генштаба генерал Санатеску заявил, что он, мол, не знает, что такое фашизм.

6 марта 1945 г. в Румынии произошло событие, которое существенно изменило всю политическую обстановку. Правительство Радеску было свергнуто, сам он, опасаясь ареста, нашел убежище в британском представительстве СКК. Его руководитель Стивенсон официально сообщил, что Радеску охраняется вооруженными английскими солдатами. Главой нового народного правительства при содействии советских властей стал руководитель царанистской партии Петру Гроза.

За 3 месяца существования правительства Радеску были смещены со своих постов только 53 военных преступника. В феврале-марте по требованию СКК генштаб снял с должностей ряд командиров за бездействие и саботирование боевых приказов. Были уволены четыре командира корпусов и дивизий и ряд других офицеров. На 30 марта королевским приказом были уволены 71 генерал и 120 полковников и им равные.

Правительство П.Грозы предприняло серьезные меры по наказанию военных преступников. В государственный аппарат были взяты сторонники Национально-демократического фронта. До 23 февраля был арестован 61 военный преступник, на 30 марта 1945 г. дополнительно арестовано 63 человека. За период с 5 марта по 5 апреля, кроме указанных выше, были арестованы 1142 легионера и сторонника гитлеровской Германии, а в апреле — еще 864 легионера. Королевский указ 21 апреля 1945 г. лишил всех гражданских прав бежавших за границу пяти руководителей легионерского движения — Хориа Сима, В.Ясинского, М.Стурдза, Панаитеку и Маймука. В конченом счете на 28 мая 1945 г. народным трибуналом было привлечено к ответственности 626 преступников войны. Им были предъявлены следующие обвинения:

— истребление людей на оккупированных румынскими войсками территориях;
— ограбление и насилие;
— издевательства над политическими заключенными и населением;
— участие в антиправительственных восстаниях и в незаконном присвоении имущества в ходе войны;
— активное участие в гитлеровской пропаганде;
— участие в расистских мероприятиях;
— ведение шпионажа и диверсий;
— виновность в бедственном положении страны;
— служили на пользу фашизма и в легионерской организации;
— извлекали пользу из войны.

В частности, 15 мая 1945 г. народный трибунал рассматривал дела 38 военных преступников (из них 12 заочно) за преступления на территории так называемой Транснистрии и Бессарабии. Среди них был арестован один из руководителей румынской военной администрации в Одессе Мачич. В ходе допроса он заявил, что он прибыл 23 октября 1941 г. в Одессу из Тирасполя «с оперативным заданием», однако сущность этого задания всячески пытался завуалировать. Он показал, что видел на улицах Одессы трупы повешенных и расстрелянных советских людей, но что он якобы не повинен в этих преступлениях. На вопрос председателя, почему Мачич, будучи старшим по чину офицером в Одессе, не прекратил массовые казни гражданского населения, подсудимый пробормотал, что он не сделал этого, «опасаясь репрессий», и что вообще в убийстве 28 тыс. жителей виноват командующий Трестиоряну. Между тем во время допроса Трестиоряну в свою очередь свалил все на Мачича и на начальника штаба 10-й дивизии полковника Молдавану, который якобы действовал «по собственной инициативе».

Трестиоряну признал, что им был получен от Антонеску шифрованный приказ казнить за каждого убитого при взрыве румынской комендатуры в Одессе офицера 200 и за каждого солдата — 100 жителей города. Однако подсудимый заявил, что он не давал письменного приказа о расстрелах полковнику Пикулеску (который судился заочно) и что последний производил расстрелы «по собственной инициативе».

Следующим допрашивался бывший губернатор Северной Буковины генерал Калотеску. Он признал, что по собственной инициативе приказал создать в Черновцах в октябре 1941 г. еврейское гетто. После этого подсудимый «скромно» заявил, что его роль в убийствах евреев сводилась лишь «к координации работ различных органов».

Подсудимый подполковник Маринеску, как и другие обвиняемые, пытался прикинуться невиновным. Однако общественный обвинитель напомнил ему о единодушных показаниях 200 свидетелей, сообщивших следствию об отвратительных преступлениях подсудимого.

На вечернем заседании был допрошен военный судья Манасе, подписавший приказ об убийстве 16 тыс. советских граждан еврейской национальности в лагере «Богдановке». Суд допросил также

подсудимого Авраама Кристину, участвовавшего в ограблении заключенных. Затем начался допрос легионера младшего лейтенанта Гинералу, заявившего на предварительном следствии, что он был и останется учеником Гитлера. Гинералу был комендантом города Бершадь. Он признал, что сотрудничал с гестапо, присылавшим в Бершадь специальную группу для борьбы с партизанами, и что по его приказу вешали партизан на бершадском заводе. По приказу Гинералу, в Бершади были убиты гранатами все находившиеся в городской тюрьме заключенные. Вместе с карательным отрядом он убивал мирных жителей селений Балтинского района и сжигал их дома. Он привязывал к мотоциклу живых людей и гнал мотоцикл на предельной скорости.

На утреннем заседании 15 мая были допрошены известные своими зверствами начальник лагеря «Вапнярка» подполковник Муржеску, его заместитель Бурадеску, провокаторы из того же лагеря Шакир, Финкельштейн, полковник Изопеску, истребивший в 4 лагерях, которыми он ведал, 72 тыс. евреев, его заместитель Надуре, Бобей и младший офицер Мелинеску.

Бывший комендант лагеря «Вапнярка» Муржеску квалифицировал свои чудовищные преступления, как «справедливые, дисциплинарные меры против нарушителей дисциплины». Обвинение установило, что этими «мерами» являлись полное лишение заключенных пищи, избиение, карцер, в результате чего заключенные умирали сотнями.

Подсудимый полковник Изопеску рассказал, что по его приказу в лагере «Богдановка» у заключенных были отобраны все зимние вещи и что было истреблено 8—10 тысяч заключенных. Начальник жандармского поста в лагере «Богдановка» младший офицер Мелинеску, отказавшийся выполнить подписанный военным судьей Монасе приказ об уничтожении всех находившихся в лагере евреев, заявил, что этот приказ был выполнен румынскими полицейскими и жандармами, присланными из Голты. Мелинеску заявил далее, что приказ об истреблении заключенных исходил от Изопеку. За три дня — 22, 23 и 24 декабря 1941 г. — из 34 тыс. заключенных были расстреляны и сожжены заживо 16 тыс. Мелинеску сообщил также, что от голода и холода в лагере ежедневно умирало 150—200 человек.

Присутствовавшие выслушали показания о том, как были убиты 28 тысяч мирных жителей Одессы 23—25 октября 1941 г.

А.Ниакшу, лейтетант В.Ингиза и жандарм Маркулеску рассказали суду о том, как происходил расстрел, как горели заживо старики, женщины и дети. Показания всех свидетелей полностью совпадали. Свидетель Ниакшу показал: «Из тюрьмы выводили толпы людей, среди которых было много женщин, детей, стариков. Наша рота вместе с другими подразделениями должна была конвоировать этих людей к месту казни. Казнью непосредственно руководили подполковники Деляну и Никулеску. У бараков были вырыты глубокие рвы. Многих расстреливали в этих рвах, а затем бараки были облиты бензином и подожжены. Перед поджогом бараков Деляну распорядился провести "учение" по метанию русских гранат. В окна бараков полетели десятки гранат, взрывами которых были убиты сотни людей. Затем бараки были сожжены». Появлявшиеся в окнах и на крыше бараков горевшие люди служили мишенью для окружавших место казни палачей. «Это было страшное зрелище, — заявил свидетель. — Я не выдержал и убежал в пустой барак, чтобы не видеть леденящих душу сцен».

Свидетель Ингиза рассказал, что когда обреченных начали выводить из тюрьмы, у ворот тюрьмы было повешено семь человек, среди которых были женщины. Немцы, наблюдавшие это жуткое зрелище, пристреливали отстававших женщин, детей и стариков и фотографировали страшные сцены.

Свидетель Маркулеску показал: «Я был в Одессе с 19 октября и командовал взводом пехоты. Взвод нес патрульную службу в городе. 23 октября вечером меня вызвал командир роты и выдал по 100 патронов на солдата и по 1000 на пулемет. На следующий день наша рота конвоировала обреченных на казнь из тюрьмы. Рота получила приказ расстреливать всех, кто будет пытаться бежать»[15]. 22 мая был вынесен приговор: 29 человек приговоренных к смерти, 1 — к вечной каторге.

В мае было арестовано 749 легионеров и были раскрыты их подпольные организации. По данным нового румынского правительства, в августе 1944 г., еще при Антонеску, немецкая национал-социалистическая партия в Бухаресте имела 4 областные организации, 14 уездных и 653 местных организаций. Ныне все они распущены. Из членов этой партии были арестованы 1007 человек. В Бухаресте было арестовано 17 румынских и немецких граждан за сотрудничество с гестапо, в столице были арестованы 22 видных легионера. По приказу правительства Радеску до 4 ноября 1944 г. были арестованы 46 человек по обвинению в развязывании войны[16].

В первые месяцы после освобождения активизировалась профашистская деятельность легионеров. При Антонеску легионеры создали специальную «группу смерти» для совершения террористических актов против румынских коммунистов и советских военнопленных.

Легионеры в своих письмах, направленных некоторым государственным деятелям, угрожали расправой за либеральное отношение к коммунистам. В анонимном письме, направленном королю, были выдвинуты следующие требования: «Ваше величество, довольно пустых фраз. Страна засорена пилью. Если не будет сделана чистка государственного аппарата, мы перестреляем всех министров подряд. Требуем ареста всех лиц, обогащающихся за счет грабежа, и немедленной конфискации их имущества. Мы не хотим больше терпеть это бандитское правительство. Требуем нового правительства, которое установило бы порядок и справедливость. В противном случае мы переходим к действию и тогда в стране начнется кровавая бойня»[17].

Легионеры угрожали не только демократическим деятелям Румынии, но и активно помогали арестованным немецким преступникам бежать из лагерей, где они содержались.

В Чехословакии в соответствии с задачей, поставленной в Кошицкой правительственной программе, также была осуществлена чистка общественной жизни от фашистских элементов и коллаборационистов. В первые недели после освобождения этим делом занимались революционные фабрично-заводские советы, не имевшие для своей деятельности солидной юридической базы.

Во второй половине июня были изданы декреты о наказании нацистских преступников, изменников и их пособников и о создании чрезвычайных народных судов и Национального суда. Но в этих документах не упоминались чешские промышленники, предприятия которых работали на военную машину Германии. Чисткой руководило министерство юстиции, в котором работали многие представители буржуазных партий. Они упорно бойкотировали этот процесс. Поэтому из 132 тысяч поступивших в суды дел по обвинению в коллаборационизме было рассмотрено только 38 тысяч.

Палач чехословацкого народа К.-Г.Франк был выдан американскими властями и приговорен к смертной казни через повешение. Так же к смерти был присужден его заместитель К.Генлейн, но он покончил жизнь самоубийством.

Руководитель протектората Э.Гаха был арестован и должен был предстать перед Национальным судом, но вскоре после заключения он умер в тюремной больнице. Из 16 министров коллаборационистских правительств протектората 9 предстали перед судом осенью 1946 г.: трое из них были оправданы, двое освобождены от наказания и только четверо приговорены к тюремному заключению на разные сроки.

Дела главарей «Словацкого государства», которые находились в тюрьме, должен был рассматривать Национальный суд в Братиславе.

Была произведена также чистка офицерского корпуса. Однако летом 1945 г. старые офицерские кадры по-прежнему составляли в армии большинство. К концу 1945 г. Корпус национальной безопасности в Словакии был обновлен менее чем на четверть и в основном состоял из бывших жандармов и полицейских.

В 5-м томе сборника «Документы об изгнании немцев из Восточной и Центральной Европы», посвященном Югославии, приводятся многочисленные примеры бесчеловечной мести в отношении этнических немцев со стороны партизан и солдат НОАЮ, которые имели место уже после освобождения страны. Были казнены многие солдаты дивизии СС «Принц Евгений», старики, женщины. Около 20 тыс. детей этнических немцев были удушены газом. По официальным данным, число уничтоженных этнических немцев в Югославии составило 140 тыс., а по другим данным — 260 тыс.

Террор против этнических немцев в народной Югославии продолжался до конца 1945 г. Через некоторое время оставшиеся в живых были изгнаны в Германию.

Солдаты НОАЮ и органы безопасности новой Югославии в первые же месяцы после освобождения большей части страны подвергли пленных немецких солдат, этнических немцев, сторонников воинских частей Драже Михайловича и коллаборационистов в Хорватии, Сербии и в других регионах страны жестокому наказанию. Так, по некоторым данным, солдаты 1-й Пролетарской дивизии НОАЮ, которой командовал К.Попович, осенью 1944 г. совершали преступления против военнопленных немцев, усташей и этнических немцев. В одном из боснийских сел солдаты дивизии закрыли 400 немецких солдат в дома и заживо сожгли их. В марте 1946 г. около г. Вишеград воинские части НОАЮ окружили небольшую группу четников во главе с генералом Михайловичем, которая без сопротивления сдалась. Вскоре над Михайловичем состоялся суд военного трибунала и в июле 1946 г. в Белграде генерал был расстрелян.

Сербские четники и солдаты под командованием Летича в апреле 1945 г. в районе Триеста вели кровопролитные бои с войсками НОАЮ. Там же Летич погиб в результате автокатастрофы. Часть его солдат сдалась войскам союзников и из Италии рассеялась по всему свету. Другую часть, которая попала в руки англичан в Австрии, выдали Югославии.

Арестованный бывший глава коллаборационистского правительства в Сербии генерал-полковник Недич покончил в тюрьме жизнь самоубийством. Были казнены новыми властями Югославии бывший министр внутренних дел Ачимович, бывший министр иностранных дел Чинчар-Маркович и другие видные сербские коллаборационисты. Даже в 1984 г. в Хорватии еще проживало 84 тысячи бывших усташей.

Всего в Югославии после войны в результате судебных приговоров новых югославских властей и суда Линча погибло от миллиона 900 тысяч человек (по данным хорватских специалистов) до миллиона (по данным Г.Нойбахера). Особоуполномоченный Гитлера на Балканах Нойбахер 12 мая 1945 г. был арестован американскими властями и некоторое время находился в лагере для интернированных, затем передан Югославии и 16 мая 1951 г. осужден в Белграде к 20 годам трудового лагеря, но через полтора года был освобожден. В последующие годы Нойбахер работал советником в Абиссинии и по возвращении на родину в Австрию умер.

За военные преступления и особенно за террористическую бомбардировку Белграда был казнен в 1945 г. гитлеровский генерал военно-воздушных сил А.Лер. Но приговоренному к смерти палачу югославского народа А.Павеличу удалось уйти от справедливого наказания. В конце войны он бежал в Австрию, затем в Италию, Аргентину, и наконец — в Испанию, где и умер в 1959 г.

Наказание коллаборационистов в странах Западной Европы

Что же касается масштаба коллаборационизма во Франции, то генерал де Голль признал, что на его родине имелось не менее 800 тыс. таких государственных служащих, которые сознательно сотрудничали с врагом. Достаточно вспомнить, что штатный состав только одного французского гестапо насчитывал 32 тыс. человек.

Наказания, предпринятые во Франции властями генерала де Голля против коллаборационистов, начались задолго до того момента, как состоялось освобождение самой Франции. Волна арестов предателей до июня 1944 г. прошла в освобожденных союзниками колониальных владениях Франции в Северной Африке и на Ближнем Востоке, где правили ставленники Петена. Так, в Алжире был арестован и казнен посланец Петена, который был ответственен за смерть 50 заложников в г. Нанте в 1941 г., бывший министр внутренних дел правительства Виши Пьер Пюше. Затем последовал ряд других судебных процессов над коллаборационистами во французских колониях Африки. Но созданные генералом де Голлем особые поисковые команды не привлекали к ответственности за сотрудничество с немцами местное арабское население из-за опасения, что это может вызвать его вооруженное сопротивление.

Массовые репрессии против коллаборационистов были предприняты после высадки союзных войск в Нормандии. Причем главным образом со стороны Союзной военной администрации во Франции, которая в первый период не признавала административные органы, созданные генералом де Голлем. Наряду с этим союзники тесно сотрудничали с отрядами маки́, которые помогали войскам в их наступательных действиях. Постепенно именно к ним переходила вся полнота власти в освобожденных департаментах, особенно на юге и юго-западе страны. Руководители движения Сопротивления, особенно со стороны ФКП, создавали собственную полицию, тюрьмы и спецлагеря, в которые помещались схваченные коллаборационисты.

Как признает в своих мемуарах генерал де Голль, волна арестов коллаборационистов несколько стихла в зимнее время 1944/45 г., но еще сильнее развернулась сразу же после капитуляции Германии. Французские представители весьма активно искали бежавших в Германию предателей во всех зонах оккупации и совершали молниеносное «правосудие» над ними. В это время было осуждено, по некоторым данным, до 2 тыс. коллаборационистов. Часть французской прессы протестовала против разгула арестов, который создал в стране, по ее мнению, «атмосферу Конвента», которая существовала в годы Великой французской революции.

Некоторым известным вишистским деятелям немецкие власти разрешили покинуть Германию и эмигрировать в другие страны. Так, маршалу Петену было разрешено выехать в нейтральную Швейцарию. С этим решением немецких властей де Голль согласился, заявив швейцарскому правительству, что никакого обвинения против престарелого маршала он не предъявляет. Но маршал для восстановления своей чести сам добровольно вернулся на родину и отдал себя в руки правосудия.

Процесс над ним состоялся 23 июля 1945 г. Выступая на процессе, Петен, как ему казалось, убедительно доказывал необходимость сотрудничества с немецкими оккупационными властями в интересах Франции. «Доверенная мне французским народом

власть, — говорил маршал, — была признана всеми странами мира — от Святого Престола до Советского Союза...»

«В то время, когда генерал де Голль вел борьбу за пределами родины, — продолжал маршал свою аргументацию, — я также расчищал путь к освобождению... Если бы я не сохранил Францию, то нечего было бы освобождать ее руины и кладбища». Маршал призвал трибунал воспрепятствовать арестам тех французов, которые честно выполняли приказы главы своего государства, но он сам как маршал Франции никогда и ни у кого не будет просить о помиловании.

Среди выступавших на процессе свидетелей было две группы — в одной группе государственное обвинение поддержали такие видные в прошлом государственные деятели Франции, как Блюм, Даладье, Рейно и президент последнего Национального собрания Э.Эррио. Группу, поддерживавшую защиту, составляли многие французские генералы. Они заверяли суд, что без перемирия, заключенного в июне 1940 г., судьба Франции была бы гораздо хуже нынешней. В определенной мере подобное мнение было широко распространено в среде французской общественности, хотя сведения о ходе процесса освещались в печати.

Суд все-таки решил вынести 89-летнему маршалу смертный приговор. Через два дня глава Временного правительства Франции генерал де Голль заменил этот приговор на заключение Петена в крепость, где он пробыл шесть лет. Через несколько дней после своего освобождения он умер.

Маршала Франции Филиппа Петена французский народ чтит прежде всего как героя обороны Вердена. Что же касается его деятельности в годы Второй мировой войны, то дискуссия на эту сложную и противоречивую тему продолжается среди французской общественности и поныне.

Суд над премьер-министром правительства П.Лавалем начался 4 октября 1945 г. Лаваль был одиозной фигурой новейшей истории Франции, фигурой типичного авантюриста, убежденного сторонника коллаборационизма с Германией во имя установления в Европе «нового порядка» германского образца. При подготовке процесса его устроители даже не сочли нужным проводить какое-либо расследование по этому делу. Им было все явно. На протест защитника Лаваля, председатель трибунала ответил: «Вы желаете расследования? Оно проводилось по линдонскому радио с 1940 года. По этому делу суду все ясно и мы можем начать процесс».

Процесс продолжался пять дней и не вызвал особого интереса ни во Франции, ни у мировой общественности. 9 октября 1945 г. Лаваль был осужден к смертной казни. Генерал де Голль в его помиловании отказал и Лаваль должен был быть повешен 15 октября 1945 г. Но накануне он принял дозу яда. В оставленной записке «Моим обвинителям и палачам» Лаваль отрицал какую-либо вину перед своим народом и предпочел не позорную смерть на виселице, а по примеру древних римлян решил принять яд. Но доза была не

смертельной, и он был все же повешен на следующий день. Когда на эшафоте палач предложил Лавалю стул, он ответил: «Премьер-министр Франции умирает стоя».

Предстал перед трибуналом Франции еще один из ее предателей, бывший уполномоченный правительства Виши в оккупированной зоне Ф. де Бринон. По его делу никакого расследования также не проводилось. Выступивший на процессе в качестве свидетеля бывший посол Германии в Париже О.Абец пытался представить подсудимого как настоящего французского патриота. Но предшественник де Бринона на посту уполномоченного генерал де Ла Лауренс, наоборот, обвинял его во всех греха. Де Бринон был приговорен к смерти и 13 апреля 1947 г. расстрелян.

Тогда же состоялся процесс и над руководителем французской милиции, которая вела жестокую борьбу против участников Сопротивления, И.Дарнаном. Он также был повешен. Де Голль в просьбе о помиловании отказал.

Среди известных коллаборационистов из военной среды был казнен генерал Денц, адмирал де Лаборд, осужденный к смерти, был помилован тогдашним президентом Франции В.Ориолем. Многие другие генералы и офицеры были приговорены к различным срокам заключения.

Как отмечают некоторые историки, с особым пристрастием происходили процессы над коллаборационистами из среди интеллигенции, ибо эти предатели, используя средства массовой информации, нанесли наиболее ощутимый вред народу Франции. Некоторые из них были казнены, но большинство приговорено к длительным срокам заключения.

Установить общее число репрессированных французских коллаборационистов не представляется возможным. С годами оно часто менялось в сторону увеличения и уточнения. По донесениям отдельных префектов в 1948 г. в их префектурах суммарно было казнено около 10 тыс. коллаборационистов. Известный историк французского Сопротивления Р.Арон приводил цифру от 30 тыс. до 40 тыс. стихийно казненных. Министр иностранных дел нового правительства Франции в 1944 г. сообщал о 105 тысячах стихийно казненных, не считая случаев казни во французских колониях.

16 июня 1946 г. на выставке о потерях Франции в годы войны приводилась цифра 133 тыс. «потерь среди гражданского населения». Наконец, в последующие годы приводились данные, что лишь в период «чистки» от коллаборационистов их было ликвидировано от 500 тыс. до 2 млн человек.

В ходе послевоенной амнистии к 1 января 1947 г. в тюрьмах находилось около 20 тыс. коллаборационистов, год спустя их оставалось 15580 и к январю 1950 г. — только 4791 человек. В последующие годы состоялись две амнистии, но к январю 1956 г. в заключении содержались еще 60 человек, несколько из них были казнены.

Во французском городе Бордо 8 октября 1997 г. открылся судебный процесс над Морисом Папоном. Этот известный политический деятель послевоенной Франции, занимавший в 80-е годы министерский пост, как выяснилось, активно сотрудничал в годы войны с оккупационными властями. Папон был видным чиновником вишистского коллаборационистского режима и ведал полицейским управлением департамента Жиронда. Как утверждают, он подписывал ордера на арест активистов движения Сопротивления и прочих лиц, неугодных гитлеровцам, в том числе граждан еврейского происхождения. На совести Папона жизни почти 1700 человек. Ему предъявлены обвинения в преступлениях против человечности.

Несмотря на ряд случаев, когда приговоры были чрезмерно жестоки, а также на многие случаи стихийной расправы с коллаборационистами, Франция в общем справедливо наказала тех, кто посягнул на ее свободу, честь и достоинство.

В Бельгии, как и в некоторых других индустриальных странах Европы, особое место занимал коллаборационизм в экономической области. Пришедшие к власти новые политические силы и даже левые руководители Сопротивления осознавали, какой ущерб наносило в годы оккупации сотрудничество бельгийских предпринимателей с противником. Но они также учитывали, что те же предприниматели и коммерсанты содействовали поддержанию на определенном уровне и жизни населения. Кроме того, знания предпринимателей и квалифицированных мастеров и рабочих необходимо было использовать для возрождения экономики. Поэтому они не подвергались тотальным преследованиям и, как отмечалось в бельгийской печати, в сравнении с другими слоями отделались легко, т.е. денежными штрафами. Так, обвинение в сотрудничестве с врагом было предъявлено 75491 предпринимателю, а их собственность была передана в управление государства или отчуждена. Но к июню 1946 г. более 90% подобных судебных дел было отменено. От штрафов на предпринимателей государство получило 500 млн бельгийских франков.

Однако судьба амнистированных политических коллаборационистов была ненамного лучше узников лагерей и тюрем. Многие из них были лишены бельгийского гражданства, им запрещалось работать в соответствии с профессией, особенно в области журналистики и искусства. Поэтому они эмигрировали в другие страны, и им запрещался возврат на родину, а оставшиеся писатели и журналисты использовали псевдонимы. Их какая-либо связь с политической деятельностью грозила новыми арестами.

Вернувшиеся из советского плена бывшие солдаты и офицеры восточных батальонов в условиях «холодной войны» рассчитывали на снисхождение со стороны бельгийских властей. Но их постигло разочарование, т.е. многие из них были осуждены бельгийским судом.

Более жестко население и власти обращались с политическими коллаборационистами. Они были немедленно арестованы и посаже-

ны в специальные лагеря и тюрьмы. В ряде крупных городов страны стали обычными случаи покушений на членов семей таких коллаборационистов. В тюрьмах и лагерях они подвергались издевательствам. Многих из тех, кто добровольно возвращался на родину, участники Сопротивления нередко расстреливали без суда и следствия.

Бельгийские власти требовали от других стран, где скрывались политические коллаборационисты, их немедленной выдачи. Однако не везде эти требования выполнялись. Так, например, Франция в 1950 г. приняла решение впредь не удовлетворять подобные требования бельгийских властей, особенно в отношении тех, кто был осужден к смертной казни.

Это прежде всего касалось руководителя рексистов и командира «валлонского батальона» Л. Дегрелля и его ближайших соратников. В момент вступления союзных войск в Бельгию Дегреллю удалось бежать в Германию и в конце военных действий в конце апреля 1945 г. перебраться в Испанию. Франко, зная, что еще в 1944 г. Дегрелль заочно осужден к смерти, отказался удовлетворить требование Бельгии о его выдаче. Не помогло и вмешательство союзников. Дегрелль в это время исчез в неизвестном направлении. К этому вопросу Бельгия в октябре 1946 г. привлекла внимание и ООН. Испания снова ответила, что она не знает местопребывания Дегрелля, хотя стало известно, что он по-прежнему проживает в одном из провинциальных городков Испании. Более того, в 1949 г. в Париже он издал воспоминание о боях в России, которые в 1953 г. были переведены на немецкий язык под названием «Потерянный легион». Умер этот военный преступник в Испании много лет спустя после описываемых событий.

Каковы же общие итоги «чистки» от коллаборационистов в Бельгии?

В ходе этой кампании, которую одобряло и поддерживало подавляющее большинство населения, подверглось арестам до 200 тыс. человек, из них большая часть была лишь временно интернирована. Но 57 тыс. человек были осуждены на срок заключения до 20 лет. Официально было вынесено 238 смертных приговоров, но тысячи погибли от линчевания и других актов произвола со стороны участников Сопротивления за смерть их боевых товарищей и за то, что коллаборационисты опозорили честь и достоинство их родины.

Отношение бельгийцев к позиции коллаборационистов в период оккупации менялось в зависимости от общей военно-политической ситуации в Европе. Неудивительно, что именно с середины 1943 г. стала усиливаться ненависть простых бельгийцев к коллаборационистам. Они чаще получали угрожающие письма, вокруг них создавалась психологическая изоляция. Участились случаи убийств коллаборационистов и их самоубийств. Некоторые видные коллаборационисты-журналисты прекратили свою деятельность в газетах и журналах.

Кампания беспощадной мести коллаборационистам со стороны прежде всего участников Сопротивления, началась с первых дней вступления в Бельгию в первых числах сентября 1944 г. британских войск. Бывшие партизаны и подпольщики требовали смертной казни для всех без исключения коллаборационистов и участников вооруженной борьбы восточных батальонов. Но прибывшее на родину эмигрантское правительство на эту жестокую меру не пошло. Оно заявило, что не примет никакого решения, которое бы имело обратную силу. Но поскольку состояние войны между Бельгией и Германией некоторое время продолжалось и после прекращения военных действий, то недавно принятые решения относительно изменников родины продолжали угрожать неприкосновенности многих бельгийцев.

Принятые правительством меры привели к массовому увольнению чиновников только за то, что в годы оккупации от оккупационных властей они получали повышения по службе и другие поощрения, а также получали пенсии по высшим категориям. Деятельность государственного аппарата была этими репрессиями серьезно парализована.

С первых же дней после освобождения в некоторых населенных пунктах Бельгии участники Сопротивления выселяли реальных или мнимых коллаборационистов из их жилищ, сжигали их, уничтожали имущество. Подвергались унижениям и различным репрессиям бельгийские рабочие, выехавшие добровольно в Германию.

В органах юстиции было заведено почти 700 тыс. дел на подозреваемых в сотрудничестве с оккупантами. Многие из них были заключены в лагеря, условия в которых были схожи с немецкими. К смерти через повешение были осуждены сотни бывших легионеров, другие — кончали жизнь самоубийством. Лишь через несколько лет после войны органы юстиции стали более основательно рассматривать подобные дела и казни постепенно прекращались.

В первые послевоенные годы подверглись различным мерам наказания сотни журналистов и писателей, сотрудничавших с оккупантами. Особенно громким из таких судебных процессов стал процесс над известным во всей стране писателем, сотрудничавшим с рядом газет и журналов, Робертом Поле. Еще в январе 1943 г. он прекратил свое сотрудничество с Дегреллем и находился во «внутренней эмиграции». Тем не менее это обстоятельство, а также его высокие награды за участие в первой мировой войне не помогли писателю. Он был осужден к длительному тюремному заключению и ему запрещалось заниматься журналистской деятельностью. Но военный прокурор опротестовал это «мягкое» наказание и на вторичном процессе он был осужден к смерти. В последующем все-таки его помиловали.

Всего же, по некоторым данным, были осуждены к смерти и повешены более 70 журналистов.

В первое время после войны все военнослужащие валонских и фламандских формирований СС присуждались к смерти. Позднее

этому наказанию подвергались только офицеры и награжденные немецким железным крестом. Остальные получали от 10 до 20 лет тюрьмы. Характерно, что наказания за коллаборационизм на территории Фландрии были менее жестоким, чем в Валлонии, хотя именно фламандцы более активно участвовали в движении Сопротивления.

Несмотря на отмену многих приговоров или естественную смерть заключенных, все же в середине 1945 г. в переполненных тюрьмах еще находились около 15 тыс. коллаборационистов. Строились новые лагеря, куда переводились узники из тюрем.

Ненависть против коллаборационистов и тех, кого лишили бельгийского гражданства, среди населения и властей, в значительной мере состоявших из участников Сопротивления, была весьма стойкой. Так, военный прокурор Брюсселя в своем выступлении пригрозил 15 лет тюрьмы каждому, кто будет содействовать побегам коллаборационистов за границу.

Перед аншлюсом в Австрии проживало около 7 млн человек, из которых (1934 г.) 48251 человек составляли чехи, 42075 — хорваты, 31703 — словенцы и другие нацменьшинства. В последние месяцы войны в стране было зарегистрировано около полумиллиона рядовых нацистов и 43468 функционеров нацистской партии. После войны по состоянию на 1 апреля 1949 г. было возбуждено 125 тыс. дел, из которых 75372 (60%) вскоре было прекращено, 7122 обвиняемых судами были оправданы и 31 тыс. до 1949 г. ожидали решения. Из 11391 осужденного активного нациста к смерти были приговорены только 43 человека, к пожизненному заключению были приговорены 30 человек, к тюремному заключению сроком от 5 до 20 лет — 605 и тюремному заключению до 5 лет — 10713 человек. Из 43 смертных приговоров приведено в исполнение лишь в отношении 20 человек. Из 11310 осужденных к 1949 г. отбывали наказание 800 человек, остальные были выпущены на свободу под разными предлогами.

В Италии имелось слишком мало тюремных зданий для того, чтобы поместить всех арестованных во время чисток фашистов. Чтобы решить эту задачу, были устроены т.н. лагеря для интернированных. В одном из таких лагерей в г. Терни находились вдова дуче Рашель Муссолини, герцогини, принцессы, известные в стране писатели и другие так называемые «проминентные особы». В этом лагере режим содержания был сносным.

По-иному итальянские власти и союзные военные органы обращались с активными фашистами в лагерях, расположенных в Кольтано, Падуле и в некоторых других. По мере продвижения союзников на север Италии со стороны властей П.Бадольо и особенно со стороны партизан совершались акции возмездия над пойманными фашистами. Во многих населенных пунктах тюрьмы были переполнены, из которых заблаговременно освобождались политические заключенные времен Муссолини, но и уголовники. Естественно, в подобной ситуации значительно увеличилась преступность.

В конце апреля 1945 г. партизаны поймали и самочинно казнили Б.Муссолини и его любовницу, что вызвало ликование по всей Италии. Но было и другое. В местечке Предапио (около Милана) почитатели бывшего «дуче» вмуровали на кладбище в стену его прах с надписью — «кавалер Бенито». В 82-х летняя вдова Муссолини — Рашель добилась государственной пенсии за него, т.к. ее муж 6 лет работал учителем в начальной школе, 8,5 лет служил в армии и, наконец, на протяжении 20 лет 8 месяцев и 27 дней «работал в качестве дуче». Но вдова требовала еще большего, т.к. она является вдовой и бывшего премьер-министра, «освобожденного от своих обязанностей».

Аресты всех подозреваемых усилились независимо от того, была ли доказана их вина или речь шла только о подозрении. Союзники не вмешивались в эту вакханалию.

В первые послевоенные годы была устроена серия судебных процессов над видными деятелями фашистского движения и военными преступниками, виновными в коллаборационизме с гитлеровской Германией во вред своей стране. В октябре 1948 г. начался процесс над военным преступником маршалом Грациани, который в республике Сало занимал пост военного министра и сформировал новую итальянскую армию, сражавшуюся против партизан и союзных войск. Он был осужден к 19 годам тюрьмы, но был освобожден досрочно. Очевидцы рассказывают, что в январе 1955 г., когда он умер, на похоронной процессии участвовало несколько сот тысяч его сторонников, которые пели фашистский гимн и поднимали руки в фашистском приветствии.

Был также арестован генерал Роатта, итальянский посол в Берлине Ф.Анфузо, вице-король оккупированной Албании Якомини, ряд идеологов фашизма, публицистов, командующий итальянским экспедиционным корпусом во время гражданской войны в Испании.

В годы так называемой чистки от фашистов многих казнили самочинные партизанские трибуналы. Ее жертвами стали особенно в Сицилии и Южной Италии тысячи как виновных, так и безвинных граждан. То же происходило и в других регионах Италии. Так, по некоторым данным, было казнено фашистов в Коммо — 700 человек, в Мантуа — 80, в Реджо Эмилия — 1600, в Болонье — 3000, в Модене — 1400, в Лемере — 260, в провинции Бергамо — 4000, в Равенне — 550, во Флоренции — 2500, в Триесте — 4000 человек. Из 2000 казненных в Турине было свыше 400 женщин, которые частично со своими детьми были брошены в реку.

В районе Удино-Беллуно и Тревизо, ставшем печально знаменитым «треугольником смерти», было без суда и следствия убито 80000 человек. В самом Риме число убитых по обвинению в участии в фашистских преступлениях колебалось от 40000 до 60000 человек. В августе 1945 г. в одной лишь Ломбардии состоялось 276 судебных процессов, на которых было вынесено 275 приговоров, из них 25 человек были приговорены к смерти. Подобные про-

цессы состоялись в Пьемонте, Венеции и в других городах и регионах.

К октябрю 1946 г. в тюрьмах еще продолжали содержаться 50000 фашистов и к маю 1947 г. их оставалось около 3000 человек.

Что же касается «Республики Сало», то проводившаяся в ней чистка, по свидетельству очевидцев, протекала спокойно, репрессии применялись к тем «предателям», которые участвовали в свержении Муссолини. К ним были отнесены и повешены зять Муссолини министр иностранных дел граф Г.Чиано, два адмирала, виновные в выдаче союзникам итальянского флота, и пять членов Большого фашистского совета. Массового характера чистка не имела, что вызывало доверие населения к Муссолини.

14 ноября 1943 г. в Вероне состоялся съезд «Республиканской фашистской партии», принявший решение реорганизовать фашистский режим и провести демократизацию государственной власти. Однако своих прежних ошибок Муссолини не признавал и не намеревался создавать в Италии правовое государство.

Муссолини восстановил регулярную фашистскую армию и «Черные бригады» для борьбы с усиливавшейся партизанской деятельностью. О ее характере свидетельствуют данные о потерях чернорубашников: только в течение февраля – марта 1944 г. они потеряли 344 убитых и 339 раненых.

Брокдорф считает, что до капитуляции Италии и образовании двух итальянских правительств в сентябре 1943 г. в стране не существовало коллаборационизма с Германией. Однако это противоречит историческим фактам, которые подтверждают, что Италия если не потеряла, то во всяком случае вынуждена была ограничить свою прежнюю государственную независимость в конце 30-х годов и Муссолини стал сателлитом Гитлера с самого начала второй мировой войны. Когда север Италии был оккупирован вермахтом, а юг – западными союзниками, то возникла своеобразная двуединая оккупация страны, при которой на юге был установлен такой же жестокий режим террора и бесправия народа, как и на севере. Но от национального фашизма он все же был освобожден.

На юге страны с согласия союзных властей глава правительства маршал Бадольо 24 октября 1943 г. издал директиву, в которой все фашисты были разделены на три категории: высшие иерархи, партийные функционеры и лица, по разным причинам вынужденные были вступить в партию.

По мнению В.Брокдорфа сущность итальянского коллаборационизма во второй мировой войне состояла в специфической форме маккивализма, который она исповедовала в период между двумя мировыми войнами. Если в первой мировой войне она дважды меняла союзников и противников, то во второй Муссолини, став главой марионеточного правительства на севере страны, был верен союзу с Гитлером до конца, тогда как маршал Бадольо вместе с королем были сателлитами военных властей западных держав, войска которых оккупировали южные регионы Италии. В связи с этой

сложной и противоречивой ситуацией Брокдорф ставит вопрос: какое же из этих двух правительств является коллаборационистским. Он признает, что на этот вопрос ответить весьма сложно.

Трудности и неясности, встретившиеся во время первоначальной чистки, вынудили Бадольо в ноябре 1943 г. установить меры ответственности, которыми необходимо было руководствоваться во время чистки: все фашисты, виновные в подавлении гражданских свобод, должны быть лишены гражданских и политических прав; все итальянцы, которые после заключения перемирия сотрудничали как с союзниками, так и с немцами, должны быть осуждены особым судом; все фашисты должны быть отстранены от служебной деятельности; все чиновники, пострадавшие в годы фашистского режима, должны быть восстановлены на своих служебных местах; все фашистское законодательство отменяется и устанавливается новое демократическое законодательство.

В первые месяцы союзнической оккупации на юге Италии царили хаос, разгул преступлений и незаконные казни.

Кампанию чисток проводили специальные итальянские комитеты, партизаны и союзные военные трибуналы. Партизаны нередко совершали над фашистами суд Линча. Такие случаи наблюдались в районах Бари, Неаполя, на островах Сицилии и Сардинии. Волна чисток высшей точки достигла, когда союзники заняли Рим и с разрешения Бадольо началось создание так называемых «народных трибуналов», в которых активную роль играли партизаны. Ряд видных ученых потребовали лишать фашистов политических прав на протяжении 20 лет. Имелись случаи, когда некоторые коммунисты расстреливали не только фашистов, но и членов демократических партий, которым не нравилась ИКП и разоблачали ее попытки вооруженным путем захватить власть в стране.

Судебные процессы над итальянскими военными преступниками, сотрудничавшими с немцами, продолжались и в бывших оккупированных итальянцами странах. Так, в югославских районах Юлия-Венеция, Истрия и Далмация за время с сентября 1943 г. до конца войны бесчеловечными методами югославские партизаны убили свыше 2000 итальянских фашистов, а также более полумиллиона итальянцев, проживавших там издавна, были выселены в Италию.

Как утверждает немецкий историк В.Брокдорф, точное число жертв возмездия в годы чистки установить трудно, но оно, по примерным подсчетам, составляет от 200 тыс. до 300 тыс. человек, а подверглись различным репрессиям до 1 миллиона фашистов или тех, что извлекал личную выгоду из фашистского режима.

После завершения войны в Норвегии также началась серия судебных процессов над коллаборационистами. Исследователи норвежского коллаборационизма считают, что после окончания боевых действий не была отмечена бесчеловечная месть всем тем, кто в какой-либо мере сотрудничал с оккупантами. Здесь обстановка была гораздо либеральнее, чем, например, в Югославии, Франции

и в некоторых других странах Западной Европы. Однако все же новые норвежские власти за коллаборационализм с врагом привлекли к ответственности около 100 тыс. норвежцев, из них 40 тыс. были признаны активными коллаборационистами. Первое место среди них занимал, конечно, сам В.Квислинг, и, естественно, он оказался среди тех 45 предателей, которые были приговорены к смерти. Защитникам не удалось на суде доказать, что он лично не принимал решение о депортации в Германию 750 евреев, что он лично не содействовал вторжению немецких войск в Норвегию в 1940 г. Квислинг был казнен 24 октября 1945 г. в Осло на той площади, на которой в свое время он провозгласил создание своего «правительства».

Известно, что с 1870 г. смертная казнь в Норвегии была запрещена. Лишь в годы Второй мировой войны норвежское эмигрантское правительство временно восстановило ее для наказания национальных предателей, совершивших тяжкие преступления перед своим народом.

Первым из норвежских коллаборационистов сразу же после капитуляции Германии был арестован 86-летний К.Хамсун. Однако из-за болезни он не был осужден. Его жену содержали три года в лагере. Сам Хамсун был помещен в дом для престарелых в Гримстаде, где и умер 19 февраля 1952 г.

Из 100 тыс. норвежских рабочих, добровольно выехавших в Германию, были подвергнуты наказанию лишь те немногие, которые были повинны в совершении определенных антигосударственных поступков.

О мягкости наказания для большинства норвежских коллаборационистов свидетельствует и тот факт, что уже к началу 1946 г. парламент решил помиловать многих осужденных, так что к 1 ноября 1947 г. в 15 лагерях и нескольких тюрьмах содержались лишь 5300 бывших коллаборационистов.

В Нидерландах, как и во Франции и в некоторых других западных странах особому наказанию после войны подвергались представители интеллигенции за их коллаборационизм с оккупантами. Вернувшееся из Лондона эмигрантское правительство, а также руководители движения Сопротивления в стране не без основания считали, что до войны народ с уважением относился к деятелям искусства, художникам, писателям, журналистам, артистам. Поэтому их предательство интересов народа в годы оккупации вызвало естественное возмущение. Население считало, что их поведение в годы оккупации являлось не просто сотрудничеством с врагом, но и более серьезным преступлением — они духовно развращали соотечественников.

Все журналисты, которые в годы оккупации продолжали работать в своих газетах, даже не имевших никакого отношения к политике, предстали перед судом. Подверглись порицанию и спортивные журналисты, театральные критики, журналисты, освещавшие экономические и финансовые проблемы. Те же, кто сотрудничал в нидерландских пронемецких изданиях, были объявлены архиколлаборационистами и заключались в тюрьмы. Кроме того, затем на

несколько лет им запрещалось работать в области журналистики. Имущество всех газет и журналов коллаборационистского направления передавалось организациям, входившим в движение Сопротивления.

Полицейские, действовавшие в годы оккупации, также подверглись репрессиям. 13% из них были уволены, другие 15% за их антипатриотическое поведение могли оставаться на своих постах, но на протяжении ряда лет они не могли рассчитывать на продвижение по службе и в профессиональных званиях.

В указе королевы от 17 сентября 1944 г. параллельно с обычными судами была разрешена деятельность особых трибуналов, которые выносили бывшим крупным коллаборационистам особенно жесткие приговоры. Вот перечень деяний, по которым выносились судебные приговоры:

— совместное с немцами застолье;
— дружественные связи с немцами;
— разрешение, данное несовершеннолетним сыновьям, вступать во враждебные организации и встречи с немцами;
— публичное употребление гитлеровского приветствия;
— употребление в конце письма приветствия «НСД» «Hou Zee»;
— наличие в квартире портрета Гитлера;
— поздравления ко дню рождения рейхскомиссара Зейс-Инкварта;
— наличие абонемента на газету «НСД»;
— публично выраженная гордость быть немцем;
— характеристика союзных летчиков как «убийц».

Большие сложности нидерландские органы юстиции испытывали при определении наказания за коллаборационизм в экономической области. Первые попытки приравнять экономических коллаборационистов к политическим и подвергнуть их аналогичным наказаниям вызвали новые трудности и от них пришлось отказаться, несмотря на возражения руководителей некоторых радикальных групп Сопротивления. Было признано, что практически все промышленные предприятия в той или иной мере работали на Германию, но одновременно некоторые из них работали и в интересах своего народа.

Непростая ситуация возникла и в связи с определением коллаборационизма применительно к студентам и профессорам учебных заведений. Немецкие оккупационные власти в первые же месяцы потребовали, чтобы все студенты и профессора заявили о своей лояльности оккупационным властям и отказе от сотрудничества с эмигрантским правительством.

Значительная часть студентов и профессоров из тактических соображений подобные заявления вынуждена была подписать, за что после освобождения поплатилась не только исключением из университетов, но и свободой. С января 1947 г. эти меры были несколько смягчены, но бывшим членам «Национал-социалистического движения» А.Муссерта по-прежнему запрещалось работать и учиться в нидерландских университетах.

В целом в стране с населением в 10 млн жителей в тюрьмах, концлагерях и лагерях для интернированных находились свыше 200 тыс. человек, обвиненных в коллаборационизме, нередко испытывая там бесчеловечное обращение со стороны охраны и властей. Там же были заключены и десятки тысяч юношей и девушек моложе 18 лет только за то, что их родители были членами партии Муссерта. В лагерях среди них процветали проституция, гомосексуализм, венерические болезни. Некоторые нидерландские газеты сравнивали эти лагеря и порядки в них с гитлеровскими концлагерями.

Недовольство поспешными и необоснованными наказаниями узников получило в стране широкий размах, особенно в церковных кругах, вследствие чего правительство приняло жесткие меры против лагерных начальников, допускавших несправедливость. Но это были лишь отдельные случаи. В своем обращении к народу в конце 1948 г. королева Нидерландов оправдывала репрессии против коллаборационистов, нанесших стране и народу большой ущерб. Вместе с тем она выразила надежду на то, что наступит время, когда бывшие предатели снова включатся в демократическое общество. После этого выступления королевы постепенно свертывалась деятельность особых трибуналов, а в 1950 г. они вообще были ликвидированы.

Среди других многочисленных судебных процессов над бывшими коллаборационистами в Нидерландах наиболее громким стал процесс в ноябре 1945 г. над А.Муссертом. Прокурор обвинил его в попытке включить Нидерланды в состав Германии, во всесторонней поддержке оккупационной политики Германии в Нидерландах, в создании добровольческих легионов для борьбы на стороне вермахта на восточном фронте, а в конце войны и против англо-американских союзников и отправке нидерландских рабочих в Германию. На последнем заседании трибунала Муссерт был приговорен к смертной казни через повешение. После того как королева отвергла ходатайство о помиловании он был повешен 22 марта 1946 г.

Многие руководители национал-социалистического движения, военные преступники, офицеры СС и чиновники оккупационных властей, также были казнены, а, некоторые покончили жизнь самоубийством. Из 200 смертных приговоров были исполнены только 38. В ходе состоявшихся до 1948 г. помилований сотни узников получили сокращенные сроки пребывания в тюрьме. 127 тыс. нидерландцев были лишены избирательных прав, 92 тыс. — лишены права носить оружие, 95 тыс. чиновников были лишены своих постов, а 60 тыс. из них лишены нидерландского гражданства.

Таким образом, в коллаборационизме были обвинены свыше 420 тыс., не считая покончивших жизнь самоубийством и умерших в тюрьмах и лагерях. Так Нидерланды беспощадно расправлялись с теми своими гражданами, кто предал родину в самый трудный период их истории.

Такая небольшая страна как Великое герцогство Люксембург тоже довольно жестко наказала своих граждан, которые сотрудничали с немецкими оккупантами.

Еще в годы Первой мировой войны во время германской оккупации этой страны Великая герцогиня Мария Адельгейд оставалась на родине и вынуждена была сотрудничать с немецким командованием, чем страны Антанты были крайне недовольны. Великая герцогиня ушла в отставку и оставила страну. Умерла она 1924 г.

В 30-е годы в стране активизировались малочисленные прогерманские элементы. В 1936 г. возникла национал-социалистическая группа «Люксембургская молодежь», которая однако в общественной жизни никакой роли не играла. Тем не менее утром 10 мая 1940 г. все ее члены были арестованы и депортированы во Францию. Великая герцогиня Шарлотта и ее правительство выехали во Францию, затем в Англию и, наконец, в Соединенные Штаты.

В Берлине эмиграцию главы Люксембурга восприняли как враждебный акт и объявили о военной оккупации этой страны. Была отменена ее Конституция, немецкий язык стал обязательным в употреблении. Профашистским силам была предоставлена свобода действий. Профессор Д.Кратценберг основал организацию «Движение этнических немцев», которая ставила своей целью включение Люксембурга в состав Германии. Вскоре эта страна была присоединена к соседней немецкой провинции Мозель. Возникла местная организация НСДРП.

Мобилизация молодых люксембуржцев в вермахт с августа 1942 г. спровоцировала радиопризыв из Лондона поднять движение Сопротивления оккупантам. В ответ немцы депортировали в Германию почти 30 тысяч жителей Люксембурга.

Господство немецких оккупантов в этой стране продолжалось до сентября 1944 г., когда она была освобождена американскими войсками. Участники Сопротивления предприняли акции наказания против коллаборационистов. Они опирались при этом на дополнение к Уголовному кодексу, утвержденному в 1943 г., и разрешавшему применять смертную казнь к тем, кто сражался против родины и ее союзников и добровольно сотрудничал с немцами, поскольку вплоть до освобождения Люксембург будет находиться в состоянии войны с Германией. Но через несколько недель в конце 1944 г. во время контрнаступления вермахта американские войска вынуждены были покинуть Люксембург и началась волна арестов и казней антифашистов.

За годы оккупации из 10 тыс. люксембуржцев, служивших в вермахте, около 3 тыс. погибли на фронте и 5 тыс. люксембургских солдат дезертировали.

Окончательное освобождение территории Великого герцогства ранней весной 1945 г. привело к массовой чистке общественной и государственной жизни от бывших коллаборационистов. Из 270 тыс. жителей этой страны были арестованы свыше 10 тыс. коллаборационистов. По утверждению некоторых историков ни в одной освобожденной стране в Европе, политические чистки от коллаборационистов не определялись так непосредственно и сильно доносами нечестных людей как это наблюдалось в Люксембурге.

Поэтому имели место многочисленные случаи нарушения элементарных прав граждан. Тюрьмы и лагеря были переполнены. В первые же дни после освобождения страны более половины арестованных возвратились по домам. Но над оставшимися издевательства тюремной и лагерной администрации продолжались. Дело дошло до того, что некоторых узников в качестве наказания применяли для разминирования полей, что означало верную смерть или увечье.

Ненависть властей и участников Сопротивления была направлена прежде всего против сотрудничавших с оккупантами журналистов, писателей, чиновников, учителей. В наименьшей мере пострадали коллаборационисты-промышленники, которые наказывались практически символически. Считалось, что, продолжая производство и торговлю, они служили и своему народу. Исключение составляли лишь те, кто обеспечивал нужды вермахта.

Процесс политических чисток в Люксембурге, как и практически во всех других освобожденных странах, сопровождался неслыханной в мирное время коррупцией со стороны тех, от кого зависела судьба узников, которые были признаны коллаборационистами.

Общий итог национальных судебных процессов, проведенных с 1945 по 1955 гг. в странах Западной Европы, таков. Возбуждено судебное преследование против 136829 человек, из них 28140 — предъявлено конкретное обвинение. 13607 человек были осуждены: 269 человек — к лишению свободы от 10 и более лет, 27 — к пожизненному заключению и 43 — приговорены к смертной казни. Из них в отношении 30 смертников приговор был исполнен и двое покончили жизнь самоубийством.

Примечания

[1] Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 89. Переч. 73. Д. 2. Л. 5.
[2] Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ). Оп. 34. Пор. 66. Пап. 152. Д. Ге-622. Л. 201—202.
[3] Там же. Л. 192—198.
[4] АВП РФ. Ф. Германия-рефер. Оп. 34. Пор. 66. Пап. 152. Д. Ге-622. Л. 193.
[5] Там же. Л. 176—185.
[6] Там же. Л. 114.
[7] Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО). Ф. 32. Оп. 64599. Д. 82. Л. 56—75.
[8] АВП РФ. Ф. 74. Оп. 119. Д. 29. Т. VIII. Л. 23—24.
[9] АВП РФ. Ф. 74. Оп. 34. Пап. 117. Д. 25. Т. IV. Л. 96—100.
[10] АВП РФ. Ф. 453. Оп. 2. Пап. 7. Д. 2. Л. 75—76.
[11] АВП РФ. Ф. 74. Оп. 1. Пап. 1. Д. 2. Л. 3—4.
[12] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 202825. Д. 7. Л. 1—2.
[13] АВП РФ. Ф. 77. Оп. 19. Д. 7. Пап. 11а. Т. III. Л. 52.
[14] АВП РФ. Ф. 125. Оп. 32 «в». Пап. 164. Д. III. Т. II. Л. 40—41.
[15] Красная звезда. 18.5.1945.
[16] АВП РФ. Ф. 125. Оп. 33 «г». Пап. 166. Д. III. Т. VI. Л. 48—49.
[17] АВП РФ. Ф. 454. Оп. 1. Пап. 82. Д. 3. Л. 253.

Заключение

Итак, приведенные выше многочисленные факты о проявлениях коллаборационизма в годы Второй мировой войны, позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Коллаборационизм — это содействие в военное время агрессору со стороны граждан его жертвы в ущерб своей родине и народу. В условиях оккупации деятельность коллаборационистов представляет собой измену родине и в соответствии с международным правом они совершают военные преступления.

2. Истоки и причины появления коллаборационизма следует искать наряду с непосредственными условиями начала второй мировой войны и в сложной и противоречивой ситуации в период между двумя мировыми войнами, т.е. в 20—30-е годы. Экономические трудности, политическая нестабильность и нарушение моральных устоев в обществе привели к тому, что часть населения искала защиту у агрессивных фашистских режимов Германии и Италии. Некоторые коллаборационисты совершали предательство из идеологических и сугубо личных интересов. Часть военнопленных из армий стран антигитлеровской коалиции переходила на сторону противника, стремясь изменой родине спасти свою жизнь.

3. Диапазон форм проявления коллаборационизма весьма обширен — от сотрудничества с агрессором на государственном уровне, установленного странами-сателлитами Германии, до бытового уровня. В зависимости от того или иного уровня возникала и степень опасности для жертв агрессии. Наибольший ущерб своим странам и народам нанесли те государственные деятели, которые втянули свои страны в блок агрессоров, и те, кто с оружием в руках сражался против стран антигитлеровской коалиции, т.е. военные коллаборационисты. В меньшей мере причиняли вреда своим странам предприниматели, если они наряду с поставками военных материалов в Германию частично обеспечивали и жизнедеятельность своего населения. Коллаборационизм на бытовом уровне был неприемлем для большинства населения прежде всего из моральных соображений.

4. Ни в одной из оккупированных стран коллаборационизм не охватывал большинство населения. Но в отдельных странах коллаборационисты причиняли ущерб своим народам не только в материальном отношении, но и морально-психологически, ослабляя тем самым их волю к сопротивлению врагу.

5. После разгрома фашизма коллаборационисты понесли заслуженную кару. Состоявшиеся в первые послевоенные годы нацио-

нальные судебные процессы над наиболее активными коллаборационистами приговорили их к смертной казни. Это был их позорный конец, достойный их предательству своих народов.

6. Несмотря на сокрушительное поражение фашизма и его разновидности коллаборационизма, в локальных военных конфликтах, которые вспыхивали на протяжении ряда послевоенных десятилетий, имелись и еще имеются случаи сотрудничества с теми агрессивными силами, которые эти конфликты развязали. Подобные случаи имели место в конфликтах в регионах Южной Европы, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и Карибского бассейна.

Научное изучение истоков и форм коллаборационизма в минувшей войне и методов и способов борьбы против него будет содействовать более успешному разоблачению и политической изоляции современных коллаборационистов. Обобщить этот опыт и передать его современным антифашистским силам — такова была цель, которую автор поставил в предлагаемой книге.

Всем членам и кандидатам ЦК ВКП(б).
Секретарям обкомов, крайкомов,
ЦК компартий союзных республик,
Председателям обл. крайисполкомов, СНК республик.
Всем секретарям райкомов, горкомов и председателям
райисполкомов и горисполкомов.

Без публикации

Приказ
Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии[1]

№ 270

16 августа 1941 года

Не только друзья признают, но и врачи наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой — прямо героически. Даже те части нашей армии, которые случайно оторвались от армии и попали в окружение, сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен, стараются нанести врагу побольше вреда и выходят из окружения. Известно, что отдельные части нашей армии, попав в окружение врага, используют все возможности для того, чтобы нанести врагу поражение и вырваться из окружения.

Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окруженной немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45 дней дрались в тылу врага и пробились к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномета, 15 станковых пулеметов, 3 ручных пулемета, 1 самолет на аэродроме в склад авиабомб. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил немцев войсками, вывел из окружения вооруженных 1654 красноармейца и командира, из них 100 раненых.

Комиссар 8 мех. корпуса бригадный комиссар Попель и командир 406 сп полковник Новиков с боем вывели из окружения вооруженных 1778 человек. В упорных боях с немцами группа Новикова—Попеля прошла 650 километров, нанося огромные потери тылам врага.

Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов и член Военного совета армейский комиссар 2 ранга Бирюков с боями вывели из окружения 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии и организовали выход из окружения 108-й и 61-й стрелковых дивизий.

Все эти и другие многочисленные подобные факты свидетельствуют о стойкости наших войск, высоком моральном духе наших бойцов, командиров и комиссаров.

---

[1] Здесь и далее документы публикуются в орфографии оригинала. — *М.С.*

Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск и окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробились из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдаться в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему заклятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти трусливые элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков и батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или из красноармейцев.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедля смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ:

Председатель Государственного Комитета Обороны — И.СТАЛИН
Зам. Председателя Государственного Комитета Обороны — В.МОЛОТОВ
Маршал Советского Союза — С.БУДЕННЫЙ
Маршал Советского Союза — К.ВОРОШИЛОВ
Маршал Советского Союза — С.ТИМОШЕНКО
Маршал Советского Союза — Б.ШАПОШНИКОВ
Генерал армии — Г.ЖУКОВ

Приказ Ставки Верховного Главного Командования об уничтожении населенных пунктов в прифронтовой полосе

№ 0428
г. Москва

17 ноября 1941 г.
экз. № 18
Секретно

Опыт последнего месяца войны показал, что германская армия плохо приспособлена к войне в зимних условиях, не имеет теплого одеяния и, испытывая огромные трудности от наступивших морозов, ютится в прифронтовой полосе в населенных пунктах. Самонадеянный до наглости противник собирался зимовать в теплых домах Москвы и Ленинграда, но этому воспрепятствовали действия наших войск. На обширных участках фронта немецкие войска, встретив упорное сопротивление наших частей, вынужденно перешли к обороне и расположились в населенных пунктах вдоль дорог на 20 – 30 км по обе их стороны. Немецкие солдаты живут, как правило, в городах, в местечках, в деревнях в крестьянских избах, сараях, ригах, банях близ фронта, а штабы германских частей размещаются в более крупных населенных пунктах и городах, прячутся в подвальных помещениях, используя их в качестве укрытия от нашей авиации и артиллерии. Советское население этих пунктов обычно выселяют и выбрасывают вон немецкие захватчики.

Лишить германскую армию возможности располагаться в селах и городах, выгнать немецких захватчиков из всех населенных пунктов на холод в поле, выкурить их из всех помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом – такова неотложная задача, от решения которой во многом зависит ускорение разгрома врага и разложение его армии.

Ставка Верховного Главного Командования **приказывает**:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40 – 60 км в глубину от переднего края и на 20 – 30 км вправо и влево от дорог.

Для уничтожения населенных пунктов в указанном радиусе действия бросить немедленно авиацию, широко использовать артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы, снабженные бутылками с зажигательной смесью, гранатами и подрывными средствами.

2. В каждом полку создать команды охотников по 20 – 30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников, тщательно разъясняя им задачи и значение этого мероприятия для разгрома германской армии. Выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов, в которых расположены немецкие войска, представлять к правительственной награде.

3. При вынужденном отходе наших частей на том или другом участке уводить с собой советское население и обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать. В первую очередь для этой цели использовать выделенные в полках команды охотников.

4. Военным советам фронтов и отдельных армий систематически проверять как выполняются задания по уничтожению населенных пунктов в указанном выше радиусе от линии фронта, Ставке через каждые 3 дня отдельной сводкой доносить, сколько и какие населенные пункты уничтожены за прошедшие дни и какими средствами достигнуты эти результаты.

Ставка Верховного Главного Командования

И.Сталин
Б.Шапошников

АВП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 479. Л. 104 – 105.

Прокурору СССР т. Сафонову
от Прокурора ЧИАССР. 29.12.41

Справка по делу контрреволюционной повстанческой группы в Шатоевском районе

11 ноября 1941 г. мы вам сообщили о вооруженном выступлении группы враждебных элементов в Шатоевском районе. Принятыми мерами повстанческая группа рассеяна, активные ее участники арестованы и привлекаются к уголовной ответственности по ст. 58-2 и 58-11 УК.

1. Арестован Басаев М., 50 лет, житель хутора Тумсой, активный участник вооруженного восстания в Шатое и организатор повстанческой группы. 24 ноября на допросе он показал, что в контрреволюционную группу для вооруженного восстания он был завербован в августе 1941 г. адвокатом Шатоевского района Исраиловым Х. При вербовке Исраилов поставил задачу: вести работу о распространении контрреволюционных слухов о том, что якобы Советской власти в ЧИАССР не существует, готовить людей к вооруженному выступлению.

2. Арестован активный участник вооруженного выступления Джангиреев Г., 1877 г. рождения.

3. Арестован Джангиреев Н., 60 лет... Он показал, что они приняли на Коране присягу бороться вооруженным путем против Советской власти...

4. Арестован Янарсаев А., 1894 г. рождения...

По делу арестовано 6 человек, следствие продолжается.

Сов. секретно

Справка
о мероприятиях ленинградского штаба партизанского движения по организации розыска и эвакуации из тыла противника лиц командного состава 2-й Ударной армии Волховского фронта

В связи с получением радиотелеграммы командира партизанского отряда тов. Сазонова, извещающей о том, что к ним явился генерал связи 2 армии тов. Афанасьев, а комвойсками и начштаба этой армии т.т. Власов и Виноградов живы, были приняты следующие меры:

а) командиру отряда т. Сазонову радиограммой было приказано держать Афанасьева при себе, принять меры к розыску Власова и Виноградова, подыскать посадочную площадку для самолета, доложить в чем нуждается и держать по всем этим вопросам непрерывную радиосвязь со штабом;

б) О местонахождении командных лиц 2-й армии было сообщено Военному Совету Ленинградского фронта, Комвойсками Волховского фронта тов. Мерецкову, в Центральный штаб партизанского движения тов. Пономаренко;

в) введено круглосуточное дежурство лучших радистов на главрации штаба для осуществления связи с отрядом т. Сазонова и осуществления непрерывной информации командования Волховского фронта об обстановке в районе нахождения Власова, Виноградова, Афанасьева.

В последующем, в результате обмена радиограммами с Сазоновым, когда выяснились некоторые подробности о Власове, Виноградове, а также обстановка в районе действий, были приняты и проведены в жизнь ряд других решений, направленных к выполнению задачи Ставки Главнокомандования и указаний секретаря ЦК ВКП(б) т. Жданова А.А., а именно:

1. Из Малой Вишеры отряду Сазонова сброшены с 2 самолетов продукты, боеприпасы и 2 радиста.

2. В район действий отряда Сазонова с самолетов на парашютах сброшен партизанский отряд Косицина в составе 50 лучших партизан вооруженных полностью автоматами. Отряду поставлена задача: выполнить задание Ставки Главнокомандования, разыскать Власова, Виноградова, а в случае их пленения отбить у противника и эвакуировать из тыла противника.

3. В распоряжении Военсовета Волховского фронта срочно переброшен радист Степанов с позывными, расписанием и шифром для осуществления непосредственной связи фронта с Сазоновым и лицами из 2 армии в его отряде.

4. Организована и осуществлена средствами Волховского фронта, с помощью отряда Сазонова эвакуация генерал-майора связи Афанасьева из тыла противника в Малую Вишеру.

5. Из партизанского края направлено для действий на коммуникациях Луга Струги Красные — Псков и Порхов — Псков три отборных, хорошо вооруженных партизанских отряда. Отрядам поставлена задача: предупредить, в случае пленения лиц из командования 2 армии увоз их в немецкий тыл, нападать на автомашины, захватывать в плен немецких офицеров, документы, не пропускать поездов с пленными, отбивать их у противника.

О последовательности проведения в жизнь всех этих мероприятий можно судить по обмену радиограммами между штабом и отрядом Сазонова и оперативными группами штаба при Военных Советах Волховского и Северо-Западного фронтов. (см. приложение).

Работа по розыску лиц командного состава 2-й ударной армии продолжается.

НАЧАЛЬНИК ЛЕНИНГРАДСКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ (НИКИТИН)
НАЧАЛЬНИК ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА ШТАБА (АЛЕКСЕЕВ)

Военная присяга казаков, служивших в войсках вермахта[1]

Обещаю и клянусь Всемогущим Богом, перед Святым Евангелием в том, что буду Вождю Новой Европы и Германского народа Адольфу Гитлеру верно служить и буду бороться с большевизмом, не щадя своей жизни до последней капли крови.

Все законы и приказания от поставленных Вождем Германского народа Адольфа Гитлера начальников отданные, по всей силе и воле исполнять буду.

В поле и крепостях, в окопах, на воде, на воздухе, на суше, в сражениях, стычках, разъездах, полетах, осадах и штурмах буду оказывать врагу храброе сопротивление и все буду делать, верно служа вместе с Германским воинством защите Новой Европы и родного моего войска от большевистского рабства и достижению полной победы Германии над большевизмом и его союзниками.

Если узнаю о чем-нибудь, вредящем общему делу борьбы за свободу Европы и наших родных казачьих краев, не только заблаговременно о том объявлю, но всеми способами постараюсь отвратить и уничтожить зло.

Всякую вверенную мне тайну крепко буду хранить.

Поставленным надо мною начальникам, как немецким, так и своим казачьим, во всем буду послушен и все буду делать по совести. Ни своя корысть, ни свойство, ни родство, ни дружба, ни вражда не совратят меня от данной мною присяги.

От команды и полка, к которому принадлежу, ни в поле, ни в обозе, ни в гарнизоне, какая опасность мне не угрожала бы, пока жив, отлучаться не буду и, хотя и раненый, следовать за ним буду, и везде, и во всем себя буду так вести и поступать, как то честному, верному, послушному, храброму и расторопному казаку надлежит.

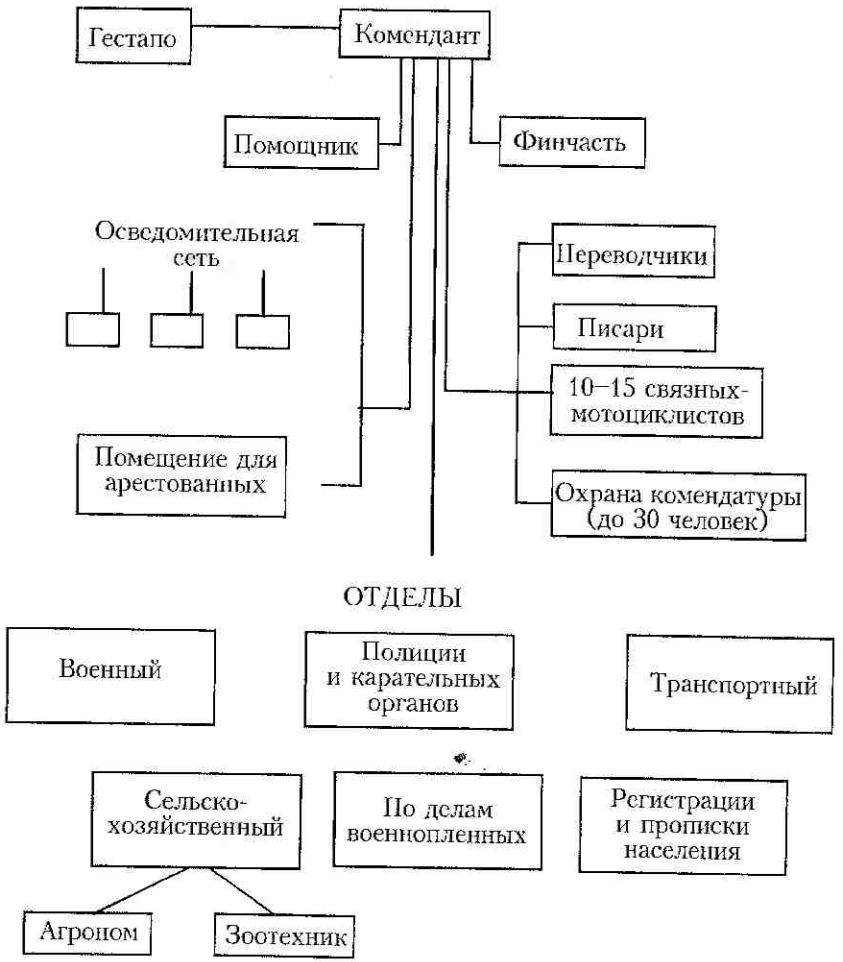
В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий.

В заключение сей клятвы целую Слова и Крест Спасителя Моего. Аминь.

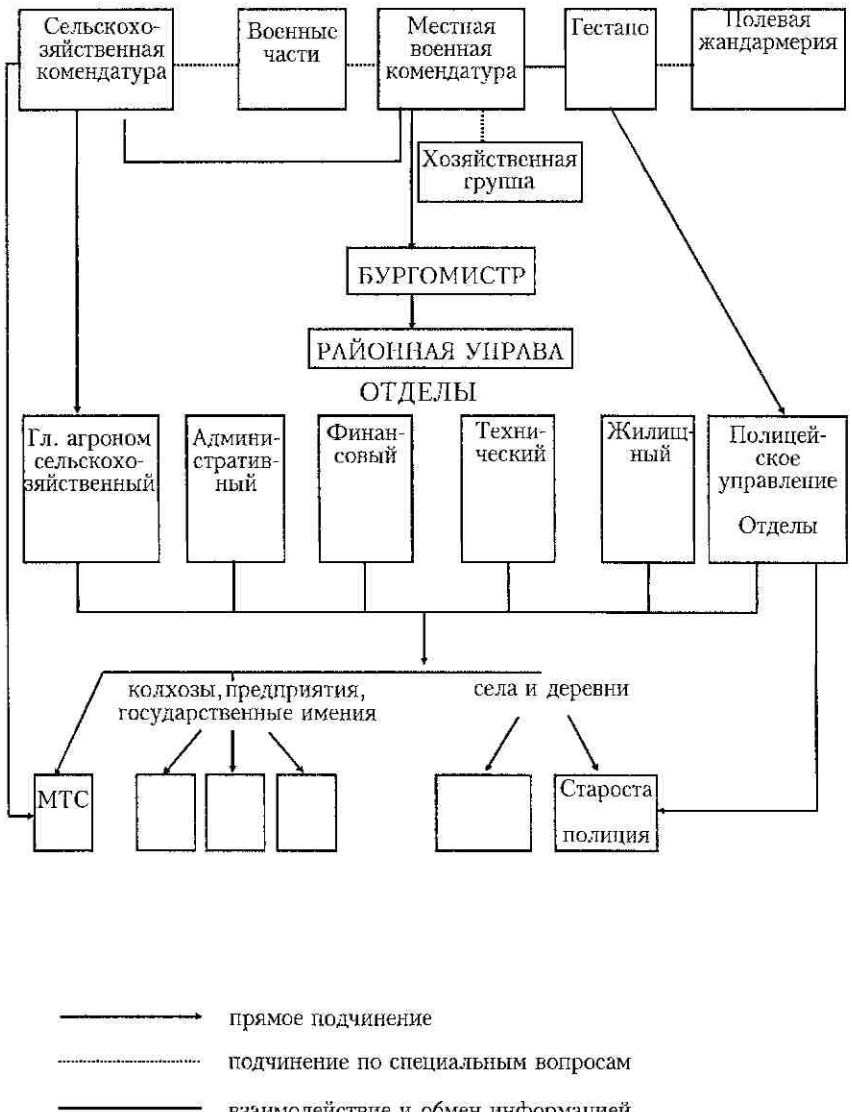
1 На казачьем посту (2-х недельный общеказачий журнал). Берлин, 1943. 1 ноября. № 13. С. 4.

Организация германской местной военной комендатуры на Кубани в период оккупации

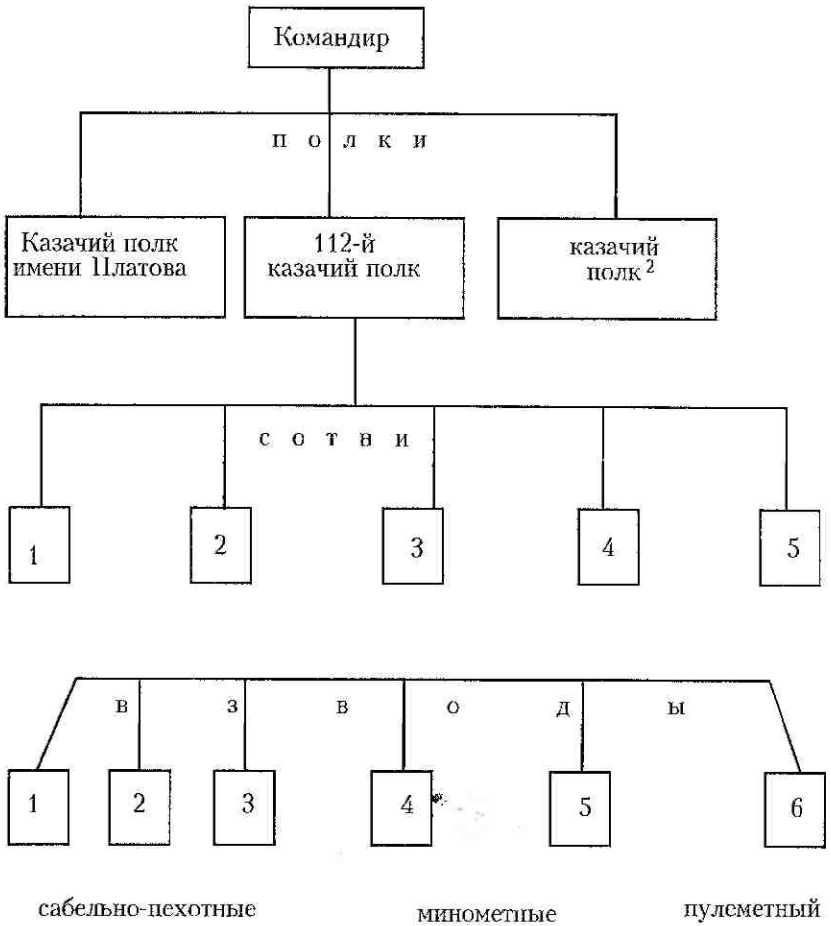
[1] РЦХИДНИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. Л. 144.

Организация управления оккупированными сельскими районами Кубани[1]

[1] Составлено по материалам : РЦХИДНИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 7. ГА КК. Ф. Р-469, Р-493, Р-498, Р-1324.

Структура 7 добровольческой казачьей дивизии[1]

[1]ЦДНИ КК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

[2]Название не установлено

Сов. секретно

НАЧАЛЬНИКАМ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ШТАБОВ
И ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ШТАБА
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ФРОНТАХ
ТОЛЬКО:_____

УКАЗАНИЯ
о способах разложения антисоветских отрядов и частей, формируемых немцами на оккупированной территории

Немецкая армия под ударами Красной Армии на фронтах и партизанских отрядов в тылу противника несет огромные потери в живой силе и технике. Враг напрягает все свои силы, подбрасывает на фронт новые резервы и вынужден держать у себя в тылу большое количество войск для борьбы с партизанами.

Немецкое командование всеми средствами стремится высвободить и вывести из боев с партизанами свои части для посылки на фронт. Немцы рассчитывают достичь этой цели тем, что втравить в борьбу с партизанами неустойчивую часть местного населения и военнопленных. Для этого германское командование на территории оккупированных областей Украины, Белоруссии, Литвы, Эстонии, Латвии и друг. формирует так называемые «добровольческие» отряды и части. Оккупанты прилагают усилия к тому, чтобы эти формирования свести в армейские соединения с задачей охраны своего тыла.

Помимо предателей, идущих добровольно на службу к оккупантам, немцы системой террора, обмана, шантажа и принудительными мобилизациями добиваются того, что некоторая часть местного населения и военнопленных пополняет эти отряды.

Борьба с антисоветскими отрядами и частями в тылу противника существенно облегчается тем, что устойчивость этих отрядов весьма незначительная. Имеется много случаев, когда при первом же столкновении с партизанами полицейские и каратели разбегаются и частично переходят на сторону партизан.

Это показывает, что имеются все возможности для разложения создаваемых немцами формирований из населения и военнопленных.

Пресечь стремление врага вовлечь население захваченных местностей в борьбу против народного партизанского движения и разложить созданные немцами «добровольческие» формирования — это неотложная и важная задача партизанских отрядов.

Во исполнение этой задачи нужно провести следующие мероприятия:

1. Начальникам территориальных штабов, Представителям Центрального Штаба партизанского движения на фронтах и командирам партизанских отрядов обратить серьезное внимание на выявление, учет и изучение дислокации, организацию и порядок комплектования, численность и вооружение, цели и ближайшие задачи антисоветских т.н. «добровольческих» формирований в тылу противника.

2. На основе изучение связей командного состава этих отрядов и частей с местным населением приобретать агентуру из числа командиров подразделений антисоветских формирований, а также засылать в такие отряды своих надежных людей.

3. Через проверенную агентуру проводить работу по разложению подобных антисоветских формирований, добиваясь перехода личного состава их с оружием на сторону партизан.

Выявлять среди командиров и рядовых этих отрядов лиц с колеблющимися и неустойчивыми настроениями и создавать из них подпольные группы для разложения отрядов изнутри.

4. Каждому такому перебежчику предоставлять возможность искупить свою вину личным участием в борьбе за освобождение Родины от немецко-фашистских захватчиков. Не допускать этих перебежчиков на командные должности в партизанских отрядах и обеспечить за ними постоянное наблюдение.

5. Через местное население широко распространять сведения о хорошем обращении с перешедшими на сторону партизан, распространять в населенных пунктах листовки, предупреждающие всех находящихся в антисоветских формированиях о том, что служба у немцев является изменой Родине и что лица, желающие обеспечить себе поворот в ряды советской общественности, обязаны обратить оружие против гитлеровских разбойников.

6. Практиковать обращение групп и одиночек перебежчиков к личному составу антисоветских формирований, в которых склонять их к переходу подразделениями и соединениями на сторону партизан, призывать повернуть оружие против немцев.

В целях проверки честности подобных намерений, требовать от групп-подразделений, соединений, намеревающихся перейти к партизанам, предварительного проведения операций по разгрому и истреблению местных немецких гарнизонов.

7. Отрядам-частям, перешедшим в полном составе и вооружении на сторону партизан, после очистки личного их состава от враждебных элементов, выделять специальные районы действий и ставить самостоятельные боевые задачи, не допуская объединения их с основными силами партизанских формирований. Создавать, однако, в таких отрядах надежное ядро из числа проверенных партизан и назначать свое командование.

8. Беспощадно истреблять или захватывать в плен организаторов и активно проявляющих себя командиров карательных и полицейских отрядов, в первую очередь подвергать уничтожению белогвардейцев, сотрудничающих с оккупантами.

9. Проводить агентурные комбинации в целях компромстации перед немцами лиц командного состава антисоветских формирований, добиваясь таким путем их физического истребления.

Каждый такой случай уничтожения немцами лиц командного состава «добровольческих» отрядов и частей использовать в наших пропагандистских целях.

10. Срывать всеми возможными мерами проводимые немцами мобилизации, вести борьбу за мужское население, оставшееся на оккупированной территории, создавать новые партизанские отряды и скрытые боевые резервы партизанского движения.

О ходе выполнения настоящих указаний информировать начальника 2-го отдела Центрального Штаба партизанского движения к 15 числу каждого месяца. Первая докладная записка по затронутому вопросу ожидается к 15 ноября.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ПАРТИЗАНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА К.ВОРОШИЛОВ

НАЧАЛЬНИК ЦЕНТРАЛЬНОГО ШТАБА
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ П.ПОНОМАРЕНКО

№ 1492/СС «6» ноября 1942 г.

Из справки ЦШПД о формировании национальных частей на оккупированной территории СССР на 10.11.1942.

Германское командование усиленно проводит формирование так называемых «добровольческих» отрядов и частей из различных национальностей на временно оккупированной территории СССР.

Отряды и части создаются: русские, украинские, белорусские, узбекские, калмыцкие, литовские, латвийские и другие.

Задачи, которые ставятся немецким командованием перед этими частями сводятся к следующему:

борьба с партизанским движением,

охрана объектов и поддержка фашистского режима на оккупированных территориях,

пополнение германских частей на фронте.

Таким образом, (...) немецкое командование стремится обеспечить охрану тыла при незначительном количестве своих кадровых частей, направляя основные свои кадровые части (...) на фронт.

Наряду с этими задачами, немецкое командование преследует и политические цели — создать видимость непрочности советского тыла — условия для возникновения гражданской войны в СССР.

Однако (...) расчеты немецкого командования не оправдываются. Сформированные (...) части в силу неоднородности (...) и наличия в них большого количества принудительно мобилизованных – неустойчивы. Многие эти отряды и части при столкновении с партизанами оказываются совершенно небоеспособными. Фашистская националистическая травля не прививается к основным массам (солдат. *С.Д.*) этих формирований, есть уже случаи полного разложения и распада этих частей и немецкому командованию приходится чем далее, тем все более держать эти (...) формирования под контролем своих немецких войск.

Формы и методы комплектования.

В начале оккупации советских районов для поддержания фашистского режима немецкое командование создало из числа дезертиров, белогвардейцев, кулацких и уголовных элементов добровольческие полицейские формирования. Но, в связи с возрастающим партизанским движением, полиция оказалась не в силах справиться с задачами охраны тыла. Тогда, начиная с конца 1941 г. немцы начали формировать из числа антисоветских элементов отдельные войсковые добровольческие отряды и части.

Однако число добровольцев оказалось слишком незначительным для укомплектования намечаемых частей и немецкое командование (...) приступило к формированию отдельных национальных частей из числа военнопленных и местных жителей путем скрытой мобилизации под маркой «добровольности». Но в последнее время — летом и осенью этого года — большие потери на фронте и рост партизанского движения в тылу вынуждают немецкое командование перейти к открытой мобилизации (под угрозой привлечения по законам военного времени к военно-полевому суду).

Следует отметить, что жесткий режим в лагерях принуждает многих военнопленных идти в формируемые части во избежание голодной смерти, в надежде облегчить переход на сторону Красной Армии и партизан.

Наряду с принудительными и репрессивными методами при комплектовании национальных частей немецкое командование широко применяет всевозможные способы подкупа:

«Антипартизанские отряды следует укомплектовывать из русских под командованием немцев. Русские крестьяне, получившие землю или собственность, и те русские, которые пострадали от партизан — наши лучшие союзники в борьбе с партизанскими бандами. Все русские, воюющие на нашей стороне, должны быть хорошо обеспечены. (...) Щедрость здесь весьма кстати и сохранит нам много немецкой крови...»

Как правило, все эти отряды и части, находятся под строгим надзором немецкого командования. Во многих частях командование немецкое, для благонадежности влит порядочный процент немецкого рядового состава.

Некоторым частям, как «отрядам вольного казачества» оружие не доверяется и выдается только по мере необходимости.

Из всего этого видно, что политико-моральное состояние этих частей не может быть устойчивым.

Рост партизанского движения, принудительная мобилизация населения и вся грабительская система немцев на оккупированных территория все больше и глубже заражают создающиеся добровольческие отряды и части антинемецкими настроениями и создают почву для их разложения или распада.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 739. Л. 15—20.

Приказ начальника Генерального штаба ОКХ
№ 8000/42

«Положение о местных вспомогательных силах на Востоке»[1].

1. Подбор.

Подбором добровольцев из местных жителей и русских солдат (военнопленных) ведает батальон.

Принимает присягу на верность Фюреру -- штаб батальона.

2. Использование.

Подбор добровольцев преследует (цель) заменить немецких солдат добровольцами.

Из добровольцев создаются строительный батальон, вспомогательные части по борьбе с партизанами и т.п.

Немецких солдат использовать в действующих частях.

Запрещается постоянное использование добровольцев денщиками, дровоколами и т.п. (всякое использование на нештатных должностях).

3. Личный учет.

Ведется список добровольцев, принявших присягу, и регистрация учетных карточек в батальоне.

На каждого добровольца до получения им учетной книжки составляется учетная карточка в 2-х экземплярах (один экземпляр у добровольца, второй – в его личном деле). На учетной карточке ставится номер полевой почты батальона. Номер учетной карточки служит номером (личным) добровольца.

На каждого добровольца составляется анкета, которая по ликвидации надобности ликвидируется. В анкете вписываются личные наклонности, ранее занимаемые должности и специальное образование (слесарь, шофер, повар и т.д.).

4. Руководящие указания по обращению с добровольцами.

Добровольцы идут к нам, чтобы создать себе лучшие условия в настоящем и будущем, а поэтому необходимо создать для них лучшие жизненные условия. Воспитывать их в духе борцов с большевизмом. Прививать им «воинскую гордость» (путем выдачи обмундирования и знаков различия). Немецкий солдат должен быть образцом для добровольцев. Младший комсостав специально подбирать для обслуживания добровольцев.

Препятствовать панибратству. Немецкий солдат должен оставить за собой превосходство, но в то же время проявлять заботу о добровольцах.

Добровольцев, говорящих по-немецки, назначать доверенными лицами.

5. Осуществление власти, дисциплина, взыскания.

Дисциплинарные взыскания на добровольцев накладывать как и на немецких солдат (денежные взыскания не налагать). Полученные показания[2] добровольцев заносить в его анкетный лист.

Самым большим наказанием должно быть направление в лагерь военнопленных (бывших гражданских лиц направлять в гражданский лагерь). Знаки отличия изымать.

6. Одежда и знаки различия.

---

[1] Перевод документа, захваченного в районе Касторное 31.1.1943.

[2] Так в тексте, по-видимому «взыскания».

Добровольцы носят свою русскую военную форму или гражданское платье с повязкой на левый рукав с подписью «На службе немецкой армии».

В отдельных случаях выдается старая форма немецкой армии.

Единообразие формы соблюдать не обязательно.

7. Денежное содержание.

Денежный вопрос урегулирован в «Положении о местных вспомогательных силах на Востоке».

Добровольцы получают содержание по 3-м разрядам:

1 разряд — 30 марок — 375 руб.
2 разряд — 36 марок — 450 руб.
3 разряд — 42 марки — 525 руб.

Первый разряд могут получать все добровольцы. Второй разряд — до 20% всего состава добровольцев. Третий разряд — 10% добровольцев.

Каждый перевод во 2-й и 3-й разряд должен быть подтвержден письменным распоряжением командира батальона.

8. Продовольствие.

Добровольцы получают продовольствие бесплатно в таком же количестве, как и солдаты данного подразделения.

9. Расквартирование.

Квартиры (предоставляются) бесплатно. Добровольцы размещаются отдельно от немецких солдат. Обеспечивать охрану, особенно на случай налета русских солдат и партизан.

10. Медицинская помощь.

Медицинская помощь добровольцам оказывается бесплатно.

11. Обучение и вооружение.

Вооружение добровольцам выдается не всегда. Запрещается выставлять добровольцев на охрану складов с боеприпасами и оружием.

12. Отпуск.

Отпуск санкционируется только батальоном в деревню, занятую немцами (к родным) после проверки.

13. Надзор в целях предотвращения шпионажа.

Надзором за добровольцами в целях предотвращения шпионажа ведают, в первую очередь, главные фельдфебели (главные вахмистры) подразделений. К добровольцам необходимо по возможности засылать тайных агентов.

Постоянный надзор за добровольцами ввиду засылки русских агентов в ряды добровольцев. Батальонный офицер по контрразведке должен наблюдать за связями добровольцев среди местного населения.

Установить обязательную 2-х месячную проверку добровольцев оставшихся и перебежчиков.

РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 742. Л. 2–3.

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

СОСТОЯНИЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА УКРАИНЕ
на 1.3.1943 г.

1. На 1.3.43 г. на оккупированной территории Украины действует 74 партизанских отряда общей численностью 12.631 человек.

Количество партизанских отрядов по областям:

Область	Число отрядов	Число раций	Численность	Вышло в наш тыл в связи с наступлением К.А.
Сталинская и Ворошиловградская	—	—	—	4 отряда — 137 чел.
Харьковская	—	—	—	8 отр. — 94 чел.
Полтавская	1	—	100	—
Кировоградская	9	8	1914	—
Сумская	17	12	2075	—
Черниговская	11	15	1621	—
Киевская	12	11	2051	—
Житомирская	17	5	3217	—
Винницкая	1	—	600	—
Ровенская	5	2	1049	—
М.ССР	1	2	5	—
Всего:	74	45	12632	12 отряд. — 231 чел.

Кроме того, по донесениям партизанских отрядов в Ровенской, Житомирской и других областях насчитывается до 50.000 чел. В Сумской, Полтавской и Кировоградской областях также существуют большие партизанские резервы не установленной численности.

2. Развитие партизанского движения на Украине встречало трудности, основными из которых были:

а) отсутствие благоприятных условий в центральных и южных областях Украины и в особенности отсутствие крупных лесных массивов, что делало невозможным маневр партизанских отрядов;

б) наличие густой сети железных и шоссейных дорог облегчало быструю переброску моторизованных карательных и полицейских частей;

в) особое значение имело то обстоятельство, что первоначальная малочисленность партизанских ячеек и баз не могла обеспечить повсеместное, широкое развитие партизанского движения, поэтому для развития движения необходимо было приложить особые усилия по линии организационных мероприятий, проведение которых неуклонно стало сказываться как на линии численности партизанских отрядов, так и по результатам их боевой деятельности.

Развитие партизанского движения на Украине характеризуется следующими данными:

Дата	1.7.42	1.8.42	25.10.42	25.11.42	10.12.42	10.1.43	1.2.43	1.3.43
Число действующих отрядов	22	34	40	46	58	60	61	74
Численность партизан в отрядах	3310	4925	5127	9397	10452	12199	14922	12631
В том числе резервы партизанск. отрядов	—	—	—	1000	2000	3000	4500	60000

3. В 1941 г. на территории Украины было оставлено в подполье 23 обкома КП(б)У, 63 горкома и 564 райкома КП(б)У.

Однако, с большинством подпольных партийных организаций были утрачены связи и в последнее время существовала связь с Харьковским, Днепропетровским, Сумским, Сталинским, Черниговским и Николаевским обкомами КП(б)У. В настоящее время в Киевской и Житомирской областях находятся уполномоченные ЦК КП(б)У, которыми создано 10 подпольных партийных организаций. Подготовлены к выброске по воздуху подпольные обкомы КП(б)У Винницкой, Каменец-Подольской, Ровенской и Львовской областей.

На территории Украины в настоящее время регулярно издается 5 печатных газет, общим тиражем в 2.000—2.500 экземпляров.

За период отечественной войны партизанскими отрядами и подпольными партийными организациями выпущено и распространено среди местного населения десятки миллионов листовок, сообщений Совинформбюро, «Вестей с Родины» и т.п.

4. Противник, бросавший большие силы для борьбы с партизанским движением, предпринимал наибольшие усилия к тому, чтобы ликвидировать партизанское движение на Украине.

Вытеснение из пределов Украины отрядов Ковпака и Федорова, насаждение вдоль границ смежных с Белоруссией сильных полицейских гарнизонов свидетельствовали о далеко идущих целях противника:

а) оставить наиболее важные коммуникации юга вне воздействия на них партизанских отрядов;

б) не допустить партизанское движение на Украину, имеющую большие скрытые резервы партизанского движения и богатейшие продовольственные ресурсы;

в) использовать людские резервы Украины и комплектовать из них не только полицейские отряды, «национальные армии», но и воинские части для отправки на западный фронт противника;

г) беспрепятственно выкачивать с Украины сырье, продовольствие, оборудование и т.д.

Противник осуществляет борьбу с крупными партизанскими отрядами путем сосредоточения полицейских и воинских частей, поддержанных танками и авиацией, и против мелких отрядов выделяет специальные подразделения в помощь полицейским гарнизонам.

5. Обстановка, сложившаяся на Украине, характеризуется следующими факторами:

а) Экономическое ограбление, террор, и принудительная отправка в Германию, — подняли ненависть украинского народа к поработителям и созданному ими режиму.

б) Успешные рейды Ковпака, Сабурова, Воронцова, Попудренко, Наумова свидетельствуют о неуклонном росте симпатий населения к партизанам и племенной любви к родине советских патриотов.

в) Проникающие вести с Родины об успехах советского оружия вселяют среди местного населения уверенность в скором освобождении от немецких захватчиков и повсеместно пробуждают потребность в активных действиях против врага.

г) Рейдирующие партизанские отряды пополняются за счет местного населения, в короткие сроки вырастая в 2—3 раза. Приток добровольцев в большинстве случаев ограничивается из-за недостатка вооружения и в отряды принимаются только те, кто имеет свое оружие.

д) Участились и принимают форму массового перехода, перебежки полицейских с оружием в руках на сторону партизан.

е) Рейдирующие отряды доносят о наличии огромных партизанских резервов по областям Украины.

В настоящее время в связи с наступлением Красной Армии осуществляется передислокация и рейды крупных партизанских отрядов в районы, имеющие жизненное значение для противника. Так, отряды Наумова, после проведения во взаимодействии с частями Красной Армии Сумской операции, передислоцированы в Кировоградскую область и вышли на правобережье Украины.

Отряды Мельника рейдируют в Киевскую область.

Отряды Попудренко перемещены в Черниговскую область.

Отряды Ковпака, находясь в движении, приближаются к западным границам Киевской области.

Отряды Сабурова в Житомирской области активизируют свою деятельность, усиливая воздействие на коммуникации противника.

6. Рост партизанских отрядов ограничивается недостатком вооружения, а боевая деятельность недостаточным количеством боеприпасов.

За период с 1.8.42 по 10.2.43 г. для партизанских отрядов Украины переброшено вооружение и боеприпасы при помощи 122 самолетовылетов (с выполнением и подтверждением задания № 102).

Дальнейшее форсирование партизанского движения на Украине наряду с другими средствами зависит также от увеличения самолетного парка дальнего действия для обеспечения украинских партизанских отрядов.

7. Центральным Штабом партизанского движения в связи с наступлением частей Красной Армии перед партизанскими отрядами были поставлены задачи, проведены и проводятся следующие мероприятия:

а) Передислоцирование с территорий РСФСР и БССР на Украину отрядов Ковпака и Попудренко.

б) Выделение из отрядов Емлютина (РСФСР) и Козлова (БССР) трех отрядов для самостоятельных операций на Украине.

в) Проведение больших рейдов украинских отрядов по территории Ровенской, Житомирской, Черниговской, Киевской, Кировоградской, Полтавской и Сумской областей.

г) Даны конкретные указания командирам отрядов по выводу из строя важных узлов и коммуникаций противника, приобретающих в связи с наступлением Красной Армии особое значение, а также о широком развертывании партизанского движения путем создания и насаждения новых партизанских отрядов и скрытых резервов.

Ряд перечисленных мероприятий включает в себя сосредоточение партизанских отрядов и усиление партизанского движения в западных областях Украины и на правом берегу Днепра.

8. Партизанское движение на Украине в связи с успешным наступлением Красной Армии находится на подъеме и требует усиленной помощи путем переброски боеприпасов действующим и вооружения для вновь создаваемых партизанских отрядов.

Повсеместный рост партизанских отрядов идет в основном за счет местного населения.

Повышение активности партизанских отрядов, выражающееся в увеличении числа уничтоженных фашистов, взорванных мостов, пущенных под откос эшелонов, свидетельствует о том что украинские партизаны, не ограничиваясь достигнутым, переходят к новым решительным схваткам с немецкими оккупантами в боях за честь и независимость Советской Украины.

П.ПОНОМАРЕНКО

Стар. пом. нач. Опер. Отдела Майор /Иволгин/

5.3.43 г.

Сов. секретно
экз. №...

ЭСТОНСКИЙ ШТАБ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ СВОДКА
о профашистских эстонских военных и националистических формированиях на территории Эстонской ССР

С конца 1941 года германские оккупационные власти и т. н. «Самоуправление» начали проводить добровольную и принудительную мобилизацию людских резервов, как в целях их непосредственного использования на советско-германском фронте, так и в германском тылу: для действий против партизан, охраны военных объектов, коммуникаций и т.д. Для этого создавались эстонские военные формирования, которые разделяются: на полицейские батальоны и на эстонские легионы и «Омакайтсе».

I. Полицейские формирования

В конце 1941 года немцы приступили к организации полицейских формирований, а в январе 1942 г. была объявлена первая добровольная мобилизация молодежи от 18—25 лет. Мобилизуемые должны были соответствовать всем требованиям приема, предъявляемым при вербовке в немецкие части СС. Из мобилизованных были сформированы батальоны: Нарвский, Тартуский, Вильяндский и другие. В ходе военных действий формировались также из более старших возрастов новые батальоны, из которых известны формированный в гор. Тарту весной 1942 года 36-ой полицейский батальон.

Кроме 36-го батальона, сформированы по имеющимся данным 2-й, 37-й, 39-й и 40-й батальоны.

Командирами батальонов и рот являлись немецкие офицеры, а также проверенные немецким командованием бывшие эстонские офицеры, многие из которых (1939—1941 г.) оптировались в Германию.

Командиром Нарвского батальона был майор Соодла, который сейчас назначен генеральным инспектором эстонских воинских частей. Командиром Вильяндского батальона — немецкий офицер обер-лейтенант Вульф, 36-го батальона — эстонские офицеры Рентер и Рипалу и т.д.

В случаях, когда командиром батальона назначался эстонский офицер — офицером связи при нем находился всегда немецкий офицер.

По социальному составу батальоны комплектовались в основном из бывших активных бандитов, из членов профашистских студенческих организаций, сверхсрочников буржуазной эстонской армии, полицейских пограничников и других.

Нарвский батальон весной 1943 г. участвовал в военных действиях на восточном фронте, где был разбит. Вильяндский батальон, в составе 180-ти человек, получил военную подготовку с января по февраль 1942 г. в гор. Риге, откуда последовал в район ст. Дно, где находился до конца марта 1942 года, выполняя охранную службу на дорогах и аэродроме, после чего был направлен в Лужский район против партизан.

Тартуский батальон был направлен в южные районы Ленинградской области. 36-ой полицейский батальон, в составе более 500 человек, был сформирован 14 апреля 1942 г. в гор. Тарту. После подготовки, 1-го августа был направлен в Белоруссию, в район Новогрудки для действий против партизан. Не имея успеха в действиях против партизан, якобы, из-за не-

достаточной подготовки, — батальон был в сентябре 1942 г. направлен в Донбасс, в район гор. Сталино для охраны лагеря военнопленных, а оттуда в ноябре 1942 г. отправлен на фронт в излучину реки Дон, где был полностью разгромлен.

38-й и 40-й эстонские батальоны в октябре месяце 1943 года находились в Ленинградской области, в составе 285 немецкой охранной дивизии.

Части 37-го батальона в октябре 1943 г. находились в районе Савино (ю.-в. гор. Псков).

II. Эстонский легион

В конце августа 1942 года генеральный комиссар Эстонии — Лицман издал приказ о создании эстонского легиона. Поступающие в легион должны отвечать всем требованиям приема в отряды СС, будучи в возрасте не старше 35-ти лет.

Военная подготовка легионеров происходит, главным образом, в Германии. 5-го октября 1942 г. в Германию был отправлен первый отряд эстонского легиона. Обучение проходило в районе Карпатских гор. В марте 1943 г. отряд принял присягу Гитлеру. На присяге присутствовали генеральный комиссар Эстонии — Лицман и начальник «Самоуправления» Эстонии — Мяэ и другие фашистские чиновники.

В конце марта 1943 года эстонский легион, представляющий собою моторизованное соединение и входящий в состав войск «СС», был направлен на северный участок восточного фронта.

По последним данным, эстонский легион в ноябре месяце с.г. находился в районе гор. Невель, где участвовал в боях против Красной Армии.

В мае месяце 1943 г. вышел первый номер еженедельной газеты эстонского легиона «Ринделехт» («Фронтовой листок») со статьей генерала Лицмана.

По официальным данным эстонских кругов «Самоуправления», численность эстонского легиона доходит до 15000 человек; но можно полагать, что в это число, кроме легиона, входят еще полицейские и карательные формирования. Из этого числа около 11000 человек участвуют в военных действиях на восточном фронте.

Оккупационными властями и органами «Самоуправления» периодически производилась дополнительная вербовка «добровольцев» в ряды эстонского легиона. В связи с каждой вербовкой, проводилась усиленная агитация к вступлению в эстонский легион. Семьям легионеров представлялись известные материальные льготы и привилегии.

После поражений немецкой армии зимой 1942—43 года на восточном фронте, вербовка стала принимать все более принудительный характер.

Так например, Таллинское радио от 9 марта 1943 г. сообщает:

«В комиссии по распределению рабсилы можно изъявить желание о вступлении в ряды эстонского легиона, или о желании участвовать во вспомогательных работах при войсковых частях. Нежелающие выполнять свой долг — будут привлекаться к ответственности и к тюремному заключению или посылке в трудовые лагеря».

В конце марта 1943 г. была объявлена мобилизация всех бывших эстонских офицеров. Так как к осени 1943 года профашистские резервы, пригодные для пополнения эстонского легиона, уже были исчерпаны, то оккупационные власти перешли к методу всеобщей мобилизации.

От 3-го по 10-е ноября 1943 года была объявлена мобилизация мужчин 1925 года рождения. Мобилизация не дала желаемых результатов — многие призывники уклоняются от мобилизации.

В итоге этой мобилизации удалось призвать не более 2500—3000 человек, которые будут проходить военную подготовку также в Германии. Последнее обстоятельство вызвало большую тревогу в народных массах и заставило выступить генерального инспектора Соодла с «успокоительной» речью по радио.

III. «Омакайтсе»

Немцы начали сколачивание добровольной военизированной организации «Омакайтсе» («Самозащиты») с первых дней оккупации Эстонии, по примеру бывшей эстонской буржуазной военизированной организации «Кайтселиит», подобно «Шюцкору» в Финляндии и СА в Германии.

«Омакайтсе» имеет целью активно бороться со всеми антигитлеровскими проявлениями, главным образом, с советски-настроенными лицами, коммунистами, партизанами и пр.

В последнее время руководители «Омакайтсе» стали вести пропаганду об участии «Омакайтсе» против частей Красной Армии, в случае приближения военных действий к границам Эстонии.

При организации «Омакайтсе» — туда вошли в первую очередь бандитские элементы, которые в начале военных действий нападали из-за угла на мелкие группы Красной Армии, убивали местных активистов, нарушали связь, подрывали мосты и т.д.

Отчасти эти группы ушли в подполье еще во время роспуска Кайтселиита, в июле 1940 г., и многие из них сохранили свою организационную форму.

Основное ядро «Омакайтсе» составляют зажиточные и кулацкие слои крестьянства, городской буржуазии, бывшего офицерства и госчиновников, отличавшихся все время контрреволюционным, антисоветским характером своей общественно-политической деятельности.

Кроме этих элементов, в ряды «Омакайтсе» вербуется некоторая часть рабочих и трудового крестьянства воздействием служебно-репрессивных мер со стороны администрации и местных органов власти.

Так например, рабочим предприятий, железных дорог и т.д. делаются со стороны администрации репрессивные предложения о вступлении в «Омакайтсе».

В отношении политически-отсталой части рабочих и крестьян ведется яростная националистическая пропаганда для вступления в «Омакайтсе» для борьбы с большевизмом, который, якобы, имеет целью выселить из Эстонии в Сибирь 700 тысяч эстонцев и т.д.

Кроме городов и промышленных предприятий, «Омакайтсе» сохранила структуру «Кайтселиита», т.е. члены «Омакайтсе» на хуторах и в деревнях по территориальным признакам образуют взводы, роты, отряды и батальоны (в волостном масштабе — рота, в уездном и городском масштабе — отряд или батальон).

Во главе городской или уездной организации находится уездный начальник «Омакайтсе», который подчиняется с одной стороны — немецкому окружному комиссару, а с другой стороны — начальнику «Омакайтса». Последний, в свою очередь, подчинен непосредственно немецкому генерал-комиссару Эстонии — Лицману.

По последним данным, начальником «Омакайтсе» Эстонии являлся майор Мере (бывший Мейер), начальником «Омакайтсе» уезда Сааремаа — капитан Кальдро, уезда Петсеримаа — подполковник Лехт, уезда Харьюмаа — Лепп, города — Тарту — капитан Нилэндер, уезда Пярнумаа — майор Роозилехт.

Все члены «Омакайтсе» вооружены по преимуществу — английскими винтовками, при взводах имеются пулеметы. Члены «Омакайтсе» обычно живут дома. Оружие находится при них, они периодически собираются на сборы в волостные и уездные центры. Кроме того, члены «Омакайтсе» несут дежурство в волостях и в наблюдательных пунктах за воздухом и движением на дорогах.

На крупных промышленных предприятиях военного значения организации «Омакайтсе» называются «Тээкайтсе» («Защита труда»). Члены «Тээкайтсе» охраняют заводы и предприятия, также несут службу по охране заключенных, работающих на этих предприятиях (напр. цементный завод «Кунда», сланцеперегонные заводы «Кивиыли», «Кохтла-Ярве» и т.д.).

В последнем случае члены «Тээкайтсе» освобождены от другой работы, находятся на казарменном положении, получают зарплату и квартиру за счет предприятия.

Задачей «Омакайтсе» является также выявление бывших активных советских работников, коммунистов и комсомольцев, работников милиции и НКВД и передача их в руки немецких властей.

Например, в уезде Тартумаа таким образом в первые дни оккупации были переданы в руки немецких властей более 1500 советских активистов.

Общее количество добровольцев «Смакайтсе» обоего пола достигало по последним официальным данным «Самоуправления» Эстонии — до 44 тысяч человек:

В связи с планами немецкого командования использовать людские резервы Эстонии при возникновении военных действий в районе Прибалтики, распоряжением директора внутренних дел «Самоуправления» Эстонии — Ангелуса, от 20 октября 1943 г. все мужское население оккупированной Эстонии от 19—46 лет проходило медосмотр в комиссиях «Омакайтсе». Способные к несению службы в рядах «Омакайтсе» зачисляются в организацию и проходят курс военного обучения без отрыва от работы.

Исходя из данных переписи населения 1934 г. и последующих событий (частичная мобилизация в ряды Красной Армии, эвакуация в тыловые районы СССР, количество павших во время военных действий 1941 года и т.д.) можно предполагать, что контингент мобилизуемых в ряды «Омакайтсе» мужчин достигает до 45—50 тысяч человек.

Таким образом — общая численность членов организации «Омакейтсе» будет около 90—95 тысяч человек (из них женщин не более 20 тысяч).

В последнее время на политические настроения в «Омакайтсе» оказывают большое влияние события на советско-германском фронте и эвакуация материальных ценностей из Эстонии.

В связи с поражением немцев на восточном фронте, среди некоторой части «Омакайтсе» усиливаются антигитлеровские настроения. Среди руководящих кругов «Омакайтсе» заметно усиление националистической пропаганды и ведутся разговоры: «Выгоним немцев, но будем сопротивляться Красной Армии».

«Найскодукайтсе» («Женская защита дома») является секцией «Омакайтсе». Имеет свою структуру и начальников — женщин. В ее функции входят хозяйственные работы, организация питания на маневрах и сборах, санитарная помощь, оказание помощи раненым и немцам и их семьям, и т.д.

IV. Националистические организации

Кроме вышеназванных военных формирований, в Эстонии организованы: «Ээсти Малева» — фашистский союз эстонской молодежи, «ЭРЮ» — «Взаимопомощь эстонского народа» и «Общество друзей эстонского легиона».

«Ээсти Малева» была малочисленной, но в последнее время вербовка молодежи в эту организацию усилилась.

В ее задачи входит воспитание молодежи в фашистском духе и оказание содействия хозяйственным и политическим мероприятиям оккупационных властей.

«ЭРЮ» проводит разные сборы деньгами и вещами в пользу германской армии, легионеров, их семей, родственников, репрессированных при советской власти лиц и т.д.

Также проводит сбор цветных металлов, утиля и пр. Сборы и «пожертвования» имеют принудительный характер. Председатель «ЭРЮ» бывший руководитель «Красного Креста» — доктор Лесмент.

«Общество друзей эстонского легиона» — ведет пропаганду к вступлению в легион и организует помощь легионерам.

Врид Нач. Эстонского Штаба
Партизанского Движения
Подполковник г/б (Штамм)

и.о. Нач. Разведотдела ЭШПД
ст. лейтенант — (Кузик)

№ 00643
3 декабря 1943 г.

Верно:

Конференция представителей Литовской генеральной области и ее решения

Гитлеровцы по радио передали, что 5.IV.1943 г. в г. Каунас состоялась конференция представителей, так называемой, литовской генеральной области.

Эта конференция была созвана гитлеровцами после того, когда объявленная тотальная мобилизация в Литве срывалась. Лица, подлежащие призыву в легион и строительные батальоны, от мобилизации стали скрываться. Уход населения в леса принял угрожающие для немцев размеры, так что репрессивных мер оказалось мало, чтобы этому воспрепятствовать.

Созывая эту конференцию немцы надеялись заручиться поддержкой литовских националистов и проводить свои мероприятия именем воли литовского народа.

Сейчас же, после созыва конференции, было издано распоряжение генерального советника Кубилюнаса об явке в литовские призывные комиссии мужского населения 1919—1924 гг. рождения. Офицеры, унтерофицеры и ефрейторы, состоявшие на действительной службе в литовской буржуазной армии и окончившие унтерофицерские школы до 45-ти лет, а офицеры до 65-ти летнего возраста должны пройти регистрацию с 16-го по 22-ое апреля 1943 г.

Надежда гитлеровцев на созыв конференции и ее решения провалились. На призывные пункты явилось такое незначительное количество населения призывного контингента, что немцы должны были продлить регистрацию и одновременно принять разные меры против уклоняющихся от регистрации и ушедших в леса. Родственники ушедших в лес арестовываются. В конце мая 1943 г. руководством СС был издан приказ запрещающий хождение населения в лес до отчистки лесов. По всей ЛССР проводится крупная операция по отчистке лесов от партизан и скрывающихся от призыва в армию.

Решения конференции прилагаются.

РЕЗОЛЮЦИЯ № I

После военной оккупации Литвы Красной Армией литовский народ был насильно включен в Советский Союз. В течении одного года большевистской власти литовский народ испытал горькие переживания. Тысячи литовских сынов и дочерей были убиты и брошены в тюрьмы и лагеря, десятки тысяч были сосланы в далекую Сибирь. После национализации были отняты земли и дома. Цветущая экономика Литвы была разрушена в основе. Литовская культура была уязвлена. Все что было литовско-национального было осквернено. Литовский народ, веками живший западно-европейской культурой и боровшийся в течении столетий против вторжения с Востока, особенно чувствует ту гигантскую опасность, которая грозила со стороны Союза Советских Социалистических Республик, опасность, которую создает незнающая преград и рвущаяся вперед волна материализма. Опасность большевизма, хотя и ослабленная Германской империей, все еще угрожает европейской культуре.

Литовская конференция, состоящая из представителей интеллектуальных, хозяйственных и рабочих кругов, учитывая эту опасность, постановляет:

1. Нарушив торжественно данное обещание Литовской республике сохранить целостность и независимость Литвы, нарушив второй параграф Литовско-Советского договора от 1928 г., Советский Союз 15 июня 1940 г. оккупировал Литву, фальсифицируя волю литовского народа, он с помощью Красной Армии включил литовскую территорию в СССР. Литовская конференция протестует против каких бы то ни было претензий Советского Союза, претензий относительно территории Литвы и против всяких попыток говорить от имени литовского народа. Ибо народный сейм не мог выразить и не выразил волю литовского народа, и заявляет, что литовский народ борется против большевизма и в настоящий момент порвал все связи с Советским Союзом навсегда.

2. Литовский народ, создавая свою настоятельную жизнь и культуру, всегда стоял лицом к западной Европе и полон решимости и впредь жить свободной жизнью западно-европейского сообщества.

3. Что литовский народ с самого начала войны добровольно вступивший в вооруженную борьбу против большевизма и всеми другими способами поддерживал активно эту борьбу, полон решимости и впредь принимать участие в этой гигантской борьбе, выполняя хозяйственные и личные обязанности для достижения победы над большевизмом.

4. Конференция констатирует, что литовский народ осознает грозящую опасность со стороны большевизма, и солидаризуется с народами западной Европы, приобщаясь активно к борьбе происходящей под руководством Великой Германской империи и этим послужит к осуществлению горячего стремления родины обеспечить свободу Литвы.

РЕЗОЛЮЦИЯ № 2

Конференция заслушав доклад об организации литовских национальных вооруженных сил, предъявляемые СССР претензии на Литву и опасность большевизма и проводимый призыв выполнить трудовую повинность в целях успешной борьбы с большевизмом постановляет, что организация литовских частей, руководимых литовскими офицерами на основе добровольничества является желательной.

РЕЗОЛЮЦИЯ № 3

Конференция выслушав доклад первого генерального советника о создавшемся положении заявляет, что литовский народ, включившись в борьбу против большевизма и боровшийся до сих пор всячески против него, полон решимости бороться против большевизма. Все литовцы призванные и призываемые отбывать работы военного значения призываются неотложно выполнить их.

После принятия решения конференции была послана приветственная телеграмма Гитлеру.

СЕКРЕТНО
экз. №__

Справка № 4

о дислокации изменнических формирований (РОА) установленных разведкой партизан с 1.1 по 1.10 1943 года

№№ пп	Наименование частей	Дата установ.	Кем установлено	Район дислокации	Числен. состав	Национальность сост.	Примечание
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	1 пп бр. Калининского	14.2	бр. ШПД	Пчела (34 км южн. Навля)	1100	н/уст.	Изм.
2.	2 пп -"-	28.2	ЦШПД	Бобрик (15 км юж. Локоть, ранее отмечался в р-не Навля)	—"—	—"—	—"—
3.	3 пп -"-	14.2	Бр ШПД	Навля	—"—	—"—	—"—
4.	4 пп -"-	—"—	—"—	Севск	—"—	—"—	—"—
5.	5 пп -"-	7.7	—"—	Тарасовка-Холмечь (зап. Локоть) ранее отмечался в Дмитриев Леговский	—"—	—"—	—"—
6.	4 бат. -"-	18.1	—"—	Локоть	—"—	—"—	—"—
7.	5 бат. -"-	28.1	—"—	Навля	750	—"—	—"—
8.	З/зпп -"-	15.6	—"—	Смелиж-Суземка	н/уст.	—"—	—"—
9.	2/1 пп -"-	—"—	—"—	Ст. Холмечь-Чухрай	—"—	—"—	—"—
10.	П/1пп -"-	28.7	ЦШПД	Чернь (15 км. с. Суземка)	—"—	—"—	—"—
11.	3 и 13 б-ны-"-	12.9.	БШПД	Бешенковичи	—"—	—"—	—"—
12.	Штаб бр. -"-	14.2	ЦШПД	Локоть	—"—	—"—	—"—

1	2	3	4	5	6	7	8
13.	Добр. п. Родионова-Риль	10.5	БШПД	Лужки/70 км ю.-з. Полоцк.	2800	—"—	—"—
14.	3 сд «РОА»	14.6	ЭШПД	Дятьково	н/уст.	—"—	—"—
15.	5 дик. див. «РОА»	5.8	ЦШПД	В движ. из Хотимск на Белынковичи	н/уст	н/уст	изм.
16.	273 обор. пп РОА	15.5	КШПД	Опочка	—"—	рус.	—"—
17.	1 пп СС РОА	17.5	БШПД	Лужки	1500	н/уст.	—"—
18.	Полк «РОА» Десна	15.5	ЦШПД	Навля-Алтухово	н/уст.	—"—	—"—
19.	198 и 273 пп «РОА»	10.6	КШПД	р-н Мозули-Опочка	до 3000	—"—	—"—
20.	1 пп «РОА»	10.7	БШПД	р-н Логойск-Докшицы	н./уст.	—"—	—"—
21.	1 зап. добр. пп. «РОА»	21.8	—"—	Бобруйск	2000	—"—	—"—
22.	193 пп «РОА»	26.6	—"—		н/уст.	—"—	—"—
23.	125 пп «РОА»	18.8	—"—	Алтухово-Кокоревка	2250	—"—	—"—
24.	9 кубанск. пп «РОА»	4.9	УШПД	Сарны	—"—	—"—	—"—
25.	3 Донск. п. «РОА»	4.9	—"—	Сарны	—"—	—"—	—"—
26.	700 пп «РОА»	26.8	—"—	р-н Минск	—"—	—"—	—"—
27.	82 б-н «РОА»	15.5	ЦШПД	Навля «Алтухово»	—"—	—"—	—"—
28.	623 и 723 б-ны РОА	25.5	КШПД	Городок	—"—	—"—	—"—
29.	1,2 и 4 б-ны «РОА»	23.6	БШПД	Червень	по 800	—"—	—"—

1	2	3	4	5	6	7	8
30.	16 рез. б-н «РОА»	17.6	ЛШПД	Пожеревицы (14 км ю. з. Дедовичи)	600	—"—	—"—
31.	Гв. марш. б-н РОА	29.6	КШПД	Остров	650	—"—	—"—
32.	624, 634 б-н «РОА»	10.7	БШПД	Ветрино (ю. з. Полоцк)	—"—	—"—	—"—
33.	432 б-н РОА	13.7		р-н Осиповичи	184	—"—	—"—
34.	603 б-н РОА	1.6	КШПД	Логуны (17 км с. з. Полоцк)	н/уст.	н/уст.	изм.
35.	533 арт. б-н «РОА»	16.8	ЦШПД	Середина Буда	—"—	—"—	—"—
36.	6 б-н РОА	24.8	КШПД	Моршавицы (40 км с. з. Новоржев)	—"—	—"—	—"—
37.	322 б-н кав. РОА	19.8	БШПД	р-н Плюсса	—"—	—"—	—"—
38.	46, 47 и 48 б-н РОА	6.9	БШПД	р-н Минск	—"—	—"—	—"—
39.	115 б-н «РОА»	—"—	УШПД	Киев	—"—	—"—	—"—
40.	118 б-н «РОА»	—"—	—"—	Чернигов	—"—	—"—	—"—
41.	Б-н 1 тд РОА	15.9	См.ШПД	Клетня	—"—	—"—	—"—
42.	7 добр. д.	13.1	См.ШПД	Р-н Майкоп-Нефтегорск	—"—	—"—	—"—
43.	Терская каз. бр.	25.5	КШПД	Городок	—"—	—"—	—"—
44.	4 кп	2.2	БШПД	Калинковичи (120 км ю. з. Гомель)	—"—	—"—	—"—
45.	3 и 9 каз. п.	1.3	КШПД	н-р Невель Витебск	по 1000	поляки, украин., казаки	—"—

1	2	3	4	5	6	7	8
46.	102 каз. п.	16.2	—"—	Могилев	н/уст.	н/уст.	—"—
47.	600 каз. п.	3.6	БШПД	Полоцк	2000	—"—	—"—
48.	503 каз. п.	13.6	Юж. ШПД	Варениковская	900	казаки	—"—
49.	6 п. вольн. казачеств.	8.8	ЦШПД	Писаревка (50 км южн. Трубчевск)	н/уст.	н/уст.	—"—
50.	10 каз. п.	15.9	БШПД	Пинская обл.	—"—	—"—	—"—
51.	631 каз. б.	24.4	КШПД	Межа (50 км ю. в. Невель)	—"—	—"—	—"—
52.	443 каз. б.	12.5	—"—	Пустошка	280	—"—	—"—
53.	622, 623, 625, 636, 627, 630, 639 каз. б-ны	9.6	КЦШПД	р-н Городок	по 500	н/уст.	изм.
54.	экс. воль-ного казачества	7.7	БШПД	Жихов	—"—	—"—	—"—
55.	443 каз. б-н	4.8	КШПД	Мельница (14 км с. в. Пустошка)	—"—	—"—	—"—
56.	11 каз. Кубань. полк	10.8	БШПД	Брест-Ковель	—"—	—"—	—"—
57.	201 каз. эскадр.	17.6	КШПД	свх. Бононь (15 км зап. Полоцк)	—"—	—"—	—"—
58.	Украин. б-н	14.1	ЦШПД	Есмань (15 км с. в. Глухов)	300	—"—	—"—
59.	615 б-н д. Десна	13.6	БШПД	Гололобово-Ровны (25 км южн. Брянск)	н/уст.	—"—	—"—

1	2	3	4	5	6	7	8
60.	840 б-н Сев. кав.	24.8	КШПД	Маршавицы (40 км с. з. Новоржев)	—"—	—"—	—"—
61.	46 фрейстерск. полк	—"—	—"—	Пальцево (14 км с. з. Опочка)	—"—	—"—	—"—

Итого учтено: Ориентировочная числ. 110.850

1. Изменнич. Д — 3
2. —"— Бриг. — 2
3. —"— полк. — 31
4. —"— б-нов — 39

Итого: 75 единиц.

Пом. нач. Развед. отдела ЦШПД
Лейтенант

(ТОПОРКОВ)

« » ноября 1943 года

Листовка Главного политического управления Красной Армии № 35

20 июля 1943 г.

Русские люди, силой и обманов загнанные в преступные отряды Власова, к Вам мы обращаем наше слово!

Знаете ли Вы, кто такой Власов?

Власов — подлец и предатель, продавшийся немцам еще в 1937—1938 годах. Власов был активным участником подлой шайки троцкистов, — врагов советского народа, ведший тайные переговоры с немцами и японцами о продаже им Советской Украины, Белоруссии, Советского Приморья!

В 1941 году под Киевом подлый негодяй Власов сдался в плен немцам, завербовался как шпион и провокатор. На Волховском фронте немецкий шпион Власов по заданию немцев завел в окружение к ним части Второй Ударной Армии, загубил тысячи советских людей, а сам перебежал к своим хозяевам — немцам.

Подлый фашистский холуй, прожженный шпион и изменник Родины — вот, кто такой Власов!

Немецкие мерзавцы заливают кровью нашу Родину, убивают, насилуют наших матерей и жен, насильно угоняют советских людей на рабский каторжный труд в Германию, а фашистский холуй Власов называет этих извергов и палачей друзьями и освободителями русского народа! Вот почему немцы поднимают на щит Власова и помогают ему сколотить несколько отрядов, силой и обманом загоняют Вас, русских людей, в эти преступные шайки!

Порывайте же скорее, русские люди, с презренными немецкими холуями — Власовым и кучкой его приспешников! Переходите на сторону Красной Армии! Действуйте скорее, завтра может быть будет поздно!

Войска Красной Армии, сорвав немецкое наступление на Орловско-Курском и Белгородском направлениях, развернули успешное наступление севернее и восточнее г. Орла. Близится час, когда Красная Армия перейдет в решительное наступление по всему фронту. Не раз уже битая нами гитлеровская армия будет окончательно разгромлена и вместе с ней будут уничтожены и те, кто вольно или невольно ей помогал, находясь в преступных отрядах Власова.

Тот же, кто случайно уцелеет, предстанет перед суровым судом народным как пособник немецких палачей!

Пока не поздно, переходите к нам! Мы дадим Вам возможность с оружием в руках доказать свою верность Родине! Переходите к нам!

Смерть презренному предателю Власову, подлому шпиону и агенту людоеда Гитлера!

Смерть немецким оккупантам!

Командование Красной Армии

ЦАМО РФ. Ф. 427. Оп. 10510. Д. 118. Л. 352—352 об.

Документы штаба 33-й советской армии о появлении на фронте 1-й дивизии РОА

А. ИЗ ЖУРНАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 33-Й АРМИИ

13—14 апреля 1945 г.

(...) До 7.20 утра 13.4.45 г. противник вел мощный артиллерийский и минометный огонь, главным образом, обстреливая плацдарм южнее ФЮРСТЕНБЕРГ.

Авиация противника парами и одиночными самолетами в полосе армии вели разведку и бомбометание в районах ГЕППЕН, КУНЕРСДОРФ.

В 7.20 13.4.45 г. противник после мощной артиллерийской подготовки атаковал подразделения 119 УР силою до двух батальонов с двух направлений — роща южнее ФЮРСТЕНБЕРГ и севернее отм. 30,7. Завязался упорный бой. Подразделения 16 ОПАБ встретили противника огнем из всех видов стрелкового оружия. Бой вскоре перешел в рукопашную схватку. После продолжительного и упорного боя, атака противника в роще южнее ФЮРСТЕНБЕРГ была полностью отбита с большими для врага потерями. Бой в районе севернее отм. 30,7 принял несколько иной характер. Противник дополнительно бросил на поддержку своей атакующей пехоте 12 танков и несколько самоходных орудий и в результате противнику двумя взводами удалось ворваться в первую линию наших траншей и взять временно под контроль переправу на плацдарм. Бой продолжался до исхода дня 13.4.45 г. (...)

(14.4.45) Ворвавшийся вчера противник в первую траншею 415 ОПАБ 119 УР сегодня после короткого удара был выбит и с большими потерями для него (...)

Б. ИЗ РАЗВЕДСВОДКИ № 100 ШТАБА 33-Й АРМИИ

14 апреля 1945 г.

(...) Пленные 2 роты 1603 гр[енадерского] п[олка], приданного 600 пд РОА на допросе показали:

Дивизия сформирована в период с 1.12.44 по 10.2.45 г. в МЮНЗИНГЕНЕ (45 км юго-восточнее ШТУТТГАРТ) в составе трех пехотных и артиллерийского полков, разведотряда, батальона связи, саперного батальона. Формирование происходило под командованием немецких офицеров из бывших русских военнопленных и мобилизованных в оккупированных районах. 10.2 в честь окончания формирования дивизии и передачи ее Власову в МЮНЗИНГЕН состоялся парад, на котором участвовали две дивизии. Генерал-лейтенант Власов принимая дивизию от генерал-лейтенанта Кеотрен (так в тексте, правильно: генерал кавалерии Кестринг), указывал, что он принимает две дивизии — 600 и 605 пд, из которых формирование 605 пд еще не закончено (речь идет о 650-й пехотной дивизии — 2-й дивизии РОА).

В период с 11 по 28.3 дивизия пешком порядком и по железной дороге переброшена в район юго-западнее ФЮРСТЕНБЕРГ и сосредоточена в лесу западнее ДИЛО, западнее МЕБИСКРУГЕ.

Дивизия подчинена 9 армии.

До 10.4 1/1603 гр[енадерский] п[олк] занимался отрыванием окопов в лесу западнее МЕБИСКРУГЕ и боевой подготовкой.

В 1603 гр[енадерском] п[олку] три батальона по три стрелковых и пулеметной роте в каждом, во второй роте 135 человек, 9 ручных пулеметов.

12.4 2 рота 1603 гр[енадерского] п[олка] была придана 2 батальону предположительно 1602 гр[енадерского] п[олка] для участия в атаке в районе севернее отм. 30,7. Командир этого батальона, ставя задачу на атаку, указывал, что из района СТАД (южнее ФЮРСТЕНБЕРГ) должны атаковать подразделения одного из полков этой дивизии с задачей — одновременной атакой выбить русских с западного берега р. Одер южнее ФЮРСТЕНБЕРГ и после подхода немецких подразделений, обороняющихся на этом участке, отойти обратно.

Солдатам зачитывались и сами пленные видели приказы по 1603 гр[енадерскому] п[олку] 600 пд. Ранее зачитывались приказы, по которым полк принадлежал 1 дивизии РОА.

Командир 1603 гр[енадерского] п[олка] подполковник Александров.

Штаб дивизии в лесу 10—11 км, западнее МЕБИСКРУГЕ, солдаты 9 и 11 апреля в штабе видели Власова, который вызывал их к себе на беседу (...)»

ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8714. Д. 134. Л. 177.

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Великогермании и Председателем Комитета Освобождения Народов России, генерал-лейтенантом А. А. Власовым

Правительство Великогермании, в лице Министерства Иностранных Дел, заключает с Председателем Комитета Освобождения Народов России, генерал-лейтенантом Власовым нижеследующее соглашение:

1.) Правительство Великогермании предоставляет в распоряжение Комитета Освобождения Народов России необходимые для освободительной борьбы против совместного врага, большевизма, денежные средства в форме кредита.

2.) Для этой цели в Главной Государственной Кассе открывается счет на имя Комитета Освобождения Народов России.

В дебет этого счета предоставляются необходимые суммы из государственных средств для непосредственных финансовых нужд Комитета Освобождения Народов России.

Решение об определении размера кредита Правительство Великогермании оставляет за собой.

3.) Председатель Комитета Освобождения Народов России назначает финансового уполномоченного с правом подписи, который распоряжается предоставляемыми денежными средствами и является ответственным за финансовое хозяйство Комитета Освобождения Народов России.

4.) Комитет Освобождения Народов России обязуется возместить предоставленный ему кредит из русских ценностей и активов, как только он будет в состоянии располагать таковыми. Впрочем, в отношении погашения кредита и нарастания процентов предположено впоследствии заключить соответствующие соглашения.

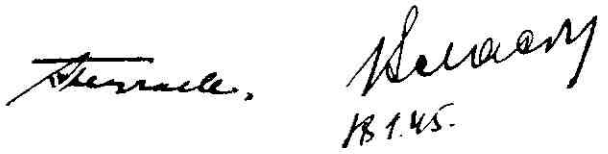
5.) Это соглашение вступает в силу 1-го декабря 1944 года с обратным действием.

Изготовлено в двух подлинниках, на немецком и русском языках, в Берлине, 18-го января 1945 года.

За Министерство Иностранных Дел:

За Комитет Освобождения Народов России.

Quelle: Politisches Archiv des Auswartigen Amter Bonn, Handelspolitische Abteilung betr. Ostland-Generalia, HAPol., Dd 21/7.

МАНИФЕСТ КОМИТЕТА ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших народов, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освободительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливает кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решавшиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим -- не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народов свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилием, террором и подкупом сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных материальных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к сопротивлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и недопускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков в эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение трудящимися действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия, ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего чем в революцию 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Вийска, Казачьих войск и национальных частей;

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит *в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков.* Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть и наши усилия. *Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе.* Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас миллионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и к борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года

Потери соединений СССР и Германии

	Имелось на 22.6.41 г. и офор. в годы войны на сов-герм. фронте			Разгромлено, уничтожено, пленено			
	Дивизий	Бригад	Расчетных дивизий	Дивизий	Бригад	Расчетных дивизий
СССР	661	794	1058	297	85	339,5
Германии[1]	561	85	603,5	474	68	508[2]
Союзники Германии	141	60	171	101	35	118,5
Всего Германия и ее союзники	702	145	774,5	575	103	626,5
Соотношение количества соединений СССР и Германии с союзн.	0,94:1	5,48:1	1,37:1	0,52:1	0,83:1	0,54:1
Соотношение количества соединений СССР и Германии	1,18:1	9,34:1	1,75:1	0,63:1	1,25:1	0,69:1

[1] С учетом 250-й пехотной дивизии (исп.) и испанского легиона, приравниваемого к бригаде.
[2] Без учета количества капитулировавших немецких соединений в мае 1945 г.

Безвозвратные людские потери вооруженных сил стран — союзниц Германии на советско-германском фронте
с 22.6.1941 г. по 9.5.1945 г.

Виды потерь	Страны и их потери					
	Венгрия 41—45 гг.	Италия 41—43 гг.	Румыния 41—44 гг.	Финляндия 41—44 гг.	Словакия 41—44 гг.	Всего
Безвозвратные потери (Всего)	809066[1]	92867	475070[1]	84377	6765	1468145
В том числе:						
— убито, умерло от ран и болезни, пропало без вести и небоевые потери	295300	43910	245388	82000	1565	668163
— попало в плен	513766	48957	229682[2]	2377	5200	799982
из них: — умерло в плену	54755	27683	54612	403	300	137753
— вернулось на родину	459011	21274	175070	1974	4900	662229

[1] В число безвозвратных потерь Венгрии и Румынии включены лица, призывавшиеся в Венгерскую армию из Северной Трансильвании, Южной Словакии и Закарпатской Украины, а в Румынскую армию — молдаване.
[2] В том числе 27800 румын и 14515 молдован были освобождены из плена непосредственно фронтами.

Безвозвратные людские потери вооруженных сил Германии[1] и армий ее союзников на советско-германском фронте
с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. (в тыс.)

Виды потерь	Вооруженные силы Германии	Армии Венгрии, Италии, Румынии, Финляндии, Словакии	Всего
1. Безвозвратные потери	7181,1 (83%)	1468,2 (17%)	8649,3 (100%)
В том числе: убито, умерло от ран и болезни, пропало без вести, небоевые потери	3604,8 (84,4%)	668,2 (15,6%)	4273,0
— попало в плен	3576,3 (81,7%)	800,0 (18,3%)	4376,3
В том числе: — умерло в плену	442,1 (76,2%)	137,8 (23,8%)	579,9
— вернулось из плена	2910,4[2](81,5%)	662,2 (18,5%)	3572,6
2. Демографические потери (за вычетом вернувшихся из плена)	4270,7 (84,10)	806,0 (15,9)	5076,7 (100%)

[1] Приведены сведения, уточненные по дополнительным материалам.
[2] Без военнопленных из числа граждан СССР, служивших в вермахте.

Оглавление

Введение 5
Что такое «Коллаборационизм?» Что пишут историки об оккупации и коллаборационизме 11

Глава первая. Национально-политическое положение в Европе между двумя мировыми войнами 24
Народы Европы между фашизмом и антифашизмом 24
Обострение проблемы национальных меньшинств 37
Угнетение нацменьшинств в Румынии, Венгрии и Австрии 41
Великодержавная политика правящих кругов Польши 44
Национальные противоречия в Чехословакии 45
Очаги национальных противоречий в Западной Европе 47
Взаимные переселения 52
Переселения немцев 53
Экспансионистские планы Гитлера в Европе 56
План «Барбаросса». Генеральный план «Ост» для Советского Союза. Мечты и реальность 72
Тревожные годы в Советском Союзе 87
В лагере украинских националистов 103

Глава вторая. Роль местных националистов в поддержке германской агрессии и расчленении оккупированных стран 131
Начало Второй мировой войны 131
Мирная агрессия 139
Чехословакия — жертва Мюнхена 143
Сентябрьская катастрофа в Польше 146
Дания и Норвегия — очередные жертвы агрессии 148
Страны Бенилюкса капитулировали 150
Капитуляция Франции 152
Курс вермахта на Югославию и Грецию 157
Расчленение и аннексия 158
Очередной раздел Польши 160
Раздел Чехословакии 174
Раздел Югославии 177
Агрессия против Греции 183
Оккупанты делят Францию 186
Требования Италии к Франции 189
Вагон в Компьенском лесу 190
Перемирие с Италией 193
Демаркационная линия 194
Вторжение в неоккупированную Францию 198
Деятельность комиссий по перемирию 200
Расчленение оккупированной территории СССР 202
Оккупационная администрация в Греции 211

Глава третья. Коллаборационисты как резерв оккупантов в образовании марионеточных правительств и органов самоуправления 219
Непосредственное оккупационное управление 219
Как оккупанты управляли Францией 225
Самоуправление по-немецки на советской территории 228
Марионетки у власти в Чешских землях 239
Венгерская оккупация Южной Словакии и Закарпатья 246
Тешинская проблема 252
Словацкое государство 253
Марионеточные правительства в Югославии 257
Марионеточные правительства в Греции и Албании 269
Правительство Виши во Франции 270
Рейхскомиссариаты Бельгия и Нидерланды 281
«Германская идея» в Дании и Норвегии 287

Глава четвертая. Блок Германии и стран-сателлитов как проявление военно-политического коллаборационизма 299
Италия 300
Венгрия 307
Румыния 314

Глава пятая. Коллаборационизм и национальные отношения в оккупированной Европе 322
«Разделяй и властвуй!» 322
Национальные проблемы в Польше 322
Использование и разжигание национальных разногласий в Югославии 328
Кто такие «усташи» 330
Итало-германские разногласия 332
Национальная политика в Сербии 333
Оккупация и раздел Македонии 336
Болгарская оккупационная администрация в Македонии 340
Ассимиляция македонцев 341
Итальянская и албанская оккупация Македонии 344
Восстановление немецкой оккупации в Западной Македонии 345
Национальная проблема в Чешских землях 347
Национальные движения в Венгрии 349
Граждане второго сорта во Франции 350
Проблема Эльзаса и Лотарингии 352
Депортация населения 356
Политика «кнута и пряника» 358
Бретонская проблема 360
Деятельность бретонских сепаратистов 362
Национальные проблемы в Бельгии 363
«Скандинавская солидарность» 372
«Зеленая папка» для Советского Союза 373
«Пятая колонна» марширует 389
Польша 391
Немецкие колонисты в СССР 395

Югославия . . . 396
Румыния . . . 400
Венгрия . . . 402
Чехословакия . . . 406
Бельгия . . . 409
Дания . . . 410

Глава шестая. Коллаборационизм и вооруженная борьба . . . 414
Вооруженные силы союзников Германии . . . 414
Трагедия военного плена . . . 452
Изменники Родины или Жертвы войны . . . 459
«Третья сила», или Детище вермахта . . . 474
Обстановка на Западной Украине . . . 485
Вооруженная борьба УПА . . . 497
Программные цели ОУН . . . 518
Прекращение вооруженной борьбы. Проблема реабилитации . . . 523
Вооруженная борьба на территории Балтии . . . 524
Вооруженная борьба ЛОА . . . 525
Контрпартизанские действия оккупантов и коллаборационистов . . . 529

Глава седьмая. Участие коллаборационистов в проведении фашистского террора . . . 552
Холокост . . . 558
Операция «Мрак и туман» . . . 576
Польша . . . 581
Советский Союз . . . 585
Югославия . . . 590
Франция . . . 591
Бельгия . . . 593
Норвегия . . . 593
Австрия . . . 594
Чехословакия . . . 596
Дания. Нидерланды. Люксембург . . . 599
Заложничество . . . 602

Глава восьмая. Коллаборационизм в области экономики и социальных проблем в оккупированных странах . . . 610
Угон иностранной рабочей силы и ее использование в экономике Германии . . . 644
Эксплуатация национальных богатств и финансовый грабеж . . . 658
Уничтожение материальных ценностей . . . 667
Голод . . . 678
Дети — жертвы террора . . . 681
«Кнут и пряник» . . . 683
Насильственные переселения . . . 686

Глава девятая. Коллаборационизм в области культуры и науки . . . 697
Расхищение культурных ценностей . . . 733

Глава десятая. Коллаборационизм и позиция нейтральных стран . . . 749
Турция . . . 752
Швеция . . . 758
Швейцария . . . 764
Испания . . . 767
Португалия . . . 774

Глава одиннадцатая. Преступления коллаборационистов народами не забыты! . . . 777
Преступления и наказание коллаборационистов в СССР . . . 777
Нюрнбергский процесс . . . 786
Наказание коллаборационистов в странах Восточной Европы . . . 790
Наказание коллаборационистов в странах Западной Европы . . . 799

Заключение . . . 815

Приложения . . . 817

М.И.СЕМИРЯГА
КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ.
Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны.

Художественное оформление *А.Сорокин*
Компьютерная верстка *Н. Мерзляков*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 27.06.2000.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ. л. 54.0 +2,5 вклейки. Уч.-изд.л. 64,0. Тираж 2000.
Заказ № 629

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д.4, корп.1. Тел. 181-01-71.
Тел. 181-34-57 (отдел реализации).

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6